

М. БОРОДКИНЪ.

Членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества.

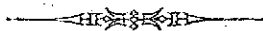
ИСТОРІЯ ФИНЛЯНДІИ.

— V —

ВРЕМЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

284 иллюстраціи и одна карта.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія
1915.

ИСТОРИЯ ФИНЛЯНДИИ.

И 276
83

М. БОРОДКИНЪ.

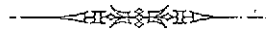
Членъ ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Историческаго Общества.

ИСТОРИЯ ФИНЛЯНДИИ.

ВРЕМЯ
ВРЕМЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

284 иллюстраціи и одна карта.

ПЕТРОГРАДЪ.
Государственная Типографія.
1915.

56905-45

2007065988

«Исторія и потомство должны воздвигнуть Вашему Императорскому Величеству памятникъ, достойный безсмертныхъ и неисчислимыхъ благодѣяній, оказанныхъ нашему высшему отечественному святилищу наукъ».

Изъ адреса Александровскаго университета отъ 7—19 июня 1832 г.

«Смѣло могу увѣрить Ваше Императорское Величество, что минувшія 25 лѣтъ были годами благоденствія и процвѣтанія сей страны... Финляндцы свято хранятъ и передадутъ потомкамъ своимъ драгоцѣнное воспоминаніе о сихъ счастливыхъ годахъ».

Всепод. отчетъ. Сб. Имп.
Р. И. Общ., т. 98, стр. 627.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе.	I—XXV
I. Вѣнчаннй Рыцарь—Повелитель Имперіи.	1—51
Воспитаніе Вел. Кн. Николая Павловича. Ламздорфъ. Одертъ Грипенбергъ. Безцарствіе. Роковой день 14 декабря 1825 г. Финляндія присягаетъ Константину Павловичу. Легенда о сена- торѣ. Присяга финляндцевъ Императору Николаю I. Легенда о графѣ Ребиндерѣ. Адресъ Сената. Декабристы въ финлянд- скихъ крѣпостяхъ. Наслѣдіе Александра I. Установленіе нѣкоторой общественной самодѣятельности. Личный починъ Николая Павловича въ важнѣйшихъ реформахъ его царствованія: по желѣзнодорож- ному строительству, по улучшенію денежнаго обращенія, по Своду Законовъ и Полному Собранію законовъ, по крѣпост- ному праву. Военное дѣло. Университеты. Цензура и лите- ратура. Безвольное общество.	
II. А. А. Закревскій. Финляндскія войска.	52—107
Изъ біографіи А. А. Закревскаго. Пріѣздъ его въ Финляндію. Привѣтствіе Сената. Поѣздка по краю. Переписка А. Закрев- скаго съ Ребиндеромъ о взаимныхъ отношеніяхъ генераль- губернатора и министра статсъ-секретаря. Письмо Ребиндера прокурору Валлену. Отношенія А. Закревскаго къ Сенату, губернаторамъ и др. Закрытіе въ Финляндіи масонскихъ ложъ. Отношеніе А. Закрев- скаго къ евреямъ. Л.-Гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ. Походъ баталіона въ Польшу 1831—1832 г. Кадетскій корпусъ.	
III. Годы испытаній.	108—146
Пожаръ г. Або въ 1827 г. Заботы о пострадавшихъ. Перенесеніе университета въ Гельсингфорсъ. Переписка объ этомъ между А. Закревскимъ и Ребиндеромъ. Печаль абосцевъ. Корыстныя побужденія гельсингфорсцевъ. Открытіе занятій университета въ Гельсингфорсѣ. Постройка университета по проекту Энгеля. Мнѣніе Клинковстрема о зданіи университета. Доходы университета и дары ему. Освященіе университета въ 1831 г. Адресъ университета Государю. Новый университетскій уставъ 1828 г. и введенный имъ порядокъ. Университетская жизнь: проводы Вассера. Разслѣдованіе дѣла Авцеліуса. Его ссылка въ Вятку и водвореніе въ Лифлянд- ской губ. Поведеніе студентовъ. Нарушеніе православнаго пасхальнаго богослуженія въ 1831 г. Студенческія выходки. Посѣщеніе Николаемъ I Финляндіи въ 1830 г. Возведеніе За- кревскаго въ графское достоинство. Холера 1831 г. (1848 и 1853 гг.). Сальминскія звѣрства. Голодъ 1832 г.	

IV. Слѣна генераль-губернаторовъ и мѣръ чиновниковъ. . . 147—196

А. Закревскій—Министръ Внутреннихъ Дѣлъ. Неудовольствіе Государя. Записка Закревскаго о причинахъ его отставки. Увольненіе А. Закревскаго. Отношенія финляндцевъ къ Закревскому. Заботы его о финляндцахъ. Къ характеристикѣ личности Закревскаго.

Изъ біографіи кн. А. С. Меншикова. Воспоминанія о немъ шведа. Начало служебной карьеры князя. Его дружеская переписка съ Закревскимъ. Взглядъ Александра I на кн. Меншикова.

Назначеніе кн. Меншикова въ 1831 г. генераль-губернаторомъ Финляндіи и первое посѣщеніе имъ края. Колебанія кн. Меншикова въ рѣшеніи важныхъ дѣлъ.

Канцелярія генераль-губернатора. Власть генераль-губернатора.

Статсъ-секретаріатъ и русскіе чиновники въ его составѣ. Характеристика выдающихся финляндскихъ чиновниковъ: Клиновострема, К. Валлена, Фалька, Рихтера, Витте, барона Котена.

Поднесеніе финляндцами кн. Меншикову майората Анъяла. Посѣщеніе Финляндіи Императоромъ и Императрицей въ 1833 г.

V. Л. Г. фонъ Гартманъ и экономическій ростъ края . . . 197—265

Изъ біографіи Гартмана.

Переписка Гартмана съ кн. Меншиковымъ.

Таможенный вопросъ. Туманное пятно. Ростъ таможенныхъ доходовъ.

Финансовая реформа. Энергія Гартмана.

Банкъ.

Финская природа и финское населеніе по описанію Рунеберга.

Торпарскій контрактъ. Крѣпостные люди. Мѣры, содѣйствовавшія увеличенію матеріальнаго благосостоянія.

Сайменскій каналъ.

Начало и развитіе пароходства.

Торговый флотъ.

Финскій морской экипажъ.

VI. Выборгская губернія 266—295

Проектъ гр. Ребиндера о возвращеніи Выборгской губерніи. Заключеніе прокурора Сената Валлена. Мнѣніе сенаторовъ. Представленіе дѣла Государю.

Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ А. Закревскаго, о дарованіи владѣльцамъ **донаціонныхъ земель** фрельзовыхъ правъ.

Борьба барона Петра Фредерикса съ Сенатомъ.

Недовольство среди крестьянъ положеніемъ 1826 г. Безпорядки и волненія среди нихъ.

Собраніе владѣльцевъ **донаціонныхъ земель** у гр. Ребиндера.

VII. Швеція 296—325

Поездка Императора Николая I и Наслѣдника въ Стокгольмъ 1838 г.

Настроеніе шведскаго общества и печати. Отношенія ихъ къ Россіи.

Пріѣздъ кронпринца Оскара въ 1846 г. въ Россію.

Исторія Русско-Норвежскаго разграниченія. Командировка В. Галямина. Переписка между петербургскимъ и стокгольмскимъ кабинетами. Стокгольмская конференція. Закрытіе границы. Отзывы финляндской печати по вопросу о Варангеръ-фіордѣ.

Возникновеніе и развитіе **скандинавизма.**

- VIII. Въ области законовъ** 326—353
- Конституція. Отношеніе Николая Павловича къ конституціи.
Записки, поданныя кн. Меншикову. Отношеніе финляндцевъ къ вопросу о сеймѣ.
Положеніе о Рыцарскомъ Домѣ.
О кодификаціи. Записка о необходимости введенія въ областяхъ Имперіи русскихъ органическихъ законовъ. Основы финляндской кодификаціи. Гр. Д. И. Блудовъ. Ревизіонный Комитетъ. Дѣятельность Валлена. Мнѣніе кн. Меншикова. Новая инструкция.
Учрежденіе Выборгскаго гофгерихта въ 1839 г.
- IX. Пробужденіе національнаго самосознанія** 354—400
- Записка Як. Тенгстрема. Разлученіе Финляндіи со Швеціей.
Эдласт Лекротъ. Его хожденіе по Кареліи. Калевала. Значеніе народнаго эпоса для національнаго пробужденія.
Финское литературное общество.
Шегренъ, М. Кастрень и Готлундъ.
І. В. Снельманъ. Его миссія. Изъ его біографіи. «Субботники». Студенческія землячества. Пробужденіе Снельманомъ интереса къ финскому языку. Программное письмо Снельмана. Ученіе Снельмана о государствѣ.
Газета Снельмана «Сайма». Публицистическая дѣятельность Снельмана. «Семь спящихъ дѣвъ». О шведоманствѣ и финноманствѣ. Мнѣніе финляндцевъ о «Саймѣ». Особое мнѣніе Арнеля и Нервандера.
Фридрихъ Сигнеусъ. Чествованіе памяти Портана. Вліяніе ораторской каедры на развитіе національной идеи.
Шведская оцѣнка финскаго движенія.
- X. Молодая Финляндія. Два теченія финляндской мысли. . .** 401—444
- Израэль Вассеръ. Полемика его съ Арвидсономъ о политическомъ положеніи Финляндіи. Вниманіе кн. Меншикова и Гартмана къ брошюрамъ Арвидсона. Мнѣніе нѣкоторыхъ финляндцевъ о поднятомъ спорѣ. Признанія Арвидсона. Перенесеніе спора въ западную литературу, съ цѣлью поднятія общественнаго мнѣнія противъ Россіи.
Идеалистическія стремленія Вассера. Заботы Вассера о поднятіи культурнаго значенія Финляндіи на сѣверѣ.
Преклоненіе Вассера передъ личностью и политикой Николая І.
Піэтизмъ. Его возникновеніе. Піэтизмъ въ отчетахъ высшихъ властей. Причина успѣха этого религіознаго движенія. Вліяніе піэтизма на національное пробужденіе. Пааво Руотсалайнень. Генрихъ Ренквистъ. Пасторы, примкнувшіе къ піэтизму. Піэтизмъ среди студентовъ. Л. Стенбекъ.
Юбилей лютеранства.
- XI. Умственная и общественная жизнь края. Гельсингфорсъ. .** 445—503
- Среднія учебныя заведенія. Школы Эдв. Бергенгейма и Одерта Гриппенберга.
Новый школьный уставъ 1841 г.
200-лѣтній юбилей Александровскаго университета 1840 г.
Объѣдъ русско-финляндскихъ писателей. «Альманахъ въ память 200-лѣтняго юбилея». Полемика о промоціи.
Профессоръ І. Я. Нордстремъ и его переѣздъ въ Швецію.
Наслѣдникъ Цесаревича Александръ Николаевичъ въ Финляндіи 1842 г.
Ген. И. М. Норденстамъ. Его назначеніе вице-канцлеромъ университета. Маска 1848 г. «Вортъ ландъ». Отказъ студентовъ участвовать на балѣ ген. Норденстама. Пріѣздъ Наслѣдника 1850 г.
Гельсингфорсъ. Строительный комитетъ. Церкви. Церковь Св. Троицы. Дворецъ. Казармы. Окраины города. Гавань. Семейная и общественная жизнь. Танцы. Театръ и музыка. Брунспаркъ. Его возникновеніе. Русскій періодъ.

XII. Галлерейя дѣятелей. Политическое настроеніе Финляндцевъ. 1848 годъ 504—538

Гр. Ребиндеръ. Его отношенія къ гр. Закревскому и кн. Меншикову. Отношеніе Ребиндера къ печати и проф. Авцеліусу. Кончина гр. Ребиндера и его оцѣнка финляндцами.

Гр. А. Армфельтъ—министръ статсъ-секретарь.

Е. И. Фишеръ—товарищъ министра статсъ-секретаря.

А. П. Тесловъ. Его характеристика.

П. И. Рокасовскій—помощникъ генераль-губернатора.

Политическое настроеніе въ Финляндіи до 1848 г. Отношенія финляндцевъ къ Польшѣ. 1848 г. Запросъ кн. Меншикова и отвѣтъ П. И. Рокасовскаго о духѣ, господствующемъ среди финляндцевъ.

Солданы и Эмиль ф.-Квантенъ.

XIII. Русско-финляндскія отношенія. 539—586

Общій взглядъ на эти отношенія. Заботы гр. А. Закревскаго о православномъ населеніи края. Противодѣйствіе прокурора и Сената. Манифестъ 1827 года о правѣ лицъ греко-россійскаго исповѣданія поступать на гражданскую и военную службу края. Отношенія кн. Меншикова къ интересамъ русскихъ въ краѣ.

Русское вліяніе въ Гельсингфорсѣ. Сближеніе русскихъ и финляндцевъ. Царскіе дни. Подписки на пострадавшихъ отъ пожаровъ и голода. Наблюденіе за пріѣзжими. Ограниченіе заграничныхъ поѣздокъ. Правительственныя мѣропріятія по сближенію. Отношенія кн. Меншикова къ православнымъ. Отзывы Е. В. Иванова.

Русскій языкъ. Я. Е. Гротъ. Поѣздки въ Финляндію. Его знакомство съ Рунебергомъ. Медовый мѣсяцъ его финляндской жизни. Переписка съ П. А. Плетневымъ. Восхищеніе Грота и Плетнева финляндцами и разочарованіе въ нихъ. Гротъ—профессоръ русскаго языка. Услуги Грота и Плетнева финляндцамъ. Переписка Грота съ гр. А. Армфельтомъ о русскомъ языкѣ. Интересъ Государя и Наслѣдника къ успѣхамъ русскаго языка среди финляндцевъ. Стипендіи русскаго языка. Разбитіе стеколъ въ квартирѣ Грота. Возвращеніе Грота въ Петербургъ.

XIV. Печать и цензура.—Борьба за финскій языкъ 587—620

Шведскія газеты. Зах. Топеліусъ и Helsingfors Tidningar. Рунебергъ и «Утренній Листокъ». Финскія изданія. Полемика Снельмана.

Книжная торговля. Полученіе газетъ. Почта.

Попытка Сената отстоять свободу печати. Цензурныя постановленія. Усиленіе цензуры при кн. Меншиковѣ. Воспрещеніе 1850 года печатать финскія книги. Запрещеніе «Саймъ». Жалобы финляндцевъ на цензурныя стѣсненія въ стокгольмской печати. Финляндскія статьи въ русской печати. «Русскій Инвалидъ». Официальная газета при канцеляріи генераль-губернатора.

Положеніе финскаго языка. Уступки, сдѣланныя финскому языку. Значеніе финскаго и русскаго языка въ предѣлахъ края. Финскій языкъ въ университетѣ. Стѣсненія правъ финскаго Литературнаго Общества. Противодѣйствія Гартмана финскому языку. Отзывы Головнина, Грота и Плетнева. Доносъ на Финское Литературное Общество.

XV. Итоги. 621—670

Финляндія во время Восточной войны 1853—1856 гг. Средства ея защиты.

Государь въ Гельсингфорсѣ.

Походъ Л.-гв. финскаго стрѣлковаго баталіона. Стычки на финскомъ побережьѣ. Участь Бомарзунда.

СТР.

Двойственная политика Швеціи. Ея нейтралитетъ; ея трактатъ съ Англіей и Франціей. Общественное мнѣніе Швеціи по вопросу о возвращеніи Финляндіи. Письмо проф. Ильмони. Кн. Меншиковъ въ Севастополѣ. Переписка по финляндскимъ дѣламъ. Назначеніе П. И. Рокасовскаго. Итоги государственной дѣятельности кн. Меншикова. Назначеніе гр. Ѳ. Ѳ. Берга финляндскимъ генераль-губернаторомъ. Кончина Императора Николая I. Характеристика его высокой личности. Трагизмъ въ его судьбѣ. Итоги его времени въ Финляндіи. Итоги войны на финскомъ побережьи. Бомбардированіе Свеаборга. Севастополь. Парижскій трактатъ. Поведеніе финляндцевъ во время войны.

Примѣчанія	671—709
Примѣчанія къ иллюстраціямъ	709
Алфавитный указатель	710—716

Вейнемейненъ.

Въ исторіи Финляндіи нѣтъ другого столь интереснаго и поучительнаго періода, какъ царствованіе Императора Николая I: оно—время пробужденія финскаго національнаго самосознанія, оно—весна финляндской жизни. И тѣмъ не менѣе и у насъ, и у финляндцевъ, время Николая Павловича остается неизслѣдованнымъ.

До русскаго завоеванія Финляндіи (1809 г.) не существовало финскаго національнаго самосознанія. Швеція поставляла въ свою заботническую провинцію администра-

торовъ и пасторовъ, строила шведскія школы, содержала въ Або шведскій университетъ. Врата просвѣщенія и возможность участія въ государственной жизни для финновъ были закрыты. Стокгольмскія власти видѣли въ финнахъ безгласныхъ и терпѣливыхъ плательщиковъ податей. Финны оставались націей крестьянъ. Кто изъ нихъ по своему образованію переросталъ требованія крестьянской избы, неизбѣжно попадалъ въ среду шведскаго вліянія. Высшаго общественнаго положенія никто, оставаясь финномъ, не достигалъ.

Когда «жребій битвъ» разлучилъ финновъ со Швеціей, ихъ предоставили самимъ себѣ, рассчитывая такимъ образомъ наиболѣе прочно привязать завоеванный край къ новой метрополіи. Обрусеніе никогда не входило въ программу нашего правительства. Черезъ весь русскій періодъ финляндской исторіи широкой свѣтлой полосой проходятъ искреннее доброжелательство и расположеніе къ финнамъ, простиравшіяся иногда до забвенія первѣйшихъ государственныхъ интересовъ Россіи.

Финны, пользуясь полной свободой, естественно, занялись собою и на зарѣ своей новой жизни уже заявили: «мы болѣе

не шведы, русскими мы быть не хотимъ, будемъ финнами». Подъ этимъ знаменемъ они скоро сплотились и принялись за работу. Въ царствованіе Николая I у финновъ особенно сильно и отчетливо выступило стремленіе обосновать черты своей духовной національной физиономіи. Эліась Ленротъ ходилъ въ Карельскіе лѣса собирать забытыя финскія преданія и свѣдѣнія о финской мифологіи; Снелъманъ сталъ будить лежавшихъ въ шведскомъ гробу соотечественниковъ; М. Кастрѣнъ побывалъ на Алтаѣ, отыскивая затерянную колыбель финскаго племени... По всей линіи укрѣпленія финской народности работа поведена была съ большимъ оживленіемъ и настойчивостью. Каждый усердно трудился въ своей маленькой области. Людей типа Рудиныхъ финскій характеръ не знаетъ. Молодое общество точно жаждало дѣятельности. Не менѣе финновъ работали шведы. Національное движеніе охватило всѣхъ. Финнамъ нуженъ былъ свой литературный языкъ, финскій судъ, финская школа. Шведамъ желательно было воздѣлать, унаслѣдованное отъ отцовъ, культурное достояніе. Всѣ почувствовали собственную почву подъ ногами, у всѣхъ была теперь своя политическая родина. Всѣ полюбили ее, всѣ несли и жертвовали на родной алтарь самое священное и дорогое. Финляндія представляла огромное, открытое поле. Его засѣвали. Все, что недавно дремало, пробудилось и пришло въ движеніе. Во всѣхъ областяхъ дѣятельности народились достойные представители: имя Рунеберга ярко засверкало въ поэзіи, З. Топелиусъ съ успѣхомъ подымалъ публицистику, Л. Гартманъ улучшалъ экономическое положеніе края, студенты сплотились по своимъ землячествамъ и понесли дань признательности тѣмъ, которые, подобно профессору Портану, наиболѣе усердно работали для блага своего народа.

Въ виду такого широкаго разлива волны національности въ разсматриваемое время, описаніе ея не улеглось въ отдѣльныхъ главахъ. Признаки пробужденія національнаго сознанія встрѣтятся поэтому читателя повсюду: на субботнихъ вечерахъ бодрой и талантливой молодежи, на засѣданіяхъ финскаго литературнаго общества, на студенческой маевкѣ, въ періодической печати, въ университетской аудиторіи, на религіозныхъ собраніяхъ піэтистовъ, въ полемикѣ Вассера съ Арвидсономъ и т. д. Какую отрасль дѣятельности ни возьмете въ годы царствованія Николая I, вездѣ слышится біеніе національнаго пульса,

повсюду чувствуется зарожденіе болѣе сильной любви къ родинѣ.

Но мало этого. Нерѣдко замѣчается, что общая дѣятельность одухотворена высокими порывами, окрашена идеальными стремленіями. Идеалистической мечтательностью полна незлобивая душа З. Топелиуса; планы Фр. Сигнеуса всегда требуютъ широкихъ рамокъ; Рунебергъ, какъ истинный поэтъ, не могъ не витать въ области идеала; идеализмомъ проникнуты мысли профессора Ильмони; Вассеръ возвышенно говорить о міровомъ положеніи Финляндіи. И т. д. Все это создало въ обществѣ потребность духовнаго интереса и влило въ общую работу много свѣжихъ нравственныхъ силъ, что въ свою очередь придало прочную устойчивость всѣмъ начинаніямъ, подведя подъ закладываемое національное сооруженіе широкую духовную основу. Такое движеніе, какъ піэтизмъ, глубоко проникшее въ слои народа, было полно духовными и идеалистическими началами.

Большія дѣла зарождались тогда нерѣдко въ бѣдности; учрежденія, работавшія на пользу всего народа, начинались на скудные гроши. Такіе дѣятели, какъ Ленротъ и Снельманъ, вдохнули въ молодое поколѣніе нравственную бодрость и духовную крѣпость. Во всей начавшейся тогда работѣ чувствовалось великое воспитательное начало.

Передъ такой картиной созидательной работы мы не разъ останавливались съ истиннымъ восхищеніемъ. Высоко цѣня честный упорный трудъ, мы готовы преклониться предъ нимъ, у кого бы онъ ни проявился, и потому успѣхи и энергія финновъ и ихъ сердечная привязанность къ своему родному очагу многократно получили должное наше признаніе. Нашимъ перомъ въ подобныхъ случаяхъ овладѣвало чувство полного расположенія и самый тонъ изложенія, надѣмся, свидѣтельствуешь о теплотѣ сердца и искренности сочувствія.

Но исторія—«священная книга царей и народовъ»,—чтобы быть полезной, какъ урокъ прошлаго, должна быть прежде всего правдивой и безпристрастной. Этой заповѣди мы строго слѣдовали во всѣхъ нашихъ историческихъ работахъ, желая «Царю быть другомъ до конца и вѣрноподданнымъ Россіи». Все это обязываетъ насъ и въ данномъ случаѣ показать оборотную сторону недавняго финляндскаго прошлаго.

Передъ нами яркій и поучительный эпизодъ съ Я. К. Гротомъ. Его влечетъ въ Финляндію; онъ полюбилъ ея природныя красоты, онъ привязался къ ея населенію. Въ увлеченіи онъ пишетъ хвалебную статью за статью, искренно хлопочетъ о сердечномъ сближеніи финляндцевъ съ русскими. Финляндцы въ свою очередь не могутъ нахвалиться Гротомъ. Но вотъ они узнаютъ, что этотъ молодой, изящный, высокообразованный человѣкъ назначенъ профессоромъ русскаго языка въ ихъ университетъ. Ихъ мины и тонъ сразу измѣнились. Гротъ съ открытой душой спѣшитъ съ визитами и, къ своему изумленію, принять у большинства настолько холодно, съ такими несносными высокомѣрными поученіями, что долженъ былъ дать волю накопившимся слезамъ. Ни въ чемъ неповинный Гротъ горько плакалъ.... Его сердце, полное любви къ финляндцамъ, было глубоко ранено скрытымъ до сихъ поръ остріемъ ихъ нерасположенія. Онъ вступаетъ въ университетъ и ведетъ преподаваніе государственнаго языка самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Въ отвѣтъ камни трижды летятъ въ окна его квартиры, а въ стѣнахъ университета ему устраиваютъ грубую демонстрацію. Невысокая нравственность финляндцевъ была налицо. (Переписка Я. К. Грота, I, 322 и др.). Забыты были его услуги, оказанныя Финляндіи, его совершенно исключительная привязанность къ краю, его рѣдкія нравственныя качества. Гротъ, почувствовавъ себя одинокимъ, вернулся въ Петроградъ, въ родную ему русскую среду.

Протекли долгія десятилѣтія со времени отъѣзда Я. К. Грота изъ Финляндіи и въ 1890 г. маститый ученый сдѣлалъ историку К. Ордину слѣдующее, очевидно, лежавшее на днѣ его души, признаніе: «Финляндію по ея природѣ, благоустройству и многимъ свойствамъ ея коренныхъ жителей, я люблю; финляндцевъ за ихъ нравы въ частной жизни, за ихъ основательность и прямодушіе уважаю; со многими изъ нихъ былъ и нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ; но не могу не жалѣть и не досадовать, что они такъ недружелюбно относятся къ Россіи и забываются въ своихъ претензіяхъ... Дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно это враждебное чувство, которое въ столькихъ случаяхъ проявлялось у финляндцевъ противъ русскихъ, вызвало и въ послѣднихъ неудовольствіе, которое постепенно возрастало и, наконецъ, обострилось и распростра-

нилось до нынѣшнихъ размѣровъ. Русскій народъ—добродушный, и безъ такого безпрестанно повторяющагося вызова, конечно, не было бы у насъ существующаго общаго раздраженія. Мы у себя всегда трактовали финновъ, какъ своихъ братьевъ, а они насъ—какъ ненавистныхъ иноземцевъ. Вотъ что, наконецъ, надобно имъ высказать прямо и рѣзко. Это истина неоспоримая». (Собран. соч. Ордина, I, стр. 286—287). Какъ намъ близокъ Я. К. Гротъ этими своими мыслями и чувствами! Сколько разъ мы провѣряли на себѣ и видѣли подтвержденіе его словъ на страницахъ прошлаго.

На той-же оборотной сторонѣ русско-финляндскихъ отношеній разсматриваемаго времени темными пятнами выдѣляются планъ изворотливаго Арвидсона, необузданный порывъ поручика Сольдана и проектъ Эм. ф.-Квántена. Едва прошло тридцать лѣтъ со дня присоединенія Финляндіи къ Россіи; едва финляндцы успѣли оглядѣться въ новыхъ своихъ условіяхъ и выяснить свое положеніе въ составѣ Россійской Державы, какъ Арвидсонъ сталъ обдумывать планъ расширенія политическихъ правъ края и ходы для возбужденія европейскаго вниманія къ участи своихъ соотечественниковъ. Нѣсколько позже, Сольданъ задумывается надъ средствами избавленія финновъ отъ русскаго «ига», а Квántенъ печатаетъ трактатъ объ отдѣленіи Финляндіи отъ Россіи. Всѣ эти случаи широкаго распространенія не получили, кромѣ идеи Арвидсона, которую мѣстные агитаторы использовали весьма разнообразно въ періодъ финляндскаго сопротивленія. Населеніе въ главной своей массѣ всегда отличалось хорошимъ и надежнымъ поведеніемъ.

Зная, насколько доброжелательной русская власть была къ Финляндіи, невольно ожидаешь встрѣтить въ отношеніяхъ къ намъ финляндскихъ руководящихъ классовъ проявленія довѣрія, искренности и нѣкоторой теплоты. Эпизодъ съ Гротомъ наглядно раскрываетъ историческую правду объ истинныхъ отношеніяхъ къ намъ финляндцевъ за все время ихъ нахождения подъ русскимъ владычествомъ. Всѣ льготы и привилегіи, царскія милости и русскія ласки они принимали, какъ должное и заслуженное, и все это питало ихъ высокомеріе и рождало новую требовательность. Сердца финляндскаго просвѣщеннаго люда оставались непокоренными

и чувства признательности въ глубь ихъ натуры не проникли.

Наглядно измѣрить глубину финляндскихъ чувствъ не трудно.

Сколько похвалъ и благодареній несло въ свое время къ трону Николая I съ разныхъ концовъ Финляндіи! И, дѣйствительно, было за что изливать свою признательность. Горитъ университетъ, и Царь создаетъ финнамъ еще болѣе великолѣпный храмъ науки. Голодають на сѣверѣ, ужасная холера посѣтила югъ, пламя пожаровъ испепелило цѣлые кварталы въ разныхъ городахъ—и Царь широко распахиваетъ двери русскихъ казенныхъ магазиновъ, щедрой рукой одаряетъ нуждающихся изъ собственныхъ средствъ. Исторія Финляндіи не знаетъ другого столь щедрого царствованія. Николай Павловичъ, несомнѣнно, являлся истиннымъ благодѣтелемъ края. Хвалу пѣли Монарху въ университетѣ, съ трибуны выборгскаго гофгерихта, въ періодической печати, даже въ частныхъ письмахъ. Профессора *in corpore*, вмѣстѣ съ докладчикомъ по финляндскимъ дѣламъ, завѣряли Государя, что потомство воздвигнетъ ему памятникъ, достойный его неисчислимыхъ благодѣяній, что сердца признательныхъ его финскихъ гражданъ свято сохранятъ и передадутъ будущимъ поколѣніямъ воспоминанія о его царствованіи, какъ о счастливѣйшихъ годахъ ихъ жизни.

Напрасно будете оглядываться и искать признаковъ осуществленія столь торжественныхъ завѣреній или слѣдовъ вліянія столь многочисленныхъ благодѣяній. Прошло едва полстолѣтія со дня кончины великаго благодѣтеля Финляндіи, и современные намъ писатели и профессора изощряются другъ передъ другомъ въ осужденіи и порицаніи личности и царствованія Николая I. Финляндцы уже успѣли забыть, кто сохранилъ имъ истинную конституцію—образование, кто наполнилъ ихъ библіотеки, музеи и ученые кабинеты. По отношенію къ Николаю Павловичу въ краѣ восторжествовало отрицательное направленіе. Финляндцы воздвигли памятникъ, но не тому, кто сохранилъ краю высшее образование, а тому, кто возродилъ сеймъ. Они отдали предпочтеніе политикѣ предъ наукою. И если исторія народа есть постепенное раскрытіе его внутреннихъ силъ, способностей и свойствъ, то Николаевскій періодъ въ Финляндіи во многихъ отношеніяхъ особенно

поучителенъ. Черты духовно-національной фізіономіи финляндцевъ стали вырисовываться все ярче и опредѣленнѣе.

Императоръ Николай I далъ финляндцамъ возможность приступить къ развитію своихъ національныхъ особенностей. Къ его времени относятся заботы о финскомъ языкѣ, онъ утвердилъ финскую кафедру въ университетѣ и пр. Все финское стало счастливо расти и развиваться.

Взгляните на современную намъ Финляндію. Вся она охвачена національной идеей, принявшей форму широкаго автономическаго стремленія. Она живетъ и пылаетъ націонализмомъ. Всѣ ея высшіе интересы сосредоточены около одного національнаго вопроса. Ему единому она служитъ и ему единому поклоняется. Запросы религіи, философіи, чистаго искусства—все отодвинуто на второй планъ, все поставлено позади національнаго кумира. Финляндія находится въ такихъ исключительно счастливыхъ условіяхъ, въ какихъ едва ли найдете другую завоеванную страну въ мірѣ. Ей дарованы обширныя льготы, она ничѣмъ не обременена по отношенію къ своей метрополіи. Она на просторѣ культивируетъ свои національныя особенности. Ея автономія очень широка. И при всемъ томъ Финляндія, въ лицѣ ея образованныхъ классовъ, русскому владычеству не сочувствуетъ. Объ австрійскомъ управленіи Ломбардіей было кѣмъ то сказано: «Мы не требуемъ, чтобы они управляли хорошо, но мы требуемъ отъ нихъ, чтобы они ушли». Въ тайникахъ души современнаго образованнаго финляндца вы прочтете подобное же пожеланіе. Въ официальныхъ, лучшихъ и исключительныхъ случаяхъ отношеніе къ намъ финляндцевъ покрыто лоскомъ строго размѣренной и холодной корректности.

«Въ наше смутное и неуравновѣшенное время принято какъ то злобно относиться къ Николаевской эпохѣ, но наступятъ другія времена, и, я убѣжденъ,—писалъ великій князь Николай Михайловичъ,—будетъ сдѣлана болѣе безпристрастная оцѣнка этому періоду русской жизни, когда на Руси жили Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь... (Ген.-Адъютанты Императ. Александра I, Спб. 1913 г., стр. 20).

Николай I всегда былъ и объектомъ поклоненія, и предметомъ осужденія. Доходило до того, что въ списокѣ лицъ, изображенія которыхъ имѣлось въ виду помѣстить на памятникѣ тысячелѣтія Россіи, имя Императора Николая I было

пропущено (Рус. Арх. 1870 г., стр. 999). Извѣстное направленіе въ наукѣ и жизни считаетъ для себя какъ бы обязательнымъ осужденіе всего Николаевского. Къ сожалѣнію, время Николая Павловича остается еще неизслѣдованнымъ. Н. К. Шильдеръ не успѣлъ закончить перваго спокойнаго описанія этого царствованія. Писатели радикальнаго направленія ограничиваются отдѣльными бѣглыми очерками по нѣкоторымъ излюбленнымъ вопросамъ. И мы ихъ понимаемъ. Когда они подходятъ ближе къ предмету изслѣдованія, имъ приходится поступить также, какъ поступилъ въ свое время академикъ Якоби. Онъ задумалъ написать картину «Свадьба декабриста Анненкова въ Читинской тюрьмѣ». Сдѣлавъ набросокъ, онъ пригласилъ въ свою мастерскую дочь Анненкова. На картинѣ женихъ Анненковъ стоялъ у наоя въ ножныхъ кандалахъ и наручникахъ. Шафера также были опутаны кандалами. Комендантъ пренебрежительно развалился въ креслѣ. Когда же дочь Анненкова пояснила художнику, что ни у кого кандаловъ не было, что комендантъ гуманный человѣкъ и пр., то Якоби прервалъ ее словами: «въ такомъ случаѣ и картины писать не стоитъ». (Гр. С. Д. Толь. Массонское дѣйство, стр. 159). Тоже,—полагаемъ мы,—происходитъ съ огульными хулителями Николаевской эпохи. Имъ постоянно приходится путаться въ противорѣчіяхъ. Осуждая Николаевское время, они вынуждены признать, что сороковые годы—эпоха умственнаго оживленія и подъема (Книга для чтенія по исторіи. IV, 281), что время Николая I—расцвѣтъ русской литературы и Московскаго университета, періодъ замѣтнаго экономическаго роста Россіи, періодъ подготовленія крестьянской реформы и пр. Едва ли все это могло взойти на каменистой почвѣ «тираніи» и «гоненій». Почему вѣкъ Николая I былъ вѣкомъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а не вѣкомъ Ермолова, Воронцова и др.? (В. Розановъ). Да потому, что каждый вѣкъ говоритъ своимъ языкомъ, живетъ своею жизнью.

Изслѣдуя Финляндію за время Николая I, мы не могли не очертить его рѣдкой личности и не коснуться его царствованія, во 1-хъ, потому, что, совершенно не раздѣляя ходячаго о немъ мнѣнія, должны были установить свое воззрѣніе на этого замѣчательнаго Государя и его время, во 2-хъ, исторія Финляндіи не можетъ быть правильно представлена и понята иначе, какъ въ извѣстномъ соотношеніи къ исторіи

Россіи. Своей отдѣльной исторіи Финляндія никогда не имѣла, такъ какъ ея политическое существованіе всегда находилось въ зависимости отъ ближайшихъ сосѣдей. Въ царствованіе Николая I многое, что дѣлалось въ Россіи, немедленно и неизбежно отражалось на Финляндіи. Въ вопросахъ о таможенѣ, монетѣ, школѣ, университетѣ и печати дѣйствовала одна и та же система. Цензурныя правила, положеніе кафедръ философіи въ университетѣ, отношеніе къ мѣстному масонству и пр., одинаково устанавливаются здѣсь и тамъ; многое идетъ параллельно и исходитъ изъ одного общаго источника власти.

Въ послѣдніе годы у насъ появились: колоссальное описаніе военнаго вѣдомства, многотомныя исторіи Сената, разныхъ министерствъ и канцелярій, но напрасно вы будете искать въ нихъ отношенія названныхъ учрежденій къ Финляндіи. То же приходится сказать объ изданіяхъ, въ которыхъ описывается царствованіе Николая I, въ родѣ «Три вѣка», «Книга для чтенія по новѣйшей исторіи», «Курсъ исторіи Россіи XIX в.» А. Корнилова и др.—Составители этихъ книгъ обошли Финляндію полнымъ молчаніемъ, точно она не является составной частью нашей Имперіи. Въ самой Финляндіи періодъ Николая I остается совершенно неизслѣдованнымъ. Ясно, такимъ образомъ, что свѣдѣнія по исторіи Финляндіи времени Николая I большею частью оставались въ архивахъ, куда намъ и пришлось обратиться за нужнымъ матеріаломъ.

Поѣхавъ въ Гельсингфорсъ, мы имѣли въ виду ознакомиться также съ перепиской гр. А. Армфельта, зная, что она сохраняется въ Статсъ-Архивѣ. Но отъ начальника его узнали, что доступъ къ этому матеріалу дается его наслѣдниками. Просить спеціальнаго разрѣшенія у наслѣдниковъ мы, конечно, не пожелали, отлично понявъ, что весь этотъ своеобразный порядокъ въ офиціальномъ учрежденіи изобрѣтенъ съ единственной цѣлью затруднить работу русскимъ изслѣдователямъ, несклоннымъ заниматься перепѣвами съ финляндскаго голоса.

Отыскивая документы, намъ удалось въ русскихъ архивахъ подойти къ двумъ важнымъ и совершенно нетронутымъ источникамъ: къ бумагамъ генераль-губернаторовъ гр. А. Закревскаго и кн. Меншикова.

Среди ихъ бумагъ оказалось не мало писемъ финляндскихъ дѣятелей—Л. Гартмана, Фишера, Фалька, Ребиндера,

Армфельта, Котена, Клинковстрема и др. Этими документами до насъ никто для финляндской исторіи не пользовался. Благодаря тому, что большая часть нашего труда обоснована исключительно на первоисточникахъ, намъ, надѣмся, удалось заложить прочную основу для Николаевского періода Финляндской исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дать новую характеристику гр. А. Закревскаго и кн. Меншикова, имѣвшихъ большое значеніе въ исторіи Финляндіи.

Изъ печатныхъ источниковъ значительную помощь оказали намъ воспоминанія Августа Шаумана (*Från sex årtionden*) и Андерса Рамзая (*Från barnaår till silfverhår*). Первый изъ нихъ при составленіи своихъ записокъ, обращался къ газетамъ и по нимъ установилъ хронологію описываемыхъ имъ событій, что сдѣлало его заявленія болѣе обоснованными и надежными. У Андерса Рамзая рассказъ интереснѣе и красочнѣе, но кругозоръ болѣе ограниченъ, а симпатіи почти исключительно отданы первенствующему сословію—дворянству.

Проф. Эстландеръ повелъ свои воспоминанія (въ *Finsk Tidskrift*, 1913) также отъ Николаевскихъ дней, но онъ писалъ ихъ наклонѣ лѣтъ, не только переживъ періодъ финляндскихъ сопротивленій русскимъ объединительнымъ реформамъ, но лично принявъ въ немъ дѣятельное участіе, почему его очерки проникнуты современнымъ финляндскимъ недоброжелательствомъ въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются Россіи и нашихъ представителей. Вызывающе тенденціозно написана также маленькая финская брошюра Вайно Валлина о «Восточной войнѣ 1854—1856 г.г. въ Финляндіи».

Въ 1908 г. появились въ «Историч. Вѣстникѣ» записки сенатора К. И. Фишера. Онъ былъ близкимъ лицомъ къ замкнутому по натурѣ князю Меншикову и въ теченіе двадцати лѣтъ находился въ центрѣ финляндскихъ дѣлъ, почему мы были въ правѣ ожидать многого отъ его рассказа. Но насъ постигло полное разочарованіе. Его размашистый, часто иронизирующий, рассказъ скользитъ по поверхности, не слѣдуя при передачѣ событій никакому порядку. А главное—у него совершенно отсутствуетъ хронологія. Въ авторѣ чувствуется показное самодовольство и неустанное самовосхваленіе. Въ то же время онъ пытается обѣлить своего патрона и благодѣтеля, но это ему плохо удается.

Неисчерпаемымъ и драгоцѣннымъ источникомъ для описанія Финляндіи сороковыхъ годовъ являются письма Я. К. Грота (1840—1853 г.г.). Я. К. Гротъ, будучи профессоромъ Гельсингфорскаго университета, хотя и жилъ главнымъ образомъ въ аудиторіи, библіотекѣ и своемъ рабочемъ кабинетѣ, вращался однако въ лучшихъ кругахъ мѣстнаго общества, стоялъ въ центрѣ тогдашняго взаимнаго духовнаго сближенія и имѣлъ возможность близко слѣдить за біеніемъ жизненнаго пульса края. Онъ владѣлъ шведскимъ и финскимъ языками и зналъ всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей. Самъ же онъ былъ человѣкомъ высокообразованнымъ, безпристрастнымъ, доброжелательнымъ, подвижнымъ, любознательнымъ и наблюдательнымъ. Гротъ сознавалъ, что онъ не только профессоръ, онъ также «русскій литераторъ, обязанный особливо знакомить своихъ соотечественниковъ съ новымъ міромъ, въ которомъ онъ поставленъ». Въ немъ и вокругъ него сгруппировались всѣ благопріятныя данныя, чтобы оставить потомству надежный документъ. И мы получили его въ дружеской перепискѣ съ П. А. Плетневымъ и многочисленныхъ статьяхъ, посвященныхъ Финляндіи. Въ его письмахъ и трудахъ ярко и правдиво отражена вся жизнь университета, начиная со смѣны ректоровъ и кончая студенческими исторіями, имъ дана полная и правдивая картина гельсингфорскаго общества, нарисованы портреты главныхъ дѣятелей въ ихъ официальной жизни и домашней обстановкѣ; онъ мѣтко набросалъ очертанія зарождавшейся новой культурной эпохи. Сами финляндцы признаютъ его описанія вполне удачными, интересными и крайне полезными (W. Söderhjelm. Finsk Tidskrift 1897, іюль; W. Grundström.—Utdrag ur l. Grots brefväxling med P. Pletnjev. H-fors, 1912).

Все, что онъ далъ изъ финскаго и скандинавскаго міра, явилось въ свое время для русскаго читателя крупными и поучительными новинками. Гротъ былъ полонъ жизни, научныхъ стремленій и возвышенныхъ чувствъ. «Изложеніе истины» было его потребностью.

«Я передъ Ангеломъ благимъ
Добру и правдѣ обѣщаю
Всегда служить перомъ моимъ».

Свой трогательный обѣтъ онъ свято исполнилъ.

Среди бумагъ кн. Меншикова нашлись двѣ тетради, составленные изъ писемъ къ нему казацкаго офицера Е. В. Иванова съ 1833 по 1838 г.г. Эти письма принадлежатъ перу чело-вѣка образованнаго и наблюдательнаго; написаны они хорошо, иногда съ примѣсю легкой ироніи и остротъ. Авторъ ихъ жилъ все время въ Або, и будничная и праздничная жизнь этого города проходитъ въ его письмахъ, какъ въ яркомъ занимательномъ калейдоскопѣ.

Нѣкоторыя подробности, введенныя въ нашу книгу, быть можетъ, покажутся излишними. Но, строго говоря, по финляндской исторіи мы находимся пока еще въ періодѣ накопленія достовѣрнаго матеріала, и нами руководило также желаніе создать нѣчто въ родѣ запаснаго фонда для будущей русской исторіографіи по Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду нервности русско-финляндскихъ отношеній, намъ хотѣлось ближе держаться документовъ, почему мы не отходили отъ «перила цитатъ» и не остановились передъ тяжелымъ грузомъ ссылокъ. Мы сдѣлали все, дабы осуществить свою мечту о томъ, чтобы настоящая книга явилась вѣрнымъ отраженіемъ разсматриваемой эпохи, зеркаломъ описаннаго прошлаго. Въ видахъ безпристрастія, мы, какъ на парадѣ, пропустили по страницамъ книги цѣлыя фаланги финляндскихъ мнѣній, давъ имъ возможность проявиться въ ихъ собственномъ видѣ. Кромѣ того, мы терпѣливо выслушивали показанія каждаго мало-мальски выдающагося современника и, чтобы эхо его словъ достигло до читателя, часто сохраняли его заявленія почти въ дословной передачѣ.

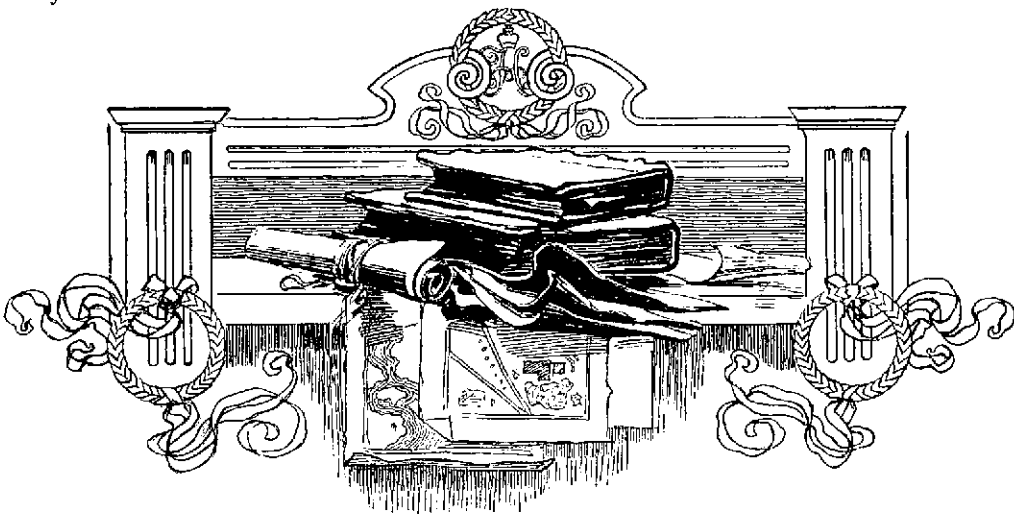
Два послѣднихъ года царствованія Императора Николая I ознаменованы Восточной войной. Финляндіи за время этой войны нами уже въ 1904 г. посвящена особая монографія—«Война 1854—1855 г.г. на Финскомъ побережьѣ»,—которая была весьма одобрительно встрѣчена русской, финляндской и стокгольмской критикой и переведена на шведскій языкъ (*Kriget vid Finlands kuster*). Названная книга представляетъ собою непосредственное продолженіе настоящаго описанія Финляндіи за время Николая I и можетъ служить вторымъ ея подробнымъ томомъ. Пересмотръ ея убѣдилъ насъ, что она пока не нуждается въ существенныхъ исправленіяхъ. Въ ней недостаетъ лишь подробнаго описанія недоразумѣній и переговоровъ по русско-норвеж-

скому разграниченію. И такъ какъ этотъ вопросъ до сихъ поръ у насъ не разслѣдованъ, а между тѣмъ Швеція ссылается на него какъ на причину нарушенія своего нейтралитета въ 1855 г., то мы восполнили замѣченный пробѣлъ, обосновавъ свое описаніе (гл. VII), на первоисточникахъ. Въ то же время, желая, чтобы настоящая книга явилась законченнымъ воспроизведеніемъ Финляндіи за время Николая I, мы кратко рассказали, въ послѣдней ея главѣ, ходъ войны 1854—1855 г.г. на Финскомъ побережьѣ и описали въ общихъ чертахъ поведеніе финляндцевъ.

Въ виду того, что наше разслѣдованіе разрослось, мы вынуждены очеркъ развитія науки, литературы и искусства за время Николая I вести въ слѣдующій томъ Истории Финляндіи.

Много разъ въ теченіе нашей жизни мы восторгались рыцарской душой Николая Павловича, его чистымъ и пылкимъ стремленіемъ къ правдѣ, его глубокимъ патріотизмомъ, его рѣдкой энергіей и еще болѣе рѣдкой и сильной волей, и наконецъ, умилялись его страдальческой кончиной за Россію. Юношей,—когда отецъ ослѣпъ, а мать оказалась неизлечимо больной,—насъ пріютилъ Институтъ славнаго имени Николая I въ Гатчинѣ. Посвящаемъ поэтому настоящій посильный трудъ незабвенному имени Вѣнчаннаго Рыцаря, какъ скромную дань духовнаго преклоненія предъ нимъ и глубокой признательности.

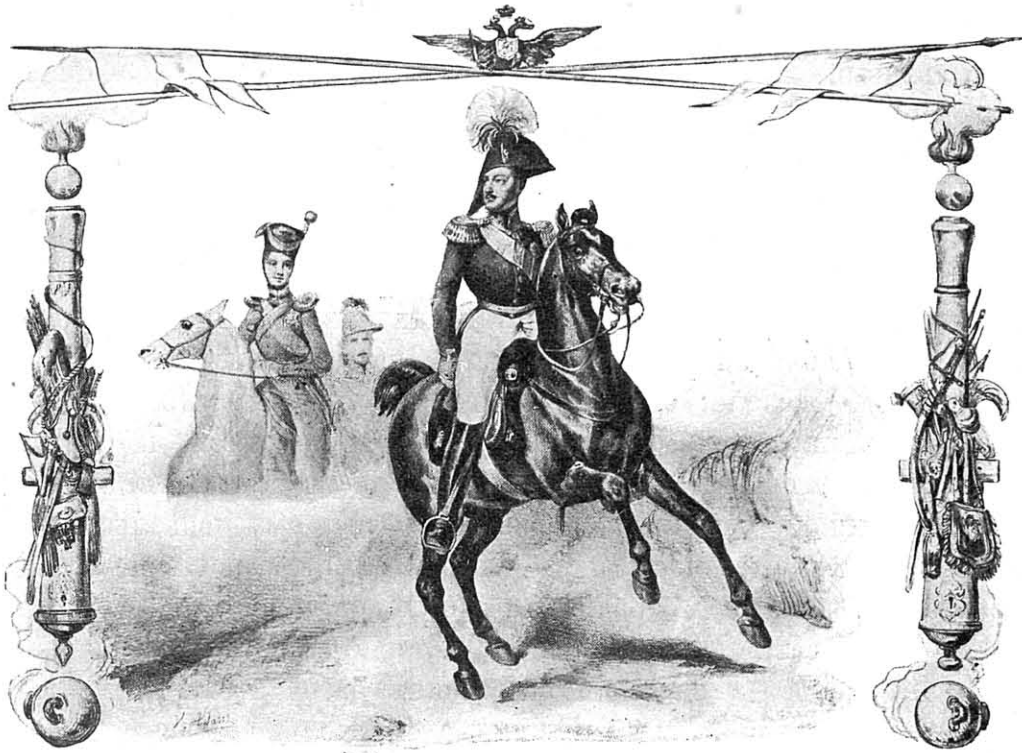
Петроградъ.
Августъ 1914 г.

Н. Самойловъ

C. H. Mason

Импер. Николай I.

I. Вѣнчаный рыцарь—Повелитель Имперіи.

«Экій богатырь!», воскликнула Екатерина II, впервые благословляя своего здороваго внука Николая, родившагося 25-го іюня 1796 г. Въ тотъ же день она писала барону Гримму: «онъ кричитъ басомъ, голову держитъ прямо, смотритъ во всѣ глаза. У нянекъ просто руки опускались отъ удивленія». Нѣсколько позже Императрица прибавила: «въ жизнь не видала такого рыцаря».

Раннее дѣтство Великаго Князя Николая Павловича протекало среди суровыхъ условій. Его воспитателемъ сдѣлался (1801 г.) черствый и малообразованный директоръ 1-го кадетскаго корпуса Матвѣй Ивановичъ Ламздорфъ, не обладавшій ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для исполненія столь почетной и столь отвѣтственной обязанности. Подъ его наблюденіемъ Великій Князь не могъ свободно ни встать, ни сѣсть, ни дѣтски-беззаботно порѣзвиться. На каждомъ шагу ребенокъ, съ добрымъ сердцемъ, прекрасными природными задатками, но нѣсколько строптивый и

вспыльчивый, преслѣдовался сухими приказаніями, холодными выговорами и нерѣдко грубыми толчками и ударами. Строгія взысканія примѣнялись даже за обычныя дѣтскія шалости. Система М. И. Ламздорфа сводилась къ тому, чтобы сломить волю своего воспитанника, идя наперекоръ всѣмъ его наклонностямъ.

Мать Великаго Князя—Марія Ѳеодоровна—въ дѣлѣ воспитанія также держалась пуританскихъ воззрѣній и потому, зная о карательной системѣ генерала, не противодѣйствовала ей. Одного она желала: оберечь сына отъ увлеченія крайностями военнаго дѣла; но онѣ находились въ крови дѣда и отца и были унаслѣдованы маленькимъ Николаемъ. Носить ружье, махать пашкой, бить въ барабанъ было первымъ удовольствіемъ мальчика. Иногда ночью онѣ вскакивалъ съ постели, чтобы провести нѣсколько отрадныхъ минутъ съ ружьемъ на часахъ у постели брата Михаила. Утромъ, въ гренадерской шапкѣ и съ алебардой на плечѣ, онѣ спѣшилъ разбудить его. Оловянные солдатики, ружья и пушки, а нѣсколько позже—планы укрѣпленій, вахтъ-парады и, наконецъ, разводы и маневры—все послѣдовательно занимало и радовало его.

М. И. Ламздорфъ.

Кромѣ того, миролюбивыя стремленія Матери Императрицы должны были уступить указанію Александра Павловича, что братья его предназначены стать во главѣ арміи. Съ цѣлью военной подготовки, учреждена была специальная л.-гв. Дворянская рота, въ которой штабсъ-капитану Романову 3—будущему Повелителю Россіи—пришлось играть видную роль. Люди роты сдѣлались «потѣшными» Николая Павловича. Распоряжаясь въ

ротѣ, Великій Князь всей своей воспріимчивой душой проникся военнымъ духомъ ¹⁾.

Обстоятельства сложились такъ, что военная сфера окружала его отъ колыбели до могилы. Онѣ росъ въ героическую эпоху

наполеоновскихъ войнъ, когда армія сосредоточивала на себѣ все вѣзры и все надежды, поглощала цвѣтъ русскаго общества и главные заботы правительства. Въ военной обстановкѣ сложился его характеръ; изъ военной среды онъ вынесъ привычки къ дисциплинѣ и порядку, а также высокое представленіе о долгѣ службы. Инженерное искусство сдѣлалось его страстью.

Образованіе Николай Павловичъ получилъ самое скудное, одностороннее, отрывочное. О своемъ религіозно-нравственномъ воспитаніи онъ впослѣдствіи говорилъ, что его съ братомъ «учили только креститься въ извѣстное время обѣдни, да говорить наизусть разныя молитвы, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ душѣ ребенка». На его русскую орѳографію не было обращено должнаго вниманія; политическія науки заняли едва замѣтное мѣсто въ программѣ его обученія. Предметы умозрительные и отвлеченные, по складу характера Великаго Князя, не возбуждали его вниманія. Подборъ преподавателей не былъ удаченъ. Гувернеръ, французскій эмигрантъ Дю-Пюже, обучавшій французскому языку, преподавалъ почему-то и исторію, академикъ Шторхъ и профессоръ Болутьянскій считались хорошими специалистами, первый по политической экономіи, а второй—по финансамъ. Но лекціи Шторха были снотворны. Единственная его заслуга заключалась въ томъ, что онъ внушалъ своему ученику мысль о необходимости уничтоженія крѣпостного права. (По другимъ указаніямъ, думы объ участи крестьянъ были навѣяны ученіемъ Оуэна). «На лекціяхъ напихъ преподавателей,—читаемъ въ собственномъ признаніи Николая Павловича,—мы или дремали, или рисовали, а потомъ къ экзамену выучивали кое-что вдолбляжку, безъ плода и пользы для будущаго». Сознавая, что его научное и литературное образованіе недостаточно, онъ сказалъ графу Киселеву: «Да и могло-ли быть иначе! Дядька, къ намъ приставленный, не умѣлъ ни руководить нашими уроками, ни внушить намъ любовь къ литературѣ и къ наукамъ; онъ вѣчно ворчалъ, подѣ-часъ раздражался сильнѣйшимъ гнѣвомъ изъ-за пустяковъ, бранился и нерѣдко надѣлялъ насъ толчками и щипками, которыхъ особенно много доставалось на мою долю. . . Богъ ему судья за бѣдное образованіе, нами полученное».

Въ 1811 г. къ Великому Князю едва не былъ опредѣленъ гувернеромъ финляндецъ Одертъ Грипенбергъ. Этого домогался баронъ Г. М. Армфельтъ. Одертъ Грипенбергъ уже въ молодости проявилъ себя человѣкомъ идеи и желалъ посвятить себя обще-

полезной дѣятельности. Окончивъ курсъ въ Фридрихсгамскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ началъ службу офицеромъ, но рано увлекся педагогіей и сдѣлался горячимъ послѣдователемъ Песталоцци. Выходецъ изъ Швеціи гр. Г. М. Армфельтъ, въ расцвѣтѣ своего вліянія при Петербургскомъ Дворѣ, представилъ Грипенберга Императору Александру I. Молодой и красивый офицеръ понравился Государю, который выразилъ желаніе назначить его начальникомъ оптического телеграфа въ Россіи. Это блестящее предложеніе Грипенбергъ отклонилъ словами: «Sire, je n'existe que pour l'éducation de la jeunesse et l'éducation pour moi». Тогда Государь сдѣлалъ молодому финляндскому дворянину еще болѣе

Одертъ Грипенбергъ.

блестящее предложеніе, оказавъ при этомъ «быть можетъ, самое большое довѣріе, какое когда-либо было оказано Государемъ финляндцу»,—прибавляетъ его біографъ. Александръ I желалъ сдѣлать Грипенберга гувернеромъ своего младшаго брата, Великаго Князя Николая Павловича. Какое значеніе это могло-бы имѣть для Финляндіи—трудно опредѣлить, въ виду того, что послѣ Александра I Всероссійская корона перешла къ Николаю Павловичу. Планъ этотъ не осуществился. Одни рассказывали, что Грипенбергъ отказался, убѣдившись въ томъ, что занятія

его будутъ связаны придворными вліяніями и что ему не дадутъ свободно воздѣйствовать на Великаго Князя, согласно его собственнымъ педагогическимъ убѣжденіямъ и методамъ, которыми онъ не желалъ поступиться. Другіе говорили, что Грипенбергъ женился на дочери пономаря финскаго прихода въ Петербургѣ и тѣмъ закрылъ себѣ доступъ во Дворецъ. Яковъ Гротъ, знавшій лично Грипенберга, признавалъ его однимъ изъ самыхъ достойныхъ гражданъ Финляндіи, человѣкомъ благородной души и возвышенныхъ понятій²⁾.

Въ лицѣ Николая Павловича въ царской семьѣ росъ и крѣпъ красавецъ съ классической наружностью. Правильныя черты лица, высокій ростъ, воинственная осанка, звучный голосъ, слегка саркастическая улыбка, прирожденное величіе и «сердечное краснорѣчіе» дѣлали его особенно привлекательнымъ.

Онъ женился (1817 г.) на старшей дочери короля Фридриха Вильгельма III, прусской принцессѣ Луизѣ-Шарлоттѣ, въ креще-

ній—Александрѣ Ѳеодоровѣ. Женитьбу Николай Павловичъ признавалъ единственнымъ прочнымъ своимъ счастьемъ. «Если кто-нибудь спроситъ,—сказалъ онъ Великой Княгинѣ,—въ какомъ углу міра скрывается истинное счастье, сдѣлай одолженіе, пошли его въ Аничковскій рай». Въ свободное отъ службы время Великій Князь наслаждался среди своей семьи: рѣзвился съ дѣтьми, пѣлъ подъ аккомпаниментъ своей супруги, игралъ на флейтѣ, рисовалъ батальныя картины. Когда не было музыки, читались новѣйшія произведенія русской и иностранной литературы. «Мы,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Александра Ѳеодоровна,—онъ, какъ и я, были поистинѣ счастливы и довольны только тогда, когда оставались наединѣ въ нашихъ комнатахъ» ³).

«Прошли наши блаженные дни», сказалъ Императоръ своей супругѣ, когда имъ пришлось переѣхать въ Зимній Дворецъ.

Императрица Александра Ѳеодоровна имѣла болѣзненный видъ; ея движенія и разговоръ были отрывисты, въ ней замѣчалась склонность къ мечтательности и мистицизму. Ея профиль, хотя немного суровый, находили прекраснымъ. Она пользовалась большою любовью за свою доброту и за умиротворяющее вліяніе на Государя ⁴).

Командиръ полка, а затѣмъ генераль-инспекторъ по инженерной части—таковы главнѣйшія ступени военной службы Николая Павловича. Въ дѣла государственнаго управленія и высшей политики Александръ I его не посвящалъ. Великій Князь Николай Павловичъ началъ присутствовать иногда въ кабинетѣ Императора Александра при докладахъ не ранѣе 1819 г. ⁵), и только съ 1825 г. замѣчается его участіе въ Государственномъ Совѣтѣ. Н. М. Гречъ полагаетъ, что Александръ боялся превосходства своего брата и потому такъ упорно и долго держалъ его на незначительныхъ должностяхъ. Между тѣмъ обстоятельства рано показали, что ему предстояло принять корону и скипетръ своихъ державныхъ предковъ.

19 ноября 1825 г. въ Таганрогѣ неожиданно скончался Александръ I. Наступило трехнедѣльное безцарствіе, при наличности двухъ Императоровъ. Началось непримѣрное въ исторіи соревнованіе двухъ братьевъ, но не за власть, «а о пожертвованіи чести и долгу трону», какъ выразился В. А. Жуковскій.

Печальная вѣсть о кончинѣ Александра Імчалась и въ Варшаву, и въ Петербургъ. Константинъ Павловичъ изъ Варшавы частнымъ

письмомъ увѣдомляетъ брата Николая о своей непреклонной волѣ не занимать престола и приносить ему свою вѣрноподданническую присягу. Николай Павловичъ, съ своей стороны, немедленно присягаетъ на вѣрность Константину. Въ первый-же день, по полученіи въ Петербургѣ скорбнаго извѣстія изъ Таганрога, былъ распечатанъ таинственный пакетъ, хранившійся въ Государственномъ Совѣтѣ и Сенатѣ. Воля Александра I о согласіи на отреченіе отъ Престола Константина Павловича сдѣлалась извѣстной, но Николай Павловичъ не мѣняетъ своего поведенія, приводитъ къ присягѣ Государственный Совѣтъ и заявляетъ: «Я приму корону только въ томъ случаѣ, если Константинъ будетъ настаивать на своемъ отреченіи».

Въ Варшаву мчится посланецъ съ увѣдомленіемъ Николая: «Любезный Константинъ. Предстою предъ моимъ Государемъ съ присягою». . . Далѣе говорилось, что гвардія, городъ и Государственный Совѣтъ присягнули Константину и ожидаютъ его распоряженій. «Твой братъ, твой вѣрный подданный на жизнь и смерть, Николай».

Константинъ удивленъ, огорченъ и разгнѣванъ. Онъ повторяетъ свое прежнее непоколебимое рѣшеніе, не придаетъ значенія присягѣ Николая и Г. Совѣта, находитъ, что они дѣйствовали вопреки волѣ покойнаго Государя, и именуетъ себя вѣрнѣйшимъ подданнымъ Николая Павловича.

Пререканія между братьями продлились до 12 декабря. Тѣмъ временемъ Правительствующій Сенатъ издалъ указъ о присягѣ Константину Павловичу. Имя Константина успѣли внести въ текстъ церковной ектеніи и обозначить на монетахъ новой чеканки.

Но печальнѣе всего было то, что междоусобицею рѣшили воспользоваться заговорщики—декабристы. Они желали установить, на какихъ условіяхъ допустить Николая царствовать. Къ счастью, они дѣйствовали вяло и безъ общаго опредѣленнаго плана. Число заговорщиковъ было ничтожное, но единомышленниковъ у нихъ было много (Кн. П. А. Вяземскій). Заговоръ былъ военный и къ нему примкнули даже генералы и полковники.

— Гдѣ-же общество, о которомъ столько рассказывалъ ты? спросилъ Н. А. Бестужевъ Рылѣева. Общества въ столицѣ не оказалось. «Знаете-ли вы по крайней мѣрѣ,—спросилъ Булатовъ Якубовича,—отечественную пользу сего заговора?—Нѣтъ.—Какъ велико число нашихъ солдатъ?—И того нѣтъ». Ясно, что руководители

обманивали членовъ Общества. Постановили дѣйствовать, хотя успѣли въ гвардіи склонить на свою сторону лишь нѣкоторую незначительную ея часть. «Завтра—говорилъ М. Бестужевъ,—рѣшится страшный вопросъ». «Предвижу, что не будетъ успѣха,—сказалъ Рылѣевъ,—но потрясеніе необходимо». Дерзай,—твердили ему,—обстоятельства покажутъ, что дѣлать.

Въ спорахъ и при обсужденіи способа дѣйствія нѣсколько разъ раздались ужасныя слова: убить Государя.—«А если онъ не будетъ нами схваченъ?»—Въ такомъ случаѣ занять крѣпость и овладѣть дворцомъ.

Рѣшили 14 декабря,—въ день, назначенный для новой присяги,—собраться на Сенатской площади, для поддержанія правъ Константина. У заговорщиковъ мелькала слабая надежда на возможность установленія временнаго правленія.

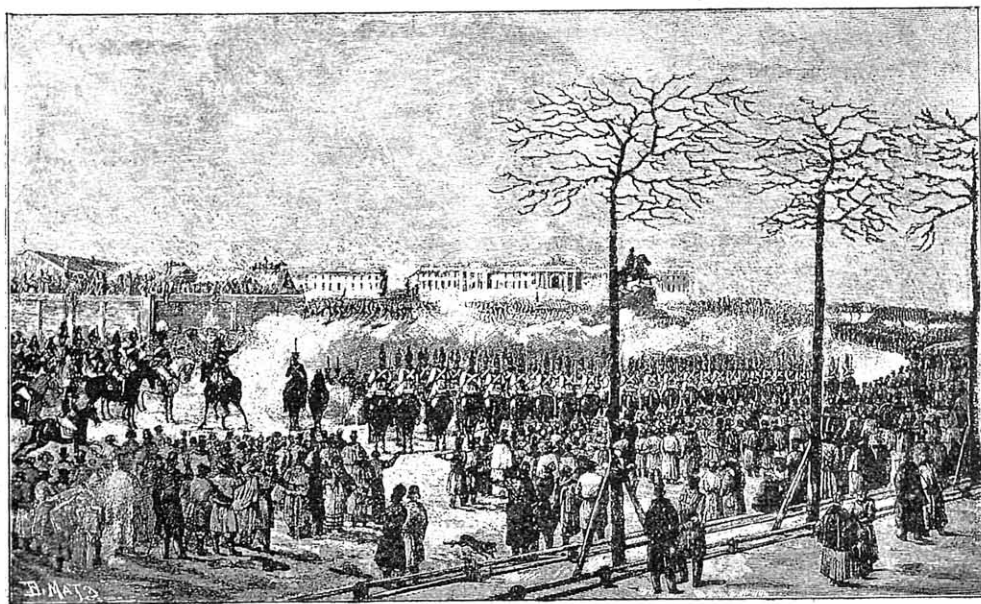
Наступило сумрачное петербургское утро 14 декабря. Было 8° мороза, падалъ снѣгъ, дулъ рѣзкій восточный вѣтеръ.

Графъ Милорадовичъ доложилъ Государю, что въ городѣ все спокойно. А между тѣмъ рано утромъ на Екатерининскомъ каналѣ слышался шумъ и крики. Шли подвыпившіе солдаты лейбъ-гвардіи Московскаго полка, окруженные буйной толпой. Они направлялись къ Исаакіевской площади. «Что вы здѣсь дѣлаете, братцы?» спросили ихъ. «Мы присягали Константину, а Николай, который держитъ его въ неволѣ, хочетъ вытѣснить его съ престола». . . . Солдаты говорили еще: «У насъ одна душа, мы не можемъ, какъ жида, каждую недѣлю присягать другому». «Гвардія бунтуетъ», пронеслось по улицамъ Петербурга; войска не хотятъ присягать! На площади у Сената собралось нѣсколько разрозненныхъ воинскихъ частей. Онѣ толпились въ безпорядкѣ, представляя пестросъ сборище. Тутъ былъ цѣлый маскарадъ распутства. Солдаты въ разстегнутыхъ шинеляхъ, съ заваленными на затылокъ киверами, мѣшались съ гражданскими лицами въ полушубкахъ и мужицкихъ шапкахъ. Многихъ успѣли напоить виномъ. Вокругъ, на бульварѣ, на площади много народу. Деревья, крыши, досчатая ограда вокругъ строившагося Исаакіевскаго собора полны людей ⁶⁾.

У Зимняго Дворца показался Императоръ въ Андреевской лентѣ, безъ шинели. Его окружилъ народъ. Онъ прочелъ ему длинный манифестъ. «Сердце замирало,—признавался Государь,—и единый Богъ меня поддержалъ». Народъ цѣлуетъ руки и мундиръ новаго Повелителя Россіи.

По площади, мимо Зимняго Дворца, идетъ войсковая часть. «Мы за Константина», слышится дерзкій голосъ изъ ея нестройныхъ рядовъ. «Когда такъ, такъ вотъ вамъ дорога»,—отвѣтилъ Государь, и мимо него прошли мятежники къ своимъ товарищамъ, стоявшимъ у памятника Петра Великаго.—«Ура, Константинъ!», «Ура, конституція!», неслись дикіе крики изъ мятежной толпы, наполнившей Сенатскую площадь.

Мятежниковъ, коихъ всего было около 2-хъ тысячъ, поочередно увѣщеваяютъ Милорадовичъ, Сухозанетъ, Великій Князь Михаилъ

Сенатская площадь 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ.

Павловичъ, митрополитъ Серафимъ. Перваго убили, остальные вернулись, не достигнувъ цѣли. «Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ двумъ Императорамъ присягнулъ. . . Не вѣримъ вамъ!», кричали изъ рядовъ.

Государь, сѣвъ на коня, объѣзжалъ нѣкоторыя воинскія части, отдавалъ приказанія, просилъ народъ разойтись. . . «По мнѣ стрѣлять будутъ и могутъ въ васъ попасть. Не хочу,—прибавилъ онъ,—чтобы кто-нибудь пострадалъ за меня. Ступайте по домамъ. Надѣньте шапки». Императоръ былъ величественно строгъ. Окружавшіе Государя умоляли его не подвергать себя опасности. Былъ моментъ, когда онъ, желая ближе разсмотрѣть положеніе мятежниковъ, подѣхалъ къ краю Сенатской площади.

Его узнали, встрѣтили буйными криками и ружейными выстрѣлами, убившими около него нѣсколько человѣкъ народа ⁷⁾. «Voilà un joli commencement de règne», вырвался грустный вздохъ изъ груди Монарха.

Представители иностранныхъ дворовъ, собравшіеся изъ любопытства на бульварѣ, пожелали встать въ свиту Государя, чтобы тѣмъ наглядно показать народу признаніе его законныхъ правъ на престолъ, но Николай Павловичъ, поблагодаривъ ихъ, стойко отвѣтилъ: «que cette scène était une affaire de famille, à laquelle l'Europe n'avait rien à démêler».

Проходятъ томительные часы въ разныхъ попыткахъ образумить заговорщиковъ. Двинули на нихъ, наконецъ, конный отрядъ, но гололедица помѣшала успѣху атаки.

Короткій декабрьскій день сталъ склоняться къ вечеру. «Ваше Величество, теперь не должно терять ни одной минуты: добромъ нечего здѣсь взять; необходима картечь»,—сказалъ князь Васильчиковъ.

— Итакъ, вы хотите, чтобъ я въ первый день царствованія пролилъ кровь моихъ подданныхъ?

— Чтобы спасти Ваше царство.

Мысль князя Васильчикова повторилъ гр. Толль.

Было 3 часа. Наступала темнота и городъ нельзя было оставить на произволъ нѣсколькихъ тысячъ вооруженныхъ солдатъ.

Проходить еще нѣкоторое время и затѣмъ раздается роковая команда, произнесенная самимъ Государемъ: «Пальба орудіями по порядку, правый флангъ начинай!». Полковникъ Нестеровскій навелъ орудіе, канониръ перекрестился, и грянулъ выстрѣлъ. За нимъ послѣдовалъ второй, третій. Въ рядахъ мятежниковъ полное смятеніе и «неистовый крикъ»; они стали спасаться бѣгствомъ. Картечь все рѣшила. Заговоръ былъ разсѣянъ. Типина и порядокъ сохранились по всей Россіи. Государь удалился во дворецъ.

Тамъ наблюдалась иная картина: въ залахъ вдовствующей Императрицы собрался блестящій дворъ. Тутъ-же находился митрополитъ съ многочисленнымъ духовенствомъ. Предполагался молебень по случаю восшествія на престолъ. Всѣ направились въ придворную церковь. Ожидали Государя. По его прибытіи, пропѣли только: «Тебе, Бога хвалимъ». Благодарили Всевышняго за избавленіе отъ опасности.

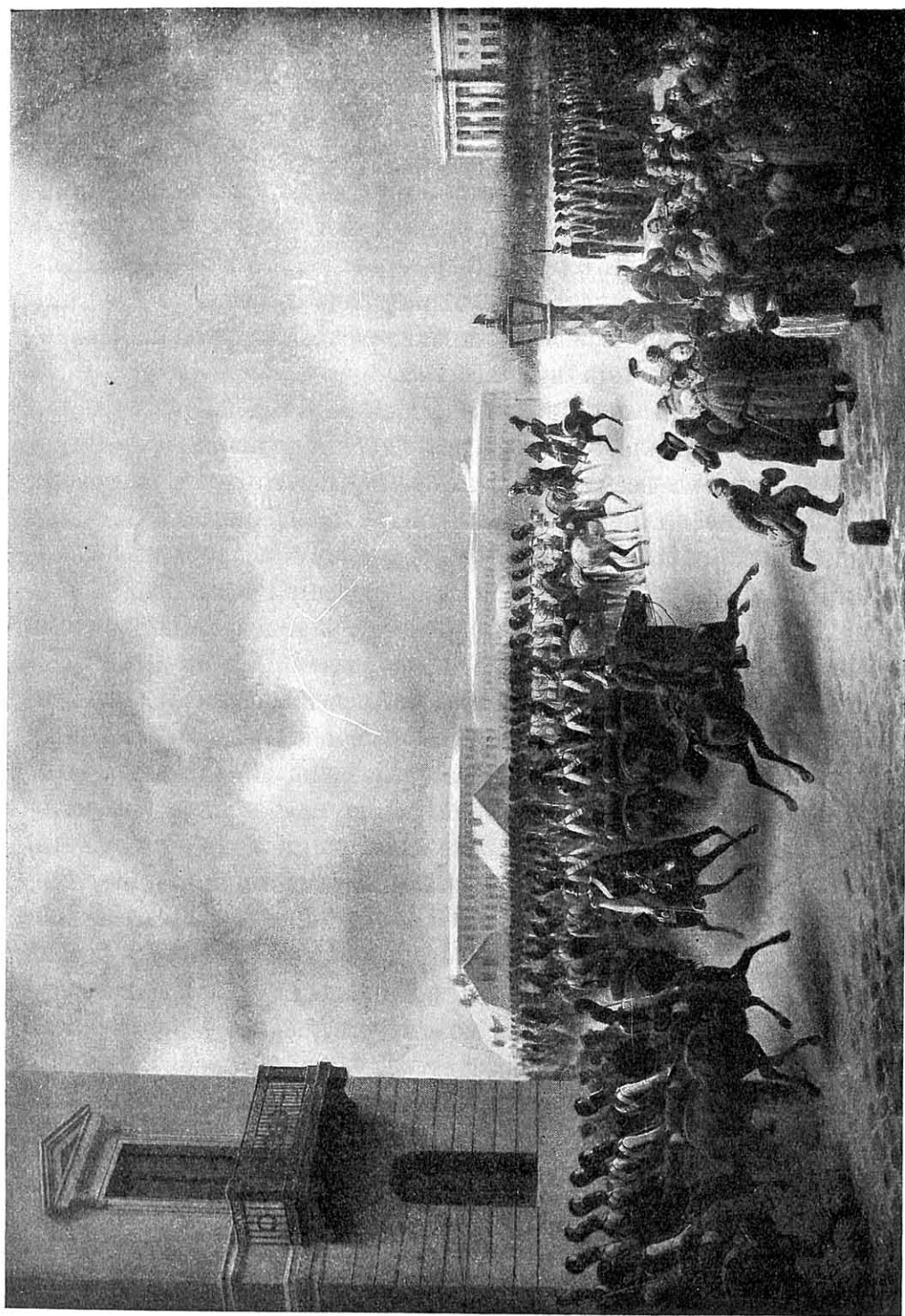
Въ это-же время въ конно-гвардейскихъ казармахъ мужественно умиралъ храбрый гр. Милорадовичъ—главная жертва мятежа. Государь почтилъ его прекраснымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, значилось: . . . «Я имѣлъ въ тебѣ друга и вѣрныхъ дѣтей въ русскомъ народѣ, за котораго общаюсь не жалѣть своей жизни».

Первый день царствованія сразу поднялъ Государя и показалъ его чудныя качества. Онъ сразу нравственно выросъ въ глазахъ всѣхъ.

Историографъ Н. М. Карамзинъ сообщалъ своему другу, И. И. Дмитріеву: «14 декабря я былъ во дворцѣ, выходилъ и на Исаакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять—шесть упало къ моимъ ногамъ. Новый Императоръ оказалъ неустрашимость и твердость. Первые два выстрѣла разсѣяли безумцевъ съ Полярною Звѣздою, Бестужевымъ, Рылѣвымъ и достойными имъ клеветами. Я, мирный историографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крестъ, ни митрополитъ не дѣйствовали» ⁸⁾. В. А. Жуковскій въ письмѣ къ Александру Ив. Тургеневу съ отрадою отмѣтилъ: . . . «Однимъ словомъ, во всѣ эти рѣшительныя минуты Государь явился такимъ, каковъ онъ быть долженъ: спокойнымъ, хладнокровнымъ, неустрашимымъ. Онъ представился намъ совершенно другимъ человѣкомъ, онъ покрылся честію въ минуту, почти безнадежную для Россіи». . . «Государь отстоялъ свой тронъ. . . Отечество вдругъ познакомилось съ нимъ, и надежда на него родилась посреди опасности, устраненной его духомъ» ⁹⁾.

«Еще утромъ этого дня,—читаемъ у графини М. Д. Нессельроде,—не знали его громадныхъ достоинствъ, которыя неожиданно обнаружилились подъ вліяніемъ этихъ грустныхъ обстоятельствъ. Въ нѣсколько часовъ, своею храбростію, присутствіемъ духа, твердостію, гуманностью онъ сумѣлъ привлечь къ себѣ сердца и довѣріе войскъ, обитателей столицы. . . Какая рѣчь, какое благородство, какое величіе! И гдѣ до сихъ поръ онъ скрывалъ все это?» ¹⁰⁾.

«Я Императоръ,—писалъ Николай брату Константину,—но какою цѣною, Боже мой, цѣною крови моихъ подданныхъ!».—«Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать всю жизнь, при воспоминаніи объ этомъ днѣ»,—сказалъ Николай Павловичъ французскому послу Лафер-

На Сенатской площади 14 декабря 1825 г.

ронѣ, вскорѣ послѣ своего воцаренія ¹¹⁾. При этихъ словахъ, слезы текли изъ глазъ Императора и рыданія заглушили его голосъ. «Сердце мое раздирается и у меня постоянно предъ глазами ужасное зрѣлище, ознаменовавшее день моего вступленія на престолъ». Правильно поэтому указываютъ, что происшествія 14 декабря произвели на Императора тяжелое, удручающее впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія ¹²⁾. 14-ый декабрь потрясъ желѣзную натуру Николая Павловича. Его жизни грозила опасность: «Якубовичъ сознался, что намѣревался убить Императора». «Меня не съ чѣмъ поздравлять,—обо мнѣ сожалѣть должно», сказалъ Николай Павловичъ въ день восшествія на престолъ.

Въ продолженіе царствованія Николая 14 декабря служили благодарственное молебствіе обѣ «избавленіи отъ крамолы, угрожавшей бѣдствіемъ всему руссійскому государству». Въ разговорѣ Николай Павловичъ не разъ вспоминалъ о декабристахъ, называя ихъ «*mes amis du quatorze*». Даже умирая, Государь просилъ Наслѣдника престола поблагодарить войска за спасеніе Россіи (въ 1825 г.). Столь сильно задѣто было рыцарское чувство Государя, столь глубока была рана 14 декабря ¹³⁾.

Въ книгѣ шведа «*La Scandinavie*», предназначенной для европейской публики, рассказывались разныя небылицы. Въ Зимнемъ дворцѣ, наканунѣ рѣшающаго дня, внезапно произведена была смѣна гвардейскаго гренадерскаго полка другимъ полкомъ, въ которомъ офицеры были финны. Въ то же время, когда довѣрили важный постъ этимъ офицерамъ, имъ объявили манифестъ, коимъ утверждались права и свобода Финляндіи. «Съ этого момента финны считали себя связанными узами благодарности и долга, и нѣсколько часовъ спустя съ геройскимъ мужествомъ защищали Государя отъ возмущившейся гвардіи. Достоверно можно утверждать,—прибавляетъ шведъ,—что Николай въ эту рѣшительную минуту обязанъ былъ сынамъ Финляндіи короной и жизнью» ¹⁴⁾. Авторъ «слышалъ звонъ», но смѣшалъ л.-гв. финляндскій полкъ съ финляндцами.

Узнавъ о роковомъ событіи въ Таганрогѣ, и. д. председателя Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ, баронъ Р. Ребиндеръ, устремился къ Великому Князю Николаю Павловичу и въ то же время сдѣлалъ попытку достать нужныя ему справки у статсъ-секретаря Польши

гр. Грабовскаго. Не узнавъ ни здѣсь, ни тамъ ничего опредѣленнаго, Ребиндеръ самъ присягнулъ и предложилъ своимъ подчиненнымъ принести присягу Константину Павловичу. Объ этомъ онъ написалъ финляндскому генераль-губернатору А. Закревскому.

Увѣдомленіе о скорбномъ событіи генераль-губернаторъ получилъ въ Гельсингфорсѣ 29 ноября «въ 12 часовъ утра» эстафетою, которая привезла «партикулярное письмо; не имѣя однакожь никакого официальнаго извѣстія,—прибавляетъ Закревскій въ своемъ дневникѣ,—содержалъ оное въ тайнѣ». Но въ тотъ же день онъ получилъ официальные увѣдомленія, почти одновременно отъ и. д. председателя Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ, барона Р. Ребиндера, и отъ военнаго министра, генерала Татищева.—Ребиндеръ, не имѣя никакого предписанія, тѣмъ не менѣе просилъ о приводѣ къ присягѣ. Генераль-же Татищевъ приложилъ къ своему увѣдомленію ту форму вѣрноподданнической присяги, которая разсылалась повсемѣстно отъ Правительствующаго Сената. Закревскій немедленно предписалъ финляндскому Сенату присягнуть Его Императорскому Величеству Константину Павловичу и просилъ озаботиться о приведеніи къ присягѣ всѣхъ учреждений и сословій края, кромѣ крестьянъ, по препровожденной при этомъ формѣ присяги, «изданной отъ Правительствующаго Сената» ¹⁵).

Третій курьеръ изъ Петербурга примчался отъ дежурнаго генерала А. Потапова, который, по повелѣнію Вел. Кн. Николая Павловича, запрашивалъ Закревскаго, какія имъ сдѣланы распоряженія о приводѣ къ присягѣ Константину Павловичу. Особенно торопился съ присягой войскъ. Отъ себя А. Потаповъ приписалъ, что Вел. Кн. Николай Павловичъ «не менѣе желаетъ, чтобы вся Финляндія приведена была сколь возможно скорѣе къ присягѣ» ¹⁶).

О томъ, что дѣлалось въ Финляндіи, видно изъ письма къ Ребиндеру отъ 2—14 декабря вице-президента Сената К. Эр. Маннергейма, который сообщалъ, что 12 дек. (30 ноября) его разбудилъ въ шесть часовъ утра адъютантъ, звавшій его къ генераль-губернатору. Ему сообщено было о горестномъ событіи и приказано созвать членовъ Сената и властей разныхъ управленій, для вѣрноподданнической присяги новому Государю. К. Маннергеймъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній относительно присяжнаго листа Правительствующаго Сената, попросилъ дать возможность принести присягу по обычной для Финляндіи формѣ, но отказался отъ дальнѣйшаго спора, когда генераль-губернаторъ опредѣленно заявилъ, что въ виду серьез-

ной отвѣтственности по этому дѣлу онъ не можетъ допустить какого-либо измѣненія и промедленія.

Въ тотъ же день, 30 ноября—12 дек., собранъ былъ пленумъ Сената. Въ кратко составленномъ протоколѣ говорится лишь, что генераль-губернаторъ, присутствовавшій въ Сенатѣ, представилъ увѣдомленіе о кончинѣ Императора Александра и восшествіи на Престолъ Вел. Кн. Константина, которое К. Маннергеймъ прочелъ по-шведски. Затѣмъ послѣдовала присяга по формѣ, исходившей отъ Правительствующаго Сената, прочитанной прокуроромъ Валленомъ. Послѣ присяги сенаторовъ и чиновниковъ, генераль-губернаторъ удалился. Сенаторы-же, устроивъ новое совѣщаніе, рѣшили приказать властямъ края присягнуть и заставить другихъ дать присягу, согласно сообщенной изъ Петербурга формѣ. И дѣйствительно, присяга была принесена во всемъ краѣ по русскому присяжному листу.

Судя по протоколу Сената, все прошло спокойно и безъ пререканій. Но изъ частнаго письма предсѣдателя Вазаскаго гофгерихта, Ротчирка, къ губернатору Улеоборгской губерніи, С. Ф. фонъ-Борну, узнаемъ, что въ протоколъ не внесено все происходившее въ засѣданіи. Ротчиркъ рассказываетъ, что на засѣданіи Сената, послѣ ухода Закревскаго, Фридрихъ-Вильгельмъ Эдельгеймъ сталъ порицать К. Маннергейма за происшедшее, указывая на незаконность приносить присягу самодержавному Государю. К. Эр. Маннергеймъ, разгораясь, просилъ избавить его отъ всякихъ замѣчаній въ присутствіи Сената. Клинковстрёмъ хотѣлъ высказать свое мнѣніе, но его остановилъ А. Г. Фалькъ словами: «Молчи, не мѣшай члену высказаться до конца». Эдельгеймъ продолжалъ говорить долго и горячо. Однако къ нему присоединилось лишь меньшинство, большинство-же осталось при рѣшеніи, чтобы та форма присяги, по которой присягали Сенатъ, была примѣнена по всему краю. «Эту ссору», прибавляетъ Ротчиркъ, «не слѣдуетъ распространять, ибо она только напрасно возбудить умы».

Разсказанное происшествіе устанавливается исключительно письмомъ одного Ротчирка.

О поведеніи Эдельгейма въ Сенатѣ существуетъ еще семейное преданіе, сообщенное ¹⁷⁾ внучкой Ф. В. Эдельгейма, Анной Эдельгеймъ, но оно возбуждаетъ сомнѣніе отъ начала до конца. Разсказываютъ, что Эдельгеймъ выразилъ свой протестъ во время самой присяги, громко спросивъ: «Что это за присяга, которую вы, прокуроръ,

читаете?». Этими словами церемонія присяги была прервана. Всѣ въ смущеніи переглянулись. Закревскій вскипѣлъ и гнѣвно принялся угрожать Сенату, будущности страны и всѣмъ вообще ослушникамъ. Онъ, яко-бы, дошелъ до того, что, положивъ рядомъ съ Библіей свое оружіе, и, ударивъ по немъ рукой, вскричалъ: «Единственно въ немъ законъ Финляндіи!». Эдельгеймъ, протестуя, съ твердостью заявилъ: «Нѣтъ, у насъ есть другой законъ». Семейное преданіе прибавляетъ, что Эдельгеймъ былъ затѣмъ арестованъ на двѣ недѣли. Финляндія, давно уже жаждавшая героевъ и выдумывающая ихъ, успѣла даже создать варианты этой легенды ¹⁸⁾. Но историкъ Финляндіи, повторивъ приведенный рассказъ, долженъ былъ прибавить: «Жаль, что историческое изслѣдованіе не можетъ подтвердить этой семейной традиціи. Хотя этой легендѣ уже семьдесятъ лѣтъ, она напрасно ожидаетъ солиднаго удостовѣренія» ¹⁹⁾.

Полагаемъ, что въ дѣйствительности все прошло спокойно, обычнымъ порядкомъ, и 30-го-же ноября (12 дек.) Сенатъ донесъ генераль-губернатору, что всѣ «принесли присягу на вѣрность подданства по сообщенной формѣ», а на другой день Закревскій о томъ-же послалъ рапортъ Его Императорскому Величеству ²⁰⁾.

1-го декабря Закревскій получилъ письмо отъ Ребиндера, который увѣдомлялъ, что Его Императорское Высочество Николай Павловичъ освѣдомился о формѣ клятвеннаго обѣщанія. Ребиндеръ доложилъ, что никакой формы онъ генераль-губернатору не послалъ, ибо «полагалъ, что въ семъ случаѣ будутъ въ Финляндіи руководствоваться либо тою формою, которая уповательно сообщена вашему превосходительству по военной части, для приведенія къ присягѣ находящихся тамъ Россійскихъ войскъ, либо присягою, которая учинена была въ Финляндіи на вѣрноподданство Его Величеству въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру Павловичу». Великій Князь приказалъ, для избѣжанія всякаго недоразумѣнія, «сообщить вашему превосходительству, посредствомъ частнаго письма, что Его Высочество не находитъ различія въ томъ, по которой изъ вышеупомянутыхъ двухъ формъ учинена будетъ присяга на вѣрноподданство Его Величеству Государю Императору Константину Павловичу, если только въ оной присягѣ, согласно съ изданною отъ Правительствующаго Сената для Имперіи формою, включаются обѣщаніе на вѣрноподданство Государю Императору и Его Величества Всероссійскаго престола Наслѣднику, который назначенъ будетъ, съ обязательствомъ вѣрно и нели-

цѣмѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и все къ высокой Его Императорскаго Величества силѣ и власти принадлежащія права и преимущества по крайнему разумѣнію и силѣ возможности предостерегать и оборонять» ²¹⁾).

На первыхъ-же порахъ генераль-губернаторъ распорядился, «сообразно бывшимъ прежде при подобныхъ горестныхъ происшествіяхъ примѣрамъ», установить: 1) поминаніе скончавшагося Императора въ молитвахъ, 2) производство въ извѣстный часъ колокольнаго звона, 3) трауръ и 4) воспрещеніе театральныхъ зрѣлищъ и «музыки въ церквахъ».

Прошло двѣ недѣли, и въ Россіи сдѣлалось общеизвѣстнымъ отреченіе Вел. Князя Константина Павловича отъ престола ²²⁾).

Въ день восшествія на престолъ Императора Николая I, 12—24 декабря, баронъ Ребиндеръ представился Государю и предложилъ къ подписанію манифестъ финляндскихъ правъ и привилегій, имѣя при себѣ копию прежняго подобнаго манифеста. Финляндскій историкъ, Робертъ Кастрѣнъ, передаетъ неизвѣстно отъ кого исходившій, рассказъ о томъ, что съ этимъ представленіемъ Государю связана торжественная минута въ жизни Ребиндера. Государь, прочтя поданную ему копию, намѣревался произвести въ ней нѣкоторыя измѣненія. Ребиндеръ, замѣтивъ это, положилъ руку на бумагу и гордо произнесъ: «Sire, tout ou rien!»—Подобный рассказъ никакого довѣрія, конечно, не заслуживаетъ, такъ какъ совершенно не согласуется съ характеромъ дѣйствующихъ лицъ: Ребиндеръ, по натурѣ, былъ очень робокъ и до крайности остороженъ, непреклонная-же воля Николая I—общеизвѣстна. Ясно, что весь рассказъ о геройскомъ подвигѣ барона приходится отнести къ области празднофантазіи.

Манифестъ былъ подписанъ 12 декабря и затѣмъ переведенъ на шведскій языкъ. «Вѣрность перевода удостовѣрена по милостивому повелѣнію Роб. Г. Ребиндеромъ, состоящимъ при особѣ Его Величества Государя по финскимъ дѣламъ» и тѣмъ не менѣе переводъ не вполне соотвѣтствуетъ подлиннику ²³⁾).

14 декабря 1825 г. исправляющій должность Предсѣдателя Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ, баронъ Ребиндеръ, писалъ генераль-губернатору о восшествіи на Всероссійскій Императорскій престолъ Великаго Князя Николая Павловича. Къ письму приложены были Манифестъ и отреченіе Цесаревича Константина Павловича. Ребин-

деръ просилъ объ обнародованіи этихъ документовъ по приведеніи къ присягѣ «на вѣрноподданство по приложеннымъ у сего Высочайше утвержденнымъ собственноручною Его Императорскаго Величества подписью двумъ формамъ, каковую присягу, сообразно точной Высочайшей волѣ, имѣеть прежнимъ обыкновеннымъ порядкомъ исполнить и крестьянское сословіе Финляндіи; тѣ-же изъ жителей Финляндіи, кои исповѣдуютъ православную греко-россійскую вѣру, должны учинить клятвенное обѣщаніе по утвержденной для прочихъ жителей Имперіи формѣ, которая будетъ къ вашему превосходительству доставлена отъ военного начальства».

Изъ рапорта А. А. Закревскаго Его Императорскому Величеству видно, что все было исполнено въ точности; приведены были къ присягѣ войска Россійскія и Финляндскія, «какъ все сословіе Финляндскаго Сената по особой формѣ присяги», а равноѣрно всѣ граждане «сей финляндской столицы» ²⁴).

Ко всей этой исторіи, рассказанной по первѣйшимъ документамъ, остается лишь прибавить: до свѣдѣнія Его Величества дошло, что поселяне ближайшихъ къ Петербургской губерніи приходоѡ Выборгской губ. обратили вниманіе на то, что имъ надлежало учинить присягу предъ городскими судами. Въ виду того, что прежде имъ разрѣшалось присягать въ церквахъ, Государь и теперь повелѣлъ принести присягу въ церквахъ, въ присутствіи пасторовъ и судей ²⁵).

Біографъ гр. Ар. Андр. Закревскаго, Д. В. Друцкой-Соколинскій, говоритъ, что, приведя финляндевъ къ присягѣ Константину Павловичу по общей русской формѣ, графъ считалъ обособленное положеніе Финляндіи фактически уничтоженнымъ. «Но Государь въ послѣдствіи, несмотря на всѣ настоянія его, подтвердилъ основанія Фридрихсгамскаго мира и тѣмъ возвратилъ самостоятельность Финляндіи. Графъ подчинился, какъ всегда, распоряженію самодержавной власти; но до конца своей жизни горячо доказывалъ, что если-бы было поддержано его распоряженіе, даже пожертвовавъ имъ лично, можно было достигнуть полнаго сліянія Финляндіи съ Россіей». ²⁶).

Высочайшій манифестъ объ утвержденіи Николаемъ I финляндскихъ правъ и преимуществъ переданъ былъ въ Сенатъ, который, «принявъ съ чувствомъ благоговѣнія» столь «драгоцѣнный залогъ», поставилъ себѣ въ священную обязанность изъяснить Его Импер. Величеству «отъ имени здѣшняго народа глубочайшую благодарность въ особомъ начертаніи», которое ген.-адъютантъ Закревскій

представилъ Государю. Въ адресѣ Сената говорилось: «Ваше Величество. Финляндскій Сенатъ имѣлъ счастье получить сегодня актъ, коимъ Ваше Имп. Величество, при восшествіи на престолъ своихъ предковъ, благоволили обезпечить жителямъ Финляндіи сохраненіе ихъ вѣры, законовъ и конституціонной свободы.... Ничто не могло лучше осушить наши слезы и открыть сердца для надежды, какъ сей великодушный актъ... Ваше Импер. Величество явили Себя... благодѣтелемъ Финляндіи... и найдете въ жителяхъ сей страны любовь и испытанную вѣрность... Сохраняя постановленія, кои въ теченіе многихъ столѣтій составляли основаніе нашего благоденствія и образованности, будучи покровительствуемы подъ щитомъ могущественной Имперіи Вашего Величества и гордясь принадлежать къ оной, чего могли-бы мы пожелать еще болѣе, какъ только заслужить безпредѣльною привязанностью и чувствами достойными Вашего оправданія, цвѣтущую судьбу, которую Небо въ милосердіи своемъ намъ предоставило и которую царствованіе Вашего Величества исполнить....» ²⁷⁾).

Едва кончилась «нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ», какъ вечеромъ того-же 14 декабря началось дознаніе, и послѣдовали аресты. Государь съ крайнимъ душевнымъ прискорбіемъ соглашался на заключеніе преступниковъ въ крѣпость.

По окончаніи суда, часть декабристовъ содержалась недолго въ Финляндскихъ крѣпостяхъ. Въ Выборгѣ были заключены Мих. Сергѣевичъ Лукинъ, Мих. Фотіевичъ Митьковъ и Петръ Александровичъ Мухановъ. Изъ нихъ Митьковъ былъ, кажется, переведенъ въ Свеаборгъ на островъ Лонгернъ, гдѣ содержались еще двое; изъ Выборга были (въ 1829 г.) переведены, по представленію Закревскаго, въ Нейшлотъ офицеръ Лушниковъ и чиновникъ XII класса Критскій. Во время допроса, въ Петербургѣ, одинъ изъ молодыхъ декабристовъ, упавъ къ ногамъ Императора, чистосердечно сознался въ своей винѣ. Его наказаніе ограничено было шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ Выборгскомъ замкѣ ²⁸⁾. Въ Выборгской-же крѣпости сидѣлъ Анненковъ ²⁹⁾. Изъ письменнаго его признанія узнаемъ, что «въ Выборгѣ сидѣть было довольно сносно, офицеры и солдаты были народъ добрый и сговорчивый, большой строгости не соблюдалось, комендантъ былъ человѣкъ простой; офицеры часто собирались «въ шлоссъ» какъ на раутъ: тамъ всегда было вино,

потому что у меня были деньги; я былъ радъ угостить, офицеры были рады выпить и каждый день расходились очень довольные, а комендантъ добродушно говорилъ: я полагаюсь на ваше благоразуміе, а вы моихъ-то поберегите. Чувствительныя нѣмки, узнавъ о моей участи, присылали выборгскихъ кренделей и разной провизіи, даже носки своей работы. Однажды кто-то бросилъ въ окно букетъ фіалокъ, который я встрѣтилъ съ глубокимъ чувствомъ благодарности: цвѣты эти доставили мнѣ несказанное удовольствіе»...

Въ Кексгольмѣ были отправлены Ив. Ив. Горбачевскій, Александръ Викторовичъ Поджіо, Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ.

Едва-ли не болѣе всего ихъ было сосредоточено въ Роченсальмѣ, въ фортѣ Слава. Тутъ временно находились (съ августа 1826 г.) Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій), отправленный затѣмъ (въ октябрѣ 1827 г.) въ Якутскъ, Алексѣй Ивановичъ Тютчевъ, Ив. Дм. Якушинъ, А. П. Арбузовъ, Матвѣй Ив. Муравьевъ-Апостолъ. «Здѣсь все содержалось въ темныхъ сырыхъ комнатахъ, питались гнилой ветчиной, не всегда выпеченнымъ хлѣбомъ и часто пили воду съ примѣсью соленой морской, попадавшей въ единственный колодезь» ³⁰). Въ фортѣ Слава А. Бестужевъ успѣлъ написать повѣсть «Андрей Переяславскій», не имѣя ни одной книги. Написалъ онъ жестянымъ обломкомъ, на которомъ зубами сдѣлалъ расщепъ, на табачной оберткѣ, по ночамъ. Чернилами служилъ толченый уголь. «Можете судить объ отдѣлкѣ и вдохновеніи»,—писалъ впоследствии А. Бестужевъ Полевому ³¹).

В. С. Норовъ, привлеченный къ дѣлу о тайномъ обществѣ декабристовъ, содержался частью въ Петропавловской, частью Свеаборгской крѣпости ³²).

По словамъ Греча, декабристъ Гавріиль Степановичъ Батеньковъ пробылъ два года въ Свартгольмской крѣпости ³³). Тамъ-же содержался В. И. Штейнгель. Его посадили въ маленькій казематъ, съ маленькимъ окошкомъ и желѣзною рѣшоткою. По его словамъ, это была самая ужасная минута въ его жизни: онъ вообразилъ, что тутъ ему опредѣлено умереть. Онъ упалъ на колѣни и сталъ со слезами молиться. Потомъ вошелъ смотритель и ласково извинился, что не все для него приготовлено. Смотритель заявилъ, что Штейнгеля велѣно содержать «пристойно» (съ іюня 1826 г. до февраля 1827 г.). Въ февралѣ 1827 г. крѣпость посѣтилъ генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій и облегчилъ положеніе всѣхъ. Онъ приказалъ допускать заключенныхъ къ общему обѣду, выводить на прогулку

въ одиночку и въ баню. Коронаціонный манифестъ смягчилъ участь государственныхъ преступниковъ. Штейнгелю опредѣлена была каторга на 15 лѣтъ. Въ іюлѣ 1827 г. его въ кандалахъ отвезли въ Сибирь ³⁴). Комендантъ Свартгольма Карлъ Федоровичъ Бракель, при отправленіи первой партіи изъ крѣпости въ Сибирь, читая узникамъ полученное приказаніе, при словахъ «заковать въ желѣзо» зарыдалъ. Преступники утѣшили его, высказывая свое равнодушіе и готовность на всякое оскорбленіе ³⁵).

Финляндскимъ крѣпостямъ пришлось принять въ своихъ казематахъ и другихъ русскихъ преступниковъ. На докладѣ дѣла «о братьяхъ Критскихъ», Государь надписалъ: «Суду не предавать, а послать по два: въ Свартгольмъ, въ Шлиссельбургъ и въ Соловецкій островъ» ³⁶).

Финляндскія депутаціи не имѣли счастья принести Его Величеству всеподданнѣйшаго поздравленія, по случаю вступленія на престолъ, почему имъ предложено было прибыть въ Петербургъ, въ виду коронаціи. Представители четырехъ сословій приготовили привѣтственные рѣчи, но онѣ не были произнесены. Тексты рѣчей сохранились. Гр. Аминовъ предполагалъ указать, что Александръ Благословенный «предуготовилъ счастливѣйшую эпоху, представляющуюся въ лѣтописяхъ Финляндіи... Ваше Величество благоволили даровать намъ охраненіе нашихъ древнихъ конституціонныхъ учреждений... Будучи бѣдны и суровы дѣйствиємъ нашего климата, уединены среди морей и скалъ, мы довольны той участью, которую даровали намъ наши Государи, и мудростью законодательства, которую завѣщали намъ отцы наши...». Въ рѣчи епископа Меландера, между прочимъ, значилось, что «величественная корона обширнаго государства на священной главѣ Вашего Величества получила новый блескъ отъ мудрости Государя-героя...».

Импер. Николай I

«Онъ бодро, честно правиль памн».
А. Пушкинъ.

Царствованіе Императора Николая I обычно характеризуется какъ время реакціи и полного застоя, когда всюду водворялся казарменный порядокъ и тишина кладбища; въ немъ самомъ усматриваютъ деспота-поработителя всѣхъ полезныхъ знаній, воплощенное противодѣйствіе «всему, что шевелилось въ Европѣ».

Все это преувеличенія и крайности. Въ дѣйствительности его царствованіе является «удивительнымъ временемъ наружнаго рабства и внутренняго освобожденія» (А. И. Герценъ). Что-же касается личности Николая I, то заря правды въ его оцѣнкѣ, къ сожалѣнію, еще не занялась.

Прежде всего справедливость требуетъ отмѣтить, что тяжелое и запущенное наслѣдіе досталось Николаю Павловичу отъ старшаго его брата. Все пришло въ разстройство,—писалъ П. Д. Дивовъ,—и страна изнемогла подъ тяжкими послѣдствіями перенесенныхъ войнъ. Ханжество стало закономъ, цензура не знала сдержекъ. Пропцвѣтало одно лишь крѣпостное право, причемъ о крестьянской реформѣ запрещено было писать. Два милліона дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ оставались безъ движенія и 127 тыс. заключенныхъ тѣтено ожидали рѣшенія своей участи. Власть была дезорганизована. Указы Сената оставались безъ вниманія, а самъ Сенатъ низведенъ до степени простой типографіи. «Зараженіе умовъ было генеральное».

Вступивъ на престолъ, Николай Павловичъ дѣлалъ все, чтобы искоренить зло, уврачевать раны, поднять внутреннее благосостояніе, поддержать внѣшнее значеніе самоотверженно любимой имъ Россіи. Время его царствованія—время неустанной работы. Онъ не увлекался стремленіемъ все пересоздать въ государствѣ по отвлеченнымъ философскимъ системамъ; имъ руководило скромное желаніе сохранить существующій строй, введя въ него постепенно нужныя исправленія и порядокъ. «Подвигаться не колебля, открывать пути не потрясая»—таково было его желаніе.

Николай Павловичъ началъ съ того, что учредилъ, подъ предсѣдательствомъ гр. В. П. Кочубея, особый комитетъ. Ему надлежало выяснить: 1) что предполагалось сдѣлать при Александрѣ I;

2) что имѣлось въ наличности; 3) что можно было признать удовлетворительнымъ и что нельзя было оставить незамѣненнымъ. Очевидно, что Государь желалъ прежде всего уяснить себѣ истинное положеніе дѣла.

Началась обширная работа. Но чтобы не возбудить въ обществѣ несбыточныхъ надеждъ, все производилось тайно въ рядѣ секретныхъ комитетовъ. Къ помощи общественной самодѣятельности правительство почти не прибѣгало, за что подвергается граду упрековъ. Но и впослѣдствіи правительство долго не обращалось къ ней, имѣя къ тому немало серьезныхъ основаній: большинство нашего дворянства коснѣло въ невѣжествѣ, а небольшая часть образованнаго общества была охвачена мечтательнымъ идеализмомъ, соединеннымъ съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ реальной дѣйствительности. Кромѣ того, печальные результаты мѣстнаго сословнаго и дворянскаго самоуправленія были у всѣхъ передъ глазами.

Однако Николаевское правительство не совсѣмъ чуждалось общественной самодѣятельности. Съ цѣлью развитія мѣстнаго самоуправления въ губерніяхъ учреждены были комиссіи, вѣдавшія мѣстное хозяйство, земскія повинности, санитарную часть и т. п. Новымъ закономъ 1831 г. опредѣленъ былъ кругъ вѣдомства дворянскихъ собраній. Новымъ «городовымъ положеніемъ» 1846 г. привлечены были къ завѣдыванію городскими дѣлами представители сословій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Императоръ Николай I имѣлъ въ виду достигнуть нѣкоторой децентрализаціи. Его резолюція 1826 года гласила: «не вносить въ Комитетъ Министровъ такихъ предметовъ, по которымъ разрѣшенія ихъ собственнаго совершенно достаточно по власти, имъ дарованной». Но робкому начальству всегда удобнѣе было снять съ себя отвѣтственность и потому оно входило къ высшимъ учрежденіямъ за разъясненіями и приказами. Иныя же власти, по свойственной имъ лѣни и боязни, избѣгали всякаго труда и малѣйшей инициативы. Не верховная власть отказывалась отъ помощи, а общественныя учрежденія и сословія не въ состояніи были дать ея.

Сильнѣйшей движущей пружиной періода 1825—1855 г.г. была могучая и даровитая личность Монарха. Крупнѣйшія дѣла царствованія Императора Николая I проведены были по собственному его почину и настоянію. Такъ, исключительно благодаря личной пастойчивости Николая Павловича началось у насъ же-

лѣзнодорожное строительство, Волга покрылась пароходами, на многія тысячи верстъ проведены были шоссейныя дороги, улучшена финансовая система, обсуждался вопросъ о крестьянской реформѣ и пр.

Техника на Западѣ дѣлала свое дѣло; она облегчила и ускорила сообщенія, но общественное мнѣніе не скоро примирилось съ желѣзнодорожными новшествами. Даже въ англійскомъ парламентѣ билль о первой дорогѣ прошелъ большинствомъ лишь одного голоса. Печать же кричала, что пары локомотива отравятъ воздухъ, искры его будутъ угрожать пожарами домамъ и лѣсамъ, жизнь пассажировъ—находиться въ зависимости отъ множества опасностей.

Тоже повторилось у насъ. Даже профессора Института инженеровъ путей сообщенія читали тогда публичныя лекціи о невозможности въ Россіи устроить сѣть желѣзныхъ дорогъ. Энергичное противодѣйствіе постройкѣ желѣзныхъ дорогъ оказали вліятельный министръ финансовъ Канкринъ. Первая проложенная дорога оканчивалась извѣстнымъ Павловскимъ вокзаломъ, что дало поводъ гр. Канкрину съ усмѣшкой замѣтить, что дорогу построили къ трактиру. Противники желѣзныхъ дорогъ находили, что онѣ не только не нужны, но даже вредны. Не нужны въ виду наличности въ Россіи водяныхъ путей сообщеній, вредны потому, что могутъ помѣшать извозному промыслу и вызвать ропотъ народа, а также содѣйствовать истребленію лѣсовъ, за ненахожденіемъ въ Россіи каменнаго угля,³⁷⁾ и, наконецъ могутъ пріучить населеніе къ празднымъ передвиженіямъ.

Въ виду отсутствія частной предпріимчивости, Государь рѣшилъ Николаевскую дорогу построить на счетъ правительства. Линейка и карандашъ въ царскихъ рукахъ указали ея наилучшее и кратчайшее направленіе. Послѣ Севастополя русскому обществу пришлось горько пожалѣть о неотзывчивости своихъ частныхъ капиталовъ на желѣзнодорожное строительство.

Второе большое дѣло, начатое по почину Государя,—военное пароходство. Окружавшіе Николая Павловича вліятельные моряки, въ родѣ князя Меншикова, не вѣрили въ пользу парового двигателя во флотѣ и называли «самоварниками» тѣхъ, которые желали введенія его на нашихъ судахъ. Несмотря на это, Государь заказалъ винтовой фрегатъ «Архимедъ» въ Англіи. Когда онъ былъ построенъ, капитану 1 ранга В. Глазенау надлежало привести

его въ Россію. Но 6-го октября 1850 г. фрегатъ застигнуть былъ у острова Борнгольма сильнымъ вѣтромъ, загнавшимъ его на мель, гдѣ фрегату пробило дно и онъ залитъ былъ водою, причемъ погибло 6 матросовъ. Всѣ усилія спасти первый русскій винтовой фрегатъ оказались тщетными. Его случайное крушеніе замедлило введеніе винтового двигателя въ нашѣмъ флотѣ и война 1855 г. застала насъ безъ винтовыхъ линейныхъ судовъ ³⁸⁾.

Слѣдующимъ большимъ дѣломъ, осуществленнымъ благодаря Государю, явилось упорядоченіе денежной системы. Реформа эта сводилась къ восстановленію металлическаго обращенія въ Россіи,

Гр. Канкринъ.

пониженіемъ цѣнности основной денежной единицы—серебрянаго рубля. Такая реформа была не только неизбежна, необходима, но и полезна въ экономическомъ отношеніи: она шла навстрѣчу не только потребностямъ государственной казны, но и нуждамъ развивавшейся промышленности и торговли ³⁹⁾. Проведеніе этой реформы должно быть признано безусловно удачнымъ и составляетъ положительную страницу въ исторіи царствованія Николая I ⁴⁰⁾.

Остается непонятнымъ, почему всегда скрывается, что важнѣйшій шагъ въ этомъ крупномъ и удачномъ дѣлѣ произведенъ по мысли, предложенной лично Императоромъ въ его собственноручной запискѣ ⁴¹⁾.

Въ январѣ 1839 г. въ особомъ Комитетѣ разсматривался вопросъ о замѣнѣ государственныхъ ассигнацій другими денежными представителями. Государь не только лично велъ эти засѣданія, но передалъ Комитету на обсужденіе записку, съ собственноручнымъ изложеніемъ своего проекта. Послѣ обсужденія, мысль Государя восторжествовала и она была всеми единодушно принята, такъ какъ оказалась наиболѣе основательной и рациональной. Записка Государя привела всѣхъ въ совершенный восторгъ. Обширность свѣдѣній въ такомъ специальномъ предметѣ, обиліе и точность мыслей, энергическая краткость, отнюдь не вредившая отчетли-

вости, наконецъ, самая изящность простаго и яснаго изложенія все это вмѣстѣ обличало въ авторѣ-мыслителѣ и искуснаго редактора. «Поистинѣ,—сказалъ Канкринъ,—я совершенно остолбенѣлъ, когда вы, Государь Императоръ, изволили прислать мнѣ вашу записку и я ее прочелъ. Дай Богъ—и скажу такъ безъ всякой неприличной лести—дай Богъ нашему брату, посѣдѣвшему въ этихъ дѣлахъ, умѣть написать что-либо подобное». И таково же было общее мнѣніе, дѣйствительно безъ всякой лести, прибавляетъ М. Корфъ, впервые огласившій этотъ фактъ ⁴²).

Не менѣе красива и славна слѣдующая страница въ исторіи его времени. Императоръ Николай I наканунѣ официальнаго восшествія на престолъ заявилъ: «Я желаю положить въ основу государственнаго строя и управленія всю силу и прочность закона». Выйдя въ другую комнату, Императоръ вынесъ бюстъ Петра Великаго, поставилъ его на свой письменный столъ и съ большимъ воодушевленіемъ произнесъ: «Вотъ образецъ, которому я намѣренъ слѣдовать за время моего царствованія». Сперанскій, возвратясь 13 декабря изъ дворца, сказалъ дочери, что Императоръ общается новаго Петра Великаго.

Гр. М. М. Сперанскій.

Государю Николаю Павловичу приписываютъ еще другія слова: «Я не хочу умереть, не совершивъ двухъ дѣлъ: изданія Свода Законовъ и уничтоженія крѣпостнаго права».

Въ 1833 г. Россія получила Сводъ Законовъ, который состоялъ изъ 15 томовъ, и Полное Собраніе Законовъ, которое заключало въ себѣ 45 томовъ и 30 тысячъ актовъ. Этой колоссальной работой удовлетворена была давно назрѣвшая потребность суда и управленія, оказана была огромная помощь русской исторической наукѣ и положено прочное основаніе наукѣ русскаго права. Сводъ и Собраніе Законовъ—величественный памятникъ государственному уму Николая I и его настойчивости.

Особенно ярко сказался личный починъ Государя въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Бесѣ-

дую однажды съ гр. Киселевымъ, Государь произнесъ: «ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда нибудь; я знаю, что могу рассчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ-же идеи, питаемъ тѣ-же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ. Видишь-ли эти картонны на полкахъ моего кабинета? Здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ все бумажки, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей Имперіи» ⁴³).

Результатомъ убѣжденія Государя въ необходимости улучшенія положенія крестьянъ явилось обиліе комитетовъ и проектовъ, а впослѣдствіи—и учрежденіе 1838 г. особаго министерства государственныхъ имуществъ.

Образованіе перваго секретнаго комитета относится къ 6 декабря 1826 г. Предложенія комитета не были осуществлены. По Западу пронеслась революціонная буря 1830 г., да кромѣ того, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ усмотрѣлъ въ проектѣ комитета едва-ли не продуктъ политической неблагонадежности высшихъ сановниковъ ⁴⁴).

Николай I глубоко любилъ свой народъ. Онъ зналъ его молодость и малую развитость, необузданность, неустойчивость. Онъ видѣлъ отношенія къ крѣпостнымъ людямъ помѣщиковъ-дворянъ и, гдѣ возможно было, каралъ злоупотребленія. За жестокое обращеніе съ крестьянами въ одномъ 1838 г. подъ опеку отдано было 140 имѣній. Гдѣ только онъ замѣчалъ излишнее обремененіе населенія, немедленно подымалъ свой голосъ. Во время поѣздки по нѣкоторымъ русскимъ губерніямъ, онъ обратилъ вниманіе, что почтовая дорога была для него усыпана пескомъ, а мосты и лѣсъ иногда освѣщались фонарями. Государь нашелъ это излишнимъ и воспретилъ повтореніе подобныхъ личныхъ для него услугъ ⁴⁵).

Въ 1839 г. выступилъ со своими предложеніями гр. Киселевъ. Они разсматривались новымъ Комитетомъ. Возникли разныя сомнѣнія; съ одной стороны опасались обезземелія дворянства, а съ другой—пролетаріата, при безземельномъ освобожденіи крестьянъ.

Проектъ разсматривался затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ (30 марта 1842 г.). Противъ проекта поднялись сильнѣйшіе сановники и прежде всего кн. А. С. Меншиковъ. Разныя обстоятель-

ства вызвали колебаніе даже Государя Императора: «Нѣтъ сомнѣнія,—сказалъ онъ,—что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное, но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ еще болѣе видимымъ». Это заявленіе усиленно подчеркивается, между тѣмъ очевидно, что оно сдѣлано было подъ вліяніемъ минуты, такъ какъ не остановило дальнѣйшихъ стремленій Государя къ намѣченной цѣли.

Работы въ разныхъ Комитетахъ не только возобновлялись и продолжались, но Государь самъ выступилъ съ предложеніемъ. Въ 1848 г. Г. Совѣтъ обсуждалъ законъ, по которому крестьяне могли приобрѣтать собственность съ дозволенія помѣщика. «Замѣчательно, что инициатива этого закона вышла отъ Государя»,—сообщилъ В. П. Боткинъ 17 февраля П. В. Анненкову ⁴⁶⁾.

И это не первое личное выступленіе Государя по крестьянскому дѣлу. Въ Комитетъ 1826 г. онъ внесъ собственноручную записку, о ревизіи дворовыхъ людей, а 5 октября 1831 г. писалъ намѣстнику гр. Паскевичу: «Обрати, пожалуйста, вниманіе на участь крестьянъ, нельзя-ли-бъ было упрочить ихъ благосостояніе».

Исполнить свою завѣтную мечту Государю не удалось, несмотря на 9 «секретныхъ», и «особыхъ» комитетовъ, но огромная брешь въ крѣпостной стѣнѣ была пробита. «Уже самый фактъ неоднократнаго обсужденія вопроса, хотя-бы въ секретныхъ комитетахъ, долженъ былъ повліять на крѣпостническую часть крупнаго дворянства» ⁴⁷⁾.

Все вокругъ громко и опредѣленно говорило крѣпостникамъ: близится день окончанія вашей вѣковой власти. Все явно свидѣтельствовало о рѣшимости правительства облегчить участь меньшей братіи. Помѣщики должны были свыкнуться съ мыслью о неизбежности освобожденія. И оно надвигалось.

Но кромѣ общихъ разговоровъ и стремленій, налицо имѣлись и реальные результаты. Была воспрещена продажа людей съ раздробленіемъ семействъ или безъ приписки къ землѣ; ограниченъ былъ кругъ лицъ, имѣвшихъ право владѣть крѣпостными; указаны наказанія, кои могъ налагать помѣщикъ. Число освобожденныхъ значительно возросло. Литература вопроса исподволь вспахивала цѣлину и подготавливала ее для посѣва реформы. Попутно выяснился вредъ безземельнаго освобожденія. Благосостояніе крестьянъ стало улучшаться. Когда имѣніе продавалось съ аукціона, крестьяне

могли выкупаться на свободу. Огромное вліяніе на паденіе крѣпостного права оказало также улучшеніе положенія крестьянъ западно-русскихъ губерній (1844 г.). Наконецъ, новое министерство государственныхъ имуществъ, руководимое гр. Киселевымъ, много содѣйствовало примѣненію къ крестьянскому сословію принципа законности, подвинуло дѣло крестьянскаго самоуправления, способствовало поднятію въ средѣ крестьянъ образованія, стремленія ихъ къ самостоятельности и т. п. Для крестьянъ стали издавать газету, писать книги, устраивать школы.

Даже такой могущественный Повелитель Россіи, какъ Николай I, не справился съ дѣломъ освобожденія. Но причинъ тому—цѣлая непреодолимая гора. Главное затрудненіе проистекало изъ того, что правительство рѣшительно не хотѣло дать свободы крестьянамъ безъ земли, опасаясь пролетаріата ⁴⁸). Тормозили дѣло окружающія Государя лица, мѣшали дѣлу дворяне, препятствовали политическія движенія на Западѣ и крестьянскія волненія въ Россіи.

Вышелъ, напримѣръ, скромный законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ и онъ вызвалъ столь шумный переполохъ въ дворянской средѣ и между представителями власти, что министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, вынужденъ былъ издать успокоительный циркуляръ губернаторамъ, ослаблявшій законъ искусственнымъ толкованіемъ.

Еще случай. Государь принялъ смоленскихъ депутатовъ, ободрилъ ихъ и побудилъ ихъ къ совѣщаніямъ по крестьянскому вопросу. Они вернулись въ губернію. Прошло нѣкоторое время и гр. Перовскій получилъ отъ Смоленскаго губернатора донесеніе, что двое изъ дворянъ смущаютъ губернію, распространяя гибельныя либеральныя мысли. Узнавъ объ этомъ, Государь приказалъ отвѣтить, чтобы губернаторъ молчалъ и не мѣшался не въ свое дѣло.

Въ 1845 г. гр. Перовскій, не являвшійся вовсе сторонникомъ полного освобожденія, предложилъ рядъ мѣръ къ улучшенію положенія крѣпостныхъ. Заработалъ новый Комитетъ 1847 года. Дѣло поддерживалъ гр. Киселевъ, но Государственный Совѣтъ его затормозилъ. Въ оппозиціи опять оказалось дворянство, а въ его рукахъ находился ключъ отъ той цѣпи—неволи, которую правительство силилось снять.

Но едва-ли не печальнѣе всего было то, что благія стремленія Государя неизмѣнно встрѣчали неодолимую стѣну среди его окру-

жающихъ, начиная съ членовъ царской семьи. Изъ личнаго признанія Государя узнаемъ: «Я говорилъ со многими изъ своихъ сотрудниковъ и ни въ одномъ не нашелъ прямого сочувствія; даже въ семействѣ моемъ нѣкоторые (Константинъ и Михаилъ Павловичи) были совершенно противны» ⁴⁹). Въ средѣ министровъ и сановниковъ дѣло тормозилось столь вліятельными лицами, какъ митрополитъ Филаретъ, Канкринъ, Уваровъ, кн. Чернышевъ, Волконскій, Васильчиковъ, А. А. Закревскій, Орловъ и особенно— кн. А. С. Меншиковъ ⁵⁰), который пугалъ Государя «негодованиемъ противъ правительства всего образованнаго класса». Князь Меншиковъ усматривалъ въ поземельной общинѣ гибельное муниципальное начало. Карамзинъ на долгіе годы отдалялъ дѣло освобожденія, М. Сперанскій также имѣлъ въ виду отсрочить его разрѣшеніе. Мордвиновъ полагалъ, что освобожденіе станетъ тогда возможнымъ, когда народонаселеніе Россіи будетъ пропорціонально ея пространству. Онъ даже мечталъ объ отмѣнѣ обязанности помѣщиковъ прокармливать своихъ крестьянъ во время неурожая ⁵¹).

Въ консервативномъ смыслѣ высказывался въ то время даже Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ; извѣстно, что онъ былъ недоволенъ дѣятельностью Бибикова за введеніе инвентарій въ Западномъ краѣ, а въ комитетѣ 1848 г. онъ высказался за отмѣну закона, дарующаго крѣпостнымъ право выкупаться на волю, при продажѣ имѣній съ аукціона ⁵²). О томъ, что Наслѣдникъ первоначально былъ противникомъ освобожденія свидѣтельствуемъ также ген.-адъютантъ А. Г. Тимашевъ ⁵³).

Тѣмъ большаго преклоненія заслуживаетъ убѣжденность Государя, который весьма опредѣленно шелъ къ намѣченной цѣли.

Въ передовомъ обществѣ, если и сочувствовали Государю, то не содѣйствовали ему. Тамъ много разсуждали, но почти ничего не дѣлали. Даже такіе сторонники освобожденія, какъ А. И. Тургеневъ, Якушкинъ, Герценъ, Огаревъ и др. топтались на мѣстѣ, предпочитая сохранить за собой крѣпостныхъ ⁵⁴). Когда Герценъ въ «Колоколѣ» сталъ требовать освобожденія съ землею, многіе изъ помѣщичьей среды охладѣли къ прежнему своему кумиру.

Освобожденіе являлось дѣломъ большимъ, очень серьезнымъ и требовавшимъ всесторонней обдуманной подготовки. Вотъ маленькая, но многоговорящая по этому поводу иллюстрація. Дмитрій

Гавриловичъ Бибииковъ, какъ членъ Государственнаго Совѣта, получилъ предложеніе прислать свое мнѣніе по вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права. Но такъ какъ онъ не былъ достаточно знакомъ съ дѣломъ, то обратился за совѣтомъ къ очень умному полтавскому предводителю дворянства, Ивану Васильевичу Капнисту, зная, что послѣдній всю жизнь мечталъ объ освобожденіи крестьянъ. Капнистъ обрадовался случаю и съ жаромъ прислалъ за отвѣтъ. Но, видимо, что Капнистъ ранѣе довольствовался теоретическими поло-

Гр. Киселевъ.

женіями, съ высоты которыхъ все обычно рѣшается легко и просто. Изъ подъ его пера сразу вылилось вступленіе, заключавшее въ себѣ общую исторію закрѣпощенія крестьянъ. Далѣе предстояло дать практическій совѣтъ, какъ осуществить великое дѣло. И тутъ—на дѣловой почвѣ—встрѣтилась цѣлая серія серьезнѣйшихъ затрудненій. Оказалось предварительно необходимымъ подготовить школы, создать новые суды, развить въ народѣ понятія о правахъ и о налагаемыхъ ими обязанностяхъ и пр. и пр. Словомъ,

глубоко вдумавшись въ предметъ, Капнистъ,—въ принципѣ убѣжденный поборникъ реформы,—далъ Бибиикову отрицательный отвѣтъ, сказавъ, что освобожденіе несвоевременно и принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Нельзя сомнѣваться, что это былъ искренній голосъ умнаго человека изъ нѣдръ Россіи. Большой государственный вопросъ, при переходѣ отъ словъ къ дѣлу, получилъ въ его глазахъ совершенно иную окраску ⁵⁵).

Не удивительно поэтому, что глубокій практическій умъ Николая I побудилъ его десять разъ примѣрить прежде, чѣмъ отрѣзать. «Три раза начиналъ я это дѣло,—сказалъ Государь

графу П. Д. Киселеву въ 1854 г., и три раза не могъ продолжать: видно, это перстъ Божій».

При всемъ томъ, никто другой, какъ именно Николай Павловичъ положилъ прочное основаніе будущему освобожденію крестьянъ ⁵⁶).

Крикъ освобожденія наиболѣе сильно вырвался изъ его груди. Онъ вынесъ на себѣ главную тягость подготовленія дѣла. Къ сожалѣнію, его личнымъ стремленіямъ и планамъ упорно противодействовали съ разныхъ сторонъ и онъ, видимо, пришелъ къ сознанию необходимости «передать сыну», но «съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи». И дѣйствительно, «предварительное слѣдствіе» по вѣковому тяжбному процессу было закончено, осталось произвести судъ и постановить приговоръ. Имѣется указаніе, что самъ сынъ просилъ оставить это дѣло на его долю. Сохранилось и другое преданіе, что однимъ изъ предсмертныхъ завѣтовъ Императора Николая I своему державному сыну было освобожденіе крестьянъ ⁵⁷). Иные утверждаютъ даже, что отецъ приказалъ сыну освобожденіе ⁵⁸).

Гр. Чернышевъ. Военный Министръ.

Такимъ образомъ, тѣснѣйшая связь великаго преобразованія царствованія Александра II съ царствованіемъ Николая I не можетъ быть оспариваема. Николай Павловичъ выполнилъ труднѣйшую часть дѣла—подготовилъ почву и дѣятелей. Не безъ основанія поэтому наканунѣ 19 февраля Александръ II ѣздилъ молиться къ гробу отца, воспитавшаго въ немъ сознаніе всей важности дарованія народу свободнаго существованія. Если день 19 февраля 1861 г. прошелъ столь спокойно, то также благодаря подготовкѣ Николая I: онъ создалъ ту удивительную покорность, которая была проявлена въ радостный историческій моментъ.

«Въ продолженіе всего царствованія Императора Николая I правительственная власть неуклонно идетъ по пути гуманизации тѣлеснаго наказанія». . . Въ отношеніи военнотружениковъ освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія постепенно распространялось на все болѣе и болѣе широкія группы нижнихъ чиновъ ⁵⁹⁾.

Тѣлесныя наказанія не были отмѣнены, но было обращено вниманіе на искорененіе вошедшихъ въ обыкновеніе самовластныхъ его примѣненій за маловажные проступки и даже при учебныхъ упражненіяхъ ⁶⁰⁾.

Англичанинъ Фр. Г. Скринъ указалъ что «въ сущности Николай I былъ гораздо гуманнѣе своихъ современниковъ. Въ то время, когда англійскій уголовный кодексъ не успѣлъ еще избавиться отъ слѣдовъ средневѣковаго варварства, въ Россіи, въ 1826 г., смертная казнь была оставлена только для государственныхъ преступниковъ» ⁶¹⁾.

Николай I поднималъ русскаго солдата, воспиталъ его по военному, по-Николаевски. Солдатъ того времени—закаленный, безстрашный воинъ. Духъ въ арміи былъ прекрасный. Самое пораженіе подъ Севастополемъ—стяжало славу русскому воину.

Раскрѣпощеніе воина началось въ царствованіе Николая I. Дѣйствительный срокъ службы былъ сокращенъ съ 25 до 20 лѣтъ. Новый уставъ о пенсіяхъ положилъ прочное основаніе обезпеченію стараго офицера. При Николаѣ Павловичѣ начались маневры, и военная игра, принесшіе огромную пользу въ дальнѣйшемъ ихъ развитіи. Лично Государю Россія обязана улучшеніемъ фортификаціоннаго дѣла. Онъ думалъ о лучшихъ ружьяхъ, оцѣнивалъ значеніе стрѣльбы, понималъ необходимость надлежащаго запаса для арміи и пр.

Лично Государь внимательно слѣдилъ за нововведеніями въ иностранныхъ арміяхъ и побуждалъ своихъ сотрудниковъ къ самостоятельной работѣ въ области военнаго искусства. Многія нововведенія разбились, какъ о гранитную скалу, о недостатокъ финансовыхъ средствъ и тормозились окружающими. Въ сороковыхъ годахъ мы стояли впереди иностранцевъ по примѣненію къ военному дѣлу гальванизма, т. е. наше подрывное дѣло и минная оборона заслуживали особаго вниманія. Наша артиллерія подъ Севастополемъ не уступала иностранной.

Историкъ Н. О. Дубровинъ ⁶²⁾ утверждаетъ, что Николаю I—«ему одному принадлежитъ вся слава обороны Севастополя, находчи-

вость и смѣлость, о которыхъ кричали въ Европѣ, не подозрѣвая, кто былъ виновникомъ изобрѣтательности, и приписывая всю славу людямъ, бывшимъ только простыми исполнителями его смѣлыхъ предначертаній. Безпристрастная исторія укажетъ въ будущемъ на ту громадную дѣятельность и тотъ переворотъ въ инженерномъ искусствѣ, который былъ сдѣланъ въ царствованіе Императора Николая I и который привелъ къ блестящимъ результатамъ. Императору исключительно принадлежитъ мысль контръ-апрошныхъ работъ, занятіе холма впереди Малахова кургана и заложеніе трехъ передовыхъ редутовъ. «Все это совершенно сходно съ мыслями нашего незабвеннаго Государя,—писалъ Императоръ Александръ II князю Горчакову,—и вѣрно его бы порадовало. . . Три новыхъ укрѣпленія, возведенныхъ подъ носомъ непріятеля, есть уже весьма важный результатъ. Жаль только, что устройство ихъ не было исполнено тремя мѣсяцами раньше, на что незабвенный нашъ благодѣтель неоднократно указывалъ кн. Меншикову».

При наличности подобныхъ фактовъ, неосновательно думать, что Николай I увлекался только фронтомъ, что въ его время процвѣтала исключительно шагистика. Подъ вліяніемъ Севастопольской неудачи, мы излишне строго и крайне односторонне осудили и наше военное дѣло, и все царствованіе.

Русская душа Государя сказывалась и чувствовалась во всемъ.

Назначая М. И. Глинку регентомъ придворной капеллы, Государь сказалъ: «Мои пѣвчіе извѣстны по всей Европѣ. . . Прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами».

Въ мартѣ 1837 г. Государь позвалъ композитора А. О. Львова и сказалъ ему: «вотъ моя просьба къ тебѣ; хочу поручить тебѣ важное дѣло. Ты будешь работать не для меня, а для Россіи. Можешь-ли ты написать русскій народный гимнъ?». Львовъ заколебался. «Можешь,—прервалъ его Государь,—ты русскій, и сразу понималъ, что надо; сегодня я слушалъ въ твоемъ распѣвѣ молитву Господню и понималъ, что ты можешь сдѣлать. . . ». Въ маѣ русскій народный гимнъ былъ написанъ.

Кому не извѣстно отношеніе Государя къ Геннадію Ивановичу Невельскому. Отправленный съ экспедиціей на Востокъ, ему воспрещено было касаться лимана рѣки Амура. Однако,

убѣдившись на мѣстѣ, что на всемъ пространствѣ по берегамъ Амура нѣтъ ни одного китайскаго или манчжурскаго поста, Невельской объявилъ Приамурье достояніемъ Россіи и поднялъ русскій военный флагъ. Въ Петербургѣ особая коммисія, съ гр. Нессельроде во главѣ, осудила поступокъ Невельскаго и предложила его разжаловать. Государь, бросивъ грозный взглядъ на смѣльчака, сказалъ: «Такъ это ты осмѣливаешься не исполнять моихъ приказаній». . . Невельской объяснилъ дѣло, и Государь поцѣловалъ его, вдѣлъ въ его петлицу Владимірскій крестъ и сказалъ: «Спасибо, Невельской, за твой патріотическій поступокъ»... Довольный молодецкимъ и благороднымъ поступкомъ, Императоръ, при гордомъ сознаніи величія своего государства, заявилъ: «гдѣ разъ поднять русскій флагъ, онъ уже спускаться не долженъ». . .

Иностранцы, характеризую царствованіе Николая I высоко оцѣнили его русское національное чувство: «Что касается творческаго процесса, то съ той минуты, какъ онъ объявилъ основаніемъ своей внутренней политики самодержавіе, православіе и народность, получилъ возможность расти и онъ какъ бы еще разъ обозначился. Съ этой точки зрѣнія правительство было прогрессивно. Императоръ Николай инстинктивно, своею русскою душою, понималъ значеніе историческаго момента и сталъ на сторонѣ тѣхъ, которые хотѣли покончить съ подражаніемъ и работать такъ или иначе независимо отъ иностраннаго вліянія» ⁶³). И дѣйствительно, великая заслуга Николая I заключается въ томъ, что онъ сталъ возвращать Россію къ ея естественнымъ историческимъ основамъ; онъ желалъ видѣть Россію русской, національной. Этого не поняли ни полки нашихъ «либералистовъ», ни люди западнаго толка, вслѣдствіе того, что у нихъ не было и нѣтъ капли крови, общей со своимъ народомъ; они русскіе подданные, но душа ихъ «принадлежитъ коронѣ французской».

Духъ національной самобытности наблюдается также въ отношеніяхъ правительства къ учебному дѣлу. Нужно было командировать 20 лучшихъ студентовъ сперва въ «профессорскій институтъ» при Дерптскомъ университетѣ, а затѣмъ на два года въ Берлинъ и Парижъ. «Согласенъ,—гласила резолюція Государя (въ 1827 г.),—но съ тѣмъ, чтобы непремѣнно всѣ были природные русскіе». Послѣ коронаціи, осматривая университетъ, Государь выразилъ представлявшимся профессорамъ свое желаніе видѣть въ питомцахъ ихъ «прямо русскихъ, воспитанныхъ ко благу единого отечества».

Въ 1850 г. Грановскому министерство поручаетъ составить планъ учебника всеобщей исторіи и прибавляетъ, что существуетъ потребность въ хорошемъ руководствѣ, написанномъ «въ русскомъ духѣ и съ русской точки зрѣнія».

Особое мѣсто среди начинаній по учебному вѣдомству Николаевского царствованія занимаетъ университетскій уставъ 1835 года. Для своего времени онъ явился актомъ первостепенной важности. Мало того, онъ «былъ лучшимъ изъ всѣхъ донинѣ изданныхъ уставовъ» ⁶⁴⁾ и въ сравненіи съ уставомъ германскихъ университетовъ того времени могъ считаться либеральнымъ ⁶⁵⁾. Самъ Уваровъ — авторъ его — былъ однимъ изъ лучшихъ русскихъ министровъ народнаго просвѣщенія. — Николай Павловичъ лично не любилъ С. С. Уварова, но пятнадцать лѣтъ поддерживалъ его во главѣ учебнаго дѣла, понимая его достоинства, какъ выдающагося администратора. — Государь жертвовалъ личнымъ расположеніемъ въ пользу государственнаго дѣла.

Гр. С. С. Уваровъ.

Реформа 1835 года, по словамъ Уварова, имѣла цѣлью: «вопервыхъ, возвысить университетское ученіе до раціональной формы и, поставивъ его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступленію въ службу молодежи еще незрѣлой; во-вторыхъ, привлечь въ университеты дѣтей высшаго класса въ Имперіи и положить конецъ превратному домашнему воспитанію ихъ иностранцами; уменьшить господство страсти къ иноземному образованію, блестящему по наружности, но чуждому основательности и истинной учености, наконецъ, водворить, какъ между молодыми людьми высшихъ сословій, такъ и вообще въ университетскомъ юношествѣ, стремленіе къ образованію народному, самостоятельному».

Уставъ ставилъ высокія требованія университету въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Учебныя заведенія того вре-

мени развивали не только умъ, но и характеръ молодого поколѣнія.

Университеты въ Николаевскую эпоху сдѣлались «выразителями и глашатаями прогрессивныхъ идей времени». Особенно значительная роль выпала на долю старѣйшаго Московскаго университета: онъ былъ воспитателемъ и руководителемъ культурной дѣятельности образованнаго русскаго общества. Каѳедры являлись для ученыхъ того времени «свѣтлыми наоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину». Среди жрецовъ науки находились такіе даровитые профессора, какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Буслаевъ, Тихонравовъ, С. Соловьевъ, Кавелинъ, Пироговъ и др.

Культурная и общественная миссія университета встрѣчала гармоническое созвучіе въ настроеніи передовыхъ слоевъ общества, которые видѣли въ немъ вождя и руководителя. Каждое университетское начинаніе находило горячій откликъ; каждая публичная лекція Грановскаго была въ буквальномъ смыслѣ слова «историческимъ событіемъ» ⁶⁶⁾.

На юбилейномъ актѣ 1869 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ было сказано, что вторая половина 30-хъ и начало 40-хъ годовъ явились самымъ поэтическимъ и самымъ производительнымъ временемъ его существованія; тогда выдвинулись лучшія его ученыя силы, сложились студенческія пѣсни и проч. ⁶⁷⁾. Даже враги устава, напримѣръ, Спасовичъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что это время было лучшимъ временемъ существованія Петербургскаго университета. Университетъ этой эпохи былъ, по его словамъ, «не нѣмецкій, не французскій, не англійскій, но свой оригинальный—русскій, такой, какимъ его создали потребности общества» ⁶⁸⁾. Галаховъ называетъ 40-е годы «временемъ усиленнаго интеллектуальнаго движенія», «выдающимся пунктомъ культурнаго прогресса». Ѳ. И. Буслаевъ признаетъ сороковые годы эрою обновленія университетскаго строя ⁶⁹⁾. Университеты наши стали въ уровень съ европейскими. Число студентовъ возрастало: въ 1836 г. ихъ было 2 тыс., а въ 1848 году—4 тыс. Представители нежелательныхъ направленій—Магницкій, Руничъ, Фотій, Аракчеевъ—были устранены.

Сороковые годы составили эпоху въ исторіи развитія нашихъ общественныхъ движеній. Они послужили основой нашихъ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Имъ Россія обязана многими

крупными художественными и литературными силами. Они подготовили родинѣ просвѣщенныхъ исполнителей реформъ Царя-Освободителя.

Матеріально школы при Николаѣ I были поставлены въ лучшее положеніе, чѣмъ находились прежде. Уваровскія гимназіи стояли выше послѣдующихъ классическихъ гимназій, въ виду того, что давали значительную свободу ученикамъ старшихъ классовъ и самостоятельное положеніе учителю ⁷⁰).

Къ сожалѣнію, событія 1848 г. поколебали довѣріе Государя къ гуманитарной школѣ. Школа, какъ на Западѣ, такъ и у насъ, была выставлена главнымъ источникомъ революціонныхъ идей, почему противъ нея направленъ былъ рядъ стѣснительныхъ распоряженій. Прекратились отпуски и командировки за границу; число своекоштныхъ студентовъ сокращено, а это, въ свою очередь, повело къ значительному уменьшенію общаго контингента университетскихъ слушателей. Студенты подверглись болѣе бдительному надзору.

Преподаваніе философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было признано «не соответствующимъ видамъ правительства и не обѣщающимъ благопріятныхъ послѣдствій», почему министръ распорядился (въ янв. 1850 г.) ограничить преподаваніе философіи логикой и психологіей. Чтеніе логики и психологіи поручено было профессорамъ богословія, которые должны были «сроднить» ихъ съ истинами Откровенія.

Въ періодъ этой «моровой полосы» юридическій факультетъ лишился цѣлаго цикла наукъ, но зато получилъ цѣлый рядъ спеціальныхъ курсовъ русскаго законодательства; на философскомъ факультетѣ состоялось учрежденіе кафедры русской исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Государь несомнѣнно желалъ и стремился увеличить ученіе, но его остановилъ страхъ, что оно породитъ въ его царствѣ революцію. Онъ желалъ науки и не хотѣлъ, чтобы кафедры и аудиторіи превратились въ орудія политической пропаганды. Создалось новое трагическое положеніе Николая I, причина которой пришла извнѣ.

Цензурный Уставъ 1826 г., прозванный «чугуннымъ», вышелъ изъ подъ пера министра народнаго просвѣщенія, адмирала Шишкова

и кн. Ширинскаго-Шихматова. По этому уставу запрещалось печатать книги, наполненные бесплодными и пагубными мудрствованіями новѣйшаго времени; книги о правахъ и законахъ, основанныхъ на теоріи объ естественномъ состояніи, о договорѣ, о происхожденіи власти не отъ Бога, и, наконецъ, предлагалось обращать вниманіе на цѣль и духъ историческихъ и географическихъ сочиненій. Уставъ воспрещалъ произведенія, возбуждавшія противъ правительства, или неблагопріятныя для монархическаго правленія, а также всякія предположенія о преобразованіи какихъ либо частей государственнаго управленія, пока правительство само не предложитъ ихъ. Нельзя было писать о власти, чтобы не ослабить «должное къ ней почтеніе» и «чувства преданности, вѣрности и добровольнаго повиновенія». Нельзя было оглашать чего-либо обиднаго для иностранныхъ державъ, особенно членовъ Священнаго Союза.

Между прочимъ, законъ о цензурѣ требовалъ, чтобы статьи о Польшѣ и о Финляндіи заимствовались исключительно изъ официальныхъ варшавскихъ и гельсингфорскихъ газетъ (§ 148).

Уставъ 1828 г. ввелъ значительныя смягченія. Общая цѣль, поставленная цензурѣ, сводилась къ наблюденію за вредными изданіями. Цензурѣ вмѣнялось въ обязанность обращать вниманіе на духъ книги, принимая за основаніе ясный смыслъ рѣчи, не допуская произвольнаго толкованія оной въ дурную сторону ⁷¹⁾ и «не дѣлая привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ».

Таковы главнѣйшія положенія закона. Ничего «драконовскаго» они въ себѣ не заключали и тѣмъ не менѣе цензурная хроника Николаевской эпохи представляетъ обширный скорбный листъ, съ длиннымъ перечнемъ преждевременно погребенныхъ изданій; литература-же непрерывно была поставлена въ положеніе усиленной охраны, при чемъ каждый литераторъ чувствовалъ себя контрабандистомъ.

Объясненія указаннаго печальнаго явленія кроются въ слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во-первыхъ, уставы 1826 и 1828 гг. страдали неопредѣленностью своихъ основныхъ положеній, откуда получился широкій просторъ для всякихъ произвольныхъ толкованій цензоровъ. Въ рукахъ ихъ оказались не карандаши, а скипетры. Во-вторыхъ, въ область цензуры стали вмѣшиваться представители всѣхъ вѣдомствъ Имперіи и, кромѣ главной цензуры, создалось еще 22 спеціальныхъ цензуры. Даже умный Канкринъ

требовалъ строгой цензуры, находя, что газеты вреднѣе всякаго нашествія дикарей. Главное-же зло заключалось въ томъ, что среди цензоровъ нашлись люди, пренебрегшіе прямымъ указаніемъ закона и голосомъ совѣсти. Все это, вмѣстѣ взятое, создало изъ цензурнаго учрежденія какого-то спеціальнаго гасителя просвѣщенія и наше печатное «слово искривилось», какъ выразился И. С. Аксаковъ ⁷²).

Общее недовольство цензурой вызвано, слѣдовательно, не уставомъ, а личнымъ составомъ цензурныхъ установленій. Каждый цензоръ толковалъ законъ по своему, въ мѣру своего разумѣнія и въ зависимости отъ нравственной своей основы, почему нѣкоторые договорились до изумительныхъ положеній.

Въ цензурѣ нашей находился между прочимъ финляндецъ Мехелинъ (Адольфъ Ивановичъ), который едва-ли вполне хорошо зналъ по-русски ⁷³). По увѣренію Булгарина, онъ помѣщенъ по протекціи и былъ совершенно ничтожный человѣкъ ⁷⁴). Замѣтивъ, что въ учебникахъ Смарагова оставались имена Аристиды, Перикла, Брута, Гракховъ, цензоръ Мехелинъ (въ 1849 г.) сталъ «вымарывать» не только разсужденіе о герояхъ Греціи и Рима, но и самыя ихъ имена.

Повторилось старое правило: законы святы, но исполнители лихіе супостаты. Такъ именно и говорили современники. Ф. Ф. Вигель писалъ, 28 декабря 1850 г., Загоскину: . . . , цензоры трусы и дураки и по русской пословицѣ: «заставь его Богу молиться, онъ и лобъ расшибетъ». Даже сдержанный П. А. Плетневъ, въ перепискѣ съ Я. К. Гротомъ, заявилъ: «Презираю цензоровъ, какъ глупѣйшихъ и подлѣйшихъ людей, не потому, что они цензора, а потому, что, бывъ предсѣдателемъ въ ихъ комитетѣ, я имѣлъ случай узнать лично каждаго изъ нихъ, какъ человѣка» ⁷⁵). Такой либераль, какъ Никитенко изуродовалъ книгу Гоголя «Выборныя мѣста переписки съ друзьями», но изъ цензуры не ушелъ.

Съ другой стороны само общество того времени находилось «на такой ступени развитія, что оно удовлетворялось только животными потребностями». Въ его средѣ лишь единицы «взыскають града иного». На девять томовъ «Исторіи Государства Россійскаго» второго изданія подписалось только 453 человѣка. Одинъ Крыловъ видѣлъ 40 тыс. своихъ экземпляровъ распроданными, а остальные писатели считали себя счастливыми, когда расходилось двѣ тысячи ихъ экземпляровъ; тогда они «надѣвали вѣнокъ безсмертія и

засыпали на лаврахъ». Въ 1845 г. во всѣхъ русскихъ журналахъ красовалось объявленіе: «Продаются по весьма уменьшенной цѣнѣ сочиненія Александра Пушкина». Это объявленіе касалось перваго посмертнаго изданія величайшаго нашего поэта. Пушкинъ не находилъ сбыта! Романъ-же Булгарина «Иванъ Выжигинъ» былъ раскупленъ въ двѣ недѣли (въ 1829 г.). Монополія Булгарина и Греча, видимо, удовлетворяла общество. Серьезные идейные журналы, объединявшіе лучшія литературныя силы, подписчиковъ не находили.

Удивительно: цензурные тиски не помѣшали литературному расцвѣту художественной литературы. Свѣжее вдохновеніе было ключемъ. Цензура устраивала аутодафѣ, но преимущественно исключительнымъ сочиненіямъ. Мелкая литература, журналы и газеты страдали, но лучшія произведенія лучшихъ писателей, составляющихъ гордость Россіи, увидѣли свѣтъ въ дни Николаевского режима. Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Крыловъ, Кольцовъ, Жуковский, И. С. Тургеневъ, Гончаровъ, Писемскій, Достоевскій, Л. Н. Толстой и другіе—все это созвѣздіе первоклассныхъ самобытныхъ художниковъ слова заслужило извѣстность въ царствованіе, которое хотятъ ославить, какъ «моровую полосу» нашей исторіи. Вотъ почему у изслѣдователей нашей литературы, совершенно не склонныхъ къ прославленію Николаевского режима, находимъ такія заявленія: «Русская литература 30 годовъ—непревзойденная точка развитія». (Р. В. Ивановъ-Разумникъ), 30 годы «сдѣлали большой вкладъ въ художественную литературу и въ критику» (И. И. Замотинъ) и т. д. Такимъ образомъ, несомнѣнно, что расцвѣтъ художественной нашей литературы приходится на время царствованія Николая Павловича.

«Десять лѣтъ тому назадъ,—писалъ Пушкинъ въ 1831 г.,—литературою занимались у насъ весьма малое число любителей. Они видѣли въ ней пріятное, благородное упражненіе». Теперь литература перестала быть на содержаніи у казны. Писатель пересталъ быть «чиновникомъ» литературы. Онъ не ищетъ покровительства вельможъ и сильныхъ міра сего. Онъ обращается къ обществу, ко всей массѣ образованныхъ людей и ждетъ ея одобренія. Это одобреніе онъ можетъ получить лишь благодаря таланту, отзывчивости, широтѣ своего ума и сердца, глубинѣ идей. Только съ этой минуты стала возможной свободная мысль ⁷⁶).

«Поэзія научилась и чувствовать, и изображать по русски». Пейзажъ Пушкина вполнѣ нашъ родной, русскій. Въ 20 годахъ Пушкинъ писалъ по-русски, думая по-французски, въ 30 годахъ онъ пишетъ и думаетъ по-русски, только по-русски. Начался потокъ русской національной литературы. Лермонтовъ подарилъ намъ «Купца Калашникова», Загоскинъ—«Юрія Милославскаго» и «Рославлева». Въ національномъ направленіи писали Кукольникъ, Даль, Погодинъ, Морозкинъ, Савельевъ-Ростиславичъ, Терещенко, Сахаровъ. Идею національности поддерживалъ Плетневъ и Надеждинъ; ее исповѣдывали Жуковскій, кн. Вяземскій, Гоголь...

Короче—царствованіе Николая Павловича—золотой вѣкъ русской литературы.

Тоже надо сказать и про литературу финляндскую, гдѣ появились Рунебергъ, Топелиусъ, Сигнеусъ, Нервандеръ, Стенбекъ и другіе.

Почему расцвѣтъ литературы и пробужденіе національнаго самосознанія пришлись на время Николая I? Полагають, отвѣтилъ на этотъ вопросъ вел. кн. Николай Михайловичъ, что тогда было болѣе патріотизма, болѣе гордились величіемъ и славой своего отечества ⁷⁷⁾.

Личное отношеніе Николая Павловича къ свѣтиламъ нашей литературы нельзя иначе назвать, какъ трогательнымъ и является одной изъ красивѣйшихъ страницъ русской исторіи. Начать съ того, что онъ поручилъ самое дорогое, что у него было,—воспитаніе Наслѣдника Престола—писателю В. А. Жуковскому. Въ 1826 г. Государь повелѣлъ предоставить въ распоряженіе Н. Карамзина военный корабль, желая, чтобы знаменитый исторіографъ отправился въ Италію для поправленія здоровья. Вдовѣ Грибоѣдова и его матери выданы были большое пособіе и большая пенсія. Крылову, въ день пятидесятилѣтія литературной дѣятельности, пожалованы Станиславская звѣзда и усиленная пенсія. Н. В. Гоголь, находясь въ стѣсненныхъ денежныхъ условіяхъ, получилъ пенсію. И т. д. ⁷⁸⁾.

Политическія условія побудили Николая Павловича подписать смертный приговоръ Рылѣву, но сердце Царево сейчасъ-же плетъ 3.000 р. его вдовѣ, съ заявленіемъ, что беретъ на себя заботу о семьѣ поэта. «Милосердіе Государя и поступокъ его съ тобою потрясли мою душу»,—писалъ женѣ Рылѣвъ изъ своего каземата ⁷⁹⁾.

«Не жестокъ въ немъ духъ державный...
Тому, кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творить» ⁸⁰⁾.

Не одна литература, но и нарождавшееся русское искусство пользовалось высокимъ вниманіемъ Николая Павловича. Прекрасное являлось для него жизненною потребностью. Въ живописи блистали Брюловъ, Ивановъ, Айвазовскій, Бруни, Венеціановъ и мн. др., въ музыкѣ—Глинка, Верстовскій, А. О. Львовъ..., въ скульптурѣ—баронъ Клодтъ, Пименовъ..., въ архитектурѣ—А. Л. Витбергъ. «Русская архитектура и декоративное искусство времени Николая Павловича не уступали ни обиліемъ талантовъ, ни проявившимися знаніями, ни изобрѣтательностью тому, что было создано въ то время на Западѣ». Въ стилѣ построекъ Николаевского времени нѣтъ ничего суроваго казарменнаго, да и не могло быть, такъ какъ Государь увлекался сперва классическимъ стилемъ, затѣмъ немного готикой и, наконецъ, пытался возродить русскій стиль, особенно въ церковномъ строительствѣ ⁸¹⁾.

Николай I зналъ науку царствовать. «Онъ безусловно былъ такой работникъ на тронѣ, какихъ немного видѣла Россія» ⁸²⁾.

Какъ величественъ Государь въ его стремленіи къ правдѣ, какъ глубока и искренняя его царская ласка, когда онъ желалъ загладить свою невольную вину. Какъ-то разъ онъ рѣзко обошелся съ генераломъ, который оказался правымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Узнавъ правду, Государь созвалъ войсковыхъ начальниковъ и сказалъ: «Я пригласилъ васъ, господа, чтобы вы были свидѣтелями моего суда надъ самимъ собою». И, обратясь къ обиженному генералу, прибавилъ: «Я погорячился вчера и оскорбилъ тебя; прошу, извини меня. Я много работалъ надъ собою и много успѣлъ измѣнить въ себѣ, но все-же иногда не могу удержать своихъ порывовъ. Ну, прости-же, братъ, не гнѣвайся». Это фактъ не единственный; и много-ли найдется въ нашей средѣ лицъ, способныхъ на подобное покаяніе? «Какое сердце не дрожитъ», читая о подобныхъ задушевныхъ порывахъ Монарха великой Имперіи.

Придя однажды въ студию Брюлова, Государь узналъ, что художникъ запершись работаетъ. Его Величество не велѣлъ его тревожить и скромно прибавилъ: «Я зайду въ другой разъ».—Воз-

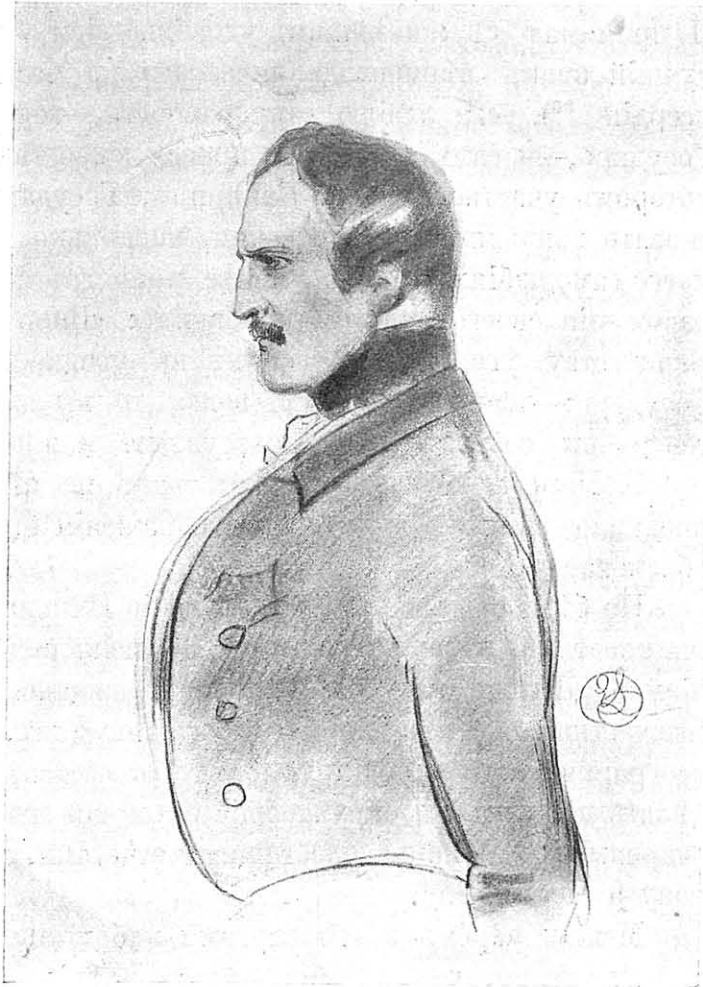
можно-ли проявить болѣе уваженія и деликатности къ личности и художнику?

Кабинетъ Государя,—по опредѣленію барона М. Корфа,—былъ мастерской вѣчнаго работника на тронѣ. Но Государю недоставало главнаго,—писаль А. В. Никитенко,—а именно людей, которые могли бы быть ему настоящими помощниками. «У насъ есть придворные, но нѣтъ министровъ; есть люди дѣловые, но нѣтъ людей съ умомъ самостоятельнымъ и душою возвышенною» ⁸³). Величайшая неудача для властей—не имѣть около себя просвѣщенныхъ и честныхъ сотрудниковъ. При ихъ отсутствіи на всѣ дѣла царствованія неизбѣжно ложится печать неудачи и лучшія намѣренія Монарха извращаются.

Голосъ правды рѣдко и случайно доходилъ до него.

Даже столь приближенный сановникъ, какъ кн. А. С. Меншиковъ руководился личнымъ эгоизмомъ и не раскрывалъ истины передъ Царемъ. Напротивъ, когда Государь имѣлъ въ виду произвести импровизированный смотръ подчиненной князю части, его курьеръ мчался грознымъ вѣстникомъ, предупреждая соотвѣтствующихъ начальниковъ ⁸⁴).

«И ты,—писаль В. А. Жуковскому Тургеневъ,—имѣющій доступъ, ты не берешь на себя быть указателемъ подобныхъ нелѣ-

Императоръ Николай I.

постей и, опершись на право разсудка и истины, требовать болѣе уваженія къ человѣческому достоинству» ⁸⁵). А между тѣмъ Государь жаждалъ узнать правду. Собственноручный рескриптъ 7 декабря 1831 г. на имя графа В. П. Кочубея заключаетъ въ себѣ замѣчательныя слова: «Всякое мнѣніе, всякое замѣчаніе, клонящееся къ охраненію справедливости или къ пользѣ общей, Я принимаю съ живѣйшимъ удовольствіемъ, какъ несомнѣнный, лучший знакъ вѣрноподданническаго ко мнѣ и престолу Моему усердія ⁸⁶). «Я люблю откровенность,—говорилъ и повторялъ Государь,—и самъ готовъ за правду умереть». Въ засѣданіи, въ которомъ участвовалъ гр. Канкринъ, Государь заявилъ: «Прошу сказать ваше мнѣніе откровенно, нисколько не щадя авторскаго моего самолюбія». Тѣмъ не менѣе министръ финансовъ въ концѣ изложенія своего мнѣнія прибавилъ: «Впрочемъ, какъ Вашему Величеству угодно».—«Здѣсь не въ угодности дѣло—возразилъ Государь;—знаю, что если Я велю, то вы должны исполнить, а теперь вы собраны, чтобы разсуждать и просвѣтить меня» ⁸⁷).

И Царь никогда не упорствовалъ по отношенію къ своимъ предположеніямъ—разъ только возраженія были вѣски и хорошо обоснованы ⁸⁸).

Но бѣда въ томъ, что окружавшіе Николая I, занимали Царя «частностями и подробностями, развлекали формами и церемоніями». Дѣлать это—«величайшее гражданское преступленіе»,—«несчастливая система», писалъ проф. Погодинъ. «Въ порывѣ своего неограниченнаго усердія ко благу отечества, Николай I хотѣлъ дѣлать все самъ», а окружающіе потакали его слабостямъ. Другіе очаровывали Монарха блестящими отчетами, подобно кн. Меншикову и Чернышеву.

Между царемъ и его слугами наблюдался рѣзкій контрастъ и естественно, что подобное противорѣчіе отразилось на ходѣ внутреннихъ дѣлъ и на политикѣ русскаго двора. Общая неудовлетворительность личнаго состава сановниковъ явилась главнымъ тормозомъ осуществленія многихъ прекрасныхъ начинаній Николая Павловича. Имѣлись, конечно, и честные дѣятели, какъ напримѣръ, Блудовъ, Канкринъ, гр. Киселевъ, кн. Воронцовъ, гр. Толль, гр. Мордвиновъ и др. Но ихъ было мало.

Министры,—по мнѣнію К. И. Фишера,—перестали быть государственными мужами и сдѣлались чиновниками, или еще хуже, «угождали Государю по-лакейски и обманывали его, какъ лакеи».

«Императоръ русскій вмѣшивается въ мелочи, часто компрометируется, но надобно войти въ его положеніе: онъ приведенъ къ убѣжденію, что во всей Имперіи онъ—единственный честный человѣкъ, а между тѣмъ онъ любилъ правду выше всего: поневолѣ онъ сдѣлался полицеймейстеромъ»... Государь—одинъ, или окруженный толпою предателей,—опутывался невидимою сѣтью.

С. С. Татищевъ идетъ далѣе и утверждаетъ, что «катастрофою, завершившею царствованіе Императора Николая, Россія главнымъ образомъ обязана коренному недоразумѣнію между волею рѣшающею и тѣми руками, коимъ ввѣрялось приведеніе въ исполненіе ея рѣшеній» ⁸⁹⁾.

Несомнѣнно, Николай Павловичъ шелъ впереди своихъ сотрудниковъ, нерѣдко грубо тормозившихъ его благія начинанія. По здравомыслію, ясности взгляда и сознанію своихъ государственныхъ обязанностей Николай I стоялъ много выше своего брата Константина Павловича, отрекшагося отъ престола. Къ сожалѣнію, Николай Павловичъ мало довѣрялъ своимъ замѣчательнымъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ способностямъ. Многіе приближенные незаслуженно пользовались его высокимъ довѣріемъ. Николай I былъ нѣсколькими головами выше своихъ министерствъ, военнаго и морского, своихъ полководцевъ, въ родѣ Паскевича и Меншикова. «Если бы то чувство долга, тотъ характеръ, та преданность Россіи, которыми отличался Николай Павловичъ, находили сколько нибудь живой откликъ въ его министерствѣ и въ массѣ общества, Николаевская эпоха имѣла бы иной колоритъ и иные результаты» и Россія могла бы благоденствовать. При Императорѣ Николаѣ была система въ управленіи, всѣ знали, что отъ нихъ требовалось ⁹⁰⁾.

Государь сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы подготовить почву для развитія нашего самосознанія. Въ этомъ главное значеніе его царствованія. «Мы становились духомъ въ сто разъ свободнѣе, чѣмъ потомъ, когда воцарился у насъ произволъ мысли и воли» ⁹¹⁾.

Главнымъ виновникомъ создавшагося положенія признается, какъ вездѣ и всегда, правительство и еще чаще Верховная власть, хотя въ установленіи бытовыхъ и общественныхъ условій крайне рискованно винить одно лицо даже и такое могучее и вліятельное,

какимъ былъ Николай I. Въ Россіи до такой степени это вошло въ плоть и кровь, что когда у декабриста кн. Трубецкого пропала шуба во дворцѣ, то онъ сталъ изливать свое недовольство на Государя. Между тѣмъ ни та или иная правительственная система является залогомъ успѣха или неуспѣха въ государственной жизни, а степень умственного и нравственного развитія общества. Возникаетъ, такимъ образомъ, вопросъ, насколько общество уровнемъ своего умственного и нравственного развитія содѣйствовало улучшенію государственной жизни? Оказывается, что очень значительная часть передового общества жила совершенно изолированной умственной и нравственной жизнью, ничѣмъ существеннымъ не содѣйствуя государственному преуспѣянію. Вѣра Сергѣевна Аксакова, сведя въ своемъ дневникѣ счеты съ правительствомъ, обратилась къ другой сторонѣ, къ обществу, и тутъ ея наблюдательному взору представилась очень безотрадная картина. «Что еще болѣе приводитъ въ отчаяніе,—читаемъ въ ея воспоминаніяхъ,—это наше собственное безсиліе...». Видѣнные ею молодые люди были и добры, и не глупы, но жалкимъ было ихъ внутреннее безсиліе, «которымъ столько страдаетъ молодыхъ людей въ наше время». Это поколѣніе живо чувствовало, но у него не доставало активной силы; не было у него внутренней крѣпости. Оно не умѣло высказать своего мнѣнія настолько дружно и сильно, что-бы невольно заставить его уважать. Наконецъ, оно было разобщено съ народомъ, а безъ народа, какая можетъ быть сила въ отдѣльных лицахъ и даже сословіяхъ? ⁹²).

Передовые люди Николаевского времени, томившіеся «духовной жаждой», интеллигенты, болѣвшіе философіей, оказались неспособными къ энергичному и плодотворному труду.

Обстоятельства тогда сложились такъ. Европа увлекалась романтизмомъ. Русскимъ образованнымъ людямъ 30—40 годовъ эта атмосфера пришлась особенно по душѣ, ибо романтизмъ находился въ ихъ крови. И они принялись мечтать, идеализировать. А такъ какъ русская натура всегда была шире натуры западнаго европейца, то и планы ея оказались болѣе грандіозными, и горизонты ея мечтаній значительно расширенными. Передовые люди 30—40 годовъ мечтали не о частныхъ усовершенствованіяхъ, а о полномъ преобразованіи всей жизни. Профессора «являлись въ аудиторіи не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи». Тентетниковъ много лѣтъ обдумывалъ «колоссальное

сочиненіе, долженствовавшее обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія». Станкевичъ, Герценъ, Огаревъ, Бѣлинскій и др. были люди экзальтированные. Сфера ихъ мечтаній обнимала все чело-вѣчество.

Мысли людей сороковыхъ годовъ вырабатывали стройные принципы, но безъ особой заботы объ ихъ примѣнимости къ жизни. Принципы для нихъ были только предметы созерцанія ⁹³).

Изъ беспочвеннаго идеализма нашихъ мечтателей почти ничего практическаго, жизненнаго не выходило. Ихъ энергія не имѣла внутренняго содержанія. Никакой реформы они не предложили. На Западѣ въ 30 годахъ сильно пробудилось національное чувство. Въ нашемъ-же русскомъ романтизмѣ, долго еще отсутствовалъ національно-патріотическій элементъ ⁹⁴).

Россіи наши мечтатели почти не замѣчали, о ней они мало вспоминали, мало заботились. Ихъ занимали чисто моральныя задачи. Они довольствовались своимъ умственнымъ эпикурействомъ, ихъ удовлетворяли иллюзіи. Насущныя заботы отдѣльныхъ живыхъ людей, реальныя стремленія народовъ ихъ не трогали. Ихъ интересовала или собственная личность, или задача всего чело-вѣчества. Но тамъ нѣтъ живого общественнаго развитія, гдѣ между личностью и обществомъ не имѣется никакой связи. Наши мечтатели, какъ Гамлеты, все думали и думали и никогда не дѣйствовали.

При такихъ условіяхъ, естественно, что они остались чуждыми великому практическому двигателю—національному чувству. Не понявъ вопроса о своей народности, они оказались ненужными, бесполезными.

Они проглядѣли и другой не менѣе важный двигатель культуры—трудъ. Они знали одну работу—работу мысли; ихъ борьба была борьбой ума, но стойкости и выдержки въ трудѣ они не имѣли и не проявили. Люди 30 и 40 годовъ только говорили и говорили. А между тѣмъ всякое культурное дѣло есть плодъ труда. Оно требуетъ черной упорной работы и творится въ долгіе утомительные будни. У нашихъ образованныхъ людей были только праздничныя изліянія рѣчей. Спорили днемъ, спорили ночью; философскія книги зачитывали до дыръ на страницахъ; за словесными схватками забывали о пищѣ и снѣ. Западъ-же вырабатывалъ все въ суровой школѣ жизненной борьбы. Весьма значительная часть нашего передового общества тратила время и силы на метафизическія словопренія,

на завитушки краснорѣчія. Все остальное они предоставили своимъ преемникамъ.

«Что мы собственно проповѣдовали,—спрашивалъ Герценъ,—трудно сказать. Идеи были смутны: мы проповѣдывали французскую революцію, потомъ... сенъ-симонизмъ и тутъ-же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ»⁹⁵).

Наиболѣе яркимъ представителемъ поколѣнія 40 годовъ въ художественномъ произведеніи надо признать, конечно, Рудина, въ которомъ имѣется нѣчто непреходящее—одно изъ основныхъ свойствъ культурнаго русскаго человѣка. Общественно-историческое значеніе Рудина очень велико: онъ основной типъ нѣсколькихъ поколѣній, онъ—олицетвореніе извѣстнаго момента пережитаго нашимъ обществомъ. Эпоха, въ которой онъ блисталъ—Рудинская эпоха. Русскій интеллигентъ на исходѣ крѣпостнаго права—Рудинъ. Кто тогда изъ образованныхъ людей не походилъ на Рудина? спрашиваетъ профессоръ Ив. Ивановъ.

Изъ храма русской науки Рудинъ вынесъ главнымъ образомъ общія философскія положенія, ибо запросы и нужды дѣйствительной жизни университетъ оставилъ въ сторонѣ нетронутыми. Проф. Павлову надлежало читать физику и сельское хозяйство, а онъ читалъ Шеллинга; проф. Максимовичу слѣдовало преподавать естественную исторію, а читалъ Шеллинга. Народная и общественная жизнь осталась слушателямъ незнакома. Слушатели сдѣлались поэтому беспочвенными, пустоцвѣтомъ, «складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣствъ». Россіи они не знали. Вотъ главное ихъ несчастье. А разъ Рудины не знали Россіи, то ничего и не могли дать ей жизнедѣтельнаго, прочнаго. Въ гражданскихъ дѣлахъ они участія принять не могли, потому что поколѣніе Рудиныхъ, начитанное въ философскихъ книгахъ, было граждански безграмотно. Ни жизни, ни людей они не знали⁹⁶).

И родная пива попрежнему стояла одинокой и тщетно ждала своихъ настоящихъ пахарей. Родные сыны только красиво разглагольствовали, иногда они произносили тирады даже о самопожертвованіи, о необходимости дѣйствовать. Краснобайствовали до того, что не разъ собственныя слова становились имъ противны. Они были невыносимо разсудительны, отталкивающе равнодушны и вялы. Строить они никогда ничего не умѣли. Анибаловская клятва ненависти къ крѣпостному праву была дана, но только

ненависти, а не борьбы съ нимъ. Дѣйствительность была предметъ ихъ размышленія, но она не мучила ихъ.

Дряблость ихъ характера, болѣзнь воли—послужили преградой къ развитію дальнѣйшей ихъ дѣятельности. Да кромѣ того, въ Рудинѣ, Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда, во всѣхъ лишнихъ людяхъ и ихъ предкахъ—Онѣгинѣ, «Героѣ нашего времени» и др. наблюдались явныя черты обломовщины. Обломовщина—нѣчто для нихъ всѣхъ родное, семейное. Умѣренная обломовщина была присуща большинству идейныхъ людей 40 годовъ ⁹⁷).

Обломовщина ключъ къ разумѣнію многихъ явленій русской жизни. Обломовъ—итогъ цѣлому ряду предшествовавшихъ типовъ. Обломовъ—нѣчто чисто русское. Про обломовщину вполнѣ можно сказать: «здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ». Обломовъ—последняя ступень лишнихъ людей, полная отвычка отъ труда. Обломовъ—ужасное напоминаніе русскимъ; это своего рода *memento mori*, если лѣнь и безволіе не будутъ сброшены, если не вернется охота къ общественной дѣятельности. Обломову, какъ и людямъ 30—40 годовъ, доступны наслажденія высокими мыслями. Онъ учился въ московскомъ университетѣ—центрѣ тогдашняго идеализма.

Не реакція Николаевского времени создала этихъ лишнихъ людей, она могла лишь сдѣлать ихъ въ извѣстной мѣрѣ еще болѣе лишними, но и только. Если русская жизнь представляла тогда мало возможности дѣйствовать, то Рудины,—да еще съ признаками обломовщины,—менѣе всего способны были дѣйствовать. Лишніе люди суть послѣдствія недостатка энергіи, вялости чувствъ и мыслей, неспособности къ правильному труду... «Лишніе люди» и обломовщина естественный продуктъ русской психики и потому они не скоро сойдутъ съ арены.

Говорятъ, Николаю I надлежало призвать на помощь общественныя силы. Но гдѣ были тѣ, которые могли отдать всего себя на служеніе общественному дѣлу? Гдѣ тѣ, у которыхъ имѣлись навыкъ къ усиленному труду и привычка къ порядку? Куда годились лучшіе люди того времени безъ навыка къ труду и безъ знанія русской жизни? Поколѣніе Рудиныхъ, какъ указалъ Писаревъ, заботилось о томъ, чтобы въ ихъ идеяхъ была система и, толкуя о стремленіяхъ, сами не трогались съ мѣста и не умѣли измѣнить къ лучшему даже особенности своего домашняго быта. На что были годны всѣ эти фразерствующие умники съ безграничной

лѣнью, непрестаннымъ отлыниваніемъ отъ работы, съ эпикурейской критикой, людей, неспособныхъ пальцемъ двинуть, людей, у которыхъ отсутствовалъ служилый и смиренный идеалъ?

Служить человѣчеству словомъ легче, чѣмъ служить дѣломъ родному народу. Въ первомъ случаѣ достаточно фразы и позы... Идеалисты могли лишь сидѣть на рѣкахъ Вавилонскихъ да плакаться. Эти друзья книги не знали ни жизни, ни людей. Секретъ перерожденія имъ не былъ извѣстенъ.

Герценъ сдѣлался другомъ не Россіи, а поляковъ. На что живое, жизненное онъ былъ необходимъ? Онъ и самъ подъ конецъ жизни видѣлъ, что ни къ чему не пристроился. Метался изъ стороны въ сторону, пока не нашелъ мѣста вѣчнаго упокоенія на роскошномъ, залитомъ солнцемъ и утопающемъ въ цвѣтахъ, кладбищѣ Ниццы.

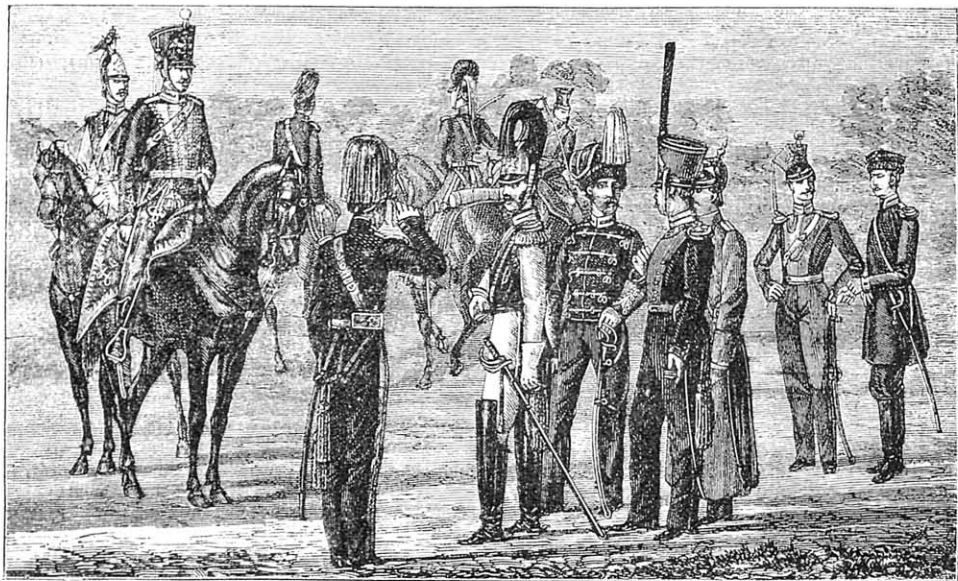
Очень значительная часть нашей интеллигенціи 20—40 годовъ въ извѣстной мѣрѣ должна быть причислена къ лишнимъ людямъ, къ странникамъ въ родной землѣ, какъ выразился Достоевскій. На родную почву они не могли, не умѣли ступить твердой ногой. Они умные и честные люди, но въ «битвѣ жизни» не могли отстоять своего и потому они были бесполезными «гражданами».

Мысль родилась, работала, но еще ни до чего не доходила. Таково признаніе Герцена. Если съ одной стороны говорить было опасно, то съ другой у значительной части передовыхъ мечтателей нечего было сказать дѣльнаго и полезнаго ⁹⁸).

Мысль просыпалась, національное самосознаніе дало первые ростки. Была группа людей, которая интересовалась вопросомъ: чего желаетъ родина? По какому пути ей слѣдуетъ пойти, чтобы достичь своего расцвѣта? Но эта группа была невелика. Въ ея стремленіяхъ намѣчалась политическая программа будущаго, чувствовался реальный интересъ, въ жилахъ людей этой группы переливалась патріотическая кровь. Изъ ея среды вышли будущіе дѣятели первой особенно плодотворной половины царствованія Императора Александра II. Наибольшую пользу родинѣ принесли тѣ изъ нихъ, въ которыхъ Москва не возбуждала иронической улыбки, которые видѣли въ ней нѣчто болѣе, чѣмъ Царь-колоколъ, который не звонилъ, или Царь-пушку, которая не палила.—Тѣ только искренно могли любить свой народъ, которые сами проникнуты были народнымъ духомъ и не уклонились отъ «духа земли своей». Тѣ только могли стать полезными, которые сумѣли оцѣнить

значеніе національной идеи, а главное—сумѣли претворить свои мысли въ дѣло, не гнушались труда, не ограничиваясь одними словами, тѣ которые, подобно А. С. Пушкину, съ открытой душой могли сказать: «Клянусь вамъ честию, что ни за что въ мірѣ не желалъ бы имѣть другой исторіи, кромѣ той, какую Богъ намъ послать». А много ли было такихъ?

Воен. формы врем. Импер. Николая I 1825—1855.

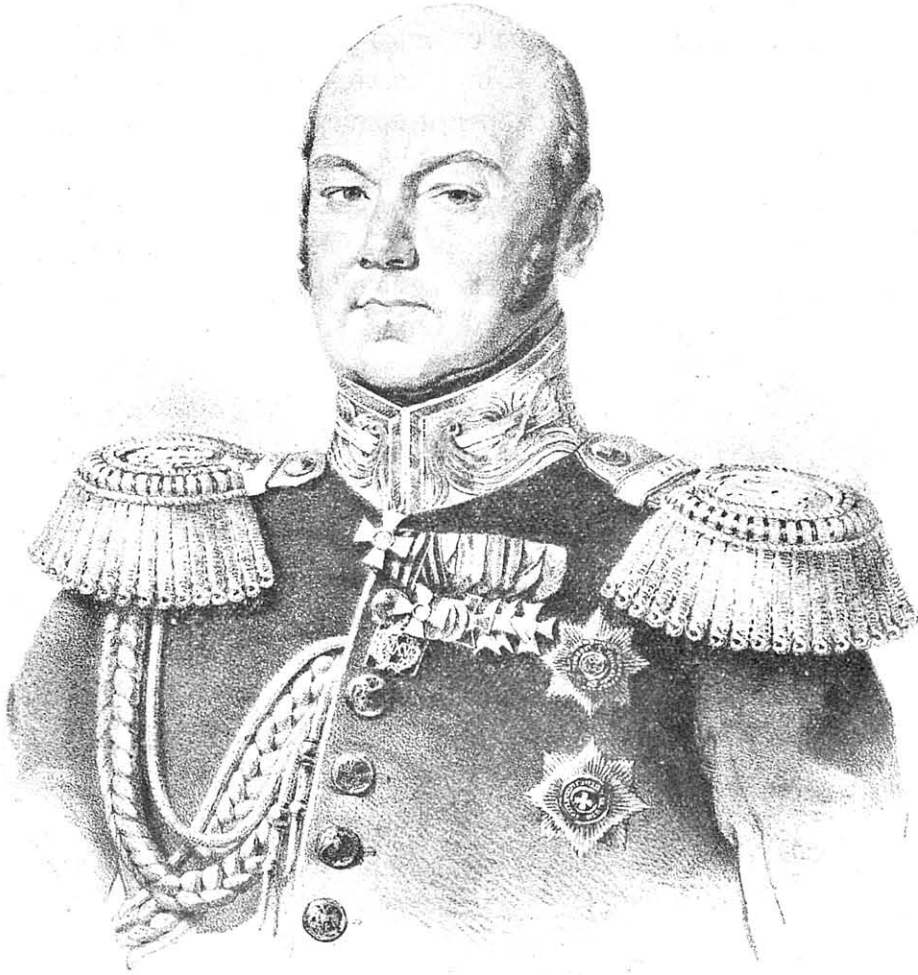
II. Гр. А. А. Закревскій. Финскія войска.

О графѣ А. А. Закревскомъ составилось ходячее мнѣніе, которое передается изъ устъ въ уста, переходитъ, безъ провѣрки, со страницъ одного изданія на страницы другого и въ конечномъ выводѣ обычно повторяютъ: Ар. Андр. Закревскій—«своевольный солдатъ», деспотъ, узкій и самовластный сановникъ, «надежный оплотъ противъ разрушительныхъ идей, грозившихъ съ Запада». Нѣкоторые считали его какимъ-то звѣремъ, котораго въ Москвѣ всѣ боялись⁹⁹).

Въ дни наибольшей своей извѣстности, Арсеній Андреевичъ Закревскій имѣлъ полную осанистую фигуру, круглое, гладко выбритое лицо, выдвинутую впередъ нижнюю губу, маленькіе хитрые глаза и совершенно лысую голову. Говорилъ лаконически, опредѣленно и обдуманно. Съ подчиненными обходился патріархально. Подобно сановникамъ стараго закала, онъ говорилъ всѣмъ молодымъ людямъ «ты».

Родился онъ 13 сентября 1786 г. въ Тверской губерніи.—Происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода; воспитывался въ Шковскомъ кадетскомъ корпусѣ. «Предки мои издревле находились въ Россіи, родитель мой никогда въ Польшѣ не находился»,—

отвѣтилъ гр. Арсеній Андреевичъ поляку, навязывавшемуся ему въ родственники. Служба графа началась въ пѣхотномъ полку; жить приходилось молодому прапорщику въ пограничной курной литовской избѣ, питаться—почти исключительно яйцами. Вскорѣ онъ, выказавъ свое хладнокровіе и распорядительность, сдѣлался

Генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ, графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

личнымъ адъютантомъ главнокомандующаго гр. Ник. Мих. Каменскаго, умершаго тридцати съ небольшимъ лѣтъ загадочной смертью. Закревскій былъ извѣстенъ какъ вѣрный спутникъ графа въ разныхъ его походахъ; въ пылу жаркаго сраженія около Брюнна, онъ уступаетъ своего коня Каменскому и тѣмъ даетъ ему возможность привести въ порядокъ полкъ, сильно порѣдѣвшій подъ непріятельскими ядрами ¹⁰⁰). А. А. Закревскій благоговѣлъ передъ

гр. Н. М. Каменскимъ и въ послѣдствіи въ своихъ имѣніяхъ поставилъ два памятника своему «благодѣтелю» и горячо защищалъ его отъ разныхъ нападокъ. Закревскій говорилъ, что Наполеонъ признавалъ гр. Н. М. Каменскаго гениальнымъ и самымъ даровитымъ ученикомъ Суворова. Вотъ первая черта «солдата» Закревскаго— солдата честнаго, храбраго и высоко благороднаго. Въ 1812 г. Закревскій на службѣ у фельдмаршала Барклая-де-Толли. Въ день Бородина онъ находился рядомъ съ Барклаемъ, искавшимъ честной смерти и подвергавшимъ себя тысячамъ опасностей.

Въ теченіе великой и страдной години Отечественной войны, А. Закревскій пылалъ патріотизмомъ и болѣлъ душой за родину. Въ его перепискѣ съ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ читаемъ ¹⁰¹⁾: «Проклятаго Фуля надо повѣсить, разстрѣлять и истеранить, какъ вреднаго чловѣка нашему государству». Закревскій находилъ ненужнымъ оставленіе Смоленска и горько сѣтовалъ на виновника печальнаго событія. «Теперь мы не Русскіе,—восклидалъ онъ,—оставляемъ городъ старый. Нѣтъ, министръ нашъ не полководецъ; онъ не можетъ командовать Русскими».... Чувство горя такъ сильно охватило его, что онъ дошелъ до обвиненія министра (Барклая) въ измѣнѣ (совершенной), подъ внушеніемъ Вольцогена. «И идетъ Богъ знаетъ куда и безъ всякой цѣли для разоренія Россіи. Я говорю о семъ съ сердцемъ, какъ Русскій со слезами. Когда были эти времена, чтобы мы кидали старинные города? Я не могу смотрѣть безъ слезъ на жителей, съ вошемъ идущихъ за нами съ малолѣтними дѣтьми, кинувшими свою родину и имущество. Въ грусти весь вашъ А. З.». Ворчалъ онъ потомъ и на Кутузова и Беннигсена (мямлю и бабу). Въ октябрѣ 1812 г. пошли слухи о мирѣ. А. Закревскій опять вознегодовалъ и желавшихъ мира называлъ «первѣйшими Россіи врагами», «бездѣльниками». Вотъ каковы патріоты въ Россіи! негодовалъ онъ. Наполеонъ у него— «злодѣй», Французская нація—«вѣтренная» и т. д. Недовольство Барклаемъ не помѣшало, однако, молодому патріоту стать за него грудью, когда взбунтовавшійся народъ во Владимірѣ требовалъ выдачи измѣнника: Закревскій обнажилъ саблю и натискомъ проложилъ дорогу своему начальнику до кареты.

Въ 1813 г. Закревскій участвуетъ въ дѣлахъ подъ Люценомъ и Лейпцигомъ и получаетъ званіе генераль-адъютанта, коихъ было тогда всего 8 чловѣкъ.

Въ теченіе 1814 года А. Закревскій почти безотлучно находился при Александрѣ I. Затѣмъ его назначили дежурнымъ генераломъ главнаго штаба, а въ 1817—1818 г.г. онъ вновь заграницей, вмѣстѣ съ Государемъ.

Почету и орденовъ было много, но денегъ мало. Закревскій жилъ жалованьемъ и постоянно нуждался. Даже впослѣдствіи, когда онъ уже получилъ звѣзду съ брилліантами, то сказалъ адъютанту: «Настоящіе то брилліанты продай, заплатимъ долги и на остальные деньги будемъ жить».

Государь, зная положеніе Закревскаго и высоко цѣня генерала, женилъ его на графинѣ Аграфенѣ Ѳеодоровнѣ Толстой—очень богатой и красивой невѣстѣ. Она любила другого, но рѣшилась выйти за Арсенія Андреевича условно, не желая перечить волѣ Августѣйшаго свата. Впослѣдствіи отношенія измѣнились и у нихъ родилась дочь Лидія, вышедшая за сына извѣстнаго графа Нессельроде. Графиня А. О. Закревская,—о которой Боратынскій писалъ «какъ Магдалина плачешь ты и какъ русалка ты хохочешь»,—была женщина умная, бойкая и имѣвшая, благодаря своей красотѣ, не мало приключеній ¹⁰²). Ни Аграфена Ѳеодоровна, ни ея дочь Лидія Арсеньевна строгими нравственными правилами не отличались ¹⁰³).

Графиня Аграфена Ѳеодоровна
Закревская.

Разбогатѣвшій Арсеній Андреевичъ вполнѣ довѣрилъ свои дѣла и имѣнія управляющему. Послѣдній внезапно исчезъ съ значительной суммой. Графъ не преслѣдовалъ вора и называлъ его даже своимъ благодѣтелемъ потому, что, по силѣ данной ему довѣренности, онъ могъ лишить графа всего состоянія, но похитилъ лишь часть.

Высшаго образованія А. А. Закревскій не получилъ, но обладалъ здравымъ практическимъ умомъ, большой энергіей и сильнымъ характеромъ. Своихъ цѣлей онъ достигалъ всегда прямыми путями и чистыми средствами. Онъ благороденъ, скромнъ и спины своей никогда ни передъ кѣмъ не гнулъ.

На старый известный вопросъ: назови мнѣ своихъ друзей и я скажу, кто ты таковъ, Закревскій съ гордостью могъ сказать: я находился въ наилучшихъ отношеніяхъ съ честнымъ государственнымъ слугою кн. Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ, умнымъ Павломъ Дмитріевичемъ Киселевымъ, правдивымъ и храбрымъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, славнымъ бойцомъ и поэтомъ Денисомъ Вас. Давыдовымъ. Моими друзьями были гр. Оед. Вас. Ростопчинъ, князь Мих. Сем. Воронцовъ, Ив. Вас. Сабанѣевъ, Конст. Яковл. Булгаковъ, кн. Алексѣй Осдор. Орловъ, высоко правдивый Илларионъ Васильевичъ Васильчиковъ и мн. др.

«Что дѣлаетъ честный Закревскій» (*Que fait l'honnête Sakrefski?*), спрашиваетъ въ письмѣ Императрица Марія Ѳеодоровна своихъ сыновей Николѣ (Николая Павловича) и Михаила (Павловича). ¹⁰⁴).

Всѣ его уважали и жаловали. «Гвардіи полковникъ Закревскій,—писалъ А. П. Ермоловъ,—офицеръ отлично-благородныхъ свойствъ». Съ нимъ Ермоловъ дѣлилъ и горести войны и пріятныя минуты дружбы ¹⁰⁵). Самъ А. П. Ермоловъ—одинъ изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи и потому его оцѣнка имѣетъ особое значеніе.

Душа человѣка раскрывается не столько въ официальной общественной дѣятельности, сколько въ интимной дружеской перепискѣ, въ домашней бесѣдѣ и въ ежедневной обстановкѣ. Исторія давно нескромно читаетъ чужія письма и заглядываетъ въ домашнюю обстановку тѣхъ, которыхъ обстоятельства ставили высоко на общественной аренѣ.

А. А. Закревскій былъ очень друженъ съ П. Д. Киселевымъ; они вели непрерывную переписку самого задушевнаго содержанія. Графъ же П. Д. Киселевъ, какъ извѣстно, являлся однимъ изъ передовыхъ людей своего времени. Совѣты и откровенія Закревскаго своему другу, гр. П. Д. Киселеву, очень многочисленны и въ нихъ до дна отражаются душа и умъ Арсенія Андреевича. «Несмотря ни на кого, дѣлай свое дѣло, какъ благородный человѣкъ... если сіе другимъ не нравится, то смотрѣть не должно, веѣмъ угодить нельзя... Мошенниковъ удали отличнымъ манеромъ изъ главной квартиры. Усердныхъ поощрай, а лѣнивыхъ брани порядочно и никакой вины не спускай». Зная характеръ своего пріятеля, А. А. Закревскій умолялъ его «умѣрить свой нравъ» и жить въ ладу съ главнокомандующимъ; «не манкируй и показки предъ всѣми свою подчиненность», чтобы «веѣ могли брать съ тебя

Гельсінгфорс и Свеаборг. 1854 г.

примѣръ». Быть всегда строгимъ и справедливымъ—первое правило Закревскаго. «Всякое пренебреженіе, или неуваженіе болѣе всего огорчаетъ человѣка»,—поучалъ онъ... «Не всякаго чиновника можно погонять палкою; мы къ этому не привыкли». У Закревскаго всѣ идеалы сосредоточивались, по его выраженію, «въ пользѣ службы».

Заблоцкій-Десятовскій, болѣе другихъ изучившій переписку Закревскаго, призналъ его «несомнѣнно умнымъ и горячо относившимся къ государственнымъ дѣламъ». Не безъ основанія, поэтому, Киселевъ просилъ указаній Закревскаго по самымъ разнообразнымъ вопросамъ: о ланкастерскихъ школахъ, военно-судебной части и пр. Указанія Закревскаго полны практическаго ума.

Очень основательны также сужденія его въ области политики. Онъ находилъ, напримѣръ, что въ царствованіе Александра I «перѣшпительность по всему удивительная» и она приносила «болѣе вреда, нежели пользы». Коснувшись вопроса о Польшѣ, онъ писалъ: «Царство сумасбродное Польское (1819 г.) никогда не можетъ русскихъ любить, чѣмъ хочешь ихъ ласкай». ¹⁰⁶). Когда рѣчь зашла объ австрійцахъ, Киселевъ услыхалъ, что «не только австрійскіе комиссары, но и вся нація пренесносная и претяжелая». Поведеніе Турціи (въ 1821 г.) Закревскій находилъ крайне дерзкимъ и сожалѣлъ, что мы мѣшкали войной; «а головы несчастныхъ летятъ», вздыхалъ онъ... «Турки поступаютъ злодѣйски, а мы смотримъ хладнокровно». «Турки оскорбляютъ русскихъ и тѣмъ унижаютъ наше величіе передъ прочими державами»... При первомъ вступленіи въ Молдавію и Валахію, надо вводить гражданское управленіе,—настаивалъ Закревскій ¹⁰⁷).

Перелистывая далѣе многочисленныя письма А. Закревскаго, узнаемъ новыя и новыя благородныя черты его характера и ума. Онъ нерѣдко спорилъ съ гр. Мих. Сем. Воронцовымъ, который дружески называлъ его милымъ Мазепой, но сумѣлъ вполне оцѣнить его высокія качества и сказать: «всѣ благомыслящіе въ Россіи люди знаютъ, что у насъ Воронцовыхъ не много». Въ дни Александра I и Аракчеева А. А. Закревскій, въ которомъ иные усматривали «порядочнаго фронтовика», не былъ поклонникомъ знаменитой шагистики, ружистики и учебнаго шага. «Что ноги безъ головы, и куда годятся», писалъ онъ Киселеву. А. А. Закревскій не сочувствовалъ системѣ усиленныхъ фронтовыхъ занятій, и когда генералъ Желтухинъ выдумалъ новый учебный шагъ, Арсеній

Андрсевичъ съ негодованіемъ отозвался объ этомъ изобрѣтеніи. Знаменательно, что здравый голосъ Закревскаго раздался въ то время, когда красота фронта доводилась до акробатства, когда даже благородный Барклай де-Толли нагибалъ свою высокую, украшенную звѣздами, фигуру до земли, равняя носки гренадеръ. Чтобы въ то время поднять свой голосъ противъ общаго теченія, нужно было обладать значительнымъ гражданскимъ мужествомъ, и Закревскій, несомнѣнно, обладалъ имъ. Въ военныхъ поселеніяхъ онъ усматриваетъ несчастіе Россіи. Р. Г. Ребиндеру Закревскій писалъ (28 авг. 1830 г.): «Государь Императоръ намѣревается вовсе уничтожить военныя поселенія. Дай Богъ, чтобы это совершилось; это будетъ самое большое благодѣяніе Его царствованія, сдѣланное для Россіи». Въ томъ-же смыслѣ онъ писалъ гр. А. П. Толстому ¹⁰⁸).

Въ военныхъ вопросахъ Закревскій, видимо, обладалъ также весьма вѣрнымъ взглядомъ. Какъ только назначили Шварца командиромъ Семеновскаго полка, онъ сразу опредѣлилъ его непригодность и вскорѣ, какъ мы знаемъ, разыгралась печальная семеновская исторія.

Самостоятельныя воззрѣнія А. А. Закревскаго по военнымъ вопросамъ причинили ему немало непріятностей. На него былъ сдѣланъ даже доносъ ¹⁰⁹).

Закревскій не только дерзалъ свое мнѣніе имѣть относительно шагистики, но осмѣливался осуждать самого всесильнаго Аракчеева—это яркое олицетвореніе военнаго формализма того времени. Закревскій всегда признавалъ грузинскаго отшельника самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи, относился скептически къ его страданіямъ, а въ письмахъ называлъ его не иначе, какъ змѣей или Змѣемъ-Горыничемъ ¹¹⁰).

И видно, что сердце сердцу вѣсть подавало. Аракчеевъ чувствовалъ отношеніе къ нему Закревскаго и платилъ ему тою же монетою. Очень можетъ быть, что Аракчеевъ воспользовался случаемъ, чтобы удалить его отъ Государя. Во время отъѣзда кн. П. М. Волконскаго, онъ добился того, что Закревскій неожиданно получилъ должность генераль-губернатора въ Финляндіи. Самъ Закревскій допускалъ тутъ болѣе вліяніе нѣмца Дибича ¹¹¹). «Поступили со мною какъ нельзя гаже», прибавляетъ Арсеній Андрсевичъ.

Итакъ, Закревскій—генераль-губернаторъ Финляндіи. Что означало его назначеніе? Можно полагать, что Александръ I избра-

ніемъ А. А. Закревскаго обнаружилъ то измѣненіе своихъ воззрѣній, которое ни для кого уже не составляло тайны. По конституціонному пути Государь далѣе идти не желалъ. Закревскій такой мысли исполнѣ сочувствовалъ.

30 августа 1823 г., рескриптомъ на его имя, состоялось назначеніе генераль-адъютанта, генераль-лейтенанта, дежурнаго генерала Гл. Штаба А. А. Закревскаго генераль-губернаторомъ и командующимъ отдѣльнаго финляндскаго корпуса ¹¹²). (О Закревскомъ см. Исторія Финляндіи. Время Александра I, стр. 550).

Въ Финляндію Закревскій отправился лишь въ началѣ 1824 г. 15 Марта, при проѣздѣ имъ г. Борго, епископъ Меландеръ привѣтствовалъ новаго начальника края, прося его покровительствомъ оживить науки, земледѣліе, торговлю и ремесла. «Сіяющія военныя дѣла вашего превосходительства открыли храмъ славы, а мирныя занятія, принесли спасеніе обывателямъ Финляндіи, уготоваютъ вашему превосходительству новое безсмертіе и благословеніе нынѣшнихъ и будущихъ поколѣній» ¹¹³).

Въ день пріѣзда въ Гельсингфорсъ, Сенатъ привѣтствовалъ А. А. Закревскаго «съ сердечною радостью», въ надеждѣ найти въ его особѣ мудраго и правдиваго начальника, искренняго друга ихъ родины и покровителя ихъ законовъ ¹¹⁴).

24 марта—5 апрѣля А. Закревскій присутствовалъ въ Сенатѣ. Въ рѣчи своей онъ заявилъ, что, соблюдая мѣстные законы, будетъ обращать вниманіе на все, что можетъ принести существенную пользу финляндцамъ. Трудиться на пользу края ему тѣмъ болѣе будетъ пріятно, что уже давно «питаетъ къ финляндской націи уваженіе, которое еще со времени прежняго служенія его въ сей странѣ твердо въ немъ поселилось». Въ привѣтствіи, которое Сенатъ высказалъ теперь вновь прибывшему начальнику края, между прочимъ, говорилось:

«15 лѣтъ уже минуло послѣ присоединенія Великаго Княжества Финляндіи къ могущественной всероссійской Державѣ, и въ теченіе сего времени народъ финляндскій непрерывно пользовался отличнѣйшими знаками щедротъ и попеченія Великаго и Мудраго Монарха о благѣ новыхъ подданныхъ. Между тѣмъ какъ война и междоусобные раздоры потрясли другія государства, Финляндія подъ отеческимъ скипетромъ Августѣйшаго Покровителя своего наслаждалась ненарушимою тишиною и безпрепятственно процвѣ-

тали и усовершенствовались; торговля и мореходство были покровительствуемы, сколько обстоятельства времени позволяли, и изобильныя жатвы, кромѣ малыхъ изъятій, награждали труды земледѣльцевъ. Законы, подѣ управленіемъ и надзоромъ соотчичей тщательно были соблюдаемы; права и преимущества всѣхъ сословіи, Его Императорскимъ Величествомъ Высочайше утвержденныя, хранились въ полной ихъ силѣ; общественный порядокъ и тишина во всемъ были ненарушимы; судъ и законъ—сіи важныя основы существованія гражданскихъ обществъ—оставались равными для всѣхъ: отъ пахаря и до сановника. Завидно нынѣшнее счастье Финляндіи—и кто бы изъ насъ не чувствовалъ достоинства онаго. Вѣрность и преданность къ Царю и отечеству—сіи всегдашнія качества финскаго народа—остаются залогомъ благодарности его и любви къ Монарху, котораго благодареніямъ, при помощи Всевышняго, Финляндія обязана своимъ благоденствіемъ» ¹¹⁵).

Какъ честный слуга Царя и Отечества, Закревскій, попавъ въ Гельсингфорсъ, съ особымъ усердіемъ принялся за всестороннее изученіе ввѣреннаго ему края. Работа въ его канцеляріи не прерывалась до 10 часовъ вечера, и всѣ скоро оцѣнили рѣдкую дѣятельность, подвижность и справедливость новаго главнаго начальника,—писалъ сенаторъ І. В. Хисингеръ. Закревскому было всего 37 лѣтъ. Онъ ежегодно объѣзжалъ край для ознакомленія съ мѣстными нуждами, для наблюденія за дѣятельностью администраціи и для осмотра войскъ. Онъ выслушивалъ всюду заявленія и принималъ жалобы. Его адъютантъ Н. В. Путята описалъ одну изъ подобныхъ поѣздокъ ¹¹⁶). «Вотъ уже около мѣсяца, любезный Мухановъ, какъ мы странствуемъ по Финляндіи цѣлымъ караваномъ. Герцогъ (т. е. Закревскій) нашъ разѣзжаетъ по своимъ областямъ великолѣпнѣе всякаго азіатскаго сатрапа: съ нимъ толпа адъютантовъ, чиновниковъ, дворовыхъ рабовъ.... Караванъ нашъ обыкновенно раздѣляется на двѣ части: одна, въ которой находится самъ герцогъ и мученики его акуратности и мелочной дѣятельности, отправляется всегда впередъ, приводитъ все въ движеніе, опрятность и чистоту, ранжируетъ войско и старыя дѣла. Между тѣмъ другая остается въ городахъ на роскошныхъ квартирахъ, подѣ защитою графовъ и князей».

«Теперь мы путешествуемъ по Остроботніи, въ самомъ богатомъ краю Финляндіи; безпрестанно встрѣчаемъ хорошенькіе торговые города, хорошо обработанныя поля, прекрасные крестьян-

скіе домики и жителей опрятныхъ и живущихъ въ довольствѣ. Но что выигрывашь на счетъ удобства жизни, то теряешь для взоровъ и впечатлѣній: здѣсь природа уже не финляндская, ибо страна совершенно плоская. Чистота, порядокъ и спокойствіе— вотъ характеристическія черты этого края».

«Не распространяюсь болѣе о путешествіи нашемъ; скажу только, что оно доставило мнѣ нѣсколько новыхъ и сильныхъ впечатлѣній. Необыкновенное зрѣлище полуночнаго солнца въ Торнео, Лалландская природа, бурное Ладожское озеро, по коему мнѣ случилось плавать въ сильное ненастье, и нѣкоторыя другія мѣста сего края запечатлѣлись навсегда въ моемъ воображеніи» ¹¹⁷).

О поѣздкахъ и осмотрахъ Закревскаго сохранились подробные дневники и отчеты. Въ нихъ попадаются иногда весьма своеобразныя замѣтки. Въ январѣ 1825 г. Закревскій посѣтилъ въ Гельсингфорсѣ богадѣльню. «Содержательница показала, что бѣлья имѣется только по одной рубашкѣ и простынѣ на человѣка, такъ что когда онѣ отдаются въ мытье, то больные и слабые тутъ содержимые остаются безъ оныхъ». Другая замѣтка гласитъ: «Со станціи Пютерлаксъ ѣздили смотрѣть гранитную ломку Питкенемъ, гдѣ приготавлились колонны для Исаакіевского собора». Закревскій осмотрѣлъ ихъ; въ каждой колоннѣ было до 9.000 пудовъ вѣсу. Изъ письма Закревскаго къ Фальку отъ 10 іюня 1831 г. видно, что одна изъ колоннъ, предназначенныхъ для собора, вслѣдствіе недостатка въ размѣрѣ, была подарена Государемъ Финляндіи для какого либо памятника, и Закревскій предложилъ употребить ее для памятника Александру I на сенатской площади въ Гельсингфорсѣ. Дальнѣйшую судьбу колонны намъ установить не удалось, не смотря на многочисленныя поиски и справки. Обѣзжая край, Закревскій замѣтилъ, что въ магистратѣ Улеоборга хранилась золотая медаль, дарованная Александромъ I городу за усердіе жителей, оказанное русскимъ войскамъ во время войны 1808 — 1809 г.г. Около магистрата, подъ навѣсомъ, сохранялась шляпка, на которой Государь въ 1819 г. переправился черезъ Улеоборгское озеро. Въ пяти верстахъ за городомъ, въ помѣщеніи лазарета, въ 1808 г. корпусъ офицеровъ давалъ балъ графу Н. М. Каменскому. «Доселѣ (до іюня 1825 г.) въ нѣкоторыхъ комнатахъ сохранилась живопись на стѣнкахъ, кои были разрисованы самими офицерами для этого праздника». «Въ Торнео жители много пьютъ, не ходятъ въ церковь и пасторы весьма плохи». Изъ записи

А. Закревскаго узнаемъ, что 6-го декабря 1826 г., въ тѣзоименитство Государя, «обѣдни въ Гельсингфорсѣ не было, за отсутствіемъ священника». Закревскій не разъ устраивалъ балы, на которыхъ было по 150 и по 200 человѣкъ приглашенныхъ.

Какъ человѣкъ аккуратный и военный, Закревскій старался ввести во всемъ порядокъ и должную субординацію. При его слабости предмѣстникъ, ген. Штейнгель, центръ тяжести административнаго механизма передвинулся въ Петербургъ и сосредоточился въ рукахъ министра статсъ-секретаря Р. Ребиндера.—Закревскій рѣшился возстановить права и положеніе генераль-губернатора. Объ этомъ въ архивѣ Закревскаго сохранилась интересная, неопубликованная до сихъ поръ, переписка, которая возникла въ 1824 г. и грозила поссорить корреспондентовъ.

Переписку можно назвать исторической по ея значенію для уясненія взаимныхъ отношеній двухъ главныхъ представителей Финляндіи. Министру статсъ-секретарю и генераль-губернатору всегда трудно было размежеваться въ административной области. Генераль-губернаторъ, отвѣчавшій за край, естественно желалъ быть единственнымъ хозяиномъ дѣла; но статсъ-секретари всегда вмѣшивались въ очередные вопросы, болѣе, чѣмъ допускала ихъ инструкція. Графъ Густавъ М. Армфельтъ открыто игнорировалъ Штейнгеля, подымая и направляя вопросы, согласно своимъ взглядамъ.—А. А. Закревскій первый рѣшился указать статсъ-секретарямъ ихъ надлежащее мѣсто и сдѣлать это весьма опредѣленно. Уличенный недавними примѣрами превышенія своей власти, Р. Ребиндеръ долженъ былъ извиниться. Но его замѣстители вновь и вновь стали переходить демаркаціонную линію.

А. Закревскому стало извѣстно, что рефендаріи секретари Финляндскаго Сената ведутъ непосредственную переписку съ правителемъ Канцеляріи Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ. А. Закревскій просилъ барона Р. Ребиндера «пресѣчь» такое нарушеніе учрежденнаго порядка. «Со всѣмъ почтеніемъ, которое я имѣю къ лицу и къ званію вашего превосходительства,—отвѣчалъ Р. Ребиндеръ,—не могу однако-же согласиться, чтобъ я не сдержалъ даннаго мною слова не преступать границы власти генераль-губернатора». Далѣе Р. Ребиндеръ пояснялъ, что не усматриваетъ особаго преступленія въ томъ порядкѣ, который существуетъ уже болѣе 12 лѣтъ. «Если,

напримѣръ, губернаторы или другіе чиновники будутъ писать ко мнѣ офиціально, я не знаю, чтобы существовалъ какой-нибудь законъ или постановленіе, запрещающее мнѣ отвѣчать имъ.... Повторяю, мнѣ нечего скрывать и вся Финляндія можетъ засвидѣтельствовать, что не мое дѣло трудиться во мракѣ. Напротивъ того, я радуюсь тому, что имѣю дѣло съ генераль-губернаторомъ, который видитъ все собственными глазами. Я также, какъ и всѣ, плачу дань слабостямъ людскимъ, но если я заслужилъ снисхожденіе справедливѣйшаго и великодушнѣйшаго Монарха, то льщу себя надеждою заслужить оное и со стороны вашего превосходительства. Я пользуюсь правомъ, которое вы мнѣ дали, говорить съ вами откровенно».

А. Закревскій не согласился «столь легкимъ образомъ и безъ дальней огласки» прекратить дѣло... «Подобный родъ сношеній Высочайше не установленъ, а я и по долгу службы, и по характеру моему ревнителенъ къ точному исполненію учреждений. По чувству откровенности не могу также скрыть отъ васъ и другія непріятныя для меня встрѣчи». И далѣе А. Закревскій пояснилъ, что архитектору Энгелю дано, помимо генераль-губернатора, предписаніе отправиться въ Або. Естественнo, что А. Закревскій усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе порядка службы. «Вынуждаюсь сказать вашему превосходительству необинуясь», что если подобный ходъ дѣлъ продолжится, то долженъ принять соотвѣтствующія мѣры и «донести о томъ Государю Императору, ибо начальство надъ здѣшнимъ краемъ ввѣрено одному, а не двумъ».

Р. Ребиндеръ, отвѣчая, писалъ: «Признаюсь, что я виноватъ, ибо архитекторъ сей находится подъ начальствомъ вашего превосходительства, и прошу извиненія, но въ то же время ссылаюсь на вашу справедливость... Запамятованіе есть, конечно, ошибка, которая заслуживала отъ васъ выговора, но я не думалъ, чтобы сія ошибка была такого рода, чтобы могла заслужить угрозу жалобы Государю Императору и явнаго противорѣчія въ отечествѣ, которому я съ честью служилъ 29 лѣтъ».

А. Закревскій возражалъ на нѣкоторыя положенія Р. Ребиндера и дополнилъ свои пункты обвиненія новымъ примѣромъ. Онъ узналъ, что извѣстнымъ представителямъ духовенства края Ребиндеръ передалъ Высочайшее повелѣніе собраться въ Або, «о чемъ я доселѣ ничего не знаю»... Въ заключеніе А. Закревскій прибавляетъ: «говорю о всемъ съ вашимъ превосходительствомъ съ чистосердеч-

ною откровенностью и постинѣ безъ всякаго желанія причинять вамъ досады» ¹¹⁸).

Урокъ, данный Ребиндеру, не прошелъ безслѣдно и онъ призналъ, что «законопослушаніе должно бы согласоваться съ финской націей». Ребиндеръ въ письмахъ къ своимъ знакомымъ жаловался потомъ на трудность своего положенія и признавался, что болѣе не рисковалъ обходить генераль-губернатора. Въ 1826 г. (26 апрѣля) онъ писалъ архіепископу Тенгстрему: «Въ силу порядка, который теперь установленъ по Высочайшему повелѣнію, всѣ дѣла, какого бы состава они ни были, должны проходить черезъ руки ген.-губернатора, прежде чѣмъ докладываются Императору». Одинъ изъ подчиненныхъ Ребиндера сообщалъ о немъ: «Онъ лишенъ всякаго вліянія у Монарха» ¹¹⁹).

Въ томъ же 1826 г. прокуроръ Сената, Валленъ, получилъ частное письмо отъ барона Ребиндера. Оно полно съ одной стороны опасеній, а съ другой дружескихъ совѣтовъ. «Я не скрою отъ тебя, что мы все еще живемъ на вулканѣ, который отъ одной искры можетъ взорваться. Неотступно прошу тебя употребить все свое вліяніе на успокоеніе умовъ и совѣтъ сенаторамъ нашимъ быть осторожными, хитрыми и хладнокровно обсуждать наше особое положеніе. Здѣсь далеко отъ того, чтобы общее настроеніе было въ нашу пользу, наоборотъ, оно безусловно противъ насъ; и если что-либо у насъ случится невыгодное, это будетъ выигрышемъ въ глазахъ тѣхъ, которые всегда насъ презирали и намъ завидовали. У престола у насъ нѣтъ защиты ни въ комъ, кромѣ самихъ себя. Наши внутренніе споры, зависть, интриги и несчастья являются здѣсь страшнымъ оружіемъ противъ Финляндіи» ¹²⁰).

Какими обстоятельствами вызвано подобное письмо—неизвѣстно. Надо полагать, что мѣстныя власти были смущены и разстроены напоромъ энергичныхъ генераль-губернаторскихъ требованій и тѣмъ громаднымъ расположеніемъ, какимъ въ это время пользовался А. А. Закревскій у Государя.

Покончивъ со статсъ-секретаремъ, Закревскій принялся за Сенатъ. Онъ тоже злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, требуя, напримѣръ, по всевозможнымъ дѣламъ мнѣнія прокурора, ранѣе дачи своего заключенія. Закревскій настоялъ на томъ, что Сенатъ могъ просить у прокурора лишь нужныхъ ему свѣдѣній. Кромѣ того, сенаторы усвоили привычку брать на домъ дѣла, по коимъ требовали ихъ заключенія, и держали ихъ мѣсяцами, тормозя

Рис. Ловерьнъ.

Тавастугъ. 1839 г.

вопросы, кои должны были восходить на Высочайшее усмотрѣніе. А. Закревскій ограничилъ право сенаторовъ держать у себя дѣло недѣльнымъ срокомъ.

А. Закревскій старался относиться ко всѣмъ одинаково, требуя отъ всѣхъ соблюденія закона. Сдѣлавъ указанія Сенату и министру статсъ-секретарю, онъ преподалъ подобныя же указанія и другимъ. Кюменьгородскій губернаторъ сталъ непосредственно сноситься съ начальникомъ финляндской Паспортной экспедиціи въ Петербургѣ; Закревскій разъяснилъ ему неправильность такихъ сношеній.

Изъ жалобъ, поданныхъ въ Куопіоской губерніи, А. А. Закревскій узналъ, что коронные фохты, ленсмана и другіе казенные служители брали иногда съ крестьянъ болѣе положеннаго закономъ. Жалоба подтвердилась. Но какъ искоренить зло? Предоставить крестьянамъ искать съ виновныхъ удовлетвореніе по суду, значило обречь ихъ на долгую и дорогую волокиту. Закревскій лично доложилъ дѣло Государю и получилъ разрѣшеніе, дабы губернаторы немедленно удаляли виновныхъ съ занимаемыхъ должностей, руководствуясь ландегевдингской инструкціей 4 ноября 1734 года. Сенатъ, въ числѣ прочихъ дѣлъ, оставилъ и это безъ исполненія.— Тогда Закревскій (2 іюня 1826 г.) вновь представилъ дѣло Государю и черезъ статсъ-секретаріатъ оно было направлено къ исполненію. Рескриптомъ отъ 9 іюня 1826 г. Высочайше повелѣно было присвоить каждому губернатору право отрѣшати провинившихся коронныхъ фохтовъ, ленсмановъ и прочихъ служителей отъ исправленія должностей.

Надо полагать, что послѣдствіемъ начавшихся треній съ Сенатомъ явился другой рескриптъ, коимъ генераль-губернатору предоставлено было, какъ предсѣдателю Сената и главноуправляющему исполнительною частью, право объявлять къ исполненію, какъ статсъ-секретарю Финляндіи, такъ и Финляндскому Сенату, изустно полученныя повелѣнія Его Императорскаго Величества, при условіи, чтобы особо переданное Сенату повелѣніе сообщалось также статсъ-секретарю, для надлежющей связи въ общемъ дѣлопроизводительствѣ края.

Объѣзжая край лѣтомъ 1827 г., А. Закревскій изъ отдѣльныхъ жалобъ узналъ, что герадсгевдинги (судьи) своевременно не выдавали копій съ протоколовъ и рѣшеній герадскихъ судовъ, не смотря на то, что пошлина за нихъ бывала уже уплачена тяжку-

щимися. Адвокатъ-фискаламъ Абоскаго и Вазаскаго гофгерихтовъ предписано было наблюдать, чтобы названные судьи (герадсгевдинги) не съѣзжали съ мѣстъ засѣданій герадскихъ судовъ, пока не выдадутъ нужныхъ копій и свидѣтельствъ ¹²¹⁾.

Въ слѣдующемъ году, посѣтивъ другія части края, и замѣтивъ возрастающее среди населенія пьянство, Закревскій испросилъ у Государя позволенія поставить это важное дѣло на «неукоснительное разсмотрѣніе Сената ¹²²⁾». Гр. А. А. Закревскій, внимательно вникая во все, всюду требовалъ справедливости и зорко наблюдалъ за исполненіемъ русскихъ требованій и за интересами населенія. Послѣдовало, напр., въ 1827 г. распоряженіе, переданное министру внутреннихъ дѣлъ, о сохраненіи остатковъ древнихъ замковъ и крѣпостей и Закревскій сейчасъ-же освѣдомляется, распространяется-ли это распоряженіе на Финляндію?

Доклады А. Закревскаго, наглядно свидѣтельствуютъ, что имъ проявлена была большая инициатива, обращено вниманіе на всѣ отрасли администраціи, и, видимо, ничто не ускользало отъ опытнаго его взгляда и здраваго практическаго ума. Эти доклады и отчеты были собраны въ отдѣльную книгу коллежскимъ совѣтникомъ фонъ-Витте въ 1832 г. для кн. Меншикова ¹²³⁾.

Въ 1822 г. Императоръ Александръ I замѣтилъ, что въ разныхъ государствахъ возникли безпорядки, вслѣдствіе существованія въ нихъ тайныхъ обществъ. Подъ наименованіемъ масонскихъ ложъ, они первоначально преслѣдовали благотворительныя цѣли, но затѣмъ «сокровенно» занялись предметами политики. «Обращая всегда бдительное вниманіе, дабы твердая преграда была полагается» всему, что можетъ послужить ко вреду государства, Александръ I воспретилъ впредь всѣ тайныя общества. Объ этомъ послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ (1-го Августа 1822 г.) на имя гр. Виктора Павловича Кочубея. Но неизвѣстно, по какимъ причинамъ это требованіе не было тогда же распространено на Финляндію.

Арсеній Андреевичъ Закревскій, усмотрѣвъ это упущеніе, вступилъ въ сношеніе съ барономъ Ребиндеромъ, который заявилъ, что послѣ присоединенія къ Россіи Финляндіи въ ней «тайныхъ обществъ не существовало».—Тѣмъ не менѣе Ребиндеръ и чины статсъ-секретаріата, желая исполнить требованіе рескрипта 1822 г., сейчасъ же выразили готовность дать установленныя росписки о томъ, что они ни въ какихъ тайныхъ обществахъ членами не состоятъ ¹²⁴⁾.

Но помимо сего, 21 апрѣля 1826 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, потребовавшій отъ всѣхъ находившихся на финляндской службѣ, а также отъ отставныхъ чиновниковъ и неслужащихъ дворянъ, обязательства въ томъ, что они впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ принадлежать не будутъ. 11-го мая 1826 г. на имя генераль-губернатора Закревскаго послѣдовалъ новый рескриптъ, коимъ предписывалось закрытіе въ Финляндіи всѣхъ масонскихъ и иныхъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ бы названіемъ они ни существовали. Въ виду этого, чиновники и должностныя лица обязаны были дать подписки въ томъ, что впредь не будутъ принадлежать къ подобнымъ обществамъ, Сенатъ циркуляромъ опросилъ всѣ вѣдомства и учрежденія края, а 30 марта 1827 г. ген.-адъютантъ Закревскій представилъ рапортъ Его Императорскому Величеству, съ приложеніемъ списка служащихъ лицъ, которыя ранѣе считались членами разныхъ тайныхъ обществъ. Такихъ чиновниковъ оказалась цѣлая сотня. Въ Финляндіи имѣли послѣдователей: Франкъ-масонскій орденъ (поддерживавшій связь съ ложами въ Ливорно, Тулонѣ, Марселѣ), Дубовая долина вѣрности, Александровское общество, Тосское общество (въ Гейнола), Шотландскія ложи, Плотничье и Космополитическое (въ Свеаборгѣ) Св. Августина, Гипотенузское, Пылающая Звѣзда (въ Петербургѣ), Колданское любви къ ближнему, Честный Шведъ, Друзья человечества, Нептуновская ложа, Амаритскій Орденъ и др. Членами этихъ обществъ чиновники состояли преимущественно до присоединенія Финляндіи къ Россіи. Къ тайнымъ обществамъ были причастны чиновники статсъ-секретаріата, члены сената (Гюльденстолпе, фонъ-Борнъ, баронъ В. Клинковстремъ, Хисингеръ, I. Эдельгеймъ и др.), члены гофгерихтовъ, губернаторы (Аминовъ, Лангеншельдъ), бургомистры и т. п. Короче—не было, кажется, вѣдомства или учрежденія, въ которомъ не находились представители какой-либо тайной организаціи.

Въ бумагахъ А. А. Закревскаго имѣется смѣлый по содержанію документъ, подписанный (16—28 мая 1826 г.) референдарій-секретаремъ Финляндскаго Сената, с. с. Юганномъ Фридрихомъ Стихеусомъ. Онъ имѣлъ званіе магистра и исправлялъ должность секретаря въ масонской ложѣ св. Августина и въ обществахъ Плотничьемъ, Космополитическомъ и Гипотенузскомъ. Стихеусъ писалъ генераль-губернатору, что завтра будетъ Сенату доложено дѣло о закрытіи въ Финляндіи масонскихъ ложъ и всѣхъ тайныхъ

обществъ. «Не много уже въ Финляндіи тѣхъ лицъ,—продолжаетъ Стихеусъ,—кои принадлежатъ бывшей Финляндской масонской ложѣ, и я жизнь мою своею отвѣтствую въ томъ, что межъ ними нѣтъ ни одного, который-бы со мною не раздѣлялъ безпредѣльнѣйшее благоволеніе и вѣрность Государю». Далѣе онъ перечисляетъ бывшихъ масоновъ и прибавляетъ, что послѣ 1815 г. они «не занимались ложевою работою, и какъ полагаю не имѣли связи съ большою ложею въ Стокгольмѣ» ¹²⁵).

Жизнь въ Финляндіи текла мирно и тихо, почему особыхъ мѣръ по отношенію къ ней не требовалось.

Не могъ однако столь бдительный администраторъ, какъ А. А. Закревскій, не обратить вниманіе на евреевъ въ краѣ. Ихъ было въ 1831 г. немного: въ Або—1 съ женою, въ Гельсингфорсѣ—7, въ Выборгѣ—1 съ женою и 7 дѣтьми.—Циркулярнымъ предписаніемъ А. А. Закревскій потребовалъ не впускать въ предѣлы губерній евреевъ. Онъ просилъ министра юстиціи, дабы въ плакатныхъ паспортахъ, выданныхъ евреямъ въ Имперію, обозначалось, что въѣздъ имъ въ Великое Княжество Финляндское воспрещенъ. Министръ предложилъ Правительствующему Сенату исполнить это желаніе. Узнавъ, что генеральные консулы иногда выдавали паспорта евреямъ, А. А. Закревскій добился воспрещенія имъ впредь свидѣтельствовать паспорта ¹²⁶).

Какъ челоувѣкъ энергичный и подвижный, Закревскій не заставлялъ себя ждать тамъ, гдѣ присутствіе его являлось необходимымъ. Въ 1831 г. (въ сент.) загорѣлся Тавастгусъ; въ теченіе ночи пламя истребило 102 дома. А. А. Закревскій немедленно выѣхалъ къ пострадавшимъ, для оказанія имъ помощи ¹²⁷). Подобнымъ образомъ онъ поступалъ и въ другихъ случаяхъ ¹²⁸).

Въ Гельсингфорсѣ находился Финскій учебный баталіонъ, сформированный въ 1818 г. въ Тавастгусѣ. Въ 1827 г. онъ получилъ 4-хъ ротный составъ, а въ 1829 г. переименованъ въ Л. Гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ.

По первоначальному штату въ немъ полагалось 600 чел., съ жалованьемъ по «1½ бочки хлѣба». Офицеры и унтеръ-офицеры съ барабанщиками командировались въ этотъ баталіонъ изъ финскихъ

полковъ поочередно, на годъ. Рядовые же набирались ротными командирами вербовкою. Въ 1822 г. при этомъ баталіонѣ учреждена была школа для обученія военнымъ и математическимъ наукамъ, а также русскому языку. Всѣми финскими войсками начальствовалъ генералъ изъ финляндскихъ уроженцевъ, въ званіи дивизіоннаго начальника, съ общимъ окладомъ въ 8.203 р. банковыми ассигнаціями. При Финляндскомъ генераль-губернаторѣ, по части финскихъ войскъ, находился одинъ старшій адъютантъ съ жалованьемъ 150 бочекъ хлѣба и 1 раціонъ или 200 р. При Начальникѣ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества состояли: одинъ офицеръ финскихъ войскъ и одинъ чиновникъ ¹²⁹).

Въ бумагахъ, относившихся къ финскимъ войскамъ, упоминалось еще о «Главномъ Штабѣ Финляндской Арміи». Это поразило гр. Закревскаго. Прежде всего оказалось, что этотъ Главный Штабъ состоялъ всего изъ двухъ офицеровъ (Кап. Тавастшерна и Кап. Грипенберга). Ясно было, что такое названіе могло родиться лишь вслѣдствіе какого-либо недоразумѣнія. По повѣркѣ, произведенной дѣятельнымъ генераль-адъютантомъ А. А. Закревскимъ, догадка подтвердилась. Въ 1817 г. подп. Егершельдъ подалъ Начальнику Штаба Его Императорскаго Величества записку о томъ, чтобы въ финскихъ войскахъ сѣрый цвѣтъ мундировъ былъ замѣненъ зеленымъ, а чтобы ему, Егершельду, и прочимъ офицерамъ, причисленнымъ къ Главному Штабу Его Императорскаго Величества по части финскихъ войскъ, присвоены были мундиры одинаковые съ существующими въ Россіи, съ разницею лишь въ выпушкахъ и даны были пуговицы съ Финляндскимъ гербомъ. Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества положилъ слѣдующую резолюцію: «Утверждаю, кромѣ мундира Главнаго Штаба, который долженъ быть одинаковый съ мундиромъ Халоніемскаго Кадетскаго Корпуса (нынѣ Фридрихсгамскаго), съ желтою выпушкою». Ясно, что здѣсь шла рѣчь лишь о мундирѣ, а не объ основаніи Главнаго Штаба Финской арміи. Тѣмъ не менѣе генералъ-маіоръ Эрнротъ, рапортомъ отъ 7/19 Іюля 1822 г., просилъ, чтобы кап. Тавастшерна опредѣленъ былъ изъ отставки учителемъ въ школѣ при учебной командѣ «тѣмъ же чиномъ при Главномъ Штабѣ Финляндской Арміи, коего мундиръ считаетъ онъ, Эрнротъ, для Тавастшерна приличнѣйшимъ». Генералъ гр. Штейнгель повторилъ тѣ же выраженія и они попали, наконецъ, въ Высочайшій приказъ 1 Февраля 1823 г. Получилось, что кап. Тавастшерна опре-

дѣляется въ службу тѣмъ же чиномъ «въ Главный Штабъ Финляндской Арміи». Итакъ, при семи финскихъ баталіонахъ, носившихъ наименованіе дивизіи финскихъ войскъ, неожиданно оказался особый Главный Штабъ ¹³⁰).

Несоотвѣтственное названіе было оставлено, и въ теченіе нѣкотораго времени писали: «По Канцеляріи Начальника Главнаго Штаба, Отдѣленіе финскихъ войскъ» ¹³¹).

Въ Февралѣ 1826 г. А. А. Закревскій поднялъ вопросъ о преобразованіи финскихъ войскъ. Учебный Гельсингфорскій баталіонъ онъ предлагалъ сохранить. Остальные баталіоны двухъ егерскихъ полковъ онъ находилъ полезнымъ преобразовать въ стрѣлковые, раздѣливъ ихъ на три бригады ¹³²). Обмундировать ихъ надлежало по образцу егерей. Состоявшія при 2-хъ финскихъ пѣхотныхъ полкахъ знамена нужно было оставить при стрѣлковыхъ баталіонахъ, а въ случаѣ войны ихъ предписывалось отдавать на храненіе «въ Россійскіе арсеналы—Свеаборгскій и Выборгскій». Служебная переписка происходила на шведскомъ языкѣ. Дивизіонный начальникъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдателемъ верховнаго военного суда. Судъ производился на шведскомъ языкѣ и по шведскимъ законамъ. Всѣ эти предположенія генераль-адъютанта Закревскаго удостоились 22 февраля 1826 г. Высочайшаго утвержденія ¹³³).

Однако осуществленіе этой реформы крайне замедлилось.

Положеніе финскихъ войскъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являлось довольно своеобразнымъ. Лекаръ Перваго Финскаго флотскаго экипажа былъ, напримѣръ, подчиненъ Медицинскому Управленію Финляндіи ¹³⁴). За неимѣніемъ военныхъ госпиталей нижнихъ чиновъ финскихъ войскъ приходилось отправлять въ гражданскія больницы ¹³⁵). Хотя имѣлись финскія войска, но Высшій Военный Судъ въ 1831 г. былъ упраздненъ ¹³⁶), и военное судопроизводство было подчинено Абоскому Гофгерихту. Въ концѣ 1836 г. этотъ судъ былъ восстановленъ.

Установить, какой существовалъ въ финскихъ войскахъ внутренній порядокъ и въ какой мѣрѣ у нихъ примѣнялись прежнія шведскія военныя законоположенія и уставы весьма затруднительно.

Въ 1827 г. возникла значительная переписка между генераль-губернаторомъ Закревскимъ и Начальникомъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по вопросу о томъ, не будетъ ли противно кореннымъ законамъ Финляндіи, если, при преобразованіи

финскихъ войскъ въ стрѣлковые баталіоны, пять комплектныхъ капитановъ останутся безъ ротъ, и если допустить, что Дивизіонный Начальникъ сихъ войскъ утверждаетъ ротныхъ командировъ? А. А. Закревскій, отвѣчая, указалъ прежде всего на то, что при составленіи штатовъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ руководились Высочайше выраженнымъ желаніемъ, дабы устройство сихъ баталіоновъ возможно приблизить къ Россійскимъ егерскимъ полкамъ. «Таковое преобразование не колеблетъ финляндскихъ постановленій, точно какъ и сдѣланное въ 1819 г. волею Монаршею преобразование двухъ финскихъ егерскихъ полковъ въ линейные». Далѣе слѣдуетъ ссылка на § 1 Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., предоставляющій королю во всѣхъ дѣлахъ управленія употреблять способы, кои онъ признаетъ наиболѣе полезными. «Основные Законы Финляндіи, изображенные въ вышеупомянутомъ Актѣ 1789 г. и въ Постановленіи объ образѣ Правленія 1772 г.», обязываютъ Государя не лишать, безъ законнаго сужденія, должностей, «а оныя капитаны ничего не теряютъ, сохраняя все законно имъ принадлежащее».....

Точно также А. А. Закревскій не усмотрѣлъ никакого «колебанія финляндскихъ законовъ» въ предоставленіи Дивизіонному Начальнику права назначать, переводить и отставлять ротныхъ командировъ и это тѣмъ болѣе, что въ строевомъ отношеніи финскія войска уже ранѣе сближены съ русскими. «Замѣчу еще, что сами финляндцы, въ представленіи о замѣщеніи военныхъ вакансій, не держатся строго Королевскихъ шведскихъ постановленій, и особливо изданныхъ 1716 и 1756 г.г., сближаясь къ существующему въ войскахъ Россійскихъ легчайшему порядку»... Между прочимъ, при отставкахъ и переводахъ, не взирая на шведскія постановленія, искали должностей ниже своего чина ¹³⁷).

Въ 1819 г., подъ предсѣдательствомъ гр. Штейнгеля, образованъ былъ особый Комитетъ для пересмотра военныхъ законовъ Финляндіи во всемъ ихъ объемѣ, съ цѣлью исключенія устарѣвшихъ и введенія новыхъ положеній, вызываемыхъ временемъ. До 1852 г. Комитетъ ничего не сдѣлалъ и многіе члены его успѣли умереть, почему положено было пересмотрѣть воинскіе артикулы, переставшіе совершенно соотвѣтствовать своему назначенію. Обязанность эту возложили на Верховный Военный Судъ ¹³⁸).

По поводу переводовъ разныхъ шведскихъ и русскихъ воинскихъ уставовъ велась обширная переписка. Въ Октябрѣ 1826 г.

маіоръ I Финскаго пѣхотнаго полка Шернваль представилъ генераль-адъютанту А. А. Закревскому большой отчетъ, изъ котораго видно, что Его Величества Короля Шведскаго уставъ для пѣхотныхъ полковъ 23 Мая 1731 г. только частью былъ переведенъ на русскій языкъ, такъ какъ большая его половина объ ученіи, эволюціяхъ, пальбѣ и построеніяхъ, конечно, давно устарѣла. Въ бумагахъ Закревскаго имѣются выписки и переводы изъ разныхъ старыхъ шведскихъ военныхъ законовъ и положеній. Одинъ

Рядовые Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона.

штабсъ - капитанъ Кронстедтъ перевелъ 95 различныхъ постановленій, относившихся къ періоду времени съ 1723 по 1806 г.г. Нѣкоторые русскіе уставы были переведены на шведскій языкъ, но не были напечатаны и находились у Начальника дивизіи, генераль-маіора Эрнрота.

Изъ бумагъ А. А. Закревскаго видно, что по вопросу о примѣнимости къ финскимъ войскамъ прежнихъ старыхъ шведскихъ воинскихъ законовъ — какъ въ области обученія, такъ и управленія сими войсками — царилъ большой хаосъ, въ которомъ едва ли вполнѣ разбирались тогда даже высшіе начальники.

На финскій языкъ воинскій артикуль былъ переведенъ впервые въ концѣ 1834 г.

Въ требованіяхъ знанія въ финскихъ войскахъ русскаго языка всегда происходили замѣтныя колебанія и неизбѣжно наблюдаются стремленія уклониться отъ исполненія существовавшихъ предписаній. 23 Декабря 1825 г. (4 января 1826 г.) Финляндскій генераль-губернаторъ и Командиръ Отдѣльнаго Финляндскаго корпуса, генераль-адъютантъ Закревскій, въ весьма энергичныхъ выраженіяхъ, писалъ начальнику дивизіи финскихъ войскъ, генераль-маіору и кавалеру Эрнроту, слѣдующее: постановленіе 10 апрѣля 1813 г. требовало, чтобы «юноши, желающіе вступить въ военную и

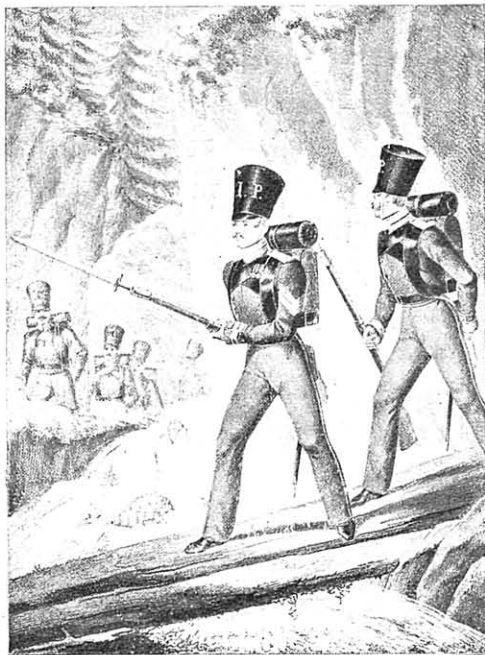
статскую службу Финляндіи, обязаны пріобрѣтать познанія Россійскаго языка»... А потому «уклоненіе вашего предмѣстника и ваше отъ исполненія по Финскимъ войскамъ яснаго разума и намѣренія сихъ словъ, нарушаетъ цѣль, указанную правительствомъ»... «Имѣя главный долгъ» блюсти, дабы законы и постановленія въ точности были исполняемы,—продолжалъ Закревскій,—предлагаю вашему превосходительству: «Отнынѣ впредь не принимать въ войска вашего начальства на службу изъ финляндскихъ уроженцевъ, кто бы онъ ни былъ, не имѣющаго свидѣтельства»... въ познаніи Россійскаго языка. «Токмо одни солдаты, вербуемые по пассеволанту, изъ того исключаются». Далѣе онъ воспрещалъ представлять къ производству унтеръ-офицеровъ въ офицеры безъ наличности свидѣтельства о знаніи сего языка ¹³⁹).

Царствованіе Николая Павловича ознаменовалось нѣсколькими нововведеніями, направленными къ сближенію финскихъ войскъ съ русской арміей.

Начиная съ 1829 г., предписано было выбирать въ финскихъ баталіонахъ 12 унтеръ-офицеровъ и опредѣлять ихъ на годъ въ русскія воинскія части, расположенныя преимущественно въ Свеаборгѣ, для изученія разговорнаго русскаго языка. Бывали случаи, когда А. Закревскій хлопоталъ о переводѣ финляндцевъ въ русскіе полки, находя это полезнымъ, для изученія ими русскаго языка и для усвоенія постановленій «для нихъ вовсе чуждыхъ».

Въ томъ же 1829 г. Государь Императоръ повелѣлъ ввести въ финскихъ баталіонахъ русскія командныя слова ¹⁴⁰).

Мысль объ этомъ возникала и ранѣе и если она теперь была осуществлена, то благодаря личному донесенію Командира Финскаго Учебнаго Стрѣлковаго баталіона, полковника Рамзая, во время бытности его въ Петербургѣ. Во ввѣренномъ ему баталіонѣ

Унтеръ-офицеръ и рядовой Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона.

онъ призналъ «удобнѣйшимъ употреблять командныя слова Россійскія». Государь велѣлъ спросить мнѣнія Дивизіоннаго Начальника Финскихъ войскъ, генераль-маіора графа Штевена-Штейнгеля, не встрѣтится-ли какого либозатрудненія въ исполненіи предположенія полковника Рамзая, и графъ отвѣтилъ, что «баталіонныя командиры Финскихъ войскъ единогласно предпочитаютъ Россійскія командныя слова финскимъ», и что новыя командныя слова онъ предполагаетъ ввести исподволь въ шести линейныхъ стрѣлковыхъ баталіонахъ ¹⁴¹).

Въ концѣ года, въ цѣляхъ сближенія войскъ, послѣдовало новое распоряженіе. Государь разрѣшилъ принимать сверхъ штата въ лейбъ-гвардію Финскій стрѣлковый баталіонъ всѣхъ тѣхъ молодыхъ финляндскихъ дворянъ, которые въ состояніи содержать себя на свой счетъ. По изученіи же ими русскаго языка, желающіе могли вступить въ школу Гвардейскихъ подпрапорщиковъ ¹⁴²).

Въ виду того, что студенты русскихъ университетовъ имѣли право поступать въ полевые полки и, по прослуженіи въ нижнихъ чинахъ шести мѣсяцевъ, производились въ офицеры, эти же льготныя правила были, въ 1831 году, распространены на студентовъ Гельсингфорскаго университета, прослушавшихъ въ немъ трехгодовой курсъ и отмѣченныхъ хорошимъ поведеніемъ ¹⁴³).

Въ 1835 г. разрѣшено было дѣтямъ финляндскихъ купцовъ поступать въ военную службу, о чемъ послѣдовало опредѣленіе Правительствующаго Сената ¹⁴⁴).

Такимъ образомъ финляндцамъ открыто было новое широкое поприще, и, дѣйствительно, многіе изъ нихъ сдѣлали въ Россіи блестящую карьеру. Въ русской арміи съ этихъ поръ всегда находилось значительное число финляндцевъ. Служили они исправно и заявили себя хорошими товарищами.

Естественною и постоянною заботою правительства являлось упорядоченіе комплектованія финскихъ войскъ хорошими и надежными солдатами. Это повело къ тому, что въ 1839 г. утвержденъ былъ для финскихъ войскъ новый капитуляціонный контрактъ, которымъ руководствовались при вербовкѣ солдатъ какъ для гвардейскаго стрѣлковаго баталіона, такъ и для 1-го Финскаго флотскаго экипажа. Въ виду того, что Финляндія не знала рекрутства, дозволена была одна лишь добровольная вербовка охотниковъ.

Забота по вербовкѣ возлагалась на ротныхъ командировъ: они обязаны были содержать ввѣренныя имъ части въ положенномъ

комплектъ. Люди вербовались исключительно изъ числа финляндскихъ уроженцевъ хорошаго поведенія, безъ тѣлесныхъ недостатковъ, въ возрастѣ отъ 18 до 35 лѣтъ. Каждый «капитулантъ» завербовывался болѣе нежели на шесть лѣтъ, за установленное вознагражденіе въ 60 р. ассигнаціями. Возобновленіе «капитуляціи» дозволялось не менѣе, какъ на три года.

Система вербовки, какъ и вездѣ, наполняла ряды войска худшими элементами населенія, съ распатанными нравственными устоями и съ пониженной работоспособностью. Въ строевыхъ и служебныхъ занятіяхъ солдатъ погружался въ однообразную казарменную обстановку. Отсутствовали подходящія развивающія и облагораживающія развлеченія, не имѣлось солдатской книжки и журнала и потому несудивительно, если въ своемъ тупомъ бездѣйствіи онъ предавался пьянству. Пьянство среди финскихъ солдатъ являлось очень распространеннымъ и бороться съ этимъ губительнымъ порокомъ не имѣлось надлежащихъ средствъ. Шведскій воинскій уставъ 1798 г. ввелъ, въ видѣ наказанія за пьянство, «для солдатскихъ женъ, дѣтей и служителей гарнизона въ крѣпостяхъ и казармахъ», такъ называемую, «испанскую скрипку» (*spanska fiolen*). Этотъ инструментъ состоялъ изъ деревянной доски формы скрипки. Доска раздѣлялась на двѣ части, имѣя по срединѣ отверстіе; все было такъ приспособлено, чтобы его можно было надѣть на шею преступника. Къ доскѣ прикрѣплялась стальная пружина съ колокольчикомъ или бубенчикомъ, которые приходились надъ головой провинившагося. Съ такими приспособленіями и украшеніями преступника водили по казармамъ, въ сопровожденіи палача, державшаго въ одной рукѣ саблю, а въ другой—ведро съ водой. Водой «освѣжали» лицо тѣмъ изъ преступниковъ, которые не соглашались безмолвно сносить насмѣшки и брань публики ¹⁴³).

Въ концѣ XVII столѣтія землевладѣльцы Финляндіи приняли на себя обязательство поставлять и содержать извѣстное число милиціоннаго войска. Обыкновенно два геймата или болѣе, смотря по ихъ величинѣ, поставляли одного солдата. Отъ этой повинности были освобождены дворянскія имѣнія, казенные гейматы, предназначенные на общественные надобности, бостели и почтовые гейматы. Въ 1840 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, освобождавшее всѣ гейматы въ Финляндіи отъ поставки натурою солдатъ. Поставка эта была замѣнена податью, деньгами и хлѣбомъ, назы-

вавшейся вакантной податью. Но такъ какъ не всѣ земли были размежеваны и обоброчены, то въ 1849 г. былъ поднятъ вопросъ о распредѣленіи милиціонной повинности (въ видѣ вакантной подати) также на прежнюю Саволакскую область, т. е. С. Михельскую и Куопіоскую губерніи ¹⁴⁶.

Что касается Выборгской губерніи, то уже постановленіемъ 1 февраля 1817 г. на ея гейматы была распространена подать, взаимѣнъ содержанія поселенныхъ солдатъ, хотя таковая подать не собиралась до 1840 г., когда министръ статсъ-секретарь, гр. Ребиндеръ, просилъ Государя разрѣшенія обложить всѣ вообще гейматы и имѣнія, за исключеніемъ гейматовъ Сестрорѣцкаго Оружейнаго Завода, податью, взаимѣнъ содержанія поселенныхъ солдатъ. Государь повелѣлъ ¹⁴⁷.

Финляндскихъ уроженцевъ разрѣшено было нанимать въ рекруты за Россійскихъ мѣщанъ и крестьянъ на службу въ Финляндіи ¹⁴⁸). Для этого требовалось прежде всего, чтобы финляндецъ былъ совершеннолѣтнимъ и выразилъ самъ свое добровольное согласіе. Первоначально они допускались къ приему только по Петербургской губ., но послѣ 1831 г. это положеніе Высочайше распространено было на всѣ части Имперіи. Обыкновенно они прибывали въ Петербургъ съ паспортомъ на неопредѣленное время, являлись въ Финляндскую паспортную экспедицію, гдѣ на гербовой бумагѣ заключались контракты, причемъ часть наемной суммы вносилась въ экспедицію. Подобныя же условія заключались въ губернскихъ Казенныхъ Палатахъ ¹⁴⁹).

По найму рекрутъ стали возникать злоупотребленія: начали промышлять торгомъ рекрутъ. Ландсгевдингамъ предписано было не мѣшать найму, но преслѣдовать тѣхъ, которые пріѣзжали въ Финляндію «для закунки или найма нѣсколькихъ рекрутовъ съ намѣреніемъ продавать ихъ въ другія руки» ¹⁵⁰).

Отставные чиновники, купцы, мѣщане выпрашивали у помѣщиковъ и даже у крестьянъ довѣренности для найма финляндцевъ за 400—500 р. и перепродавали за 2 т. р. А если поставляемый крестьянинъ оказывался неспособнымъ, то крестьянинъ, ставившій рекрута, оставался безъ квитанціи и безъ денегъ.

Занимались этимъ промысломъ одновременно 16 человекъ ¹⁵¹).

Въ 1833 г. наемъ финляндскихъ уроженцевъ «впредь до времени» былъ прекращенъ ¹⁵²). Однако изъ этого правила дѣлались нѣкоторыя исключенія.

Въ 1839 г. вопросъ о наймѣ рекрутъ изъ финляндцевъ вновь былъ поднятъ. Чтобы нормировать это дѣло рѣшено было производить наемъ охотниковъ отъ казны въ Петербургской Казенной Палатѣ, а засимъ разсылать квитанціи въ другія Казенныя Палаты, для продажи желающимъ. На это предложеніе, исходившее отъ гр. П. Д. Киселева, гр. Р. Н. Ребиндеръ отвѣтилъ согласіемъ, но выговорилъ одно условіе: если нанимаемый будетъ женатымъ, то изъ слѣдующихъ ему 350 р. сер. должны быть обязательно удержаны 150 р., въ пользу его семейства, остающагося въ Финляндіи, дабы оно не обременяло собою прихода ¹³³). Положеніе это было узаконено.

Вскорѣ обнаружено было новое злоупотребленіе. Министертво Государственныхъ Имуществъ замѣтило, что финляндцы, перечисляющіеся въ сословіе государственныхъ крестьянъ Олонечкой губ., вслѣдъ за перечисленіемъ поступаютъ въ военную службу по найму за семейства мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, въ силу указа Правительствующаго Сената отъ 16 Февраля 1833 г., финляндскимъ уроженцамъ впредь воспрещалось наниматься въ рекруты за лицъ податного сословія въ Россіи. Такимъ образомъ, перечисленіе финляндцевъ въ сословіе государственныхъ крестьянъ являлось способомъ обхода Высочайшаго повелѣнія. Приходилось подумать о борьбѣ съ нимъ ¹³⁴).

Сохранились народные рассказы, собранные Р. Энгельбергомъ ¹³⁵), о томъ, какъ русскіе наемщики рекрутъ бродили по Карелии въ такихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ легче было укрываться. Здѣсь они десятками покупали и подражали финновъ на русскую службу, иногда за какихъ-нибудь сто рублей. Иные финны устроили для себя выгодный промыселъ изъ продажи себя въ рекруты. Запродавъ себя, они приходили на сдаточный пунктъ, но

Штабъ-офицеръ Л.-Гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона.

затѣмъ бѣжали на родину и тамъ опять запродавали себя новому наемщику рекрутъ. Бывали и такіе, которые попавъ на службу въ Кронштадтъ, оттуда легко перебирались на финскій берегъ и благополучно селились на родинѣ.

Имѣются указанія на то, что въ Петербургѣ подымался вопросъ о введеніи въ Финляндіи рекрутскаго набора, и если мысль эта не была осуществлена, то благодаря будто бы энергичному вмѣшательству кн. Меншикова. «Онъ одержалъ верхъ, но у Двора понизился». Рассказываютъ еще, что Государь, во время посѣщенія Гельсингфорса въ 1854 г., сказалъ Л. Г. ф.-Гартману: объ этомъ и рѣчи не можетъ быть, послѣ того, какъ Я утвердилъ права края. Кажется, должно быть извѣстно, что разъ мною сказано, то не отмѣняется и въ этомъ отношеніи финскій народъ можетъ быть спокоенъ ¹⁸⁶).

Наименованіе Отдѣльнаго Финляндскаго Корпуса было уничтожено 19 ноября 1831 г. и приказано было войска эти подчинить главному начальству генераль-губернатора, коимъ тогда былъ вице-адмиралъ генераль-адъютантъ князь Меншиковъ. Штабъ сихъ войскъ находился въ Гельсингфорсѣ. Управляющій Штабомъ состоялъ генераль-маіоръ Чекурновъ, а дивизіоннымъ квартирмейстеромъ—подполковникъ баронъ Любекеръ. Начальникомъ дивизіи былъ генераль-лейтенантъ Мандерштернъ. Линейные Финляндскіе баталіоны, коихъ всего было 12, расположены были въ Гельсингфорсѣ, Выборгѣ, Ловизѣ, Або, Экенесѣ, Тавастгусѣ, на Аландѣ, въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ (2 баталіона). Инспекторомъ стрѣлковыхъ баталіоновъ состоялъ генераль-маіоръ Рамзай. Кромѣ Л. Гв. Финскаго стрѣлковаго баталіона налицо имѣлись лишь 4-й баталіонъ въ Гельсингфорсѣ и 5-й—въ Роченсальмѣ. Наконецъ, князю Меншикову былъ подчиненъ одинъ Донской казачій полкъ и Морской Кадетскій Корпусъ, находившійся въ С.-Петербургѣ ¹⁸⁷).

Князю Меншикову было извѣстно, что первоначально финскія войска предназначались только для защиты ихъ края и владѣній Россійской Имперіи по берегамъ Балтійскаго моря. Но затѣмъ въ 1822 г. Дивизіонный Начальникъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ этой статьи рескрипта (1 августа 1812 г.), на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Государь разрѣшилъ употреблять финскія войска вездѣ, дабы они могли раздѣлять съ русскими войсками «честь и славу военныхъ подвиговъ».

«Эти постановленія составляют основныя начала образованія и Л.-Гв. Финскаго баталіона, которое, получивъ дальнѣйшія развитія, по общимъ военнымъ постановленіямъ Имперіи, сблизилося такимъ образомъ съ общимъ устройствомъ Россійскихъ войскъ безъ малѣйшаго нарушенія Высочайшихъ обѣщаній, данныхъ рескриптомъ 15 марта 1810 г.» ¹⁵⁹).

Въ 1828 г. финляндскіе стрѣлковыя баталіоны были уменьшены съ 600 до 400 человекъ, а сумма внесена на храненіе въ Финляндскій банкъ ¹⁵⁸), всего около 38 тыс. р.

Въ началѣ 1845 г. на имя генераль-губернатора Финляндіи послѣдовалъ особый рескриптъ, въ которомъ Государь, выразивъ свое удовольствіе о ростѣ финансовъ края настолько, что изъ суммъ княжества возможно содержать четыре баталіона регулярныхъ войскъ, повелѣлъ озаботиться сформированіемъ одного изъ нихъ «изъ тамошнихъ уроженцевъ» вербовкою на 10 лѣтъ. Гр. Ребиндеръ, узнавъ объ этомъ и понимая, что желаніе Государя—повелѣніе для подданныхъ, принялъ мѣры къ уясненію для себя вопроса ¹⁶⁰). Черезъ годъ приступили къ вербовкѣ двухъ ротъ.

Новый отдѣльный баталіонъ долженъ былъ состоять изъ 920 чел. подъ наблюденіемъ Инспектора стрѣлковыхъ баталіоновъ. Въ 1847 г. надлежало сформировать остальные двѣ роты и расположить ихъ въ Роченсальмѣ. Въ 1848 г. состоялось перечисленіе этого финскаго стрѣлковаго баталіона въ 1.085 нижнихъ чиновъ къ гренадерскому корпусу. Продовольствіе и обмундированіе оплачивалось изъ финляндскихъ средствъ, «способами, какіе признаетъ Сенатъ выгоднѣйшими для казны и полезнѣйшими для промышленности края», оружіе же (драгунскія ружья) «безденежно» отпускалось военнымъ министерствомъ изъ С.-Петербургскаго арсенала, подобно тому, какъ раньше гвардейскому баталіону ружья были отпущены съ Тульскаго завода ¹⁶¹).

Въ 1849 г. Финляндія имѣла: одинъ гвардейскій стрѣлковый баталіонъ (1.000 чел.), одинъ гренадерскій стрѣлковый баталіонъ (1.000 чел.) и морской экипажъ (1.000 чел.) ¹⁶²).

Въ Финляндіи имѣлось два инженерныхъ округа, но въ 1835 г. Выборгъ и «Слава» (Роченсальмъ) были присоединены къ новофинляндекому округу и такимъ образомъ создавался одинъ.

Воинскія зданія въ крѣпостяхъ находились въ вѣдѣніи департамента военныхъ поселеній, но фактически обслуживались до

1843 г. инженернымъ вѣдомствомъ, а съ этого года перешли въ вѣдѣніе Финляндскаго генераль-губернатора.

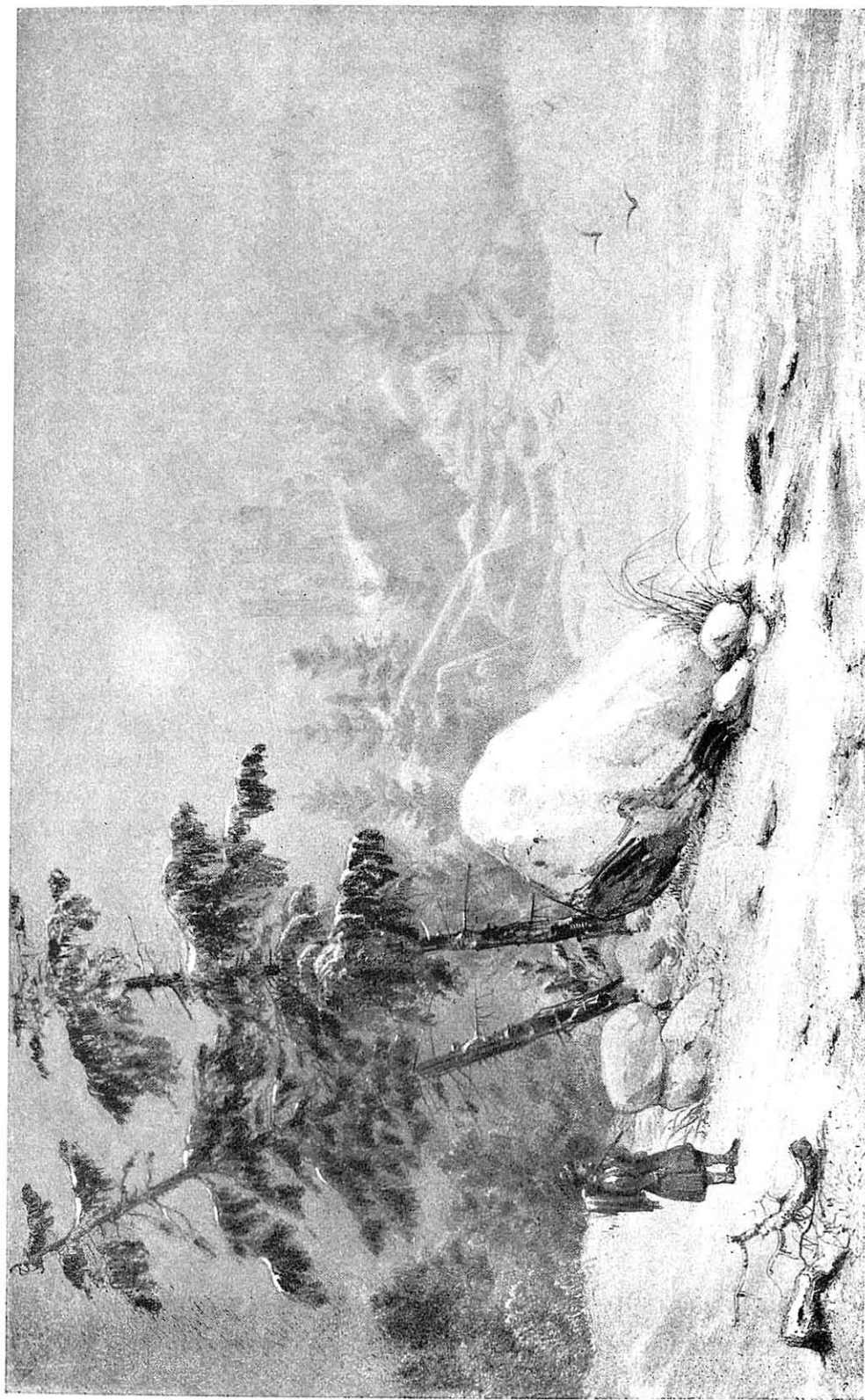
Въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи разбросано было старое казенное имущество. Въ Кексгольмѣ, въ крѣпостной соборной церкви, паходилось 12 Россійскихъ знаменъ, въ Куопіо—три чугуныя пушки, въ Варгаузѣ—одна пушка и т. д.

Экономическія соображенія заставили Николая Павловича (въ 1836 г.) уничтожить верки въ крѣпостяхъ: Фридрихсгамѣ, Роченсальмѣ, Кюменьгородѣ, Кексгольмѣ и Вильманstrandѣ. Верки эти были переданы въ гражданское вѣдомство, съ однимъ условіемъ: «хотя оныя и не будутъ поддерживаться починками, должны быть, однако жъ, предохраняемы отъ всякаго разоренія и поврежденія жителями» ¹⁶³).

Въ 1844 г. предстояло испытать новый минный переметъ Нобеля. Государь избралъ для этого Свеаборгъ, но вскорѣ убѣдился, что «соблюденіе тайны при опытахъ было бы крайне затруднительно», почему выборъ палъ на Роченсальмъ, но тамъ не оказалось нужныхъ портовыхъ средствъ. Тревога была поднята кн. А. С. Меншиковымъ, который доложилъ Государю, что одно прибытіе Нобеля въ Свеаборгъ произведетъ огромную и нежелательную сенсацию, ибо шведскія газеты уже ранѣе обратили вниманіе на его службу въ Россіи. Кончили тѣмъ, что опыты произвели въ плесѣ у Біоркь-э (Березовыхъ острововъ), въ окрестностяхъ Выборга ¹⁶⁴).

Въ апрѣлѣ 1833 г. выражена была Высочайшая воля, дабы собраны были свѣдѣнія, «могутъ ли быть отливасмы въ Финляндіи крѣпостныя чугуныя орудія для крѣпостей». Обратились къ ландсгевдингамъ (губернаторамъ) и черезъ нихъ истребовали свѣдѣнія отъ мѣстныхъ заводчиковъ. Сенаторъ Фалькъ и баронъ Меллинъ предлагали «иждивеніемъ Финляндской казны» устроить особый заводъ для отливки орудій или на р. Кюро, или въ Вихтисскомъ кирхшпилѣ, недалеко отъ Гельсингфорса, т. е. въ мѣстностяхъ нахожденія горной руды. Изъ отзывовъ ландсгевдинговъ выяснилось, что рѣшительно никто изъ заводчиковъ не брался за это трудное дѣло, въ виду съ одной стороны, отсутствія «нужныхъ обзаведеній», а съ другой—неизвѣстности и многосложности дѣла.

Въ это же время оберъ-интендантъ Норденшельдъ былъ отправленъ въ Швецію, для осмотра имѣвшихся тамъ литейныхъ заводовъ. По изученіи дѣла, онъ пришелъ къ заключенію о крайней затруднительности учрежденія на счетъ Финляндской казны пу-

Окрестность г. Выборга (Монрено). 1839 г.

Рис. Ловернъ.

печнаго завода, какъ вслѣдствіе весьма значительныхъ издержекъ, такъ и по недостатку въ казнѣ денегъ. Мысль о финляндскомъ пушечномъ заводѣ была послѣ этого оставлена ¹⁶⁵).

Порохъ финляндцы поставляли раньше и 14—26 января 1841 г. кн. Меншиковъ вновь увѣдомилъ т. с. Гартмана, что «Государь разрѣшилъ морскому вѣдомству заключить новый контрактъ съ Всл. Княжествомъ о доставленіи пороха». Производство пороха была давнишнею отраслію промышленности въ краѣ и пороховой заводъ въ Эстермюра давалъ хорошій доходъ. Покупала порохъ финляндская казна, которая перепродавала его морскому министерству.

Кн. Меншиковъ вообще не забывалъ Финляндію большими казенными заказами. Въ январѣ 1842 г. онъ спрашивалъ Л. Гартмана: «Думаете ли вы, что ваши заводы возьмутся дѣлать рельсы?» Изготавливать рельсы Финляндія не взялась, но Л. Гартманъ дѣлаетъ другое предложеніе и желаетъ, чтобы заводы края такъ или иначе «содѣйствовали изготовленію матеріаловъ для новой московской желѣзной дороги».

Первые свои военные лавры финскій баталіонъ заслужилъ не на полѣ брани, а въ мирномъ состязаніи. Былъ заведенъ порядокъ, чтобы финскій стрѣлковый баталіонъ являлся въ Красное Село на общіе сборы частей Петербургскаго округа. Прибывъ въ 1829 г. въ Красносельскій лагерь, баталіонъ узналъ, что на другой же день его будетъ смотрѣть Государь Императоръ. Репетицію смотра баталіонъ произвелъ ночью. На смотръ Государь выѣхалъ въ мундирѣ, совершенно неизвѣстномъ его многочисленной свитѣ. Смотръ прошелъ блестяще, Николай I остался очень доволенъ выправкой финновъ. По окончаніи смотра, Монархъ благодарилъ баталіонъ и тутъ же поздравилъ его молодой гвардіей. «Вотъ ваша новая форма», прибавилъ Онъ, указывая на свой мундиръ. Естественно, что ликованіе въ баталіонѣ было всеобщимъ.

Частное письмо командира баталіона, полковника А. Рамзая, А. Закревскому отражаетъ общее настроеніе: «Будучи исполненъ чувствами глубочайшаго благоволенія и вѣчной признательности, спѣшу увѣдомить... что сего числа (15 іюля 1829 г.) имѣлъ счастье представить ввѣренный мнѣ баталіонъ Его Величеству и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ удостоился получить за оный изустно

Высочайшее благоволеніе, вмѣстѣ съ поздравленіемъ баталіона молодой гвардіей. При семъ случаѣ Государь Императоръ объявить соизволилъ, что ежели баталіонъ и впредь будетъ продолжать съ такимъ же рвеніемъ службу Его Величеству, то и права старой гвардіи не надолго отложены... Государь вышелъ къ намъ въ финскомъ мундирѣ. Всѣ офицеры были представлены Его Величеству и всѣ были поздравлены гвардейцами. Восторгъ всѣхъ г.г. офицеровъ и нижнихъ чиновъ не нахожу словъ описать, они всѣ торжественно клялись до послѣдней капли крови примѣрнымъ усердіемъ служить Царю и отечеству» ¹⁶⁶).

Генер. Рамзай.

Начальство и нижніе чины вскорѣ показали въ лагерѣ въ новыхъ своихъ гвардейскихъ мундирахъ. А. А. Закревскій сейчасъ-же въ письмахъ сенатору Фальку и генералу А. К. Штевенъ-Штейнгелю выразилъ желаніе, чтобы «гельсингфорсскую гвардію» по возвращеніи изъ Петербурга приняли какъ можно лучше, что «и Государю будетъ пріятно». «Граждане города могутъ офицерамъ и баталіону дать обѣдъ, гдѣ

приличнѣе будетъ». Городъ охотно согласился выразить свою признательность и радушіе баталіону, оправдавшему въ глазахъ Монарха честь націи ¹⁶⁷).

Обѣдъ былъ устроенъ въ ратгаузѣ. Присутствовали представители администраціи. Послѣ тостовъ за Государя и Наслѣдника, поднимались здравицы за російскихъ храбрыхъ военачальниковъ и нашу армію. Вечеромъ ратгаузъ былъ иллюминированъ ¹⁶⁸).

Вслѣдствіе новыхъ постановленій (29 сент.—11 окт. 1829 г.) ряды гвардейскихъ офицеровъ пополнялись молодыми дворянами края, которые обязаны были своевременно озаботиться пріобрѣтеніемъ познаній въ русскомъ языкѣ.

Хорошими стрѣлками финны были всегда и безъ призовъ они съ состязаній обычно не возвращались. Начиная съ 1830 г., въ баталі-

онѣ было введено обученіе гимнастикѣ. Съ 1837 г. по Высочайшему повелѣнію, стали ежегодно откомандировывать одного изъ офицеровъ баталіона въ составъ войскъ Кавказскаго округа, для участія въ многочисленныхъ горныхъ экспедиціяхъ и приобрѣтенія навыка въ походной жизни ¹⁶⁹).

Обычно смотрами финской гвардіи Государь оставался очень доволенъ. Былъ случай награжденія нижнихъ чиновъ баталіона двойнымъ жалованьемъ за прекрасный смотръ и усердную службу. По рассказамъ финляндцевъ, появленіе Государя предъ строемъ финскаго баталіона вызывало замѣтный подъемъ; и солдаты и г.г. офицеры были искренно преданы Государю и восторгались имъ. Онъ олицетворялъ въ ихъ глазахъ единую Россію. Благорасположеніе Государя къ баталіону отражалось на его отношеніи ко всему краю. Финскій баталіонъ являлся тогда единственнымъ представителемъ Финляндіи, по которому русскіе дѣлали свои заключенія о всей окраинѣ.

Л.-Гв. Финскій стрѣлковый баталіонъ имѣлъ свое знамя. До 1831 г. въ гербѣ на груди русскаго орла, вмѣсто Московскаго герба, помѣщался финскій левъ. Послѣ 1831 г. финскій левъ былъ снятъ съ груди орла и сохранился въ двухъ углахъ полотнища, вмѣсто вензелей ¹⁷⁰).

Александръ I воскресилъ Польшу. Дарованные ей законы водворили порядокъ, правосудіе, личную безопасность и неприкосновенность собственности. Александромъ I всегда владѣло желаніе снискивать себѣ льстивое удивленіе чужихъ народовъ, желаніе показать себя на уровнѣ новомодныхъ идей, и благодаря этому Польша ¹⁷¹) получила сеймъ и конституцію, для которой не была подготовлена, получила армію и университетъ. Россія снабдила Польшу значительной артиллеріей и выдала ей впередъ такіа средства, собрать которыя она сама рѣшительно не могла ¹⁷²).

Край благоденствовалъ, населеніе его въ первое же десятилѣтіе удвоилось. Но легкомысленные магнаты и паны стали мечтать о возстановленіи Рѣчи Посполитой, со включеніемъ въ ея предѣлы западно-русскихъ губерній. Въ Варшавѣ и Вильнѣ начали возникать тайныя общества, руководимыя профессоромъ Лелевелемъ и княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ. Они подготовили Польшу къ преступному шагу, воспитывая въ полякахъ любовь не къ общему отечеству, а къ угасшему королевству Ягеллоновъ. Завязали

были сношенія съ декабристами. Оппозиція была возведена въ гражданскую обязанность, расположеніе къ правительству пятналось позоромъ. Іюльская революція подлила масла въ огонь и 17 ноября 1830 г. возгорѣлся мятежъ. Президентъ города Варшавы предупреждалъ великаго князя о грозившей опасности, но напрасно. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ спасся, благодаря случайности. Безмѣрно довѣря полякамъ, онъ поддался впушенію своего адъютанта гр. Замойскаго, посовѣтовавшаго, для успокоенія поляковъ, вывести русскія войска изъ Варшавы и ихъ (7 т.) вывели. Мятежникамъ этого только и нужно было. Они овладѣли арсеналами, вооружили чернь и образовали временное правительство. Великій Князь бездѣйствовалъ, и потому робкая и неувѣренная вначалѣ революція разрослась. Полномочія диктатора были ввѣрены генералу Хлопицкому. Въ Петербургъ послали депутацію просить о присоединеніи западныхъ губерній, а въ Лондонъ и Парижъ агенты Польши искали заступничества и денегъ. Поляки, увлеченные борьбой и надеждами, объявили домъ Романовыхъ ниспровергнутымъ съ польскаго престола.

Ослѣпленный льстивыми поляками, великій князь Константинъ Павловичъ молить «дорогого и несравненнаго брата» о милосердіи къ заблудшему народу ¹⁷³). Но державный братъ, строго руководившійся въ польскихъ дѣлахъ законами, честью и совѣстью, понималъ, что въ спорѣ Польши съ Россіей выбора для него быть не могло, особенно послѣ лишеній его династіи польскаго престола. На «наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ» онъ отвѣтилъ: «Прошла пора великодушія».. «Пока я царствую я сумѣю заставить повиноваться Моей волѣ». Николай I не забывалъ, что онъ «прежде всего Русскій Императоръ» ¹⁷⁴).

Государь лично объявилъ войскамъ въ Петербургѣ о выступленіи въ походъ. Извѣстіе было принято съ энтузіазмомъ, при общихъ громкихъ крикахъ «ура». Многіе бросились цѣловать руки Государя. Сцена была самая торжественная ¹⁷⁵). Провожая русскую гвардію въ походъ, Государь сказалъ: «Господа, не увлекайтесь постыднымъ чувствомъ мщенія. Помните, что вамъ предстоитъ карать виновныхъ.... но все же они—братья».

2—14 декабря 1830 г. командиръ финскаго баталіона, флигель-адъютантъ, полковникъ Рамзай, съ эстафетой изъ Петербурга, получилъ повелѣніе Государя, переданное начальникомъ Главнаго

Штаба, генераль-адъютантомъ Чернышевымъ, выступить съ баталіономъ къ западной границѣ Имперіи, для принятія участія, вмѣстѣ съ остальными гвардейскими частями, въ польскомъ походѣ. Эта большая новость была объявлена выстроенному баталіону и принята офицерами и солдатами съ восторгомъ, какъ значится въ рапортѣ дежурнаго штабъ-офицера Чепурнова къ Закревскому. Финскимъ войскамъ въ первый разъ, послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, пришлось участвовать въ войнѣ въ составѣ русской арміи. На выступленіе баталіона за предѣлы края финляндцевъ «смотрѣли тогда, какъ на неизбѣжную необходимость». Мало того, «это сильно польстило маленькому національному тщеславію» и финляндцы «гордились своимъ участіемъ въ польской войнѣ», которая привлекла тогда всеобщее вниманіе ¹⁷⁶).

Военныя дѣйствія «съ мятежниками польскими» потребовали усиленія офицерскаго состава.—А. Закревскій предложилъ Государю мысль о приглашеніи на службу въ дѣйствующія войска «офицеровъ финляндской націи». Государь согласился пригласить «только изъ распущенныхъ шести финскихъ баталіоновъ», предоставивъ имъ разныя льготы ¹⁷⁷).

Государь выразилъ затѣмъ А. Закревскому свое желаніе, чтобы баталіонъ выступилъ изъ Гельсингфорса немедленно и слѣдовалъ въ Петербургъ форсированнымъ маршемъ. Въ баталіонѣ закинула мобилизаціонная работа, подъ руководствомъ энергичнаго его командира. Но такъ какъ снабженіе баталіона всѣмъ необходимымъ нѣсколько замедлилось, и онъ не въ состояніи былъ изготавиться къ выступленію ранѣе 25 декабря ст. ст., то, по просьбѣ Начальника дивизіи, генераль-лейтенанта гр. Штевена-Штейнгеля, и командира баталіона, сталъ секретарь гр. Ребиндеръ ходатайствовать о разрѣшеніи отправить людей до Петербурга на подводахъ, согласно постановленія 15 октября 1791 г. (полевому транспортному регламенту—*felttransportreglementet*) «къ поснѣшнѣйшему соединенію баталіона съ прочими гвардейскими полками». На это требовалось до 4.000 руб. банковыми ассигнаціями. Государь подписалъ: «Согласенъ, если не будетъ сопряжено съ стѣсненіемъ придорожныхъ жителей» ¹⁷⁸).

Форсированный маршъ для баталіона оказался очень тяжелымъ. По пути слѣдованія до Польши онъ потерялъ всего 86 чел. (13,2%), оставленныхъ въ разныхъ больницахъ. Изъ нихъ 81 чел. отморозили руки и ноги, при чемъ 56 человѣкамъ пришлось про-

известі ампутаціи. Такая большая потеря въ людяхъ побудила А. Закревскаго начать переписку, съ цѣлю выясненія ея причинъ, а Государь высказалъ свое неудовольствіе малой заботливостію начальства о здоровьѣ солдата ¹⁷⁹).

Выступленіе баталіона совпало съ большими морозами (въ 26°); кромѣ того, заказанные тулупы были имъ розданы лишь по прибытіи въ Выборгъ. Надо полагать, что не малое вліяніе оказало обмундированіе того времени, болѣе приспособленное для парадовъ, чѣмъ для походовъ, и многочисленныя формальности, требовавшія, напримѣръ, чтобы войска вступали въ городъ съ надлежащими церемоніями, тщательно почищенными и съ музыкой, если морозъ не превышалъ 5°.

13—25 февраля 1831 г. послѣдовалъ кровавый бой передъ Прагою при Гроховѣ. Поляки потеряли 12 тыс. чел., русскіе—8.000. Странное поведеніе главнокомандующаго гр. Дибича остается неразъясненнымъ: онъ прекратилъ бой и расположился бивакомъ въ одной верстѣ отъ Праги, лишивъ себя плодовъ побѣды и давъ полякамъ возможность оправиться. Почти невѣроятно, сказалъ Государь, что послѣ такого успѣха непріятель могъ спасти артиллерию и перейти Вислу. Такая потеря и никакого результата! «Да будетъ воля Божія». Бенкендорфъ полагаетъ, что Дибичъ внялъ совѣтамъ великаго князя Константина Павловича и опустилъ мечъ ¹⁸⁰).

Кампанія вслѣдствіе этого затянулась на семь мѣсяцевъ. Дибичъ сталъ колебаться; поляки захватили инициативу дѣйствій. Ясно, что «мантія полководца была не по росту Дибичу». У поляковъ было 80 т. у насъ 189 т. чел.—Государь излагалъ Дибичу свои мысли, но не желая насиловать намѣреній и воли главнокомандующаго, прибавилъ: «требую письменнаго опроверженія».

Въ мартѣ Финскому баталіону пришлось совершить переправу черезъ р. Нѣманъ у г. Ковно. Затѣмъ, на долю финновъ досталась долгая рекогносцировка вдоль р. Буга и охрана ея береговъ, для чего имъ пришлось, въ теченіе апрѣля, расположиться въ Вишковѣ. Вмѣстѣ съ гвардейскимъ корпусомъ, финны совершили общее отступленіе отъ Снядова, въ виду сильнаго наступленія непріятеля.

Дибичъ, наконецъ, отозвался и 14—26 мая далъ новое кровопролитное сраженіе при Остроленкѣ. Повторилась прежняя печальная исторія: русскіе одержали блестящую побѣду, но нерѣши-

тельность главнокомандующаго вновь спасла польскую армию. Написавъ гр. И. И. Дибичу, Государь закончилъ: «Прощайте, любезный другъ, поступите же, наконецъ, такимъ образомъ, чтобы я могъ понять васъ».

29 мая—9 іюня Дибича скосила холера.

15—27 іюня скончался отъ холеры Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Начальствованіе надъ войсками перешло къ фельдмаршалу гр. Е. Ѳ. Паскевичу. Осторожно переправилъ онъ армию на лѣвый берегъ Вислы и сталъ наступать къ Варшавѣ, которую и взялъ штурмомъ 25—26 августа (6—7 сентября). «Варшава у ногъ Вашего Императорскаго Величества», донесъ онъ. «Слава тебѣ, мой старый отецъ-командиръ, слава геройской нашей армии», отвѣтилъ Государь. «Отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій». вмѣстѣ съ главной арміей финскій гвардейскій баталіонъ наступалъ къ Пултуску, а во время штурма Варшавы находился въ ея окрестностяхъ. Война закончилась, но польская эмиграція разнесла свою ненависть и свой вопль по Европѣ и Америкѣ ¹⁸¹⁾.

Кампанія окончилась для финновъ особенно благополучно; на полѣ битвы они потеряли лишь одного офицера и 9 нижнихъ чиновъ; всего же въ теченіе похода выбыло у нихъ изъ строя больными, умершими и безъ вѣсти пропавшими около 400 чел. Молодой поручикъ Люра (Lуга), не понявъ сигнала объ отступленіи, попалъ въ плѣнъ со своимъ маленькимъ отрядомъ и отведенъ былъ въ Варшаву, откуда вернулся въ строй, по взятіи этого города русскими. Раны полковника Рамзая побудили его передать начальствованіе надъ баталіономъ подполковнику Лагербергу и отправиться въ Ломжу для леченія.

Въ мартѣ 1832 г. баталіонъ высадился на берегъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ на казарменной площади былъ встрѣченъ громаднымъ стеченіемъ горожанъ всѣхъ сословій и состояній, слившихъ на торжественномъ богослуженіи свои молитвы съ молитвами возвратившихся. Радость была всеобщей. Вновь наступили дни благодатнаго мира. Сыны Финляндіи вернулись съ сознаніемъ честно исполненнаго долга. Миновали опасности боевой жизни и трудности долгихъ тяжелыхъ переходовъ, неизбѣжно соединенныхъ съ лишеніями и страданіями. Члены мѣстной военной семьи чествовали ихъ (1—13 апрѣля) большимъ торжественнымъ обѣдомъ съ задушевными рѣчами и здравицами. Финляндское общество гор-

дилось удачами и похвалами, выпавшими на долю ихъ воиновъ. Участіе баталіона въ усмирении мятежниковъ—почиталось честью для финскаго имени. «Отличная храбрость и усердіе», оказанныя финскими стрѣлками въ войнѣ съ повстанцами и при штурмѣ Варшавы (25—26 апрѣля 1831 г.), были почтены особымъ отличіемъ. Государь, при рескриптѣ, пожаловалъ баталіону георгіевское знамя. «Пусть это знамя,—сказалъ полковникъ Рамзай, передавая его баталіону,—гордость нашей націи, послужить сынамъ Финляндіи въ будущемъ призывомъ къ высшимъ гражданскимъ доблестямъ:

Казармы Л.-Гв. Финскаго Стрѣлковаго баталіона.

любви къ долгу и славѣ, вѣрности Монарху и родинѣ». «Ура! Да здравствуетъ Императоръ» гремѣло въ отвѣтъ по рядамъ баталіона.

Баталіонъ, не имѣя своего интендантства, довольствовался во время похода Главной Полевой Комисаріатской Комиссіей дѣйствующей Арміи, находившейся въ зависимости отъ Провіантскаго и Комисаріатскаго департамента Военнаго Министерства. По окончаніи кампаніи, финляндскому Сенату велѣно было возвратить израсходованную сумму изъ милиціонныхъ доходовъ. Всего финляндская казна внесла, въ два пріема, 75.155 р. 30 к. ассигнаціями, и 3.023—червонцами ¹⁸²).

Поведеніе Польши навело Императора на грустные мысли, которыя онъ изложилъ въ собственноручной запискѣ. Въ ней,

между прочимъ, значилось: «Польша всегда была соперница и непримиримый врагъ Россіи. Во время нашествія 1812 г. ни одинъ изъ народовъ, ставшихъ подъ знамена Наполеона, не обнаружилъ столько ненависти и мести, какъ поляки.... Императоръ Александръ полагалъ, что онъ лучше всего обезпечить интересы Россіи, возстановивъ Польшу.. Онъ даровалъ ей конституцію. Такова была месть благородной души. Но развѣ цѣль Императора Александра была достигнута?

«Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ Россія не скупилась ни на какія жертвы для поддержанія польской арміи, для снабженія ея всѣмъ нужнымъ и для вооруженія крѣпостей Царства. Даже на ея иждивеніе содержались русскія войска, служившія для образованія польскихъ войскъ.

«Имперія была наводнена польскими произведеніями, въ ущербъ ея собственной промышленности. Словомъ, все бремя этого новаго приобрѣтенія падало на Имперію.

«То, что было ложно въ самомъ основаніи, не могло долго держаться. При первомъ сотрясеніи все зданіе развалилось. И такъ какъ интересы различно понимались въ обѣихъ странахъ, обнаружилось разногласіе мнѣнія по самому жизненному вопросу, а именно: какъ понимать и судить преступленія противъ безопасности государства и личности государя. То, что разсматривалось и наказывалось какъ преступленіе въ Имперіи, оправдывалось и даже восхвалялось въ Царствѣ Польскомъ?».

Торжественныя клятвы нарушались... и наконецъ, Государь спрашиваетъ: «Въ чемъ будетъ заключаться въ этомъ важномъ дѣлѣ истинная польза Россіи?» И отвѣчаетъ: «Интересы Россіи не допускаютъ ни возстановленія Царства Польскаго, ни сохраненія его конституціи» ¹⁸³). Конституцію отмѣнили.

Поляки на все отвѣтили ложью и клеветой, которыя распространялись въ печати Запада, нерасположенной къ Россіи. Пришлось бороться съ печатью. Одна изъ статей, приготовленныхъ, видимо, для опроверженія польской лжи, сохранилась въ бумагахъ историка Н. К. Шильдера. Она касается Финляндіи. Статья была исправлена рукой Государя. Итакъ, передъ нами полемическая статья, удостоившаяся особаго вниманія Монарха. Приводимъ эту статью, не зная была-ли она напечатана.

«Во многихъ иностранныхъ газетахъ помѣщаютъ нынѣ разныя статьи о Финляндіи. Въ однихъ рассказываютъ, что жители

сего княжества одобряють возникшій въ Польшѣ мятежъ, въ другихъ увѣряють, что они и сами уже возмутились, чтобы дѣйствовать за одно съ поляками, и даже, что правительство въ Финляндіи нашлось принужденнымъ принять противъ таковыхъ преступныхъ намѣреній предупредительныя мѣры, и для того отобрало оружіе у всей націи, смѣнило многихъ чиновниковъ, и

Знамя Л.-Гв. Финскаго Стрѣлковаго баталліона.

т. п. Изъ всѣхъ сихъ извѣстій нѣтъ ни одного справедливаго; но это обыкновенная тактика партіи демагоговъ,—которая на короткое время приобрѣла пагубное вліяніе во многихъ государствахъ Европы и приверженцевъ ея между журналистами, — они выдумываютъ и распускають такія лживыя извѣстія, въ намѣреніи поддержать неправо дѣло, которое они защищаютъ, или соблазнить миролюбивыхъ,

но слабоумныхъ людей къ самымъ необузданнымъ поступкамъ, которые уже напередъ имъ приписали. Подобныя клеветы достойны однако презрѣнія, но поелику Финляндія мало имѣетъ сообщеній съ другими землями и потому весьма мало извѣстна, то не излишне будетъ довести истинное положеніе дѣлъ до свѣдѣнія публики.

«Когда извѣстіе о происшествіяхъ, случившихся въ Польшѣ въ ноябрѣ прошедшаго года, получено было въ Финляндіи, во всемъ княжествѣ было одно мнѣніе обь оныхъ—всѣ изъясляли отвращеніе и негодованіе къ ненавистному предпріятію зачинщиковъ бунта. Сіе единодушное мнѣніе основывалось столько же на образѣ мыслей жителей Финляндіи, какъ и на убѣжденіи ихъ въ истинномъ своемъ благоденствіи. Со времени присоединенія къ Россіи, Великое Княжество было осыпано благодѣяніями правительства и всегда было предметомъ отеческихъ его попеченій. Сохранивъ свои законы

и преимущества, оно не только продолжало наслаждаться прежними своими выгодами, но приобрѣло еще и другія важнѣйшія. Тягости и налоги въ княжествѣ уменьшены, и доходы его были употребляемы только на собственные его потребности и къ дѣйствительной его пользѣ. Внутреннее управленіе по возможности улучшено и благосостояніе жителей упрочено и умножено разными новыми учрежденіями. Признавая сіи выгоды, какъ могли жители Финляндіи желать какой-либо перемѣны, столь же противорѣчащей и признательности и собственной ихъ пользѣ?

«Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о правѣ и характерѣ финляндской націи и о дѣйствительномъ положеніи Княжества, знаетъ впрочемъ и то, что собственная революція въ Финляндіи даже невозможна. Флегматическій характеръ народа причиною, что его не легко ввести въ заблужденіе обманчивыми внушеніями. Финляндцы трудолюбивые, честные, преданные своей вѣрѣ, неоспоримо имѣютъ великія преимущества въ нравственномъ отношеніи, хотя въ умственномъ до сего времени еще должны уступать многимъ другимъ народамъ. Такой народъ трудно довести до возмущенія. Пока дойдетъ до того, надобно, чтобы съ нимъ въ продолженіе долгаго времени поступали жестоко и несправедливо, и притѣсненіями довели его до отчаянія. Но этого нѣтъ въ Финляндіи, гдѣ счастливо живутъ въ кругу своемъ, подъ кровомъ благотворныхъ законовъ (положившихъ основаніе благоденствію предковъ и коихъ исполненіе никогда не зависитъ отъ лицепріятія. Зачеркнуто Императоромъ Николаемъ I).

«Взглядъ на различные классы народа въ Финляндіи подтверждаетъ мнѣніе о невѣроятности мятежа въ семь Княжествѣ. Что касается до протестантскаго духовенства, то по справедливости можно сказать, что оно просвѣщено, образовано въ нравственномъ отношеніи и искренно предано правительству. Въ Финляндіи духовенство имѣетъ значительное вліяніе на низшіе классы народа и заслуживаетъ того, ибо достаточнымъ образомъ употребляетъ оное. Добрая нравственность, коею отличается большая часть прихожанъ, есть плодъ неусыпныхъ попеченій и наставленій духовенства. Дворянство въ Финляндіи небогато, неблистательно великими историческими воспоминаніями, но оно отъ предковъ своихъ наслѣдовало любовь къ отечеству и правительству и во всемъ отношеніи можетъ выдержать сравненіе съ дворянствомъ всякаго другого государства.

Оно никогда не обнажало меча иначе какъ по гласу долга, и никогда не обращало оружія противъ правительства. Такія же чувства одушевляють и гражданъ и крестьянъ. Довольные своимъ жребіемъ и отъ всей души преданные отеческому правительству, они никогда не водружать знамя бунта. Къ тому же Финляндія такъ счастлива, что не только не имѣетъ большихъ многолюдныхъ городовъ, въ коемъ праздная съ низкими помышленіями чернь легко можетъ быть соблазняема къ отчаяннѣйшимъ предпріятіямъ, но не знаетъ и тѣхъ искуителей народа, которые подъ личиною усердія къ свободѣ и правамъ имѣють въ виду только притѣсненія и собственную выгоду.

«Неблагодѣтельные люди не преминули воспользоваться перемѣною, сдѣланною въ финляндскомъ войскѣ, и объяснили оную самымъ ненавистнымъ образомъ, т. е. объявили сію мѣру обезоруженіемъ націи. Кто бывалъ въ Финляндіи, тотъ знаетъ, что о семъ никогда не было и рѣчи, и что не было къ тому ни малѣйшаго повода, но для тѣхъ, которые не имѣють въ семъ дѣлѣ ближайшихъ свѣдѣній, замѣтимъ здѣсь только то, что распушеніе прежняго финляндскаго войска положено было уже давно, отчасти потому, что оно не совершенно было устроено, и въ началѣ только въ видѣ земскаго ополченія, а отчасти потому, что учрежденіе финляндской морской силы казалось гораздо полезнѣе какъ для собственной защиты Финляндіи, такъ и для Россіи, послику между многочисленными прибрежными жителями можно найти отличныхъ моряковъ. Даже въ отношеніи ко времени распушенія финляндскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ не состояло ни въ малѣйшей связи съ Польскимъ мятежемъ. Еще 12 апрѣля прошедшаго года, когда учрежденъ Морской Финляндскій Корпусъ, получившій названіе 1 Финляндскаго морского экипажа, положено было распустить два стрѣлковые баталіона. 29 числа того же мѣсяца распущены еще два баталіона, а 3 августа и два послѣдніе, слѣдовательно, за долго до бунта въ Польшѣ».

Далѣе въ статьѣ зачеркнуто Императоромъ Николаемъ нѣсколько строкъ о генералѣ Штевенъ-Штейнгелѣ и написано, «по возстаніи бунта въ Польшѣ, когда рѣшено было гвардіи идти въ походъ, призванъ былъ участвовать въ ономъ и л.-гв. Финляндскій стрѣлковый баталіонъ за два года предъ симъ сформированный. Усердіе и восторгъ, съ коимъ сей призывъ принять былъ, неизъяснимъ; баталіонъ слѣдовалъ по цѣлой Финляндіи на подводахъ

по собственному вызову жителей. Уже во многих дѣлахъ успѣлъ сей прекрасный баталіонъ доказать свою храбрость и отличное искусство въ мѣткой стрѣльбѣ и нынѣ въ послѣднихъ дѣлахъ гвардіи баталіономъ командовалъ достойный полковникъ Рамзай и получилъ рану.

«Конечно, Финляндія не имѣла счастья оказать Россіи важныхъ услугъ, но жители ея всегда были готовы дѣлать для общаго блага все, что отъ нихъ зависѣло. Еще въ 1812 г., вскорѣ по присоединеніи къ Россіи, Финляндія выставила три полка, и многіе финляндцы участвовали въ достославныхъ походахъ, въ коихъ Россійскіе воины пожали обильныя лавры. И послѣ, во время войны съ Пруссіею и Турціею, а наконецъ и въ борьбѣ противъ польскихъ мятежниковъ, многіе изъ сыновъ Финляндіи жертвовали кровію и жизнію за Государя и часто имѣли счастье заслуживать свидѣтельство своихъ начальниковъ въ храбрости и достославномъ поведеніи.

Баронъ фонъ-Котень.

«Во всей Финляндіи господствуетъ совершенное спокойствіе, но для людей злонамѣренныхъ нѣтъ ничего священнаго. Въ спокойствіи, происходящемъ отъ довольства своею участію, видятъ они только робость безсилія и при всей неосновательности и унизительности сего истолкованія люди неразсуждающіе легко могутъ съ онымъ согласиться. Но финляндская нація, не обращая вниманія на сію клевету, съ достовѣрностью взираетъ на великодушнаго и мудраго Государя, правящаго судьбами ея отеческою рукою. Жители Финляндіи, привязанные къ нему узами благодарности, найдутъ въ его увѣренности о ихъ честности и преданности наилучшее возраженіе на клевету и Высочайшую награду за вѣрное исполненіе долга. Они надѣются, что настанетъ день, когда небесный свѣтъ истины разсѣетъ мракъ и справедливость восторжествуетъ надъ гнусною клеветою». Надъ приведенной статьей рукою Императора Николая I отмѣчено: «исправить по отмѣткѣ».

Послѣ кампаніи 1831 г., финскій гвардейскій баталіонъ въ царствованіе Николая I еще два раза выводился далеко за предѣлы края: въ 1835 г. для участія въ грандіозномъ сборѣ войскъ (до 58 тыс. чел.) подъ Калишемъ, и въ 1849 г.—для слѣдованія въ Венгерскій походъ.

Венгерскій походъ финской гвардіи продолжался съ 2—14 мая по 5—17 октября 1849 г., при чемъ она дошла лишь до Брестъ-Литовска, гдѣ одна часть ея занимала караулы.

Вскорѣ по возвращеніи къ своимъ обычнымъ занятіямъ въ Гельсингфорсѣ, генералъ-маіоръ Вендтъ (дек. 1850 г.), не чуждавшійся русскаго, оставилъ свое начальствованіе надъ баталіономъ, передавъ его полковнику барону фонъ-Котену. Былъ у меня Вендтъ, читаемъ въ письмѣ Я. К. Грота. «Онъ намѣренъ завести, чтобы впредь баталіонъ его въ лагерѣ всегда пѣлъ на русскомъ языкѣ стихи, которые я перевелъ; до сихъ поръ его солдаты даже и при Государѣ всегда пѣли по шведски».

Обозрѣвая устройство учебныхъ заведеній, Государь съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что въ нихъ нѣтъ необходимаго однообразія ни въ воспитаніи, ни въ ученіи. Желая устранить этотъ важный недостатокъ, онъ учредилъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ А. С. Шишкова, при участіи гр. Ливена, С. С. Уварова, акад. Шторха, гр. Строганова, гр. Перовскаго и др. Комитетъ выработалъ уставъ среднихъ и низшихъ училищъ (1828), проектъ—главнаго педагогическаго института (1828) и проектъ университетскаго устава (1833). Манифестомъ 13 іюля 1826 обращалось вниманіе родителей на нравственное воспитаніе. Дворянство, которое признавалось охраной «престола и чести народной», призывалось къ «усовершенію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія». Реформа школы представлялась Императору первымъ и самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для отрезвленія общества отъ «дерзновенныхъ мечтаній».

Въ школѣ старались поставить выше и впереди всего нравственность. Ее считали основой, изъ которой выросла покорность, кротость, подчиненіе. Офицеръ съ наилучшими познаніями не считался столь полезнымъ, какъ украшенный душевными и нравственными качествами ¹⁸¹⁾.

Устройствомъ военно-учебныхъ заведеній вѣдалъ Совѣтъ, учрежденный въ 1805 г., подъ непосредственнымъ начальствомъ Цесаревича Константина Павловича. Совѣтъ, ранѣе бездѣйствовавшій, явился какъ бы новымъ учрежденіемъ, когда въ 1831 г. скончался Цесаревичъ и его дѣло перешло въ руки великаго князя Михаила Павловича. Его управленіе—эпоха въ жизни военно-учебныхъ заведеній.

«Заведенія съ проселочной дороги» выводились на болѣе широкій путь. Работали много и усердно, особенно съ того времени, когда около Великаго Князя сталъ гр. Я. И. Ростовцовъ. «У насъ такая непрерывная фабрика, писалъ онъ, что одна работа серьезная погоняетъ другую». Корпуса объѣзжались каждый годъ. Обращено было вниманіе на воспитательное значеніе для учащихся русской литературы и исторіи. Въ теченіе 30 лѣтъ издавался «Журналъ для чтенія воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній». Въ столицахъ не было почти ни одного профессора, не привлеченнаго къ преподаванію въ этихъ заведеніяхъ. «Въ наставленіи 1848 г.», составленномъ Я. И. Ростовцовымъ, вселялась мысль о любви къ труду и уваженіи къ наукѣ; рекомендовалось «основать все преподаваніе отнюдь не на механическомъ трудѣ памяти, а на развитіи нравственномъ и умственномъ». Въ программахъ «наукъ политическихъ» неизмѣнно проводилась одна основная идея безусловнаго подчиненія единой волѣ, единой власти. Государь, ознакомясь съ «Наставленіемъ» надписалъ: «Желать должно, чтобы все было хорошо выполнено и всѣми понято не изъ послушанія одного, а съ убѣжденіемъ».

Ясно, что высшіе руководители военно-учебнаго дѣла были проникнуты лучшими стремленіями и предлагали хорошія средства. Но преподаваніе не легко сбрасываетъ съ себя схоластическія вериги, учителя трудно отходятъ отъ многихъ педагогическихъ требованій, разумныя инструкціи всегда прививались туго. Преподавательскій персоналъ за малымъ исключеніемъ былъ слабъ.

Тѣлесное наказаніе должно было примѣняться только въ крайнихъ случаяхъ. Я. И. Ростовцовъ былъ врагомъ розогъ. Кромѣ того, онъ держался того мнѣнія — и желалъ внушенія своей мысли подростающему поколѣнію — что многое пригодное въ Европѣ не возможно у насъ. Онъ хотѣлъ, чтобы кадеты мыслили, чувствовали и любили Государя по-русски, а не по-прусски или по-австрійски.

Здѣсь и тамъ въ корпусахъ заводились тайныя общества и въ Петербургѣ наблюдались сношенія кадетъ съ декабристами. Это повело къ строгому надзору какъ за учащими, такъ и за учащимися.

При Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ фронтъ занималъ центральное положеніе въ кругѣ физическихъ упражненій. Государь также любилъ фронтъ и его замѣчанія на смотрахъ давали, конечно, направленіе строевымъ занятіямъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ приказалъ соразмѣрять фронтовые упражненія съ физическими силами воспитанниковъ.

Въ царствованіе Николая Павловича учебныя заведенія выпустили болѣе 15 тыс. юныхъ офицеровъ. Въ началѣ царствованія имѣлось всего 8 военно-учебныхъ заведеній, а въ концѣ число ихъ возросло до 23-хъ.

Прежняя грубость, наблюдавшаяся среди наставниковъ и воспитанниковъ, искоренялась, но типъ стараго кривоногаго кадета, неопрятнаго и незастегнутаго, сохранялся долго и упорно. Типъ блѣднѣлъ, но не исчезъ. Прежнія традиціи и предразсудки держались крѣпко. Достигнутые въ корпусахъ успѣхи были весьма значительны, но недочетовъ оставалось много.

Въ 1837 г. Великобританское министерство, находя, что военныя училища въ Россіи поставлены весьма прочно и цѣлесообразно, обратилось къ нашему правительству съ просьбой о полученіи о нихъ нѣкоторыхъ свѣдѣній. Это могло льстить русскому самолюбію. «Одно только больно,—писалъ Я. И. Ростовцовъ,—что иностранцы знаютъ или хотятъ знать о Россіи болѣе, чѣмъ сами русскіе: кто изъ нашихъ вельможъ или министровъ былъ хоть разъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ?»...

Много было недостатковъ въ корпусахъ Николаевского времени, но многое искупалось тѣмъ, что они давали офицеровъ религіозныхъ и преданныхъ Россіи. «Мы гордились величіемъ своего отечества и идею этого величія воплощали въ Государѣ»,—писалъ одинъ изъ бывшихъ кадетъ. Государь горячо любилъ свои военно-учебныя заведенія и юношескія сердца это чувствовали, почему, ставъ въ ряды арміи, дѣлались надежными слугами родины и стражами народной чести ¹⁸⁵).

Финляндскій кадетскій корпусъ, находившійся первоначально въ Хаапаниemi, былъ переведенъ въ Фридрихсгамъ, вѣроятно,

потому что тамъ русской казнѣ представилась возможность отдать подъ корпусъ двѣ новыя казармы, которыя легко были приспособлены для его надобностей.

Средства на содержаніе корпуса выдавались сначала изъ кассы, находившейся въ собственномъ вѣдѣніи короля, а потомъ изъ русской казны ¹⁸⁶).

Въ то время какъ всѣ высшія заведенія края, не исключая университета, являлись классическими, по господствовавшимъ въ нихъ системамъ преподаванія, кадетскій корпусъ за все время своего существованія оставался реальнымъ.

Подготовленіе къ пѣхотной службѣ было почти исключительно

Фридрихсгамскій кадетскій корпусъ.

теоретическимъ.—Кадетскій корпусъ, расположенный въ провинціальномъ городкѣ, не имѣлъ никакихъ сношеній съ войсками. Прошло почти полстолѣтія прежде чѣмъ корпусъ снабдили настоящимъ полевымъ орудіемъ ¹⁸⁷).

Согласно регламента 1831 г., Финляндскій кадетскій корпусъ находился въ полной зависимости отъ «Совѣта» въ Петербургѣ. Какъ преподаваніе, такъ и внутренній порядокъ корпуса контролировались временно командированными изъ Петербурга генералами. Иногда самъ Государь инспектировалъ корпусъ.—Такъ было въ 1830 и 1854 г.г., когда Императоръ Николай I, проѣздомъ въ Гельсингфорсъ, посѣтилъ Фридрихсгамъ и, судя по приказу директора корпуса, остался особенно доволенъ существовавшими корпусными порядками.

Корпусъ, видимо, всегда былъ удовлетворительно поставленъ. Даже требовательный А. Закревскій писалъ о немъ: «Финляндскій кадетскій корпусъ въ хорошемъ порядкѣ и устройствѣ, особенно смотря по малому времени учрежденія онаго; но многое еще въ ономъ требуетъ усовершенствованія» ¹⁸⁸).

Послѣ выпускного экзамена въ іюнѣ 1853 г. весь старшій классъ отправился въ Петербургъ, представиться начальнику штаба, генераль-адъютанту Ростовцову. Въ то же время получено было извѣстіе о томъ, чтобы финскіе кадеты явились въ такъ-называемый кадетскій лагерь въ Петергофѣ, для публичнаго экзамена, вмѣстѣ съ воспитанниками русскихъ военно-учебныхъ заведеній.

Для полученія офицерскихъ званій всегда требовалось нѣкоторое знаніе русскаго языка, но ничего опредѣленнаго по этому предмету не было установлено въ положеніи о корпусѣ. Только регламентъ 1831 года категорически потребовалъ, чтобы кадетъ, не владѣющій русскимъ языкомъ, ни въ какомъ случаѣ не былъ представляемъ къ производству въ офицеры; съ того же времени уставы и военные науки стали преподаваться на русскомъ языкѣ.

Въ 1836 г. состоялась передача Финляндскаго кадетскаго корпуса въ вѣдѣніе Главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, вслѣдствіе того, что «корпусъ сей принадлежитъ уже не до одной части Генеральнаго Штаба, но снабжаетъ армію во всеѣ оружія» ¹⁸⁹).

Когда пересматривалось положеніе о корпусѣ, князю А. С. Меншикову были представлены разнообразныя соображенія. Выражено было желаніе, чтобы корпусъ былъ подчиненъ генераль-губернатору и, — для того, чтобы онъ получилъ возможность вліять на него, — предлагалось предоставить ему право избранія малолѣтнихъ для опредѣленія въ корпусъ, право получать всеѣ свѣдѣнія о корпусѣ, посѣщать его, производить подробный осмотръ и т. д. Далѣе составитель разсматриваемыхъ соображеній имѣлъ въ виду сравнять оклады чиновъ корпуса съ окладами, существовавшими въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи, распространить на корпусъ разныя преимущества учебной службы Имперіи и т. п. Когда проектъ новаго положенія о кадетскомъ корпусѣ былъ переданъ на заключеніе генераль-губернатора кн. А. С. Меншикова (въ сент. 1844 г.), онъ сообщилъ Его Императорскому Высочеству — Начальнику военно-учебныхъ заведеній — слѣдующее:

Новое положеніе имѣло въ виду подвергнуть корпусъ также «вліянію генераль-губернатора Финляндскаго», но обстоятельства

складывались такъ, что генераль-губернаторъ въ сущности явился бы среднею инстанціею между директоромъ корпуса и главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, и потому кн. Меншиковъ заявилъ, что «вмѣшательство генераль-губернатора полагается неудобнымъ».

Первоначально намѣтили допускать въ корпусъ лишь сыновей «финляндцевъ осѣдлыхъ». Князь Меншиковъ вступился за права дѣтей финляндцевъ, служащихъ въ Имперіи. Чтобы сохранить коренные законы края, князь настаивалъ еще на установленіи старшинства при опредѣленіи въ корпусъ, т. е. сыновья дворянъ ставились выше дѣтей духовенства, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Ревниво оберегая корпусъ лишь для дѣтей финляндскихъ уроженцевъ, князь А. С. Меншиковъ писалъ: «Право преимущественное въ пользу сыновей офицеровъ и учителей корпуса вообще, и право Россійскихъ уроженцевъ, въ корпусѣ служащихъ 4 года, должно быть вовсе исключено, ибо при возрастающемъ въ Имперіи затрудненіи, помѣщать дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, Россійскіе уроженцы уже для этого только готовы идти на 4 года служить въ Финляндскій кадетскій корпусъ, такъ что современемъ дѣти ихъ будутъ занимать значительное мѣсто въ семъ корпусѣ, вопреки основной цѣли его учрежденія». Финляндія имѣла около 1½ мил. жителей и корпусъ являлся единственнымъ ихъ военно-учебнымъ заведеніемъ, Допускать въ него русскихъ уроженцевъ было-бы,—по мнѣнію генераль-губернатора,—«мѣрою стѣснительною и по впечатлѣнію неблагопріятною, тѣмъ болѣе, что въ учителя поступаютъ большею частію изъ низшихъ сословій» и ихъ дѣти преграждали бы путь къ воспитанію коренныхъ жителей края.

Князь А. С. Меншиковъ, стоя на стражѣ исключительно финляндскихъ интересовъ, поднималъ свой голосъ даже противъ назначенія дядекъ изъ русскихъ заслуженныхъ отставныхъ или безсрочно отпускныхъ.—«Исключительное назначеніе русскихъ,—писалъ онъ,—не будетъ ли имѣть то неудобство, что они, не зная по-шведски, не понимали бы разговоровъ кадетъ между собою и, слѣдовательно, лишили бы начальства лучшаго (?) вспомогателя (!)

П. Г. Теслевъ. Директоръ корпуса.

къ наблюденію за правильностью и образомъ мыслей воспитанниковъ». Трудно вѣрится, чтобы это писалъ высоко-образованный сановникъ своего времени. Кажется, было бы цѣлесообразнѣе, если бы эти нижніе чины нѣсколько помогли въ насажденіи разговорнаго русскаго языка и духа дисциплины среди молодыхъ кадетовъ, чѣмъ вручать этимъ необразованнымъ солдатамъ роль соглядатаевъ за «правильностью образа мыслей».

Распространеніе русскаго языка среди «новаго финляндскаго поколѣнія» наше правительство считало тогда полезнымъ «не только для обязанностей службы, но и для упроченія того сродства, которое происходитъ изъ соединенія Финляндіи съ Имперіей въ одномъ скипетрѣ Его Императорскаго Величества». Но предоставить «слишкомъ рѣзкія» преимущества учителямъ корпуса князь Меншиковъ опасался, такъ какъ это могло «отвлечь русскихъ наставниковъ изъ другихъ учебныхъ заведеній края» ¹⁹⁰).

Большія затрудненія вызывалъ вопросъ о пенсіи учебному персоналу, призванному временно изъ Россіи въ Финляндію: Государственное Казначейство давало пенсіи лишь за службу въ Имперіи, отнесеніе же сихъ пенсій на счетъ финляндскихъ суммъ, нарушало пенсіонныя уставы края. Статное вѣдомство, кромѣ того, не въ состояніи было увеличить штаты расходовъ въ требуемомъ размѣрѣ. Въ 1853 г. вопросъ былъ рѣшенъ не въ пользу русской казны. По ходатайству Наслѣдника Цесаревича, Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, о распространеніи на нѣкоторыхъ учителей корпуса «изъ финляндскихъ уроженцевъ права на пенсіи» изъ суммъ Имперіи, послѣдовало Высочайшее соизволеніе ¹⁹¹).

Директорами корпуса за Николаевское время состояли Петръ Теслевъ (1819—1834), Э. Ф. Дитмаръ (1834—1843) и И. Р. Мункъ (1843—1853). По своей прошлой жизни, они—заслуженные воины. П. Теслевъ, братъ помощника генераль-губернатора А. Теслева, въ 1831 г. временно исполнялъ должность вице-канцлера университета. Дитмара не любили за его крайнюю строгость и педантизмъ. Мунка—бывшаго командира л.-гв. Преображенскаго полка—хвалили за его гуманныя воззрѣнія, но, кажется, они граничили со слабостью и податливостью. Изъ инспекторовъ классовъ и наставниковъ обращалъ на себя вниманіе Густавъ Іоганнъ Мехелинъ. Онъ былъ уроженцемъ Ладожскаго берега, хорошо говорилъ по-русски и негодовалъ на своихъ земляковъ за шведство, какъ писалъ Я. К. Гротъ ¹⁹²). Мехелинъ составилъ для своихъ учениковъ очень

толковую исторію русской литературы. Хитрый и льстивый Мехелинъ мечталъ о переходѣ на русскую службу ¹⁹³).

Мѣстный историкъ корпуса отмѣчаетъ, что организація его создана была по чужимъ для Финляндіи образцамъ, что большая часть преподаванія происходила на чужомъ для учениковъ языкѣ, и что, наконецъ, воспитанники корпуса продолжительное время снискивали свое пропитаніе службою вдали отъ родины и тѣмъ не менѣе между кадетами всегда существовалъ горячій финляндскій патріотическій духъ. Да, Фридрихсгамскій корпусъ былъ подчиненъ Главному Управленію военно-учебныхъ заведеній, въ корпусѣ изучался русскій языкъ, на русскомъ языкѣ читались нѣкоторые предметы, корпусъ инспектировали русскіе генералы и проч., но по духу своему корпусъ, оставался совершенно чуждымъ Россіи и всему русскому.

Долгое время корпусъ предназначался исключительно для привилегированныхъ сословій и прежде всего для дворянъ и сыновей военно-служащихъ. Лишь съ 1860 г. двери раскрылись для лицъ остальныхъ классовъ.

Кадетскій корпусъ ежегодно выпускалъ молодыхъ людей, старательно воспитанныхъ и хорошо образованныхъ. Обстоятельства побуждали большинство кадетъ поступать въ ряды русскихъ войскъ и тамъ они пріобрѣли себѣ почетную извѣстность корректнымъ поведеніемъ, аккуратной службой и хорошими товарищескими отношеніями. «Воспитанники корпуса—писалъ князь А. С. Меншиковъ въ 1844 г.,—всегда считались въ Россійской арміи офицерами отличными и многіе изъ нихъ опредѣлены наставниками и ротными офицерами въ учебныя заведенія Имперіи». Долгое время Финляндія оставалась *terra incognita* для огромнаго большинства образованныхъ русскихъ людей и наши правящіе классы составляли себѣ представленіе о ней преимущественно по бывшимъ финскимъ кадетамъ.

Родному краю корпусъ далъ длинный рядъ хорошихъ администраторовъ. Бывшихъ кадетъ можно было часто видѣть среди сенаторовъ и губернаторовъ. Впрочемъ, трудно указать родъ

Густавъ Юганъ Мехелинъ.
Инспекторъ классовъ Фридрихсгамскаго кадетскаго корпуса.

общественной дѣятельности, въ которой не проявили бы себя съ честью бывшіе кадеты. Такимъ образомъ, корпусъ былъ учрежденіемъ, которое въ Николаевское время съ высокою похвалою исполнило свое отвѣтственное назначеніе.

Какъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ кадетскомъ корпусѣ, старшіе воспитанники старались властвовать надъ младшими и пользовались случаемъ проявить свою силу и свое значеніе надъ новичками. Въ Фридрихсгамскомъ корпусѣ опека старшихъ надъ юнцами проявлялась давно и особенно опредѣленно. Старшіе обуздывали выпльчивыхъ, «сорвиголову» и дерзкихъ товарищей, требуя полного преклоненія и «респекта» передъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Пріемы старшихъ въ подобныхъ случаяхъ находились въ зависимости отъ общаго духа времени и возрѣнія на дисциплину. Стоило молодому рѣзвому кадету не вовремя пошумѣть около старшихъ отдѣленій, какъ строгіе менторы призывали надъ нимъ свой скорый и безапелляціонный судъ. Винаго ставили или у плевательницы съ сапогами въ рукахъ, или его клали на колѣно старшаго и экспромтомъ отсыпали порцію горячихъ, или давали «по носу», гоняли вокругъ стола «шпінками» и т. д. Изобрѣтательности въ этой области не было конца. Новичка крестили въ снѣгу, неожиданно стаскивали съ постели, ему мяти животъ, заставляли на морозѣ прыгать на гигантскихъ шагахъ и т. п. Все шло во благо, никто не оказывался искалѣченнымъ; получался извѣстный закалъ, а строптивые смирялись.

Въ исторіи Финляндскаго кадетскаго корпуса большое значеніе имѣло «товарищество»—родъ особаго кадетскаго судилища. «Безъ этого особаго учрежденія корпусъ никогда не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался. «Товарищество»—обширное самоуправленіе, водворившееся среди кадетъ съ 1821 г. Въ учрежденіи «товарищества»,—пишетъ историкъ кадетскаго корпуса, Г. А. Грипенбергъ,—сказалась большая прозорливость кучки юношей, стремившейся къ сохраненію въ кадетской средѣ высшей нравственности и справедливости. Эти идеи и стремленія всегда воодушевляли финскихъ кадетъ.. Другія учебныя заведенія края могли указать на свой отборный учительскій персоналъ, на выдающихся воспитанниковъ и т. п., но ни одно изъ нихъ не могло похвастаться столь твердо выдержаннымъ единеніемъ, какое отличало финляндскихъ кадетъ.

Въ стѣнахъ корпуса вообще господствовалъ крайній консерватизмъ, простота, строгость и даже скудость. Во внутреннемъ

порядкѣ ученики распредѣлялись на восемь отдѣленій, кои находились подѣ присмотромъ воспитанниковъ старшихъ классовъ. Историкъ корпуса Грипенбергъ сложилъ цѣлый дифирамбъ учреженію «товарищества». Оно дѣйствовало по своимъ особымъ постановленіямъ, составленнымъ самими кадетами, и стремилось къ благородной цѣли. Бывшіе кадеты,—утверждаетъ Г. А. Грипенбергъ,—вспоминаютъ «товарищество» съ искренней похвалой, такъ какъ оно имѣло на нихъ благотворное вліяніе и оказало имъ «величайшую услугу».

Изъ среды кадетъ въ «товарищество» избиралось сперва восемь, а затѣмъ семь судей. И эти «восьмерки» и «семерки» играли большую роль въ кадетской жизни. Конечно, и ихъ дѣятельность временами была не безупречна и вызывала жалобы и нареканія; тогда дѣло переносилось на «судъ общаго собранія», но подобные случаи составляли уже исключеніе изъ общаго правила. Исполнительный комитетъ «восьмерки» или «семерки» держалъ высоко знамя товарищескаго правосудія съ 1821 по 1903 г.

Директоръ корпуса
І. Р. Мункъ.

Если «товарищество» приговаривало провинившагося къ небольшому наказанію, къ аресту, или «стоянію у кровати», то приговоръ приводился въ исполненіе немедленно. Если же провинившагося нужно было высѣчь, то и тутъ проволочекъ не допускалось: «положатъ» грѣшника и по всеѣмъ правиламъ искусства сѣченія, отсчитаютъ ему извѣстное число ударовъ розгами по старинному обычаю. Здѣсь не требовалось педантическихъ предписаній, столь свойственныхъ гражданскимъ кодексамъ съ ихъ безчисленными постановленіями. «Давали» по неуставленной таксѣ, не ломая головы трудными расчетами.

«Товариществу» самому приходилось разбираться въ извѣстномъ кругѣ кадетской дѣятельности и переписка съ начальствомъ у товарищества была весьма незначительна.

«Какъ бы строго обученіе ни производилось въ кадетскомъ корпусѣ, какъ бы начальство ни заботилось о практическомъ образованіи воспитанниковъ, все это, однако, не въ состояніи было создать того финскаго кадета, какимъ мы его знали въ теченіе

ніе столькихъ лѣтъ на различныхъ поприщахъ. Онъ сдѣлался бы болѣе или менѣе шаблонно-образованнымъ офицеромъ, способнымъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ занимать свое мѣсто передъ фронтомъ или быть можетъ съ честью окончить курсъ въ той или другой военной академіи. Но онъ никогда не достигъ бы того развитія, какое онъ имѣлъ, онъ никогда не приобрѣлъ бы того фонда нравственной строгости и яснаго пониманія требованія долга, которое дало «товарищество», и что составляло, быть можетъ, самое драгоцѣнное его приобретеніе за все время пребыванія въ стѣнахъ корпуса» ¹⁹⁴⁾,—настаиваетъ Грипенбергъ.

Жизнь въ корпусѣ обычно протекала мирно, и кадеты вели себя хорошо. На однотонномъ фонѣ долгаго ряда лѣтъ яркимъ и отраднымъ лучемъ блеснула рѣчь учителя исторіи Сигнеуса. При переходѣ въ университетъ (1836 г.), онъ, прощаясь съ корпусомъ въ Александровъ день, между прочимъ, напомнилъ воспитанникамъ ихъ долгъ передъ Россіей. Рѣчь совершенно исключительная. Другого примѣра произнесенія подобныхъ рѣчей въ стѣнахъ учебныхъ заведеній Финляндіи едва ли возможно указать.

Вторымъ маленькимъ эпизодомъ, едва не превратившимся въ событіе, была строгость директора Дитмара.

Среди воспитанниковъ корпуса, зимой 1835 г., свирѣпствовала нервная лихорадка. Директоръ корпуса, генераль-маіоръ Э. И. Дитмаръ, строго воспретилъ здоровымъ кадетамъ навѣщать больныхъ, находившихся въ лазаретѣ. Тѣмъ не менѣе одинъ, только что выписанный изъ лазарета, посѣтилъ своего брата. За такой поступокъ директоръ велѣлъ арестовать ослушника на три дня на хлѣбъ и водѣ. Аристократическая часть Гельсингфорса взволновалась. Отъ Е. Эренстрема и Эрнрота гр. Ребиндеръ получилъ письма, полныя бурнаго негодованія. У обоихъ въ корпусѣ оказались родственники среди воспитанниковъ. Письма корреспондентовъ Ребиндера характерны во многихъ отношеніяхъ. Одинъ писалъ, что этимъ «рѣдкимъ въ нашемъ краѣ» случаемъ въ Фридрихсгамѣ онъ «потрясенъ до глубины души». Наказаніе кадета онъ находитъ и безчестнымъ, и безнравственнымъ. Такое наказаніе у насъ примѣняется только за позорныя преступленія. Кромѣ того, «нельзя обойти молчаніемъ нарушенія нашихъ законовъ и привилегій дворянства», такъ какъ выказана «непростительная индифферентность къ неприкосновенности нашихъ свободъ и привилегій, утвержденныхъ Государемъ, который съ любовью

Рис. Повернь.

Выборгъ. 1839 г.

и доброжелательствомъ относится къ своимъ вѣрнымъ финляндскимъ подданнымъ». «Удивительная дерзость, съ которой директоръ нарушилъ законы страны, вызвалъ всеобщій ужасъ (!) и всѣ (?) съ безпокойствомъ ждуть, какъ отнесется Верховная Власть къ этому поступку, чтобы знать, на что мы можемъ надѣяться въ будущемъ».

Э. Эренстремъ начинаетъ свое письмо 30 марта 1835 г. съ заявленія, что и онъ раздѣляетъ «тревогу страны» (!). Онъ «дрожитъ за племянника» съ тѣхъ поръ, какъ новый начальникъ корпуса своею властью ввелъ для молодежи, «вопреки устава Его Величества и законовъ и обычаевъ страны, наказаніе, которое до сихъ поръ примѣнялось только къ подлымъ мошенникамъ и считалось у насъ позорнымъ». Онъ подозрѣваетъ, что директоръ умышленно хочетъ подорвать и уничтожить въ молодыхъ людяхъ чувство чести и уваженія къ себѣ, благородство души и нравственныя правила вынесенныя изъ родительскаго дома... «Въ корпусѣ уныніе, и внѣ корпуса еще болѣе». «Всѣ финляндцы надѣются на великодушіе и справедливость Государя Императора. Какъ только Его Величество узнастъ о томъ, что творится въ Фридрихсгамѣ и вызвало такое волненіе (!) въ Финляндіи, онъ отдастъ приказъ, чтобы подобныя вещи больше не повторялись. Ваше Сіятельство признаете, вѣроятно, своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія Его Величества объ этомъ несчастномъ случаѣ и о томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ».

Гр. Ребиндеръ препроводилъ 3—15 апрѣля 1835 г. оба письма князю А. С. Меншикову, какъ «конфиденціальныя, которыя не могутъ быть офиціально предъявлены», находя, что они заслуживаютъ «величайшаго вниманія, ибо выражаютъ всеобщее (!) мнѣніе Финляндіи» (!!). вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Ребиндеръ осмѣлился просить князя удѣлить ему полчаса и назначить время, когда можетъ къ нему «явиться».

Къ этому же времени dospѣло и письмо сенатора Клинковстрема, который сообщилъ князю Меншикову: «Вы, вѣроятно, слышали о наказаніяхъ, введенныхъ новымъ начальникомъ кадетскаго корпуса, о которыхъ много кричатъ въ странѣ. Его хвалятъ за порядокъ, но онъ играетъ роль новой метлы, не ознакомившись съ чувствомъ чести, которое царитъ у насъ»... (Письмо Клинковстрема къ кн. Меншикову 4—16 апр. 1835 г.).

Въ Августѣ 1844 г. Высочайше разрѣшено было учредить при 21 пѣхотной дивизіи школу, для доставленія финляндскимъ уроженцамъ, поступающимъ въ дивизію подпрапорщиками или унтеръ-офицерами, возможности изученія военныхъ наукъ и русскаго языка. Отпуски изъ финляндскихъ статныхъ суммъ на эту школу были опредѣлены первоначально самыя ничтожныя: 500 р. единовременно и по 400 р. ежегодно. ¹⁹⁵⁾ Впослѣдствіи сумма была значительно увеличена, но не превосходила 3.500 р.; штатъ преподавателей ограничивался тремя—четырьмя офицерами. Руководилъ дѣломъ начальникъ дивизіи, генераль Мандерштернъ. Открытіе состоялось лишь въ 1846 г. За пятнадцать лѣтъ въ трехъ ся классахъ экзаменовалось 911 чел., изъ нихъ произведены въ офицеры лишь 162 чел., остальные были исключены въ войска или вышли въ отставку. Надо полагать, что главнымъ препятствіемъ являлось изученіе русскаго языка мѣстными уроженцами ¹⁹⁶⁾. Впослѣдствіи гр. Ѳ. Ѳ. Бергъ превратилъ эту школу «въ юнкерское училище войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ».

Когда въ 1854 г. на югѣ засверкалъ огонь французскихъ и англійскихъ орудій, потребность въ офицерахъ увеличилась. Въ корридорѣ Петербургскаго университета неожиданно поставлены были двѣ пушки. Собрались студенты. Явился попечитель учебнаго округа, сопровождаемый ректоромъ, инспекторомъ и другими властями. Обращаясь къ студентамъ, попечитель сказалъ:

«Государю Императору благоугодно было выразить августѣйшую волю, дабы всѣ молодые люди, учащіеся въ университетахъ, безъ различія курсовъ и факультетовъ, въ виду нынѣшнихъ событий, обучались военному искусству, т. е. пѣхотному строю, ружейнымъ приѣмамъ, начальнымъ основаніямъ артиллеріи и фортификаціи. Желаютіе, послѣ необходимой подготовки, перейти немедленно въ военную службу, могутъ, не ожидая окончанія курса наукъ, исполнить свое желаніе, заявивъ о томъ предварительно университетскому начальству.

Господа! вы примете этотъ новый знакъ монаршаго къ вамъ довѣрія,—равно какъ и моего,—съ чувствами восторга и признательности».

По окончаніи лекцій, студенты стали «маршировать»; маршировка считалась обязательной.

Студентъ, не окончившій полного курса, т. е. не пробывшій обязательныхъ четыре года въ университетѣ, производился въ

первый офицерскій чинъ черезъ три мѣсяца, по поступленіи его въ ряды войскъ, тогда какъ въ прежнее время такого производства удостоивался лишь кандидатъ университета.

Для чтенія лекцій артиллерійскаго искусства былъ временно назначенъ профессоръ Михайловской академіи, генераль-маіоръ Платовъ, для лекціи по фортификаціонному дѣлу—капитанъ Квистъ ¹⁹⁷).

Тоже повторилось и въ Гельсингфорсѣ. И здѣсь для студентовъ, желавшихъ поступить въ войска, открыты были особые курсы на шведскомъ языкѣ, нѣчто въ родѣ военнаго факультета, который приготовилъ 26 человекъ, изъ нихъ 14 прямо произведены были въ офицеры, остальныхъ зачислили въ войска унтеръ-офицерами. Окончившихъ курсъ называли въ обществѣ «поручиками философіи».

Импер. Николай I.
Бар. Клодтъ.

Кузница.

III. Годы испытаній.

23-го и 24-го августа (4—5 сент.) 1827 г. Финляндію постигло великое «національное бѣдствіе»: ужасный пожаръ уничтожилъ большую и лучшую часть города Або, имѣвшаго тогда отъ 13 до 14 тыс. жителей. Гражданинъ Гельманъ, въ своемъ домѣ у Стокгольмской заставы, топилъ сало и смолу. Вслѣдствіе сильнаго вѣтра, домъ воспламенился, и огонь со страшной быстротой охватилъ тринадцать сосѣднихъ построекъ. Пылающія головни и мириады искръ сильнымъ вѣтромъ переносились съ одной стороны города на другую. Подъ сильными порывами бури, море огня свирѣпѣло и разливалось ужаснымъ потокомъ все далѣе и далѣе. Студенты, имѣвшіе обыкновеніе приходить дружной семьей на мѣсто бѣдствій, отсутствовали изъ города. Правильно организованной пожарной команды не существовало. Жители, видя свою безпомощность бороться съ разъяренной стихіей, бѣжали за городъ. Крыша стараго собора вспыхнула, какъ факель, стекла его съ трескомъ лопались, колокола, раскачиваемые напорами ужаснаго вѣтра, уныло зазвучали, словно хоронили погибавшій городъ. Добычею пламени сдѣлались: старинный готическій кафедральный соборъ и его колоколья, храмъ науки—университетъ, основанный при королевѣ Христинѣ, его библіотека, архивъ, науч-

ныя, минералогическія и иныя коллекціи, зданіе гофгерихта, домъ губернатора, ратгаузъ, таможня, почта и другія общественныя зданія. Два дня бушевала огненная стихія. Всего превращено было въ пепелъ 80 каменныхъ и 700 деревянныхъ домовъ. Убытки исчислены были въ 26 мил. р. ассигн. Въ огнѣ погибъ и мостъ, перекинутый черезъ рѣку Ауру, соединявшій обѣ части города. Въ городѣ уцѣлѣло всего 346 домовъ. Несчастные погорѣльцы, лишенные крова, блуждали среди развалинъ, ища временнаго приюта и отчаиваясь за будущее.

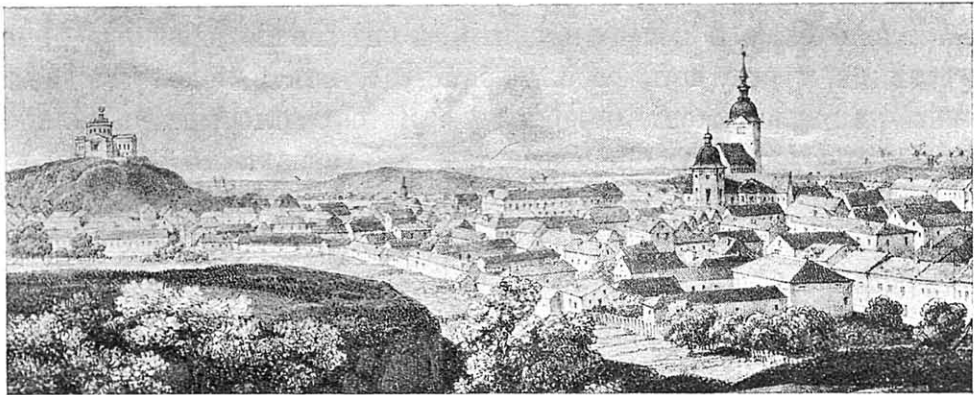
Мѣстный хозяинъ города—губернаторъ—сейчасъ же организовалъ изъ знатнѣйшихъ и почтеннѣйшихъ гражданъ несчастнаго Або Пожарный Комитетъ для оказанія помощи пострадавшимъ. Въ тотъ же день (25 авг.—6 сен.) изъ ближайшихъ окрестностей доставлено было 5 возовъ провизіи, а уцѣлѣвшіе казенные дома, вмѣстѣ съ кургаузомъ водолечебницы Купписъ, были предоставлены въ распоряженіе бездомныхъ. Въ окрестностяхъ скупались готовыя постройки и перевозились въ городъ.

Уже 25 августа генераль-губернаторъ А. А. Закревскій доносилъ о несчастіи Государю Императору, пославъ въ Або одного изъ сенаторовъ для оказанія возможной помощи. Вскорѣ въ Або прибыли генераль-губернаторъ изъ Гельсингфорса и гр. Ребиндеръ изъ Петербурга. Государь, узнавъ о бѣдствіи, постигшемъ Або, немедленно выдалъ изъ своихъ суммъ 100.000 р. банк. ассигн. и велѣлъ открыть для пострадавшихъ запасные казенные хлѣбные магазины, а университету—предоставить возможность, хотя и въ другомъ городѣ, продолжать его занятія. Въ ходѣ общественныхъ дѣлъ и преподаванія наукъ Государь старался не допустить остановки ¹⁹⁸).

Начальникъ Финансовой Экспедиціи, д. с. с. Фалькъ, соображаясь съ Монаршими милостями, оказанными другимъ городамъ края, ранѣе пострадавшими отъ пожаровъ, составилъ обширное представленіе, съ перечисленіемъ тѣхъ мѣропріятій, которыми надѣялись наиболѣе существенно помочь жителямъ Або. Государь, «съ соболѣзнованіемъ смотрѣвшій на горестное положеніе» Або, утвердилъ его, повелѣвъ выдать 300 тыс. рублей банк. ассигн. на постройку домовъ безпроцентными ссудами, 300 тыс. руб. банк. ассигн. для уплаты за страховки домовъ и дворовъ; приказано было отчислить часть таможенной пошлины съ привозимой соли на возстановленіе кааедральнаго собора, освободить всѣхъ

жителей Або на десять лѣтъ отъ взноса всякихъ казенныхъ повинностей и т. д. ¹⁹⁹).

Въ пользу погорѣльцевъ открыта была подписка. Пожертвованія потекли съ разныхъ сторонъ обильной рѣкой. Въ комитетъ поступило 407.576 р. и 1.389 риксдалеровъ, изъ нихъ: 70.000 р. внесены были членами Императорскаго дома, 54 тыс.—Петербургомъ, 10 тыс.—Ревелемъ, 20 тыс.—обывателями Россіи, 20 тыс.—Лондономъ. Большія суммы прислали Гамбургъ, Любекъ, Стокгольмъ ²⁰⁰). Абоская газета называетъ Эстляндію—«краемъ, которому Або остается вѣчно обязаннымъ за пожертвованія»... Значительную сумму собрали профессора и студенты Дерптскаго университета, а главное—они озаботились восстано-

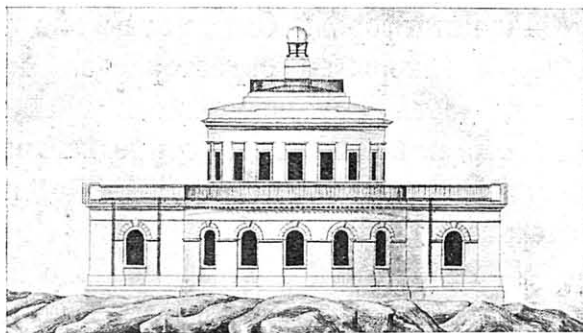
Г. Або до пожара 1827 г.

вленіемъ библіотеки. Пожертвованія книгами явилось большой помощью ²⁰¹). На возстановленіе кафедральнаго собора откликнулись Курская, Волынская, Тамбовская и другія губерніи.

Неутѣшные жители Або «съ глубоко тронутымъ сердцемъ», благодарили Государя нѣсколькими адресами, находя, что «Провидѣніе вложило скипетръ въ кроткую десницу Его Императорскаго Величества». Они были увѣрены, что «новый Або въ украшенномъ видѣ передастъ грядущимъ поколѣніямъ явственнѣйшія свидѣтельства величія возстановившаго сей городъ Монарха» ²⁰²)... Устами своихъ представителей — городского магистра—жители Або говорили: «Лѣтописи лучше тихихъ нашихъ благословеній выразятъ цѣну оказаннымъ намъ благодареніямъ... Жизнь и дѣятельность заступили мѣсто отчаянія; хижина поднялась возлѣ хижины... Все предвѣщаетъ новый свѣтлый день послѣ сумрака полночи».

«Мнѣ также весьма пріятно было слышать,—писалъ А. А. Закревскій въ частномъ письмѣ барону Клинковстрему,—что послѣдніе рескрипты, касательно вспомошествованій г. Або, сдѣлали столь хорошее впечатлѣніе. Я старался совершить все, что зависѣло отъ меня на пользу несчастныхъ жителей и всего края вообще». «Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю новаго плана г. Або,—продолжалъ А. А. Закревскій,—и обращаюсь къ вамъ дабы вы постарались со своими товарищами, чтобы Сенатъ особенно имъ занялся и разсмотрѣлъ оный съ вниманіемъ, не замедлилъ отправить ко мнѣ» ²⁰³).

Планъ былъ утвержденъ въ концѣ 1828 года и Або сталъ обстраиваться довольно успѣшно. Въ февралѣ 1832 г. комендантъ г. Або, Павелъ Турчаниновъ, сообщилъ кн. А. С. Меншикову: «Къ вашему пріѣзду въ Або много прибудетъ новыхъ домовъ; удивительно, какъ послѣ новаго года стали выказываться новыя строенія. Если бы послѣ пожара былъ г. Гартманъ, а не его предмѣстникъ, я скажу городъ бы не оставилъ никакихъ слѣдовъ постигшаго его бѣдствія» ²⁰⁴). Въ 1834 г. состоялось уже открытіе элементарной школы для дѣвочекъ.

Зданіе обсерваторіи г. Або.

Горожане просили разныхъ льготъ и имъ давали.

Сгорѣвшее зданіе университета отдали подъ помѣщеніе гофгерихта и другихъ присутственныхъ мѣстъ, а обсерваторію сдали подъ кирку, до возобновленія собора ²⁰⁵). Астрономическую обсерваторію предполагали превратить въ православную церковь ²⁰⁶), но генералъ Теслевъ нашелъ это неудобнымъ.

Въ пламени ужаснаго пожара 1827 г. погибли университетъ, его обсерваторія и клиника, съ ихъ научными коллекціями, рукописями и библіотекой, состоявшей, примѣрно, изъ 50 тыс. томовъ. Потеря была тѣмъ чувствительнѣе для страны, что только за двѣ-

надцать лѣтъ передъ тѣмъ закончено было постройкою новое зданіе университета, потребовавшее значительныхъ средствъ и возведенное съ неизвѣстнымъ дотолѣ просторомъ, вкусомъ и красотою. Кабинетъ естественныхъ наукъ, ботаническій садъ и пр.,—соотвѣтствовавшіе потребностямъ своего времени и явившіеся плодомъ многолѣтнихъ трудовъ, и усердныхъ пожертвованій соотечественниковъ, путешественниковъ и иностранцевъ,—все въ теченіе нѣсколькихъ часовъ было уничтожено огненной бурей и обращено въ груды мусора и пепла ²⁰⁷). Профессора и студенты остались безъ крова. Государь, узнавъ о великомъ несчастіи, сейчасъ же послалъ въ Або и. д. канцлера, барона Ребиндера.

Увидавъ ужасную картину разрушенія, А. А. Закревскій сдѣлалъ представленіе о переводѣ университета съ береговъ Ауры въ Гельсингфорсъ. Онъ указывалъ на то, что это облегчитъ надзоръ генераль-губернатора за высшимъ учебнымъ заведеніемъ, дастъ ему возможность предупреждать столкновенія студентовъ съ войсками и—это едва ли не главное—наблюсти за политическимъ настроеніемъ молодежи, въ благонамѣренность котораго онъ не вѣрилъ. ²⁰⁸).

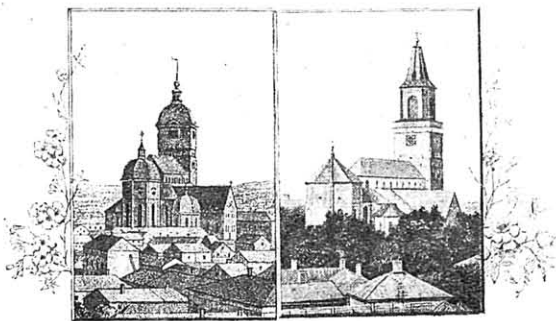
9—21 октября 1827 г. послѣдовалъ манифестъ о перенесеніи университета въ Гельсингфорсъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ память незабвеннаго благодѣтеля Финляндіи, университету даровано было названіе Александровскаго.

Уже 2—14 сент. 1827 г. генераль губернаторъ, со словъ гр. Ребиндера, зналъ о намѣреніи Государя перевести университетъ въ Гельсингфорсъ. «Но я (гр. Закревскій) скрываю такое предпріятіе предъ абоскими гражданами, дабы ихъ въ теперешнемъ несчастіи не встревожить и не ослабить въ нихъ заботливости къ скорѣйшей постройкѣ новыхъ домовъ; ибо нельзя, чтобы удаленіе университета не навлекло обывателямъ здѣшнимъ чувствительной потери»,—рапортовалъ А. А. Закревскій Государю изъ Або. ²⁰⁹).

Университетъ находился въ Або около 200 лѣтъ. Неудивительно, что многіе съ грустью узнали о рѣшеніи правительства перемѣстить ихъ «гордость» въ Гельсингфорсъ. Обыватели Або сдѣлали серьезную попытку сохранить у себя родное заведеніе.

Абоскій магистратъ представилъ губернатору свой протоколъ о желаніи отправить депутацію Государю, благодарить за вспоможеніе и также «для умоленія объ удержаніи» въ Або университета. Тяжело было имъ разстаться съ университетомъ—«пло-

домъ столѣтняго усердія». Многимъ приходилось покинуть дорожную землю, гдѣ покоились ихъ предки. Университетъ былъ источникомъ ихъ благосостоянія, славой стараго Або. Перемѣщеніе университета обезсиливало всѣ напряженія, подкашивало теплившіяся надежды. «Высочайшее повелѣніе гласило: не присылать депутаціи для избѣжанія напрасныхъ расходовъ, а университетъ опредѣлено уже перевести въ Гельсингфорсъ». ²¹⁰). Къ большому моему удивленію,—писалъ Ребиндеръ къ Закревскому (17 окт. 1827 г.),—узналъ я, что граждане г. Або послали къ Государю Императору просьбу о томъ, чтобы сохранить въ городѣ университетъ. Надобно имѣть только немного здраваго смысла, чтобы понять всю несообразность и неприличіе подобнаго поступка. Я былъ приведенъ тѣмъ въ большее негодованіе отъ онаго, что могутъ подумать, что сія глупость была сдѣлана по наущенію какого нибудь члена университета. Однако я могу увѣрить васъ... что ничего подобнаго не было. Граждане г. Або суть, какъ и въ прочихъ мѣстахъ Финляндіи, упрямы,

Абоскій соборъ до и послѣ пожара 1827 г.

интересаны и неблагодарны. Можетъ быть можно еще взирать на несчастныхъ жителей Або, какъ на больныхъ, которые не знаютъ, что дѣлаютъ. Какъ бы то ни было, но поведеніе ихъ при этомъ случаѣ вообще осуждается во всемъ краѣ и состраданіе, которое имѣли къ нимъ, по причинѣ перемѣщенія университета, совершенно охладѣло». Въ заключеніи письма, графъ Ребиндеръ спрашиваетъ: «Посмотримъ, сдѣлаются ли граждане города Гельсингфорса достойными тѣхъ значительныхъ выгодъ, коими они будутъ теперь пользоваться?» ²¹¹).

Въ отвѣтѣ А. А. Закревскаго отъ 30 окт. 1827 г. читаемъ: «Дѣйствительно Абоскіе жители избрали трехъ депутатовъ какъ для изъясненія Государю Императору благодарности за благодѣянія, такъ и для моленія объ удержаніи въ Або университета». Доводя о семъ до свѣдѣнія Его Величества, Закревскій присоединилъ мнѣніе графа Ребиндера «о семъ поступкѣ людей дѣйствительно упрямыхъ и неблагодарныхъ».

«Я увѣренъ, продолжалъ Закревскій, что Гельсингфорсъ, съ переводомъ университета, получить значительное приращеніе въ гражданахъ, особенно изъ сословія купцовъ; но желать должно, чтобы вселялись туда люди болѣе честные, нежели каковыхъ нахожу теперь въ обитателяхъ Гельсингфорса». ²¹²).

Въ это время Ребиндеру пришлось часто пріѣзжать то въ Або, то въ Гельсингфорсъ. А Закревскій любезно предложилъ ему остановиться въ его квартирѣ.

Въ концѣ октября 1827 г. графъ Ребиндеръ былъ въ Або. Баронъ Клинковстремъ по этому поводу писалъ А. Закревскому: «теперь-то всѣ профессора-организаторы будутъ имѣть обширное поприще для разговоровъ... Весьма хорошо, когда праздные люди имѣютъ чѣмъ заняться и когда это занятіе невинное». А. Закревскій тоже былъ доволенъ, что профессорамъ представился удобный случай блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и удовлетворить свою страсть къ преніямъ; «впрочемъ я увѣренъ, что прочіе члены комитета для оказанія помощи пострадавшимъ, весьма хорошо составленнаго, употребятъ все свое рвеніе, чтобы достигнуть цѣли своихъ занятій безъ потери времени» ²¹³).

Что же случилось съ г. Або?

Веселый обыватель города подвелъ итоги его судьбѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Або былъ старшимъ среди городовъ. Ему, какъ старшему въ родѣ, дано было серьезное религіозное воспитаніе; затѣмъ онъ долгое время числился веселымъ студентомъ, но неожиданно все измѣнилось. Однако, ко всему можно привыкнуть, и Або началъ развѣшивать кофе, сахаръ, перецъ и т. п. Онъ рано вставалъ на работу, усердно читалъ все, что печаталось о мореходствѣ и торговлѣ, зналъ состояніе курса въ Гамбургѣ и Любекѣ. И съ добрымъ сердцемъ зажилъ хорошо... ²¹⁴)

Для университета въ Гельсингфорсѣ не оказалось подходящаго помѣщенія, почему для аудиторій и администраціи первоначально приспособили задній флигель только-что отстроеннаго, архитекторомъ Ангелемъ, зданія Сената, а также домъ, въ которомъ помѣщался начальникъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи.

Съѣхавшіеся въ Гельсингфорсѣ профессора и университетская администрація 18—30 сентября 1828 г. собрались для извѣщенія почтенія вице-канцлеру университета, ген.-л. А. П. Теслеву, и статсъ-секретарю Вел. Кн. Финляндскаго, т. с. гр. Ребиндеру, причемъ просили послѣдняго отъ имени университета

засвидѣтельствовать всеподданнѣйшія чувства благоговѣнія и преданности, питаемая университетомъ своему Высочайшему покровителю Государю Императору и Наслѣднику Престола ²¹⁵).

На другой день, т. е. 19 сентября—1 октября впервые послѣ пожара, начались занятія въ университетѣ. На скромное торжество явились до 200 студентовъ, всѣ профессора, генералъ Теслевъ, графъ Ребиндеръ, сенаторы и представители высшей администраціи. Графъ Ребиндеръ и генералъ Теслевъ краткими рѣчами привѣтствовали наставниковъ и учащихся. Первый ободрилъ присутствовавшихъ надеждой на лучшее будущее университета, а Теслевъ сказалъ: «Отеческимъ попеченіемъ Его Императорскаго Величества, нашего всепресвѣтлѣйшаго Монарха, восстанавливается сегодня, на мѣсто истребленнаго пламенемъ въ Або, первое учебное заведеніе сего края, подъ именемъ Александровскаго университета». Указавъ на значеніе новой милости университету и на значеніе имени Александра въ исторіи Финляндіи, онъ прибавилъ: «да озарить насъ, какъ ясное свѣтило, и поощрить насъ ко всѣмъ добродѣтелямъ».

Обращаясь «къ почтеннымъ господамъ профессорамъ», А. Теслевъ призналъ трудность ихъ обязанностей; обратясь къ студентамъ—выразилъ увѣренность, что они будутъ далеки отъ духа несогласія, непослушанія, противорѣчія, безнравственности, «духа ложнаго самолюбія и многовѣдѣнія». Затѣмъ всѣ послѣдовали въ городскую церковь на богослуженіе и вернулись въ восточный флигель сената, гдѣ ректоръ Мюрень произнесъ рѣчь на шведскомъ языкѣ о распространеніи и успѣхахъ народнаго просвѣщенія въ Финляндіи.—Въ тотъ же день графъ Ребиндеръ пригласилъ къ обѣду присутствовавшихъ военныхъ и гражданскихъ властей и профессоровъ ²¹⁶).

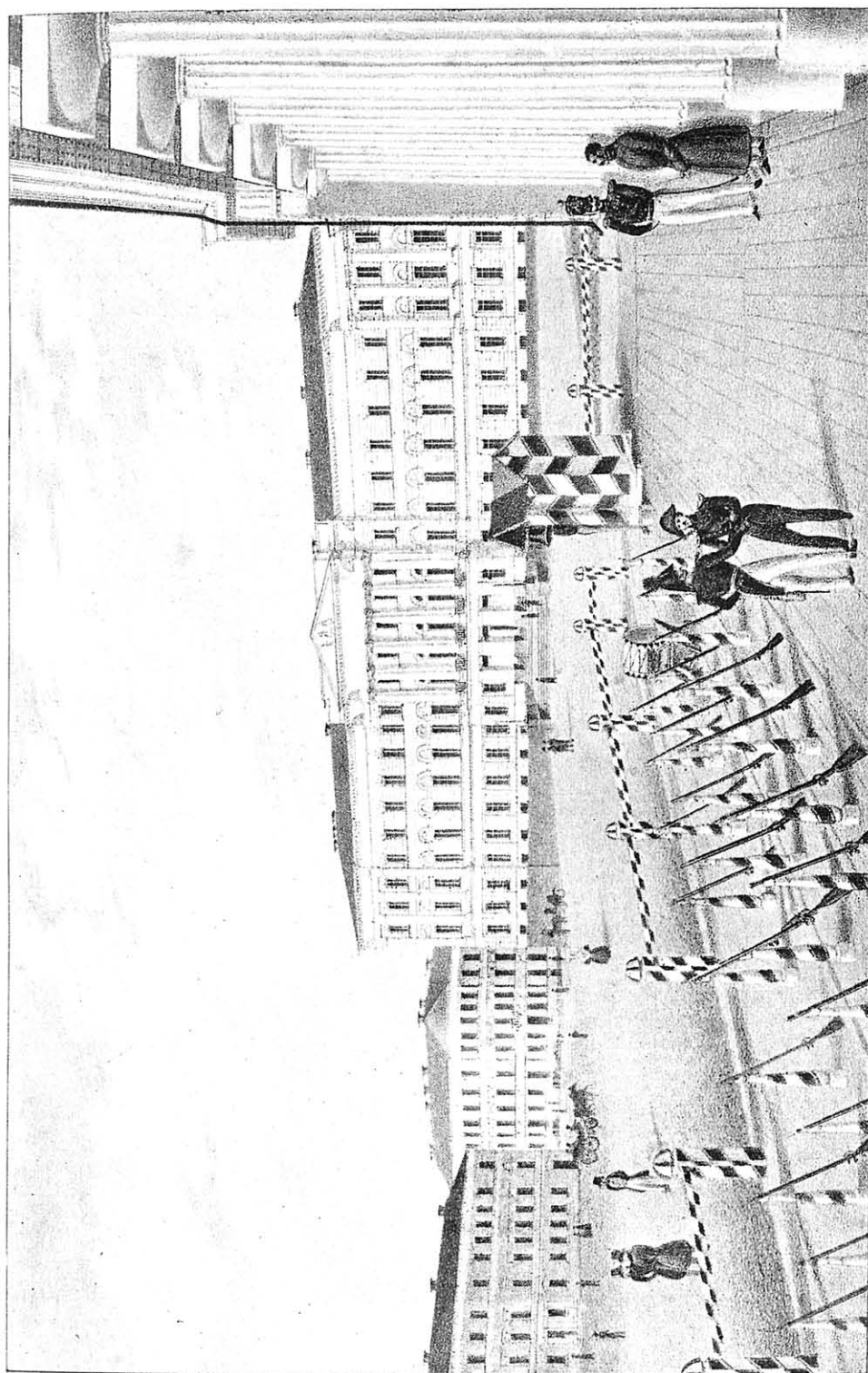
Занятія во временныхъ помѣщеніяхъ университета наладились, и потому свободнѣе можно было отнестись къ постройкѣ для него новаго зданія. Главное завѣдываніе дѣломъ перенесенія университета изъ Або въ Гельсингфорсъ возложено было на и. д. канцлера гр. Ребиндера. Опасаясь, что онъ одинъ не справится со столь сложнымъ и отвѣтственнымъ дѣломъ, графъ попросилъ объ учрежденіи, подъ его предсѣдательствомъ, комитета, въ составъ котораго вошли прокуроръ Валленъ, сенаторъ Фалькъ и ректоръ Хельстремъ. Вице-канцлеръ генералъ Теслевъ (до того времени командиръ 22 пѣх. дивизіи) нѣкоторое время оставался еще въ Або.

Прежде всего возникъ вопросъ о собственномъ домѣ для университета. Мѣсто для его постройки рескриптомъ отведено было на большой площади, противъ Сената, гдѣ, согласно строительному плану Гельсингфорса, предполагалось первоначально поставить домъ ген.-губернатора ²¹⁷).

Дѣло постройки поведено было съ рѣдкой энергіей. Чувствовалось, что дѣятельность гр. Ребиндера направлялась сильной волей Императора Николая I, не оставлявшаго университетъ, въ которомъ онъ ранѣе состоялъ Канцлеромъ, безъ своего высокаго покровительства и отеческой заботливости.

Планъ зданія составленъ былъ талантливымъ архитекторомъ-художникомъ Энгелемъ. По первоначальной смѣтѣ постройка должна была обойтись въ 517.388 р.; да за мѣсто требовалось уплатить около 51.000 р. Милостивымъ рескриптомъ 9—21 октября 1827 г. Государь разрѣшилъ безпроцентный заемъ въ 500.000 р. ассигнац., съ уплатой его въ теченіи 10 лѣтъ. Первый проектъ К. Энгеля, по желанію Государя, подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Между прочимъ Монархъ приказалъ снять съ фасада свой вензель и замѣнить его вензелемъ Александра I. Смѣта была нѣсколько сокращена (до 451.000 р.).

«Графъ Ребиндеръ—сообщалъ баронъ Клинковстремъ А. А. Закревскому,—оставилъ насъ и наканунѣ своего отъѣзда изволилъ быть у меня на балѣ. Онъ представить на Высочайшее разрѣшеніе, долженъ ли фасадъ академіи быть равенъ сенатскому или различествовать отъ онаго. Распросивъ меня на сей счетъ, я изъяснилъ свое мнѣніе въ пользу равенства, соображаясь съ общою совокупностію строеній, кои будутъ находиться на площади, гдѣ построятся также церковь. Если бы мнѣ позволено было изложить свое мнѣніе, въ дѣлѣ до меня не касающемся и о которомъ я сообщаю, только по откровенности вашему превосходительству, то я сказалъ бы, что новое зданіе слишкомъ велико и слишкомъ дорого для потребностей нашего необширнаго края; мнѣ кажется, что комнаты вообще, за исключеніемъ большой залы, могли бы имѣть меньшій размѣръ, что уменьшило бы также издержки. Дерптскій и Московскій университеты не великолѣпнѣе и не обширнѣе упомянутаго проекта, который надобно будетъ не только исполнить, но и поддерживать. Сдѣлайте милость не обвиняйте меня въ тщеславіи и не говорите никому, что я осмѣлился имѣть даже мысль о семъ предметѣ».—заключилъ старчески болтливый баронъ.

Александровскій Университетъ въ г. Гельсінгфорсѣ. 1838 г.

Въ мартѣ 1828 г. состоялось утвержденіе чертежей и начались работы ²¹⁸).

Штатъ доходовъ университета, въ силу старыхъ шведскихъ постановленій, слагался весьма оригинально.—Онъ пользовался таможеннымъ сборомъ съ дровъ, досокъ, смолы и дегтя, вывозимыхъ изъ края. Это право положено было сохранить до 1868 г. Ему выдавали болѣе двухъ тысячъ бочекъ хлѣба, подъ названіемъ мельничнаго оброка; послѣ 1828 г., его замѣнили отпускомъ хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ; въ распоряженіи университета находились «пребендные гейматы», которые были замѣнены казенными гейматами, находившимися около гор. Гельсингфорса; университетъ получалъ еще «мантальныя деньги», поземельный оброкъ съ шести «бенефиционныхъ пасторовъ или аннексъ» и т. п. ²¹⁹). Послѣ пожара, все это было отобрано и замѣнено соотвѣтствующимъ вознагражденіемъ отъ казны. Кромѣ того, университетъ давно уже пользовался правомъ сбора доходовъ съ вакантныхъ мѣстъ главныхъ пасторовъ въ новой Финляндіи и въ Выборгской губерніи. 1 мая 1827 г. право это прекратилось; но въ виду того, что университетъ пострадалъ отъ пожара, гр. Ребиндеръ испросилъ Высочайшее соизволеніе на продленіе этой льготы еще на 30 лѣтъ ²²⁰). Затѣмъ университету передали сбереженія, сохранившіяся въ строительномъ фондѣ г. Гельсингфорса (185.000 р.). Наконецъ, зданіе университета въ Або, насколько оно послѣ пожара могло быть использовано, университетская клиника и пр. предписало было взять въ вѣдѣніе Сената, съ выдачей за нихъ соотвѣтственнаго вознагражденія ²²¹).

Въ частной, весьма значительной, перепискѣ гр. Ребиндера съ Закревскимъ за эти годы обсуждались самыя разнообразныя подробности строительныхъ вопросовъ. Сложное дѣло требовало большого вниманія и не могло, конечно, обойтись безъ разныхъ осложненій. Попутно не мало хлопотъ причинили администраціи корыстныя стремленія гельсингфорскихъ домовладѣльцевъ.

19 ноября 1827 г. Закревскій писалъ Ребиндеру: «Въ теченіе четырехъ лѣтъ я имѣлъ случай познакомиться съ характеромъ гельсингфорскихъ гражданъ и удостовѣриться, что корыстолюбіе и интересъ управляютъ единственно всѣми ихъ дѣйствіями, а потому я не былъ слишкомъ удивленъ ихъ поведеніемъ, касательно возвышенія цѣнъ на квартиры, и по сему поводу писалъ къ ландс-

гевдингу, чтобы онъ имѣлъ особенное наблюденіе, дабы цѣны сіи удерживались въ прежнемъ положеніи».

По поводу этой алчности, Ребиндеръ отвѣтилъ Закревскому: «По пріѣздѣ моемъ сюда (въ Гельсингфорсъ), узналъ я, что лишь только рѣшеніе касательно перемѣщенія университета сдѣлалось извѣстнымъ, то граждане, владѣльцы домовъ, только и толковали о возвышеніи цѣнъ на квартиры. Одинъ изъ богатѣйшихъ купцовъ потребовалъ безразсудную цѣну за нѣсколько комнатъ и двое профессоровъ, пріѣхавшіе изъ Або для отысканія квартиръ, были такъ озадачены этимъ, что отправились опять обратно, не исполнивъ намѣренія своего. Я находилъ поступокъ сей вовсе невеликодушнымъ, чтобы не сказать болѣе, особенно со стороны людей, коимъ представлялись всѣ выгоды относительно тѣхъ, кои все потеряли.

«Вслѣдствіе сего, позволилъ я себѣ сказать одному изъ бургомистровъ, пришедшихъ ко мнѣ, что если будутъ увеличивать цѣны на квартиры выше всякой справедливости и до той степени, что студенты будутъ въ затрудненіи касательно отысканія себѣ оныхъ, то канцлеръ университета почтетъ себя принужденнымъ жаловаться генералъ-губернатору и что его превосходительство слишкомъ справедливъ, чтобы не привести этого въ должный порядокъ. Слова сіи произвели свое дѣйствіе, ибо послѣ сего перестали говорить о повышеніи цѣнъ на дома».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Ребиндеръ удостовѣрялъ: «Здѣсь и во всемъ краѣ вообще все тихо, и вездѣ, кажется, жители счастливы и довольны» ²²²).

Въ письмѣ къ І. Ф. Аминову профес. Фаттенборгъ также касается вопроса о цѣнахъ на квартиры и говоритъ: «Таково большинство изъ нашихъ соотечественниковъ: одинъ радуется несчастію другого и корыстолюбіе гложетъ всѣхъ» ²²³).

25 декабря 1827 года Закревскій вынужденъ былъ написать письмо очень опредѣленнаго содержанія гельсингфорскому бургомистру. «Графъ Ребиндеръ сообщилъ мнѣ, что коль скоро рѣшеніе касательно персевода университета въ Гельсингфорсъ сдѣлалось извѣстнымъ, то граждане, владѣльцы домовъ, тотчасъ начали помышлять о возвышеніи цѣнъ на наемъ оныхъ и нѣкоторые уже запрашивали невѣроятныя суммы за весьма посредственныя квартиры. Сей поступокъ гельсингфорскихъ гражданъ служить новымъ доказательствомъ ихъ особеннаго корыстолюбія, ибо они поступаютъ

такимъ образомъ относительно своихъ соотечественниковъ, лишившихся всего состоянія. Вслѣдствіе сего, прошу ваше превосходительство принять всѣ зависящія отъ васъ мѣры для удержанія цѣнъ на наемъ домовъ въ справедливыхъ границахъ, дабы профессора и студенты, по прибытіи ихъ, не встрѣтили особыхъ затрудненій въ семъ отношеніи. Въ противномъ же случаѣ, и если вы не будете имѣть надлежащаго успѣха, то прошу немедленно меня о томъ увѣдомить, и я по долгу званія своего приму такія мѣры, кои, надѣюсь, будутъ дѣйствительны. Вы объявите это жителямъ сего города, но предупреждаю также, что все, что будетъ упущено по сему предмету, останется на личной отвѣтственности вашего превосходительства».

Письмо повліяло. Въ отвѣтѣ Густава Эрна значится: «Такъ какъ слухъ разнесся, что хозяева домовъ города Гельсингфорса намѣревались возвысить цѣны на наемъ ихъ, по случаю перевода Александровскаго университета, то я предписалъ, чтобы вышеупомянутые хозяева находились бы въ ратушѣ 26 ноября (8 декабря), дабы сдѣлать имъ разныя усовѣщеванія, должныя въ семъ случаѣ, а сколь таковой поступокъ будетъ постыденъ противъ своихъ одноземцевъ, которые претерпѣли потерю всего своего имущества, по случаю ужаснаго пожара. Сія мѣры были мною предприняты за два дня, 24 ноября—6 декабря, до того, какъ я имѣлъ честь получить отъ вашего превосходительства письмо. Къ удовлетворенію моему, все собраніе дало мнѣ обѣщаніе, чтобы я былъ совершенно покоенъ и что никто изъ нихъ не возвыситъ цѣны противъ прежнихъ временъ. Смѣло могу увѣрить, что цѣны на наймы не увеличатся, по случаю пріѣзда профессоровъ и студентовъ Александровскаго университета. Напротивъ, многіе студенты въ первое время нашли даже даровыя помѣщенія въ частныхъ квартирахъ».

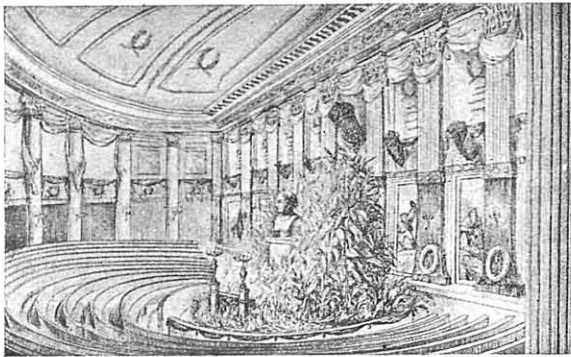
Желая облегчить участь тѣхъ, которые вынуждены были переселиться, генераль-губернаторъ не ограничился перепиской

Архитекторъ К. Л. Энгель.

съ бургомистромъ. По докладу А. Закревскаго, 9—21 декабря 1829 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе раздавать участки, ближайшіе къ мѣсту, назначенному для зданія университета, тѣмъ изъ членовъ университета, которые, по переселенію изъ Або въ Гельсингфорсъ, пожелаютъ построить для себя собственные дома. А нѣсколько ранѣе, всѣмъ служащимъ при университетѣ быть выданъ годовой окладъ, въ видѣ пособія на переѣздъ.

Прошло три года и Гельсингфорсъ украсился новымъ зданіемъ университета. Задуманное К. Л. Энгелемъ зданіе было возведено въ простомъ, но изящно величественномъ стилѣ ренесанса, съ обширнымъ вестибюлемъ, украшеннымъ дорическими колоннами, и съ прекрасной полукруглой актовой залой со скамьями, распо-

Актовый залъ гельсингфорскаго университета, кафедра
и бюстъ Александра I.

ложенными амфитеатромъ. Въ новомъ созданіи талантливаго К. Энгеля еще разъ проявлено было благородное и скромное величіе архитектуры.

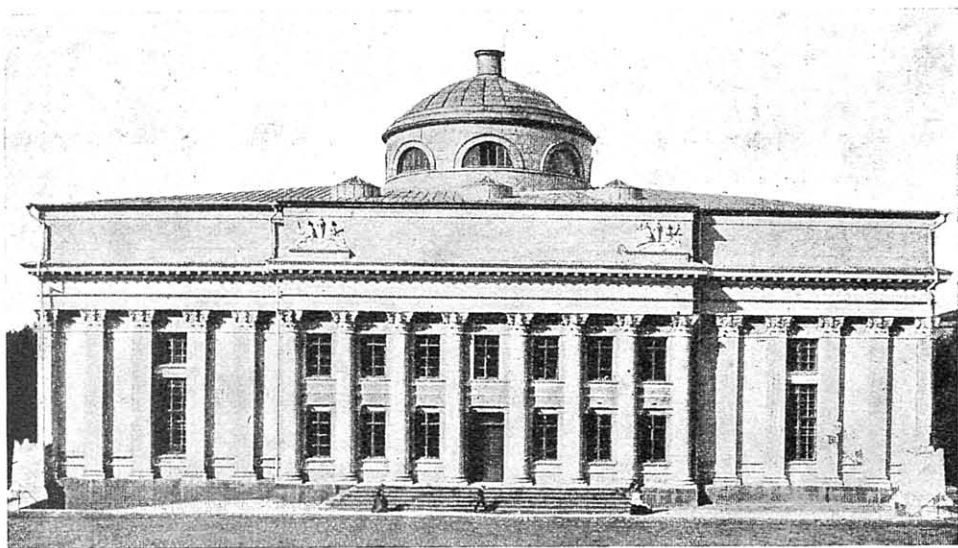
Вслѣдъ за главнымъ зданіемъ, возникли другія необходимыя для университета постройки: астрономическая обсерваторія, съ которой открывается привлекательный видъ на

Финскій заливъ, изящное зданіе библіотеки, анатомическій кабинетъ, обширная лабораторія, оранжереи ботаническаго сада и др., которыя вмѣстѣ обошлись болѣе милліона рублей (4½ милл. мар.).

Все цѣнное, что уцѣлѣло въ Або отъ огня, было перевезено въ Гельсингфорсъ. Спасены были: большой бронзовый бюстъ Александра I работы Жана Марто, подаренный университету гр. Н. Румянцевымъ, старинная кафедра, массивныя двери актовой залы, нѣсколько портретовъ и красная мантия ректора, а главное—серебряный ларецъ, заключающій въ себѣ грамоту объ учрежденіи университета.—«Даже эти памятные предметы не оставили старому Або», вздыхали горожане, видя, какъ Гельсингфорсъ завладѣвалъ вѣковымъ наслѣдствомъ разжалованнаго изъ «столицы» инвалида.

Новому университету съ разныхъ сторонъ усердно приносились богатые дары, для пополненія библіотеки и ученыхъ коллек-

цій ²²⁴). Николай Павловичъ прислалъ въ даръ большую медицинскую библіотеку (I. v. Rehman'a), содержавшую 2800 томовъ и въ 1836 г.—часть библіотеки графа фонъ-Сухтелена. Свою признательность университетъ выразилъ благодарственнымъ адресомъ. Наслѣдникъ Престола подарилъ экземпляръ *Daktyliothek*—дактиліотеку Липперта съ 3.000 снимковъ и оттисковъ съ антиковъ; Великая Княгиня Марія Николаевна пожертвовала медаль (черты лица герцога Лейхтенбергскаго) работы гр. Толстого. Сальбергъ привезъ научную коллекцію изъ Бразиліи. Докторъ Иванъ Хеннингъ по-

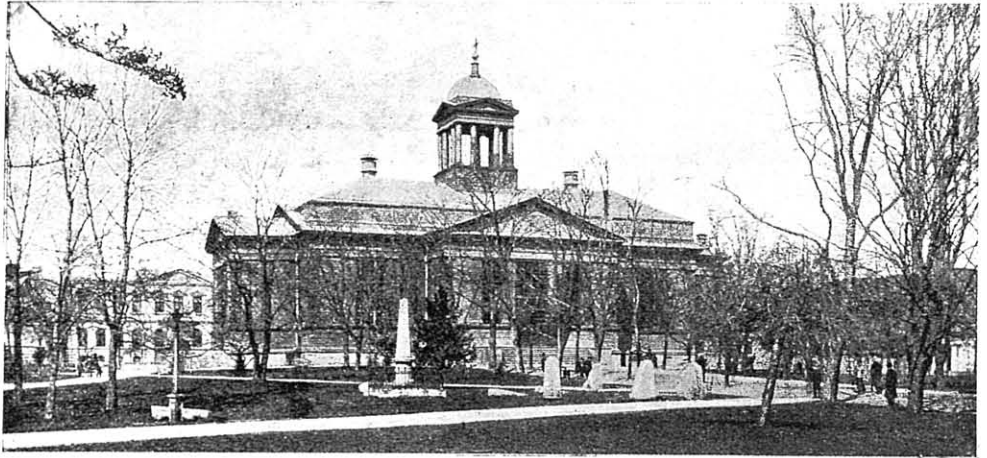
Видъ университетской библіотеки въ г. Гельсингфорсѣ.

жертвовалъ университету свою библіотеку. Ревельскій купецъ Г. Ф. Беннингъ прислалъ почти 2 тысячи монетъ и медалей (въ 1833 г.). Крестьянинъ одного финляндскаго прихода выслалъ 50 бочекъ ржи. И т. д.

Въ 1829 г. разрѣшено было произвести подписку въ пользу университетской библіотеки. Отозвались учебныя заведенія и частныя лица. Наиболѣе щедрый даръ былъ полученъ изъ Дерпта, который выслалъ 3500 томовъ. Рижскій книгопродавецъ (Гартманъ) выслалъ книгъ на 5.337 р. с. Уже въ 1836 г. университетъ имѣлъ 40.000 книгъ.

Профессору Соловьеву, въ теченіе 5 лѣтъ, выдавали по 3 тыс. рублей ассигнаціями на собираніе скандинавскихъ источниковъ по исторіи Россіи и Финляндіи ²²⁵).

Въ концѣ 1831 года новое зданіе было передано университету, а вскорѣ,—по выраженію мѣстнаго оратора,—«финскія музы, при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, могли вступитъ въ свой новый прекрасный храмъ». Это онѣ и сдѣлали 7—19 іюня 1832 г., когда состоялось освященіе университетскаго зданія. Освященіе явилось національнымъ торжествомъ, зарей новаго времени въ области просвѣщенія и образованія края. Вспоминали о бывшемъ несчастіи, а быстро происшедшая перемѣна казалась почти волшебной: въ пять лѣтъ изъ пепла, подобно Фениксу, возникло зданіе, превзошедшее своимъ великолѣпіемъ прежнее.

Старая лютеранская церковь Гельсингфорса.

Освященіе университета происходило по принятому въ краѣ обычаю. Ректоръ Хельстремъ издалъ на латинскомъ языкѣ *in folio* пригласительный актъ-программу. Къ назначенному часу актовъ залъ наполнился представителями всѣхъ классовъ и сословій. На каѳедру вошелъ профессоръ краснорѣчія Іоганъ Габріэль Линсѣнъ—непремѣнный ораторъ всѣхъ торжественныхъ собраній. Тепло и торжественно на шведскомъ языкѣ говорилъ онъ о сродствѣ финскаго народа съ человѣчествомъ. Онъ хвалилъ благотворное вліяніе скандинавской культуры на финновъ. Съ гордостью онъ отмѣтилъ значеніе финскаго экономическаго общества и только-что основаннаго финскаго литературнаго союза.

Послѣ Линсѣна говорилъ профессоръ русской литературы Соловьевъ. На русскомъ языкѣ онъ произнесъ рѣчь о литературныхъ совершенствахъ нашего государственнаго языка. «Тогда,

и еще долго впослѣдствіи,—писалъ Авг. Шауманъ,—считалось необходимымъ произносить русскую рѣчь при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ въ университетѣ». На финскомъ языкѣ въ университетѣ долго еще не говорили.

Хоръ исполнилъ новую кантату и всѣ въ торжественной процессіи отправились въ старую шведскую церковь, гдѣ пробѣжать произнесъ проповѣдь объ Иисусѣ, какъ о первомъ учителѣ. Когда собраніе загло псаломъ «Тебе Бога хвалимъ», загремѣли орудія, поставленныя въ Брунспаркѣ, на Ульрикасборгской скалѣ и торжество освященія было закончено.

Новый вице-канцлеръ, А. П. Теслевъ, отъ имени университета, далъ обѣдъ; по обычаю времени, тосты сопровождались пушечными выстрѣлами ²²⁶).

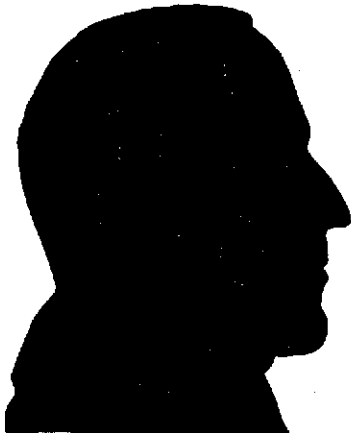
Государь, поздравляя Императорскій Александровскій университетъ, выразилъ желаніе, чтобы въ новый періодъ своего существованія онъ «обогатился людьми, достойными носить имя вѣрныхъ финновъ, усердныхъ слугъ Престола и Отечества» ²²⁷).

Юганъ Габріэль Линдѣнъ.

Истолкователемъ «всеобщаго голоса вѣрноподданнической благодарности» выступила консисторія университета. Всеавгустѣйшему Монарху представили обширный адресъ, въ которомъ значилось, что университетъ «истинно отеческими попеченіями и могущественною десницею Его Императорскаго Величества» послѣ пожара вызванъ изъ пепла и развалинъ съ неимовѣрною поспѣшностью; что университетъ носить безсмертное имя Александра Благословеннаго и явится для многихъ грядущихъ вѣковъ святилищемъ истиннаго страха Божія, ученаго просвѣщенія и чистой нравственности. Прося Государя принять выраженіе глубочайшихъ чувствъ вѣрноподданническаго благодаренія и преданности, консисторія прибавляетъ: «Исторія и потомство должны воздвигнуть Вашему Императорскому Величеству памятникъ, достойный безсмертныхъ и неисчислимыхъ благодѣяній, оказанныхъ нашему высшему отечественному святилищу наукъ». Всѣ члены консисторіи подписали свои имена по-русски ²²⁸).

Вообще университетъ края за время русскаго владычества сталъ замѣтно процвѣтать. Первое столѣтіе своего существованія онъ находился въ весьма бѣдственномъ положеніи, вслѣдствіе того, что шведская казна иногда не только ничего не отпускала на библіотеку и ученыя коллекціи, но даже профессора по цѣлымъ годамъ оставались безъ жалованья. Въ 1802 г. было заложено основаніе новаго каменнаго зданія для университета въ Або. Свѣтлая же эпоха университета началась со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи, когда Александръ I, отпустивъ значительныя суммы, повелѣлъ расширить строившееся зданіе, пополнить разныя научныя собранія и удвоить штатъ наставниковъ ²²⁹).

Проф. Хельстрёмъ.

Съ временемъ перемѣщенія университета въ Гельсингфорсъ, совпала замѣна его старинной «конституціи» новымъ уставомъ 1828 г. Первоначальный проектъ его былъ составленъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ въ основу его положили упсальскія конституціи. Пересмотръ устава произведенъ былъ въ Петербургѣ особой комиссіей, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, свѣтлѣйшаго князя К. Ливена ²³⁰).

Университету указана была двоякая цѣль: содѣйствовать успѣхамъ «наукъ и искусствъ» въ Финляндіи и «образовать финляндское юношество для службы Государю и Отечеству».

Въ научномъ отношеніи онъ раздѣленъ на четыре факультета: богословскій, юридическій, медицинскій и философскій съ отдѣленіями историко-филологическимъ и физико-математическимъ.

При поступленіи студентовъ, у нихъ никто не спрашиваетъ, къ какому факультету они намѣрены причислиться. «Раздѣленія по факультетамъ (равно какъ и курсовъ) у насъ вовсе нѣтъ для студентовъ, еще не имѣющихъ никакой ученой степени», писалъ Я. К. Гротъ. Всякій слушаетъ какихъ профессоровъ угодно и готовится къ какому экзамену пожелаетъ. Сегодня онъ философъ, а завтра, никому не говоря, можетъ сдѣлаться юристомъ ²³¹).

Во главѣ управленія университета стоялъ Канцлеръ, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся распорядительная власть; онъ же докладывалъ всѣ дѣла университета Монарху.

На ректора уставъ 1828 г. возлагалъ дисциплинарный надзоръ за студентами, профессорами и другими служащими при университетѣ и председательствованіе въ коллегіальныхъ органахъ.

Ректоръ избирался консисторіей на три года. Вице-канцлеръ «сколько отъ него зависитъ, — начерталъ Александръ II въ бытность свою канцлеромъ, — внушаетъ какъ преподавателямъ, такъ и студентамъ, что будучи хорошими финляндцами, они никогда не должны забывать, что они въ то же время суть подданные Императора Всероссийскаго» ²³²).

Смѣна ректора была обставлена церемоніей. Я. К. Гротъ даетъ слѣдующее ея описа-

ніе: Препжній, Лагусъ, сказалъ предлинную латинскую рѣчь; потомъ новый возшелъ на кафедру и принялъ отъ него законы, Библію, ключи, мантию и поздравленіе съ рукопожатіемъ. Все это соединено съ церемоніями, довольно странными въ наше время, но исполненными почтенной важности. Послѣ рѣчи и молитвы всѣ отправились процессією въ лютеранскую церковь» ²³³).

Студенты издавна группировались по областямъ Финляндіи въ такъ-называемыя «націи» (землячества), получившія въ 1828 г.

Наслѣдникъ Цесаревичъ Вел. Кн. Александръ Николаевичъ
Августѣйшій Канцлеръ университета.

официальное наименованіе отдѣленій (afdelning). Но въ этомъ дѣленіи усмотрѣна была политическая окраска и по уставу 1852 г. ихъ стали распредѣлять по факультетамъ.

Въ 1826 г. въ университетъ былъ опредѣленъ преподаватель русскаго языка и установлена первая стипендія для изучающихъ этотъ языкъ въ Москвѣ. «Изученіе Россійскаго языка со дня на день,—писалъ впослѣдствіи Ребиндеръ,—становится болѣе необходимымъ для финляндскаго юношества».

Судъ при университетѣ творился консисторіей и «комиссіей надзора за благочиніемъ и ученіемъ». Гражданская юрисдикція сосредоточивалась въ особомъ судѣ, состоявшемъ изъ 5 профессоровъ.

Университету предоставлено было содержать свою типографію, издавать катехизисы, книги духовныхъ пѣсней на финскомъ языкѣ и календари. Библіотека его получала по одному экземпляру всѣхъ выходившихъ въ Россіи сочиненій.

Факультеты возводили въ ученые степени магистра и доктора, но, кромѣ того, съ древнихъ временъ сохранился обрядъ промоціи, обставленный большою торжественностью. Промоція происходила каждые три года. Въ день торжества совершалось шествіе въ актовъ залъ университета. Въ шествіи участвовалъ ректоръ, облаченный въ пурпуровую мантию. Одинъ изъ профессоровъ (промоторъ), взоидя на «парнасъ» (каеэдру) произносилъ рѣчь. Затѣмъ задавался магистерскій вопросъ, на который отвѣчалъ Primus изъ магистровъ. Послѣ того промоторъ возлагалъ на магистровъ лавровый вѣнокъ и вручалъ каждому золотое кольцо; докторамъ давалась шляпа, обшитая шелкомъ. Первымъ надѣвалъ шляпу промоторъ, его примѣру слѣдовали другіе доктора. Ultimus докторовъ благодарилъ всѣхъ особой рѣчью. Играла музыка и производились пушечные выстрѣлы. Вѣнки для магистровъ изготовлялись наканунѣ избранными ими дѣвицами. Праздникъ заканчивался банкетомъ и баломъ. На эти промоціи, являвшіяся своего рода національными празднествами, съѣзжались родственники магистровъ и докторовъ со всѣхъ концовъ Финляндіи.

Большинство выдающихся финляндскихъ профессоровъ и многіе молодые ученые, съ цѣлью расширенія круга познаній, какъ указалъ Як. Гротъ побывали заграницей, но въ 1849 г. въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, подобныя поѣздки были воспрещены.

«Всѣ наши профессора—люди съ большимъ достоинствомъ» ²³⁴), аттестоваль Гротъ своихъ университетскихъ коллегъ.

Изъ профессоровъ этого періода едва-ли не наибольшую известность прибрѣлъ астрономъ Аргеландеръ. Онъ пріѣхалъ изъ Пруссіи. При университетѣ состоялъ съ 1828 по 1837 г. Приглашенный въ Боннскій университетъ, онъ покинулъ Гельсингфорсъ, награжденный русскимъ орденомъ.

Извѣстность иного рода прибрѣлъ проф. Авцеліусъ, и такъ какъ его дѣло возбудило въ Финляндіи много толковъ, то пред-

Сенатъ въ Гельсингфорсѣ.

ставимъ его по тѣмъ, частью неопубликованнымъ, первоисточникамъ, которые намъ удалось обнаружить.

Группа профессоровъ провожала Израэля Вассера, уѣзжавшаго въ Стокгольмъ. Ему поднесли серебряную вазу съ латинской надписью изъ Горація: «Онъ покидаетъ сію землю, чтобы перенестись въ страну свѣта». Бдительное начальство Николаевского времени замѣтило двусмысленную надпись и принялось за розыски. Наибольшее рвеніе при этомъ проявилъ гр. Ребиндеръ: онъ узналъ всѣхъ участниковъ, досталъ копію съ прощальной рѣчи Вассера и обо всемъ исправно отапортовалъ генераль-губернатору Закревскому, въ письмѣ отъ 17—29 іюня 1830 г. Перечисливъ участниковъ

подписки на вазу и отстаивая попутно их благонамѣренность, гр. Ребиндеръ продолжаетъ: «Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что подпись сія имѣетъ двоякій смыслъ, и если не хотѣли именно выразить въ ней ничего дурного, то они были виноваты въ большой безразсудности при употребленіи подобнаго двусмыслія... Впрочемъ, я не нахожусь въ возможности объяснить, какъ господа сіи и прочіе могли до того забыть, ибо я сего не понимаю. Полагаю, что г. Авцеліусъ былъ главнымъ возбудителемъ всего происшедшаго... Хотя лукавый сей человѣкъ умѣлъ себя отстранить, однако достовѣрно, что самый этотъ Авцеліусъ давалъ одинъ изъ сихъ прощальныхъ обѣдовъ, на которыхъ произносили рѣчи, нелѣпости и тосты». Гр. Ребиндеръ, пересылая рѣчь Вассера, проситъ Закревскаго не показывать ее, чтобы по почерку не узнали агента.

А. А. Закревскій согласился съ мнѣніемъ Ребиндера, что участники въ подпискѣ на подарокъ люди умные и съ достоинствами, «но тѣмъ непростительнѣе для нихъ таковой поступокъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противный видамъ правительства, и тѣмъ соблазнительнѣе для молодыхъ людей примѣръ, ими поданный. Трудно повѣрить, чтобы они не имѣли какой-либо посторонней причины, кромѣ изъявленія благодарности, и чтобы не постигали явной двусмысленности надписи». Закревскій проситъ сообщить ему имена сенатскихъ чиновниковъ, подписавшихся на подарокъ, и прибавляетъ: «Насчетъ г. Авцеліуса надобно принять какія-либо рѣшительныя мѣры: или удалить его изъ края, или отнять у него возможность вредить вліяніемъ своимъ на молодежь» ²³⁵).

Авцеліусъ шведскій уроженецъ, но, переѣхавъ въ Финляндію, присягнувъ на русское вѣрноподданство. Какъ докторъ правъ, онъ въ 1818 г. получилъ кафедру въ Абоскомъ университетѣ. За вредное вліяніе на студентовъ и профессоровъ онъ былъ уволенъ, въ 1822 г. съ пенсіей въ 3.000 р., но съ тѣмъ, чтобы онъ покинулъ Финляндію. Подъ предлогомъ слабаго здоровья, онъ остался. Въ его удаленіи изъ университета главную роль сыгралъ вице-канцлеръ гр. І. Ф. Аминовъ ²³⁶), которому усердно содѣйствовалъ гр. Ребиндеръ ²³⁷). Ребиндеръ признавалъ Авцеліуса за человѣка талантливаго и полезнаго, если руководить имъ твердой рукой; но въ то же время видѣлъ въ немъ личность ненадежную, двойственную, склонную къ интригамъ, труса и искателя счастья. Увольненіе его должно было, по мнѣнію графа, внести успокоеніе

въ академическую республику. Авцеліуса считали человекомъ способнымъ на всякій поступокъ. Онъ побуждалъ разныхъ лицъ къ тяжбамъ и помогалъ обѣимъ сторонамъ. Онъ принялъ участіе въ спорахъ донаціонныхъ крестьянъ. Онъ обманулъ публику подпиской на какую то книгу. Начался Польскій мятежъ. А. Закревскій, внимательно слѣдя на неблагонадежными, видимо, воспользовался проводами Вассера и словесно доложилъ Государю объ отставномъ профессорѣ Авцеліусѣ. Первоначально положено было отправить его къ Австрійской границѣ, но затѣмъ передумали и послали его въ Вятку, гдѣ онъ состоялъ подъ надзоромъ полиціи ²³⁸). Жена и дѣти оставались сперва въ Финляндіи, но затѣмъ переѣхали въ Стокгольмъ.

Въ Вяткѣ Авцеліусъ жилъ тихо, и потому мѣстное начальство хлопотало объ его освобожденіи. Имѣлось въ виду водворить его въ Кексгольмѣ, но поселили (въ 1835 г.) въ Вильманstrandѣ, гдѣ не опасались его вліянія на жителей, состоявшихъ преимущественно изъ купцовъ и низшихъ сословій. Въ Вильманstrandѣ онъ находился подъ наблюденіемъ Выборгскаго губернатора гр. Маннергейма, который читалъ его письма и обо всемъ доносилъ кн. Меншикову. Изъ Вятки и изъ Вильманstrandа Авцеліусъ писалъ гр. Ребиндеру. Въ первомъ письмѣ онъ просилъ графа заступиться за него передъ Закревскимъ, жалуясь на то, что его держали среди преступниковъ, подымавшихъ оружіе противъ Коронованной Особы. Польскіе повстанцы,—писалъ Авцеліусъ,—знали свою вину; онъ же, профессоръ, находился въ ссылкѣ, и никто ему не объявилъ, въ чемъ онъ провинился. Изъ нѣмецкой энциклопедіи онъ вычиталъ, что осужденъ за свои политическія воззрѣнія. Авцеліусъ просилъ предать его финляндскому суду (окт. 1831 г.). Во второмъ письмѣ онъ изложилъ свою печальную судьбу и свои воззрѣнія на Монарха (1835 г.).

По просьбѣ Авцеліуса, ему разрѣшено было поселиться въ г. Венденѣ, Лифляндской губерніи. Здѣсь, въ 1838 г., онъ обратился съ обширнымъ письмомъ къ д. т. с. гр. Сиверсу, указывая на свое печальное положеніе. Оказывается, что жена его умерла, а дочь, похоронивъ мать, пѣшкомъ, черезъ ледъ залива, пришла обратно въ Финляндію изъ Стокгольма, причемъ ледъ четыре раза разламывался подъ ея ногами. Велъ себя Авцеліусъ въ это время безукоризненно, приобрѣтя въ Венденѣ «всеобщее уваженіе и искреннее состраданіе», почему гр. Сиверсъ (1839 г.) горячо под-

нялся на защиту «безвиннаго страдальца», прося объ его освобожденіи. Онъ просилъ также о дарованіи средствъ на возвращеніе остальныхъ его дѣтей изъ Швеціи. Авцеліусу разрѣшили, по его усмотрѣнію, поселиться въ любомъ мѣстѣ Остзейскаго края ²³⁹). Въ послѣдніе годы своей жизни онъ переписывался съ академикомъ Шегреномъ. Умеръ въ 1850 г., 70 лѣтъ.

Въ осенній семестръ 1828 г. число студентовъ, какъ значилось въ печатномъ спискѣ, не превышало 339. Въ слѣдующія затѣмъ тридцать лѣтъ оно возросло всего только на тридцать человекъ, такъ какъ въ осенній семестръ 1858 г. равнялось лишь 369 ²⁴⁰).

Жизнь въ студенческой средѣ абоскаго періода носила на себѣ еще замѣтные слѣды грубости нравовъ и своеволія, закрѣпившіеся старинными традиціями. Пьянство и драки между студентами были обычными явленіями.

Въ первое время по перенесеніи университета въ Гельсингфорсъ, среди студенческой корпораціи жили еще старинные сословные предразсудки и прежняя спѣсь, которая всегда пышно развивалась въ маленькихъ университетскихъ городахъ. Драки и организованныя стычки съ мастеровыми и рабочими также составляли въ началѣ нерѣдкое вечернее развлеченіе гельсингфорсскихъ студентовъ. Ссоры и пререканія въ трактирахъ и кондитерскихъ, на улицахъ и въ театрѣ, на пикникахъ и публичныхъ балахъ, между студентами и военными, приказчиками, полицейскими и др. причиняли не мало заботъ ректору *magnifikus*'у и другимъ университетскимъ властямъ ²⁴¹).

Національное чувство не достигло еще той степени развитія, чтобы вызвать болѣе высокій подъемъ среди академической молодежи. Лишь изъ Эстерботническаго отдѣленія изрѣдка слышались намеки на просыпавшееся національное самосознаніе.

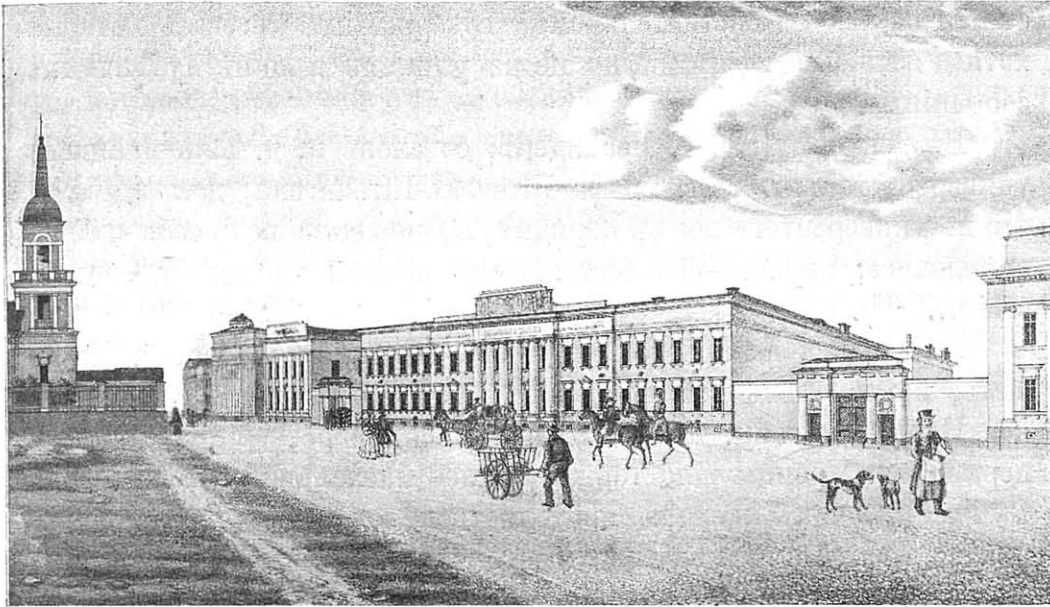
Студенты еще въ Або получили мундиры: синій фракъ съ золочеными пуговицами и стоячимъ высокимъ застегнутымъ воротникомъ, украшеннымъ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ; добавьте къ этому шпагу и трехуголку и передъ вами студентъ во всей своей красѣ. Къ 1832 г. вышло разрѣшеніе носить рабочій сюртукъ или виць-мундиръ. Традиціонная лира на фуражкѣ существовала и тогда, но по своимъ размѣрамъ она превосходила нынѣшнюю.

Мундиры имѣли также и магистры, съ расшитыми золотомъ воротниками; короткіе, доходившіе до колѣнъ, брюки, шелковые

чулки и башмаки съ золотыми пряжками дополняли ихъ парадное одѣяніе.

Введеніе мундира считалось тогда необходимымъ, въ виду происходившихъ столкновений и вслѣдствіе вообще грубыхъ выходокъ, которыя позволяли себѣ тогдашніе студенты ²⁴²).

Университетская молодежь всегда требовала извѣстнаго призора и А. Закревскій, видимо, не спускалъ съ нея своего бдительнаго глаза. Изъ Петербурга онъ просилъ (въ 1827 г.), чтобы ему давали свѣдѣнія о высылаемыхъ студентахъ; а ландс-

Школа кантонистовъ, нынѣ военный госпиталь, и церковь Св. Троицы.

гевдингу предписывалъ имѣть за ними особый надзоръ. Въ маѣ 1827 г. гр. Ребиндеръ отправился въ Або, и А. Закревскій опять интересуется поведеніемъ студентовъ. Онъ писалъ жандармскому подполковнику Вульфверту, желая знать, «подѣйствуютъ ли на нихъ мѣры, за которыя онъ (гр. Ребиндеръ) возьмется, для прекращенія ихъ безпорядковъ». Рѣчь шла о какихъ-то пѣсняхъ, но Ив. Вульфвертъ утверждалъ, что «тѣ пѣсни и слова вовсе невинныя». Гр. Ребиндеръ потребовалъ сперва отъ губернатора и полиціймейстера свѣдѣній о поведеніи студентовъ и затѣмъ, собравъ консисторію, объявилъ строгое повелѣніе Государя усерднѣе наблюдать за ними, причемъ всякое пѣніе студентовъ на улицахъ и въ публичныхъ домахъ воспретилъ. Прежній канцлеръ университета гр. Аминовъ,

по мнѣнію Ив. Вульфберта, совсѣмъ даромъ получалъ ежегодно 6 тысячъ рублей ²⁴³).

У Закревскаго имѣлись какія-то особыя свѣдѣнія и потому въ слѣдующемъ письмѣ онъ коритъ Вульфберта за то, что тотъ «не донесъ всей сущей правды, ибо студенты пѣли всегда большими партіями». «Государь не любитъ шалуновъ», прибавляетъ Закревскій. Ив. Вульфбертъ проситъ извиненія у его превосходительства, признавая, что «дѣйствительно не сущую правду донесъ графу Ребиндеру на счетъ извѣстныхъ пѣсенъ». Все произошло отъ неполной его освѣдомленности. Только теперь Ив. Вульфбертъ узналъ отъ графа о дѣйствительномъ содержаніи пѣсенъ, которыя хотя и пѣлись студентами, но не на улицахъ и не въ публичныхъ собраніяхъ. ²⁴⁴).

Въ декабрѣ 1830 г. Ребиндеръ, со словъ и. д. вице-канцлера университета ген.-лейт. графа Штевентъ-Штейнгеля, докладывалъ, что въ университетѣ все въ порядкѣ, а юношество вело себя «добропорядочно»; короче—все состояло въ полной тишинѣ и спокойствіи... ²⁴⁵).

Но затѣмъ начинается рядъ студенческихъ шалостей. Впрочемъ, мартирологъ ихъ не великъ.

Ночью 19 апр. 1831 г. въ Гельсингфорсской православной церкви Св. Троицы шло торжественное пасхальное богослуженіе. Кучка рабочихъ желала протолкаться въ церковь. Жандармы ихъ не пропустили и задержали двоихъ. Одинъ изъ задержанныхъ оказался студентомъ. Товарищи стали ихъ выручать. Въ жандармовъ направлено было два камня, не причинившихъ имъ особаго вреда. Къ концу же богослуженія въ окно алтаря влетѣлъ небольшой камень. Таково донесеніе полк. Вульфберта ²⁴⁶). Виновника не удалось отыскать, несмотря на старанія полиціи и на то, что городъ назначилъ 500 р. награды за его открытіе. Не было, однако, сомнѣнія въ томъ, что выходка—дѣло рукъ студентовъ, которые тогда въ большомъ числѣ ежегодно ночью изъ любопытства собирались около церкви. Генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій, собравъ преподавателей и чиновниковъ, въ рѣзкихъ выраженіяхъ далъ имъ понять свое неудовольствіе ²⁴⁷). Графъ Ребиндеръ въ качествѣ и. д. канцлера поспѣшилъ изъ Петербурга, призвалъ къ себѣ ректора, а также инспекторовъ отдѣленій и заставилъ всѣхъ представителей университетской дисциплины выслушать самое грозное внушеніе. Онъ порицалъ слишкомъ мяг-

кое отношеніе ихъ къ студентамъ и предупредилъ, что въ случаѣ повторенія исторіи университетъ будетъ закрытъ, а профессорамъ прекратится выдача жалованья.

Въ то время, когда разслѣдованіе дѣла было въ полномъ ходу, гр. Канкринъ, 5 мая 1831 г., представилъ Государю краткую записку, въ которой собственноручно писалъ, что въ Гельсингфорсѣ, въ пасхальную ночь, произведены разныя неистовства у дверей греко-россійской церкви. Свѣдѣнія онъ почерпнулъ изъ письма, полученнаго изъ Або. Канкринъ прибавляетъ, что, вѣроятно, мѣстное начальство донесло объ этомъ, но онъ, графъ, считъ необходимымъ освѣдомить Государя «на всякій случай». Николай Павловичъ надписалъ карандашемъ: «Мнѣ уже извѣстно; но не столь важно, какъ мнѣ самому въ началѣ казалось. Негодованіе и страхъ отъ сего случая *былъ общій* и виноватые судятся по всей строгости законовъ въ Финляндіи, какъ на сей предметъ опредѣляютъ *смерть*. Закревскій съ тѣмъ ѣдетъ, чтобы видѣть, что дѣлается». ²⁴⁸).

Вскорѣ послѣ описаннаго эпизода случилась болѣе серьезная исторія, которую, однако, успѣли замять. При извѣстіи о вспыхнувшемъ въ Польшѣ возстаніи, въ одной кофейнѣ кто-то изъ молодыхъ университетскихъ преподавателей предложилъ «тостъ за поляковъ». Его заставили замолчать, но начальство узнало о случаѣ и успѣло даже довести его до свѣдѣнія Николая I, который готовъ былъ всѣхъ участниковъ сдать въ солдаты. Тосту дали, однако, выдуманное толкованіе, и дѣло прекратилось.

10—22 февраля 1834 г.,—значится въ дневникѣ Зах. Топеліуса,—150 человекъ студентовъ кричали: «vivat cancellarius» Теслеву, «vivat» Линсену и «pereat» Лагусу, собираясь толпою подъ окнами этихъ лицъ.

Осенью возобновились безпорядки, вслѣдствіе того, что консисторія не избрала Рунеберга адъюнктъ-профессоромъ греческой и римской литературы.

Очагомъ волненій являлось эстерботническое отдѣленіе. У этихъ «аэинянъ Финляндіи» кураторствовалъ Снельманъ.

Въ ноябрѣ 1834 г. полиціймейстеръ г. Гельсингфорса докладывалъ А. П. Теслеву о мелочныхъ недоразумѣніяхъ на клубномъ балѣ. ²⁴⁹).

Въ 1835 г. въ Гельсингфорскій университетъ просился студентъ Дерптскаго университета Лангель; но оказалось, что, находясь въ Дерптѣ, онъ принадлежалъ къ числу членовъ откры-

таго въ 1833 г. тайнаго общества Burschenschaft, и ему въ приѣмъ было отказано ²⁵⁰), тѣмъ болѣе, что, съ 1826 г., всѣмъ чинамъ университета воспрещено было принадлежать къ тайнымъ обществамъ и масонскимъ ложаамъ.

Когда начальникомъ края сдѣлался кн. Меншиковъ, университетъ былъ ему отрекомендованъ не особенно лестно. Финляндецъ-авторъ поданной князю записки—особенно недоволенъ нравственнымъ воспитаніемъ юношества; но онъ въ своей оцѣнкѣ излишне строгъ и даже несправедливъ. Поступивъ въ университетъ, юношество, по его мнѣнію, освобождается отъ всякаго надзора и посвящаетъ свое время «только шалостямъ и не позволительнымъ удовольствіямъ». «Студенты проводятъ въ университетѣ нѣсколько лѣтъ безъ всякой для нихъ пользы. Кое-какъ отдѣлавшись отъ академическихъ испытаній, они поступаютъ на службу, оскверняя ее своимъ поведеніемъ, своею негодностью и нечестностью. Къ сожалѣнію, сіи примѣры нерѣдки.» ²⁵¹).

Приѣзда Государя ожидали давно (1829 г.) и велаь уже оживленная переписка, вызванная возникшими многочисленными вопросами. А. Закревскій разъяснялъ недоразумѣнія своими резолюціями: триумфальныхъ воротъ не воздвигать; «Государь сего не любитъ»; относительно бала «въ свое время увѣдомлю» и т. д. ²⁵²).

Закревскій утвердилъ даже особыя «Правила къ руководству по гражданскому вѣдомству Финляндіи по случаю путешествія Его Императорскаго Величества въ оный край». Они составили отдѣльную брошюрку въ 10 печатныхъ страницъ. Въ ней говорилось о дорогахъ, станціяхъ, лошадяхъ, ночлегахъ, проводникахъ, о припасахъ для Императорскаго стола и т. п. ²⁵³).

31 іюля—11 авг. 1830 г. Государь выѣхалъ изъ Петербурга. Сопровождавшій его графъ А. Х. Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ говоритъ: «Мы отправились въ дрожкахъ, экипажѣ, въ какомъ Императоръ всегда ѣзжалъ по Финляндіи.

«За нѣсколько станцій до Выборга, дрожки сломались, и мы вынуждены были пересѣсть въ запасныя, менѣе покойныя и еще менѣе прочныя, чѣмъ первыя... Въ Выборгѣ мы остановились у православнаго собора, на паперти котораго ожидали Государя губернаторъ и всѣ власти. По осмотрѣ имъ укрѣпленій, госпита-

лей и немногихъ казенныхъ зданій, украшающихъ этотъ городокъ, мы, переночевавъ въ немъ, на слѣдующій день пустились далѣе. Ъзда на маленькихъ почтовыхъ лошадакахъ, поставляемыхъ крестьянами въ натурѣ, по заведенной между ними очереди, часто почти совсѣмъ безъ упряжи, далеко не безопасна. Надо имѣть своего кучера, свои возжи и сбрую; кромѣ того, эти лошади приучены спускаться съ горъ во всю прыть, что грозитъ безпре-
станною опасностію. Впереди насъ ѣхалъ, въ маленькой одноколкѣ, мѣстный исправникъ, который при каждомъ спускѣ поднималъ надъ головою шляпу, въ знакъ того, чтобы государевъ кучеръ сдерживалъ лошадей. Потомъ его одноколка улетала съ ужасающею быстротою и мы точно также стремительно уносились за нею, вопреки всѣмъ усиліямъ нашего Артамона, дивившагося, что ему не удастся совладать съ такими кля-
ченками.

«На одной изъ станцій Государь пересѣлъ въ простую крестьянскую телѣжку, а я поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, въ такой же. Въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторону отъ большой дороги находятся тѣ приморскія гранитныя скалы (Шютерлаксъ), изъ которыхъ добыли колонны, украшающія Исаакіевскій соборъ, и изъ которыхъ въ это время вылащивали огромный монолитъ для памятника Императору Александру. Тропинка, которою мы туда слѣдовали, вела, казалось, прямо ко входу въ адъ. По окраинамъ ея находились: густой лѣсъ изъ старыхъ, обросшихъ мхомъ елей, перегнившіе стволы, опрокинутыя или вывороченныя съ корнями деревья, мѣстами скалы. Глухой шумъ, казавшійся сначала завываніемъ бури, все возрасталъ по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ эту пустынную мѣстность; потомъ мы разслышали стукъ желѣза о камень, а наконецъ, еще болѣе прѣблизясь, были оглушены невыразимымъ трескомъ отъ одновременныхъ ударовъ въ приставленные къ скалѣ ломы нѣсколькихъ огромныхъ молотовъ, которыми рабочіе отдѣляли монолитъ отъ гранитной массы. Весь этотъ народъ, пришедшій сюда извнутри Россіи, остановился

Гр. А. Х. Бенкендорфъ.

на минуту, чтобы прокричать Государю «ура!» и потом снова приняться за свое дѣло. Въ ночь съ 12 на 13 авг. н. ст. Государь прибылъ въ Фридрихсгамъ. Произведя осмотръ корпуса (13 авг.), Государь поѣхалъ въ Борго». На улицахъ Борго было такъ тѣсно, что Государь тогда же, прибывъ въ Гельсингфорсъ, сказалъ Закревскому, что городъ долженъ быть перестроенъ и «къ царственному городу страны пѣсенъ» стали пристраивать новую часть.

Императоръ Николай I.

Подъ вечеръ 14 августа Государь прибылъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ былъ встрѣченъ у русской церкви Св. Троицы генераль-губернаторомъ, графомъ Закревскимъ, со всѣми властями, русскими и финляндскими. Помѣстился онъ въ приготовленномъ для него генераль-губернаторскомъ домѣ.

Гельсингфорсъ за послѣднее время украсился многими прекрасными зданіями. Государь осматривалъ ихъ. Былъ произведенъ смотръ л.-гв. финскому стрѣлковому баталіону. Онъ состоялъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но обучался «на русскій ладъ». Сенатская площадь и окна, выходившія на нее, были полны народа.

На другой день Государь на катерѣ переѣхалъ въ Свеаборгъ. Крѣпость и расположенные въ ней баталіоны были осматрѣны, однако, Государь остался «не слишкомъ доволенъ». Обѣдъ происходилъ на линейномъ кораблѣ, на которомъ прибылъ кн. Меншиковъ. «Видъ съ этого

корабля, обнимавшій весь новый городъ, Свеаборгскую крѣпость, близъ лежація пшеры и все пространство гавани, былъ очарователенъ,»—прибавляетъ гр. А. Х. Бенкендорфъ.

«Сердечный пріемъ, сдѣланный Государю всѣми классами населенія, быстрое возрастаніе столицы, наконецъ, общій видъ

довольства не оставляли сомнѣнія въ выгодахъ благого и отеческаго устройства, даннаго этому краю. Прежніе навыки, преданія и семейные союзы не могли не поддерживать еще до нѣкоторой степени симпатической связи его со Швеціей; но матеріальные интересы и управленіе, столько же либеральное, сколько и національное, уже производили свое дѣйствіе, и все обѣщало Россіи въ финляндцахъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ подданныхъ».

2—14 августа 1830 г. А. Закревскій былъ возведенъ въ графское достоинство. Это пожалованіе состоялось по просьбѣ Финляндскаго Сената. Въ рескриптѣ, послѣ указанія на его заслуги, говорилось: «Сей знакъ Нашего Монаршаго благоволенія Мы оказываемъ вамъ съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что оный согласуется съ желаніемъ, изъявленнымъ Нашимъ Финляндскимъ Сенатомъ, соединить васъ болѣе тѣснѣйшими узами съ согражданами Финляндской націи и считать въ числѣ сочленовъ оной». ²⁵⁴). Для Закревскаго эта Монаршая милость была особенно пріятна, такъ какъ,—по собственному его признанію,—онъ «никакъ не ожидалъ, чтобы финны были столь благородны и несмотря на строгость мою съ ними, для собственной ихъ пользы, рѣшились просить Государя, который съ удовольствіемъ ихъ просьбу принялъ и тотчасъ велѣлъ заготовить надлежащія бумаги графу Ребиндеру. И это такъ было секретно сдѣлано, что я ничего не зналъ, и мнѣ первый о семъ объявилъ Государь». ²⁵⁵).

Государь вернулся въ Петербургъ очень довольный своимъ путешествіемъ. ²⁵⁶).

Императоръ Николай I.

Въ общественномъ мнѣніи держалось убѣжденіе, что Финляндія, какъ страна сѣверная и при томъ еще гранитная, менѣе другихъ доступна инфекціоннымъ болѣзнямъ, особенно холерѣ, свойственной жаркой и низменной Индіи. Холерныя эпидеміи 1831, 1848 и 1853 гг.,—говорить докторъ А. Генерицы,—опровергли это ходячее мнѣніе. Появленіе холеры въ Финляндіи обыкновенно находилось въ связи съ распространеніемъ ея въ Россіи и особенно въ Петербургѣ. Первая эпидемія вспыхнула въ 1831 г. Ее занесли въ Выборгъ на судахъ, почему въ главныхъ гаваняхъ края были учреждены карантинныя, а по дорогѣ въ Петербургъ—поставленъ кордонъ изъ крестьянъ. Холера поразила особенно болотистыя предмѣстья Выборга и деревни, пограничныя съ Олонецкой губерніей. Затѣмъ эпидемія прошла по городамъ: Борго, Гельсингфорсу и Або, а также по кр. Свеаборгу, т. е. охватила побережную полосу. Наиболѣе пострадали Гельсингфорсъ и особенно Або, который имѣлъ всего 11,352 жителя (захворало 377 чел., умерло 234, т. е. 62%). Во всей Финляндіи заболѣло 1,258 и умерло 681 чел. ²⁵⁷).

На лекарства и врачебныя заведенія всей медицинской части употреблено было всего за этотъ годъ около 16½ тыс. руб.

Дѣйствіе болѣзни, видимо, не считалось особенно губительнымъ, если Сенатъ не согласился увеличить на восемь человекъ число экстраординарныхъ врачей ²⁵⁸).

Современникъ, видѣвшій нашествіе ужасной азіатской гостыи, пишетъ: Приближалась холера. Дворъ закутанъ былъ въ тучи дыма отъ тлѣющихъ кучъ можжевельника и смоляныхъ боченковъ; во всѣхъ комнатахъ пахло горькой хлористой известью; ежедневно поили мятнымъ чаемъ попеременно со смоляной водой; надѣвались толстые набрюшники и запрещено было дѣтямъ купаться, ѣсть ягоды и пить кислое молоко, сидѣть на травѣ и поздно оставаться на дворѣ ²⁵⁹).

Когда холерная эпидемія была офиціально признана,—это повліяло успокоительно, какъ всегда, когда узнаешь истину. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что университетъ закроется съ начала учебнаго года. Въ Або распустили учениковъ школъ и гимназій. Вообще положеніе было неожиданное и во многихъ отношеніяхъ серьезное ²⁶⁰).

Энергично боролся съ холерой въ Або губернаторъ Л. Гартманъ. Къ сожалѣнію, положеніе г. Або было таково, что Гартманъ предсказывалъ (19—31 дек. 1831 г.) возвращеніе холеры. И дѣйствительно, городъ окруженъ горами и болотами и пере-

сѣкается рѣкой, воды которой медленно стекаютъ въ море. Въ новыхъ вспышкахъ холеры онъ винилъ, кромѣ того, обезпеченные классы, переставшіе строго соблюдать діету. Среди высшаго класса было много заболѣваній и смертей.

Внимательно отнесся къ бѣдствію и генераль-губернаторъ. По Регламенту 1809 г.,—докладывалъ онъ Государю,—распорядительная часть въ Финляндіи предоставлена Сенату. При обыкновенныхъ условіяхъ такой порядокъ не представляетъ неудобствъ, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ «обряды по производству дѣлъ» Сената замедляютъ экстренныя распоряженія. Холера угрожала какъ со стороны Остзейскаго края, такъ и со стороны Архангельска. Посовѣтовавшись съ гр. Ребиндеромъ и другими «уважаемыми по уму и образу мыслей финляндцами», А. Закревскій рѣшилъ предоставить сенатору Фальку особые полномочія, чтобы воспрепятствовать вторженію въ край холеры. Высочайшая резолюція одобрила такое распоряженіе. «Весьма благоразумно»—написалъ Государь, приказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ сношеніе съ ген.-адъют. Кутузовымъ, на котораго по Петербургу возложено было подобное же порученіе ²⁶¹). «Благоустройство и спокойствіе здѣсь не нарушалось,—писалъ Закревскій въ іюлѣ; малѣйшее покушеніе противу онаго, получая тотчасъ должное возмездіе, не угрожаетъ какими либо вредными послѣдствіями». Самъ А. А. Закревскій выѣзжалъ и въ Або, и въ Бьернеборгъ для личнаго осмотра разныхъ учрежденій и провѣрки мѣръ, установленныхъ на случай появленія холеры. ²⁶²).

Въ другой разъ А. Закревскій сообщилъ своему знакомому ²⁶³): «Здѣсь жвачки (нахлѣбники?) мои такъ боятся холеры, что ты представить себѣ не можешь, а ихъ сбили доктора, которые превышаютъ всякое описаніе изъ трусости, а высшій классъ даже боится ко мнѣ ѣздить, оттого что я осматриваю больницы, а вчера даже нѣкоторые не пріѣхали обѣдать, сказавшись больными». ²⁶⁴).

Въ 1831 г. холера была впервые въ Петербургѣ и навела на ея обывателей ужасъ. Государь съ семействомъ переѣхалъ въ Петергофъ, который былъ окруженъ кордономъ. Рассказываютъ, что во время обѣда въ Monplaisir'ѣ, въ разгаръ холеры, Государь взялъ со стола блюдо съ фруктами и бросилъ его въ море, объявивъ, чтобы никто изъ вкушавшихъ фрукты не приближался къ нему.

Трудно себѣ представить, какая ужасная сцена разыгралась въ дни холеры въ Сальминскомъ приходѣ въ 1831 г. по Р. Хр.

въ культурной странѣ, среди послѣдователей христіанской религіи. Трудно повѣрить все́мъ дикимъ подробностямъ кроваваго эпизода, если бы передъ нами не находился подлинный офіціальный документъ.

Въ Сальминскомъ приходѣ, на восточномъ берегу Ладожскаго озера, недалеко отъ границы Олонецкой губерніи, учреждены были два карантинныхъ заведенія, одно для приходящихъ судовъ, а другое—для прочихъ пріѣзжихъ въ деревнѣ Грозной. Смотрителемъ карантинныхъ заведеній назначенъ былъ коронный ленсманъ Нейгликъ. Обнаруживъ холерныя заболѣванія въ одной деревнѣ, ленсманъ запретилъ жителямъ ея сноситься съ другими обывателями, для чего учредилъ стражу, подъ надзоромъ отставнаго унтеръ-офицера, которому одновременно даны были для храненія разныя лекарства отъ холеры. Обыватели оцѣпленной деревни (Минала), недовольные обязанностью содержать кордонъ, стали собираться на совѣщанія. Затѣмъ у нихъ появилась охота уничтожить лекарства, въ предположеніи, что они ядовитыя. Первое нападеніе крестьяне произвели на унтеръ-офицера; его избили, разорвали на немъ одежду, связали руки и заперли въ хлѣвъ. Бунтовавшіе крестьяне стали затѣмъ подстрекать людей въ деревнѣ Грозной уничтожать ядовитыя лекарства, которыми, по ихъ мнѣнію, изводилось населеніе.

Буйныхъ крестьянъ набралось (19—31 авг. 1831 г.) уже около 300 человѣкъ. Часть ихъ была вооружена ружьями, пиками, кольями. Они предприняли походъ на Лехонненскій карантинъ. Здѣсь жилъ ленсманъ Нейгликъ. Крестьяне обвиняли властей въ отравленіи населенія. Вице-ленсманъ Рихтеръ пытался уговорить, усовѣститъ ихъ. Его избили. Другіе крестьяне подошли къ карантину, въ которомъ находился Нейгликъ. Одни стали закалчивать двери снаружи, другіе выбили окна, третьи кричали, что онъ отравляетъ прихожанъ. На бѣднаго и ни въ чемъ неповиннаго человѣка посыпались удары, ему выбили одинъ глазъ, у него отняли 300 р. казенныхъ денегъ, отобрали лекарства и требовали выдать боченокъ съ ядовитымъ напиткомъ. Отыскивая миѳическій боченокъ, разобрали полъ въ его помѣщеніи. Нейглика связали, повалили и вновь били, изувѣрски истязали и сбѣкли розгами. Окровавленный, измученный, въ разорванной рубахѣ онъ валялся на дворѣ, и озвѣрѣвшіе крестьяне кричали ему, что онъ будетъ заживо сожженъ. Въ то же время били и мучили писаря и мелкихъ служителей.

Опять принялись за несчастнаго Нейглика: его вновь и вновь били, толкали, топтали ногами. Достали сѣрной кислоты, наполнили имъ чайникъ и предложили бѣдному ленсману выпить. Когда онъ отказался, ему влили все содержимое чайника въ ротъ. Лицо несчастнаго почернѣло, кровь хлынула изъ горла; съ ужаснымъ стономъ онъ катался по землѣ. Одичавшіе люди не переставая наносили ему удары ногами, при чемъ разбили ему носъ. Затѣмъ, зацѣпивъ петлю за его руку, потащили по землѣ къ карантинному дому, гдѣ привязали его къ балкамъ пола. Къ стѣнѣ прислонили двѣ смоляныя бочки, и зданіе запылало. Нечеловѣческими усиліями несчастный оторвался отъ балки и выбѣжалъ черезъ окно. Его замѣтили, схватили, привязали между двумя досками и втокнули обратно черезъ окно въ горѣвшее зданіе. Домъ и Нейгликъ вскорѣ превратились въ пепель.

Въ дикой радости крестьяне стали продолжать свои нечеловѣческіе подвиги. Поймали другого ленсмана, Гростена, поймали купца... Ихъ били, имъ связали руки, требуя выдачи ядовитаго лекарства... Тутъ крестьянамъ пришла мысль написать Государю всеподданнѣйшую просьбу и для этой цѣли воспользовались грамотными ленсманомъ и купцомъ. Въ прошеніи, обѣлая себя, они доносили Его Величеству о смерти Нейглика и о пожарѣ карантиннаго дома, Нейгликъ, — писали они, — обременялъ содержаніемъ карауловъ и раздавалъ ядовитое лекарство; крестьяне принудили его самого принять этого лекарства, отчего изъ него показался синій дымъ и онъ сгорѣлъ. Уполномоченные подписали прошеніе и послали его съ депутатами въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ губернаторъ, узнавъ о звѣрствахъ въ приходѣ Сальмисъ, явился туда и потребовалъ военную помощь. Въ Петербургѣ депутацію арестовали и всѣхъ виновныхъ предали суду.

Вызванъ былъ 1 баталіонъ Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка и артиллерійская команда, при двухъ орудіяхъ. Начальникъ этого отряда былъ ген.-м. Эттеръ. — Выборгскій губернаторъ Рамзай, сопровождаемый герадскимъ судомъ и коронными чиновниками, объявилъ, чтобы всѣ обыватели, желавшіе доказать свою невиновность, немедленно явились къ нему. Стеклось множество народа изъ окрестныхъ деревень; на лицахъ ихъ наблюдались смиреніе и покорность. Ген.-м. Эттеръ оцѣпилъ войсками селеніе Сальмисъ. Начался допросъ. Виновные были обнаружены.

Чрезвычайная сессія герадскаго суда сейчасъ-же судила привлеченныхъ. Виновныхъ (174 человекъ) немедленно отправили на водахъ въ Выборгъ. Затѣмъ дѣло перешло въ Абоскій гофгерихтъ.

Гофгерихтъ приговорилъ главнаго виновника крестьянина Авдея Афонасьева къ смертной казни, отсѣченіемъ сперва руки, а потомъ головы; тѣло же надлежало предать колесованію, а имѣніе отобрать въ казну. Подобному же наказанію подлежало еще 41 чел. Изъ слѣдующихъ 14-ти лишился жизни, по жребію, десятый, а остальные подлежали наказанію прутьями. Такимъ образомъ были раздѣлены на группы всѣ 140 чел. Но при докладѣ дѣла Государю, вслѣдствіе ходатайства Сената, всѣмъ оказана была милость: ихъ подвергли наказанію сорока парами прутьевъ и разослали однихъ въ вѣчную каторжную работу, другихъ—въ ссылку въ Сибирь, иныхъ заключили въ крѣпости, подвергнувъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, покаянію, такъ какъ всѣ они считались православными ²⁶⁵).

Въ 1832 г. продолжали оставаться на стражѣ противъ эпидеміи. При появленіи холеры, сенатору Фальку вновь были даны особыя полномочія, и онъ, видимо, распоряжался благоразумно.—Новый начальникъ края часто писалъ Фальку, давая ему, въ своихъ частныхъ письмахъ, полезныя указанія. Въ то же время не оставались глухи и къ общественному голосу. «Карантиномъ возмущаются какъ въ Выборгѣ, такъ и въ Петербургѣ,—писалъ кн. Меншиковъ (19 сентября—1 октября 1832 г.) гр. Ребиндеру. Прошу Фалька сдѣлать все возможное, чтобы не стѣснять сношеній».—Когда же холера ослабѣла, кн. Меншиковъ первый поспѣшилъ съ приказаніемъ не задерживать ѣдущихъ, а ограничиться ихъ обкуриваніемъ (21 ноября 1832 г.).

Въ 1834 г. холера ожесточенно косила свои жертвы въ Швеціи. Въ Финляндіи насторожились и принимали мѣры къ встрѣчѣ ужасной гостыи. Какъ только холера показалась въ Готеборгѣ и нашъ представитель въ Стокгольмѣ, генераль графъ Сухтеленъ, увѣдомилъ о ней русскихъ властей, гр. Ребиндеръ просилъ Государя повелѣть генералу Теслеву отложить свой объѣздъ края и принять мѣры къ охраненію страны и успокоенію умовъ ²⁶⁶). Газеты, видимо, помогали правительству, говоря, что въ такой формѣ, какой холера проявилась въ краѣ, она не опаснѣе другихъ болѣзней. Одна газета прибавила, что населеніе Або не измѣнило своихъ обычныхъ занятій и даже не сократило своихъ увеселеній ²⁶⁷).

Въ 1848 г. холера пробралась въ мѣстности, считавшіяся особенно здоровыми, т. е. къ окрестностямъ озеръ Пѣйяне, Сайма и Ладожскаго и распространилась до гг. Вазы и Улеоборга, гдѣ ее прежде не знали. Эпидеміи способствовала въ этомъ году

крайне ненормальная погода: весна наступила въ концѣ февраля, а въ теченіе марта, апрѣля и мая стояли лѣтнія жары. Холера свирѣпствовала тогда во всей сѣверной Европѣ и Россіи, и наиболѣе опустошила Остзейскій край. Въ Финляндіи болѣзнь отличалась медленнымъ теченіемъ и не проявила особеннаго ожесточенія. Въ Гельсингфорсѣ жертвами холеры оказались преимущественно бѣдняки, люди нетрезвой жизни, обитатели скученныхъ и нечистоплотныхъ жилищъ. Замѣчательно, что на этотъ разъ она поражала возвышенныя мѣстности города, пощадивъ такую совершенно болотистую часть, какъ Глоэть (около вокзала).— «Холера здѣсь не сильна,—писалъ Я. К. Гротъ,—но въ Борго она похитила очень многихъ, сравнительно съ количествомъ жителей. Норденстамъ говорилъ мнѣ, что здѣсь (въ Гельсингфорсѣ) никогда не было столько посѣтителей, какъ въ нынѣшнемъ году, а именно болѣе 2.000 (впрочемъ, не всѣ въ одно время)». Всего въ Финляндіи пострадало 1.744 чел., изъ коихъ умерло 664.

Самую обильную жатву холера собрала въ 1853 г., когда похищенныхъ смертью было 2177 ²⁶⁸).

Одновременно съ холерой Финляндію посѣтилъ мучительный голодъ. «Не думайте, валла свѣтлость,—писалъ гр. Ребиндеръ князю Меншикову 4—16 августа 1832 г. изъ Куопіо,—что я преувеличиваю, когда говорю о нищетѣ въ восточной Эстерботніи; я видѣлъ тамъ только слезы и вопли отчаянія. Не скрою также, что очень трудно помочь этимъ несчастнымъ. Кормить ихъ всѣхъ на счетъ казны невозможно... Съ другой стороны угрожаютъ послѣдствія голода». Сотни семействъ пытались эмигрировать, но вернулись на свои пепелища.—«Ихъ возвращеніе произведетъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ всѣ прокламаціи». Нѣкоторые безъ паспортовъ и свидѣтельствъ ушли въ Швецію и Норвегію. Нѣсколько тысячъ чело-вѣкъ на неопредѣленное время отправились на работы въ Архангельскую и Олонецкую губерніи. Наибольшая нищета замѣчалась къ сѣверу отъ Улеоборга. Оттуда двинулись первыя партіи эмигрантовъ; тамъ же «происходили броженія всякихъ несчастныхъ идей».

Князь Меншиковъ оставался въ Петербургѣ, а гр. Ребиндеру приказано было объѣхать сѣверъ. Вся забота о сѣверѣ была возложена на него. Тамъ онъ распоряжался продовольственной частью. «Я счастливъ,—прибавляетъ гр. Ребиндеръ (изъ Вазы 12—24 августа

1832 г.),—что имѣю дѣло съ генераль-губернаторомъ, который понимаетъ настоящіе интересы страны и сочувствуетъ этой отдаленной и, говоря правду, немного забытой провинціи, гдѣ Государь найдетъ подданныхъ, болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Финляндіи, гдѣ благодѣянія не изсякли и гдѣ царить изобиліе».

На сѣверъ посылались деньги и хлѣбъ, тамъ—въ губерніяхъ Вазаской и Улеоборгской—предпринята была осушка болотъ, съ цѣлью доставленія заработка нуждавшимся.

Чѣмъ далѣе подвигался гр. Ребиндеръ, тѣмъ письма его становились горячѣе и энергичнѣе. «Я долженъ по меньшей мѣрѣ вѣрить, что мы имѣемъ средства для этой затраты; наши финансы были бы очень плачевны, если бы не нашлось какихъ-нибудь ста тысячъ, чтобы спасти цѣлую провинцію отъ голода... Наши государственные мужи смѣшиваютъ предосторожность и скупость... Жители Эстерботніи отличаются большой энергіей, живостью и смѣлостью. Они понимаютъ благодѣянія, но понимаютъ также, когда ихъ забываютъ. Въ случаѣ войны, или политическихъ столкновений, можно предвидѣть, что этотъ народъ приметъ въ нихъ участіе за или противъ правительства. Это за или противъ зависитъ отъ дѣйствій правительства. Принимая мѣры не только къ уменьшенію послѣдствій нѣсколькихъ лѣтъ голода, но и для основанія благосостоянія этой обиженной природой провинціи, можно привязать къ себѣ народъ, не угождая и не показывая ему ни страха, ни недовѣрія. Соображенія челоуѣколюбія и филантропіи—не благоприятный ли это поводъ въ политическомъ отношеніи, чтобы привлечь къ себѣ умы? Неужели нельзя пожертвовать скромной суммой для этой цѣли? Можетъ-ли Государь лучше употребить эти деньги?»²⁶⁹).

Письма воздѣйствовали. Князь А. Меншиковъ 3—15 сентября 1832 г. сообщилъ гр. Ребиндеру о желаніи «Его Величества прійти на помощь жителямъ Эстерботніи предложенными вами мѣрами».

«Новое благодѣяніе, оказанное Его Величествомъ жителямъ Сѣвера Финляндіи, составитъ эпоху въ этой несчастной странѣ, въ особенности по своему моральному дѣйствию... Даже среди завзятыхъ эгоистовъ нѣтъ двухъ мнѣній на этотъ счетъ»,—увѣдомилъ гр. Ребиндеръ 13—25 сентября 1832 г. генераль-губернатора.—«Позвольте мнѣ быть посредникомъ глубоко благодарнаго народа; могу чистосердечно сказать, что имя ваше будутъ благословлять не только нынѣшнее поколѣніе, но и потомство».

Пютерлакскія гранитныя ломки. (Ноябрь 1839 г.).

Рис. Повернь.

«Спѣшу васъ увѣдомить,—писалъ кн. А. С. Меншиковъ 28 сентября—10 октября 1832 г.,—что Государь далъ свое согласіе на заемъ муки изъ военныхъ магазиновъ»... Но успѣли наступить морозы; суда прекращали свою кампанію. Положеніе становилось особенно критическимъ. Надо полагать, что именно въ это время распущенъ былъ слухъ, что хлѣбъ, купленный въ Ригѣ, куда-то исчезъ. Провѣрка ходившаго разсказа никакого злоупотребленія не обнаружила.

Отъ голода страдала тогда же и Выборгская губернія, но ее спасала близость къ столицѣ и возможность полученія тамъ заработка. Лѣтомъ 1832 г. къ кн. Меншикову пріѣхали нѣсколько крестьянъ, несмотря на то, что были приняты мѣры къ ихъ задержанію въ Выборгѣ. И, кажется, пріѣхали не напрасно, такъ какъ «Государь приказалъ выдавать имъ денежныя пособія». Кромѣ того, приказано было собрать справки о неимущихъ и выдавать пособія наиболѣе нуждающимся изъ нихъ ²⁷⁰).

Нѣсколько позже губернаторъ гр. К. Г. Маннергеймъ, объѣхавъ во время голода свою Вазаскую губернію, доложилъ князю Меншикову, частнымъ письмомъ 10—22 ноября 1832 г., что «нигдѣ не нашелъ неудовольствія противъ правительства и принятыхъ имъ мѣръ. Всюду говорятъ о заботахъ нашего Августѣйшаго Монарха къ своимъ несчастнымъ подданнымъ и даже въ тѣхъ приходахъ, которые не отличались высокой нравственностью, все очень тронуты этой заботливостью и увѣрены, что правительство все сдѣлаетъ для бѣдняковъ... Всюду царить тишина». Такимъ образомъ, получается основаніе заключить, что въ Вазаскую губернію помощь послѣла своевременно.

Когда нищета на сѣверѣ вызывала эмиграцію, то возникали какіе-то планы о переселеніи нѣкоторыхъ финляндцевъ въ Бессарабію. «Позволить финляндцамъ устраиваться въ Бессарабію на свой счетъ,—заявилъ гр. Ребиндеръ,—ни къ чему не приведетъ и окончательно собьетъ съ толку несчастныхъ людей» ²⁷¹).

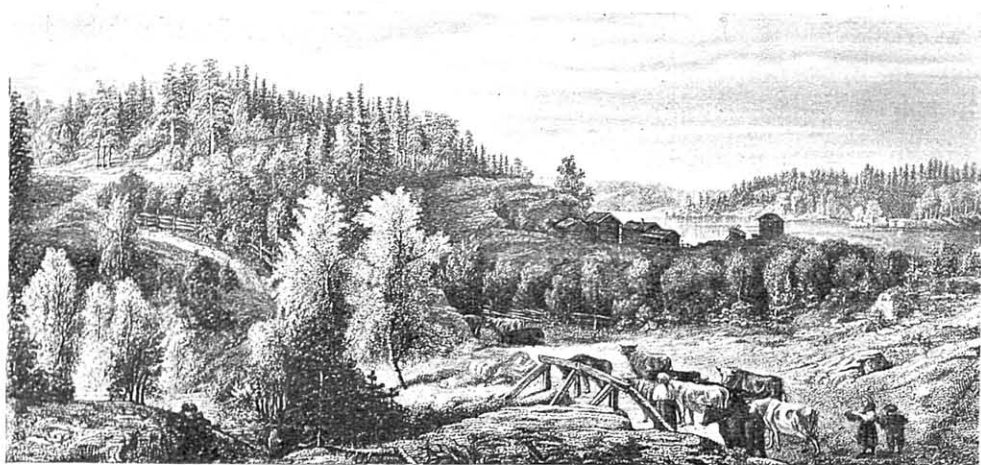
Въ виду того, что въ письмахъ губернаторовъ Вазы и Улеборга находились мрачныя картины нищеты, кн. Меншиковъ обратился къ сенатору Фальку за разъясненіемъ объ истинѣ положенія на сѣверѣ.

Въ первомъ же отвѣтѣ Фалька 6—18 ноября 1832 г. читаемъ: «Все заставляетъ думать, что жители сѣверной Финляндіи не столь бѣдны, какъ ихъ хотѣли выставить. Хотя почти всюду есть

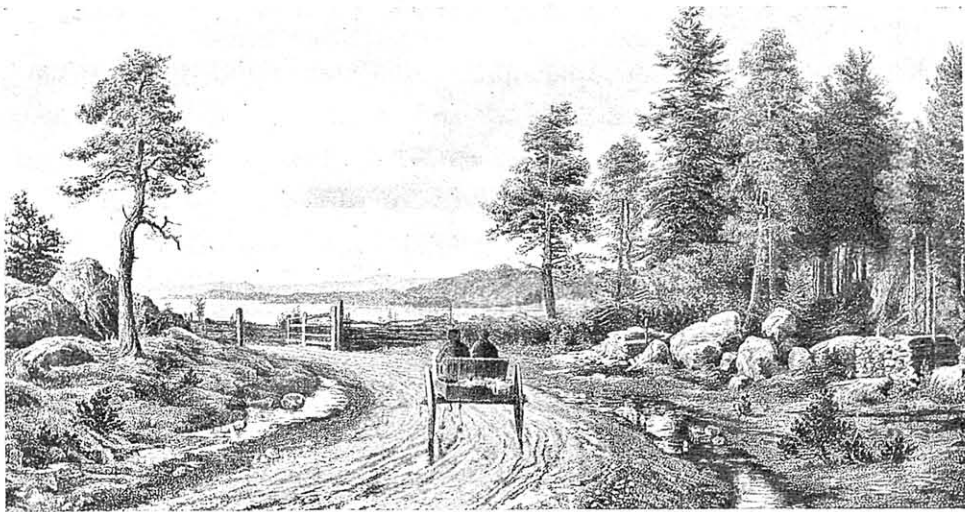
недостатокъ въ хлѣбѣ, но жители до сихъ поръ имѣли необходимое для пропитанія... Губернаторы Вазы и Улеоборга не всегда вѣрно показываютъ количество доставленнаго къ нимъ хлѣба (они были плохо освѣдомлены). Они увѣряютъ, что всѣ умираютъ съ голода и въ то же время говорятъ, что крестьяне начали выплачивать казнѣ зерномъ и много хлѣба сложили въ общественныхъ амбарахъ».

Продолжая переписку о голодѣ, вице-президентъ Сената Фалькъ 16—28 марта 1833 г. сообщилъ кн. Меншикову: «Я служилъ двумъ королямъ и двумъ императорамъ... Я видѣлъ бѣдствія моей родины и ея благосостояніе: страшный голодъ 1789, 1796, 1811 и 1812 г.г. и, наконецъ, 1821 г., но никогда не видалъ я, чтобы правительство приносило столько жертвъ и принимало столько мѣръ для облегченія участи народа, какъ оно дѣлаетъ теперь. И разъ тогда бѣды не случилось, чего бояться теперь? Я сказалъ все это, ваша свѣтлость, лишь для того, чтобы утѣшить васъ и успокоить ваше сострадательное сердце, огорченное невѣрными донесеніями. Я стараюсь отплатить за ваши милости ко мнѣ, говоря вамъ всегда правду».

Въ 1833 г. Финляндію объѣзжалъ помощникъ генераль-губернатора, оказывая помощь пострадавшимъ деньгами и покупкою ржи. Правительство дѣлательно помогало нуждающимся, и населеніе оцѣнило эту заботу. Съ разныхъ сторонъ поступали благодарственные адреса «за неисчислимыя благодѣянія» Его Императорскаго Величества ²⁷²). Слѣды народнаго расположенія къ Императору Николаю Павловичу остались даже въ финской народной поэзіи ²⁷³).

Внутри Финляндіи.

Двуколка.

IV. Смѣна генералъ-губернаторовъ и мѣръ чиновниковъ.

Въ 1828 г. Закревскій сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ, сохранивъ за собою постъ финляндскаго генералъ-губернатора.

Съ появленіемъ въ министерствѣ Закревскаго,—пишетъ О. А. Пржецлавскій,—тамъ настала новая эра, эра полнѣйшаго милитаризма. Всюду вводилась дисциплина и формализмъ ²⁷⁴). Иную оцѣнку мы встрѣчаемъ въ воспоминаніяхъ другого современника. Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ объясняетъ, что гр. Закревскій, при назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ, принесъ съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходившій въ незнаніи угодливости сильнымъ нерѣдко до строптивости ²⁷⁵).

А. Закревскій, какъ министръ, нуждался въ помощникахъ, а ихъ не было. Выборъ губернаторовъ былъ особенно труденъ. «Я имѣю списокъ кандидатовъ въ губернаторы, доставшійся мнѣ отъ моего предмѣстника, писалъ онъ; но оный наполненъ такою дрянью, что трудно сдѣлать изъ него порядочный выборъ». И здѣсь, какъ въ Финляндіи, на долю Закревскаго выпала трудная борьба съ ужасной холерой. Во время холеры мы видимъ Закревскаго въ Арзамасѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ, Тамбовѣ, Тулѣ...

Холера-морбусъ перебросилась въ Финляндію, и Закревскій спѣшилъ туда съ охранительными мѣрами, а также для изслѣдованія нелѣпыхъ слуховъ, разнесенныхъ иностранными газетами и разными секретными донесеніями о тайномъ, будто бы, привозѣ въ Финляндію оружія и какихъ то революціонныхъ тамъ замыслахъ, въ связи съ возстаніемъ въ Польшѣ ²⁷⁶). Закревскій головой поручился передъ Государемъ за финляндцевъ.

«Путешествіе мое, благодаря Бога, окончилось благополучно; вездѣ та же тишина, то же спокойствіе, съ примѣтнымъ только улучшеніемъ нѣкоторыхъ частей, въ особенности строеній Або и Гельсингфорса, которыя двигаются съ необыкновеннымъ успѣхомъ и быстротою» ²⁷⁷).

Закревскій работалъ, окруженный врагами и стеченіемъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ, но онъ, какъ подобаетъ государственному мужу, духомъ не падаетъ и боролся за свои воззрѣнія, дерзая говорить правду даже вспыльчивому и ужасному въ своемъ гнѣвѣ Николаю I.

Въ Государственный Совѣтъ былъ внесенъ законъ о состояніяхъ. Онъ находилъ законъ нелѣпымъ и при Государѣ сказалъ, что первымъ условіемъ изданія новаго закона считаетъ присутствіе Его Величества въ столицѣ. Почему? спросилъ Государь.—Нельзя предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ. Проектъ былъ отложенъ, а затѣмъ и взятъ обратно.

У Государя родилось недовольство Закревскимъ.

Новый случай подлилъ масла въ огонь. Государь спросилъ Закревскаго о причинахъ народнаго волненія и происшествія на Сѣнной площади, въ іюлѣ 1831 г.—Злоупотребленія полиціи,—отвѣчалъ графъ. Она силою забираетъ и тащитъ въ холерныя бараки больныхъ и здоровыхъ и выпускаетъ лишь тѣхъ, которые отплатятся.—Что это за вздоръ!—закричалъ разгнѣванный Государь. И затѣмъ тутъ же спросилъ Кокошкина, доволенъ ли онъ полиціей?

— Доволенъ, Государь.

Такъ состоялась очная ставка начальника съ подчиненнымъ. Закревскій понялъ, что дни его управленія министерствомъ сочтены.

Государь велѣлъ ему ѣхать въ Финляндію. Закревскій поѣхалъ и оставался тамъ до окончанія польскаго мятежа, а затѣмъ подалъ просьбу объ отставкѣ. Отставка была тотчасъ же дана безъ затрудненій, безъ объясненій и даже безъ личнаго свиданія ²⁷⁸). Какъ

говорили, наиболѣе повредили Закревскому крутыя мѣры, принятыя имъ въ Имперіи по случаю холеры.

Николай I былъ преисполненъ сознанія своей власти, почему положеніе его министровъ было особенно трудное. «Быть приближеннымъ къ такому монарху равносильно необходимости отказаться, до извѣстной степени, отъ своей собственной личности, отъ своего я, и усвоить себѣ извѣстный обликъ. Сообразно съ этимъ въ высшихъ сановникахъ русскаго монарха,—писалъ одинъ иностранецъ,—можно наблюдать только различныя степени проявленія покорности и услужливости...» Хотя всѣ одинаково исполняли только волю Монарха, но между сановниками были лица, дѣйствовавшія въ интересахъ общественной пользы, и такія, которыя дѣйствовали во вредъ государству» ²⁷⁹).

Закревскій былъ изъ тѣхъ, которые интересовъ родины не забывали, а какъ человѣкъ, искренно преданный своему Монарху, онъ нерѣдко молчаливо сносилъ многое, зная свою правоту. 5 Августа 1828 г. гр. И. И. Дибичъ донесъ Государю, что Закревскій «не принимаетъ никакихъ сношеній съ помощникомъ начальника штаба военныхъ поселеній (гр. Толстымъ)». Государь сгоряча надписалъ: «Поручаю гр. Толстому, призвавъ ген.-адъютанта Закревскаго къ себѣ, объявить ему, что Я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть его и что Я подтверждаю впредь не отступать отъ данныхъ главному штабу правилъ» ²⁸⁰).

Наболѣвшая душа А. Закревскаго излилась нѣсколько въ собственноручной его запискѣ о причинахъ отставки. Въ этой запискѣ значитъ, что, принимая совершенно разстроенное министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ надѣялся, что всегда «поддержанъ (будетъ) десницею Монаршею», но надежда эта не осуществилась. Закревскій просилъ повысить оклады чиновъ своего вѣдомства, которые получали значительно меньше служившихъ въ министерствѣ финансовъ; самая справедливая просьба не была исполнена. Нерѣдко безъ его вѣдома назначались новые губернаторы. Онъ выразилъ неудовольствіе одному губернатору за слабое исполненіе имъ обязанностей, а этому администратору дали чинъ и повысили по службѣ. Его запрашиваютъ объ образѣ мыслей финляндцевъ и ихъ преданности Монарху. Онъ удостовѣряетъ ихъ полную лояльность, и тѣмъ не менѣе въ край является жандармскій офицеръ для изслѣдованія господствующаго настроенія. Конечно,

все это ложилось ужасной тяжестью на душу человѣка, «за совѣсть» преданнаго своему Монарху. Наконецъ, онъ видѣлъ, что противъ него сплотились графы Кочубей, Нессельроде, Канкринъ и Чернышевъ, за то, что не склоненъ былъ выпрашивать ихъ расположенія.

Въ заключеніе—еще хуже. Закревскій былъ милостиво уволенъ, но за нимъ учредили надзоръ для установленія факта, часто ли онъ видится съ генераломъ Ермоловымъ ²⁸¹).

Часть приведенной записки А. А. Закревскаго, касающуюся Финляндіи, намъ удалось провѣрить по документамъ и она оказалась вполнѣ правдивой. Дѣйствительно, въ августѣ 1831 г. ген.

Гр. А. Закревскій.

адъют. гр. Закревскій представилъ особую записку «О расположеніи умовъ въ Княжествѣ Финляндскомъ». Онъ писалъ:

«Въ теперешнемъ путешествіи моемъ изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ и отсюда въ Або, Бьернеборгъ и Тавастгусъ я имѣлъ случай замѣтить, что въ Княжествѣ Финляндскомъ тишина и спокойствіе вообще сохраняются столько, сколько того всегда желать должно. Если въ разговорахъ и тайной перепискѣ съ Швеціею изъясняется иногда какое либо неудовольствіе на правитель-

ство, то сіе происходитъ какъ отъ нѣкоторыхъ неблагонамѣренныхъ профессоровъ и студентовъ здѣшняго университета, въ чемъ и статсъ-секретарь гр. Ребиндеръ не сомнѣвается, такъ и отъ молодыхъ людей средняго класса, напитанныхъ безпокойнымъ духомъ вольнодумства, разлившимся нынѣ по всей Европѣ. Но высшій и нижній классъ финляндскаго народа искренно преданы правительству, постигая болѣе свои выгоды, каковыми они не могли пользоваться при шведскомъ владѣніи, и потому можно сказать, что всѣ здравомыслящіе настоящимъ порядкомъ вещей совершенно довольны.

Все сіе я долгомъ поставляю всеподданиѣйше довести до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества».

Сверху рукою Государя отмѣчено: «Передать Г.-А. Бенкендорфу» ²⁸²).

Въ ноябрѣ того же года большую часть Финляндіи объѣхалъ, по Высочайшему повелѣнію, майоръ Эренстольпе, собирая свѣдѣнія объ образѣ мыслей населенія. Конечно, ему пришлось подтвердить выводы А. А. Закревскаго, ибо онъ, какъ начальникъ края, не позволялъ себѣ никакихъ отступленій отъ истины. Эренстольпе донесъ о спокойствіи и безропотномъ повиновеніи населенія правительству²⁸³). Майоръ просилъ лишь русское правительство не ссылатъ порочныхъ людей въ Финляндію, въ виду того, что обычно они поселялись на Аландѣ, гдѣ передавали шведамъ всякіе нелѣпые слухи, которые съ радостью подхватывались стокгольмскими газетами во вредъ Россіи.

19 ноября—1 декабря 1831 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ объ увольненіи гр. А. А. Закревскаго отъ должности Финляндскаго генераль-губернатора. Въ письмѣ, посланномъ Фальку 10 октября, Закревскій увѣдомлялъ его, что подалъ прошеніе Государю объ увольненіи вовсе отъ службы. А въ письмѣ отъ 26 ноября барону Клинковстрему сообщилъ, что «Государь Императоръ, снисходя на прошеніе, изволилъ уволить меня отъ службы». Отставкѣ предшествовалъ также обмѣнъ письмами съ барономъ Ребиндеромъ, причемъ послѣдній сообщилъ, что просьбой объ отставкѣ Закревскій себѣ никакой услуги не оказалъ. Графъ отвѣтилъ: «. . . . Знаю я, что могу пострадать отъ принятой мною мѣры, одно сожалѣніе, что не могу болѣе быть полезнымъ моему отечеству будетъ уже для меня мукою»... Въ заключеніе онъ прибавилъ: «. . . . я не могу скрыть отъ самого себя, что удаленіе мое отъ сего сословія (Сената) никакой послѣ меня пустоты тамъ не оставитъ... Оставляя службу и убѣгая скрыться въ безвѣстное уединеніе, я надѣюсь, однако, г. баронъ, что образъ поведенія моего дастъ мнѣ право на ваше уваженіе и вашу довѣренность, чувства коимъ имѣю я отъ васъ столько доказательствъ»²⁸⁴).

Покидая Финляндію, гр. Закревскій послалъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ и чиновнымъ лицамъ благодарственныя письма.

Кн. А. Меншиковъ.

Разница въ оцѣнкѣ дѣятельности А. Закревскаго, какъ финляндскаго генераль-губернатора, тогда и теперь огромная. Приговоры современныхъ финляндскихъ историковъ очень суровые, почти озлобленные. Они присвоили ему клички «солдатъ» и «визирь». Иначе отнеслись къ нему современники. Сенатъ просилъ о возведеніи Закревскаго въ графское достоинство, чтобы навсегда тѣснѣе соединить его съ финляндскими согражданами. Въ 1829 г. Экономическое общество Улеоборгеко-Каяанской губерніи избрало А. А. Закревскаго своимъ первымъ въ краѣ почетнымъ членомъ, за его дѣятельность на пользу края. Ребиндеръ отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ справедливомъ. Журналъ А. Закревскаго показываетъ, что онъ общался съ мѣстными шведами, которые бывали у него въ домѣ, обѣдали, бесѣдовали ²⁸⁵), обмѣнивались визитами. Неизвѣстный намъ финляндецъ въ запискѣ, составленной для кн. Меншикова, писалъ: Большая часть «первыхъ сословій народа, зная твердость характера, дѣятельность и справедливость гр. Закревскаго и понимая, что не только обязанности службы, но еще другая ближайшая связь привязала его къ Финляндіи, искренно сожалѣли, что онъ оставилъ край» ²⁸⁶). Финляндцы, подчиненные А. А. Закревскому, обычно писали ему свободно и довѣрчиво. Они даже шутили съ нимъ въ своихъ письмахъ. Онъ съ своей стороны охотно помогалъ имъ своей властью, своими ходатайствами. Онъ не только пристроилъ сына архіепископа Тенгстрема въ дѣйствующую армію въ 1828 г., но явился посредникомъ между отцомъ и юнымъ поручикомъ при пересылкѣ денегъ. Къ нему съ одинаковымъ довѣріемъ писали и сенаторы, и секретари. Всѣ они признавали его справедливымъ и заботливымъ объ ихъ нуждахъ. Случалось, что финляндцы-авторы подносили ему свои сочиненія съ особыми посвященіями. Въ одномъ подобномъ посвященіи значится: А. А. Закревскому «сильному покровителю финляндскихъ правъ» ²⁸⁷). Все въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ велось открыто и благородно, безъ всякихъ тайныхъ соглядатайствъ или заглазнаго наущничества. Въ безчисленныхъ письмахъ Закревскаго видна не только большая заботливость его о своихъ подчиненныхъ, но и сердечная теплота. «Научи, Бога ради! Утѣшь въ горести и отчаяніи болящаго инвалида»... Такія строки обычно предъ черствыми сердцами не расточаются. Ясно, что къ нему писали открыто безъ опасенія, съ увѣренностью въ его отзывчивости.

Хорошія отношенія къ Закревскому сохранились и послѣ его ухода изъ Финляндіи. Комитетъ Финляндскаго Библейскаго Общества продолжалъ посылать ему свои отчеты, и графъ всегда отвѣчалъ любезными письмами архіепископу Мелартину, радуясь, что дѣла общества преуспѣвали и что «труды и матеріалы принадлежали самому краю и суть свои собственные» (8—20 іюня 1841 г.), что библія издана въ странѣ «буквами, вылитыми въ Финляндіи, и напечатана на бумагѣ финляндскихъ фабрикъ» (апрѣль 1841 г.).

Историки Финляндіи послѣдняго времени, выдвигая своеволіе А. А. Закревскаго, особенно останавливаются на его столкновеніи съ С. Грипенбергомъ. Не обойдемъ и мы этого дѣла. Сущность его сводится къ слѣдующему:

Помощникомъ губернатора Нюландской губерніи состоялъ Себастьянъ Грипенбергъ, который молодымъ офицеромъ сопровождалъ, въ 1819 г., Императора Александра I въ его поѣздкѣ по сѣверной Финляндіи. По предписанію Закревскаго нужно было спѣшно, въ теченіе восьми дней, перевести одинъ баталіонъ Выборгскаго пѣхотнаго полка изъ Борго въ Тавастгусъ. Для этого помощнику губернатора надлежало озаботиться доставкой нужнаго числа лошадей, для перевозки клади. С. Грипенбергъ указалъ на постановленіе 1824 г., установившее для требованія лошадей двухнедѣльный срокъ. А. Закревскій разгнѣвался и въ сердцахъ сказалъ ему: «Я вамъ постановленіе и если не послушаетесь, то будете уволены отъ должности». Вице-губернаторъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ отставкѣ, указавъ на незаслуженное обращеніе генераль-губернатора, оскорбившее его лично и ту должность, которую онъ занималъ.

Сенатъ (Фалькъ, Ладау и Кликъ), рассмотрѣвъ прошеніе Грипенберга, отмѣтилъ, что ссылка его на законъ 1824 г. въ данномъ экстренномъ случаѣ неумѣстна.

Въ Гельсингфорсѣ случайно пріѣхалъ гр. Ребиндеръ. Грипенбергъ хотѣлъ лично доложить ему дѣло, но не былъ принятъ. Желая представить непріятный случай въ надлежащемъ освѣщеніи, Грипенбергъ написалъ ему обширное объясненіе, въ которомъ, между прочимъ, значилось: «Ваше Сіятельство знаете, что я никогда не былъ фрондеромъ и революціонеромъ, но сила власти деспота имѣетъ свои предѣлы, какъ и слѣпое подчиненіе невольника... Мой поступокъ вызванъ чувствомъ долга, любовью къ родинѣ, честью моею

губерніи и моей собственной. Я сдѣлался жертвою исполненія этихъ священныхъ обязанностей... Уношу съ собой нищету, а въ гробъ—ту радость, что просвѣщенные жители главнаго города открыто одобрили мое поведеніе»...

Дѣйствительно, нѣкоторые горожане собирались вмѣшаться, но Грипенбергъ упросилъ ихъ этого не дѣлать. Тогда два «густавіанца», I. А. Эренстремъ и гр. I. Ф. Аминовъ, выразили свое сочувствіе письменно. Эренстремъ восклицалъ: «хвала и честь тѣмъ, которые въ періодъ униженія и подлости смѣютъ проявлять храбрость, крѣпость и возвышенную самобытность природы... Вы пробудили національное чувство тамъ, гдѣ оно дремало, и указали путь, по которому слѣдуетъ идти во избѣжаніе униженія, потому что тѣ, которые лежатъ въ прахѣ, не въ правѣ жаловаться, что ихъ топчутъ ногами»... Еще болѣе высокій тонъ взялъ Аминовъ, который писалъ: «Мой другъ, столь важно соблюдишь интересы родины, Себастіанъ Грипенбергъ! Только что узнать, сколь возвышенную мощь вы проявили не только нашему обществу, но всему міру, будучи въ нашей отчизнѣ первымъ бюрократомъ, который осмѣлился возвысить голосъ... когда топчется святость нашихъ законовъ. Богъ наградитъ такого мужа... Мой другъ воздвигъ себѣ памятникъ!... Другъ мой, если у васъ окажется недостатокъ, будемъ вмѣстѣ плакать и дѣлить кусокъ хлѣба»...

С. Грипенбергъ, желая выиграть дѣло, мобилизовалъ всѣ свои силы. Написавъ два письма гр. Ребиндеру, онъ обратился, кромѣ того, къ флигель-адъютанту Владиміру Адлербергу, котораго зналъ по своей прежней службѣ въ Главномъ Штабѣ и считалъ своимъ покровителемъ. Извѣстно, что В. Адлербергъ не былъ въ числѣ друзей Закревскаго. Вл. Адлербергу Грипенбергъ жаловался, что А. Закревскій управляетъ финляндцами «какъ неограниченный самодержецъ: увольняетъ должностныхъ лицъ безъ законныхъ причинъ, разорилъ нашу казну, чинитъ поруганіе личной безопасности—таковы черты, о которыхъ никто не осмѣлился довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества»... «Сказанныя графомъ слова показываютъ, что его воля стоитъ выше данныхъ Его Императорскимъ Величествомъ законовъ»... С. Грипенбергъ не забылъ прибавить, что онъ не фрондеръ и не революціонеръ, а вѣрный подданный и хорошій гражданинъ; что у него чистая совѣсть, такъ какъ онъ исполнилъ свой долгъ...

Расчетъ С. Грипенберга былъ построенъ на томъ, что В. Адлербергъ поспѣетъ изложить дѣло Государю ранѣе другихъ и подготовить почву не въ пользу А. Закревскаго и Сената. Но расчетъ не оправдался, и Грипенбергъ, согласно его прошенію, былъ уволенъ. Его демонстрація успѣха не имѣла. Ребиндеръ въ дѣло не вмѣшался, такъ какъ «боялся» гр. А. Закревскаго. Сенаторъ Фалькъ, вице-президентъ хозяйственнаго департамента, также не могъ одобрить способа дѣйствія Грипенберга, которому генераль-губернаторъ отдалъ исполнѣ законное приказаніе. Передвиженіе баталіона находилось въ связи съ польскимъ возстаніемъ, слѣдовательно, требовало исключительнаго вниманія и быстроты, а законъ 1824 г., на который ссылался С. Грипенбергъ, имѣлъ въ виду перемѣщенія войскъ въ мирное время ²⁸⁸).

Таковы факты. По нимъ легко и наглядно опредѣляются и «деспотизмъ» Закревскаго, и психологія политической борьбы финляндцевъ.

Закревскій былъ требователенъ, нерѣдко вспыльчивъ; но строгость его оказывалась иногда спасительной. Онъ сослалъ, примѣръ, въ Колу нѣкоего Фролова, и тотъ потомъ пріѣхалъ во Флоренцію благодарить Закревскаго за то, что послѣ ссылки сдѣлался человѣкомъ ²⁸⁹).

Въ Финляндскихъ крѣпостяхъ—Кексгольмѣ, Выборгѣ, Роченсалмѣ и Свартгольмѣ—отбывали первоначальное свое наказаніе многіе декабристы. Декабристъ Поджіо не разъ, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, высказывалъ свою горячую благодарность Закревскому за его вниманіе къ нему и его товарищамъ въ ихъ печальномъ положеніи. Закревскій, оставаясь точнымъ исполнителемъ закона, сумѣлъ избѣжать излишней придирчивости и доставлялъ заключеннымъ все тѣ облегченія, которыя были возможны ²⁹⁰). Въ запискахъ декабриста Штейнгеля отмѣчено: «Вообще личное обращеніе генераль-губернатора А. Закревскаго было очень успокоительное, по оказанному вниманію и особенной вѣжливости, въ совершенный контрастъ съ принятой формою въ официальныхъ предписаніяхъ, гдѣ узниковъ называли просто «каторжными». Его супруга посылала заключеннымъ чай, сахаръ и разныя вещи. Подобные примѣры убѣждаютъ, что Закревскаго нельзя отнести къ числу охотниковъ до строгихъ наказаній. ²⁹¹).

Извѣстный декабристъ С. Г. Волконскій всю жизнь свою считалъ Закревскаго въ числѣ своихъ добрыхъ знакомыхъ. Въ запи-

скалъ Волконскаго читаемъ: «въ честь его долженъ сказать, что во все время его служенія, несмотря на пріобрѣтаемыя имъ высшія степени значенія, онъ оставался всегда равно радушнымъ къ старымъ знакомымъ и всегда готовымъ имъ къ услугамъ, равенство дѣйствія, которое малое число людей сохраняютъ при возвышеніи въ значительности. Я это испыталъ лично надъ собою, не только въ продолженіи моей службы, въ теченіе которой не разъ случалось мнѣ имѣть до него дѣло, но и по возвращеніи моемъ изъ ссылки въ 1856 г. Онъ былъ тогда Московскимъ генералъ-губернаторомъ и, несмотря на различное значеніе наше въ обществѣ, несмотря на прежнюю мою опалу, принялъ меня, какъ прежняго товарища, давалъ мнѣ чистосердечные совѣты, чтобы охранить меня отъ многихъ сплетенъ и нерасположенія многихъ лицъ, и, наконецъ, отстаивалъ меня на едѣланные ложные на меня допросы. Я поставляю себѣ долгомъ высказать степень моей признательности за это тѣмъ болѣе, что многіе другіе мои современники этого не едѣлали» ²⁹²).

Доброе и отзывчивое сердце Закревскаго не разъ проявилось и въ заботахъ о финляндцахъ.

Уѣздная полиція края, коронные фохты (исправники) и ленсмана (земскіе полицейскіе чиновники) обычно посылали вмѣсто себя разныхъ лицъ производить аукціоны, собирать подати и т. п. Эти замѣстители распоряжались совершенно самовластно: дѣйствовали безъ письменныхъ полномочій, безъ объясненія причинъ производили взысканія и т. п. Расписокъ никому не выдавали, да часто оказывались къ тому же совершенно неграмотными. Вознагражденіе же за свои труды старались получить удвоенное. Всѣ разнородныя дѣйствія совершали въ одинъ пріѣздъ, но брали съ населенія отдѣльно и прогоны, и штрафныя пошлины. За обираемыхъ и угнетаемыхъ поселянъ вступился А. Закревскій, водворивъ въ этомъ дѣлѣ должный порядокъ ²⁹³).

Еще примѣръ: въ Финляндіи существовалъ такой порядокъ, что женщину, имѣвшую на рукахъ малолѣтняго ребенка и присужденную къ заключенію, отправляли въ тюрьму вмѣстѣ съ младенцемъ. За что страдало и разстраивало свое здоровье безвинное дитя? Прежніе финляндскіе ген.-губернаторы знали, конечно, о существованіи безчеловѣчнаго закона, но смотрѣли на него равнодушно. Иначе отнесся къ дѣлу тотъ, котораго клеймятъ «своевольнымъ солдатомъ». Онъ приказалъ

пристраивать неповинныхъ дѣтей въ кирхшпиляхъ на общественныя суммы ²⁹⁴).

Гдѣ возможно населенію облегчались стѣснявшія его условія. Осенью затруднительно было совершать обывателямъ Нюландіи и Тавастгусской губерніи поѣздки въ Гельсингфорсъ за паспортами для поѣздки въ Швецію. Паспортные бланки переданы были короннымъ фохтамъ для нужной раздачи.

Нѣкоторые уроженцы Выборгской губ. попали на военную службу по рекрутскимъ наборамъ 1807, 1810 и 1811 годовъ. Впослѣдствіи они убѣждали со службы на родину. Въ 1829 г. А. А. Закревскій ходатайствовалъ объ оставленіи ихъ на своихъ мѣстахъ, въ виду ихъ старости, хорошаго поведенія и зачисленія ихъ въ манталъные списки.

Знавшіе Закревскаго не безъ основанія поэтому утверждали, что у него было отзывчивое сердце, хотя и скрытое далеко подъ наглухо застегнутымъ николаевскимъ мундиромъ.

Уйдя въ отставку, Закревскій не искалъ утраченной милости. Онъ жилъ то въ Москвѣ, то за границей, то въ Петербургѣ.

Когда же вы впервые свидѣлись съ Государемъ, послѣ вашего увольненія?—спросилъ его однажды баронъ М. Корфъ. Не прежде какъ черезъ девять лѣтъ. Бывая въ Петербургѣ, Закревскій избѣгалъ свиданія съ нимъ и съ намѣреніемъ не являлся даже на тѣ частныя балы, гдѣ ожидали Его присутствія. Но однажды они встрѣтились на вечерѣ у Юсупова, куда Государь пріѣхалъ изъ театра. Замѣтивъ графа за партіею, Онъ самъ подошелъ, обнялъ его и привѣтствовалъ нѣсколькими ласковыми вопросами.

Вскорѣ послѣ того, графъ Закревскій началъ давать прекрасныя балы; въ 1847 году, неожиданно для публики, если не для самого хозяина, пріѣхали и Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, что повторилось также зимою 1848 года.

Въ 1848 г. въ Москвѣ освободилась должность военного генералъ-губернатора. Опальнаго А. Закревскаго назначили въ Москву съ большими полномочіями, подтянуть ее, въ виду признаковъ революціи и шатанія умовъ. «Ракетой на уснувшій городъ палъ» Закревскій. По этому поводу кн. Меншиковъ сострилъ: Москва «не только святая, но и великомученица». Закревскій увѣрялъ, что ему въ Москвѣ «нужно было быть суровымъ по виду». Онъ былъ убѣжденъ, что правилъ столицей патриархально. Но его опека тутъ, видимо, была тяжела; его администра-

тивный произволъ и примѣненная здѣсь система шпіонства не могли понравиться. Здѣсь онъ рисуется капризнымъ и подозрительнымъ деспотомъ, ставившимъ свою волю выше закона. Онъ былъ въ апогеѣ своего могущества. Но въ Москвѣ же закатилась его звѣзда. Его дочь, графиня Лидія Арсеньевна, окруженная раболѣпнымъ вниманіемъ, была царицей московскаго высшего общества и въ то же время избалованнымъ ребенкомъ дрожавшаго надъ ней отца. Въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій она не пощадила своего родителя.

Графиня Лидія Нессельроде (1826—1884) отъ живого мужа, съ вѣдома отца, повѣнчалась (1859 г.) съ кн. Д. В. Друцкимъ-Соколинскимъ и уѣхала за границу съ паспортомъ, выданнымъ московскимъ ген.-губернаторомъ. Надо полагать, что А. Закревскій не скрылъ бы всего этого отъ Государя, но «дурная слава бѣжитъ», и исторія сдѣлалась извѣстна Государю ранѣ свиданія съ нимъ Закревскаго. Чаша переполнилась и Закревскаго уволили.

Но вотъ краткое и многоговорящее извлеченіе изъ политической исповѣди А. Закревскаго. «Я знаю, любезный Фигнеръ, сказалъ въ минуту откровенной бесѣды А. Закревскій, что меня обвиняютъ въ суровости и несправедливости по управленію Москвою; но никто не знаетъ инструкціи, которую мнѣ далъ Императоръ Николай, видѣвшій во всемъ признаки революціи. Онъ снабдилъ меня бланками, которые я возвратилъ въ цѣлости. Такое было тогда время и воля Императора, и суровымъ быть мнѣ, по виду, было необходимо» ²⁹⁵).

Чтобы дорисовать историческій обликъ А. Закревскаго, прибавимъ еще два—три штриха. Закревскій, котораго подозрѣваютъ въ малообразованности, поручаетъ А. И. Тургеневу купить для него въ Лондонѣ цѣлый рядъ медицинскихъ книгъ (мартъ, 1830 г.); онъ оставилъ 23 большихъ тетрадей писемъ, среди которыхъ нерѣдко попадаются весьма цѣнные историческіе документы, а его библіотека, при переѣздѣ въ Гельсингфорсъ, состояла изъ 1,627 названій ²⁹⁶).

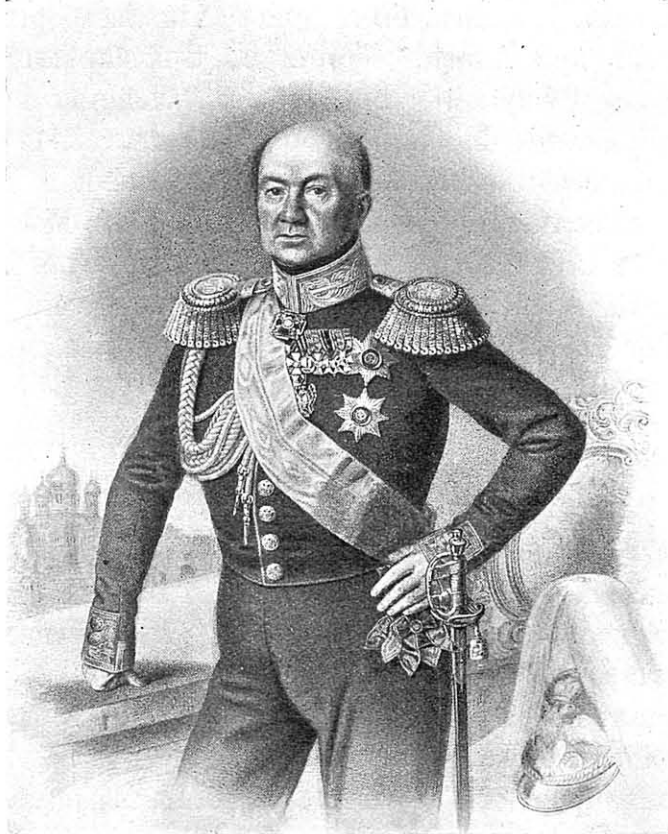
Сенаторъ А. Н. Фалькъ, въ частномъ письмѣ отъ 27 ноября—9 декабря 1827 г., обращается къ А. Закревскому: «Упомянувъ о войскахъ, находящихся въ Або, и разсудивъ, сколь они тѣсно расположены, я беру смѣлость спросить, нельзя ли будетъ обратиться университетское зданіе въ казарму?» Далѣе слѣдуютъ мотивы. 3 декабря (ст. ст.) А. Закревскій, въ которомъ хотятъ видѣть лишь

солдата, отвѣтилъ: «университетское зданіе, расположенное возлѣ кирки, не нахожу приличнымъ обратить въ казармы по слѣдующимъ причинамъ: первое, потому что жители могутъ быть весьма недовольны таковымъ необразованіемъ и помѣщеніемъ войскъ въ сосѣдствѣ кирки и въ самой серединѣ города; а вы сами знаете, сколь соотечественники ваши щекотливы въ семъ отношеніи... Лучше помѣстить въ университетскомъ зданіи всѣ присутственныя мѣста»...

Русская литература и наука должны помянуть Закревскаго словомъ благодарности,—говорить Ник. Барсуковъ, — за то, что онъ уладилъ жизнь несчастнаго Е. А. Боратынскаго въ Финляндіи и содѣйствовалъ знаменитой археологической экспедиціи П. М. Строева.

Современному намъ историку — Великому Князю Николаю Михайловичу — пришлось кос-

нуться личности графа А. А. Закревскаго, и его выводъ о немъ таковъ: Всѣ ген.-адъютанты Императора Александра I стремились вѣрой и правдой служить родинѣ; что же касается Закревскаго, то онъ, вмѣстѣ съ Строгановымъ, Васильчиковымъ и другими «оставили, внѣ всякаго сомнѣнія, свѣтлое мѣсто на страницахъ русской исторіи»... Закревскій заслужилъ «почетное имя»... ²⁹⁷⁾ Намъ представляется, что въ А. А. Закревскомъ Россія имѣла достойнаго сына, а Государь—вѣрнаго и стойкаго слугу. Скончался онъ въ 1865 г. во Флоренціи. Погребенъ онъ

Гр. А. А. Закревскій.

и его семья въ Италіи, въ имѣніи Гальчето, въ 4 верстахъ отъ г. Прато, въ Тосканѣ.

Такъ закончилась жизнь человѣка, который, выйдя изъ бѣдной и незамѣтной семьи, стоялъ близко къ Александру I въ величайшій моментъ его царствованія, видѣлъ пожаръ Москвы и участвовалъ затѣмъ въ торжественномъ входѣ нашихъ войскъ въ Парижъ. Закревскій былъ на поляхъ Аустерлица, Прейсишъ-Эйлау, Данцига, былъ при взятіи Свеаборга; онъ участникъ схватокъ при Алаво, Куортанѣ, Оравайсѣ; онъ находился въ огнѣ подъ Рушукомъ, Бородинымъ, Лейпцигомъ. Ему было ввѣрено управленіе Финляндіей, борьба съ ужасной холерой, онъ состоялъ министромъ внутреннихъ дѣлъ великой Россійской Имперіи и всевластнымъ генераль-губернаторомъ Москвы. Онъ перенесъ на себѣ и гнѣвъ и милость грознаго Николая Павловича и благодушнаго Александра II. Друзья и враги его были многочисленны и могущественны. Онъ испыталъ нужду и позналъ роскошь богатства; извѣдалъ отраду и горе въ семейной жизни...

Родился князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ 15 августа 1787 г.; воспитывался въ Дрезденѣ. Его мать Екатерина Николаевна—урожденная княгиня Голицына. Началъ службу въ 1805 г. въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ званіи коллегіи-юнкера. Не занимаясь, по лѣности, въ школѣ, онъ, выйдя изъ нея, съ рвеніемъ сталъ пополнять запасъ своихъ знаній. При исполненіи перваго же даннаго ему служебнаго порученія—доставить депеши въ Лондонъ—онъ проявилъ себя нѣсколькими эксцентрическими выходками.

Въ воспоминаніяхъ Югана Дибрика авъ-Вингорда ³⁰¹⁾ находится нѣсколько интересныхъ чертъ о князѣ А. С. Меншиковѣ. Французская армія, послѣ побѣды надъ пруссаками при Іенѣ, столь быстро подошла (1806 г.) къ Берлину, что изъ него вынуждены были сѣбно выѣхать представители иностранныхъ державъ. Въ числѣ спасавшихся въ Стральзундѣ находился и молодой кн. Меншиковъ.—Генераль Густавъ М. Армфельтъ, познакомившійся ранѣе съ родителями кн. Меншикова и считавшій себя обязаннымъ имъ, отнесся очень заботливо къ молодому князю. Чтобы развлечь его, авъ-Вингорду пришлось преподавать ему артиллерію и учить его шведскому языку. Молодой князь оказался съ прекрасными способностями и скоро одолѣлъ и артиллерію, и

языкъ. Въ обществѣ авъ-Вингорда онъ совершилъ поѣздку по Помераніи, которую шведамъ пришлось неожиданно укрѣплять. Собираясь покинуть Стральзундъ, кн. Меншиковъ подарилъ авъ-Вингорду нѣсколько книгъ и въ числѣ ихъ «Mémoires militaires» сочиненія генерала Лойда, въ которыхъ была положена закладка въ томъ мѣстѣ, гдѣ англичанинъ-авторъ, въ подтвержденіе своихъ теоретическихъ

Генералъ-губернаторъ кн. Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ.

выводовъ, какъ примѣръ для операціонныхъ линій, утверждалъ, что русскіе отнимутъ Финляндію у шведовъ. Прочтя эту замѣтку, авъ-Вингордъ сталъ доказывать князю Меншикову, какимъ образомъ шведы могутъ возвратить этотъ край, если бы его случайно,—какъ это бывало,—отняли у Швеціи. И Вингордъ началъ храбро теоретически маневрировать, опираясь на Свеаборгъ и шхерный флотъ. «Вѣроятно произошло бы по вашему,—замѣтилъ Меншиковъ,—если бы съ нашей стороны не было значительнаго войска,

которое помѣшаетъ вашему успѣшному прибытію къ границѣ... Вы хорошо маневрируете на бумагѣ... Нѣтъ, возразилъ авъ-Вингордъ,—я ни въ какомъ случаѣ не остановился бы у границы, потому что никакого прочнаго мира на сѣверѣ не будетъ, пока Петербургъ существуетъ въ концѣ Финскаго залива».—«Но какъ же вы избавитесь отъ этого маленькаго препятствія для вашего мира?»—«Нѣтъ ничего легче, стоитъ только соединить Сайму съ Ладожскимъ озеромъ и подвести хорошую мину подъ Шлиссельбургъ, тогда чертъ поберетъ всю эту дрянъ, и Финскій заливъ будетъ судоходенъ до Ладожскаго озера»... Тутъ мы оба отъ души разсмѣялись и кн. Меншиковъ сказалъ: «вотъ славные проекты, и вы чудесно отвѣтили мнѣ à la Armfelt. Прощайте, почтенный другъ, благодарю васъ за пріятную компанію».

Прошло семь лѣтъ. Въ 1813 г. Вингордъ скромно ѣхалъ по улицѣ Лейпцига съ однимъ ординарцемъ. На встрѣчу показался русскій генераль, окруженный адъютантами и казаками, и по шведски спросилъ: «Не Вингордъ ли это? Вы не узнаете Меншикова?»—Послѣдовалъ дружескій разговоръ, во время котораго Меншиковъ напомнилъ о прежней ихъ болтовнѣ. «Ну, а что говорилъ я и ген. Лойдъ, вы потеряли таки Финляндію!»...

Въ 1848 г. кн. Меншикову, въ свитѣ Великаго Князя Константина Николаевича, пришлось побывать въ Стокгольмѣ. Онъ отыскалъ своего, теперь уже стараго и больного, друга Вингорда, чѣмъ доставилъ ему истинное удовольствіе ³⁰¹.

Въ Берлинѣ и Стральзундѣ кн. Меншиковъ познакомился еще съ нѣсколькими шведскими офицерами (Клерфельтомъ, Р. Матеусомъ, Пиперомъ и др.), съ которыми долго поддерживалъ дружескую переписку. Особенной задушевностью дышать письма Морица Клерфельта, бывшаго въ одно время адъютантомъ шведскаго короля.

Въ молодости кн. Меншиковъ пріятно проводилъ время также въ домѣ дѣда Клинковстрема и, по словамъ К. И. Фишера, участвовалъ въ похищеніи женщины, которая стала потомъ баронессой Клинковстремъ: на долю князя досталась роль лакея, который посадилъ красавицу въ карету, привезшую ее изъ театра въ домъ барона ³⁰²).

Оставивъ дипломатическій корпусъ, кн. Меншиковъ перешелъ въ артиллерию и отправился въ молдавскую армію къ гр. Каменскому. Въ 1812 г. участвовалъ въ Бородинскомъ дѣлѣ, а за-

тѣмъ совершилъ походъ къ Парижу, гдѣ былъ раненъ. Въ 1813 г. его отправили курьеромъ къ принцу Бернадоту, причемъ онъ съ большими опасностями и приключеніями проникъ сквозь непріятельскую армію. Далѣе мы видимъ его въ блестящей свитѣ Императора Александра I, директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба П. М. Волконскаго. Меншиковъ пользовался высокимъ довѣріемъ Государя Александра Павловича вплоть до 1820 г., когда усилилось вліяніе Аракчеева. «Если вашъ братъ будетъ продолжать дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ до сихъ поръ,—сказалъ Александръ Павловичъ его сестрѣ, княгинѣ Гагариной,—то онъ скоро сдѣлается въ Имперіи первымъ послѣ меня».

33-хъ лѣтняго генерала назначили посланникомъ въ Дрезденъ; онъ счелъ это немилостью и подалъ (1824) въ отставку. Въ подмосковномъ имѣніи онъ сильно затосковалъ отъ полнаго бездѣлья.—Случайно въ это время знакомится съ хорошимъ морякомъ и изучаетъ новую специальность.

Съ 1814 по 1829 г. А. А. Закревскій и кн. А. С. Меншиковъ состояли въ дружеской перепискѣ. Любезный другъ, любезное превосходительство, любезный Арсеній,—писалъ обыкновенно кн. Меншиковъ. Въ письмахъ къ кн. Волконскому, Закревскій называлъ Меншикова «Кривлякой», иногда, кажется, Калиостро.

Письма Меншикова кратки, но интересны и игривы. Въ виду ихъ краткости, Меншиковъ отражается въ нихъ мало. Однако, мы узнаемъ, что онъ былъ очень доволенъ рѣчью Александра I, произнесенной въ 1818 г., при открытіи польскаго сейма въ Варшавѣ, и заканчиваетъ свои строки припиской: «князь Меншиковъ, который въ душѣ полякъ». Далѣе мы видимъ изъ писемъ, что служба Меншикова на Кавказѣ не была красными днями для него, такъ какъ тамъ ему случалось дѣлать цѣлые переходы «пѣшкомъ по снѣгу», а другой разъ онъ «38 дней не раздѣвался отъ заботъ осады». Уходя въ 1824 г. неохотно со службы, онъ прибавляетъ: «выхожу въ отставку съ внутреннею увѣренностью, что долгъ свой исполнилъ совѣстно и съ честью, а время, которое все открываетъ, покажетъ, что я не былъ либераль и не былъ зараженъ крамольными новизнами нашего вѣка, но былъ усердный слуга престола».

Либераломъ онъ дѣйствительно не былъ, но въ масонской ложѣ состоялъ. Изъ переписки, сохраняющейся въ Военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба³⁰³), видно, что директоръ канцеляріи начальника главнаго штаба, генераль-адъютантъ кн. Меншиковъ,

принадлежалъ къ масонской ложѣ въ Дрезденѣ, которая называлась не то Золотое яблоко, не то Пеликанъ.

Впослѣдствіи пріятели Закревскій и Меншиковъ разошлись и послѣдній въ своихъ отзывaxъ не щадилъ прежняго друга.

Въ отставку князь пробылъ не долго. Уже въ ноябрѣ 1825 г. онъ писалъ своему другу, Закревскому: «не забудь стараго сослуживца, внуши о принятіи меня на службу и о возвращеніи прежнихъ эпюлетъ». Сдѣлалъ ли Закревскій что-либо для кн. Меншикова—не знаемъ, но Государь, къ которому Меншиковъ прежде всего обратился, вернулъ его на службу.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича, князь Меншиковъ былъ отправленъ посломъ къ персидскому шаху, причемъ мирный посолъ дружественной державы едва не подвергся участи военно-плѣннаго, и если вся миссія избѣгла непріятностей, то исключительно благодаря твердости, умѣренности и проницательности князя ³⁰⁴).

По возвращеніи (въ 1827 г.) изъ Персіи, князю повелѣно было преобразовать морское министерство, прославившееся тогда колоссальными злоупотребленіями. Имѣя всего нѣсколько сотрудниковъ, князь принялся за работу, которую выполнилъ крайне неудовлетворительно ³⁰⁵).

Потомъ онъ опять на войнѣ. Въ 1828 г. беретъ со славой крѣпость Анапу. Вице-адмиралъ Грейгъ успѣхъ дѣла отнесъ «благоразумію, неутомимости и блистательной храбрости князя Меншикова». За взятіе Анапы онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. «Я радъ,—сердечно откликнулся А. Закревскій,—что Анапа взята и Меншиковъ, какъ русскій, отличился» ³⁰⁶).

Вслѣдъ затѣмъ князь, при осадѣ Варны, былъ сильно раненъ: ядро повредило ему обѣ ноги. Государь послалъ своего доктора и князь избѣжалъ опасности.

Современники описываютъ его красивую, стройную наружность, высокій ростъ, его умные темно-синіе глаза, неподдѣльную улыбку. Обстриженъ подъ гребенку, ни усовъ, ни бакеновъ не носилъ ³⁰⁷). Мягкость движенія, приличіе тона и небрежное щегольство—все это выгодно отличало князя Меншикова. Въ 1834 г. Меншиковъ побывалъ въ Стокгольмѣ, и шведъ отмѣтилъ, что онъ достойно носилъ великое имя и его княжескіе приемы «въ нашей столицѣ заставили всѣхъ говорить о себѣ». Но обычно съ губъ, этого кавалера александровскаго Дворца, не сходила холодная

саркастическая улыбка. Память князя была изумительная: это цѣлый архивъ, это дипломатія и исторія всего свѣта, какъ выразился современникъ Э. И. Стрговъ ³⁰⁸).

Александръ I полюбилъ молодого директора канцеляріи князя П. М. Волконскаго. Князь Меншиковъ нерѣдко во время безчисленныхъ переѣздовъ Императора сидѣлъ въ его коляскѣ. Живая фантазія Александра Павловича быстро рождала многочисленные запросы, указанія, планы. Молодой Меншиковъ въ своей памяти въ большой точности сохранялъ все изреченное на лету Монархомъ и аккуратно приводилъ въ исполненіе Высочайшія желанія. И несмотря на все это Александръ I скоро разстался съ нимъ. Почему?

Уже ко времени Веронскаго конгресса, куда князь Меншиковъ сопровождалъ Императора, относятся слѣдующія два отзыва о немъ Государя, въ достаточной степени обрисовывающіе взглядъ на него Александра I. «Душа Меншикова чернѣе его сапога». *«Le prince Menschikoff n'a d'esprit que pour mordre»* (у Меншикова есть умъ только для того, чтобы кусаться). Въ такомъ же родѣ былъ и третій отзывъ о немъ Государя, высказанный позднѣе, Маріи Антоновнѣ Нарышкиной: *«c'est un méchant homme qui aurait pu être utile, mais qu'on ne peut employer, sa langue attaque tout le monde»* (это злой человѣкъ, который могъ бы быть полезенъ, но которымъ нельзя пользоваться, такъ какъ его языкъ задѣваетъ всѣхъ).

Графъ Толь и кн. Меншиковъ были пріятеля. Во Франціи Толь во время боя сдѣлалъ какую то ошибку. Меншиковъ воспользовался случаемъ и высмѣялъ его. Государь утѣшилъ Толя, давъ одновременно совѣтъ, «не слишкомъ водиться съ Меншиковымъ, потому что этотъ очень хитеръ и семь разъ продастъ Толя и семь разъ выкупить, а Толь и не догадается» ³⁰⁹).

Въ Лайбахѣ Петръ Як. Чаадаевъ имѣлъ своеобразный разговоръ съ Александромъ I. «Иностранные посланники смотрѣли ли съ балконовъ, когда увозили Семеновскій полкъ въ Финляндію?»—В. Вел., ни одинъ изъ нихъ не живетъ на Невской набережной. «Гдѣ ты остановился?»—У кн. А. С. Меншикова, В. Вел.—«Будь остороженъ съ нимъ. Не говори о случившемся съ Семеновскимъ полкомъ» ³¹⁰).

«Если Государь два года съ лишнимъ терпѣлъ такого лживаго интригана, да еще со злымъ языкомъ, то только изъ-за князя

Волконскаго», — пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. М. Лонгиновъ ³¹¹).

Замѣчательно, что нравственныя качества кн. Меншикова ни у кого изъ его современниковъ не получили высокой оцѣнки. Гагернъ характеризуетъ Меншикова человѣкомъ «очень хитрымъ», «вѣжливымъ» и «малымъ не промахомъ» ³¹²). Гр. Оттонъ де-Брэ отмѣчаетъ злую насмѣшку, которая постоянно была написана на его лицѣ, и богатство умственныхъ его дарованій. Князь Меншиковъ обладалъ недюжиннымъ природнымъ умомъ, получилъ разностороннее образованіе, но, къ сожалѣнію, — какъ замѣтилъ кн. А. М. Горчаковъ, — его «умъ и образованіе затемнялись истиннымъ или напускнымъ безсердечіемъ. Ко всему на свѣтѣ онъ относился саркастически, злобно и развѣ по меньшей мѣрѣ насмѣшливо». Но извѣстно, что все осмѣивать — дѣло легкое и мало рекомендуемое человѣка. Въ общемъ выводѣ получается человѣкъ безсердечный, замѣнившій умъ хитростью и размѣнявшій свои способности на острия словца и насмѣшки.

Когда Закревскій просился въ отставку, Государь, — если вѣрить К. И. Фишеру, — сказалъ: «Я никого не удерживаю; министръ внутреннихъ дѣлъ у меня есть. Меншиковъ, возьми Финляндію! Я всегда думалъ, что это управленіе ближе всего входитъ въ тѣ руки, въ которыхъ мои морскія силы» ³¹³).

Въ 1831 г. кн. Меншиковъ назначается на постъ Финляндскаго генераль-губернатора. Судьбѣ угодно было, чтобы онъ въ Финляндіи занялъ мѣсто своего бывшего друга. Нѣсколько ранѣе, рѣчь шла о назначеніи барона Толя, но оно почему-то не состоялось ³¹⁴).

Въ приказѣ по Главному Штабу отъ 19 ноября 1831 г. значилось, что Государь Императоръ призналъ за благо упразднить именованіе Отдѣльнаго Финляндскаго корпуса, а войска его, отдѣльно отъ армій и корпусовъ, подчинить главному начальству генераль-губернатора Финляндіи, вице-адмиралу генераль-адъютанту кн. Меншикову, на правахъ, присвоенныхъ командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ. Ему же были подчинены коменданты финляндскихъ крѣпостей.

На это назначеніе кн. Меншиковъ отвѣтилъ письмомъ къ Государю. «Благодарственно повергаю себя стопамъ Вашего Императорскаго Величества за новый знакъ Монаршаго довѣрія, изъясненный назначеніемъ меня Финляндскимъ генераль-губернаторомъ.

«Рвеніємъ моимъ въ исполненіи обязанностей не оболгу выбора моего Государя, ибо рвенію сему нѣтъ предѣловъ, но опасаясь, что притупленная увѣчьями и недугами дѣятельность не будетъ соотвѣтствовать обширности занятій по двумъ предстоящимъ мнѣ управленіямъ, опасаясь невольныхъ упущеній, не отъ недостатка усердія, но отъ безсилія произойти могущихъ.

«Въ семъ предвидѣніи осмѣливаюсь просить отъ благости Вашей, Всемилостивый Государь, суда снисходительнаго къ упущеніямъ невольнымъ. Князь Меншиковъ». (22 ноября 1831 г.).

Доводя до свѣдѣнія Государя о своемъ вступленіи въ управленіе края, кн. Меншиковъ доносилъ, что, получаемыя имъ извѣстія, какъ въ отношеніи общественнаго спокойствія, такъ и о духѣ народномъ весьма удовлетворительны. «Студенты прибыли уже въ значительномъ числѣ въ Гельсингфорсъ для университетскихъ курсовъ... но благочиніе нигдѣ не было нарушено». Cholera на всемъ пространствѣ Финляндіи прекратилась. (17—29 янв. 1832 г.).

Во время перваго своего пріѣзда въ Финляндію онъ очаровалъ всѣхъ своей любезностью, манерами, умомъ. На это онъ, видимо, былъ большой мастеръ. Въ корреспонденціи изъ Гельсингфорса ³¹⁵⁾ читаемъ: «Небольшой областной городъ нашъ оживился необыкновеннымъ образомъ: 14-го числа прибылъ сюда нашъ новый ген.-губернаторъ, кн. А. С. Меншиковъ, а на другой день статсъ-секретарь гр. Ребиндеръ... Князь Меншиковъ какъ здѣсь, такъ и на пути сюда, снискалъ общее почтеніе и привязанность кроткимъ и снисходительнымъ со всѣми обращеніемъ, необыкновенными познаніями, быстротою соображеній въ сужденіи о представленныхъ ему дѣлахъ и уваженіемъ своимъ къ законамъ и обычаямъ здѣшней страны». Многимъ при этомъ припомнился старецъ гр. Штейнгель. Высказана была «дань благодаренія мудрому Монарху, благоволившему осчастливить финскихъ подданныхъ своихъ назначеніемъ въ правители ихъ страны сего отличнаго образованіемъ своимъ государственнаго мужа». Князь бесѣдовалъ съ гражданами; онъ «оживилъ присутствіемъ своимъ публичные балы и концерты; принялъ приглашеніе купечества къ обѣду, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ для угощенія его не дѣлано было издержекъ». Въ заключеніе корреспондентъ пророчилъ: Если князь будетъ чаще бывать въ краѣ, то удостовѣрится, что управляетъ народомъ, который искренно преданъ Російскому Престолу и Правосудному Монарху, усердствуетъ къ общему благу Россіи и готовъ каждую минуту жертвовать для доб-

раго Царя имуществомъ и кровью». Итакъ, первое впечатлѣніе превосходное.

Соединяя въ своемъ лицѣ званіе финляндскаго генераль-губернатора и начальника главнаго морского штаба, кн. Меншиковъ не могъ постоянно присутствовать въ Финляндіи и совершать объѣзды края, почему ему былъ данъ помощникъ ген.-лейт. Александръ Аматусъ Теслевъ. По утвержденной для него 12—24 апр. 1833 г. инструкціи, помощникъ предсѣдательствовалъ въ Сенатѣ, объѣзжалъ край, сносясь съ присутственными мѣстами Имперіи и пр. ³¹⁶).

Князь Меншиковъ, видимо, самъ сознавалъ крайнее неудобство своего положенія, когда 8—20 авг. 1832 г. писалъ гр. Ребиндеру: «Не могу, какъ слѣдуетъ, исправлять эту должность, такъ какъ невозможно управлять административнымъ мѣстомъ въ Петербургѣ и быть генераль-губернаторомъ въ Финляндіи, управляя ею въ Петербургѣ. Не знаю, какъ согласовать эти двѣ крайности»... Но князь Меншиковъ тѣмъ не менѣе оставался на двухъ постахъ. Легко все разрѣшавшій баронъ Клинковстремъ писалъ ему: «Я не вижу, почему вамъ надо будетъ покинуть вашихъ добрыхъ финляндцевъ»... (17—31 янв. 1835). Изъ сѣтованій Л. Гартмана, Я. К. Гротъ заключилъ, что для финляндцевъ пріятнѣе было бы, если бы генераль-губернаторъ жилъ не въ Петербургѣ, а въ Гельсингфорсѣ, «на что и я совершенно согласенъ».

Князь Меншиковъ,— какъ значится въ одномъ финскомъ изданіи,—жилъ обыкновенно въ Петербургѣ. Стоя очень близко къ Царю, онъ пользовался особымъ благоволеніемъ и большимъ вліяніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ образованнѣе своего предшественника, генераль-адъютанта Закревскаго, и мягче характеромъ. «Но что особенно вліяло на облегченіе режима въ Финляндіи—это то, что онъ былъ осторожный, колеблющійся и медленный въ принятіи рѣшеній по вопросамъ, сопровождавшимся болѣе важными послѣдствіями. Ребиндеру было пріятнѣе съ нимъ совѣщаться, чѣмъ съ Закревскимъ, и легче добиться откладыванія важныхъ дѣлъ нерѣшенными» ³¹⁷).

Не прошло и двухъ лѣтъ управленія краемъ, какъ царскій любимецъ за усердіе, особыя способности, за общую довѣренность, привязанность и признательность къ нему жителей былъ пожалованъ 19 іюня—1 іюля 1833 г. гражданиномъ Финляндіи, при чемъ было прибавлено, что «какъ князь Имперіи, онъ имѣетъ занять первое мѣсто между финляндскимъ дворянствомъ» ³¹⁸).

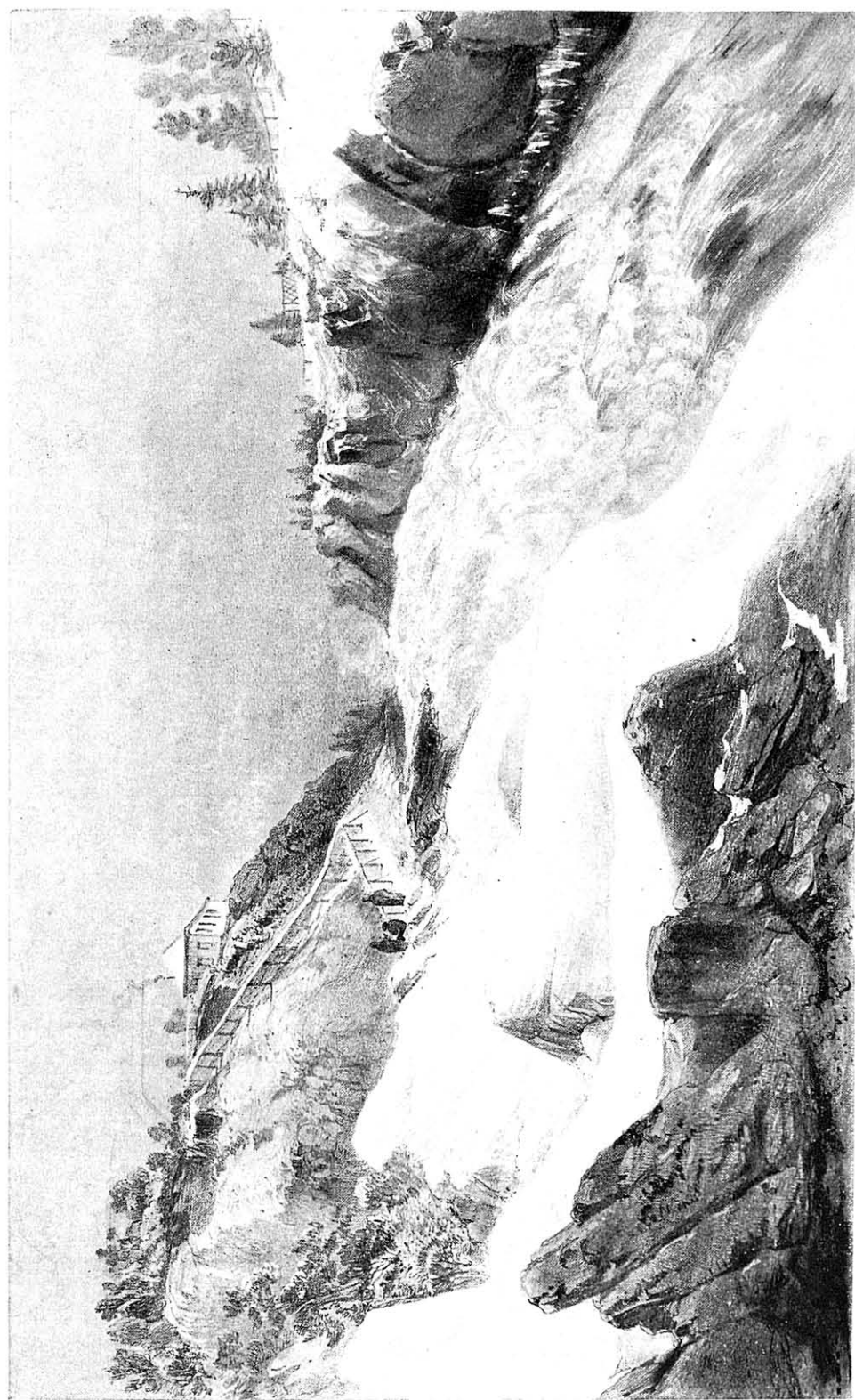

Рис. Ловернь.

Видъ водопада Иматры. 1839 г.

Итакъ, во главѣ финляндской администраціи поставленъ былъ кн. Меншиковъ. Въ нашемъ изложеніи мы встрѣтимся съ нимъ относительно рѣдко. Находясь въ Петербургѣ, онъ оттуда, какъ съ птичьяго полета, управлялъ страной, оставаясь невидимымъ. Въ Финляндію онъ показывался крайне неохотно, хотя къ нему съ разныхъ сторонъ неслись просьбы о посѣщеніи края ³¹⁹). Въ Финляндіи его видѣли или въ тѣ дни, когда ее удостоивали своимъ посѣщеніемъ лица Царствующаго дома, или когда ему, при особыхъ морскихъ командировкахъ, представлялось удобнымъ заглянуть въ тотъ или другой приморскій ея городъ, иногда не сходя съ палубы парохода. Его поѣздки обычно обставлялись довольно пышно. Въ 1834 г. кн. Меншиковъ былъ посланъ въ Стокгольмъ благодарить короля Карла XIV (Бернадота) за присылку чрезвычайнаго посла на открытіе Александровской колонны. Князь пожелалъ соединить пріятное съ полезнымъ. По пути въ Стокгольмъ, онъ лично захотѣлъ провѣрить карты Финскаго залива, для чего послѣдовалъ по шхерному фарватеру. Въ Гельсингфорсѣ ему оказанъ былъ торжественный пріемъ. Въ Або горожане чествовали его большимъ обѣдомъ ³²⁰). Въ мѣстной газетѣ было отмѣчено, что его свѣтлость «въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ» отвѣтилъ здравицей за городъ Або. Передъ отъѣздомъ князь передалъ губернатору 1.000 р. асс. на благотворительныя дѣла. Вскорѣ Ивановъ въ своемъ очередномъ письмѣ отмѣтилъ: «Долго, долго абовцы не позабудутъ бытности князя въ Або. Безъ лести, можно доложить, въ Або всѣ въ энтузіазмѣ, всѣ въ восторгѣ, въ упоеніи отъ князя. Бѣдныя благословляютъ имя его свѣтлости; матросы судна «Князь Меншиковъ» трое сутокъ гуляли и кричали ура... Финляндцы хотя флегмы, но они также воспламеняются» ³²¹).

Въ 1847 г. князю Меншикову представился новый случай поѣхать въ Швецію и попутно заглянуть въ Финляндію. Собираясь съ отвѣтнымъ визитомъ въ Карлскрону къ шведской эскадрѣ, которая въ 1846 г. побывала въ Кронштадтѣ, кн. Меншиковъ пригласилъ барона Клинковстрема присоединиться къ депутаціи. «Эта поѣздка доставила бы вамъ развлеченіе, а мнѣ много удовольствія имѣть васъ съ собой». Возвратясь изъ Швеціи, князь писалъ: «Не могу нахвалиться сердечнымъ пріемомъ и предупредительностью на эскадрѣ Виллебранта». вмѣстѣ съ тѣмъ Меншиковъ просилъ Клинковстрема сообщить ему, въ какомъ духѣ шведскія газеты писали о его кратковременномъ пребываніи въ Карлскронѣ.—Клинков-

стремъ, не попавъ въ свиту Меншикова, собирався одинъ посѣтить Швецію. «Завидую вашему путешествію»,—«вы тамъ увидите нашихъ старыхъ знакомыхъ»,—говорилось въ новомъ письмѣ князя. Со Швеціей у князя было связано «много воспоминаній», въ Швеціи онъ «пріятно проводилъ время» въ домѣ дяди Клинковстрема³²²).

Ясно, что, въ Финляндіи кн. Меншиковъ являлся случайнымъ гостемъ. Въ Финляндіи виталь его духъ и постоянно произносилось его вліятельное имя. Вслѣдствіе его постоянного отсутствія изъ края, кн. Меншиковъ вынужденъ былъ довольствоваться тѣмъ, что находили полезнымъ сообщить его корреспонденты-финляндцы: гр. Ребиндеръ, А. Теслевъ, Л. Гартманъ, Фалькъ, баронъ Котень и Клинковстремъ, почтъ-директоръ А. Вульфертъ, Ладо и др. Изъ русскихъ его обслуживалъ своими сообщеніями, кажется, одинъ только казацкій офицеръ изъ гор. Або—Е. В. Ивановъ.

При князѣ въ Петербургѣ образовалась особая маленькая финляндская канцелярія. Сперва дѣлами ея вѣдалъ Бахтинъ.

Николай Ивановичъ Бахтинъ (1796—1869) началъ свою службу въ провіантскомъ департаментѣ военного вѣдомства, а затѣмъ (1827—1834) перешелъ въ морское министерство, участвуя въ разныхъ походахъ съ кн. Меншиковымъ. Князь оцѣнилъ его способности и трудолюбіе. Въ 1831 г. онъ началъ завѣдывать дѣлами финляндскаго генераль-губернатора, но не долго, года два. У него былъ умъ чиновника въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Онъ отличался неподкупной честностью и примѣрной аккуратностью. «Князь уважалъ Бахтина,—пишетъ К. И. Фишеръ,—но не любилъ его» и въ 1833 г. устроилъ его въ канцеляріи комитета министровъ. Его честность была такова, что «лучшему другу онъ не дѣлалъ предпочтенія передъ злѣйшимъ врагомъ». Затѣмъ онъ дѣлается государственнымъ секретаремъ и, наконецъ, членомъ государственнаго совѣта.

Вездѣ онъ проявилъ просвѣщенный гуманный взглядъ и прямоту характера. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые поддерживали обезпеченное землею освобожденіе крестьянъ.

Въ финляндской канцеляріи его замѣтилъ К. И. Фишеръ.

Какъ велись финляндскія дѣла въ петербургской канцеляріи Меншикова, даютъ нѣкоторое понятіе записки К. И. Фишера. «Вступивъ въ завѣдываніе финляндскими дѣлами,—говоритъ онъ,—я ограничивался сначала принятіемъ приказаній отъ князя Меншикова и ихъ исполненіемъ»; но впослѣдствіи К. И. Фишеръ позво-

лялъ себѣ спорить съ нимъ и откладывать до тѣхъ поръ исполненіе дѣлъ, пока не истощалъ всѣхъ способовъ убѣжденія князя. Очень часто, даже по большей части,—утверждаетъ Фишеръ,—онъ одерживалъ верхъ. Князь былъ такъ уменъ и такъ благороденъ, что вовсе не сердился, а напротивъ, усугублялъ свое довѣріе и расширялъ кругъ полномочія своего чиновника.

Такимъ образомъ едва-ли не главной пружиной финляндскихъ дѣлъ сдѣлался К. И. Фишеръ; но онъ, какъ и его патронъ, одновременно сидѣлъ на нѣсколькихъ стульяхъ, вѣдая самыя разнообразныя спеціальности. Съ 1835 г. Фишеру поручена была еще канцелярія комитета образованія флота. Кромѣ того, на него возложена была по морскому вѣдомству редакція всеподданнѣйшихъ отчетовъ.

«Принявъ финляндскія дѣла, — повѣствуетъ далѣе Фишеръ, — я нашелъ въ нихъ цѣлый архивъ шпіонской системы Закревскаго. Кн. Меншиковъ разрѣшилъ мнѣ запечатать эти тюки, никогда не справляться съ ними и забыть, что такая система существовала. Князь соблюдалъ конституцію съ величайшимъ тщаніемъ, устраняя даже наружныя формы, которыя могли бы показаться нарушеніемъ принятыхъ обрядовъ, и, проницательностью своихъ видовъ и убѣжденій, умѣлъ держать всѣ партіи въ равновѣсіи, не убивая ни одной, но и не позволяя ни одной брать надъ другими верхъ. Этого не умѣлъ достичь ни Закревскій своимъ шпіонствомъ, ни Бергъ — сладостью своего слова».

Н. И. Бахтинъ.

Всѣ эти заявленія крайне преувеличены. Прежде всего намъ нигдѣ пока не удалось найти слѣдовъ шпіонскаго архива А. Закревскаго и указаніе на него остается всецѣло на совѣсти Фишера. Точно также нигдѣ въ дѣйствіяхъ Меншикова нельзя усмотрѣть его желанія соблюсти конституціонныя формы. «Если когда-нибудь, пишетъ финляндецъ ³²³), — то именно тогда административныя мѣры противорѣчили не только общественному мнѣнію, но и общественному чувству справедливости». Наконецъ, никакихъ партій князю въ равновѣсіи держать не приходилось, такъ какъ при немъ безраздѣльно господствовали аристократы-шведоманы, а зарождавшаяся тогда демократическая - финноман-

ская партія временами имѣла въ Меншиковѣ своего опаснѣйшаго врага.

Въ Гельсингфорсѣ попрежнему продолжала существовать постоянная канцелярія финляндскаго генераль-губернатора, которая въ силу неизбѣжности, всегда находилась въ нѣсколько исключительномъ положеніи. Обособленность эта сдѣлалась замѣтной при А. А. Закревскомъ. Стѣной, отдѣлявшей канцелярію, явился трудный вопросъ о пополненіи ея чиновниками. «По конституціи финляндской допускаются въ службу того края одни природные ея жители, писалъ въ 1827 г. А. Закревскій. Отъ сего встрѣчается великое затрудненіе находить чиновниковъ, которые, будучи подданными финляндскими лютеранскаго закона, кончившими курсъ ученія въ Абовскомъ университетѣ, знали руссійскій языкъ въ совершенствѣ» ³²⁴). А. Закревскій не согласился шаблонно замѣстить двухъ вакансій, находя, что его канцелярія не можетъ быть поставлена въ уровень съ другими мѣстными учрежденіями. Государь Императоръ также призналъ, что эта канцелярія, принадлежа къ званію генераль-губернатора яко намѣстника въ ономъ краѣ, находится въ особомъ положеніи», почему указалъ, что дѣйствующія въ Финляндіи общія положенія о замѣщеніи должности «не могли быть вмѣстны въ отношеніи къ оной канцеляріи», что было закрѣплено рескриптомъ 2 мая 1827 г. ³²⁵).

Наиболѣе канцелярія обособилась отъ остальныхъ учреждений края именно въ то время, когда генераль-губернаторомъ Финляндіи состоялъ кн. А. С. Меншиковъ. Какъ понимали положеніе этой канцелярії служившіе въ ней чиновники, можно судить по слѣдующему заявленію Е. В. Витте. Онъ, поздравляя кн. Меншикова съ назначеніемъ въ Финляндію и высокимъ Монаршимъ довѣріемъ, говоритъ, что страна эта сравнительно недавно подчинена русскому орлу «и требуетъ особаго умѣнія во всѣхъ отдѣлахъ администраціи, которые всѣ зависятъ отъ генераль-губернатора». Не только всѣ отрасли администраціи, но и печать края, Меншиковъ готовъ былъ подчинить канцеляріи генераль-губернатора. О томъ, чтобы officialная Финляндская Газета издавалась при канцеляріи—докладывалъ Государю лично кн. Меншиковъ ³²⁶).

Черезъ канцелярію генераль-губернатора за описываемое время прошла одна личность, которая приобрѣла затѣмъ видное положеніе въ административномъ и ученомъ мірѣ. Это—Петръ Григорьевичъ Бутковъ (1775—1857). Въ 1823 г. онъ назначенъ

былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ А. А. Закревскомъ. Въ 1825 г., оставаясь въ занимаемой должности, онъ былъ причисленъ къ министерству финансовъ. Впослѣдствіи онъ избранъ былъ членомъ академіи наукъ и получилъ званіе сенатора. Списокъ его трудовъ весьма значителенъ. Работалъ онъ болѣе всего въ области русской исторіи ³²⁷). Я. К. Гроту, во время пребыванія въ Гельсингфорсѣ, пришлось встрѣтиться съ нимъ. «Съ Бутковымъ,—пишетъ Гротъ своему другу,—я познакомился по поводу желанія его получать книги изъ университетской библіотеки. Какъ ты понимаешь этого старика, съ которымъ, конечно, ты знакомъ по академіи? Онъ давно жилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, служа при Закревскомъ. Финляндцы считаютъ его претонкимъ человѣкомъ» ³²⁸).

Генераль-губернаторы руководствовались въ своей дѣятельности Инструкціей 1812 г., имѣющей деклараціонный характеръ. Временно ихъ власть была увеличена, но очень незначительно.

Государь Императоръ собирался отбыть изъ столицы на югъ, чтобы принять личное участіе въ войнѣ съ Турціей 1828 г. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, генераль-адъютантъ Закревскій и гр. Ребиндеръ испросили у Монарха дозволеніе генераль-губернатору разрѣшать Высочайшимъ именемъ «дѣла меньшей важности», съ тѣмъ, однако, чтобы сіе временное распоряженіе осталось тайною между генераль-губернаторомъ и статсъ-секретаремъ». Въ перечнѣ значились дѣла второстепенной важности: назначеніе единовременно на казенныя надобности до 10 тыс. рублей ассигн., утвержденіе казенныхъ построекъ на ту-же сумму, увольненіе въ отпускъ вышшихъ чиновъ, позволеніе торгующимъ и крестьянамъ Россійскихъ губерній водворяться въ Финляндіи, уголовныя дѣла, нѣкоторыя судебныя дѣла, «но не относящіяся до смертной казни» и др. «Быть по сему»—гласила Царская надпись отъ 23 апрѣля 1828 г.

Подобное же право предоставлено было и кн. А. С. Меншикову 2—14 дек. 1831 г. Кромѣ того, въ 1834 г. ему разрѣшено было секретно, даже безъ объявленія о томъ Сенату, утверждать Высочайшимъ именемъ приговоры надъ воинскими чинами финскихъ войскъ, но въ предѣлахъ власти отдѣльнаго корпуснаго командира ³²⁹).

Въ апрѣлѣ 1852 г. Инструкція финляндскому генераль-губернатору была дополнена положеніемъ, гласившимъ: если, при избраніи кандидатовъ, помощникъ генераль-губернатора не согласенъ съ

большинствомъ Сената, то дѣло представлялось на Высочайшее разрѣшеніе ³³⁰).

Осенью 1847 г., временно, при отсутствіи кн. Меншикова изъ Петербурга, финляндскія дѣла подписывалъ ген.-адъют. Перовскій.

Кромѣ временной канцеляріи генераль-губернатора кн. Меншикова, въ Петербургѣ находился финляндскій статсъ-секретаріатъ. Ранѣе онъ назывался Комиссія финляндскихъ дѣлъ. 17 марта 1826 г. состоялось упраздненіе этой комиссіи, и вмѣсто нея учрежденъ Статсъ-Секретаріатъ Великаго Княжества Финляндскаго. Въ манифестѣ было сказано: «Желая установить для Финляндіи сообразный съ утвержденными Нами коренными законами и основными постановленіями сего края порядокъ по докладу Намъ дѣлъ, зависящихъ отъ разрѣшенія Высочайшей власти, Мы, сохраняя званіе Статсъ-Секретаря Вел. Кн. Финляндіи, учреждаемъ симъ для онаго Инструкцію.—Главныя положенія Инструкціи были просты: Статсъ - Секретарь Вел. Кн. Финляндскаго назначается Нами. Статсъ - Секретарь вѣдаетъ Нашу Канцелярію по всѣмъ дѣламъ, относящимся до гражданскаго управленія Вел. Кн. Финляндскаго. Статсъ-Секретарь докладываетъ Намъ оныя дѣла»

Министръ Юстиціи, кн. Лобановъ-Ростовскій, узнавъ отъ Ребиндера объ учрежденіи статсъ-секретаріата, внесъ объ этомъ предложеніе Правительствующему Сенату, отмѣтивъ особо порядокъ сношенія съ финляндскими властями ³³¹).

23 декабря 1834 г. статсъ-секретарь былъ переименованъ въ министра статсъ-секретаря Вел. Кн. Финляндскаго.

Въ 1844 г. онъ былъ отнесенъ по табели о рангахъ къ третьему классу ³³²).

Статсъ-секретаріатъ всегда имѣлъ большое значеніе въ исторіи Финляндіи. Къ нему стекались всѣ важнѣйшія дѣла, требовавшія Высочайшей санкціи. Докладчиками ихъ были ловкіе и изящные финляндцы, горячо радѣвшіе объ интересахъ своей родины. Ясно, что то освѣщеніе, которое они давали дѣламъ при докладахъ, имѣло почти всегда рѣшающее значеніе. Вотъ почему статсъ-секретари такъ болѣзненно дорожили своимъ положеніемъ и вліяніемъ и такъ горько печалились, когда у трона ихъ временно заслоняли такіе генераль-губернаторы, какъ Закревскій и Меншиковъ. Сохра-

нить довѣріе Монарха—значило крѣпко держать въ своихъ рукахъ важнѣйшія дѣла края.

Борьба со статсь-секретарями была не легка для генераль-губернаторовъ, особенно въ тѣ времена, когда они жили въ Гельсингфорсѣ, а не въ Петербургѣ, подобно кн. Меншикову.

Взаимоотношенія генераль-губернатора и статсь-секретаря уже въ основѣ своей ненормальны: одинъ управляетъ и отвѣчаетъ за край, а другой—лицо безотвѣтственное—докладываетъ, сильно вмѣшивая свои воззрѣнія и чувства.

Пеструю картину представляетъ канцелярія статсь-секретаріата по тѣмъ языкамъ, къ которымъ ей приходилось прибѣгать. Министръ статсь-секретарь гр. Ребиндеръ совершенно не зналъ русскаго языка, а потому содержаніе русскаго бумажки, по полученіи ея въ статсь-секретаріатъ, кратко излагалось для него по-шведски. Въ началѣ 1826 г. извлеченія изъ протоколовъ Комиссіи по Финляндскимъ дѣламъ подносились Государю почему-то на французскомъ языкѣ. Государь собственноручно обозначалъ *arrangé* и ставилъ букву N, иногда *Nicolas*, а Ребиндеръ скрѣплялъ припиской: *Le Secrétaire d'Etat Baron de Rehbinden*.

Первоначально и по университету Ребиндеръ представлялъ доклады Николаю I на французскомъ языкѣ, но уже въ 1827 г. сталъ писать ихъ по-русски. Далѣе наблюдается, что доклады писались всегда по-русски. Словесная резолюція Государя излагалась обычно по-шведски рукою писаря ³³³).

Когда Ребиндера замѣнили гр. А. Армфельтъ, то резолюціи въ большинствѣ случаевъ прописывались рукою писаря на шведскомъ языкѣ, и подъ ними слѣдовала шведская подпись: *Alex. Armfelt*. Доклады по университету составлялись на русскомъ языкѣ. Армфельтъ подписывалъ свою фамилію также по-русски, а, по выходѣ отъ доклада изъ кабинета Государя, всѣ резолюціи обозначались на шведскомъ языкѣ и подъ резолюціями Армфельтъ подписывался по-шведски.

Не знаемъ, въ силу какихъ соображеній и законовъ, но наша *Académie Impériale des sciences de Russie* сносилась съ Гельсингфорскимъ университетомъ иногда на французскомъ языкѣ. (См. докладъ по университету 1844 г., 12 мая № 32—о метеорологич. наблюденіяхъ). Насколько мало это ученое учрежденіе знало о статсь-секретаріатѣ Вел. Кн. Финляндскаго, отдѣленнаго отъ него въ Петербургѣ лишь нѣсколькими улицами, показываетъ

слѣдующій примѣръ. Когда въ Академіи Наукъ засѣдалъ кн. Михаилъ Дундукъ-Корсаковъ, онъ писалъ гр. Армфельту: «прошу меня увѣдомить: имѣются ли еще по ввѣренному вамъ министерству» и т. д.....³³⁴).

Въ спискахъ чиновниковъ, служившихъ въ статсъ-секретаріатѣ, временами встрѣчаются русскія фамиліи. Такъ въ 1829 г. въ статсъ-секретаріатѣ служили коллежск. ассессоръ Александръ Яковлевичъ Парфеневъ—секретарь Пасторской экспедиціи, коллежскій ассессоръ Павелъ Гавриловичъ Полевичъ—канцелярскій чиновникъ, въ 1838 г.—Лаврентій Ивановичъ Гарволи. Въ 1841 г. въ статсъ-секретаріатъ перевелся В. П. Степановъ³³⁵). Въ это же время тамъ находился для

Статсъ-Секретаріатъ (въ Петербургѣ).

особыхъ порученій камеръ-юнкеръ кн. Григорій Петровичъ Трубецкой. Онъ умеръ во Флоренціи и похороненъ въ Ливорно.—Вмѣстѣ съ нимъ (1845 г.) для особыхъ порученій состоялъ еще гр. Эдуардъ Карловичъ Сиверсъ, перешедшій изъ чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а начальникомъ отдѣленія былъ Николай Васильевичъ Путята, извѣстный нѣкоторыми статьями по русской исторіи. По Паспортной Экспедиціи числились Румянцевъ и Глазуновъ³³⁶).

Въ 1846 г. при статсъ-секретаріатѣ состоялъ коллежск. ассессоръ Николай Петровичъ Шелашниковъ. Дочь гр. Ал. Армфельта

была замужемъ за этимъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ. Дочь заболѣла и немедленно должна была выѣхать за границу. Николай I написалъ: «Весьма жалѣю и совершенно согласенъ» ³³⁷).

Наконецъ, въ 1849 г. въ статсъ-секретаріатѣ служилъ еще коллежскій ассесоръ Алексѣй Федоровичъ Семизоровъ ³³⁸).

Въ 1847 г. приказано было обревизовать Паспортную Экспедицію. На казначея, коллежск. совѣтника Парфенова палъ недочетъ въ 1041 р. и такъ какъ онъ своевременно его не пополнилъ, то былъ преданъ Финляндскому Общему Ревизіонному Суду.

Изъ числа русскихъ чиновниковъ надо выдѣлить Степанова и Путята. Первый изъ нихъ—Василій Петровичъ Степановъ (р. 1815) былъ опредѣленъ на службу статсъ-секретаріата въ 1841 г. и затѣмъ, въ теченіе долгой своей карьеры, прошелъ послѣдовательно всѣ инстанціи, вплоть до высокой должности члена Комитета по Финляндскимъ дѣламъ, отличаясь рѣдкой аккуратностью, трудолюбіемъ, знаніемъ дѣла и большимъ тактомъ. Благодаря тому, что Степановъ, какъ образованный человекъ и истинный патріотъ, сохранилъ свои русскія государственныя возрѣнія, онъ оказалъ большую услугу русской библіографіи по финляндской исторіи. Его цѣннымъ собраніемъ документовъ пользовались К. Ф. Ординъ и позднѣйшіе изслѣдователи Финляндіи

В. П. Степановъ.

Николай Васильевичъ Путята (1802—1877) происходилъ изъ дворянъ Смоленской губ., началъ службу въ гвардіи и съ 1826 г. состоялъ адъютантомъ у А. Закревскаго. Впослѣдствіи онъ перешелъ на гражданскую службу, сопровождалъ Закревскаго въ его трудной поѣздкѣ по холернымъ мѣстностямъ и, выучившись шведскому языку, до 1856 г. состоялъ при статсъ-секретаріатѣ. Путята отличался большой начитанностью, любовью къ литературѣ и благородствомъ характера ³³⁹).

При вступленіи кн. Меншикова въ должность, ему подана была особая записка, характеризовавшая какъ чиновниковъ края, такъ и общее положеніе въ Финляндіи. О первыхъ говорилось:

въ сенаторы попали лица болѣе благодаря стеченію разныхъ обстоятельствъ, чѣмъ личнымъ своимъ достоинствамъ и знаніямъ, почему далеко не всегда оставались довольны ихъ рѣшеніями. Болѣе уваженія оказывали къ судебному департаменту, такъ какъ тамъ сенаторы проявляли болѣе безпристрастія.

Ландсгевдинги пользовались вообще довѣріемъ населенія губерній, но высказано было пожеланіе, чтобы они болѣе наблюдали за честностью коронныхъ фохтовъ, съ большимъ стараніемъ избирали ленсмановъ и низшихъ служителей ³⁴⁰).

Далѣе авторъ записки «Взглядъ на Финляндію 1832 г.» говорить, что, послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, разные дворянскія фамиліи, достигнувъ первыхъ должностей въ управленіи края, составили аристократическую партію, которая, къ сожалѣнію, много занималась личными интересами, нерѣдко жертвуя выгодами правительства. Ихъ родня была предпочтительно назначаемъ на разные должности, и, благодаря этому, партія пріобрѣла вѣсъ и значеніе во всѣхъ отрасляхъ управленія. Люди, любившіе отечество, смотрѣли на такую несправедливость и съ негодованіемъ и равнодушіемъ, и время показало, что они негодовали не безъ основанія. Страдали, конечно, благородные и способные, отстраненные отъ службы, лишь вслѣдствіе своего происхожденія. Гр. Закревскій, вступивъ въ управленіе Финляндіей, уничтожилъ эту дворянскую партію; но аристократическаго зародыша нельзя было вполне истребить, и народилась аристократія должностныхъ лицъ, которая старалась сохранить за собою исключительное вліяніе на дѣла.—Эта партія не менѣе опасна первой и «кажется, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ сего зла явились бы срочные сеймы, такъ какъ только на нихъ слышенъ общій голосъ націи»... ³⁴¹).

Начался періодъ повѣйшей исторіи Финляндіи, періодъ бюрократическій. Руководство и направленіе общественнымъ развитіемъ зависѣло исключительно отъ служебныхъ властей. Самодѣятельность народа или корпорацій не принималась во вниманіе. Что дѣла получили подобный отпечатокъ существенно зависѣло отъ возрѣній самого Николая I. Сохраненіе консервативныхъ формъ и отношеній было его идеаломъ. Генералъ-губернаторъ кн. Меншиковъ вполне раздѣлялъ возрѣнія Императора на политическую жизнь и онъ также смотрѣлъ на всякія проявленія либерализма, какъ на выраженіе революціонныхъ стремленій. Въ городахъ дѣла

велись городскими старшинами по старымъ формамъ; они не тра- тили денегъ, но и не заботились объ увеличеніи доходовъ или о дальнѣйшемъ развитіи общественной дѣятельности. Въ деревняхъ общественными дѣлами завѣдывали исключительно настоятели церквей, безъ дѣятельнаго участія членовъ прихода. Общественной или официальной политической жизни не было, и дѣятельность чиновниковъ представляла общественные интересы ³⁴²).

Въ Литературномъ Листкѣ за 1838 г. шведъ Эрикъ Густавъ Гейеръ саркастически отзываясь о финляндскихъ аристократахъ: «Изъ новыхъ политическихъ плодовъ, выросшихъ послѣ присоеди- ненія Финляндіи къ Россіи, намъ извѣстенъ только одинъ, быть можетъ съ національными притязаніями, который вознесся вверхъ, это—финское сановничество, предки котораго всетаки были хуже, чѣмъ ихъ отцы по сю сторону Балтійскаго моря, и даже русскихъ, настолько, насколько имитация обычно ниже своего оригинала» ³⁴³).

Нѣсколько эскизныхъ портретовъ наиболѣе извѣстныхъ и вліятельныхъ финляндскихъ сановниковъ времени Николая I доскажутъ остальное о правившей аристократіи.

Бывшій царедворецъ и густавіанъ чистѣйшей пробы, который часто всюду показывался и много заставлялъ о себѣ говорить, баронъ Вильгельмъ Клинковстрёмъ,—румяный, рослый старикъ, съ отпечаткомъ высшаго стокгольмскаго общества. Въ 1815 г., вслѣдствіе скандальной любовной исторіи,—считаясь женихомъ, обезчестилъ дѣвицу высшаго круга, которая на его глазахъ броси- лась съ моста въ воду и утонула,—онъ вынужденъ былъ покинуть Швецію и переселился въ Финляндію, чтобъ здѣсь обрѣсти новое отечество и новое счастье. Уже въ слѣдующемъ году онъ назна- ченъ былъ камергеромъ при русскомъ дворѣ, въ 1820 г. опредѣленъ губернаторомъ въ Выборгѣ, а въ 1825 г. бывшій шведскій баронъ занялъ мѣсто въ экономическомъ департаментѣ Сената, которое онъ потомъ сохранялъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ.—Съ краси- вой осанкой и благороднымъ выраженіемъ лица, онъ былъ особенно представителемъ, и это, кажется, составляло главное его назначеніе въ Сенатѣ, по его собственному воззрѣнію. Къ государственнымъ дѣламъ онъ относился очень поверхностно; легко смотрѣлъ и на все окружающее. Свои заботы онъ посвятилъ на покупку и устрой- ство Императорскаго дворца въ Гельсингфорсѣ, на составленіе рисунковъ новыхъ мундировъ во всѣхъ учрежденіяхъ края, на устройство обѣдовъ для знатныхъ пріѣзжихъ особъ и т. п. Когда

случалось что нибудь лихое, когда правое дѣло такъ или иначе было нарушено, или польза края упущена изъ виду, можно было съ увѣренностью рассчитывать на содѣйствіе Клинковстрѣма. Его персона не имѣла вѣса въ Сенагѣ, но зато имѣла значительное вліяніе въ Петербургѣ. При Дворѣ и особенно въ знаменитомъ Михайловскомъ дворцѣ онъ былъ хорошо принятъ. Благодаря своему острому и подвижному языку, который имѣлъ привилегію говорить о всѣхъ и обо всемъ, что ему вздумается, онъ былъ въ особой милости у любившаго остроты генераль-губернатора кн. Меншикова. Баронъ отличался веселостью нрава, игривостью

Сенаторъ Клинковстрѣмъ.

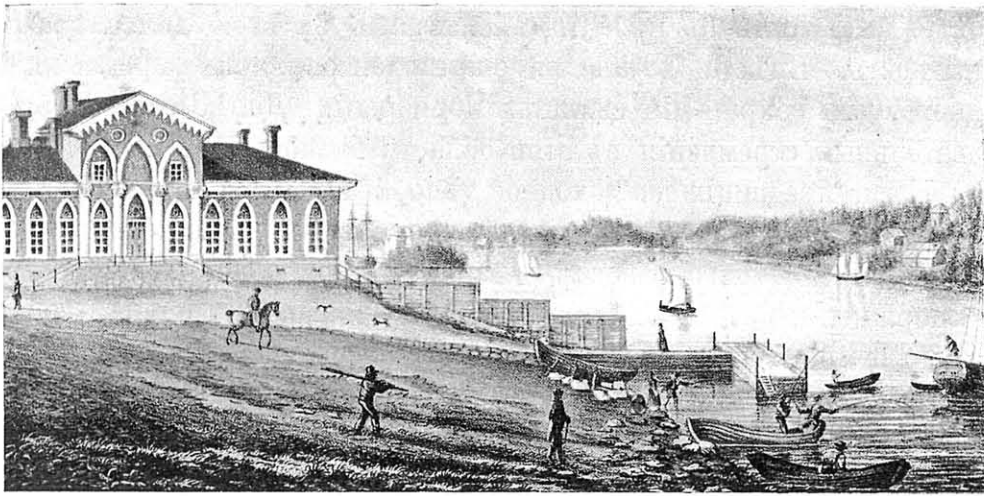
остротъ и живостью ума. Кажется, никто не упрекнулъ его въ глубоко обдуманнхъ стремленіяхъ ни къ хорошему, ни къ дурному. Онъ одинаково былъ легкомысленъ какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ; его желанія не простирались далѣе сохраненія милости въ высшихъ сферахъ, наслажденія эпикурейской жизнью и блистанія въ обществѣ двусмысленными остротами. Искусствомъ и литературой онъ интересовался крайне поверхностно; стѣны его дома были украшены дорогими картинами, по большей части фамиліными портретами, доставшимися ему

по наслѣдству; была у него значительная библіотека, составленная изъ такихъ французскихъ книгъ прошлаго столѣтія, которыя должны были скрывать мѣсто своего напечатанія. Какъ подобаетъ истинному аристократу, онъ интересовался также садоводствомъ; сначала онъ въ Гельсингфорсѣ устроилъ большой садъ для себя въ т. н. Röddällden, который потомъ отданъ былъ подъ стрѣльбище гвардейскаго баталіона. Взамѣнъ онъ купилъ большой участокъ на Елизаветинской площади, гдѣ впослѣдствіи стояло Гельсингфорское Юнкерское Училище, а теперь находятся казармы б. Нюландскаго баталіона. Тамъ стоялъ его домъ, тамъ на мысѣ онъ развелъ большой садъ. То, что его эстетическое чувство жертвовало на эти затѣи, къ сожалѣнію, пришлось оплачивать финляндской казнѣ. Рёддальденскій садъ былъ выкупленъ за большія казенныя деньги. Доходы этого изящнаго сановника пополнялись

щедрой пенсіей и другими экстренными окладами и наградами ³⁴⁴).

Клиновстремъ сознавалъ нѣкоторую свою отчужденность среди финляндскаго общества. Въ письмѣ къ кн. Меншикову 17—29 марта 1832 г. онъ говоритъ: въ Гельсингфорсѣ «... всѣ могутъ знать другъ друга, служить вмѣстѣ, но не составлять одного общества, такъ какъ для этого нужно единство взглядовъ, нравовъ и общественнаго развитія, а я чувствую себя немного выскочкой въ этой хорошей странѣ».

Клиновстремъ по его письмамъ рисуется намъ то въ роли

Часть Елисаветинской площади г. Гельсингфорса и Сѣверной гавани (домъ Клиновстрема).

салонной дамы, легко выпрашивающей у князя А. С. Меншикова все, что угодно—адъютантскія мѣста, камергерскіе ключи, царскія благоволенія,—то наивной барышней, желающей получать сувениры.... «Нищѣ просятъ и я, какъ таковой, докучаю вамъ просьбой подарить мнѣ вашъ гравированный портретъ (4—16 апр. 1835 г.) Правда, я могъ бы достать его, но я хочу получить его только отъ васъ... чтобы могъ сказать: князь далъ мнѣ его. Ради Бога не откажите»....

Клиновстремъ былъ не богатъ проектами и если онъ выступалъ иногда со страннымъ предложеніемъ, то оно неизбѣжно вело исключительно къ его личному благополучію. «Мнѣ думается,—писалъ онъ 16—24 іюня 1836 г. князю А. С. Меншикову,—что вы были-бы довольны имѣть инспектора финляндскихъ войскъ, какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, ибо мнѣ кажется, что вамъ непріятно,

что Рамзай, котораго самого надо провѣрять, производить осмотръ финскаго экипажа.... Смѣю думать, что если бы всѣ эти дѣла были поручены мнѣ, я бы сумѣлъ угодить вамъ... Я когда-то былъ военнымъ и потому нельзя-ли сдѣлать меня генераль-лейтенантомъ (я имѣю этотъ чинъ на финляндской службѣ) и въ то же время инспекторомъ всѣхъ финскихъ войскъ, давъ мнѣ мундиръ съ голубымъ воротникомъ. Соболаговолите объ этомъ подумать, но Бога ради, никому объ этомъ не говорите, даже графу Ребиндеру, онъ найдетъ отговорки.... Знаю только, что вамъ не придется выслушивать сказокъ Рамзая на счетъ смотровъ...».

Услыхавъ, что подумываютъ о реформѣ Сената, Клинковстремъ также выступилъ съ проектомъ, ссылаясь на свою долготѣтную опытность. Въмѣсто двухъ вице-президентовъ, онъ предложилъ одного, для сохраненія единства корпораціи. Далѣе его преобразовательныя стремленія въ этой области не пошли ³⁴³).

Когда предвидѣлось доходное дѣло, Клинковстремъ не зѣвалъ. Онъ приобрѣлъ мѣсто около водопада, которое «можно приспособить для пушечнаго завода; я взялъ мѣсто, чтобы оно было въ распоряженіи казны. Я васъ туда свезу и разовью планъ, составленный мною для такого завода, по образцу шведскихъ, которые считаются лучшими въ Европѣ» ³⁴⁶).

Шли обсужденія о недостаткѣ занятій для арестантовъ.—Беззаботная ихъ жизнь увеличивала бродяжничество. «Я знаю,—писалъ Клинковстремъ 25 марта—6 апр. 1836 г. князю Меншикову,—что высылать ихъ въ колоніи противно нашей такъ—называемой конституціи; но взять ихъ въ солдаты и составить изъ нихъ баталіонъ для Китайской границы не будетъ неконституціонно... при русскомъ начальникѣ и съ русской организаціей»...

Домъ Клинковстремъ славился столомъ и винами. Онъ угощалъ преимущественно иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Гельсингфорсъ. Клинковстремъ, — писалъ онъ о себѣ,—«воспитанъ по европейски, но изъ этого не слѣдуетъ, что я получаю столовые деньги, пріемы-же стоятъ дорого». Пріемовъ онъ не могъ не дѣлать, чтобы «нашъ городъ не произвелъ дурного впечатлѣнія на иностранцевъ. Надѣюсь на васъ,—кончаетъ онъ развязно свое письмо къ кн. Меншикову 16/24 іюня 1836 г.,—и на вашу доброту, что получу на это средства. Вамъ стоитъ только сказать слово въ удобный моментъ».... Въ тѣхъ-же видахъ Клинковстремъ принималъ, вѣроятно, и русскихъ. Въ 1826 г. у барона жилъ дня два извѣстный

писатель П. А. Вяземскій. Въ письмѣ къ женѣ князь говоритъ: «Онъ пріятный человѣкъ, много бродилъ по свѣту, говоритъ почти на всѣхъ языкахъ европейскихъ. Покои его убраны en petite maîtresse, и вообще, кажется, много порядка въ его житейскомъ быту» ³⁴⁷). П. А. Плетневъ добродушно отмѣтилъ «гарсонистую вѣжливость» Клинковстрёма.

Кн. Меншиковъ неизмѣнно обращался къ Клинковстрему съ просьбами принять то одного, то другого высокопоставленнаго путешественника. «Желательно, чтобы все было готово въ Императорскомъ Дворцѣ къ будущей веснѣ, на случай пріѣзда Вел. Герцогини Héritière, если она пожелаетъ пріѣхать въ Финляндію» (17/29 дек. 1847 г.) «Императрица намѣрена отправиться въ Ревель съ Вел. Герцогиней Ольгой и Наслѣднымъ Принцемъ Вюртембергскимъ. Не было рѣчи о томъ, чтобы ѣхать въ Гельсингфорсъ, но можетъ быть вздумаютъ»... ³⁴⁸).

Клинковстремъ безпрестанно вмѣшивался въ дѣла по замѣщенію вакансій. При рекомендаціи не малое значеніе придавалось имъ тому, что тотъ или иной чиновникъ «преданъ Россіи не только по обязанности, но отъ всего сердца» (17/31 янв. 1835 г.).

Этотъ бывшій когда-то шведскій кавалерійскій офицеръ, послѣ того, какъ въ теченіе тридцати лѣтъ носилъ гражданское платье, неожиданно (1841 г.) преобразился въ инженернаго генерала: его назначили ген.-лейтенантомъ инженернаго вѣдомства водныхъ и сухопутныхъ путей сообщеній въ Финляндіи и это званіе онъ сохранилъ до ухода изъ Сената въ 1847 г. Умеръ онъ въ 1850 г. въ чинѣ дѣйств. тайн. совѣтника и гофмейстера Высочайшаго Двора ³⁴⁹).

Мундиръ не только въ глазахъ Клинковстрёма имѣлъ важное значеніе, но и въ глазахъ всего чиновничьяго міра и особенно въ Николаевское время. Въ 1838 г. князю Меншикову повелѣно было «гражданскіе мундиры Финляндіи уподобить Россійскимъ». Высказываясь по этому поводу, князь полагалъ: членамъ Сената не присвоивать Россійскаго сенаторскаго мундира, такъ какъ они избираются только на три года, и «потому личныя ихъ права не могутъ быть равны правамъ постоянныхъ сенаторовъ Имперіи». Прокурору-же Сената, членамъ гофгерихта, чиновникамъ судебнаго вѣдомства, губернаторамъ и др. присвоены были мундиры соотвѣтствующіе мундирамъ Имперіи ³⁵⁰).

Рекомендуя кн. Меншикову всю наличную администрацію, анонимный авторъ-финляндецъ въ запискѣ «Взглядъ на Финляндію

1832 г.», писалъ: «Прокуроръ Сената—мужъ отми́нныхъ способностей и познаній, пріобрѣлъ нѣкогда своею дѣятельностью полное довѣріе своихъ соотечественниковъ, но разстроенныя его домашнія обстоятельства, кажется, нерѣдко приводятъ его въ зависимость отъ частныхъ лицъ, которая должна быть особенно чувствительна для чиновника его сана и необыкновеннаго образованія». Этимъ прокуроромъ былъ тайный совѣтникъ Карлъ Валленъ. Своимъ высокимъ ростомъ и своей серьезной и достойной внѣшностью онъ внушалъ уваженіе въ каждомъ, кто приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Уже молодымъ чиновникомъ въ гофгерихтѣ, онъ выдѣлялся своими рѣдкими способностями и знаніемъ дѣла. Въ 1808 г. предсѣдатель финской депутаціи, отправленной въ Петербургъ, баронъ Маннергеймъ, представилъ 4-хъ лицъ для назначенія въ статсъ-секретари по дѣламъ Финляндіи, и въ числѣ ихъ былъ К. Валленъ. Ему шелъ тогда 27 годъ. Баронъ Ребиндеръ, вскорѣ по водвореніи въ Петербургъ, вызвалъ своего друга Валлена для подготовленія текущихъ дѣлъ, а когда въ 1811 году состоялось учрежденіе комитета финляндскихъ дѣлъ, Валлена назначили его членомъ. Въ 1816 г. его перевели въ Выборгъ, для замѣщенія должности губернатора, послѣ Карла Шернвалля, на вдовѣ котораго онъ затѣмъ и женился. Впослѣдствіи, пробывъ нѣкоторое время членомъ хозяйственнаго департамента Сената, онъ въ 1822 г. замѣстилъ Гюльденстольпе въ должности прокурора и это мѣсто занималъ болѣе тридцати лѣтъ (до 1854 г.), когда по преклонному возрасту вышелъ въ отставку. Отъ текущихъ прокурорскихъ обязанностей онъ былъ освобожденъ въ теченіе большей части этого времени, въ виду того, что привлекался (на 22 года) къ участию въ комиссіи по кодификаціи законовъ края ³⁵¹).

Въ этотъ періодъ съ нимъ познакомился К. И. Фишеръ, характеризующій его либераломъ и сепаратистомъ. Я. К. Гротъ призывалъ въ немъ «прекраснаго и умнѣйшаго старика».

Не по происхожденію, а по склонностямъ и семейнымъ отношеніямъ, Валленъ былъ настоящимъ аристократомъ. Въ глазахъ соотечественниковъ онъ однако уронилъ себя тѣмъ, что содѣйствовалъ закрытію газеты Арвидсона «Morgonbladet», усиленію цензуры и равнодушно отнесся первоначально къ участи выборгскихъ крестьянъ донаціонныхъ имѣній, а главное—былъ готовъ на уступки въ политическихъ вопросахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это не вызывалось крайнею необходимостью. Въ вопросѣ о

политическомъ положеніи Финляндіи онъ держался однако «патріотической точки зрѣнія», подобно гр. Ребиндеру. Ихъ дружеская корреспонденція,—которая велась между ними въ обходъ почты и ся очень зрячихъ директоровъ Ладо и Вульфберта,—къ сожалѣнію не сохранилась. Валленъ любилъ литературу. До послѣднихъ лѣтъ жизни, онъ посвящалъ свое время чтенію, болѣе всего исторіи и французской беллетристики. Его дорогая и превосходная библіотека находилась въ образцовомъ порядкѣ. Съ большимъ интересомъ онъ также относился къ изящнымъ искусствамъ. Въ 1846 г. онъ сталъ во главѣ основаннаго тогда Финляндскаго Художественнаго Общества и своей личностью поддерживалъ патріотическія художественныя стремленія при первыхъ робкихъ и колеблющихся ихъ шагахъ. Къ садоводству онъ также проявилъ страсть аристократическую и затратилъ значительную сумму на украшеніе своего имѣнія Трескенда, въ Эсбо. Къ сожалѣнію, потребности барона Валлена и его любовь къ прекрасному не соотвѣтствовали его доходамъ, а потому финской казнѣ не разъ приходилось оказывать ему весьма существенное вспомошествованіе ³³²). Такъ, при уходѣ его изъ Выборгской губ., казна уплатила за него болѣе 61 т. р. Онъ настолько всегда нуждался въ деньгахъ и настолько искусно добывалъ ихъ разными путями, что ухитрился даже сохранить за собой пенсію своей жены, бывшей нѣкоторое время вдовой, послѣ перваго мужа; эту пенсію выдавали Валлену нерѣдко даже авансомъ за долгіе годы впередъ! (Historiallinen Aikakauskirja 1914 г., № 1).

Въ началѣ царствованія Николая I самымъ вліятельнымъ членомъ Сената былъ Андерсъ Генрихъ Фалькъ (1772—1851), человекъ вполнѣ независимый по своему богатству, опытный въ юридическихъ и экономическихъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе онъ тщетно старался привести въ порядокъ запутанныя денежныя дѣла и установить равновѣсіе въ финансахъ Края. Начальникомъ финансовой экспедиціи онъ состоялъ съ 1820 по 1833 г., предсѣдательствуя (съ 1828 года) въ экономическомъ департаментѣ, на членовъ котораго онъ имѣлъ большое вліяніе; они даже боялись его гоненія ³³³). Генераль-губернаторъ Закревскій оказывалъ ему большое благоволеніе.

Князь Меншиковъ, нуждаясь въ разныхъ свѣдѣніяхъ, сблизился съ нѣкоторыми финляндскими администраторами и въ томъ числѣ съ Фалькомъ. Сенатору Фальку князь Меншиковъ (1/13 окт.

1832 г.) писалъ: «...извиняюсь за свои простыя письма, безъ всякаго этикета, и былъ бы радъ получать такія-же отъ васъ».... «Если вамъ извѣстно что-нибудь относительно сѣвера Финляндіи и въ особенности губерніи Улеоборгской, (2/14 ноября 1832 г.) то сообщите мнѣ конфиденціально, чѣмъ очень меня обяжете. Репорты губернатора для меня не всегда ясны». И Фалькъ честно разяснялъ дѣло. Но недолго. Онъ чувствовалъ, что усталъ, состарился и желалъ отставки. «Но увы! писалъ А. Г. Фалькъ кн. Меншикову,—нѣтъ большаго несчастья, какъ пережить себя самого,—

Сенаторъ, т. е. Андерсъ Генрихъ Фалькъ
(1772—1851).

исключая ужасное несчастье пережить свою родину,—а я чувствую, что способности мои уменьшаются. И потому вновь прошу вашу свѣтлость поддержать мое всеподданнѣйшее прошеніе». Фалька упросили остаться. Но черезъ годъ онъ возобновилъ свое прошеніе объ отставкѣ. Князь Меншиковъ отвѣтилъ 11/23 марта 1834 г.: «Мнѣ очень больно дать ходъ вашему прошенію и видѣть, что вы покидаете дѣла въ такую трудную минуту. Для меня ваше отсутствіе будетъ очень чувствительно. Вѣрьте, что я крайне сожалѣю о принятомъ вами рѣшеніи».

Въ промежутокъ между уходомъ Фалька и назначеніемъ Л. Гартмана, первая роль досталась начальнику канцеляріи экспедиціи Сената К. Ф. Рихтеру. Особенно его власть сказалась въ вопросахъ о производствѣ, которые тогда, за неимѣніемъ другой политики, считались весьма важными какъ для администраціи, такъ и для общества. Въ то время ни одинъ ленсманъ (земскій полицейскій чиновникъ) не могъ попасть въ списокъ кандидатовъ на должность уѣзднаго бухгалтера безъ того, чтобы не побывать въ Гельсингфорсѣ, въ мундирѣ, на поклонахъ у вліятельныхъ членовъ хозяйственнаго департамента. Иначе его могли забыть при открытіи вакансіи. Суровымъ пугаломъ «клянующихся» (de bockandes) въ тотъ періодъ былъ Рихтеръ, пока въ 1840 г. его не назначили президентомъ Абоскаго гофгерихта.

Немалое значеніе имѣлъ директоръ почтъ Ладо, не смотря на то, что со всѣхъ сторонъ къ нему проявлялось презрѣніе и ненависть. Вѣдая почтой, онъ въ то же время состоялъ членомъ Сената. Прожилъ до 1833 года ³⁵⁴).

Коллежскій совѣтникъ Е. Б. фонъ-Витте,—впослѣдствіи финляндскій дворянинъ подъ именемъ фонъ-Вейсенбергъ,—состоялъ директоромъ канцеляріи ген.-губернатора. Его нервный, живой темпераментъ показывалъ, что въ его жилахъ текла не финская кровь; благодаря своей веселой шутливости и умственнымъ способностямъ, онъ былъ оживляющимъ элементомъ общества. Лифляндецъ по происхожденію, онъ съ юныхъ лѣтъ поступилъ на русскую гражданскую службу въ Выборгской губерніи. Такъ какъ онъ владѣлъ языками и проявилъ хорошую умственную подготовку, то сдѣлался неизбѣжнымъ спутникомъ нѣсколькихъ генераль-губернаторовъ—Штейнгеля, Закревскаго и А. Теслева—въ ихъ инспекторскихъ поѣздкахъ по краю; такимъ образомъ онъ приобрѣлъ обширныя познанія о Финляндіи ³⁵⁵).

Слѣдующей оригинальной фигурой чиновничьяго міра является баронъ Котенъ. Сдавъ камеральный экзаменъ, Казиміръ фонъ-Котенъ поступилъ на русскую военную службу и былъ (1833 г.) назначенъ адъютантомъ генераль-губернатора князя Меншикова. Вскорѣ сдѣлался его личнымъ секретаремъ по финляндскимъ дѣламъ, а въ слѣдующемъ году вступилъ въ бракъ съ фрейлиной Анной Шарлоттой фонъ-Гартманъ, извѣстной красавицей, сестрой Ларса Габріэля фонъ-Гартмана. Расположеніе Меншикова, хорошія способности, сообразительность, находчивость и остроуміе, въ соединеніи съ любезнымъ и воспитаннымъ обхожденіемъ, способствовали тому, что уже въ 36-ть лѣтъ Котенъ назначенъ былъ директоромъ канцеляріи ген.-губернатора, а въ слѣдующемъ году исполнялъ должность губернатора Выборгской губерніи, гдѣ его знаніе языковъ, особенно русскаго, принесли ему большую пользу. Вскорѣ онъ обнаружилъ нѣкоторыя административныя способности. Но онъ разбрасывался, не имѣлъ общей руководящей нити и потому преобразовательные планы, возникавшіе въ его живой фантазіи, оказывались непрактичными; онъ же, пренебрегая законными формами, порывисто рвался къ ихъ осуществленію. Въ его губерніи было много недочетовъ, которые приходилось исправлять. И когда онъ, съ нѣсколько преувеличенной энергіей и поспѣшностью, какъ бы протестуя противъ tradi-

ціонной финской флегмы, принимался за какое-либо дѣло, то обычно путался въ противорѣчіяхъ³³⁶).

Этотъ портретъ, нарисованный дружеской рукой Эл. Фуругельма, освѣщаетъ отражателемъ своихъ воспоминаній К. И. Фишеръ. Императрица во время своего посѣщенія Гельсингфорса, обратила вниманіе на блѣдное личико m-lle Naartman. Ея Величеству поспѣшили объяснить, что красавица влюблена въ молодого барона Котена, который, не имѣя средствъ, не рѣшается жениться на ней. Императрица выразила готовность содѣйствовать испол-

Казиміръ фонъ-Котенъ.

ненію желанія барона и честолюбивый Котенъ не выдумалъ ничего лучшаго, какъ попроситься въ адъютанты къ кн. Меншикову. Первый шагъ былъ сдѣланъ. Но Котенъ оказался довольно крикливымъ (crieur) и князь, чтобы сбыть его съ рукъ, передалъ его начальнику штаба въ Финляндіи, для изученія военной администраціи. Благодаря дружбѣ съ Фишеромъ, баронъ Котенъ быстро совершилъ послѣдующіе административные шаги, и въ 3—4 года онъ изъ штабсъ-капитановъ сдѣлался превосходительствомъ. Подвижной и порывистый Котенъ за-

сыпалъ своихъ покровителей, Фишера и Меншикова, письмами и проектами по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, добиваясь, чтобы исполненіе ихъ послѣдовало съ первою отходившею изъ Петербурга почтою. Ранѣе другихъ вышелъ изъ терпѣнія Меншиковъ. «Котенъ становится невозможнымъ, но какъ отъ него избавиться? Поручите ему духовную экспедицію Сената, вкрадчиво посовѣтовалъ Фишеръ, и Котенъ сдѣлался сенаторомъ.

Быстрыми своими успѣхами на административномъ поприщѣ Котенъ обязанъ былъ всецѣло князю Меншикову. Но благодѣтеля своего онъ не долго помнилъ. Едва князь отправился на югъ, Котенъ принялся злословить и критиковать его. О Котенѣ К. И. Фишеръ сообщалъ въ Крымъ (2 ноября 1853 г.) князю Меншикову, что онъ «кричитъ еще больше. Это утопистъ, который хотѣлъ бы все передѣлать по своему, какъ онъ передѣлалъ Anjala». Котенъ говорилъ К. И. Фишеру, что онъ «истратилъ 10 тыс. своихъ денегъ

на управленіе (Выборг. губ.) и принесъ себя въ жертву, принимая мѣсто въ Сенатѣ; надѣюсь, что князь посовѣстится принять всѣ эти жертвы безъ вознагражденія». «Это человѣкъ ненасытный, его ничѣмъ не удовлетворишь. Такіе люди будутъ играть роль, когда новичекъ, не знающій всѣхъ интригъ, займетъ ваше мѣсто». 31 декабря 1855 г. Фишеръ вновь сообщилъ князю: «Баронъ Котень здѣсь. Любопытно знать, какъ онъ скроетъ краску стыда по отношенію къ своему благодѣтелю, котораго онъ такъ сильно оклеветалъ».

Имя Котена расположеніемъ финляндцевъ не пользуется. Онъ причисленъ ими къ противникамъ національнаго движенія и тѣмъ надолго упрочена нелюбовь къ нему страны. Кромѣ того, онъ обладалъ способностью возбуждать безпокойство и беспорядокъ всюду, гдѣ появлялся. Прочнаго и порядочнаго онъ ничего не создалъ и потому его удаленіе (1859 г.) изъ Сената обрадовало финляндцевъ.

Крикливость Котена по адресу кн. Меншикова являлось своего рода исключеніемъ изъ общаго правила, такъ какъ вообще передъ княземъ финляндцы съ большимъ подобострастіемъ разсыпали притворную любезность и преувеличенныя восхваленія. Вотъ нѣсколько образчиковъ ихъ тонкой лести. «Первый пароходъ, построенный здѣсь, былъ спущенъ вчера (т. е. 16/28 іюня 1836 г.). Считаю пріятнымъ долгомъ, — пишетъ Л. Г. Гартманъ, — сообщить объ этомъ вашей свѣтлости. Разсчитывая на ваше благосклонное къ намъ отношеніе, мы осмѣлились назвать его «Furst Menschikoff (17/29 іюня, 1836 г.).

Князь Меншиковъ посѣтилъ г. Або, и Л. Гартманъ писалъ ему:... «Мы всѣ были счастливы видѣть того, просвѣщенное управленіе котораго на благо нашей родины отвѣчаетъ милостивымъ намѣреніямъ Монарха (19 ноября 1834 г.). Вы приносите себя въ жертву странѣ, которая счастлива, находясь подъ вашимъ управленіемъ (26 авг. 1839 г.)». «Надежды на счастье страны воскресли, вслѣдствіе мнѣнія вашего сіятельства»... (15—27 марта 1839 г.).

Узнавъ, что князь (въ концѣ 1846 г.) возвратился въ Петербургъ, Л. Г. Гартманъ «осмѣливается выразить свои пожеланія скорѣйшаго выздоровленія, и чтобы вы могли въ недалекомъ будущемъ принять управленіе нашими дѣлами. Отъ этого зависятъ всѣ наши интересы и всѣ наши надежды». (8/20 ноября 1846 г.).

Артуръ Вильгельмъ Клинковстрёмъ, конечно, не отставалъ отъ другихъ въ искусствѣ притворной комплиментации. «..... Я такъ преданъ вамъ и вашей славѣ, что позволилъ себѣ написать»... Объ этой славѣ онъ повторяетъ много разъ, прибавивъ, нако-

нецъ, что въ Финляндіи она прочно установлена. Князь взялъ къ себѣ его сына въ адъютанты; Клинковстремъ благодарить и прибавляетъ:—«Я завидую этому счастью»... Распространился слухъ объ уходѣ князя и Клинковстремъ спѣшитъ со своимъ вздохомъ: «Всѣ такъ боялись, что вы отъ насъ уйдете; а когда узнали, что вы снова вступили въ должность, всѣ радостно улынулись и произнесли: Князь остался».... Жена Клинковстрема разрѣшилась отъ бремени сыномъ и счастливый отецъ пишетъ кн. Меншикову: «Мое величайшее желаніе назвать его вашимъ именемъ и я униженно прошу сдѣлать мнѣ честь быть его воспріемникомъ». Клинковстремъ отправляетъ въ Анъяла шляпу князя и умоляетъ его разрѣшить ему поднести ее на память его «чуднаго тамъ пребыванія»....

Гр. А. Армфельтъ также находился въ числѣ тѣхъ, которые «молили небо», чтобы кн. Меншиковъ скорѣе вернулся къ финляндскимъ дѣламъ, и которые «съ благодарностью вспоминаютъ кн. Меншикова». (29 мая/10 іюня 1853 г.)

Пока подобныя изъявленія исходили отъ отдѣльныхъ лицъ—ихъ можно было понять и объяснить. Одни служащіе были признательны князю за полученные награды, другіе—за выданныя имъ безпроцентныя ссуды, третьи—за содѣйствіе къ обезпеченію ихъ родственниковъ и т. д. Но когда Сенатъ въ полномъ составѣ вздумалъ вознаградить кн. Меншикова преподнесеніемъ ему маіората, то тутъ невольно останавливаешься въ недоумѣніи.

Покупка для кн. А. С. Меншикова маіората Анъяла остается таинственнымъ и загадочнымъ дѣломъ въ исторіи Финляндіи. Въ представленіи Сената отъ 2/14 апр. 1842 г. значится, что протекло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Государь избралъ достойнаго государственнаго мужа для управленія гражданскаго устройства Финляндіи. «Чувство вѣрноподданныхъ налагаетъ на нихъ (сенаторовъ) въ отношеніи къ потомству священную обязанность воздавать за подобныя заслуги должную дань почтенія и благодарности. Жители Великаго Княжества по милости Вашего Императорскаго Величества имѣютъ уже честь считать нынѣшняго генералъ-губернатора первымъ своимъ гражданиномъ, но сыны Финляндіи, даже въ отдаленныхъ ея предѣлахъ желаютъ, чтобы онъ и потомки его связаны были еще тѣснѣйшими узами съ тѣмъ краемъ, въ пользу котораго онъ продолжаетъ посвящать усердіе

свое и дѣятельность въ исполненіи видовъ Вашихъ. Сенатъ, одушевленный симъ общимъ желаніемъ, исполняя обязанность посредника... осмѣливается представить Вашему Императорскому Величеству свою всеподданнѣйшую просьбу, дабы, въ ознаменованіе незабвенныхъ услугъ, оказанныхъ генераль-губернаторомъ кн. Меншиковымъ, позволено было назначить ему помѣстье, въ видѣ майората на вѣчныя времена»... Этотъ знаменитый документъ подписали: Теслевъ, Гартманъ, Клинковстремъ, Сакленъ, Котень, де-ла-Шапель, Іегергорнъ, Тернквистъ, Бьеркстенъ и Пиппингъ ³³⁷).

Кто явился инициаторомъ этой покупки—до сихъ поръ не выяснено. Есть основаніе полагать, что большую роль въ этомъ

Имѣніе Анъяла, подаренное финляндской казной кн. А. С. Меншикову.

своеобразномъ дѣлѣ сыгралъ начальникъ финансовой экспедиціи Л. Гартманъ. Андерсъ же Рамзай въ своихъ воспоминаніяхъ опредѣленно называетъ руководителемъ всей затѣи барона Клинковстрема ³³⁸). Это тоже правдоподобно.

Въ 1832 г., судя по частной перепискѣ, кн. Меншиковъ желалъ купить имѣніе въ Финляндіи; съ другой стороны, сенаторы, конечно знали о его рѣдкой скупости. Эти обстоятельства могли навести сенаторовъ на мысль о майоратѣ.

Князь Меншиковъ (17—29 янв. 1842 г.) благодарилъ Л. Гартмана письмомъ «за участіе въ дѣлѣ Анъяла. Это было для меня неожиданно и тѣмъ болѣе лестно. Это украшеніе для моего герба и я тронутъ за себя и мой родъ». Л. Гартманъ напыщенно отвѣтилъ: «Тотъ день, когда я засѣдалъ въ Сенатѣ и голосъ финскаго народа (!) рѣшилъ поднести вашей свѣтлости даръ, въ знакъ бла-

годарности за ваше участіе къ интересамъ страны, будетъ лучшимъ днемъ моей жизни». (26 янв.—7 февр. 1842 г.).

Купили майоратъ и Сенатъ сейчасъ же ассигновалъ 25 тыс. р. ассигн. на ремонтъ его зданій.

Л. Гартманъ официально указываетъ на то, что ему, какъ начальнику финансовой канцеляріи Сената, поручена была покупка Анъялы, и этотъ майоратъ «навсегда свяжетъ васъ со страной, благосостояніе и будущее которой зависятъ отъ вашего благосклоннаго къ ней отношенія. (Не здѣсь-ли скрытъ смыслъ всей покупки?).... Я счастливъ, что принималъ участіе въ событіи, кото-

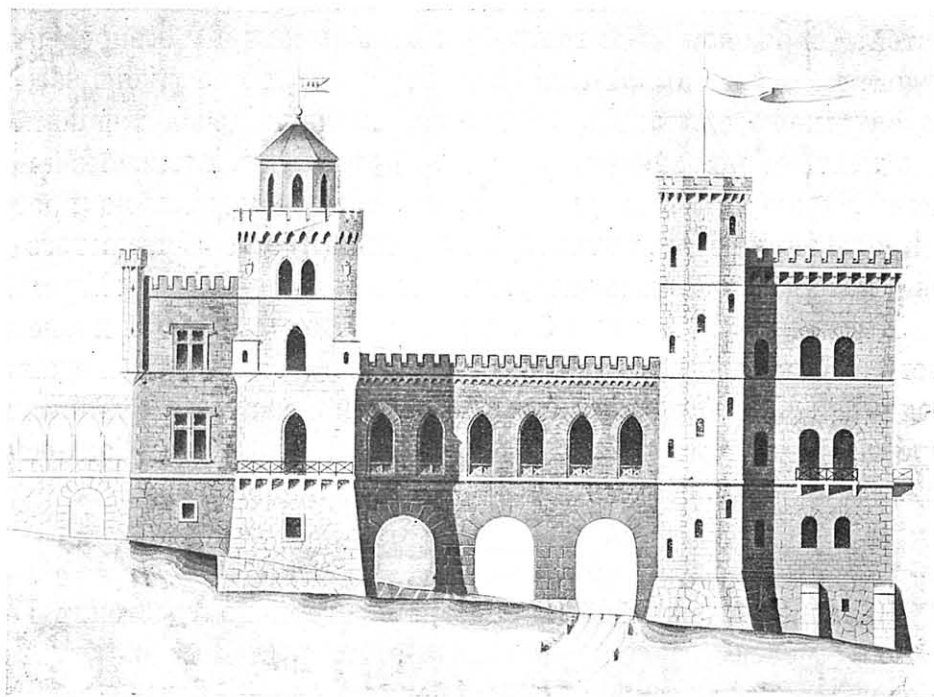
Имѣніе Анъяла.

рымъ моя родина будетъ гордиться». (25 апр.—7 мая 1843 г.). Князь Меншиковъ опять благодаритъ нѣсколькими сухими строками.

За что дано князю такое національное вознагражденіе? Финляндцы, движимые «незабвенной признательностью», купили имѣніе своему генераль-губернатору, котораго почти никогда не видали.—Разсказываютъ, что онъ стойко защищалъ финляндскіе порядки въ Государственномъ Совѣтѣ. Едва-ли, такъ какъ финляндскіе дѣла если и поступали туда, то очень рѣдко ³³⁹).

Газеты Швеціи не преминули, разумѣется, отмѣтить покупки Анъялы со своими ироническими комментаріями и почтъ-директоръ Александръ Вульфбертъ старательно рапортовалъ о нихъ кн. Меншикову. «Услуги кн. Меншикова Финляндіи,—значилось въ газетѣ «Aftonbladet»,—официально, конечно, неизвѣстны, потому что тѣ

немногіе раза, когда онъ посѣтилъ край, его остановки ограничились лишь нѣсколькими днями, а порой онъ и ногою не вступалъ на берегъ, оставаясь на пароходѣ». Въ то же время газета мѣтила своими стрѣлами въ Л. Гартмана, къ которому, по ея мнѣнію, кн. Меншиковъ не питалъ особаго расположенія. Возмущенный подобными выходками стокгольмскихъ газетъ, А. Вульфертъ предложилъ свои услуги кн. Меншикову. Онъ сообщилъ, что его другомъ въ Берлинѣ является баронъ фонъ-Мейендорфъ, и потому онъ можетъ

Проектъ барскаго дома, предназначавшагося для пмѣнія кн. Меншикова Анъяла.

помѣстить статью (Вульферта) въ Прусской газетѣ. Князь Меншиковъ поблагодарилъ за участіе, но усмотрѣлъ, что полемизировать по поводу Анъялы не стоитъ ³⁶⁰).

Въ 1851 г. въ Стокгольмѣ появился скандинавскій календарь Norden (Сѣверъ), гдѣ исторія покупки Анъялы окрашена еще болѣе рѣзкими цвѣтами. Авторъ припоминаетъ народную поговорку: «смазывай колесо и оно легко покатится; задаривай судью и будешь правъ». Чтобы сохранить милость нынѣшняго сильнаго генераль-губернатора, нѣсколько честолюбцевъ прибѣгло къ испытанному средству. Сенатъ отъ имени финскаго народа,—конечно, не спрося его,—рѣшилъ, въ знакъ признательности подарить

имѣніе, купленное статнымъ вѣдомствомъ за 40 тыс. р. Разсказываютъ, что не всѣ, однако, сенаторы подписались безъ протеста. «Все дѣло совершилось только тремя или четырьмя презрѣнными искателями счастья, которые вовлекли казну въ весьма чувствительный убытокъ и еще болѣе чувствительное униженіе». Другой еще болѣе озлобленный критикъ сказалъ: «Сенаторы времени Тиверіа выразились бы достойнѣе». Финскій народъ не принялъ, конечно, никакого участія въ дѣлѣ. Въ концѣ статьи авторъ бросаетъ намекъ, что виновникъ былъ хорошо награжденъ синей лентой, баронскимъ титуломъ и значительной безпроцентной ссудой. Если авторъ намекаетъ на Гартмана, то слѣдуетъ сказать, что онъ много сдѣлалъ для Финляндіи и вполне заслуженно получалъ ленты и пожалованъ баронскимъ титуломъ. Его частной перепиской, правда, устанавливается, что онъ дѣйствительно просилъ безпроцентную ссуду, но таковую получили многіе дѣятели того времени, которые по своимъ заслугамъ стояли далеко позади Гартмана.

Когда имѣніе Анъяла было куплено, около него захлопотали многіе. Клиновстремъ купилъ кабріолетъ, Котень наблюдалъ за экономіей, Л. Гартманъ былъ озабоченъ участіемъ анъяльскихъ коровъ; за скотомъ наблюдалъ также и Котень. Не обошлось въ Анъяла, конечно, безъ *touche-a-tout*—К. И. Фишера.

10 іюня—29 мая 1833 г. Государь вторично удостоилъ Гельсингфорсъ своимъ посѣщеніемъ. На этотъ разъ его сопровождала Императрица Александра Ѳеодоровна. Высокіе посѣтители прибыли на паровой яхтѣ «Ижора», украшенной по бортамъ вызолоченными двуглавыми орлами. При раннемъ утреннемъ свѣтѣ яснаго лѣтняго дня яхта подошла къ пристани, покрытой краснымъ сукномъ.

Государь еще не показывался. Въ 9 часовъ замѣтили гр. Ребиндера, входящимъ на яхту. Немного погодя вышелъ Николай Павловичъ; онъ казался болѣе высокимъ, прекраснѣе, веселѣе, чѣмъ какимъ его видѣли прежде. Въ тѣсной толпѣ открыли небольшой проходъ. Высокій статный Государь слѣдовалъ среди ликующей толпы. Куда? Къ университету, шептали другъ другу въ толпѣ. Дѣйствительно онъ направился туда. Обширный свѣтлый вестибюль былъ полонъ народа.

На другой день, по окончаніи смотра войскъ на площади, въ полдень, Государь вернулся въ университетъ подъ руку со своей

Августѣйшей Супругой. Въ первый разъ тогда русская Императрица удостоила Финляндію и университетъ своимъ посѣщеніемъ ³⁶¹).

На состоявшемся обычномъ парадѣ, войска въ «первый разъ прошли плохо»,—отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ его участниковъ.—Причина та, что пришлось выполнить движеніе,

Императрица Александра Ѳеодоровна.

котораго ранѣе не дѣлали, да кромѣ того, Государь подалъ болѣе скорый тактъ, чѣмъ обычно практиковался ранѣе ³⁶²).

Государь, разумѣется, былъ предметомъ общаго любопытства. Его величественная осанка, громкій командный голосъ, его всюду проникавшій взглядъ приводилъ въ восхищеніе женщинъ и наводилъ страхъ на мужчинъ.

Вечеромъ 11 іюня Царскіе Посѣтители покинули Гельсингфорсъ.

На томъ мѣстѣ Торговой площади «противъ Свеаборгской твердыни», гдѣ Императрица въ первый разъ вступила на финскую

*

землю, два года спустя горожане воздвигли гранитный обелискъ съ латинскою надписью. «Монархія, не страшась опасности

Императоръ Николай I.

стихій, рѣшилась сопутствовать Государю и тѣмъ явить рѣдкій примѣръ любви къ Высочайшему Супругу и своимъ вѣрноподданнымъ»,—какъ значилось въ ходатайствѣ о памятникѣ А. П. Теслева. Самый памятникъ долженъ былъ служить «неразрушимымъ доказательствомъ» потомству искренней преданности и глубокаго высокопочитанія обывателей края Августѣйшему Дому.

Подписку на памятникъ задумали К. Валенъ, В. Клинковстремъ, Густ. М. Армфельтъ и др. вмѣстѣ съ А. П. Теслевымъ. Проектъ памятника составилъ К. Л. Энгель. Подписныхъ денегъ не хватило и Сенатъ ассигновалъ недостающую сумму. Обелискъ открыли 6—18 дек. 1835 г. Главною частью торжества явилась шведская рѣчь А. П. Теслева ³⁶³).

Обелискъ въ память посѣщенія г. Гельсингфорса Императрицею Александрою Феодоровною 1833 г.

Внутренность избы состоятельнаго крестьянина.

У. Л. Г. фонъ-Гартманъ и экономическій ростъ края.

Мы уже не разъ встрѣчались съ именемъ Гартмана. При имени Гартмана—признавался К. И. Фишеръ—у него возникалъ образъ Кольбера въ финансахъ, Маккиавели въ политикѣ; это Сикстъ V по силѣ воли и маленькій ребенокъ по тщеславію. Худощавый и болѣзненный Гартманъ былъ выдающимся государственнымъ дѣятелемъ, какихъ болѣе нѣтъ въ Финляндіи—увѣрялъ Фишеръ. По тону рѣчи, по тѣлодвиженію это былъ дипломатъ. Ларсъ Габріэль (Лаврентій Гавріиль) фонъ-Гартманъ родился въ 1779 г. и, получивъ первоначальное домашнее образованіе, кончилъ его въ Абоскомъ, а затѣмъ въ Упсальскомъ университетѣ. Первые два десятилѣтія прослужилъ въ русской коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а потомъ перешелъ, въ Петербургъ же, на службу въ финляндскій статсъ-секретаріатъ. Въ молодые годы ему пришлось служить у Густава Армфельта и М. Сперанскаго. Въ первомъ онъ замѣтилъ отсутствіе твердаго характера и скороспѣлость въ рѣшеніяхъ, но тѣмъ не менѣе призналъ въ немъ ангела хранителя Финляндіи.—

Пропе́дшій передъ Гартманомъ Боргоскій сеймъ, въ его глазахъ не получилъ особаго значенія. Мнѣнія, господствовавшія въ Швеціи, ему не нравились и онъ старался предостеречь своихъ соотечественниковъ отъ напрасныхъ посѣщеній ея.

Гартманъ совершилъ образовательную поѣздку по Европѣ и его письма къ другу свидѣтельствуютъ объ его серьезномъ развитіи и глубокой нравственной основѣ. «Я, конечно, видѣлъ много странъ,—писалъ онъ въ сентябрѣ 1827 г. изъ Гамбурга,—лучше одаренныхъ природой и общественнымъ строемъ, но еще больше такихъ, съ которыми, относительно образованія и матеріальной выгоды, мы можемъ выдержать какое угодно сравненіе». «Я съ радостію—продолжаетъ онъ—жду той минуты, когда мнѣ опять удастся поцѣловать родную землю; конечно, большое счастье, что за предѣлами ея возможно было расширить свои идеи и укрѣпить свою опытность. Поэтому я буду находиться въ большомъ долгу у общества и моего Монарха. Если только не отнимается у меня всякая возможность уплатить этотъ долгъ—я постараюсь съ мужественной силой и твердымъ сердцемъ это исполнить». «Я желаю и хочу быть полезнымъ моей странѣ. Будетъ ли это возможно для меня и смогу-ли я это сдѣлать—покажетъ время».

Находясь въ Петербургѣ, Гартманъ внимательно слѣдилъ за барометромъ высшихъ политическихъ сферъ. Въ январѣ 1826 г. онъ писалъ: «Положеніе здѣсь весьма удовлетворительное для друзей порядка и человѣчества. Новый Монархъ относится къ Финляндіи милостиво и справедливо. Онъ, кажется, идетъ по стопамъ Великаго въ преданности къ намъ. Такъ слѣдуетъ смотрѣть на милость, оказанную университету, (рѣчь идетъ вѣроятно, о назначеніи Наслѣдника канцлеромъ, а Ребиндера—вице-канцлеромъ), хотя многіе этимъ, пожалуй, останутся недовольны. Ребиндеръ пользуется большимъ довѣріемъ Монарха. Неизвѣстно, однако, устоитъ ли онъ противъ Закревскаго, котораго Гартманъ характеризуетъ «маленькимъ деспотомъ». Говорятъ, что ему дадутъ другое назначеніе. Я этому не вѣрю. Быть можетъ не довѣряютъ нашей вѣрности и преданности, но въ этомъ неправы.—Монархъ, повидимому, внимательно и доброжелательно относится къ финляндскимъ дѣламъ»,—значится въ февральскомъ письмѣ Гартмана. Великая и благородная идея, повидимому, слѣдуетъ за нимъ въ управленіи. Unter uns gesagt,—одна вещь тревожитъ въ законодательномъ отношеніи. Онъ отказывается подписать какой-либо

смертный приговоръ; но предоставляетъ намъ рѣшить, какъ этому дѣлу помочь. Имѣется лишь два выбора: первый—помилованіе всѣхъ, второй—ссылка убійцъ и другихъ въ Сибирь, пока не возможно будетъ собрать сейма для обсужденія вопроса.—По твоему который изъ двухъ будетъ *minimum ex malis*? Ждутъ скоро сюда Закревскаго. Какъ бы онъ не пожелалъ уничтожить нашу бѣдную страну» ³⁶⁴).

Въ письмѣ къ архіепископу Тенгстрёму (1819 г.) онъ сообщалъ: «Я сейчасъ употребляю сои аморе свое свободное время, чтобъ освоиться съ тѣми предметами, которые касаются администраціи, разсматривая ее не только какъ искусство опыта, а какъ самостоятельную науку огромнаго объема и важнѣйшихъ стремленій народа и человѣчества». Серьезныя слова для человѣка его лѣтъ и его положенія.

Въ другой разъ онъ писалъ тому-же Тенгстрёму: «Во всемъ, что зависитъ отъ моихъ слабыхъ силъ, буду усердно и старательно исполнять довѣренныя мнѣ обязанности. До конца буду придерживаться избраннаго мною направленія. Не буду обращать вниманія на неблагодарность и зависть современниковъ. Это необходимо въ наше время, когда дѣятельность половины людей опредѣляется ихъ выгодой».

У Гартмана все это оказалось не словами, а жизненными правилами, которымъ строго слѣдовалъ въ теченіе своей полувѣковой службы.

Гартманъ быстро подвигался въ должностяхъ. Онъ состоялъ секретаремъ канцлера (до 1820 г.), затѣмъ членомъ комиссіи по финляндскимъ дѣламъ и, въ 1825 г., дѣлается товарищемъ министра статсъ-секретаря. Но въ 1826 г. эту должность упразднили и мы находимъ его губернаторомъ въ Або.—Секретъ упраздненія этой должности раскрытъ въ письмѣ Е. В. Иванова. «Нѣкогда Гертманъ мѣтилъ въ статсъ-секретари на мѣсто гр. Ребиндера, но сей узналъ и отдалилъ опаснаго искателя. Нынѣ однако-жъ они очень дружны» ³⁶⁵).

Баронъ Ларсъ Габріэль Гартманъ.

Въ 1830 г. Гартмана назначили въ Сенатъ; но то было время господства тамъ Фалька. Фалькъ и Гартманъ подъ одной крышей ужиться не могли и Гартмана вернули въ Абоскую губернію.

Губернаторомъ Гартманъ пробылъ до 1840 г. За это время его авторитетъ въ вопросахъ администраціи и экономической политики замѣтно возросъ. Его помощью и совѣтами пользовались генералъ-губернаторъ, министръ статсъ-секретарь и Сенатъ. Онъ участвовалъ въ разныхъ комитетахъ, ему давали отвѣтственные порученія. При его содѣйствіи устанавливались новыя торговыя отношенія Финляндіи къ Россіи въ 1834 г. и Финляндіи къ Швеціи—въ 1837 г.

Въ маѣ 1840 г. Гартмана назначили начальникомъ Финансовой Экспедиціи Сената, а на слѣдующій годъ онъ уже занялъ должность вице-предсѣдателя Хозяйственнаго Департамента Сената, сохранивъ прежнее руководство Финансовой Экспедиціей, въ которой сосредоточивались, кромѣ денежныхъ дѣлъ, всѣ дѣла по земледѣлію, торговлѣ, промышленности и путямъ сообщенія.

При своихъ большихъ административныхъ способностяхъ и общей высокой подготовкѣ, Гартманъ не располагалъ къ себѣ окружающихъ, вслѣдствіе крайне развитыхъ въ немъ честолюбія, самовластія и болѣзненной раздражительности. Всѣ силы его души были направлены къ пріобрѣтенію и сохраненію расположенія Монарха, дабы, пользуясь имъ, имѣть рѣшающее значеніе въ финляндскихъ дѣлахъ. «Ожесточеніе противъ Г. (Гартмана) невѣроятно,—сообщалъ гр. Ребиндеръ (14—26 іюня 1835 г.) изъ Тавастгуса своему знакомому.—Справедливо оно, или нѣтъ, мы объ этомъ еще поговоримъ. Эти враждебныя къ нему отношенія какъ здѣшней знати, такъ и низшихъ слоевъ общества, дѣлають много зла и причиняють мнѣ немало заботъ».

Любви и расположенія своихъ соотечественниковъ Гартманъ не пріобрѣлъ еще и потому, что не проявилъ сочувствія ни къ націоналистическому движенію, ни къ конституціоннымъ ихъ стремленіямъ и слабо домогался обособленія Финляндіи отъ Россіи. По его воззрѣнію, шведскій языкъ долженъ былъ по прежнему оставаться языкомъ офиціальнымъ и культуры; широкое мѣсто онъ отводилъ русскому языку въ области высшаго управленія краемъ. Постановленіе 1850 г., которымъ кн. Меншиковъ стремился заключить финскую литературу въ рамки религіоз-

ныхъ и экономическихъ вопросовъ, пользовалось сочувствіемъ Гартмана и было даже имъ подготовлено. Что же касается представительнаго образа правленія, то онъ вовсе ему не сочувствовалъ. Особенно опредѣленно это сказалось въ 1838 г., когда финансовая комиссія предложила созвать земскихъ чиновъ для установленія новыхъ налоговъ. Гартманъ рѣзко воспротивился этому, заявивъ, что правительство сумѣетъ самостоятельно собрать необходимые средства. Къ этому можно прибавить его извѣстное изреченіе о томъ, что финляндскіе основные законы шведскихъ временъ «устарѣли и уже при прежнихъ властяхъ являлись недействительными» ³⁶⁶).

«Гартманъ въ разговорѣ со мной—писалъ Я. К. Гротъ своему другу П. А. Плетневу—сдѣлалъ одно очень умное замѣчаніе. Настоящая конституція Финляндіи есть образованность и нравственность ея жителей. Пока у нея это есть, ее будутъ всегда уважать и цѣнить. Кромѣ этого, ничто не ручается за сохраненіе всего, чѣмъ она дорожитъ. И потому объ этомъ должны всего болѣе заботиться финны». «Устами Гартмана говорила сама премудрость», отвѣтилъ П. А. Плетневъ ³⁶⁷).

Карлъ Данииль Гартманъ—
отецъ сенатора Л. Г. Гартмана.

Болѣзненный и чахоточный, Гартманъ съ трудомъ волочилъ ноги, постоянно шатался отъ головокруженія и часто почти задыхался отъ кашля. Но сила воли творила въ немъ чудеса. Однажды опальный Гартманъ, съ потухшимъ взоромъ и безжизненнымъ лицомъ, посѣтилъ К. И. Фисера. Онъ опирался на палку и пошатывался; пришлось его поддержать и усадить на диванъ. Но едва Гартманъ узналъ, что онъ милостиво пожалованъ Государемъ орденомъ Св. Александра Невскаго, какъ вскочилъ на ноги и отброшенная палка скользнула по полу: «Alors, je ne suis pas encore fini!» воскликнулъ онъ ³⁶⁸).

Широко развернулась его рѣдкая по уму и энергіи дѣятельность, за которую Финляндія должна быть ему особенно признательной, между тѣмъ мелкія по политическому смыслу редакціи разныхъ газетъ и болтливое поверхностное общественное мнѣніе видѣли въ немъ лишь типъ суроваго и гордаго бюрократа, свое-

правнаго деспота, мстили и тѣшались тѣмъ, что прозвали его Ваше Страшенство—Hans Förskräklighet».

Но разъ выяснилось, что Л. Гартманъ былъ противникомъ національных стремленій финскаго народа, то этого оказалось достаточнымъ, чтобы господствующее въ краѣ общественное мнѣніе отнеслось довольно равнодушно къ его памяти. Страна точно забыла его огромныя заслуги и помнить только его своеволіе, высокомѣріе, его невниманіе къ постановленіямъ большинства Сената. Даже главная его заслуга—денежная реализація 40-хъ годовъ, принесшая столько пользы Финляндіи,—отмѣчается въ наше время, какъ вольная или невольная ошибка историкомъ Финляндскаго Банка Эмилемъ Шюбергсономъ, очевидно, глубоко отуманеннымъ теоріей финляндской измышленной государственности.

Блестящая карьера Гартмана была подъ конецъ омрачена тѣмъ, что его финансовое управленіе подверглось особой провѣркѣ: учреждена была комиссія для денежной ревизіи. Комиссія нашла неправильности и признала невозможнымъ дальнѣйшее оставленіе финансовъ въ его завѣдываніи. Гартману предложили подать въ отставку; онъ назвалъ это «безстыдствомъ» и остался на своемъ посту, заявивъ въ письмѣ къ гр. А. Армфельту: «Было-бы интересно видѣть, кто послѣ меня способенъ будетъ двигать машину».—Императору Александру II онъ подалъ подробное объясненіе, бросая обвиненія направо и налево, и жалуясь на то, что сдѣлался жертвой козней. Прочтя его оправданіе, Государь сказалъ: «Въ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ козней, а баронъ Гартманъ судить другихъ по себѣ». Въ подобныхъ фактахъ мѣстные изслѣдователи усмотрѣли справедливое возмездіе за его своеволіе и гордыню и разсказываютъ объ нихъ съ плохо скрытой радостью ³⁶⁹).

Л. Гартмана назначили членомъ Государственнаго Совѣта. Черезъ годъ онъ умеръ.

Финляндская признательность была произнесена, но крайне робко, въ формѣ иносказательной о смѣнѣ стараго и новаго года, какъ утверждаетъ К. И. Фишеръ: старый годъ, въ видѣ худенькаго истомленнаго старичка, уѣзжалъ безвозвратно. Скромная женщина въ траурѣ—Финляндія,—всхлипывая говорила: «Прощай, старикъ! спасибо за всѣ блага, тобою доставленные, за труды, подъятыя для меня....».

Едва Гартманъ узналъ о назначеніи князя Меншикова генералъ - губернаторомъ, какъ проситъ разрѣшить писать ему частнымъ образомъ, подобно тому, какъ писалъ «тайно и конфиденціально» гр. Закревскому (12—24 дек. 1836 г.). Кн. Меншиковъ воспользовался этимъ предложеніемъ и сейчасъ-же, подавъ ему примѣръ такой переписки, спрашивалъ свѣдѣній о Швеціи. Въ запасѣ у Гартмана нужныхъ данныхъ не оказалось, но онъ не замедлил мимоходомъ отмѣтить, что тамъ «возмущаютъ умы» и стараются «поколебать порядокъ» (19—31 дек. 1831 г.). Въ слѣдующемъ письмѣ (11 янв. 1832 г.) Гартманъ жалуется на шведскаго генеральнаго консула, безъ надобностей назначившаго вице-консуловъ во всѣ финляндскіе города. «Хотя шведское правительство примкнуло къ политикѣ Россіи, но оно не чуждо зависти, почему не могу смотрѣть на учрежденіе названныхъ консуловъ только съ комерческой точки зрѣнія».

Сблизившись путемъ переписки съ кн. Меншиковымъ, Гартманъ пользуется обстоятельствами и выхлопатываетъ все, что ему нужно. Окончилась холера; на нее въ Або экономно израсходовано было около 15 т. р. и Гартманъ сейчасъ-же проситъ наградъ аккуратнымъ распорядителямъ и самоотверженнымъ общественнымъ дѣятелямъ (29 февр.—10 марта 1832 г.). Черезъ недѣлю Гартманъ отстаиваетъ передъ начальникомъ края интересы купцовъ г. Або и вновь метнулъ стрѣлу въ шведовъ, которые, по его мнѣнію, могли бы быть болѣе освѣдомлены о положеніи дѣла въ Финляндіи, но «изъ зависти, чтобы затруднить нашу торговлю», они поддерживаютъ ложные слухи (9—21 марта 1832 г.). Въ Або учреждается общество улучшенія конской породы и Гартманъ проситъ у князя 1.000 или 1.500 р. изъ экстраординарныхъ суммъ (22 марта—3 апр. 1832 г.). Письма Гартмана—сплошная просьба то объ одномъ, то о другомъ. Несомнѣнно, что Гартманъ извлекъ бо́льшую пользу изъ своей «конфиденціальной» переписки, чѣмъ кн. Меншиковъ. Послѣдній писалъ рѣдко и записочки его очень кратки. Ёдетъ въ Копенгагенъ камергеръ Дашковъ и онъ проситъ Гартмана облегчить ему переѣздъ. Въ томъ же родѣ составлены другія его письма. Князь дорожилъ «тайными» сообщеніями и Гартманъ изрѣдка удовлетворялъ его желаніе, но сообщаетъ свѣдѣнія весьма дешеваго качества, въ родѣ, на примѣръ, того, что какой то негодіантъ изъ Любека ѣздитъ по странѣ и абоскому губернатору не удастся установить цѣли его путешествія. Но тутъ-же рядомъ

Гартманъ преподаетъ князю весьма опредѣленные наставленія. «Осмѣливаюсь повторить мою гельсингфорскую просьбу. Я считаю вреднымъ усиленное наблюдение и стѣсненіе страны, которая своимъ отношеніемъ къ родинѣ и государю всегда внушала довѣріе». Иное дѣло иностранцы: за ихъ происками Гартманъ рекомендуетъ усилить надзоръ, но губернаторы лишены для этого нужныхъ средствъ. «Не понимаю,—изумлялся онъ,—почему Сенатъ не исполняетъ приказанія Государя, отпускать губернаторамъ для этой цѣли извѣстную сумму» (23 марта—4 апр. 1832 г.).

Въ то же время этотъ ловкій политикъ очень внимателенъ къ малѣйшимъ желаніямъ кн. Меншикова. «Генераль Теслевъ увѣдомилъ меня, что мой отпускъ не согласуется со взглядами вашего сіятельства и я поспѣшилъ вернуться» (10 окт. 1834 г.). Въѣстъ съ тѣмъ, Гартманъ большой мастеръ показывать «товаръ лицомъ». Онъ росписываетъ свою заботливость о губерніи, о предупрежденіи холеры и т. п. (26 сент. 1834 г.). Покончивъ заключеніе договора со Швеціей, Гартманъ пишетъ: «Смѣю думать, что правительство оцѣнитъ насъ..» (8 мая н. ст. 1838 г.). Гартману дали тайнаго совѣтника.—Изъ Сената (въ 1842 г.) онъ писалъ, «что физически изнемогаетъ подъ бременемъ дѣлъ и интригъ» (10—22 мая 1842 г.); «меня поддерживаетъ лишь справедливость правительства и милостивое расположеніе вашей свѣтлости».

Встрѣчаются у Гартмана и такія строки: «Но умоляю васъ не дѣлать рѣшительнаго шага, пока я лично не доложу, какимъ способомъ..» и т. д. (13—25 янв. 1847 г.). Переписка съ несомнѣнностью удостовѣряетъ, что Л. Г. Гартманъ, съ одобренія князя Меншикова, подготовилъ рядъ важныхъ законопроектовъ, своевременно внушивъ по нимъ князю свои мысли. Неоспоримо также, что между ними установилась большая близость, упростившая ихъ взаимныя отношенія. Объ этомъ говоритъ записка князя Меншикова (отъ 5 марта 1847 г.). «Заходилъ сегодня утромъ къ в. прев. и не засталъ васъ дома. Сообщаю, что Государь..... даровалъ ордена тѣмъ лицамъ, за которыхъ вы просили, и утвердилъ постройки для баталіона въ Або и собора въ Гельсингфорсѣ».

Естественно, что тонъ гартмановскихъ писемъ окрѣпъ. Л. Гартманъ не останавливается даже передъ рѣшеніемъ Сената, когда оно ему не нравится. «Способъ, къ которому прибѣгъ Сенатъ, по моему, неудовлетворителенъ и не приличенъ.. Г. Федерлей ничего не понимаетъ въ постройкахъ... Полумѣрами тутъ не помо-

жешь. Правительство только скомпрометируетъ себя»... Надо прибавить, что, говоря такъ, Гартманъ руководился своимъ глубокимъ убѣжденіемъ и весь поглощенъ былъ желаніемъ достигъ въ строительномъ дѣлѣ должной экономіи (17—31 окт. 1840 г.). Л. Гартманъ всегда добросовѣстно отстаивалъ интересы правительства и администраціи, желая сохраненія ихъ значенія и оберечь ихъ достоинства. Л. Гартманъ, кажется, открыто могъ заявить, что не предложитъ мѣръ, способныхъ вызвать неудовольствіе къ правительству (4—16 марта 1839 г.).

Бывали случаи, когда Гарманъ проявлялъ не мало самостоятельности. Князь Меншиковъ остался недоволенъ земледѣльческимъ институтомъ. Л. Гартманъ смѣло поднималъ свой голосъ въ защиту этого учебнаго заведенія. «Я былъ бы недостойнъ вашего довѣрія, если бы скрылъ отъ васъ мои убѣжденія въ общественныхъ дѣлахъ. Я преклоняюсь передъ вашими знаніями, но ваша справедливость даетъ мнѣ смѣлость выразить мнѣніе, противоположное вашему. Защищая интересы учрежденія, я защищаю главное производство страны». Все направлено къ тому, чтобы институтъ могъ процвѣтать. «Въ противномъ случаѣ, прошу вашу свѣтлость поддержать меня, дабы Государь соизволилъ избавить меня отъ наблюденія, которое никакой пользы принести не можетъ». (15—27 апр. 1843 г. изъ Гельсингфорса).

Безъ надобности онъ, какъ умный человѣкъ, не обострялъ отношеній, но, гдѣ возможно было, стремился согласовать свои предложенія со взглядами кн. Меншикова (24 мая—3 іюня 1848 г.).

Въ тѣ моменты, когда Л. Гартманъ опасался, что его авторитетъ можетъ быть парализованъ, онъ просилъ у князя о личномъ свиданіи (1—31 дек. 1840 г.).

Кн. А. Меншиковъ видѣлъ, что въ лицѣ Л. Г. Гартмана приобрѣлъ рѣдкаго по уму и усердію помощника въ важнѣйшихъ экономическихъ дѣлахъ края, и очень цѣнилъ и благодарилъ его (26 окт.—7 нояб. 1840 г.). И этимъ много сказано, если имѣть въ виду, что хвала исходила отъ такого совершенно исключительнаго и мало доброжелательнаго эгоиста, какимъ оставался въ теченіе всей своей жизни кн. А. С. Меншиковъ. Когда умерла жена Гартмана, кн. Меншиковъ выразилъ свое глубокое участіе и желалъ барону сохранить свое здоровье. «Никто больше меня не можетъ желать, чтобы вы сохранили его на благо службы и страны». (11—23 іюня 1851 г.).

Надо отдать Л. Г. Гартману справедливость и въ томъ, что онъ «трудился безкорыстно, какъ человѣкъ, желавшій покинуть общественную службу съ незапятнанной репутаціей и съ правомъ на уваженіе тѣхъ, кому онъ честно служилъ» (Письмо Гартмана отъ 9—21 янв. 1846 г. князю Меншикову).

Полнаго собранія писемъ Л. Г. Гартмана не имѣется и потому неизвѣстно, что онъ сообщалъ о Финляндіи князю А. С. Меншикову, когда послѣдній отвѣтилъ: «Если въ будущемъ между Имперіей и Великимъ Княжествомъ надо будетъ преодолѣть нѣкоторыя препятствія, отчаяваться не надо, а рассчитывать на время и на Государя, который одинаково любить всѣхъ своихъ подданныхъ». Шведская пропаганда очень нужна; конечно, она требуетъ дѣятельнаго наблюденія, въ томъ смыслѣ какъ вы ее понимаете: «невидимое и предупредительное, но готовое дѣйствовать, въ случаѣ надобности. Назову вамъ по этому поводу статью изъ Або отъ 9 января, касательно острова Аланда, и предлагаю вамъ не допускать подобныя статьи, какъ вызывающія маложелательныя политическія споры».

Далѣе изъ того же письма раскрывается воззрѣніе кн. Меншикова на революцію: оно совершенно сходно съ воззрѣніемъ Государя Николая Павловича. «Почти всѣ современныя революціи вызваны адвокатами и юрисконсультами; они всюду противъ правительства. Это гангрена государствъ». (16—28 февр. 1839 г.). Въ этой области кн. Меншиковъ, кажется, нашелъ себѣ полнаго единомышленника въ Л. Гартманѣ, который, раздѣливъ это мнѣніе, прибавляетъ, что вредное вліяніе, тяготящее надъ современными государствами, «особенно сильно въ этой странѣ (Финляндіи). Чтобы нейтрализовать его, необходимо, чтобы повѣренныя (стряпчіе) не выби-
рались изъ бюрократической аристократіи. Опытъ показалъ намъ, что старые адвокаты искажаютъ всякую высшюю администрацію...» (15—27 марта 1839 г.).

Л. Г. Гартманъ касался въ своихъ письмахъ къ кн. Меншикову, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ вопросовъ. Ему настолько часто приходилось говорить о шведскихъ дѣлахъ, что по его заявленіямъ и отвѣтамъ кн. Меншикова устанавливается общее направленіе нашихъ тогдашнихъ отношеній къ Швеціи. «Въ нашъ вѣкъ надо считаться съ мнѣніемъ цивилизованныхъ, хотя и небольшихъ, странъ. Не на Сѣверѣ, разсуждалъ Гартманъ, будутъ рѣшаться великія вопросы политическаго равновѣсія. Естественное стремленіе европейской цивилизаціи на Востокъ сдѣлаетъ его мѣстомъ

борьбы между державами. Временный упадокъ правительственнаго характера Швеціи не затрагиваетъ силу и молодость страны. Для насъ важно вести Швецію на помочахъ. Я не сомнѣваюсь въ ея правительствѣ, ему придется идти за нами, это единственный способъ спасти монархію. Но надо опасаться народа. Обстоятельства могутъ заставить правительство дѣйствовать противъ своихъ интересовъ. Надо овладѣть имъ заранѣе и парализовать народное вліяніе. Тотъ, кто думаетъ достигнуть этого съ помощью политики—ошибается. Выгода вызываетъ любовь толпы, которая всегда эгоистична.

Гельсингфортъ 40-хъ годовъ со стороны южной гавани.

У Россіи много приманокъ для сосѣда и въ этомъ должна, по моему, состоять политика Россіи...» (8 мая н. ст. 1838 г.). «Могу только согласиться съ вашими взглядами и желать, чтобы они исполнились», отвѣтилъ кн. А. С. Меншикову (16—28 февр. 1839 г.).

Л. Гартманъ не слѣпой поклонникъ Швеціи. «Санитарныя учрежденія, коихъ мы ищемъ въ Швеціи, совершенно не заслуживаютъ той репутаціи, которую создало имъ народное тщеславіе». Народъ Швеціи онъ находилъ распущеннымъ, а высшіе классы напыщенными. Путешествіе по Швеціи можетъ открыть глаза «на силу и справедливость правительства, отъ котораго зависитъ наше благосостояніе». (отъ 26 авг. 1839 г.).

Завѣдя вновь рѣчь о Швеціи, по поводу одной брошюры, Л. Гартманъ замѣчаетъ: «По моему въ Швеціи есть тяготѣніе къ республиканскому строю Норвегіи». (9 ноября 1839 г.).

Были, конечно, вопросы, которые подымались кн. Меншиковымъ, безъ предварительныхъ переговоровъ съ вице-президентомъ Сената. Такимъ явилось предписание Сенату представить проектъ постройки военного парохода въ 400 лошадиныхъ силъ, за счетъ сбереженій финляндской казны. Л. Гартманъ былъ недоволенъ. Онъ имѣлъ въ виду этими сбереженіями ускорить постройку Сайменскаго канала (24 мая—5 июня 1848 г.). Но было поздно и пришлось уступить.

Излишне прибавлять, что огромное количество просьбъ изложено въ письмахъ Л. Гартмана о новыхъ назначеніяхъ, перемѣщеніяхъ и наградахъ. Этимъ вопросамъ придавались немалыя значенія и воля сенатора обычно торжествовала.

Читая и сопоставляя письма Л. Г. Гартмана и гр. Ребиндера къ кн. Меншикову, невольно склоняешься къ тому, что истиннымъ министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи былъ первый. Въ письмахъ Гартмана отражены главнѣйшіе вопросы времени, они полны полезныхъ указаній, черезъ ихъ страницы прошли всѣ важнѣйшія назначенія, они умно составлены и интересны. Большая часть писемъ Ребиндера кратки и безцвѣтны.

Глаза на Гартмана были устремлены со всѣхъ сторонъ, особенно въ такое глухое въ политическомъ отношеніи время. Не сводилъ глазъ съ него и Е. В. Ивановъ ³⁷⁰). Онъ характеризуетъ его «умнымъ, но трусливымъ». Въ поведеніи столь выдающагося человѣка вылавливалась каждая мелочь. Зашла рѣчь объ орлахъ, поддерживавшихъ гардины. «Гартманъ всегда осторожный, но тутъ, конечно, увлеченный разговоромъ, сказалъ: «Да эти орлы хотятъ всѣмъ завладѣть» ³⁷¹). «Гартманъ, конечно, надежный ландсгевдингъ, но онъ въ душѣ финляндецъ» ³⁷²).

Тонкій дипломатъ Гартманъ зналъ о близости къ кн. Меншикову Е. Иванова и потому пригласилъ его посѣтить навигаціонную школу, дабы убѣдиться въ ея успѣхахъ. Гартманъ «умень, дѣятеленъ, неутомимъ, заботливъ», но Е. Ивановъ не вѣритъ его приверженности къ Россіи: онъ въ полномъ смыслѣ финляндскій О'Конелль (апр. 1836) ³⁷³). Е. В. Иванову не легко давался вопросъ о расположеніи Гартмана къ Россіи, такъ какъ налицо имѣлись дѣйствія, ярко свидѣтельствовавшія объ этой приверженности ³⁷⁴),

но въ то же время онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ противорѣчій и странностей.

Даже враги Гартмана признавали его неутомимую дѣятельность и способность управлять своей губерніей. Онъ улучшалъ городъ Або, доставлялъ поселянамъ скорый судъ, а жена его много благотворительствовала. Всѣмъ было также извѣстно его необыкновенное честолюбіе. За лестное вниманіе Высшей власти и ласковое слово кн. Меншикова онъ готовъ былъ жертвовать здоровьемъ, друзьями и, «думаю, выгодами Финляндіи»,—прибавляетъ Ивановъ,—не отказывая ему въ патріотизмѣ. «Недавно еще,—продолжаетъ Е. Ивановъ,—Гартманъ пожертвовалъ выгодами финляндцевъ, при сочиненіи новаго тарифа,—за вниманіе къ нему Канкринъ, за обѣщаніе ему Анненской ленты, которую онъ получилъ» ³⁷⁵). «Гартманъ много полагается на Канкринъ, министра финансовъ, котораго онъ превозноситъ до небесъ» (Ивановъ, апр. 1836).

«Донесенія мои о Гартманѣ,—признается Е. В. Ивановъ,—иногда противорѣчивы... это оттого, что я описываю именно то, что вижу...» (декабрь 1836 г.). Въ маѣ 1837 г. Е. Ивановъ отмѣчаетъ, что Гартманъ «предался Россіи».

Гартмана не терпѣли и боялись.

Узнавъ о кандидатурѣ Л. Гартмана въ начальники финансовой экспедиціи, другой корреспондентъ кн. Меншикова—сенаторъ Клинковстремъ принялся иронизировать «...Впрочемъ желаю Гартману всякаго успѣха, лишь бы его большіе таланты не обошлись черезъ-чуръ дорого казнѣ, и чтобы у него было не очень много проектовъ. Пишетъ онъ такъ, что, смотря по обстоятельствамъ, бѣлое выходило чернымъ... Пока онъ имѣетъ все, что необходимо большому финансисту, а именно: важность испанскаго графа» и пр. Оказывается, что Клинковстремъ мстилъ за нападки «на бѣднаго Саклена—прямого и неподкупнаго», которому пришлось уступить мѣсто Л. Гартману (25 март.—6 апр. 1836 г.). «Къ тому же Гартманъ вполне на мѣстѣ въ губерніи, гдѣ онъ царствуетъ со славою». Ясно, что Клинковстрему очень не желательно было видѣть его въ Сенатѣ.

Когда Л. Гартманъ приступилъ къ своимъ занятіямъ по комиссіямъ, Клинковстремъ продолжалъ. «Пока Гартманъ имѣлъ случай повторить свои громкія фразы и принаровить свои высокіе взгляды къ своимъ сотрудникамъ. Онъ восхитителенъ, когда поглощенъ

своимъ собственнымъ величіемъ, и снисходить къ намъ, простымъ смертнымъ».

Стрѣлы, отравленные критическимъ ядомъ К. И. Фишера, также часто разили дѣятельнаго Гартмана. «Какъ кажется Л. Гартманъ потерялъ маску. Онъ увѣрилъ съ одной стороны, что Финляндія желаетъ принести «Рюрика» въ даръ россійскому флоту, а графу Армфельту написалъ, чтобы онъ просилъ объ уплатѣ за него. Графъ и сдѣлалъ, но когда Государь на это не соизволилъ, онъ представилъ письмо Гартмана» ³⁷⁶).

Въ теченіе 18 лѣтъ Гартманъ безспорно занималъ руководящее положеніе въ Сенатѣ. Его дѣятельность сосредоточилась главнымъ образомъ на упорядоченіи монетной части, реформѣ финляндскаго банка, постройкѣ Сайменскаго канала, преобразованіи таможеннаго вѣдомства и на умѣломъ завѣдываніи хозяйствомъ. Всѣми этими дѣлами и реформами Гартманъ очень много содѣйствовалъ матеріальному успѣху Финляндіи. Въ князѣ Меншиковѣ онъ имѣлъ сильную опору въ своихъ многочисленныхъ начинаніяхъ.

Къ концу своей карьеры, въ военное время 1854—1855 г.г., Л. Гартманъ дѣйствовалъ особенно рѣшительно, минуя всякія негодныя ему инстанціи ³⁷⁷).

Первая заслуга Л. Гартмана заключалась въ томъ, что имъ рѣшенъ былъ трудный вопросъ,—съ которымъ не справился въ свое время сеймъ въ Борго,—объ уравниеніи сбора налоговъ, посредствомъ превращенія многочисленныхъ мелкихъ оброчныхъ статей (доходившихъ чуть-ли не до ста) въ немногіе простые, которые не особенно отягощали плательщика. Постановленіемъ 1840 г. земельная рента раздѣлена была на пять отдѣльныхъ рубрикъ: жито, овесъ, масло, сало и наличныя деньги. вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ былъ общій разборъ земельныхъ оброковъ, руководствуясь которыми составлены были новыя земельныя книги. Реформа системы обоброченія затронула интересы корня и опоры финляндскаго соціальнаго строя—класса земледѣльцевъ, на которыхъ лежала и до нынѣ лежитъ главная тяжесть податнаго бремени, ибо земля всегда служила главнымъ источникомъ прямыхъ налоговъ, играющихъ столь важную роль въ бюджетѣ ординарныхъ доходовъ (статпомъ фондѣ) ³⁷⁸).

Но особенно много вниманія и заботъ удѣлено было Л. Гартманомъ и русскимъ правительствомъ таможенному вопросу.

Въ мартѣ 1826 г. уменьшены были таможенные пошлины въ Имперіи, и сейчасъ же Его Величество призналъ за благо, для поощренія промышленности Финляндіи, указать, чтобы тѣ же облегченія соблюдаемы были финляндскими таможнями ³⁷⁹).

Въ томъ же году обращено было вниманіе на границу Выборгской губерніи.—Мѣстный Сенатъ предложилъ учредить по этой границѣ съ Финляндской стороны таможенную цѣпь, но Государь на это не согласился, находя, что подобное учрежденіе будетъ затруднять сообщеніе между Россіей и Финляндіей.—Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь воспретилъ осмотръ иностранныхъ товаровъ на сухопутномъ пути, во время ихъ перевозки изъ города въ городъ, такъ какъ подобная мѣра стѣсняла свободу внутреннихъ сношеній ³⁸⁰).

Суда изъ Финляндіи пользовались нѣкоторыми преимуществами въ шведскихъ гаваняхъ. Но Стокгольмская таможня отказывала въ нихъ судамъ, приходившимъ изъ Выборгскихъ портовъ. Наше правительство вошло въ сношеніе со шведскимъ министерствомъ, и король разрѣшилъ распространить привилегіи Торговой Конвенціи 14—26 февр. 1828 г. на суда Выборгской губерніи ³⁸¹).

Въ 1837 г. Россія получила новый таможенный тарифъ по ввозу иностранныхъ товаровъ. Учрежденный вслѣдствіе этого въ Гельсингфорсѣ Комитетъ полагалъ ввести тотъ же тарифъ для Великаго Княжества, но съ нѣкоторыми изъятіями (для фаянсовой посуды и мѣла). Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ вопросъ объ уменьшеніи для края таможенныхъ пошлинъ на нѣкоторые предметы широкаго потребленія (кофе, сахаръ, виноградное вино и пр.). Графъ Канкринъ возражалъ и его мнѣніе было уважено ³⁸²).

Что же касается товарообмѣна между Россіей и Финляндіей, то 14 іюня 1835 г. состоялось изданіе положенія, въ силу котораго установленъ былъ беспошлинный ввозъ въ Финляндію всѣхъ русскихъ товаровъ, за исключеніемъ хлѣбнаго вина ³⁸³).

При первоначальномъ установленіи таможни въ Финляндіи руководились желаніемъ затруднить доступъ въ край заграничныхъ продуктовъ. Въ болѣе льготныя положенія были поставлены лишь Россія и Швеція. Затѣмъ въ финляндской таможенной политикѣ стали держаться того воззрѣнія, чтобы повышенной ввозной пошлиной поддержать выгодный для края торговый балансъ. Вывозныя пошлины, напротивъ, понижались или даже вовсе снимались, на

продукты, напимѣръ, отъ скотоводства, замѣняя ихъ вывозными преміями. Однако, такая таможенная политика процвѣтанію торговли и росту доходовъ казны не способствовала, вслѣдствіе того, что рядомъ развилась обширная контрабанда и большія злоупотребленія въ таможенномъ управленіи и таможенномъ надзорѣ.—Финляндскія власти въ отчетахъ таможеннаго управленія и въ своихъ представленіяхъ настойчиво стали повторять, что высокія тарифныя ставки отяготительны, а что наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ борьбы съ контрабандой и утайкой пошлинъ является пониженіе таможенныхъ пошлинъ до соразмѣрности съ цѣнностью товаровъ ³⁸⁴).

По мнѣнію гр. Канкринъ, много было дѣлаемо правильныхъ указаній противъ запретительной и охранительной системы, но отъ нея нельзя было отойти въ виду тѣхъ доходовъ, которые она приносила. Этимъ заявленіямъ вняли, и, въ видѣ опыта на пять лѣтъ, закономъ 27 іюля 1839 г. разрѣшено было понизить пошлины на цѣлый рядъ товаровъ.—Доходы таможи, дѣйствительно, возросли: въ 1839 г. они достигали до 302.000 руб., а въ 1841 г.—520.000 р. сер. Контрабанда уменьшилась, такъ какъ при пониженныхъ ставкахъ къ таможенному досмотру стали предъявлять ббльшую часть привозныхъ товаровъ. Въ то же время контроль надъ таможенными былъ усиленъ. Пошлины, установленныя временно, оставались въ силѣ до 1859 г.

Всѣ эти измѣненія достигнуты были, главнымъ образомъ, благодаря Гартману. Казначейству часто угрожалъ недостатокъ въ средствахъ. Реформа таможи совершенно устранила подобныя опасенія и финансы Финляндіи поправились. Съ 1841 г. наблюдается послѣдовательный ростъ доходовъ: въ 1840 г.—400.244 руб. сер., въ 1850 г.—1.091.962 руб. сер., въ 1853 г.—1.106.513 руб. сер. ³⁸⁵).

Когда заключался «торговый договоръ между большой Имперіей и малой Финляндіей», баронъ Клинковстремъ проронилъ нѣсколько не лишенныхъ интереса замѣчаній въ письмѣ (отъ 17—31 янв. 1835 г.) къ кн. Меншикову. «Гр. Канкринъ настаиваетъ на отдѣленіи Выборгской губ. въ связи съ таможенными льготами, дарованными Финляндіи. Если отдѣлить эту губернію, то таможенной линіи придется обойти вокругъ всей Финляндіи и мы очутимся при русскомъ тарифѣ. Пострадаетъ торговля Выборга и Фридрихсгама—двухъ портовъ, пока еще не занимающихся контрабандой... Если когда-нибудь таможенная линія Имперіи должна тамъ рас-

тянуться, лучше намъ сразу подчиниться русскому тарифу. Къ счастью, это дѣло передано вашей свѣтлости и мы всю нашу надежду возлагаемъ на ваше знаніе дѣла. Вы одинъ можете помочь, ибо я боюсь, что наши милые депутаты съ первыхъ же шаговъ запутались съ графомъ Канкринимъ, сдѣлавъ ему столь важную уступку, отъ которой теперь, несмотря на всѣ красивыя фразы, имъ трудно будетъ отказаться»...

Въ Финляндскомъ таможенномъ вопросѣ скрывается что-то таинственное. Извѣстный мѣстный дѣятель и публицистъ Снельманъ отмѣтилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что «до Гартмана изворачивались такимъ образомъ, что товары вписывались въ фальшивыя категоріи (*falska rubriker*), а каждая таможня обязана была доставлять извѣстную сумму, которая собиралась мѣстными купцами *pro rata*»... Отсюда Снельманъ дѣлалъ тотъ выводъ, что «русскіе министры были поддѣты (т. е. обмануты) Гартманомъ. По словамъ того-же Снельмана, поддѣлка (*falsifikat*) производилась Гартманомъ такимъ образомъ: «позади официальнаго тарифа онъ написалъ свой тарифъ». Печатные экземпляры сего гартмановскаго тарифа «не имѣли ни наименованія постановленія, ни даты, ни подписи». При посредствѣ подобнаго тарифа всевластный «министръ финансовъ» Финляндіи поправилъ экономическое состояніе края и съ тѣхъ поръ оно начало безостановочно расти ³⁸⁶). Вслѣдъ за Снельманомъ, историкъ Финляндіи, М. Шюбергсонъ, писалъ, что Гартману посчастливилось обойти (*kringgå*) законъ помощью цѣлесообразныхъ распоряженій. ³⁸⁷). Въ такомъ положеніи вопросъ оставался до 1899 г., когда профессору Даніельсону удалось найти слѣдующее секретное отношеніе финляндскаго генералъ-губернатора кн. Меншикова отъ 10—22 апрѣля 1841 г. (за № 314), адресованное къ начальнику финансовой экспедиціи финляндскаго Сената, фонъ-Гартману: «Государь Императоръ, возлагая на ваше превосходительство изысканіе способовъ усиленія таможеннаго надзора, какъ вамъ, милостивый государь, извѣстно, изъ отношенія моего за № 313-мъ, желаетъ видѣть сіе порученіе оконченнымъ къ навигаціи будущаго 1842 г.; въ теченіе же нынѣшняго года предоставляетъ вашему превосходительству, уступая необходимости, какъ и доселѣ иногда бывало, допускать негласнымъ образомъ нѣкоторыя противъ таможеннаго устава облегченія въ очисткѣ пошлинъ по вашему усмотрѣнію и точному убѣжденію въ пользѣ сего для таможенъ и въ безвредности для окрестной торговли» ³⁸⁸).

Гартманъ успѣшилъ воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ и издалъ свою таможенную таксу, которая не была официально обнародована, въ видѣ постановленія, и тѣмъ не менѣ приводилась въ исполненіе. Пошлины по ней были понижены ³⁸⁹).

Въ виду того, что намъ, при самыхъ усиленныхъ розыскахъ въ петербургскихъ и гельсингфорскихъ архивахъ, не удалось найти письма кн. Меншикова за № 314, приводимъ дальнѣйшее поясненіе проф. Даніельсона. Онъ пишетъ: «Гартманъ пользовался особымъ довѣріемъ генераль-губернатора кн. Меншикова и получалъ черезъ него у Монарха обширныя спеціальныя полномочія. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ этихъ полномочій было дано ему въ 1841 г., и затѣмъ постоянно возобновлявшееся право назначать, независимо отъ officialнаго таможеннаго тарифа, *секретный*, содержащій значительно пониженныя ставки, тарифъ, который таможни должны были примѣнять.... Уже и до того, какъ Гартманъ былъ назначенъ начальникомъ Финансовой Экспедиціи, officialная такса при взиманіи пошлины съ вѣдома генераль-губернатора игнорировалась, но тогда это зависѣло отъ усмотрѣнія таможенныхъ чиновниковъ, слѣдствіемъ чего явился произволъ и чрезвычайно ничтожный размѣръ таможенныхъ доходовъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ добиться пониженія officialнаго тарифа, Гартманъ былъ весьма обрадованъ тѣмъ, что ему удалось получить, при содѣйствіи кн. Меншикова и Имперскаго министра Финансовъ Канкрина, право назначать тайный таможенный тарифъ. Лицомъ, при помощи котораго Гартману удавалось устроить въ Петербургѣ многія дѣла въ выгодномъ для Финляндіи направленіи, былъ К. И. Фишеръ. ³⁹⁰).

Документомъ (№ 314), оглашеннымъ Даніельсономъ, многое выяснено, но одно туманное пятно все еще остается. Съ тарифомъ въ Финляндіи обращались весьма свободно и своеобразно и трудно дознаться, всегда-ли финляндцы имѣли разрѣшеніе начальства, или иногда дѣйствовали на свой рискъ. На эту мысль наводитъ исторія съ Авеланомъ. Начальникъ финляндскихъ таможенъ Христіанъ Авеланъ пожелалъ уйти въ отставку. Въ апрѣлѣ 1841 г. онъ обратился съ письмомъ къ гр. Арс. Андр. Закревскому въ Москву и проситъ его заступничества отъ «оскорбленій» Гартмана и жалуется при этомъ на тайнаго совѣтника, что, «принявъ на себя управленіе нашего края», онъ «именемъ Царя, кажется, дѣйствуетъ своевольно».... К. И. Фи-

шеръ пишетъ объ Авеланѣ: «радѣя о пользахъ государственныхъ, какъ добрый хозяинъ радѣетъ о своихъ личныхъ выгодахъ, онъ взялъ на себя слагать часть таможенныхъ пошлинъ съ такихъ товаровъ, которые легко прокрадываются контрабандою. Эти лиценціи содѣйствовали значительно уменьшенію контрабанды. Объ нихъ зналъ гр. Ребиндеръ, а потомъ и кн. Меншиковъ, который предупредилъ, однако, Авелана, что если его распоряженіе дойдетъ до свѣдѣнія министра финансовъ, то онъ не въ состояніи будетъ защищать его произволь. Авеланъ не потерялъ мужества дѣлать то,

Николаевскій лютеранскій соборъ. Гельсингфорсъ 40-хъ годовъ.

что ему казалось полезнымъ государству. Этого человѣка хотѣлъ Гартманъ столкнуть, чтобы дать его мѣсто своему родственнику»³⁹¹).

Какъ все это понять, если заявленіе К. Фишера справедливо? Неужели и Х. Авеланъ самовольно хозяйничалъ въ области таможенныхъ вставокъ, если даже кн. Меншиковъ,—дававшій и ранѣе 1841 г. Гартману право мѣнять тарифъ,—заявляетъ, что не въ состояніи будетъ оправдать Авелана передъ министромъ финансовъ? Неужели и кн. Меншиковъ дѣйствовалъ иногда секретно отъ Канкрина?

Одно намъ извѣстно, что иногда кн. Меншиковъ сносился официально и непосредственно съ Гартманомъ по таможенному вопросу. Такъ, въ 1847 г., онъ переслалъ Гартману отношеніе

управляющаго министерствомъ финансовъ, для зависящаго исполненія, прибавивъ, что «по неудобству преждевременной огласки дѣла, я не передаю онаго въ мою Канцелярію, почему прошу и васъ покорнѣйше, не объясняя при собираніи данностей о цѣли, адресовать отношенія ваши ко мнѣ въ собственныя руки» ³⁹²).

Въ перечнѣ тѣхъ дѣлъ, которыя предоставлялось рѣшать генераль-губернатору Высочайшимъ именемъ, таможенные дѣла вовсе не поименованы.

Итакъ, въ царствованіе Императора Николая I таможенный вопросъ затрагивался довольно часто, въ виду стремленія нашего правительства ввести Финляндію, подобно тому какъ введена была Польша, въ кругъ дѣйствій одного общаго тарифа. Представителемъ финляндскихъ интересовъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ неизмѣнно выступалъ сенаторъ фонъ-Гартманъ, подавшій по таможенному вопросу рядъ записокъ и своихъ мнѣній ³⁹³).

Въ 1851 г. на очередь вновь былъ выдвинутъ вопросъ о таможнѣ. Гартманъ получилъ отъ кн. Меншикова слѣдующее письмо.

«Многоуважаемый Баронъ. Новый русскій тарифъ постановилъ пошлины для нѣкоторыхъ предметовъ ниже, чѣмъ они должны были бы быть по офиціальному тарифу Финляндіи. Хотя я не считаю удобнымъ сейчасъ затрагивать въ общемъ этотъ вопросъ, который часто регулируется произвольно, благодаря облегченію ввоза товаровъ въ Финляндію, но думаю, что необходимо окончательно офиціальныи тарифъ, насколько онъ касается продуктовъ, ввозъ которыхъ въ Россію облегченъ, сравнительно съ Финляндіей. Но до того, какъ говорить объ этомъ съ Государемъ, я бы желалъ знать ваше мнѣніе. (10—22 марта 1851 г.).

Гартманъ выступилъ съ обширной запиской, главные основы которой сводятся къ слѣдующему.

Въ сліяніи финляндской таможенной системы съ русской, онъ усматривалъ сліяніе двухъ «пока независимыхъ» другъ отъ друга администрацій, а посему считалъ вопросъ о таможнѣ особенно важнымъ для края, возбуждавшимъ замѣтное безпокойство въ умахъ и послужившимъ причиной нѣкоторой отсталости Финляндіи «въ развитіи принциповъ матеріально полезныхъ для нея». Чтобы разобраться въ вопросѣ, дѣйствительно ли интересы Россіи требовали выставленныхъ ею въ финляндскомъ тарифѣ перемѣнъ, Гартманъ разсматривалъ историческія фазы, черезъ которыя прошло таможенное законодательство за послѣднее время.

Уже въ 1820 г. финансовое вѣдомство Имперіи потребовало, чтобы ввозимые иностранные товары въ Финляндію подвергались одинаковому обложенію. Внѣшняя торговля Финляндіи, вслѣдствіе высокихъ пошлинъ, стала носить запретительный и покровительственный характеръ. Факты показали,—утверждаетъ Гартманъ,—что абстрактныя теоріи не всегда приложимы къ чисто практическому вопросу, въ которомъ индивидуальность народовъ должна прежде всего гармонизировать съ цѣлью, которую желаютъ достичь. Результаты оказались неудовлетворительными. Таможенные доходы выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Въ 1822 г.	118.171 р.
» 1824 »	96.469 »
» 1827 »	81.063 »
» 1830 »	114.964 »
» 1833 »	158.855 »

Эти доходы не соответствовали расходамъ, составляя лишь:

Въ 1822 г.	33%
» 1827 »	44%
» 1830 »	30%
» 1833 »	28%

Если развивалась контрабанда, то это показывало, что запретительная система не согласовалась съ привилегіями края, «все существованіе которой основано на навигаціи». Гр. Канкринъ не противился, поэтому, уменьшенію ввозныхъ пошлинъ на нѣкоторые предметы. Въ 1840 г. министръ финансовъ обратилъ вниманіе на нѣкоторые непорядки, обнаружившіеся въ финляндскихъ таможенныхъ, которые облегчали запрещенную съ Россіей торговлю. Въ виду этого Финляндія стала просить Высочайшаго разрѣшенія установить такія пошлыны для ввоза общепотребительныхъ предметовъ, которыя уничтожили бы преміи контрабанды. Согласіе было дано и результаты превзошли ожиданія: контрабанда почти прекратилась и доходы таможи стали расти. Въ 1841 г. они достигли 509.618 р., въ 1849 г.—1.004.618 р. Привычки народа и условія страны такіе факторы, съ которыми необходимо считаться въ таможенномъ дѣлѣ. «Финляндецъ,—писалъ Гартманъ,—скорѣе перенесетъ голодъ, чѣмъ откажется отъ укрѣпляющаго напитка—кофе. Финляндія—страна моряковъ и рыбаковъ. Она тянется въ длину на 1800 верстъ, на-

полнена скалами и гаванями, доступными только для мелких судовъ; эти условія разрушать всякія мѣры строгости и предосторожности. Польша—страна земледѣльская и ея промышленность, какъ и въ Россіи, сосредоточивается въ большихъ центрахъ. Финляндія существуетъ только дробленіемъ задѣльной работы, мелкой торговлей, навигаціей и каботажемъ. Поэтому, продолжалъ Гартманъ, если таможенная система Имперіи будетъ примѣнена къ Финляндіи со всей строгостью и со всѣми послѣдствіями, наши учрежденія должны рушиться и наше законодательство будетъ разрушено».

У насъ не будетъ,—настаивалъ Гартманъ,—18-ти портовъ для ввоза и вывоза; но что еще болѣе ужасно—это наблюденіе за нашими, теперь мирными, берегами, которое потребуетъ цѣлую армію таможенныхъ служителей не изъ жителей страны, что вызоветъ страшную вражду двухъ націй, которая сблизилась, благодаря стараніямъ правительства. «Дать счастье своимъ народамъ—вотъ въ чемъ настоящее величіе и высшая мудрость правительства. Мы глубоко убѣждены, что Августѣйшій Монархъ,—который одинъ въ нашъ вѣкъ разочарованій сумѣлъ сохранить для потомства престижъ настоящаго представителя Божества,—если онъ найдетъ необходимымъ присоединить нашу страну къ таможенной системѣ Россіи, разрѣшить сдѣлать это постепенно и такимъ образомъ, чтобы не пострадали привилегіи и исключительная организація страны».

Объединеніе русско-финской таможни Гартманъ не считалъ такимъ образомъ невозможнымъ, онъ настаивалъ лишь на извѣстной послѣдовательности въ проведеніи этой реформы.

Въ бумагахъ князя Меншикова имѣется даже два проекта барона Гартмана о «соединеніи таможенъ». Главный изъ нихъ сводится къ слѣдующему: «Тарифъ финляндскій на привозные товары уравнивать постепенно, начиная съ 1852 г. съ общимъ тарифомъ Имперіи, исключая предметы общаго потребленія. На эти предметы показанныя въ особомъ списокѣ пошлины не увеличивать. Засимъ всѣ финляндскія произведенія допускать безпрепятственно въ Имперію и вслѣдствіе того положеніе о торговыхъ сношеніяхъ Финляндіи съ Имперіей, изданное въ 1835 г., считать отмѣненнымъ». Наконецъ, слѣдуетъ переченъ мѣропріятій, долженствующихъ предупреждать контрабанду, по снятіи Россійскаго таможеннаго кордона ³⁸⁴).

Надо полагать, что проект Гартмана явился послѣдствіемъ собственноручной Царской резолюціи отъ 21 дек. 1850 г.—2 янв. 1851 г., которая гласила: «Полагаю, что крутой мѣры и быть не можетъ, но весьма желательно, чтобы постепенно составила возможность снять таможи между Имперіею и Великимъ Княжествомъ, а для сего приближаться, по мѣрѣ возможности, къ нашему тарифу. Переговоримъ». И дѣйствительно, Государь говорилъ о таможнѣ съ Гартманомъ, кн. А. С. Меншиковымъ и, наконецъ, К. И. Фишеромъ.—Въ запискахъ послѣдняго объ этомъ читаемъ. За годъ до моего вступленія (1851 г.) въ должность товарища министра статсъ-секретаря, «Государь приказалъ снять таможенный кордонъ между Финляндіею и С.-Петербургскою губерніею и, вмѣсто того, охранять берегъ Финляндіи русскою таможенною стражею отъ вторженія контрабанды». Подлежащія власти пришли «въ ужасъ», высказывали слегка неудобства такой мѣры и старались проволочить дѣло, надѣясь, что Государь самъ откажется отъ своей мысли, но онъ, напротивъ, сталъ твердо настаивать на скорѣйшемъ его исполненіи. Министръ финансовъ Вронченко считалъ себя секретаремъ Государя и перечить не смѣлъ. Графъ А. Армфельтъ не имѣлъ прямого повода начинать спора и вообще собственной инициативы не проявлялъ. Кн. Меншиковъ боялся рѣзкихъ выраженій, и потому никогда не выражалъ съ должною ясностью своихъ мыслей. Гартманъ имѣлъ искусство говорить весьма сильно и серьезно, но съ нѣкотораго времени его убѣжденія не производили прежняго дѣйствія и онъ потерялъ самоувѣренность. Государь позвалъ его, К. И. Фишера. «Цѣль Ваша —сказалъ послѣдній,—не можетъ быть не понята, но едва ли она можетъ быть исполнена». Государь покрылся сильнымъ румянцемъ, поднялъ голову, изъ его глазъ блеснули пукъ молній. Фишеръ, однако, продолжалъ докладывать, что географическое положеніе препятствуетъ устройству таможенного надзора на протяженіи 1500 верстъ финляндскаго берега, усѣяннаго къ тому же безчисленными шхерами. Потребуется цѣлая дивизія и стража ничего не сдѣлаетъ, потому что тамъ, гдѣ будетъ становиться на мель таможенный катеръ, челнокъ контрабандистовъ проплыветъ свободно. «Да,—сказалъ Государь,—географическое положеніе, вотъ первая основная причина, которую я слышу, а то всѣ говорятъ вздоръ. Гартманъ сидитъ верхомъ на конституціи; Меншиковъ «финтитъ». Но,—прибавилъ онъ нерѣшительно,—я буду имѣть въ виду; я переведу туда дивизію» ³⁹⁵).

8—20 февраля 1852 г. кн. Меншиковъ въ перепискѣ съ министромъ финансовъ П. Ф. Брокомъ. Изъ нея узнаемъ, что Государь утвердилъ предположеніе распространить общій привозный тарифъ Имперіи, за нѣкоторыми исключеніями, на Финляндію въ теченіе 1852 г., а также повелѣлъ составить проектъ правилъ надзора надъ провозомъ товаровъ чрезъ Финляндію. Съ другой стороны кн. Меншиковъ сообщилъ П. Ф. Броку, что онъ уже получилъ отъ барона Гартмана проектъ той части ввознаго тарифа Финляндіи, который облагаетъ ввозные товары пошлинами во всемъ наравнѣ съ общимъ тарифомъ Имперіи, кромѣ судовъ, построенныхъ за границею, которыя совершенно воспрещались къ ввозу.—«Засимъ,—прибавляетъ кн. Меншиковъ,—тарифъ сей, составляющій около $\frac{14}{15}$ части общаго финляндскаго тарифа, не требуетъ, по мнѣнію моему, предварительныхъ совѣщаній съ министерствомъ финансовъ, такъ какъ онъ, будучи во всемъ, (кромѣ статьи «суда») равенъ существующему въ Имперіи тарифу, и ни въ какомъ случаѣ не легче его, не можетъ имѣть вліянія на интересы Государственного Казначейства или Россійскую промышленность». Въ виду этого, князь полагалъ поднести его непосредственно на утвержденіе Его Величества.

«Засимъ остается,—пишетъ въ заключеніе кн. Меншиковъ,—относительно тарифа, проектировать ту его дополнительную часть, которая—какъ была всеподданнѣйше представлена Государю—можетъ только исподволь уравнивать съ тарифомъ Имперіи»....

Все это сказано очень опредѣленно и вопросъ объ уравнианіи тарифовъ болѣе въ разъясненіи не нуждается ³⁹⁶).

Одновременно разрабатывался вопросъ о порядкѣ и способахъ снятія таможеннаго кордона на финляндской границѣ. Баронъ Гартманъ долженъ былъ представить по этому предмету свои соображенія, но прохворалъ, а князю Меншикову предстояло уѣхать изъ Петербурга, почему онъ просилъ министра финансовъ доложить дѣло Государю ³⁹⁷).

На этомъ обрывается исторія попытокъ таможеннаго объединенія Николаевского царствованія.

Государь, внимательно слѣдившій за экономической жизнью Россіи, не упускалъ изъ вида и благосостояніе Финляндіи.

Желая имѣть ближайшее свѣдѣніе объ управленіи финансами—«сей важной отрасли правленія»—онъ (уже въ апрѣлѣ 1826 г.)

потребовалъ отъ Сената составленіе такой табели, изъ которой было бы ясно состояніе статной и милиціонной кассы края ³⁹⁸).

На слѣдующій годъ работалъ уже особый комитетъ надъ составленіемъ проекта объ усиленіи статныхъ доходовъ ³⁹⁹).

Въ томъ-же (1827 г.) году сенаторъ Фалькъ представилъ «Покорнѣйшую Промеморію» по поводу жалобъ на общій недостатокъ въ Россійской монетѣ и просьбъ жителей дозволить уплачивать казенныя подати шведскими бумажками. Фалькъ пояснялъ превышеніе количества шведскихъ денегъ надъ русскими преобладаніемъ торговли Финляндіи со Швеціей надъ ея торговлей съ Россіей. Жаловаться на множество шведской монеты,—писалъ сенаторъ,—тоже, что жаловаться на излишнее благосостояніе. Чѣмъ болѣе Финляндія имѣетъ шведской монеты, тѣмъ болѣе она можетъ достать Россійскихъ денегъ. Все это онъ оправдывалъ цифровыми данными и описаніемъ циркуляціи денежныхъ операцій. Въ то же время Фалькъ возсталъ противъ дозволенія платить казенныя подати иностранною монетою. Это внесло бы новое неудобство и новые безпорядки въ запутанныхъ уже счетахъ ⁴⁰⁰).

Въ ноябрѣ 1828 г. министръ финансовъ, генералъ Канкринъ, поднялъ вопросъ о ввозимыхъ изъ Финляндіи въ Россію ассигнаціяхъ. Оказалось, что таможенный тарифъ привоза банковыхъ ассигнацій не предусматривалъ и, слѣдовательно, ввозъ ихъ былъ воспрещенъ. Министръ статсъ-секретарь сообщилъ Канкрину, что Россійскія банковыя ассигнаціи вошли въ Финляндію во всеобщее обращеніе со времени присоединенія ея къ Имперіи; что Россія, держа на своемъ иждивеніи войска, флотъ и крѣпости въ Финляндіи, расходуетъ на нихъ ассигнаціи; что всѣ казенныя повинности и оброки вносятся ассигнаціями и т. п. Посему гр. Ребиндеръ находилъ, что было бы невыгодно и пагубно для торговли и всѣхъ вообще сношеній Финляндіи съ Россіей воспрещеніе ввоза Россійскихъ банковыхъ ассигнацій изъ Финляндіи въ Россію. Канкринъ согласился съ этими доводами. Привозъ былъ разрѣшенъ, но такъ какъ евреи ввозили изъ-за границы много фальшивыхъ ассигнацій, то министръ финансовъ просилъ генералъ-губернатора установить строжайшее наблюденіе въ финляндскихъ портахъ за пріѣзжими евреями. Когда обсуждались соотвѣтствующія для этого мѣры, сенаторъ Фалькъ высказался за полное воспрещеніе вѣзда евреевъ въ Финляндію, въ чемъ,—по его мнѣнію,—«тѣмъ менѣе можетъ встрѣтиться какое-либо затрудненіе, что по конституціи Финляндіи

евреямъ не позволено здѣсь поселяться» ⁴⁰¹). А. А. Закревскій, отвѣчая министру финансовъ, предложилъ установить правило, воспрещающее «всѣмъ евреямъ проѣздъ черезъ Финляндію въ Россію», причемъ сослался на шведское Королевское постановленіе 19 дек. 1806 г., дѣйствовавшее въ Финляндіи.

6 апрѣля 1829 г. состоялось Высочайшее объявленіе о разныхъ мѣрахъ предосторожности при ввозѣ банковыхъ ассигнацій изъ Финляндіи въ Россію, причемъ, «внявъ предположеніямъ министра финансовъ», евреямъ былъ воспрещенъ проѣздъ въ Россію черезъ Финляндію ⁴⁰²).

Чаще и чаще правительству приходилось сталкиваться съ вопросомъ объ уплатѣ казенныхъ повинностей шведскою монетою. Государь, согласно отзыву Сената, не дозволилъ оброкоплательщикамъ вносить ихъ шведскою монетою. Но секретно (30 марта 1830 г.) было сообщено губернаторамъ, что въ исключительныхъ случаяхъ подобныя разрѣшенія будутъ даваться Сенатомъ ⁴⁰³). Кромѣ того пришлось сдѣлать исключенія для Кемскаго прихода, а еще ранѣе (1828 г.)—для Саволакса и Кареліи ⁴⁰⁴).

Въ 1832 г. на очереди стоялъ вопросъ о ввозѣ въ Россію изъ Финляндіи звонкой монеты. Прежними постановленіями (напр., 14 мая 1810 г.) разрѣшался вывозъ золотой, серебряной и платиновой монеты; вывозъ же мѣдной монеты воспрещался. Обратились за мнѣніемъ къ Гартману. Въ запискѣ, адресованной (2—14 янв. 1832 г.) кн. Меншикову, онъ высказалъ очень рѣзкое осужденіе подобной мѣры. Сдѣлавъ ссылку на Испанію, онъ, между прочимъ, писалъ: «Нельзя однако думать, что наше министерство имѣло въ виду такой странный и небывалый финансовый способъ. Конечно, сознаться надо, что гр. Канкринъ пріучилъ уже казначейство наше къ мѣрамъ болѣе свойственнымъ мѣнялѣ, чѣмъ правительству»..

При вступленіи на престолъ, Николай Павловичъ засталъ финансы Россіи въ крайне печальномъ положеніи. До 1769 г. въ Россіи обращалась только звонкая монета, а теперь Имперія была наводнена ассигнаціями, цѣна которыхъ сильно колебалась. Ассигнаціонный рубль равнялся 20 и 25 коп. сер.—Колебанія ихъ курса представляли огромное неудобство, особенно при торговыхъ сдѣлкахъ и уплатѣ долговыхъ обязательствъ. Предстояло произвести реформу огромнаго государственнаго значенія. Къ счастью для Россіи, она обладала въ это время однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ министровъ финансовъ. Егоръ Францовичъ Канкринъ

(1774—1845), которому пришлось провести эту реформу, уже въ своихъ научныхъ сочиненіяхъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ бумажныхъ денегъ и полагалъ, что дѣйствительная потребность въ нихъ можетъ возникнуть лишь въ странѣ съ высокою культурою, при значительномъ развитіи денежныхъ оборотовъ. Средствомъ къ уничтоженію вреда, происходившаго отъ колебанія ассигнацій, гр. Канкринъ выставилъ фиксацію ихъ курса.

Для лучшаго уразумѣнія денежной реформы въ Финляндіи необходимо показать, что было въ этомъ отношеніи сдѣлано въ Россіи.

Въ 1827 г. разрѣшено было нѣкоторымъ казеннымъ палатамъ принимать въ уплату податей серебряную монету. Впослѣдствіи полагалось повсемѣстно и по всѣмъ сборамъ разрѣшить, по желанію плательщиковъ, дѣлать взносы въ казну золотой и серебряной монетой. Кромѣ того, имѣлось въ виду привести всѣ таможенные и податные курсы въ однообразіе и тѣмъ содѣйствовать постоянству курсовъ. Во всѣхъ намѣченныхъ мѣропріятіяхъ рѣшено было прежде всего соблюсти постепенность. Для начала имѣлось въ виду лишь установить однообразный курсъ въ 3 р. 60 к. ассигнаціями за 1 р. сер. для пріема серебра въ казенные платежи. Новую мѣру ввели сначала только въ 27 губерніяхъ. Въ 1834 г. временно разрѣшено было принимать въ подати и сборы даже иностранныя монеты, которыя находились въ народномъ обращеніи. Этой мѣрой правительство надѣялось скорѣе передѣлать ее въ російскую монету. Исподволь по всѣмъ казеннымъ платежамъ допустили пріемъ звонкой монеты. Благодаря разнымъ подобнымъ мѣрамъ усилился приливъ звонкой монеты въ казну и эта монета получила значеніе ходячихъ денегъ, наравнѣ съ ассигнаціями. Спросъ на ассигнаціи не прекращался, даже скорѣе усилился, такъ какъ, въ качествѣ орудія обращенія, онѣ представляли значительныя удобства. Но ростъ курса ассигнацій не представлялся выгоднымъ для казны и потому указъ 1834 г. предписалъ всѣ внутреннія письменныя обязательства вести «по именовательному достоинству» ассигнацій, золота и серебра, т. е. воспретилъ условія платежа по курсу. Воспрепятствовать возвышенію лажа было, однако, трудно, такъ какъ лажъ вытекалъ изъ корыстолюбія и изъ желанія воспользоваться невѣжествомъ народа. Всеобщія жалобы на крайній вредъ престолярныхъ лажей не прекращался, почему одна изъ резолюцій Государя гласила: «Сей предметъ повсемѣстной жалобы тре-

буеть необходимо соображеній Министра Финансовъ». Такимъ образомъ, по непосредственному почину Государя Императора, вопросъ о денежной реформѣ былъ поставленъ на ближайшую очередь ⁴⁰⁵).

Въ іюлѣ 1837 г. гр. Канкринъ внесъ въ Г. Совѣтъ представленіе о прекращеніи престонародныхъ лажей и объ учрежденіи депозитной кассы для приѣма звонкой монеты.

Обсужденіе этихъ вопросовъ въ высшемъ государственномъ учрежденіи привелъ къ выводу, что, для устраненія затрудненій въ денежномъ обращеніи и уничтоженія престонародныхъ лажей, надлежало признать (какъ было въ 1810 г.) серебряный рубль монетной единицей, а серебряную монету главной государствен-

ной платежной монетой. На серебряную монету надлежало производить всѣ счеты, платежи и сдѣлки.

Манифестъ 1 іюля 1839 г. установилъ серебряный рубль—главною непромѣняемою законною мѣрою—монет-

Серебряный рубль времени Николая I.

ною единицею. Государственные ассигнаціи объявлены были вспомогательнымъ знакомъ цѣнности и на нихъ установленъ единожды навсегда постоянный курсъ на серебро (3 р. 50 к.).

Одновременно, съ 1 янв. 1840 г., при Государственномъ Коммерческомъ Банкѣ учреждалась особая депозитная касса, для приѣма отъ просителей на храненіе вкладовъ серебряной монеты. Взаимнѣ вкладовъ депозитной кассѣ разрѣшалось выдавать билеты 3, 5, 10 и 25 рублеваго (сер.) достоинства. Билеты эти ходили по всей Имперіи наравнѣ съ серебромъ безъ всякаго лажа.—Депозитная касса провѣрялась Совѣтомъ государственныхъ кредитныхъ учреждений, причемъ въ составъ Совѣта входили также депутаты отъ дворянства и купечества.

Для завершенія денежной реформы, оставалось лишь замѣнить ассигнаціи новыми бумажными знаками, исчисленными на серебро. Такими бумажными знаками явились «кредитные билеты», выпущенные впервые въ 1841 г. для выдачи ссудъ кредитнымъ установленіямъ.—«Самая мысль о выпускѣ этихъ билетовъ принадлежала

лично Императору Николаю Павловичу и зародилась у него непосредственно за осуществленіемъ мѣропріятій, провозглашенныхъ закономъ 1839 г.» ⁴⁰⁶).

Кредитнымъ билетамъ присвоено было хожденіе по всей Имперіи наравнѣ съ серебряною монетою.—Въ 1843 г. рѣшено было этими кредитными билетами замѣнить прежнія ассигнаціи. Кредитные билеты обезпечивались достояніемъ государства.

Этими мѣрами упорядочено было денежное обращеніе въ Имперіи. Среди многочисленныхъ преобразованій царствованія Императора Николая I денежная реформа заняла едва-ли не первенствующее мѣсто.—Ассигнаціи—этотъ «сладкій ядъ государства»—были совершенно изъяты изъ обращенія, и нашъ денежный рынокъ вновь пріобрѣлъ устойчивость.

Монетная реформа въ Россіи не могла не отразиться на Финляндіи. И дѣйствительно, по мѣрѣ улучшенія русскихъ финансовъ, улучшились и финляндскія. Въ 1837 г. установленъ былъ нашъ курсъ серебрянаго рубля, при взываніи въ Финляндіи пошлинъ ⁴⁰⁷).

А въ 1839 г. гр. Канкринъ просилъ министра статсъ-секретаря увѣдомить его, какія распоряженія нужно сдѣлать по Финляндіи, въ виду манифеста объ устройствѣ денежной системы Имперіи? Графъ Ребиндеръ отвѣтилъ, что въ Финляндіи находится въ обращеніи самое незначительное количество російской серебряной монеты и мѣстное начальство не признаетъ нужнымъ никакихъ немедленныхъ распоряженій по краю, но онъ вскорѣ войдетъ со всеподданнѣйшимъ представленіемъ о мѣрахъ, связанныхъ съ манифестомъ отъ 1 сего іюля.

Представленіе окончилось тѣмъ, что повелѣно было дѣло объ упроченіи единства монетной системы разсмотрѣть въ спеціальному комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ Гартмана.—Другому комитету надлежало высказаться по вопросу о смѣшеніи разнаго рода монетъ, находящихся въ обращеніи въ Финляндіи ⁴⁰⁸), имѣя въ виду, что Вели. Княжество Финляндское составляетъ нераздѣльную часть Имперіи и что Россійская монета признана уже «главною и коренною» монетою Финляндіи ⁴⁰⁹).

Смѣшеніе желательно было отнестись на будущее время обмѣномъ иностранныхъ ассигнацій на коренную монету Имперіи. Совѣщанія комитета предписано было сохранить «въ ненарушимой тайнѣ».

Третьему комитету предложено было изыскать способы пополненія финляндской кассы. Всѣми комитетами руководилъ Гартманъ. Намѣренія обременять неселеніе новыми налогами не имѣлось.

Комитеты Гартмана работали быстро и разумно. Они высказали свои соображенія; Сенатъ разсмотрѣлъ ихъ; министръ статсъ-секретарь и генераль-губернаторъ дали свои заключенія, и Высочайшимъ манифестомъ 28 марта—9 апр. 1840 г. было объявлено, «на точномъ основаніи коренныхъ законовъ Финляндіи» Россійская серебряная монета признана главною и коренною монетою Вел. Кн. Финляндскаго. И такъ какъ Финляндія—нераздѣльная часть Имперіи, то признано было необходимымъ примѣнить къ сему краю основанія манифеста 1 іюля 1839 г. объ устройствѣ денежной системы. Русскій серебряный рубль остался главною платежною и ходячею монетою Финляндіи. Далѣе предписано было общественнымъ кассамъ края принимать на извѣстныхъ условіяхъ золотую и мѣдную Россійскую монету. Новыя правила вводились съ начала 1841 г. ⁽¹⁰⁾.

Эта благотѣльная реформа,—говоритъ профессоръ Берендтсъ,—дала толчекъ быстрому развитію финансовъ и народнаго хозяйства Финляндіи и была проведена «бюрократіей» быстро и энергично, безъ всякаго обращенія къ сейму, въ полномъ согласіи съ почти одновременной реформой денежной системы, проведенной гр. Канкринымъ въ 1839 г. въ Имперіи ⁽¹¹⁾.

Во время проведенія реформы, Гартману не разъ приходилось высказываться о ней и держать въ курсѣ дѣла, какъ министра статсъ-секретаря, такъ и генераль-губернатора, дабы они не подпали вліянію какихъ-либо кривотолковъ. Въ августѣ 1841 г. Гартманъ писалъ, что шведскія бумажныя деньги причиняли большія затрудненія, преобладая въ Финляндіи «отчасти благодаря слѣпой вѣрѣ народа, отчасти вслѣдствіе преобладанія шведской коммерціи. Правительство не могло остаться равнодушнымъ ни къ обезцѣниванію нашихъ бумагъ, ни къ вѣчному ажіотажу». Обезцѣниваніе нашихъ денегъ, разрѣшеніемъ циркуляціи бумагъ шведскаго банка, являлось аномаліей.

Однако не такъ просто и легко было изъять изъ употребленія шведскую монету, которой было много въ ходу и которая задѣвала интересы сосѣдняго государства. Но обстоятельства давно и настойчиво требовали ея удаленія.

«Денежная система Финляндіи въ концѣ 30 годовъ,—читаемъ у профессора Э. Берендтса, а также у Августа Шаумана и А. Рамзая,—представляла собою картину полного хаоса. Въ обращеніи находились билеты Финляндской Вексельно-Депозитно-Ссудной конторы, русскія банковыя ассигнаціи разнаго достоинства, шведскіе кредитные билеты, какъ изданные шведскимъ банкомъ, такъ и изданные шведской конторой погашенія государственныхъ долговъ, наконецъ, и т.-н. шведскія трансфертныя свидѣтельства (transportsedlar). Что касается металлической валюты, то въ обращеніи имѣлись русскіе рубли различнаго чекана, начиная съ Петра Великаго, русская размѣнная, серебряная и мѣдная монета самыхъ различныхъ временъ, шведскіе серебряные «красивые риксдалеры Густава III», шведскія мѣдныя деньги всѣхъ сортовъ—эре, шиллингъ, рундстюкке, стюверъ (plåt, daler, styfver, runds-tyke); встрѣчались даже въ обращеніи шведскіе мѣдные кредитные знаки эпохи Карла XII. Расчетъ производился почти всегда сразу и на русскую, и на шведскую монету. Въ западныхъ губерніяхъ шведская монета вытѣсняла изъ обращенія русскую, въ восточныхъ—русская шведскую. Ввозъ шведскихъ мелкихъ кредитныхъ билетовъ былъ запрещенъ, но продолжался несмотря на запрещеніе. Между тѣмъ казенные платежи должны были производиться исключительно русскими деньгами» ⁴¹²).

Но помимо перечисленныхъ денегъ, существовали еще менѣе соображенныя съ правильною денежною системою оклады, опредѣленные бочками ржи, бочками ячменя и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ бочками салаки, хотя сіи послѣдніе случаи «были въ послѣнее время выведены», какъ значится въ секретной запискѣ кн. Меншикова отъ 10 янв. 1841 г.

Комитетъ предложилъ послѣдовательный выкупъ шведскихъ бумажекъ русскими металлическими деньгами на выгодныхъ для народа условіяхъ. Чтобы дать возможность банку произвести размѣнъ, комитетъ имѣлъ въ виду сдѣлать заемъ въ полмилліона рублей серебромъ въ русскомъ казначействѣ. Когда представлена была работа комитета по «искорененію шведскихъ ассигнацій», Государь повелѣлъ вывести ихъ изъ обращенія, поручивъ сію операцію Финляндскому Банку, подъ наблюденіемъ финансовой экспедиціи Сената. Но «предположеніе сіе предписано было хранить въ тайнѣ, доколѣ шведское правительство не будетъ извѣщено министеріальнымъ путемъ» ⁴¹³).

Во всякомъ случаѣ находили нецѣлесообразнымъ обнародованіе сего распоряженія до окончанія засѣдавшаго шведскаго риксадага 1840—1841 г.г. Въ секретной запискѣ кн. Меншикова отъ 10 янв. 1841 г. значится еще, что существовавшее смѣшеніе въ денежныхъ системахъ необходимо было уничтожить «истребленіемъ шведскихъ бумажекъ, но безъ благовиднаго предлога предъ Швеціей нельзя было думать о приведеніи сего въ дѣйствіе. Предлогъ сей представился со введеніемъ новой денежной системы въ Имперіи, послѣ чего положено ввести оную въ Финляндіи, давъ сему видъ исключительнаго намѣренія правительства, и умалчивая на первый разъ о шведскихъ ассигнаціяхъ» ⁴¹⁴).

Русское казначейство выдало авансомъ 300.000 р. при условіи, чтобы онъ былъ уплоченъ въ теченіе полутора года. Заемъ былъ безпроцентный. Все было готово для монетной реализаціи, но возникли затрудненія международнаго свойства.

Въ Финляндіи въ обращеніи находилось всего 5 мил. риксдалеровъ ассигнаціями. Но при малыхъ оборотахъ того времени, они составляли значительную долю всѣхъ выпущенныхъ шведскимъ банкомъ ассигнацій, и обмѣнъ ихъ на металлическую валюту былъ затруднителенъ для королевскаго банка Швеціи. Поэтому монетная реализація была непріятной неожиданностью для Швеціи, тѣмъ болѣе, что шведская печать воспользовалась случаемъ для своей оппозиціи правительству. Такъ какъ отношенія между сословіями и правительствомъ Швеціи на риксдагѣ 1840 г. были крайне натянуты, при чемъ все министерство привлекалось къ суду, то родилось предположеніе, что оппозиція имѣла въ виду отреченіе отъ престола Карла XIV. Вслѣдствіе этого, считали вынужденными дипломатическимъ путемъ сдѣлать представленія противъ монетной реализаціи.

Наше министерство иностранныхъ дѣлъ заколебалось и готово было тормозить реформу. Оно высказало даже сомнѣніе въ ея желательности. Шведскій дипломатія удалось расположить въ свою пользу руководителя внѣшней политики Россіи, графа Нессельроде, который сообщилъ генераль-губернатору кн. Меншикову свои опасенія по этому дѣлу, вызванныя обоюдными отношеніями шведскаго правительства и государственныхъ чиновъ. Въ письмѣ къ князю Меншикову отъ 11—23 іюля 1840 г. фонъ-Гартманъ говоритъ объ этомъ и указываетъ на то, что затрудненія произошли отъ продленія шведскаго риксадага и что шведская печать усмотрѣла въ мо-

стной реализаціи мѣру, направленную противъ Швеціи и ея кредита. «La presse revolutionnaire de nos voisins»,—говорится въ этомъ письмѣ,—«c'est emparée de la seule mesure, qui a été rendue publique, pour suggerer à notre Gouvernement des intentions hostiles au credit et au bien-être de ce pays». Чтобъ успокоить шведовъ, Гартманъ предложилъ издать объявленіе о томъ, что въ настоящее время имѣется въ виду лишь размѣнъ мелкихъ ассигнацій, а размѣнъ бумажекъ большей цѣнности будетъ отсроченъ ⁴¹⁵).

Мелкихъ шведскихъ бумагъ было немного въ обращеніи, и Гартманъ оставался при убѣжденіи, что шведское правительство не могло пострадать отъ ихъ изыятія изъ обращенія.—«Что-же касается шведскихъ бумажныхъ денегъ большей стоимости—читаемъ въ его письмѣ отъ 8 авг. 1840 г.,—то не могу скрыть, что правительство собирается сперва уменьшить ихъ количество, а затѣмъ замѣнить нашими бумажными деньгами. Но правительство будетъ дѣйствовать согласно лойяльной политикѣ нашего Августѣйшаго Монарха. Возможно сразу изъять всѣ шведскія бумаги, что было бы въ интересахъ фиска, но эта мѣра нанесла бы ущербъ финансамъ сосѣда и его кредиту. Этого, значить, не будетъ, хотя при другомъ, менѣе дружески расположенномъ правительствѣ, подобная мѣра не считалась бы относящейся къ внѣшней политикѣ»....

Гартманъ самъ сообщалъ нашему министерству нужныя свѣдѣнія о ходѣ операціи ⁴¹⁶).

Въ отвѣтъ на депешу, посланную нашему представителю въ Швецію, графу Матусевичу, по вопросу объ изыятіи изъ обращенія шведскихъ бумажныхъ денегъ, онъ отвѣтилъ: «Я не боюсь нападокъ на принятыя мѣры или на тѣ, которыя вы собираетесь принять. Люди, убѣдить которыхъ можно, поймутъ выгоды вашей системы. Тѣ, которыхъ убѣдить нельзя, мы будемъ считать несуществующими» ⁴¹⁷).

Изъ секретной записки кн. Меншикова отъ 10 янв. 1841 г. узнаемъ, что нашему посланнику въ Стокгольмѣ было поручено объявить: 1) что размѣнъ шведскихъ бумажекъ предпринять единственно для того, чтобы, по обязаніи народа вносить подати русскою серебряною монетою, дать ему вмѣстѣ съ тѣмъ способы снабжать сею монетою безъ помощи мѣняль; 2) что запрещеніе ввоза шведскихъ ассигнацій основывается на общемъ законѣ, который запрещаетъ ввозить всѣ бумажныя деньги какъ иностранныя, такъ и русскія» ⁴¹⁸).

Между тѣмъ монетная реализація продолжалась. Сумма шведскихъ бумажекъ, исключенныхъ финляндскимъ банкомъ изъ обращенія въ 1840 г., была незначительна и равнялась лишь 29.890 риксдалерамъ ассигнаціями. Но въ 1841 г. сумма размѣна дошла уже до 2.702.903, а въ 1842 г. до 2.172.026 риксдалеровъ. Начиная съ 1843 г. вовсе воспрещено было пускать въ оборотъ шведскія ассигнаціи, подъ страхомъ ихъ конфискаціи.

Въ Або, Гельсингфорсѣ, Вазѣ, Куопіо и другихъ городахъ учреждены мѣновыя конторы, подъ надзоромъ и контролемъ банка.

Одновременно съ размѣномъ шведскихъ ассигнацій, Финляндскому банку дано было право выдавать бумажки въ 3, 5, 10 и 25 р. серебромъ, которыя обществомъ принимались съ полнымъ довѣріемъ ⁴¹⁹).

Въ то же время Финляндскому банку дана новая инструкція, расширявшая его дѣятельность, и увеличенные фонды въ подкрѣпленіе его оборотовъ. Банкъ получилъ полномочіе выдавать бумажки цѣпностью въ серебряный рубль различной валюты, которыя по требованію должны вымѣниваться на металлическую монету.

Металлическій фондъ банка долженъ былъ соотвѣтствовать по меньшей мѣрѣ $\frac{7}{15}$ частямъ выпущеннаго количества ассигнацій. Ассигнаціи принимали довѣрчиво и сдѣлались общими размѣнными деньгами ⁴²⁰).

Проводя реформу, Гартманъ внимательно оглядывался и старался быть всюду, гдѣ требовалось его содѣйствіе. Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Тавастгусѣ бывала самая большая ярмарка и Гартманъ читалъ своимъ долгомъ быть на ней, дабы на мѣстѣ лично видѣть развитіе принятыхъ мѣръ, по упорядоченію денежной системы (изъ его письма отъ 25 дек. 1840 г.—5 янв. 1841 г.). Лѣтомъ 1841 г. онъ объѣхалъ три губерніи—Тавастгусскую, Абоскую и Вазаскую—и убѣдился, что новая монета всюду въ ходу и довѣріе къ шведскимъ бумажнымъ деньгамъ навсегда поколеблено. «Близко время—пишетъ онъ кн. Меншикову (12—24 іюля 1841 г.), когда цѣна на товары будетъ опредѣляться монетой нашей страны». Изъятіе шведскихъ денегъ все таки успѣло вызвать нѣкоторый застой въ особенности въ торговыхъ городахъ. Вернувшись изъ поѣздки, Гартманъ принялъ мѣры къ увеличенію суммъ для обмѣна денегъ въ конторахъ банка.—Шумъ стокгольмскихъ газетъ особенно не отразился ни на общественномъ мнѣніи королевства, ни на его

правительствѣ. «Надѣюсь въ скоромъ времени сообщить вашей свѣтлости—писаль Гартманъ,—что мы реализировали всѣ шведскія бумаги».

Въ отчетѣ, представленномъ 30 сент.—10 окт. 1841 г. Государю, по введенію въ Финляндіи единства монеты, было сказано, что народъ сталъ понимать пользу коренной монеты; шведскія бумажки потребляются, а довѣріе къ финляндскому банку возрастаетъ ⁴²²).

Князь Меншиковъ дважды въ своихъ письмахъ благодарилъ Гартмана. «Вся Финляндія будетъ вамъ благодарна за устройство ея финансовой системы, которой она обязана своимъ благосостояніемъ. Продолжайте это дѣло и вашъ Монархъ оцѣнитъ васъ». (26 окт.—7 ноября 1840 г.). Въ другомъ письмѣ князя читаемъ: «Съ удовольствіемъ сообщаю вашему превосходительству, что Государь остался доволенъ результатами финансовыхъ операцій, которыми мы обязаны вашему управленію; продолжайте, и у васъ будетъ славная страница въ исторіи Финляндіи» ⁴²³).

Меншиковъ умѣлъ также отстоять реформатора отъ разныхъ нападковъ. Клиновстремъ представилъ князю какую-то финансовую записку. «Я долго задумался надъ финансовой запиской, которую вы мнѣ передали,—отвѣчалъ Меншиковъ 11—23 янв. 1846 г... Но внезапныя измѣненія системы всегда ведутъ къ недовѣрію и могутъ дискредитировать циркулирующія уже облигаціи въ то время, когда о нихъ начинаютъ имѣть уже хорошее мнѣніе на петербургской биржѣ» ⁴²⁴).

Временное отдѣленіе хозяйственнаго департамента сообщало—въ изданномъ 19—31 дек. 1842 г. отчетѣ на русскомъ языкѣ,—что дѣло благополучно доведено до конца, безъ предсказанныхъ потерь, и что предоставленный русскимъ казначействомъ авансъ уже уплаченъ ⁴²⁵). Такимъ образомъ временному отдѣленію въ Сенатѣ, съ Ларсомъ Габріелемъ Гартманомъ во главѣ, удалось, какъ показано въ упомянутомъ отчетѣ, въ теченіе 2½ лѣтъ, безъ всякихъ помѣхъ или потерь для общества, провести монетную реализацію.

Въ своемъ отчетѣ за 1844 г. кн. Меншиковъ писалъ, что финансовая операція была предпринята для введенія единообразной монетной системы. Эта операція имѣла положительное вліяніе на состояніе края во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно было извлечь изъ Финляндіи шведскія ассигнаціи и «предлежало разорвать послѣднія узы, которыя соединяли еще сей край съ прежнею своею

повелительницею» и вмѣстѣ съ тѣмъ истребить въ народѣ укоренившееся предубѣжденіе, что русскія деньги не имѣютъ монетнаго постоянства, такъ какъ колеблются отъ ажіотажа на шведскія ассигнаціи. Нужно было возстановить народное мнѣніе о Россійской монетѣ и разорвать монетный союзъ съ націею, намѣренія которой въ отношеніи къ Финляндіи не могли и не должны были внушать довѣрія». Повторяя доводы Гартмана, князь продолжаетъ.

«Операція совершилась въ теченіе 2½ лѣтъ, не оставивъ въ Финляндіи ни одной мелкой шведской бумажки, не тронувъ никакими косвенными вліяніями частной собственности и не возбудивъ ни одного недоразумѣнія» ⁴²⁵).

Матеріальные ея результаты оказались также весьма значительными. Какъ земледѣліе, такъ и обрабатывающая промышленность, какъ горная промышленность, такъ и лѣсоводство, все оживилось, благодаря устойчивости новой денежной системы и благодаря щедрой поддержкѣ предпріятія правительственными ссудами. Уже съ 1841 г. замѣчается быстрое оживленіе торговли, мѣриломъ чего можетъ служить поступленіе таможеннаго дохода, который съ 402.800 р. сер. въ 1840 г. возросъ до 519.618 р. въ 1841 г., т. е. почти на 25%. Судоходство Финляндіи быстро развивалось. Фрахты сдѣлались источникомъ значительныхъ доходовъ городовъ западной Финляндіи. Финляндія вышла изъ балтійской замкнутости ⁴²⁶).

Въ виду этого, монетная реализація 1840 г. занимаетъ очень значительную и отрадную страницу въ исторіи экономическаго развитія Финляндіи.

Несмотря на естественный ростъ потребностей, вызванный непрерывнымъ развитіемъ мѣстной жизни, росписи доходовъ и расходовъ съ 1840 г. не только сводились безъ дефицита, но по нимъ (за исключеніемъ періода войны 1854—1856 г.г.) получались значительные остатки, увеличивавшіе свободную наличность казны и поступавшіе, въ видѣ сбереженій, въ главные фонды изъ средствъ правительственныхъ фондовъ (общаго статнаго, милиціоннаго и фонда благотворительныхъ и рабочихъ заведеній), удовлетворялись все расходы по содержанію органовъ администраціи и суда, кадровъ финскаго поселеннаго войска и находившихся подъ знаменами войсковыхъ частей, а также расходы по организаціи учебной и санитарной частей, путей сообщенія (поскольку таковыя не содержались за счетъ реальныхъ повинностей) и по поощренію различныхъ отраслей народнаго хозяйства. Что-же касается чрезвы-

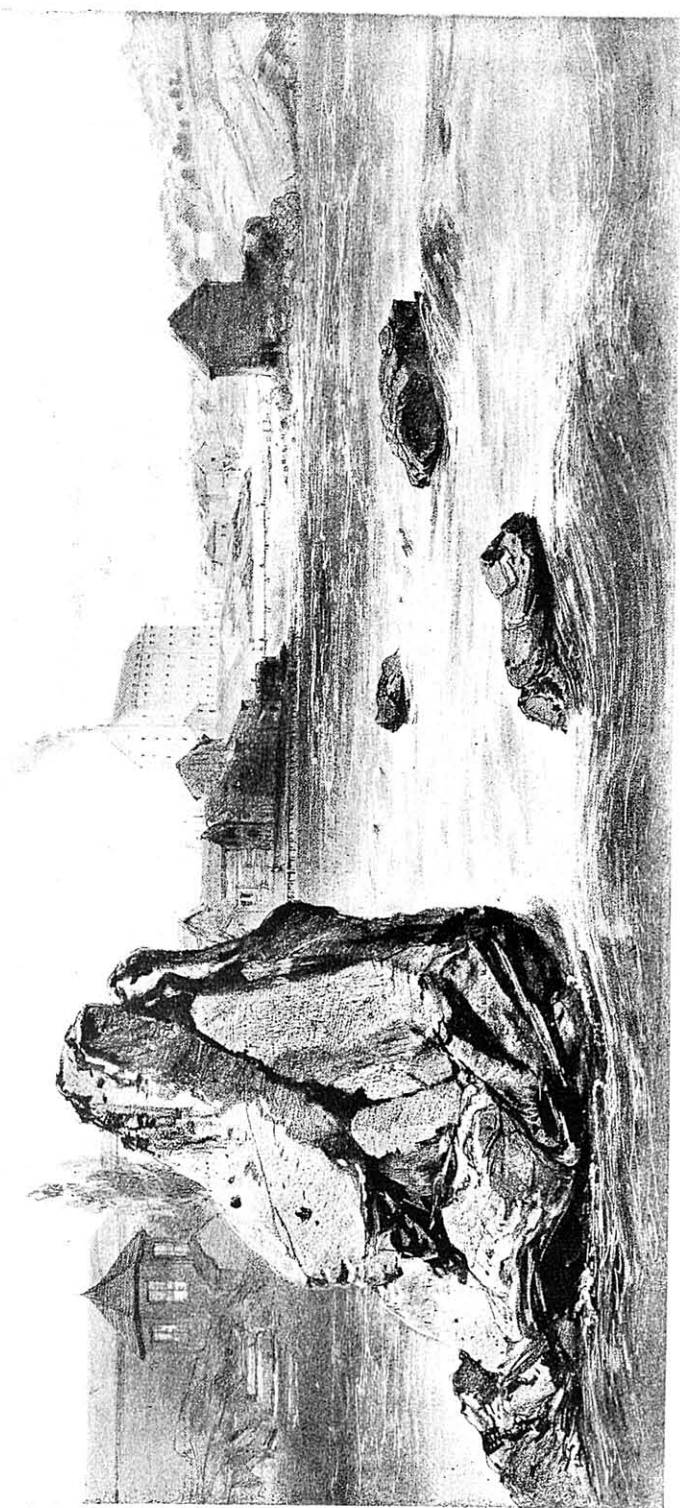

Рис. Ловерь.

Таммерфорс, 1839 г.

чайныхъ расходовъ, вызывавшихся, съ одной стороны, военными надобностями (напр., сооруженіе крѣпости Бомарзундъ, устройство береговой охраны въ 1854—1856 г.г., сооруженіе и снаряженіе шхерной и озерной флотиліи и одного фрегата), съ другой—мѣрами правительства по улучшенію средствъ сообщенія и по поднятію общественнаго благоустройства (какъ-то: сооруженіе Сайменскаго канала, генеральное межеваніе и разверстаніе угодій, постройка перваго желѣзнодорожнаго пути), то средствами для покрытія таковыхъ расходовъ служили свободные остатки казенныхъ фондовъ, а отчасти и заключенные за это время финляндскою казною внутренніе и внѣшніе займы.

12 декабря 1811 г. утвержденъ былъ уставъ учетной, ссудной и сохранной конторы, переименованной впослѣдствіи въ «финляндскій банкъ». Главная задача банка заключалась въ выдачѣ ссудъ лицамъ, кредитовавшимся въ банковыхъ и другихъ учрежденіяхъ Швеціи. Ссуды выдавались подъ залогъ сельскихъ недвижимыхъ имуществъ и фабричныхъ и заводскихъ издѣлій, но также подъ поручительство. Въ кругъ операцій банка входилъ, кромѣ того, выпускъ билетовъ, но лишь низшаго достоинства въ 20, 50, 75 коп. и 1, 2, 4 руб. ассигнаціями. Сумма выпущенныхъ билетовъ достигла въ 1833 г. до 828.000 р., но въ ближайшіе затѣмъ годы поднялась до 1—1½ мил. руб. асс. ⁴²⁷).

Дѣятельность банка въ первыя десятилѣтія была очень незначительна ⁴²⁸).

О ничтожности значенія банка и его операцій говоритъ самое его помѣщеніе. Онъ помѣщался въ нѣсколькихъ комнатахъ въ верхнемъ этажѣ юговосточнаго флигеля сенатскаго дома. Онъ составлялъ единственный банкъ края, единственное денежное учрежденіе, которое должно было производить обороты всѣхъ дѣлъ! Онъ имѣлъ отдѣлы въ трехъ или четырехъ изъ главнѣйшихъ провинціальныхъ городовъ, но эти конторы назывались разнѣнными (мѣняльными) конторами ⁴²⁹).

Главнѣйшей своей задачи банкъ выполнить не могъ: онъ не въ состояніи былъ ввести порядка въ финансахъ, такъ какъ выпускаемыя имъ ассигнаціи не опирались на мателлическій фондъ. Въ то же время банкъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ заграничнаго денежнаго обращенія, не имѣя ни одного агента за предѣлами

края. Торговцы сами вынуждены были добывать себѣ заграничную металлическую валюту, необходимую имъ для уплаты за производимые товары. Обычно купцы для этой цѣли пользовались шведскими ассигнаціями. На нихъ покупали нужные имъ векселя для заграничныхъ уплатъ. Реализація 1840 года измѣнила дѣло.

Главной задачей банка при реализаціи признана забота о томъ, чтобы постоянно находился на лицо достаточный запасъ серебра, а для достиженія этой цѣли наличное въ банкѣ количество ассигнацій ипотечнаго фонда должно было быть превращено въ серебро (слитки и монету).

Послѣ 1840 года операція банка сразу усилилась, такъ какъ съ этого времени онъ получилъ право выпускать билеты высшаго достоинства.—Кромѣ того, вслѣдствіе монетной реформы банковые билеты стали главнымъ средствомъ денежнаго обращенія въ Финляндіи. Въ 1841 г. въ обращеніи находилось банковыхъ билетовъ на сумму 232.900 руб. сер., а въ слѣдующіе годы она систематически расла и вскорѣ дошла до 6 мил. руб. Бланковые листы для Финляндскаго банка заготовлялись въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ.

На финляндскихъ банковыхъ билетахъ находилась надпись «Финляндскій банкъ», съ обозначеніемъ ихъ валюты на русскомъ и мѣстныхъ языкахъ.

Управленіе банка состояло изъ дирекціи (3 члена), поставленной подъ надзоръ финансовой экспедиціи хозяйственнаго департамента Сената ⁴³⁰).

Ревизія производилась двумя чиновниками Сената, подъ наблюденіемъ члена хозяйственнаго департамента и въ присутствіи 4 депутатовъ, ежегодно избираемыхъ Сенатомъ изъ четырехъ сословій ⁴³¹). Ревизія тянулась долго и обыкновенно замѣчаній она не дѣлала.

7 января 1848 г. они, согласно инструкціи, вновь были въ сборѣ для ревизіи и Гартманъ пригласилъ ихъ къ себѣ, въ качествѣ гостей, высказавъ имъ свое воззрѣніе на финансовое и политическое положеніе края, воздавъ хвалу Государю и кн. Меншикову. Финансы, а по мнѣнію Гартмана, и благосостояніе Финляндіи, значительно улучшились за послѣдніе годы. «Финляндія пользуется завидною участію въ своемъ забытомъ уголкѣ міра. Кто можетъ предвидѣть ходъ вещей и событія грядущаго времени. Книга судебъ никому не открыта. Всегда ли будутъ управлять

Финляндією Цари съ такимъ возвышеннымъ, съ такимъ благороднымъ образомъ мыслей? Долго-ли и часто-ли будетъ она имѣть счастье видѣть, что о важнѣйшихъ дѣлахъ ея у престола заботится ближайшій ея начальникъ съ такимъ же просвѣщеніемъ, благо-разуміемъ и благорасположеніемъ, какъ теперь... Народъ, который не увлекается поступленіями современнаго фанатизма, обдуманно и спокойно радѣеть о языкѣ и образованіи предковъ, который не прельщается современными утопіями, непоколебимо придержи-

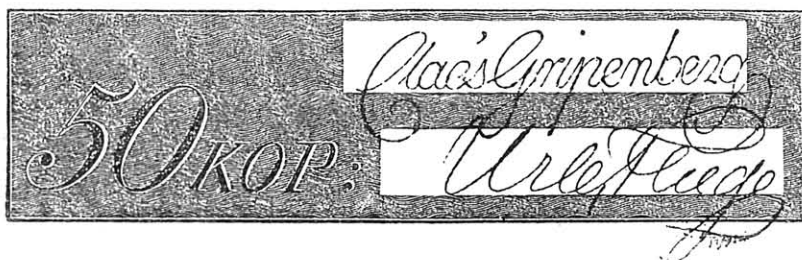
AR 1850

N 42543

UTI STORFURSTENDÖMET FINLANDS WÄXEL-DEPOSITIONS
OCH LÅNE-BANK ÄR INSATT EN SUMMA AF FEMTIO KOPEK
KEJSERLIGA RYSKA BANKO-ASSIGNATIONER, HVILKA
50 KOPEK INNEHAFVAREN HÄRAF HAR ATT ÅTERBEKOMMA.

Wiisi Kymmeniä Koppeä. Пятьдесятъ Копѣекъ.

50 коп. ассигнаціями 1850 г.

вается отцовской любви къ Царю, вѣрѣ и законамъ,—можетъ спокойно встрѣчать будущее и свои грядущія судьбы». Въ заклю-ченіе онъ предложилъ осушить бокалы «съ сердечнымъ и искрен-нымъ кликомъ: «Боже, Царя храни» ⁴³²).

Талантливымъ перомъ и съ большой любовью къ родному краю І. Л. Рунебергъ обрисовалъ нѣкоторыя особенности фин-ской природы и финскаго бѣднѣйшаго населенія. И такъ какъ его эскизы представляютъ обстановку жизни внутренняго ядра края въ періодъ 30 и 40 годовъ, то пользуемся ими, чтобы нѣсколько ввести нашего читателя въ условія финскаго быта.

«Сколько разнообразія отъ ровной обработанной земли по берегу до внутреннихъ мѣстъ ихъ съ крутыми высями, съ ихъ пустынными озерами, съ ихъ степями, куда не ведетъ ни одна тропинка, куда развѣ только тетеревъ, разимый свинцомъ, иногда устремляетъ одинокій свой полетъ. Путешественники изъ образованныхъ странъ Европы, посѣщающіе берегъ Финляндіи, не найдутъ на немъ значительной разницы съ своимъ отечествомъ и, кромѣ климата и языка, встрѣтятъ по большей части знакомые предметы. Напротивъ того, ни одинъ чужемецъ, который углубится внутрь Финляндіи, не скажетъ, что онъ прежде видѣлъ что-либо подобное: такъ опредѣленно очерчены, такъ рѣзко отличены эти мѣста. Между тѣмъ какъ по береговой дорогѣ, особливо по южной, деревня за деревней и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ народонаселеніи, по дорогамъ внутреннимъ можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ и слѣда хижины, а если, наконецъ, и встрѣтится жилье, то оно виситъ на скатѣ огромной песчаной горы, или, выглядывая изъ дикихъ роцей, окружающихъ полузакрытое озеро, мелькаетъ какъ чудный наростъ на здоровомъ величественномъ деревѣ природы. Есть однако-же и въ нашихъ шхерахъ что-то дикое и придающее имъ яркій цвѣтъ, особливо далѣе въ морѣ, и всякій, кто проживетъ нѣсколько времени въ этихъ мѣстахъ, унесетъ оттуда много глубокихъ и сильныхъ впечатлѣній.

Старинныя шведскія мелодіи такъ укоренились на нашихъ берегахъ и такъ согласны съ тамошней природой, что нельзя сомнѣваться въ ихъ происхожденіи; притомъ новыя пѣсни, которыя рождаются и живутъ въ устахъ береговыхъ поселянъ, чрезвычайно сходны съ старинными шведскими.

Съ другой стороны рѣдко бываетъ между предметами такое существенное различіе, какъ между помянутыми пѣснями и національно-финскими напѣвами. Пляска Нека, раздаваясь на нашихъ берегахъ, такъ согласуется съ островами, которые видишь, съ воздухомъ, которымъ дышишь, что, кажется, будто лѣтній вечеръ на морѣ самъ сложилъ ее; но пусть ее споютъ на крутой высотѣ, на пустынномъ озерѣ въ Саріерви, или въ другомъ приходѣ: она выразитъ разстройство сердца, у котораго все родное на далекой чужбинѣ. Такъ, съ другой стороны, была бы вовсе не на мѣстѣ какая нибудь финская пѣсня, если-бъ ее перенести на наши берега.

Едва ли есть мелодіи, которыя бы, болѣе альпійскихъ, согласовались съ природой внутренней Финляндіи; нѣкоторые путе-

шественники находят даже сходство между Швейцаріей и Финляндіей. Ибо какъ человѣчество въ своей совокупности есть зеркало земли, такъ и человѣкъ, въ отдѣльных частяхъ ея, служитъ зеркаломъ окружающей его мѣстности и всегда отражаетъ въ истинныхъ, прекрасныхъ, благородныхъ откровеніяхъ только тѣ лучи, которые онъ извлекаетъ изъ этого источника. Никогда тотъ же самый человѣкъ не привяжется съ одинаковою любовью къ различнымъ характерамъ нашей земли. Кто поживетъ довольно долго подъ влияніемъ той и другой мѣстности, тотъ глубоко сохранитъ въ душѣ только одну изъ нихъ, а не обѣ. Умъ, настроенный къ спокойнымъ, поэтически-религіознымъ созерцаніямъ, предпочтетъ верхнія страны. Кипящій жизнію, смѣлый, предпріимчивый духъ, вѣроятно, полюбитъ болѣе морскіе берега, а человѣкъ расчетливый, заводчикъ или хозяинъ изберетъ прибрежныя равнины.

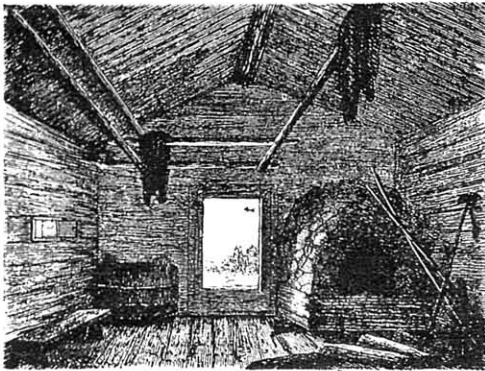
Трудно вообразить выраженія Божественнаго, болѣе ясное, болѣе дивное и возвышающее, какъ то, которое представляетъ внутренняя Финляндія въ своемъ величественномъ очертаніи, въ своей пустынности, въ своемъ глубокомъ невозмутимомъ спокойствіи. Море, какъ оно ни мощно, не всегда носитъ такую печать Божественности. Только въ безграничной тишинѣ его духъ видитъ и обнимаетъ безконечность: взволнованное бурей оно изъ Божества становится исполиномъ, и человѣкъ уже не поклоняется, но готовится къ битвѣ.

Къ мѣстамъ, которыя могутъ служить вѣрными представителями внутренней Финляндіи, какъ относительно природы, такъ и въ разсужденіи характера жителей, должно, по всей справедливости, причислить и отдѣльно лежащій, бѣдный, прекрасный приходъ Сааріерви (Saarijärvi). Каковъ онъ въ маломъ видѣ, таковъ весь внутренній край, съ немногими только отступленіями, въ большемъ размѣрѣ. Я избралъ этотъ приходъ потому,—прибавляетъ Рунебергъ,—что жилъ въ немъ гораздо долѣе, нежели въ какой либо другой части Финляндіи. Но почти все, что будетъ сказано о немъ, простирается далеко за его предѣлы.

Простъ и безыскусственъ, какъ окрестная природа, бытъ поселанина въ Сааріерви. Изба его (pört) не много просторнѣе бани, но по виду и предметамъ своимъ совершенно подобна ей, этой единственной и необходимой для него статьѣ роскоши. Внутренность избы представляетъ посѣтителю странную картину. Стѣны и полъ, сколоченные изъ нетесанныхъ бревенъ и сосновыхъ

досокъ, черны, какъ уголь—первыя отъ дыму, послѣдній отъ всего, что въ теченіе многихъ лѣтъ напрасно ожидало отмывки. Печь, святилище комнаты, по стилю своей архитектуры похожая на старинные знаки шведскихъ миль, имѣющихъ видъ почти кубическаго основанія изъ гранитныхъ осколковъ, на которомъ высится небольшой красный деревянный столбъ, стоитъ въ полномъ блескѣ. Крупныя сосновые дрова пылаютъ широкимъ пламенемъ, и вся комната наполнена ослѣпительнымъ сіяніемъ, которое еще увеличивается отъ горящихъ лучинъ, то воткнутыхъ въ стѣны, то поддерживаемыхъ свѣтцами. Въ этомъ свѣтѣ движется, или чаще покоится безчисленное множество людей.

Женщины сидятъ за прялками, или работаютъ кто за кадкою

Крестьянская изба (Пёрте).

съ тѣстомъ, кто за горшкомъ; мужчины дѣлаютъ корзины, сани, лыжи и тому подобное; нищіе и нахлѣбники лежатъ передъ огнемъ, а постоянная статья домашней работы, щепаніе лучины, исполняется какимъ нибудь старичкомъ, который спокойно и ловко дѣлитъ тоненькія дранки еще на тончайшія. Въ эту пору толпа ребятишекъ обыкновенно валется на печи, гдѣ они

очень хорошо уживаются. Надъ длиннымъ корытомъ возлѣ двери лошадь лакомится сѣнкой, наслаждаясь тепломъ и обществомъ, между тѣмъ какъ пѣтухъ, если онъ еще не занялъ ночлега въ кругу своего семейства, навѣщаетъ все углы комнаты, и вездѣ бываетъ какъ дома. Вотъ что представляетъ въ зимній вечеръ, съ большими или меньшими измѣненіями, всякая финская изба.

Отъ непрестанной топки и всегдашняго сквозного вѣтра воздухъ въ ней чистъ и здоровъ, а все, что отвратительно для глазъ, заботливо выметается.

Невозможно описать той бѣдности, которая господствуетъ между жителями прихода Саріерви. Никакая вѣтвь промышленности не пустила здѣсь корня, потому что отдаленность мѣста отъ городовъ и болѣе зажиточныхъ селеній чрезвычайно затруд-

няла бы сбыть всякаго товара. Земледѣлію препятствуетъ жестокий врагъ—морозныя ночи.

Крестьянинъ въ приходѣ Саріерви лѣнивъ, безстрастенъ и скупъ на слова. Правъ у него кроткій, терпѣливый и уступчивый. Бѣдность и стѣсненіе, въ которыхъ онъ живетъ, заставили его замкнуться въ самомъ себѣ; всѣ душевныя силы его дѣйствуютъ внутрь, такъ что онъ рѣдко и слабо обнаруживаются дѣломъ.

Приходъ Саріерви богатъ красотами природы и раздѣляетъ это преимущество съ большею частію внутренней Финляндіи. Ничто не дѣйствуетъ на душу сильнѣе дремучихъ, неизмѣримыхъ лѣсовъ пустыни. По нимъ гуляешь, какъ по дну морскому, въ непрерывной однообразной тишинѣ, и только высоко надъ головою

Дворъ финскаго крестьянина.

слышишь вѣтеръ въ вершинахъ елей и въ подблачныхъ вѣнцахъ дикихъ сосенъ. Тамъ и тамъ встрѣчаешь, будто сходи въ подземное царство, лѣсное озеро. Глубоко подъ ногами стелется небо, еще спокойнѣе горняго, и, будто при вратахъ вѣчности, кажется боги и духи окружаютъ тебя: безпрестанно ищешь ихъ взорами; слухомъ ежеминутно хочешь уловить ихъ шепотъ» (Рунебергъ).

Тишина и суровость лѣсной природы сѣвера должны были выработать выносливое, скромное и трудолюбивое племя. Лѣсъ—живая жизнь, и потому фантазія народа всегда одушевляла его и населяла его таинственными существами. Въ лѣсу былъ первый жертвенникъ и первыя капища. Съ лѣсомъ тѣсно связана первоначальная жизнь финна, его первая пѣсня, его юная поэзія.

Близко къ описанному Рунебергомъ бѣдному хозяину стоятъ торпарі. Это—арендаторы дворовыхъ участковъ.

О положеніи торпарей того времени можно судить по слѣдующему контракту съ владѣльцемъ имѣнія. Контрактъ заключенъ на 25 лѣтъ, при условіи исправнаго его исполненія. За пять лѣтъ

до истеченія аренднаго срока можно было его возобновить. За пользованіе дворовымъ участкомъ торпарь обязывался ежегодно отбыть 260 конныхъ и пѣшихъ поденщинъ, совершить «дальнѣйшую поѣздку» или вмѣсто нея—25 пѣшихъ поденщинъ, 7 поденщинъ на жатву мызныхъ полей, 6 пасторскихъ и 5 поденщинъ на содержаніе бѣдныхъ, итого 303 поденщины въ годъ. Кромѣ того, торпаря требовали для внутреннихъ работъ: мытья половъ, стирки и т. п. За излишніе дни землевладѣлецъ долженъ былъ платить по полторы каппы (2½ гарнца) ржи. Грубость, лѣность и т. п. давало право хозяину штрафовать его ⁴³³).

Значительно болѣе печальнымъ было положеніе бобылей.—А. Теслевъ въ отчетѣ за 1835 г. называетъ ихъ «несчастливымъ поколѣніемъ». Однако, «бѣдность и угнетенность селянина ропота не вызывала и типина въ краѣ не нарушалась».

Въ Финляндіи случайно находились, наконецъ, русскіе крѣпостные люди. Уже въ 1820 г. стали думать о томъ, по какимъ правиламъ даровать имъ вольность. Въ 1826 г. собраны были свѣдѣнія о всѣхъ проживавшихъ въ краѣ крѣпостныхъ людяхъ. За бѣжавшихъ изъ Россіи въ Финляндію повелѣно было разыскивать, какъ за бѣглыхъ солдатъ. Вообще-же старались высылать всѣхъ съ просроченными паспортами и вовсе не имѣвшихъ видовъ, а пристанодержателей привлекать къ законной отвѣтственности. Просившихъ вольности имѣлось нѣсколько разрядовъ. Одни попали въ Выборгскую губернію до присоединенія ея къ остальной Финляндіи, другіе—послѣ. Были крѣпостные, состоявшіе въ услуженіи у временно пребывавшихъ въ Финляндіи. Имѣлись и такіе, которые за собственныя деньги готовы были купить волю у помѣщиковъ.—Статсъ-секретаріатъ составилъ записку объ условіяхъ ихъ освобожденія. Генераль-губернаторъ далъ по ней свое заключеніе. Внявъ ихъ мнѣніямъ, Его Императорское Величество высочайше повелѣтъ соизволилъ (2 іюня 1826 г.) всѣхъ крѣпостныхъ людей, кои надлежащими актами и доказательствами могутъ удостоверить, что они во время обнародованія Высочайшихъ манифестовъ, состоявшихся 11 и 31 декабря 1811 г. (о присоединеніи бывшей Выборгской губерніи къ прочей Финляндіи) числились по послѣднимъ ревизскимъ сказкамъ оной губерніи за помѣщиками своими, признать въ правѣ искать и получить освобожденіе отъ крѣпостнаго состоянія, безо всякаго вознагражденія или откупа, хотя бы они послѣ означеннаго времени были владѣльцами своими

перечислены изъ Выборгской губерніи въ ревизіяхъ по Россійскимъ губерніямъ.

На увольненіе прочихъ крѣпостныхъ людей согласія не послѣдовало. Ландсгевдингамъ приказано было строго наблюдать, чтобы прибывшіе изъ Россійскихъ губерній въ Финляндію крѣпостные люди не были тамъ включены въ мантальную перепись. ⁴³⁴).

Чтобы пресѣчь побѣги солдатъ и крѣпостныхъ людей, А. А. Закревскій напомнилъ о взысканіи съ укрывателей (6 рихсдалеровъ 32 шиллинговъ, т. е. 9 р. 60 к.) и кромѣ того за бѣглецовъ надлежало вносить помѣщику поденную плату за всѣ дни нахожденія ихъ у укрывателя.

Убѣгали также въ Валаамскую обитель; но и туда проникъ энергичный генераль-губернаторъ, поднявъ на ноги короннаго фохта и духовное начальство. Укрывавшихся высылали на родину, предавали суду.

Пьянство—давнишнее зло, отъ котораго страдала Финляндія. Въ царствованіе Николая I, благодѣтельной мѣрой по винокуренію, удалось нѣсколько сократить его. Кн. Меншиковъ, въ отчетѣ за 1844 г., писалъ. «Надо отдать справедливость финляндскому селянину, что порокъ сей, пьянство, происходитъ въ немъ не столько отъ собственной наклонности, сколько отъ существовавшаго шведскаго постановленія, требовавшаго съ каждаго семейства особую подать за право курить вино, для своего употребленія, безъ различія, желаетъ-ли онъ симъ правомъ пользоваться, или нѣтъ. Крестьянинъ, по невѣжественности своихъ расчетовъ, считалъ себя въ потерѣ, если не будетъ выкуривать вина, ибо платилъ бы подать даромъ и потому, чтобы устранить этотъ мнимый убытокъ, онъ истреблялъ зерно на винокуреніе, а потомъ пилъ безъ мѣры, пока запасъ не истощался; въ это время происходили нерѣдко драки, оканчивавшіяся иногда смертоубійствомъ. Вашему Императорскому Величеству благоугодно было отмѣнить эту безусловную подать, освободивъ отъ оной тѣхъ, кто откажется за себя и наслѣдниковъ, отъ права домашняго винокуренія, многіе симъ уже воспользовались, и теперь пьянство примѣтно ослабѣваетъ, ибо винокуренные заводы далеко не представляютъ имъ того соблазна, какой господствовалъ при запасахъ собственнаго вина бывшихъ у каждаго подъ рукою».

Очень губительными для населенія явились пожары, уничтожавшіе цѣлые городскіе кварталы.

24 мая 1832 г. огонь охватилъ сѣверный кварталъ г. Або. Въ 1834 г. начальству причинено было много хлопотъ пожарами въ Выборгѣ, такъ какъ родилось подозрѣніе, что они были послѣдствіемъ поджоговъ. Подозрѣніе падало на кадета Тиме, но слѣдствіе, произведенное начальникомъ бригады, опровергло его. 21 авг.—2 сентября 1835 г. отъ пожара пострадалъ г. Якобстадъ (Вазаской губ.).—Сгорѣло 73 застроенныхъ дворовыхъ мѣста, ратуша и пр. Всего въ городѣ было 1.286 чел. жителей; изъ нихъ 571 чел. остались безъ крова ⁴³⁵). Въ 1838 г. (4 янв.) былъ

Городъ Николаиштадъ—Ваза до пожара 1852 г.

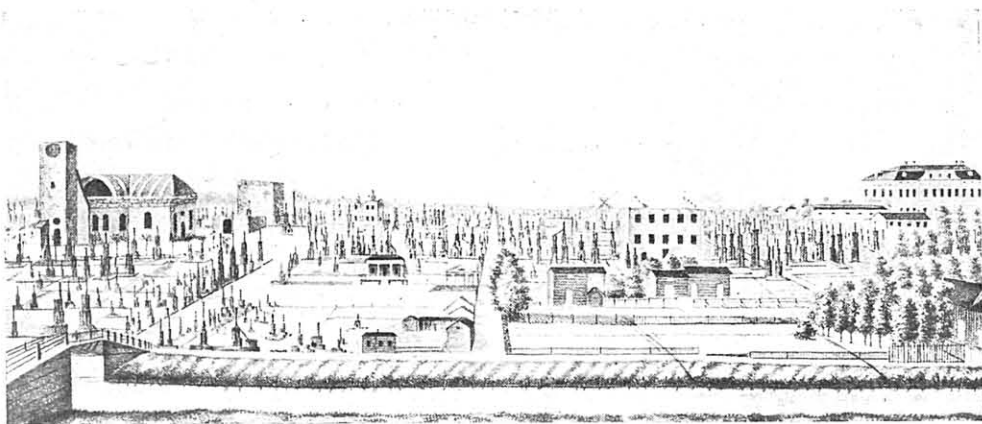
большой пожаръ въ Борго. Въ 1840 г. г. Фридрихсгамъ сталъ во второй разъ жертвой опустошительнаго пожара; убытокъ достигъ 500.000 руб. асс. ⁴³⁶).

Въ г. Нюстадѣ произошелъ пожаръ 10—22 авг. 1846 г. отъ удара молніи. Государь сейчасъ-же подписалъ: «Отъ меня 5 тыс. сер., отъ имени жены 1 тыс. сер. Требовать отъ Министерства Финансовъ».

Въ 1852 г. сильно пострадали отъ огня Бьернеборгъ и Ваза. Одинъ пожаръ слѣдовалъ за другимъ черезъ 12 дней. Пожаръ г. Вазы начался днемъ и тѣмъ не менѣе послѣдствія были ужасны, благодаря предшествовавшей долгой засухѣ. Погибъ архивъ; пострадала старѣйшая церковь Финляндіи, отъ которой осталась лишь закоптѣлая печальная руина колокольни, ранѣе гордо подымавшая свой шпигъ къ облакамъ.

«Щедротами нашего Августѣйшаго Монарха оказаны большія пособія погорѣльцамъ. Проливъ слезы благодарности, эти несчастные,—а вмѣстѣ съ ними и вся страна,—приносятъ къ Богу ежедневныя молитвы о благоденствіи Государя Императора, отца Финляндіи, и всего Его Августѣйшаго Дома» ⁴³⁷).

Пожары, какъ и эпидеміи, были, конечно, временными, но довольно частыми несчастіями. Правительство дѣлало, что могло, для излеченія этихъ страшныхъ ожоговъ на тѣлѣ Финляндіи. Во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ край замѣтно расцвѣталъ и прогрессировалъ. Благосостояніе его поднялось особенно вслѣд-

Видъ г. Николайштада—Вазы послѣ пожара 1852 г.

ствіе улучшенія, введеннаго въ монетномъ обращеніи, и учрежденія новыхъ школъ.

Въ 1835 г. и 1836 г. Государю Императору былъ представленъ рядъ проектовъ: 1) О противодѣйстви тайному провозу товаровъ. 2) О поощреніи Финляндской торговли. 3) Объ оживленіи хлѣбопашества. 4) О поощреніи земледѣлія. 5) Объ усовершенствованіи льняныхъ издѣлій. Улучшеніи пожарнаго дѣла и пр. ⁴³⁸). Вмѣстѣ съ тѣмъ преобразована была аптекарская часть.

О состояніи Финляндіи за 1842 г. въ мѣстной печати были помѣщены обширныя статьи ⁴³⁹) и имѣется отчетъ кн. Меншикова. По ихъ указаніямъ оказывается, что годъ этотъ для Финляндіи считался счастливымъ: урожай былъ хорошъ, народонаселеніе умножилось, несчастія не посѣтили края. Этимъ неоцѣнимымъ счастьемъ финляндцы считали себя обязанными, кромѣ Божьей милости, «попечительной заботливости мудраго правительства,

искреннему старанію его о безпристрастномъ исполненіи законовъ».

О возрастаніи благосостоянія крестьянъ наглядно говорили недоимки. Они едва составляли $\frac{2}{3}$ проц. всего сбора. Недоимковъ за прежніе годы насчитывали до 57 тыс. р. с.; а въ 1844 г. ихъ осталось только 16 тыс. р.

Въ 1841 г. созванъ былъ комитетъ для пересмотра и исправленія лѣсного устава. Въ комитетъ рѣшено было приглашать всѣхъ, кто имѣлъ къ тому «способность и призваніе».

Одновременно шла серьезная и упорная работа по осушкѣ болотъ, по размежеваніи земель, по поощренію земледѣлія и поднятію фабричной промышленности. На всѣ эти предметы выдавались ссуды на продолжительные сроки.

Фабрикъ и заводовъ въ 1810 г. было—31, въ 1824—74, а въ 1844—139. Въ 1835 г. англичанинъ Финлейсонъ основалъ въ Таммерфорсѣ огромную хлопчато-бумажную фабрику.

Огромную пользу принесло учрежденіе земледѣльческаго Института въ Мустіалѣ. Л. Г. Гартманъ, посѣтивъ этотъ институтъ, удостовѣряетъ, что улучшенія въ обработкѣ земли превзошли тогдашнія ожиданія и пріѣхавшіе помѣщики могли убѣдиться, какимъ благодѣяніемъ современемъ явится подобное учрежденіе⁴⁴⁰).

Основаны были воскресныя школы, гдѣ сельскимъ обывателямъ давались начальныя познанія по полезному мастерству, черченію и приготовленію моделей.

Въ теченіе 1841 г. и 1842 г. произошли значительные убытки на морѣ, но торговля «не потеряла своей живости». Финляндскія суда чаще стали посѣщать Бразилію и другія отдаленныя страны. Усилились торговые сношенія и съ русскими портами.

Въ 1828 г. купеческихъ судовъ			
было	250	при 2.306	матросахъ.
Въ 1841 г.	458	» 5.200	»
Въ 1846 г.	569	» 6.890	»
Въ 1850 г.	998	» 12.100	»

Пароходное движеніе пріобрѣло общее довѣріе.

Важнѣйшую статью вывоза составлялъ лѣсъ.

Финляндскія суда въ такомъ уже количествѣ заходили въ Англію, что стали хлопотать о пособіи существовавшей въ Лондонѣ

шведской церкви, въ виду того, что финляндскіе мореходцы дѣлались ея прихожанами ⁴⁴¹).

Исходя изъ того, что финляндскія суда, приходившія въ Петербургъ, считались наравнѣ съ иностранными, нѣкоторые финляндскіе купцы возбудили (въ 1830 г.) ходатайство о томъ, чтобы ихъ судамъ даны были права одинаковыя съ «россійскими кораблями» ⁴⁴²).

Торговля поощрялась. Городамъ Ловизѣ, Бьернеборгу, Христинестаду и Вазѣ дано было право складывать товары въ пакгаузы на годъ, безъ платежа пошлины, пока товары не поступятъ въ продажу.

Много заботъ было удѣлено улучшенію дорогъ и проведенію новыхъ водяныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія.

Изъ отчета товарища министра статс-секретаря Стевена за 1845 г. о его поѣздкѣ по Финляндіи видно, между прочимъ, что въ прежніе годы жители Саволакса и Кареліи доставляли произведенія своей сельской промышленности въ прибрежные города Эстерботни, гдѣ купцы уплачивали имъ лишь часть стоимости товара, отлагая уплату остальной части до продажи его въ Швецію, при чемъ величину этой второй части ставили въ зависимость отъ цѣны, которая, по показанію купца, дана ему на шведскомъ рынкѣ. Такимъ образомъ, уплата затягивалась иногда на цѣлый годъ и находилась въ зависимости отъ добросовѣстности купца. Въ послѣднее время все это измѣнилось и улучшилось: почти все произведенія С.-Михельской и Куопіоской губерній стали сбываться въ Петербургъ и частію въ Выборгъ, гдѣ крестьяне сразу получали наличныя деньги и болѣе высокую плату. Этому обстоятельству Стевенъ придавалъ большое значеніе какъ въ экономическомъ, такъ и политическомъ отношеніи.

Финлайсонъ.

Таможенный надзоръ былъ усиленъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ облегчены тарифы на главнѣйшія потребности, которыя, при слишкомъ возвышенныхъ пошлинахъ, прокрадывались сквозь безчисленныя щеры ⁴⁴³).

Таможенные доходы росли очень замѣтно:

Въ 1840 г. ихъ было	389.000 р.
» 1841 » »	650.000 »
» 1842 » »	714.000 »
» 1843 » »	760.000 » ⁴⁴⁴⁾

Горное дѣло привлекало вниманіе А. А. Закревскаго и кн. Меншикова. Первому, по его просьбѣ, представлялъ обширныя записки интендантъ горнаго вѣдомства Нильсъ Норденшельдъ. Горные рудники подавали большія надежды для будущаго. Дѣлу развитія ихъ много препятствовалъ привозъ руды изъ Швеціи и нужно было воспользоваться заключеніемъ новаго торговаго трактата, для

Ниль Густавъ
Норденшельдъ.

парализированія этой зависимости. Когда затѣмъ (въ 1842 г.) на очередь сталъ вопросъ о количествѣ вывозимаго изъ Швеціи чугуна и желѣзной руды, къ Россійской миссіи въ Стокгольмѣ временно былъ прикомандированъ финляндскій чиновникъ (баронъ Маннергеймъ) для того, чтобы содѣйствовать достиженію этихъ желаемыхъ Финляндіей результатовъ.

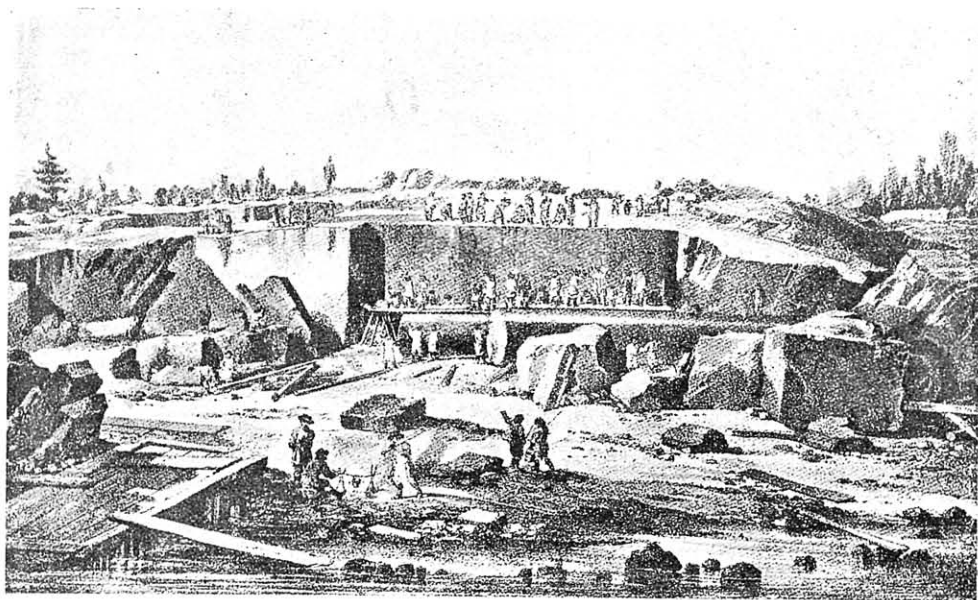
Когда кн. Меншиковъ (1843 г.) получилъ свѣдѣнія, что въ Финляндіи началась значительная разработка чугуна, онъ сейчасъ же просилъ о разслѣдованіи дѣла, желая избавить Финляндію отъ шведской зависимости, такъ какъ стокгольмское правительство годъ-отъ-году усугубляло свои требованія ⁴⁴⁵⁾.

За полстолѣтія до Нильса Норденшельда мало знали о минеральныхъ богатствахъ Финляндіи. Н. Норденшельдъ былъ первоначально юристомъ, но милостивое отношеніе къ нему извѣстнаго мецената гр. Н. Румянцева и бывшаго генераль-губернатора Штейнгеля—страстнаго любителя минералогіи—склонили Норденшельда къ новой спеціальности и, благодаря ихъ содѣйствію, онъ получилъ возможность совершить поѣздку по горнымъ заводамъ Швеціи. Поданное затѣмъ въ нашу Академію Наукъ первое его разслѣдованіе, способствовало тому, что онъ получилъ значительныя средства для поѣздки за границу, съ цѣлью развитія своихъ познаній по горному дѣлу.

Н. Норденшельду предстояло разобраться въ вопросѣ, имѣютъ ли Финляндія желѣзныя руды, и могутъ-ли онѣ въ доброкачествен-

ности сравниваться со шведскими? Ему казалось, что въ родномъ краѣ добывалась достаточно хорошая руда и не было надобности брать ее у чужого народа.

Норденшельду принадлежитъ честь теоретической разработки вопроса; для практическаго же дѣла онъ по своему характеру не годился. Эта особенность его была замѣчена еще Берцеліусомъ, который сказалъ: «Твои природныя способности больше подходятъ для тихаго и удобнаго изслѣдованія природы, чѣмъ для энергичныхъ и непрерывныхъ предпріятій дѣловаго человѣка» ⁴⁴⁶).

Гранитныя ломки въ Пютерлакѣ.

Финляндія, богатая гранитомъ, извлекала изъ него замѣтную пользу. Почти въ теченіе всего царствованія Николая I на гранитныхъ ея ломкахъ производилась колоссальная работа. Въ Петербургѣ строился знаменитый Исаакіевскій соборъ. Однимъ изъ видныхъ его украшеній являются гранитныя коллоны-монолиты. Въ составѣ его портиковъ и вокругъ купола колоколенъ находится всего 104 монолита. Эти колонны выдержаны въ строго коринтскомъ стилѣ. Добыты онѣ изъ Пютерлакса, находящагося къ востоку отъ Фридрихсгама. Каждая колонна, не считая издержекъ по доставкѣ въ Петербургъ, обходилась до 20 тыс. руб. асс. Добываніе ихъ сопряжено было съ значительными трудностями.

Еще болѣе грандіозную работу пришлось продѣлать при извлеченіи въ Пуотерлакскѣ Александровской колонны, для доставленія которой понадобилось выстроить особую пристань и особое судно, подымавшее до 65.000 пуд.

Вообще на финляндскій гранитъ въ Петербургѣ издавна существовалъ большой спросъ. Изъ этого гранита сооружены нѣкоторые укрѣпленія Кронштадта, обложены всѣ набережныя Невы и

Видъ на озерѣ Сайма.

каналовъ и заложены фундаменты многихъ зданій. Изъ Сердобольскаго темносѣраго гранита сдѣланы великолѣпныя каріатиды портика Эрмитажа ⁴⁴⁷).

Приведенный голый и краткій перечень устанавливаетъ, что Финляндія времени Николая I не была страной застоя, а напротивъ, развивалась весьма успѣшно. Культурная ея работа всегда встрѣчала сочувствіе и поддержку русскаго правительства.

Давно уже пытливая мысль человѣка замѣтила возможность и необходимость соединенія системы водъ Сайменскаго озера съ Финскимъ заливомъ. Рассказываютъ, что при Карлѣ IX дѣлались

попытки осуществленія подобнаго плана. Недалеко отъ Лауритсала сохранились большія выемки земли, извѣстныя подъ названіемъ выемокъ Понтуса (Pontuksen Kaivando). Работы были оставлены, вѣроятно, за неимѣніемъ ни денежныхъ, ни техническихъ средствъ.

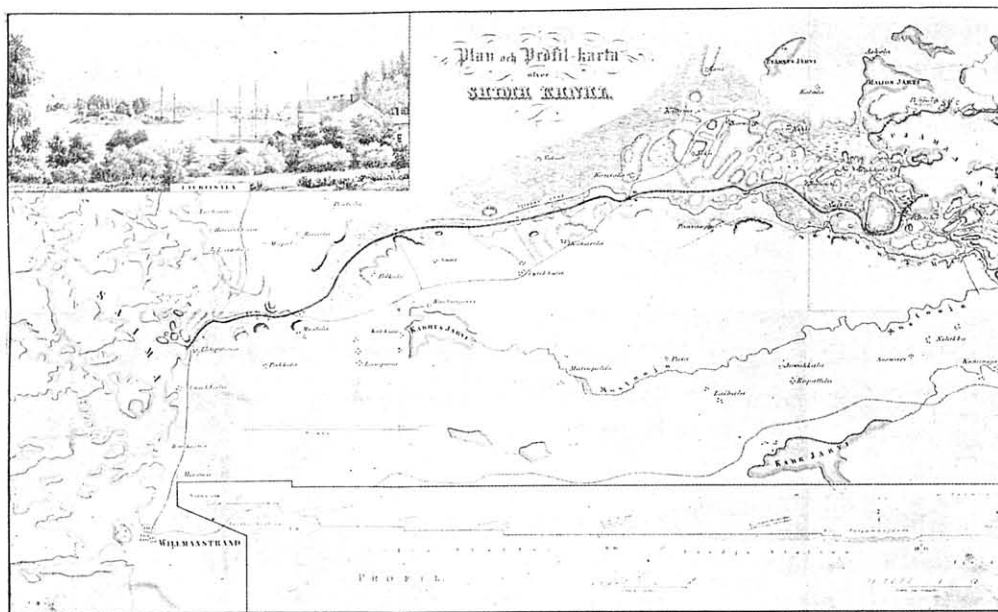
Только въ началѣ XIX в. вновь заговорили о необходимости и пользѣ устройства этого большого водяного пути. Въ брошюрѣ «Каналъ Саймы», видимо приготовленной ко времени открытія сооруженія и напечатанной въ Гельсингфорсѣ въ 1856 г., говорится, что въ началѣ 1826 г., во время засѣданія въ Саволаксѣ и Карелии герадскихъ судовъ, рѣшено было избрать депутацію изъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы она у Трона изложила потребность для этой части края легчайшаго способа сообщенія съ приморскими городами. Депутація прибыла въ Петербургъ и гр. Ребиндеръ представилъ ее Императору Николаю I. Депутаты просили помощи правительства, увѣренные, что жители Куопіоской, Выборгской и Кюмень-городской губерній, а также обыватели береговъ Саймы примутъ участіе въ осуществленіи плана.

Среди бумагъ гр. А. А. Закревскаго мы нашли «Записку по дѣлу о спускѣ озера Саймы», принадлежащую перу инженеръ-маіора барона К. Розенкампа (отъ 24 янв. 1825 г.). Баронъ утверждаетъ, что несчастіе, постигшее столицу въ недавнее время (очевидно имѣлось въ виду наводненіе 27 ноября 1824 г.), послужило поводомъ въ возобновленіи стараго проекта. «Полагаютъ, что по мѣрѣ отвода воды изъ озера Саймы въ какое-либо другое мѣсто, столица въ такой-же степени сохраняема будетъ отъ наводненій». Кромѣ того, надѣялись на возможность перевозки сельскихъ продуктовъ въ Выборгъ. Такъ какъ по столь важному и обширному предмету не было еще произведено предварительныхъ изслѣдованій, то баронъ К. Розенкампъ брался изложить лишь общія соображенія, основанныя на результатахъ его собственныхъ поѣздокъ по краю.

Для поднятія благосостоянія Карелии и Саволакса, онъ признаетъ спускъ озера Саймы очень полезнымъ. Въ то же время сомнѣвается, чтобы отводъ Сайменскихъ водъ внѣ Ладожскаго озера могъ повліять на наводненія въ Петербургѣ. Наконецъ,—прибавляетъ онъ,—соединеніе Саймы съ Финскимъ заливомъ «кажется при первомъ взглядѣ весьма важнымъ»; но при ближайшемъ разсмотрѣніи польза откроется, что главнымъ образомъ улучшится возможность отправленія лѣсныхъ матеріаловъ—«единственнаго про-

дукта» у жителей береговъ Саймы. Но лѣса оскудѣваютъ и единственно для нихъ нельзя устраивать канала, требующаго множества плузовъ. Въ такой сѣверной странѣ, какъ Финляндія, водяными путями можно пользоваться только въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ, почему устраивать ихъ не особенно полезно. За неимѣніемъ точныхъ свѣдѣній о мѣстности, по которой долженъ пройти каналъ, баронъ Розенкампфъ опредѣлилъ стоимость работъ, со многими оговорками, примѣрно, въ 8 милл. руб. ⁴⁴⁸).

Въ то же время, вслѣдствіе домогательства разныхъ обыва-

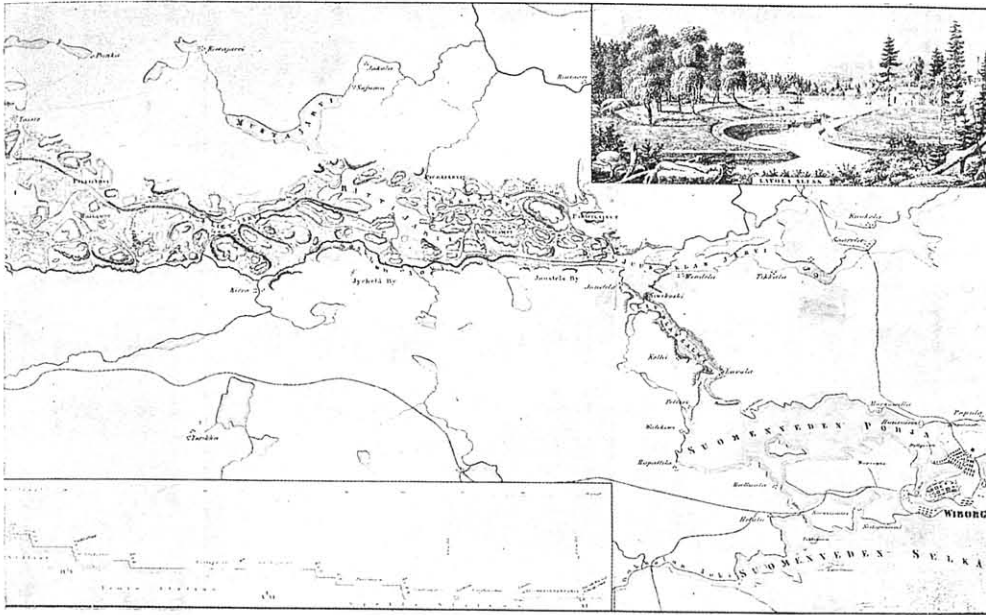
Карта и профиль Сайменскаго канала.

телей Куопіоскаго и Нильсіяскаго приходоу и по требованію Государя, высказался (въ апр. 1828 г.) по дѣлу финляндскій Сенатъ. По его мнѣнію, проведеніе канала обошлось бы, примѣрно, въ 5½ мил. руб. банковыми асс., каковая сумма «превышаетъ способы финляндской казны». Комѣ того, каналы въ странѣ, гдѣ рѣки въ продолженіе 8 мѣсяцевъ въ году покрыты льдомъ, не принесутъ той пользы, какую приносятъ въ болѣе умѣренномъ климатѣ. Въ виду этого Сенатъ просилъ Его Императорское Величество повелѣть, «сдѣланное по сему предмету предположеніе оставить безъ дальнѣйшаго дѣйствія». Такого-же мнѣнія былъ и генераль-губернаторъ ⁴⁴⁹).

Дѣло оставалось безъ движенія до 1834 г., когда Выборгскій губернаторъ, т. с. Августъ Рамзай, сталъ настойчиво просить

кн. Меншикова объ осуществленіи проекта канала. Опять зашевелились около стараго вопроса. Комитетъ въ Гельсингфорсѣ сталъ изыскивать средства для грандіознаго предпріятія. Начались даже предварительныя техническія изысканія на мѣстѣ.

Въ 1839 г. Куопіоскій губернаторъ, во всеподданнѣйшемъ годовомъ отчетѣ, обратилъ вниманіе на пользу, могущую послѣдовать отъ прорытія Сайменскаго канала ⁴³⁰). Эти просьбы и напоминанія привели къ тому, что въ мартѣ 1841 г., Государь Императоръ, «желая споспѣшествовать финляндской промышленности и внутрен-

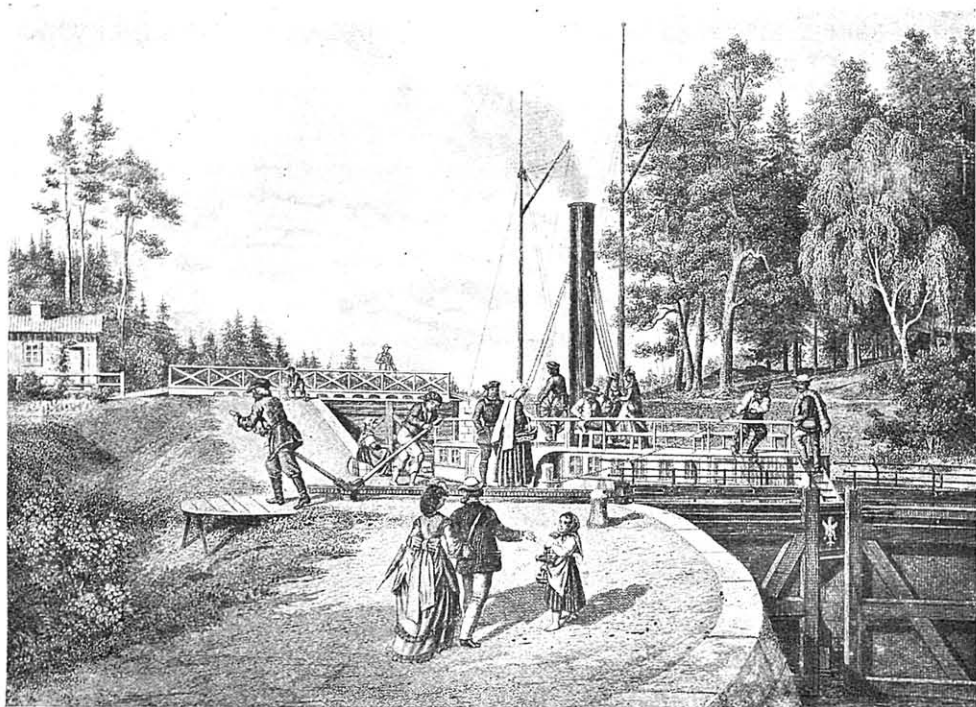

Карта и профиль Сайменскаго канала.

ней торговлѣ», повелѣлъ учредить два комитета: одинъ—для опредѣленія возможности открыть внутреннее сообщеніе между Гельсингфорсомъ и Або, прорытіемъ канала черезъ Гангеудскій, Поркалаудскій и Бромарскій мысы, а другой комитетъ—для изслѣдованія способовъ устройства канала между Саймой и Финскимъ заливомъ.

Въ это же время Снелъманъ въ своемъ изданіи «*Saima*» помѣстилъ рядъ статей на тему: «Каменный уголь и каналы сдѣлали Англію тѣмъ, что она есть». Въ сороковыхъ годахъ приходилось доказывать то, что въ наши дни считается аксіомой. Не забудемъ, что фізіократы, напримѣръ, признавали всѣ промыслы, кромѣ земледѣлія, бесплодными, не могущими умножить народнаго благосостоянія. Приходилось доказывать неизбежность торговли.

Противники прорытія канала ссылались на бѣдность Финляндіи, говорили, что каналъ принесетъ пользу исключительно прилегающимъ къ ней мѣстностямъ, что лѣса будутъ истреблены и т. п. — Снелъманъ упорно боролся съ подобными предрасудками. «Почему бы финны не могли надѣяться нѣкогда увидѣть на берегахъ своихъ озеръ блестящіе промышленные города, а окрестности ихъ—покрытыми обработанными полями?.. Жители Стокгольма едва-ли пред-

Шлюзъ на Сайменскомъ каналѣ у Юстила.

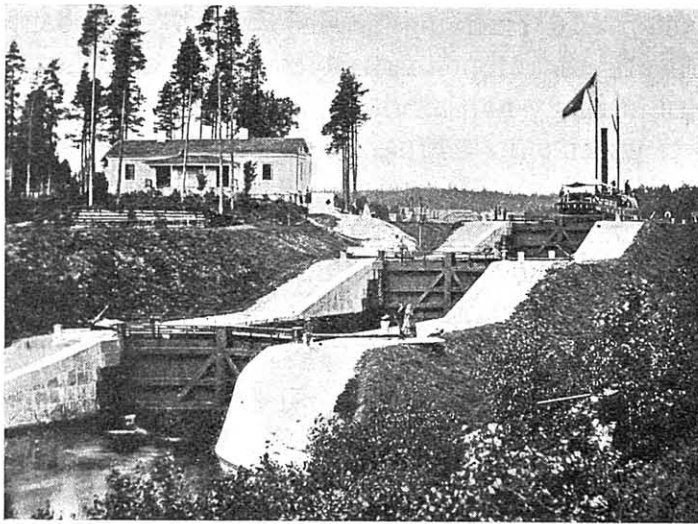
чувствовали, что черезъ сто лѣтъ по ихъ любимому Меларну будутъ бороздить отъ 30 до 40 пароходовъ» ⁴⁵¹).

9—21 сентября 1844 г. Государь, согласно отзыву генералъ-губернатора и внявъ мнѣнію Сената, утвердилъ проектъ сооруженія Сайменскаго канала, и повелѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ, считать на его расходы, примѣрно, 3 мил. руб.

«Извѣстіе о Высочайшемъ утвержденіи проекта Сайменскаго канала возбудило въ финляндскихъ Вашего Императорскаго Величества подданныхъ единодушное сочувствіе,—писалъ кн. Меншиковъ въ отчетѣ за 1844 годъ. Въ осуществленіи этой мысли, давно уже зародившейся въ ихъ понятіяхъ, но по дороговизнѣ предпріятія, дававшей лишь отдаленныя надежды исполненія, они увидѣли,

съ одной стороны, доказательство улучшеннаго состоянія финансовъ края, а съ другой—залогъ будущаго распространенія внутренняго благосостоянія и торговаго сближенія съ столицею Имперіи, и потому принявъ это, какъ знакъ особой Монаршей о нихъ попечительности, называютъ уже сей будущій каналъ Голубою лентою Финляндіи» ⁴³²).

Въ 1845 г. закипѣли работы. Руководилъ ими генер.-м. баронъ Карлъ фонъ-Розенкампфъ (р. 1793 г.). Изъ финляндцевъ приставили къ дѣлу капитановъ Вервинга, Вестлинга, Терне, Юлія Минквица и др. Карлъ Розенкампфъ былъ пріемнымъ сыномъ Гу-

Шлюзы Сайменскаго канала.

става фонъ-Розенкампфа, находившагося уже съ 1812 г. въ комитетѣ по финляндскимъ дѣламъ. Густавъ Розенкампфъ былъ опорой гр. Г. М. Армфельта въ его борьбѣ съ М. Сперанскимъ. Карлъ фонъ-Розенкампфъ отличался нравственнымъ характеромъ и большою любовью къ своему дѣлу. Онъ неустанно разъѣзжалъ по работамъ и пріобрѣлъ значительную популярность. Его круглое розоватое лицо всегда сіяло лаской и добротой.—Въ сентябрѣ 1846 г. умеръ «баронъ каналовъ» (Koski-panonі), какъ его прозвали въ народѣ. На докладѣ о его смерти Государь отмѣтилъ: «весьма жалъ! Кто его замѣнитъ»? Рѣшили пригласить изъ Швеціи полковника Нильса Эриксона, строителя Готскаго канала. Предстояло заключить съ нимъ контрактъ. Князь Меншиковъ, не склонный умножить политической переписки, указалъ, что бесполезно обсуждать

этотъ вопросъ съ стокгольмскимъ кабинетомъ; надо взглянуть на это, какъ на дѣло мѣстной финляндской администраціи, приглашающей лишь извѣстнаго спеціалиста (2—14 сент. 1845 г. къ Гартману отъ кн. Меншикова). Такимъ образомъ политическая сторона дѣла была устранена. Эриксонъ оставался душой огромнаго предпріятія до войны 1854 г. Онъ же ввелъ многія улучшенія въ первоначальный планъ канала.

Окончить постройку пришлось ген.-м. Классону Альфреду Шернвалю.

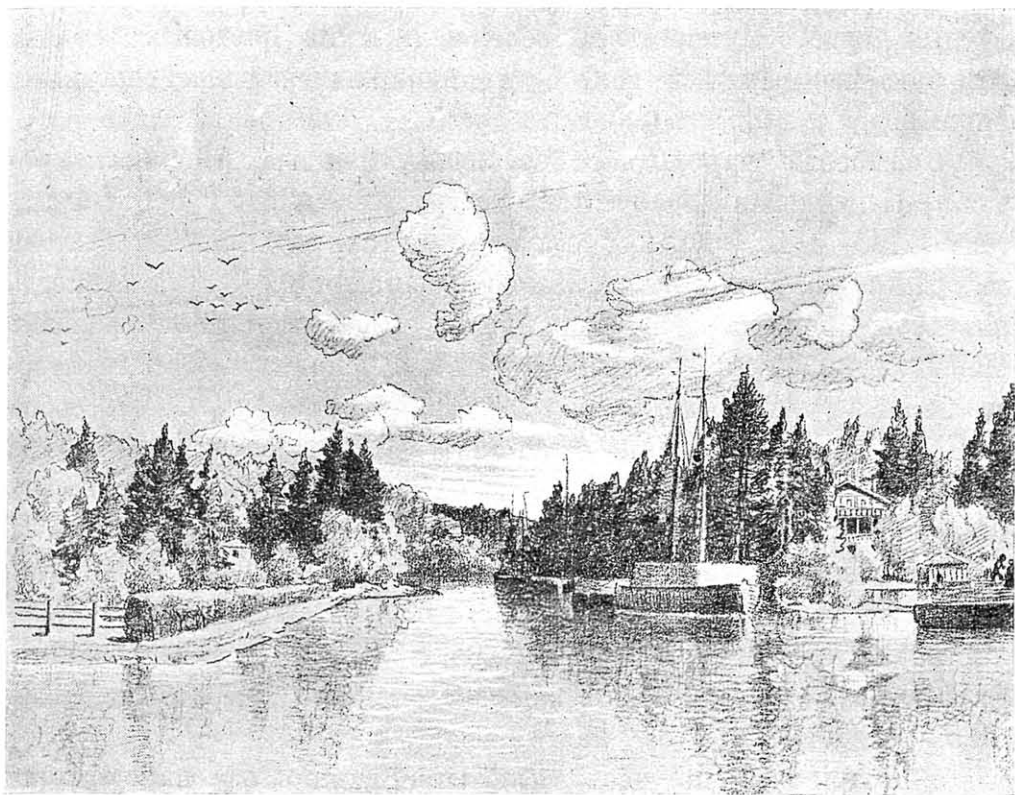
Въ 1847 г. князю Меншикову довелось ознакомиться съ работами и 8—20 іюля онъ писалъ изъ своего имѣнія Anjala барону Клинкострѣму «До сихъ поръ Небо намъ покровительствуетъ въ той мѣстности, въ которой нахожусь, хлѣба обильны и надежны. Я совершилъ поѣздку по Саймѣ и остался очень доволенъ трудами и господствующимъ административнымъ порядкомъ» ⁴³³). Въ Финляндіи, какъ всегда, кн. Меншиковъ былъ проѣздомъ: на этотъ разъ онъ отправлялся на смотръ эскадры около Гогланда.

Путешествуя по Финляндіи, кн. Эм. Голицынъ, попалъ на эти работы въ 1848 г. Тамъ, гдѣ въ 1843 г. былъ непроходимый лѣсъ,—писалъ онъ,—мы нашли прекрасную гостинницу. На его глазахъ проводили глубокую траншею въ твердомъ гранитѣ. Казалось, что подобныя работы должны были тянуться цѣлые вѣка. Князь Эм. Голицынъ видѣлъ бараки свеаборгскихъ арестантовъ, присланныхъ сюда для работъ. Ихъ было сто человѣкъ; они работали вмѣстѣ съ наемными крестьянами за одинаковую плату (30 коп. въ день). По прошествіи года присылалась новая партія арестантовъ. Для рабочихъ были устроены спальни, столовая, баня и лютеранская часовня. Два доктора наблюдали за ихъ здоровьемъ. Между бараками были разбиты садики со множествомъ цвѣтовъ. Рабочіе имѣли бодрый, довольный видъ и относились къ своему начальству совершенно свободно и дружелюбно. Нѣкоторымъ арестантамъ дали свободу за ихъ примѣрное поведеніе. Инженеры со своими семействами жили въ уютныхъ домикахъ. Во многихъ изъ нихъ путешественникъ нашель радушный пріемъ. «Я не зналъ, чему болѣе удивляться: гигантской-ли работѣ, или образцовому порядку и рѣдкому единодушію, съ какимъ она производилась» ⁴³⁴).

Верхняя часть канала была открыта 1-го іюля 1853 г.

Сайменскій каналъ—результатъ гигантской работы, чудо гидротехники. Приходилось работать и пороховъ, и молотомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каналъ высѣченъ въ гранитѣ. Онъ проходитъ шесть озеръ. Чтобы суда могли проходить свободно вверхъ и внизъ, потребовалось соорудить 28 шлюзовъ. Черезъ каналъ перекинута 13 чугунныхъ мостовъ. Весь водный путь остроумень по идеѣ, изященъ по виду, безукоризненъ по техническому исполненію. Каналъ—искусственная брешь, пробитая въ гранитной обо-

Сайменскій каналъ у Юстила.

лочкѣ, замыкавшій Сайменскій бассейнъ. Работа обошлась въ 12.381.800 мар. (3.095.456 р.).

Вѣковая борьба финна съ стихіями закалила его и сдѣлала его упорнымъ въ трудѣ. На работахъ Сайменскаго канала сказался этотъ вѣковой закалъ блестящимъ результатомъ. А финляндскіе инженеры проявили себя отличными спеціалистами и хозяевами: они строили дешево и прочно ⁴³⁵).

Естественными путями сообщенія въ Финляндіи всегда служили рѣки, безчисленные озера, проливы и, наконецъ, заливы Финскій и Ботническій. Волны извилистаго ихъ побережья давно

бороздили парусныя суда; на озерахъ и рѣкахъ были въ ходу гребныя лодки и парусныя шлюпки. По этимъ же внутреннимъ воднымъ артеріямъ сплавлялся въ изобиліи лѣсъ—главное богатство края. Рѣки края часто прерывались порогами, но заботливое правительство давно организовало специальное учрежденіе, для ихъ уничтоженія.

Главными средствами заграничнаго сообщенія служили парусныя суда. Путешествія совершались на почтовыхъ судахъ или такъ-называемыхъ пакетботахъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ.

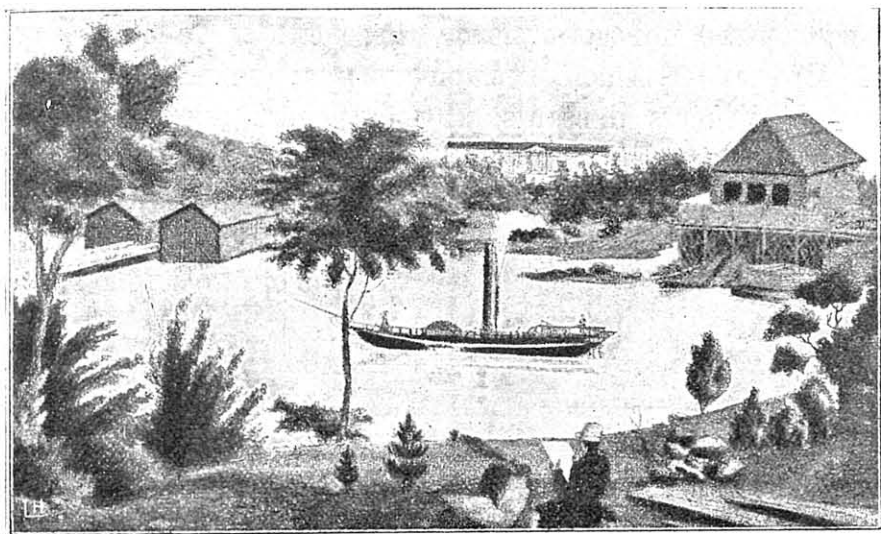
Колыбелью пароходнаго сообщенія явилась Америка. Уроженцу Пенсильваніи, доблестному и трудолюбивому Роберту Фультону (1765—1815) первому удалось примѣнить паровой двигатель къ судамъ. Хохотомъ встрѣтили соотечественники Фультона, когда онъ взомель на первый свой пароходъ; шарлатанствомъ называлъ Наполеонъ идею парохода; но насмѣшки скоро смѣнились восторгомъ, когда американцы увидѣли, какой грузъ увезло съ собой (1807 г.) пароходное судно «Клермонъ». Новое изобрѣтеніе быстро привилось и уже въ 1819 г. первый пароходъ переплылъ океанъ изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль.

Объ установленіи пароходнаго сообщенія между Стокгольмомъ и Петербургомъ, съ заходомъ въ Гельсингфорсъ, первымъ сталъ хлопотать въ маѣ 1830 г. стокгольмскій житель Овенъ.—Министръ финансовъ Канкринъ отвѣтилъ, что со стороны русскаго правительства препятствій къ этому не имѣлось ⁴³⁶).

Вниманіе финляндцевъ было привлечено къ пароходному строительству въ 1835 году. Въ февралѣ въ Або состоялось собраніе акціонеровъ по постройкѣ парохода. Акціи стоили по 200 р. «Съ удивительной охотой подписываются въ Або и въ цѣлой Финляндіи», удостовѣрилъ современникъ Е. В. Ивановъ. Въ Або образовалось общество парового судоходства, которое просило пожаловать ему исключительную привилегію на десять лѣтъ, для поддержанія пароходнаго сообщенія между финляндскими гаванями, Кронштадтомъ, Петербургомъ и Ревелемъ. Съ этимъ ходатайствомъ общество обратилось къ министру финансовъ. Гр. Е. Ф. Канкринъ запросилъ министра статсъ-секретаря, не будетъ ли просимая привилегія «противна правамъ портовыхъ городовъ Финляндіи». Препятствій не оказалось. Сенатъ поддержалъ ходатайство, но осторожный гр. Ребиндеръ, зная съ какими не-

удобствами соединены продолжительныя привилегіи, просилъ разрѣшить ее лишь на пятилѣтіе. Государь 29 мая—10 іюня 1835 г. надписалъ: «на шесть лѣтъ» ⁴⁵⁷).

Пока финляндцы строили свой первый пароходъ, гавань Гельсингфорса (30 мая н. ст. 1833 г.) посѣтилъ императорскій пароходъ «Ижора». На немъ пріѣхалъ кн. Меншиковъ, чтобы предупредить о скоромъ посѣщеніи Финляндіи императорской четой. Прибытіе перваго парохода въ Гельсингфорсъ составило эпоху въ его исторіи. Всѣ много уже слышали о пароходныхъ движеніяхъ, а теперь во-очію увидѣли новое чудо.

Пароходъ «Ильмариненъ».

Въ іюнѣ того же года «Ижора» прибыла вторично, имѣя на своей палубѣ Царя и Царицу.

Въ томъ же 1833 г. энергичный заводчикъ Н. Л. Арпе завелъ на озерѣ Саймѣ первый буксирный пароходъ ⁴⁵⁸).

Прошло три года. Впечатлѣніе, произведенное первымъ пароходомъ, вѣроятно, значительно изгладилось.

Былъ ясный теплый майскій день 1836 года. Въ лѣтописяхъ края онъ отмѣченъ тѣмъ, что въ гавань Гельсингфорса прибылъ шведскій пароходъ «Solide». Его встрѣтила несмѣтная толпа любопытныхъ: берегъ, площадь, гора обсерваторіи залиты были народомъ. Раздалось три выстрѣла: пароходъ стрѣлялъ изъ своихъ фалконетовъ. Когда пароходъ тихо причалилъ къ пристани, народъ, едва вѣря чуду, кричалъ ура. Пароходъ былъ не больше нынѣшнихъ

шхерныхъ, но достаточно великъ, чтобы тогда возбудить общее удивленіе. На переѣздъ изъ Стокгольма въ Або требовалось 30 часовъ и пассажиръ 1 класса платилъ за это разстояніе около 10 руб.

Въ 1837 г. два парохода «Storfursten» (Великій Князь) и «Furst Menschikoff» (Кн. Меншиковъ) Абоскаго Общества открыли рейсы между Стокгольмомъ и Петербургомъ. «Storfursten» былъ построенъ въ Лондонѣ изъ дуба и обшитъ мѣдью. Съ какимъ любопытствомъ его осматривали, какую онъ пробудилъ гордость и сколько возлагалось на него надеждъ! Имъ командовалъ старый суровый морякъ Палѣнъ; его механизмомъ (80 лошадиныхъ силъ) завѣдывали два англичанина. Много было на немъ совершенно увеселительныхъ поѣздокъ между Ревелемъ и Гельсингфорсомъ. Гостей встрѣчали музыкой, имъ кричали ура, для нихъ устраивались балы или *déjeûners dansants*. Подобныя поѣздки очень сблизили Ревель съ Гельсингфорсомъ.

Пароходъ «Furst Menschikoff» былъ построенъ въ Або, а машины установлены въ Швеціи, онъ имѣлъ осадку въ 8 футъ и длину 120 ф. Его пробный рейсъ, совершенный въ концѣ октября 1836 г., имѣлъ характеръ общенароднаго праздника ⁴⁵⁹).

Въ 1837 г. Общество пароходства въ Або хлопотало объ освобожденіи своихъ пароходовъ отъ платежа возвышенной таможенной пошлины, за перевозимые товары и отъ взносовъ лоцманскихъ и маячныхъ податей. Такія-же льготы, въ видахъ взаимности, вынуждены были дать шведскому пароходу «Solide» ⁴⁶⁰).

По окончаніи навигаціи 1837 г. оказалось, что два парохода «Великій Князь» и «Князь Меншиковъ» выручили 96 т. р., а расходъ не превысилъ 44 т. р., слѣдовательно, чистой прибыли было 52 т. р. (Е. Ивановъ).

На слѣдующій (1838 г.) годъ возникло новое акціонерное пароходное общество—транспортированія сельскихъ произведеній и скота изъ Финляндіи въ Петербургъ. Финляндской казной ему была дана безпроцентная ссуда въ 50 т. р. ассигн. ⁴⁶¹).

Въ видахъ единства въ морскомъ дѣлѣ, правила, установленныя Правительствующимъ Сенатомъ (въ янв. 1849 г.), объ употребленіи цвѣтныхъ огней, были распространены на Финляндію ⁴⁶²).

Несмотря на то, что Абоскому пароходному обществу въ 1841 г. дали ссуду въ 70 т. р. с. на льготныхъ условіяхъ, дѣла общества настолько пошатнулись, что у него не было остатковъ для уплаты займа и раздачи дивиденда, почему ему вновь пришлось

прибѣгнуть къ помощи правительства. Сенатъ поддерживалъ предпріятіе въ виду того, что оно облегчало «тѣсныя и благопріятныя сношенія со столицею Имперіи» и само по себѣ являлось общепользынымъ ⁴⁶³).

Кромѣ «Стурфурстенъ» и «Фурстъ Меншиковъ» между Петербургомъ и Стокгольмомъ сталъ ходить изящный пароходъ «Финляндія», переименованный потомъ въ «Викторію». Послѣ нѣсколькихъ убыточныхъ годовъ «Викторія» покинула край.

Въ то время Гельсингфорсъ почти ничего не вывозилъ и ничѣмъ не промышлялъ. Это былъ городъ «истребляющаго чиновничества и ввозящихъ купцовъ». Вывозъ состоялъ почти исключительно изъ

Свеаборгъ 1844 г. Карт. Круговихина.

нѣсколькихъ грузовъ закупленныхъ на рынкѣ балоковъ и руками распиленныхъ досокъ. Промышленность находилась на той же примитивной точкѣ. Табачная фабрика Боргстрема только что начинала свою дѣятельность, старый сахарный заводъ Киселева въ Теле былъ незначителенъ, пивоварня Синебрюхова представлялась совершенно ничтожной въ сравненіи съ теперешнимъ грандіознымъ сооруженіемъ, верфь Линдберга, обойная фабрика Сундмана, вотъ и все, что можно упомянуть,—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ А. Рамзай ⁴⁶⁴).

Въ 1849 г. абоскій купецъ І. Фалькенъ, купивъ «съ публичнаго торговаго» пароходы «Стурфурстенъ» и «Фурстъ Меншиковъ», обратился къ Сенату о дарованіи новому обществу нѣкоторыхъ льготъ. Просьба была уважена ⁴⁶⁵).

Въ 1851 г. Его Величество изволилъ изъ Русскаго Государственнаго Казначейства, на пособіе для открытія пароходныхъ

сообщеній, безвозвратно отпустить 200 тыс. рубл. (Записка В. П. Степанова).

Въ 1852 г. въ г. Любекѣ возникло «Финляндско-Любекское общество пароходства». Оно поддерживало сообщеніе между Любекомъ, Або и Гельсингфорсомъ. Государь, разрѣшая его, приписалъ: «но съ строжайшимъ наблюденіемъ за прїѣзжими» ⁴⁶⁶).

Одновременно съ большими пароходами появились и паровыя шлюпки, которыя много способствовали прелести дачной жизни и облегчили мѣстное движеніе въ окрестностяхъ главныхъ городовъ ⁴⁶⁷).

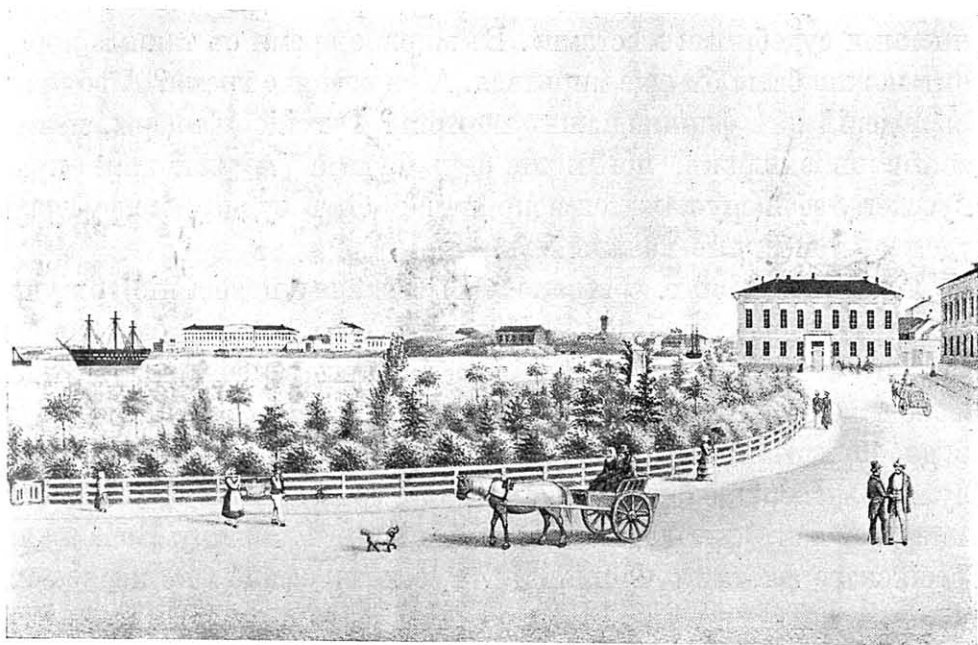
А. А. Закревскій, обративъ вниманіе на нравы, промыслы и занятія финляндцевъ, замѣтилъ ихъ особую склонность къ мореходству и судостроенію. Изъ этихъ особенностей населенія ему желательно было извлечь пользу для Имперіи. Ростъ русскихъ владѣній и распространеніе русской торговли требовали увеличеніе военнаго флота. Какъ отличныхъ мореходцевъ, финляндцевъ надлежало, по его мнѣнію, предпочтительно использовать для нуждъ морского ополченія, какъ это дѣлали шведы въ свое время. Такимъ образомъ возникла мысль объ учрежденіи финскаго флотскаго экипажа, который долженъ былъ состоять въ вѣдѣніи русскаго морского начальства въ Финляндіи.

Людей можно было набрать отчасти призывомъ на службу ботсмановъ, отчасти вербовкою. По поселенной системѣ, введенной еще королемъ Карломъ XI, ботсманы должны были составлять «морское войско». Они жили въ прибрежныхъ гейматахъ. Нѣсколько гейматовъ составляли руте, которое обязано было выставять одного вооруженнаго и обмундированнаго ботсмана. Службу они несли въ лѣтніе мѣсяцы, удобные для плаванія, получая провіантъ отъ казны. Ботсмана вѣдали судами, парусами и снастями; для артиллеріи обычно пріучали вербованныхъ.

Свои соображенія о финскомъ морскомъ экипажѣ, генераль-адъютантъ Закревскій представилъ на Высочайшее воззрѣніе и, получивъ принципиальное ихъ одобреніе, онъ 12 ноября 1828 г. сообщилъ о нихъ подлежащимъ финляндскимъ учрежденіямъ. Чтобы не обременять населенія, онъ предлагалъ одновременно упразднить два сухопутныхъ стрѣлковыхъ баталіона. Сенату надлежало «учинить разсужденіе и представить свое заключеніе». Чтобы подгото-

вить молодыхъ финляндцевъ къ морской службѣ, повелѣно было открыть для нихъ 4 вакансіи ежегодно въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

Въ октябрѣ 1829 г. Сенатъ представилъ свои соображенія объ удобнѣйшихъ способахъ сформированія экипажа. «Земскихъ матросовъ» во всей Финляндіи оказалось только 454 чел. Наборъ ихъ въ шхерахъ представилъ бы большія затрудненія. Такъ какъ ихъ давно уже не призывали на морскую службу, то они принялись за обработку земли, облѣнились, «нерадивы и малодушны на морѣ»,

Казармы финскаго флотскаго экипажа. Видъ съ Елизаветинской площади.
Гельсингфорсъ 40-хъ годовъ.

почему даже шведское правительство, во время войны 1790 года, назначало ихъ въ разныя работы, прислужой на кухни и т. п. Въ виду этого, Сенатъ просилъ разрѣшеніе прибѣгнуть къ добровольной вербовкѣ, подъ названіемъ «найма матросовъ» на 6 лѣтъ. На должности рулевыхъ и марсовыхъ матросовъ имѣлось въ виду взять опытныхъ людей изъ пѣхотной службы, болѣе обученныхъ и дисциплинированныхъ. Вербовка очистила бы вмѣстѣ съ тѣмъ Финляндію отъ «многихъ праздношатающихся рядовыхъ изъ распускаемыхъ баталіоновъ».

Нужно было еще достать военное судно съ вооруженіемъ и принадлежностями. Сенатъ ходатайствовалъ, чтобы адмиралтейство

изъ своихъ запасовъ и на свой счетъ снарядило судно и содержало его ремонтъ.

Труднѣе всего было набрать первый комплектъ офицеровъ. Ихъ требовалось 30 человѣкъ. Въ русскомъ флотѣ въ то время нашлось лишь три офицера изъ финляндцевъ. Оставалось обратиться къ финскимъ стрѣлковымъ баталіонамъ и къ отставнымъ. Кромѣ того, рѣшили взять изъ русскаго флота командира экипажа и одну треть офицеровъ, давъ имъ финляндское жалованье.

Запросили еще мнѣнія начальника морского штаба. Онъ указалъ на неудобства «отправленія судопроизводства по экипажу финскими судебными мѣстами». Въ мирное время съ такимъ порядкомъ можно было бы еще мириться. А въ военное время? А во время нахождения вѣ финляндскихъ портовъ? Русскіе офицеры, переведенные въ экипажъ, могли ли быть судимы по законамъ края? «Русскому офицеру кажется неприлично быть судиму не русскимъ судомъ», прибавилъ начальникъ.

12 апрѣля 1830 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи, по упраздненіи двухъ финскихъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, морского экипажа въ Финляндіи изъ однихъ вербованныхъ людей. Вербовка поручена была ротнымъ командирамъ. Брали людей отъ 25 до 40 лѣтняго возраста. За неимѣніемъ опытныхъ въ морской службѣ офицеровъ въ «финской націи», третью часть ихъ взяли изъ императорскаго флота. Экипажъ подчинили Главному Начальнику Россійскаго флота въ Финляндіи. Русскихъ офицеровъ и русскихъ нижнихъ чиновъ приказано было судить по законамъ Имперіи ⁴⁶⁸).

Прошло 8 лѣтъ. Командиръ 1 Финскаго Флотскаго Экипажа, капитанъ 1 ранга маркизъ Александръ Траверсе, донесъ, что унтеръ-офицеры вовсе не знаютъ русскаго языка, отчего происходятъ большія затрудненія. Постановлено было нанять учителя русскаго языка съ тѣмъ, чтобы онъ-же въ нужныхъ случаяхъ являлся переводчикомъ ⁴⁶⁹).

Настало тяжелое время для морского экипажа. Не имѣя собственныхъ судовъ, какъ начальство, такъ и матросы не производили практическихъ занятій. Круглый годъ имъ приходилось нести вахтенную службу въ Свеаборгѣ, гдѣ первые годы расположенъ былъ экипажъ ⁴⁷⁰).

Единственнымъ источникомъ, изъ котораго можно узнать кое-что о жизни и службѣ экипажа, является записка Кузнецова. Въ 1837 г. адмиралъ Д. И. Кузнецовъ провелъ зиму въ Гельсинг-

форсѣ и узналъ, что команда корабля «Полтава» и офицеры помѣстились, какъ и въ 1834 г., въ абоскихъ казармахъ.

«Въ Гельсингфорсѣ командиръ финскаго экипажа, капитанъ 1-го ранга Нордманъ, предложилъ Кузнецову командовать фрегатомъ финскаго экипажа «Мельпомена»; Кузнецовъ согласился».

13-го февраля 1845 г. Кузнецовъ на этомъ фрегатѣ отправился изъ Ревеля въ Гельсингфорсѣ. «Нижніе чины фрегата—ни слова по-русски, и я ни слова по-фински и шведски. Офицеры всё говорятъ по-русски, и на верху всё командныя слова по-русски.... Команда «Мельпомены»,—прибавляетъ Кузнецовъ,—хороша и офицеры знающіе».

Въ 1847 г. «наши финскіе экипажи—корабль и фрегатъ—поступили въ составъ эскадры, назначенной въ крейсерство въ Нѣмецкое море, подъ флагомъ вице-адмирала И. П. Епанчина. Это на 13-й годъ службы «Лейпцига» и «Мельпомены», почему они были уже съ признаками гнилости; но мы просились и были назначены»...

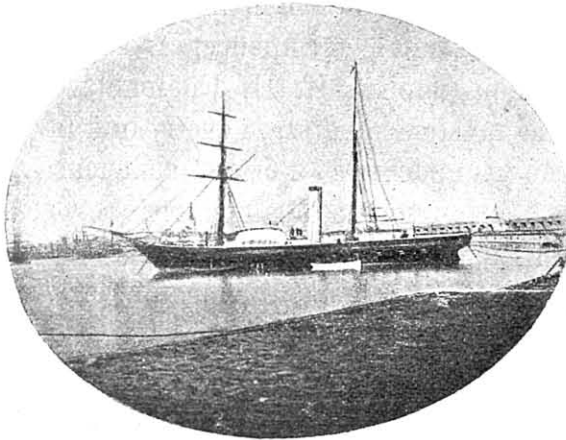
Въ 1848 г. «Мельпомену» назначили на брандвахту въ Свеаборгъ. Начальникъ 3-й дивизіи Епанчинъ 2-й, по приходѣ въ Свеаборгъ, объявилъ мнѣ одному очень туманное приказаніе, что въ случаѣ политическихъ безпокойствъ въ Гельсингфорсѣ я долженъ буду дѣйствовать своею артиллеріею по финнамъ. Тогда было тревожное состояніе во всей Европѣ, но въ Гельсингфорсѣ было спокойно, какъ и во всей Финляндіи»... Холера сильно дала себя знать въ финскомъ экипажѣ ⁴⁷¹).

Финскій экипажъ—или 27 флотскій экипажъ—сталъ ходить въ морскія кампаніи, но у него все еще не было для этого надлежащихъ правилъ и только въ 1852 г. кн. Меншиковъ приказалъ составить сводъ изъ тѣхъ правилъ, которыя для подобныхъ случаевъ существовали въ Россійскомъ флотѣ ⁴⁷²). Не было у него и собственнаго корабля. Наконецъ, 6—18 мая 1848 г. генералъ-адъютантъ кн. Меншиковъ сообщилъ Сенату, что Государь разрѣшилъ употребить финансовыя избытки на постройку для финскаго экипажа военнаго парохода въ 400 силъ. Составили проектъ парохода-фрегата и поручили его постройку Абоской верфи, подъ наблюденіемъ за технической частью контръ-адмирала Шанца. Вышее же завѣдываніе дѣломъ оставалось въ рукахъ начальника Хозяйственнаго Департамента Л. фонъ-Гартмана.

Въ 1853 г. пароходъ «Рюрикъ» былъ готовъ. Онъ обошелся въ 326½ т. р. Но его неожиданно предписано было, подъ кви-

танцію, сдать капитану 2-го ранга Шеле, назначенному его командиромъ. Пароходъ отчислили отъ Финскаго экипажа. Въмѣсто него имѣлось въ виду передать въ Финскій экипажъ пароходъ «Олафъ», построенный въ Гельсингфорсѣ, или возвратить сумму, затраченную на постройку «Рюрика», или же, наконецъ, въ замѣнъ его заложить другой, съ болѣе простой внутренней отдѣлкой. «Рюрикъ», устроенный въ видѣ яхты, отличался изящной простотой, почему его предположено было употребить преимущественно для придворной службы Особѣ Императорской Фамиліи. Всѣ, участвовавшіе въ его постройкѣ, получили награды ⁴⁷³).

Л. Гартманъ, какъ наблюдавшій за всѣмъ дѣломъ, есте-

Пароходъ—фрегатъ «Рюрикъ». Построенъ въ 1852 г. въ г. Або.

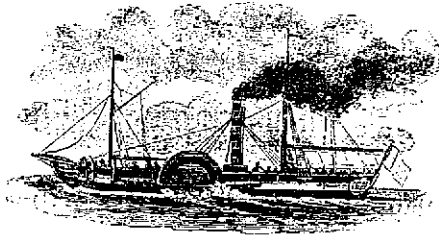
ственно приписалъ себѣ часть достигнутаго хорошаго результата и, не будучи награжденъ, счелъ себя обойденнымъ, тѣмъ болѣе, что вся слава выпала на долю Шанца. Кто заботится о муравьѣ, который молча работаетъ, восклицаетъ онъ съ чувствомъ уязвленнаго самолюбія (12—24 іюня 1853 г.). Видя, что дѣло съ «Рюрикомъ» приняло столь не-

ожиданный оборотъ, онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы финляндская казна не понесла убытка и деньги, затраченные на постройку, вернули Финляндіи въ теченіе трехъ лѣтъ. «Боюсь,—читаемъ въ письмѣ Гартмана къ графу Ал. Армфельту,—чтобы обмѣнъ этотъ не привелъ современемъ къ затрудненіямъ; утѣшаюсь мыслию, что ваше сіятельство сумѣете устроить это дѣло такъ, чтобы, соблюдая исключительные и промышленные интересы Финляндіи доказать Государю, насколько страна подчиняется Его желаніямъ, Его волѣ» (13—25 іюля 1855 г.).

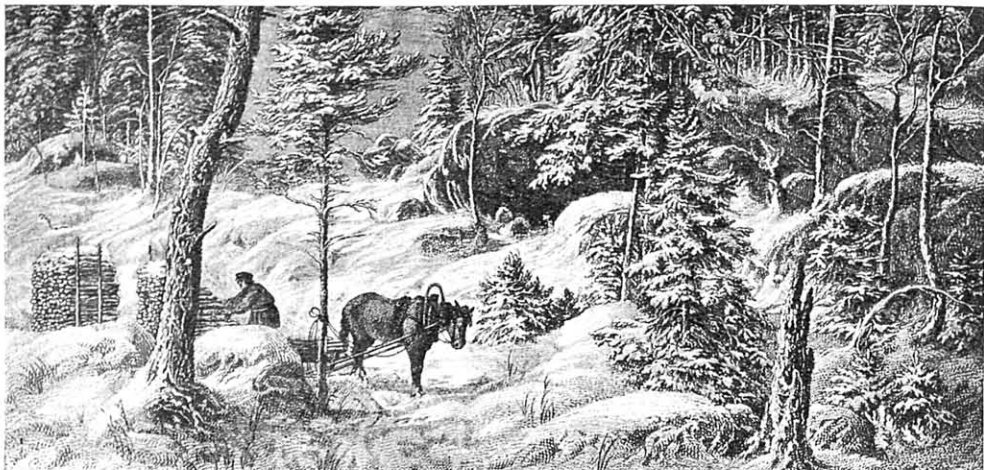
Въ это же время былъ поднятъ вопросъ объ учрежденіи втораго экипажа. «Дѣло объ образованіи новаго финскаго экипажа,—писалъ Фишеръ князю Меншикову,—остановилось съ вашимъ отъѣздомъ, такъ какъ никто кромѣ меня не знаетъ, что вы думали сдѣлать. У меня все готово, но некому

провѣрить и доложить Государю» ⁴⁷⁴). «Государь предполагаетъ, что 2-й финскій экипажъ формируется... Государю непріятно будетъ узнать, что онъ ошибся».

Къ счастью, дѣло двинули и второй финскій экипажъ былъ сформированъ, а на слѣдующій (1853 г.) годъ его переименовали въ 28 флотскій экипажъ и къ нему причислили пароходъ «Олафъ». Съ учрежденіемъ 2-го финскаго флотскаго экипажа, потребовалось, къ прежнимъ четыремъ, открыть въ Морскомъ Корпусѣ еще двѣ вакансіи для финляндскихъ уроженцевъ ⁴⁷⁵).

Видъ парохода 1840-хъ годовъ.

Въ лѣсу.

VI. Выборгская губернія.

Возвращенія Выборгской губерніи къ Финляндіи добивались еще анъяльскіе мятежники при Екатеринѣ II, но Императрица отвѣтила, что оно не согласуется съ пользою Россіи. Въ 1811 г., вслѣдствіе настойчивыхъ домогательствъ Г. М. Армфельта и попустительства М. М. Сперанскаго, Выборгская губ. была присоединена къ Новой Финляндіи. Въ политическомъ отношеніи шагъ этотъ оказался крайне неудачнымъ и сразу возбудилъ острое недовольство русскихъ патріотовъ. Генераль Логинъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ удивлялся, какъ наше правительство могло довѣрять вчерашнему измѣннику и наперснику Густава III—Армфельту. Въ глазахъ Голенищева-Кутузова Армфельтъ представлялся «змѣею, которую Россія пріютила у себя въ утробѣ, чтобы этой змѣей быть разорванной на части». Встрѣтивъ тогда-же Сперанскаго на Адмиралтейскомъ бульварѣ, Голенищевъ-Кутузовъ до такой степени вознегодовалъ на него, что подумалъ, «какъ это не находится человѣкъ, который бы пустилъ пулю въ лобъ этому молодцу»... Ф. Ф. Вигель называлъ отдѣленіе Выборгской губ. «измѣной» Россіи.

Въ 1814 г., сообщая гр. В. Ф. Васильеву слухъ, что къ герцогству Варшавскому будутъ присоединены Литва, Подолія и другія части, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ замѣтилъ: «кажется, по законамъ нашимъ кореннымъ, родовое имѣніе отдавать нельзя»,

и затѣмъ продолжалъ: «хотять законовъ, а начинаютъ посягательствомъ на уже существующіе. Герцогство Варшавское должно существовать, какъ оно есть, безъ приращенія и должно управляться русскимъ и на русскій образецъ (*à la russe*), но составлять отдѣльную часть.... Сохрани Богъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, производить раздробленіе Россіи. Къ несчастію, въ Финляндіи мы уже совершили нѣчто подобное, являющееся дѣломъ смѣшнымъ въ немалой степени. Какая слава для насъ, что то, что не могъ сдѣлать непріятель, мы сдѣлали сами; это исторія пеликана наизнанку (*c'est l'histoire de pélican à rebours*). Такимъ образомъ оказывается, что иногда пародіи нравятся болѣе, чѣмъ оригиналы» ⁴⁷⁶).

Когда Августѣйшіе братья Константинъ и Николай переписывались по вопросу о польской конституціи, первый, въ подтвержденіе своихъ мыслей, сослался на примѣръ Финляндіи. Рѣчь зашла о желаніи поляковъ получить отошедшія отъ Польши провинціи. «Эти господа (т. е. поляки),—писалъ Константинъ Павловичъ,—видятъ, что Старая Финляндія была присоединена къ Новой, а не Новая къ Старой; теперь спрашиваю я васъ, какъ хотите вы, чтобы подобный примѣръ не вскружилъ имъ голову? Поляки питаютъ такую-же надежду». Мысль эта повторена у Константина Павловича трижды.—Когда Ф. П. Опочининъ прочелъ Государю это мѣсто письма великаго князя, Николай Павловичъ пожалъ плечами и сказалъ: «ахъ». Узнавъ это, Константинъ отвѣтилъ: «хотя этотъ «ахъ» весьма справедливъ, но поляки, имѣя передъ своими глазами примѣръ Финляндіи, какой давать имъ отвѣтъ, когда выставляютъ на видъ оный». Но Государь твердо стоялъ на томъ, что Литва—русская провинція и не находилъ возможности ея соединенія съ Польшею, «потому что это значило бы посягать на цѣлость территоріи Имперіи,—примѣръ того, что было испробовано съ Выборгскою губерніею, влечетъ уже за собою до того важныя неудобства, что возможно возвращеніе ея къ Имперіи въ собственномъ смыслѣ слова». (*Exemple qui a été pour le gouvernement de Wibourg et qui entraîne déjà de graves inconvénients, au point qu'il est possible qu'il retourne à l'empire proprement dit*) ⁴⁷⁷).

На эти неудобства ранѣе другихъ обратилъ вниманіе гр. Ребиндеръ. Онъ замѣтилъ настроеніе русскихъ сановниковъ, владѣвшихъ обширными жалованными землями въ Выборгской губерніи.

Онъ зналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ вліяніе при Дворѣ и, опасаясь, чтобы Выборгская губернія не обратилась въ тотъ «утесь», о который можетъ разбиться финляндская самостоятельность, поспѣшилъ въ 1822 г. съ представленіемъ объ отдѣленіи Карелии отъ Княжества Финляндскаго. Но представленіе это при жизни Александра I «осталось въ бездѣйствіи», какъ выразился Закревскій.

Въ новое царствованіе неразрѣшенный вопросъ былъ возбужденъ по личному усмотрѣнію Николая Павловича, кажется, безъ просьбъ и напоминаній со стороны Ребиндера.—Исполняя желаніе Государя, гр. Ребиндеръ представилъ Его Величеству свою записку черезъ Комиссію Финляндскихъ дѣлъ. Императоръ повелѣлъ передать ее на разсмотрѣніе Финляндскаго Сената, что и было 14—27 декабря 1826 г. исполнено генералъ-губернаторомъ Закревскимъ. Сенату надлежало представить свой отзывъ о томъ, «поскольку и какимъ образомъ можетъ быть приведено въ исполненіе все изложенное въ помянутомъ представленіи».

Въ запискѣ, представленной Государю графомъ Ребиндеромъ въ 1826 году, а затѣмъ переданной въ Сенатъ, говорилось о необходимости отдѣленія отъ Финляндіи трехъ Кексгольмскихъ уѣздовъ, а также приходовъ Кивинеббъ, Мола и Валькьярви изъ уѣзда Эйропя (Eugärä härad) ⁴⁷⁸).

Графъ оговаривается, что не осмѣлился положиться на свое собственное мнѣніе и если онъ тѣмъ не менѣе дерзнулъ приблизиться къ трону со своимъ заявленіемъ, то сдѣлалъ это потому, что его предложеніе стоитъ въ согласіи съ желаніемъ его земляковъ, генералъ-губернатора и другихъ лицъ, извѣстныхъ своей преданностью Его Величеству.

Мотивируя свое ходатайство, гр. Ребиндеръ указывалъ на то, что соединеніе Выборгской губерніи съ остальной Финляндіей не имѣло одинаково благотворнаго значенія для всѣхъ ея отдѣльных частей. Измѣненія въ управленіи губерніей вызвало извѣстное неудовольствіе—это предвидѣли и это неизбѣжно, пока населеніе не ознакомилось съ новымъ строемъ. Но чего не предусмотрѣли—это раздраженія общества и недовольства какъ землевладѣльцевъ, такъ и крестьянъ. Кромѣ того, обнаружился разладъ между представителями правительственныхъ и мѣстныхъ учреждений. На почвѣ Выборгской губерніи столкнулось множество исключających другъ друга интересовъ, что дѣлаетъ управленіе ея особенно

обременительнымъ и изъ создавагося положенія нѣтъ иного выхода, кромѣ великодушнаго намѣренія Вашего Величества.

Въ свое время присоединеніе Выборгской губерніи къ остальной Финляндіи было произведено съ такой поспѣшностью, что трудно было найти нужное число пригодныхъ чиновниковъ.

Современное положеніе явилось результатомъ дѣйствующихъ законовъ, управляющихъ лицъ, мѣстоположенія губерніи, смѣси населенія, не могущаго слиться во едино, и другихъ причинъ, неотдѣлимыхъ отъ особенностей мѣстности.

Въ Выборгской губерніи нѣтъ единого населенія, которое въ новомъ строѣ жизни обрѣло бы духъ своихъ древнихъ законовъ, обычаевъ и нравовъ. Для мѣстныхъ нѣмцевъ современный шведскій порядокъ управленія не представляетъ ничего привлекательнаго. Карелы трехъ Кексгольмскихъ уѣздовъ, которые въ 1617 г. по Столбовскому договору отошли къ Швеціи, по обычаямъ, языку и религіи ближе къ русскимъ, чѣмъ къ своимъ сосѣдямъ финнамъ. Позже другихъ подпавъ подъ власть Швеціи, они ранѣе другихъ были возвращены подъ господство Россіи. Дѣйствующіе нынѣ въ Финляндіи законы и постановленія имъ совершенно неизвѣстны и менѣе всего соотвѣтствуютъ ихъ характеру. Кромѣ того, во времена шведскаго владычества карелы никогда не пользовались преимуществами, которыя дарованы были прочимъ обывателямъ Финляндіи. Эти отличія и географическая близость Кареліи къ границѣ Имперіи создавали тѣ значительныя трудности, съ которыми приходится бороться новому правленію Выборгской губ. Инымъ представляется остальная часть Выборгской губерніи: ее населяютъ финны, всегда раздѣлявшіе одинаковую участь съ своими земляками Новой Финляндіи; у нихъ и законы, и привилегіи были одинаковы.

Между карелами и финнами гораздо менѣе сходства, чѣмъ между финнами и инграми. Карелы и ингры никогда не получали полной организаціи на шведскій ладъ. Такимъ образомъ, въ Кареліи шведское законодательство не было приноровлено къ понятіямъ и правамъ народа. Въ Кареліи не производилось ни взиманія налоговъ, ни отбыванія повинностей, ни обоброченія земель, ни генеральнаго размежеванія общихъ лѣсовъ, тогда какъ въ остальныхъ мѣстахъ Старой Финляндіи все это было осуществлено. Шведское правительство смотрѣло на территорію Кареліи, какъ на непосредственную принадлежность казны, и распоряжалось ею на-

равнѣ съ прочими казенными имуществами. Крестьяне совершенно не имѣли правъ собственности на обрабатываемую ими землю и облагались оброкомъ по произволу тѣхъ, кому отдавали земельныя угодья или въ аренду, или въ видѣ жалованныхъ имѣній. Такой порядокъ существовалъ до редукціи Карла XI, когда земли вновь отошли къ казнѣ.

Съ переходомъ къ Россіи Выборгской губерніи, въ ней образовались имѣнія, принадлежація русскимъ, и создались казенныя учрежденія, подчиненныя разнымъ министерствамъ въ Имперіи. И имѣнія, и учрежденія управлялись въ большинствѣ случаевъ лицами, совершенно не понимавшими языка мѣстнаго дѣлопроизводства. Въ то же время дѣловыя отношенія сталкивали ихъ съ мѣстными властями, не разумѣвшими русскаго языка. Это крупное неудобство неустранимо. Но что еще хуже—указанное различіе въ языкѣ вело къ многочисленнымъ взаимнымъ недоразумѣніямъ и предупрежденіямъ, нареканіямъ и даже распрямъ.

Вейнемейснеръ.

Русскими въ губерніи,—кромѣ чиновниковъ правительственныхъ учрежденій, землевладѣльцевъ, ихъ управляющихъ и ихъ прислуги,—являлись еще: православное духовенство, городскіе обыватели и многіе другіе. Да и самый народъ, который вообще понимаетъ и нерѣдко говоритъ по-русски, значительно болѣе свыкъся съ порядками русскаго, нежели финскаго управленія. Можно утверждать,—прибавляетъ гр. Ребиндеръ,—что только примѣрно двѣнадцать пасторовъ лютеранскихъ приходовъ и ихъ помощники, да полицейскіе чиновники понимаютъ сколько нибудь мѣстные законы, а между тѣмъ практическое ихъ достоинство зависитъ отъ ихъ сходства съ понятіемъ и правами народа, обязаннаго пользоваться этими законами.

Вѣчнымъ поводомъ къ недоразумѣніямъ между помѣщиками и властями будетъ служить еще вопросъ объ отношеніяхъ къ землѣ, вопросъ спорный и до сихъ поръ не разрѣшенный. Никакое рѣшеніе земельного вопроса не въ состояніи удовлетворить обѣ стороны. Донатаріи всегда будутъ упрекать финляндцевъ въ желаніи лишить

ихъ пожалованныхъ земель. По мнѣнію гр. Ребиндера, отъ присоединенія Кареліи ни финляндская казна, ни финляндская промышленность не извлекли никакихъ выгодъ. Изъ пустого тщеславія финляндцы не пожелаютъ раздвинуть своей территоріи за ея естественныя границы, указанныя родствомъ въ языкѣ, обычаяхъ и нравахъ. «Мы желаемъ—повторяютъ они,—только одного—жить у себя спокойной и счастливой жизнью, подъ охраной законодательства, которое мы любимъ, какъ наслѣдіе своихъ отцовъ»...

Карелія расположена вблизи столицы государства и Ладожскаго озера, воды котораго почти непосредственно сообщаются съ С.-Петербургомъ и омываютъ берега двухъ русскихъ губерній. Указанное мѣстоположеніе, столь выгодное для внѣшней торговли Кареліи, какъ бы наглядно связываетъ эту мѣстность съ одной изъ названныхъ губерній. Уже въ теченіе цѣлаго столѣтія карелы привыкли возить свои продукты на продажу въ столицу и оттуда получать все необходимое для ихъ нуждъ. Въ настоящее время, входя въ составъ Финляндіи, отдѣленной отъ Имперіи цѣпью таможенныхъ учрежденій, они невольно вынуждены испытывать въ своей торговлѣ стѣсненія, которыхъ прежде не знали и на которыхъ должны, слѣдовательно, не мало жаловаться.

Съ другой стороны, весьма многія изъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній неблагопріятны для развитія промышленности въ Кареліи, которая во многихъ отношеніяхъ отличается отъ остальныхъ провинцій, такъ что, строго говоря, все способствуетъ нерасположенію ея жителей къ введеннымъ у нихъ новымъ порядкамъ. И мы убѣждены въ томъ, что если бы дѣло зависѣло отъ ихъ личнаго выбора, то большинство изъ нихъ предпочло бы видѣть свою страну скорѣе соединенной съ Имперіей, нежели составляющей часть Финляндіи и подчиненной ея мѣстной администраціи.

По этимъ основаніямъ, было-бы желательно отдѣлить отъ Финляндіи три Карельскихъ уѣзда и приходы Кивинеббъ, Мола, и Валькъярви Эйрепэскаго уѣзда (Eugärä härad), съ присоединеніемъ ихъ къ смежнымъ губерніямъ С.-Петербургской и Олонецкой. Три послѣднихъ прихода встарину входили въ составъ Кареліи; кромѣ того, какъ самое расположеніе ихъ, такъ и другія мѣстныя причины требуютъ, чтобы они одновременно съ Кареліей были отдѣлены отъ Финляндіи: Кивинеббскій приходъ въ настоящее время образуетъ собою часть земли (domanialgods), принадлежа-

щей Сестрорѣцкому оружейному заводу; приходъ Мола въ большей части своей населенъ русскими и, наконецъ, приходъ Валькѣярви, какъ имѣющій не мало точекъ соприкосновенія съ Кареліей, оказывается столь тѣсно связаннымъ съ ней и приходомъ Мола, что отдѣлить его отъ обоихъ послѣднихъ было бы весьма затруднительно.

Члены Сената, разсмотрѣвъ эту записку гр. Ребиндера, высказали слѣдующія мнѣнія.

Прокуроръ Сената, Валленъ, въ особомъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ, доложилъ, что Кивинеббскій приходъ всецѣло принадлежитъ Его Императорскому Величеству и русской казнѣ, и крестьяне его не имѣютъ права собственности на землю, почему и не пользуются преимуществами наравнѣ съ сельскими обывателями остальной Финляндіи. Крестьяне прихода находятся въ зависимости отъ власти, пребывающей внѣ Финляндіи и естественно стѣсненныхъ въ своихъ правахъ. Въ виду этого, прокуроръ одобрилъ отдѣленіе Кивинеббскаго прихода отъ Финляндіи и присоединеніе его къ Петербургской губерніи. Относительно Кареліи Валленъ долженъ былъ признать всю справедливость заявленій т. с. гр. Ребиндера, т. е. что карелы вообще ближе къ русскимъ, чѣмъ къ финнамъ, что въ старину они составляли особую народность, не имѣвшую ничего общаго съ финнами въ культурномъ отношеніи, что законы были навязаны имъ шведскими завоеваніями и не были близки ихъ природному духу, что карелы болѣе привыкли къ порядкамъ русскаго управленія, что въ городахъ Выборгской губерніи имѣются обыватели, не знающіе иного языка, кромѣ русскаго, что русская казна владѣетъ тамъ заводами, что мѣстоположеніе Кареліи благопріятствуетъ болѣе ея соединенію съ Россіей, чѣмъ съ Финляндіей и пр. Въ виду этого, Валленъ тоже одобрилъ бы предлагаемую мѣру, если бы не опасался, что при осуществленіи ея встрѣтятся такія препятствія, которыя едва ли могутъ быть обойдены безъ нарушенія преимуществъ мѣстныхъ обывателей.

Эти преимущества онъ усматривалъ въ личной свободѣ крестьянъ, соединенной съ правомъ перехода, по своему усмотрѣнію и съ правомъ избранія любого промысла, съ правомъ владѣть землею и приобрѣтать въ собственность гейматы путемъ покупки шкатоваго права; кромѣ того, свобода крестьянина сказывалась въ свободѣ отъ военныхъ конскрипцій, въ правѣ участія въ сеймахъ и въ правѣ подвергаться новому обложенію не иначе, какъ съ

КАРТА

ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ

Масштабъ въ Свѣтископомъ 50 верстахъ

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ

Граница губернская

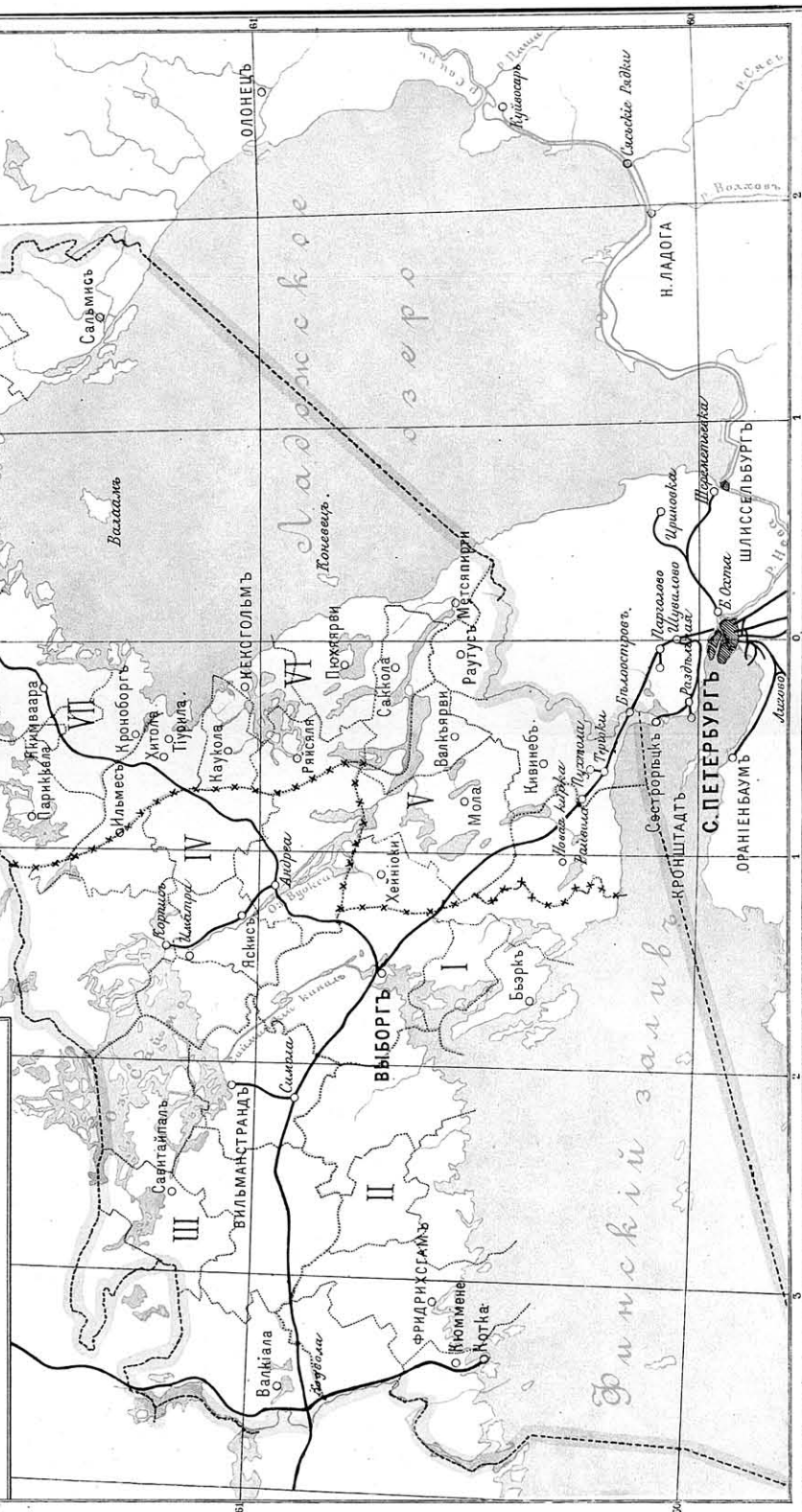
уездная

прихода

Линія, определяющая ту часть Выборгской губернии, въ отъѣзденіи которой возбудились вопросы въ 1822 и 1826 годахъ.

УПЪДЫ:

- I Странда
- II Фридрихсгамъ
- III Лангскесъ
- IV Салмисскій
- V Дирене
- VI Ревельскій
- VII Фридрихсбургскій
- VIII Сердобольскій
- IX Салмисскій

согласія и дозволенія земскихъ чиновъ. Валленъ находить, что съ переходомъ части Выборгской губерніи къ Россіи, личная свобода можетъ быть сохранена, но онъ не увѣренъ, что перешедшіе къ Россіи будутъ освобождены отъ рекрутскихъ наборовъ и не утратятъ права владѣть землею.

Если допустить, что эти права сохраняются, то все же остается право казенныхъ крестьянъ приобрѣтать въ собственность землю путемъ шкатовой покупки и право представительства на сеймахъ,—кои они неизбѣжно должны утратить. Но тутъ же Валленъ оговаривается, что участіе въ сеймахъ есть привелегія болѣе воображаемая, чѣмъ дѣйствительная, и не можетъ быть высоко цѣнима народомъ, который никогда не осуществлялъ его на практикѣ. Въ заключеніе Валленъ колеблется одобрить предложеніе гр. Ребиндера, такъ какъ присоединеніе приходовъ къ Россіи можетъ всетаки повлечь за собою нарушеніе законно-приобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ, «каковы бы эти послѣднія по своей важности вообще ни были». Всякую поспѣшную перемѣну въ установленныхъ формахъ общественнаго строя онъ считаетъ опасной, въ виду того, что она возбуждаетъ тревогу и опасенія.

Если Его Величеству тѣмъ не менѣе угодно будетъ произвести отдѣленіе нѣкоторыхъ приходовъ, то прокуроръ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлить и приходъ Раутусъ.

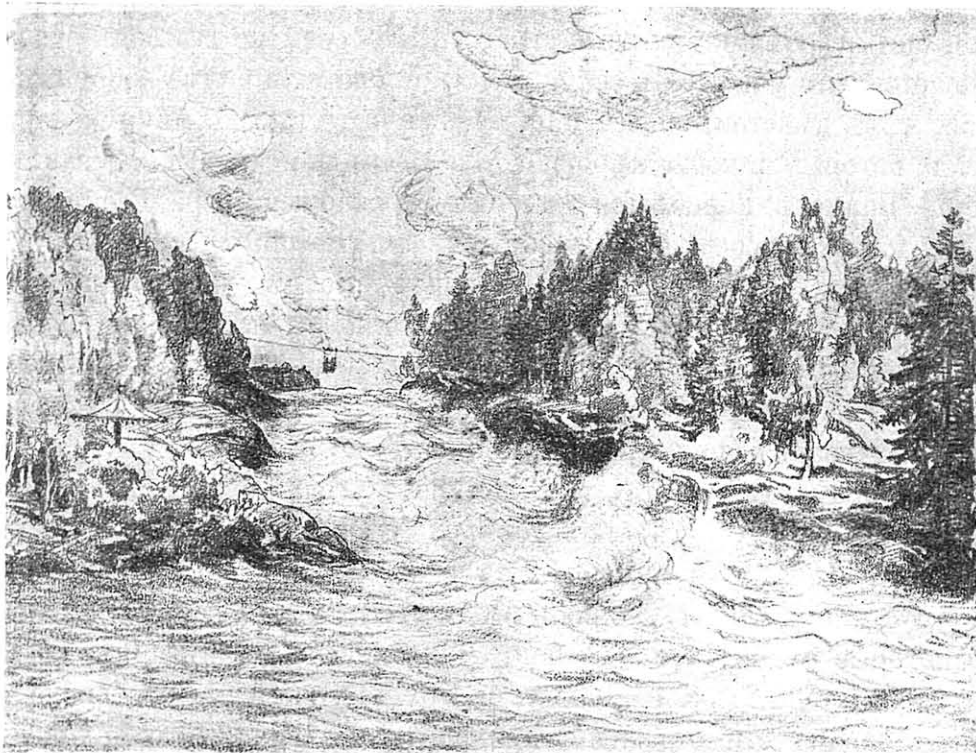
Въ мартѣ 1827 г. вопросъ разсматривался въ Сенатѣ, причемъ нѣкоторые члены его (подпол. Финкенбергъ, совѣтникъ гофгерихта Рихтеръ, д. с. с. Фалькъ и Кругъ) указывали на необходимость произвести отдѣленіе приходовъ въ порядкѣ, установленномъ основными законами Финляндіи. Императоръ Александръ I, 10—23 дек. 1811 г., повелѣлъ соединить Выборгскую губернію съ Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, а Императоръ Николай I при восшествіи на престолъ подтвердилъ сохраненіе финляндцамъ ихъ законовъ, а по сему всякая перемѣна въ существующихъ законахъ и привилегіяхъ должна быть произведена по рѣшенію земскихъ чиновъ на общемъ сеймѣ.

Другіе (лагманъ Хисингеръ) обратили вниманіе, что часть неудобствъ соединенія Выборгской губерніи съ Финляндіей устранены манифестомъ 25 ноября 1826 г. о свойствѣ жалованныхъ земель.

Третьи—тайный совѣтникъ Гильденстолпе (Gyldenstolpe)—по многимъ причинамъ, высказаннымъ прокуроромъ, признаетъ отдѣ-

леніе приходовъ желательнымъ, но ставить вопросъ: можетъ-ли Его Императорское Величество признать дѣйствительно полезнымъ и способствующимъ общему благу это отдѣленіе? ⁴⁷⁹).

По полученіи заключенія Сената, гр. Ребиндеръ 26 марта 1829 г. представилъ Государю Императору докладъ «объ отдѣленіи разныхъ уѣздовъ и приходовъ отъ Выборгской губерніи», при чемъ мнѣніе Сената излагалось такъ: Относительно карельскихъ

Водопадъ Иматра.

уѣздовъ и приходовъ Мола и Валькъярви, а также Новокиркского прихода, Сенатъ не находилъ возможнымъ ходатайствовать объ отдѣленіи ихъ отъ Финляндіи. Что-же касается Кивинеббскаго прихода, то въ виду того, что онъ почти цѣликомъ перешелъ въ частное владѣніе Его Величества, «какое обстоятельство не сообразно съ коренными законами Финляндіи, по коимъ Монархъ отказался отъ права имѣть въ непосредственномъ своемъ владѣніи уѣздныя имѣнія», а также въ виду того, что лѣсныя угодья этого прихода нужны Сестрорѣцкому заводу, Сенатъ счелъ себя «побужденнымъ представить объ отдѣленіи Кивинеббскаго прихода отъ Выборгской губерніи». О томъ, что нѣкоторые сенаторы признали

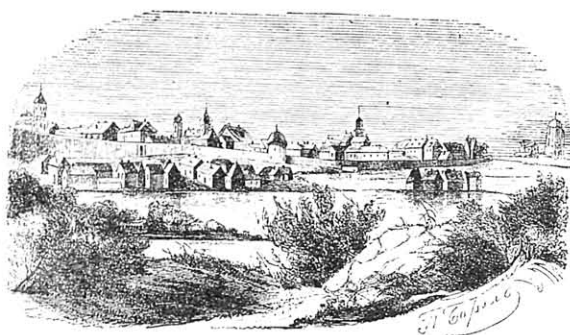
необходимымъ поставить разрѣшеніе вопроса въ зависимость отъ земскихъ чиновъ сейма, въ докладѣ гр. Ребиндера ничего не упомянуто ⁴⁸⁰).

Государь отклонилъ всякое присоединеніе, и все осталось по-прежнему. Объясняется это тѣмъ, что гр. Ребиндеръ, докладывая дѣло, вѣроятно, просилъ о такомъ рѣшеніи вопроса, «встрѣтивъ въ отдѣленіи Кареліи затрудненія», какъ писалъ А. Закревскій.

Гр. А. Закревскій, не зная, какъ рѣшено будетъ дѣло, приготовилъ обширную историческую справку «буде-бы воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на отдѣленіе отъ Финляндіи какъ Кареліи, такъ и имѣній Сестрорѣцкаго Оружейнаго Завода и буде-бы потребовалось тогда составленіе особыхъ правилъ для управленія сими странами».—Отдѣленіе приходовъ не послѣдовало и записка осталась въ архивѣ ⁴⁸¹).

Завоевавъ Выборгскую губернію, Петръ Великій сталъ жаловать въ ней казенныя земли частнымъ лицамъ. То же продолжали дѣлать его преемники. Такимъ образомъ въ Выборгской и Кюменгородской губерніяхъ образовались жалованныя или донаціонныя имѣнія, занявшія около половины территоріи этихъ губерній. Получившимъ эти имѣнія было указано, чтобы они не отягощали ихъ обывателей «большими оброками, нежели какіе они обязаны были платить по оброчной поземельной книгѣ въ то время, когда имѣнія сіи еще принадлежали казнѣ». Но такъ какъ Высочайшія грамоты и указы Правительствующаго Сената о пожалованіи такихъ имѣній не всегда съ точностью ограничивали права владѣнія, а иногда были составлены въ такихъ выраженіяхъ, которыя давали возможность владѣльцамъ широко толковать свои права и выгоды, то съ теченіемъ времени они стали не только обращать въ свои непосредственныя владѣнія гейматы, принадлежавшіе симъ имѣніямъ, и устраивать въ нихъ господскіе дворы и мызы, но, для обработыванія ихъ, начали облагать, подвластныхъ имъ обывателей, разными поденными работами и оброками, переступая размѣры, указанные въ поземельныхъ книгахъ. Пока надбавки были незначительны, крестьяне съ ними мирились и платили, но когда владѣльцы стали домогаться неограниченнаго права въ предѣлахъ своихъ земель, то обыватели естественно запротестовали. Начались ссоры и тяжбы. Начальство рѣшало ихъ на разныхъ основаніяхъ,

несмотря на то, что указъ 1811 г. воспрещалъ вносить какія-либо измѣненія въ обязанности обывателей жалованныхъ имѣній, пока дѣло о сихъ имѣніяхъ не будетъ пересмотрѣно во всемъ его объемѣ.— Въ дѣйствительности одни обыватели гейматовъ платили оброки по поземельной книгѣ, другіе, въ силу разныхъ обстоятельствъ, приняли уже условіе платить усиленные налоги. Бывало и такъ, что обыватели жалованныхъ земель, послѣ присоединенія Выборгской губерніи къ Новой Финляндіи, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаютъ истинныхъ послѣдствій этого присоединенія, отказывались отъ уплаты увеличенныхъ налоговъ и повинностей. Правительство поспѣшило повелѣть, чтобы, до установленія новаго оброкоположенія, всѣ платили ихъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ уплачивали до присоединенія губерніи.

Часть г. Выборга 1847 г.; рисоваль П. Борель.

Такъ какъ главный смыслъ присоединенія Выборгской губерніи къ Новой Финляндіи сводился къ всеобщему подчиненію этой губерніи шведскимъ законамъ и порядкамъ, господствовавшимъ въ остальной Финляндіи, то

естественно, что жалованнымъ землямъ пришлось столкнуться съ новыми земельными порядками и имъ нельзя было вполнѣ избѣжать вліянія шведскихъ законовъ, требованій новой жизни и окружающихъ условій.

Прежде всего, финляндскія власти стали подводить жалованныя земли подъ категоріи существовавшихъ у нихъ земель. Законъ 1812 г. былъ ясенъ: гейматамъ жалованныхъ имѣній надлежало платить оброки въ тѣхъ самыхъ размѣрахъ, которые установились до присоединенія губерніи. Но этимъ не удовольствовалась финляндская администрація и добилаь указа 10—22 января 1817 г. Онъ пояснялъ, что всѣ жалованныя на вѣчныя времена имѣнія, кои не отданы съ алодіальными правами, должны почитаться донаціонными, т. е. такими, владѣльцы которыхъ не имѣютъ иного права по отношенію къ обывателямъ гейматовъ сихъ земель, кромѣ взысканія оброка по поземельной книгѣ, которая для каждаго мѣста или уже была установлена или впредь, при новомъ оброкоположеніи,

будетъ установлена.—Такимъ образомъ жалованныя имѣнія были сдвинуты съ прежняго ихъ основанія; а главное—надлежало считаться съ понятіемъ объ алодіальномъ правѣ (правѣ, присвоенномъ фрельзовому владѣльцу, т. е. дворянину на фрельзовой или дворянскій гейматъ). Распространеніе стараго шведскаго земельного порядка на пожалованныя участки неизбѣжно должно было вызвать путаницу и столкновеніе серьезныхъ интересовъ. Такъ и случилось.

К. И. Фишеръ, не указывая основанія своего заявленія, утверждаетъ, что въ 1817 г. Государю финляндцы «подсунули» новое толкованіе, которое надлежало примѣнять къ дарованнымъ землямъ. «Такимъ образомъ они подчиняли Петра-завоевателя законамъ побѣжденной страны» ⁴⁸²).

Законъ 1817 г. былъ изданъ какъ бы теоретически, принципиально. При его появленіи, ландсгевдингу (губернатору) приказано было на мѣстѣ изслѣдовать свойства и, слѣдовательно, права пожалованныхъ имѣній. Исполнивъ это порученіе, губернаторъ донесъ, что ни одно пожалованное имѣніе не было въ точности дано съ фрельзовыми правами. Когда русскіе государи жаловали землями своихъ вѣрныхъ и дѣятельныхъ слугъ, то, конечно, не справлялись о какихъ-то шведскихъ фрельзовыхъ правахъ. Что предстояло дѣлать? Губернаторъ съ своей стороны усмотрѣлъ, что всѣ жалованныя имѣнія, которыя издревле не были фрельзовыми, должны считаться таковыми, ибо такое свойство придано имъ Высочайшимъ постановленіемъ 1817 г. Финляндскій Сенатъ одобрилъ мнѣніе губернатора. Но Государь Александръ Павловичъ въ 1825 г. повелѣлъ передать дѣло для дальнѣйшаго разсмотрѣнія въ специальный комитетъ, въ которомъ опредѣлили предсѣдательствовать генералъ-губернатору А. А. Закревскому. Членами Комитета состояли: гр. Маннергеймъ, генералъ Теслевъ, сенаторъ Л. Г. фонъ-Гартманъ, К. В. Ладо и А. К. Фалькъ.

Вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію Комитета, запутался и нахлопился, и въ то же время имѣлъ большое значеніе для обывателей пожалованныхъ имѣній и ихъ потомства.—Комитетъ, приступивъ къ своимъ занятіямъ, призналъ, что Русскіе Самодержцы, при пожалованіи земель, не могли руководиться старыми земельными правами Швеціи, правами, напримѣръ, коронныхъ крестьянъ шведскихъ временъ. Оставалось поэтому вникнуть въ точный смыслъ жалованныхъ грамотъ и указовъ.—Идя этимъ путемъ,

члены Комитета единогласно признали, что надо даровать фрельзовыя права всѣмъ тѣмъ частнымъ лицамъ, которымъ пожалованы были имѣнія съ дворянскими правами и преимуществами, или имѣнія—въ вѣчное и потомственное владѣніе, съ полнымъ правомъ собственности. Получить фрельзовое право значило сдѣлаться полнымъ хозяиномъ-собственникомъ всѣхъ гейматовъ, входившихъ въ составъ пожалованныхъ земель. Дѣлалось лишь одно исключеніе. Гейматы, которые по поземельной книгѣ издревле значились шкатовыми,—или если обыватели ихъ могли доказать свое право собственности на землю,—удерживали шкатовое свое свойство и донаціонные владѣльцы могли получать съ нихъ лишь установленный поземельною книгою оброкъ; иныхъ правъ на обывателей подобныхъ гейматовъ владѣльцы жалованныхъ земель не имѣли.

Комитетъ, исходя изъ этого положенія и разсмотрѣвъ права cadaго владѣльца жалованныхъ имѣній въ отдѣльности, пришелъ къ заключенію, что всѣмъ имъ могутъ быть дарованы фрельзовыя права. Сомнѣнія кое-какія встрѣтились, но, въ уваженіе прошлыхъ государственныхъ заслугъ или въ виду другихъ обстоятельствъ, Комитетъ рѣшилъ просить Государя ни для кого не дѣлать исключенія изъ общаго правила. Получая фрельзовыя права, владѣльцы пожалованныхъ имѣній въ сущности получали право по своему усмотрѣнію условиться объ оброкахъ и повинностяхъ съ обывателями ихъ гейматовъ.

Въ ноябрѣ 1826 г. гр. Ребиндеръ повергъ всѣ эти жизненные вопросы Выборгской губерніи на благоусмотрѣніе Государя Императора. Николай Павловичъ собственноручно начерталъ: «Присвоить всѣмъ помѣщикамъ Старой Финляндіи фрельзовое право, безъ всякихъ исключеній. Гейматнымъ обывателямъ жалованныхъ имѣній опредѣлить десятилѣтній срокъ для схода съ гейматовъ, ими занимаемыхъ». Николай ⁴⁸³).

Актъ такого крупнаго значенія, какимъ былъ манифестъ 25 ноября 1826 г., естественно долженъ былъ оставить глубокую борозду какъ въ жизни помѣщиковъ, такъ и въ жизни крестьянъ. И помѣщики и крестьяне пробовали бороться съ нимъ—первые путемъ письменныхъ жалобъ и просьбъ, вторые упрямымъ неисполненіемъ требованія новаго закона.

Первое отраженіе новаго закона наблюдается въ томъ долгомъ и упорномъ пререканіи, которое началось между помѣщикомъ-италмейстеромъ барономъ Петромъ Фредериксомъ и Сенатомъ.— Сторону Сената приняли статсъ-секретаріатъ и генераль-губернаторъ. Баронъ Фредериксъ подалъ 19 марта 1829 г. всеподданнѣйшую просьбу объ освобожденіи его отъ исправленія общественныхъ повинностей и обязанностей за угодья, которыя принадлежали къ его мызѣ Лейнакюля (прихода Раутусъ), желая, чтобы эти повинности и обязанности попрежнему лежали на крестьянахъ.

На этомъ эпизодѣ поучительно остановиться. Въ возникшемъ спорѣ передъ нами пройдутъ мнѣнія помѣщиковъ и возрѣнія правительственной власти. Въ результатъ мы получимъ данныя для опредѣленія положенія Выборгской губерніи.

Въ своей обширной мотивированной просьбѣ баронъ П. Фредериксъ, между прочимъ, заявлялъ, что крестьяне вообще были свободны, на помѣщика они работали лишь отъ 4 до 16 дней въ году и уплачивали деньгами и натурою не болѣе 5 р. ассигн. и тѣмъ не менѣе положеніе ихъ было крайне неудовлетворительнымъ и «они претерпѣвали недостатокъ въ нужномъ пропитаніи». При умѣренныхъ повинностяхъ и общемъ льготномъ положеніи, крестьяне не радѣли о своей землѣ, плохо платили повинность и безъ содѣйствія присутственныхъ мѣстъ не отбывали барщины. Тѣ же финляндцы, по находившіеся въ Петербургской губерніи, работали на владѣльцевъ по 150 дней въ годъ и пользовались благосостояніемъ.

Въ Петербургской губерніи и Новой Финляндіи во всемъ чувствовался порядокъ и налаженное устройство, въ Выборгской же губерніи «владѣльцы лишены были права управлять своими имѣніями», и крестьяне, ободренные безначаліемъ, дошли до своеволія, приведшаго ихъ въ свою очередь къ разоренію.

Нѣкоторые усматривали корень зла въ томъ, что положеніе и помѣщика, и крестьянина до 1811 г., т. е. до присоединенія Выборгской губерніи къ Новой Финляндіи, было «не въ примѣръ лучше», чѣмъ послѣ присоединенія.

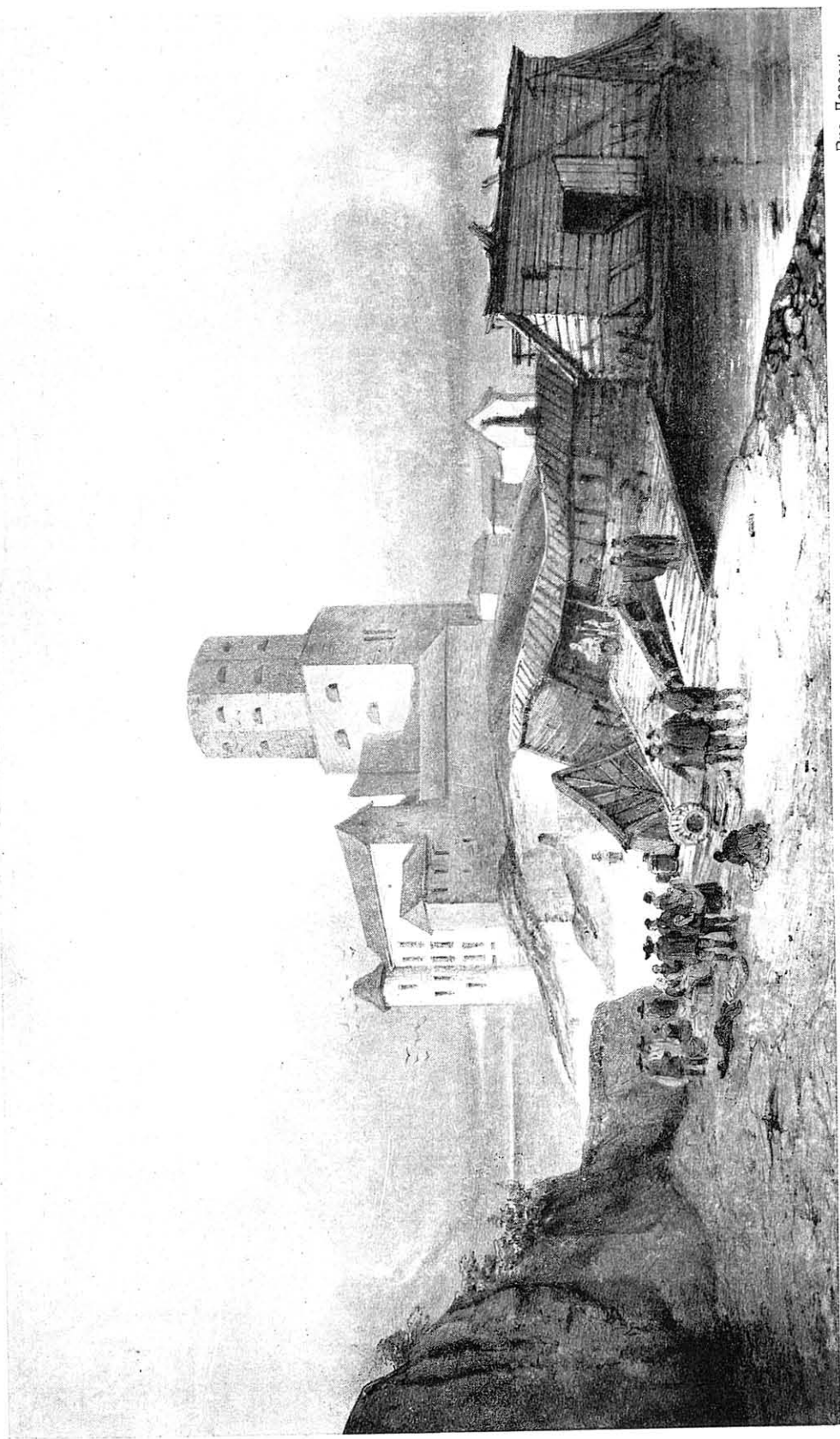
До 1811 г. права собственности на владѣнія имѣніемъ не подвергались сомнѣнію: всякій владѣлецъ спокойно управлялъ своимъ гейматомъ. Законы были шведскіе, но земская полиція сохранила силу исполнительной власти; языкомъ дѣлопроизводства былъ русскій или нѣмецкій, чиновники знали ихъ, и дѣла шли нормальнымъ ходомъ. Дворяне пользовались правами и привилегіями

Россійскаго дворянства, почему были, напимѣрь, избавлены отъ почтовой гоньбы, отъ постоя, отъ подводной повинности и вообще отъ общественныхъ обязанностей, т. е. стояли наравнѣ съ дворянствомъ Новой Финляндіи.

Но послѣдовало присоединеніе Старой Финляндіи къ Новой, и картина измѣнилась.

Право владѣнія, несмотря на всѣ жалованныя грамоты, подвергалось въ крестьянской средѣ сомнѣнію, вслѣдствіе того, что земли были признаны «коронной натуры». Съ той поры крестьяне стали полагать, что земли ихъ вотчинъ будутъ принадлежать имъ, а не помѣщику, и подъ этимъ предлогомъ начали отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей и повинностей. Помѣщики лишены были права управлять своими имѣніями по своему усмотрѣнію, какъ это было ранѣе; помѣщики отъ земской полиціи помощи не получали, такъ какъ она состояла изъ одного комиссара въ уѣздѣ и ленсмана въ погостѣ, и при этомъ не имѣла никакихъ средствъ для активнаго воздѣйствія. Неповиновеніе крестьянъ принимало такіе размѣры, что приходилось прибѣгать къ содѣйствію войска. Оставался еще судебный порядокъ, но герадскіе суды были переобременены тяжёлыми дѣлами: тамъ, гдѣ прежде въ уѣздѣ (кирхшпилѣ) послѣ 1811 г. было 50 спорныхъ дѣлъ, скопилось ихъ отъ 500 до 800. Судопроизводство было медленное и отвѣтчикъ, подъ разными предлогами, тянулъ да откладывалъ дѣло, не платя въ это время повинностей и не отбывая рабочихъ дней. Ясно, что при подобныхъ порядкахъ помѣстья разорялись, а крестьяне бѣдствовали. Рядомъ съ этимъ шло безжалостное и бесполезное истребленіе лѣсовъ. Ихъ рубили подъ предлогомъ изготовленія изгородей, для удобнаго пастбища скота, который оставался безъ присмотра пастуховъ. И тамъ, гдѣ были почти дремучіе лѣса, чувствовался недостатокъ въ лѣсѣ.

Послѣ присоединенія Старой Финляндіи къ Новой,—продолжалъ баронъ П. Фредериксъ въ своей жалобѣ,—обязательнымъ языкомъ для дѣлопроизводства сдѣлался шведскій. Русскій языкъ крестьяне знали. Теперь вышло то, что ни помѣщики, ни крестьяне не разумѣли офиціального языка, а вновь набранные чиновники не понимали другого языка, кромѣ шведскаго.—Указъ 1813 г. установилъ пятилѣтній срокъ для изученія должностными лицами русскаго языка но требованія этого закона никѣмъ не было исполнено.

Видъ Шлосса г. Выборга. 1839 г.

Рис. Ловериъ.

Еще своеобразіе и печальнѣе оказалось положеніе помѣщиковъ послѣ присоединенія. Они пользовались правами, которыя давали имъ русскія узаконенія; послѣ 1811 г. они эти права потеряли, а правъ шведскаго дворянства не получили: ихъ стали считать чужестранными дворянами и имъ пришлось исполнять общественныя обязанности, наравнѣ съ недворянами и крестьянами. Русскіе дворяне ни въ рвеніи, ни въ усердіи служенія Царю и Отечеству, конечно, не уступали шведамъ, и отъ пониженія положенія перваго правительство никакой пользы, конечно, не извлекло. «Таковое положеніе дворянства сей губерніи всеконечно единственное, ибо во всемъ государствѣ доселѣ (до 1831 г.) почитаемы чужестранными дворянами». Финляндское дворянство пользовалось разными привилегіями. Напримѣръ: ихъ дворянскія мызы считались «сетереями» и, какъ таковыя, никакихъ повинностей въ казну не несли ⁴⁸⁴).

Просьба барона П. Фредерикса подняла на ноги сенаторовъ и министра статсъ-секретаря. Въ ихъ отвѣтахъ чувствуется недовольство и даже раздраженность. Сенаторы въ своемъ заключеніи подчеркиваютъ между прочимъ нищету крестьянъ барона, находя, что причина ея лежитъ въ неумѣренности его притязаній, ярко выразившихся въ тяжелыхъ условіяхъ Таубиласкаго контракта. Сенаторы указываютъ на отеческую заботливость и благодѣянія, истекавшія изъ манифеста 25 ноября 1826 года для «благомыслящихъ помѣщиковъ», и на преграды, которыя манифестъ кладетъ «неограниченному корыстолюбію». Сенаторы особенно возмутились указаніемъ барона на «безначаліе» въ губерніи и утверждаютъ, что такое слово употреблено имъ «по безразсудности и изъ досады на неудовлетворенныя притязанія». Далѣе Сенатъ прибѣгаетъ къ приему, который нельзя одобрить, но который, къ сожалѣнію, у финляндцевъ нерѣдко практикуется: когда не хватаетъ у нихъ аргументовъ противъ своихъ враговъ или когда противники имъ особенно ненавистны, они стараются представить ихъ въ глазахъ правительства людьми неблагонамѣренными. Въ данномъ случаѣ сенаторы пытаются уличить барона въ неокazanіи должнаго уваженія распоряженіямъ Государя и пишутъ: «Утверждать, будто дѣйствія Высочайшихъ постановленій 30 іюня 1816 г. и 25 ноября 1826 г. вредны, значитъ не признать мудрость Государя и отеческое его попеченіе о благосостояніи подданныхъ...» ⁴⁸⁵).

Графъ Ребиндеръ повергъ объясненіе Сената на Высочайшее благовоззрѣніе, но никакой резолюціи не послѣдовало.

Баронъ П. Фредериксъ 31-го марта 1831 г. отвѣтилъ новой обширной запиской ⁴⁸⁶), стараясь опровергнуть доводы Сената. Генераль-адъютантъ Закревскій,—очевидно очень занятый какъ министръ внутреннихъ дѣлъ и генераль-губернаторъ Финляндіи и не имѣвшій, вѣроятно, времени вникнуть во всѣ подробности обширнаго пререканія,—просилъ гр. Ребиндера высказаться по дѣлу. Ребиндеръ усмотрѣлъ въ доводахъ барона Фредерикса недостаточное знаніе дѣйствующихъ въ Финляндіи установленій, и неправильное домогательство привилегій баронской усадьбы (по имѣнію Лейнекюля). По мнѣнію Ребиндера, баронъ «пересту-

Нейшлотскій замокъ.

пилъ также предѣлы законнаго права поданія прошеній и т. п.» ⁴⁸⁷).

Дѣло барона П. Фредерикса кончилось тѣмъ, что въ октябрѣ 1831 г. генераль-адъютантъ гр. Закревскій представилъ Его Величеству обширный докладъ, опровергая по пунктамъ (при помощи записки гр. Ребиндера) за-

явленія барона. Положеніе Выборгской губерніи было, по мнѣнію Закревскаго, описано барономъ крайне односторонне. Такъ какъ доложенныя при этомъ Государю справки имѣли въ виду исправить эту односторонность и выяснить истинное положеніе Выборгской губерніи, то само собой ясно, что въ интересахъ исторической правды, сущность справокъ должна быть здѣсь представлена. Воспроизводимъ ихъ.

Императоръ Александръ I, желая знать положеніе крестьянъ въ губерніи, еще въ 1802 г. повелѣлъ особой комиссіи разслѣдовать дѣло. Комиссія тогда установила, что одну шестую часть населенія губерніи составляли безземельные бобыли. Урожаи были хороши, и тѣмъ не менѣе едва-ли одна десятая часть крестьянъ питалась собственнымъ хлѣбомъ. «Нерадивость» крестьянъ достигла высшихъ предѣловъ и имѣнія помѣщиковъ не принимались въ залогъ заемнымъ банкомъ.

Земская полиція, какъ до 1830 г., такъ и послѣ него, состояла изъ короннаго фохта или комиссара, а при немъ находился уѣздный сборный писарь или бухгалтеръ; по кирхшпилямъ имѣлись: ленсманъ, мостовщики и яхтъ-foxты, или попечители объ истребленіи хищныхъ звѣрей.

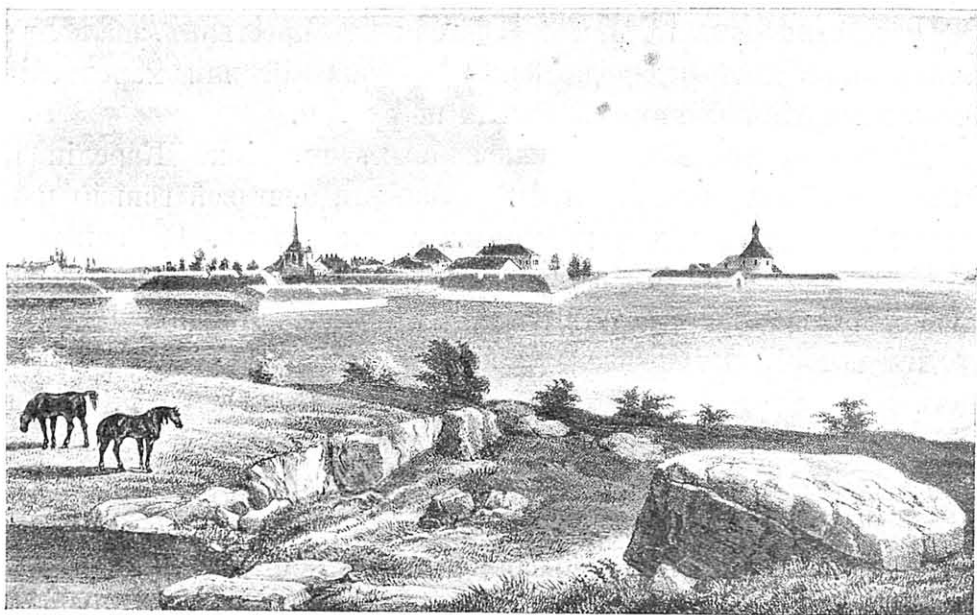
Пеструю картину, по языку производства, представляли судебныя мѣста губерніи. Тяжебныя дѣла производились на четырехъ языкахъ: финскомъ, шведскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ. «Когда проситель изъяснялся на русскомъ, протоколы и приговоры сочинялись на нѣмецкомъ, законы вписывались на шведскомъ», а судебные немдеманъ, или засѣдатели изъ крестьянъ, знали, конечно, лишь свой природный языкъ—финскій или карельскій. Очень немногіе изъ нихъ понимали по-русски.

Дворовыя усадьбы въ жалованныхъ имѣніяхъ Кареліи не несли постоянной повинности, не исполняли почтовой гоньбы и не поставляли подводъ для казенныхъ транспортовъ. Но закономъ подобныя льготы не были дарованы, а установились они частію самовольно, частію вслѣдствіе нерадѣнія губернаторовъ.

Въ исторіи Выборгской губерніи приобрѣлъ особую извѣстность такъ-называемый Таубильскій контрактъ. О немъ гр. Закревскій доложилъ Государю. Исторія этого контракта такова. Въ 1728 г. въ Выборгской губерніи, по шведскому примѣру, составлена была Ревизіонная книга. Ее утвердили въ 1730 г. Въ книгѣ опредѣлены были обязанности крестьянина, какъ по отношенію къ помѣщику, такъ и къ коронѣ. Въ 1776 г. Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ дѣлать отступленія отъ нормъ Ревизіонной книги. Помѣщики воспользовались этимъ и, заключая контракты съ крестьянами, повышали повинности. Крестьянамъ пришлось уступать, такъ какъ они въ сущности были почти прикрѣплены къ помѣщичьей землѣ, послѣ законовъ 1783 и 1796 г.г. о податяхъ и рекрутской повинности, «исправленіе коихъ требовалось отъ помѣщиковъ». Помѣщикъ въ Кареліи бригадиръ баронъ Фредериксъ также пожелалъ увеличить подати въ своей вотчинѣ Таубилѣ. Крестьяне воспротивились. Лагманскій судъ въ 1798 г. разрѣшилъ барону возвысить подати, а Правительствующій Сенатъ приговоръ этотъ утвердилъ. По Ревизіонной книгѣ 1728 г. съ адера или мантала требовалось 60 рабочихъ дней, а теперь ихъ было назначено 326-ть—наполовину конныхъ, наполовину пѣшихъ.

Примѣру барона Фредерикса послѣдовали другіе помѣщики. Жена ген.-лейт. Екатерина Фокъ, владѣвшая тогда вотчиной Лейнакюля, примѣнила у себя условія Таубильскаго контракта. Крестьяне воспротивились. Дѣло 1809 г. дошло до Государя и они, какъ беспокойные люди, подверглись тѣлесному наказанію. Въ другомъ мѣстѣ возмущеніе крестьянъ вызвало необходимость посылки для ихъ усмиренія эскадрона гусаръ.

Въ 1811 г. правительство вынуждено было остановить, ранѣе дозволенное помѣщикамъ, возвышеніе пошлинъ.

Видъ старыхъ Кексгольмскихъ укрѣпленій.

Когда въ такомъ видѣ Государю доложено было пререканіе барона П. Фредерикса съ Сенатомъ, Его Величество собственноручно начерталъ: «Мнѣніе г. Ребиндера нахожу совершенно справедливымъ, что и объявить г. Фредериксу, съ тѣмъ, чтобы онъ разъ навсегда прекратилъ свои несправедливыя домогательства». 21 окт. 1831 г. ⁴⁸⁸).

Итакъ, борьба помѣщиковъ съ новымъ порядкомъ, установленнымъ манифестомъ 1826 г., кончилась ихъ пораженіемъ. Еще труднѣе было крестьянамъ бороться съ новыми требованіями закона.

Въ 1835 г., объѣзжая край, А. Теслевъ убѣдился, что въ Выборгской губерніи значительное число фрельзовыхъ крестьянъ отлучены отъ земель своими помѣщиками по разнымъ причинамъ. Они смиренно ожидали «дальнѣйшаго развитія обстоятельствъ» ⁴⁸⁹).

Манифестъ 1826 г. поставилъ крестьянъ въ большую зависимость отъ помѣщиковъ, чѣмъ прежде: ихъ право владѣнія гейматами было ограничено. Вотъ почему, когда истекъ десятилѣтній срокъ со времени объявленія манифеста, и когда нужно было приступить къ практическому его осуществленію, со стороны крестьянъ началось серьезное противодѣйствіе. Мѣстныя власти предвидѣли трудность перехода къ новому порядку. Уже въ комитетѣ А. А. Закревскаго голоса раздѣлились. Сенаторъ Фалькъ предупреждалъ, что крестьяне давно владѣютъ гейматами и сжились съ мыслью, что земля составляетъ ихъ собственность. Поэтому сенаторъ находилъ, что такое представленіе должно медленно и постепенно износиться и исподволь исправлено, иначе въ крестьянахъ зародится недовѣріе къ правительству и они не поймутъ основаній новыхъ распоряженій; Фалькъ предлагалъ предоставить крестьянамъ, коихъ засталъ манифестъ, пользоваться своимъ прежнимъ правомъ до ихъ смерти, а затѣмъ перейти къ новому порядку. Мнѣніе Фалька раздѣлили Гартманъ и Маннергеймъ, но остальные члены признали достаточнымъ назначить опредѣленный срокъ и всюду сразу перейти къ новому порядку. ⁴⁰⁰). Государь назначилъ десятилѣтній срокъ и послѣ него надлежало одновременно во всей губерніи примѣнить новый законъ.

Чтобы заранѣе предупредить, могущія возникнуть затрудненія, въ Гельсингфорсѣ, въ 1836 г., былъ созванъ новый Комитетъ, (изъ Гартмана, Маннергейма и Фалька), которому надлежало высказаться объ особыхъ предварительныхъ мѣропріятіяхъ по исполненію закона 1826 г. о жалованныхъ имѣніяхъ, а также о возможности отдѣленія Сестрорѣцкаго оружейнаго завода отъ Выборгской губерніи.

Прежде всего выяснилось, что владѣльцы пожалованныхъ имѣній вовсе не старались подготовить обывателей гейматовъ къ ихъ новому положенію и не внушали имъ ихъ новыхъ обязанностей. Комитетъ предложилъ кое-какія полумѣры и остановился на мысли учрежденія особаго третейскаго суда. Губернаторъ Рамзай остался при особомъ мнѣніи, находя, что вмѣшательство правительства ничѣмъ не вызывается, и что въ этомъ вопросѣ надо соблюсти особую осторожность, дабы не нарушить основныхъ законовъ края. Трестейскій судъ, по его мнѣнію, цѣли не достигалъ ⁴⁰¹). Относительно присоединенія Сестрорѣцкаго оружейнаго завода въ географическомъ, судебномъ и административномъ отношеніяхъ къ

Петербургской губерніи, Комитетъ никакихъ препятствій не встрѣтилъ ⁴⁹²).

Послѣ нѣкоторой переписки по дѣлу, въ мартѣ 1836 года, состоялось Высочайшее повелѣніе: привести манифестъ 25 ноября 1826 г. въ исполненіе, безъ всякой перемѣны, а для удобнѣйшаго его практическаго осуществленія тутъ-же предписывалось ландсгевдингу Выборгской губерніи издать особое обнародованіе, для подтвержденія обывателямъ донаціонныхъ имѣній о непремѣнномъ выполненіи манифеста, и озаботиться, дабы это обнародованіе сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ обывателямъ чрезъ пасторовъ и коронныхъ фохтовъ. Во-вторыхъ, возложить на судебный департаментъ Сената наблюденіе за рѣшеніемъ спорныхъ дѣлъ по гейматамъ, дабы оно основывалось на манифестѣ 1826 г. И, наконецъ, Выборгскій губернаторъ долженъ былъ созвать владѣльцевъ жалованныхъ имѣній, или ихъ уполномоченныхъ, и съ ними установить однообразныя способы вступленія въ фрельзовыя права ⁴⁹³).

Этимъ правительство не ограничилось. На предстоящемъ совѣщаніи, губернатору секретно данъ былъ совѣтъ, предупредить владѣльцевъ, что Его Императорское Величество принимаетъ въ этомъ дѣлѣ «наибольшее участіе», и что Государь выслушалъ бы «съ особымъ удовольствіемъ» о такихъ мѣропріятіяхъ, которыя наименѣе стѣсняютъ обывателей гейматовъ, и, наконецъ, если проявлено будетъ стремленіе чрезмѣрно возвысить оброки, то правительство вынуждено будетъ стать посредникомъ между владѣльцами и крестьянами ⁴⁹⁴).

Но всѣ старанія властей ни къ чему не привели. Едва насталъ срокъ приведенія въ исполненіе манифеста 1826 г., какъ послѣдовалъ рядъ донесеній Выборгскаго губернатора о томъ, что крестьяне, несмотря ни на какія увѣщанія и разъясненія, отказываются заключать письменные контракты съ владѣльцами имѣній о размѣрахъ будущихъ оброковъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы выставляли весьма умѣренныя условія, нельзя было склонить крестьянъ, ни увѣщаніями, ни угрозами, къ подписанію контрактовъ. Они хотѣли остаться при платежѣ прежнихъ оброковъ. Одни просили время на размышленіе, другіе—отговаривались незнаніемъ требованій манифеста 1826 г.

Въ разныя мѣста не разъ выѣзжалъ губернаторъ.

Помѣщики созывали крестьянъ, но они не являлись ни для подписанія контрактовъ, ни для работы. На мызѣ с. с. Пефта никто

не прибылъ; у бригадира барона Фредерикса на мызѣ Тоубила пришло 15 чел. О контрактахъ и слышать не хотѣли. У княгини Натальи Петровны Голицыной 105 крестьянъ выразили готовность платить требуемый ею оброкъ, но не согласились на заключеніе письменнаго контракта. Тоже почти повторилось у гр. Штевена-Штейнгеля. У многихъ крестьянъ нарождался страхъ, что, подписавъ контрактъ, они сдѣлаются крѣпостными людьми помѣщиковъ.

Опасенія крестьянъ губернаторъ пытался разсѣять публикаціями на финскомъ языкѣ, но онѣ мало помогли дѣлу.

Пришлось приступить къ удаленію нѣкоторыхъ изъ гейматовъ. Удаляли не всѣхъ, а болѣе упорныхъ отъ 2 до 20 человекъ. Они уходили, но примѣръ не вліялъ на другихъ, и «движеніе духа» оставалось прежнимъ. Поголовное-же изгнаніе представлялось, конечно, крайне убыточнымъ для помѣщиковъ.

Контракты требовали обоюднаго соглашенія, но его невозможно было достигнуть: упорствовала то одна, то другая сторона.

Одни помѣщики были умѣрены въ своихъ требованіяхъ, другіе—корыстны. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ дѣйствовали условія такъ-называемаго Таубильскаго контракта, по которому подати и повинности селянъ были увеличены болѣе, чѣмъ въ три раза. Одинъ изъ помѣщиковъ устроился такъ, что получалъ до 19 тыс. руб. асс. дохода съ имѣнія, за которое, при покупкѣ, имъ уплачено было лишь около 5.600 р.

Объ одномъ отставномъ прапорщикѣ Веберѣ прокуроръ К. І. Валленъ въ послѣдствіи писалъ Ребиндеру: «Постоянно говорятъ о крестьянахъ и ихъ проступкахъ, и никогда о донаторахъ. Справедливы ли они? Разумны ли они? что они съ своей стороны предпринимаютъ, дабы помочь стараніямъ правительства поддерживать порядокъ и предупреждать несчастія, на которыя они жалуются? Такъ, напримѣръ, въ Саккола донаціонный помѣщикъ, какъ только получилъ права фрельзеваго владѣльца, тотчасъ же принялся изгонять своихъ крестьянъ—безъ сомнѣнія величайшихъ лѣнтяевъ, пьяницъ и бродягъ?—ничуть не бывало: лучшихъ, богатѣйшихъ, во всѣхъ отношеніяхъ безупречнѣйшихъ, лишь только потому, что они не соглашались на контрактъ, и потому, что онъ хотѣлъ показать другимъ, какова власть донаціоннаго помѣщика. Наконецъ, онъ вызываетъ войско, и заставляеть крестьянъ, подъ стражей солдатъ, срывать свои жилища и тащить остатки ихъ въ усадьбу, чтобы еще дать одинъ примѣръ своей власти».

Своеволие крестьянъ возросло настолько, что коронные служители считали для себя небезопаснымъ оставаться въ крестьянской средѣ. Крестьяне дѣйствовали замѣчательно дружно, точно по общему сговору, не допуская въ то же время шумныхъ выступленій.

Настало время уборки полей. Жатва находилась на корню. Крестьяне считали ее своей и приступили къ уборкѣ полей; помѣщики мѣшали и не позволяли. Наибольшія волненія произошли именно въ это время, такъ какъ крестьяне рѣшительно не соглашались оставить помѣщикамъ плодовъ своихъ посѣвовъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось, къ сожалѣнію, прибѣгнуть къ военной силѣ, такъ какъ крестьяне грозили убійствомъ; вообще-же они рѣшились камнями и кольями отстаивать свое прежнее положеніе. Въ Валькярскомъ приходѣ, дер. Вейкола, приказчикъ

Видъ г. Сердоболя 1850-хъ годовъ.

Поссе приступилъ къ уборкѣ хлѣба съ полей. Пришло до 40 человекъ, вооруженныхъ кольями и грозили истребленіемъ всѣхъ. Явился отрядъ войска. Въ деревнѣ Тарпила дошло до столкновенія крестьянъ съ казаками, причемъ хорунжаго (Семикольниковъ) ударили такъ сильно въ

грудь, что онъ съ полчаса лежалъ безъ чувствъ ⁴⁹⁵). Въ томъ же приходѣ, въ деревнѣ Нирккола, пришлось взять 12 крестьянъ и въ кандалахъ отправить ихъ въ Выборгъ, для сужденія экстреннымъ судомъ ⁴⁹⁶). Въ Валькярскомъ кирхшпилѣ, деревнѣ Нурміерви, отказались выдать ключи отъ двухъ кладовыхъ. Когда выломали двери, то нашли около 10 пудовъ пороха, нѣсколько картечей и другихъ снарядовъ, а также три заряженныхъ ружья и одинъ штыкъ ⁴⁹⁷).

Наиболѣе печально столкновеніе кончилось въ деревнѣ Саройсь, Саккольскаго кирхшпиля, Южно-Кексгольмскаго уѣзда. Здѣсь отношенія обострились между крестьянами и управляющимъ имѣніемъ наслѣдниковъ умершаго подполковника барона фонъ-Фредерикса—отставнымъ портупей прапорщикомъ Веберомъ. Ленсманъ А. Ф. Стрембергъ «съ уложеніемъ и рескриптомъ въ рукахъ», какъ иронизируетъ К. И. Фиперъ, отыскивалъ крестьянъ во ржи и въ лѣсу и высылалъ ихъ на работы. Партія крестьянъ

въ 5—6 человѣкъ затѣяла драку съ ленсманомъ и подоспѣвшими къ нему на помощь подпоручикомъ Дьякинымъ съ двумя казаками. Андерсъ Репо, нанеся сильный ударъ коломъ въ спину ленсману, схватилъ его и послѣдній, опасаясь, что онъ намѣренъ вынуть находившійся «будто бы у него подъ поясомъ топоръ», крикнулъ казакамъ: колите его! Двѣ глубокія раны были немедленно нанесены казацкою пикой и А. Репо палъ мертвымъ. Тогда-же въ дракѣ, продолжавшейся 15 минутъ, пострадали два сына Репо. Завидѣвъ толпу стремительно приближавшихся изъ лѣса крестьянъ, ленсманъ и казаки спаслись на лодкѣ. По прибытіи подпоручика Дьянкина на занимаемую имъ квартиру, часовой предупредилъ его о приближеніи 50 вооруженныхъ кольями крестьянъ. Дьянкинъ по тропинкѣ побѣжалъ къ отряду, едва спасаясь отъ преслѣдовавшихъ. Выстроилъ каре и такимъ образомъ отбился отъ огромной толпы, возросшей до двухъ или трехъ сотъ человѣкъ, среди которыхъ нѣкоторые оказались верхами. Желая разогнать толпу, Дьянкинъ открылъ стрѣльбу холостыми зарядами, но, видя, что они не дѣйствуютъ, сталъ стрѣлять боевыми патронами поверхъ толпы. Заслышавъ свистъ пуль надъ головами, крестьяне разошлись ⁴⁹⁸).

По докладѣ Государю, Его Величество одобрилъ принятія противъ крестьянъ военныя распоряженія.

Въ нѣкоторые кирхшпили (и между прочимъ въ имѣніе Громова Сѣверо-Кексгольмскаго уѣзда) были командированы роты отъ финляндскаго Линейнаго баталіона № 2, состоявшаго подъ командой Начальника 21-й пѣхотной дивизіи ген.-м. Эттера. Начальникомъ отрядовъ, проявившихъ наибольшую дѣятельность, состоялъ майоръ Грипенбергъ.

Какъ всегда и вездѣ—явились подстрекатели, ободрявшіе крестьянъ. Коронный ленсманъ Густавъ Альротъ говорилъ: «крестьянъ не слѣдовало бы выгонять съ гейматовъ, ибо это совершенно противозаконно». Одного удаленнаго крестьянина онъ пристроилъ въ своемъ домѣ. Другимъ онъ совѣтовалъ контрактовъ не подписывать. Его предали экстренному засѣданію Герадскаго суда ⁴⁹⁹). Главный пасторъ Валкъярвскаго прихода, докторъ богословія Юганъ Стрельманъ, 88 лѣтъ, отказался заключить контрактъ съ двумя донационными гейматами въ его приходѣ, за что, по требованію генерала Теслева,—дабы примѣръ пастора дурно не повліялъ на другихъ,—тутъ же, на мѣстѣ, лишенъ былъ обоихъ гейматовъ.

Въ то время, когда одни крестьяне колыями и упрямствомъ старались сохранить свое прежнее положеніе, другіе рѣшились обратиться къ Верховной Власти съ мольбами объ оставленіи ихъ въ гейматахъ на ранѣ существовавшихъ условіяхъ. Изъ Выборгской губерніи двинулся цѣлый потокъ этихъ прошеній. Большая часть ихъ была составлена по одному образцу. Къ просьбамъ нерѣдко присоединялись жалобы, и даже старыя тяжбы (напримѣръ, съ г. Бландовымъ). Одни указывали, что до присоединенія Выборгской губерніи они платили только подушную подать, а послѣ 1816 г. съ нихъ стали взимать винный акцизъ, пасторскія деньги, на починку дорогъ и проч. Другіе говорили, что если подпишутъ контрактъ съ помѣщикомъ, ихъ можетъ посѣтить «холодная смерть», а потому лучше уйти, «куда Богъ благословить»³⁰⁰).

Въ глухое время 30 и 40 годовъ, событія въ Выборгской губ. не могли пройти незамѣченными и не вызвать широкихъ пересудъ. «Въ Або много говорили о Выборгскомъ дѣлѣ, — сообщаетъ 25 сент. — 7 окт. 1837 г. казакъ Е. В. Ивановъ князю А. С. Меншикову. Безъ преувеличенія можно сказать, всѣ умы Абоскіе заняты дѣломъ симъ, внимательно слѣдятъ каждое по оному дѣйствіе правительства, какъ будто отъ онаго зависитъ участь всей Финляндіи; удивляются, что свѣтлѣйшій князь не войдетъ въ оное. Здѣшніе юристы видятъ въ этомъ дѣлѣ только право сильнаго, особливо, когда узнали, что казаки, по приказанію ленсмана, закололи до смерти пиками мужика, и что ленсманъ приговоренъ за это только къ денежному штрафу, къ церковному покаянію и къ неопредѣленію въ государственную должность. Общее здѣсь мнѣніе винить въ пристрастіи графа Закревскаго, бывшаго генераль-губернатора Финляндіи, а болѣе Буткова, при немъ находившагося, винять также нынѣшняго министра статсъ-секретаря графа Ребиндера и генераль-лейтенанта Теслева. Пристрастіе сихъ лицъ причиною, говорятъ, уклоненія Абоскаго губернатора Гартмана отъ присутствія по сему дѣлу въ Гельсингфорскомъ Комитетѣ. Непомѣрныя требованія владѣльцевъ единственною, сказываютъ, причиною упорства мужиковъ. Не бывъ на мѣстѣ, не знаю справедливо-ли это. Отъ самого Гартмана ничего не слышалъ я объ этомъ»..

Даже К. И. Фишеръ призналъ необходимымъ отвести столкновенію въ деревнѣ Саройсѣ значительное мѣсто въ своихъ запис-

кахъ. «Какое дѣло юристу до судьбы населенія, восклицаетъ К. И. Фишеръ. Публичный обвинитель поднятъ тревогу; ленсманъ отданъ подъ судъ и приговоренъ въ тюрьму, на хлѣбъ и воду, на годъ и одну ночь (въ дѣйствительности на 28 дней). Князь Меншиковъ приказалъ не выдавать ленсмана, объявивъ суду, что ленсманъ былъ исполнителемъ приказанія начальства. Тогда абоскій гофгерихтъ потребовалъ къ суду губернатора, но генераль-губернаторъ увѣдомилъ, что губернаторъ исполнялъ его приказаніе. Гофгерихтъ представилъ жалобу на генераль-губернатора въ судебный департаментъ Сената, а этотъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о нарушеніи генераль-губернаторомъ конституціи.

Князь Меншиковъ вызвалъ нѣсколькихъ членовъ Сената въ Петербургъ; спросилъ ихъ, полагаютъ-ли они полезнѣйшимъ, чтобы въ цѣлой губерніи появился голодъ или грабежъ, думаютъ-ли они, что Государь допуститъ гибель населенія и разстройство администраціи изъ педантическаго уваженія мерт-

Гранитныя ломки въ Рускіала.

твой буквы; знаютъ-ли они, что если край будетъ усмиряемъ оружіемъ, то и законы будутъ писаны не юристомъ, а побѣдителемъ; забыли-ли они, что Польша еще недавно лишена правъ, данныхъ тоже Александромъ, etc. Сенатъ струсилъ,—прибавляетъ Фишеръ,—и взялъ свой адресъ назадъ. «Но была опасность съ другой стороны,—продолжаетъ Фишеръ: какъ доложить Государю? какъ кончить дѣло въ гофгерихтѣ? Меншиковъ представилъ, что для Выборгской губерніи нуженъ особый гофгерихтъ. Онъ былъ учрежденъ, предсѣдателемъ назначенъ просвѣщенный графъ Маннергеймъ; онъ вытребовалъ изъ абоскаго гофгерихта всѣ выборгскія дѣла—и похоронилъ дѣло о ленсманѣ»³⁰¹).

Въ изложеніи Фишера серьезное дѣло превратилось въ легкую комедію. Въ провѣркѣ его разсказа мы надобности не встрѣтили. Для нашей цѣли было достаточно отмѣтить то вниманіе, которое удѣлило донаціонному вопросу тогдашнее общество.

Послѣ столкновѣнія въ деревнѣ Нироккола, когда виновныхъ подъ карауломъ доставили въ Выборгъ, состоялся новый судъ. Согласно гл. 6 § 2 Уголовнаго Закона герадскій судъ приговорилъ къ смерти каждаго десятаго человѣка и обоихъ предводителей. Наказаніе соотвѣтствовало требованіямъ закона, однако это былъ жестокой судъ,—читаемъ у В. Эстландера.—Крестьяне сопротивлялись, желая убрать жатву, которую они сами посѣяли. Приговоръ передали въ судебный департаментъ Финляндскаго Сената. Что было дѣлать? Докладъ подготавливался тогдашнимъ первымъ копіистомъ, впослѣдствіи сенаторомъ, І. Ф. Пальменомъ. Законъ опредѣлялъ каждому десятому человѣку смертную казнь, но оказалось, что всюду вмѣшаны женщины. Если исключить ихъ, то число остальныхъ доходило до десяти, а потому не было десятаго человѣка для наказанія смертью. На этомъ основаніи приговоръ измѣнили; всѣ были посажены на хлѣбъ и на воду на разные сроки.

Ребиндеръ не могъ не замѣтить тяжелыхъ отношеній, установившихся въ Выборгской губерніи между фрельзовыми владѣльцами и ихъ крестьянами. Крестьяне, по его мнѣнію, упорствовали и не соглашались даже на справедливыя и умѣренныя требованія своихъ господъ. Происходило это отъ прирожденной закоренѣлой недовѣрчивости финновъ и отчасти отъ недовѣрчивости къ должностнымъ лицамъ края ⁵⁰²).

Каковы-бы ни были причины, но результаты палицо: до середины іюля 1837 г. было выселено изъ гейматовъ около 328 чел. Предстояло подумать объ ихъ участи. Въ іюлѣ 1837 г. гр. Ребиндеръ представилъ Государю докладъ о томъ, что и. д. генералъ-губернатора Теслевъ секретно просилъ «пріостановить на нѣкоторое время разрѣшеніемъ новыхъ удаленій крестьянъ съ занимаемыхъ ими гейматовъ». Относительно уступки части жатвы гр. Ребиндеръ «не осмѣлился предложить» какого-либо предписанія, а ограничился просьбой секретно объявить владѣльцамъ имѣній, что Его Величество «приметъ съ удовольствіемъ» назначеніе владѣльцами опредѣленнаго пособія на содержаніе выселенныхъ крестьянъ. Государь изъявилъ на все это свое согласіе ⁵⁰³).

Но прежде всего администраціи надлежало озаботиться о мѣрахъ, которыми возможно было бы умиротворить губернію.

Въ виду того, что главнымъ препятствіемъ къ введенію фрельзоваго права являлся отказъ крестьянъ отъ заключенія контрактовъ, Выборгскій губернаторъ предложилъ постановить, что всѣ обыватели фрельзовыхъ гейматъ, которые не подпишутъ контрактовъ, должны будутъ подчиниться всякимъ условіямъ, какія предпишутъ владѣльцы, пока обыватели остаются въ ихъ гейматахъ. Это предложеніе удостоилось Высочайшаго одобренія 20 іюля 1837 г. ⁵⁰⁴).

Съ своей стороны министръ статсъ-секретарь также составилъ проектъ «о средствахъ къ введенію фрельзоваго права въ бывшихъ донаціонныхъ имѣніяхъ» ⁵⁰⁵). Онъ намѣчалъ назначить плату за земли или мѣста, коими пользовались крестьяне; онъ возстановлялъ право помѣщиковъ высылать ослушниковъ и т. п. Но главное—онъ остановился на мысли еще разъ собрать помѣщиковъ жалованныхъ земель и узнать, «чего они въ существѣ желаютъ и что намѣрены предпринять, представивъ имъ при этомъ побудительныя причины къ ограниченію своихъ требованій, дабы они не домогались неумѣренныхъ условій, вредныхъ имъ самимъ и правительству».

Но ранѣе созыва ихъ, гр. Ребиндеръ писалъ кн. Меншикову: «Прошу положительно разрѣшенія объявить имъ, что они созваны по приказанію Государя, иначе мое порученіе не будетъ имѣть никакого значенія». Гр. Ребиндеръ особенно настаивалъ на спеціальномъ разрѣшеніи Государя созвать ихъ, такъ какъ графъ былъ того мнѣнія, что правительство можетъ вмѣшиваться лишь настолько, насколько владѣльцы земель того сами пожелаютъ, ибо затронуты ихъ интересы. Чрезмѣрная строгость Его Величества и слабость могли лишь повредить дѣлу (18 янв. 1838 г.).

Высочайшее соизволеніе послѣдовало и 20 января 1838 г. гр. Ребиндеръ созвалъ у себя всѣхъ, находившихся въ Петербургѣ, владѣльцевъ фрельзовыхъ имѣній Выборгской губерніи ⁵⁰⁶).

Результаты ихъ совѣщаній изложены въ обширной запискѣ, за подписями ген.-лейт. Янко Фока, отставного бригадира барона Андрея Фредерикса и др.

Собравшіеся были обнадѣжены, что манифестъ 1826 г. останется неизмѣннымъ. Имъ изъявили монаршую волю, чтобы соблюдали возможную умѣренность въ оброкахъ, требуемыхъ съ крестьянъ.

Помѣщики съ своей стороны заявили, что пріемлютъ манифестъ 1826 г., какъ новый законъ монаршей къ нимъ милости, и

употреблять всѣ средства, чтобы выставить умѣренные требованія по оброкамъ и повинностямъ, уравнивая ихъ, въ зависимости отъ качества арендуемой крестьянами земли. На установленіе взаимныхъ отношеній контрактами они никакихъ надеждъ не имѣли. Въ заключеніе, они предложили рядъ мѣръ, коими рассчитывали возстановить въ губерніи надлежащій порядокъ. Видя, что снисхожденія не привели къ цѣли, они просили о болѣе рѣшительныхъ и строгихъ мѣрахъ; они хотѣли, напримѣръ, чтобы упорствующие крестьяне не только высылались изъ имѣній, но удалялись совершенно изъ губерніи.

Генер. Фокъ.

Ихъ проектъ, видимо, немедленно былъ доложенъ Государю Императору, такъ какъ уже 23 февраля—7 марта 1838 г. изданъ былъ Высочайшій манифестъ, установившій два коренныхъ требованія: чтобы крестьяне, пока они остаются въ гейматахъ, точно и безпрекословно исполняли тѣ повинности и обязанности, которыя помѣщики, по фрельзовому своему праву, стануть требовать, въ противномъ случаѣ ослушниковъ наказывать прутьями, или подвергать другимъ наказаніямъ

по Общему Уложенію; если же крестьяне вздумаютъ самовольно овладѣть гейматомъ—считать ихъ бродягами и способныхъ отдавать въ военную службу ³⁰⁷).

Одновременно послѣдовала отмѣна секретнаго предписанія (7—19 августа 1837 г.) о невысылкѣ изъ фрельзовыхъ имѣній крестьянъ, упорствующихъ въ неподписаніи контракта ³⁰⁸).

Понемногу взволнованныя чувства успокоились, отношенія улучшились, установились соглашенія, а оброки назначались безъ контракта и въ большинствѣ случаевъ по старой нормѣ.

«Въ сороковыхъ годахъ,—утверждаетъ К. И. Фишеръ,—контракты вошли въ нормальное состояніе; повинности, ими опредѣленные, вдвое и втрое ниже повинностей въ Новой Финляндіи» ³⁰⁹).

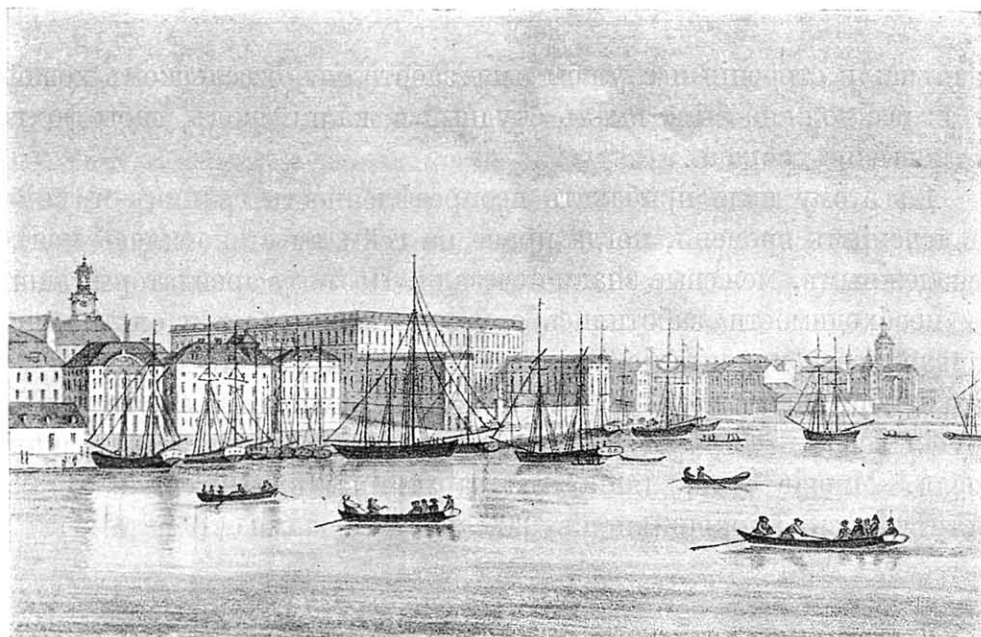
Тѣмъ не менѣе крестьяне, отличавшіеся въ Выборгской губерніи лѣнностью, теряли охоту улучшать свои гейматы. Они умышленно

разрушили строенія и службы и не заботились о сельскомъ хозяйствѣ: все должно было имѣть скудный и жалкій видъ, дабы фохтъ не повысилъ оброка.

Къ этому надо прибавить неопредѣленность границъ имѣній. Съ теченіемъ времени, когда право на гейматы становилось менѣе ненадежнымъ, межевые знаки исчезали. Поэтому арендаторы лишь по необходимости заботились о своемъ земледѣліи и охотно снижвали свое пропитаніе извозомъ и торговлей, что привело къ развитію привычки къ бродячей жизни. Они дѣлали телѣги и другія вещи и сбывали ихъ въ Петербургъ. Нищета и темнота росли. Многіе отправлялись на заработокъ въ Ингерманландію. Встрѣчались кирхшпили съ 200 пустовавшими гейматами ³¹⁰).

Водопадъ Иматра.

Видъ г. Стокгольма 1840-хъ годовъ.

УІІ. Ш в е ц і я.

Стокгольмъ, при вѣздѣ въ него со стороны моря, прелестенъ. Церкви величественно поднимаютъ свои главы къ небу, обрѣзывая «горизонтъ неровной бахрамой». Прекрасенъ королевскій дворецъ итальянской архитектуры. Въ 30 и 40 годахъ въ городѣ не наблюдалось еще шумнаго движенія столицъ и ихъ многолюдства. Въ немъ много было еще узкихъ и неправильныхъ улицъ—наслѣдіе среднихъ вѣковъ. Много въ немъ разнообразной архитектуры зданій, носящихъ печать привлекательной старины. Стокгольмъ не щеголялъ еще магазинами, музеями, памятниками.

8 іюля 1838 г. Стокгольмъ принарядился, ожидая пріѣзда Наслѣдника Всероссійскаго престола. Отъ малой крѣпости до дворца въ два ряда выстроились іолы, съ которыхъ шла пальба. Поднятыя въ верхъ весла и матросы скрывались временами въ клубахъ порохового дыма. Громъ орудій перекачивался въ ущельяхъ скалъ. Берега усыяны пестрой толпой народа. Догоралъ тихій вечеръ, позолоченный лучами уходящаго солнца. Четыре парохода, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, медленно подвигались къ берегу. Отвѣтные салюты съ нашего «Геркулеса» потрясали воз-

духъ, и волновали сердца ожидавшихъ и прибывающихъ. Волшебное зрѣлище! Чудная картина въѣзда Цесаревича въ Стокгольмъ очаровывала всѣхъ ⁵¹²).

Къ общему восторгу вскорѣ присоединилось изумленіе. Изъ устъ въ уста русскихъ офицеровъ стало переходить восклицаніе: «Государь здѣсь». Появились на палубѣ гр. Орловъ, генералъ-адъютантъ Адлербергъ, кн. А. С. Меншиковъ — предвѣстники дѣйствительнаго пребыванія на «Геркулесѣ» Государя. «Геркулесъ» спустилъ большой катеръ съ гребцами; въ катеръ сошли двѣ особы, одна изъ нихъ свиты Е. В. ген.-м. графъ Сухтеленъ. Катеръ пошелъ впереди шведскаго катера, приготовленнаго для Цесаревича и его свиты. Когда катеръ съ двумя особами подошелъ къ берегу и онѣ поднялись на пристань, то одинъ (то былъ еще неузнанный Государь) сказалъ: «на томъ катерѣ Великій Князь». — Наслѣдникъ Престола, его свита и русскіе офицеры сосредоточились затѣмъ во дворцѣ и здѣсь всѣ увидѣли прекрасную, благородную, величественную, державную наружность Николая I въ казацкомъ мундирѣ. «Какъ описать восторгъ нашъ, восклицаетъ очевидецъ. Какъ ни мучило меня любопытство посмотрѣть на Карла XIV, но я не могъ вытерпѣть, чтобы не любоваться прежде всего нашимъ Императоромъ, котораго присутствіе столь неожиданное изумило шведовъ и обрадовало насъ, русскихъ». Цесаревичъ и Государь вошли къ королю. «Sire, vous attendiez le fils et c'est le père qui vous arrive» ⁵¹³).

Король былъ до слезъ пораженъ этимъ сюрпризомъ. Ему было уже 74 года; худенькій, съ большимъ носомъ и чрезвычайно умнымъ выраженіемъ глазъ. — Онъ былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ присутствія столь могущественнаго сосѣда. — Представленные ему генералы были расцѣлованы, другимъ онъ пожалъ руку.

«Я наблюдалъ лица придворныхъ шведскаго короля, — читаемъ далѣе въ воспоминаніяхъ очевидца, — всѣ они были какъ будто въ изумленіи. Конечно, не страхъ привелъ ихъ въ смущеніе, а неожиданность пріѣзда Государя нашего — удивленіе его любезности, его превосходной, поразительной наружности, той ловкости, съ которой Его Величество изволилъ обходиться съ королемъ — маститымъ старцемъ, который, проходя съ Государемъ по комнатамъ своего длиннаго дворца, не чувствовалъ, кажется, вовсе усталости».

На слѣдующее утро Стокгольмъ замолкъ. Всѣ отдыхали послѣ бала. Никто опомниться не могъ отъ этого орлинаго, могучаго

Императоръ Николай Павловичъ.

налета нашего Царя. Самые закоренѣлые враги Россіи прісмирѣли, не зная чему дивиться: своему ли прежнему невѣжеству или этому магическому, неопредѣленному вліянію Русскаго Царя на душу каждого. Двухдневное пребываніе Императора въ Стокгольмѣ

рѣшительно очаровало весь городъ. Всѣ были обворожены Его Величествомъ. Никто не могъ побѣдить въ себѣ этого невольнаго влеченія, которое рождается въ душѣ, при видѣ Царя Николая. Журналисты позамолкли. Словомъ, необыкновенный поворотъ совершился въ умѣ націи ³¹⁴).

«Посѣщеніе Государя Императора въ Стокгольмѣ было совершенно непредвидѣнно и неожиданно, чѣмъ было и пріятнѣе шведскому королю, давно желавшему личнаго съ Государемъ знакомства» ³¹⁵).

Сдѣланный Государемъ политическій шагъ оказался, конечно, сильнѣе разныхъ мирныхъ трактатовъ. Самому королю приписывали слѣдующія слова: «cette visite consolide a jamais ma dynastie sur le trone de Suède» ³¹⁶).

Императоръ Николай I любилъ иногда пріѣзжать сюрпризомъ то въ Берлинъ, то въ Вѣну, озадачивая коронованныхъ особъ и представителей Россіи. Находясь въ 1835 году въ Теплицѣ, Николай Павловичъ неожиданно обратился къ австрійскому императору Фердинанду съ вопросомъ, не будетъ-ли отъ него какихъ-либо порученій въ Вѣну, и экстренно собрался въ путь. Профессоръ Э. Шиманъ (Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Band III, Berlin 1913), коснувшись поѣздки Государя въ Стокгольмъ, рисуеъ переполохъ, возникшій въ шведскомъ дворцѣ. По его словамъ, шведы усмотрѣли въ внезапномъ появленіи Государя проявленіе пренебреженія къ своему Королю. И едва Государь покинулъ шведскую территорію, какъ въ Стокгольмѣ произошла враждебная Россіи демонстрація, которую пришлось обуздать высылкой на улицы войска и артиллеріи. Мы считаемъ описаніе Шимана преувеличеннымъ и дѣло съ нерасположеніемъ къ Россіи обстояло нѣсколько иначе. Не внезапный пріѣздъ, а вообще дружелюбное отношеніе короля къ Россіи раздражало шведскій народъ. Извѣстно, пишетъ Е. В. Ивановъ, что въ послѣднюю Польскую кампанію шведское войско требовало отъ короля идти въ Финляндію. Король воспротивился. Онъ разсуждалъ такъ: «Россія теперь занята войной, мы, конечно, можемъ взять Финляндію, но будемъ-ли мы въ силахъ удержать ее». Эти слова схожи со словами, сказанными имъ въ 1812 г. Сходство показываетъ, что здѣсь нѣтъ измышленія.

«Надобно быть въ Швеціи,—сказалъ подп. Тамеландеръ (помощникъ Абоскаго коменданта), чтобы имѣть точное понятіе о

ненависти къ русскимъ шведскаго народа» ⁵¹⁷). «Подп. Тамеландеръ прибавлялъ, какъ сильно вооружень противъ русскихъ шведскій народъ, даже отдаленныхъ мѣстъ» ⁵¹⁸).

Въ періодъ нахождения нашего Монарха и Его Наслѣдника на шведской территоріи вражда затихла и населеніе проявило

Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ.

много политическаго такта. Путешествіе Наслѣдника Цесаревича, въ іюль 1838 г. по Швеціи совершилось вполнѣ благополучно. Повсюду народъ толпился и привѣтствовалъ Августѣйшаго гостя радостными криками. Шведы сумѣли оцѣнить дружеское вниманіе къ нимъ Россійскаго Императора, пославшаго своего сына путешествовать по ихъ странѣ. Вездѣ играли «Боже Царя храни» и

пѣли стихи по случаю прїѣзда Его Высочества. Наслѣдникъ осмотрѣлъ въ Швеціи все достойное вниманія и изъ Гетеборга отправился въ Копенгагенъ ⁵¹⁹).

Отношенія между главами Россіи и Швеціи были наилучшія; видимо ихъ сближали рыцарскія открытыя сердца. Но общественное мнѣніе Швеціи никакого расположенія и довѣрія къ Россіи не питало; напротивъ, насколько оно отражалось въ газетахъ того времени, являлось открыто враждебнымъ. Газеты не уставали твердить о тираніи и русскомъ деспотизмѣ и по разнымъ поводамъ высказывать свое нерасположеніе. Шла ли рѣчь о взятіи Варшавы, театральной пьесѣ изъ русской исторіи, о Финляндіи и т. п., стрѣлы, налитанныя злобой, направлялись по адресу Россіи и ея Двора. Не мало разсужденій было высказано о пользѣ Сѣвернаго Скандинавскаго Союза для обузданія завоевательныхъ стремленій Россіи, той Россіи, которая никогда не обмолвилась дурнымъ словомъ о Швеціи и, войдя въ свои естественныя границы у Балтійскаго моря, вела по отношенію ко всему Сѣверу самую миролюбивую и добрососѣдскую политику.

Возмущеніе Польши—дѣло всей Европы. Паденіе Варшавы не означаетъ еще уничтоженіе партій, которыя являются голосомъ свободы, раздававшимся не только въ Польшѣ, но и во Франціи и даже въ Германіи. Таково было мнѣніе газеты «Stockholms Posten» 1831 г. (№№ 274 и 275), содержаніе коей было доведено до Высочайшаго свѣдѣнія, какъ видно изъ архива кн. А. С. Меншикова.

Постановка на сценѣ пьесы «Любимецъ» изъ жизни Екатерины II даетъ автору газетной статьи поводъ иронизировать на разные лады. Онъ изумляется театральной дирекціи, выведшей на сцену русскую императрицу въ вихрѣ интригъ ея любимцевъ; онъ удивляется цензурѣ, допускающей осмѣяніе царскихъ слабостей, «тогда какъ Левъ Гёты и Орель Россіи состоятъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ». Развѣ дирекція не знаетъ, что весна сдѣлала уже воды Балтики удобными для плаванія и берега Скандинавіи «болѣе аппетитными»? Однако, успокойся, безпокойное сердце. Взгляни на дѣло поближе, и ни малѣйшая опасность не угрожаетъ солнцу твоего патріотизма. Вѣдь та-же Екатерина увѣнчана цвѣтами, изъ ея слабостей создались слава и величіе Россіи.... Не забыты авторомъ и Сибирскіе зефиры, превращенные на сценѣ въ душистую амбру Императорской милости, и кнутъ, и оковы и пр. ⁵²⁰).

Особенно подходящей темой для либеральной печати оставалась, конечно, Финляндія. Нѣкоторыя газеты не мирились съ тѣмъ, что въ 1812 году Швеція согласилась встать на сторону Россіи, не выговоривъ возвращенія этой провинціи. «Финляндія не входила въ расчеты короля; она была вытѣснена другими чувствами, которыя трудно объяснить, но современемъ, вѣроятно, будутъ еще открыты»,—вздыхала газета «Dagligt Allehanda» (1843, №№ 167 и 168), укоряя въ то же время собрата по перу—«Шведскую Пчелу», у которой нашлась лишь пара словъ о бѣдной Финляндіи, и эти слова сводились къ тому, что въ дѣйствительности было хорошо

Стокгольмскіе костюмы 1840 г.

освободиться отъ этой провинціи, такъ какъ, владѣя ею, не имѣли бы покоя отъ Россіи. Финляндія стоила Швеціи болѣе, чѣмъ она платила... Развѣ Швеція пріобрѣла ее, покупкою? Нѣтъ, Финляндія была частью насъ самихъ, жила въ насъ, и мы въ ней. Это не сплавъ, а органическое единеніе. «Развѣ рука спрашиваетъ, что стоитъ содержаніе ноги!» «Деревяшка обойдется, пожалуй, дешевле, но таинства бухгалтеріи здѣсь не примѣнимы. Мы молились и пѣли хвалу Господу по одной и той-же книгѣ. Мы сиживали вмѣстѣ, вмѣстѣ законъ учреждали. Мы вмѣстѣ кровь лили. А тотъ прекрасный полкъ, который лежитъ рядомъ съ великимъ королемъ на Лютценскомъ полѣ? Развѣ онъ былъ изъ наемныхъ полковъ Густава Адольфа? Нѣтъ, это—финны, павшіе съ радостной душой за Швецію, за свое отечество»..

Но, вѣдь, рядомъ находился алчный сосѣдъ и, потому хорошо, что мы сбѣли Финляндію съ рукъ. А помните ли женщину, которая, спасаясь отъ волка, кинула ему своего ребенка? Да, говорятъ, что волкъ оставилъ ее лишь на одну минуту. Но, вѣдь, Швеціи дали Норвегію? «Почти не стоитъ труда показывать, какую роль играло чувство шведовъ при выборѣ» между Норвегіей и Финляндіей. Газета кончаетъ сожалѣніемъ, что орлиное крыло не было подрѣзано (въ 1812 г.), когда лезвіе ножа находилось къ нему столь близко.

Другой неистерпаемой темой либеральныхъ газетъ Швеціи былъ «русскій деспотизмъ», русская тиранія, владычество казаковъ надъ Европою. «Надлежитъ сперва погасить свѣтъ разума, чтобы тиранія могла спокойно пользоваться своимъ могуществомъ». Тушеніемъ разума наиболѣе занимались ксендзы и іезуиты. «Если бы деспотизмъ могъ споспѣшествовать матеріальному благосостоянію, ихъ просвѣщенію и образованію, тогда онъ не былъ бы достоинъ отвращенія. Но когда мы видимъ, что онъ налогами, общественными постановленіями подавляетъ или разрушаетъ внѣшнее благосостояніе народовъ и обскурантизмомъ и ханжествомъ губить ихъ духовныя силы, то нельзя не видѣть, что деспотизмъ есть также врагъ челоѣчества» ⁵²¹).

Газета («Dagligt Allehanda» 1851 г., № 282) предвѣщаетъ наступленіе кровавой борьбы между демократіей и «казачьимъ правленіемъ» и т. д.

Лѣтомъ 1840 г. совершилъ поѣздку въ Швецію адъютантъ-лейтенантъ Сколковъ. Его вниманіе обращено было главнымъ образомъ на морское дѣло. О результатѣ своей, совершенно частной, поѣздки онъ представилъ весьма обстоятельную записку, которая сохранилась въ бумагахъ кн. А. С. Меншикова. Трудность прежнихъ морскихъ переѣздовъ и медленность берегового сообщенія приводили къ тому, что Швецію очень рѣдко посѣщали путешественники. Пароходное сообщеніе измѣнило все и, начиная съ тридцатыхъ годовъ, Швеція сдѣлалась болѣе доступной. Въ 1840 г. въ Швецію считалось уже до 40 пароходовъ. Съ пассажировъ они брали самую умѣренную плату, такъ какъ хозяева пароходовъ довольствовались тремя и четырьмя процентами дохода на свои капиталы. Монополіи никому не было выдано, и всѣ пароходы стремились къ пріобрѣтенію расположенія общественнаго мнѣнія. Большинство шведскихъ пароходовъ имѣли машины отъ 30 до

60 силъ; въ 1840 г. военный пароходъ, предназначенный для перевозки почты, впервые получилъ машину въ 180 силъ. Отапливались они исключительно дровами, почему нерѣдко палубы заняты были цѣлыми полѣницами. На шведскихъ пароходахъ, въ числѣ офицеровъ не было ни одного иностранца. Въ 1837 г. Швеція имѣла

Король Карлъ XIV Юганъ
(1843 г.).

до 130 военныхъ судовъ, и коммерческій флотъ достигалъ до 1.000 судовъ. Нѣкоторыя мореходныя училища содержались даже частными лицами. Морская академія никакихъ преимуществъ своимъ слушателямъ не давала и, тѣмъ не менѣе, она всегда была наполнена ими.

Шведскій король Карлъ XIV былъ чрезвычайно расположенъ къ нашему правительству, и о посѣщеніи его Государемъ Императоромъ говорилъ почти со слезами. Король сказалъ Клинковстрему, что любить Государя Николая Павловича какъ славу! Къ сожалѣнію, привязанность народа къ королю и общее уваженіе замѣтно падали, съ развитіемъ въ королевствѣ либеральнаго направленія. Дерзость публичныхъ листковъ, остававшихся безнаказанными, переходила всякіе предѣлы. «Духъ народный въ Стокгольмѣ весьма враждебенъ намъ»,—писалъ Сколковъ. Кронпринцъ Оскаръ, ища популярности, также проявлялъ непріязнь къ Россіи, какъ и его окружавшіе, среди которыхъ выдѣлялся начальникъ его штаба

ген. Левренъ, выходецъ изъ Финляндіи. «Судя по общимъ слухамъ, можно полагать», что въ Швеціи имѣлась партія, жившая надеждой, при перемѣнѣ царствованія, вновь завоевать Финляндію.—Швеція имѣла возможность выставить до 160.000 войска. «При покушеніи-же ея на Финляндію» главная роль предназначалась шведскому гребному флоту ³²²).

Король былъ старъ и слабъ. Русскимъ, слѣдившимъ за отношеніями къ намъ сосѣдей за Ботническимъ заливомъ, крайне нежела- тельна была его утеря «по дурному духу Швеціи и по слабости наслѣдника». Въ началѣ 1844 г. Карлъ XIV скончался; по этому поводу современникъ писалъ: «Потеря короля Шведскаго для насъ чувствительна: очень желаю, чтобы сынъ наслѣдовалъ отцовскія чувства къ Россіи и всегдашнее благорасположеніе» ⁵²³).

Представителемъ Швеціи въ Петербургѣ многіе годы былъ Нильсъ Фридрихъ Пальмшерн. Кн. П. А. Вяземскій даетъ о немъ очень хорошій отзывъ. «Онъ былъ умный и образованный человѣкъ. Въ сравненіи съ другими сослуживцами его, аккредитованными при Русскомъ дворѣ, можно сказать, что онъ довольно обрусѣлъ. Онъ очень порядочно выучился нашему языку, ознакомился съ литературою нашею и со вниманіемъ слѣдилъ за движеніями ея. За такую внимательность, литература наша, не избалованная (особенно въ то время) ухажи- ваніемъ иностранцевъ за нею, должна помянуть его добромъ и признательностью. На его дипломатическіе обѣды бывалъ

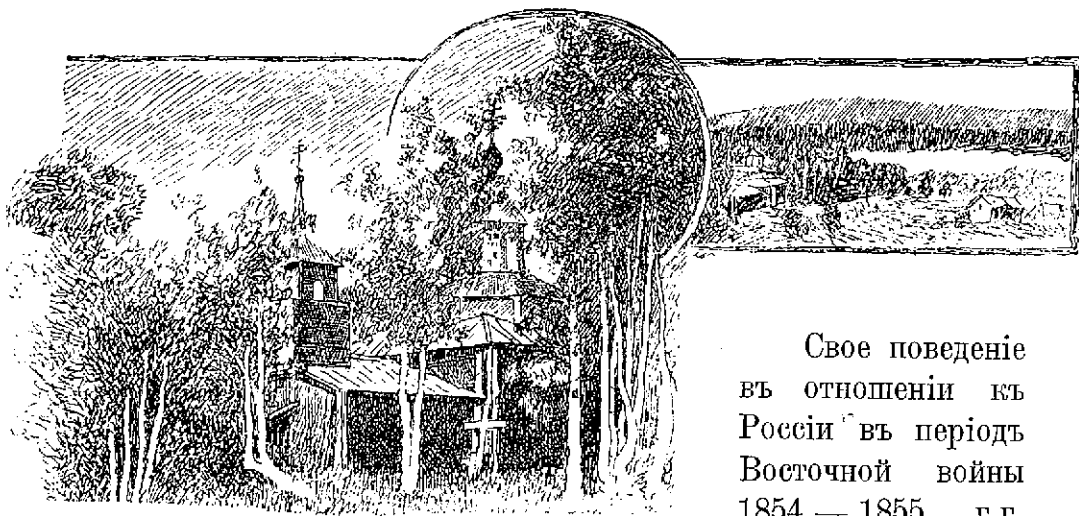
Кронпринцъ Оскаръ.

даже приглашенъ Гречъ, что совершенно внѣ посланни- ческихъ обыкновеній и дипломатическихъ преданій. Пальм- шерн былъ очень вѣжливъ и общежителенъ, хотя и пробивалась въ немъ нѣкоторая скандинавская угловатость и суровость. Но вѣжливость совершенно измѣняла ему за игорнымъ столомъ». ⁵²⁴).

Въ 1846 г. кронпринцъ Оскаръ-Фридрихъ (будущій король Оскаръ II) посѣтилъ Россію. Николай Павловичъ привѣтствовалъ его очень радушно и развлекалъ парадными, смотрами, маневрами, театральными представленіями. Въ свитѣ Оскара находился В. В. Гафферъ—впослѣдствіи морской министръ Норвегіи. Онъ оставилъ записки, изъ которыхъ видно, что шведы любовались внушительной фигурой Императора, принимавшаго парадъ въ

кавалергардскомъ мундирѣ, не смотря на то, что дождь лилъ, какъ изъ ведра. «Я замѣтилъ,—писалъ Гаффнеръ,—что составилъ себѣ совершенно ложное представленіе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который въ своемъ лицѣ соединяетъ все, и, дѣлая свое дѣло, показываетъ, что онъ знаетъ все на память»... «Я могу сказать по своимъ наблюденіямъ, что это человѣкъ необыкновенныхъ способностей, сильной души и твердой воли». Въ присутствіи шведовъ, Государь дѣлалъ маневры и ученія безъ всякой чужой помощи; онъ лично командовалъ артиллеріей, во время боевой тревоги на борту корабля. «Онъ также хорошо правилъ кораблемъ, какъ управлялъ арміей въ сто тысячъ человѣкъ». Онъ былъ очень привѣтливъ и шутилъ. Указывая на одинъ изъ строившихся фортвъ Кронштадта, онъ сказалъ: «Это мое младшее дитя; у него только что прорѣзываются зубы, но оно еще нуждается въ кормилицѣ». И этого человѣка внѣ Россіи считали мрачнымъ тираномъ. Гаффнеръ не усмотрѣлъ въ немъ «ни малѣйшаго слѣда деспотизма и удивлялся его добротѣ и простотѣ». Да, небрежности онъ не терпѣлъ. А ея вокругъ было цѣлое море. Государь уничтожалъ ее взысканіями, которыя рождали недовольство.—

31 іюля шведы простились «съ прекрасной гостепріимной страной» ⁶²⁵).

Печенгскій монастырь.

Свое поведеніе въ отношеніи къ Россіи въ періодъ Восточной войны 1854 — 1855 г.г. шведское правительство и общество

объясняли, какъ прямое послѣдствіе переговоровъ по русско-норвежскому разграниченію. Безъ исторіи этихъ переговоровъ мно-

го останется непонятнымъ. Очеркъ ихъ поэтому необходимъ. Представляемъ его тѣмъ охотнѣе, что при составленіи его имѣли возможность воспользоваться значительнымъ количествомъ первоисточниковъ, которые до сихъ поръ не выносились изъ архива.—

Первыя свѣдѣнія изъ исторіи Лапландіи имѣютъ полусказочный характеръ. Достоверно извѣстно, что уже въ IX в. датскіе норманы стали сталкиваться тамъ съ русскими пришельцами. Въ XI вѣкѣ русскіе стали укрѣпляться въ Лапландіи, въ качествѣ собственниковъ. Изъ договоровъ, заключенныхъ новгородцами со шведами и норвежцами, видно, что въ 1323 и 1326 г.г. на сѣверѣ проводились «рубезжи», но безъ ограниченія сбора дани. Натуральная граница шла по Паесъ-рѣкѣ и Нявдомской губѣ. По Тязвинскому договору 1595 г. граница проходила по горѣ Ювару, срединѣ озера Энаре (куда впадаетъ рѣка Паесъ-Räs) къ Варангерскому заливу.

Со времени возведенія Трифоноваго Печенгскаго монастыря начинается періодъ расцвѣта Мурмана. Въ 1556 г. царь Иванъ Грозный даровалъ обители обширныя угодья, губы Нявдомскую, Пазрѣцкую, Мотовскую и др. Св. Трифонъ умеръ въ 1583 г., предсказавъ, что монастырю много придется претерпѣть отъ острія меча. Въ 1589 г. шайка финской вольницы перерѣзала большинство монаховъ, разоривъ обитель.

Норвежскіе и финскіе лопари, не соблюдая никакой границы, всегда свободно перекочевывали съ мѣста на мѣсто, почему недоразумѣнія по поводу границы никогда не прекращались.

Въ февралѣ 1822 г. Кольскій земскій судъ донесъ Архангельскому губернскому управленію, что въ (Мотовскомъ, Печенгскомъ и Пазрѣцкомъ) лопарскихъ погостахъ усмотрѣны цѣлыя семейства шведовъ и норвежцевъ, «говорящихъ на лопарскомъ языкѣ». Видовъ на жительство не имѣютъ. Прибыли они для пастьбы своихъ оленей, за отсутствіемъ корма на мѣстахъ своего жительства. Наши лопари жаловались, что они лишаютъ ихъ возможности питать своихъ оленей. «Что повелѣно будетъ съ помянутыми пришельцами дѣлать»? Наши власти предупреждали, что «безъ команды» нельзя выслать этихъ кочевниковъ изъ уѣзда, а выслать необходимо, «паче для церкви», съ чудотворными мощами прендобнаго Трифона, находящейся въ лѣсу, образами и ризами «на немалотысячную сумму». Губернское управленіе сообщило объ этомъ генералъ-губернатору Архангельскому, Вологодскому и

Олонецкому, прося правительство употребить для высылки пришельцовъ мѣры принужденія. Генераль-губернаторъ Клокачевъ предписалъ объявить «не мало не медля», чтобы лопари удалились и впредь не осмѣлились возвращаться въ предѣлы Россійской Имперіи, иначе противъ нихъ употреблена будетъ сила. Одновременно онъ сообщилъ обо всемъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею.

Въ маѣ Алексѣю Ѳедотовичу Клокачеву (р. 1768 г., ум. 1823 г.) пришлось донести гр. Кочубею о новомъ обстоятельстве: 15-ть человекъ изъ военнослужителей «Вардеугской крѣпости шведскаго владѣнія» увозятъ на своей яхтѣ дрова въ крѣпость; осмотромъ мѣстности установлены слѣды «величайшей порубки лѣсовъ».—

Церковь свв. Бориса и Глѣба, построенная въ XVI в. св. Трифономъ на границѣ Норвегіи.

Между тѣмъ у самихъ лопарей,—живущихъ въ каменистой и тундристой мѣстности, — нужда въ лѣсѣ.

И гр. Кочубей, и министръ финансовъ, гр. Гурьевъ, отвѣтили Клокачеву, что норвежское правительство обѣщало нашему посланнику гр. Сухтелену, что обстоятельства будутъ разслѣдованы, и виновные наказаны.

Затѣмъ между Швеціей и Россіей началась длительная переписка по вопросу о пограничной чертѣ за полярнымъ кругомъ. Въ нотахъ шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Кронеберга графу Нессельроде, о коихъ онъ сообщилъ преемнику А. Ѳ. Клокачева—адмиралу Степану Васильевичу Миницкому, указывалось, что споръ этотъ начался со времени основанія русскаго поселенія въ Колѣ, т. е. съ XVI ст., и никогда не былъ разрѣшенъ. Норвегія,—писалъ Кронебергъ,—никогда не отказывалась отъ своихъ правъ на Нявдемъ (Neiden), Пазрѣкъ (Pasoig) и Печенгу (Peisen). Жители этихъ мѣстъ платили подать какъ Норвегіи, такъ и Россіи. Желательно было пресѣчь эти недоразумѣнія.

Государь Императоръ Александръ I пожелалъ въ 1823 г., чтобы на мѣстѣ собраны были свѣдѣнія, кои дали бы возможность судить о важности спора, и чтобы не было воспрещено жителямъ

норвежскихъ селеній (Вардэ и Вадсэ) добывать себѣ средства къ существованію.

С. В. Миницкій сообщилъ гр. Нессельроде, что лопарскіе погосты Невдемскій, Пазрѣцкій и Печенгскій занимаются лѣтомъ ловлею рыбы, а зимою оленеводствомъ. Норвежцы изрѣдка зимой прїѣзжали въ эти погосты «отъ праздности». Главный вредъ причинялся здѣсь кочевкою норвежскихъ лопарей, которые вытаптывали огромныя пространства мха. Мохъ же этотъ вновь вырасталъ не ранѣе 30-ти лѣтъ. Кромѣ того, норвежцы ловили въ верховьяхъ рѣки Пазрѣцкихъ лопарей рыбу. Исслѣдовавъ границу, Миницкій сообщилъ, что ранѣе норвежцы по ней спора не возбуждали. Къ этому добавляетъ, что лопари тамъ обращены въ христіанство преподобнымъ Трифономъ въ XVI в., и, наконецъ, въ жалованной грамотѣ царя Ивана Васильевича, данной преп. Трифону (Печенгскому монастырю) 22 ноября 1556 г., упоминается о пожалованіи Печенгскому монастырю руги на пропитаніе въ вотчину морской губы Нявдемской; слѣдовательно, уже въ тѣ времена мѣсто это принадлежало Россіи ⁵²⁶).

Шведская миссія утверждала, что погосты Нявдемъ, Пазрѣкъ и Печенга должны считаться общими погостами (*foelles districter*); что изслѣдовать теперь взаимныя притязанія обоихъ государствъ—значить бесполезно запутать дѣло. Норвегія-же, желая добраго сосѣдства, хочетъ прекратить всякіе мѣстные споры и условиться о формѣ раздѣла спорныхъ погостовъ. Вновь запросили С. В. Миницкаго,—можно ли согласиться на предложенное Норвегіей разграниченіе?

Генералъ-губернаторъ, просмотрѣвъ рядъ документовъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что мѣста, занятые лопарями Печенгскаго, Пазрѣцкаго и Нявдамскаго погостовъ, «непосредственно принадлежали и принадлежатъ Россіи». Могла ли быть, спрашиваетъ онъ, выстроена церковь въ 1565 г. и нынѣ существующая за рѣкою Пазрѣкою, когда бы не принадлежала земля та Россіи? Согласиться съ норвежскимъ правительствомъ, чтобы границею считалась р. Пазрѣкъ, значило бы уступить мѣста и жителей въ оныхъ, составляющихъ достояніе Россіи. Мѣста малолюдны, но рыбныя ловли (свиги) служатъ къ довольствію жителей всей Архангельской и Вологодской губерній.

Въ отвѣтъ на все это управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, т. е. Павелъ Дивовъ, увѣдомилъ, что по Высочайшему

повелѣнію рѣшено отправить на мѣсто офицера по квартирмейстерской части, подполковника свиты Его Императорскаго Величества Галямина. Въ маѣ 1825 г. Галяминъ былъ въ Архангельскѣ. Получивъ нижнихъ чиновъ, переводчика, парусное мореходное судно, онъ, вмѣстѣ съ прапорщикомъ Вейкартомъ, отправился въ Колу, гдѣ уже находились норвежскіе комиссары. Результатомъ съѣзда комиссаровъ явилась конвенція, заключенная въ Петербургѣ 2—14 мая 1826 г. ³²⁷). Первая ея статья гласитъ: «Поелику трактатомъ, заключеннымъ въ 1751 г. между Швеціей и Даніей, опредѣлена черта границы, долженствовавшей отдѣлить Швецію отъ Норвегіи, то та же самая черта остается неприкосновенною, поелику она служитъ нынѣ границею между великимъ герцогствомъ

Иконостасъ въ древней церкви свв. Бориса и Глѣба.

Финляндіей и королевствомъ Норвежскимъ». Далѣе слѣдуетъ описаніе самой границы. Церковь Бориса и Глѣба, хотя она находится на лѣвомъ берегу Пазрѣка, сохранили за Россіей. По 9 ст. Пазрѣка объявлена свободной для судоходства, сплава лѣса и рыбной ловли ³²⁸).

На В. Галямина возникли разнообразныя нареканія. Въ 1826 г. ему надлежало пройти

границу для установки каменныхъ столбовъ. Лопари Нявдемскаго и Пазрѣцкаго погостовъ единогласно объявили, что они, во время бытности подполковника Галямина въ 1825 и 1826 г.г. старались показать ему старую границу и просили разсмотрѣть ее; но Галяминъ не обратилъ на это никакого вниманія и далѣе церкви Бориса и Глѣба въ первый разъ (т. е. 1825 г.) нигдѣ не бывалъ; границу проходили одни только норвежскіе комиссары. Въ 1826 г. Галяминъ «до постановленія пограничныхъ тѣми же комиссарами знаковъ, все время находился въ мѣстечкѣ Васинѣ норвежскаго владѣнія».

«Неудивительно, поэтому, что Архангельскій губернаторъ Бухаринъ въ своемъ представленіи министру внутреннихъ дѣлъ отъ 14 іюля 1828 г. писалъ, что «разграниченіе, произведенное Галяминымъ, послужило только поводомъ къ насильственному завладѣнію со стороны норвежскихъ жителей даже общихъ (съ русскими) рыбныхъ ловель» ³²⁹).

Благодаря преступной небрежности подполковника Валеріана Галямина, наша граница была отнесена на нѣсколько десятковъ верстъ къ востоку ³³⁰). Норвежцы получили береговую полосу на правомъ берегу Пазъ-губы, всего около 3.000 кв. верстъ.— Норвежцы сыграли на томъ, что существуютъ Пазъ-рѣка и Паесъ-рѣка, которая у русскихъ называлась Пасомъ и впадаетъ въ Энаре. У норвежцевъ обѣ рѣки звучатъ одинаково «Раес». В. Галяминъ не собралъ достаточныхъ данныхъ и предоставилъ хозяйничать норвежскимъ комиссарамъ, а наше министерство иностранныхъ дѣлъ не знало достаточно исторіи лапландскаго вопроса. Договоры 1326, 1493 и 1593 г.г. никогда не считали рѣку Пазъ пограничной, а горный хребетъ на западѣ отъ нея, достигающій Варангеръ-фіорда у Вересъ Наволока. Границами между лопарскими погостами всегда служили горные хребты, а не русла рѣкъ. Бывшіе Нявдемскіе трехданники стали норвежцами, а печенгскіе и паз-рѣцкіе—русскими подданными ³³¹).

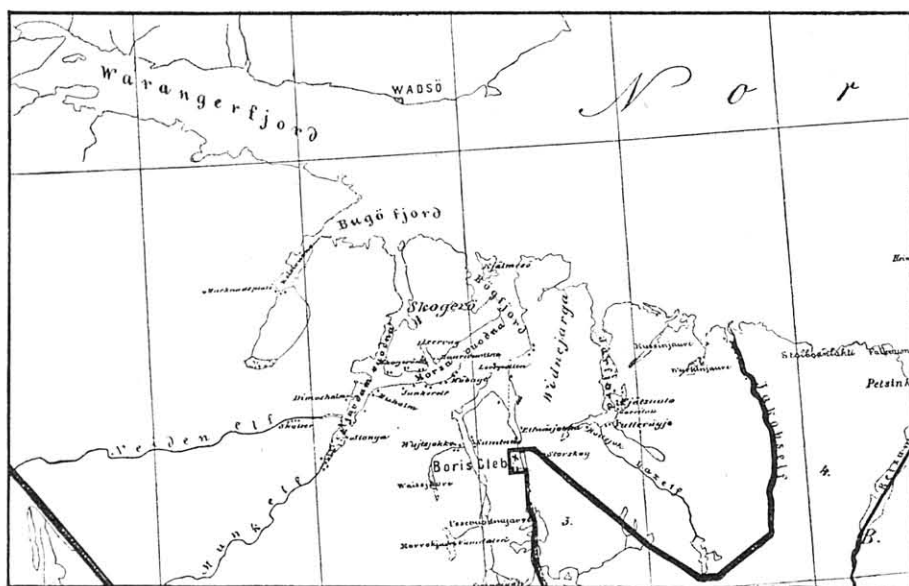
Лучшія части берега, принадлежавшія Россіи, отошли къ Норвегіи, въ видѣ затѣйливаго треугольника у Варангерскаго залива. Извѣстный изслѣдователь сѣвера Россіи, М. Сидоровъ, перечисливъ эти уступки, продолжаетъ: «Такое пріобрѣтеніе обошлось сѣвернымъ нашимъ сосѣдямъ въ 2.000 специнговъ (спецингъ—1 р. 43 к.) и 10 чернобурыхъ лисицъ, поднесенныхъ кому слѣдуетъ» ³³²).

Насколько шведы и норвежцы вообще ревниво относились къ своему достоянію на сѣверѣ, показываетъ поѣздка Карла IX въ 1602 г. въ Финмаркенъ. Мало того, онъ присвоилъ себѣ титулъ «короля лопарей».

Насколько русскія власти отличались незнаніемъ дѣла, показываетъ отвѣтъ генераль-губернатора сѣвера, маркиза де-Траверса. Нѣкоторые архангельскіе, вологодскіе и вятскіе купцы просили разрѣшенія устроить компанію для рыболовства и мореходства въ Печенгской губѣ. Маркизь отказалъ, мотивируя тѣмъ, что «тамъ могутъ жить только два пѣтуха да три курицы».

Въ 1829 г. генераль-губернаторъ Миницкій возобновилъ представленіе о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ русскими лопарями. Управляющій Государственною Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ, т. е. Дивовъ, указалъ на конвенцію 1826 г., по которой (VII статья) предоставлено подданнымъ обоихъ государствъ въ общихъ погостахъ право попрежнему производить, въ продолженіи шести

лѣтъ, рыбную и звѣриную ловлю. Означенный срокъ истекалъ, почему возникалъ вопросъ, слѣдуетъ ли оставить въ силѣ на будущее время дарованныя права. Вмѣстѣ съ тѣмъ желали узнать, полезно ли ввести въ дѣйствія правила разграничительнаго акта 1751 г., заключеннаго тогда между Даніей и Швеціей въ Стремстадѣ (Strömstad) и нужно ли въ совѣщаніе, назначенное между норвежскими и финляндскими уполномоченными, ввести представителя Россіи? Участіе русскаго уполномоченнаго признали необходимымъ, въ виду того, что при разграниченіи 1751 г. Россія

Карта Русско-Норвежской границы.

имѣла своего представителя. Всѣ эти вопросы переданы были пока на разсмотрѣніе архангельскихъ чиновниковъ.

Переписка расла, такъ какъ возникали все новые и новые вопросы и затрудненія. Возникло предложеніе о наблюденіи за ловомъ лососей на р. Танѣ, возникло сомнѣніе въ полномъ дѣйствіи на будущее время акта разграниченія 1751 г. и т. д.

Число финляндскихъ оленей по неизвѣстной причинѣ изъ года въ годъ уменьшалось, тогда какъ число норвежскихъ росло. Къ концу тридцатыхъ годовъ (1839 г.) въ норвежскихъ стадахъ насчитывалось до 50 тыс. головъ, а у финляндцевъ было не болѣе 15 тыс.

Комиссары, назначенные въ 1830 г. для предварительнаго установленія тѣхъ измѣненій, которыя необходимо было ввести

въ трактатъ 1751 г., съѣхались въ Вадсѣ лишь въ 1832 г., а мнѣнія свои представили въ 1834 г. Норвежское правительство не согласилось съ мнѣніемъ своихъ комиссаровъ и вновь затянуло переговоры до конца 1839 г., когда представители сторонъ приступили къ работѣ въ г. Або. Но на первыхъ же засѣданіяхъ выяснилось коренное различіе во мнѣніяхъ по главнѣйшимъ пунктамъ. Въ то же время до 60-ти менѣе важныхъ вопросовъ было рѣшено. Въ апрѣлѣ 1840 г. переговоры въ Або прекратились и нѣсколько позже были возобновлены въ Петербургѣ. Много было затронуто вопросовъ, но согласія по нимъ не добились ⁵³³). 3 іюля—21 іюня 1841 г. баронъ Пальмшерна (Palmstjerna) полномочный министръ и посланникъ Е. В. Короля Швеціи и Норвегіи, писалъ гр. Нессельроде: «.... Такимъ образомъ неизбежно прервать переговоры, въ надеждѣ, что со временемъ можно будетъ придти къ полному согласію. Въ прежнихъ своихъ сношеніяхъ я имѣлъ счастье достигнуть лучшихъ результатовъ, главнымъ образомъ благодаря вице-канцлеру, и не можетъ скрыть своего огорченія при видѣ, какъ разрушаются всѣ его старанія, что надо приписать трудности разбираемаго дѣла»... ⁵³⁴).

20 іюля 1840 г. гр. Ребиндеръ получилъ письмо отъ гр. Нессельроде слѣдующаго содержанія: Графъ Матушевичъ сообщилъ, что король Швеціи, въ конфиденціальномъ разговорѣ съ нимъ, выразилъ желаніе обмѣна земель. Онъ предлагалъ шведскія земли въ Москвѣ и Константинополѣ, имѣя въ виду получить узкую полосу въ сѣверо-западной финляндской Лапландіи. Государь хотѣлъ сперва сразу отклонить это предложеніе въ виду того, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ было отказано въ покупкѣ Константинопольскихъ земель, а участокъ въ Москвѣ представляется ненужнымъ нашему правительству. Однако Его Величество, до окончательнаго отказа, велѣлъ узнать мнѣніе финляндской администраціи по этому вопросу. Гр. Ребиндеръ (20 сент.—2 окт.) отвѣтилъ, что земля, которую желалъ бы получить король, мало населена, состоитъ всего изъ двухъ усадебъ («hemman») и служить пастбищемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ для оленей 9 семействъ кочевыхъ лопарей. Въ виду этого, Улеоборгскій губернаторъ находилъ возможность уступить землю, если въ замѣнъ предоставлятъ часть общихъ дистриктовъ (faelleds districterne), принадлежащихъ Норвегіи по конвенціи 1826 г. Получивъ ихъ, Финляндская Лапландія пріобрѣла бы пунктъ для торговли на Ледовитомъ океанѣ, мѣсто для прокорма лѣтомъ своихъ оленей, а главное—

право заниматься рыбной ловлей, въ чемъ имъ уже отказывали норвежцы» ⁵³⁵).

Дальнѣйшая переписка по сему вопросу намъ неизвѣстна.

Въ виду того, что словесныя распоряженія не приводили къ цѣли, съ 1843 г. возникаетъ мысль о запрещеніи обывателямъ обѣихъ сторонъ границы Финляндіи и Норвегіи заниматься на чужой сторонѣ звѣриною охотою и пригонкою оленьихъ стадъ; но чтобы не разорить кочующихъ норвежцевъ—измѣнить государственную границу такъ, чтобы они получили собственный участокъ около устья рѣки Таны, впадающей въ Ледовитый океанъ. Однако таможни учредить на сѣверѣ русскіе не хотѣли. Эти предложенія исходили отъ финляндскаго Сената. Гр. Нессельроде призналъ ихъ непріемлемыми, несмотря на то, что уже въ 1839 г. Улеоборгскій губернаторъ доносилъ о распоряженіяхъ Норвегіи не допускать финскихъ лопарей къ мѣстамъ рыбнаго лова норвежцевъ. Начиная-же съ 1835 г. норвежцы на своей границѣ чинили инныя препятствія финскимъ лопарямъ ⁵³⁶). Воспрещеніе норвежцамъ,—писалъ графъ,—пригонять стада возбудитъ непріязнь между пограничными обывателями. Отъ приобрѣтенія же участка земли шведскіе и норвежскіе министры отказались три года тому назадъ. Поэтому нерѣшительный вице-канцлеръ Россійской Имперіи предложилъ еще разъ вступить въ переговоры съ Норвегіей.

Въ январѣ 1843 г. русскій уполномоченный въ Стокгольмѣ, Глинка, довелъ до свѣдѣнія министра иностранныхъ дѣлъ Швеціи и Норвегіи, что стада оленей уничтожили урожай въ приходѣхъ Утсіоки и Энаре. Стокгольмскій кабинетъ напомнилъ мѣстнымъ властямъ о необходимости карать нарушителей закона.

На это изъ Петербурга въ теченіе 4 лѣтъ не послѣдовало никакихъ возраженій ⁵³⁷).

Въ ноябрѣ 1847 г. баронъ Крюденеръ указалъ министру иностранныхъ дѣлъ Норвегіи (барону Ihre) на неудовлетворительность пограничныхъ отношеній и на убытки, причиняемые норвежскими лопарями, прибавивъ, что если правительство короля не можетъ дать намъ удовлетворенія, то придется прибѣгнуть къ мѣрамъ, предложеннымъ въ 1843 г. администраціей Вел. Кн. Финляндскаго для закрытія границъ. Баронъ Ihre отвѣтилъ, что давно пора прекратить злоупотребленія, могущія вызвать нежелательныя осложненія ⁵³⁸).

Болѣе 20-ти лѣтъ ушло на безплодные переговоры. Норвегія стояла на томъ, что трактатъ 1751 г. оставался въ силѣ, и по смыслу его финляндскіе лопари не имѣли права рыбныхъ и звѣриныхъ ловель въ Варангерскомъ заливѣ ³³⁹). Наше Министерство, напротивъ, не признавало обязательности сего трактата для Финляндіи, послѣ ея отдѣленія отъ Швеціи, но въ то же время употребляло все мѣры, чтобы прежнія сношенія и права пограничныхъ лопарей оставались обоюднo неприкосновенными, и потому старалось согласить Норвежское Министерство или на востановленіе правъ нашихъ лопарей по точному и безпристрастному толкованію трактата 1751 г., который засимъ и признать на будущее время обязательнымъ, или прекратить взаимное посѣщеніе лопарями смежныхъ владѣній.

Одновременно шли также переговоры о томъ, чтобы открыть для норвежца наши пастбища на 8 мѣсяцевъ въ году, а финляндскимъ лопарямъ норвежскія пастбища лишь на 4 мѣсяца.

Норвежское Министерство ни на то, ни на другое не соглашалось; оно домогалось, съ одной стороны, сохраненія своимъ лопарямъ всѣхъ правъ, основанныхъ на трактатѣ 1751 г., а съ другой—запрещенія жителямъ напей Лапландіи производства рыбныхъ и звѣриныхъ ловель въ Варангерскомъ заливѣ на собственныхъ лодкахъ и собственными снарядами.

23 мая—4 іюня 1851 г. баронъ Крюденеръ передалъ барону Шернелъду (Stjerneld) ноту, написанную съ большимъ достоинствомъ. Прося приступить къ переговорамъ, онъ указываетъ, что существующее въ Лапландіи положеніе недопустимо, оно полезно только норвежскимъ лопарямъ и причиняетъ ущербъ жителямъ Финляндской Лапландіи. Желая согласовать попеченіе о своихъ подданныхъ съ доброжелательнымъ и хорошимъ отношеніемъ къ сосѣду, русское правительство готово сохранить за норвежскими лопарями право пасти оленей въ Финляндіи, но требуетъ также для финляндскихъ лопарей и пастбищъ, и права рыбной ловли, котораго они несправедливо лишены уже давно. Далѣе слѣдуетъ перечень пунктовъ, по которымъ надлежало договориться ³⁴⁰).

14—26 іюня 1851 г. въ Стокгольмѣ состоялась первая конференція по дѣлу лопарей; сразу обнаружилось, что успѣха она имѣть не будетъ. Изъ протокола конференціи видно, что русскіе не согласились принять трактата 1751 г., какъ основаніе сихъ переговоровъ, считая его необязательнымъ для Россіи. «Онъ даже долго

не былъ извѣстенъ Императорскому Правительству».—Норвежскіе представители не согласились допустить финскихъ лопарей въ Варангеръ-фіордъ для рыбной ловли. «Это вызвало бы неминуемо затрудненія... Они сдѣлались бы для мѣстныхъ жителей предметомъ зависти... Вопросъ колонизаціи береговъ Варангеръ-фіорда—предметъ вѣчной заботы норвежскаго правительства»... Прочія русскія предложенія также были отвергнуты противной стороной ⁵⁴¹).

24 іюня—6 іюля 1851 г. участникъ конференціи Лангеншельдъ писалъ генераль-губернатору изъ Стокгольма: «Наконецъ переговоры объ устройствѣ пограничныхъ сношеній между обывателями Финляндіи и Норвежской Лапландіи дошли до того, что уполномоченные Его Вел. Короля Шведскаго и Норвежскаго прямо объявили, что для Норвегіи рыбный промыселъ въ Ледовитомъ океанѣ и его бухтахъ дороже всѣхъ ея кочующихъ лопарей и что поэтому Норвежское правительство не можетъ согласиться допустить осѣдлыхъ обывателей нашей Лапландіи къ рыбной ловлѣ иначе какъ въ сообществѣ съ норвежцами и на ихъ лодкахъ и скорѣе пожертвуетъ своими номадами. Это почти можно было предвидѣть».

Поэтому Лангеншельдъ предлагаетъ трактатъ, основанный «на взаимной выгодѣ». Русскому представителю въ Стокгольмѣ, барону Крюденеру, онъ совѣтовалъ формулировать наши соображенія такъ:

«Съ незапамятныхъ временъ обыватели Лапландіи, безъ различія подданства, пользовались пастбищами и моремъ, а въ 1751 г. сіе пользованіе было точнѣе опредѣлено трактатомъ, подавшемъ въ послѣднее время поводъ къ различнымъ толкованіямъ», но ранѣе, до 1808 г., онъ понимался въ томъ смыслѣ, что обыватели Финляндской Лапландіи допускались безъ всякаго протеста къ рыбному промыслу на собственныхъ лодкахъ. При заключеніи Фридрихсгамскаго мира (1809 г.), трактатъ 1751 г. не былъ упомянутъ, а посему обязательность сего трактата прекратилась; но русское правительство, признавая обоюдность пользы, по прежнему допускало номадовъ и осѣдлыхъ обывателей пользоваться въ предѣлахъ Финляндской Лапландіи рыбными ловлями на собственныхъ лодкахъ. Такъ продолжалось до 1826 г. Норвежцы противъ этого никогда ранѣе не протестовали. Въ 1826 г. была опредѣлена граница между Архангельской губерніей и Норвегіей. Часть этой границы касалась Финляндіи. Въ сущности была признана

граница 1751 г.—Вмѣстѣ съ тѣмъ прежній порядокъ былъ продленъ на 6 лѣтъ.—Норвегія съ этого времени стала съ каждымъ годомъ ограничивать права на рыбныя ловли обывателей Финляндской Лапландіи, тогда какъ норвежскіе номады все далѣе и далѣе проникали въ глубь Финляндіи.

Въ 1832 г. русское правительство открыло переговоры, желая заключенія новаго трактата, причемъ трактатъ 1751 г. былъ предложенъ въ видѣ образца; но, убѣдившись въ безуспѣшности этихъ переговоровъ и опасаясь разоренія Финляндской Лапландіи, рѣшилось устранить трактатъ 1751 г. даже какъ образецъ, если не прекратится настоящее положеніе и представляются нынѣ новыя справедливыя основанія для новаго трактата...

Все это Лангеншельдъ предлагалъ предпослать нашему ultimatum'у и рѣшенію закрыть границу.

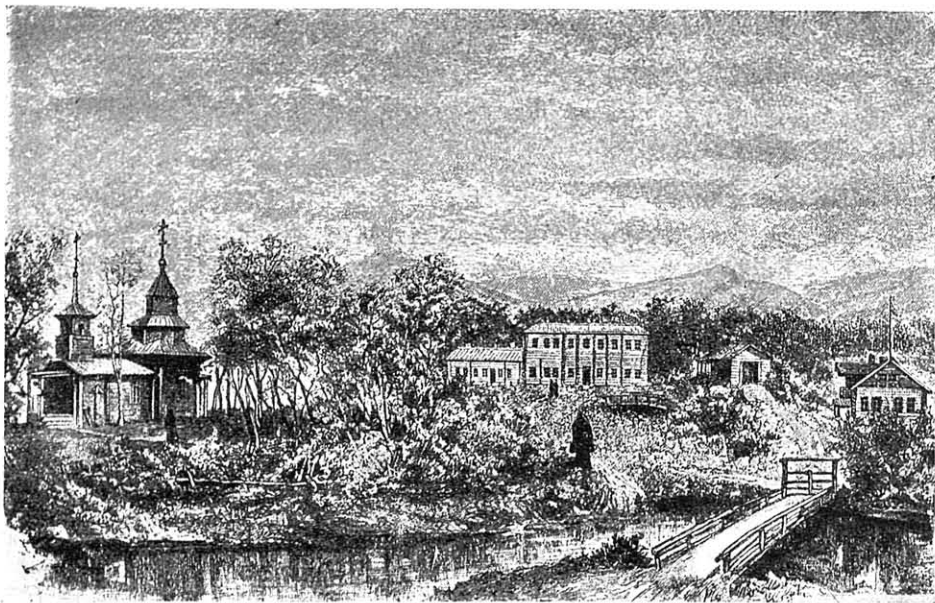
Нашему правительству представилась возможность дѣйствовать опредѣленнѣе и поднять тонъ переговоровъ, вслѣдствіе того, что наши лопари перестали нуждаться въ Норвежскихъ владѣніяхъ для своихъ оленей, а тѣ, которые въ нихъ нуждались, уже переселились совершенно въ Норвегію. На звѣриную ловлю ходило тогда изъ Финляндіи въ Норвегію лишь 6 семействъ, а изъ Норвегіи къ намъ 350 человѣкъ ежегодно.—Если мы домогались правъ для лопарей на рыбную ловлю, то въ предположеніи, что они, получивъ ихъ, обратятъ всѣ свои силы на этотъ богатый промыселъ.

Баронъ Крюденеръ писалъ 26 іюня—8 іюля 1851 г. изъ Стокгольма графу Нессельроде, что Норвегія не допуститъ финскихъ лопарей въ Варангерскій заливъ для рыбной ловли. Она опасается соперничества этихъ рыболововъ и вообще боится допустить на свою территорію такого могущественнаго сосѣда, какъ Россія. Норвегія хотѣла укрѣпить договоромъ существующее незаконное положеніе въ Лапландіи, не дѣлая никакихъ уступокъ, или же просто затянуть переговоры. Она не позволяетъ нашимъ лопарямъ даже построить складовъ въ Варангеръ-фіордѣ. Баронъ указывалъ, наконецъ, что пора запретить норвежскимъ лопарямъ переходъ нашей границы.

Въ то же время кн. А. С. Меншиковъ былъ увѣдомленъ, что баронъ Крюденеръ не скрываетъ отсутствія надеждъ на соглашеніе съ Норвегіей. Она не допуститъ постояннаго водворенія на прибрежьи Варагерскаго залива русскихъ подданныхъ. Баронъ Крюде-

неръ просилъ поэтому разрѣшенія объявить теперь же (іюль 1851 г.) о немедленномъ закрытіи нашей границы.

Въ частныхъ письмахъ (напримѣръ отъ 24 октября—5 ноября 1851 г.) къ гр. Нессельроде баронъ Крюденеръ продолжалъ жаловаться на норвежскаго уполномоченнаго г. Дие, съ которымъ невозможно придти къ соглашенію... Очевидно, норвежцы желали затянуть переговоры. Норвежскій уполномоченный просилъ о продленіи срока закрытія нашей границы, «но вмѣсто того, чтобы обратиться къ великодушію Государя Императора, онъ изложилъ

Общій видъ Печенгскаго монастыря.

свою просьбу въ такихъ неприличныхъ выраженіяхъ»... «Изъ прилагаемыхъ протоколовъ ваше сіятельство убѣдится, какъ мало выказало норвежское правительство добросовѣстности и честности во время переговоровъ».

Въ протоколахъ дальнѣйшихъ засѣданій 8—20 авг., 18—30 окт. 1851 г. значится, между прочимъ: Обязуя финскихъ лопарей занимать у норвежцевъ лодки и рыболовные снаряды, «изъ нихъ дѣлають просто рабочихъ для норвежцевъ»... «Финляндскіе лопари, теперь русскіе подданные, занимаясь рыбной ловлей въ Варангенѣ, очевидно, пользовались своими лодками... Трактатъ 1751 г., по прошествіи столѣтія, сдѣлался неприемлемымъ, и русскіе никогда не добивались права рыбной ловли въ Варангеръ-фіордѣ, какъ не

основанной на этомъ трактатѣ, а только въ силу обычая, находя, что разъ норвежцы могутъ пасти своихъ оленей въ Финляндіи, справедливость требуетъ, чтобы финскіе лопари могли заниматься рыбной ловлей въ Норвегіи. Норвежскіе олени, въ числѣ 60 тыс., въ теченіе 8 мѣсяцевъ ежегодно паслись въ Финляндіи. Императорское правительство не требуетъ жертвы въ ущербъ норвежскихъ подданныхъ, но оно обязано соблюдать собственные интересы... Оно обязано, такимъ образомъ, запретить норвежскимъ лопарямъ перекочевывать въ Финляндію со своими оленями... Но такъ какъ Императорскій кабинетъ не желаетъ создавать норвежскому правительству затрудненія и разорить лопарей, то соглашается на сохраненіе *statu quo* до 3—15 сентября 1852 г., съ условіемъ, чтобы финляндскіе лопари весной пользовались пастбищами и рыбной ловлей въ Норвегіи. Все справедливо, и казалось бы, что норвежское правительство должно было удовлетвориться закрытіемъ границъ, такъ какъ оно часто заявляло,—читаемъ у А. Кульберга,—что политика открытыхъ дверей выгодна только Финляндіи ³⁴²).

Но нѣтъ. Ознакомившись съ деклараціей Императорскаго правительства, уполномоченные Норвегіи «съ величайшимъ удивленіемъ и огорченіемъ узнали о его рѣшеніи». И далѣе они заявили, что это рѣшеніе причиняетъ норвежскому правительству «серьезное безпокойство, какъ съ политической точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія челоѣколюбія». Закрытіе границы вызоветъ много невольныхъ нарушеній, вслѣдствіе отсутствія постоянного мѣстнаго наблюденія и дикихъ нравовъ и обычаевъ кочевниковъ. Будутъ ссоры и недоразумѣнія, и норвежское правительство заранее отказывается отъ всякой отвѣтственности. «Не таковы были намѣренія норвежскаго правительства, когда оно начало настоящіе переговоры, надѣясь увеличить добрыя сосѣдскія отношенія»... Закрытіе границы,—продолжали уполномоченные Норвегіи,—если не уничтожитъ лопарей, то во всякомъ случаѣ кореннымъ образомъ измѣнитъ ихъ существованіе, какъ кочевого народа. Норвежское правительство можетъ сказать, что «по совѣсти» исполнило свои обязанности. «Оно выражаетъ надежду, что закрытіе границы будетъ отложено, дабы избавить кочевниковъ отъ ожидаемыхъ бѣдствій».

За безуспѣшностью всѣхъ переговоровъ съ Норвегіей, Высочайше было повелѣно:

Съ 3—15 сентября 1852 г. запретъ нашу границу для пастбищъ Норвежскихъ оленей. Нашимъ лопарямъ одновременно воспреща-

лось посѣщать Норвегію со своими оленями и ловить рыбу въ Варангерскомъ заливѣ на свой счетъ ³⁴³).

Норвегія отвѣтила, конечно, тѣмъ-же, учредивъ въ своемъ округѣ особую комиссію для надзора ³⁴⁴).

Рѣшеніе Россіи произвело въ Швеціи и Норвегіи впечатлѣніе мѣры, имѣвшей цѣлью создать *casus belli*. Шведскій писатель А. Кульбергъ, разсмотрѣвъ нынѣ это дѣло, убѣдился, что никакая серьезная опасность Скандинавіи не угрожала, что у Россіи было одно желаніе добиться уничтоженія договора 1751 г. и что требованія Крюденера были лишь повтореніемъ условій финляндскихъ комиссаровъ, выставленныхъ десять лѣтъ назадъ. А. Кульбергъ не можетъ повѣрить, чтобы Россія стремилась къ войнѣ. Онъ знаетъ, миролюбивый характеръ Николая Павловича и ему извѣстно, что этими переговорами руководилъ самъ Государь. Другой писатель—Эрикъ Алькманъ (Alkman), считающійся знатокомъ этого вопроса,—утверждаетъ, что русскія требованія исходили отъ мѣстныхъ финляндскихъ властей ³⁴⁵).

Финляндскихъ властей, просившихъ о допущеніи финскихъ лопарей «къ рыбнымъ и тюленьимъ ловлямъ въ Россійскихъ водахъ Архангельской губерніи», Министръ Государственныхъ Имуществъ, гр. Киселевъ, увѣдомилъ, что «къ сему нѣтъ препятствій» ³⁴⁶). Впослѣдствіи финляндскія власти стали добиваться отдѣльнаго участка у Ледовитаго океана, какъ вознагражденіе за присоединеніе Сестрорѣцка къ Петербургской губерніи. Но на этотъ разъ въ русскихъ заговорилъ патріотизмъ. Профессоръ Богдановъ, посѣтивъ лѣтомъ 1880 г., ту часть земли, которую финляндцы желали прирѣзать, заявилъ, что она представляетъ большое національное богатство Россіи. Газета «Голосъ» высказалась за интересы мѣстнаго православнаго населенія, прибавивъ, что, когда Александръ I присоединилъ къ Финляндіи Выборгскую губернію, то ничѣмъ не вознаградилъ Россію, которая лишилась цѣлой губерніи ³⁴⁷).

Финляндская печать не разъ затрагивала вопросы о Варангеръ-фіордѣ и объ участи своихъ лопарей въ Лапландіи. При этомъ она иногда говорила весьма опредѣленно. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ «Helsingfors Dagblad (16 Augusti 1884) читаемъ такое разсужденіе. На вопросъ о лопаряхъ можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: этнографической и политической. Въ первомъ случаѣ—все лопари составляютъ одну народность, гдѣ бы они ни обитали;

выводы отсюда ясны. Поднявшись на вторую точку зрѣнія, финляндцы заявили: «Какъ самостоятельное государство, мы обязаны соблюдать интересы нашей страны, и на этомъ пути сдѣлать какое-либо исключеніе для подданныхъ чужого государства можно лишь при условіи, чтобы такое же исключеніе было сдѣлано для нашихъ подданныхъ на территоріи чужого государства»....

Еще опредѣленнѣе высказался ярый финноманъ Эрvasti въ 1884 г. ⁵⁴⁸). «Такъ или иначе, волей или неволей, но южный Варангеръ (Sydvaranger) долженъ принадлежать Финляндіи». Эрvasti предложилъ даже прибѣгнуть къ содѣйствию западныхъ державъ, съ тѣмъ, чтобы произведенъ былъ общій плебисцитъ въ указанномъ приходѣ. Газета высказалась противъ подобныхъ завоевательныхъ плановъ (eröfringsplaner). «Намъ представляется,—говоритъ она,—что подобныя спекуляціи являются совершенно бесполезными и даже, пожалуй, вредными для нашей страны».

Итакъ, въ 1884 г. въ Финляндіи бродила (вновь Арвидсоновская) мысль о привлеченіи къ своему дѣлу западно-европейскихъ державъ. Тогда газета осудила эту мысль, а въ наши дни вся Финляндія рукоплещетъ подобнымъ планамъ и широко пользуется ими. Видно, что Финляндія ⁵⁴⁹) прогрессировала въ области политики и своихъ центробѣжныхъ стремленіяхъ.

Не мало мѣста удѣлено было въ печати Швеціи вопросу о скандинавизмѣ. Скандинавская великая держава оказалась быстро мелькнувшей мечтой. Приходилось подумать о возможности общей сѣверной политики. Такія мысли иногда приходили какъ Густаву II Адольфу, такъ и Акселю Оксеншерну.

Шведы, понесшіе столь большія потери на востокѣ, рассчитывали, что единодушнымъ соединеніемъ народовъ Сѣвера возможно будетъ упрочить свое дальнѣйшее свободное развитіе и свою самостоятельность.—Цѣлью своей они поставили поэтому «народный союзъ» сѣверныхъ державъ. ⁵⁵⁰).

Въ 1839 г. состоялся первый съѣздъ скандинавскихъ естествоиспытателей въ Гётеборгѣ ⁵⁵¹), который былъ въ сущности замаскированнымъ собраніемъ лицъ, сочувствовавшихъ идеѣ скандинавизма.

Въ 1843 г. произошло первое великое студенческое паломничество въ Упсалу, въ которомъ приняли участіе сотни двѣ датчанъ

и небольшое число лундскихъ студентовъ ⁵⁵²). Идея его принадлежала Даніи, растерявшей большую часть своихъ владѣній, а вмѣстѣ съ ними и свое значеніе, среди державъ. Профессоръ Аттербомъ издалъ маленькую брошюру «О скандинавскомъ союзѣ», въ которой приводитъ слова о скандинавскомъ «общезитіи въ духѣ и истинѣ, въ чувствѣ и мысли, въ поэмѣ и изслѣдованіи, въ поэзіи и наукѣ, въ искусствѣ и литературѣ, въ старинной лѣтописи и надеждѣ на будущее» ⁵⁵³).

Студенческія торжества 1843 г. не обошлись безъ участія финляндцевъ. Одинъ изъ нихъ въ «стихахъ» «трогательными чертами» напомнилъ о древнихъ милыхъ родственныхъ узахъ Ауры со Свеею. Ему сдержанно отвѣтилъ студентъ, сказавъ, что финны никогда не забудутъ, что изъ Швеціи они получили свое образованіе и духовную жизнь. Стокгольмскія газеты нашли необходимымъ прибавить, что эта рѣчь студента «походила на глубокій вздохъ»; его слова подавлялись «сдержанными слезами» и «въ этихъ подавленныхъ звукахъ было нѣчто мрачное, меланхолическое» ⁵⁵⁴).

По вопросу о Скандинавскомъ союзѣ возгорѣлась полемика ⁵⁵⁵). «Aftonbladet» жарко отстаиваетъ его, видя въ немъ союзъ двигателя цивилизаціи и сторонника идей, въ борьбѣ «идеи со штыкомъ». Эти два слова заключаютъ въ себѣ программу будущности Европы. Засимъ слѣдуетъ потокъ обычныхъ либеральныхъ фразъ, чтобы подъ его шумнымъ напоромъ легче обрушиться на Россію. «Глава штыковъ—Россія. Когда она обнажитъ свой мечъ, Скандинавіи останется или, подобно рабу, поцѣловать ногу властителя, или, въ видѣ форпоста свободныхъ понятій, биться на жизнь и на смерть противъ «штыковъ монархическихъ предразсудковъ», противъ полчищъ Востока. «Хитрѣйшая» Россія лучше другихъ оцѣнила значеніе Союза. «Она слишкомъ хорошо видитъ, что съ того времени, какъ составится подобный Союзъ, превосходство ея могущества неозвратно окончится, какъ на Сѣверѣ, такъ и въ Европѣ... Ясно, что Россія никогда не дозволитъ Швеціи, Даніи и Норвегіи составить «сѣверный трилистникъ»...

Но существовало въ Швеціи и другое воззрѣніе, толкователемъ котораго выступила «Svenska Minerva» (1843 г., №№ 79, 81 и 82). Она знала, «что студенты Упсалы и Копенгагена обмѣнялись визитами и обнимались; они отдавали честь морскимъ офицерамъ, провозглашали тосты, но тѣмъ не менѣе они не представители государствъ, преслѣдующихъ политическія цѣли. Данія, задумавъ

союзъ, вовсе не исходила изъ любви къ Швеціи, или изъ желанія выгоды Норвегіи. Студенты-апостолы выступили рано, умы Швеціи не подготовлены къ воспріятію «идеи уніона», шведскій народъ еще неблагожелателенъ къ политическому союзу, отъ котораго Швеціи нѣтъ никакой выгоды. Не видно и въ Норвегіи склонности къ «уніону».

По возвращеніи студентовъ въ Копенгагенъ, стали говорить, что скандинавская идея родилась у нихъ послѣ путешествія въ Швецію, гдѣ ихъ чествовали, какъ представителей Даніи. Въ союзѣ Данія считается полезной тѣмъ, что она въ состояніи запереть Балтійское море; но ни одно изъ европейскихъ государствъ не пожелаетъ видѣть это море закрытымъ. А посему,—заключаетъ газета свои разсужденія,—не лучше-ли сразу оставить проектъ о Союзѣ и «выпить стаканъ съ датскими друзьями о доброй ихъ пріязни». Ясно, что идея скандинавскаго союза не пустила въ 40-хъ годахъ глубокихъ корней въ сознаніи шведовъ.

«Dagligt Allehanda» усмотрѣла въ этомъ студенческомъ «конгрессѣ» лишь пародію на союзъ естествоиспытателей въ Стокгольмѣ.

Газета «Nyaste Dagligt Allehanda» (9 іюня 1843 г.), коснувшись торжества студентовъ, прибавляетъ: Мы (т. е. шведы) не должны забывать, что «скипетръ самодержца простираетъ власть свою до нашей восточной границы, и что этотъ скипетръ не можетъ любить развитіе идей, осуществленіе коихъ рано или поздно должно низвергнуть его владычество»...

Къ привлеченію Финляндіи къ сѣвернымъ обществамъ и союзамъ открыто дѣлались разнообразныя попытки. Такъ въ «Nyaste Förening» (9 сентября 1842 г.) было напечатано обращеніе «къ членамъ сѣвернаго общества естествоиспытателей». «Такъ какъ сосѣдство и общность языка послужили побужденіемъ къ столь прекрасному явленію, каковы собранія для взаимныхъ изустныхъ сообщеній, начавшихся между натуралистами и врачами Швеціи, Норвегіи и Даніи, то не усматривается ли тотъ же достаточный поводъ къ привлеченію и финляндскихъ естествоиспытателей къ соучастію къ симъ собраніямъ. Самое названіе «Сѣверное», повидимому, включаетъ въ себѣ Данію, Швецію, Норвегію и Финляндію, «ибо эти государства обыкновенно подразумѣваются въ понятіи «Сѣверъ». Далѣе выражалась надежда, что Государь согласится допускать финляндскихъ естествоиспытателей на съѣзды сѣвернаго общества...

къ Финляндіи обращались и въ прозѣ, и въ стихахъ.—Скандинавскіе братья просили то рукопожатья финскихъ любезныхъ товарищей, то отвѣта изъ «глубины ихъ сердца» ³⁵⁶).

Когда скандинавская молодежь готовилась къ сѣзду 1843 г., отъ лундскихъ и упсальскихъ студентовъ послѣдовали особыя воззванія къ гельсингфорскимъ друзьямъ и товарищамъ. «Въ надеждѣ на дружбу и товарищество, которыя въ общемъ братствѣ соединяють студентовъ и которыя всегда существовали между нашими и вашими университетами, осмѣливаемся предложить вамъ принять участіе въ общемъ сѣздѣ Сѣверныхъ студентовъ..... Юная жизнь и товарищеская общность обѣщаетъ богатые плоды... Ваше участіе придастъ предпріятію значеніе и идею» ³⁵⁷).

Послѣ 1843 г. состоялся рядъ новыхъ студенческихъ сѣздовъ. Въ октябрѣ 1849 г., въ Скандинавскомъ обществѣ, въ Упсалѣ, А. В. Роосъ (кажется, выходецъ изъ Финляндіи) произнесъ рѣчь. Онъ вспоминалъ торжества скандинавской молодежи. Они сѣхались, чтобы оживить свои воспоминанія, послѣ вѣковыхъ недоразумѣній. Сыны Финляндіи, за немногими изъятіями, не участвовали на сѣздѣ. «Только на крыльяхъ молвы долетали до нихъ вѣсти, что въ Упсалѣ и Копенгагенѣ произносились теплыя и сердечныя слова о народѣ Суоми. Въ глубинѣ края, у хладныхъ и пустынныхъ береговъ Саймы и Улеотреска и въ самомъ Гельсингфорсѣ съ жадностью внимали этимъ выраженіямъ братскаго участія; рѣчи юныхъ скандинавовъ переходили изъ устъ въ уста, распространялись по городамъ Финляндіи, ходили по рукамъ въ сотняхъ списковъ...» ³⁵⁸).

Если вѣрить крайне озлобленной противъ Россіи газетѣ «Aftonbladet» (1849 г., № 115), то студентамъ гельсингфорскаго университета, принимавшимъ участіе въ упсальскихъ политическихъ демонстраціяхъ, не были у насъ склонны мирволить. Гости «за единодушіе и счастье сѣвера»—по сю сторону Ботническаго залива не поощрялись, въ виду того, что скандинавское единство противопоставлялось «восточной политикѣ», которая, по мнѣнію шведовъ, простирала «свою желѣзную длань надъ Европой». Вообще шведскія газеты склонны были иронизировать надъ малымъ участіемъ въ братскомъ праздникѣ финляндскихъ «ex-студентовъ» и надъ ихъ отношеніями къ «москвичамъ» ³⁵⁹).

Ненависть къ Россіи и русская боязнь все чаще и опредѣленнѣе вспыхивали въ Швеціи и ко времени Крымской войны охватили

огромное большинство. Ноябрьскій трактатъ приблизилъ Швецію къ западнымъ державамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ ее въ натянутыя отношенія къ Россіи. Соединеніе трехъ сѣверныхъ державъ должно было образовать значительный противовѣсъ восточному колоссу и заинтересовать западныя державы, которыя по Парижскому миру не осуществили всѣхъ своихъ желаній. Для шведскаго же королевскаго дома третья корона представлялась заманчивой. Политическій скандинавизмъ быстро сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ едва-ли былъ прежде: европейскимъ вопросомъ ³⁶⁰).

Новая церковь свв. Бориса и Глѣба на Пазъ-рѣкѣ
и рядомъ старая—XVI вѣка.

Соленіе рыбы.

УІІІ. Область законовъ.

Даже въ своей молодости Николай І не показаль увлеченія конституціей. Въ 1816 г., когда онъ совершалъ четырехмѣсячное путешествіе по Англіи, Августѣйшая его Мать, опасаясь, его увлеченія свободными конституціонными учрежденіями, дала обстоятельную инструкцію его руководителямъ. Напрасное опасеніе. Ораторскія пренія, политическіе клубы и митинги его вниманія и расположенія не привлекли. «Если бы, къ нашему несчастію,—сказаль Вел. Князь Голенищеву-Кутузову,—какой нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просиль бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ, или, еще лучше, дара слова всѣхъ тѣхъ, которые дѣлають изъ него такое употребленіе». Весь строй его мыслей, вся его натура были глубоко чужды духу конституціоннаго режима. Николай Павловичъ по глубокому своему убѣжденію былъ яркій представитель чистаго монархизма.

Съ вопросомъ о конституціи ему пришлось столкнуться при первыхъ-же шагахъ своего царствованія. Декабристы разсуждали о конституціи и желали введенія представительнаго образа правленія въ Россіи, но планы пракческаго осуществленія его были смутны и сбивчивы. Никита Муравьевъ,—по словамъ Пестеля,—придалъ монархическія формы своей конституціи «ради вновь вступающихъ членовъ». Правда, Рылѣевъ выразиль сомнѣніе въ справедливости этого заявленія Пестеля, находя, что Н. Мура-

вѣвъ всегда былъ того мнѣнія, что въ Россіи необходимъ Императоръ. Самъ Рылѣвъ соглашался на республику съ Императоромъ, власть котораго должна была равняться власти президента Сѣв. Ам. Соед. Штатовъ. Первенствовавшій среди декабристовъ П. Пестель, какъ выразился кн. Н. Трубецкой, стремился замѣнить самодержавное правленіе революціоннымъ деспотизмомъ ³⁶¹).

Николай Павловичъ, прочтя проектъ Никиты Муравьева, не сдѣлалъ на поляхъ его никакихъ замѣчаній, но позднѣе написалъ: «Все сіе—виды и система Н. Муравьева о федеративномъ управленіи; съ симъ поздравляю тунгузцевъ» ³⁶²).

Николай Павловичъ, въ годы своего царствованія, чинилъ крайне необходимое, не увлекаясь никакими теоретическими построеніями и мало сочувствовалъ привлеченію къ дѣламъ правленія содѣйствія общества. Общество-же, преимущественно въ лицѣ декабристовъ, рвалось къ правленію, но Николай I, усмотрѣвъ въ нихъ прежнія дворянскія поползновенія къ переворотамъ, отказался отъ ихъ содѣйствія и неизбежно поэтому сблизился съ бюрократіей (Проф. Платоновъ). Кромѣ того, Николай Павловичъ держался того убѣжденія, что абсолютизмъ «существуетъ въ Россіи, онъ—сущность его правленія и вполне согласуется съ національнымъ духомъ».—Такъ высказался онъ маркизу де-Кюстину.

Николай I считалъ счастьемъ, что въ такой странѣ, какъ Россія, нѣтъ конституціи ³⁶³).

Онъ понималъ лишь двѣ системы управленія,—либо неограниченную монархію, либо республику, но сдѣлокъ между народомъ и монархомъ, требуемыхъ конституціоннымъ режимомъ, его открытая и прямая натура не допускала. «Представительная монархія—это правленіе лжи, обмана и коррупціи, и я скорѣе удалился-бы въ самый Китай, чѣмъ когда-либо допустилъ бы его»,—сказалъ Государь тому-же маркизу де-Кюстину ³⁶⁴).

«Порядокъ,—писалъ Николай I,—установленный вѣками славы, т. е. самодержавіе, останется въ Россіи».—Проникнутый мыслью о необходимости для Россіи самодержавія, Николай I не допускалъ уже ни въ чемъ его умаленія. Даже робкое предложеніе М. Сперанскаго о пополненіи части Сената выбранными отъ дворянства было отклонено въ комитетѣ гр. Кочубея. Ограниченія своей власти Николай I не допускалъ и представить не могъ. «И меня тамъ (въ Г. Совѣтѣ) будутъ судить?—спрашивалъ онъ въ изумленіи; надѣюсь, что мнѣ не запретятъ приказывать».

Конституціи Николай Павловичъ не одобрялъ, но не закрывалъ на нее глаза и тамъ, гдѣ она существовала, требовалъ ея исполненія. Извѣстенъ его разговоръ съ французскимъ дипломатомъ Полемъ де-Бургоэню, по поводу революціи 1830 г. «Если-бы во время послѣднихъ кровавыхъ событій чернь разграбила домъ русскаго посольства, то изъ бумагъ убѣдилась бы, что русскій самодержецъ поручилъ своему представителю рекомендовать конституціонному королю соблюденіе существующей и клятвенно утвержденной конституціи» ⁵⁶⁵).

Когда возникъ вопросъ, знакомить-ли наслѣдника съ конституціонными системами, «разумѣется и непремѣнно,—отвѣтилъ Государь,—ничего отъ него не скрывать».

По вопросу о польской конституціи между августѣйшими братьями происходилъ долгій обмѣнъ писемъ, причемъ Николай Павловичъ пытался упростить все тѣ церемоніи, которыя ему надлежало исполнить. «Чѣмъ меньше будетъ путешествія, тѣмъ будетъ лучше для меня» (*le moins il y aura de farces, le mieux cela vaudra pour moi*), открывалъ свою душу Николай Павловичъ ⁵⁶⁶).

Особенно не хотѣлось Николаю I присутствовать при молебствіи въ католическомъ соборѣ, но Великій Князь Константинъ настаивалъ на необходимости выполненія всего. «Скажу болѣе,—писалъ ему Константинъ Павловичъ,—если бы вамъ пришлось короноваться великимъ княземъ Финляндскимъ, я былъ-бы того мнѣнія, что вамъ слѣдовало-бы присутствовать при лютеранской проповѣди, въ знакъ уваженія къ культу, существующему у народа, надъ которымъ волею Бога вы призваны царствовать, и въ доказательство общей вѣротерпимости и отсутствія съ вашей стороны притязаній на право вмѣшиваться въ дѣла совѣсти».... Изъ писемъ Николая Павловича видно, насколько не по душѣ была ему вообще представительная форма правленія—онъ чувствовалъ къ ней прямо отвращеніе (*repugnance*),—но § 45 Конституціонной хартіи требовалъ коронованія «въ столицѣ», и принесенія присяги и все это онъ выполнилъ, какъ исполнилъ и другія обязательства, возложенныя на него хартіей, дарованной Александромъ I.

12—24 мая 1830 года Николай Павловичъ короновался въ Варшавѣ, одѣвъ цѣпь Бѣлаго орла. Правда, онъ короновался не королевской, а императорской короной, окруженный русскою гвардіей ⁵⁶⁷).

Рис. Ловернь.

Борго, 1839 г.

Коронація оставила на русскихъ самое тягостное впечатлѣніе: они находили ее умаленіемъ императорскаго достоинства. Не остались ею довольны и поляки. Въ дни коронаціи зрѣлъ уже злобный заговоръ. Онъ быстро разросся и Польша вскорѣ возстала.

Русскіе и поляки скрестили оружіе въ грозномъ боевомъ поединкѣ.

Война 1831 г. окончилась и Государь зачеркнулъ польскую конституцію, видя, что она не привела къ желаемой цѣли: Россіи не удалось, при ея посредствѣ, охранить свои интересы и создать счастливую Польшу, какъ того хотѣлъ Александръ I.

«Я бы самъ,—увѣрялъ Николай Павловичъ, и ему нельзя не вѣрить,—сохранилъ конституцію польскую ради даннаго слова, и положеніе мое было бы крайне затруднительное; но они теперь развязали мнѣ руки и упростили дѣло, разорвавъ своевольно хартію» ³⁶⁸).

— «Вы справедливо говорите,—сказалъ Императоръ, пожимая руку де-Кюстину. Я былъ конституціоннымъ государемъ (въ Польшѣ), и міру извѣстно, чего мнѣ стоило подчиниться требованіямъ этого подлаго (infame) образа правленія. Покупать голоса, совращать совѣсти, обольщать однихъ, чтобы обманывать другихъ,—всеми этими средствами я пренебрегалъ, какъ унижающими равно всѣхъ, кто повинуется и кто повелѣваетъ, и дорого заплатилъ за мою прямоту; но, слава Богу, я покончилъ навсегда съ этой ненавистной политической машиной. Я не буду болѣе конституціоннымъ королемъ» ³⁶⁹).

Послѣ столь ярко проявленныхъ воззрѣній Николая Павловича о конституціи Финляндіи распространяться не приходится. Государь подписалъ грамоту правъ и привилегій, но сейма не созывалъ. О сеймѣ,—читаемъ у финляндскаго историка М. Шюбергсона,—тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи, что созывъ его зависѣлъ исключительно отъ Монарха. Къ сожалѣнію,—прибавляетъ онъ,—изданы были нѣкоторыя постановленія, которыя требовали-бы, согласно основнымъ законамъ, совмѣстнаго участія власти и сейма, но было бы несправедливо считать, что при этомъ конституція Финляндіи была устранена ³⁷⁰).

Финляндцы довольствовались тѣмъ, что Государь помнилъ о земскихъ чинахъ и кое-когда упоминалъ о нихъ. Гельсингфорскому университету, избравшему его канцлеромъ, онъ писалъ,

что Финляндія счастлива своей конституціей (*heureuse par sa constitution*). Въ Высочайшемъ постановленіи 2 авг. 1827 г. говорится: «Принявъ въ уваженіе, что обстоятельства и попеченія Наши по прочимъ частямъ управленія не дозволяютъ Намъ нынѣ созвать земскихъ чиновъ Великаго Княжества... Мы, сообразно съ обязанностями Державнаго Нашего сана, признали за благо... что-бы лица грекороссійскаго исповѣданія... получили право поступать въ гражданскую и военную службу...» Подобныя упоминанія встрѣчаются еще, кажется, въ двухъ актахъ, едва-ли болѣе.

Комитетъ 1838 г., учрежденный подъ предѣдательствомъ Л. Г. фонъ-Гартмана для изысканія способовъ увеличенія доходовъ Финляндіи, въ своемъ меморіалѣ въ заключеніи писалъ: «Единственнымъ путемъ къ достиженію этой цѣли (дальнѣйшаго увеличенія средствъ края) Комитетъ призналъ тотъ путь, который указанъ основными законами, т. е. созывъ сейма, дабы земскіе чины могли обсудить и постановить о соотвѣтствующемъ нуждамъ страны чрезвычайномъ налогѣ и о болѣе справедливомъ распредѣленіи существующихъ уже прямыхъ налоговъ, поземельныхъ и личныхъ.

Комитетъ питаетъ твердое и вѣрнообдуманное убѣжденіе, что земскіе чины не только съ полною готовностью будутъ содѣйствовать Вашему Величеству въ осуществленіи милостивыхъ мѣропріятій на благо страны, но что они въ довѣріе, которое В. И. Величество такимъ образомъ проявите, съ благодарностью узрятъ новое доказательство той милости и щедрости, которыми Ваше Величество уже раньше изволили осчастливить Финляндію и ея гражданъ» ³⁷¹).

Ни эти указанія, ни сдѣланныя оговорки въ Высочайшихъ постановленіяхъ положенія не измѣнили и рѣчь о созывѣ сейма не заводилась.

Когда кн. Меншиковъ вступилъ въ должность генераль-губернатора, ему была подана (вѣроятно, финляндцемъ) особая записка, въ которой, между прочимъ, значилось: «Живѣйшимъ желаніемъ націи было установленіе болѣе прочной связи между нею и Монархомъ. Теперь связующимъ звеномъ является Сенатъ, за отсутствіемъ сейма. На сеймахъ народъ могъ-бы откровенно обращаться къ Государю; на сеймахъ сословія могли бы совѣщаться объ общепользныхъ дѣлахъ и первѣйшихъ нуждахъ. Нація по своей конституціи имѣетъ священное право, чтобы ее выслушали» ³⁷²).

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ бумагахъ кн. Меншикова сохраняется нѣсколько справокъ о коренныхъ законахъ края и о созывѣ сейма. На справкахъ нѣтъ именъ ихъ авторовъ, нѣтъ также никакой даты. Первая справка начинается такъ: «Положенія, на которыхъ основывается конституціонное законодательство Финляндіи, означены особенно въ установленіи отъ 21 авг. 1772 г. и въ союзномъ актѣ отъ 21 февр. и 3 апр. 1789 г. Но такъ какъ въ сихъ коренныхъ законахъ многія постановленія, которыя, по отдѣленіи Вел. Кн. Финляндскаго отъ Швеціи, теперь уже не могутъ быть примѣнимы къ Финляндіи, то я долгомъ почелъ бы сдѣлать изъ сихъ законоположеній извлеченіе, дабы дать о нихъ краткое понятіе».—Извлеченія занимаютъ 14 пунктовъ. Въ нихъ говорится о привилегіяхъ сословій, о правахъ Монарха и пр. Въ 8 пунктѣ сказано, что «безъ вѣдома и согласія чиновъ никакой новый законъ не можетъ быть установленъ, ниже прежній отмѣненъ». Далѣе указано, что «финская нація совѣщается съ Монархомъ о способахъ, потребныхъ для содержанія сего края», что безъ воли и согласія чиновъ нельзя устанавливать новыхъ налоговъ, дѣлать набора войска и пр. «Сеймъ продолжается не болѣе трехъ мѣсяцевъ». И т. д. «Означенныя коренныя положенія» утверждены Александромъ I 15—25 марта 1809 г. и Николаемъ I—12 дек. 1825 г.

Слѣдующая справка гласитъ: Если Его Имп. Вел. благоугодно будетъ созвать чиновъ Финляндіи на общій сеймъ, то... и т. д. Въ концѣ прибавлено: «Такъ какъ самый образъ совѣщанія между четырьмя сословіями довольно замедлителенъ», то выражено желаніе, чтобы вопросы ранѣе были рассмотрѣны «особымъ Комитетомъ».

Третья справка вызвана вопросомъ о войскѣ. Разсказана краткая исторія поселенныхъ частей и въ заключеніе прибавлено, что никакія измѣненія въ сборѣ и содержаніи войска «не могутъ быть учинены безъ созванія чиновъ на общій сеймъ». Но такъ какъ авторъ, видимо, мало разсчитывалъ на созывъ чиновъ, то спѣшитъ добавить: Если-бы Государь встрѣтилъ надобность «измѣнить образъ составленія войска» или соизволилъ признать за благо предназначить другія полезныя для края мѣры, «требующія согласія чиновъ, то, пріемля въ соображеніе неудобства, всегда сопряженныя съ собраніемъ сейма, я искренно убѣжденъ, что напередъ слѣдуетъ почтеннѣйшимъ образомъ удостовѣриться, не возможно-ли безъ созванія чиновъ привести въ исполненіе Всемиловѣйшія Е. И. В. намѣренія. Въ этомъ случаѣ я осмѣлился-бы предло-

жить о составленіи особаго Комитета подъ вѣдѣніемъ министра-статсъ-секретаря:....» ⁵⁷³).

Началь авторъ изложеніе своихъ справокъ очень бойко и торжественно, а окончилъ совѣтомъ, по возможности обходить сеймы...

Сейма, какъ извѣстно, въ царствованіе Николая Павловича ни разу не созывали. Кромѣ нежеланія Николая I играть роль конституціоннаго Монарха, не имѣло-ли еще косвенное вліяніе на его рѣшеніе не созывать финляндскаго сейма записка гр. І. Ф. Аминова. Въ числѣ финляндскихъ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Александра I послѣ его кончины, находилось и представленіе гр. Аминова, относившееся къ 20 янв. 1817 г., содержаніе котораго въ сокращенномъ видѣ изложено такъ: «Ежели финляндцы будутъ просить о новомъ сеймѣ, то собраніе онаго бываетъ только, когда Монархъ соизволяетъ на сіе въ случаяхъ предписанныхъ и необходимыхъ; что цѣль сейма, кажется, будетъ касаться только увеличенія подати или до какого-либо законодательнаго акта... Конституція Финляндіи во всѣхъ своихъ подробностяхъ неудобно прилагается къ новому положенію Финляндіи; не смотря на то, правила ея опредѣлены въ смыслѣ Монархическомъ: слѣдовательно, не должно давать Финляндіи новой конституціи, а только въ существующей сдѣлать измѣненія...» Надо полагать, что эта записка сдѣлалась извѣстной Николаю I и, быть можетъ, она укрѣпила его въ мысли о нендобности сейма.

Князь Меншиковъ также былъ не изъ тѣхъ, которые стали бы содѣйствовать его созыву. Его воззрѣнія на конституцію остаются для насъ неизвѣстными. О сеймѣ онъ высказался лишь однажды въ письмѣ отъ 14—26 іюня 1847 г. къ гр. А. Армфельту, обнаруживъ по дѣлу извѣстное знаніе: «Только что прочелъ отвѣтъ Сената на предложеніе Государя о назначеніи смертной казни для женщинъ, ссылаемыхъ въ Сибирь. Эти дураки осуждаютъ эту мѣру, прибавляя, что рѣшеніе сейма необходимо также и для каторги. Они забываютъ, что мѣра эта предназначена для преступницъ безъ рѣшенія сословій. Все это глупо и несвоевременно».

Шведы, конечно, замѣтили, что въ теченіе всего царствованія Николая I сеймъ въ Финляндіи ни разу не созывался. По этому поводу газета «Aftonbladet» (1852 г., № 4) иронизируетъ, начавъ съ заявленія, что «земля эта сама освободила себя отъ прежняго своего положенія, заключила отдѣльный (сепаратный) миръ съ Рос-

сійскимъ Государствомъ и изъ шведской провинціи перешла въ самостоятельное княжество «съ представительнымъ государственнымъ устройствомъ». Но въ такомъ случаѣ законы 1772 и 1789 г.г. должны были-бы составить финляндскую конституцію. На дѣлѣ-же сословія края не созываются, несмотря на многія перемѣны въ дѣлѣ обобщенія и законодательства. «Единственное и слабое напоминаніе о существованіи въ Финляндіи представителей сословій заключается въ формальности, съ которой періодически производились ревизіи Финляндскаго банка». Она совершалась такимъ образомъ, что правительство повелѣваетъ одному дворянину, пастору, горожанину и крестьянину явиться въ Гельсингфорсъ и тамъ присутствовать при ревизіи. Другое напоминаніе—наличность Рыцарскаго Дома—единственное политическое учрежденіе Финляндіи. Рыцарскій домъ имѣетъ свой собственный фондъ и собственную дирекцію.

При Николаѣ I финляндцы вели свои разговоры о конституціи робко и рѣдко.—Исключеніе составилъ профессоръ Нордстремъ; онъ не побоялся окружавшихъ его администраторовъ и объяснялъ въ университетѣ финской молодежи конституціонныя права Финляндіи. Студенты изъ Саволакса издали сборникъ «Отрывки для чтенія финскаго народа» (1845—1847, 3 изданіе), куда не забыли внести важнѣйшіе отрывки изъ конституціи Финляндіи ⁵⁷⁴).

Въ 1827 г., когда сенаторы высказывались по проекту гр. Ребиндера объ отдѣленіи отъ Выборгской губерніи нѣсколькихъ приходо-
довъ, то нѣкоторые изъ нихъ сослались на конституцію края, но министръ статсъ-секретарь, представляя заключеніе Сената на Высочайшее соизволеніе, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не включилъ въ свой докладъ ихъ конституціонныхъ соображеній.

Сенаторъ Клинковстремъ, говоря объ арестантахъ, иронизировалъ по поводу «такъ-называемой конституціи края».

Сенаторъ Л. фонъ-Гартманъ,—какъ мы уже видѣли,—въ концѣ своей карьеры не желалъ вовсе считаться съ коренными законами, которые, по его мнѣнію, давно уже сгнили.

Болѣе другихъ говорили о конституціи въ своей полемикѣ Вассеръ и Арвидсонъ, но то была частная ихъ бесѣда и личныя неофіціальныя ихъ мнѣнія.

Кое-что объ отношеніяхъ къ конституціи узнаемъ, наконецъ, изъ писемъ Е. В. Иванова.

Въ апрѣлѣ 1838 г. много толковали о предлагаемыхъ новыхъ вице-губернаторахъ. Введеніе ихъ большинство признавало ненужнымъ. По поводу слуховъ о вице-губернаторахъ, финляндцы,—по свидѣтельству Е. В. Иванова,—говорили: «Конституція наша существуетъ только на пергаментѣ; мы ничто иное какъ невольники; у насъ ни о чемъ не спрашиваютъ; кассою нашею и нами самими располагаютъ какъ хотятъ, безъ нашего согласія, безъ сейма; мы поневолѣ молчимъ, потому что мы не сильны»⁵⁷³).

«Многіе финляндцы,—писалъ по другому случаю тотъ-же Е. В. Ивановъ,—не весьма довольны нашимъ Государемъ, хотя онъ и бросаетъ въ Финляндію большія суммы денегъ. Неоспоримо, что онъ великаго духа, великой души, и одинъ изъ справедливейшихъ и прямодушнѣйшихъ Государей, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ строгъ и взыскателенъ, а господамъ либераламъ, господамъ приверженцамъ конституціи и вообще людямъ нынѣшняго духа сильно не нравится это, хотя сами они готовы растерзать каждаго разномыслящаго съ ними».

Единственнымъ учрежденіемъ, въ которомъ виднѣлись слѣды сейма и конституціи, былъ Рыцарскій Домъ. Онъ оказался въ весьма своеобразномъ положеніи. Согласно законамъ 1626 и 1778 гг., все шведское дворянство раздѣлялось на три класса. Послѣ отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи, финляндскіе дворяне продолжали руководствоваться тѣми-же законами и на сеймѣ въ Борго избрали 6 членовъ, которые должны были составить Дирекцію Финляндскаго Рыцарскаго Дома. Въ то-же время они составили проектъ образованія Финляндскаго Рыцарскаго Дома и новыхъ прибавленій къ прежнимъ шведскимъ законамъ о дворянствѣ. На постройку Рыцарскаго Дома они просили у правительства денегъ. Только въ 1812 г. Государь положилъ резолюцію, разрѣпивъ избраннымъ шести членамъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей и представить объясненія относительно Рыцарскаго Дома. Когда они (1819 г.) представили свои проекты, Государь отложилъ разсмотрѣніе ихъ «до времени, когда рыцарство и дворянство на общемъ сеймѣ будетъ имѣть случай ближе совѣщаться о сихъ предметахъ». Съ теченіемъ времени у дворянства на-родились новыя потребности и очередные вопросы и потому явилась необходимость опредѣленнѣе формулировать нѣкоторыя

положенія Рыцарскаго Дома. Но какъ это сдѣлать? Прежде члены Дирекціи избирались на срокъ отъ одного риксдага до другого. А въ Финляндіи сеймъ, послѣ 1809 г., не созывался. Дирекція ни отъ кого не зависѣла и никому, кромѣ дворянства, отчета о своихъ дѣйствіяхъ не давала. Въ архивахъ Дирекціи находились матеріалы, но они были полны «генеалогическими баснями»,—какъ значилось въ одной справкѣ, поданной генераль-губернатору кн. Меншикову.

Наконецъ, 11—23 апрѣля 1846 г., кн. Меншиковъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ говорилось, что Сенатъ сдѣлалъ представленіе о созывѣ рыцарства и дворянства Финляндіи, для общихъ совѣщаній по дѣламъ этого сословія. Но я не считаю нужнымъ такого созыва»,—заявляетъ генераль-губернаторъ,—и полагалъ бы, примѣняясь къ мнѣнію самихъ членовъ дворянства, достаточнымъ поручить губернаторамъ письменно спросить дворянъ, кого они избираютъ въ ревизоры.

Къ этому времени у дворянства накопилось отъ 40 до 50 т. р. с. и оно отозвалось, что пора приступить къ постройкѣ Рыцарскаго Дома. «Всякое по сему предмету распоряженіе, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, должно зависѣть отъ будущаго сейма и Дирекція Рыцарскаго Дома сама по себѣ не имѣетъ права опредѣлять употребленіе ввѣренныхъ ея попеченію и управленію суммъ. Но такъ какъ,—по мнѣнію Меншикова,—ни теперь, ни даже въ отдаленномъ времени не представляется надобности созывать на сеймъ государственные чины», то губернатору слѣдуетъ предложить дворянамъ избрать депутатовъ и поручить имъ разсмотрѣніе очередныхъ вопросовъ. Въ августѣ 1847 г. послѣдовало наконецъ, Высочайшее соизволеніе на избраніе отъ дворянства 9 членовъ въ ревизоры ³⁷⁶).

Списки Рыцарскаго Дома, естественно, продолжали пополнять именами заслуженныхъ финляндцевъ. Русскіе возводились въ финляндское дворянство въ видѣ исключенія. Такого отличія удостоились: А. Закревскій, Штейнгель, кн. Меншиковъ и нѣкоторые другіе ³⁷⁷).

Въ 1849 г. сенаторъ, т. с. гр. Александръ Кушелевъ-Безбородко подалъ Государю прошеніе, ходатайствуя о причисленіи его съ дѣтьми и потомствомъ къ графскимъ родамъ финляндскаго дворянства. Запрошенъ былъ отзывъ Финляндскаго Сената. Мнѣнія раздѣлились. Одни сенаторы (Траппъ, Пипингъ, ф.-Котентъ) не усма-

тривали основаній къ допущенію гр. Кушелева-Безбородко въ Финляндскій Рыцарскій Домъ, другіе (бар. Ребиндеръ, Форсманъ, de la Chapelle и ген. Норденстамъ) находили, что разъ гр. Кушелевъ-Безбородко владѣть большими имѣніями въ Финляндіи и близко соприкасается съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ,—необходимо его ходатайство повергнуть на благовоззрѣніе Монарха ⁵⁷⁸). Когда

Баронъ Борисъ Андр. Фредериксъ.

Государь дозволилъ сенатору т. с. гр. Алекс. Кушелеву-Безбородко записаться въ Финляндскій Рыцарскій Домъ, возникъ вопросъ о его гербѣ. Онъ просилъ сохранить свой гербъ, утвержденный его роду по Имперіи. Гр. А. Армфельтъ со своей стороны также находилъ, что гр. Кушелевъ-Безбородко «имѣетъ несомнѣнное право сохранить и при записи въ Финляндскій Рыцарскій Домъ сопряженный нераздѣльно съ его достоинствомъ Высочайше утвержденный гербъ». Императоръ Николай I не призналъ нужнымъ въ данномъ случаѣ давать особаго диплома, а счелъ достаточнымъ дарованный Екатериною II ⁵⁷⁹).

Прошеніе подобное Кушелевскому было подано отставнымъ генералъ-маіоромъ барономъ Борисомъ Андреевичемъ Фредериксомъ. Онъ указывалъ на то, что баронское достоинство было дано въ 1774 г. его дѣду—придворному банкиру—Ивану Фредериксу, и что съ того времени ихъ родъ владѣть фрельзовыми имѣніями въ Выборгской губерніи. На этотъ разъ Сенатъ безпрекословно склонился къ ходатайству, которое было поддержано также и генералъ-губернаторомъ ⁵⁸⁰).

Въ 1824 г. появился переводъ Уложенія Швеціи 1734 г. на русскій языкъ. Высочайшимъ рескриптомъ (3 февр. 1825 г.) повелѣно было купить значительное число его экземпляровъ, для раздачи, по усмотрѣнію генераль-губернатора. Деньги были изъ сенатской кассы отпущены издателю кол. совѣтн. Экегольму. Но этимъ нужда въ систематизаціи и кодификаціи, конечно, не была удовлетворена.

Въ апрѣлѣ 1814 г., Сенатъ, съ Высочайшаго соизволенія, учредилъ въ Або Комитетъ для пересмотра, изданнаго въ 1807 г. въ Швеціи собранія законовъ, сохранившихъ также силу въ Финляндіи. Цѣль преслѣдовалась практическая. Предсѣдателемъ состоялъ баронъ Тандефельтъ. Онъ умеръ; скончался еще одинъ членъ Комитета, другіе переведены были въ Гельсингфорсъ. Въ 1828 г. Комитетъ собрался въ Гельсингфорсъ. Ему оставалось сдѣлать немного, однако, для единства работы ген.-адъют. Закревскій (въ 1831 г.) просилъ возложить окончаніе ея на прокурора Сената, ландсгевдинга Валлена ³⁸¹). Но Закревскій покинулъ Финляндію.

Среди бумагъ кн. А. С. Меншикова сохраняется обстоятельная записка «о необходимости ввести во всеѣхъ губерніяхъ и областяхъ Имперіи русскіе органическіе законы». Записка, къ сожалѣнію, не имѣетъ ни подписи, ни даты. Но видно, что авторъ ея нѣсколько разъ официально высказывался по важнымъ политическимъ вопросамъ. Онъ горячій патріотъ и принималъ близко къ сердцу интересы своей родины. Въ 1827 и 1830 гг. онъ представлялъ на усмотрѣніе властей указаніе, что, въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, назначались чиновники исключительно изъ поляковъ, и даже изъ такихъ, которые явно противодѣйствовали Россіи. Теперь онъ недоволенъ тѣмъ, что управленіе Прибалтійскихъ губерній ввѣрялось исключительно одному мѣстному дворянству. Они постоянно указываютъ на свою преданность Россіи; но какая это преданность, когда пренебрегаютъ русскимъ языкомъ и стараются оттолкнуть все, что можетъ ихъ сблизить съ Россіей. «Русскій преданность престолу и любовь къ Государю и государству почерпаетъ изъ народныхъ чувствъ. Это чувство есть лучшее наше достояніе, оно переходитъ отъ отцовъ къ дѣтямъ, составляетъ нашу народную гордость, нашу славу, тогда какъ рыцари, послѣ вѣковой кровавой борьбы, покоренные силою меча русскаго, съ ропотомъ несутъ ея владычество и съ любовью обращаютъ взоры къ первобытной независимости». Русскіе безпрекословно исполняютъ

волю Государя, а жители Прибалтійскихъ губерній оспариваютъ его требованія, ссылаются на договоры, «какъ будто эти гнилыя хартіи» могутъ ограничить Самодержавную власть. Не указывайте,—говорить авторъ,—на преданность прибалтійцевъ, у насъ самихъ есть образцы преданности—Долгорукіе, Румянцевы, Бутурлины, Волынскіе, Чернышевы, Панины, Мельгуновы и др.

Продолжая свои разсужденія, онъ пишетъ: «Нынѣ русскій долженъ сдѣлаться нѣмцемъ, шведомъ, полякомъ, только не русскимъ, чтобы въ земляхъ, его кровію завоеванныхъ, пользоваться

Графъ Д. Н. Блудовъ.

правомъ гражданства. Это истина. Мы ее видимъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, мы видимъ въ Финляндіи»... Онъ указываетъ на переселеніе извѣстнаго числа людей въ Финляндію, которая со времени Александра I, управляется шведскими законами и на языкѣ шведскомъ и нѣмецкомъ. «Какой духъ зла, духъ ненависти къ благу земли русской внушилъ Государю подобную мысль»? Конечно, — отвѣчаетъ онъ,—не русскій человѣкъ, а лица, подобныя князю Чарторыжскому, графу Поццо-ди-Борго...

Шведы долго и бесполезно боролись съ финнами и покорили ихъ лишь тогда, когда заселили часть ихъ земли, дали имъ свои законы, своихъ правителей, ввели свой языкъ. Мы дѣйствуемъ обратно этому и желаемъ, чтобы русскіе, поселившіеся въ Финляндіи, сдѣлались шведами.

Послѣ длиннаго ряда подобныхъ разсужденій, авторъ заявляетъ, что для блага Имперіи необходимо, чтобы всѣ главныя мѣста управленія—генераль-губернаторы, губернаторы, предсѣдатели палатъ и др. были заняты русскими... Предложивъ рядъ мѣръ, специально по отношенію къ Польшѣ и Прибалтійскому краю, онъ находитъ необходимымъ: «Составить общее уложеніе гражданское и уголовное для всей Имперіи»... и «отъ Великаго Княжества Финляндскаго отдѣлить Старую Финляндію»... Указывали, что политиче-

скія обстоятельства препятствуютъ многимъ изъ намѣченныхъ преобразованій. Авторъ подобнаго мнѣнія не раздѣляетъ, такъ какъ Петръ Великій преобразовалъ Россію, когда она объята была пламенемъ длительной войны, Екатерина вводила свои мудрыя учрежденія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и Польшѣ, когда воевала съ Турціей и Швеціей.

Неизвѣстно, имѣла ли эта записка какое-либо вліяніе, при рѣшеніи вопроса о кодификаціи финляндскихъ законовъ. Записка опредѣленно требовала для Имперіи общаго уголовного и гражданскаго уложенія. У князя А. Меншикова она находилась вмѣстѣ съ бумагами, полученными имъ отъ гр. Блудова.

Если вѣрить болтливому и много иронизирующему К. И. Фишеру, то предложеніе объ изданіи Свода Законовъ для Финляндіи исходило отъ гр. Д. Н. Блудова. «Не спрося генераль-губернатора, учредили финляндскій комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Валлена, и подчинили его Второму Отдѣленію Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Блудовъ назначалъ оклады и награды—а Финляндія платила» ³⁸²). По предположенію финляндскаго историка, вопросъ о кодификаціи былъ возбужденъ самимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ ³⁸³).

Официальными-же источниками устанавливается слѣдующее: Высочайшимъ рескриптомъ 29 мая—10 іюня 1835 г. на имя генераль-губернатора послѣдовало повелѣніе составить Сводъ дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній, «съ соблюденіемъ систематическаго въ расположеніи оныхъ порядка». Для этого въ Гельсингфорсѣ учреждена была Кодификаціонная Комиссія подъ предсѣдательствомъ прокурора Сената Валлена. Отчеты о ходѣ работъ должны были представляться во Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Доклады шли черезъ министра статсъ-секретаря Ребиндера сперва гр. Сперанскому, а затѣмъ предсѣдателю Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта Д. Дашкову и, наконецъ, гр. Блудову ³⁸⁴).

Задумавъ изданіе для Финляндіи Свода дѣйствующихъ законовъ, наши власти имѣли прежде всего въ виду работу по плану, принятому уже для Свода Законовъ Имперіи, а также возможное сближеніе мѣстныхъ постановленій съ общеимперскими.

Профессоръ Экелундъ составилъ систематическую схему и, кажется, выработалъ гражданскій и уголовный законъ; Бонсдорфъ съ обычной энергіей выработалъ, по составленной схемѣ,

(если и не полностью) камеральную часть. Комиссія пожелала сперва, не касаясь системы Уложения 1734 г., собрать все, чѣмъ его надлежало дополнить и измѣнить, и размѣстить этотъ матеріалъ подъ соотвѣтствующими статьями. Приступивъ къ дѣлу, Кодификаціонная Комиссія убѣдилась въ невозможности исполненія работы, вслѣдствіе того, что съ одной стороны цѣлая глава Уложения 1734 г. оказались уже недѣйствующими и подлежащими исключенію, а съ другой—нужно было ввести новыя главы, основываясь на недавно состоявшихся узаконеніяхъ. Кромѣ того, выяснилось, что необходимыя дополнительныя свѣдѣнія были разсыяны по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ края, ихъ архивамъ и находились даже на рукахъ частныхъ лицъ.

Все это побудило Кодификаціонную Комиссію, при составленіи порученнаго ей Свода Законовъ Гражданскихъ и Уголовныхъ, отступить отъ системы Уложения 1734 г. и принять новую, болѣе соотвѣтствующую раздѣленіямъ предметовъ.

Комиссія, составляя Сводъ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ и соединяя новыя узаконенія съ прежними, признала необходимымъ во многихъ случаяхъ не только отступать отъ принятаго въ Уложеніи 1834 г. порядка, но и измѣнять редакцію, употребляя, вмѣсто устарѣвшей терминологіи, новыя выраженія, заимствованныя изъ позднѣйшихъ постановленій.

Въ 1840 г. были закончены работы Комиссіи по Уложенію 1734 г. и приступлено къ систематизаціи узаконеній административнаго управленія. Въ 1842 г. образованъ былъ, по просьбѣ Валлена, Ревизіонный Комитетъ.

Ревизіонный Комитетъ работалъ подъ предсѣдательствомъ сенатора De-la-Chapelle. Въ качествѣ выдающихся специалистовъ, привлечены были профессоры-юристы В. Г. Лагусъ и I. I. Нордстремъ. Наибольшій интересъ представляетъ заключеніе Лагуса. Онъ указывалъ, что не всегда платье съ чужого плеча удобно для носки, еще менѣе удобно чужое законодательство. Обычно законы получались сверху. Законы-же Швеціи основаны на обычаяхъ народа и его нравственныхъ воззрѣніяхъ. Поэтому они столь популярны въ его средѣ; даже по языку изложенія они вполне примѣнены къ народному пониманію. Лагусъ писалъ еще, что раздробленіе или т.-н. систематизація законовъ 1734 г. явилась бы національнымъ несчастіемъ, которое лишило бы страну и народъ того закона, который былъ ихъ опорой и защитой. Лагусъ напoм-

нили, что сохраненіе закона гарантировано обѣщаніемъ Государя. Законъ 1734 г., какъ результатъ законодательной дѣятельности риксдага, былъ санкціонованъ королемъ и односторонне, безъ содѣйствія государственныхъ чиновъ, не можетъ быть измѣненъ. Отзывъ Нордстрема—варіантъ тѣхъ же мыслей. Государственно-правовой точки онъ вовсе не коснулся.

Въ виду этого, Ревизіонный Комитетъ просилъ Государя оставить Уложеніе неприкосновеннымъ, какъ нѣчто особое и цѣльное, а повелѣтъ Кодификаціонной Комиссіи составить отдѣльный Сводъ изъ дѣйствующихъ положеній, коими дополнялось и измѣнялось это Уложеніе, сохранивъ въ новомъ Сводѣ систему Уложенія.—Финляндцы старались доказать, что Уложеніе 1734 г., разбитое на части по системѣ Свода Законовъ Имперіи, потеряетъ значеніе, возбудитъ беспокойство въ народѣ, который привыкъ къ нему, увѣряли, что обычаи народа и самый языкъ—все препятствуетъ пересозданію Уложенія по чужому образцу.

Дѣятельность предсѣдателя Кодификаціонной Комиссіи, Валлена, подверглась строгому осужденію со стороны Фуругельма. Критикъ былъ недоволенъ главнымъ образомъ тѣмъ, что Валленъ подалъ первый примѣръ непосредственнаго подчиненія финскихъ властей русскому министру и, возмущаясь строгой оцѣнкой Ревизіоннаго Комитета, желалъ возобновленія работъ по прежнему своему плану. Наконецъ, критикъ обвиняетъ Валлена въ томъ, что онъ почти совсѣмъ не входилъ въ занятія Комиссіи, соединяя чрезвычайную неосновательность съ полнымъ презрѣніемъ къ чужимъ мыслямъ и сужденіямъ. Главнѣйшая дѣятельность, какъ секретаря—говоритъ Фуругельмъ,—такъ и предсѣдателя, состояла въ томъ, чтобъ получать хорошее вознагражденіе ⁸⁸⁵).

Ревизіонный Комитетъ подчеркнул, между прочимъ, что Уложеніе было пожаловано Финляндіи королемъ «вслѣдствіе совѣщаній государственныхъ чиновъ», а потому ни малѣйшія измѣненія въ немъ не могутъ быть произведены «безъ новаго дѣйствія власти законодательной». По этому вопросу гр. Блудовъ остался однако при томъ убѣжденіи, что «по существующему издревле въ Финляндіи порядку право измѣнять законы принадлежитъ исключительно Вашему Величеству». И дѣйствительно, въ свое время гр. Блудовъ имѣлъ основаніе говорить такимъ образомъ, ибо сами финляндцы, безъ сейма, испрашивая лишь Высочайшее

соизволеніе произвели не мало измѣненій въ Уложеніи. Безъ сейма они стали толковать 10 § X главы Отдѣла о торговлѣ ³⁸⁶). Государь единолично указалъ, какъ понимать простое поручительство. Тоже повторилось съ 3 § XIV гл. Отд. о преступленіяхъ ³⁸⁷). Высочайшее разъясненіе главы XI Отд. о судопроизводствѣ послѣдовало 10 февр. 1854 г. (№ 47) и т. д.

Работы по кодификаціи проходили съ большими треніями. Кн. Л. С. Меншиковъ оказался въ оппозиціи. Значительный интересъ представляетъ поэтому секретный отвѣтъ его отъ 21 дек. 1841 г. (за № 330) гр. Д. Н. Блудову. Онъ останавливается на пользѣ кодификаціи финляндскихъ законовъ не столько съ юридической точки зрѣнія, сколько съ политической, т. е. на указаніи, какое вліяніе она въ состояніи имѣть на общее мнѣніе въ Финляндіи. «Финляндія, въ первое время по завоеваніи, мало показывала привязанности къ Имперіи, можетъ быть оттого, что люди, нерасположенные къ новому правительству, старались внушить опасеніе о зыбкомъ состояніи правъ, сему краю дарованныхъ, и въ особенности коренныхъ законовъ, которые тамъ свято чтимы и охотно исполняемы, не смотря на ихъ строгость. Но впослѣдствіи опытъ показалъ, что опасенія тѣ были напрасны; они исчезли въ особенности въ царствованіе Государя Императора Николая Павловича, когда финляндскіе Его Величества подданные видѣли, что при всѣхъ дѣйствіяхъ правительства коренные ихъ законы оставались неприкосновенными, что сближеніе ихъ съ Россіею совершается не мѣрами побужденія, но торговыми выгодами, облегченіемъ средствъ ко вступленію въ Россійскую службу, расширеніемъ путей къ воспитанію дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи и, наконецъ, дарованіемъ преимуществъ лицамъ, знающимъ русскій языкъ, безъ стѣсненія симъ закономъ правъ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали исчезать послѣдніе слѣды оппозиціи, и въ то время, когда во многихъ націяхъ и даже въ завоеванныхъ Россіею областяхъ, отзывались болѣе или менѣе внушенія пропаганды, въ то самое время Финляндія, находящаяся въ близкомъ сосѣдствѣ и тѣсныхъ родственныхъ и торговыхъ связяхъ съ непокойной Швеціею, болѣе нежели когда-либо исполнена была вѣрноподданнической преданности и признательности къ своему Государю.

«Посему, въ дѣлахъ, касающихся до Финляндскихъ законовъ, необходима особенная осторожность, дабы не потрясти недавно укоренившагося довѣрія и симъ не отдалить времени нравствен-

наго Финляндіи съ Имперією единства, къ которому теперь она уже столь примѣтно подвинулась». Князю стало также извѣстно, что въ Финляндіи родились уже превратныя понятія «на счетъ свойствъ предлагаемаго Свода Законовъ и цѣли его изданія». Осторожность кн. Меншикова простирается такъ далеко, что онъ не желаетъ официально обязывать финляндское учрежденіе доносить о ходѣ дѣла кодификаціи во Второе Отдѣленіе Канцеляріи Его Императорскаго Величества, а предлагаетъ это дѣлать отъ себя частно въ то время, когда дѣла будутъ проходить его руки. Кн. Меншикову представляется, что передѣлывать законы уголовные совершенно невозможно «безъ потрясенія общаго довѣрія Финляндіи къ видамъ правительства». «Все это побуждаетъ меня думать, что передѣлывать теперь уголовные законы Финляндіи не только неудобно, но что эта передѣлка не имѣла бы даже ожидаемаго полезнаго вліянія на нравственность. Если же она должна быть предпринята для большаго единообразія съ Россійскими законами, то это одно условіе нельзя считать необходимымъ, когда достиженіе онаго сопряжено съ дѣйствіями, могущими имѣть вредное вліяніе на спокойствіе края». Имѣя теперь напечатанными записки К. И. Фишера и находя въ нихъ однородныя фразы, мы не сомнѣваемся, что приведенное отношеніе кн. Меншикова къ Блудову принадлежит перу Фишера. вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, не безъ вліянія оказался и Л. Гартманъ, такъ какъ извѣстно, что кн. Меншиковъ просилъ его заключенія по этому вопросу. «Г-нъ Блудовъ передалъ мнѣ записки, касающіяся кодификаціи финляндскихъ законовъ; поплю ихъ вамъ и прошу сказать вамъ мнѣніе»⁵⁸⁸).

Остается еще отмѣтить, что Комиссія К. Валлена составила также проектъ главы объ Основныхъ Законахъ Финляндіи. Въ проектѣ оказалось всего 34 ст. Но изъ нихъ приходилось исключить тѣ положенія, которыя,—какъ напримѣръ, о наследованіи престола, вѣроисповѣданіи Царствующаго лица и т. п.,—являлись повтореніемъ Основныхъ Законовъ Имперіи. Оставалось три-четыре постановленія спеціально финляндскихъ. Валленъ возбудилъ въ 1842 г. вопросъ объ ихъ исключеніи изъ составлявшагося Свода, на что и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Вслѣдствіе тормазовъ, поставленныхъ финлянцами, и несочувствія дѣлу князя А. С. Меншикова, вопросъ о кодификаціи затягивается, слабѣетъ и исподволь сходить на нѣтъ.

«Провелъ я,—читаемъ въ письмѣ Я. К. Грота,—часть вечера (въ январѣ 1847) у Чепурнова, который обыкновенно рассказываетъ мнѣ что нибудь интересное. Такъ и нынче я услышалъ отъ него, что финляндцы благословляютъ кн. Меншикова за пришедшее недавно извѣстіе, что составленіе Свода Финляндскихъ Законовъ Высочайше повелѣно прекратить. Причины неизвѣстны» ⁵⁸⁹).

Работы по кодификаціи, однако, продолжались онѣ приняли лишь иное направленіе. Въ 1846 г., по докладу гр. Блудова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе возвратить изъ Ревизіоннаго Комитета всѣ проекты, относившіеся къ Своду Законовъ. Одновременно было указано приступить къ новой работѣ по новой инструкціи. При этомъ вновь обнаружилась рѣдкая административная робость кн. А. С. Меншикова: онъ рекомендовалъ тѣ инструкціи и наставленія, въ которыхъ видѣлъ нѣчто щекотливое для финляндскаго духа, передавать Валлену не черезъ Сенатъ, а непосредственно отъ Второго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

Теперь работали исключительно надъ Дополнительнымъ Сводомъ, т. е. собирали только то, чѣмъ было разновременно измѣнено или дополнено Уложеніе. Параллельно съ работой надъ Дополнительнымъ Сводомъ, Кодификаціонная Комиссія составляла систематическій указатель къ законамъ гражданскимъ и уголовнымъ ⁵⁹⁰).

Во «всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Финляндіи», представленномъ Государю по случаю двадцатипятилѣтія со дня восшествія его на престолъ, значится: «Комиссія исполнила возложенный на нея трудъ, но вслѣдствіе оказавшейся, по разсмотрѣніи онаго, необходимости примѣнить его къ свойству существующихъ законовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ системѣ, принятой при составленіи Свода Законовъ Россійской Имперіи, Ваше Императорское Величество изволили указать соотвѣтственный цѣли порядокъ исполненія, на основаніи котораго теперь прежняя кодификація передѣлывается Комиссіею и по пересмотрѣ оной потомъ въ особомъ ревизіонномъ комитетѣ будетъ поднесена на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества разрѣшеніе» ⁵⁹¹).

Въ 1854 г. Кодификаціонная Комиссія собрала нужные матеріалы по измѣненію и дополненію Уложенія 1734 г.; кромѣ того, оконченъ былъ Сводъ административныхъ, казенныхъ и полицейскихъ постановленій. Приступили къ печатанію и разсылкѣ

экземпляровъ Свода и Собранія по присутственнымъ мѣстамъ Великаго Княжества, для провѣрки. Но за это время произошло много существенныхъ перемѣнъ: скончался Николай Павловичъ,—воля котораго оставалась единственной движущей пружиной въ дѣлѣ кодификаціи,—опредѣленно сказалось новое вѣяніе и въ кружкахъ, близко стоявшихъ къ правительственнымъ учрежденіямъ, стало извѣстнымъ, что составленный Сводъ не будетъ утвержденъ для руководства ⁵⁹²).

Вспоминая исторію Кодификаціи, К. И. Фишеръ осмѣиваетъ и «пустословность» Блудова, и «вѣтренность» Валлена. Первый въ его описаніи представляется какимъ-то особенно легкомысленнымъ администраторомъ, который яко-бы позволялъ себѣ прибавлять нѣкоторыя законоположенія «для округленія главъ». Если вѣрить К. И. Фишеру, то за кулисами все направляла его искусная рука. По его мысли, приготовленные проекты были разосланы по судамъ и канцеляріямъ. Онъ предвидѣлъ, что эта мѣра поведетъ къ изобличенію «бредней кодификаціи». Такъ и вышло, — торжествуя, заявляетъ онъ, — финляндскій Сенатъ представилъ двѣ толстыя тетради опроверженій.

Кн. А. С. Меншиковъ понесъ Государю и исповѣдь гр. Блудова, и тетради Сената и «Сводъ.... съѣли крысы». Единственнымъ памятникомъ этого труда осталось «баронское достоинство Валлена» ⁵⁹³). Иначе оцѣниваетъ гр. Блудова другой современникъ—гр. Влад. Алекс. Сологубъ ⁵⁹⁴). «Гр. Блудовъ былъ однимъ изъ выдающихся людей царствованія Императоровъ Александра I и Николая I; человекъ обширнаго ума и непреклонныхъ убѣжденій, патріотъ самой высокой степени, преданный престолу, т. е. Россіи, родинѣ; онъ имѣлъ то рѣдкое въ тѣ времена преимущество надъ современниками, что и понималъ, и видѣлъ пользу прогресса, но прогресса постепеннаго»...

Работы комиссіи Валлена составлены были недурно и могли принести Финляндіи весьма существенную пользу. Нѣкоторыми забракованными тогда сборниками разныя учрежденія края пользуются до нашихъ дней. И если тѣмъ не менѣе суды и учрежденія ополчились на нихъ, то критиковавшими въ значительной мѣрѣ руководили не только юридическія соображенія, но и политическое стремленіе, возможно обособиться отъ русскаго законодательства и русскихъ учрежденій.

Та же политическая нота звучить въ заявленіи проф. І. Ф. Пальмена, когда онъ,—описывая (въ 1862 г.) исторію кодификаціи и оставившись на повелѣніи Государя сохранить Уложеніе 1734 г. въ неприкосновенности,—заявляетъ, что они, т. е. члены Ревизіоннаго Комитета, «одержали побѣду, которая будетъ по достоинству оцѣнена потомствомъ».

Финны очень склонны къ тяжбамъ. Склонность эту въ извѣстной мѣрѣ развили пасторы, занимавшіеся составленіемъ для крестьянъ всякихъ жалобъ и просьбъ. Прошенія, доходившія до генералъ-губернатора, показывали, что писавшіе ихъ не всегда понимали мысли просителей, не достаточно вникали въ существо дѣла, или были вовсе несвѣдущими въ законахъ. А. Закревскій пожелалъ искоренить это косвенное подстрекательство къ тяжбамъ и жалобамъ, подаваемымъ особенно во время объѣзда имъ губерній, почему сталъ требовать исполненія закона (§ 10, 15 главы Общаго Уложенія Отд. о судопроизв.), т. е., чтобы на прошеніяхъ и жалобахъ обозначалось, кто составитель ихъ.

Кромѣ склонности къ тяжбамъ, накопленію дѣлъ способствовала крайняя медленность финляндскихъ судовъ. Правительство, желая исправить этотъ недостатокъ, учредило въ 1851 г., секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Гартмана, для ускоренія судебного производства⁵⁹⁵). Но существеннаго результата не было достигнуто и финляндскіе суды до нашихъ дней поражаютъ невѣроятной медленностію своего дѣлопроизводства. Правительство руководилось наилучшими побужденіями. Ему хотѣлось обереечь населеніе отъ лишнихъ расходовъ, опредѣлить предѣлы власти губернаторовъ въ наложеніи денежныхъ взысканій и ввести полицейскую власть въ опредѣленные рамки⁵⁹⁶).

Значительно успѣшнѣе правительство дѣйствовало въ другой области. Замѣтивъ, что большая часть преступленій совершается въ нетрезвомъ видѣ, оно приняло мѣры противъ винокуренія.

Судопроизводство являлось наслѣдіемъ XV—XVI вѣка. Какъ въ тѣ отдаленныя времена, такъ въ XIX ст. судебное дѣло вѣдали бургомистры и ратманы въ городахъ, а герадскіе начальники (häradshöfdingar) — въ провинціи. Апелляціонной инстанціей былъ гофгерихтъ (hofrätt). Старѣйшимъ гофгерихтомъ Финляндіи былъ Абоскій. Въ судебномъ процессѣ преобладала теорія формальныхъ доказательствъ.

Судъ финляндцевъ напоминалъ Шемякинъ судъ: «свой своему по-неволѣ брать», вспоминаетъ Е. В. Ивановъ, наблюдавшій его въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Да иначе и быть не могло. Финляндское уголовное законодательство оказывалось неравномѣрнымъ для всѣхъ лицъ: къ сословіямъ привилегированнымъ—господамъ, хозяевамъ земель, фабрикъ, заводовъ и пр., оно относилось гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ ихъ батракамъ—крестьянамъ.

Несмотря на строгость закона, преступленія совершались въ большомъ количествѣ. «Убіиства, мошенничества, воровства нынѣ между финнами не рѣдкость». Причины: нужда, порча нравовъ, распространеніе роскоши, нерадѣніе пасторовъ, слабое преслѣдованіе судами. Таково мнѣніе современника Иванова, высказанное 10—22 марта 1836 г.

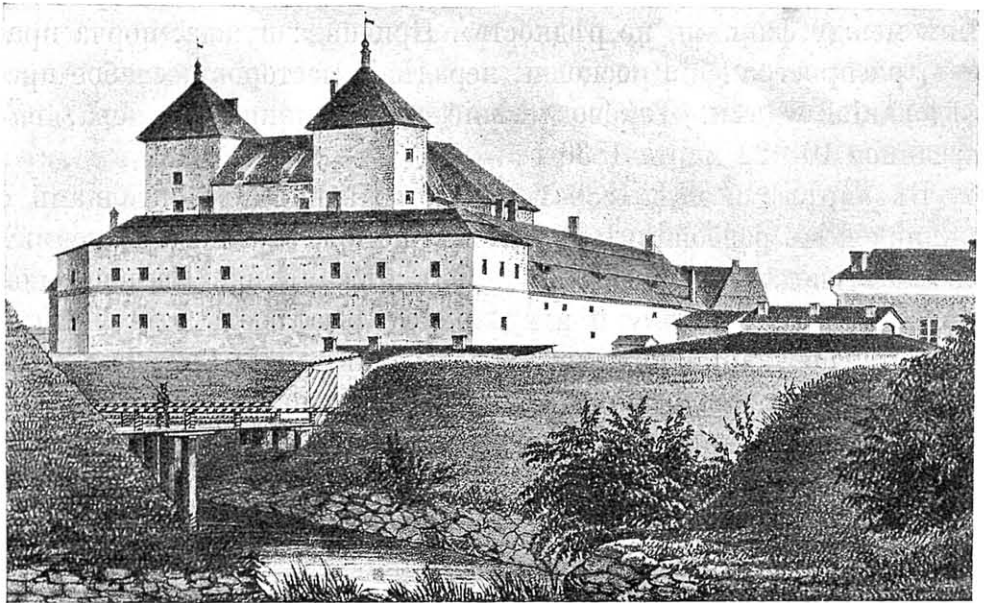
Въ апрѣлѣ и маѣ 1836 г. общество занято было толками о финляндскомъ разбойникѣ Нумелинѣ, котораго убилъ при поимкѣ ленсманъ, недалеко отъ г. Або. Онъ бѣжалъ изъ Свеаборгской крѣпости, имѣлъ шайку и искусно ускользалъ отъ бдительности полиціи. Государь пожаловалъ ленсману 600 р. Въ дѣйствиіи ленсмана (который стрѣлялъ при условіяхъ необходимой обороны) финляндцы усмотрѣли самовластіе и говорили, что его нельзя было убивать безъ суда, что попораны ихъ права, ихъ законы. На поляхъ письма Иванова видна помѣтка (кн. Меншикова?) карандашомъ о словоохотливости финляндцевъ, которые желаютъ имѣть только случай говорить о своихъ правахъ.

Еще болѣе поражаетъ своими поступками Адамсонъ. Онъ былъ сыномъ работника Тавастгусской губерніи и, имѣя отъ роду 24 года, совершилъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ 1849 г. 12-ть убійствъ, множество кражъ и грабежей. По дѣйствовавшему тогда уголовному закону, его надлежало четыре раза лишить жизни отсѣченіемъ головы, пять разъ отсѣченіемъ правой руки и головы, три раза отсѣченіемъ головы и положеніемъ трупа на колесо и т. д. Сенатъ представилъ дѣло на Высочайшее благовозврѣніе. Государь повелѣлъ поставить Адамсона къ позорному столбу, дабы онъ ожидалъ казни, а затѣмъ, въ теченіе двухъ сутокъ, наказать его 40 парами прутьевъ и наконецъ, содержать въ крѣпости Свеаборгѣ вѣчно, прикованнымъ къ стѣнѣ цѣпью ³⁸⁷).

Число случаевъ примѣненія смертной казни по финляндскому уложенію,—если выбросить отсюда всѣ тѣ, въ которыхъ она ле-

гально отмѣнена позднѣйшими указаніями, главнымъ образомъ закономъ 1779 г. января 20,—составляетъ очень почтенную цифру—62; изъ нихъ на квалифицированную приходится—17, на простую—45 ⁵⁹⁸).

Генераль-губернаторъ установилъ (17 марта 1825 г.), что производимая въ Финляндіи смертная казнь слабо вліяла на жителей, привыкшихъ къ подобному зрѣлищу. Съ 1734 г. въ Финляндіи всего казнено 36, вмѣстѣ съ государственными преступниками. За время русскаго владычества, въ Финляндіи не было случая

Тюрьма въ Тавастгусѣ.

утвержденія приговора со смертной казнью. 21 Апрѣля 1826 года Высочайшимъ манифестомъ установлено было лицъ, подлежащихъ смертной казни, ссылатъ на вѣчную каторгу въ Зауральскія губерніи ⁵⁹⁹). Такимъ образомъ фактически за всѣ общія преступленія смертная казнь была въ Финляндіи отмѣнена. Вскорѣ изъ переписки сибирскихъ каторжниковъ жители Финляндіи узнали, что нѣкоторые изъ нихъ не были вовсе сосланы въ рудники, а оставались на волѣ при винокуренномъ заводѣ Томской губ. Конечно, страхъ къ ссылкѣ въ край исчезъ. Губернаторъ поднялъ вопросъ о томъ, чтобы каторжникамъ воспретили переписку съ отечественниками. Но было уже поздно: каторга и Сибирь болѣе не пугали воображенія преступныхъ людей.

Въ манифестѣ 21 апрѣля 1826 г., отмѣнившемъ смертную казнь, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія заявленія. Государь усмотрѣлъ, что Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго по вопросу о смертной казни съ одной стороны «не согласуется съ основанными на внутреннемъ убѣжденіи и сообразными съ судопроизводствомъ въ Имперіи правилами Нашими», а съ другой—Государь не могъ отступать отъ начертаннаго въ его совѣсти долга и не утверждать смертнаго приговора, если преступленіе имѣло цѣлью нарушеніе «спокойствія государственнаго, безопасности Престола и святости Величества». Эти обстоятельства побудили Государя впредь пользоваться присвоеннымъ ему коренными законами правомъ помилованія, такъ какъ время не позволяло «передать на разсужденіе сеймовыхъ чиновъ» предложенія объ отмѣнѣ общаго закона.

Каторжныя работы отбывались или въ мѣстныхъ рабочихъ домахъ, или въ Сибири. Въ Выборгской губерніи имѣлось два рабочихъ дома: одинъ въ Панцарлакскѣ, возлѣ самаго Выборга, для преступниковъ меньшей важности, другой—въ Кексгольмѣ, для болѣе тяжкихъ преступниковъ ⁶⁰⁰).

Въ царствованіе Николая I не только по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни въ Финляндіи шли навстрѣчу гуманитарнымъ требованіямъ времени; но стремленіе къ улучшенію положенія преступниковъ замѣчалось во многихъ отношеніяхъ. Такъ, по повелѣнію, исходившему отъ Государя, было отмѣнено выставленіе ихъ къ колодкѣ. Это наказаніе—остатокъ установленія древнихъ законовъ Финляндіи ⁶⁰¹).

Много заботъ проявлено было объ участи арестантовъ. Въ этомъ дѣлѣ наблюдаются даже предосудительныя излишества.—Абоскій губернаторъ Л. фонъ-Гартманъ, пишетъ современникъ, устроилъ арестантовъ, какъ институтокъ въ Абоскомъ Шлоссѣ; въ ихъ бытѣ и обстановкѣ поражали чистота и опрятность; ихъ кормили на убой, два раза въ недѣлю водили въ баню; арестантскій лазаретъ—«заглядѣнье», бѣлье довольно тонкое, одѣяла «мягкія, какъ пухъ». Въ офицерскихъ квартирахъ того времени нельзя было наблюсти подобной обстановки. Когда Гартману указали на эти излишества, онъ отвѣтилъ: «арестанты уже привыкли къ хорошему содержанію, если его ухудшить, они озлобятся и вѣрно сдѣлаютъ что нибудь дурное. Не за себя, за зрителя боюсь я»,—прибавилъ изворотливый политикъ.

Изъ арестантской проведены были слуховыя трубы въ комнату смотрителя ⁶⁰²).

Арестантовъ и бродягъ назначали на разныя работы: по сооруженію Сайменскаго канала, въ желѣзные рудники и т. п. Результаты были прекрасныя. Опыты эти показали, что имѣется вѣрный экономическій способъ занять бродягъ, а не запираить ихъ въ филантропическія учрежденія, мало соотвѣтствовавшія правамъ финновъ, гдѣ они проводили цѣлыя годы въ праздности и лѣни ⁶⁰³).

Финляндскіе генераль-губернаторы внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы мѣстныя учрежденія не превышали своей власти. Однажды финляндскій Сенатъ подвергъ пересмотру постановленіе русскаго суда, ссылаясь на то, что подсудимый является уроженцемъ края. Генераль-губернаторъ довелъ этотъ случай до свѣдѣнія Государя и Сенату указано было не касаться подобныхъ дѣлъ ⁶⁰⁴).

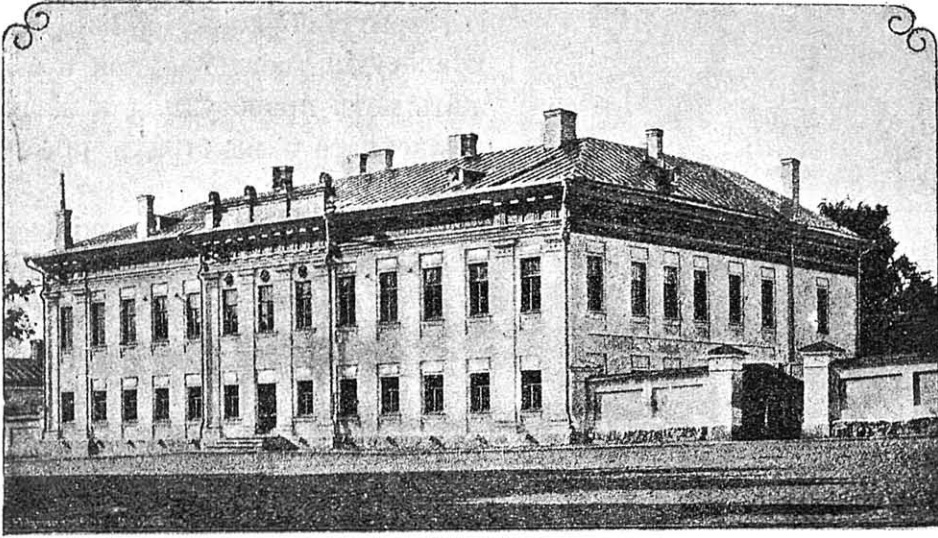
Съ давнихъ временъ гофгерихты служили примѣромъ строгой справедливости и приобрѣли благодарность народа. Къ сожалѣнію, «сей примѣръ не всегда дѣйствовалъ на низшія судебныя мѣста» и въ этомъ отношеніи остается много еще желать. Это отзывъ современника, изложенный для кн. Меншикова ⁶⁰⁵).

Гофгерихтовъ было два—въ Або и городѣ Вазѣ. 7—19 іюня состоялся манифестъ объ учрежденіи гофгерихта въ Выборгѣ. При распредѣленіи юридическихъ округовъ между гофгерихтами имѣли въ виду сходство образа жизни, нравовъ и обычаевъ ⁶⁰⁶).

«Учрежденіе гофгерихта въ Выборгѣ непріятно для Або,—писаль 16—28 февр. 1839 г. кн. Меншиковъ барону Л. Г. Гартману,—но пора было прекратить неудобства, возникавшія вслѣдствіе отдаленія суда отъ этой мѣстности, не говоря уже о правахъ выборгскихъ помѣщиковъ и крестьянъ».

Торжественное открытіе новаго гофгерихта состоялось 1 окт.—19 сент. 1839 года. Къ этому дню въ Выборгъ пріѣхали помощникъ генераль-губернатора А. П. Теслевъ, вице-предсѣдатель Судебнаго Департамента Финляндскаго Сената, т. с. баронъ Л. Г. Меллинъ, и многіе другіе. О началѣ торжества возвѣстили 6-тъ орудійныхъ выстрѣла. Затѣмъ, при звонѣ колоколовъ, процессія изъ Ратгауза двинулась къ дому гофгерихта. На площади стояли войска. На бархатной подушкѣ несли Высочайшій манифестъ, Общее Уло-

женіе 1734 г. и печать гофгерихта. По прибытіи въ новый домъ, А. Теслевъ произнесъ краткую рѣчь о значеніи правосудія въ благоустроенномъ обществѣ, а референдарій секретарь Сената огласилъ манифестъ и главу о судопроизводствѣ изъ Уложенія. Затѣмъ А. Теслевъ Высочайшимъ именемъ ввелъ президента и чиновъ гофгерихта въ ихъ должности, объявивъ третье верховное судилище края открытымъ, приче́мъ исправляющій должность генералъ-губернатора вручилъ президенту, графу Карлу Густаву Маннергейму, манифестъ, уложеніе и печать, предложивъ всѣмъ новымъ чинамъ порознь учинить присягу на должность. «Сохраниайте,—

Зданіе Выборгскаго гофгерихта.

сказалъ генералъ А. Теслевъ,—въ ненарушимости предоставленныя каждому гражданину законами и постановленіями права и имѣйте наблюденіе, чтобы подвѣдомственные гофгерихту судьи и судебныя мѣста съ точностью исполняли свои обязанности, чѣмъ пріобрѣтете уваженіе согражданъ. Высшій Зиждитель правосудія и законовъ края да будетъ вамъ вѣчно образцомъ и опорою». Гр. К. Г. Маннергеймъ отвѣтилъ рѣчью. Онъ почелъ священнымъ долгомъ за себя и отъ имени всѣхъ членовъ гофгерихта выразить глубочайшее всеподданнѣйшее благоговѣніе и признательность за высокомонаршую милость. Учрежденіе новаго верховнаго судилища есть одно изъ достойнѣйшихъ событій въ исторіи Великаго Княжества. Оно родитъ во всѣхъ сердцахъ самыя радостныя надежды на счетъ будущаго. «Мы въ этомъ событіи видимъ новое

удостовереніе, что обожаемый современниками, бессмертный въ потомствѣ Монархъ нашъ»... неутомимъ въ попеченіи о своихъ многочисленныхъ племенахъ и народахъ.... «Финляндія неоднократно уже удостоена была самыхъ явственныхъ доказательствъ благорасположенія и милости Государя Императора Николая Павловича»... Долгъ благодарности даетъ направление дѣятельности финляндцевъ. Святость законовъ руководить Монархомъ съ начала его царствованія. Составивъ Сводъ Законовъ и Установленій Россійскихъ, Онъ озабоченъ составленіемъ систематическаго собранія законовъ и постановленій Великаго Княжества.

Графъ К. Маннергеймъ.

Гр. Маннергеймъ обѣщалъ, что гофгерихтъ будетъ держать вѣсы правосудія твердой рукой и обнажать мечъ правосудія для защиты обиженнаго и на страхъ преступнику.

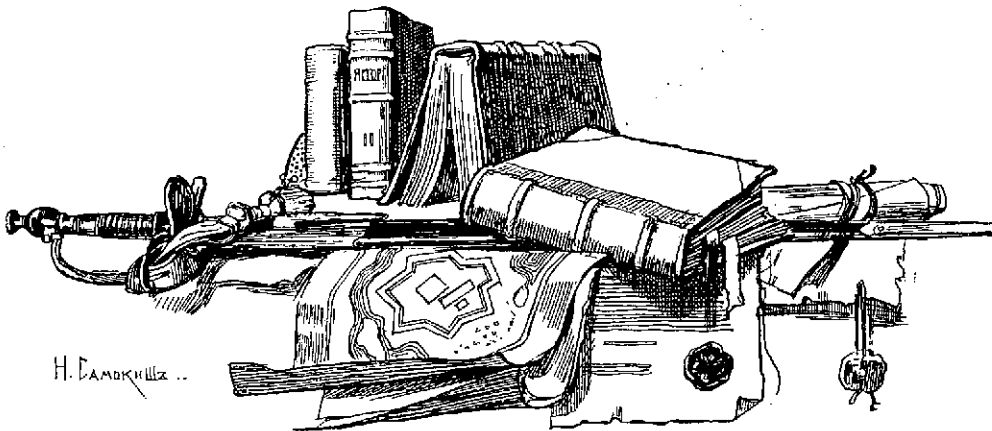
Послѣ этой церемоніи всѣ отправились въ шведскую церковь, гдѣ епископъ Боргоскій, Оттелинъ, произнесъ проповѣдь: «Всякая душа властямъ придержащимъ да повинуется. Нѣтъ бо власти не отъ Бога»... Кромѣ того, была прочтена особая молитва о гофгерихтѣ, составленная Сенатомъ. Произвели салютъ въ 50-ть орудійныхъ выстрѣловъ. Члены гофге-

рихта возвратились въ свой домъ для засѣданія; остальные разошлись ⁶⁰⁷).

На слѣдующій годъ (1840) Государь, продолжая заботиться о правосудіи въ Финляндіи, велѣлъ принять нѣкоторыя мѣры къ ускоренію судопроизводства по уголовнымъ дѣламъ ⁶⁰⁸).

Первый президентъ Выборгскаго гофгерихта гр. Карлъ Густавъ Маннергеймъ (р. 1797 г. + 1854 г.)—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ финляндцевъ. Окончивъ Абоскій университетъ, онъ служилъ въ Комитетѣ финляндскихъ дѣлъ, состоя съ 1826 по 1831 г. секретаремъ Канцлера университета, коимъ былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Затѣмъ занималъ должность губернатора сперва (1832—33) въ Вазѣ, а затѣмъ (1833—1839) въ Выборгѣ, пользуясь всюду все-

общимъ расположеніемъ. Многочисленные его служебныя дѣла не мѣшали его обширнымъ научнымъ занятіямъ. Какъ ученый, онъ состоялъ членомъ многихъ Обществъ Естествоиспытателей—Московского, Парижскаго, Лондонскаго и др.,—а также членомъ нашей Академіи Наукъ. Свои ученые труды излагалъ на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Списокъ его ученыхъ трудовъ объемлетъ 39 нумеровъ. По свидѣтельству профессора Нервандера, гр. Маннергеймъ былъ классическимъ писателемъ въ своей спеціальности—энтомологіи, въ которой пользовался широкимъ авторитетомъ. О любви графа къ наукѣ свидѣтельствуется его рѣдкая коллекція насѣкомыхъ, среди которыхъ однихъ жесткокрылыхъ было около 20.000 видовъ. По вопросамъ своей спеціальности, онъ велъ переписку съ сотней ученыхъ разныхъ странъ.

Н. Савицкий ..

IX. Пробужденіе національнаго самосознанія.

Въ письмѣ къ Ребиндеру (1816 г.) епископъ Іаковъ Тенгстремъ высказываетъ опасеніе, что участь Финляндіи можетъ стать такой же печальной, какъ участь Выборгской губерніи, если у потомковъ не достанетъ мужества и ума, поддержать и защитить то, что теперь приобрѣтено. При этомъ онъ находилъ, что широкое образованіе и нравственное воспитаніе должны послужить главными средствами противъ подобныхъ опасеній. «Эта масса просвѣщенія и либеральныхъ воззрѣній»,—пишетъ онъ,—«которыми нація теперь обладаетъ, и хорошіе принципы, коими она должна возвыпаться и преуспѣвать, есть единственный костеръ, имѣющій значеніе, какъ средство, которое слабость можетъ выставить въ свою защиту отъ насилія, и этотъ костеръ, если онъ правильно будетъ огражденъ и поддержанъ, будетъ всегда внушать къ себѣ уваженіе, даже при самыхъ неблагопріятныхъ конъюнктурахъ».

Имѣется еще черныкъ, набросанный Іаковымъ Тенгстремомъ, съ серьезнымъ предложеніемъ. Черныкъ особенно интересенъ потому, что онъ сочиненъ непосредственно послѣ заключенія мира въ Фридрихсгамѣ. Тенгстремъ разсматриваетъ въ немъ вопросъ:

«Что долженъ дѣлать народъ Финляндіи, чтобы въ будущемъ сохранить свое національное существованіе и свою конституцію?» Тенгстремъ спрашиваетъ, слѣдуетъ ли помышлять о воссоединеніи съ Швеціей? и отвѣчаетъ: «никакой пользы. Намъ Швеція не очень нужна: необходима только ея желѣзная руда». Далѣе онъ спрашиваетъ: «Что означаетъ желаніе остаться націей? И какія средства и причины главнымъ образомъ способствуютъ тому?» Его отвѣтъ таковъ: «Прежде всего должно усилить и укрѣпить національный духъ, сохранять въ цѣлости лютеранскую религію, способствовать торговлѣ и промышленности, для того, чтобы народъ могъ зависѣть только отъ самого себя, для чего слѣдуетъ созвать сеймъ, но при этомъ добавляетъ: «будущій сеймъ слѣдуетъ вести иначе, чѣмъ послѣдній» ⁶⁰⁹).

Финляндское общество Николаевскаго времени естественно жило еще шведскимъ прошлымъ. Изъ устъ въ уста продолжали переходить эпизоды недавняго пережитаго.

Все живо помнили шведское владычество, помнили борьбу съ русскими и первые годы новаго владычества въ краѣ. Разграничительнымъ періодомъ явилась, конечно, война (1808—1809 гг.), или по народному выраженію—«когда русскій пришелъ въ край» («när ryssen kom i landet»). Въ обществѣ обычно говорилось: это случилось до войны или «до прихода русскаго въ край» ⁶¹⁰; а это произошло «послѣ прихода русскаго въ край» («efter det ryssen kom i landet»). Естественно, что не все шведское заслуживало похвалы; но Густавъ III, Карлъ XII, Густавъ II Адольфъ, Густавъ Ваза восхищали всѣхъ, были общими любимцами. Блестящій періодъ шведской исторіи финляндцы считали своимъ и, когда вспоминали о немъ, нерѣдко слышался тихій смиренный вздохъ говорящаго: это все прошло и ему не суждено вернуться. Швеція по прежнему оставалась отечествомъ финляндца,—читаемъ въ признаніяхъ Августа Шаумана.

Казалось бы естественнымъ,—заявляетъ другой финляндецъ,—что разлука со Швеціей и необходимость подчиняться новому положенію должно было тягостно отзываться на всѣхъ. Но къ величайшему удивленію нашего времени ничего этого не было. Это могло отчасти зависѣть,—поясняетъ онъ,—отъ спокойнаго характера и лояльныхъ понятій, которые отличали финскій народъ, а также отъ господствовавшаго неудовольствія, вызваннаго безумной защитой (1808 г.) и чрезмѣрно плохимъ управленіемъ края ⁶¹¹).

«Если въ дѣтствѣ и чувствовали себя глубоко и искренно связанными со Швеціей, то съ другой стороны не совсѣмъ то недовольны были и новымъ положеніемъ, въ которомъ очутился край. Даже лица, побывавшія въ плѣну въ 1808—1809 гг., не могли пожаловаться на жестокое съ ними обхожденіе. Дѣла «послѣ того, какъ русскій пришелъ въ край» во многихъ отношеніяхъ стали лучше, чѣмъ въ шведское время». О сознаніи, что финны стали составлять отдѣльную націю—и говорить не хотѣли. Но теперь жили спокойно, не опасаясь прежнихъ постоянныхъ ужасовъ войны.—Въ матеріальномъ отношеніи въ большинствѣ случаевъ было лучше прежняго: подати уменьшились, чрезвычайные поборы были упразднены, сухопутныя таможи никого болѣе не стѣсняли. Появилось множество новыхъ учрежденій и должностей въ краѣ, почему чиновникамъ жилось особенно хорошо, при достаточныхъ окладахъ. Страна прогрессировала какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ отношеніи; это охотно высказывали и никогда не опровергали. Прежде всего, университетъ уже въ 1811 г. получилъ новые штаты, съ которыми едва можно было сравнить прежніе, и онъ вновь былъ щедро одаренъ, при перенесеніи его въ Гельсингфорсъ; обо всемъ этомъ всегда говорили съ большою признательностью и похвалой. «Императоръ Николай умѣлъ уважать законы, и по немногу стали приывать и мириться съ русскими прикасательствами».

Едва финляндецъ очутился на свободѣ и нѣсколько осмотрѣлся, онъ заговорилъ еще опредѣленнѣе. Финскій писатель Авраамъ Поппиусъ въ февралѣ 1818 года писалъ А. І. Шегрену: «Ни одинъ честный финнъ не можетъ любить неблагодарную, слабую, энергированную, бѣдную, раздираемую своими партіями и кичащуюся великими дѣлами своихъ предковъ Швецію. Мы желали-бы по крайней мѣрѣ показать Швеціи, что мы можемъ обойтись безъ ея языка и нравовъ, и даже безъ ея Тора и Одина, которыхъ она сумѣла-бы болѣе глубоко посѣять въ насъ, если-бы менѣе презирала насъ и нашъ языкъ, когда была нашей мачехой».

Швеція была окружена извѣстнымъ ореоломъ въ глазахъ финляндцевъ, но когда имъ удавалось лично ознакомиться со своей бывшей метрополіей, ея обаяніе падало. Въ 1843 г. Зах. Топеліусу довелось впервые посѣтить Швецію. Онъ, такъ же какъ и другіе, воспѣвалъ ея прошлое величіе, схороненное въ мрачномъ склепѣ, или стоящее на площадяхъ въ мѣдномъ доспѣхѣ. Но, печально возвращаясь съ могилъ, онъ тщетно искалъ величіе въ жизни. И

въ своей автобіографіи онъ сознается, что шведская поѣздка привела къ тому, что онъ послѣ нея сталъ больше интересоваться финской національностью и ея языкомъ.

Далѣе финляндцы разсуждали такъ: вѣрно то, что Финляндія, и никакая иная страна, составляетъ наше отечество и что она теперь представляетъ что-то особое, довлѣющее себѣ, она нѣчто, что никогда больше не могло сдѣлаться шведскимъ и никогда не должно стать русскимъ. Такимъ образомъ мы чувствовали себя финнами, финской націей, долженствующей идти впередъ по собственному пути. Земля колебалась подъ ногами, передъ глазами растилался туманъ. То есть: если и было національное самосознаніе, то оно еще не имѣло твердой почвы и не поддерживало бодрой надежды на будущность. Гордиться тѣмъ, что «возведены въ число націй» не смѣли ⁶¹²).

Въ печати 1830 годовъ національность и національный духъ были слова, которыя можно было произносить съ большой осторожностью: они являлись лишь, какъ риторическое украшеніе торжественнаго слога. Да и въ обыденной рѣчи они встрѣчались не часто. Финскій языкъ, какъ естественная основа финской національности, былъ мало извѣстенъ. Подростающее поколѣніе знало, что финскій языкъ принадлежитъ большинству населенія, его слышали на улицѣ и въ кухнѣ, но чтобъ этотъ языкъ имѣлъ какое либо другое значеніе, этому не учили ⁶¹³).

Финскій народъ въ бюрократическій періодъ прошелъ строгую школу, и эта школа принесла ему пользу. Народъ научился терпѣнію и патріотической стойкости. Отцамъ удалось сохранить то наслѣдство, которое они получили, и передать его ненарушимо потомству, живущему теперь, и вмѣстѣ съ тѣмъ финскій народъ принужденъ былъ вернуться къ самому себѣ, чтобъ въ своей природѣ, въ своей народной жизни и въ своей исторіи найти опору для своего духовнаго развитія. Народъ собиралъ свои силы. Болѣе твердое самосознаніе и болѣе ясная любовь къ родинѣ возрастали исподволь, и изъ этой почвы, говорятъ финны, поднялась съ неожиданной силой политическая жизненная сила, плодомъ которой было возрожденіе представительнаго государственнаго строя ⁶¹⁴).

Таковы были мысли и чувства финляндцевъ въ началѣ царствованія Николая I. Этими мыслями и чувствами открывается интереснѣйшая страница финляндской исторіи, на которой разсказано пробужденіе финской національности. Новая жизнь за-

искрилась и засверкала на весеннемъ солнцѣ молодого народа, нашедшаго теплый и ласковый пріютъ въ составѣ Россійской Имперіи. Но съ этого-же времени болѣе самостоятельнаго существованія Финляндіи начинается ея стремленіе къ обособленію отъ той державы, которая столь родственно обогрѣла ее и дала ей возможность стать на ноги.

Какъ все прекрасно вокругъ озера Валькіярви: здоровый воздухъ, роса на травѣ, перлы на берегахъ, блескъ надъ водой, румянецъ восходящаго солнца на скалахъ; типина нарушается лишь щебетаньемъ птицъ въ лѣсной глуши (З. Топеліусъ). Здѣсь, въ одиноко стоящей низкой избѣ, у крестьянскаго портного родился въ апрѣлѣ 1802 г. Эліасъ Ленротъ, которому суждено было стать Колумбомъ финскаго народнаго эпоса. Міровой шумъ никогда не проникалъ въ этотъ отдаленный уголокъ Кааянскаго прихода.—Подростій Ленротъ провелъ нѣсколько семестровъ въ Боргоской гимназіи, снискивая себѣ въ каникулярное время пропитаніе и средства для продолженія ученія. Поступивъ въ Абоскій университетъ, онъ изучалъ медицину, но тамъ-же проникся любовью къ народной поэзіи и родному языку.

Кантеле.

Съ его появленіемъ на общественной аренѣ, занялся новый день для финской литературы, для финскаго самосознанія ⁶¹³).

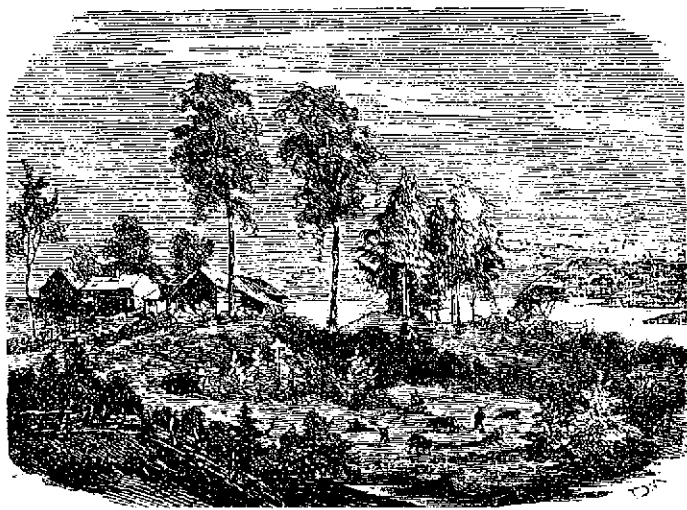
Въ теченіе девяти лѣтъ (1835—1844) онъ, съ котомкой на плечахъ, предпринималъ семь большихъ хожденій для поисковъ народныхъ «рунъ» (folkrunorna). Странствовалъ онъ по отдаленнымъ деревнямъ то пѣшкомъ, то на лодкѣ; пробирался сквозь лѣса и черезъ болота отъ одной курной избы къ другой. Мѣстность, доставившая ему наиболѣе богатый матеріалъ, тянется широкой полосой по обѣимъ сторонамъ русско-финской границы, отъ береговъ Ладоги къ Бѣлому морю. Здѣсь, преимущественно среди карель, онъ отыскалъ старыхъ пѣвцовъ рунъ, обладавшихъ рѣдкой памятью. Плоды народной музыки, готовые погибнуть въ забвеніи, были спасены... Крестьяне Андрей Малинъ, Василій Кіелевяненъ и Архипъ Перкуненъ рассказали ихъ Ленроту и тотъ повѣдалъ ихъ образованному міру. Въ забытой Кареліи пріютились финскія пѣсни и

сама Калевала—ничто иное, какъ карельскія руны финской древности. Соратникъ Ленрота—извѣстный М. А. Кастренъ,—попавъ въ Карелію, почувствовалъ себя въ новомъ мірѣ и увидѣлъ предъ собой истинно финскую древность.

«Народныя пѣсни не сочиняются,—говоритъ Ленротъ,—онѣ сами себя сочиняютъ; онѣ рождаются, растутъ и приобрѣтаютъ извѣстную осанку безъ особаго попеченія поэта. Та земля, которая производитъ ихъ,—это душевное свойство и мысль; сѣмена, изъ которыхъ онѣ вырастаютъ,—различныя душевныя чувства. Но такъ какъ душевныя свойства, мысли и душевныя чувства во всѣ времена и у всѣхъ людей по большей части были одного качества, то и пѣсни, выпедшія изъ нихъ, не составляютъ собственность того или другого, а принадлежатъ всему народу» ⁶¹⁶).

Чѣмъ чаще во дни оны шведскіе крестовые рыцари развѣтывали свое побѣдоносное знамя, тѣмъ дальше въ лѣса и пустыри удалялась старая пѣснь, уходила сказка со своими богами. Новымъ свѣтомъ стремились не столько освѣтить, сколько выжечь и уничтожить ихъ ⁶¹⁷).

Ленротъ желалъ выслушать старыя пѣсни изъ устъ представителей народа. Восемидесятилѣтній Архиппъ болѣе двухъ дней кряду пѣлъ ему изъ запаса своихъ руническихъ пѣсень, съ восторгомъ вспоминая свою молодость, своего отца и другихъ, со словъ которыхъ запомнилъ руны. Во время рыбной ловли, у костровъ, пѣсни отца Архиппа не прерывались; онъ и его работникъ, взявшись за руки, пѣли ихъ цѣлую ночь. Архиппъ запомнилъ тѣ пѣсни и съ охотой передавалъ ихъ Ленроту, спѣшившему занести ихъ въ свою тетрадь. Нынѣ,—вздыхалъ Архиппъ,—не любятъ больше старинной пѣсни, прежде-же она пѣлась при работѣ, и на деревенскомъ отдыхѣ.

Родина Эл. Ленрота.

У Э. Ленрота были предшественники. До него по Карелии ходили Ганандеръ, Линквистъ, а главное—Топеліусъ старшій. Они обнаружили сокровища, Ленротъ—собралъ ихъ.

Одинъ небольшой сборникъ народныхъ пѣсень слѣдовалъ за другимъ. Финское Литературное Общество доставило Ленроту скромныя средства для продолженія начатаго имъ труда. Исходивъ вдоль и поперекъ Карелию, Ленротъ (въ 1844—45 гг.) посѣтилъ Эстляндію, Лифляндію и Ингерманландію, всюду изучая пѣсни финляндскихъ соплеменниковъ. Количество собранныхъ

Эліась Ленротъ.
Провинціальный врачъ г. Каяны.

пѣсень все расло и множилось. Собираетъ онъ не однѣ пѣсни, но также поговорки, загадки, народныя сказки и заклинанія. Онъ обнародовалъ эти произведенія въ видѣ «картины жизни, обычаевъ, нравовъ и особенностей древнихъ временъ, для руководства стихотворцамъ будущей Финляндіи».

Внимательно изучивъ эпическія пѣсни, Ленротъ замѣтилъ существенную между ними связь и единство. У него скоро явилась мысль соединить эти пѣсни въ одну эпопею, которая соотвѣтствовала-бы скандинавской «Эддѣ». И дѣйствительно, изъ скопившагося у него мате-

ріала, изъ многочисленныхъ вариантовъ, онъ добросовѣстно и находчиво составилъ одно цѣлое, одинъ обширный народный эпосъ, назвавъ его «Калевала» (1835 г.), въ честь родины воспѣваемыхъ въ немъ героевъ, сыновъ Калевы.

Такимъ образомъ изданное Ленротомъ «Калевала» не есть полное и точное воспроизведеніе того, что воспѣвалось народными пѣвцами. Въ данномъ случаѣ онъ послѣдовалъ примѣру самихъ-же народныхъ пѣвцовъ. Подобно тому, какъ они сводили матеріалъ изъ разныхъ рунъ, Ленротъ,—превосходившій всѣхъ финскихъ пѣвцовъ по числу извѣстныхъ ему рунъ и вариантовъ,—призналъ себя въ правѣ слить въ одно цѣлое главнѣйшія части собраннаго

имъ матеріала. Ленротъ дѣлалъ въ пѣсняхъ нѣкоторыя измѣненія, сопоставленія и добавленія. Иногда онъ отбрасывалъ однѣ подробности и прибавлялъ другія, измѣнялъ даже имена героевъ и героинь, присоединялъ къ пѣснямъ вставки изъ баладъ и другихъ пѣсень, не принадлежавшихъ къ циклу эпическихъ пѣсень Калевалы; случалось онъ включалъ связующія звенья изъ стиховъ, заимствованныхъ изъ всевозможныхъ народныхъ пѣсень.—

Естественно, что между учеными возникли пререканія. К. Б. Вилкундъ находитъ, что на основаніи сдѣланныхъ Ленротомъ измѣненій Калевала не составляетъ въ полномъ смыслѣ слова народнаго эпоса. К. Кронъ, напротивъ, стоитъ на томъ, что Калевала тѣмъ не менѣе имѣетъ характеръ народнаго эпоса ⁶¹⁸).

Академикъ А. Шифнеръ въ Петербургѣ, уже во время печатанія Калевалы, перевелъ ее нѣмецкими стихами, хотя его переводъ вышелъ въ свѣтъ не ранѣе 1852 г.; переводомъ Калевалы занялись и другіе и такимъ образомъ ея содержаніе распространилось по всѣмъ частямъ свѣта. Нѣмецкіе ученые Я. Гриммъ и В. Шоттъ, французъ

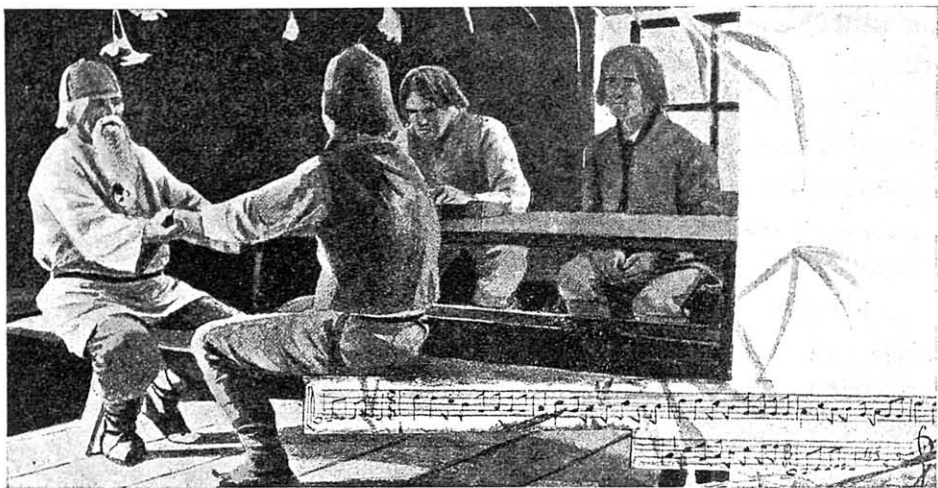
Эліасъ Ленротъ. Каррикатура.
Unus homo assando restitui rem.

Leouzou Le Duc (1845) ознакомили съ Калевалой культурные народы Запада. Въ англійской книгѣ доктора Bowring'a воспроизводились своеобразности финской рунической поэзіи и въ то же время изображались черты изъ суровой жизни финскаго крестьянина.—

«Главныя черты изъ древней финской эпопеи Калевалы» появились на русскомъ языкѣ въ переводѣ студента Морица Эмана въ 1847 г. и были посвящены Августѣйшему Канцлеру Александровскаго университета ⁶¹⁹).

Я. Гриммъ, говоря объ эпосѣ, заявилъ, что онъ переходитъ изъ глубины древности черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, нисколько не теряя своего особеннаго характера. Эпоса нельзя сочинить, какъ

нельзя выдумать исторіи..... Эпосъ принадлежит народамъ уже при первомъ ихъ пробужденіи къ духовной жизни. Эпосъ у всѣхъ народовъ проходить въ своемъ развитіи постоянно однѣ и тѣ-же ступени. Въ финскомъ эпосѣ описана вражда финновъ съ лопарями, какъ у Гомера вражда грековъ съ троянцами. Между финскимъ и нѣмецкимъ эпосомъ то общее, что тутъ и тамъ все основано на сватовствѣ и на поискахъ сокровища, которое находилось во владѣніи Похиола, а у германцевъ—утонуло въ Рейнѣ. По живому чувству финновъ къ внѣшней природѣ, Калевала сходна съ индѣй-

Крестьяне, поющіе пѣсни «Калевалы».

ской поэзіей... Бой Вейнемейнена съ Юкагайненомъ напоминаетъ Эдду и т. д. ⁶²⁰).

Ленротъ—изслѣдователь финскаго народнаго эпоса,—самъ былъ эпической натурой со своеобразными финскими чертами. Въ дни извѣстности Эл. Ленрота, съ нимъ близко познакомился Я. К. Гротъ и описываетъ его самыми симпатичными чертами. Жилъ Ленротъ въ Гельсингфорсѣ, во дворѣ, въ бѣдномъ красномъ домишкѣ. Занимая каѳедру въ университетѣ и сдѣлавшись популярнымъ лицомъ, онъ по своимъ привычкамъ и образу жизни оставался крестьяниномъ, съ некрасивой оригинальной фигурой, съ багровымъ отъ загара лицомъ, съ неловкими манерами, въ грубой одеждѣ, но съ любезной и добродушной улыбкой. Длинный сюртукъ темносиняго толстаго сукна, шапка на ватѣ, пальто изъ деревенской шерстяной матеріи, стоимостью въ 16 р. 15 к. ассигнаціями, крестьянскіе сапоги (піаксы)—таковъ былъ его обычный

костюмъ... «Такъ вотъ вашъ Ленротъ».—воскликнулъ Гротъ. «Въ полномъ смыслѣ финнъ и тѣломъ, и душою», добавилъ профессоръ Фр. Сигнеусъ. Онъ не оторвался отъ лона матери природы, но, живя въ бѣдности, былъ богатъ внутреннимъ достоинствомъ. Типъ особенно располагающій въ свою пользу. Онъ весь безраздѣльно отдался любимому занятію и ни въ чемъ не измѣнялъ себѣ. Это—«праведникъ», посвятившій себя наукѣ и любимой идеѣ. За работой онъ забывалъ пищу и сонъ: ѣлъ и пилъ, когда случалось, зачастую вовсе не обѣдалъ, довольствуясь чаемъ. Такихъ людей нельзя не уважать и нельзя не радоваться за край, имѣющій такихъ представителей. И мы вполне понимаемъ Плетнева, когда онъ пишетъ Гроту: «это человѣкъ по сердцу моему, онъ представитель хорошей стороны Финляндіи. Этотъ человѣкъ въ мірѣ общежитія, въ мірѣ учености и въ мірѣ фізіологіи есть явленіе чисто небывалое» ⁶²¹).

Эл. Ленротъ.

Во время одной поѣздки Ленротъ сломалъ себѣ ногу. Пономарь сдѣлалъ перевязку, и когда прибылъ докторъ, то засталъ неподвижно лежащаго Ленрота усердно занимающимся сочиненіемъ псалмовъ для новаго ихъ выпуска. Ни жалобы, ни стоны. Три недѣли пролежалъ онъ такимъ образомъ на плохой почтовой станціи, сохраняя свойственное ему эпическое спокойствіе ⁶²²).

Огромное духовное національное богатство сосредоточилось у этого провинціального врача маленькаго города Каяны. Тамъ, въ мирной тиши, Ленротъ долго разбирался въ накопленныхъ народныхъ сокровищахъ—рунахъ—и оттуда вынесъ, наконецъ, кладъ своего народа. Скромный, затерянный на сѣверѣ городокъ Каяна, рѣдко посѣщаемый посторонними, случайно приобрѣлъ особую извѣстность въ исторіи культуры Финляндіи: тамъ въ теченіе 20 лѣтъ сидѣлъ въ плѣну Мессениусъ, написавшій приемованную хронику *Scandia illustrata (rimkrönika)* Финляндіи и положивъ такимъ образомъ основаніе исторіи какъ Швеціи, такъ и Финляндіи; тамъ жилъ въ теченіе 20 лѣтъ Ленротъ, издавшій

Калевала и Кантелетаръ и тѣмъ положившій основаніе финской національной литературѣ ⁶²³).

Обрѣтя сокровище, Ленротъ не зарылъ его среди рѣдкостей библіотеки, а, напротивъ, приложилъ все свои старанія, чтобы познакомить съ Калевалой весь финскій народъ и сдѣлать пѣсни его общедоступными, путемъ установленія общаго правописанія.

Кромѣ того, онъ составилъ финско-шведскій словарь, надъ которымъ трудился болѣе 15 лѣтъ. Онъ—основатель новѣйшей финской литературы и финскаго книжнаго языка. Въ основу финскаго литературнаго языка Ленротъ положилъ болѣе извѣстное западно-финское нарѣчіе съ его правильными грамматическими формами, но въ то же время обогатилъ его большимъ запасомъ выраженій изъ нарѣчій восточной Финляндіи.

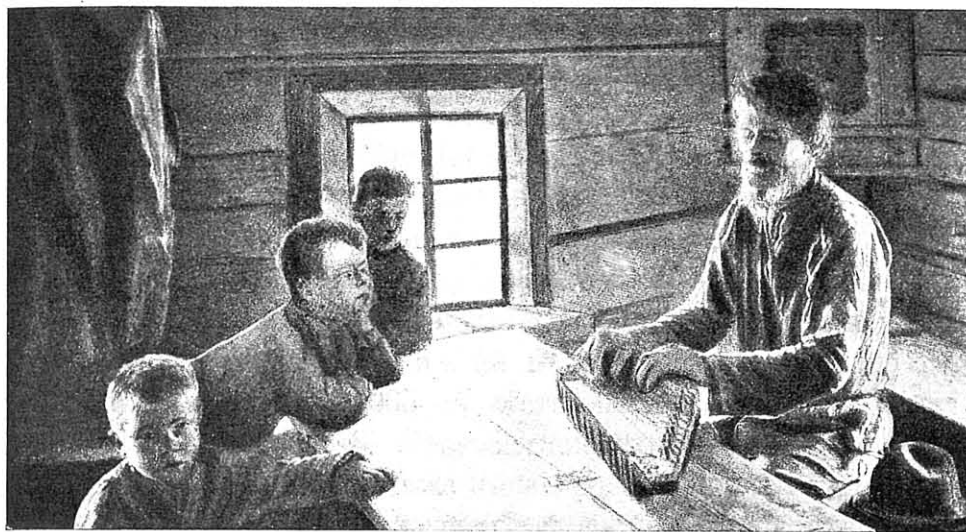
Соотечественники скоро оцѣнили заслугу скромнаго Ленрота. Уже въ 1836 г. въ Финскомъ Литературномъ Обществѣ было сказано, что человѣкъ, собравшій «Калевалу», имѣетъ право на безсмертіе въ исторіи финской словесности. Когда, 9 апрѣля 1882 г., Ленроту исполнилось 80 лѣтъ, Гельсингфорсъ торжественно отпраздновалъ этотъ день, напечатавъ о его жизненномъ подвигѣ нѣсколько отдѣльных изданій и почтивъ адресами своего убѣленнаго сѣдинами патріота.

Время и труды подкосили физическія силы этого вѣчно подвижнаго старца, самоотверженно работавшаго на пользу финской національной литературы. Долгій рабочій день его склонился къ закату и тихо пресѣлся 19 марта 1884 г. «Не съ печалью стануть чествовать твою память, не такъ, какъ того, который ушелъ и скоро будетъ забытъ; родина такъ тебя станетъ оплакивать, какъ лѣтній вечеръ плачетъ росой, полный счастья, свѣта, покоя и пѣсенъ».

Въ Европѣ бушевала революція тридцатаго года, когда въ Гельсингфорсъ собрались первые члены Финскаго Литературнаго Общества, добровольные взносы коихъ дали возможность Ленроту напечатать плоды своихъ многолѣтнихъ трудовъ. Когда на Западѣ шли волненія 1848 года, Ленротъ готовилъ уже новое изданіе «Калевалы», заключавшее 22.800 стиховъ, вмѣсто прежнихъ 12 тыс. Самъ Ленротъ ни въ какую политику не вмѣшивался, но труды его жизни пріобрѣли большое политическое значеніе. Открытіемъ финскаго національнаго эпоса положено было начало національной литературы.

Калевала—героическая поэма финского народа. Ея пѣсни были разметаны, какъ щепки корабля, разбитого бурей.—Ленротъ бережно собралъ дорогіе остатки, стараясь приладить другъ къ другу найденныя части. Задача жизни Эліаса Ленрота имѣла поэтому характеръ подвига спасенія ⁶²⁴).

Въ героическомъ мірѣ Калевалы, любимыми образами народнаго самосознанія являются мудрый пѣвецъ Вейнемейненъ, знающій свое дѣло кузнецъ Ильмариненъ, веселый воинъ Леминкейненъ, молодая красотка Айно, несчастный Куллерво (финскій

Игра на кантеле.

Эдипъ). Въ финской героической поэмѣ видное мѣсто отведено чародѣйству, но оно скрашено тѣмъ, что преобладающее значеніе и сила даны слову и знанію ⁶²⁵).

Весь эпосъ точно преисполненъ волшебнаго духа: жизнь и смерть, небо и земля, ихъ ежедневная борьба и дѣятельность сплетаются вмѣстѣ и подчасъ юмористически смѣшиваются съ заклинаніями. Калевала скорѣе волшебная, чѣмъ героическая эпопея. Въ ней чувствуется слѣдная вѣра въ магическое дѣйствіе слова.

Возникновеніе пѣсень Калевалы относятъ приблизительно къ XVI ст. Толчекъ къ пѣснямъ Калевалы данъ христіанскими легендами, проникшими къ кареламъ. Легенда о схожденіи Христа въ адъ переработалась въ хожденіе въ Туонелу; евангельскій рассказъ о прекращеніи Христомъ волненія на озерѣ передѣланъ въ путешествіе на суднѣ, и т. п.

Наличность героической эпопеи у финновъ была установлена. Существованіе же подобнаго памятника, въ свою очередь, доказывало древность финскаго народа. Открытіе его послужило какъ-бы сигналомъ къ пробужденію поэтическихъ инстинктовъ финновъ или знаменемъ, вокругъ котораго стали группироваться патриотизмъ.

Народъ безъ воспоминаній о прошломъ, подобенъ человѣку, не имѣющему отцовскаго дома, о которомъ могъ-бы съ любовью поговорить. Подвиги и великія дѣла предковъ служатъ народамъ въ одно и тоже время вызывающимъ примѣромъ для благородныхъ жизненныхъ дѣяній и сильнымъ побужденіемъ для самочувствія ⁶²⁶).

И дѣйствительно этотъ эпосъ воскресилъ для финскаго народа, не имѣвшаго еще своей опредѣленной писанной исторіи, поэтическое, самостоятельное прошлое и вмѣстѣ съ тѣмъ вселилъ въ него вѣру въ историческое будущее. Сборники пѣсенъ «Кантелетаръ» и «Калевала» свидѣтельствовали также о наличии извѣстнаго поэтическаго дарованія у финскаго народа. Калевала погасила прежнее финское равнодушіе, поднявъ финскій народъ какъ въ его собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ иностранцевъ. Первое изданіе едва посмѣли отпечатать въ 500 экземплярахъ и они не скоро дождались своихъ покупателей. Второе изданіе (1847 г.) было принято горячо и энтузіазмъ замѣтно росъ около Калевалы. «Калевала и другія сокровища народной поэзіи особенно сильно повліяли на молодежь, вдохновляли ее на мужественный и энергическій трудъ, пробуждали въ ней національное самосознаніе» ⁶²⁷).

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что Калевала воспитала нѣсколько поколѣній въ любви къ родинѣ и сдѣлала финскую молодежь особенно воспріимчивой къ новому апостолу финномаіи, шедшему во слѣдъ Ленроту—извѣстному Снельману.

«Подобно тому, какъ послѣ запоздалой весны внезапно настаетъ влажное и теплое лѣто, обращающее сѣрую почву въ зеленѣющее, покрытое цвѣтами поле, въ жизни народа, послѣ продолжительной тишины является быстрое пробужденіе, которое скоростью бури гонитъ впередъ образованіе и получается новая жизнь въ разныхъ ея проявленіяхъ. Такой переворотъ въ жизни финскаго народа замѣчается въ годы царствованія Николая I: послѣ долгой зимней спячки—народъ сразу пробудился для дѣятельной жизни и сдѣлалъ большіе успѣхи» ⁶²⁸).

Въ началѣ 1831 г. было рѣшено основать общество для развитія финской литературы (Suomalaisen Kirjallisuuden Seura). Мысль эту подалъ, кажется, Мортенъ Иоганъ Линдфорсъ. На предложеніе откликнулись многіе. Заявленіе объ этомъ было подано ректору университета. Препятствій проектъ нигдѣ не встрѣтилъ. О задачахъ общества учредители высказались такъ: каждая нація, у которой привились и процвѣтають благородныя науки, считаетъ своей самой цѣнной собственностью преданія, языкъ и литературу своей родины. Нація живетъ не только настоящимъ, но и прошедшимъ. Изучая преданія, обычаи и древнія понятія, она доходитъ до источниковъ своего существованія и черпаетъ въ этихъ познаніяхъ болѣе определенное уразумѣніе своего настоящаго и чувство своего собственного достоинства. Языкъ есть основа народности, поэтому національная литература возможна только на народномъ языкѣ. Въ виду этого, общество ставило своей цѣлью распространеніе болѣе точнаго знанія родины, ея исторіи, разработку финскаго языка и соблюденіе его чистоты, перепечатку старыхъ изданій и замѣчательныхъ произведеній, спасая ихъ отъ забвенія и т. д.... Общество заявляло, что оно надѣется найти въ тѣхъ гражданахъ, которые горячо любятъ свою родину, сотрудниковъ и всякую поддержку. Общество избрало днемъ своего годоваго праздника годовщину смерти Портана, дѣло котораго оно имѣло въ виду продолжать, руководясь тѣмъ же патріотизмомъ, которое воодушевляло его. Предсѣдателемъ оно избрало проф. Линсена, бывшаго редактора газеты «Mnemosyne», въ которой впервые было высказано требованіе равноправія финскаго языка.

Мортенъ Иоганъ Линдфорсъ.

Публика «съ презрительнымъ сожалѣніемъ» смотрѣла на Общество, считая его цѣль—созданіе національной литературы—неосуществимой.

Первые протоколы Общества писались по-фински, а затѣмъ ихъ стали излагать по-шведски. Въ преніяхъ финскій языкъ сталъ употребляться лишь съ 1850 г. Членами его могли быть лица всѣхъ сословій и состояній. Въ 1846 г. въ число членовъ Общества допущены были женщины, которыя вмѣстѣ съ студентами и просто-

надорьемъ платили половинные членскіе взносы. На печати общества изображено было «кантеле» (родъ національной цитры) съ надписью: «будь святъ для Финляндіи». Общество вступило въ сношенія съ соотвѣтствующими обществами въ Копенгагенѣ, Стокгольмѣ и Эстонскимъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Располагая первоначально крайне скудными средствами, естественно, что оно давало и соотвѣтственныя пособія. Ленроту, для поддержки его экспедиціи въ Карелію, оно выдало 100 руб. ассигнаціями, увлеченное его похвальной энергіей.

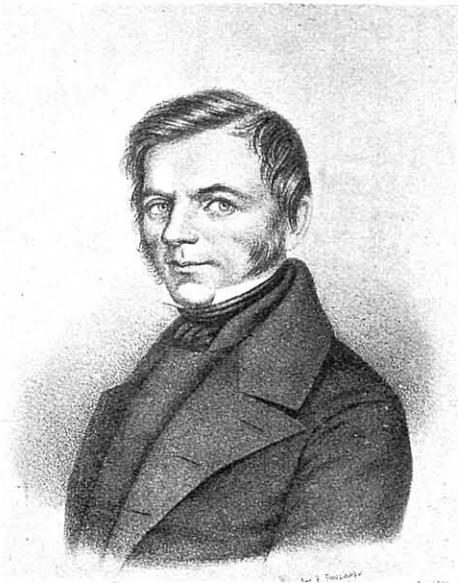
Финское Литературное Общество сдѣлалось вліятельнымъ центромъ. Около него сгруппировались тѣ, въ комъ чувствовалась финская кровь, тѣ, кто сталъ признавать себя особой индивидуальностью. Его членами были шведы по происхожденію, но финны по сердечному влеченію. Это Общество помогло финской сли плотнѣе прирасти къ родной почвѣ.

Въ 1846 г. открылось въ Выборгѣ отдѣленіе Финскаго Литературнаго Общества, исходя изъ положенія, что «одинъ голосъ теряется въ пустынѣ, а два голоса подь-часъ направляютъ другъ-друга; далекій огонь только свѣтитъ, а близкій—свѣтитъ и грѣетъ».

Такая большая идея, какъ національная, не могла не имѣть своихъ противниковъ. И голоса ихъ не разъ раздавались въ Финляндіи. Уже въ 1830 г., говоритъ Рейнъ, были и такіе, которые жаловались, что Финское Литературное Общество было основано безъ спеціальнаго разрѣшенія. Это были, конечно, бюрократическія придирки. Изъ бесѣды съ Меншиковымъ Рейнъ убѣдился во внушеніи князю мысли, что финское національное направленіе опасно для общественнаго порядка и правительства, и что финноманы желаютъ создать правленіе, независимое отъ Россіи» ⁶²⁹).

Одновременно съ Ленротомъ на невоздѣланную ниву финской народности вышли Шегренъ, М. Кастренъ и другіе. Онъ занялся народнымъ эпосомъ, они принялись за изслѣдованіе родственныхъ финскому языку нарѣчій. Піонеромъ въ этой области надо признать Андрея Іоанна Шегрена (1794—1855). Будущій академикъ былъ сыномъ деревенскаго сапожника. Отецъ хотѣлъ подготовить его къ своему ремеслу, но страсть къ книгѣ превозмогла. Рано онъ сталъ читать, рано выучилъ наизусть катехизисъ. Андрей до такой

степени увлекся чтеніемъ, что даже во время переѣздовъ на трясу-чихъ таратайкахъ не выпускалъ книги изъ рукъ. Въ 1818 г. А. Шёгрень находился въ абоскомъ университетѣ. Въ это время проѣзжалъ черезъ Або знаменитый датскій ученый Раскъ, изучавшій тогда финскій языкъ. Увлеченный его примѣромъ, Шёгрень рѣшилъ посвятить себя изученію языковъ чуждаго корня. Раскъ ободрилъ молодого человѣка, похваливъ его усердіе и познанія. Въ 1820 г. Шёгрень пріѣхалъ въ Петербургъ для изученія русскаго языка и исторіи. Здѣсь-же онъ на нѣмецкомъ языкѣ написалъ свой первый трудъ—*Über die finnische Sprache und ihre Litteratur*, который въ 1821 г. былъ представленъ государственному канцлеру Румянцеву; онъ не только напечаталъ его, но пристроилъ молодого ученаго у себя библіотекаремъ. Съ 1824 по 1828 г. Шёгрень, по ходатайству гр. Ребиндера, на счетъ финляндской казны, посѣтилъ финскія племена сѣверной и сѣверовосточной Европейской Россіи. Основательныя изслѣдованія обратили вниманіе на Шёгрена и въ 1829 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ нашей Академіи Наукъ. Послѣднія его поѣздки были совершены по Лифляндіи и Курляндіи. Большая часть его изслѣдованій о финно-угорскихъ племенахъ обнародована въ Johan Andreas Sjögren *Gesammelte Schriften* (1861 г.) ⁶³⁰.

А. I. Шёгрень.

Еще болѣе громкую извѣстность въ области финскихъ нарѣчій и племенъ пріобрѣлъ Матвѣй Александровичъ Кастрѣнь (1813—1852). По собственному отзыву, онъ еще юношей «рѣшилъ посвятить свою жизнь изслѣдованію языка, религіи, нравовъ, образа жизни и другихъ этнографическихъ условій финскаго народа и родственныхъ ему племенъ».

Въ 1836 г., когда Кастрѣнь покинулъ стѣны университета, Э. Ленротъ успѣлъ уже собрать руны финскаго народа—народную эпопею Калевала—и тѣмъ еще болѣе воспламенилъ въ Кастрѣнѣ желаніе изслѣдовать финскую миѳологію. Кастрѣнь объѣхалъ

(1838—1839) два раза Лапландію, путешествовалъ по Карелии, Архангельской губ., добрался (1843 г.) до Обдорска и, наконецъ, въ 1845 г. онъ на четыре года отправился въ тундры и сѣѣга Сибири, гдѣ изслѣдовалъ языки и нарѣчія самоѣдовъ, монголовъ, тунгузовъ, татаръ, остяковъ и др. Въ качествѣ путешественника и доцента онъ считался на службѣ нашей Академіи Наукъ. Имъ составлены самоѣдская, зырянская, черемисская и остяцкая грамматики. Въ области финско-угорскихъ изслѣдованій главнымъ тру-

М. А. Кастрѣнъ.

домъ Кастрѣна является финская мѣологія. Оставшіеся послѣ него сочиненія и матеріалы опубликованы были на нѣмецкомъ и шведскомъ языкахъ въ серіяхъ Nordische Reisen und Forschungen.

«Обширныя его изслѣдованія обнимали 30 разныхъ языковъ и нарѣчій и заключали въ себѣ матеріалы для 11 грамматическихъ сочиненій, не считая финскихъ и лапландскихъ»⁶³¹). Долго проживъ въ отдаленныхъ странахъ Сѣверной Сибири и испытавъ всевозможныя лишенія между полудикими народами, Кастрѣнъ, одушевленный чистѣйшей любовью къ наукѣ и своей родинѣ, изучалъ тамъ нарѣчіе и древности Финскаго народа. Преодолѣвъ всю тя-

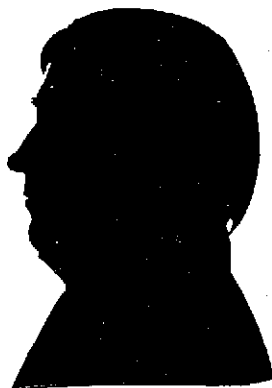
гость столь важнаго труда, и увѣнчанный богатѣйшимъ успѣхомъ, онъ возвратился домой. Но недолго суждено было его друзьямъ и соотечественникамъ видѣть этого ученаго мужа и прислушиваться къ его поучительному слову. Кастрѣнъ умеръ рано, когда страна возлагала на него большія надежды. Кастрѣна не стало,—писалъ Я. К. Гротъ. «Невыразимо жалъ».

Кн. В. Ө. Одоевскій, занявшись народными пѣснями финновъ, читалъ Кастрѣна и внесъ преданія изъ финской Калевалы въ свою повѣсть «Саламандра».

Къ ученымъ болѣе ранняго періода изслѣдованія обширной области финской филологіи и этнографіи относятся еще К. А. Гот-

лундъ и Д. Э. Европеусъ. Первый въ бытность студентомъ въ Упсалѣ (1823 г.), явился предъ трономъ шведскаго короля защитникомъ угнетенныхъ финновъ, живущихъ въ Швеціи, и нашелъ сильную опору въ кронпринцѣ Оскарѣ и въ епископѣ-поэтѣ Францѣ. Но интриги встревоженныхъ враговъ довели короля до того, что онъ высладалъ его изъ Стокгольма. Возвращаясь въ Финляндію, заѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ арестованъ и отправленъ на житье въ Куопіо. Однако-жъ кронпринцъ оправдалъ его въ глазахъ нашего правительства, и Готлундъ безъ затрудненія получилъ мѣсто лектора финскаго языка при Гельсингфорсскомъ университетѣ ⁶³²).

Я. К. Гротъ познакомился съ нимъ и посѣтилъ его. «У него непріятная наружность, та-же грубая одежда какъ у Ленрота, та-же скромная натуральность въ обращеніи». «Его кабинетъ—любопытная картина. По бѣдности хозяина, въ немъ только пара столовъ, да одинъ стулъ. Книгъ и манускриптовъ много, но, за нимѣніемъ шкаповъ, все это вдоль стѣнъ комнаты лежитъ на полу, мѣстами возвышаясь въ видѣ правильно, очень искусно поставленныхъ пирамидъ ⁶³³).

Лекторъ Готлундъ.

Готлундъ, всюду отыскивая финновъ, обратилъ вниманіе даже на Украину, но Шегренъ охладилъ его рвеніе. «По моему мнѣнію,—писалъ ему Шегренъ,—нынѣ уже совершенно тщетно искать въ Украинѣ потомковъ тѣхъ финновъ, коихъ Карлъ XII тамъ нашелъ, ибо они, безъ всякаго сомнѣнія, давно совсѣмъ обрусѣли. Да и вообще не слыхать, чтобы въ южной Россіи жили гдѣ настоящіе финны. Покойный Раскъ видѣлъ по Волгѣ не финскія колоніи, а черемисовъ, чувашей и мордвы» ⁶³⁴).

И Готлундомъ и Европеусомъ издано много сочиненій лингвистическаго или филологическо-историческаго характера. Въ трудахъ ихъ встрѣчаются цѣнныя въ научномъ отношеніи данныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ они изобилуютъ и разными «фантастическими измышленіями». Въ заслугу Европеусу ставится то, что онъ составилъ шведско-финскій словарь (1853 г.) и ему обязаны открытіемъ новыхъ рунъ объ одномъ изъ героев Калевалы Куллерво ⁶³⁵).

«Моя миссія,—писаль І. В. Снельманъ,—будить отъ смертнаго сна финскій народъ, положенный уже въ могилу». И онъ будиль его, «какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой», будиль энергично и послѣдовательно. Его рѣдкая настойчивость, его агитаторскій жаръ объясняются прежде всего его происхожденіемъ. Снельманъ былъ тѣломъ и душой эстерботнїецъ. Финляндцы по ихъ темпераменту дѣлятся на холериковъ-эстерботнїцевъ, флегматиковъ—тавастовъ, сангвиниковъ—корель и меланхоликовъ—выборгцевъ. Эстерботнїецъ росъ и развивался весьма самобытно, въ сторонѣ отъ торговыхъ путей и начальническихъ глазъ. Чужой руки надъ собой онъ никогда не любилъ. Борьба съ природой, борьба за свою независимость сдѣлала изъ него человѣка необузданнаго нрава, упорнаго, замкнутаго, склоннаго къ насилію и религіозному сектантству. Не зналъ онъ ни дворянства, ни крупнаго землевладѣльчества.

Отецъ и мать Югана Вильгельма Снельмана были эстерботнїцы. Родился онъ на суднѣ въ стокгольмской гавани въ 1806 г. Учился сперва въ Улеоборгѣ, гдѣ финскій языкъ былъ въ большемъ употребленіи, а съ 1822 г. въ Абоскомъ университетѣ, одновременно съ Ленротомъ и Рунебергомъ. Латинскія и иныя вокабулы не были для него особенной находкой, почему ему пришлось «самому сдѣлать свою голову».

Университетъ въ Або былъ полонъ Портаномъ, который первый наиболѣе сильно тронулъ струны финской національности. Этотъ піонеръ-ученый пробуждалъ любовь къ финской исторіи, пѣснѣ и родному языку. Финляндія ходомъ исторіи поставлена была въ такія условія, что въ ней должна была шевельнуться мысль о собственной національности. Александръ I создалъ изъ нея особый политическій организмъ, который отъ Швеціи былъ оторванъ, а съ Россіей органически не связанъ. Въ то же время по Западу разлился романтизмъ, возбуждившій вниманіе къ народной поэзіи, національнымъ особенностямъ, къ народному языку. Въ Або это направленіе не прошло незамѣченнымъ. Въ мѣстныхъ газетахъ была уже напечатана программа распространенія финскаго языка, указана необходимость введенія его въ школы и пр. Общество укорялось въ отсутствіи интереса къ національной жизни. «Мы вѣримъ и сознаемъ, что плохо придется родному краю, если народъ не переродится, если весь его организмъ не обновится, не проникнется новымъ духомъ. Любовь къ отечеству, къ его славлѣ и языку должна

воскреснуть»... Такъ разсуждали нѣкоторые въ Або въ 1821—1822 г. Тамъ уже просили объ учрежденіи кафедры финскаго языка ⁶³⁶).

Въ Або Снельманъ сблизился съ Рунебергомъ и Нервандеромъ. Эти даровитые юноши обмѣнивались серьезными мыслями и острыми шутками. «Благъ міра сего» у нихъ было мало, но они не унывали, говоря: «если мы никуда не пригодны, то ужъ въ епископы, во всякомъ случаѣ, пригодимся».

Снельманъ былъ очень некрасивъ, небольшого роста, со скошенными плечами, съ большой головой, широкимъ лбомъ, рѣзкимъ отрывистымъ басомъ.

Послѣ пожара 1827 г., университетъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ. Здѣсь Снельманъ жилъ вмѣстѣ съ Рунебергомъ и Фр. Сигнеусомъ. У нихъ была одна комната съ маленькой прихожей. «Салономъ» пользовался большой баринъ Сигнеусъ. Рунебергъ и Снельманъ довольствовались прихожей, гдѣ помѣщалась одна кровать. По отношенію къ этой роскоши приходилось чередоваться: одинъ спалъ на кровати, другой на полу, или оба ложились на полъ. «Мы жили, какъ два пѣтуха на сорной кучѣ,—разсказывалъ Рунебергъ,—когда они сходятся, то дерутся, а когда разлучаются, то зовутъ другъ друга».

«Въ Гельсингфорсѣ также, какъ и въ послѣднее время въ Або, образовался кружокъ богато одаренныхъ молодыхъ людей». Начиная съ 1830 года это «безымянное общество» получило названіе кружка субботниковъ, вслѣдствіе того, что его собранія происходили наканунѣ праздниковъ. Члены его собирались въ частныхъ квартирахъ, для обмѣна мыслей. Избраннаго руководителя у нихъ не было и естественно, что генію пришлось «держатъ скипетръ». На сходкахъ царило остроуміе и преобладали «спокойный юморъ Рунеберга, беспощадная логика Снельмана и сарказмы Нервандера». Главной цѣлью собраній была литература. Кружокъ разростался и въ концѣ концовъ онъ вобралъ въ себя всю выдающуюся университетскую молодежь. Кружокъ интересовался всѣмъ: вопросами человѣчества, дѣлами родины, иностранными событіями, ходомъ польскаго мятежа и пр.; всѣ передовыя и современныя вѣянія отражались въ немъ. Среди шутокъ и пунша здѣсь родилось нѣсколько серьезныхъ мыслей: субботники задумали учрежденіе лица въ Гельсингфорсѣ и финскаго литературнаго общества.

Какъ всегда бываетъ, такъ случилось и здѣсь: кружокъ расширился, но онъ потерялъ свой прежній задумевный характеръ,

свою независимость; вмѣсто скромнаго угощенія затѣяли дорогіе пиры, вмѣсто простаго обмѣна мыслей и дружескихъ споровъ, начались развязныя бесѣды и шаблонныя публичныя засѣданія. Духъ отлетѣлъ и въ 1837 г. «субботники» разсѣялись по лицу Финляндіи.

Субботники въ значительной мѣрѣ напоминаютъ собой московскіе кружки 40 годовъ. И здѣсь и тамъ тотъ-же юношескій идеализмъ, тѣ-же горячіе дебаты, посыпанные аттическою солью. И здѣсь и тамъ первоначально іудеи уживались съ филистимлянами, но

І. В. Снельманъ.

затѣмъ ихъ жизненные пути разошлись, и изъ друзей образовалось два враждебныхъ лагеря. Но была и разница между кружками московскимъ и гельсингфорскимъ. Большая часть москвичей, витая въ философскихъ облакахъ, оставалась равнодушной къ практическимъ и жизненнымъ интересамъ родины, финляндцы-же, съ перваго до послѣдняго пылали патріотизмомъ и прославились прежде всего, какъ люди всей душой желавшіе пользы своему краю «тысячи озеръ».

Другимъ центромъ, въ которомъ въ то время замѣтно сталъ

биться пульсъ общественной жизни, были студенческія «отдѣленія» или «націи», какъ они назывались ранѣе. Среди нихъ вскорѣ выдвинулось отдѣленіе эстерботнѣйцевъ, въ которомъ замѣтно сказалось вліяніе Снельмана. Онъ внесъ въ отдѣленіе живительную струю, содѣйствовалъ укрѣпленію въ отдѣленіи эстерботническаго упрямства и развитію оппозиціоннаго духа. Въ отдѣленіяхъ читались рефераты, поэмы, произносились рѣчи, дебатировались разнообразныя вопросы, преимущественно отечественнаго содержанія и патріотическаго свойства, въ родѣ того: «возможно-ли Финляндію сдѣлать финской»? «Шведы, покоривъ Финляндію, принесли-ли болѣе вреда, чѣмъ пользы?» и т. д.

Гдѣ показывался Снельманъ—тамъ неизбѣжно закипалъ интересъ къ финскому языку. Въ 1833 г. студенты саволакскъ-карелы рѣшили усердно заняться финскимъ языкомъ. Эстерботнѣйцы послѣдовали ихъ примѣру. Ожидался прїѣздъ Государя. Снельманъ заготовилъ рѣчь, которую имѣлъ въ виду произнести отъ имени студентовъ. Въ ней, между прочимъ, значилось: «... Мы видимъ особую милость Провидѣнія въ событіи, освободившемъ Финляндію отъ прежнихъ (шведскихъ) узъ, дабы такимъ путемъ спасти остатки ея языка и тѣмъ самымъ спасти ея національность..... Сובлаговолите, Государь.... признать финскій языкъ общимъ языкомъ преподаванія и судопроизводства...» ⁶³⁷). Но затѣи своей ему не удалось осуществить.

Затѣмъ Снельманъ, 1835 г., водворяется доцентомъ философіи въ университетѣ и начинается длинный рядъ его пререканій съ консисторіей. Вообще замѣчается, гдѣ Снельманъ, тамъ, вслѣдствіе его кипучей дѣятельности и новаторства, неизбѣжная борьба, недоразумѣнія и осложненія. Онъ желалъ прочесть серію даровыхъ лекцій «Объ истинномъ значеніи и сущности академической свободы». Ректоръ воспретилъ. Снельманъ жалуется на него. Вице-канцлеръ Теслевъ пригрозилъ даже высылкой Снельмана «въ Сибирь», но онъ не унимался.

Въ 1831 г. онъ началъ издавать журналъ «Шпанская муха», проявивъ и живость ума и критическій талантъ; но летая между кострами свѣтской цензуры въ Гельсингфорсѣ и духовной—въ Борго, эта муха скоро опалила свои крылья и погибла.

Снельманъ уѣхалъ въ Швецію. Тамъ онъ загрустилъ, что въ Финляндіи «политика находилась въ зимней спячкѣ», цензура душила литературу, а національный духъ едва проявлялъ себя. Вообще на страну «троглодитовъ» Снельманъ смотрѣлъ тогда пессимистически. Переписываясь со своимъ другомъ Фридрихомъ Сигнеусомъ, онъ, лѣтомъ 1840 г., прислалъ ему замѣчательное письмо, въ которомъ изложена программа его будущей реформаторской дѣятельности.

Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этого письма къ Сигнеусу:

«1. Наше бѣдное отечество, въ теченіе вѣковъ не знавшее самостоятельности, доведено до того, что въ народѣ нѣтъ никакого патріотизма, ибо

2. Образованная часть его (шведская) не имѣетъ ни малѣйшаго интереса къ духовному и физическому преуспѣянію необра-

зованной части народа (финновъ). Оглянись кругомъ и найди, кого изъ правящихъ лицъ трогаетъ матеріальная нищета населенія въ той или другой мѣстности страны, или кто изъ университетскихъ дѣятелей станетъ сушить свои мозги, работая надъ просвѣщеніемъ финскаго крестьянства. Я не говорю уже о легіонѣ тѣхъ, у кого не оказывается совѣсти, когда приходится выбирать между интересами родины и жалованіемъ, орденами и пр.

3. Народная масса, находясь подъ вліяніемъ продолжительнаго угнетенія, должна замыкаться въ себѣ:—рѣшаются критиковать развѣ только ленсмана ⁶³⁸⁾ и пастора, но ландсгевдингъ ⁶³⁹⁾ представляетъ собою уже маленькаго бога, а сенаторъ—non plus ultra.

4. Народная масса никогда не выйдетъ изъ своего подневольнаго положенія, пока языкъ суда и преподаванія останется шведскимъ. Вотъ, между прочимъ, почему не можетъ быть патріотовъ въ образованномъ классѣ: они должны выйти изъ среды народа, и не могутъ исходить изъ равнодушной къ его судьбѣ чужой расы. Духъ, которымъ послѣдняя проникнута, наглядно выражается въ глубокомъ презрѣніи прибрежнаго жителя шведскаго происхожденія къ природному финну. Что никто изъ образованныхъ лицъ не сдѣлалъ послѣ 1809 года ни одного шага, чтобы облегчить участь народа, служить доказательствомъ ихъ патріотизма.

5. Чиновничья аристократія пресмыкается и угнетаетъ народъ.

6. Въ настоящее время нѣтъ больше возможности исправить то, что упущено. Правительство, фактическое, не позволитъ этого. Образованные классы не понимаютъ этого. Слѣдовательно, финская нація уже въ могилѣ. Это очевидно всякому уже по одному лицу финна и слышится въ его пѣснѣ,—онъ знаетъ, что пересталъ жить. Аксиома, которую нужно отсюда вывести, гласитъ: Финляндія ничего не можетъ взять насильно: сила образованія—ея единственное спасеніе».

Затѣмъ Снельманъ говоритъ въ письмѣ о своей жизни въ Швеціи и добавляетъ: «Вообще здѣсь почти ничего не знаютъ о нашей странѣ. Не знаютъ объ образѣ мыслей, о правленіи и т. д. Гельсингфорскій университетъ для здѣшнихъ академиковъ тоже terra incognita. Я содрогаюсь, когда думаю объ остальномъ свѣтѣ, гдѣ мы еще меньше значимъ, чѣмъ здѣсь. Кто станетъ когда-либо думать о томъ, какъ на свѣтѣ живетъ такимъ пресмыкающимся

животнымъ, какъ мы. Никакой устойчивости во внутренней жизни.

Чего только я никакъ не могу понять, такъ это то, что вы спите во время предсмертной агоніи націи, или вѣрнѣе сказать, потихоньку засыпаете вмѣстѣ съ нею. Когда я говорю о васъ, я говорю и о себѣ самомъ. Къ вышеприведенному я прибавлю: развѣ вы не видите, что недавняго повышенія податей не надолго хватитъ грабителямъ. Если еще не въ будущемъ году наше правительство, по распущеніи Сената, будетъ перенесено въ Петербургъ, то это произойдетъ слѣдующій разъ, когда понадобятся деньги, все будетъ устроено такъ, чтобы оно соотвѣтствовало порядкамъ, существующимъ въ Имперіи. Преобразование учебной части въ Выборгской губерніи уже начато,—потомъ примутся за гофгерихтъ, такъ какъ русскіе должны судиться по-русски. Оттуда же идетъ преподаваніе въ университетѣ по-русски и т. д. Впрочемъ, сравни это съ только что принятыми объединительными мѣрами въ Польшѣ и Остзейскихъ провинціяхъ. Правительство не настолько недалководивно, чтобы, усматривая въ будущемъ опасность, не стараться предупредить ее.

Спасеніе Финляндіи онъ видѣлъ въ подъемѣ національнаго сознанія финновъ и въ обоснованіи будущности страны на всестороннемъ развитіи силъ этого народа.

Въ другой разъ Снельманъ высказался еще опредѣленнѣе: «Отъ нашей національности отрывается по кусочку ежедневно, и наша грубость, наша натура такого свойства, что это дѣлается безъ всякаго сожалѣнія. Православные русскіе становятся нашими чиновниками. Русскій языкъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ—главнѣйшій изъ обучаемыхъ языковъ. Финскому обучаются незначительно. Шведскій совсѣмъ не учатъ. Теперь ждутъ, что исторію и географію будутъ преподавать на русскомъ языкѣ. Многія власти ведутъ уже переписку на русскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, люцманское вѣдомство, почтовое вѣдомство, канцелярія ген.-губернатора и др. губернаторскія учрежденія. Теоретически ясно, что всѣ старанія будутъ приложены для этого. Это все естественно. Государство, какъ Имперія, не можетъ у себя, у самой столицы терпѣть чужой языкъ, чужіе законы, чужую религію..... Тѣ, которые говорятъ: будемъ лишь молчать, и насъ забудутъ, тѣхъ я считаю безумными людьми, которые не видятъ, сколько сдѣлано въ теченіе сорока лѣтъ, или не думаютъ о томъ, что непремѣнно должно случиться. Къ совершившемуся я еще добавлю, что еже-

годно все больше земли попадаетъ въ русскія руки, что скоро вся мануфактурная и мелочная торговля пойдетъ черезъ Петербургъ, почему большинство купцовъ и приказчиковъ, даже многіе торгующіе крестьяне уже русскіе по языку, образу мысли и правамъ. Но, какъ сказано, это естественно.

Всему этому надлежитъ быть. Сами мы этому способствовали своей непривычкой справляться съ собой.

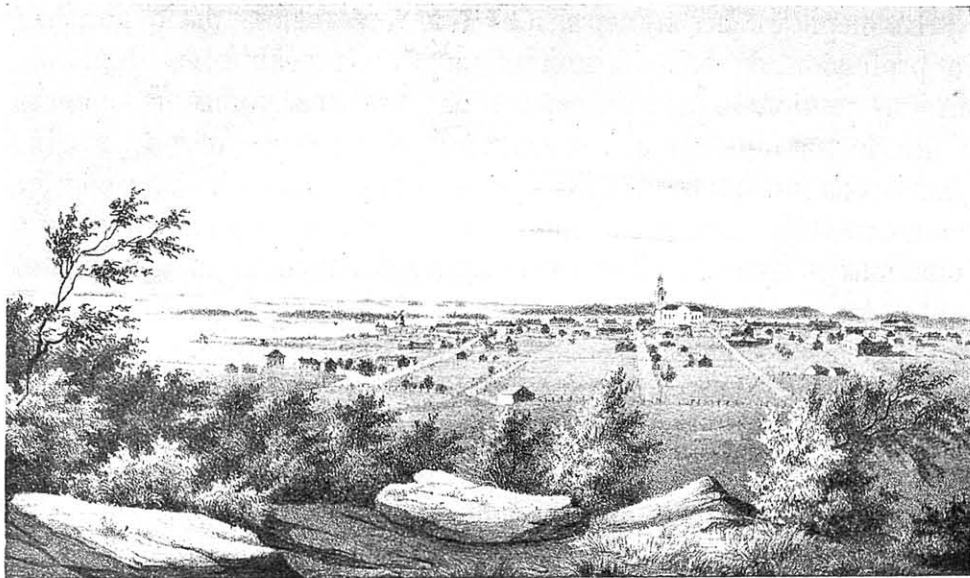
Будетъ-ли это продолжаться? Сомнѣваюсь, что будетъ иначе. И если это продолжится «200 лѣтъ», то едва-ли хоть одинъ лютеранинъ, тѣмъ менѣе финнъ будетъ жить въ Финляндіи. Говорятъ, что черезъ 50 лѣтъ конецъ эстонству, латышству и лютеранству въ Прибалтійскихъ провинціяхъ» ⁶⁴⁰).

Изъ Швеціи Снелъманъ ѣдетъ въ Данію, Германію и Швейцарію. Много занимается. Возвращается въ Стокгольмъ. Принимаетъ участіе въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, полемизируетъ по разнымъ вопросамъ и составляетъ серьезный трактатъ «О государствѣ». Въ главной идеѣ онъ примкнулъ къ Гегелю, но со свойственными Снелъману оттѣнками и особенностями. Основу государства онъ видитъ въ націи и ея духѣ. Индивидуумъ обязанъ работать на пользу своей націи, ея самостоятельности и счастія. Въ этой работѣ ему помогаетъ любовь къ родинѣ. Дѣятельность индивидуума должна согласоваться съ духомъ націи, ея обычаями, требованіями и нуждами. Духъ націи въ концѣ концовъ представляется Снелъману той окончательной нормой, которая направляетъ политическую дѣятельность каждаго. Духомъ націи обязаны руководиться и государственные дѣятели, и законодатели. Нація предъявляетъ требованія, нація же изрекаетъ одобренія.

Выработанныя за это время убѣжденія ставятъ Снелъмана въ лагерь либераловъ, ибо онъ въ своихъ сочиненіяхъ проводилъ «требованіе религіозной свободы и уничтоженія государственной церкви, отстаивалъ права наслѣдованія незаконныхъ дѣтей, установленіе свободы промысловъ и уничтоженія цеховъ, пропагандировалъ развитіе дѣла народнаго образованія, и наконецъ, указывалъ на необходимость упраздненія дворянскихъ привилегій и т. д. Что касается политической свободы, то онъ признаетъ ея значеніе и находитъ, что распространеніе ея на большее число гражданъ имѣетъ послѣдствіемъ развитіе и подъемъ національнаго духа. По его-же мнѣнію, политическая свобода не оправдала возложенныхъ на нее надеждъ, и что дарованіе ея пред-

полагаетъ достиженіе народомъ болѣе высокой, сравнительно, степени просвѣщенія».

Снельманъ дѣлается однимъ изъ виднѣйшихъ представителей своеобразнаго финскаго племени ⁶⁴¹⁾. Въ Швеціи Снельманъ успѣлъ приобрѣсти имя и сородичи начали дорожить имъ. «Дѣлайте, что хотите,—пишетъ Арвидсонъ,—но во что бы то ни стало, устройте такъ, чтобы удержатъ Снельмана у себя! Я согласенъ, что этотъ человѣкъ одержимъ бѣсомъ упрямства, но это способнѣйшая

Видъ гор. Куопіо.

голова и притомъ это человѣкъ, проникнутый горячей любовью къ родинѣ».

Снельманъ возвращается въ Финляндію. Стокгольмскіе друзья провожаютъ его и одинъ изъ нихъ сказалъ при разставаніи: «Въ Финляндіи ты будешь повѣшенъ, или же сдѣлаешься членомъ Сената». Послѣднее оправдалось, но лишь послѣ того, какъ власть долгое время смотрѣла на него, какъ на человѣка, достойнаго висѣлицы.

На Снельмана смотрѣли какъ на бунтовщика и фантазера, но онъ этимъ не смущался. Какъ лицо безпокойное, онъ не былъ допущенъ въ университетъ. Онъ удалился въ г. Куопію, принявъ тамъ должность ректора высшей элементарной школы. Тамъ-же онъ задумалъ издавать газету «Сайму». Его пріѣздъ въ Куопію и его рѣшимость издавать газету—были, конечно, событіями въ про-

винціи; и не только тамъ: его боевая публицистическая дѣятельность сдѣлалась большимъ финляндскимъ культурнымъ факторомъ сороковыхъ годовъ и главный періодъ пробужденія финской національности, пожалуй, справедливо было-бы отмѣтить, какъ «время Снельмана».

«Твоя «Сайма»—это монументъ, опредѣлившій и опредѣляющій эпоху,—писалъ одинъ изъ его корреспондентовъ. Ты затронулъ вопросы, которые никогда прежде не вызывали у насъ столь общаго и серьезнаго вниманія»... Корреспондентъ былъ правъ.

Въ первомъ же номерѣ «Саймы» естественно было встрѣтить его *profession de foi*. Въ статьѣ объ организаціи въ Финляндіи истинно національнаго образованія онъ жалуется на неимѣніе въ краѣ національной литературы. Культуры цѣлой націи,—писалъ онъ, подобно нашимъ славянофиламъ,—не можетъ быть исключительно заимствованной, она должна проникнуться національнымъ духомъ. И такъ какъ языкъ есть выраженіе мыслей и чувствъ народа, то культура обязана излагаться на языкѣ родномъ для народа. Въ виду того, что образованный классъ Финляндіи по языку чуждъ народной массѣ, то его просвѣщеніе не зиждется на національной почвѣ, а его литература не способна внушить народу истинной любви къ родинѣ и наукѣ. Литература—вытверженный урокъ, образованіе—произведенный заемъ.

Немедленно послѣ своего выступленія на поприщѣ публициста, Снельманъ въ длинномъ рядѣ статей развилъ необходимость постепеннаго введенія финскаго языка въ преподаваніе. Далѣе, Снельманъ находилъ, что шведское населеніе должно постепенно слиться съ финскимъ племенемъ и тѣмъ загладить вѣковыя несправедливости, причиненныя финнамъ. Пропаганда Снельмана становилась все горячѣй и настойчивѣй. «Знайте, молодые люди,—писалъ онъ,—что съ этой минуты каждое шведское слово, сказанное вами, должно считаться въ нѣкоторомъ отношеніи ущербомъ для финской литературы, для славы финскаго имени и для вашей собственной. Только родной языкъ можетъ дать мѣсто въ мірѣ вашимъ произведеніямъ и вашему имени».

Въ молодомъ увлеченіи, онъ понятіе «національный» отождествлялъ единственно съ понятіемъ «финскій» и требовалъ, чтобы въ Финляндіи одинъ только финскій языкъ считался національнымъ. Языкъ большинства находился въ пренебреженіи. Это препятствовало распространенію образованія, это было несправедливо,—

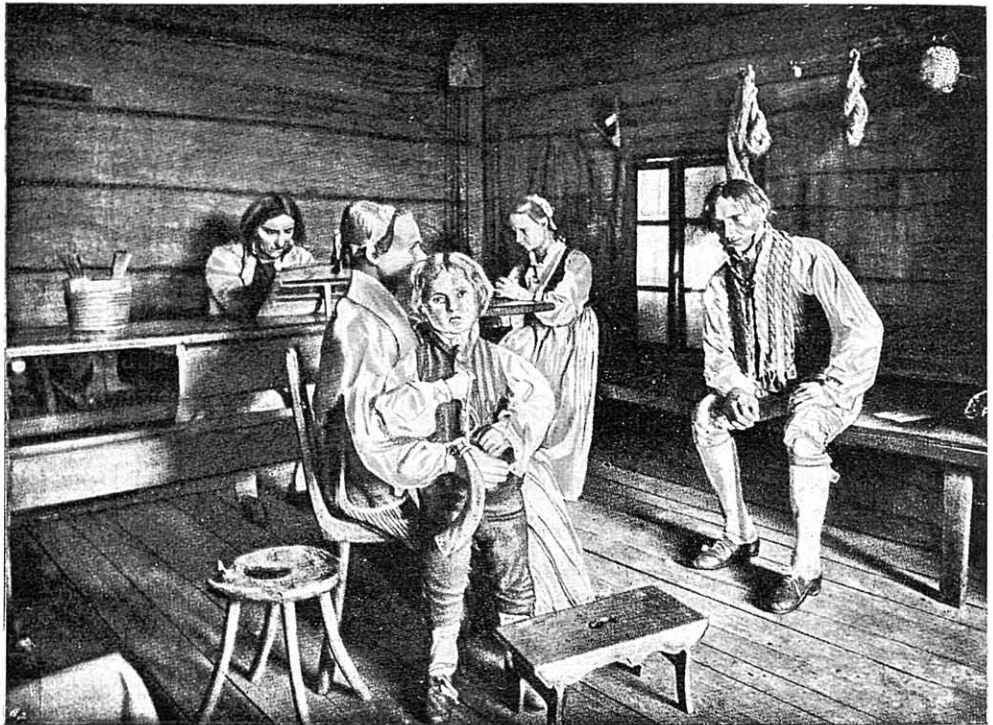
горячился Снельманъ. Тутъ таится опасность для политическаго существованія націи. Финны лишены выгодъ участія въ управленіи краемъ; они поэтому теряютъ интересъ къ сохраненію и развитію общественнаго строя Финляндіи. Все это уменьшаетъ также ихъ охоту и способность къ труду. Вы готовите Финляндіи участь прибалтійскихъ провинцій. Надо, чтобы финское племя перестало чувствовать себя пасынками въ родной странѣ. Монополію шведовъ на высшую культуру въ краѣ слѣдуетъ прекратить. Что мѣшаетъ финскому языку быть офиціальнымъ? спрашивалъ Снельманъ. Почему его не допустить языкомъ преподаванія? Вѣдь онъ признанъ же пригоднымъ для религіозныхъ наставленій народу. А если на немъ излагается Св. Писаніе, то можно поучать тройному правилу и мудрости Эвклида.

Снельманъ былъ убѣжденнымъ гегельянцемъ. Философія Гегеля на Западѣ и въ Россіи много содѣйствовала пробужденію національнаго движенія. Ту-же заслугу она оказала въ Финляндіи.

Въ «Саймѣ» талантливый публицистъ и «оракулъ изъ Куопіо» ратовалъ не только за право финскаго языка, но и за женское образованіе, за установленіе гласности въ дѣлѣ управленія казенными средствами, за дробленіе земли и многіе другіе вопросы. Поощряя прорывъ Сайменскаго канала, онъ прибавилъ: если проведеніе канала потребуетъ большихъ издержекъ, земскіе чины могли бы установить чрезвычайныя подати. Подобныя намеки на сеймъ, какъ опасныя для того времени, проводились, конечно, контрабандой. Въ «*Saima*» Снельманъ разоблачалъ многочисленныя недостатки существовавшихъ порядковъ, съ оружіемъ сатиры нападалъ на мѣщанскую мелочность своихъ соотечественниковъ, беспощадно бичевалъ ихъ ограниченное самодовольствіе и пробуждалъ въ образованномъ классѣ націи интересъ къ міровымъ и отечественнымъ вопросамъ и сознаніе солидарности съ народною массою. «Сайма» настаивала, наконецъ, на томъ, что прошла пора господства шведскаго духа въ этомъ краѣ. «Съ нѣкотораго времени это сдѣлалось пѣснью всѣхъ здѣшнихъ газетчиковъ»,—прибавляетъ Я. К. Гротъ, характеризуя этотъ органъ въ 1844 г.

Какъ пылкій борецъ по закалу своего характера, Снельманъ не могъ не схватиться въ бодрой полемикѣ съ наличными газетными силами края. И дѣйствительно, онъ находился въ самой ожесточенной и заносчивой борьбѣ съ ними. На вопросъ, обращенный къ Снельману, зачѣмъ онъ пишетъ часто язвительно и злобно, онъ

отвѣтилъ: надобно-же подумать и о средствахъ, какъ привлечь подписчиковъ; у насъ одними кроткими разсужденіями не заманишь публику; надо подмѣшивать соли, чтобы имѣть доходъ отъ газеты ⁶⁴²). И онъ не давалъ покоя «семи» мудрецамъ, завѣдывавшимъ семью газетами края и праздновавшимъ свои «именины въ день семи спящихъ дѣвъ». Щелчки (knärrar) щедро раздавались направо и налево. Онъ говорилъ, что у нихъ нѣтъ определенной

Изда съ обстановкою 30-хъ годовъ.

программы и ими руководить одна нажива. Въ полемикѣ онъ называлъ предметъ ихъ собственными именами, находя, что истина не нуждается въ позолотѣ. Сдерживала его лишь цензура.

Такъ писалъ и дѣйствовалъ Снельманъ. И ранѣе его требовали равноправія для финскаго языка, но лишь его сильное слово встрѣтило живой откликъ. Онъ сумѣлъ высказаться настолько энергично и талантливо, что его мысли проникли въ сознаніе читателей и возбудили энтузіазмъ въ молодомъ поколѣніи, среди котораго онъ имѣлъ многочисленныхъ и восторженныхъ сторонниковъ. Студентамъ онъ представлялся образцомъ совершенства; его изучали, за нимъ слѣдили, чтобы запечатлѣть въ памяти

его слова, его черты. Каждое его замѣчаніе всасывалось въ кровь и плоть молодежи. Его біографія была всѣмъ имъ извѣстна ⁴¹³).

Борьба, начатая Снельманомъ, заинтересовала также и П. А. Плетнева, который въ своихъ письмахъ къ Гроту неоднократно касался ея. Плетневъ оцѣнивалъ ее, конечно, со своей русской точки зрѣнія и желалъ, чтобы изъ этой національной борьбы на окраинѣ была извлечена какая-нибудь польза для Имперіи. «Какъ-то принято будетъ нами это анти-шведство?—спрашивалъ Плетневъ. Ужели оно замѣнено будетъ финствомъ? Нѣтъ, ужъ не воцарится ли тогда россіянство?—мечталъ нашъ благородный патріотъ. Минувало полстолѣтія и должны отмѣтить что ни «россіянство», ни русскій языкъ не заняли тамъ подобающаго имъ мѣста. Далѣе Плетневъ, оцѣнивая Снельмана, признавалъ его человѣкомъ очень умнымъ, даже геніальнымъ, хотя въ то же время подозрѣвалъ въ немъ что-то болгаринское.

Несомнѣнно, что «Сайма» сильно всколыхнула общественное мнѣніе края, и многіе были увлечены ея стремленіями. Даже Фр. Берндтсонъ, недавно прибывшій изъ Швеціи, придавалъ своей газетѣ (Morgonbladet) финноманскую окраску.

Никакой партійности при этомъ не замѣчалось въ вопросѣ о языкѣ и къ литературному и научному труду на пользу развитія финской литературы относились съ интересомъ, отвѣчающимъ патріотическому настроенію, которое занимало всѣ умы. «Гельсингфорскій Утренній Листокъ» призналъ, что образованіе края надо упрочить на національной основѣ, что первымъ условіемъ образованія служить языкъ и національнымъ языкомъ долженъ быть финскій, что образованному классу придется пожертвовать своимъ шведскимъ эгоизмомъ. Однимъ словомъ—финноманія выдвигалась самымъ опредѣленнымъ образомъ. Каждому гордому шведскому чиновнику рекомендовалось освоиться съ финскимъ языкомъ. Въ «Гельсингфорской Газетѣ» (H-fors Tidningar) за 1845 г. появилось даже трогательное воззваніе З. Топелиуса къ «Финляндскимъ матерямъ». Онъ просилъ ихъ учить дѣтей финскому языку, возбудить въ нихъ любовь къ родинѣ, воспитать новое поколѣніе, которое озаботилось-бы примиреніемъ образованія съ народомъ. Васъ не просятъ запрещать дѣтямъ говорить по-шведски. Пусть шведское образованіе останется для нихъ дорогимъ, какъ и прежде. Нѣтъ, учите ихъ любить свой народъ, предпочитать его

другимъ народамъ, предпочитать свой языкъ другимъ языкамъ, любить свой край болѣе другихъ странъ на землѣ.

Сильный всегда имѣетъ и сторонниковъ, и противниковъ. Снелъмана много бранили, но съ нимъ считались. Онъ же держалъ себя диктаторомъ и потому неудивительно, что враговъ у него было легіонъ. «Много глупцовъ, любящихъ ходить на помочахъ», замѣтилъ одинъ; и такая «публика охотно платитъ за всякую дрянъ», прибавилъ другой. А въ результатѣ: въ Гельсингфорсѣ только и разговора, что о національности; составляются проекты и планы, самые мелочные и безразсудные, въ особенности среди молодежи... Въ семьѣ отцу приходилось бороться съ роднымъ сыномъ, причемъ не помогаль даже отцовскій авторитетъ. «Расколъ въ области языковъ у насъ можно считать какъ добромъ, такъ и зломъ. Безъ этого раскола мы бы стояли на одномъ уровнѣ развитія съ остяками», какъ выразился М. А. Кастрѣнъ.

Началась новая полемика. Она велась неофициально, въ частныхъ письмахъ близкихъ знакомыхъ, и представляетъ для насъ, русскихъ, особый государственный интересъ, такъ какъ раскрываетъ задушевные стремленія главныхъ дѣятелей разсматриваемой эпохи.

Возраженіе друзей заставили Снелъмана написать (1 окт. 1844) М. А. Кастрѣну длинное письмо. Въ немъ обращаютъ на себя вниманіе, между прочимъ, слѣдующія строки: «Было-бы малодушіемъ стараться увѣрить себя, будто пробужденіе національнаго сознанія въ угнетенномъ народѣ можетъ совершиться безъ того, чтобы народъ *ipso facto* не вступилъ на путь оппозиціи. Такое сознаніе есть, напротивъ, ни что иное, какъ возвращеніе этого народа къ самому себѣ, т. е. тутъ предполагается и дѣйствительно существуетъ противоположеніе.

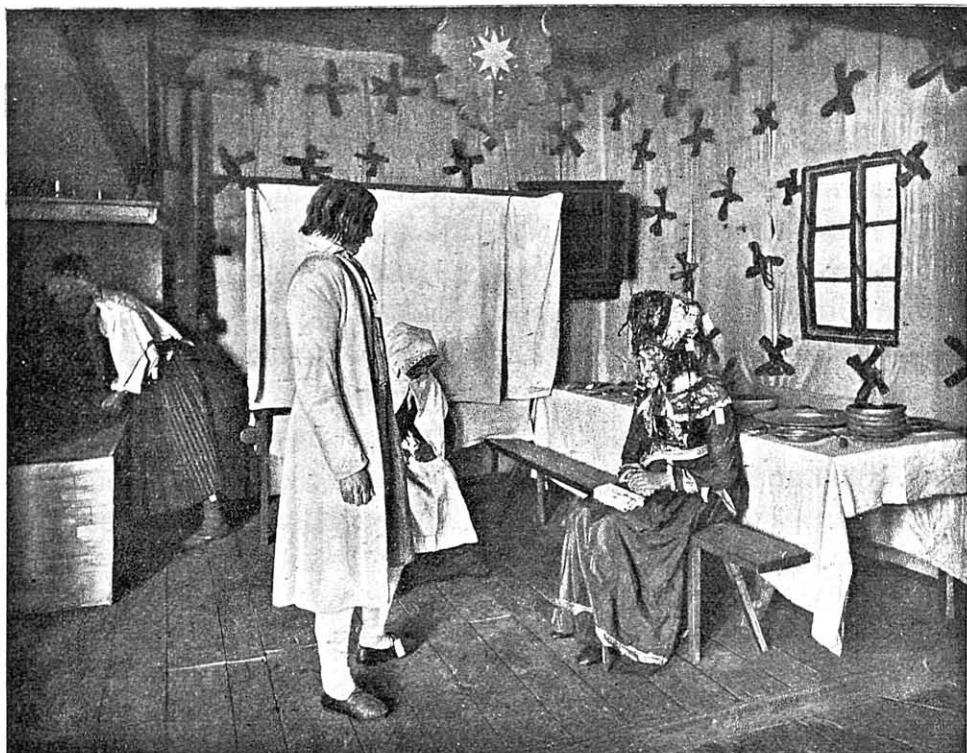
«Въ Финляндіи тянутъ безконечную пѣснь о томъ, что сдѣлали изъ насъ шведскій языкъ и германская литература. Но они, во 1-хъ, до сего дня ничего ровно не сдѣлали. Если не согласенъ, то скажи, что мы значимъ для исторіи, для человѣчества? Во 2-хъ, германизмъ для насъ только средство. Изъ средства-же не слѣдуетъ дѣлать цѣли. Хорошо говорить: дать средство значитъ дать цѣль. Это вѣрно только въ томъ случаѣ, если средство даетъ возможность достигнуть высшаго. Германская культура, именно въ качествѣ таковой, не можетъ пойти дальше, она не можетъ достигнуть своего высшаго развитія въ не-германскомъ племени. Но она можетъ въ немъ раствориться. Хвали поэтому прошлое....

«Наша культура—чужой даръ, она насъ не поддерживаетъ. Какъ бы мы ни старались выработать ее на подобіе того, чѣмъ она является у создавшаго ее народа, мы никогда не достигнемъ большаго, чѣмъ уже достигли, т. е. слабаго, часто каррикатурнаго подражанія. Германцы не настолько кротки, чтобы спокойно оставаться на одной точкѣ и позволять намъ двигать впередъ ихъ дѣло».

Кастренъ отвѣтилъ: «Только одно даетъ мнѣ силы жить. Я рѣшилъ доказать финскому народу, что мы не составляемъ изолированнаго народа страны болотъ, отторгнутаго отъ свѣта и всемірной исторіи, и находимся въ родствѣ, по крайней мѣрѣ, съ шестой частью человѣчества. Составленіе грамматикъ не есть моя главная цѣль, но и безъ грамматикъ цѣли достигнуть нельзя».

«Ты говоришь: необходимо вызвать оппозицію. . . Но для того, чтобы она была прочувствована, она должна имѣть политическій характеръ. Если же привести такую оппозицію въ дѣйствіе, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ окажется гибель Финляндіи, т. е. какъ разъ противоположное тому, чего добивалась бы оппозиція. Твоя же «Сайма» существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока считается безвредной, или другими словами: пока она не слишкомъ популярна. По ея прекращеніи наступить, надо полагать, еще большая вялость. Богъ знаетъ, что само по себѣ лучше, но мнѣ всетаки кажется, что истинная мудрость заключается въ томъ, чтобы даже въ худшемъ случаѣ имѣть смѣлость жить для своего отечества. Въ настоящемъ нашемъ положеніи главною задачею должно быть стремленіе возбуждать и поддерживать проснувшуюся любовь къ странѣ болотъ. Кто-же не понимаетъ, что «Сайма» имѣетъ въ виду именно это. Но она хочетъ достигнуть цѣли посредствомъ оппозиціи, а это, въ сущности, оппозиція противъ самой Финляндіи, противъ ея жалкаго положенія въ настоящее время. Говоря правду, надо сознаться, что «Сайма» подѣйствовала такимъ путемъ на многіе, особенно же молодые умы. Но большинство людей, по крайней мѣрѣ здѣсь, на мѣстѣ, и особенно въ университетѣ, думаютъ иначе: говорятъ что «Сайма» заставила молчать воображеніе и показала доброму народу, что Финляндія была ничѣмъ, есть ничто, и, вѣроятно, тѣмъ и останется. Этихъ слѣдуетъ предоставить самимъ себѣ. Надо стараться дѣйствовать на молодежь. Въ молодыхъ начали пробуждаться патріотическіе порывы; ихъ слѣдуетъ поддерживать и спасти отъ возможной порчи. Но для этого требуется

меньше законовъ и больше Евангелія, меньше отчаянія и больше мужества, надежды и упованія. Финнъ умѣетъ отчаяваться—это для него не ново, но надѣяться онъ рѣдко осмѣливается, а въ этомъ—наше несчастіе. Каждый человѣкъ, молодой и старый, знаетъ, что здѣсь пахнетъ горѣлымъ. Но старые думаютъ: «Пусть горитъ». А молодые говорятъ: «мы не можемъ потушить огня». Но скажи

Крестьянская свадьба.

имъ, что они могутъ,—и въ мальчикахъ явится храбрость, и они, какъ ни въ чемъ не бывало, спасутъ домъ. Дѣтей мы будемъ производить, книги будемъ писать, любовь къ отечеству мы будемъ пробуждать и поддерживать; мы будемъ работать каждый въ своемъ городѣ по мѣрѣ силъ своихъ, и Богъ не оставитъ насъ. Но прежде всего мы должны спасти свой языкъ, какъ главное условіе сохраненія нашей національности».

По мнѣнію Кастрѣна, это—«одинъ изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ, такъ какъ насильственнымъ изгнаніемъ шведскаго языка открывается мѣсто для третьяго языка, и это въ такое время, когда финскій языкъ еще далеко не достигъ того развитія, которое

сдѣлало бы его народнымъ, въ качествѣ офиціального языка. Но мы будемъ работать и разрабатывать языкъ и достигнемъ того, что, со временемъ, его можно будетъ употреблять въ качествѣ прекраснаго государственнаго языка. Все имѣетъ, все требуетъ опредѣленнаго историческаго развитія».

Руководящая мысль Кастрѣна выясняется словами о финскомъ «государственномъ языкѣ». Его взглядъ на шведскую культуру былъ опредѣленъ имъ еще полнѣе въ лекціяхъ о Калевалѣ. Онъ тамъ говоритъ, между прочимъ: «Конечно, шведы выказали намъ много доброжелательства, но не трудно видѣть, что въ насъ они любили больше всего только свою собственную честь. Врядъ-ли они уважали въ насъ національность; они не сдѣлали ни одного шага, чтобы оживить тѣ силы, которыя находятся въ тѣсной связи съ нашимъ существованіемъ, какъ единаго цѣльнаго народа. Они, напротивъ, всегда старались убѣдить насъ въ томъ, что только благодаря имъ мы стали тѣмъ, что есть, а безъ нихъ мы были бы ничѣмъ. Имъ удалось возбудить въ насъ недовѣріе къ своимъ собственнымъ силамъ и презрѣніе къ своей національности. Чтобы намъ не остаться только тѣнью шведовъ, необходимо отдѣлиться отъ нихъ; это также ясно, какъ то, что ребенокъ долженъ отдѣлиться отъ семьи, чтобы развить свои способности. Финская легенда рассказываетъ объ одномъ юношѣ, который какъ-то пожелалъ учиться пѣть. Онъ долго бралъ уроки пѣнія у одного знаменитаго учителя, но пѣніе выходило только дѣтскимъ лепетомъ, оно было безъ выраженія и не могло нравиться. Тогда молодой человѣкъ обратился къ Маналайнену, прося выучить его благородному искусству пѣнія. Маналайненъ удалилъ мальчика отъ семьи и оставилъ его одного въ пустынѣ. И тутъ-то онъ выучился пѣть даже лучше самого Маналайнена. Наши прежнія отношенія къ шведамъ для насъ то же, что зависимость молодого человѣка отъ его учителя».

Въ одномъ изъ писемъ къ Снелъману проф. Тенгстремъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы финны, въ виду невыгодно сложившихся условій и особенностей народнаго характера, способны были выработать сильно выраженную національность. Тенгстремъ совѣтовалъ «разумно ограничить» стремленія, добавляя: «Мы, финны, въ собраніи націй составляемъ крестьянское сословіе по отношенію къ другимъ народамъ, стоящимъ на болѣе высокихъ ступеняхъ культурнаго развитія, такъ сказать, аристократическимъ націямъ».

Отвѣчая на это письмо, Снелъманъ, между прочимъ, говоритъ: «Я не хочу признавать необходимости разумнаго ограниченія, когда вопросъ идетъ о стремленіяхъ къ тому, что составляетъ самое высокое въ жизни человѣка и человѣчества. Несправедливо отчаиваться, ибо самое стремленіе есть побѣда и вознаграждаетъ само себя. Нужно, понятно, подчиняться законамъ исторіи, но только для того, чтобы искать новыхъ исходовъ и съ надеждою смотрѣть на будущее. Коротко говоря: ограниченіе возможно на время, но цѣль должна оставаться единою на вѣки».

«Въ исторіи развитія человѣчества финнамъ, конечно, никогда не суждено быть французами. Что касается нашего національнаго характера, то онъ, безъ сомнѣнія, довольно тяжелъ,

Проф. Тенгстёрмъ.

но, въ то же время, отличается настойчивостью въ работѣ. Это, помоему мнѣнію, даетъ право сдѣлать два слѣдующихъ вывода: во-первыхъ, сколько-бы ни работали, никогда не будетъ излишнимъ разводить и поддерживать огонь; во-вторыхъ, разъ огонь запылаетъ, не такъ то скоро его потушишь. Кромѣ того, многіе изъ недостатковъ нашего національнаго характера объясняются состояніемъ отчаянія, въ которомъ пребываетъ большая часть нашего народа. Порывъ живительнаго духа еще никогда не оживлялъ его.

Патріотизмъ, или, вѣрнѣе, національная ненависть проявлялась въ немъ только кое-гдѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ наша военная исторія. Пусть только народъ почувствуетъ какъ одинъ человѣкъ, и—кто сумѣетъ предсказать,—что изъ этого выйдетъ.

«Говорятъ: пафосу много,—въ сущности же его еще слишкомъ мало. Ничто великое не двигалось на свѣтъ безъ энтузіазма. По всей вѣроятности, этотъ энтузіазмъ не скажется благотворными послѣдствіями въ настоящемъ поколѣніи, но это можетъ случиться въ будущемъ. Попробовать не мѣшаетъ. Наше прошлое свидѣтельствуетъ, что пассивныя черты народнаго характера со- служили хорошую службу въ борьбѣ съ чуждыми вліяніями. Очевидно, финноманство пока еще терпимо выше. Можетъ наступить время, и оно придетъ, когда воззрѣнія измѣнятся. Терпимость опредѣляется политическими соображеніями. Но политики всегда обманываются въ своихъ расчетахъ, когда, давши пробудиться,

національному духу, надѣются направлять его впоследствии по своему произволу. Исторія полна доказательствъ противнаго. Въ этомъ сказывается «хитрость разума». А то, что такое благопріятное намъ настроеніе замѣчается именно теперь, есть указаніе Провидѣнія. Въ этомъ я глубоко убѣжденъ».

Какъ все это неожиданно и поучительно для русскихъ, такъ долго остававшихся почти глухими къ тому, что говорилось въ Финляндіи. Наше правительство, предоставивъ свободу развитія финской народности, стремилось, конечно, къ прочному сближенію новой окраины съ центромъ Имперіи. Нѣтъ,—отвѣтили Снельманъ, Кастрѣнъ и др.,—вы сняли сѣмена оппозиціи, которую вамъ болѣе не направить по своему усмотрѣнію.

Въ этотъ періодъ (1844—1849 г.) Снельманъ наиболѣе поработалъ для родины. Партіи онъ тогда не образовалъ, но выработанныя имъ положенія легли въ основу финноманской программы. Изъ его искры возродилось пламя.

Въ числѣ лицъ, не раздѣляющихъ многихъ воззрѣній І. В. Снельмана, находился выходецъ изъ Швеціи Арнель. Тамъ онъ сдѣлалъ блестящую карьеру, занявъ мѣсто статсъ-секретаря по военнымъ дѣламъ. Это былъ человѣкъ недюжинныхъ способностей. Въ Финляндіи ему пришлось снискивать себѣ пропитаніе службой въ газетной редакціи и книжномъ магазинѣ, а также исполненіемъ обязанности дѣлопроизводителя въ Экономическомъ обществѣ.

Въ письмѣ Арнеля (19—31 марта 1846 г.) читаемъ: «Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ были въ восторгѣ отъ его (Снельмана) «Путешествія по Германіи»—только не я. Его —«Теорія государства»—всѣмъ извѣстныя общія мѣста. Какъ редакторъ газеты онъ дерзокъ, безпокоенъ, гонится за популярностью и проповѣдуетъ коммунизмъ. Прочтите его статьи о казенныхъ мызахъ, о лѣсной экономіи, о дробленіи поземельной собственности и т. д. Если прочтешь до конца, начинается тошнить... Финляндскія газеты—финноманы. Но я понимаю тѣхъ, которые пишутъ по-шведски. Они проповѣдуютъ ненависть ко всему шведскому, что имѣетъ свои хорошія стороны, но приводитъ къ ненависти къ высшимъ классамъ. . . . Только революціонеры могутъ проповѣдывать ненависть къ людямъ, не говорящимъ по-фински. Это якобинцы въ шкурѣ финскихъ барановъ». Арнель совѣтовалъ дѣйствовать на «Сайму» бичемъ сатиры. Это письмо Арнеля было передано кн. Меншикову—Котеномъ.

«Финноманскій предводитель» давно уже былъ бѣльмомъ на глазу многихъ. На него косились въ университетѣ и въ Сенатѣ. Изъ Петербурга приходили недобрый вѣсти: Снельманъ не пользовался благоволеніемъ ни кн. Меншикова, ни гр. Армфельта. Князю успѣли внушить мысль, что финскіе патріоты стремятся объединить всѣ финскія племена.

«Сайму» запретили (1846 г.). Нѣкоторые о ней искренно пожалѣли. «Память о твоёмъ любимомъ дѣтищѣ,—писалъ проф. Тенгстремъ,—сохранится у націи». «Невыразимо уныло раздается въ моихъ ушахъ колокольный звонъ по убіенному финскому духу»—

значится въ письмѣ Фр. Сигнеуса.—Но наиболѣе вдумчивое слово прочелъ надъ покойнымъ изданіемъ профессоръ Нервандеръ.

И. И. Нервандеръ

«Я не могу считать искусственно вызванное финноманское движеніе за разсвѣтъ, за пробужденіе зари», писалъ онъ редактору «Саймы». Почему? «Во 1-хъ: Финляндія не самостоятельна, никогда и не была самостоятельной. Финны, конечно, особая народность, такъ какъ говорятъ на своемъ языкѣ,

но націи они не составляютъ, такъ какъ не имѣютъ исторіи. Но разъ народность не принадлежитъ къ числу націй, то она не сумѣетъ создать, а меньше всего по заказу вызвать къ жизни національную литературу. Во 2-хъ: на основаніи вышеизложеннаго слѣдуетъ придти къ заключенію, что Финляндія, прежде всего, должна сдѣлаться самостоятельной, но самостоятельности нельзя достигнуть однѣми только проповѣдями о созданіи національной литературы. Конечно, въ былое время народы сражались за книгу, за свою Библію, но ни одинъ народъ не сражался еще за свою грамматику. Въ 3-хъ: національная литература не можетъ принести пользы, если народъ бѣденъ и немногочисленъ. Бѣдность и немногочисленность населенія губятъ литературу шведовъ и датчанъ; сознаніе такого положенія вещей и вызвало къ жизни идею скандинавизма. И однако, шведамъ и датчанамъ

не приходилось начинать все съ начала, какъ это приходится дѣлать намъ. Финскій языкъ, въ качествѣ языка литературнаго, не могъ до сей поры произвести на свѣтъ ничего, кромѣ азбуки. Если ты вѣришь въ возможность финской литературы, то, стало быть, ты допускаешь національную культуру и литературу у эстонцевъ и лапландцевъ. Въ 4-хъ: какимъ образомъ можетъ финскій языкъ вытѣснить въ Финляндіи шведскій, когда ни шведы, ни финны, собственно, страною не владѣютъ. Чтобы распоряжаться въ домѣ по своему, надо владѣть этимъ домомъ. Если шведское меньшинство воспротивится проповѣдуемой перемѣнѣ,—а это случится, если заставить нужда,—развѣ тогда возможно, хотя бы даже этого пожелала вся масса недворянскаго населенія, уничтожить шведскій языкъ, не уничтоживъ одновременно и финляндскаго дворянства? Только революція финновъ противъ шведовъ могла бы привести къ такимъ результатамъ, но Россія очень дурно отнеслась бы къ революціи въ Финляндіи, хотя бы эта революція и не касалась, собственно, русскаго правительства. Въ 5-хъ: еще ни въ одной странѣ даже самостоятельной, языку большинства не удавалось вытѣснить живого языка культуры. Поэтому я сомнѣвался, чтобы такой опытъ удался когда-нибудь и въ Финляндіи. Въ 6-хъ: конечно, идея народности неразрывна съ представленіемъ, что народъ имѣетъ свое отечество и говорить на своемъ языкѣ. Таково правило; но разъ народъ лишился котораго либо изъ двухъ условій своего бытія, то трудно быть увѣреннымъ въ томъ, что онъ когда-либо сможетъ возвратитъ себѣ потерянное. У человѣка двѣ ноги, говорить естествоиспытатель, но если человѣкъ лишится которой либо изъ нихъ, ему приходится всю свою жизнь скакать на одной. Евреи—народъ, у котораго своя національная литература и исторія, но у нихъ нѣтъ своей страны. У финновъ нѣтъ исторіи, нѣтъ національной литературы, но у нихъ есть своя страна. Предъявляемыя упомянутыми двумя народами притязанія на полученіе недостающаго имъ, конечно, не безосновательны, но трудно сказать, который изъ двухъ предъявленныхъ суду исторіи исковъ долженъ разрѣшиться скорѣе. Въ 7-хъ: упомянутый только что процессъ долженъ, по крайней мѣрѣ, вестись самымъ тяжущимся, а не адвокатами. Ты, Р. Тенгстремъ (сынъ), Эльмгренъ, Берндтсонъ, вы всѣ не въ состояніи понять финской книги безъ словаря и не можете на финскомъ языкѣ написать страницы безъ ошибки. Развѣ, по настоящему, пристало вамъ быть ходатаями за финскій языкъ? Если у войск-

нѣтъ собственныхъ предводителей, и оно должно искать ихъ въ чужихъ краяхъ, битва не можетъ быть выиграна въ его пользу. Развѣ случалось въ исторіи, чтобы демократія побѣждала, имѣя предводителями аристократовъ. Развѣ у ирландцевъ, въ ихъ борьбѣ за свою самостоятельность, стоятъ англичане? Развѣ поляками руководятъ русскіе? Нѣтъ, импульсъ и давленіе должны исходить въ данномъ случаѣ отъ самихъ финновъ. Если этого нѣтъ, то, стало быть, движеніе преждевременно».

Лишенный газеты, Снельманъ просилъ своего друга Ленрота начать изданіе журнала (*Litteraturbladet*). Тотъ согласился. Снельманъ вновь сдѣлался фактическимъ руководителемъ печатнаго органа, но опять не надолго и безъ прежняго успѣха.

Снельманъ сталъ бѣдствовать. Придется встать за прилавокъ,—сказалъ онъ. И дѣйствительно, обстоятельства побудили его принять мѣсто помощника завѣдывающаго торговой конторой у купца Боргстрема. Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Наступило новое царствованіе. Колесо счастья повернулось и мы увидимъ Снельмана сенаторомъ ⁶⁴⁴).

Финляндія переживала переходный періодъ, дни перелома. Таялъ вечеръ ея безмолвной жизни и наступало утро, обѣщавшее радостный, плодотворный, трудовой день. На работу вышли уже Ленротъ, Рунебергъ, Снельманъ... Пришелъ и Фридрихъ Сигнеусъ. Онъ брался за многое и потому сомнѣвались въ пользѣ его дѣятельности. Онъ былъ поэтомъ, но,—говорятъ критики,—его произведенія прошли безслѣдно; онъ былъ ораторомъ и слова его прошли, какъ пурпуровыя облака по горизонту; онъ странствовалъ по пустырямъ финской исторіи, но болѣе въ качествѣ ботаника и пейзажиста. Онъ былъ критикомъ, но обыкновенно не видѣлъ разбираемаго предмета. Наконецъ, онъ подарилъ Гельсингфорсу свой музей, съ которымъ городъ не зналъ, что дѣлать ⁶⁴⁵).

Конечно, Сигнеусъ второстепенная величина и его вліяніе нельзя ставить рядомъ съ вліяніемъ Снельмана, Рунеберга и др., но дѣятельность его въ періодъ пробужденія націонализма была несомнѣнно полезна и его слѣдуетъ отнести къ числу благородныхъ «будильщиковъ» края, такъ какъ онъ оказалъ замѣтную услугу, подроставшему поколѣнію, своими многочисленными общественными рѣчами.

Онъ выросъ въ отцовскомъ домѣ, въ которомъ сильно вкоренилась любовь къ родинѣ. Назначенный епископомъ, его отецъ съ горячей любовью уговариваетъ финновъ не стыдиться своего отечества, а стараться прославить его и тѣмъ приобрѣсти общее уваженіе. Надо полагать, что вліяніе дома сказывалось въ томъ, что «отечество» для Фр. Сигнеуса осталось «невѣстой его юности». Живя у отца, Фридрихъ Сигнеусъ видѣлъ «чудный берегъ Невы» и ему казалось, что она, подобно викингу, одѣтая въ синевато-стальной панцырь, спокойно стремилась къ венеціанскому заливу сѣвера...

Съ береговъ Невы Фр. Сигнеусъ попалъ въ число студентовъ въ Або, гдѣ, благодаря сочиненіямъ Арвидсона, журналу «Мнемосинъ» и финской газетѣ Р. Фонтъ-Беккера (*Turun Viikosanomat*) чувство патріотизма шевельнулось уже въ лучшихъ студентахъ, а благодаря трудамъ Портана финское направленіе стало обозначаться въ мѣстной литературѣ. Новое настроеніе задѣло Фр. Сигнеуса и онъ вскорѣ сталъ жалѣть, что духъ молчанія господствовалъ въ средѣ студентовъ и не было у нихъ общей цѣли. Ихъ интересы поглощались исходомъ экзаменовъ, а въ теченіе курсовъ не прекращались попойки и грубые выходки.

Молодымъ преподавателемъ исторіи Фр. Сигнеусъ попадаетъ въ Фридрихсгамскій кадетскій корпусъ, гдѣ господствовала строгая военная пунктуальность и трескъ барабана призывалъ его на лекціи. Въ своей аудиторіи онъ нашелъ группу веселыхъ и беззаботныхъ юношей, воспріимчивыхъ къ возвышеннымъ воззрѣніямъ, юношей, принадлежавшихъ къ уважаемымъ семействамъ Финляндіи. Дуновеніе большихъ городовъ не успѣло еще запылить ихъ чистыхъ сердець.—Фр. Сигнеусъ началъ свои чтенія, и слушатели почувствовали, что онъ принесъ съ собой изъ внѣшняго міра вѣяніе свѣжаго вѣтерка. Онъ заявилъ, что онъ не другъ «великихъ армій, а всегда готовъ примкнуть къ тому единичному воину, который отчаянно борется за правое дѣло». Со времени Сигнеуса финляндскій кадетскій корпусъ нѣсколько опредѣленнѣе сталъ чувствовать свое призваніе защищать честь родины, хотя надо прибавить, что корпусъ и ранѣе былъ хорошимъ разсадникомъ преданныхъ Финляндіи воиновъ ⁶⁴⁶).

Съ 1839 года Фр. Сигнеусъ устраивается въ университетѣ, въ качествѣ профессора эстетики и новой литературы. Здѣсь онъ расширяетъ поле своей исторической работы. «За деньги и добрыя

слова» офицеръ Фуругельмъ достаетъ ему изъ архива нашего генеральнаго штаба мемуары Спренгтпортена. Найдя въ нихъ горячіе отзывы о Финляндіи, Фуругельмъ допускаетъ въ немъ стремленія къ ея самостоятельности и здоровый патріотизмъ, а не одно оскорбленное самолюбіе. «Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ,—пишетъ Фуругельмъ,—что до сихъ поръ къ Спренгтпортену относились несправедливо, такъ какъ только нынѣшнее поколѣніе могло понять его... Мнѣ думается, что самостоятельная исторія Финляндіи должна признать его отцомъ финскаго дѣла» ⁶⁴⁷).

Фридрихъ Сигнеусъ.

У Спренгтпортена однимъ поклонникомъ и послѣдователемъ стало больше и этотъ поклонникъ носилъ русскій военный мундиръ.

Фр. Сигнеусъ какъ историкъ, усвоивъ себѣ финскую патріотическую точку зрѣнія, не желалъ ограничиться рабскими компиляціями; кромѣ того, его никогда не покидало горячее желаніе добыть финнамъ должное признаніе въ лѣтописяхъ народовъ. Онъ не удовлетворился также ходячимъ мнѣніемъ, осуждавшимъ Г. М. Спренгтпортена, находя его богато-одареннымъ патріотомъ ⁶⁴⁸).

Спренгтпортенъ приобрѣлъ новаго краснорѣчиваго апостола своего особаго патріотизма.

Сигнеусъ посвятилъ панегирикъ воину Іоакиму Дункеру, осыпавъ его похвалами въ гиперболическихъ выраженіяхъ, превзойдя на этомъ пути напыщенные похвальные слова шведской академіи наукъ, всегда подымавшей до небесъ избранныхъ своихъ героев.—Сигнеусъ тѣмъ болѣе не жалѣлъ красокъ для историческихъ своихъ портретовъ, что держался воззрѣнія: исторія есть біографія выдающихся людей; исторія Швеціи—исторія ея королей. Онъ готовъ былъ финскую армію олицетворить въ Дебельнѣ и Дункерѣ, або-скій университетъ—въ Портанѣ. Вообще Фр. Сигнеусъ постоянно парадоксальнѣе. По его мнѣнію, потерю своей самостоятельности, Финляндія спаслась отъ уничтоженія; въ дѣлѣ завоеванія края католицизмъ оказался сильнѣе меча; запоздалое появленіе финновъ въ исторіи не что иное, какъ естествен-

ное послѣдствіе неспособности финновъ создать государство ⁶⁴⁹). И. т. д.

Фр. Сигнеусъ, несомнѣнно, былъ патріотомъ, но, воздавъ своимъ сородичамъ должное за ихъ хорошія качества, высказалъ по адресу финскаго народа нѣсколько нелестныхъ замѣчаній, назвавъ его суровымъ и подозрительнымъ, злобнымъ, безсовѣстнымъ, склоннымъ отрѣзать честь и славу отъ своихъ лучшихъ представителей; онъ называлъ его «добрымъ народомъ, полнымъ злобы» ⁶⁵⁰).

Далѣе Фр. Сигнеусъ доказывалъ неизбежность «развода» Финляндіи съ Швеціею, находя, что нѣчто большее раздѣляло ихъ, чѣмъ Ботническій заливъ.

Какъ добрый сынъ своей родины, онъ радѣлъ о ея чести; каждое мнимое или дѣйствительное оскорбленіе ея призывало его къ перу—оружію. Во многомъ космополитъ, онъ являлся первымъ «призывнымъ», когда пятналось знамя Финляндіи.

Надлежащее мѣсто Фр. Сигнеуса было на ораторской трибунѣ. Онъ былъ поэтомъ, но можно сомнѣваться, чтобъ его муза была законной дочерью чистыхъ музъ, настолько она была неряшлива въ своемъ нарядѣ. Онъ много писалъ, какъ историкъ и публицистъ, причемъ исходная точка бывала хорошо избрана, часто проявлялась находчивость и вѣрно намѣчалась цѣль, но обсужденіе предмета всегда шло туманнымъ извилистымъ путемъ, съ большими и утомительными отклоненіями въ сторону. Его всегда трудно понять; въ чтеніи онъ не вліяетъ. Это была рѣка,—говорить Э. Топелиусъ,—съ опредѣленнымъ направленіемъ, стремительная, но очень порожистая и брызги ея волнъ постоянно шли черезъ край. Но живое его слово съ кафедры производило впечатлѣніе. Въ печати,—говорить современникъ,—его слово было гипсовой маской его живыхъ выраженій. Въ печати онъ блѣденъ и холоденъ. Въ живомъ его словѣ чувствовалось сердце и сила.

Я. К. Гротъ—сослуживецъ и хорошій знакомый Сигнеуса,—признавалъ въ немъ ораторскій талантъ, но изложеніе его находилъ путаннымъ, темнымъ, переполненнымъ кудрявыхъ фразъ. Обычно онъ читалъ по тетради. Декламація и голосъ его были неудовлетворительны, но аудиторія наполнялась. Видимо, требованія были не велики ⁶⁵¹).

Часто выступалъ Сигнеусъ въ университетѣ, на празднествахъ, въ церкви на похоронахъ, на студенческихъ пирушкахъ. Все это,

конечно, дѣлалось и другими ранѣе его. Но до него общественная трибуна воздвигалась для иныхъ цѣлей. Въ рѣчахъ Фр. Сигнеуса финляндцы впервые слышали сужденія по многочисленнымъ злободневнымъ вопросамъ, въ художественно-развитой формѣ. Политики онъ еще не касался, но онъ говорилъ о родинѣ, воспламеняя сердца юношества. Съ его времени ораторское слово стало силой и много содѣйствовало свободѣ мысли. Свободное слово стало проникать въ общественную жизнь. Это заслуга Фридриха Сигнеуса, значеніе которой не въ состояніи былъ оцѣнить лишь цензоръ,—иронически добавилъ Зах. Топелиусъ.

Другая заслуга Фр. Сигнеуса заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ поставить студентамъ общую патріотическую цѣль достиженія, указать имъ болѣе достойный предметъ для борьбы, чѣмъ обычныя возмущенія противъ ректоровъ и бунты противъ полиціи или патрулей русскихъ войскъ. Достигъ онъ этого устройствомъ общихъ студенческихъ празднествъ въ память отца финноманства Х. Г. Портана.

Празднество задумало (1839 г.) эстерботническое отдѣленіе студентовъ, кураторомъ котораго состоялъ Фр. Сигнеусъ. Они въ первый разъ пригласили къ себѣ представителей остальныхъ студенческихъ отдѣленій (землячествъ). Движущей пружиной торжества явился Сигнеусъ; онъ произнесъ сильную блестящую рѣчь и ею Портанъ сразу изъ области литературы и науки перешелъ въ общее финское сознаніе и сдѣлался объединяющимъ звеномъ для всѣхъ, заинтересованныхъ существованіемъ финскаго народа. Чествованіе Портана явилось вкладомъ въ тѣ общественные вопросы, которые стали тогда часто подыматься. На празднествѣ былъ данъ толчекъ пробуждавшейся и возрождавшейся родинѣ. Рѣчь зажгла студентовъ и ихъ сердца забились для высокихъ и чистыхъ цѣлей жизни. Девятый ноябрь повторялся затѣмъ ежегодно въ студенческой средѣ, объединяя ихъ въ мысляхъ о будущности и славѣ Финляндіи. Объединеніе привело къ постановкѣ памятника, который съ 1864 г. красуется въ Або и свидѣтельствуетъ о прекрасныхъ порывахъ финскаго студенчества.

Сигнеусъ не былъ финноманомъ, но онъ сыгралъ въ этомъ движеніи замѣтную роль, поддержавъ идейную основу національнаго движенія въ краѣ и развивъ его духовное значеніе.

На одномъ изъ подобныхъ портановскихъ торжествъ, З. Топелиусъ прочелъ свое стихотвореніе «Мы свободный народъ духа»,

которое съ того времени начало свое зажигающее дѣйствіе на молодежь, повышая ея патріотическое настроеніе. Въ своихъ воспоминаніяхъ проф. К. Г. Эстландеръ впоследствии признается ⁶⁵²): «мнѣ это казалось опасной, нездоровой и напыщенной гиперболой говорить безъ всякаго благовиднаго повода «о величій и славѣ нашего края», но когда примешь во вниманіе, что мысль юноши мечтательна и преувеличена, прибавляетъ онъ, то слова Топелиуса не столь ужъ несправедливы».

Такъ исподволь пробуждали свой народъ отъ долгаго сна лучшіе его сыны ⁶⁵³).

Вейнемейненъ.

Финское національное движеніе проявило себя настолько опредѣленно, что уже въ концѣ сороковыхъ годовъ оно обратило на себя вниманіе въ Швеціи, гдѣ стали вдумываться въ него и считаться съ нимъ. Въ этомъ движеніи правильно усмотрѣли оппозицію на два фронта, такъ какъ несомнѣнно, что финноманія подымалась одновременно противъ всего шведскаго и русскаго.

Въ этомъ отношеніи значительный интересъ представляетъ статья стокгольмской газеты «*Vore*» 1849 г., богатая рѣдкими историческими указаніями о первыхъ корняхъ финноманства. Въ ней высказался современникъ пробужденія финскаго народа, финляндскій шведъ Роосъ, и въ его голосѣ явно слышится отзвукъ не единичнаго лица, но извѣстнаго образованнаго круга тогдашняго общества. Вотъ главныя мысли автора.

На рѣкахъ Ирландіи и въ горахъ Богеміи и Венгріи громко раздавался кличъ: да юнѣютъ народы отъ собственной своей жизненной силы, отбросивъ все заимствованное! Этотъ кличъ эхомъ отдавался въ горахъ Суоми, въ рѣчи Топелиуса, обращенной къ магистрамъ философіи при промоціи 1844 г. ⁶⁵⁴).

Когда въ Финляндіи стало пробуждаться финское національное чувство, шведы не могли не замѣтить, что начавшееся въ краѣ движеніе по своимъ стремленіямъ и конечнымъ цѣлямъ является совершенно противоположнымъ шведскимъ домогательствамъ и

чаяніямъ. Финноманство—естественный противникъ шведоманства. Многіе предвидѣли, что произойдетъ столкновеніе двухъ противоположныхъ теченій. Нужно было возможно умиротворить людей обоихъ лагерей и авторъ статьи пытается своими историческими справками налить масла на воду, чтобы успокоить взволнованное настроеніе. Со стороны шведовъ слышались ласковыя рѣчи о томъ, что Эрикъ Святой, Биргеръ-Ярль, Торкель Кнутсонъ, побѣждая финновъ, отнюдь не имѣли намѣренія насильственного завоеванія, а единственно пріобщенія ихъ къ духовному и соціальному развитію. Они покоряли духовно. Финляндія, благодаря своимъ новымъ отношеніямъ, усвоила такую образованность, которой ея собственный языкъ не въ состояніи былъ выразить; и такъ какъ она въ то время не имѣла еще столь образованныхъ сыновъ, чтобы сдѣлаться толкователями и распространителями этой образованности въ своей собственной землѣ, то естественно, что вмѣстѣ со шведскими законами явились шведскіе чиновники и шведскій языкъ. Такъ толковали обстоятельства сами финляндцы ⁶⁵⁵).

Авторъ продолжаетъ. Но изъ этого не слѣдовало, чтобы шведы навсегда сохранили указанную монополію. И дѣйствительно, имѣются историческія свидѣтельства того, что природные финны уже издавна достигали значительныхъ и выдающихся положеній въ шведскомъ обществѣ: король Эрикъ XIV, напримѣръ, призналъ многихъ богатыхъ крестьянскихъ сыновей дворянами ⁶⁵⁶).

Затѣмъ финляндцы, розыскивавшіе финскихъ корней въ администраціи Швеціи, обратили вниманіе на то, что провинціи Швеціи были разнообразны и каждая изъ нихъ имѣла свои законы и права. Швеція представлялась государствомъ почти конфедеративнымъ. Особенно это замѣтно было при Густавѣ I, который велъ переговоры съ этими провинціями. Подобныя указанія наиболѣе усердно извлекались изъ прошлаго профессоромъ Портаномъ ⁶⁵⁷).

Предполагаютъ даже, что до реформаціи въ Финляндіи, среди образованныхъ сословій и чиновниковъ, находился въ употребленіи финскій языкъ. Въ доказательство ссылаются на Портана (*Abo Tidning*, 1793, № 13), указавшаго, что государственный совѣтникъ и маршалъ, баронъ Класъ Флеммингъ, во времена королей Іоанна III и Сигизмунда, говорилъ столь дурно по-шведски, что его едва понимали. Портанъ убѣжденъ, что въ началѣ XVIII ст. ду-

ховенство, значительная часть чиновниковъ и купцовъ употребляли въ разговорахъ финскій языкъ.

Большой переворотъ произвелъ протестантизмъ, вошедшій клиномъ въ финскія отношенія края. Всюду, куда онъ ни проникалъ, подымался государственный языкъ и развивалась литература. Въ 1640 г. въ Або открытъ былъ шведскій университетъ. Новая образованность вытѣсняла языкъ древнихъ обывателей края и проявила даже извѣстное презрѣніе ко всему финскому. Въ одно время въ Швеціи говорили: если что-либо идетъ глупо, то идетъ оно какъ въ Финляндіи ⁶⁵⁸). Новая образованность загнала исподволь финскій языкъ въ избы крестьянъ. Между образованными и необразованными была воздвигнута высокая преграда. На это потребовалось не болѣе одного столѣтія.

Народившаяся финноманія поставила своей цѣлью сокрушить эту преграду. Финноманія—дѣтище XIX в., хотя сѣмена ея были посеяны раньше. Духъ финноманіи вѣялъ уже въ XVIII ст., именно тогда, когда жилъ и дѣйствовалъ Портанъ. Вотъ почему юная Финляндія взирала на Портана, какъ на своего вождя и отца.

Финское Литературное Общество объединяло ученыхъ и чиновниковъ, купцовъ, горожанъ и крестьянъ, возбуждая интересъ ко всему, что было финскимъ. Отсюда неизбежна оппозиція, если не всему, что было шведскимъ, то очень многому, хотя Колланъ, Тонеліусъ, Снельманъ и др. успѣли объявить Финляндію единой.

Рунебергъ слагалъ шведскіе стихи и вся Суоми называла его своимъ скальдомъ, своей радостью и гордостью. Кромѣ того, исторія напоминаетъ финнамъ завѣтъ Дёбельна (1808 г.): «врагами шведскаго отечества вы никогда не будете, но останетесь навсегда его друзьями».

Къ чему стремилась юная Финляндія? спрашиваетъ Роосъ. Это мы знаемъ изъ ея пѣсни: « Свѣтъ принадлежитъ свободнымъ. Великая сила юности сражается за свой народъ, истекающій кровью; она хочетъ сокрушить ея тягостные оковы... За народъ и отечество она приносить въ жертву жизнь, полную огня. Ея имя, ея подвиги принадлежатъ преданію, живутъ въ пѣснѣ. Бодрые братья! На борьбу за свободный міръ духа. Насъ призываютъ тѣни нашихъ отцовъ на защиту міра древнихъ боговъ. Если мы забудемъ образованность Швеціи, то не ради Россіи... Воспрянемте, подыдемъ мечъ мысли за свободный міръ духа, за языкъ и народъ

Суоми, за могущество ея будущности. Да сокрушатся позорные узы, повергшіе ее въ оковы». Таковы слова пѣсни.

Распѣваемая на мелодію Марсельскаго гимна, эта пѣсня нерѣдко раздается по ночамъ даже на улицахъ «обрусѣвшаго Гельсингфорса».

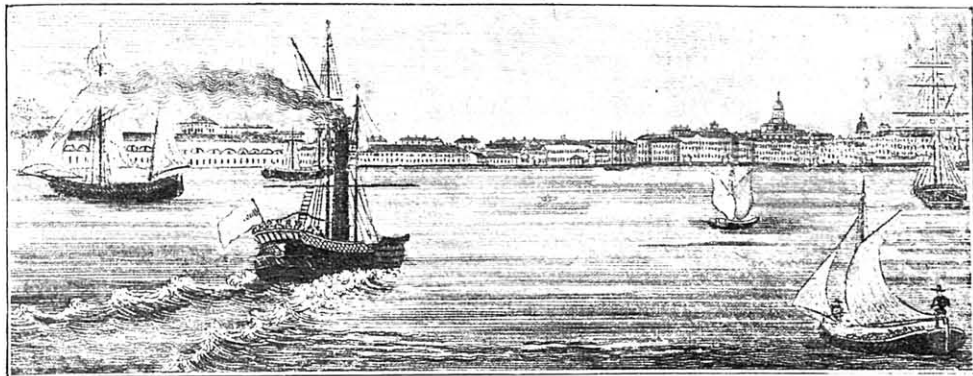
Роосъ кончаетъ такъ: Финны трудились для идеаловъ своей будущности. Финскій языкъ они желали сдѣлать языкомъ литературы и общимъ языкомъ всѣхъ жителей края.

«Чѣмъ болѣе увеличивалось угнетеніе, тѣмъ живѣе росли мечты о великой и прекрасной будущности національной свободы и духовной самостоятельности».

Топеліусъ распѣвалъ: Для насъ (Суоми) разсвѣтаетъ утро въ розовомъ одѣвнѣи, когда у другихъ настаетъ ночь... ⁶⁵⁹).

Какъ видно, авторъ приложилъ много старанія, чтобы не допустить финномановъ до столкновенія съ шведоманами. Желая ввести ихъ въ общее жизненное русло, онъ поетъ убаюкивающую пѣсню обоимъ направленіямъ. Но разъ національность не что иное какъ оппозиція, то борьба неизбѣжна..

Видъ Гельсингфорса въ 1840 г.

Х. Молодая Финляндія.

Два теченія финляндской мысли.

Израэль Вассеръ—по происхожденію шведъ, но съ 1817 по 1829 г. онъ занималъ кафедру медицины въ Абоскомъ университетѣ. Финляндцы превозносятъ его, какъ свѣтило медицинской науки, называютъ его даже «геніальнымъ», несмотря на то, что «доктрины его были неясны» и не встрѣчали особаго сочувствія слушателей, а самъ онъ остался «одностороннимъ теоретикомъ».

Возвратясь въ Швецію и занявъ въ Упсалѣ кафедру, онъ, по своей живой натурѣ, въ 1838 г. принялъ участіе въ публицистикѣ. Оппозиція ожесточенно напала на короля Карла Іоганна, осуждая его политику 1812 года.—Россія находилась въ стѣсненныхъ условіяхъ, и Карлу Іоганну, по мнѣнію его противниковъ, представился подходящий случай возвратить Финляндію. Случай этотъ былъ имъ упущенъ ⁶⁶⁰). На защиту короля вступилъ Вассеръ брошюрой «О союзномъ трактатѣ Швеціи съ Россіей въ 1812 г.». (Om Allians-Tractaten emellan Sverige och Ryssland år 1812). Онъ находилъ дѣйствія Карла Іоганна весьма дальновидными: благодаря новому политическому положенію, полученному Финляндіей, въ ней пробудилось національное самосознаніе.

Основное положеніе, которое отстаивалъ Вассеръ, было формулировано имъ такъ: Швеція стала главнымъ культурнымъ государствомъ Сѣвера, центральнымъ органомъ мира и высшаго образованія; Финляндія, съ ея высокимъ западнымъ развитіемъ, должна распространять среди народностей Азіи и Россіи внутреннюю облагораживающую силу культуры и образовать живой

соединительный пунктъ между свободной европейской государственной жизнью и центральной властью Россіи. Прежде, чѣмъ Швеція, черезъ Фридрихсгамскій миръ, отказалась отъ всѣхъ своихъ правъ на Финляндію въ пользу Россіи, она сама освободилась отъ прежнихъ своихъ отношеній и на сеймѣ въ Борго, черезъ свои сословія, заключила «сепаратный» миръ (*separatfred*) съ Русскимъ Императоромъ. Благодаря этому миру, Финляндія перестала быть не только шведской провинціей, но она перешла въ состояніе особаго государства съ представительнымъ образомъ правленія. Вассеръ указываетъ далѣе, что новое государство, признавъ своимъ правителемъ Всероссійскаго Самодержца, тѣмъ самымъ ограничило свою внѣшнюю самостоятельность, почему Финляндія не является членомъ европейскаго государственнаго союза и не можетъ сама отстаивать свое существованіе. Но внутренняя самостоятельность была признана ея завоевателемъ, и на все это Швеція выразила свое согласіе Фридрихсгамскимъ трактатомъ.

Для болѣе прочнаго укрѣпленія національной силы Финляндіи отъ Россіи отдѣлили Старую Финляндію и присоединили къ Новой.

Возрѣнія Вассера вызвали многочисленныя возраженія.

Въ Швеціи Вассера, «какъ бывшаго русскаго профессора», опровергалъ извѣстный историкъ Гейеръ и съ особымъ ожесточеніемъ напала на него газета «*Aftonbladet*»; въ Финляндіи-же противъ Вассера выступилъ Арвидсонъ, подъ псевдонимами Пекка Куохариненъ и Олли Кекелейненъ.

А. И. Арвидсонъ былъ приватъ-доцентомъ Абоскаго университета. О себѣ онъ заявилъ, что въ 1812 г. жилъ въ Або, гдѣ «состоялъ при высшемъ правительственномъ учрежденіи края». Арвидсонъ извѣстенъ какъ издатель «Абоской Утренней Газеты» (*Åbo Morgonblad*), въ которой энергично будилъ національное самосознаніе финновъ. Кромѣ того, онъ зарекомендовалъ себя нападками на существовавшіе порядки, почему газета его была запрещена, а самъ онъ, лишенный приватъ-доцентуры, вынужденъ былъ въ 1823 г. уѣхать въ Швецію и опредѣлиться тамъ на службу.

Арвидсонъ назвалъ свою брошюру «Финляндія и ея будущность» (*Finland och dess framtid*) и помѣтилъ ее датой: Нюландія, ноябрь 1838 г., тогда какъ въ дѣйствительности она была напечатана въ Стокгольмѣ.

Въ предисловіи Арвидсонъ утверждаетъ, что Вассеръ дозволилъ своему воображенію создать нѣкоторыя положенія и затѣмъ

онъ пытался подчинить имъ дѣйствительность, но подобныя положенія въ сущности гениально-сумасбродныя или сумасбродно-гениальныя.

Наиболѣе существенныя положенія Арвидсона (или Пекка Куохариненъ) въ краткихъ извлеченіяхъ сводятся къ слѣдующему:

Финляндія была частью Швеціи и ни въ какомъ случаѣ не являлась самостоятельной страной, а потому русская власть не могла смотрѣть на нее какъ на государство, съ которымъ можно было заключить сепаратный миръ. 5—17 іюня 1808 г. Финляндія была объявлена русской провинціей; финляндцы вошли въ составъ другихъ народовъ, подвластныхъ русскому скипетру, и вмѣстѣ съ ними образовали одно государство. Финляндія была завоевана, обезоружена и приведена къ присягѣ на русское вѣрноподданство (присягать обязаны были даже школьники 15-лѣтняго возраста). Такимъ образомъ «Финляндія шагъ за шагомъ была превращена въ русскую провинцію» и навсегда соединена съ господствующимъ государствомъ. На сеймѣ въ Борго сословіямъ не предоставлено было право возбуждать какіе-либо законодательные вопросы. Рѣчь Императора Александра I была словомъ, обращеннымъ къ законнымъ подданнымъ, а не условіемъ договаривающагося контрагента. Онъ хотѣлъ узнать только мнѣніе и желаніе народа. Рѣшалъ онъ одинъ. Единою властью Императоровъ вершались даже вопросы по налогообложенію; помимо шведскаго закона 1774 г., въ Финляндіи введена была цензура и т. п. Въ Борго «сильный» «созвалъ» и «приказывалъ», а новые поданные «явились», всеподданнѣйше «докладывали» и разѣхались по домамъ.

Затѣмъ Пекка Куохариненъ, въ IV статьѣ Фридрихсгамскаго трактата, подчеркиваетъ слова о томъ, что финляндскія губерніи будутъ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Россійской Имперіи. Если въ Борго былъ заключенъ договоръ и если Финляндія стала конституціоннымъ государствомъ, то какъ возможно было въ Фридрихсгамѣ говорить о собственности и державномъ обладаніи? Въ Фридрихсгамѣ Русскій Императоръ и его преемники получили право полного обладанія надъ присоединенной страной.

Государь (въ Борго) желалъ съ истинно-отеческою добротою и благосклонностью выслушать совѣты своихъ подданныхъ и покорить ихъ сердца; это было мудро, человѣколюбиво и великодушно; но во всемъ этомъ нѣтъ и тѣни сепаратнаго договора. Онъ

утвердилъ религію, права собственности и привилегіи; но и это нѣчто совершенно иное, чѣмъ признаніе Финляндіи особымъ государствомъ. На обсужденіе сословіямъ были переданы вопросы чисто экономическаго свойства и ни въ одномъ изъ нихъ не заключалось даже политическаго намека.

Какимъ же образомъ Финляндія перешла въ состояніе особаго государства? Государь утвердилъ коренные законы и тѣ привилегіи, коими сословія доселѣ (до 1808 г.) пользовались. Финляндія же, сама по себѣ, не имѣла никакихъ собственныхъ коренныхъ законовъ и привилегій, а лишь тѣ, въ которыхъ она принимала участіе, какъ составная часть Швеціи, какъ ея провинція. Эти права можно было вполне утвердить, ничуть не связывая себя чѣмъ-либо. Положеніе Финляндіи не походило на положеніе Венгріи, Богеміи и другихъ странъ, которыя были присоединены къ чужимъ государствамъ послѣ того уже, какъ ихъ собственное государственное устройство успѣло приобрѣсти извѣстное развитіе.

Гдѣ, спрашиваетъ Пекка Куохариненъ, находятся тѣ положенія, которыми ближе опредѣляются отношенія Финляндіи къ Россіи, кромѣ той общей манеры говорить, которая сказалась въ удостовѣреніи Александра I? Если бы кто либо изъ Русскихъ Государей вздумалъ игнорировать это удостовѣреніе, на какой основной законъ могла бы сослаться Финляндія, какъ на нарушенный? Откуда ей взять права для защиты противъ Россіи, разъ она навсегда соединена съ Имперіей и ея жители вошли въ составъ другихъ народовъ, подвластныхъ русскому скипетру, а Швеція уступила ихъ въ собственность и державное обладаніе Россіи? Или, быть можетъ, одно изъ иностранныхъ правительствъ гарантировало Финляндіи ея государственное положеніе? Можно указать только на обѣщаніе, но ни одного обязательства, ни одного государственнаго акта, ни одной гарантіи нѣтъ; обѣщаніе-же (удостовѣреніе) зависитъ только отъ личной благосклонности. Выговорила-ли себѣ что-либо Финляндія для будущаго? Вѣдь сеймъ, самъ по себѣ, не является еще государственной формой, если таковая не установлена и не оговорена.

И вдругъ изъ всего этого родилось особое государство съ представительнымъ образомъ правленія. Въ теченіе «тридцати лѣтъ никто у насъ (въ Финляндіи) не говорилъ объ этомъ (объ особомъ государствѣ съ представительнымъ образомъ правленія), или о

созывъ сейма, который обыкновенно составляет принадлежность подобнаго правленія».

Пекка Куохариненъ не забылъ упомянуть также и о томъ, что по государственному закону Швеціи 1772 и 1789 г.г. король является почти единодержавнымъ, тѣмъ болѣе таковымъ сдѣлался для Финляндіи Русскій Императоръ. Несомнѣнно, что Великое Княжество управляется на особыхъ основаніяхъ, но все въ Финляндіи устанавливается согласно Высочайшаго благоусмотрѣнія, ибо тамъ, гдѣ прежде не было никакихъ особыхъ государственныхъ установленій, новый властитель не могъ быть связанъ никакими формами.

Такова сущность воззрѣній финляндца Пекка Куохаринена, разрушающая до основанія софистическую постройку Вассера.

Вассеръ, отстаивая свои положенія, опровергалъ нападки въ новой статьѣ «О Боргоскомъ Сеймѣ и положеніи Финляндіи въ 1812 году» (*Om Borgå landtdag och Finlands ställning 1812*). Пекка Куохариненъ отвѣтилъ «Замѣтками» на эту статью (*Erinringar vid Skriften*) etc.). Наконецъ въ 1841 г. въ эту полемику вмѣшался еще разъ Арвидсонъ, но на этотъ разъ подъ новымъ псевдонимомъ—Олли Кекелейненъ. Въ новой своей брошюрѣ «О нынѣшнемъ государственномъ положеніи Финляндіи» (*Finlands nuvarande Stats-författning*), появившейся такъ же, какъ и предыдущія, въ Стокгольмѣ, Арвидсонъ желаетъ примирить воззрѣнія спорившихъ. Но въ этой попыткѣ примирить взгляды Вассера и Пекка Куохаринена полное предпочтеніе отдано по всѣмъ главнымъ пунктамъ воззрѣніямъ Вассера. Олли Кекелейненъ всецѣло сталъ на сторону Вассера и въ сущности явился лишь его толкователемъ.

Арвидсонъ, вступая въ полемику, заявляетъ, что Вассеръ смѣшалъ то, что должно быть, съ тѣмъ, что есть, а Пекка Куохариненъ изображаетъ положеніе такимъ, какимъ оно является въ дѣйствительности, не вдаваясь въ разслѣдованіе того, какимъ оно должно быть; поэтому Вассеръ паритъ въ облакахъ, а Пекка, придерживаясь дѣйствительности, всегда правъ, исключая того, когда онъ оспариваетъ обязательную силу удостовѣренія, даннаго Монархомъ финляндцамъ. Удостовереніе—историческій фактъ, хотя оно никогда не осуществлялось. Вассеръ неправъ, когда онъ утверждаетъ, что Финляндія есть самостоятельное государство, но онъ правъ, что таковымъ она должна быть. Пекка Куохариненъ правъ,

что Финляндія на дѣлѣ не есть конституціонное государство, или вѣрнѣе, никогда не пользовалась его преимуществами,—и это онъ доказалъ съ большою ясностью. Только вслѣдствіе «понуждающихъ обстоятельствъ», прибавляетъ Арвидсонъ, Финляндія получила другой видъ, чѣмъ она собственно должна имѣть.

Знакомя, затѣмъ, своихъ сородичей съ законами 1772 и 1789 г.г., Арвидсонъ находитъ возможнымъ примѣнить къ положенію Финляндіи изъ 57 §§ Формы Правленія 1772 г. всего только одиннадцать параграфовъ.

Брошюра Арвидсона заканчивается заявленіемъ, что господствующему государству нѣтъ основанія бояться національных стремленій финновъ, такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ народа болѣе преданнаго своимъ властямъ, нѣтъ солдатъ болѣе храбрыхъ, чѣмъ финны. Финнамъ онъ завѣщаетъ не унывать, такъ какъ, быть можетъ, настанетъ день, когда возможно будетъ указать на собственную финскую литературу, а черезъ столѣтія—и на независимый финскій народъ. Къ этой цѣли слѣдуетъ идти лишь медленно и мирно, помня девизъ: непоколебимо и бдительно.

Такова въ главныхъ чертахъ полемика 30-хъ и 40-хъ годовъ о политическомъ положеніи Финляндіи.

Высшее начальство обратило вниманіе на полемику. Брошюра «Финляндія и ея будущность» вызвала нѣсколько нервныхъ замѣчаній гр. Ребиндера. По его мнѣнію, брошюра предназначалась для того, чтобы возбудить недовѣріе къ русскому правительству и вызвать старыя симпатіи къ Швеціи. Онъ находилъ, что брошюра ловко написана; въ ней не было ни скандаловъ, ни личностей; наоборотъ, ея тонъ умѣренный, но намеки коварны и ложь грубая. «Если наши недоброжелатели могутъ безнаказанно печатать въ Швеціи все, что имъ взбредетъ на умъ, то мы будемъ имѣть у себя всю шведскую прессу, такъ какъ воспрепятствовать ввозу заграничныхъ книгъ почти невозможно». Желая узнать автора, гр. Ребиндеръ проситъ кн. Меншикова переговорить съ гр. Нессельроде, дабы приказано было нашей миссіи въ Стокгольмѣ принять мѣры къ установленію имени составителя. Какъ *corpus delicti* прилагалась брошюра (3 дек. 1838 г.). Кн. Меншиковъ желаніе графа исполнилъ.

Князь А. С. Меншиковъ спрашиваетъ Л. Г. Гартмана (16—28 февр. 1839 г.): «Кажется, брошюра «Finland och dess framtid» напумѣла въ Великомъ Княжествѣ и *magistre* Арвидсонъ посылаетъ ее въ Финляндію. Что вамъ объ этомъ извѣстно?»

Ничего опредѣленнаго Л. Гартману не удалось узнать о брошюрѣ. Онъ не думаетъ, чтобы ея авторомъ былъ Арвидсонъ; по его мнѣнію—«это произведеніе шведской пропаганды; секретовъ оно не открываетъ... Я замѣтилъ, что направленіе брошюры не понравилось. Въ провинціи она почти неизвѣстна. Нѣкоторые экземпляры ея попали сюда изъ нашей столицы... На счетъ общественнаго мнѣнія я спокоенъ, но съ грустью вижу, что не обладаю нужными средствами для наблюденія за пропагандой и для ея преслѣдованія. Мнѣ придется прибѣгнуть къ заступничеству вашей свѣтлости по этому предмету» (15—27 марта 1839 г.).

Вскорѣ Л. Гартманъ узналъ, что авторомъ брошюры (*Finland och dess framtid*) былъ дѣйствительно Арвидсонъ. «Этотъ безпечный господинъ только что издалъ «Національный календарь Финляндіи за 1840 г.» (*Finsk national Kalender 1840*). Это совершенно невинное произведеніе (15 іюля 1839 г.). Я надѣюсь, что у этого господина нѣтъ сношеній съ нашей страной. Но не скрою, что сплетни доставляютъ ему матеріалъ, который лучше было бы не разоблачать»... Далѣе Л. Гартманъ сообщаетъ, что онъ слѣдитъ за газетами Швеціи.

Арвидсонъ двадцать лѣтъ упорно скрывался за псевдонимами, предоставляя желающимъ отгадывать автора. Но теперь уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Пекка и Олли—одно и то же лицо. Секретъ Арвидсона открыли: съ одной стороны Ранкенъ, съ которымъ онъ переписывался, съ другой—сынъ Арвидсона, удостовѣрившій, что его отецъ, составляя перечень своихъ трудовъ, внесъ въ него и брошюру Олли Кекелейненъ ⁶⁶¹⁾.

Интересныя свѣдѣнія объ этой полемикѣ мы находимъ въ воспоминаніяхъ публициста Авг. Шаумана. Онъ указываетъ, что брошюра Изр. Вассера не встрѣтила въ Финляндіи особенно горячаго приѣма, и только 20 лѣтъ спустя его мысли стали почти общепризнанными (?). «Но тогда еще финляндское общество не было воспріимчиво къ такому пониманію дѣла; тогда, безъ сомнѣнія, усматривали въ Вассерѣ много сумасброднаго и мечтательнаго».

Разочарованіе постигло прежде всего самого Вассера. Въ письмѣ (7 сент. 1839) къ проф. Ильмони онъ признается, что совершенно ошибся въ расчетѣ на вкусы финскаго читателя. «Я, конечно, зналъ, что въ общемъ финны не имѣютъ никакого политическаго возрѣнія,—но, что сочиненіе, которое впервые открыто говоритъ о финнахъ, какъ о націи, съ своеобразнымъ назначеніемъ и гаран-

тированнымъ политическимъ бытіемъ, не возбуждаетъ въ нихъ другихъ чувствъ, кромѣ раздраженія—было для меня такимъ признакомъ нелѣпости воззрѣнія, что я точно съ облаковъ упалъ».

И дѣйствительно, нѣкоторые въ Финляндіи опредѣленно высказались не въ пользу политическихъ фантазій Вассера и Арвидсона. Строго консервативный Александръ Бломквистъ пишетъ (17 окт. 1840 г.) академику Ф. А. Шегрену: «Я, право, думалъ, что онъ (Арвидсонъ) будетъ менѣе фантастиченъ, но теперь убѣдился въ противоположномъ, и мнѣ это больно, потому что я искренно любилъ его. Такая фенноманія—есть безуміе, когда прежде всего не думаютъ о томъ, что нужно для спокойствія Финляндіи. *Fiat justitia et pereat mundus* звучитъ весьма хорошо, но вѣдь и нѣтъ никакой надобности въ *justitia*, если не имѣется *mundus*'а, и легко можетъ случиться, что *summum jus* обратится въ *summum injuria*.—Теперь мы счастливы, пока насъ не замѣчаютъ, и къ чему послужить намъ такая честь, которая причинить намъ одно безпокойство».

17 іюля 1841 г. Бломквистъ сообщалъ Шегрену: Брошюра «*Finlands författning*», которая желаетъ примирить спорныя воззрѣнія Вассера и Пекка Куохаринена, повидимому, старается быть совершенно безобидной; но я опасаясь, что она можетъ причинить много зла, говоря, что получена изъ Финляндіи. Храни насъ Богъ отъ такихъ друзей. Мы можемъ быть довольны тѣмъ, что имѣемъ; не понимаю, что мы бы выиграли, если бы и у насъ ввели конституціонный шумъ, который теперь свирѣпствуетъ въ Швеціи. Одна, другая буйная голова въ этомъ, пожалуй, найдетъ удовольствіе своему тщеславію....⁶⁶²).

Въ концѣ 1842 г. Бломквисту пришлось еще разъ вернуться къ Арвидсонъ-Вассерской полемикѣ и онъ повторяетъ старую свою мысль. «Наше положеніе во всякомъ случаѣ затруднительно, а могло бы быть очень хорошо, если бы насъ только оставляли въ покоѣ.—Должно быть недостатокъ въ политическихъ темахъ болѣе важнаго значенія вліяетъ на то, что такъ усердно начали выдвигать Финляндію. Впрочемъ, мнѣ думается, что дѣло тутъ не обходится безъ Арвидсона».

Споръ между Вассеромъ и Арвидсономъ обсуждался еще въ брошюрѣ, которая въ 1842 г. появилась въ Стокгольмѣ, подъ названіемъ: «Нѣчто о Финляндіи» («*Ett och annat om Finland*»). Ея авторъ финнъ—С. v. Burghausen (или Пааво Суомалайненъ)—ста-

Рисовать Сьериковъ.

Таллиннъ 1843 г.

новится на сторонѣ Арвидсона-Куохаринена. «Неоспоримо, что Вассеру принадлежитъ заслуга поднятія этого вопроса, но не болѣе, потому что его сочиненія ни что иное, какъ nonsens и разоблачаютъ такое глубокое незнаніе предмета, который онъ обсуждаетъ, что невозможно было ожидать чего-либо подобнаго отъ человѣка, который долгое время пребывалъ въ Финляндіи. . . . Его фантастическія мечты о «сепаратномъ мирѣ» между Финляндіей и Россіей и о Финляндіи, какъ о «государствѣ, сама по себѣ съ представительнымъ государственнымъ строемъ», уже задолго передъ этимъ оцѣнены по заслугамъ и обратились въ дымъ, когда Пекка Куохариненъ перемалываетъ ихъ между жерновомъ истины и здраваго смысла». Пааво Суомалайненъ считаетъ также, что данное Финляндіи обязательство справедливо можно назвать политическимъ парадомъ, такъ какъ никогда не былъ поднятъ вопросъ о приведеніи его въ исполненіе ни тѣми, кому оно было дано, ни тѣмъ, кто его далъ; такое обязательство есть политическое глумленіе⁶⁶³).

Воззрѣнія А. І. Арвидсона на политическое положеніе Финляндіи были ранѣе извѣстны. Съ января по сентябрь 1821 года онъ издавалъ «Абоскій Утренній Листокъ», и тамъ, за 17 лѣтъ до разсматриваемой полемики, высказался весьма опредѣленно. Въ № 2 названной газеты онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Болѣе 10 лѣтъ тому назадъ наша родина была соединена съ могущественнымъ Русскимъ государствомъ, и въ то время, когда мы не безъ тревоги ожидали послѣдствій такой перемѣны, благороднѣйшій Монархъ, подобно ангелу мира, изливалъ на своихъ новыхъ финскихъ подданныхъ блаженство и счастье. Далеко нерасположенный смотрѣть на насъ, какъ на покоренный народъ, онъ даровалъ намъ конституцію, которой недостаетъ многимъ странамъ. Онъ объявилъ, что Финляндія перестала быть провинціей, что, напротивъ, она должна управлять сама собой, подъ его могучимъ скипетромъ. Такимъ образомъ, прежнее общественное устройство было измѣнено и настали новыя времена и новыя отношенія. Когда Финляндія получила конституцію и должна была управляться сама, создавать себѣ законы и осуществлять ихъ, тогда познанія обыкновенныхъ чиновниковъ оказались недостаточными: должны были появиться государственные люди, потребовались глубокія воззрѣнія на всѣ отношенія правительства и государства»... Слѣдовательно, Арвидсонъ со своими взглядами опередилъ Вассера и во всякомъ случаѣ былъ его единомышленникомъ. Казалось бы есте-

ственнымъ, что появленіе брошюры Вассера онъ долженъ былъ привѣтствовать съ радостью, протянуть Вассеру дружественно руку, поддержать, если не прославлять его; между тѣмъ онъ, подъ маской Пекка, набрасывается на него и при томъ съ такою силою, что до основанія разрушаетъ всю теоретическую его постройку финляндскаго государства. Не будучи достаточно увѣренъ въ силѣ своей первой аргументаціи, онъ подкрѣпляетъ его новыми данными и послѣдовательно издаетъ свою брошюру три раза!

Итакъ Пекка (Арвидсонъ)—финляндецъ и интеллигентный писатель—въ трехъ изданіяхъ своей брошюры долго и настойчиво доказывалъ, что Финляндія на сеймѣ въ Борго была превращена изъ шведской въ русскую провинцію, что сеймъ этотъ дѣйствовалъ не какъ законодательное, а совѣщательное учрежденіе, и что вообще во всей исторіи края нѣтъ никакихъ признаковъ «конституціоннаго государства». Оказывается, что все это была одна только комедія. Но если это комедія, то для чего она была разыграна? Отвѣтъ на это даетъ самъ Арвидсонъ въ письмахъ къ своему другу Ранкену ⁶⁶⁴).

«Читаль-ли ты,—спрашиваетъ онъ друга (22 окт. 1839 г.)—книгу Вассера «О союзномъ трактатѣ». Она одна изъ нелѣпѣйшихъ поэтическихъ фантазій въ политикѣ, какую только можно себѣ представить» (en af de befängdaste poetiska fantasier). Итакъ, даже въ концѣ 1839 г., Арвидсонъ въ интимномъ письмѣ къ пріятелю все еще продолжаетъ признавать мысли Вассера «фантазіей». «Я опасаюсь,—читаемъ далѣе въ письмѣ Арвидсона,—что долженъ буду выступить. Aber detta (это) unter uns».—Когда Пекка Куохариненъ выступилъ и обошелъ часть Финляндіи, то Арвидсону показалось, что брошюра разбудила край, подобно тому, какъ выстрѣлы охотника поднимаютъ медвѣдя.—Вассеръ далъ мнѣ поводъ высказать мои политическія воззрѣнія о будущности, воззрѣнія, кои, я надѣюсь, кое-кого разбудятъ».

Но и письма Арвидсона не даютъ сначала возможности ясно проникнуть въ его хитрый маневръ. Получается неопредѣленное впечатлѣніе и чувствуется разладъ между нѣкоторыми положеніями брошюры (Пекка) и заявленіями въ письмахъ. Арвидсонъ, видимо, не вполне уянилъ себѣ ни цѣли своего выступления, ни путей къ ся достиженію, такъ какъ онъ признаетъ, что Пекка высказалъ его собственное воззрѣніе. (Но вѣдь самъ Арвидсонъ Финляндію не признавалъ провинціей?). Далѣе Арвидсонъ, путаясь и противо-

рѣча себѣ, писалъ: «Я не полагалъ, что брошюра вызоветъ къ себѣ особое вниманіе», такъ какъ она написана спокойно. (А для цѣли Арвидсона необходимо было вызвать «особое» вниманіе).—«Я хочу разбудить спящаго медвѣдя и заставить его ворчать». (Разбудить спокойной-то брошюрой?). «Я полагаю, что начинаютъ думать о томъ, что обѣщанія (государей) соблюдаются не особенно свято, и вмѣстѣ съ тѣмъ (полагаю), что постепенно можно бы сдѣлаться народомъ и не всегда оставаться лишь провинціей. (Такое признаніе Арвидсона также заслуживаетъ быть особо отмѣченнымъ). Это, несомнѣнно, заслуга, которую надо приписать фантазіямъ Вассера»...

Эта фантазія, пишетъ Арвидсонъ, родила у меня новый планъ: придется выступить Олли Кекелейнену (съ брошюрой): «Нынѣшнее государственное положеніе Финляндіи» которая явится попыткой примирить разныя воззрѣнія Вассера и Пекки Куохаринена. Предполагается показать, какъ должно было - бы обстоять дѣло. — Надо нанести ему (Пеккѣ) нѣсколько ударовъ, призвать финновъ къ законному послушанію и вѣрности, но одновременно разбудить ихъ и заставить подумать о самихъ себѣ и намекнуть, чтобы они подготовились и воспитали себя къ тому, что можетъ наступить (произойти).... Все надо изложить очень легкой рукой и обойти всѣ щекотливыя мѣста, крадучись съ осторожностью кошки или лисицы» (8 сент. н. ст. 1840 г.).

А. І. Арвидсонъ.

«Я себѣ представлялъ,—признается въ дальнѣйшихъ письмахъ къ другу А. Арвидсонъ,—что бои Вассера разбудили финновъ къ политическому самосознанію, что они начали думать о себѣ, какъ о народѣ in futuro... Чтобы укрѣпить ихъ въ ихъ вѣрѣ, я счелъ полезной одну искру» (Кеккеле—означаетъ пожаръ, искра).

Все это показываетъ, что Арвидсонъ къ чему то шелъ, что-то желалъ сдѣлать, но пока ходилъ вокругъ да около. Рождается предположеніе, которое мы выразили бы такъ: пылкій Арвидсонъ, досадуя, что хотя и небольшіе лавры достались Вассеру, безъ труда разрушилъ его политическое построеніе. Но замѣтивъ, что финны недовольны его выпадами, задумалъ сгладить первое впечатлѣніе и исподволь придумалъ для себя выходъ.

Всѣ дальнѣйшіе его шаги пріобрѣтають бѣльшую опредѣленность: и видно, что онъ вышелъ на путь, ведшій къ цѣли. Онъ и самъ въ этомъ косвенно сознается: «Планъ старъ и развивался незамѣтно, подъ моими наблюденіями во время спора, почему особенно радуюсь второй брошюрѣ Вассера. Прежде всего надо разрушить его односторонность (*ensidighet*), и надо воспользоваться случаемъ, чтобы, въ видѣ доказательствъ противъ него, показать, какъ власти до сихъ поръ поступали. Затѣмъ настало время показать, какъ онѣ должны были дѣйствовать, или какими правами финны обладаютъ, правда, только на бумагѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя вѣрные документы» (20 ноября н. ст. 1840 г.).

Въ это время подоспѣли нѣкоторыя обстоятельства, которыя побудили Арвидсона удвоить свое рвеніе. Во-первыхъ, надзоръ за его брошюрами оказался настолько бдительнымъ, что ихъ пришлось изъ Финляндіи возвращать въ Стокгольмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ письмо Ранкена показало, что въ Финляндіи «не только пламя погасло, но даже пепелъ потухъ». Наконецъ, Арвидсонъ ознакомился съ новымъ положеніемъ о финляндскихъ школахъ и пришелъ къ заключенію, что «большой драконъ (Россія) все проглатываетъ вѣрными и рассчитанными своими средствами». Арвидсонъ же, по его собственному признанію, какъ финнъ, былъ упрямъ. Въ виду всего этого «развѣ не важно,—спрашиваетъ онъ друга-корреспондента,—чтобы иногда исподтишка произносилось своевременное слово. Пусть его высказываютъ хотя бы Куохариненъ или Кекелейненъ» (6 сент. 1741 г.).

И Арвидсонъ задумалъ для нихъ два новыхъ выступленія, но уже за границей, въ нѣмецкомъ и англійскомъ облаченіи.—Его послѣдняя брошюра была переведена на нѣмецкій и англійскій языки. Въ Германіи она была принята не совсѣмъ благосклонно, такъ какъ лейпцигская цензура приложила къ ней свою руку (*dass die Censur gestrichen hatte*) и вычеркнула все, что въ ней говорилось о царскихъ обѣщаніяхъ. Тѣмъ не менѣе брошюра

появилась въ Германіи и періодическая ея печать заговорила о вопросѣ. Англичанинъ Хеннигсенъ, составляя книгу о Россіи, ввелъ въ нее брошюру Олли Кекелейнена. «Такимъ образомъ,—радовался Арвидсонъ, толки умножаются и они прозвучать болѣе по европейски». «Надо стараться сдѣлать вопросъ европейскимъ». Полемикѣ о книгѣ Вассера, кромѣ того, была посвящена особая книга въ Англіи.

«Черезъ нѣсколько лѣтъ, если будемъ живы,—прибавлялъ Арвидсонъ,—надо выслать новаго проповѣдника» (25 авг. 1842 г.)⁶⁶⁵.

Въ 1842 г. Арвидсонъ уже ликуетъ по поводу хитро задуманной имъ кампаніи. Въ письмѣ (24 авг. 1842 г.) къ Ильмони онъ пишетъ: «Изъ разговора объ Вассерѣ ты находишь, что я никогда ничего дурного не питалъ къ нему. Онъ работалъ мнѣ въ руки для моей болѣе возвышенной цѣли, чѣмъ нашихъ личностей, и если я не вполнѣ ошибаюсь, то именно онъ, во время борьбы, былъ въ затруднительномъ положеніи. Такимъ образомъ никто другой охотнѣе меня не протянулъ бы ему руку, не для примиренія, потому что съ моей стороны никогда не было недружелюбія,—но для näheren Verständniss; но совершенно невозможно, чтобъ это исходило отъ меня безъ того, чтобъ не оскорбить его. Я вѣдь не могу поступить иначе, какъ рассказать обо всемъ обстоятельствѣ, какъ я это и сдѣлалъ тебѣ, и это было бы то же самое, что сказать ему: «я употребилъ тебя, любезный Вассеръ, для своей цѣли, я кололъ тебя булавками, чтобъ ты показалъ зубы, ты попалъ въ западню, какъ въ жмуркахъ, и я бичевалъ тебя, я поставилъ тебя передъ собой, какъ болвана, для того, чтобъ мнѣ возможно было работать для иной высшей цѣли, въ то время, когда занимались прицѣпливаніемъ въ тебя. Такимъ образомъ ты былъ игрушкой для моей большой хитрости, и въ то время, какъ ты ринулся впередъ, чтобъ рогами дать смертный ударъ и держа хвостъ къ верху, я наносилъ тебѣ раны маленькими копьями, чтобъ раздражить тебя для новыхъ скачковъ, и такимъ образомъ большой ресус забавлялъ зрителей, въ то время какъ я могъ шепнуть болѣе умнымъ, для какой цѣли происходитъ борьба..... Но такъ какъ онъ дѣйствительно имѣетъ глубоко геніальную голову, то онъ и понимаетъ этотъ забавный сепаратный миръ, какъ раціональный или философскій исходный пунктъ. Такой миръ не могъ быть заключенъ безъ независимаго государства; изъ этого родилось «государство само по себѣ». Оно же не могло здѣсь существо-

вать безъ «представительнаго государственнаго учрежденія», и оно должно было имѣть основу, и теперь ему пришла несчастная мысль въ голову объ «обѣщаніи» и «надеждѣ». Онъ гениальный человѣкъ; но не ясенъ и не діалектиченъ, или же онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобъ вообразить, что онъ въ состояніи низвергнуть своего ненавистнаго противника нѣсколькими угрожающими словами. Я полагаю это тѣмъ болѣе, что ты изъ всего моего представленія видишь, что я думаю, что онъ одержимъ хорошей порціей гордости. И никогда не повѣрю, что любовь къ Финляндіи руководила имъ во время борьбы, а болѣе или менѣе безсознательное стремленіе казаться гениальнымъ. Если бы первое было его руководящею звѣздой, то онъ при этомъ дѣйствовалъ бы болѣе мутно и неясно, чѣмъ это случается съ гениальными людьми, даже тогда, когда въ нихъ, въ нѣкоторой степени, отсутствуетъ регулирующий разумъ. А о немъ мнѣ этого не хочется думать. Мнѣ лучше представляется, что ему самому не было ясно, чего онъ желалъ своими воззрѣніями о Финляндіи, онъ оплачивалъ свое самолюбіе наслажденіемъ своею гениальностью, такъ что онъ въ это время впадалъ въ божественное *Selbstanschauung* подобно Брамъ, и забывалъ дѣйствительный міръ вокругъ себя» ⁶⁶⁶).

Озлобленіе къ русскимъ увеличилось, благодаря стараніямъ тѣхъ друзей, которыхъ удалось пріобрѣсти Арвидсону на Западѣ. Первые результаты накопившагося нерасположенія къ Россіи вылились въ книгѣ англичанина «*Revelations of Russia*» (1844 г.), которая усердіемъ Адольфа Хеллера (Heller, Adolph) была переведена на нѣмецкій языкъ «*Das enthülte Russland oder Kaiser Nicolaus und sein Reich*» и издана въ 1845 г. Девятая глава второй части этой книги названа «*Finland und die skandinavischen Reiche in Verhältniss zu Russland*».

Авторъ-англичанинъ начинаетъ съ флота и указываетъ, что «если бы не проникающая всюду продажность и взяточничество не ослабили всякую энергію», то Россія могла бы опереться на надежду вооруженія флота финскими подданными. Они—единственная настоящая порода морскихъ людей; изъ нихъ можно было бы образовать 20 тыс. матросовъ... Но, къ удовольствію автора, дѣло обстоитъ иначе, и Россіи можетъ угрожать большая опасность со стороны Швеціи и Финляндіи. «Объ эти страны во всякое время готовы сдѣлаться полезнымъ орудіемъ въ рукахъ Англіи». Въ груди cadaго человѣка конституціонной Швеціи пылаетъ нена-

висть къ Россіи и желаніе ея уничтоженія. Что же касается Финляндіи, то она, какъ провинція, растилалощаяся у самыхъ воротъ Петербурга, заслуживаетъ особаго вниманія (англичанъ) въ виду того, что ея населеніе «антирусское». Финляндія была насильственно оторгнута отъ возлюбленной ею материнской земли, и она всѣмъ сердцемъ осталась ей преданной, осталась ея дѣтищемъ. Походы Густава Адольфа показали, что финскіе полки были самыми преданными его войсками. Финляндія съ искреннимъ уваженіемъ и любовью относится къ шведскому имени, къ шведскимъ нравамъ и учрежденіямъ. Шведская исторія живетъ въ памяти финновъ, какъ ихъ собственное прошлое. Съ дѣтства взоры ихъ обращены къ Швеціи, какъ къ обѣтованной землѣ. Ненависть финляндцевъ къ Россіи происходитъ не отъ жестокаго обращенія ея правительства—такъ какъ послѣднее пыталось ласкою расположить къ себѣ населеніе—а отъ прежней шведской зависимости, отъ прежняго гнѣва на москвитянъ.

Николай I, по своемъ вступленіи на престолъ, недолго соблюдалъ мягкую политику по отношенію къ Финляндіи. Онъ желалъ привлечь къ себѣ лишь служилыхъ дворянъ. Но затѣмъ, «напуганный настроеніемъ въ Швеціи», готовъ былъ содѣйствовать старо-финскому патріотизму, считая его менѣе опаснымъ. Онъ горячо поддерживалъ труды по финскому языку и народной поэзіи. Все это дѣлалось въ надеждѣ ослабить связь края со Швеціей.

Послѣ русскаго завоеванія Финляндія сдѣлалась счастливѣйшей страной: торговля ея поднялась, города расширились, воздѣлываніе земли улучшилось. «Теперь (при Николаѣ I), видимо наступаютъ страданія Финляндіи; пошпины значительно повышены, насильственно заставляютъ изучать русскій языкъ, полицейская тиранія растетъ съ каждымъ днемъ, свобода слова воспрещена, печать обречена на молчаніе. Какимъ бы ни казался искуснымъ политикомъ Николай I, но неспокойная его душа уничтожила плоды прежней государственной мудрости»; ошибочный шагъ былъ допущенъ, и расположеніе народа утрачено. Населеніе охвачено прежнимъ страхомъ, который, благодаря тридцатилѣтнему осторожному обращенію, былъ забытъ по отношенію къ завоевателю.

Финскій народъ слабъ, чтобъ оказать сопротивленіе нынѣшней тираніи Россіи. «Но, когда возгорится война—вся страна возстанетъ. Иноземная морская сила могла бы помочь настроенію провинціи и раненому національному чувству Швеціи, такъ какъ

похищеніе Финляндіи все еще не забыто». Превосходная морская сила, высаженная на берег Финляндіи, въ состояніи поддержать «возвратное ея завоеваніе». Для такой цѣли навѣрное возстанетъ населеніе. Желая вырваться изъ подъ иноземнаго ига, населеніе предоставитъ всѣ свои средства въ распоряженіе силъ, направленныхъ противъ Россіи. Лютеранское духовенство поддержитъ успѣхъ возстанія.

Итакъ,—заключаетъ авторъ-англичанинъ,—Финляндія, которая могла бы быть сильной рукой Россіи, незамѣнима, какъ береговая страна, если Англія желаетъ опереться на нее во время войны. Финляндія можетъ сдѣлаться «гноимой раной» Россіи. На сѣверѣ она станетъ такимъ же колючимъ шипомъ, какъ Польша на западѣ, а Кавказъ на югѣ.

Пока Финляндіей правили мягко и снисходительно, она не особенно ощущала упраздненія у нея представительнаго образа правленія. Но въ новое царствованіе она почувствовала эту несправедливость и такъ какъ, при бдительной полиціи, жаловаться опасно, то она плачетъ втихомолку о вѣроломно отнятыхъ у нея правахъ.

Далѣе рассказана исторія финляндскаго изгнанника (Арвидсона) и его борьба за конституціонныя начала своей родины. «Его брошюра тѣмъ замѣчательна, прибавляетъ авторъ, что цензура запретила ея изданіе въ Пруссіи... Этотъ случай показываетъ вліяніе петербургскаго двора на берлинскій кабинетъ».

Въ заключеніе авторъ вновь повторяетъ, что Англіи слѣдуетъ воспользоваться настроеніемъ въ Финляндіи и ненавистью Швеціи къ Россіи... «Если нѣсколько британскихъ эскадръ придутъ на помощь Швеціи, Финляндія возстанетъ, какъ одинъ человѣкъ»⁸⁶⁷).

Неизвѣстно, сообщалъ ли Арвидсонъ какія-либо свѣдѣнія о Финляндіи иностраннымъ авторамъ. Одно несомнѣнно, что онъ явился піонеромъ въ рядахъ тѣхъ, впослѣдствіи довольно многочисленныхъ, финляндцевъ, которые полною грудью взывали къ Европѣ, указывая ей на свое угнетенное положеніе подъ русскимъ владычествомъ. Арвидсонъ далъ мысль вынести финляндскій вопросъ на судъ общественнаго мнѣнія Запада.

Въ 1854 г. Англія, какъ извѣстно, выполнила программу ретиваго и воинственнаго своего патріота, однако успѣха не имѣла. Но идея автора книги «Revelations of Russia» продолжаетъ жить среди народовъ Запада, которые часто обращаютъ свои умильные

взоры къ Финляндіи, когда въ груди ихъ клокочетъ ненависть къ Россіи ⁶⁶⁸).

Покончивъ съ Арвидсономъ и послѣдствіями его пропаганды, вернемся къ Вассеру.

Какъ показало время, мысли Вассера и пропаганда Арвидсона упали на плодоносную почву и распустились пышнымъ цвѣтомъ: финляндцы произвели свою родину въ государство сѣвера и Европа нашихъ дней имѣетъ проповѣдниковъ новаго ученія. Финляндцы на Западѣ не разъ высоко поднимали волны непріязни къ Россіи.

Но Вассеръ заслуживаетъ вниманія и въ другомъ отношеніи. Онъ глубоко былъ проникнутъ идеальными началами и стремленіями и при каждомъ удобномъ случаѣ выдвигалъ ихъ передъ своими слушателями, призывая ихъ къ клятвѣ вѣрности всему высокому и святому; и такъ какъ онъ обладалъ значительнымъ краснорѣчіемъ, то его слово не прошло безслѣдно.

Израэль Вассеръ.

Израэль Вассеръ (1790—1860) былъ одновременно врачомъ и философомъ, политикомъ и эстетикомъ. Своими сочиненіями, богатыми идеями, своимъ высокимъ

и идеальнымъ пониманіемъ призванія врача, своею возвышенною и благородной личностью, Вассеръ, какъ въ Финляндіи, такъ и въ Швеціи занялъ выдающееся мѣсто.

31 марта 1817 г. Вассеръ назначенъ былъ профессоромъ медицины при университетѣ въ Або.

Переселеніе изъ Швеціи и необходимость сдѣлаться подданнымъ Русскаго Царя было для него тягостно. И тѣмъ не менѣе, извѣстіе о назначеніи его профессоромъ въ Або было для Вассера самой святой минутой въ его жизни, это былъ солнечный лучъ съ неба, который скоро проникъ въ его душу и распространилъ силу и мужество во все его существо. Онъ понялъ свое финское назначеніе, какъ призваніе Провидѣнія вступить на служеніе культурѣ,

чтобъ въ чужой странѣ, гдѣ медицина находилась въ зачаткѣ, стать во главѣ надзора за ней и вызвать къ ней любовь и уваженіе молодежи.

Въ 1817 г. Вассеръ переселился съ молодой женой въ Финляндію. Оба были неопытны въ житейскихъ дѣлахъ. Они были бѣдны, у него были только долги, да нѣсколько старыхъ рукописей.

Когда университетъ перенесенъ былъ въ Гельсингфорсъ, то и Вассеру пришлось покинуть Або.

Свою первую публичную лекцію въ Гельсингфорсѣ, въ осенній семестръ 1828 г., Вассеръ началъ вступительной рѣчью, въ которой представилъ, какъ народъ Финляндіи, вслѣдствіе пожара Або, поставленъ на перекресткѣ и что отъ силы и благородства подрастающихъ гражданъ зависитъ возможность продолжать слѣдовать по тому пути, который ведетъ къ добру, къ облагораживанію, порядку и спокойствію. Онъ прославлялъ юность, какъ цвѣтъ жизни и какъ главнѣйшій органъ силы развитія общества, научное изслѣдованіе, какъ облагораживающую силу общества. Онъ предостерегалъ отъ гордости, могущественнаго демона вѣка, имѣвшей способность превращать плоды древа познанія въ ядовитыя разрушающія силы, и напоминалъ, что только любовь къ истинѣ давала возможность преуспѣвать въ научномъ изслѣдованіи.

Уже во время своего пребыванія въ Финляндіи, Вассеръ укоренился въ убѣжденіи, что назначеніе Швеціи было стать культурной страной Сѣвера, центральнымъ органомъ свободного и высшагося образованія.

9 декабря 1829 г. Вассеръ прощался со своими учениками въ Гельсингфорсѣ слѣдующими словами: «Могучи тѣ узы, которыми материнская природа привязываетъ сердце человѣка къ землѣ отцовъ, къ воспоминаніямъ о нихъ, къ продолжающейся чрезъ всѣ времена цѣпи общихъ трудовъ. Внѣшній духъ космополита, замѣняющій мѣсто умерщвленнаго патріотическаго чувства, есть истинно лицемѣрный эгоизмъ, который, парализуя внутреннія силы мужественнаго чувства, обращаетъ свое обожаніе на внѣшнія обстоятельства и искушенія жизни. Поэтому я теперь слѣдую материнскому призыву моей родины, который, живя въ моей душѣ, никогда не умолкалъ, но, напротивъ, возросъ до необоримаго требованія, исполненіе коего составляетъ необходимое условіе прочности моего душевнаго, а быть можетъ, и физическаго здоровья.

Дружба, которая соединила насъ съ вами, для вѣчнаго братскаго союза, коренится, какъ я надѣюсь, не во внѣшнихъ взаимныхъ отношеніяхъ, которыя съ этого дня прерываются, а въ продолжающейся общей любви къ божественному, живому, къ истинѣ и справедливости. Поэтому, да будетъ эта минута для насъ священной, какъ минута не только глубокой скорби, но и надежды на общій союзъ, для рвенія на служеніе добру. Какъ старшій изъ васъ, я обѣщаю—и это обѣщаніе касается всѣхъ насъ—быть вѣрнымъ святому дѣлу до конца жизни, быть готовымъ страдать и бороться за господство вѣчнаго на землѣ: никогда не почитать унижительныя, отверженныя отъ Бога, силы лжи, суеты и эгоизма; и обѣщаю быть послушнымъ заповѣдямъ Всевышняго, буду чтить Божественное во всѣхъ формахъ эволюціи, въ оздоровленіи и молодости, въ наукѣ, искусствѣ и обществѣ, во время странствованія по мрачной и страшной долигѣ, гдѣ холодные туманы смерти и безчисленные ручьи слезъ рыданій уничтожаютъ всѣ тлѣнные цвѣтки минутной человѣческой радости, уповая на Бога, поддерживать въ моемъ сердцѣ побѣдную силу любви надъ брэнностью.

4 мая 1830 г. устроили проводы Вассеру, о которыхъ одинъ изъ его друзей, I. Г. Линсѣнъ, писалъ Ильмони: «Нѣсколько друзей убѣждающаго—къ сожалѣнію меньшинство изъ университета—сговорилось передать ему въ знакъ памяти, уваженія и преданности серебряную вазу, съ подходящими эмблемами и надписями. Ее передали ему на обѣдѣ».

«При этомъ случаѣ Вассеръ говорилъ истинно вдохновенно. Каждое его слово свидѣтельствовало поражающимъ образомъ, какъ велика для насъ потеря. Въ этомъ убѣждались съ самой потрясающей очевидностью. Если наша будущность когда-либо казалась темной, то именно въ эту минуту. Несмотря на свѣтлыя надежды, которыя онъ старался оживить, ясно, однако, видно было, какъ слабо онъ внутри себя находилъ опору для этого».

17 сентября 1830 г. Вассеръ назначенъ былъ профессоромъ въ Упсалѣ.

Надо полагать, что уже въ бытность его въ Або, Вассеру приходила мысль о культурно-историческомъ значеніи Финляндіи, въ качествѣ посредницы между Россіей и западно-европейской цивилизаціей. Въ этомъ отношеніи онъ придавалъ большое значеніе финляндскому университету и считалъ, что особенно финскимъ врачамъ предстоитъ выполнить великую миссію.

*

Съ переѣздомъ-же въ Швецію, онъ особенно усиленно занялся пропагандой будущаго мірового положенія Финляндіи. Такъ озаглавлена одна его статья, сохраняющаяся въ собраніи рукописей Упсальскаго университета ⁶⁶⁹).

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на медицину. Я надѣялся имѣть успѣхъ,—пишетъ Вассеръ,—сдѣлать медицинскій факультетъ въ Гельсингфорсѣ главнымъ медицинскимъ воспитательнымъ заведеніемъ въ обширной Россійской Имперіи. Усердіе Вассера поднять культуру Финляндіи, особенно ея медицинское преподаваніе, видно изъ его письма къ министру статсъ-секретарю, графу Александру Армфельту.

«Финляндія должна довести до совершенства лишь такія науки, которыя могутъ получить практическое значеніе въ Россіи; насколько я понимаю, собственно только медицину и психо-математическія научныя свѣдѣнія».

29 октября 1836 г. Вассеръ вновь возвращается къ важности изученія медицины для культуры Финляндіи. Онъ пишетъ къ Ильмони: «Крѣпко держитесь за изученіе медицины у васъ въ Финляндіи и не падайте духомъ изъ-за малыхъ препятствій. Въ звѣздахъ написано, что главнѣйшія медицинскія школы въ Европѣ будутъ учреждены и расцвѣтать въ Гельсингфорсѣ;—проповѣдуй глупцамъ около себя, особенно высокопоставленнымъ господамъ, что изученіе медицины важно для культуры Финляндіи, ея политическаго положенія и славы—и что они, такимъ образомъ, должны высоко помышлять объ этомъ».

«Финскій народъ единственный представитель истинной европейской цивилизаціи среди финскихъ и славянскихъ народовъ. Хотя и маленькій—этотъ народъ имѣетъ своеобразное и большое значеніе. Вѣроятно нѣтъ другого такого мѣста, гдѣ бы сѣмя европейской цивилизаціи въ чужой странѣ укоренилось столь сильно и глубоко, какъ у этого народа. Финляндія составляетъ живую соединительную точку между европейскимъ государственнымъ союзомъ и концентрической силой Россіи. Посредствомъ Финляндіи будетъ смягчена и примирена рѣзкая и обычно враждебная противоположность между Россійской державой и европейской цивилизаціей».

Возвышеніе Финляндіи, какъ въ области порядка, такъ и въ политическомъ значеніи, зависитъ отъ ея способности развить тѣ личныя образовательныя силы, которыя могутъ сдѣлаться господ-

ствующими и уважаемыми въ великой Имперіи, съ которой Финляндія соединена».

Подобно тому, какъ Вассеръ оцѣнивалъ медицину, онъ рекомендовалъ отнестись къ горному дѣлу, агрономіи и другимъ предметамъ. Онъ находилъ, что для всѣхъ ихъ имѣется общее правило, что только истинное и хорошее образованіе должно составлять главный предметъ вывоза въ Россію. Онъ стоитъ на томъ, что только такимъ образомъ Финляндія достигнетъ значенія, которое обезпечить ея существованіе.

Съ другой стороны, Финляндія должна добиться у Правительства истиннаго уваженія и преданности къ ея законамъ и учрежденіямъ, которые обезпечиваютъ ея дальнѣйшее существованіе.

Есть два простыхъ положенія,—пишетъ Вассеръ своему финляндскому другу (8 сент. 1854 г.),—которыя въ настоящее время требуютъ особенно настойчиваго повторенія; ихъ надо закрѣпить въ памяти финновъ и такимъ образомъ провести въ обще-европейское сознаніе. Одно изъ нихъ то, что Русскій Государь посредствомъ покровительства и попеченія о самостоятельности Финляндіи, ея законахъ и цивилизаціи выступаетъ какъ европейскій Монархъ и какъ такового люди европейскаго духа могутъ его почитать, понять и судить. Посредствомъ Финляндіи Властитель Русской Державы приходитъ въ соприкосновеніе съ европейскимъ цивилизованнымъ процессомъ. Вѣрность Финляндіи Государю въ этотъ моментъ есть высшій триумфъ послѣдняго передъ Европой, и потому эта вѣрность должна проявиться. Другое положеніе состоитъ въ томъ, что Финляндія по своему міровому положенію побуждаетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ европейской культуры и цивилизаціи въ великой Имперіи. Это положеніе,—ясное, глубокое, и вполне пріемлемое—должно особенно въ младшихъ вызывать напряженіе въ образѣ мыслей, которое въ будущемъ должно принести богатые и благородные плоды, а въ правящихъ—оживить болѣе горячую любовь къ истинному интересу культуры, чѣмъ это было до сихъ поръ. Вѣрно и то, что финскій народъ теперь, благодаря своей слабости и шаткости, можетъ испортить всю свою будущность, тогда какъ онъ посредствомъ вѣрности, терпѣнія и силы можетъ сдѣлать ее свѣтлой, веселой и великой ⁶⁷⁰).

Одновременно Вассеръ былъ поклонникомъ Николая I, какъ Государя, вѣрнаго своему призванію: Онъ охранялъ общество и впускалъ уваженіе къ Монарху.

4-го мая 1851 г. Вассеръ пишетъ: Нынѣшній Русскій Царь въ послѣднее время приобрѣлъ большое какъ политическое, такъ и историческое значеніе. Онъ въ большей степени, чѣмъ многіе другіе властители державъ, понялъ свое высокое назначеніе, и въ ужаснѣйшее критическое время цивилизованнаго міра остался ему вѣренъ въ словахъ и мощномъ дѣйствіи.

Развивая свои мысли, Вассеръ продолжалъ: Когда я опять смотрю на человѣческія отношенія нынѣшняго времени и отыскиваю тѣ личныя силы, которыя давали бы какую нибудь надежду, то останавливаюсь больше, чѣмъ на комъ-либо другомъ, на вселяющемъ уваженіе образѣ Императора Николая. Уже раньше я почувствовалъ уваженіе къ нему, но съ 1849 г. оно развилось до совершенной и охватывающей мою душу силы. Онъ стоитъ на высшей точкѣ человѣческой власти, и если вполнѣ уразумѣть его положеніе, то я сомнѣваюсь, можно ли найти въ исторіи какое-либо лицо, которое стояло столь-же высоко, какъ онъ. Выступленіе Николая было до того великодушно, величаво и важно для исторіи Европы, что нельзя мыслить о немъ иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ и искренней признательностью. Современники встрѣтили его помощь весьма неблагодарно, но потомство, надѣюсь, сумѣетъ оцѣнить его. Въ это время для меня стало ясно представленіе о Россіи и о назначеніи ея Монарха, о цѣли, предназначенной ей Провидѣнія въ планѣ святого мірового порядка. Россійскій Императоръ есть посредникъ между двумя мірами ⁶⁷¹).

Изъ письма Вассера къ Ильмони отъ 17 іюня 1854 г. позаимствуемъ еще слѣдующее: Россія и ея Государь съ давнихъ поръ, какъ и теперь, считались главнѣйшими прототипами рабства и деспотизма. Это чрезвычайно ложный и несправедливый предразсудокъ. Монархизмъ въ Россіи, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ онъ долженъ быть по понятіямъ европейской цивилизаціи. Но такимъ онъ долженъ быть относительно собственно Русскаго государства, по крайней мѣрѣ при теперешнемъ его развитіи. И несмотря на это, Русскій Царь всетаки не деспотъ. Противъ абсолютнаго самовластія и въ самой Россіи существуютъ могучія реакціонныя силы, которыя Государь уважаетъ и долженъ уважать. Лишь въ одной изъ подчиненныхъ Россіи странъ существуетъ европейская цивилизація съ соотвѣтствующимъ ей гражданскимъ учрежденіемъ, и эта страна—Финляндія. Такимъ образомъ, управляя симъ народомъ, Царь выступилъ, въ строгомъ смыслѣ слова, европейскимъ монар-

хомъ и вслѣдствіе этого финскому народу надлежитъ передъ всѣми другими справедливо и правдиво засвидѣтельствовать, насколько онъ, въ качествѣ Монарха, исполнялъ призваніе блюстителя. Теперь опять настало время засвидѣтельствовать это, не только на словахъ, потому что они часто лишь пустыя сказки, но и въ дѣйствительности и въ дѣлахъ. Именно въ эту минуту Финляндія имѣетъ дѣйствительное европейское значеніе и можетъ выступить и сама сдѣлать что-нибудь существенное для своей славы и будущности. Съ одной стороны она можетъ доказать своему Государю, — къ чести ея національности, своего государственнаго устройства и своей цивилизаціи, — что ея образы мыслей здравы, благородны и неизмѣнны, и показать Европѣ, что Царь, хотя его государство имѣетъ азіатскій характеръ, все-таки возлюбилъ европейскую цивилизацію и можетъ въ своей правительственной дѣятельности развить терпѣніе и снисходительность, которыя свойственны попечительному долгу европейскаго монарха. Конечно, положеніе Финляндіи въ настоящую минуту трудное и опасное и потребуетъ, пожалуй, большихъ или меньшихъ личныхъ жертвъ, но лишь благодаря этому тяжелому испытанію она выдвигается. Если ея народъ, — что я надѣюсь, — выдержитъ испытаніе, тогда онъ, какъ въ глазахъ Царя, такъ и въ глазахъ всего свѣта, станетъ настоящимъ драгоценнымъ камнемъ въ Его коронѣ, и съ болѣе вѣрной и радостной надеждой, чѣмъ прежде, будетъ взирать на свое будущее. Но мало того. Послѣ этого финскій народъ долженъ яснѣе и глубже сознать свое міровое положеніе и свое назначеніе, и понять, что онъ, какъ это многимъ представляется, не составляетъ лишь небольшое общество, работающее исключительно ради собственнаго блага въ уголку Сѣвера, а, напротивъ, можетъ сдѣлаться могучимъ органомъ развитія истинной и благородной культурной силы, которая черезъ свое своеобразное отношеніе къ Россіи и славянскому племени можетъ получить богатѣйшее значеніе.

Восторгаясь Николаемъ, Вассеръ говоритъ: Какъ ни странно людямъ предубѣжденнымъ слышать, однако Русскій Императоръ является теперь защитникомъ европейской цивилизаціи, и тѣ, которые во имя послѣдней нападаютъ на него — его дѣйствительные враги.

Я нахожу, — говоритъ Вассеръ, — что русская власть, когда она управляетъ мудро, есть могущественнѣйшій органъ для предуготовленія спокойствія въ будущемъ. Но, чтобы русской власти имѣть

это благотворительное значеніе, требуется, чтобы обладающій ею былъ достаточно мудръ и вполне понялъ свое назначеніе ⁶⁷²).

Въ концѣ своего длиннаго письма Вассеръ снова подымаетъ вопросъ о значеніи Финляндіи. «Размышляя истинно безпристрастно, видишь, что Финляндія составляетъ гораздо значительнѣйшій пунктъ въ европейскомъ государственномъ союзѣ, чѣмъ люди обычно думаютъ. Это ея великое, хотя еще почти совершенно неизвѣстное значеніе, конечно, съ одной стороны зависитъ отъ ея отношенія къ Россіи, но, съ другой—отъ характера ея собственной общественной жизни. Основныхъ силъ, опредѣляющихъ эту общественную жизнь, главнымъ образомъ три: шведское государственное учрежденіе, финская національная сила и протестантское вѣроисповѣданіе.—Финская національная сила тверда и молода и ея себялюбіе,—которое осуждаютъ и выступило въ нѣсколько отталкивающей почти фанатической формѣ, черезъ финноманію,—въ дѣйствительности не болѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, но заставляетъ больше говорить о себѣ. Протестантское вѣроисповѣданіе—лучшая и значительнѣйшая форма развитія, какого міровоззрѣніе христіанства до сихъ поръ достигло. Мою надежду еще болѣе подкрѣпляетъ то, что Финляндію въ меньшей степени, чѣмъ старыя государства Европы, беспокоятъ могучія препятствія къ единому стремленію. А именно: старая сословная аристократія, богатство, сосредоточенное въ частныхъ рукахъ, и усвоенная отъ высшей, какъ политической, такъ и религіозной научной мудрости самонадѣянность.—Финляндія пользуется благосостояніемъ, а не богатствомъ и это ея счастье. Самонадѣянность, которая теперь подымается съ властолюбіемъ и страстью къ разрушеніямъ противъ общества и пренебрегаетъ какъ законами, такъ и учрежденіями, какъ власть имущая, глубоко коренится въ современномъ характерѣ образованія и существуетъ въ Финляндіи столько же, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Но политическое положеніе дѣлаетъ то, что она не такъ дерзка, какъ въ другихъ странахъ. Когда я сопоставляю эти своеобразныя отношенія въ общественной жизни Финляндіи, то я не нахожу, что мысль о томъ, что Финляндія можетъ сдѣлаться могучей и здоровой формой развитія европейской цивилизаціи, и вслѣдствіе этого также исходнымъ пунктомъ для дѣйствительной и вліятельной культуры, заслуживаетъ названіе эксцентрической и неосновательной, или что она должна быть осмѣянной, какъ лишь фантазія доброжелательности. Но ничто

Рис Ловерьнъ.

Ню-Карлею. 1839 г.

великое въ дѣлѣ человѣчества не совершается безъ старанія и любви, и такимъ образомъ, сознаюсь, что мое мнѣніе остается лишь пустой незначительной мыслью, если въ Финляндіи нѣтъ усердныхъ, твердыхъ, любящихъ родину и терпѣливыхъ людей. Отношеніе Финляндіи къ Россіи и ея Монарху особенно важно, и очень печально, если во всей Европѣ объ этомъ имѣютъ превратное и полное предубѣжденій понятіе. Такъ, напримѣръ, воображаютъ, что Финляндія составляетъ присоединенную къ великому государству провинцію, вмѣсто того, что она въ дѣйствительности есть, т. е. подчиненное Россійскому Императору великое княжество, съ собственнымъ государственнымъ учрежденіемъ, собственными законами и относительной самостоятельностью.

Этотъ предразсудокъ очень печаленъ. Если бы здѣсь и въ другихъ странахъ имѣли ясное и полное представленіе о настоящихъ отношеніяхъ, то, по крайней мѣрѣ, у безпристрастныхъ людей нелиберальное воззрѣніе на отношеніе русской державы къ европейской цивилизаціи значительно смягчилось бы, и ложный расчетъ на то, что легко вызвать возстаніе въ Финляндіи и отторженіе, которое явно входило въ планъ теперешней наступательной войны, и быть можетъ также составляютъ ея главные мотивы, не существовалъ бы. 16 лѣтъ тому назадъ я пытался опровергнуть этотъ предразсудокъ, но это не удалось потому, что натурализованные въ Швеціи финны употребили всѣ свои старанія, чтобы посредствомъ лжи и крика поддержать его въ силѣ. Если бы и другіе были одинаковаго мнѣнія со мною, то мы, напротивъ, можетъ быть и вызвали бы болѣе надежное мнѣніе о будущности Финляндіи и выставили отношеніе Русской державы къ цивилизованнымъ странамъ Европы въ болѣе свѣтломъ видѣ. Финляндія находится не въ непосредственномъ отношеніи къ Россіи, а лишь въ посредственномъ черезъ самаго Государя. Такимъ образомъ ея политическое положеніе даетъ ей свободу, независимо отъ управленія великаго государства, самой заботиться о своей общественной жизни. Съ тѣхъ поръ, какъ Финляндія получила это свое политическое положеніе, она составляла цѣлое само по себѣ, и ея задачею было развитіе поддерживающаго самого себя общественнаго духа, а ближайшая и важнѣйшая цѣль, которую долженъ былъ преслѣдовать этотъ общественный духъ, было стремленіе привлечь вниманіе и довѣріе своего могучаго Монарха къ себѣ, своему образованію, своей цивилизаціи и своимъ

законамъ. Вотъ эту то великую проблему и удалось Финляндіи съ честью рѣшить.

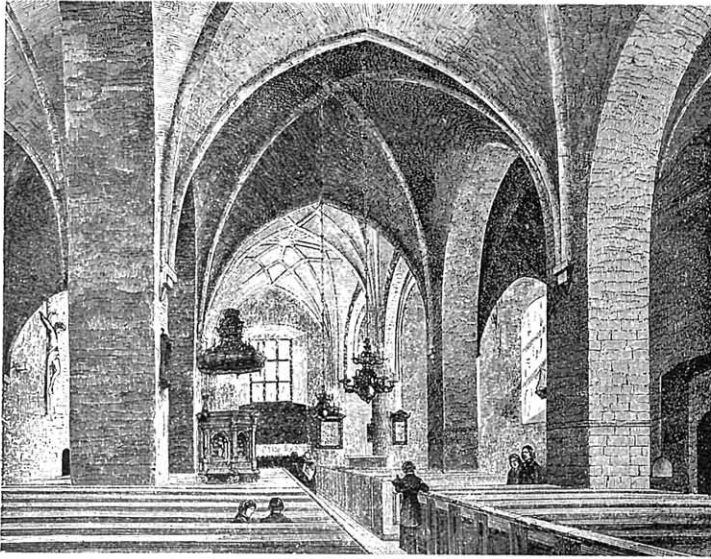
Желательно, чтобы молодые финны глубоко, серьезно и неизмѣнно сознавали, что цѣль духовнаго труда и стремленія Финляндіи—продолжать процессъ цивилизаціи къ Востоку. Желательно также и то, чтобы Монархъ съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ на Финляндію. Но вообще не слѣдуетъ много говорить объ этомъ. Потому что хвастовствомъ и шумомъ легко испортить хорошее дѣло—вызвать зависть и досаду, да притомъ же старая поговорка гласитъ, что плоха та курица, которая кудахчетъ, прежде чѣмъ снесла яйцо. Главное дѣло въ томъ, чтобы попечители Финляндіи сознавали и понимали, что ихъ теперешнее политическое положеніе требуетъ, чтобы она у себя развивала могучія и захватывающія культурныя силы, посредствомъ которыхъ она можетъ придти къ активному отношенію къ Россіи. . . . Когда я первый разъ, послѣ моего переѣзда въ Швецію, явился къ Великому Карлу Іогану, онъ меня спросилъ, процвѣтаетъ-ли Финляндія? Я отвѣтилъ, какъ сумѣлъ. Потомъ онъ сказалъ: «Для Сѣвера и можетъ быть для всей Европы вообще весьма важно, что Финляндія довольна своимъ нынѣшнимъ политическимъ положеніемъ и продолжаетъ благоденствовать и совершенствоваться».—Тогда я этихъ словъ не понималъ, но затѣмъ долго обдумывалъ ихъ содержаніе и то, что писалъ о положеніи Финляндіи и ея будущности, составляетъ лишь ихъ комментарий» ⁶⁷³).

Мотивы Вассера о великой роли Финляндіи глубоко запали въ души нѣкоторыхъ ея сыновъ и они не разъ почти восторженно воспроизводились въ послѣдствіи съ разными варіантами Зах. Тополіусомъ, Г. Ахо, Э. Лейно и др. (См. нашу книгу: Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи, стр. 54—55).

Піэтизмъ (Pietismus—отъ pietas благочестіе)—естественное послѣдствіе всей исторической жизни протестантизма. Въ этомъ—корень его живучести; въ теченіе полувѣка онъ сильно волновалъ лютеранскую церковь.

Во время тридцатилѣтней войны (1618—1648) ни одна область Германіи не избѣжала раззоренія. Шведы проявили себя жестоко-стями и звѣрствами ⁶⁷⁴). Вся нѣмецкая культура была отодвинута назадъ на цѣлое столѣтіе. Усилилась, такъ называемая, цезаропа-

пія, холодность къ вѣрѣ и упадокъ проповѣдничества. Религія стала чѣмъ-то внѣшнимъ, вѣра—механическимъ дѣломъ. Протестантская церковь утратила все, кромѣ имени. Религіозныхъ людей это опечалило. Возникло двѣ оппозиціи: одна со стороны науки, другая—со стороны самой жизни. Представителемъ второй выступилъ Филиппъ Яковъ Шпенеръ (род. 1635 г. въ верхнемъ Эльзасѣ), котораго обыкновенно считаютъ основателемъ піэтизма. Но піэтизмъ не дѣло одной личности Шпенера. Піэтизмъ—особое религіозно-практическое направленіе, продуктъ исторіи развитія протестантизма, продуктъ чувства субъективнаго благочестія.

Внутренность лютеранской церкви.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. піэтизмъ замѣтно оживился, особенно въ Вюртенбергѣ, откуда многіе пожелали отправиться на Востокъ. Ни Екатерина II, ни Александръ I не препятствовали ихъ поселенію на югѣ Россіи, гдѣ жили нѣмецкіе колонисты.

Піэтизмъ всегда имѣлъ практическій и жизненный характеръ, чѣмъ и отличался отъ мистицизма. Въ піэтизмѣ всегда было много общительности и церковности, и онъ не составлялъ особой партіи или секты. Догма его ничѣмъ существенно не отличалась отъ догмы лютеранства; онъ остается вѣренъ символическому ученію лютеранской церкви. Піэтизмъ не хотѣлъ возстать противъ лютеранства, а лишь оживить его мертвую ортодоксію. Возрожденіе и благо-

честіе были всегда лозунгомъ піэтизма. Піэтизму хотѣлось нравственно воспитать современное ему протестантское общество.

Піэтизмъ имѣлъ и болѣзненную фальшивую сторону: онъ слишкомъ односторонне понималъ благочестіе. Піэтизму сопутствовало равнодушіе къ богословской наукѣ. Онъ попалъ въ сѣти нравственного риторизма и манихейскаго взгляда на жизнь. Піэтизмъ сталъ горделивъ своимъ мнимымъ благочестіемъ, его одолѣло ханжество. На политику онъ смотрѣлъ какъ на нѣчто чуждое христіанству. Позднѣйшій піэтизмъ чуждъ небесной любви, животворнаго евангелическаго духа; онъ носитъ болѣе внѣшній характеръ христіанской нравственности ⁶⁷⁸).

Движеніе извѣстное подъ именемъ піэтизма замѣчалось въ предѣлахъ Финляндіи уже двѣсти лѣтъ тому назадъ, хотя не всегда оно проявлялось въ чистомъ видѣ. Въ первыхъ рядахъ его находились Лаврентій Ульстадіусъ, два Вегелиуса, Петръ Шефферъ, Ульхеліусъ, Литовіусъ и др. Всѣ они заявили себя стойкими бойцами за идею. Всѣ они возставали противъ узкаго формализма официальной церкви и стремились вызвать въ ней новую жизнь, считая піэтизмъ «солью земли» своего времени. Въ нихъ, несомнѣнно, горѣлъ огонь оппозиціи. Оригинальна судьба Ульстадіуса. Онъ былъ учителемъ въ Улеоборгѣ, велъ строгую аскетическую жизнь. Увлеченный новыми идеями, онъ взорвалъ порохомъ свои свѣтскія книги. Въ 1683 г. онъ прибылъ въ Або, прося о покаяніи. Въ 1688 г. въ религіозномъ экстазѣ, онъ прервалъ въ церкви проповѣдника и держалъ къ присутствовавшимъ рѣчь, полную укоризны. Его силою вывели, разорвавъ на немъ послѣднія лохмотья его одежды. Отправленный въ Стокгольмъ, онъ былъ заключенъ тамъ въ ужасную тюрьму.

Вегелиусъ (отецъ) переписывался со Шпенеромъ, но и помимо этого нѣтъ сомнѣнія, что піэтизмъ введенъ былъ въ Финляндію изъ Германіи.

Пасторы Іоаннъ Вегелиусъ, Авраамъ Ахрениусъ и др. были извѣстны, какъ піэтисты, возбудившіе противъ себя церковную власть. Въ началѣ XIX столѣтія піэтизмъ сказался уже, какъ народное движеніе: крестьяне, руководимые своими единомышленниками, выступали замѣтными и подозрительными для администраціи массами. Въ маѣ 1824 г. архіепископъ Тенгстремъ, боргоскій епископъ Моландеръ и домпробсты г. Або Гадолінъ и г. Борго—Алопеусъ получили предписаніе собраться въ Або

и высказаться о мѣрахъ противъ секты такъ называемыхъ возбужденныхъ.

Разсмотрѣвъ ученіе этихъ заблуждающихся людей, духовенство убѣдилось, что по главнымъ догматамъ они почти не отличаются отъ общепринятаго лютеранскою церковью символа вѣры. Большее уклоненіе замѣчено отъ обрядовъ богослуженія. Они избѣгаютъ храмовъ и собираются въ отдѣльныхъ семьяхъ, по субботамъ, въ вечернее время и по ночамъ. Своими сборищами выражаютъ неуваженіе къ духовенству, своимъ ученіемъ вносятъ раздоръ въ семьи, между супругами, между родителями и дѣтьми. Но вообще руководятся благими намѣреніями, хотя допускаютъ много мечтательнаго и много пустосвятства.

Чѣмъ-же противодѣйствовать? Опредѣленныхъ мѣръ съѣхавшіеся въ Або указать не могли. Они дали совѣтъ, призывать духовныхъ лицъ въ консисторію и внушать имъ объ ихъ заблужденіяхъ; если увѣщаніе не поможетъ, отсылать упорствующихъ въ отдаленные приходы. Малообразованныхъ простолюдиновъ также рекомендовалось обращать на путь истинный кроткими и сострадательными увѣщаніями и проповѣдями. Изгнаніе изъ края, крѣпостныя работы, колодки и т. п. наказанія отцы церкви не дерзнули предложить и вообще возлагали главныя свои надежды на мудрость Верховнаго Правителя Государства, когда ему будутъ докладывать отдѣльные случаи выступленія піэтистовъ (Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго. Представленія отъ 18—30 марта 1823 г., № 873).

Ульстадіусъ произноситъ рѣчь осужденія во время богослуженія въ Абоскомъ соборѣ.

Пока духовенство бездѣйствовало, волна піэтизма катилась все далѣе и далѣе по лѣсамъ и скаламъ Саволакса, Кареліи, Тавастланда.

Высшее начальство, разновременно объѣзжавшее край, не разъ указывало въ своихъ отчетахъ на замѣтное распространіе піэтизма. Такъ, А. Теслевъ, ревизуя Финляндію въ 1835 г., отмѣчаетъ: «Съ нѣкотораго времени появилась въ разныхъ мѣстахъ секта молельщиковъ или піэтистовъ, изъ числа коихъ въ пути представились мнѣ, въ гг. Нюкарлебю и Сердоболѣ, два младшихъ пастора, упорствующихъ въ своей ереси». О нихъ было сообщено соотвѣтствующимъ архіепископамъ.

Въ 1837 г. Ребиндеръ подчеркнул возникновеніе піэтизма въ Улеоборгской и Вазаской губерніяхъ, покровительствуемаго во многихъ мѣстахъ духовенствомъ. Хотя,—прибавляетъ онъ,—піэтисты никакого собственнаго ученія не распространяютъ и нравственности не развращаютъ, однако раздоръ въ семьяхъ посе-лили.

Товарищъ министра статсъ-секретаря Стевенъ объѣхалъ край въ 1845 г. Развитіе піэтизма, по его мнѣнію, особенно замѣтно въ Улеоборгской и Вазаской губерніяхъ. Піэтисты не отвергали обрядовъ лютеранской вѣры и никакими политическими цѣлями не задавались. Вели себя скромно и благородно. Духовенство ихъ не преслѣдовало, а лишь наблюдало за ними.

Когда Е. Ивановъ заподозрѣлъ у піэтистовъ политическія стремленія, то кн. Меншиковъ (?) на поляхъ донесенія отмѣтилъ: «На піэтистовъ обращено вниманіе; но у нихъ нѣтъ политической цѣли, ибо они слишкомъ пошло дѣйствуютъ—и въ секту ихъ допускаются дамы, слѣдовательно, политика ихъ опасна быть не можетъ»...

Причинъ, вызвавшихъ это народное движеніе, нѣсколько. Религія не была совершенно заброшена, но равнодушіе къ высшимъ вопросамъ жизни стало замѣтной чертой въ высшихъ классахъ. «Сила невѣрія», говоритъ Э. Тонеліусъ, «была настолько общераспространена, что самый сублимированный раціонализмъ считался христіанствомъ рядомъ съ матеріализмомъ, отрицавшимъ Бога и безсмертіе души. Нравственность была въ модѣ, т. е. на устахъ; чувствительность проливали горячія слезы при видѣ несчастій и могилъ. И эти слезы считались достаточными; искупленіе же черезъ Христа, если и не отрицалось, то заслонялось такимъ тол-

кованіємъ Божьяго милосердія, что не оставалось мѣста ни для Божьей святости, ни для мстящаго суда. Къ этому прибавилось глубокое презрѣніе, съ которымъ т. н. просвѣщенные (піэтизмомъ) смотрѣли на темную массу, т. е. на тѣхъ недалекихъ христіанъ, для которыхъ вѣра еще продолжала быть вопросомъ жизни». Лютеранское духовенство, какъ составная часть господствовавшего тогда класса, не имѣла ничего почти общаго съ крестьянами. Матеріально оно было хорошо обезпечено и о чадахъ духовныхъ совершенно не радѣло. На пасторахъ также опредѣленно можно было наблюдать вліяніе «духа времени». Ихъ проповѣди составляли по большей части безсодержательную декларацію или рѣчь, разукрашенную нравственными поученіями. Да и жизнь ихъ была далеко отъ образцовой: пьянство, картежная игра и танцы, не говоря уже о другихъ удовольствіяхъ, не считались недостойными священническаго сана.

Мѣстное лютеранское духовенство было плохо аттестовано авторомъ записки «Взглядъ на Финляндію 1832 г.», поданной кн. А. С. Меншикову. По вліянію на народъ,—говорится въ запискѣ,—оно самое важное сословіе, но менѣе прочихъ заслужило общее уваженіе. Главная причина—полуобразованность тѣхъ молодыхъ людей, коихъ посвящали въ пасторы ⁶⁷⁶). Изъ разговоровъ со Снельманомъ, Я. К. Гротъ узналъ, что финляндскіе пасторы крайне плохіе богословы: очень немногіе изъ нихъ проходятъ черезъ университетъ. Отъ нихъ требуется только знаніе маленькаго учебника языковъ греческаго и еврейскаго ⁶⁷⁷).

Узкость и формализмъ его воззрѣній характеризуется слѣдующимъ эпизодомъ. 17—29 ноябрю 1834 г. въ Абоскомъ лютеранскомъ соборѣ положено было освятить новую картину «Вознесеніе». Пригласили музыку Петровскаго полка, но затѣмъ отказались отъ нея, по той причинѣ, что музыканты были русскіе, что они, какъ люди другой религіи, не могутъ и не должны играть въ лютеранской киркѣ» ⁶⁷⁸).

Какъ примѣръ несообразнаго поведенія пастора, приводятъ слѣдующій рассказъ. Въ Эстерботніи человѣкъ открылся пастору, что подумываетъ о самоубійствѣ. Пасторъ не нашелъ для несчастнаго лучшаго совѣта, какъ указаніе совершить дѣло такъ, «чтобы не причинить никому хлопотъ послѣ своей смерти». Несчастный рѣшилъ опуститься въ болото. За рѣдкими исключеніями, народъ вообще не находилъ у своихъ пасторовъ требуемаго утѣшенія и

руководства. Культурныя стремленія высшихъ классовъ также не производили никакого вліянія на религіозную потребность народа. Между тѣмъ духовная потребность финскаго народа все возрастала. Подъ мрачнымъ небомъ сѣвера и подѣ вліяніемъ своихъ темныхъ лѣсовъ, онъ всегда склоненъ былъ къ таинственному, религіозному, восторженному. Прежде его удовлетворяли колдуны и чародѣи. Онъ много сосредоточивался и размышлялъ.

Когда его жажда никѣмъ не утолялась изъ источника живой воды, онъ самъ подходилъ къ источнику. Въ финскомъ народѣ жила потребность живой вѣры, болѣе соотвѣтствующей требованіямъ христіанства. Крестьяне стали отказываться отъ увеселеній; собирались для чтенія св. писанія, молитвъ и пѣнія псалмовъ. Такимъ образомъ создалось въ 30-хъ годахъ очень замѣтное религіозное движеніе. Примкнувшіе къ нему называли себя «пробужденными». Началось невиданное до сихъ поръ религіозное пробужденіе. Одни пасторы стали въ явно враждебное отношеніе къ этому движенію; другіе заинтересовались имъ и сами примкнули къ нему и даже стали руководить имъ. Произвошло крѣпкое сдиненіе между нѣкоторыми образованными людьми и народомъ на почвѣ религіи, по почвѣ полного довѣрія. Они примкнули къ пробужденнымъ изъ народа, чувствуя себя ихъ братьями и сестрами въ области исканія мира и всепрощенія у подножія креста.

Главнымъ очагомъ піетизма сдѣлалась сѣверная часть Саво-лакса, гдѣ крестьянинъ Пааво (Павель) Руотсалайненъ изъ Иден-сальми (1777—1852) выступилъ около 1820 г. какъ провозвѣстникъ новаго освященія и пробужденія. Сынъ бѣднаго крестьянина онъ много претерпѣлъ невзгодъ жизни и вынесъ бурю внутреннихъ сомнѣній. Рано пристрастился къ чтенію слова Божія. Любимой его книгой сдѣлалась Библия. Хорошая память помогла восполнить запасъ скудныхъ знаній. Мучимый сомнѣніями, онъ велъ себя странно, и это давало поводъ называть его сумасброднымъ (löyhkä Рааво, fänig Pål). Бѣдность и неурожай грозили ему голодной смертію. Онъ собрался эмигрировать въ Польшу, но былъ задержанъ въ Выборгской губ. Долгія религіозныя размышленія выработали, наконецъ, особое ученіе, которое сводилось къ слѣдующему. Человѣкъ ежеминутно подвергается духовной смерти, почему всѣмъ вѣрнымъ необходимо ежедневно получать жизнь и пищу для души изъ рукъ Господа—возрождающаго животворящаго Духа; человѣкъ не долженъ надѣяться на достигнутую ду-

ховную опытность и полученные милости, но каждый день, какъ истинный грѣшникъ, который ничѣмъ добрымъ не владѣеть, обязанъ просить и получать, ни за что, милость, жизнь и прочее ⁶⁷⁹).

Пааво Руотсалайненъ имѣлъ необычайную способность руководить и возвышать своихъ приверженцевъ; краснорѣчіемъ, исходящимъ изъ глубокаго убѣжденія, онъ вліялъ даже на людей, превосходившихъ его своимъ образованіемъ. П. Руотсалайненъ, несомнѣнно, явленіе крайне своеобразное въ финской жизни: крестьянинъ-наставникъ въ духовной области, крестьянинъ, ведущій за собой даже ученыхъ! Очевидно, въ немъ было нѣчто поэтическое и возвышенно-духовное.

Ученіе Руотсалайнена быстро распространилось по сѣверному Саволаксу, сѣверной Карелии, а потомъ по Эстерботніи и Тавастланду. Въ то время, когда онъ имѣлъ наибольшее вліяніе (около 1830—1840 гг.), онъ могъ бы сказать: «я епископъ двухъ епархій». Его приверженцы назывались «фалдистами» (Körttiläiset, «skörtister»), отъ фалдъ, пришитыхъ къ ихъ курткамъ.

Другимъ ретивымъ проповѣдникомъ піэтизма былъ Генрихъ Ренквистъ. Сынъ бѣднаго крестьянина. Онъ родился въ Иломантсѣ 1789 г. Нужда сильно тѣснила его, а шведскій языкъ въ школѣ помѣшалъ ему пріобрѣтенію первоначальнаго образованія. Въ отчаяніи онъ бросился въ Або съ моста въ рѣку, но былъ спасенъ. Наконецъ, ему удалось попасть въ школу, но началась война 1808—1809 гг. и школу закрыли. Ренквистъ сталъ торговать и успѣлъ скопить около 1.000 риксдалеровъ. По окончаніи войны, онъ вернулся въ школу. Въ 1816 г., имѣя отъ роду уже 27 лѣтъ, онъ сдѣлался студентомъ. Черезъ годъ его посвятили въ пасторы. Но судьба не переставала преслѣдовать его своими неудачами. Строгія предписанія исходили то отъ гр. Ребиндера, то отъ гр. Закревскаго. Но фанатикъ не прерывалъ своей дѣятельности. Изъ подъ пера Ренквиста—сына крестьянина—вышло болѣе

Крестьянинъ-піэтистъ Пааво Руотсалайненъ.

30 статей. Въ званіи пастора онъ усердно собиралъ прихожанъ на духовныя бесѣды, совершалъ богослуженія въ семьѣ, распространялъ поучительныя сочиненія и т. п. Гернихъ Ренквистъ отличался отъ Руотсалайнена тѣмъ, что онъ большое значеніе придавалъ дѣламъ, какъ плодамъ вѣры.

Какъ Ренквистъ, такъ и Руотсалайненъ считали, что сильное побужденіе есть первое условіе полученія Божьей милости; послѣ этого должно было послѣдовать исправленіе. Но Руотсалайненъ возвышалъ значеніе внутренней молитвы и считалъ устную рѣчь, которая употреблялась его приверженцами, дѣйствіемъ Божьей милости, тогда какъ Ренквистъ придавалъ первенствующее значеніе внѣшнимъ набожнымъ упражне-

Крестьянинъ Генрихъ Ренквистъ
(1789—1866).

ніямъ, главнымъ образомъ молитвъ въ приходѣ и въ обществѣ съ единовѣрцами. Между послѣдователями того и другого наблюдался замѣтный антагонизмъ. Руотсалайненъ, у котораго было больше послѣдователей, обвинялъ Ренквиста въ ханжествѣ и лицемеріи, и всѣ попытки примирить ихъ были напрасны.

Когда консисторія (1823 и 1828 гг.) приказала духовенству «слѣдить за тѣмъ, чтобы не допускать запрещенныхъ собраній и предупреждать лживыя и напряженныя религіозныя воззрѣнія въ народѣ», Пааво Руотсалайненъ самъ

уговорилъ своихъ послѣдователей не устраивать большихъ собраній. Взамѣнъ пробужденные прибѣгали къ другимъ сходкамъ, они стекались къ свадьбамъ, похоронамъ и особенно на ярмарки, когда «духовныя друзья» (*själavänner*) могли собираться, безъ опасенія привлечь особое вниманіе властей.

Эти, нерѣдко, далекія путешествія по ярмаркамъ, свадьбамъ и т. д. составляютъ своеобразную черту финскаго піетизма. Пробужденные отправлялись изъ Эстерботніи и южной Финляндіи, напримѣръ, въ Куопіо, чтобы тамъ встрѣтиться съ Пааво Руотсалайненъ. Какъ для самого Пааво, такъ и для его послѣдователей эти путешествія были иногда весьма злополучными. Извѣстно, что прежде ярмарки служили большимъ искушеніемъ для крестьянъ. Вокругъ ярмарочнаго мѣста образовывалось разливное море водки.

И Пааво не избѣгъ искушенія, хотя дома велъ трезвый образъ жизни. Ярмарочныя сборища причинили много вреда и самому Пааво и его единомышленникамъ. Правда, его не очень осуждали по той причинѣ, что злоупотребленіе спиртными напитками въ тѣ времена являлось еще болѣе распространеннымъ зломъ, чѣмъ въ наши дни.

Въ ярмарочномъ водоворотѣ изъ устъ въ уста переходили имена тѣхъ городскихъ жителей, въ чьихъ помѣстительныхъ горницахъ

Собраніе піэтистовъ. Проповѣдь Руотсалайнена. Появленіе пастора
Н. Г. Мальберга.

или залахъ назначено было вечернее собраніе. Въ означенный часъ пробужденные отправлялись на собраніе, и когда горница была наполнена,—кто нибудь запѣвалъ текстъ изъ «Пѣсней Сіона» (Sions sânger) или обычныхъ псалмовъ. Далѣе слѣдовала проповѣдь, обмѣнъ мнѣній по прочитанному тексту и пр.

Піэтизмъ, корни котораго прочно укрѣпились въ народныхъ массахъ, получилъ особое значеніе вслѣдствіе того, что многіе изъ выдающихся молодыхъ теологовъ университета съ 1830 г. примкнули къ этому движенію. Доцентъ Л. И. Стенбекъ, послѣ внутренней борьбы, оставилъ поэзію, чтобъ всецѣло отдаться піэтизму. Его другъ Карлъ Густавъ фонъ-Эссенъ (р. 1815+1895)—профессоръ практическаго богословія,—вскорѣ сдѣлался руководителемъ пробужденныхъ, а Андерсъ Вильгельмъ Ингманъ (р. 1819+1877),—профессоръ экзегетическаго богословія и переводчикъ Библии

на финскій языкъ—выступилъ усерднымъ писателемъ въ піэтистическомъ направленіи. Къ болѣе извѣстнымъ пасторамъ, примкнувшимъ къ піэтизму, надо отнести Фридриха Берга (1795+1866), Ионаса Лагуса (1798—1857) и Нильса Густава Мальберга (1807+1858). «Евангелическій Еженедѣльникъ» (1839—1841), подъ редакціей Стенбека, сдѣлался вліятельнымъ органомъ піэтизма.

Разсказываютъ, что І. Лагусъ и Н. Г. Мальбергъ были обращены въ піэтистовъ вліяніемъ, исходившимъ изъ народной среды. У Лагуса собрались гости; всѣ праздновали и веселились. Явился крестьянинъ, приглашая пастора къ умирающему. Лагусъ, промедливъ за общимъ пиршествомъ, отправился къ умирающему лишь черезъ два часа и засталъ крестьянина уже бездыханнымъ трупомъ. Находившійся въ избѣ крестьянинъ изрекъ промедлившему пастору грозное проклятіе. Лагусъ созналъ свою вину и примкнулъ къ народному піэтизму. Пасторъ Мальбергъ пришелъ изъ любопытства послушать проповѣдь Пааво Руотсалайнена и былъ пораженъ силою его убѣжденія и безыскусственного краснорѣчія. Вся наружность Пааво внушала уваженіе и довѣріе. Чувствовалось, что рѣчь этого простого крестьянина исходила изъ глубины много выстрадавшей души. Пасторъ Мальбергъ созналъ, что этотъ крестьянинъ стоялъ выше его, ученаго теолога. Когда Пааво кончилъ свою проповѣдь и пѣніе псалма, онъ вступилъ въ бесѣду съ пасторомъ—молодымъ, красивымъ и краснорѣчивымъ. Въ заключеніе Пааво предложилъ ему вмѣстѣ помолиться. Для пастора это было необычно, такъ какъ онъ привыкъ лишь къ офиціальному отправленію богослуженія. Пааво и Мальбергъ сблизились и піэтизмъ пріобрѣлъ блестящаго ученаго проповѣдника⁶⁸⁰).

Нѣкоторыхъ пасторовъ преслѣдовали, предавали суду за недозволенные религіозныя сборища. Но среди піэтистовъ оказались духовныя лица очень стойкія и безстрашныя. Власти скоро поняли, что преслѣдованія цѣли не достигали и они не беспокоили піэтистовъ во время ихъ богослуженія. Піэтисты съ своей стороны отказались отъ оппозиціи церкви.

Отъ піэтистовъ откололись въ 1840 годахъ «евангелисты», руководимые Фридрихомъ Габріелемъ Хедбергомъ (р. 1811+1893). Онъ обращалъ главное вниманіе на вѣру, уча, что все добро чело-вѣка есть даръ Божій, и что милость Господня получается не по собственнымъ заслугамъ чело-вѣка, а только черезъ вѣру. Между піэтистами и евангелистами долго продолжалась рѣзкая полемика

въ газетахъ, журналахъ и брошюрахъ. Піэтисты обвиняли Хедберга въ проповѣдываніи «мертвой вѣры».

Съ появленіемъ Хедберга піэтизмъ раскололся на три группы, на три секты. Послѣдователи Хедберга распространились около Або. Ренквистъ господствовалъ въ Кареліи и Выборгской губерніи. Руотсалайнентъ захватилъ Саволаксъ и пронесъ свое знамя до береговъ Эстерботніи ⁶⁸¹⁾.

Фанатическія вспышки, «духовная гордость» и та односторонность, съ которою послѣдователи этихъ религіозныхъ движеній отвергали иногда самыя невинныя развлеченія, придававшія красоту жизни, вызвали противъ нихъ въ литературѣ такіе голоса, какъ Эліаса Ленрота и Рунеберга.

Въ «Письмахъ садовника» Руненбергъ характеризуетъ піэтистовъ, какъ секту, состоящую изъ набожныхъ, тихихъ, странныхъ существъ, которыя считаютъ побѣдой отрицать радость земной жизни и почитаютъ своимъ высшимъ сокровищемъ «росистый цвѣтъ щекъ и огонь очей». Онъ сравнивалъ ихъ съ растеніями, которыя преждевременно умираютъ «отъ точущаго зубъ червяка, котораго они сами оберегаютъ и питаютъ».

Фридрихъ Габріэль Хедбергъ.

Въ 1835 г. піэтизмъ, повидимому, едва былъ извѣстенъ въ образованныхъ кругахъ, по крайней мѣрѣ въ Гельсингфорсѣ. О пробужденіи среди студентовъ неизвѣстный авторъ пишетъ въ своихъ замѣткахъ: «Эта мрачная душевная борьба съ порывами фанатическаго увлеченія имѣла много привлекательнаго для юношескаго ума, жаждавшаго чего-то высшаго, чѣмъ сверкающая мишура минуты, для ума, который въ изученіи наукъ не могъ еще найти вознагражденія за угасающій блескъ свободной жизни въ университетѣ. Гордое презрѣніе піэтизма къ міру также пробудило предчувствіе о болѣе высокой и величественной душевной жизни. Ея первая строгая заповѣдь: «Оставьте міръ и отлучитесь отъ него» не испугала насъ; аскетизмъ во всѣ времена имѣлъ видъ превосходства и потому притягивалъ къ себѣ. Но что бы ни говорили объ

этомъ религіозномъ направленіи, нельзя отнять отъ него глубокой важности и нравственной основы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно принуждено было служить прикрытіемъ для менѣе благородныхъ стремленій».

Успѣху піэтизма, какъ среди крестьянъ, такъ и среди образованныхъ классовъ, не мало содѣйствовали преслѣдованія его со стороны церковныхъ и свѣтскихъ властей. Въ гоненіяхъ, клеветахъ, въ надменныхъ упрекахъ и т. п. піэтисты усматривали внѣшнее доказательство того, что они вели борьбу подобную той, за которую послѣдователямъ Христа всегда приходилось испытать страданія.

Юліусъ Эммануэль Бергъ.

Въ 1842 г. архіепископъ высказался въ томъ смыслѣ, что противо-дѣйствовать піэтизму можно только изданіемъ хорошо направленныхъ теологическихъ сочиненій, и въ связи съ этимъ заявленіемъ были произведены незначительныя ассигнованія на два сочиненія ⁶⁸²⁾.

Въ возникшемъ движеніи «юная Финляндія возстала, чтобъ завоевать себѣ небесное отечество, такъ какъ земное отечество не было еще жизненной силой и не давало молодежи идеала, ради котораго надлежало жить».

Нѣтъ сомнѣнія, піэтическое движеніе не только возвышающе дѣйствовало въ религіозной и церковной области, но имѣло также большое вліяніе на культурную жизнь края ⁶⁸³⁾.

О возникновеніи піэтизма среди студентовъ фонъ-Эссенъ говоритъ: нѣкоторые студенты изъ всѣхъ факультетовъ, однако больше всего изъ теологическаго, были охвачены тѣмъ-же духомъ. Они соединились вмѣстѣ и образовали *ecclesiola in ecclesia*. Собирались другъ у друга аккуратно, разъ въ недѣлю, для общаго ободренія и назиданія, причемъ иногда читали Библію, иногда духовную книгу или что-нибудь церковно-историческое вперемѣшку съ псалмопѣніемъ. Все стремленіе имѣло въ виду практическую цѣль. Не преобразованія ученія добивались—его находили чистымъ и неподдѣльнымъ въ церкви—но желали осуществленія ученія въ жизни. Это практическое религіозное стремленіе, если и не поглощало

совершенно всё другіе интересы, то во всякомъ случаѣ ставило ихъ на задній планъ; всёмъ, что прямо не содѣйствовало проявленію и развитію христіанской жизни, болѣе или менѣе пренебрегалось и все, что считалось мѣшающимъ ему, даже въ наукѣ или искусствѣ, или въ человѣческомъ общежитіи, беспощадно опровергалось.

«Никогда не забуду того впечатлѣнія, которое ощутилъ при входѣ въ большой залъ, въ которомъ было собрано много серьезныхъ старыхъ и молодыхъ студентовъ. Собраніе только что началось и разговаривали тихо. Когда мы входили, никто не обратилъ вниманія на насъ, только два молодыхъ хозяина встрѣтили насъ и указали мѣста. Черезъ нѣсколько минутъ, по данному знаку, все собраніе запѣло псаломъ изъ стараго псалтыря. Захватывающе звучали эти слова въ бушующихъ серьезныхъ звукахъ хора. Пропѣли псаломъ и опять все стихло; какъ будто призадумались. Это продолжалось нѣсколько минутъ, затѣмъ одинъ изъ товарищей открылъ мѣсто въ Библии и по поводу него сталъ твердо и ясно излагать свое мнѣніе. По поводу прочитаннаго высказалось еще нѣсколько человѣкъ, часто расходясь съ мнѣніемъ лектора. Пренія становились оживленными, но велись сдержанно и серьезно. Наконецъ перешли къ какой-то свободной исповѣди передъ всѣми товарищами, и представляли просто и совершенно искренно свое душевное состояніе за время, протекшее со дня послѣдней встрѣчи (послѣдняго собранія). Сравнивали свой духовный опытъ съ опытомъ товарищей, давали и получали совѣты. При этомъ нерѣдко цитировались извѣстныя религіозныя книги того времени».

Въ письмѣ (отъ 6 марта 1841 г.) Л. Стенбека между прочимъ значилось: «Мы собираемся, 20—30 человѣкъ, каждый субботній вечеръ; ходимъ другъ къ другу, и одинъ другого поощряетъ и согрѣваетъ. На этихъ нашихъ собраніяхъ мы поемъ, читаемъ какуюнибудь духовную книгу, бесѣдуемъ другъ съ другомъ. Иногда надъ нами проносится дуновение Духа Святаго. Раздраженіе противъ насъ очевидно и явно проявляется, но мы утѣшаемъ себя тѣмъ,

Карлъ Густавъ фонъ Эссенъ.

что такъ должно быть: только сонъ проходить безъ борьбы. Недавно въ здѣшнемъ главномъ соборѣ гремѣла проповѣдь противъ насъ—піэтистовъ, въ которой насъ представляли гибельными мечтателями и фантазерами, которые какъ въ ученіяхъ, такъ и въ жизни имѣютъ много заблужденій и пороковъ и т. д.»⁶⁸⁴).

Фонъ-Эссенъ рассказываетъ о «шумѣ», который религиозное движеніе вызвало среди студентовъ: «Стенбека, Юл. Им. Берга и меня подозрѣвали стоящими во главѣ опаснаго движенія, и мы

Эрикъ Габріэль Мелартинъ.

были призваны къ генераль-губернатору Теслеву. Его Превосходительство встрѣтило насъ очень немилостиво и пригрозилъ Сибирью, но, когда, во время допроса узналъ, что мы вѣрноподданные Его Императорскаго Величества и всего Царскаго дома, то кончилъ тѣмъ, что, цѣлуя и обнимая насъ, увѣрялъ, что мы «друзья Государя».

Въ піэтистическомъ движеніи 40-хъ годовъ замѣтную роль сыгралъ поэтъ, а затѣмъ помощникъ пастора, Л. Стенбекъ. Находясь еще въ университетѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ скромнымъ поведеніемъ и своей при-

верженностью піэтизму. Впослѣдствіи онъ руководилъ изданіемъ, поддерживавшимъ піэтистическое движеніе, ведя въ то же время борьбу за библейское христіанство противъ раціонализма. Будучи помощникомъ пастора, онъ былъ привлеченъ къ суду, за допущеніе неразрѣшенныхъ собраній. Дѣло тянулось два года, прошло всѣ инстанціи и окончилось выговоромъ.

Въ 1843 г. архіепископъ Мелартинъ обратился официальнымъ письмомъ къ университетскому начальству. Онъ замѣтилъ, что студенты, выразившіе желаніе поступить въ духовное званіе, склонны поддерживать піэтизмъ, чѣмъ сѣютъ, особенно въ крестьянской средѣ, недоразумѣнія и ссоры. Архіепископъ замѣтилъ также, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ ученую степень. Въ виду этого, онъ просилъ г. ректора magnificus'a посоветоваться съ профес-

сорской коллегіей, желательнo ли впредь допущеніе лицъ піэтистическаго направленія къ занятію каѳедры въ университетѣ. Вся эта исторія превратилась въ ученый судъ надъ Стенбекомъ и представляетъ тотъ общественный интересъ, что показываетъ, коимъ образомъ профессорская среда относилась къ піэтизму.

Мнѣнія раздѣлились. Представителемъ одной группы можно признать профессора Лилле. Онъ указалъ, что піэтизмъ уже достигъ своей кульминаціонной точки, и что никакія насильственные мѣры противъ него неумѣстны. Піэтизмъ составляетъ элементъ въ развитіи протестантской церкви и имѣетъ вполне историческое право на свое существованіе; онъ сынъ церкви, котораго нельзя игнорировать и которымъ церковь не можетъ пренебрегать. Принятіе въ университетъ учителя піэтистическаго направленія совершенно не опасно, потому что здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо происходитъ духовная борьба, и ложное направленіе будетъ обнаружено и обезврежено. Стенбекъ честнаго характера и прекрасныхъ способностей, и потому Лагусъ считалъ бы величайшей несправедливостью не допустить его въ учителя университета.

Ларсъ Стенбекъ. Поэтъ и піэтистъ.

Толкователемъ противоположнаго мнѣнія выступилъ профессоръ Ильмони. Онъ задался вопросомъ: что такое піэтизмъ? и отвѣтилъ, піэтизмъ несомнѣнно—сектаризмъ, который почитаетъ церковь на основаніи библейскихъ правилъ, но до того слѣпо, что отрицаетъ у разума всякое право относительно духовныхъ предметовъ. Піэтизмъ набросилъ мрачный покровъ на человѣческую жизнь. Далѣе эта тенденція привела къ тому, что священники-піэтисты въ проповѣдяхъ дѣлали грубыя нападки, отказывали въ причастіи умирающимъ; по ихъ милости цѣлые гейматы и деревни предались лѣни и тунеядству подъ предлогомъ богослуженій, не говоря уже о послѣднихъ крайностяхъ—обскурантизмѣ и прекра-

ценіи свободного изслѣдованія, о фанатизмѣ, безуміи и пр. Однимъ словомъ, хотя піэтизмъ первоначально составлялъ реакцію противъ религіознаго равнодушія времени, онъ самъ есть «болѣзненное выраженіе христіанской вѣры и дѣянія», а потому долженъ вызывать болѣзненные результаты въ обществѣ. На этомъ основаніи профессоръ не сомнѣвался, что вредно для образованія священниковъ, если піэтисты будутъ допущены учителями въ университетъ ⁶⁸⁵).

Особнякомъ стоитъ мнѣніе Грота. Онъ узналъ, что ученіе піэтистовъ не уклоняется отъ библіи и символическихъ книгъ, а имѣетъ въ виду лишь практическую сторону жизни. Участіе Стенбека въ піэтизмѣ всегда носило особенно благородный характеръ и поэтому желательно, чтобы такіе люди чаще появлялись въ средѣ заблуждающихся, чтобы словомъ и своимъ примѣромъ искоренить все чудовищное и опасное въ ихъ воззрѣніяхъ. Стенбекъ пасторъ и потому имѣетъ право учить народъ.

Исключая трехъ, всѣ высказались въ пользу Стенбека. Дѣло передали вице-канцлеру, генералу А. П. Теслеву. Онъ заявилъ 8 октября 1844 г., что не согласуется съ истиннымъ счастьемъ университета, чтобы человѣкъ, съ воззрѣніями магистра Стенбека, могъ быть допущеннымъ въ качествѣ учителя и Стенбека не допустили.

Пробужденіе получило неожиданное значеніе не только въ отношеніи духовнаго воспитанія народа, но и національнаго его подъема. Оно стало первымъ духовнымъ движеніемъ, которое охватило безчисленныя группы гражданъ въ различныхъ концахъ края; оно положило начало тому чувству единства, которое впослѣдствіи имѣло такое большое значеніе въ дѣлѣ развитія національнаго духа. Национальность и піэтизмъ—подняли знамя демократическихъ идей.

Примкнувшая молодежь, одновременно увлекавшаяся идеями финнизма, получила широкую возможность посѣять новыя сѣмена въ народной воспріимчивой почвѣ.

Въ то время, когда патріотическія стремленія въ литературѣ, наукѣ и искусствѣ исходили изъ образованнаго общества и поддерживались имъ, піэтизмъ, ранѣе выступившій въ различныхъ мѣстахъ, возросъ среди народа до могучаго почти стихійнаго движенія. Піэтизмъ далъ самыхъ усердныхъ работниковъ на національной нивѣ. Піэтизмъ создалъ хорошую духовную литературу.

Піэтисты по своему поведенію были строго благопристойны, а потому въ нравственномъ отношеніи составляли дѣльный и сильный элементъ въ обществѣ. Жизненность, которая возрастала въ

религіозной области, была замѣчательнымъ явленіемъ въ тотъ періодъ, когда въ силу внѣшнихъ и внутреннихъ условій, стремленія, которыя рѣдко переходили область ежедневныхъ заботъ, проникали въ глубину народной жизни ⁶⁸⁶).

Неоспоримо, что пієтисты составляли самую серьезную, самую здоровую часть населенія края. При отсутствіи школьнаго народнаго образованія, они явились самыми мыслящими и просвѣщенными среди равныхъ себѣ. Разнообразное обсужденіе и изслѣдованіе духовныхъ вопросовъ развило ихъ природный умъ, а привычка читать сдѣлало то, что, когда появились газеты, они оказались любознательнѣе другихъ. Вообще они могли служить хорошимъ примѣромъ молодому поколѣнію. Эліасъ Ленротъ сказалъ о пієтистахъ, что «они вообще тихій, хорошій народъ».

Хорошее вліяніе оказали пієтизмъ и въ средѣ учащейся молодежи, возвышая ихъ настроеніе и укрѣпляя ихъ нравственность.

Вездѣ наблюдалось одно и то же явленіе. Пієтизмъ обычно пробирался не въ большіе дома, гдѣ жили *honoratiore*s, *mercatores* et *assessores*, а скромно прокрадывался по темнымъ переулкамъ вдоль низкихъ домовъ окраинъ города и села и заварачивалъ туда, гдѣ жили мелкіе мѣщане, вдовы, одинокіе, трудолюбивые. Пієтизмъ не вызывалъ беспокойства и борьбы въ вѣковыхъ укрѣпленіяхъ, гдѣ господствовала церковь и духовное равнодушіе руководствовались сухимъ церковнымъ судебникомъ.

Помимо пієтизма, дѣятельность лютеранской церкви въ Финляндіи продолжалась по стариннымъ формамъ. Послѣ І. Тенгстрема архіепископомъ (въ 1833 г.) назначенъ былъ Эрикъ Габріэль Мелартинъ (1780—1847). Его замѣстилъ (съ 1850 г.) Эдвардъ Бергенгеймъ (1798—1884), который все свое вниманіе, какъ бывшій педагогъ, обращалъ главнымъ образомъ на школьное дѣло.

За долгій періодъ въ тихой жизни лютеранской церкви выдѣлились два юбилея. 13—25 іюня 1830 г. Финляндія праздновала

Сборъ въ киркѣ.

трехсотлѣтіе публичнаго объявленія на риксдагѣ (1530 г.) догматовъ Аугсбургскаго вѣроисповѣданія, а 19—31 іюля 1842 г. Финляндіи отмѣтила особымъ празднествомъ двухсотлѣтіе перваго полнаго изданія священныхъ книгъ на финскомъ языкѣ. Иначе говоря, Финляндія справила юбилей участія финскаго народа въ Словѣ Божіемъ во всей его цѣлости, т. е. слово Божіе стали сообщать народу на его родномъ языкѣ. Такимъ образомъ даже юбилей церкви превратились въ извѣстной мѣрѣ въ національные праздники.

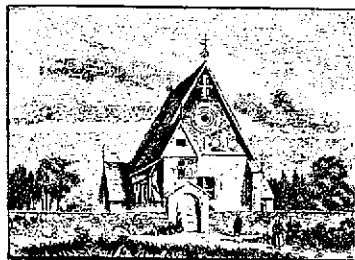

Лаурель.

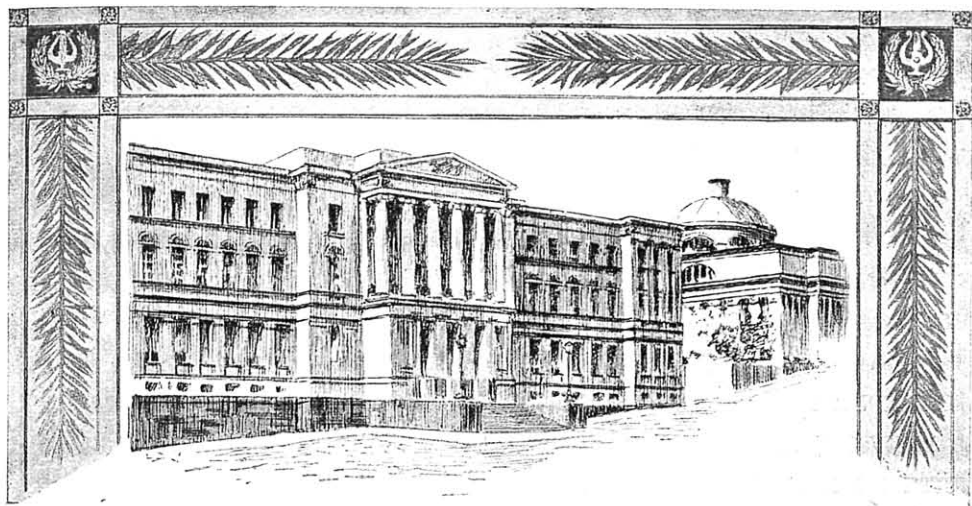
Богословская наука также преслѣдовала главнымъ образомъ патріотическую цѣль: укрѣплять лютеранскую церковь страны въ ея жизненной дѣятельности.

Органами научно-богословской жизни служили журналы: «Духовно-просвѣтительный Листокъ» изд. Э. Ранкена; и «Стражъ» журналъ духовно-педагогическаго сословія, издававшийся А. А. Лаурелемъ, въ 1847—49 г. г., при сотрудничествѣ Б. О. Лилле и Ф. Л. Шаумана ⁶⁸⁷).

Въ концѣ царствованія Николая I, среди норвежскаго населенія, пограничнаго съ Финляндіей, появился «расколъ». Онъ состоялъ въ томъ, что послѣдователи его, люди воздержанные и нравственные, приходили въ восторгъ отъ священнаго писанія, плясали, кривлялись и вопили. Секта эта была настолько фанатична, что подвергала насилію христіанъ, не желавшихъ слѣдовать ея ученію. Священные книги они считали бесполезными или богопротивными, а священнослужителей—поклонниками злого духа. Норвежское правительство приняло противъ нихъ строгія мѣры. То же сдѣлалъ генераль-губернаторъ Финляндіи (въ мартѣ 1852 г.), не желая, чтобы эта «зараза» проникла въ предѣлы края, и цѣль была достигнута ⁶⁸⁸).

Кирка въ Рентамяки.

XI. Умственная и общественная жизнь края. Гельсингфорсъ.

Въ 1824 г. генераль-губернаторъ замѣтилъ, что въ учебныхъ заведеніяхъ края нѣтъ единообразія и постоянныхъ правилъ ни въ способѣ преподаванія, ни во внутреннемъ устройствѣ. Оказалось, что десять лѣтъ уже существуетъ комитетъ, которому надлежало высказаться по школьному вопросу, но онъ ни разу не успѣлъ собраться и приступить къ занятіямъ, вслѣдствіе частой смѣны его предсѣдателя и за отсутствіемъ у членовъ комитета,—занимавшихъ постоянныя должности,—свободнаго времени для исполненія порученнаго имъ дѣла⁶⁸⁹). Назначили новый составъ и онъ окончилъ свою работу въ ноябрѣ 1826 г. Проектированныя преобразованія потребовали значительныхъ расходовъ и потому дѣло не двинулось. Въ 1827 г. заговорили объ учрежденіи гимназіи въ Або, но, вслѣдствіе перевода университета въ Гельсингфорсъ, вопросъ отложили. Наконецъ, въ 1828 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе учредить въ г. Або гимназію и тривіальное училище съ упраздненіемъ тамъ каѳедральной школы⁶⁹⁰).

Въ 1834 г. кн. Меншиковъ пожелалъ получить справку о правахъ начальства по наблюденію за частными училищами или пансіонами и Канцелярія Генераль-Губернатора представила переводъ части шведскаго устава о школахъ 4 февр. 1724 г. и объявленія 15 марта 1803 г.—Конечно, постановленія эти давно «пришли въ забытіе и не соблюдаются»⁶⁹¹).

Школа 20 и 30-х годовъ относительно предметовъ и методовъ преподаванія оставалась въ томъ-же положеніи, какъ полтора столѣтія назадъ. По характеру своему она была церковной (*prästs-kola*), такъ какъ въ ней преобладали священное писаніе и латынь. Науки брались памятью и вколачивались ударами нагайки по пальцамъ: «такова была королевская дорога, ведшая юношу къ высотамъ знанія» ⁶⁹²).

Як. Тенгстремъ въ статьѣ, помѣщенной въ «*Aurf*», писалъ, что школа требуетъ внутренняго улучшенія, такъ какъ она имѣла въ виду подготовленіе пасторовъ; однако пути къ преобразованію найти не могли.

Русскій языкъ былъ введенъ въ школу, но являлся обязательнымъ лишь въ двухъ высшихъ классахъ. Обычно-же его преподавали «*Liebhaver*»-амъ; а такъ какъ *Liebhaver*-ы были очень малочисленны, то пользы не приносили; бывали семестры, когда желающихъ вовсе не находилось.

Есть основаніе полагать, что начальство, по возможности, желало содѣйствовать изученію русскаго языка; начиная съ 1825 г., происходили ежегодныя испытанія въ немъ, и инспекторъ постоянно заканчивалъ эти испытанія «напоминаніемъ ученикамъ, чтобъ они съ прилежаніемъ и силой занялись основательнымъ изученіемъ русскаго языка, какъ въ высшей степени необходимаго при подготовленіи себѣ легчайшаго существованія». Въ книгѣ В. Васеніуса о Топеліусѣ имѣется такое указаніе, относящееся къ 1831 году: «Во время экзамена какъ инспекторъ, такъ и нѣкоторые знающіе русскій языкъ слушатели, внутренно досадовали на плохіе успѣхи изученія въ школѣ столь полезнаго для насъ, финновъ, русскаго языка» ⁶⁹³).

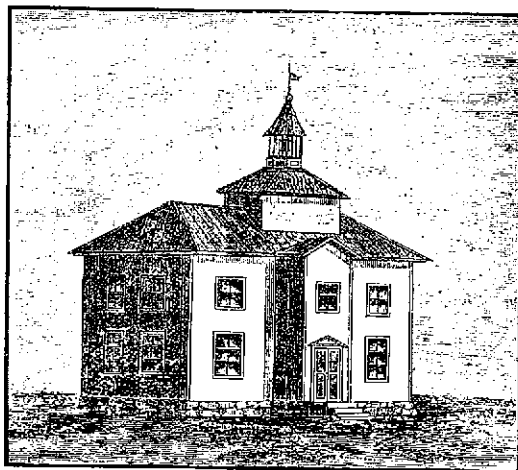
Товарищеская жизнь въ школѣ,—говорилъ Зах. Топеліусъ,—была весьма груба, но не безнравственна. Ученики по очереди обязаны были доставлять въ школу розги. На экзаменахъ обыкновенно присутствовали лица, занимавшія въ обществѣ выдающееся положеніе, въ родѣ губернатора и др. Въ началѣ экзаменовъ ректоръ произносилъ латинскую рѣчь, а по окончаніи *Inspector Scholae*—шведскую, въ которой благодарилъ учителей за ихъ труды и усердіе и призывалъ юношество приучать себя къ нравственнымъ правиламъ ⁶⁹⁴).

Вообще казенныя школы 20—30-х годовъ—преобладающимъ типомъ которыхъ являлись школы тривіальныя—не внушали къ

себѣ довѣрія. Учителя часто были поклонниками Бахуса, не отличаясь нравственными качествами и педагогическими способностями. Въ виду этого, домашнее обученіе было общепринятымъ. Зажиточные родители охотнѣе довѣряли своихъ дѣтей информаторамъ.

Когда въ 1836 г. въ Гельсингфорсѣ, «по мысли субботниковъ», былъ открытъ лицей, болѣе соответствовавшій требованіямъ времени, то въ него охотно устремились сыновья образованныхъ классовъ. Къ «клуббушкѣ» (klubban) прибѣгали здѣсь лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

Въ 1840 г. лекторъ Эдвардъ Бергенгеймъ открылъ въ Або школу, которая по своему внутреннему устройству и педагогическимъ стремленіямъ представляется единственной и совершенно исключительной среди всѣхъ когда-либо существовавшихъ въ Финляндіи учебныхъ заведеній. Это была такъ называемая Бергенгеймовская реальная школа.

Зданіе тривіальной школы.

Онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состоялъ учителемъ въ Фридрихсгамскомъ кадетскомъ корпусѣ и ему такъ понравились господствовавшіе тамъ учебный планъ и дисциплина, что рѣшился по тому-же образцу устроить учебное заведеніе для гражданскаго юношества. Съ этой цѣлью онъ построилъ въ Або довольно большой каменный домъ. Въ обоихъ этажахъ проходили корридоры съ классными комнатами по сторонамъ; кромѣ того, имѣлись рекреаціонный залъ, столовая и общая для всѣхъ интернатовъ спальня; все было помѣстительно и комфортабельно.

Руководящимъ принципомъ этого училища служило то, чтобы вмѣсто древнихъ языковъ дать болѣе значенія новымъ языкамъ, французскому и особенно русскому. О финскомъ языкѣ, какъ учебномъ предметѣ, никто тогда не думалъ. Кромѣ того, учениковъ приучали къ строгой дисциплинѣ, послушанію и порядку; въ молодыхъ впечатлительныхъ сердцахъ старались насадить почтеніе къ авторитету, къ высшему правительству и къ общему великому

государству, «котораго Финляндія составляет лишь незначительную присоединенную часть».

Въ составѣ учениковъ находились, за очень малымъ исключеніемъ, сыновья дворянъ.

Самъ Бергенгеймъ преподавалъ всеобщую исторію, по составленному имъ учебнику, въ которомъ русская исторія была сравнительно подробнѣе изложена, чѣмъ исторія другихъ странъ, даже самой Финляндіи.

Поддержанію порядка много способствовало то, что въ стѣнахъ проведены были рупоры, выходившіе въ одну изъ комнатъ ректора. Ученики знали, что ихъ слова слышны и потому естественно воз-

держивались отъ воспрещенныхъ выраженій и осужденій.

День и ночь ученики находились подъ присмотромъ; безъ разрѣшенія они не могли выходить за школьные ворота, которыя были закрыты, какъ въ монастырѣ. Лишь по воскресеньямъ ихъ отпускали, но не иначе, какъ по требовательнымъ запискамъ родныхъ или извѣстныхъ знакомыхъ.

При воспитанникахъ поочередно дежурили русскій капитанъ Виктеевъ и фонъ-Квантенъ. Могли разговаривать, играть и забавляться, но при

Эдвардъ Бергенгеймъ.

этомъ говорить между собою только по-русски; за этимъ обязаны были слѣдить оба капитана. Дѣлавшіе частыя отступленія отъ этого требованія лишались отпуска. Въ рекреационные часы учились декламации и пѣнію по-русски, или переводили на этотъ языкъ пѣсни.

Эта школа прекратила свое существованіе въ 1843 г.

Нѣсколько лѣтъ спустя Бергенгеймъ назначенъ былъ Финляндскимъ архіепископомъ ⁶⁹⁵).

Въ особомъ положеніи находилось также учебное заведеніе, во главѣ котораго стоялъ Одертъ Грипенбергъ. Онъ былъ горячимъ послѣдователемъ системы Песталоцци и началъ свою педагогическую дѣятельность въ 1812 г., перенося ее изъ одного города въ другой. Онъ получалъ не только ежегодно субсидію, но, въ видѣ награды за его благородныя стремленія, Императоръ Александръ I

пожаловалъ ему 8 т. р. ассигнаціями. Преподаваніе у него велось по методу Сократа, съ цѣлью вызвать въ ученикахъ самодѣятельность. Въ 1827 году отъ нервнаго переутомленія онъ серьезно заболѣлъ, и вскорѣ ослѣпъ. Од. Грипенбергъ явился въ Финляндіи также піонеромъ основательнаго женскаго образованія. Съ 1832 г. онъ издавалъ еженедѣльный листокъ по вопросамъ воспитанія и образованія. Въ 1835 г. онъ открылъ свое училище въ Гельсингфорсѣ.

Въ началѣ 1840 г. статсъ-секретаріатъ Вел. Кн. Финляндскаго представилъ Его Величеству докладъ объ устройствѣ Элементарныхъ учебныхъ заведеній въ Финляндіи. Государь собственноручно надписалъ: «Я нахожу, что этотъ проектъ не согласенъ съ цѣлью; и наполненъ совершенно лишнихъ подробностей; кромѣ того предметы преподаванія совершенно неправильно росписаны; надо его передѣлать, сообразивъ елико можно проще, и ближе къ устройству учебной части въ Россіи» (23 апр. 1840 г.).

Началась передѣлка.

«1841 годъ является эпохою въ исторіи финляндской школы времени Николая I. Подготовительные труды къ реформѣ народнаго образованія, необходимость которой была признана уже вскорѣ по присоединеніи Финляндіи къ Россіи, наконецъ закончились. Въ этомъ году изданы были положенія, направленные къ полному преобразованію школъ, а въ 1843 году былъ выработанъ обстоятельный уставъ для гимназій и другихъ училищъ.

«Этимъ уставомъ для среднихъ учебныхъ заведеній устанавливалась слѣдующая организація. За низшими первоначальными школами, съ однимъ или двумя классами, слѣдовали высшія четырехклассныя начальныя школы и гимназій съ двумя, а впослѣдствіи—тремя классами, гдѣ заканчивалось среднее образованіе, долженствовавшее служить фундаментомъ для высшаго университетскаго образованія. Такія гимназій были открыты въ Або, Борго, Куопіо и Вазѣ. При нихъ состояло 6 лекторовъ (профессоровъ) и учитель русскаго языка ⁶⁹⁶). Въ Выборгѣ организована была шестиклассная гимназія, соединеніемъ уѣзднаго училища съ прежней гимназіей. Въ шести городахъ края, кромѣ имѣвшихъ гимназій, были учреждены высшія начальныя школы, а число низшихъ увеличено до тридцати. Прежнее скудное жалованье учителямъ замѣнялось по новымъ штатамъ приличнымъ содержаніемъ. вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе широкое примѣненіе принципа раздѣленія труда

повлекло за собой увеличеніе личнаго состава преподавателей. Классическіе языки, а въ особенности латинскій, удержали за собою въ учебномъ планѣ преобладающее положеніе, но тѣмъ не менѣе, по сравненію съ прежней программой, всетаки обнаружился прогрессъ въ общегуманитарномъ и реальномъ направленіи. Преподаваніе велось все еще на шведскомъ языкѣ, за исключеніемъ школъ въ Выборгской губерніи, гдѣ нѣкоторые предметы преподавались по-русски и гдѣ этотъ языкъ уже съ 1812 г. былъ включенъ въ число обязательныхъ предметовъ⁶⁹⁷).

Выборгской гимназіи предоставлены были нѣкоторыя льготы по занятію мѣстъ преподавателей русскаго языка въ краѣ и нѣкоторыхъ гражданскихъ служебныхъ мѣстъ въ Выборгской губерніи. Постановлено было также, что только русскіе уроженцы или тѣ русскіе, которые окончили курсъ въ Выборгской гимназіи, могутъ быть назначенными учителями русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ края, а для споспѣшествованія обученію русскаго языка, для каждой,—т. е. Боргоской и Абоской—епархіи края назначался экзаменаторъ по этому языку, который избирался изъ русскихъ уроженцевъ⁶⁹⁸).

Въ 1846 г. Выборгская гимназія была преобразована. Было замѣчено, что прежнія мѣры увѣнчались успѣхомъ и гимназія, едва имѣвшая 12 учениковъ, наполнилась слушателями, число которыхъ превышало иногда 100 чел., причемъ многіе изъ шведскаго курса выразили желаніе слушать лекціи русской словесности. Видя это, генераль-губернаторъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы воспитанники шведскаго курса обязательно слушали во всѣхъ классахъ лекціи русской словесности⁶⁹⁹).

При реформѣ 1843 г. въ финляндскій училищный уставъ внесено было опредѣленіе о включеніи финскаго языка въ программу начальныхъ школъ. Для этого языка наступала новая эра.

До сороковыхъ годовъ правительство въ Финляндіи не учреждало для дѣвочекъ никакихъ учебныхъ заведеній. Болѣе богатые семьи посылали своихъ дочерей въ частные пансіоны или доставали для нихъ изъ Выборга и Ревеля гувернантокъ. О школьномъ обученіи дочерей низшихъ сословій въ то время никто не думалъ.

Реформа 1841 г. распространилась также и на женское образованіе. Правительственныя учебныя заведенія для дѣвицъ были открыты въ Гельсингфорсѣ и Або. Въ Выборгѣ осталось по прежнему высшее училище подъ названіемъ «Töchterschule», но въ

немъ стали преподавать уже не на нѣмецкомъ языкѣ, а на шведскомъ ⁷⁰⁰).

Старыя тривіальныя школы обращены были въ высшія элементарныя училища.

«Реформы эти придали народному образованію въ Финляндіи новую внѣшнюю организацію, а также измѣнили самый учебный планъ въ томъ смыслѣ, что, начиная съ четвертаго класса школы и заканчивая гимназіей, было проведено раздѣленіе на двѣ линіи: классическую, подготовлявшую къ духовно - педагогической (ученой) дѣятельности, и реальную—къ другимъ карьерамъ (гражданской службѣ). ⁷⁰¹).

Для русскаго языка назначено было большое количество часовъ, начиная съ младшаго класса; но ученое (педагогическое) отдѣленіе совершенно было освобождено отъ этого языка.

Въ отчетѣ генераль-губернатора за 1844 годъ значится: «Учебныя заведенія, получивъ новое образованіе и уставъ, имѣли самое благотѣльное вліяніе на Финляндію. Училища наполняются воспитанниками, изъявляющими общее желаніе учиться русскому языку, и вообще замѣтны во всемъ краѣ отголоски вѣрноподданнической признательности къ попеченіямъ Правительства, о воспитаніи растущаго поколѣнія, сообразно его пользѣ, нуждамъ и назначенію».

Въ 1843 г. кн. А. С. Меншиковъ нашелъ необходимымъ переиздать учебникъ ариѳметики. Основаніе для этого князь усмотрѣлъ въ томъ, что прежнія книги примѣнены были къ шведской монетѣ; теперь велѣно было книги и таблицы приспособить «къ русскому серебру, какъ главной—Высочайше установленной—монеты, дабы подростающее поколѣніе уже въ училищахъ привыкло къ оной и въ ариѳметическихъ задачахъ» ⁷⁰²).

Въ 1853 г. для учениковъ гимназій ввели мундиры. Кн. А. С. Меншиковъ, находясь уже въ Севастополѣ, въ качествѣ главнокомандующаго, прислалъ оттуда свое мнѣніе о томъ, чтобы первый годъ не требовать ношенія мундировъ и установить на нихъ простые воротники, чтобы, при переходѣ въ университетъ, легко было ихъ примѣнить къ новой формѣ студента ⁷⁰³).

Съ 1853 г. въ учебныхъ заведеніяхъ края обратили вниманіе на пѣніе и гимнастику ⁷⁰⁴).

Въ 1840 г. гельсингфорскій университетъ праздновалъ свой 200-лѣтній юбилей. Съ нетерпѣніемъ ждали этого года. И онъ, наконецъ, насталъ.

Задолго до торжества, всѣ были оживленно заняты приготовленіемъ къ нему. Всѣ желали достойно отпраздновать его. Прежде всего готовились, конечно, правящія власти университета.

По свѣдѣніямъ одной провинціальной газеты на юбилей съѣхались болѣе 700 (?) семействъ; нѣкоторые прибыли изъ Петербурга, Ревеля и другихъ близко расположенныхъ городовъ. Иныя семейства, какъ говорили, пріѣхали «съ толпой прислуги, чтобъ воспользоваться вмѣстѣ съ тѣмъ морскими купаньями и искусственными минеральными водами». Никогда прежде столько народу не собиралось не только въ Гельсингфорсѣ, но и нигдѣ въ Финляндіи.

Каждый финнъ умѣлъ оцѣнить значеніе предстоящаго празднества. «Въ этомъ длинномъ рядѣ торжественныхъ актовъ», говорилося въ «H-fors Morgonblad», соединяется для финскаго университета союзъ надежды будущности съ памятью прошлаго ⁷⁰⁵).

«Празднованіе 200-лѣтней годовщины университета въ Финляндіи, читаемъ въ воспоминаніяхъ Ал. Дан. Шумахера, дало мнѣ понятіе о томъ значеніи, какое имѣетъ онъ въ странѣ, гдѣ все основано на школѣ, гдѣ все почти населеніе грамотно, гдѣ почти всѣ отрасли управленія судебнаго и административнаго состоятъ изъ чиновъ, получившихъ университетское образованіе, торжество университета явилось поэтому праздникомъ всей страны и торжество это имѣло свои отклики во всѣхъ городахъ и селахъ страны» ⁷⁰⁶).

Черезъ стѣны «юбиляра» прошло съ 1640 по 1840 г. 15.763 студента.

Приглашеніе, посланное Петербургскому университету, гласило: «Мужамъ знаменитѣйшимъ, профессорамъ и прочимъ преподавателямъ С.-Петербургскаго университета кланяемся. Университетъ, основанный въ отдаленной Финляндіи, для водворенія въ сихъ сѣверныхъ странахъ наукъ и искусствъ, претерпѣлъ, подобно ея землѣ, часто разоряемой холодомъ и ненастьемъ, много самыхъ горестныхъ потерь и бѣдствій. Но пронеслись времена мрачныя: наслаждаясь, наконецъ, отраднымъ сіяніемъ солнца, уже кончая второе столѣтіе, онъ намѣренъ празднествомъ возобновить память своего рожденія... Но какъ душа, переполненная великимъ удовольствіемъ, жаждетъ открыться другимъ, такъ и нашъ

Александровскій университетъ пламенно желаетъ найти благо-склонныхъ свидѣтелей своей радости. Итакъ, мужи знаменитѣйшіе—усердно и искренно просимъ васъ»... ⁷⁰⁷).

Студенты г. Упсалы, въ числѣ ста человѣкъ, собирались присутствовать на іюльскомъ праздникѣ Гельсингфорскаго университета. Посредникомъ выступилъ Арвидсонъ. Имѣли въ виду нанять особое судно, чтобы избѣжать полицейскаго глаза въ Або. Узнавъ объ этомъ, Л. Г. Гартманъ (23 мая—4 июня 1840 г.) написалъ кн. Меншикову: «Нѣтъ сомнѣнія, что это новый способъ пропаганды. Нельзя отрицать, что пріѣздъ такой массы молодыхъ людей, преисполненныхъ фальшивымъ либерализмомъ, оставить нежелательные слѣды на нашемъ политическомъ горизонтѣ». Гартманъ просилъ помѣшать этому пріѣзду, при помощи нашего министра въ Стокгольмѣ, «ибо никакое наблюденіе не можетъ остановить просачиваніе подобнаго яда». Графъ Матусевичъ въ Стокгольмѣ получилъ соотвѣтствующія указанія и поѣздка студентовъ не состоялась ⁷⁰⁸).

Нильсъ Абраамъ Урсинъ,
ректоръ университета.

Національное празднество началось вечеромъ наканунѣ юбилея встрѣчей стараго поэта Финляндіи, Франца Михаила Францёна. Онъ пріѣхалъ изъ Швеціи. Онъ—бывшій финнъ—покинулъ родину и переселился въ Швецію. Оказаніе такому лицу особенно горячаго почтенія могло вызвать, какъ говорили, недовольства въ высшихъ сферахъ. Даже и. д. канцлера гр. Ребиндеръ находилъ шагъ рискованнымъ, а «вице-канцлеръ, генералъ Теслевъ, кажется, слышалъ уже пушечные выстрѣлы въ Петербургѣ». «Однако, ректору Урсину удалось дать кому слѣдуетъ успокоительныя капли», и для пріема почетнаго гостя никакихъ препятствій болѣе не ставилось. Его студенты окружили особой теплотой, заботой и почтеніемъ.

Финляндцы недавно получили новый достойный храмъ наукъ и просвѣщенія. Его лѣтницы и сѣни «могли бы служить украшеніемъ Римскому палаццо»,—писалъ О. Булгаринъ. «На такихъ скамьяхъ вѣрно не сиживали никогда германскіе студенты, и съ

такихъ кафедръ никогда не читали профессора Германіи... Это уже ученая роскошь»,—продолжалъ онъ.

Но актовъ залъ—аула-университета не могъ вмѣстить всѣхъ приглашенныхъ. Къ счастью, былъ достроенъ лютеранскій Николаевскій соборъ, но не освященъ. Имъ и воспользовались для торжества. Передъ мѣстомъ для алтаря устроили эстраду.

Утромъ 3—15 іюля пушечные выстрѣлы возвѣстили о началѣ торжества. Когда всѣ собрались въ соборѣ, ректоръ университета Урсинъ въ малиновой бархатной мантии вошелъ на кафедру и произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ. Затѣмъ говорили профессоръ краснорѣчія Линсѣнъ по-шведски и профессоръ Соловьевъ по русски. Между рѣчами и послѣ нихъ пѣли и играла музыка, подъ управленіемъ Паціуса, а также раздавались юбилейныя медали почетнымъ гостямъ. На медали было изображеніе Государя и надпись: *Nicolaus Primus Camenarum Decus et Praesidium*. Украшеніе и Покровъ Камень; на другой сторонѣ значилось: *Academiae Alexandrine Fennorum Sacra Saccularia Secundo; D. XV Julii MDCCCXL*.

Изъ Николаевского собора процессія отправилась въ старую лютеранскую церковь, гдѣ ученое торжество слилось съ религіознымъ. «Ничего нѣтъ благотворнѣе и назидательнѣе,—писалъ одинъ изъ очевидцевъ,—для цѣлой націи этого общенія дольней мудрости съ горнею. Оно смиряетъ мечты юношества и для народа облачаетъ науку въ законную ея одежду добра и свѣта». Затѣмъ слѣдоваль обѣдъ въ гостинницѣ *Societe* (на 350 чел.), во время котораго студенты на шведскомъ языкѣ пѣли «Боже Царя храни».

Въ слѣдующіе дни происходила промоція, т. е. посвященіе въ магистры и доктора. Промоція сопровождалась произнесеніемъ установленныхъ рѣчей. Почетными докторами были избраны гр. Ребиндеръ, Франценъ, В. А. Жуковскій, П. А. Плетневъ и др.

Юбилейныя торжества 1840 г. имѣли бѣльшее значеніе, чѣмъ ранѣе устраивавшіеся академическіе праздники. Они были на этотъ разъ не только праздниками воспоминанія, но праздникомъ преобразованія будущаго. Солнце новаго времени еще не взошло, но ранняя утренняя заря уже алѣла на горизонтѣ. Предчувствія и желанія уже носились въ воздухѣ. Заснувшая нація не была еще разбужена Снелъманомъ, но Калевала и Кантелетаръ были уже въ рукахъ публики, Рунебергъ далъ уже «Ганну» и «Охотниковъ на лосей». Лучшие люди края съѣхались въ Гельсингфорсъ и есте-

ственно между ними произошелъ живой обмѣнъ мыслей и чувствъ. Сердце образованной Финляндіи билось сильнѣе. Торжество 1840 г. въ Николаевской киркѣ было великолѣпнымъ національнымъ актомъ ⁷⁰⁹).

Красивую страницу вписали наши литераторы въ исторію русско-финскихъ отношеній. По мысли Я. К. Грота, гостившіе въ Гельсингфорсѣ русскіе писатели Плетневъ, Максимовичъ, кн. Одоевскій, гр. Соллогубъ устроили обѣдъ, на который пригласили поэта Францена, Рунеберга, Ленрота и нѣкоторыхъ молодыхъ финскихъ литераторовъ. Произошло дружеское сближеніе. Гротъ прочелъ тепло написанное въ стихахъ «Привѣтствіе финляндскимъ литераторамъ», начинающееся словами: «Сыны племенъ, когда-то враждовавшихъ, мы встрѣтились, какъ старые друзья». Далѣе въ стихотвореніи говорилось: «Скрѣпимъ святыя узы: кто чувствами возвышенъ, тотъ намъ свой... Здѣсь, на концѣ Россіи исполинской, мы руку жмемъ вамъ нынѣ отъ души... Да здравствуютъ, воскликнемъ, братья наши... Отнынѣ намъ милѣе финновъ скалы; да будетъ ввѣкъ сей край благословенъ»... «Дань уваженія», была, конечно, пріятна финляндцамъ, какъ отмѣтила «Боргоская Газета». Между собравшимися состоялось соглашеніе издать общими силами литературный Альбомъ. Въ 1842 г. онъ былъ напечатанъ въ Гельсингфорсѣ по-русски и по-шведски. Въ него вошли статьи Я. К. Грота, Ф. М. Францена, П. А. Плетнева, кн. В. О. Одоевскаго, І. Л. Рунеберга, гр. В. А. Соллогуба, И. Ленрота и М. А. Кастрена. Заканчивая свою статью, гр. Соллогубъ писалъ: «Сыны той-же державы, вы раздѣляете съ нами общую любовь нашу къ нашему краю и учитесь понимать нашъ языкъ. Повѣрьте, мы достойны вашей дружбы, потому что мы уважаемъ вполнѣ вашу высокую любовь къ отчизнѣ, потому что и въ нашей груди горитъ святое чувство народности, и мы прикованы душой и сердцемъ къ нашимъ полямъ и нивамъ, къ преданіямъ и чертамъ нашей радушной страны.— И у насъ, какъ въ живописной Финляндіи, таятся разбросанныя по хатамъ и селеніямъ прекрасныя сказанья, звучные отголоски старины..... Пожелайте намъ, добрые сосѣди, скорое успѣха.....

Гр. В. А. Соллогубъ.

пожелайте намъ поскорѣе вырвать съ корнемъ вредныя травы, которыя разрослись у подножія нашего родного дерева и мѣшаютъ скорому его развитію..... А вы съ высоты вашихъ гранитныхъ скалъ, вы тоже порадуетесь тогда съ нами и сольете ваши чувства съ нашими чувствами, ваши мысли съ нашими мыслями, потому что насъ Небо соединило навѣки неразрывно, потому что вы постигли высокое значеніе нашего союза».

«Казалось,—отмѣтилъ Августъ Шауманъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—наступило время настоящаго братскаго соединенія и сближенія между русскими и нашими литературными силами. Но протекло болѣе 50 лѣтъ и «Альманахъ» Грота остался одинокимъ явленіемъ, которому незамѣтно нисколько слѣдовъ подражанія». Все значеніе книги свелось къ тому, что по ней при университетѣ въ теченіе многихъ лѣтъ сдавали экзаменъ по-русскому языку ⁷¹⁰).

П. А. Плетневъ, составляя, какъ ректоръ, отчетъ Петербургскаго университета (за 1840 г.), вспомнилъ о юбилеѣ и написалъ: «Нынѣшній годъ въ качествѣ депутата отъ почтенныхъ сочленовъ моихъ, я видѣлъ сосѣдственный намъ университетъ, который праздновалъ двѣсти лѣтъ своего существованія. Въ нѣдрахъ этого древняго святилища наукъ, я вполне чувствовалъ, чѣмъ университетъ можетъ быть обязанъ своей исторіи..... Александровскій университетъ вполне сохраняетъ весь величественный характеръ своей древности. Его внутренняя жизнь, развившаяся и укрѣпленная опытами, приводитъ въ изумленіе равновѣсіемъ силъ, сосредоточенностью мнѣній, ровностью движенія частей, точностью порядка, достойнымъ уваженіемъ долга и необыкновенною торжественностью формъ въ ученыхъ промоціяхъ. Въ отношеніи къ цѣлому краю Александровскій университетъ остается въ томъ патриархальномъ значеніи, по которому всѣ сословія и всѣ чины гражданства ему одному считаютъ себя обязанными духовною и свѣтскою мудростію. Таковы плоды многолѣтней его исторіи». ⁷¹¹).

Гельсингфорскія торжества закончились, но эхо ихъ долго еще перекашивалось въ періодической печати. Газета «Åbo Underrättelser» (Абоскія Извѣстія) рѣзко стала осуждать обычай промоцій, съ сопровождающими ихъ обѣдами и балами. Газета утверждала, что на нихъ затрачиваются часто послѣднія лепты бѣдныхъ родителей, что промоціи, подобно раку, разъѣдаютъ учащуюся молодежь, родятъ пустое тщеславіе, приучаютъ къ излишествамъ.

Противъ промоцій раздѣлились также голоса въ Швеціи, гдѣ профессора Упсальскаго университета раздѣлились на горячихъ сторонниковъ этого обычая и упорныхъ его противниковъ ¹¹²). Газета «Helsingfors Tidningar» стала на защиту промоцій, исходя изъ положенія: жизни нужна поэзія.

Это въ сущности старый споръ о томъ, можетъ-ли человекъ жить однимъ только умомъ и удовлетворяться однимъ полезнымъ.

Я. К. Гротъ, внимательно отзывавшійся на всѣ выдающіяся общественныя явленія своего времени въ Финляндіи, откликнулся и на этотъ разъ. Онъ представилъ русской публикѣ обширное извлеченіе изъ статьи шведскаго профессора и поэта Аттербома, который съ большою эрудиціей и пыломъ выступилъ на защиту хорошаго обычая. Промоціи наблюдались въ Болонскомъ университетѣ уже въ 1128—1137 гг. и въ Парижскомъ—въ 1159 г. Такимъ образомъ онѣ освящены стариною, имъ насчитывалось болѣе семисотъ лѣтъ. Возстаютъ противъ символическихъ торжествъ университетовъ, но они въ одно и то же время праздники юности, праздники науки, праздники народа, и Карлы и Густавы называли ихъ національными праздниками академій. «Они возникли сами собой потому, что въ нихъ соприкасались удовольствія учениковъ и наставниковъ, радость сыновей и родителей, благодарность и семейственная любовь, благородное соревнованіе и публично оказываемое отличіе, наконецъ—веселье юношеской народной жизни. Юноши выходятъ изъ тихой сѣни академическихъ залъ и рощъ въ бурныя волны вѣка. Кто въ такой моментъ откажется идти въ храмъ, чтобы пожелать имъ благополучія. Кто не согласится, что нѣтъ другого столь важнаго повода къ торжественному пированію,

Нѣмецкая брошюра, изданная по поводу юбилея университета 1840 г.

какъ вступленіе въ гражданскую жизнь, гдѣ все пріобрѣтенное образованіе должно оправдаться поступками и принести зрѣлые плоды отчизнѣ и человѣчеству. Дань, воздаваемая на этихъ празднествахъ, есть дань сугубой красѣ памяти и надеждъ, дань происхожденію новыхъ истинъ отъ старыхъ, дань вѣчной юности науки, зарѣ будущности, которая свѣтлѣетъ съ умноженіемъ числа воиновъ, готовыхъ вести эти силы совершенствованія къ новымъ битвамъ и побѣдамъ» ⁷¹³)? Конечно, нельзя вылуцивать жизнь и надо оберегать хорошо настраивающія символическія торжества, ибо въ нихъ много смысла и поэзіи. Изгонять подобныя торжества изъ жизни—значить не считаться съ коренными потребностями человѣческой природы, нашего духа. Однимъ полезнымъ человѣкъ не удовлетворяется. «Если бы солнце только грѣло и свѣтило, оно было бы не болѣе, какъ огромный фонарь, огромная печка; но оно проливаетъ на землю яркій, весело-дрожащій, радостно играющій лучъ и земля встрѣчаетъ этотъ лучъ улыбкою, а въ этой улыбкѣ невыразимое очарованіе, неуловимая поэзія» (В. Бѣлинскій). Проповѣдь одной лишь практичности въ жизни могла привести къ тому, что пришлось бы заколотить храмы искусствъ, водворить одинъ реализмъ въ наукѣ, одинъ натурализмъ и матеріализмъ—въ литературѣ и философіи ⁷¹⁴). Человѣчество всегда будетъ протестовать противъ такой сухой и холодной односторонности.

Въ срединѣ 40-хъ годовъ общественное вниманіе было привлечено споромъ профессора І. Я. Нордстрёма съ университетской консисторіей и затѣмъ его переселеніемъ въ Швецію.

Юганъ Яковъ Нордстремъ (р. 1811 г.) состоялъ (съ 1834 г.) профессоромъ народнаго и государственнаго права и народнаго хозяйства. Въ юридической области онъ выдѣлился, какъ одинъ изъ лучшихъ ученыхъ Финляндіи. Среди многочисленныхъ его трудовъ первое мѣсто заняло обширное изслѣдованіе «Опытъ исторіи общественнаго строя Швеціи».

Государственное и административное право въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія мало разрабатывались въ гельсингфорскомъ университетѣ. Но въ 30-хъ годахъ эти отрасли правовѣдѣнія получили, наконецъ, такого представителя, который по учености и таланту не уступалъ Калоніусу. Какъ у Калоніуса, такъ и у Нордстрема изложеніе отличается благородствомъ стиля и ясностью

мысли; и въ этой области Нордстремъ до сихъ поръ не имѣетъ соперниковъ.

Сослуживецъ Нордстрема, Я. К. Гротъ, характеризуетъ его въ весьма привлекательныхъ чертахъ. «Вечеръ провелъ у милаго профессора Нордстрема. Вотъ еще замѣчательный финляндецъ. Онъ не по-фински прилеженъ; неимоვნно много работаетъ и пишетъ; нынѣ печатаетъ три толстыя книги. Свѣтски образованъ, не только ученъ; перо легкое и изящное; излишнимъ трудолюбіемъ разстроилъ здоровье, страдаетъ грудью» ⁷¹⁵). Но въ то же время Нордстремъ былъ крайне властолюбивъ и неуживчивъ. «Нордстремъ ученъ и добросовѣстенъ,—читаемъ у Грота,—но хочетъ невозможнаго, т. е. ненарушимаго во всемъ господства права, что возможно только въ идеѣ; оттого онъ часто и очень неосторожно порицаетъ мѣры правительства, и всѣ смотрятъ на него, какъ на неблаго-разумнаго оппозиціонера». Въ консисторіи онъ всегда находился на военномъ положеніи, ведя борьбу съ такъ-называемыми «старичками», придерживавшимися полицейскаго режима и произвола. Однихъ раздражала его неуступчивость, другіе боялись

Проф. I. I. Нордстрёмъ.

его рѣзкой логики и разоблаченія ихъ интригъ. Пребываніе Нордстрема въ Гельсингфорсѣ было временемъ борьбы и споровъ ⁷¹⁶).

Генеральное-же сраженіе между ректоромъ Лагусомъ и Нордстремомъ произошло въ апрѣлѣ 1843 г.—Нордстремъ предложилъ въ консисторіи назначить экстраординарное пособіе доценту Снелъману, который, не получая жалованія, и не имѣя собственныхъ доходовъ, вынужденъ былъ въ противномъ случаѣ покинуть университетъ. По уставу, предложеніе слѣдовало предварительно сообщить ректору, отъ котораго зависѣло внесеніе его на разсмотрѣніе консисторіи. Нордстремъ сталъ самъ излагать свое предложеніе. Ректоръ два раза остановилъ его. Вообще Лагусъ не любилъ его и нѣсколько разъ при всѣхъ упрекалъ его «въ революціонерствѣ».—Нордстремъ въ слѣдующемъ засѣданіи внесъ записку по дѣлу, но ректоръ отказался внести ее въ протоколъ. Разгоря-

ченный Нордстремъ требовалъ рѣшенія (utslag) и, не получивъ его, «съ большимъ азартомъ» покинулъ консисторію и подалъ жалобу прокурору сената. Нѣкоторые профессора приняли его сторону, пробовали негодовать, однако ректоръ, проявивъ много твердости и благоразумія, отъ своего права не отказался. Гр. Армфельтъ доложилъ дѣло Наслѣднику Цесаревичу (февр. 1844 г.), причемъ въ особой запискѣ пояснилъ, что ректору нельзя впредь дозволить «самовольно устранять дѣла отъ доклада». Многіе взглянули на возникшее дѣло, какъ на жизненный вопросъ для университета (lifsfråga) ⁷¹⁷).

Габріэль Вильгельмъ Лагусъ,
ректоръ университета.

Дѣло запуталось.—Оказывается, что Нордстремъ, во время поѣздки въ Стокгольмъ, далъ согласіе на переходъ въ шведскую службу и подалъ въ отставку. Но въ этомъ обѣщаніи онъ, видимо, раскаялся, стараясь остаться въ Финляндіи и сохранить за собой катедру.

Чтобы уладить дѣло, онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ надѣялся внушить свое желаніе начальству.

Впослѣдствіи (іюль 1848 г.) Нордстремъ писалъ Сигнеусу: «Если бы дѣло велось только между Великимъ Княземъ, Шернваль-Валленомъ и мною, то безъ сомнѣнія оно получило

бы другой оборотъ. Но въ него вмѣшался А. Армфельтъ, вѣжливый, какъ всегда, и трусъ, какъ всегда. Да еще вмѣшался и кн. Меншиковъ, изящный, какъ всегда, дипломатиченъ, какъ всегда, и скрытенъ, какими бываютъ подобныя личности. Онъ заподозрѣлъ, что дѣло обстоитъ не такъ, какъ я его излагалъ; потому что приведенное мною обстоятельство было очень просто, очень естественно и во всемъ правдиво; а такъ какъ оно ничего дипломатическаго въ себѣ не содержало, то родилось къ нему недовѣріе, о чемъ онъ очень неопредѣленно высказался Армфельту».

Прошеніе Нордстрема объ отставкѣ было доложено Императору Николаю, которому, согласно данному обѣщанію шведскому королю, ничего не оставалось сдѣлать, какъ изрѣчь свое согласіе ⁷¹⁸).

Нордстремъ обвинялъ гр. А. Армфельта и князя Меншикова въ томъ, что они не нашли формулы для взятія обратно даннаго имъ согласія шведскому правительству. Вѣриѣ предположить, что ни тотъ, ни другой не желали оставленія Нордстрема въ Финляндіи. Кромѣ того, А. П. Теслевъ заявилъ, что либо онъ, либо Нордстремъ долженъ оставить службу.

Далѣе предоставимъ слово финляндцамъ, современникамъ Нордстрема. Маннергсѣмъ находилъ, что утвержденіе—будто бы удаленіе Нордстрема изъ отечества есть національное несчастіе—преувеличено. Онъ не вѣрилъ, что это задушитъ Финляндію ⁷¹⁹).

23 янв. 1843 г. А. Бломквистъ писалъ І. Г. Шегрену въ Петербургъ: «Въ научномъ отношеніи переселеніе Нордстрема составило бы большую потерю, хотя и не незамѣнимую. Я думаю, что онъ довольно честный человѣкъ и съ добрыми намѣреніями; но онъ слишкомъ вспыльчивъ, почти политическій крикунъ (gabulist) и не подходитъ къ нашимъ отношеніямъ, почему часто причиняетъ непріятности. Для насъ важно сумѣть ловко лавировать между Сциллой и Харибдой; Сцилла находится на западъ, а Харибда.....»

23 февраля и 24 іюня 1845 г. Бломквистъ вновь берется за перо и сообщаетъ Шегрену: Нордстремъ никогда не научится воздержанію, а оно необходимо въ наше время и при нашихъ обстоятельствахъ. Идя прямокомъ, ничего не добьешься. Еще скажу *sine ira et studio*. Если-бъ онъ остался, то игралъ бы двойную игру.

19 іюня 1845 г. Маннергеймъ писалъ Бломквисту: «Многіе изъ тѣхъ, которые нынче считаютъ себя имѣющими значеніе, какъ-то Котень, Е. Шернваль и другіе мальчишки, оплакиваютъ его уходъ. Ты увидишь, что онъ въ Швеціи скоро или подымется высоко, или же падетъ до ничтожества. Въ той странѣ не очень то чтутъ чужеземцевъ».

Мы же, вмѣстѣ съ Генриціусомъ, признаемъ, что переселеніе профессора Іоанна Якова Нордстрема въ Швецію, лишило Финляндію человѣка твердаго характера, выдающагося авторитета въ наукѣ и способнаго учителя. ⁷²⁰).

Государь Николай Павловичъ, будучи Наслѣдникомъ, въ теченіе 10 лѣтъ носилъ званіе Канцлера Финляндскаго университета; вступивъ на Престолъ, передалъ это званіе Его Высочеству

Александрѣ Николаевичѣ.—Секретаремъ по дѣламъ университета у Канцлера состоялъ Шультенъ. Графъ Армфельтъ хотѣлъ сдѣлать секретаремъ Путятѣ. Но этому воспротивился Ребиндеръ, находя страннымъ сдѣлать секретаремъ финляндскаго университета не-

Наслѣдникъ Цесаревичъ Вел. Кн. Александръ Николаевичъ.
Канцлеръ университета.

финляндца, каковъ Путятѣ. Но тутъ Ребиндеръ неправъ, прибавляетъ Я. К. Гротъ ⁷²¹).

Всякая мелочь доводилась до Его Высочества Канцлера. Пожаловался книгопродавецъ Васеніусъ, что ему не дали исключительнаго права быть университетскимъ коммисіонеромъ. Доложили

Наслѣднику Цесаревичу (20 марта 1852 г.). Возникъ вопросъ о кофе въ читальной студентовъ—спрашивали Канцлера. И т. д.

Бракосочетаніе Наслѣдника съ принцессой Гессенъ-Дармштадтской Маріей Александровной было отпраздновано въ апрѣлѣ 1841 года въ Гельсингфорсѣ парадомъ, иллюминаціей и баломъ. Университетъ отмѣтилъ бракъ своего Высокаго Канцлера особымъ актомъ съ программой и рѣчами на латинскомъ языкѣ. Программа и приглашеніе на торжество (*Sacra hymeneia gaudia*) составлены высокимъ слогомъ. Въ нихъ говорилось, что бракосочетаніе состоялось «въ золотыхъ чертогахъ», что невѣста «украшена розами здоровья» и окружена «сонмомъ харить и амуровъ». За миръ, процвѣтающій въ Имперіи, Августѣйшему отцу (Императору Николаю I) благодарность будутъ приносить «самые отдаленные времена». «О, счастливѣйшее молодое поколѣніе финновъ... съ чистыми правами, жизнь коихъ протекала тихо, но зато была пріятна владыкамъ... и всегда была изукрашена чудными добродѣтелями»... «Радуйся же наше дорогое отечество; радуйся, радуйся и ты, университетъ Финляндіи, удостоенный имени Александра Благословеннаго»... Въ заключеніе «всѣ вѣрные и честные гражданае всей Финніи», всѣ члены Александровскаго университета молили Всевышняго за своего «Высокаго Мецената» ⁷²²).

Въ апрѣлѣ 1842 г. финляндскія власти были поставлены въ извѣстность, что Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтитъ Финляндію. Нужныя приготовленія были сдѣланы ⁷²³).

15—27 мая, послѣ обѣденнаго времени, слышались салюты изъ Свеаборга. Народъ высыпалъ къ берегу. Окна плотно облѣплены головами. Но вскорѣ узнали, что Великій Князь присталъ въ Брунспаркѣ, у заведенія минеральныхъ водъ, и оттуда инкогнито проѣхалъ по городу въ домъ генерала Теслева, гдѣ ему была отведена квартира. Народъ окружилъ домъ. Наслѣдникъ раза два показался у окна. Вечеромъ онъ совершилъ въ коляскѣ прогулку по городу съ гр. А. Армфельтомъ.

На другой день состоялся парадъ и затѣмъ всѣ собрались въ университетъ. Въ Консistorіи послѣдовало небольшое засѣданіе. Дѣла прочитывались по-шведски; гр. Армфельтъ докладывалъ ихъ Канцлеру по-русски ⁷²⁴).

Осмотрѣвъ музей и другія помѣщенія, Великій Князь посѣтилъ парадную залу, гдѣ стояли студенты по отдѣленіямъ, со своими кураторами и инспекторами. Ставъ передъ каедрой, Авгу-

стѣйшій Канцлеръ на русскомъ языкѣ изъяснилъ свое удовольствіе поведеніемъ и усердіемъ студентовъ. Говорилъ онъ съ такимъ искреннимъ благоволеніемъ, съ такою сердечною теплотою, что, не зная языка, можно было понять его. При Его выходѣ изъ зала грянуло безконечное ура.

Наслѣдникъ продолжалъ осмотръ обсерваторіи, ботаническаго сада и пр.

Вечеромъ—прекрасная иллюминація. Огненные полосы видѣлись на Николаевскомъ соборѣ, обсерваторіи; передъ университетомъ пылало огненное А.—Вечеромъ—балъ въ Сосіете.

На слѣдующій день сосредоточіями торжествъ явились Теле и Брунспаркъ. Теле—тѣнистый садъ съ ласкающими глазъ видами.

Чудный майскій вечеръ; Брунспаркъ наполненъ народомъ. Около 9 часовъ по аллѣе, въ коляскѣ, Цесаревичъ направился къ пристани. Дамы въ бальныхъ туалетахъ и безъ шляпъ провожаютъ его. Пристань полна студентовъ и пока Высокій Гость усаживался въ шлюпку, они поютъ ему финскую пѣсню. Наслѣдникъ переходитъ на пароходъ «Геркулесъ»—студенты оглашаютъ водное пространство звуками гимна; и—какъ послѣднее прощаніе—гремить ура....

Присутствіе добраго Канцлера,—прибавляетъ Я. К. Гротъ,—побѣдило даже флегму добрыхъ финновъ. Профессора, какъ и всѣ, не могли нахвалиться его обращеніемъ, въ которомъ, по выраженію одного изъ нихъ, отражается «noblesse» въ высшей степени ⁷²³). Общій восторгъ, всегда повышенный при посѣщеніи высокихъ особъ, перешелъ всякіе предѣлы, при видѣ благородной высокой осанки 24-хъ лѣтняго Великаго Князя, величаваго, мужественнаго, спокойнаго во всѣхъ пріемахъ ⁷²⁴).

Въ 1842 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ впервые, какъ Канцлеръ университета, посѣтилъ Гельсингфорсъ, и гр. Армфельтъ испросилъ 1.285 р. ежегодно на поѣздки молодыхъ ученыхъ въ Москву, для изученія русскаго языка. Образовались такимъ образомъ Александровскія стипендіи.

Въ концѣ 1847 г. въ университетѣ произошла большая перемѣна. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ скончался старый вице-канцлеръ А. П. Теслевъ и, вмѣсто миролюбиваго, бѣловолосаго генерала, руководителемъ

университета сдѣлался только-что прибывшій съ Кавказа ген.-м. Юганъ Мауритцъ Норденстамъ. На Кавказѣ прошли лучшіе годы его службы. Тамъ онъ получилъ много разныхъ отличій и заслужилъ, благодаря своему рыцарскому характеру, извѣстность лучшаго финляндца на русской службѣ. Теперь онъ занималъ должность Нюландскаго губернатора.

Соотечественники встрѣтили его возвращеніе на родину со смѣшанными чувствами. Молодежь, съ своими патріотическими иллюзіями, возлагала на него большія надежды. Другіе наши его обращеніе сухимъ и военнымъ. Третьи иронизировали надъ его большими «грузинскими заслугами» и щедрымъ ихъ вознагражденіемъ (его окладъ достигалъ 22.750 р.⁷²⁷). Проживъ 18 лѣтъ въ Грузіи, естественно, что онъ отсталъ отъ европейской цивилизаціи,—говорили иные,—и мудрено, чтобъ сумѣлъ, какъ слѣдуетъ, управлять университетомъ, «но можетъ быть особая способность кроется въ его генеральскихъ эполетахъ»⁷²⁸). Не бѣда, если онъ не знаетъ университета,—разсуждали нѣкоторые,—лишь бы ему попался хорошій совѣтникъ. «Смотрите, какъ бы онъ не заставилъ еще больше сожалѣть объ А. П. Теслевѣ. Старикъ имѣлъ свои хорошія стороны, а корову жалѣешь, когда стойло опустѣло»⁷²⁹).

Президенту Выборгскаго гофгерихта онъ показался «могучимъ и разсудительнымъ человѣкомъ»⁷³⁰). «Онъ сумѣлъ многое сдѣлать въ эту эпоху, онъ плаваетъ въ маслѣ», глубокомысленно заключали многіе. Иного мнѣнія держался С.-Михельскій губернаторъ Теслевъ (родственникъ бывшаго вице-президента, знавшій его по прежней службѣ) «это болѣе хорошій канцелярскій начальникъ, нежели государственный человѣкъ. По своему характеру, довольно жесткому, онъ никогда ни съ кѣмъ не можетъ сбли-

І. М. Норденстамъ.

зиться и не способенъ имѣть друга» ⁷³¹). Итакъ, несомнѣнно, что появленіе Норденстама заставило много говорить о немъ.

Первое его впечатлѣніе, произведенное на студентовъ, было прекрасное. На нихъ вліяла его красивая мужественная осанка, его серьезная рѣчь, проникнутая благородными и гуманными стремленіями поощрять знаніе и таланты ⁷³²).

Назначеніе энергичнаго генерала Норденстама отразилось прежде всего на перепискѣ: она увеличилась и оживилась ⁷³³).

Въ письмахъ Я. К. Грота читаемъ: «По порученію Норденстама занимаюсь я теперь сухою, но не безынтересною работою: составляю сравнительную таблицу штатовъ по университетамъ: нашему, дерптскому и харьковскому (какъ представителю провинціальныхъ русскихъ университетовъ). Нашъ вице-канцлеръ намѣренъ, кажется, привести наши штаты въ бѣольшое единство съ остальными, и за это ему скажутъ спасибо, потому что у насъ, вообще говоря, оклады скуднѣе. Результатъ общій вышелъ вотъ какой: нашъ университетъ стоитъ финской казнѣ ежегодно 255.000 руб. асс., Дерптскій—440.000 руб. асс., а Харьковскій—370.000 руб. асс.—государственному казначейству. Но къ средствамъ нашего надо еще прибавить собственныя его экономическія суммы и частныя приношенія, которыя также составляютъ довольно значительный источникъ доходовъ. Нашъ университетъ очень много пріобрѣтаетъ отдачею своихъ суммъ въ заемъ съ платою шести процентовъ. Это—старинное его право» ⁷³⁴).

На это Плетневъ отвѣтилъ: «Хотя и любопытны твои выводы касательно суммъ, которыхъ стоятъ университеты, но для Норденстама еще полезнѣе будетъ, когда онъ ознакомится съ такими особенностями университетовъ, по которымъ одинъ или другой изъ нихъ въ силахъ блистательнѣе прочихъ распространять лучи ученыхъ своихъ успѣховъ. Такъ, Дерптъ гораздо болѣе выставилъ свѣту блистательныхъ изъ нѣдра своего именъ, нежели Або. Вотъ и надобно дознаться, въ чемъ заключается причина подобнаго явленія» ⁷³⁵).

Студенческая жизнь въ тѣ времена, съ господствовавшими въ ней патріотическимъ энтузіазмомъ и высокими стремленіями, имѣла, конечно, и свои слабыя и дурныя стороны.

Новому вице-канцлеру, какъ человѣку, который никогда ранѣе не имѣлъ дѣла съ университетомъ и студентами, и сжилъ съ военной дисциплиной, многое, что онъ увидѣлъ и испыталъ въ Гельсинг-

форсе́, должно было показаться чудовищно противорѣчащимъ порядку и приличію. Тѣмъ не менѣе вначалѣ онъ предоставилъ дѣламъ идти спокойно своимъ путемъ. Онъ первый семестръ своего канцлерства выхлопоталъ даже для студентовъ то, чего они тщетно добивались въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, а именно: право по старинному обычаю устраивать майскій праздникъ. Послѣ пирушки въ 1836 г., на которой сверхъ о́фициальной программы, произнесень былъ Снельманомъ тостъ за родину, власти запретили майскія празднества и студенты не смѣли повторять просьбы о его разрѣшеніи.

Давнишній обычай встрѣчать весну майскимъ праздникомъ на открытомъ воздухѣ заимствованъ у скандинавскихъ студентовъ.

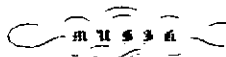
Норденстамъ не усмотрѣлъ ничего предосудительнаго въ томъ, что студенты желали отпраздновать весну на лонѣ природы. Весной 1848 года, давно желанная мечта студентовъ осуществилась ⁷³⁶). Старая традиція абовскихъ временъ была возстановлена, и Норденстамъ пріобрѣлъ общее расположеніе молодежи ⁷³⁷).

Въ исторіи Финляндіи майскому празднику 1848 г. придали впоследствии совершенно особое значеніе. Прежнія маевки имѣли характеръ полуофициальныхъ торжествъ; праздникъ 1848 г. далъ большой импульсъ зарождавшемуся національному движенію и явился, по толкованію финляндцевъ, освященіемъ національнаго гимна. На Западѣ особенно пышно распустилась тогда революціонная весна. «Потоки жизни и огня, которые кровавыми переворотами бушевали по Европѣ, заставили спокойныхъ финновъ сбросить съ себя сонливость»,—пишетъ финляндецъ нашихъ дней Э. Нервандеръ ⁷³⁸).

Былъ свѣтлый майскій день. На солнцѣ нѣжилась первая зелень. Быть можетъ, свѣтлая весна Финляндіи никогда не была прекраснѣй весны 1848 года,—продолжаетъ Нервандеръ,—природа одѣлась въ раннюю дѣвственную зелень, тихіе вѣтерки проноси-

WÄRT LAND

ORIG. av J. L. RUNEBERG.

af

G. RASCH.

HELVINGFORS

Maj 1848

Just. T. Gustafson

Rev. Dr. J. J. J. J.

Thore och F. Torgsten.

Вортъ Ландъ (Нашъ Край).

Слова I. Л. Рунеберга.

Музыка Ф. Паціуса.

1848.

лись по рано вскрывшемуся заливу и безчисленнымъ озерамъ. «Желѣзный вице-канцлеръ» не только разрѣшилъ гулянье, но самъ принялъ приглашеніе студентовъ. Жизнь и радость охватили молодежь; приложены были всѣ старанія устроить праздникъ возможно достойно и вмѣстѣ съ тѣмъ жизнерадостно, красиво и весело. Окруженный холмами, покрытыми березами лугъ въ Гумтѣ (Gumtäcksängen), откуда виднѣлся лиманъ Финскаго залива, былъ избранъ мѣстомъ празднества.

Паціусъ сочинилъ мелодію на слова Рунеберга «Vårt land».

Я. К. Гротъ сохранилъ для потомства наиболѣе характерные эпизоды этого дня. Собравшись передъ университетомъ въ 3 часа послѣ обѣда, студенты въ процессіи, съ музыкою, потянулись за городъ. Начали съѣзжаться гости. У входа на лугъ стояло нѣсколько студентовъ для ихъ приѣма. У двоихъ въ рукахъ было по большому медовому рогу, изъ которыхъ просили пить по старому обычаю. Въ двухъ мѣстахъ стояли полковые музыканты. По срединѣ развѣвался огромный прекрасно сдѣланный флагъ, на которомъ изображенъ былъ гербъ Финляндіи; хотѣли было употребить его въ видѣ знамени, по примѣру шведскихъ университетовъ, но этого Норденстамъ не позволилъ. Далѣе разставлены были столы съ огромными самоварами, для приготовленія грогу (тодди), и съ боченками, въ которыхъ былъ пуншъ и вино. За столами раскинуто было нѣсколько палатокъ на случай дождя. На возвышенномъ мѣстѣ стояла скамейка и на нее по временамъ становились ораторы, по очереди предлагающіе тосты. Въ этомъ-то и заключалось главнымъ образомъ празднество. Когда не играла музыка, пѣли хоромъ пѣсельники изъ студентовъ. Въ числѣ почетнѣйшихъ гостей находился помощникъ генералъ-губернатора Рокасовскій. Число участвовавшихъ въ устройствѣ пира было около 300; да приглашенныхъ было человѣкъ 200. Пѣвчіе, вмѣстѣ съ гвардейской музыкой, въ первый разъ пропѣли «Vårt land». Впечатлѣніе было совершенно исключительное,—удостовѣряетъ З. Топеліусъ. Насколько возможно было обозрѣть большое, наполненное народомъ, поле, вездѣ, безъ всякаго побужденія или предварительнаго согласія, обнажались головы, и когда послѣ послѣдняго стиха послѣдовало громовое ура, многихъ душили слезы ⁷³⁹).

Тосты со скамьи предложены были за Государя, за Канцлера, за Финляндскій Сенатъ, за вице-канцлера, за ректора, за профес-

соровъ, за финляндскихъ служащихъ, за «отечество». Лучше всѣхъ говорилъ Сигнеусъ, который предложилъ тосты за Канцлера и отечество (т. е. Финляндію). Онъ говорилъ съ большимъ воодушевленіемъ, присутствіемъ духа, съ чувствомъ, умомъ и тактомъ. Отъ его словъ всѣ пришли въ восторгъ, который выразился нескончаемыми ура и метаніемъ студенческихъ шапокъ въ воздухъ. По окончаніи тостовъ гости приглашены къ вечерней закускѣ (sexa). Тутъ Норденстамъ выпилъ за студентовъ. Когда онъ окончилъ, студенты закричали ура, подняли его на руки и начали качать.

Студенческая маевка 1848 г. около Гельсингфорса.
Рѣчь проф. Фр. Сигнеуса.

Вырвавшись на свободу, онъ догадался, что ему уже ничего болѣе не остается какъ уѣхать.

Студенты возвратились въ городъ, опять въ процессіи и съ музыкой ⁷⁴⁰).

«Описаніе студенческаго праздника прелестно,—отвѣтилъ Плетневъ. Я не могъ воспротивиться искушенію: составилъ изъ него собственноручную выписку и отправилъ ее въ Царское Село къ Канцлеру—Наслѣднику Цесаревичу. Въ своемъ письмѣ къ его Высочеству я сказалъ, что сердце его вѣрно порадуетъ благороднымъ отношеніямъ между подчиненными и начальствомъ университета. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ все прекрасно. Такъ бы должны себя

вести всѣхъ университетовъ сословія» ⁷⁴¹). Въ слѣдующемъ письмѣ Плетневъ сообщилъ: «На выписку мою изъ твоего письма о праздникѣ 1-го—13-го мая Канцлеръ вашъ сегодня прислалъ мнѣ слѣдующій собственноручный отвѣтъ: «Благодарю. Читалъ съ большимъ любопытствомъ».

Сдерживая друга, Гротъ написалъ: «Не вывелъ-бы Канцлеръ слишкомъ хорошаго заключенія изъ описанія майскаго праздника: есть и у насъ свои дурныя стороны» ⁷⁴²).

Историческое значеніе майскому празднеству 1848 г. придано вслѣдствіе того, что студенты впервые исполнили національную пѣсню Рунеберга «Нашъ край», а Фр. Сигнеусъ произнесъ замѣчательное слово объ отечествѣ. О послѣднемъ очевидецъ, профессоръ З. Топеліусъ, удостовѣряетъ слѣдующее. Уже успѣли привыкнуть къ рѣчамъ Сигнеуса на всѣхъ студенческихъ празднествахъ, но такой рѣчи, какъ эта, произнесенная при здравницѣ, никогда прежде, ни послѣ не произносилось въ этомъ краѣ. Онъ говорилъ непрерывно цѣлый часъ. Толпа народа стояла безмолвно ⁷⁴³).

Рѣчь Фр. Сигнеуса никогда не была записана, слѣдовательно, также никогда не была напечатана: она явилась полной импровизаціей. Исходной точкой служило имя Финляндіи; указывалось, какъ оно прозвучало для финновъ изъ ночи сказокъ; какъ оно служило угрозой для чужеземца и очарованіемъ для своихъ; какъ оно было начальнымъ словомъ для всего, что финнамъ свято и дорого на землѣ; какъ оно росло въ теченіе вѣковъ, то осмѣянное, то прославленное, какъ оно проникало въ финское существо съ колыбели до могилы; оно согрѣвало духъ воина, когда онъ проливалъ кровь на полѣ битвы; какъ оно укрѣпляло духъ усталаго пахаря, когда онъ боролся съ полярными силами для цивилизаціи Европы; какъ это имя было неотчуждаемо, какъ жизнь и даже больше жизни; какъ оно пригибало измѣнника къ землѣ, и какъ подымало слабыя силы честнаго гражданина; какъ оно для своихъ сыновъ содержало въ себѣ все, требовало всего, давало все, и какъ для славы этого имени, его почетнаго мѣста и неомраченнаго продолженія въ теченіе вѣковъ, финны должны жить и умирать ⁷⁴⁴). Такъ передаетъ Топеліусъ содержаніе рѣчи Сигнеуса.

Заходящее солнце уже заливало зеркальныя воды Гаммельштадскаго залива блестящимъ золотомъ. Ораторъ протянулъ свою руку—при захватывающихъ словахъ изъ стихотворенія Рунеберга (*Den femte juli*): «Скажи, развѣ не должно умереть

за этотъ край»—и съ этими словами онъ сошелъ съ трибуны ⁷⁴⁵).

Невозможно передать произведеннаго впечатлѣнія. Мнѣ думается, писалъ З. Топелиусъ, что 13 мая 1848 г., крещеніе Vårt land'a и рѣчь Фридриха Сигнеуса составили эпоху, потому что съ этого дня, при посредствѣ собравшихся слушателей на майскомъ лугу, и прежде всего благодаря молодежи, вышелъ лозунгъ будущности для всего края, и направленіе времени съ этого дня стало замѣтно инымъ во всѣхъ формахъ развитія. Трудно измѣрять величину такихъ впечатлѣній, которыя въ теченіе вѣковъ зрѣли въ неясныхъ чувствахъ и, вызванные къ жизни, нуждаются въ другихъ вѣкахъ, чтобы созрѣть для дѣятельности. И если станешь искать замѣтныхъ внѣшнихъ дѣйствій, то достаточно вспомнить, какъ съ того времени всѣ національные вопросы начали принимать формы и развиваться въ партіи; литература на финскомъ языкѣ начала развиваться съ такою быстротою, что наводила страхъ на вершинахъ власти; университетъ и его консисторія были измѣнены; по выраженію Сигнеуса, «новое время вмѣстѣ съ проф. Рейномъ взошло на ректорское кресло университета»; Иоганъ Вильгельмъ Снелъманъ изъ торговой конторы перешелъ на академическую кафедру, а оттуда—къ управленію финансами края; реформы просачивались по всѣмъ направленіямъ ⁷⁴⁶).

Прошли десятки лѣтъ. Финляндія отпраздновала полустолѣтіе со дня освященія своего гимна, и теперь писатель края, подводя итоги прошлому, заявляетъ: «Финская революція» 1848 года была, какъ подобаетъ финскому народу, произведена спокойно и открыто силою пѣсни и слова, подъ открытымъ Божьимъ небомъ и въ свѣтломъ блескѣ весенняго солнца» ⁷⁴⁷).

Майскимъ торжествомъ закончился лучшій періодъ вице-канцлерства генерала Норденстама. Начались студенческія осложненія.

Въ общей массѣ студенты вели себя осторожно, тихо и прилично и особыхъ «исторій» среди нихъ не было, если не считать единичныхъ случаевъ буйства, обычныхъ кутежей молодежи и нѣсколькихъ кошачьихъ концертовъ, устроенныхъ лицамъ, вызвавшимъ ихъ нерасположеніе ⁷⁴⁸).

1849 годъ въ студенческихъ аналахъ отмѣченъ, кажется, только кошачьимъ концертомъ, устроеннымъ передъ домомъ проф. Аминова, да нападеніемъ на русскихъ офицеровъ ⁷⁴⁹). Первая исторія

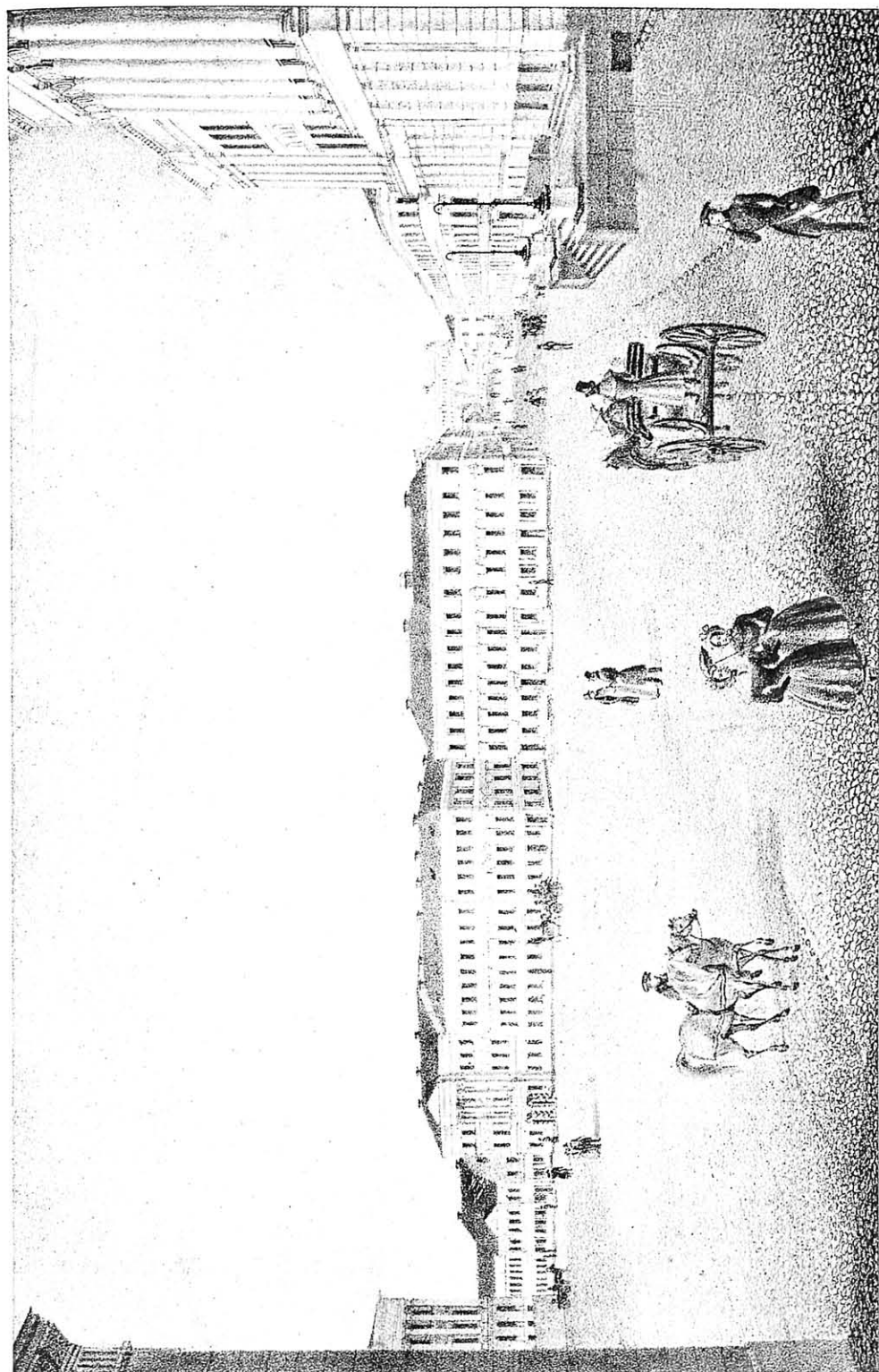
кончилась очень красиво: виновные были удалены изъ университета, по ходатайству самихъ-же студентовъ.—Узнавъ о столь похвальномъ ихъ поведеніи, Государь повелѣлъ прекратить дальѣйшія взысканія и объявить Высочайшее свое удовольствіе за то, что студенты берегутъ честь своего университета ⁷⁵⁰).

О нападеніи студентовъ на русскихъ офицеровъ Александръ Невельской официально сообщилъ слѣдующее: Военный корветъ «Наваринъ» прибылъ изъ Ревеля въ Свеаборгъ. Офицеры съѣхали на берегъ въ Гельсингфорсъ. Въ отелѣ «С.-Петербургъ» одинъ изъ нихъ, принявъ студента за маркера, попросилъ его подать огня. Студентъ отвѣтилъ бранью на шведскомъ языкѣ. Офицеръ, замѣтивъ свою ошибку, извинился. Когда подали вино, онъ, протянувъ рюмку студенту, вторично извинился. Студентъ, оттолкнувъ рюмку, выбѣжалъ изъ гостиницы. Офицеры (всего 4 человекъ) усѣлись ужинать. По окончаніи его, вышли изъ трактира и у самыхъ воротъ были встрѣчены толпой въ человекъ 40, которые палками стали наносить удары офицерамъ. Тѣ крикнули гребцовъ и при ихъ помощи освободились отъ нападенія ⁷⁵¹).

Другихъ особыхъ выступленій въ студенческой хроникѣ не значится.

Гораздо хуже было то, что въ студенческую среду стало проникать политиканство. Ильмони писалъ 3 янв. 1850 г., Ранкену, что господствующій при университетѣ духъ возрастающаго политическаго крика, грубость, дикія удовольствія, бездѣліе и пр. ничего хорошаго не предвѣщаютъ, также какъ и склонность къ глупымъ общественнымъ выходкамъ, какъ, напримѣръ, кошація серенада Маннергейму, «проклятая исторія именно теперь, когда перерабатываются академическіе уставы». Политиканство студентовъ огорчало также Вассера, который считалъ его «формой общей европейской болѣзни» ⁷⁵²).

Въ тѣ времена университеты, кажется, вездѣ причиняли нѣкоторое безпокойство администраціи. Молчаливому Меншикову, въ письмѣ къ барону Котену отъ 1—13 апр. 1850 г., пришлось коснуться университета и князь неожиданно раскрылъ нѣсколько тайникъ своей очень замкнутой души. И что же мы узнали? Два признанія: одно—объ университетѣ, второе—о немъ самомъ «Въ наше время,—читаемъ въ письмѣ,—университеты это—бѣдствіе для страны, въ которой есть порядокъ; но я знаю, что многіе желаютъ сохранить этотъ порядокъ, и, связанное съ нимъ, благосостояніе Финлян-

Южная часть Сенатской площади г. Гельсингфорса. 1838 г.

діи, и такихъ людей больше, чѣмъ желающихъ противнаго, и надѣюсь, что примѣръ другихъ правительствъ, какъ республиканскихъ, такъ и монархическихъ, не пропадетъ даромъ для благомыслящихъ людей нашей страны, я говорю нашей, ибо я преданный финляндецъ».

Другой крупный администраторъ того времени, Л. ф.-Гартманъ, очень не жаловалъ гельсингфорскихъ профессоровъ, находя ихъ упрямыми, когда дѣло касалось нововведеній, и педантичными, когда затрагивались вопросы мертвой латыни или права ихъ консисторіи. «Главная причина ихъ заблужденій заключалась въ ихъ совершенномъ удаленіи отъ общества и недостаткѣ практической опытности».

Менѣе другихъ къ университету былъ расположенъ, кажется, гр. О. О. Бергъ. У него для этого особая причина. «Университетъ-же здѣшній впрочемъ есть единственное мѣсто въ Финляндіи, которымъ я былъ постоянно недоволенъ, потому что онъ до сихъ поръ еще составляетъ какъ бы гнѣздо, въ которомъ до извѣстной степени сохраняется шведскій элементъ».—Гр. Бергъ обвинялъ при этомъ болѣе профессоровъ, чѣмъ студентовъ.

Подобныя обвиненія обрушивались на университетъ главнымъ образомъ вслѣдствіе поведенія буйныхъ студентовъ, которые шумѣли въ ресторанахъ, дрались на улицахъ, протестовали въ стѣнахъ университета. Шведскій элементъ въ данномъ случаѣ если и игралъ роль, то очень незначительную. Въ городахъ Германіи и Швеціи, гдѣ находятся студенты и расположены гарнизоны, схватки студентовъ съ войсками не рѣдкость. А тамъ нѣтъ разности языка, тамъ всѣ одной націи. Не естественнѣе-ли поэтому объяснить студенческія выходки степенью ихъ культурности и проявленіемъ молодой удалы?

28 Марта 1850 г. графъ А. Армфельтъ, съ согласія Канцлера, напелъ необходимымъ секретно написать Норденстаму, что Его Императорскому Высочеству извѣстно, что студенты посѣщаютъ по утрамъ городскіе трактиры и проводятъ время въ буфетѣ или за билліардомъ; это не соотвѣтствуетъ цѣли университета, ведетъ къ бесполезной расходѣ скудныхъ средствъ ихъ родителей. Если это справедливо, то графъ проситъ вице-канцлера употребить должную власть, какъ мѣстный начальникъ университета и какъ главный начальникъ городской полиціи.

Генераль Норденстамъ отвѣтилъ, что внутреннее управленіе университета производится слишкомъ безотчетливо, студенты-же

ведутъ себя, какъ прежде, но за ними ранѣе не было столь строгаго присмотра, какъ теперь. Роскошь усилилась во всей Финляндіи, а особенно въ Гельсингфорсѣ, и это отозвалось на студентахъ, пользующихся вообще неограниченной свободой. Чѣмъ проще нравы и чѣмъ меньше развита общественная жизнь, тѣмъ прочнѣе нравственность и наоборотъ. Слѣдовательно, Финляндія подвержена лишь общему закону. Въ ней нѣтъ уже болѣе того патріархальнаго повиновенія и уваженія къ старшимъ, коимъ отличались финны, возрасли самонадѣянность и своеволие. Все это вліяніе духа времени, проникшее въ этотъ дальній уголокъ земли. Власть онъ, генераль, готовъ усилить, но прибавляетъ, что, по его мнѣнію, строгостью нельзя искоренить зла. Строгостью онъ дѣйствовалъ и въ теченіе двухъ лѣтъ удалилъ 16 студентовъ изъ университета ⁷⁵³).

Требованіе гр. Армфельта привело къ тому, что 11 іюля 1850 г. Норденстамъ представилъ проектъ дополнительныхъ правилъ для наблюденія за поведеніемъ студентовъ.

Нововведенія вице-канцлера и письмо гр. А. Армфельта, доложенныя консисторіи, возбудили «великое изумленіе и негодованіе». Профессора указывали на нарушеніе устава введеніемъ новыхъ мѣръ, о которыхъ не предоставлено было консисторіи возможности высказаться. Консисторія рѣшила просить канцлера, чтобы вице-канцлеръ впредь руководился уставомъ; но протестъ ни къ чему не привелъ.

Вице-канцлеру, по сему добавленію къ уставу университета, разрѣшались разныя дисциплинарныя мѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ введенъ мундиръ военнаго покроя, со стоячимъ воротникомъ и 9 пуговицами на груди. Учреждены были педделя съ жезлами на дежурствѣ. Въ числѣ наказаній намѣчалось отнятіе треугольных шляпъ и шитья на мундирныхъ воротникахъ ⁷⁵⁴). Вскорѣ затѣмъ введены были еще инспекторы студентовъ.

На Норденстама посыпались отовсюду упреки и нареканія, ибо общество не знало истиннаго инициатора новыхъ строгостей. 4 Октября 1850 г. профессоръ Ильмони сообщалъ своему родственнику, что Норденстамъ все болѣе и болѣе становится ненавистнымъ для всѣхъ, даже для горожанъ, помѣщиковъ и крестьянъ. Новостью подѣлились, конечно, и съ друзьями въ Швеціи, такъ какъ нѣкоторое время спустя (14 ноября 1850 г.) Арвидсонъ писалъ изъ Стокгольма Ильмони: «Бѣдная Финляндія, трижды

бѣдный университетъ. Ренегаты всегда хуже всѣхъ. Чтобы показать свое служебное усердіе, они всегда дѣлають шагъ впередъ передъ чистыми уроженцами. Я опасаюсь, что кончится кровавымъ конфликтомъ между кипучимъ жаромъ молодежи и экстренной полиціей г. Норденстама и тогда, конечно, виновата останется молодежь, но вѣдь ее-же непрерывно и раздражали и привели къ насиліямъ». ⁷⁵⁵).

Надо полагать, что разъ форма была введена, Норденстамъ не допускалъ отъ нея отступленій; о его требовательности довели до свѣдѣнія Цесаревича, который призналъ необходимымъ увѣдомить его, чтобы онъ не слишкомъ привязывался къ бездѣлицамъ, пока студенты не привыкнутъ къ мундирамъ». (Изъ письма К. И. Фишера отъ 12 окт. 1853 г. къ кн. Меншикову).

Осенью 1850 г. Норденстамъ вновь провинился. Нѣсколько студентовъ шумѣли въ театрѣ, Норденстамъ присудилъ одного исключить, а пятерыхъ временно удалить. Консistorія опять подала протестъ Канцлеру, но и на этотъ разъ безъ результата.

«Будь, что будетъ,—читаемъ въ частной перепискѣ,—консistorія исполнила свой долгъ.—Что-же касается Норденстама, то предложенное имъ капрало-педантическое полицейское постановленіе вызвано глупыми выступленіями студентовъ (Аминовской кошачьей серенадой и пр.); таковъ этотъ кавказскій капраль, при всей его общей любезности. Вѣроятно, съ будущаго года будетъ здѣсь введено обширное шпіонство какъ внѣ, такъ и внутри университета. Среди студентовъ замѣчается общее уныніе, которое ничего добраго не предвѣщаетъ». ⁷⁵⁶).

11—23 января 1851 г. исполнилось 25-ть лѣтъ со дня назначенія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича Канцлеромъ университета. Университетъ просилъ разрѣшенія отпраздновать этотъ день. Согласіе послѣдовало.

И. М. Норденстамъ.
(карикатура).

Все было обставлено торжественно и шумно. Приглашительная программа была составлена на шведскомъ, а не латинскомъ языкѣ. Музыка исполнила мелодію, специально сочиненную Падіусомъ на слова Сигнеуса; пропѣли русскій гимнъ, который былъ выслушанъ всѣми стоя.

По случаю юбилея, университету былъ пожалованъ портретъ Великаго Князя.

Но, какъ оказалось, всѣ веселились у подножія открытаго кратера. Для увеличенія блеска дня, Норденстамъ устроилъ большой балъ въ залѣ гостиницы Societe. Все выдающееся общество получило приглашенія. Удостоились приглашенія и 40 студентовъ.

Проф. Габріэль Рейнъ.

Но такъ какъ они считали вице-канцлера враждебно настроеннымъ противъ студенчества, то демонстративно не явились на балъ, желая тѣмъ протестовать противъ господства его въ университетѣ. Ректоръ Рейнъ, узнавъ о грубой затѣѣ студентовъ, пытался усовестить ихъ, но никто тогда не могъ найти волшебнаго слова, чтобы переломить финское упрямство ⁷⁵⁷). «Все шло отлично,— писалъ профессоръ Ильмони своему знакомому,—если-бы не несчастное выступленіе студентовъ противъ Норденстама: оно омрачило все. Выражена была непочтительность августѣйшему юбилею».

Когда выходка студентовъ сдѣлалась извѣстна въ Петербургѣ, то туда поочередно вызывали и Рейна, и Норденстама. Въ частномъ письмѣ ⁷⁵⁸) изъ Петербурга поданъ былъ совѣтъ, заставить студентовъ en corps явиться къ ректору и выразить свое огорченіе, за отсутствіе приглашенныхъ на балъ и выразить свое почтеніе, благодарность и преданность Е. И. Высочеству. Но изъ этого совѣта ничего не вышло.—Студенты представили ректору декларацію, что своимъ отсутствіемъ не имѣли въ виду косвенно оскорбить высокую должность Канцлера, а придавали балу частное значеніе; вечеръ же они желали провести въ своемъ кругу ⁷⁵⁹).

Поступокъ студентовъ подвергся общему осужденію.—Я. К. Гротъ писалъ Плетневу: «Подъ печатью секрета скажу тебѣ, что студенты при этомъ случаѣ сдѣлали большую глупость»... ⁷⁶⁰). Вассеръ писалъ Ильмони: «Что выраженія протеста не только были

глупы и неприличны, но также и злобны, и обнаруживали горькій враждебный духъ, въ этомъ нельзя отказать. Студенты должны были понять, что приглашеніе Норденстама (если даже отъ его имени) исходило не отъ него, какъ частнаго лица, а дѣлалъ онъ это за Государя. Во всякомъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ здѣсь, какъ официальное лицо, и выраженное мнѣніе относилось, такимъ образомъ, особенно на взглядъ сторонняго наблюдателя, собственно не къ Норденстаму, а къ самому Монарху. Это нигдѣ не могло оставаться безъ наказанія».

Повидимому, «для предупрежденія всякой опасности» составленъ былъ вѣрноподданнической адресъ ⁷⁶¹).

Консисторія университета приговорила виновныхъ студентовъ къ исключенію на годъ изъ университета.

Въ концѣ февраля въ Петербургѣ было получено представленіе вице-канцлера Норденстама, который, ранѣе передачи приговора консисторіи къ исполненію, обратился къ Его Императорскому Высочеству Александру Николаевичу съ просьбой оказать студентамъ милость и ограничиться строгимъ замѣчаніемъ, въ виду многозначительнаго дня, который былъ отпразднованъ не только университетомъ, но всѣмъ краемъ «съ чистымъ и непритворнымъ усердіемъ». Резолюція Августѣйшаго Канцлера гласила: «Оставить до моего пріѣзда въ Гельсингфорсъ» (27 февр. 1850 г.) ⁷⁶²).

Грозовыя тучи стали разсѣиваться, не успѣвъ сверкнуть яркой молніей. Съ весенняго яснаго неба вновь свѣтлѣе прежняго засіялъ лучъ царской милости по отношенію къ финляндцамъ: Монархъ послалъ своего сына Наслѣдника въ Финляндію для общаго умиротворенія.

Норденстамъ получилъ приказаніе ѣхать въ Фридрихсгамъ, гдѣ ожидался Наслѣдникъ Цесаревичъ, для инспекціи корпуса.

На слѣдующее утро, по возвращеніи Норденстама въ Гельсингфорсъ, проснувшійся городъ, къ общему изумленію, узналъ, что съ 2-хъ часовъ ночи (на 2—14 марта) во дворцѣ находится Его Высочество. Все пришло въ движеніе. День сдѣлался праздничнымъ. Школы были распущены, улицы быстро наполнились народомъ, встрѣчавшимъ Великаго Князя криками «ура». Къ 11 часамъ весь университетъ былъ въ сборѣ: профессора—въ консисторіи, студенты въ актовомъ залѣ. Прибылъ Наслѣдникъ и послѣдовалъ въ консисторію, гдѣ вручилъ М. Кастерну полномочіе на назначеніе его первымъ профессоромъ новой каѣдры финскаго языка. Затѣмъ на

французскомъ языкѣ поблагодарилъ профессоровъ за юбилей и выраженныя чувства. Коснувшись поступка студентовъ, изъявилъ желаніе, чтобы профессора впредь были посредниками между вице-канцлеромъ и студентами, въ надеждѣ, что проявятъ свое вліяніе на обѣ стороны. Осмотрѣвъ музей, кабинетъ и русскую бібліотеку, Его Высочество перешелъ въ парадный залъ. Съ хоръ раздались звуки народнаго гимна. Оставаясь на ступеняхъ «парна-са», молодой, сіяющій, статный Наслѣдникъ престола внятнымъ голосомъ произнесъ по-русски:

«Господа! Я пріѣхалъ сюда единственно для того, чтобы видѣть Александровскій университетъ; все, что до него касается, для меня дорого; онъ всегда былъ, есть и будетъ любимымъ мною университетомъ. Я постоянно былъ доволенъ имъ и еще недавно мнѣ пріятно было узнать о той преданности, съ какою онъ праздновалъ мой юбилей. Но въ то же время я долженъ вамъ сказать, что я съ большимъ прискорбіемъ услышалъ о поступкѣ вашихъ товарищей противъ вице-канцлера въ тотъ самый день. Молодость вообще склонна къ шалостямъ, но есть шалости болѣе или менѣе простительныя, и есть другія, которыя никакъ не могутъ быть терпимы. Къ сожалѣнію, случай сей принадлежитъ къ послѣднему разряду. По законамъ, всѣ 40 человекъ виновныхъ должны быть исключены изъ университета. Но по предоставленной мнѣ власти, я, по ходатайству вице-канцлера, на этотъ разъ объявляю имъ мое прощеніе въ надеждѣ, что впредь ничего подобнаго не случится. Если послѣ этого будетъ какая-нибудь непріятность въ томъ же родѣ, то о томъ будетъ донесено Государю Императору, и виновные будутъ наказаны по всей строгости законовъ. Но я надѣюсь, что вы болѣе не подадите мнѣ повода къ недовольствію, и прошу васъ помнить, что, будучи хорошими финляндцами, вы въ то же время подданные Всероссійскаго Императора».—Выборгскій губернаторъ, баронъ Котенъ, сопровождавшій Его Высочество въ качествѣ переводчика, долженъ былъ перевести эти слова на шведскій языкъ но, къ сожалѣнію, выполнилъ это порученіе не совсѣмъ удовлетворительно и даже говорилъ невнятно. Потомъ опять раздалась музыка съ пѣніемъ ⁷⁶³).

Твердый, съ непоколебимо спокойнымъ выраженіемъ лица, точно вылитый изъ желѣза, стоялъ въ свитѣ генераль Норденстамъ, но и его непріятное для молодежи присутствіе не могло помѣшать восторгу, съ какимъ студенты привѣтствовали своего еще

не достигшаго тридцати трехъ лѣтъ благороднаго Канцлера ⁷⁶⁴).

Наслѣдникъ посѣтилъ шведскую библіотеку, православную церковь Св. Троицы и госпиталь. Далѣе онъ произвелъ смотръ войскамъ, посѣтилъ лютеранскую церковь и обсерваторію. Во дворецъ, къ обѣденному столу было приглашено 15 человекъ. Канцлеръ пилъ за благоденствіе Финляндіи и университета, адресуя свой тостъ къ ректору Рейну. Собравшіеся между тѣмъ у дворца студенты пропѣли «Боже Царя храни» и «Vårt land» (музыка Паціуса). Наслѣдникъ съ балкона по шведски сказалъ: «благодарю васъ», а послѣ русскаго гимна теплымъ, звучнымъ голосомъ тоже по-шведски произнесъ: «Да благословитъ васъ Богъ». «Это была глубоко трогательная минута,—пишетъ Ильмони; множество дамъ и другихъ женщинъ прослезились, а молодежь, махая шляпами, кричала ура, такъ, что я никогда не слышалъ подобнаго энтузіазма» ⁷⁶⁵).

Свита Его Высочества состояла изъ Ростовцева, Адлерберга и Енохина. Вечеромъ Наслѣдникъ въ саняхъ-кибиткѣ, какъ тогда ѣздили, отправился въ обратный путь. У заставы студенты проводили высокаго гостя криками ура. Всюду по пути Его Высочество встрѣчалъ самыя пламенныя изъявленія любви и радости.

По отъѣздѣ Канцлера, ректоръ собралъ студентовъ и прочелъ имъ переводъ его утренней рѣчи, прибавивъ отъ себя сильное увѣщаніе вести себя благоразумно. Они отвѣтили громкимъ ура, а къ вице-канцлеру отправили депутацію съ изъявленіемъ своей преданности ⁷⁶⁶).

По поводу посѣщенія университета Наслѣдникомъ, Вассеръ изъ Швеціи откликнулся весьма прочувствованнымъ словомъ. «.....Разсказъ объ этомъ посѣщеніи настолько обрадовалъ меня, что я долженъ съ благодарностью отвѣтить на него. Весь поступокъ Наслѣдника служить такимъ полнымъ доказательствомъ благородства, силы, мудрости и тонкаго такта, что я безпристрастный и свободный отъ предразсудковъ, какимъ считаю себя, долженъ смотрѣть на это съ благоговѣніемъ, почти съ поклоненіемъ, и какъ благожелательный къ Финляндіи—съ любовью и благодарностью.... Финляндія, конечно, не велика, но все-таки именно тамъ Государь находится въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ съ европейской цивилизаціей,—и лучше него никто не можетъ чувствовать, что эта цивилизація теперь заражена глубокой внутренней болѣзью, съ которой

надо обходиться съ терпѣніемъ. Въ такомъ видѣ, въ какомъ теперь дѣло распуталось, оно великолѣпно. Съ одной стороны, Государь, угрозой удаленія изъ университета, послѣдовательно показавъ суровую строгость, которая составляетъ неизбѣжное условіе выполненія Его власти, а съ другой стороны, уступая посредническому благожеланію Наслѣдника престола, показавъ свою кротость и снисходительность. По истинѣ, въ моихъ глазахъ это досадное дѣло не могло быть лучше истолковано монархомъ.....» ⁷⁶⁷).

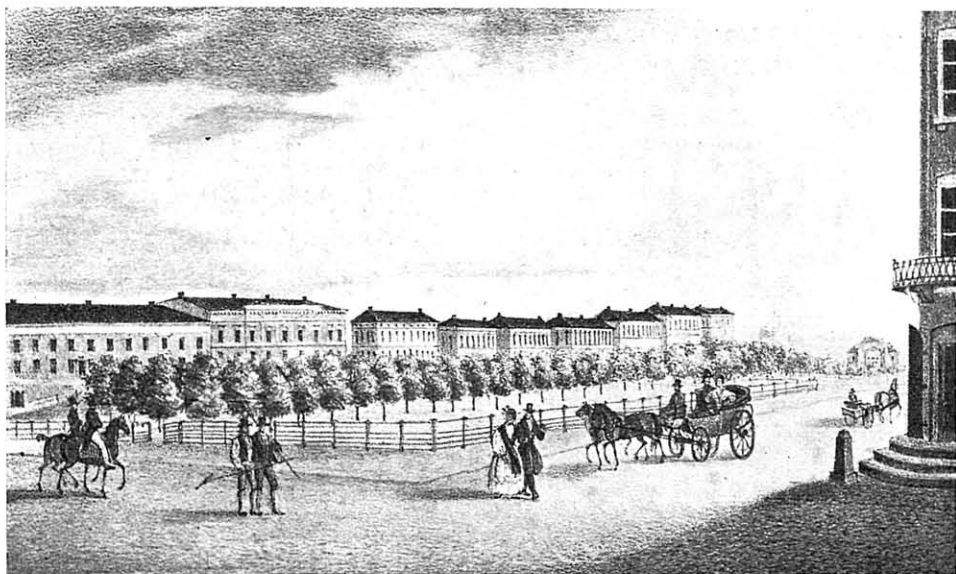
Въ началѣ тридцатыхъ годовъ Гельсингфорсъ оставался все еще маленькимъ городомъ. Бѣольшая часть новаго Гельсингфорса состояла изъ одноэтажныхъ деревянныхъ домовъ, окрашенныхъ въ желтый цвѣтъ. Все въ немъ лишь зарождалось, устраивалось, все переживало дѣтство: молодо было общество, молода была его литература. Это былъ городъ будущаго, городъ надеждъ. Передъ нимъ—Свеаборгъ. Его острова—родъ морского пояса Гельсингфорса. Въ гавань въѣзжаешь—пишавъ кн. П. А. Вяземскій—какъ въ каменные ворота. Море, усеѣянное островами, имѣетъ видъ то широкой рѣки, то озера. «Городъ видимо украшается,—свидѣтельствуетъ путешественникъ въ 1838 г.,—мнѣ представлялось, что я вижу прелестную дѣву, которая купалась въ морѣ и, вышедъ на крутой скалистый берегъ, окуталась въ роскошную пелену,—вотъ картина Гельсингфорса. Семь братьевъ, грозныхъ видомъ, обнявъ другъ друга, стоятъ поодаль и сторожатъ стыдливость скромной дѣвы—вотъ видъ Свеаборга» ⁷⁶⁸).

Народонаселеніе увеличивалось ежегодно лишь на 200 чело-
вѣкъ. Въ 1830 г. жителей въ Гельсингфорсѣ насчитывалось около 12.000; въ 1840 г. отъ 16 до 17.000 ⁷⁶⁹).

Гельсингфорсъ почти полная противоположность своего vis-à-vis на Финскомъ заливѣ—Ревеля. Ревель тонулъ въ зелени, Гельсингфорсъ окружали скалы. Ревель полонъ старины; у Гельсингфорса нѣтъ: онъ вызванъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, созданъ не исторіею, а высочайшими приказами. Планъ Гельсингфорса былъ составленъ и подъ предсѣдательствомъ сенатора Эренстрѣма работавъ строительный комитетъ, вдохновителемъ котораго являлся талантливый архитекторъ К. Энгель. По его чертежамъ было уже возведено нѣсколько капитальныхъ построекъ, которыя стали придавать городу привлекательный видъ. Грустно выгляды-

вали остатки прежняго деревяннаго приземистаго Гельсингфорса, не желавшіе покориться неизбежной участи: уступить мѣсто новымъ болѣе рослымъ крѣпкимъ жилищамъ.

Гуль постройки слышался всюду: тутъ раздробляли скалу порохомъ, тамъ равняли почву для сада, далѣе виднѣлась куча бревенъ для стѣнъ будущаго дома ⁷⁷⁰). Строится деревянный театръ (авг. 1826 г.). Вокругъ него разводится садъ и устраивается городское гулянье ⁷⁷¹). Человѣкъ упорно боролся съ природой: выпрямлялъ улицу, прикрывалъ наготу гранита, сушил болота.

Видъ Эспланады г. Гельсингфорса 1839 г.

Генераль-губернаторъ Закревскій радовался, что работы по устройству публичнаго сада шли успѣшно, «ибо въ столицѣ»,— писалъ онъ,—необходимо имѣть мѣсто для прогулокъ жителей и отдыха стариковъ.

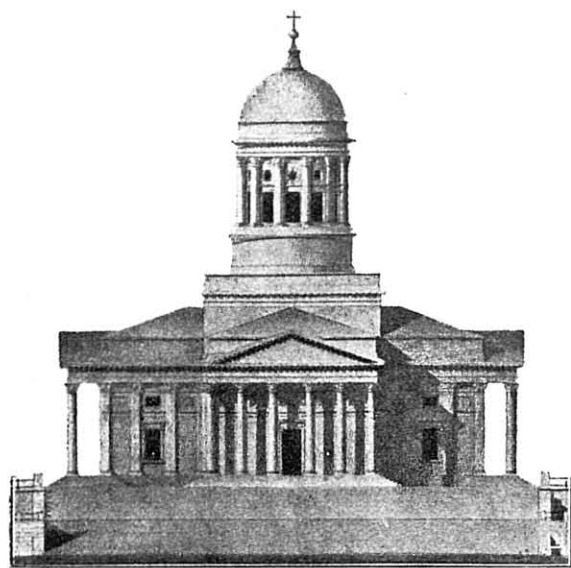
Строительный комитетъ позволилъ себѣ отступленіе отъ смѣты и Сенатъ добился разслѣдованія его дѣйствій, а Закревскій испросилъ освобожденіе комитета отъ дальнѣйшей отвѣтственности ⁷⁷²). Но промедленій и безпорядковъ Закревскій не допускалъ, совѣтуясь по строительнымъ вопросамъ съ сенаторомъ Фалькомъ ⁷⁷³).

Увлекавшіеся обновители города исходатайствовали Высочайшее повелѣніе (1825 г.) возводить въ нѣкоторыхъ частяхъ города «одни только каменные строенія»; но имъ самимъ-же пришлось отступить отъ подобнаго намѣренія, и только центръ города

вокругъ сенатской площади, греко-россійской церкви и улицы Мира обязательно одѣвался въ камень ⁷⁷⁴). Лица, приобрѣтавшіе дворовые участки, обязывались застраивать ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Домъ—сообщалъ кн. П. А. Вяземскій своей женѣ,—почти всѣ подъ одно лицо. Городъ «чистенкій, улицы хорошо вымощены, гористыя; на Сенатской площади очень хорошія зданія», добавляетъ Марія Паткуль.

Сенатская площадь—палладіумъ Гельсингфорса: здѣсь храмъ

Первоначальный видъ лютеранскаго Николаевскаго собора въ Гельсингфорсѣ.

науки — университетъ, храмъ правосудія—Сенатъ, а между ними на скалѣ высится соборъ.

До 1830 г. Гельсингфорсъ имѣлъ старую деревянную кирку, освященную въ 1826 г. Передъ ней находилось кладбище, обнесенное высокимъ деревяннымъ заборомъ съ кирпичными воротами. Въ 1830 г. началась постройка Николаевской кирки, на которую русское правительство отпустило 1.600.000 мар.

Вскорѣ стали ходить слухи о трещинахъ въ ея подвалахъ, о шаткости башенъ и другихъ недочетахъ, приготовившихъ ея даровитому и честному архитектору К. Энгелю преждевременную могилу.

Соборъ величественно красуется въ центрѣ города; золотой его крестъ, ярко сверкая на солнцѣ, виденъ съ далекихъ окрестностей. Голубой его куполь усѣянъ золотыми звѣздами. «Финляндія никогда еще не видала въ своихъ предѣлахъ столь изящнаго и столь огромнаго храма», какъ Св. Николай. Особая его прелесть происходила отъ правильности рисунка, пропорціональности частей и оригинальности основной идеи (Ө. Булгаринъ). Освященіе этого храма состоялось 3—15 февраля 1852 г. По случаю его окончанія, гельсингфорскіе прихожане поднесли адресъ Государю. Госу-

дарь отвѣтилъ милостивымъ рескриптомъ, въ которомъ выразилъ свое душевное удовольствіе, видя религіозность края, преданность его Престолу и успѣхи благосостоянія. Прихожане просили дозволеніе хранить сей «драгоцѣнный памятникъ» въ Николаевской церкви. «Можно»,—подписалъ Государь ⁷⁷⁵). Запрестольный образъ храма—работы нашего академика Неффа ⁷⁷⁶). Ко времени освященія, соборъ не имѣлъ четырехъ башенъ и колоссальной лѣстницы, спускающейся къ сенатской площади.

Изъ воспоминаній О. Булгарина, который зналъ Гельсингфорсъ 1808 года, узнаемъ, что на сенатской площади стояла прежде маленькая церковь. Ее сняли. На площади возвышался утесъ, придававшій дикость этой части города. Утесъ сняли.

Внизу у лѣстницы помѣщалась прежде гауптвахта—прекрасное греческое зданіе съ длиннымъ рядомъ колоннъ, съ обширной платформой, построенная также Ангелемъ. «То было золотое время гауптвахтъ и парадовъ,—прибавляетъ историкъ города Гельсингфорса, Авг. Шауманъ; каждая смѣна караула производилась съ большой церемоніей и рѣдкое лѣтнее воскресенье проходило безъ блестящаго парада».

Современный видъ Николаевскаго собора въ Гельсингфорсѣ.

Рядомъ съ лютеранскимъ соборомъ находится небольшая православная церковь св. Троицы.

Еще въ 1814 г. состоялось Высочайшее повелѣніе отчислить 15% съ пошрины на привозимую соль, для сооруженія въ Гельсингфорсѣ двухъ церквей—православной и лютеранской. Въ 1825 г. собранная сумма составила 265.376 р.—Положено было строить ранѣе лютеранскую церковь. На нее по смѣтѣ требовалось 900 т. р. Слѣдовательно, предстояло собирать на нее еще 20 лѣтъ. На русскую церковь могли ожидать денегъ не ранѣе чѣмъ черезъ 40 лѣтъ.

За дѣло принялся А. Закревскій и 5 авг. 1824 г., по его представленію, состоялось опредѣленіе Синода о построеніи въ Гель-

сингфорсѣ каменной церкви во имя Св. Троицы. Церковь соорудили частью на щедроты Монарха, частью на добровольныя пожертвованія русскихъ. Ихъ считалось въ городѣ около 200 ч. Церковь обошлась въ 40 т. р. асс. До этого времени православные пользовались походною церковью Петровскаго пѣхотнаго полка. Первымъ священникомъ новой церкви былъ Александръ Ѳеодоровичъ Малоземовъ (до 1853 г.) «изъ студентовъ армейской семинаріи», а вторымъ—магистръ богословія Николай Поповъ ⁷⁷⁷).

Когда храмъ былъ сооруженъ, А. А. Закревскій пожертвовалъ Образъ Христа Спасителя въ серебряной ризѣ, причемъ генераль-

Церковь Св. Троицы Гельсингфорса.

губернаторъ и прихожане обмѣнялись очень теплыми письмами ⁷⁷⁸).

Освященіе состоялось 14 авг. 1827 г. епископомъ Ревельскимъ Никаноромъ. Прибытіе въ Гельсингфорсъ епископа Никанора явилось большимъ событіемъ, такъ какъ онъ первый изъ русскихъ архіереевъ посѣтилъ не только Гельсингфорсъ, но и Новую Финляндію. Своимъ обращеніемъ и прочувствованнымъ словомъ онъ плѣнилъ не только прихожанъ, но и лютеранъ, «коихъ великое стеченіе всюду и уважительно его сопровождало». Обо всемъ этомъ А. Закревскій особымъ письмомъ (17 авг. 1827 г.) оповѣстилъ петербургскаго митрополита Серафима.

Въ 1830 г., во время посѣщенія Гельсингфорса, Государь присутствовалъ на литургіи въ церкви Св. Троицы и повелѣлъ назначить «въ ту церковь, какъ состоящую въ главномъ городѣ Финляндіи, діакона».

Обширное мѣсто отведено было для возведенія Императорскаго Дворца, но «при источеніи финляндской казны многими другими издержками» долго еще нельзя было помыслить о столь дорогой постройкѣ, почему это мѣсто раздѣлили на 23 дворовыхъ участка и отдали частнымъ лицамъ «на застрое-ніе» ⁷⁷⁹). Для Императорской же квартиры, на случай приѣзда Государя, купили домъ комерціи совѣтника Гейденштрауха—богатаго купца, торговавшаго (въ 1837 г.) съѣстными припасами. Верхній этажъ этого дома обычно занимали наиболѣе вліятельные члены Сената. Подъ присмотромъ сенатора, т. с. барона Кликвострёма, домъ перестроили въ Дворецъ, опредѣливъ на содержаніе его ежегодно по 5 тыс. р. ассигнаціями ⁷⁸⁰). На покупку дома было израсходовано изъ финляндской казны 170.000 р. ассигнаціями ⁷⁸¹). Для церкви въ этомъ Дворцѣ вещи были изготовлены въ Кабинетѣ Его Императорскаго Величества ⁷⁸²).

Александръ Малоземовъ.
Первый священникъ церкви
Св. Троицы
въ Гельсингфорсѣ.

Генераль-губернаторъ жилъ сперва въ домѣ, предоставленномъ теперь ратгаузу; въ нынѣшнемъ генераль-губернаторскомъ домѣ помѣщался инспекторъ финскихъ войскъ.

Красующаяся на горѣ трехбашенная астрономическая обсерваторія построена въ 1832 г. и всегда считалась украшеніемъ города. Видно, что строитель ея К. Энгель отнесся къ ней съ любовью, вложивъ и въ это свое созданіе много вкуса и ума.

Противъ русской церкви, въ возвышенной части города, вытянулся флигель военного госпиталя. Первоначально тамъ помѣщалась школа кантонистовъ, которыхъ часто, длинными рядами, водили по улицамъ для прогулокъ, въ сопровожденіи офицеровъ

въ щегольскихъ узкихъ мундирахъ. Но уже въ срединѣ 30-хъ годовъ мѣсто упраздненной школы занялъ госпиталь.

Болѣ старыя казармы (1831 года) были отнесены на дальній мысъ Скатудена. Онѣ были возведены на счетъ финской казны. Въ нихъ сперва помѣщался финскій морской экипажъ, а затѣмъ русскія войска. Скатудень въ тѣ времена не былъ еще отдѣленъ отъ остального города морскимъ каналомъ и тамъ, гдѣ теперь стоитъ гауптвахта, высилась выпуклая скала. Въ концѣ 30-хъ годовъ она была сорвана руками свеаборгскихъ арестантовъ.—

Николай Поповъ.
Второй священникъ церкви Св. Троицы
въ Гельсингфорсѣ.

Скатудень долгое время оставался въ первоначальномъ своемъ видѣ: по его неровнымъ скаламъ въ безпорядкѣ разбросаны были хижины всякаго бѣднаго люда изъ мастеровыхъ, рыбаковъ, матросовъ, посадскихъ. Тутъ же ютились судовщики и шкипера, имѣвшіе право продавать товары, привезенные ими на своихъ судахъ.

Неизбѣжной типичной принадлежностью города являлись шлагбаумы. Гельсингфорсъ имѣлъ ихъ два: одинъ у длиннаго петербургскаго моста, другой — въ концѣ Генрихской улицы. У шлагбаума красовался маленькій желтенькій деревянный домикъ съ очень толстыми

выкрашенными бѣлой краской колоннами, а передъ нимъ платформа, на которой стояли ружья и барабаны.

Въ числѣ исчезнувшихъ достопримѣчательностей стараго времени находился городской позорный столбъ, для наказанія прутьями и кнутомъ. Вплоть до 1840 г., онъ стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь выстроенъ гвардейскій манежъ. Экзекуціи производились часто и онѣ привлекали народъ и подростковъ. Собравшаяся толпа шумѣла, оскорбляя или одобряя несчастнаго провинившагося: одни кричали, чтобы онъ держалъ себя стойко, другіе просили палача «ударять сильнѣе»⁷⁸³.

Въ сороковыхъ годахъ Гельсингфорсъ представлялся городомъ контрастовъ: въ немъ было уже много красиваго, культурнаго, но его окраины оставались переполненными низенькими темнокрасными домишками. На скалѣ,—писалъ Я. К. Гротъ,—стояла старая вѣтряная мельница, поодаль—пошатнувшійся сарай. На другомъ концѣ—смрадное болото. Это та часть Гельсингфорса, въ которой въ наши дни красуется желѣзнодорожный вокзалъ, Атенеумъ, финскій театръ и лучшая гостинница. До 40-хъ годовъ вся эта часть находилась подъ водой, въ которой лѣтомъ плавали утки, а зимой катались на конькахъ; этотъ болотистый морской заливъ долгое время являлся свалочнымъ мѣстомъ всякаго мусора ⁷⁸⁴).

Гельсингфорсъ обладаетъ глубокой, обширной, прекрасной гаванью. Его размѣры таковы, что даютъ возможность разгуляться свирѣпымъ штормамъ, которые иногда разбивали о берега шкуны, лайбы и другія мелкія суда, причиняли большіе убытки, поглощали человѣческія жертвы и грозили затопить водой Эспланаду города ⁷⁸⁵).

Скатууденъ.

За городомъ, по бокамъ природнаго шоссе, торчали высокія гранитныя скалы и росъ лѣсъ (М. Паткуль). Вокругъ Гельсингфорса «всклокочена вся почва» (кн. П. А. Вяземскій).

Семейная жизнь походила на полудеревенскую; она велась настолько хозяйственно, что домашнія работы играли въ ней преобладающую роль. Благоустроенный домъ всегда имѣлъ большіе запасы всего необходимаго для пропитанія ⁷⁸⁶.

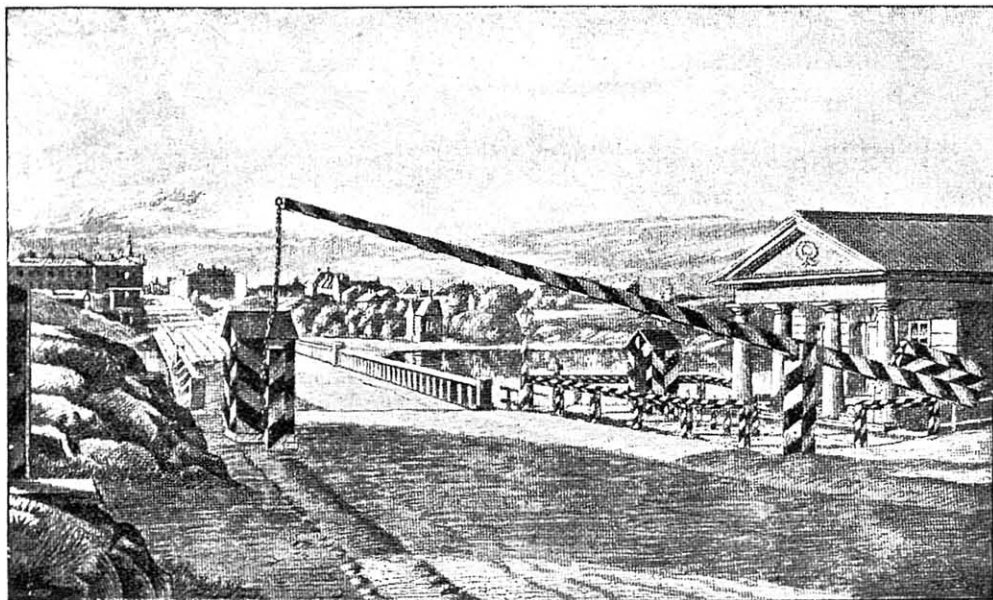
Пекли рѣдко потому, что хлѣбъ употреблялся твердый, въ видѣ большихъ круглыхъ лепешекъ (hålkaka). Онѣ висѣли въ кухнѣ на длинныхъ шестахъ подъ самымъ потолкомъ. Полубѣлый хлѣбъ имѣлъ видъ круглой и особенно тонкой лепешки (knäckebröd).

Комнаты содержались изысканно опрятно. Чисто вымытый бѣлый полъ посыпался мелкимъ ельникомъ. Характерной особенностью комнаты являлся «качальный стулъ». Быть финляндецъ

отзывался лѣнью провинціального житья (Я. К. Гротъ). Воспитаніе было заботливое; наружнымъ блескомъ оно не отличалось. Любви къ чтенію не наблюдалось. По общему тону общество представлялось однообразнымъ и малочисленнымъ ⁷⁸⁷).

Воскресный отдыхъ соблюдался строго. Женщины не брали въ руки ни иголки, ни чулочной спицы.

Въ большомъ ходу были приглашенія на кофе. Они подраздѣлялись на «большія» («stora kaffen») и малыя кофеи» («små kaffen»),

Вѣздъ въ Гельсингфорсъ со стороны г. Або.

къ нимъ впослѣдствіи присоединялись еще танцы съ кофеемъ или «кофейные танцы» («kaffedanserna»).

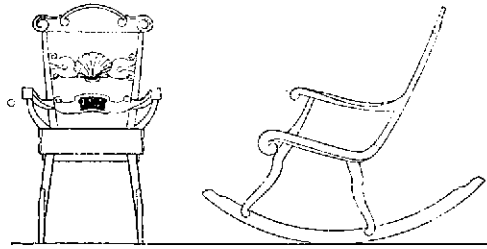
То было время расцвѣта семейной домовитой жизни. Умы не были еще обращены на общественныя дѣла, не существовало враждовавшихъ политическихъ партій и все жили въ атмосферѣ общаго спокойствія и равнодушія, предоставляя правительству заботиться о дѣлахъ края.

Въ нѣкоторыхъ домахъ царилъ очень тонкій, нѣсколько церемонный, однако не натянутый тонъ. Въ нихъ менѣе танцевали и чаще занимались *jeux d'esprit*, *charades en action* и *tableaux vivants*. Эти дома являлись сборными пунктами для *la crème de la haute volée*. Тогда живы были еще типы высокой мѣстной аристократіи и когда бывало—признается современникъ,—подходишь къ

старой важной графинѣ, то казалось, что являешься къ самому Двору ⁷⁸⁸).

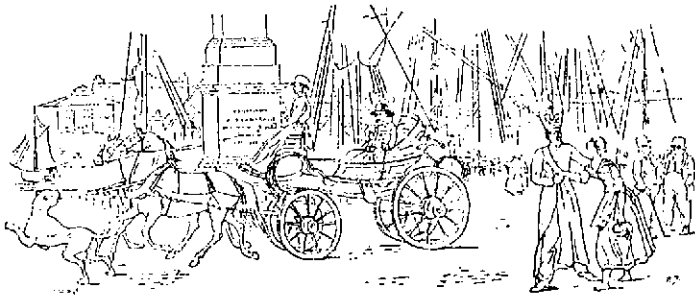
Господствующимъ языкомъ въ Гельсингфорсѣ былъ шведскій. Въ семью не принимали даже финскую прислугу; ея избѣгали, чтобы молодежь не приучалась къ дурному произношенію и неправильному обороту рѣчи своего языка.

Въ тѣ времена существовалъ небольшой аристократическій слой. Эти семейства составляли тѣсный, нѣсколько замкнутый кружокъ. Единеніе въ немъ поддерживалось не только совмѣстнымъ трудомъ на государственной службѣ, но и родственными связями. Многіе изъ нихъ выдавались своими познаніями.

Качающійся стулъ.

Аристократія и высшее чиновничество жили на Елизаветинской площади и ближайшихъ къ ней улицахъ, почему эта часть города называлась «Faubourg St. Germain Гельсингфорса». Здѣсь въ свое время жилъ «Его Страшенство».

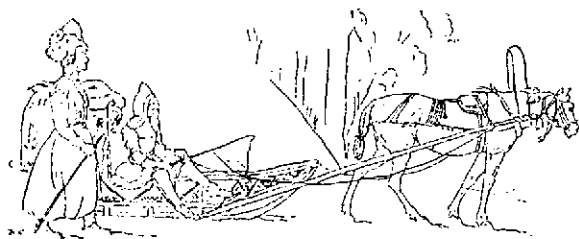
Гельсингфорскій рынокъ 1840-хъ годовъ.

(Hans Förskräcklighet) всеильный М. Г. Гартманъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ въ его приѣмную являлись толпы просителей, дрожа отъ страха, такъ какъ отъ одной гримасы этого сановника зависѣли и свѣтлыя надежды ихъ будущности, и темная могила ихъ чаяній ⁷⁸⁹).

Въ тѣ времена меньше обращали вниманія на мебель, а больше на уютность и царившій въ домѣ духъ.

Ящикъ для визитныхъ карточекъ (visitlåda) игралъ определенную роль въ семейной жизни. Если хозяева отсутствовали, то ящикъ вывѣшивался на дверяхъ, если же были дома и принимали гостей,—его снимали. Но случалось, что этажъ освѣщенъ и всѣ дома, но ящикъ оставался на дверяхъ; это означало, что справлялся небольшой частный семейный праздникъ, и тогда посѣтитель уже

не домогался быть принятымъ. Но главнѣйшую роль ящики играли въ Новый годъ. Въ этотъ день каждый обязательно долженъ былъ навѣстить своихъ знакомыхъ и поздравить ихъ «съ новолѣтіемъ». Но если бы все выѣхали для подобныхъ визитовъ, то никого не было бы дома, почему установилось, что все оставались дома,

Бада въ 1840-хъ годахъ.

а лакеи и разсылные разѣзжали по городу, стоя на запяткахъ экипажа съ фонаремъ въ рукѣ. Они бросали визитныя карточки въ ящики, по сдѣланнымъ указаніямъ, и это считалось личнымъ визитомъ.

Общественная жизнь тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ ярко проявлялась въ большихъ балахъ. Высшія должностныя лица края, получая такъ-называемыя столовыя деньги, понимали, что должны были нести и извѣстныя обязанности. Отъ этихъ обязанностей никто не уклоняется. Такимъ образомъ все сановники—

Ресторанная жизнь 1840-хъ годовъ.

сенаторы, президенты, генералы, вице-канцлеры, ректоры и др.—въ теченіе зимы давали одинъ офиціальныя балъ, кромѣ обѣдовъ и частныхъ небольшихъ приглашеній, которыя въ счетъ не входили.

Вечера были незатѣйливые, туалеты самые скромные.

Угощеніе состояло изъ чая и питья. Въ рѣдкихъ случаяхъ подавалось мороженое, а ужинъ разносился послѣ мазурки и состоялъ изъ тартинокъ и кипяченнаго молока съ пивомъ (Bierkässe, ölost). Бульонъ являлся на большихъ балахъ, даваемыхъ въ торжественные дни царскихъ праздниковъ генераль-губернаторомъ (Марія Паткуль де-Траверсе).

Но эта милая простота скоро исчезла. Я. Гротъ и Е. Ивановъ указываютъ на быстрый ростъ роскоши среди финляндцевъ.—«Говорятъ, въ первый годъ приобрѣтенія Новой Финляндіи, финляндки ходили въ простенькихъ платьяхъ собственной работы;

на зимнія собранія приходили пѣшкомъ по глубокому снѣгу, а мужчины въ нагольныхъ тулупахъ». А въ концѣ 1837 г. показались уже въ лучшемъ обществѣ шелковыя ткани, лисьи и атласныя салоны, а у мужчинъ—енотовыя шубы;—меблировка изъ краснаго дерева дорогой работы.

Къ русскому обществу, современникъ А. Рамзай,—мемуарами котораго мы въ данномъ случаѣ пользуемся,—относилъ начальника дивизіи П. фонъ-Эттера, бригаднаго командира Мандерптерна, начальника штаба Каульбарса, коменданта Свеаборга адмирала А. С. Валгронтъ, командира флотскаго экипажа, капитана маркиза Траверзе, коменданта города Фриберга и др. «Всѣ они были доброжелательные, честные люди, любящіе Финляндію, ея народъ и ея порядки, и они чувствовали себя здѣсь хорошо». Написавъ это, А. Рамзай спохватился и прибавляетъ: «Странно, однако, что въ цѣломъ рядѣ здѣсь служившихъ русскихъ сановниковъ едва встрѣчается хоть одно русское имя. Быть можетъ это лишь случайность. Но вѣрно всетаки то, что такое смѣшанное общество изъ различныхъ элементовъ тогда имѣло болѣе космополитическій и снисходительный отпечатокъ, чѣмъ теперь» ⁷⁹⁰).

Я. К. Гротъ, бесѣдуя однажды съ Л. Гартманомъ, услышалъ отъ него слѣдующее: «Здѣсь почти нѣтъ ни одного русскаго, который бы достойно представлялъ своихъ соотечественниковъ и игралъ какую-нибудь роль въ обществѣ, отчего финляндцы болѣе и болѣе отдѣляются отъ русскихъ. Напротивъ, въ первыя времена присоединенія жили въ главномъ городѣ русскіе, которые дѣятельнымъ участіемъ въ общественной жизни, гостепріимствомъ и т. п. умѣли привязать къ себѣ финляндцевъ, производили нѣкоторый восторгъ къ Россіи и способствовали возжелѣнной амальгамѣ обоихъ народовъ. Тогда русскому языку учились по охотѣ, изъ честолюбія, чтобы не быть совсѣмъ нѣмымъ въ лучшихъ домахъ. Теперь ничего подобнаго нѣтъ» ⁷⁹¹).

Публичныя удовольствія были, конечно, рѣдки и посредственны.—6—18 декабря 1833 года,—читаемъ въ воспоминаніяхъ Авг. Шаумана,—въ день тезоименитства Императора Николая, воспользовались случаемъ, чтобы устроить балъ по подпискѣ въ новомъ помѣщеніи гостиницы Societe. Около 400 человѣкъ принимали участіе въ этомъ двойномъ празднествѣ, описаніе котораго приводится здѣсь изъ «Helsingfors Tidningar», какъ образецъ тогдашнихъ баловъ и увеселеній.

«Въ танцевальномъ залѣ устроена была декорація, изображавшая значеніе торжества. Въ глубинѣ зала, на возвышенности, стоялъ бюстъ Императора, сверхъ него красовался вензель Его Величества, а далѣе Императорскій Всероссійскій гербъ. По обѣ стороны бюста расположены были украшенія изъ гербовъ всѣхъ финляндскихъ губерній и другихъ изящныхъ эмблемъ, и все это освѣщалось четырьмя огромными канделябрами изъ позолоченной бронзы ⁷⁹²). За ужиномъ предложень былъ тостъ за Государя Императора, принятый съ живѣйшимъ участіемъ и покрытый продолжительнымъ крикомъ ура. Непосредственно за симъ все общество хоромъ зафѣло стихи, посвященные торжеству дня» ⁷⁹³). Стихи были отдѣльно напечатаны и розданы всѣмъ. Сочинилъ ихъ проф. краснорѣчія І. Г. Линсѣнъ—присяжный ораторъ и поэтъ всѣхъ академическихъ и иныхъ официальныхъ собраній того времени ⁷⁹⁴). Танцы продолжались до утра. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Стихи Линсена—сплошной гимнъ Государю.

Къ полуофициальнымъ баламъ можно отнести и тѣ казенные «Николаевскіе балы» («Nikolaj-baler»), которые тогдашній помощникъ генераль-губернатора, А. Теслевъ, ежегодно 6 декабря давалъ въ инспекторскомъ домѣ ⁷⁹⁵).

Общество вообще очень любило балы, и въ одномъ письмѣ Маннергеймъ, тогда уже старый человекъ, признается, что онъ день за днемъ принужденъ былъ принимать въ нихъ участіе.

Театральными представленіями развлекались не часто. Гельсингфорсъ имѣлъ постоянный театръ, но не имѣлъ постоянной труппы. Старый деревянный театръ, построенный по рисункамъ К. Энгеля, стоялъ восточнѣе того мѣста, гдѣ теперь находится «новый» или «шведскій театръ» и былъ освященъ въ 1827 г. ⁷⁹⁶). Объ былъ единственнымъ и вмѣщалъ 450 чел. По старому шведскому закону, театральныя представленія воспрещались въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились учебныя заведенія. Происходило это отъ того, что прежде на шведскихъ сценахъ давались «пошлые фарсы», вредившіе хорошему вкусу и нравственности. Ко времени перенесенія университета въ Гельсингфорсъ все это измѣнилось и шведскій репертуаръ обогатился хорошими пьесами. Имѣя въ виду, что у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ театральныя зрѣлища занимали одно изъ видныхъ мѣстъ среди благородныхъ увеселеній, жители Гельсингфорса «построили посредствомъ акцій театральное зданіе».

Съ переводомъ же въ ихъ городъ университета, театральныя представленія подлежали воспрещенію ⁷⁹⁷. Жители города просили Государя о дозволеніи имѣть постоянныя театральныя зрѣлища. Высочайшее соизволеніе на это послѣдовало 29 дек. 1828 г. (10 янв. 1829 г.), «не взирая на существующее до сего времени запрещеніе театральныхъ представленій въ тѣхъ городахъ Финляндіи, гдѣ находятся университеты» ⁷⁹⁸).

Представленія давались заѣзжими труппами. Зачатки собственнаго театральнаго искусства еще не замѣчались, если не считать рѣдкихъ любительскихъ спектаклей. О финскомъ театрѣ если и заводилась иногда рѣчь въ газетахъ, то велась она очень робко и туманно ⁷⁹⁹).

Нерѣдко Гельсингфорсъ посѣщался нѣмецкою труппою. Объясняется это тѣмъ, что Выборгъ, по составу своего образованнаго общества, былъ совершенно нѣмецкимъ городомъ. Изъ Прибалтійскаго края и Кронштадта странствующие нѣмецкія труппы прибывали въ Выборгъ, а оттуда недалеко было и до Гельсингфорса ⁸⁰⁰.

Даже первый гельсингфорскій театръ былъ открытъ нѣмецкой труппой, исполнившей пьесу Коцебу. Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія на главнѣйшихъ финляндскихъ сценахъ преобладалъ нѣмецкій языкъ. Нѣмецкая труппа играла въ Гельсингфорсѣ ежегодно съ 1827 по 1834 г. Съ музыкально-драматическимъ искусствомъ знакомили финляндскую публику оперныя труппы изъ Россіи и Остзейскихъ провинцій. Съ 1830 по 1840 г. въ Финляндіи безвыѣздно пребывала шведская труппа. Она играла какъ въ Гельсингфорсѣ, такъ и въ другихъ городахъ, и даже въ селахъ, гдѣ иногда,—если вѣрить преданію,—плата за входъ вносилась натурою: за мѣру картофеля можно было посмотреть Гамлета или Фіеско, или Die Ahnfrau ⁸⁰¹).

Первое помѣщеніе, предназначенное для театра, Або выстроилъ уже въ 1813 г. Но и онъ, подобно Гельсингфорсу, довольствовался любительскими представленіями и игрой странствующихъ артистовъ. Объ этомъ узнаемъ изъ писемъ Е. В. Иванова, въ которыхъ говорится: Въ пользу бѣдныхъ давался любительскій спектакль на шведскомъ и французскомъ языкѣ. Принимали участіе въ игрѣ жена Гартмана, графъ Магнусъ Армфельтъ, баронъ Троиль, Седеркрейцъ. Хвалили игру Пинелло и жены Гартмана..... Нѣмецкая труппа переѣхала изъ Або въ Выборгъ. «Гартманъ очень радъ.. Матросы безпокойны, а труппа сія еще без-

покойнѣе и вольнодумнѣе» ⁸⁰²). На смѣну пріѣхала шведская труппа.

Среди увеселеній жителей Або видное мѣсто занимали концерты. «Въ продолженіи этой недѣли два было концерта... Успаждала своимъ пѣніемъ дѣвица Шульцъ. Въ ея пользу было собрано 900 риксдалеровъ» ⁸⁰³). Въ октябрѣ ихъ развлекалъ музыкантъ Нагель. Горожане сожалѣли, что въ теченіе зимы 1832 г. у нихъ не будетъ военной музыки, безъ которой они не оставались со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи.

Въ 1833 г. горожане Або задумали обзавестись каменнымъ театромъ ⁸⁰⁴). Соорудить его имъ удалось лишь въ 1838 г.

Въ сороковыхъ годахъ Финляндію чаще и чаще начали посѣщать шведскіе артисты изъ Стокгольма и финляндская публика стала изрѣдка знакомиться съ европейскимъ репертуаромъ. Эти артисты исподволь пробуждали въ финляндцахъ интересъ къ сценѣ.

7—19 мая 1851 г. былъ памятнымъ днемъ исторіи театра въ Финляндіи, — повѣствуетъ Августъ Шауманъ. Тогда въ первый разъ давали пьесу «Изъ жизненной борьбы» («Ur lifvets strid»). Такой горячій патриотическій энтузіазмъ никогда прежде, да едва ли и позже,

не вызывался со сцены. Звуки забытаго «Бьернеборгскаго марша» въ первый разъ достигли слуха тогдашняго поколѣнія; впервые показались финскіе мундиры 1808 года; самъ Дёбельнъ съ черной повязкой на лбу предсталъ на сценѣ, — и все это въ драмѣ, написанной красивыми стихами и богатой лирическими красотами. Вотъ что заставляло сердца публики биться сильнѣе обыкновеннаго ⁸⁰⁵)

Настроеніе, вызванное пьесой, не ускользнуло отъ вниманія начальства и директору театра дружелюбно указано было на необходимость снять эту пьесу съ репертуара ⁸⁰⁶.

Гельсингфорскіе типы 1830-хъ годовъ,
по акварелямъ Энгеля.

Въ началѣ 30-хъ годовъ во главѣ музыкальныхъ силъ г. Гельсингфорса стоялъ директоръ музыки Іос. Герингъ, который иногда, при участіи любителей, устраивалъ музыкальные вечера, то по подпискѣ, то «на свой собственный рискъ», какъ говорилось въ объявленіяхъ. Подъ его руководствомъ образовалось музыкальное общество, давшее свой первый абонементный концертъ 1 мая 1831 года ⁸⁰⁷).

Въ февралѣ 1835 г. въ Гельсингфорсъ прибылъ Фридрихъ Паціусъ. О его пріѣздѣ въ «Гельсингфорсскихъ Вѣдомостяхъ»⁸⁰⁸ заявлено было между прочимъ: «Образованный міръ можетъ льстить себя надеждой, что пройдетъ то онѣмѣніе въ музыкальной жизни, которое за нѣкоторыми исключеніями чувствовалось съ тѣхъ поръ (1831 г.), какъ І. Герингъ оставилъ край. Тѣмъ пріятнѣе будетъ послѣ столь продолжительныхъ сумерекъ увидѣть горизонтъ освѣщенный звѣздой, быть можетъ, еще бѣльшей величины» ⁸⁰⁸). Паціусъ назначенъ былъ учителемъ музыки при университетѣ.

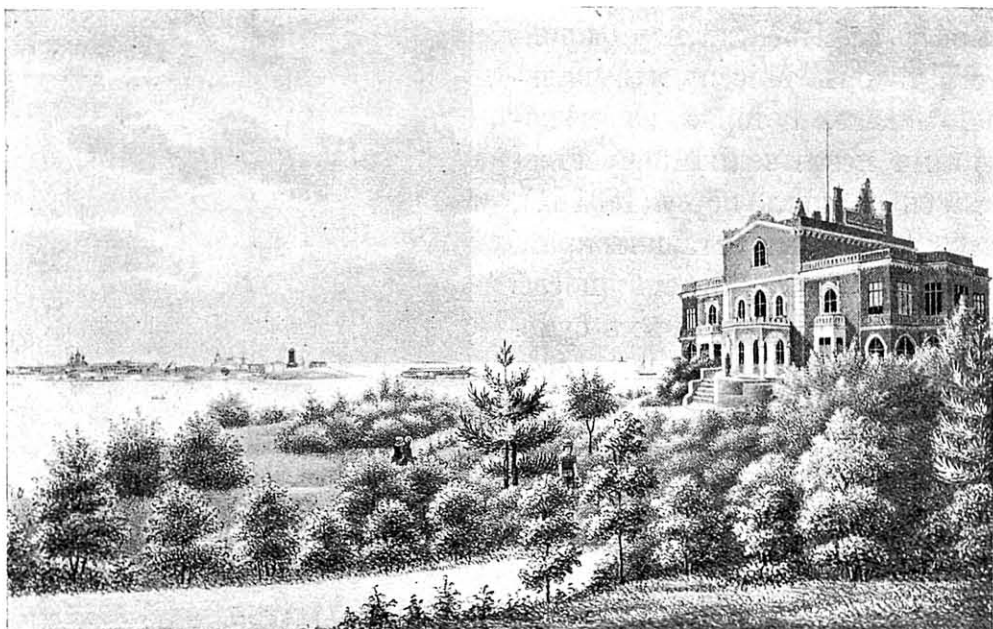
Ф. Паціусъ. Композиторъ.

Этотъ иноземецъ пріѣхалъ въ Финляндію въ то время, когда финляндская поэзія вступила въ свѣтъ. Казалось, самъ Вейнемейненъ протянулъ ему свое кантеле и молодой талантъ извлекъ изъ него тѣ звуки, коихъ ожидали всѣ. Казалось, Паціусъ понялъ тотъ языкъ, на которомъ пѣли волны и вѣтры Суоми. Звуки, внесенные имъ въ пѣсни, встрѣтили отзвукъ въ финской душѣ и широко разлились по финской землѣ. Онъ создалъ порядокъ и красоту тамъ, гдѣ ранѣе чахла невоздѣланная почва. Паціусъ пробудилъ музыкальную жизнь, придавъ сердечность исполненію и упорядочилъ формы. Замѣчательнымъ былъ тотъ день, когда въ первый разъ Финляндское музыкальное творчество, утвержденное на родной основѣ, въ видѣ оперы прошло на сценѣ, на собственномъ языкѣ и исполненное собственными силами. Этимъ днемъ былъ 12—24 марта 1852 г.,

когда впервые исполнена маленькая опера «Охота короля Карла»⁸⁰⁹). «Эти звуки,—говоритъ финляндецъ,—передавали нашу душевную жизнь, отражали нашъ народъ, нашъ край—составляли часть нашей исторіи⁸¹⁰).

Въ октябрѣ 1845 г. въ университетскомъ рисовальномъ залѣ устроена была первая художественная выставка въ Гельсингфорсѣ⁸¹¹).

Лѣтомъ Гельсингфорсъ пустѣлъ, «ибо всѣ наши патриціи,

Дача княгини Юсуповой въ Брунспаркѣ Гельсингфорса.

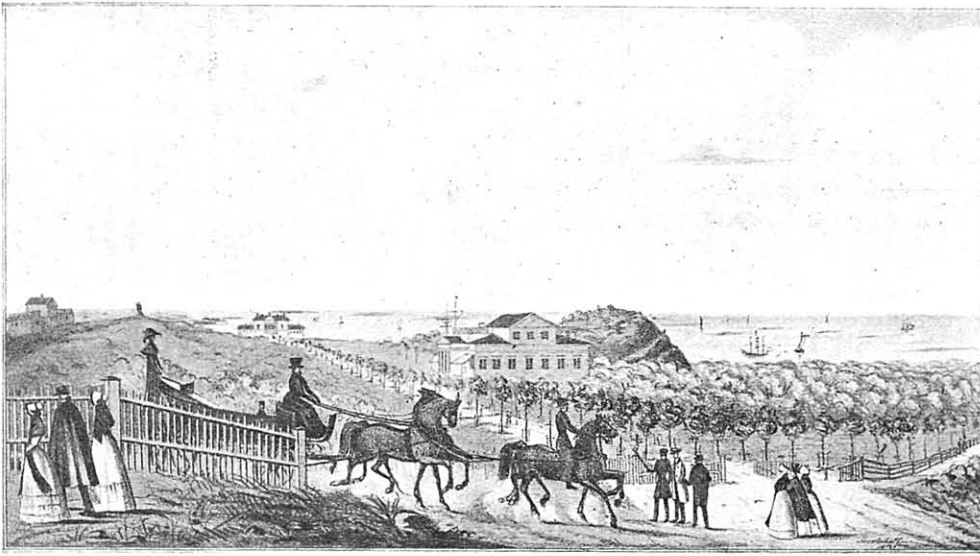
подобно древнимъ римлянамъ, принимаютъ за плугъ и собираютъ жатву для зимняго времени»⁸¹²).

Лѣтняя жизнь Гельсингфорса замѣтно оживилась послѣ устройства Брунспарка съ его ваннами и заведеніемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ.

Начало Брунспарка положено было въ 1834 году, въ пустынной мѣстности Ульрикаборгскихъ скалъ. Душою этого замѣчательнаго, для того времени, предпріятія былъ вице-консулъ Генрихъ Боргстрёмъ. Онъ организовалъ товарищество. Всего было 280 акцій по 100 рублей и изъ нихъ 30 принадлежали Государю Императору.

Предпріятіе Боргстрёма находилось въ связи съ начавшимся тогда пароходнымъ движеніемъ. Въ 1836 году большое зданіе ваннъ было закончено вмѣстѣ съ длинной липовой аллеей и другими работами въ паркѣ. Въ 1838 г. выстроенъ былъ домъ минеральныхъ водъ (Brunshuset) и этотъ годъ можно считать началомъ сезоновъ купаній въ Гельсингфорсѣ ⁸¹³).

Такъ обычно разсказываютъ происхожденіе ваннъ въ Гельсингфорсѣ мѣстные бытописатели. Между тѣмъ въ бумагахъ А. А. За-кревскаго находится слѣдующій документъ. «По случаю предпо-

Брунспаркъ города Гельсингфорса.

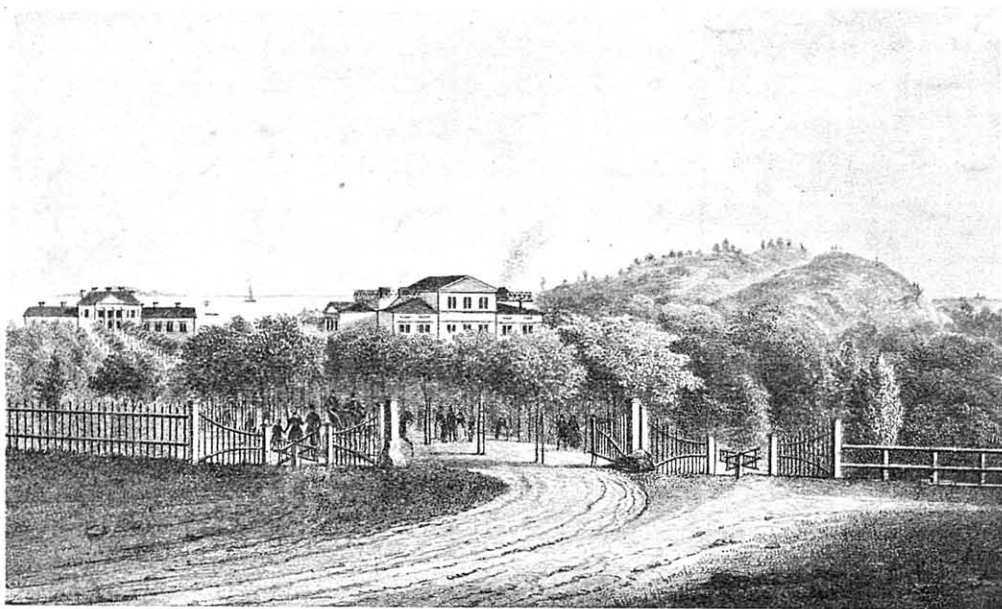
ложеннаго заведенія у каменной горы, называемой Рёбергъ, близкаго города, для пользованія морскими водами, какъ холодными, такъ и теплыми, въ ваннахъ, приглашаются желающіе участвовать въ семъ заведеніи, внести по пятидесяти рублей банковыми ассигнаціями на постройку потребнаго на то дома и прочаго устройства. Подписавшіеся единственно будутъ имѣть право пользоваться купаньемъ въ сихъ ваннахъ съ начала будущаго іюля мѣсяца. Въ скоромъ времени назначенъ будетъ подписавшимся съѣздъ, чтобы посовѣтоваться о прочихъ предметахъ до сего относящихся. Г. Гельсингфорсѣ. 5 Апрѣля 1821 г.».

«Въ семъ заведеніи нынѣ участвуютъ 89 членовъ, платившихъ каждый по 50 р.».

«Сіе заведеніе не есть публичное, но буде сумма впредь увеличится, то общество предполагаетъ сдѣлать пристройку, дабы всякъ

могъ за особенную плату пользоваться купаньемъ въ ваннахъ».

Старожиль г. Гельсингфорса, Андерсъ Рамзай, связываетъ возникновеніе Брунsparkа съ временнымъ запрещеніемъ Императоромъ Николаемъ I заграничныхъ поѣздокъ и съ появленіемъ въ Гельсингфорсѣ княгини Юсуповой, урожденной Нарышкиной, прославившейся своими эксцентрическими выходками въ Петербургѣ. Она избрала своимъ лѣтнимъ пребываніемъ Брунsparkъ, вслѣдствіе того, что другъ ея сердца за какую-то провинность

Въѣздъ въ Брунsparkъ города Гельсингфорса 1840-хъ годовъ.

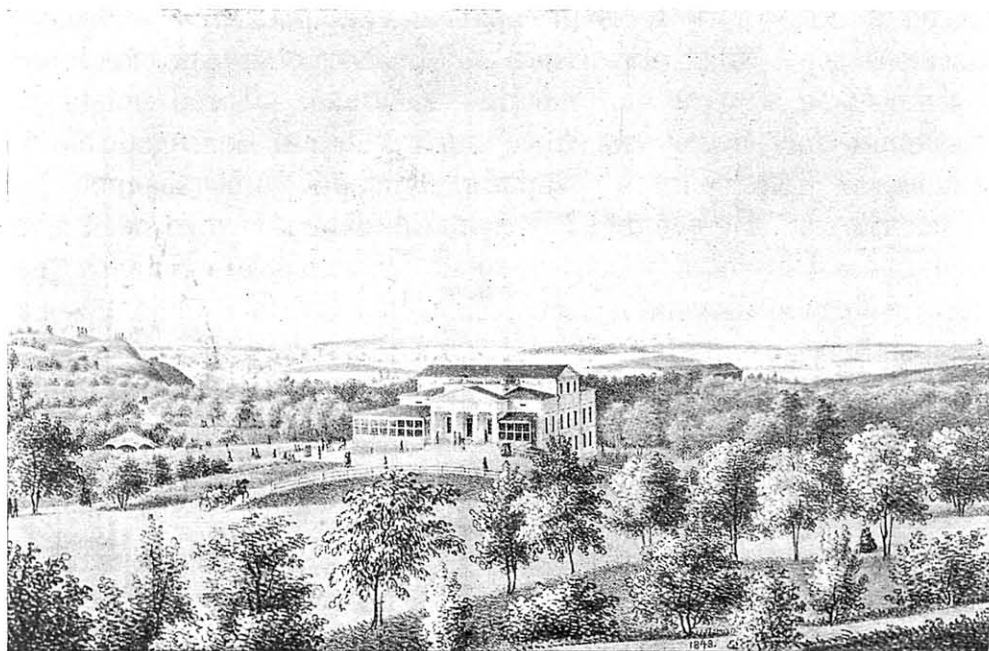
былъ сданъ въ солдаты свеаборгскаго гарнизона. Гельсингфорскій публицистъ, Авг. Шауманъ, напротивъ, утверждаетъ, что княгиня Юсупова появилась въ г. Гельсингфорсѣ лишь въ 1842 или 1843 г., когда построила себѣ виллу (Rauhaniemi), ища покоя себѣ и подраставшему сыну ⁸¹⁴). Княгиня Юсупова, которую знали въ Гельсингфорсѣ Я. К. Гротъ, была женой кн. Бориса Николаевича и отличалась образованностью и изяществомъ. Ея сынъ былъ виртуозъ на скрипкѣ. Ея коттеджъ въ Брунsparkѣ былъ прекрасенъ.

Ея примѣру послѣдовали графиня Опперманъ, княгини Гагарина, Урусова, Уварова, Трубецкая, Кочубей, графиня Мусинъ-Пушкина, Аврора-Демидова (впослѣдствіи Карамзина) и др.

Все это изящное общество, представители Петербургскаго «le monde ой on s'amuse» прибыли въ Гельсингфорсъ съ лошадьми, экипажами, свитой и многочисленной прислугой.

Пріѣздъ петербургской аристократіи, по увѣренію Анд. Рамзая, навелъ консула Г. Боргстрёма на мысль устроить товарищество для учрежденія изящнаго курорта, могущаго привязать это великосвѣтское общество къ Гельсингфорсу.

Какъ только были закончены ванны и зданіе минеральныхъ водъ, вокругъ нихъ съ небывалой быстротой стали возникать дачи.

Зданіе минеральныхъ водъ въ Брунsparkъ. Гельсингфорсъ.

Постройка дачъ оказалась блестящей аферой: онѣ окупались въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ.

Ванны и купальни—это безъ всякаго преувеличенія, писалъ О. Булгаринъ, одно изъ лучшихъ заведеній въ своемъ родѣ не только въ Россіи но и въ цѣлой Европѣ». Такого-же мнѣнія была княгиня Юсупова. «Мнѣ показалось замѣчательнымъ сужденіе Юсуповой,—читаемъ въ одномъ письмѣ Я. К. Грота,—что за границей нѣтъ ни одного мѣста съ морскими купаньями, которое бы представляло столько удобствъ, видовъ и прогулокъ, какъ Гельсингфорсъ. Шернваль, сначала пораженный этою мыслію, оспаривалъ ее; но такъ какъ княгиня вездѣ перебивала, то онъ

наконецъ, долженъ былъ согласиться» ⁸¹⁸). Гельсингфорсу не доставало только благотворнаго климата.

Въ Гельсингфорсѣ на лѣто стали прїѣзжать изъ Петербурга, Ревеля и другихъ мѣстъ Россіи, и даже изъ далекаго Иркутска. Городъ наполнялся прїѣзжими русскими знатными и легкомысленными. Сюда же потянулись финляндцы изъ собственнаго края. Въ 1846 г. число посѣтителей ваннъ Брунспарка достигло 200 чел. Здѣсь лечились и веселились.

Длинные списки прїѣзжихъ печатались въ особыхъ прибавленіяхъ къ «Гельсингфорескимъ Вѣдомостямъ» (Helsingfors Tidningar). Городскія квартиры и дачи брались на расхватъ и «добрые гельсингфоресцы скоро научились забывать и стыдъ, и скромность въ вопросѣ о квартирной платѣ».—Настало золотое время для магазиновъ съ шелковыми товарами и модами. Благодаря особой постановкѣ таможеннаго тарифа, товары продавались дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Роскошные экипажи прїѣзжей знати вереницами дежурили у магазиновъ. Брунспаркъ сдѣлался центромъ городской жизни на лѣтніе мѣсяцы. Здѣсь собирались всѣ, жаждавшіе удовольствій. Золото разсыпалось вокругъ полными пригоршнями во время азартныхъ игръ и кутежей. Когда истощались деньги, то проигрывались души крѣпостныхъ. Сохранилось не мало рассказовъ о затѣяхъ и выходкахъ петербургской noblesse съ ея «fête champêtre», «fête vénitienne» и т. п.

Въ извѣстные дни на водахъ гремѣла военная музыка. Главнымъ развлеченіемъ являлись танцы; танцовали утромъ, танцовали вечеромъ, танцовали въ бурнусахъ и шляпкахъ ⁸¹⁶). По праздникамъ стеченіе публики увеличивалось въ паркѣ. Въ воскресенье, въ черной мантии входилъ въ залъ пасторъ; мгновенно все становилось неподвижно, все смолкало. Проповѣдникъ читалъ на шведскомъ языкѣ нѣсколько молитвъ. Потомъ изъ воинскихъ трубъ раздавался псаломъ и краткое богослуженіе было закончено ⁸¹⁷).

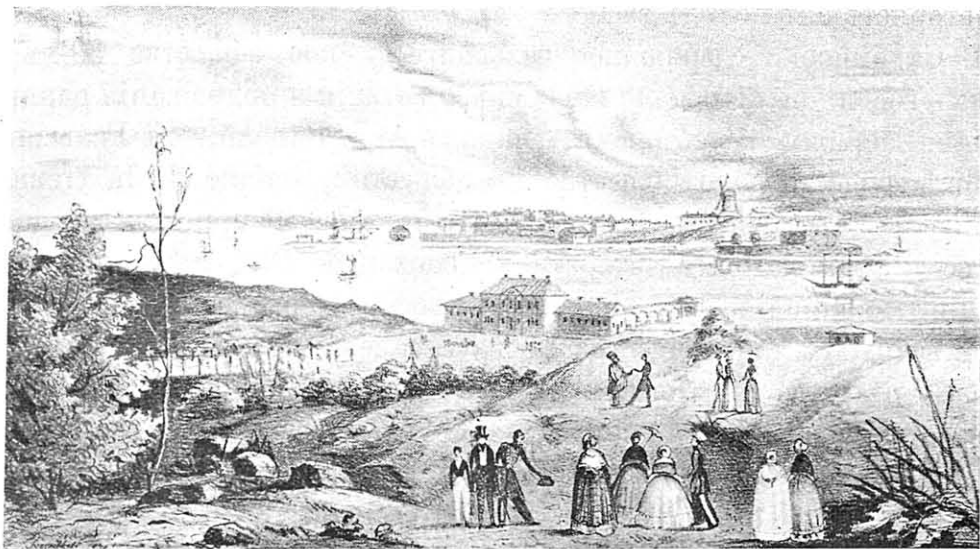
Между городомъ и Брунспаркомъ ходилъ дилижансъ-коляска, въ видѣ лодки съ двумя финскими россинантами. Возница въ черномъ фракѣ, картузѣ и бѣломъ галстукѣ помѣщался на высокихъ козлахъ; въ одной рукѣ возжи, въ другой—мѣдная труба.

Возникновеніе заведенія минеральныхъ водъ и ваннъ составило эпоху въ исторіи Гельсингфорса. Было время, когда казалось, что Гельсингфорсѣ просыпался съ приходомъ перваго весенняго

парохода и засыпалъ съ послѣдней кружкой минеральной воды, выпитой въ Брунспаркѣ.

Сколько гимновъ и панегириковъ было тогда воспѣто Гельсингфорсу и финляндцамъ. «Гельсингфорсъ блестящъ, красивъ; въ немъ нѣтъ грязныхъ предмѣстій... Обманъ и воровство извѣстны въ Финляндіи только по разсказамъ; нигдѣ почти не видать замковъ, и если въ домахъ запираются двери, то, кажется, только для порядка» и т. д. ⁸¹⁸). Между двумя заведеніями Брунспарка была одна скала, рассказываетъ извѣстный Өаддѣй Булгаринъ. Скалу съ большими издержками покрыли землей, «просверлили въ

Брунспаркъ города Гельсингфорса 1841 г.

каменъ отверстія и посадили въ нихъ деревья, провели дорожки и сдѣлали англійскій паркъ»...

Въ 1848 г. Гельсингфорсъ посѣтилъ нашъ извѣстный писатель-романистъ Г. П. Данилевскій. Ему понравилась чистота, опрятность и дешевизна его жизни, «чопорные силуэты кораблей», паутина ихъ мачтъ, его рынокъ, переполненный двухколесными каріолками и флегматическими бѣлоглазыми финнами, жевавшими коренья крѣпчайшей махорки, понравились даже мрачныя тѣни ночныхъ сторожей (klockare)—эти ходячіе часы, кричавшіе на перекресткахъ каждыя 15 минутъ. Въ сѣрыхъ шинеляхъ, въ сѣрыхъ фуражкахъ, съ сѣрыми фізіономіями они тихо двигались, подобно облакамъ скалъ. Въ полдень эспланада города наполня-

лась толпой прїѣзжихъ «водяныхъ» разныхъ націй. Два раза въ недѣлю «въ вокзалѣ минеральныхъ водъ» въ Брунспаркѣ происходили балы. Зданіе «вокзала»—легкаго моднаго стиля; садъ довольно роскошный. Одинъ балъ посѣщался высшимъ кругомъ путешественниковъ и больныхъ изъ Петербурга. Надъ вторымъ баломъ романистъ иронизируетъ, такъ какъ женщины глядѣли какими-то неопредѣленными существами, какими-то обсерваторіями, ихъ разговоръ походилъ на щелканіе орѣховъ; были дамы, напоминавшія переодѣтыхъ мужчинъ. Мужчины—воплощенные привидѣнія. Зато природа восхищала его; онъ любовался и матовой поверхностью воды, и заходомъ солнца... «Природа—все», повторяетъ онъ вслѣдъ за Гете ⁸¹⁹).

Скромное и сдержанное гельсингфорское общество 30-хъ и 40-хъ годовъ не избѣжало иноземнаго вліянія и подражанія царицѣ модъ—Парижу. Въ то время,—пишетъ Анд. Рамзай,—въ Гельсингфорсѣ существовало общество въ обществѣ, «*crème de la crème*», или какъ въ Нью-Йоркѣ его называютъ «*the 40 uppers*», что дало поводъ французскому литератору *Léouizon de Duc*, въ своемъ описаніи Финляндіи, на основаніи господствовавшего тогда въ этомъ кружкѣ тона общества, назвать маленькій городокъ «*le petit Paris*» и «*Paris du Nord*». Хотя и мѣстнаго происхожденія, это общество, было, однако, полу-чужеземное, чрезвычайно утонченное, не только по внѣшнему своему изящному обиходу и представительству, но особенно по воззрѣніямъ, нравамъ и тенденціямъ. Французское остроуміе и французская рѣчь были въ немъ господствующими, тогда какъ родная рѣчь не рѣдко произносилась съ трудомъ и большими неправильностями ⁸²⁰).

Блестящій періодъ Брунспарка длился однако не долго. Съ разрѣшеніемъ заграничныхъ поѣздокъ, главная волна петербургской знати навсегда отлила отъ Гельсингфорса.

Другимъ увеселительнымъ паркомъ г. Гельсингфорса былъ «Кайсаніеми» ⁸²¹). Если Брунспаркъ былъ мѣстомъ сборища интернаціональнаго и аристократическаго общества, то Кайсаніеми, напротивъ, привлекалъ къ себѣ болѣе простую и скромную мѣстную національную публику.

Брунспаркъ и Кайсаніеми—два легкихъ, которыми главный городъ края вдыхалъ свою жизненную радость. Кайсаніеми—мѣсто безчисленныхъ пирушекъ академической молодежи: здѣсь справлялись удачно сданные экзамены и диспуты, полученіе про-

фессуры и т. п., здѣсь лились многочисленныя рѣчи робкихъ новичковъ студентовъ и опытныхъ ораторовъ. Съ наступленіемъ новаго времени, все это разошлось по моднымъ ресторанамъ и только традиціонное студенческое пѣніе 1-го мая напоминаетъ о болѣе простомъ и миломъ быломъ.

Обсерваторія Гельсингфорса.

Крестьяне отправляются на богослужение.

XII. Галлерей дѣятелей. Политическое настроеніе Финляндцевъ. 1848 годъ.

Барону Р. Ребиндеру, давно уже несшему на себѣ отвѣтственность докладовъ Монарху, пришлось пережить нѣсколько трудныхъ періодовъ: сперва стремительно и властно вступилъ въ должность генераль-губернатора Финляндіи А. А. Закревскій, затѣмъ произошла смѣна царствованія и, наконецъ, начальствованіе надъ Великимъ Княжествомъ отдано было въ руки кн. А. С. Меншикова, пользовавшагося особымъ расположеніемъ и довѣріемъ Государя.

Въ первые дни новаго царствованія всѣ взоры, естественно, обращены были на молодого Повелителя Имперіи, въ ожиданіи измѣненій въ политикѣ и перемѣнъ въ личномъ составѣ. Ребиндеръ пользовался довѣріемъ Монарха и въ статсъ-секретаріатѣ мелькнулъ лучъ надежды, что Закревскому придется уступить свое мѣсто другому ⁸²²). Но Закревскій, сохраняя милость Государя, бодро работалъ и настойчиво проводилъ свои проекты. Въ 1828 г. Закревскій сдѣлался, кромѣ того, министромъ внутреннихъ дѣлъ и переселился въ Петербургъ, получивъ безпрепятственный доступъ къ Государю. О силѣ и значеніи Закревскаго говорятъ его сообщенія министру статсъ-секретарю: я представилъ . . . и Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ; Сенату надлежитъ «принять сей предметъ въ особое и неукоснительное свое разсмотрѣніе», и т. д. Ребиндеру пришлось пританцываться и ждать.

Взаимныя отношенія Закревскаго и Ребиндера оставались до сихъ поръ мало очерченными. Найденными нами письмами этотъ пробѣлъ нѣсколько восполняется. «Вы позволили мнѣ писать къ вамъ по-французски и я осмѣливаюсь воспользоваться этимъ, дабы поздравить васъ съ благополучнымъ прибытіемъ въ Гельсингфорсъ и просить продолженія вашего благорасположенія», такъ начинается первое письмо Ребиндера, помѣченное 25 марта 1824 г. Далѣе идетъ рѣчь о пожарѣ, уничтожившемъ въ 1821 г.

Министръ Статсъ-Секретарь Гр. Г. Ребиндеръ.

городъ Фридрихсгамнъ. Ребиндеръ выражаетъ желаніе доставить свой отчетъ о суммахъ, собранныхъ въ Имперіи, на разсмотрѣніе Закревскаго. Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 5 апрѣля 1824 г., Ребиндеръ откровенно характеризуетъ сенатора Фалька, выразившаго желаніе подать въ отставку. «Сколько я его знаю, онъ человѣкъ безкорыстный и имѣетъ большія способности къ занятіямъ, но, къ несчастію, онѣ помрачаются безмѣрнымъ своеправіемъ и самолюбіемъ. Каковъ онъ ни есть, однако же будетъ весьма затруднительно замѣстить его удовлетворительнымъ образомъ, ибо мы имѣемъ недостатокъ въ людяхъ, свѣдущихъ въ финансахъ и въ высшей адми-

нистраціи . . . Неоспоримо, что отдѣленіе финансовъ есть важнѣйшій департаментъ Сената и душа нашего мѣстнаго управленія»..

Закревскій, отвѣчая 10 — 22 іюня 1824 г., сообщаетъ, что будетъ уговаривать г. Фалька остаться на службѣ, «и какой увижу въ томъ успѣхъ, увѣдомлю ваше превосходительство офиціально... Финансовая часть и повсюду такъ трудна, что рѣдко являются люди, которые-бы, по знаніямъ и безкорыстію, истинно достойны были держать въ рукахъ своихъ сію важную вѣтвь правленія»... «Не скрою отъ васъ, что въ канцеляріи генераль-губернатора я не отыскалъ тѣхъ свѣдѣній, кои-бы въ подробности могли ознакомить меня съ страною». Закревскій жалуется, что чиновники отвлекаются сторонними занятіями, копіи не всегда засвидѣтельствованы, нѣтъ надлежашей отчетности и пр. «Въ графѣ К. Эр. Маннергеймѣ я нахожу совершеннаго патріота и истинно желающаго добра своему отечеству. Это онъ доказалъ своими трудами, превышающими преклонность его лѣтъ»..

«Я былъ увѣренъ, что ваше превосходительство оцѣните достоинство барона Маннергейма,—отозвался 19 апр. Ребиндеръ.. Со всѣмъ тѣмъ, онъ, подобно другимъ, имѣетъ своихъ завистниковъ и клеветниковъ, и надо признаться, зависть отличительная черта насъ, финляндцевъ.—Обдуманное поведеніе и сноровки въ дѣлахъ и въ обращеніи, отличающія первое вступленіе вашего превосходительства въ настоящее званіе, прекратятъ эту зависть и сѣмена партій, кои существуютъ во всѣхъ малыхъ государствахъ вообще, существуютъ, слѣдовательно, и у насъ». Ребиндеръ признаетъ неисправность аптеки и относитъ это къ дурному составу медицинской комиссіи. «Вы дѣлаете большую услугу сему краю изысканіемъ способовъ улучшить сію часть.. Должно сожалѣть о жителяхъ Гельсингфорса въ отношеніи докторовъ... Въ бытность мою въ семь городѣ едва не отправился на тотъ свѣтъ, по глупости одного изъ тамошнихъ гипократовъ».

Возобновляя рѣчь о гр. К. Э. Маннергеймѣ, Закревскій признаетъ, что уважаетъ его за трудолюбіе и за «взыскательное требованіе отъ подчиненныхъ дѣятельности и исправности. На партіи смотрю сквозь пальцы. Мнѣ лишь тѣ особы наиболѣе нравятся, которыя съ прямою привязанностію къ отчизнѣ соединяютъ истинное радѣніе о благѣ оной» (23 апр. 1824 г.).

Продолжая переписываться съ Ребиндеромъ, Закревскій, 13—25 сент. 1824 г., усматриваетъ необходимость учрежденія для края

клиники при Абоскомъ университетѣ, жалуется на нечистоту аптеки. «Видно медицинская часть мало обращаетъ на нихъ вниманія». «Г. Фалька я склонилъ остаться»..

Закревскій повторяетъ свою просьбу, не обходить его перепиской и запросами.

Ясно, что переписка между этими сановниками велась въ хорошемъ дѣловитомъ и довѣрительномъ тонѣ ⁸²³).

Въ Закревскомъ не было ничего грубого, невоспитаннаго. Въ его дѣйствіяхъ нельзя наблюсти слѣпой привязанности къ формализму.

Между нимъ и графомъ Ребиндеромъ существовали естественныя и вполне корректныя отношенія. Онъ приглашалъ Ребиндера, во время его пріѣзда въ Гельсингфорсъ, останавливаться у него, въ генераль-губернаторскомъ домѣ; Ребиндеръ воспользовался любезнымъ приглашеніемъ и благодарилъ (въ ноябрѣ 1824 г.) Закревскаго «за ласковый пріемъ и довѣренность, которую вы мнѣ изъявили, во время пребыванія моего въ Гельсингфорсъ». Лѣтомъ 1830 г. Закревскій былъ гостемъ Ребиндера, въ его имѣніи Виксбергъ. Канцелярія статсъ-секретаріата записками оповѣщала Закревскаго о ходѣ дѣлъ, о дняхъ доклада, о полученныхъ отъ Государя документахъ и т. п. Закревскій, случалось, доводилъ до свѣдѣнія Ребиндера замѣченные въ бумагахъ недочеты. Такъ, въ апрѣлѣ 1828 г., Ребиндеръ сознался, что въ манифестѣ допущенъ пропускъ, «тѣмъ болѣе прискорбный, что никогда въ теченіе 17 лѣтъ не случилось подобныхъ ошибокъ... Но дѣло сдѣлано и мнѣ остается только сказать: я виноватъ.. Если ваше превосходительство полагаете, что надобно увѣдомить о семъ Государя Императора, я исполню это, покоряясь заслуженному выговору» ⁸²⁴).

Въ концѣ 1831 г. постъ генераль-губернатора занялъ кн. А. С. Меншиковъ, очень рѣдко отлучавшійся отъ особы Государя Императора. Ребиндеръ оказался значительно отстраненнымъ отъ докладовъ и во всякомъ случаѣ очень связаннымъ вмѣшательствомъ въ нихъ князя. Между Монархомъ и его финляндскимъ докладчикомъ встало третье лицо.—Разсказываютъ,—но это едва-ли достоверно,—что кн. Меншиковъ пожелалъ, дабы гр. Ребиндеръ приходилъ къ нему для совѣщанія. Ребиндеръ отказался, не желалъ признавать себя подчиненнымъ генераль-губернатору. Для разрѣшенія конфликта, придумали возстановить упраздненное въ 1830 г., послѣ Ларса Гартмана, мѣсто помощника, послѣ чего избранный

на эту должность гр. Александръ Армфельтъ, сдѣлался посредникомъ между генераль-губернаторомъ и министромъ статсъ-секретаремъ ⁸²⁵).

Неизвѣстный намъ авторъ записки «Взглядъ на Финляндію 1832 г.», поданной кн. Меншикову, характеризовалъ гр. Ребиндера въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Особа, занимающая нынѣ во многихъ отношеніяхъ столь важное и довѣренное мѣсто, какъ статсъ-секретарь Великаго Княжества, есть мужъ истиннаго достоинства, который имѣетъ опытность въ администраціи края, и съ усердіемъ старается о благѣ онаго; всякій-же финляндецъ, знающій его ближе, будетъ уважать благородный его характеръ, но врожденная важность часто даетъ ему видъ равнодушія и холодности, которая при болѣе затруднительныхъ случаяхъ удаляетъ всякую искренность» ⁸²⁶). Кн. Меншиковъ, сдержанный и недовѣрчивый ко всѣмъ, остался такимъ-же по отношенію къ Ребиндеру.

Судя по перепискѣ, между Ребиндеромъ и Меншиковымъ существовали болѣе холодныя и официальные отношенія, чѣмъ между Ребиндеромъ и Закревскимъ. Они совѣтовались, но въ Ребиндерѣ чувствуется подчиненное положеніе. «Прошу вашу свѣтлость позволить мнѣ зайти сегодня вечеромъ или когда вашей свѣтлости угодно будетъ назначить». И далѣе: «можетъ быть получу ваше приказаніе». (17—29 апр. 1832 г.). «Полагаю, что просьба вице-канцлера университета зависить отъ рѣшенія вашей свѣтлости». «Завтра буду имѣть честь явиться къ вашей свѣтлости, чтобы вернуть бумаги, которыя вы мнѣ передали» (14 ноября 1834 г.). Вотъ въ какомъ почтительномъ тонѣ писалъ гр. Ребиндеръ князю Меншикову. Графъ Ребиндеръ старался помочь и услужить генераль-губернатору въ его присмотрѣ за цензурой. Онъ давалъ въ письмахъ подробный отчетъ о своей поѣздкѣ на сѣверъ во время голода. Въ письмахъ Ребиндера можно наблюсти иногда любезность, которая граничить съ лестью. «Я счастливъ, что имѣю дѣло съ генераль-губернаторомъ, который понимаетъ настоящіе интересы страны» (14—24 авг. 1832 г.). Говоря о помощи, оказанной голоднымъ Эстерботніи, гр. Ребиндеръ прибавляетъ: «Могу чистосердечно сказать, что имя ваше будутъ благословлять не только теперешнее поколѣніе, но и потомство» (13—25 сен. 1832 г.). «Только вы, ваша свѣтлость, можете добиться этого благодѣянія для сего человѣка и для всей страны» (6 дек. 1832 г.).

Тонъ писемъ еще болѣе покорный, когда рѣчь заходила о личной услугѣ, оказанной княземъ Ребиндеру. Это, впрочемъ, вполне естественно. 6 дек. 1834 г. Ребиндеръ удостоился Царской милости. Онъ горячо благодарить за это князя Меншикова и прибавляетъ. «Я чувствую это отъ всего сердца и со слезами благодарности».

Письма князя Меншикова всегда и ко всѣмъ отличались сухостью и краткостью. Таковы-же они и къ гр. Ребиндеру, хотя замѣтно что онъ пользовался его совѣтами, особенно при разныхъ новыхъ назначеніяхъ.

Составленные въ статсъ-секретаріатѣ доклады иногда предварительно предъявлялись кн. Меншикову, который дѣлалъ на нихъ одобрительныя надписи или отмѣтки о прочтеніи. Это удостовѣряетъ и біографъ графа Ребиндера—Робертъ Кастрѣнъ.

Официальной перепиской устанавливается, что кн. Меншиковъ, подобно гр. Закревскому, нерѣдко, во время своихъ докладовъ у Государя, испрашивалъ различныя Высочайшія повелѣнія, которыя потомъ передавалъ министру статсъ-секретарю, для исполненія въ «установленномъ порядкѣ» ⁸²⁷).

Съ теченіемъ времени, уступчивый Ребиндеръ, видимо, сумѣлъ завоевать извѣстное расположеніе и довѣріе кн. Меншикова. Объ установившейся близости свидѣлствуютъ многочисленныя краткія записочки, коими они обмѣнивались по самымъ разнообразнымъ вопросамъ ⁸²⁸). Дѣло дошло до того, что крайне скупой и сдержанный въ своихъ одобрительныхъ отзывахъ, кн. Меншиковъ пишетъ Ребиндеру: «Надѣюсь, что вы находитесь въ добромъ здравіи и что воды приносятъ вамъ пользу. Желаю это для блага Финляндіи и для того, кто всегда цѣнитъ вашу дружбу» ⁸²⁹).

Какъ вездѣ, такъ и въ Финляндіи, многіе ея чиновники и сановники за кулисами общественной дѣятельности рисуются въ иномъ видѣ, чѣмъ ихъ привыкли обыкновенно видѣть соотечественники. Гр. Ребиндеръ въ частныхъ своихъ письмахъ не разъ настойчиво старался объ усиленіи цензуры и обузданіи прессы. По его тайнымъ просьбамъ пострадали нѣкоторые органы печати ⁸³⁰). «Узнавъ, что предлагается подписка на «Журналъ путешествія по Польшѣ во время войны за свободу», Ребиндеръ сейчасъ-же просилъ запретить продажу и подписку. И затѣмъ, не чувствуя за собой никакой вины, сообщалъ кн. Меншикову, что «въ Финляндіи очень жалуются на большое количество запрещенныхъ газетъ» (12 апр. 1835 г.).

Ребиндеръ явился главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ разоблаченія проводовъ Вассера и выступленія профессора Авцеліуса. Впослѣдствіи Авцеліусъ, находясь уже подъ надзоромъ и проживая въ Вильманстрандѣ, въ письмѣ жаловался на своихъ гонителей, не касаясь однако политики. Но и это не смущаетъ ретиваго гр. Ребиндера, и во время своей поѣздки въ Тавастгусъ онъ вызвался захватить въ Вильманстрандѣ, чтобы «пожурить Авцеліуса и учредить надзоръ за его поведеніемъ» ⁸³¹). Просьбы объ учрежденіи надзора за лицами, казавшимися Ребиндеру ненадежными, и о строгомъ отношеніи къ нѣкоторымъ встрѣчаются и въ другихъ его письмахъ ⁸³²). Молодой Толль жилъ въ Финляндіи, но, получивъ разрѣшеніе, переѣхалъ въ Швецію. Затѣмъ (1835 г.) онъ вновь выразилъ желаніе поступить на русскую службу. Этому воспротивился гр. Ребиндеръ, который написалъ кн. Меншикову: «Я думаю, что надо отказать безъ всякихъ фразъ».. ⁸³³).

По отношенію къ Авцеліусу не мало усердія проявилъ также гр. А. Армфельтъ, явившійся, какъ мы видѣли, скрытымъ инициаторомъ строгихъ выступленій генерала Норденстама противъ студентовъ и насажденія въ учебныхъ заведеніяхъ ненавистнаго финляндцамъ русскаго языка. Скрывая свое участіе, Л. Гартманъ подготовилъ нерасположеніе кн. Меншикова къ Снельману и финноманамъ; благодаря также стараніямъ барона, упсальскіе студенты не попали на юбилей университета 1840 г. Гр. К. Г. Маннергеймъ, согласно желанію кн. Меншикова, читалъ частную корреспонденцію Авцеліуса и, замѣтивъ въ письмѣ его упреки по адресу своихъ гонителей, представилъ документъ его свѣтлости (21 мая—2 іюня 1835 г.). «Самыя мощныя въ Финляндіи лица, Гартманъ и сенаторъ Рамзай, выкуривали свыше законнаго количества, разсылали незаконно свое вино по всѣмъ станціямъ и шинкамъ на пути отъ Або до Гельсингфорса и споили все мѣстное населеніе». Такъ пишетъ въ своихъ запискахъ Monsieur Touche-à-tout—К. И. Фишеръ ⁸³⁴). Короче, виднѣйшіе представители администраціи за кулисами оказывались двуликими Янусами.

Несмотря на рѣдкую близость кн. Меншикова къ Государю, гр. Ребиндеръ продолжалъ пользоваться большимъ довѣріемъ Монарха и не разъ былъ командированъ Его Величествомъ въ Финляндію, для выясненія наиболѣе серьезныхъ обстоятельствъ. Во время голода Государь послалъ его съ тѣмъ, чтобы опредѣлить истинное положеніе дѣла и сдѣлать на мѣстѣ нужныя распоряженія ⁸³⁵).

Въ 1837 г. Государь опять предписалъ Ребиндеру объѣхать Финляндію, «для ближайшаго узнанія о состояніи сего края» ⁸³⁶).

Гр. Ребиндеръ, по словамъ К. И. Фишера, былъ почтенный, благородный и скромный до робости старикъ. Его домъ въ Петербургѣ явился средоточіемъ для всѣхъ, имѣвшихъ отношеніе къ Финляндіи. Въ немъ сходились и русскіе, и финляндцы. «Мы,—писалъ П. А. Плетневъ,—сошлись тамъ трое финляндцевъ: я, В. А. Сологубъ и Ребиндеръ. Последний сказалъ, что какъ будто опять въ Гельсингфорсѣ». «Видя, что Ребиндеръ часто хватается за парикъ и очки, я раскланялся» ⁸³⁷). Графиня Ребиндеръ неустанно протезировала финляндкамъ ⁸³⁸).

Ребиндера всѣ уважали и для этого, конечно, нужно было обладать немалыми достоинствами ⁸³⁹).

Гр. Ребиндеръ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ политическихъ дѣятелей, который при жизни могъ убѣдиться въ большомъ сочувствіи къ нему соотечественниковъ. Въ 1838 г. онъ посѣтилъ Гельсингфорсѣ, гдѣ его чествовали обѣдомъ и стихами, въ которыхъ говорилось, между прочимъ, о томъ, что дань признательности ему выражаютъ и въ избахъ, и въ залахъ, а отголосокъ ихъ проносится по долинамъ края, вѣщая: «ты достоинъ наилучшей дани финскихъ сердецъ». Несомнѣнно, что неизсякаемая любовь къ родинѣ неизмѣнно руководила его дѣйствіями и его осмотрительность не разъ избавляла его согражданъ отъ осложненій, послѣдствія коихъ трудно было предвидѣть.

Голова почтеннаго старца давно украсилась сѣдиной, а болѣзнь подтачивала его силы, и онъ, видимо, приготовился къ скорому концу. Его послѣдній часъ пробилъ 24 февр. 1841 г. «Съ прискорбіемъ имѣю долгъ донести Вашему Императорскому Величеству,—

Лютеранская-финская церковь Св. Маріи
въ Петербургѣ.

говорилось въ докладѣ гр. А. Армфельта,—о кончинѣ министра статсъ-секретаря гр. Ребиндера». Государь собственноручно надписалъ: «Искренно и душевно жалѣю» ⁸⁴⁰).

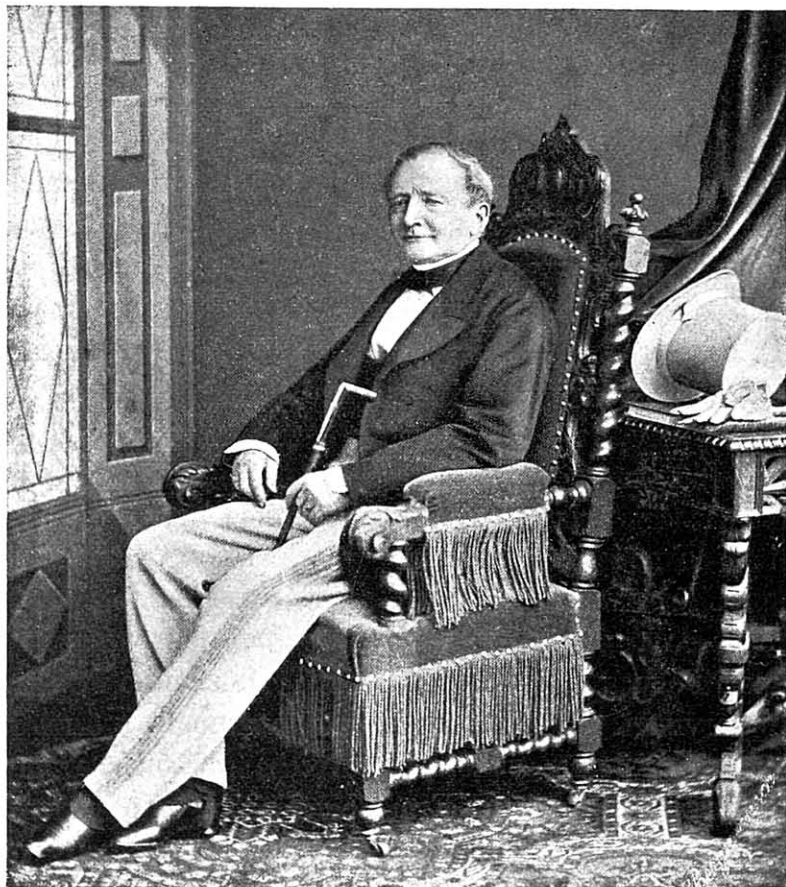
Потеря Ребиндера явилась для Финляндіи, несомнѣнно, очень чувствительной.

Отпѣваніе происходило въ лютеранской церкви въ Петербургѣ. На отпѣваніи присутствовалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Вел. Кн. Александръ Николаевичъ ⁸⁴¹). Печально звонили выборгскіе колокола, когда прахъ графа Ребиндера перевозился въ Финляндію, Я. К. Гротъ слыхалъ, что тѣло Ребиндера провезли ночью черезъ Гельсингфорсъ и никто объ этомъ не былъ предупрежденъ. Сколько было поклоненія и еиміама, а теперь... никому не нужнъ. Схоронили его въ часовнѣ св. Іакова въ кирхшпилѣ Пёмаръ.

«Гр. Ребиндеръ былъ,—писалъ его другъ К. Валленъ въ «Finl. Allm. Tidning»—въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ чести, съ чисто рыцарскимъ образомъ мысли и благодарнѣйшимъ сердцемъ. Онъ можетъ быть не обладалъ ни обширнымъ творческимъ геніемъ, который въ мигъ охватываетъ все и безъ страха мчится къ цѣли, ни той тревожной дѣятельностью души, которая постоянно проявляетъ себя въ новыхъ предложеніяхъ и въ неослабномъ желаніи преобразовывать и улучшать. Но онъ владѣлъ въ высшей степени,—часто болѣе полезнымъ, хотя и менѣе блестящимъ—качествомъ, хорошо понять и спокойно обсудить дѣла, которыя ему представлялись. Его разборъ былъ вѣренъ, его воля чиста и его сужденіе никогда не вводило въ заблужденіе какими-бы то ни было побочными соображеніями. Служебное поприще, которое гр. Ребиндеръ только что закончилъ, не легко было пройти. Нужно было его особые качества, чтобы продержатъ себя на высотѣ и заслужить нараздѣльное уваженіе Двора и города, страны и государства. Правда, онъ имѣлъ всегда вѣрную опору въ высочайшихъ воззрѣніяхъ и въ благорасположеніи Монарха къ странѣ, преимущества которой онъ охранялъ. Сколько разъ ему приходилось быть посредникомъ, сколько препятствій онъ долженъ былъ преодолѣть. И мы не колеблясь утверждаемъ, что вся его общественная дѣятельность въ извѣстномъ отношеніи явилась духовной борьбой, изъ которой онъ всегда выходилъ непобѣжденнымъ. Его извѣстная честность, осмотрительность, способность сознавать, когда, что и какъ надлежало дѣлать, высокое образованіе, богатая опытность, полное знаніе высшаго общества—все соединилось въ немъ въ одно цѣлое, чтобы

оградить его отъ опасностей, которыхъ многіе на его мѣстѣ не избѣжали бы. Заслуга гр. Ребиндера въ этомъ отношеніи, быть можетъ, менѣе замѣтна, но никакъ не менѣе похвальна».

Некрологъ Валлена о Ребиндерѣ,—отмѣчено у Я. К. Грота,—нѣсколько пристрастенъ. Преувеличена прелесть его наружности и его любезность ⁸⁴²). Въ Ребиндерѣ наблюдалась удивительная

Министръ Статсъ-Секретарь Гр. Александръ Армфельтъ.

смѣсь учтивости, осторожности и какого то добродушія. Осторожность часто переходила въ радость. Онъ боялся, напримѣръ, смѣнить проф. Соловьева, опасаясь разговора о томъ, что онъ, финляндецъ, удалили русскаго изъ университета.

Осенью того-же 1841 г. (14 окт. н. с.) университетъ торжественно помянулъ скончавшагося канцлера. Мѣсяцъ спустя открыта была подписка среди финляндскихъ гражданъ на медаль въ память покойнаго. На медали находилось изображеніе Ребиндера и надпись:

«Robertus Henricus Rehbinder Comes, Natus den 15 Iul. d. 1777. Mort. d. 8 Mart. a. 1841, a задней сторонѣ: «Viro meritis de patria inclyto pietas civium» ⁸⁴³.

Съ 1832 г. около гр. Ребиндера стоялъ гр. А. Армфельтъ, который послѣ него занялъ постъ министра статсъ-секретаря, и затѣмъ оставался на немъ болѣе четверти вѣка, радѣя о пользѣ Финляндіи, хотя во многихъ отношеніяхъ отступалъ отъ традиціи своего предшественника. Сохранилось преданіе, что Ребиндеръ желалъ, чтобы его стремленія были выполнены Л. Ф. Гартманомъ, съ которымъ онъ ранѣе нѣсколько десятилѣтій проработалъ для возстановленія финскаго сейма, и который, въ качествѣ члена Сената, имѣлъ столь значительное вліяніе на тѣ реформы, которыя въ то время проводились въ области финансовъ, таможи, оброковъ и пр.

Л. Г. Гартманъ усиленно сталъ добиваться его мѣста, но К. И. Фишеръ принялъ сторону гр. А. Армфельта и, между прочимъ, посовѣтовалъ ему, на время ремонта своей квартиры, переѣхать въ казенную квартиру министра статсъ-секретаря, чтобы такимъ образомъ создать нѣкоторое нравственное препятствіе, для его выселенія и водворенія новаго кандидата. Но эта уловка ни къ чему не привела, такъ какъ Государь сразу остановилъ свой выборъ и безъ того на гр. Армфельтѣ. Уже на докладѣ о кончинѣ гр. Ребиндера, рукою Государя было обозначено: «По званію вашему предлагаю вамъ вступить въ исправленіе его должности и быть ко мнѣ за приказаніемъ»... Этимъ участь гр. Армфельта была рѣшена, такъ какъ въ назначенный день Его Величество, заявившись съ нимъ дѣлами, распорядился, когда графъ долженъ къ нему пріѣзжать и когда присылать доклады ⁸⁴⁴).

При своемъ назначеніи гр. А. Армфельтъ получилъ определенное указаніе Николая Павловича: *Pas d'intrigues*. Онъ обладалъ недурными способностями, но опыта въ политическихъ дѣлахъ у него не было. Онъ началъ службу адъютантомъ у ген.-губернатора Штейнгеля, а затѣмъ былъ директоромъ финляндскаго банка. Съ 1835 г. онъ состоялъ товарищемъ министра статсъ-секретаря. Трудно было ему отстоять свою самостоятельность, да онъ, по природной робости и мягкости своего характера, и не добивался этого. Изворотливый съ утонченными манерами, онъ осмотнительно пробирался среди встрѣченныхъ препятствій и весь былъ озабоченъ тѣмъ,

чтобы избѣгать всего, что могло-бы беспокоить Государя. (Характеристика гр. Армфельта нами дана въ «Исторіи Финляндіи». Время Александра II, стр. 353—359). Сразу опредѣленно обозначилось, что гр. Александръ Густавовичъ Армфельтъ не смѣлъ ничего предпринять безъ разрѣшенія кн. Меншикова ⁸⁴⁵). Въ одно время, гр. А. Армфельтъ, ранѣе доклада дѣлъ Государю, представлялъ ихъ кн. Меншикову, который, просмотрѣвъ ихъ, подписывалъ: «читалъ» ⁸⁴⁶).

По оцѣнкѣ Фишера, гр. А. Армфельтъ—просвѣщенный, умный, добрый, рѣдкой симпатичности; въ вѣжливости онъ не уступалъ кн. Меншикову. Этой оцѣнкѣ Фишеръ остался вѣренъ до конца. Въ 1854 г. онъ критикуетъ Гартмана и хорошо аттестуетъ гр. А. Армфельта, находя, что графъ проявляетъ много энергіи и Финляндія ему многимъ будетъ обязана ⁸⁴⁷).

Нѣкоторые приемы гр. Армфельта указываютъ на то, что онъ вышелъ изъ школы Рибиндера. Бывая въ Финляндіи, онъ старался придти въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ, поддерживая такимъ образомъ въ глазахъ народа престижъ министра статсъ-секретаря ⁸⁴⁸). Въ то же время онъ зорко присматривался и прислушивался къ малѣйшимъ желаніямъ кн. Меншикова, чтобы не упустить случая исполнить ихъ. Провинился, напри- мѣръ, профессоръ Альквистъ; ему надлежало покинуть Гельсингфорсъ и университетъ на 6 мѣсяцевъ. Гр. А. Армфельтъ пишетъ по этому поводу кн. Меншикову: «но я думаю, что не дурно дозу увеличить раза въ три» ⁸⁴⁹).

Родъ Фишера происходилъ изъ вюртембергскихъ дворянъ. Константинъ Ивановичъ Фишеръ (1805—1880 г.), по окончаніи курса въ петербургскомъ высшемъ училищѣ, началъ службу въ канцеляріи министерства финансовъ. Затѣмъ онъ перешелъ секретаремъ къ вѣтреному сибариту кн. Андрею Павловичу Гагарину, завѣдывавшему балетомъ. Жена кн. А. П. была родная сестра кн. Меншикова. К. Фишеръ давалъ также уроки дочерямъ Гагариной. Въ 1828 г. поступилъ въ канцелярію начальника морского штаба кн. Меншикова, а затѣмъ, когда послѣдній былъ назначенъ генераль-губернаторомъ, К. И. Фишеръ сталъ завѣдывать его финляндской канцеляріей въ Петербургѣ. Оставаясь во главѣ этой канцеляріи, Фишеръ послѣдовательно занималъ должности директора строительной

комисіи Николаевской желѣзной дороги и директора департамента желѣзныхъ дорогъ. Кромѣ того, ему поручено было управленіе канцеляріей по своду морскихъ постановленій. Въ 1851 г. его назначили товарищемъ министра статсъ-секретаря Вел. Кн. Финляндскаго и въ то же время онъ былъ причисленъ къ дворянскимъ родамъ финляндскаго рыцарскаго дома⁸³⁰).

Петербургская Канцелярія генераль-губернатора неизмѣнно оставалась въ его рукахъ.

Со словъ Фишера, мы узнаемъ, что его вліяніе въ отдѣльныхъ

Константинъ Ивановичъ Фишеръ.

случаяхъ было весьма значительнымъ, но оно не распространялось на общую политику. Онъ останавливалъ князя Меншикова въ «реакціонныхъ» его побужденіяхъ. По финляндскимъ дѣламъ онъ не только оспаривалъ, но и не соглашался съ кн. Меншиковымъ... до тѣхъ поръ, пока не одерживалъ верхъ. Онъ велъ «партикулярную переписку съ губернаторами, сенаторами, епископами и архіепископами». При его предмѣстникѣ, Бахтинѣ, канцелярія ограничилась секретною перепискою и передѣлками редакціи; при Фишерѣ канцелярія при-

нимала на себя инициативу, почему многіе пріѣзжали «для объясненія со мной», и ранѣе князя старались уговорить Фишера. «Статсъ-секретарь финляндскій присылалъ ко мнѣ безпрестанно своихъ первыхъ секретарей... Я сдѣлался властью». Изъ-за этихъ строкъ выглядываетъ знакомый всѣмъ образъ Ив. Ал. Хлестакова. И вообще этотъ типъ не разъ припоминается, при чтеніи записокъ Фишера. Государь сказалъ: «Меншиковъ. Возьми Финляндію»... Или: «Сенаторы спекулировали иногда нарушеніемъ закона, ленсманы—никогда». «Займа никакого не нужно (въ 1854 г.), деньги еще есть»... Валленъ у него вѣтреный, Блудовъ—пустословъ. Наконецъ, онъ заявляетъ, что край онъ зналъ и любилъ.—Онъ зналъ также, что край благоденствовалъ. Когда шла рѣчь о перенесеніи,

послѣ пожара г. Вазы на новое мѣсто, мнѣнія раздѣлились: Сенатъ стоялъ за прежнее мѣсто, магистратъ г. Вазы—за новое. «Я поддержалъ магистрата: такъ и было рѣшено. Восторгъ магистрата, большинства купечества и окрестныхъ землевладѣльцевъ невыразимый». К. И. Фишеръ прибавляетъ, что довольные просили Государя назвать городъ «Nicolajstad», но Его Величество не согласился. Мимоходомъ укажемъ, что это невѣрно. Государь собственноручно на докладѣ подписалъ «Согласенъ». ⁸⁵¹).

Насколько въ Петербургѣ у кн. Меншикова онъ захватывалъ въ свое вѣдѣніе дѣла, настолько въ Финляндіи къ нему возрастало всеобщее нерасположеніе. Большого роста, съ грубой внѣшностью, онъ не располагалъ къ себѣ. Я. К. Гротъ замѣтилъ въ немъ «много предубѣжденія противъ финляндцевъ». Онъ удивлялся, какъ Гротъ могъ въ короткое время познакомиться такъ тѣсно со многими изъ жителей Гельсингфорса. «Они-де насъ, русскихъ, не жалуютъ».

Товарищъ Министра Статсъ-Секретаря Стевень.

Въ 1851 г. въ Остенде скоропостижно скончался т. с. Федоръ (Фредрикъ) Кристьяновичъ Стевень. На докладѣ объ этомъ Государь милостиво надписалъ: «Крайне жаль, большая потеря».

Имѣлся вполне достойный и заслуженный кандидатъ на должность товарища министра статсъ-секретаря — Н. В. Путята. Но гр. Ал. Армфельтъ руководствовался иными соображеніями. Онъ зналъ положеніе, занятое К. И. Фишеромъ у кн. Меншикова, и потому рѣшилъ, что назначеніе Фишера «будетъ самое полезное и для него (графа), и для страны»:—«Фишеръ намъ необходимъ», Кромѣ Фишера нѣтъ никого,—повторялъ Котенъ въ своихъ письмахъ,—пусть не прогнѣваются другіе кандидаты. Такими кандидатами выставляли себя Бутковъ и Комовскій. Это обстоятельство мало смущало Армфельта; хуже было то, что Фишеръ

не финляндецъ. Отецъ-же Армфельта и гр. Ребиндеръ всегда берегли мѣсто министра для финляндца. Если сегодня пройдетъ Фишеръ, то завтра мѣсто министра можетъ, по его примѣру, перейти, пожалуй, Буткову или Комовскому (. . . vous n'êtes pas finlandais et que la place du ministre que son père et le c—te Rebinder avaient toujours ménagée pour des finlandais, passerait par suite de l'antécédent à un Бутковъ ou Комовскій . . .). Послѣдній «не нашъ,—писалъ баронъ Котенъ,—но онъ, замѣтите, искалъ мѣсто товарища черезъ Адлерберга». Но вы (Фишеръ) «намъ необходимы», и Фишеръ былъ назначенъ Обойденному и оскорбленному Путятѣ пришлось оставить службу.

Занявъ мѣсто товарища министра статсъ-секретаря, Фишеръ заслонилъ собой гр. А. Армфельта. Въ новомъ званіи онъ показался въ Гельсингфорсѣ, гдѣ былъ принятъ властями «съ большимъ подобострастіемъ. Въ сѣняхъ гостиницы, гдѣ онъ останавливался, безпрестанно толпились усердные посѣтители, рассказываетъ Я. К. Гротъ. И очень естественно, «живая власть хоть ненавистна, по выраженію Пушкина, а всетаки смиряются въ ея присутствіи». Всѣ эти подробности закрѣплены для потомства и самимъ Фишеромъ. Онъ писалъ: «Въ это время я имѣлъ уже въ Финляндіи значеніе весьма рельефное. Ко мнѣ пріѣхали баронъ Клинковстремъ, начальникъ дивизіи гр. Армфельтъ». . . .

Фишеръ выросъ въ «вліятельнаго и опаснаго» чиновника. Снелъманъ, имѣвшій случай бесѣдовать съ нимъ, вывелъ заключеніе, что на словахъ онъ желалъ выдать себя за демократа, не придающаго значенія происхожденію человѣка. Управлять краемъ, по словамъ Фишера, едва-ли не значило замѣщать должности. Его прозвали «Monsieur Touche-à tout» или г. Fingerklåda. Общее мнѣніе о немъ было таково, что онъ являлся «злымъ духомъ» и «несчастіемъ» края ⁸⁵²).

Фишеръ, какъ въ зеркалѣ, отразился въ своемъ дневникѣ. Достаточно поэтому перелистать его записки, чтобы вполне уяснить себѣ духовный обликъ новаго сановника. Вотъ нѣсколько извлеченій изъ нихъ.

Доставшіеся Россіи представители финляндской администраціи были,—пишетъ Фишеръ,—«воспитаны въ конституціонной атмосферѣ просвѣщеннаго народа и выражали свою духовную независимость или вольнымъ свѣтскимъ обхожденіемъ съ ген.-губернаторомъ, какъ Клинковстремъ, или достоинствомъ осанки, какъ

Кронстедтъ». Надышавшись воздухомъ бюрократической Россіи, ихъ потомки понизились въ своихъ достоинствахъ и качествахъ. Вообще у К. И. Фишера замѣтна наклонность осуждать все русское, при сопоставленіи съ финляндскимъ. «Дворяне русскіе и финляндскіе сходны только по созвучію, а не по смыслу: это омонимы, а не синонимы. Нельзя было уподоблять ихъ, какъ нельзя уподобить Троянову колонну каждому каменному столбу». По мѣркѣ его справедливости, на финляндскую казну можно было возложить только расходы по оборонѣ Ботническаго залива, но не Финскаго. Онъ вѣрилъ, что крестьяне коробейники исключительно сбывали фальшивыя деньги и заражали населеніе сифилисомъ.—«Независимый Сенатъ былъ преданъ Государю; преданность независимаго и лестнѣе и прочнѣе, чѣмъ покорность раба». Рисуюясь своими высокими и передовыми взглядами, К. И. Фишеръ продолжаетъ: «Закревскій не любилъ вольнодумцевъ, но въ его вооруженіи было только два оружія: палка и шпіонство..... Кн. Меншиковъ отвергъ рѣшительно шпіонскую систему.... охранялъ конституцію всѣми своими силами»..... И сейчасъ-же, путаясь въ противорѣчіяхъ собственнаго словоизліянія, заявляетъ, что князь, видимо, не жаловалъ людей, способныхъ противостоять произволу, что князь «старался ослабить нравственный вѣсъ Сената», что его системой Сенатъ былъ превращенъ въ скопище бездарныхъ и низкопоклонныхъ чиновниковъ. «Новые финны, какъ всѣ доктринеры, стали сбрасывать не только иго русскаго вліянія, но и давленіе шведской цивилизаціи; презрѣвъ историческое развитіе края, они вводили чухонство, и изъ чухонскаго народнаго языка стали соизидать языкъ политическій, со всѣми глупыми послѣдствіями насилуванія исторіи для проведенія новаго принципа національности. Такъ оцѣнилъ Фишеръ значеніе національнаго движенія.

Кому служилъ подобными воззрѣніями Фишеръ: Россіи или Финляндіи? Идея сближенія ихъ едва-ли озабочивала его. Онъ признаетъ, что служба его въ статсъ-секретаріатѣ (1851—1856 г.) была «необыкновенно пріятна». Когда гр. А. Армфельтъ сталъ думать объ отставкѣ, Фишеръ достаточно скромно заявляетъ: «Министромъ статсъ-секретаремъ хорошимъ я не могу быть: это мѣсто политическое, требующее (или тогда требовавшее) близкихъ связей съ Швеціею, а товарищемъ другого мнѣ быть не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что почти всѣ кандидаты были мои креатуры. Я написалъ письмо къ Государю, въ которомъ излагалъ, что финляндцы не могутъ за-

быть, что я не финляндецъ, что я не желалъ бы быть une incompatible politique (политической несовмѣстимостью). . . . Государь назначилъ Фишера въ русскій Сенатъ. . .

Сколько сходства между Фишеромъ и кн. Меншиковымъ! Обозрѣвая ихъ службу, плоды ихъ дѣятельности, манеру излагать свои взгляды—чувствуется, что они родня по духу: они занимаютъ одновременно нѣсколько должностей, не проявляя себя ярко ни въ чемъ, не оставивъ по себѣ нигдѣ замѣтнаго слѣда; но они искусно держатъ себя на виду, развязно критикуютъ всѣхъ, рассыпаютъ словечки на разныхъ иностранныхъ нарѣчiяхъ. Очень легковѣсны историческiе дѣятели! Никому они не угодили, всѣ дружно посылали по ихъ адресу замѣчанiя, полныя иронiи, граничащей если не съ презрѣнiемъ, то съ явнымъ пренебреженiемъ.

Вице-канцлеромъ университета и помощникомъ генералъ-губернатора состоялъ Александръ Аматусъ Теслевъ (или Александръ Петровичъ). Онъ родился въ Выборгѣ, и въ русскомъ генеральномъ штабѣ блестяще провелъ свою молодость. Въ чинѣ капитана онъ участвовалъ въ 1807 г. въ походѣ противъ Наполеона, въ 1808—1809 гг. находился въ войскахъ, оперировавшихъ въ Финляндiи, гдѣ во многихъ важнѣйшихъ схваткахъ сражался противъ финскихъ полковъ. Наконецъ, онъ былъ участникомъ знаменитыхъ походовъ 1812—1814 гг. Впослѣдствiи его назначили командующимъ расположенной въ Финляндiи русской пѣхотной дивизiи. Вице-канцлеромъ онъ пробылъ вплоть до 1847 г., съ маленькимъ перерывомъ, когда съ войсками онъ отправился въ возставшую Польшу. Состоя помощникомъ князя Меншикова, А. П. Теслевъ въ сущности являлся въ Финляндiи главнымъ представителемъ русской власти, такъ какъ князь почти не показывался въ Финляндiю. Теслеву было лѣтъ шестьдесятъ. Это былъ человѣкъ коренастый, довольно полный, невысокій, сѣдой, съ чистыми правильными чертами лица, съ невыразительными и почти стеклянными глазами. Не смотря на то, что онъ участвовалъ во многихъ походахъ, характеръ у него былъ миролюбивый, набожный, доброжелательный. Со всѣми, какъ съ высшими, такъ и съ низшими онъ обходился ласково. Когда же онъ заподозрѣвалъ въ комъ-нибудь опасныя для общественнаго спокойствiя идеи, или усматривалъ политическаго крикуна, то раздражался и, держа руку на рукояткѣ своего оружiя,

угрожалъ предмету своего гнѣва «Сибирью» или чѣмъ-нибудь подобнымъ. По различнымъ причинамъ это случалось со многими: съ Нордстремомъ, Сигнеусомъ, Снельманомъ, Л. Стенбекомъ и др. Но гнѣвъ скоро проходилъ и угрожавшій вновь становился его хорошимъ другомъ. Въ качествѣ помощника генераль-губернатора, ему вмѣнено было въ обязанность предсѣдательствовать въ Сенатѣ, что имъ исполнялось съ живымъ участіемъ. Какъ вице-канцлеръ университета, онъ также считалъ своимъ долгомъ часто присутствовать въ собраніяхъ консисторіи, на диспутахъ и лекціяхъ ⁸⁵³).

По отзыву извѣстнаго З. Топелиуса, ген. А. П. Теслевъ при нормальныхъ условіяхъ былъ добродушнымъ и доброжелательнымъ человѣкомъ, но трусомъ ⁸⁵⁴). Административную трусость его отмѣчаетъ и Я. К. Гротъ. «Странно, что добрый Александръ Петровичъ такъ труситъ всего шведскаго. Видно, онъ не служилъ подъ командой Чичагова, который, смущенной появленіемъ шведскаго флота близъ Кронштадта, Екатеринѣ спокойно сказалъ: вѣдь они же насъ не съѣдятъ» ⁸⁵⁵).

Ограниченность Теслева и своеобразные его взгляды очень отчетливо проявились въ маленькомъ эпизодѣ съ депутаціей отъ студентовъ, по случаю празднества въ память Портана. Выслушавъ ихъ, Теслевъ возразилъ: «Скажу вамъ, господа, вамъ нельзя устраивать пирушки, его величество этого не желаетъ. Вы, господа, можете пировать съ вашими книгами. Но вамъ, господа, нельзя устраивать здѣсь блестящихъ пировъ и поносить, и насмѣхаться надъ своими учителями». М. Кастрень осмѣлился сказать: «Позвольте, ваше превосходительство, замѣтить, что мы явились сюда не для того, чтобы просить дозволеніе устроить праздникъ, но чтобы объяснить, что не Сигнеусъ инициаторъ упомянутого торжества».—Вице-канцлеръ воскликнулъ: «Но я скажу вамъ, господа, что я очень хорошо знаю Сигнеуса, онъ экзальтированный человѣкъ! Я уже давно его подозревалъ. Его мать тоже была такимъ человѣкомъ, а извѣстно, что качества родителей переходятъ въ наследство къ дѣтямъ» ⁸⁵⁶). «Однако, я знаю,—продолжалъ вице-канцлеръ затѣмъ нѣсколько спокойнѣе,—«что вы, господа, явились ко мнѣ, какъ друзья; но скажете-ли вы мнѣ откровенно? Могу-ли я вѣрить тому, что вы говорите о Сигнеусѣ?» «Да», отвѣтили всѣ единогласно.—«Но, милые мои господа, мы не станемъ устраивать блестящихъ пирушекъ и майскихъ праздниковъ. Что вамъ за дѣло, господа, до Портана? Вѣдь онъ былъ частнымъ человѣкомъ; какое

намъ дѣло до него?» Тогда Кастренъ указалъ, что Портанъ былъ тотъ человѣкъ, который первый основалъ финскую литературу и оставилъ въ наслѣдство наше прошлое и наши лѣтописи. «А вы, господа, знакомы съ Портаномъ? Вы видѣли его?» неожиданно спросилъ вице-канцлеръ. «Нѣтъ, но мы слышали о его имени отъ своихъ отцовъ и научились почитать его. Профессоръ Портанъ родился ровно сто лѣтъ тому назадъ». «Но,—прервалъ его вице-канцлеръ,—зачѣмъ же вамъ, господа, тогда обращать вниманіе на него? Тогда вѣдь и ваши паненки не видѣли его. Онъ жилъ при совсѣмъ другихъ условіяхъ, а вы, господа, можете праздновать болѣе блестящіе періоды. Скажу вамъ, господа, что я стою на гораздо высшей точкѣ зрѣнія, и вы не знаете всѣхъ тѣхъ принциповъ, которымъ я слѣдую. Идите, господа, всѣ домой и поступайте, какъ я» ⁸⁸⁷). Кн. Меншиковъ, конечно, зналъ ген. Теслева, но, видимо, признавалъ его вполне достойнымъ для себя помощникомъ.

Другая отличительная черта А. П. Теслева—поражающая скупость.—К. И. Фишеръ аттестуетъ его человѣкомъ ограниченнымъ и «скупымъ до мерзости». Слухи о скупости генерала Теслева дошли, конечно, и до Або. Е. Ивановъ говоритъ, что Теслевъ, давая обѣдъ графу и графинѣ Ребиндеръ, пригласилъ 30 человѣкъ, имѣя при этомъ лишь одного слугу; когда стемнѣло, подали одну свѣчу. Привели показать дѣтей—они оказались замарашками.

Генералъ Теслевъ оставался на своихъ высокихъ постахъ до 1847 г., когда, согласно прошенію, получилъ отставку. Онъ переселился въ свое имѣніе Юстила (Juustila) въ Выборгскомъ кирхшпилѣ. Въ томъ же году онъ умеръ въ Выборгѣ ⁸⁸⁸).

Я. К. Гротъ отзывался о немъ, какъ о благородномъ, добромъ, деликатномъ и кроткомъ человѣкѣ ⁸⁸⁹).

Въ рѣчи Лагуса, посвященной памяти Теслева, было сказано, что «около 20 лѣтъ тому назадъ Государь, осыпая милостями университетъ, назначилъ вице-канцлеромъ его, Александра Амагуса Теслева. Память его никогда не умретъ, потому что во время его управленія совершилось какъ-бы возрожденіе университета и послѣдовало безчисленное множество благодѣтельныхъ перемѣнъ. Намъ память его дорога и по отеческой любви, съ какою онъ управлялъ нами: всякій изъ насъ всегда могъ съ довѣріемъ обращаться къ нему, какъ къ другу, изъяснять ему наши нужды и желанія» ⁸⁹⁰).

Въ январѣ 1848 г. генераль-лейтенантъ Платонъ Ивановичъ Рокасовскій назначенъ былъ помощникомъ генераль-губернатора кн. Меншикова. Ему было тогда 50 лѣтъ; въ немъ сразу узнали человека спокойнаго, простаго, гуманнаго въ обхожденіи и нелюбившаго большихъ почестей, къ которымъ, казалось, совершенно не привыкъ, и потому онъ велъ себя довольно робко. Фигура его была

Помощникъ генераль-губернатора.
Генер. баронъ Платонъ Ивановичъ Рокасовскій.

незначительная, лицо невзрачное, но доброе. Финляндцамъ онъ понравился и они нашли, что Рокасовскій болѣе походилъ на финна, чѣмъ на поляка или нѣмца, и надѣялись, что будетъ дѣйствовать въ ихъ національномъ духѣ. Генераль Норденстамъ, знавшій его по Кавказу, отзывался о немъ очень хорошо ⁸⁶¹. Рокасовскій скоро освоился съ новымъ своимъ положеніемъ и желалъ поближе ознакомиться съ Финляндіей. Уже въ первые годы пребыванія своего въ краѣ, онъ сдѣлался финляндскимъ землевладѣльцемъ, купилъ имѣніе Дегерё

близъ Гельсингфорса. Въ этомъ имѣніи онъ проводилъ лѣто, наслаждаясь природой и радостями семейной жизни. Какъ въ деревнѣ, такъ и въ городѣ, его двери всегда широко раскрывались для гостей, принимаемыхъ сердечно и просто, безъ всякой роскоши и церемоніи. Домъ генералъ-губернатора во время Рокасовскаго игралъ значительную роль въ общественной жизни города; это былъ представительный домъ,—пишетъ Авг. Шауманъ,—гдѣ мирно и весело встречалось русское и финское общество.

До приѣзда въ Финляндію П. И. Рокасовскій прошелъ значительную жизненную школу, приобрѣтя разнообразный опытъ. Сынъ дворянина Витебской губ., онъ получилъ хорошее домашнее образованіе и затѣмъ кончилъ курсъ Института Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія. Онъ мужественно участвовалъ въ турецкомъ походѣ 1829 г. и въ разныхъ трудныхъ экспедиціяхъ на Кавказѣ; былъ послѣ того управляющимъ Провіантскимъ Департаментомъ Военнаго Министерства. Вездѣ онъ зарекомендовалъ себя умнымъ человѣкомъ, вездѣ онъ проявилъ должный тактъ.

Въ политическомъ отношеніи Финляндія была вполне благонадежна, никакихъ вредныхъ движеній въ ней не усматривалось и всѣ власти предъ лицомъ грознаго Николая Павловича могли убѣжденно сказать, что въ Финляндіи все спокойно.

А. Закревскій за 1827 г. удостовѣрилъ, что царскія повелѣнія исполнялись «со всеподданнѣйшимъ послушаніемъ»; а должностныя лица, за весьма малымъ исключеніемъ, старались усердно и успѣшно исполнять свои обязанности.

Въ 1831 г. жандармскій полковникъ Вульффертъ объѣхалъ часть Финляндіи и нашелъ все въ порядкѣ. Нигдѣ никакихъ неблагонамѣренныхъ толковъ не наблюдалось. Всюду финляндцы интересовались дѣйствіями финскаго баталіона, воевавшего противъ поляковъ ⁸⁶²). Возникали подозрѣнія, что поляки, приѣзжавшіе въ Финляндію, имѣли въ виду «возмутить спокойно мыслящихъ финляндцевъ, которые,—сколько могъ замѣтить полковникъ,—съ сердечнымъ уваженіемъ» благодарны Августѣйшему Монарху ⁸⁶³).

Заподозрѣнныхъ поляковъ старались не впускать въ Финляндію ⁸⁶⁴) и высылали даже тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли паспорта. Такое предписаніе исходило отъ Закревскаго. Ихъ отправляли въ С.-Петербургъ, для осмотра документовъ.

Результаты наблюденія «духа мятежа» доносились полк. Вульффертомъ иногда непосредственно гр. Бенкендорфу, причемъ случалось, что они излагались даже на нѣмецкомъ языкѣ.

Тѣмъ не менѣе родилось предположеніе, что Финляндія не совсѣмъ чужда польскихъ вліяній. Сперва (12 февр.) предложено было возможно строже отнестись къ письмамъ изъ Швеціи. Эта обязанность возложена была на секретаря Ладо. Затѣмъ изъ депеши нашего посла въ Лондонѣ, кн. Ливена (отъ 14—26 янв. 1831 г.) узнали, что члены главнаго комитета революціонной пропаганды вели сношеніе о займѣ 20.000 фунтовъ стерлинговъ, для пересылки ихъ въ Финляндію ⁸⁶⁵). Въ томъ-же 1831 г. произведено разслѣдованіе дѣла «о коварныхъ предпріятіяхъ революціонеровъ на отправленіе въ Финляндію оружія и пороха и злыхъ умыслахъ противъ Финляндіи» ⁸⁶⁶).

Возникло подозрѣніе, что полякамъ на англійскомъ суднѣ представился случай провести оружіе въ Финляндію. Между тѣмъ, полковникъ Вульффертъ, 14 лѣтъ служившій въ краѣ, завѣрялъ, что имъ «не удалось-бы уклонить финляндцевъ къ мятежу, ибо они отъ всей души преданы Всероссійскому Монарху» ⁸⁶⁷).

Къ разслѣдованію привели слѣдующія обстоятельства. Министръ финансовъ получилъ два письма изъ Гамбурга отъ нашего генеральнаго консула Бахерахта съ увѣдомленіемъ, что англійскій бригъ «Марія Томасъ» идетъ изъ Лондона къ Гельсингфорсу съ разными товарами, среди коихъ значительное количество пороха, свинца и разнаго оружія.—Свѣдѣнія эти были получены въ апрѣлѣ 1831 г. За бригомъ долженъ былъ послѣдовать изъ Лондона въ Гамла-Карлебю небольшой куттеръ, а еще позже—два корабля въ Финляндію (одинъ—Джонъ Стаффертъ)—всѣ съ военными снарядами. Имѣлось въ виду въ ящикахъ, тюкахъ и небольшихъ бочкахъ на шлюпкахъ свезти грузъ на берегъ. Какой-то Е. Риннелинъ въ Або вѣдалъ этимъ дѣломъ; ему надлежало обольстить и подкупить таможенныхъ чиновниковъ. Говорили еще, что цѣлые грузы контрабанднаго товара якобы прибывали въ Гамла-Карлебю. Въ привозѣ оружія въ край подозрѣвали какого-то предпріимчиваго финляндца Томе (Thome).

Затѣмъ ходилъ еще слухъ, что нѣкто гр. Залуцкій, онъ-же Вольмаръ, имѣя большую сумму денегъ, намѣревался купить до 3.000 ружей, по предложенію шведовъ оппозиціонной партіи, для доставленія ихъ въ Финляндію. Съ своей стороны министръ ино-

странных дѣлъ увѣдомлять о намѣреніи польскихъ мятежниковъ отправить въ Финляндію агентовъ, для возмущенія жителей. Для той-же цѣли ранѣе, они отправили гр. Залуцкаго въ Стокгольмъ, но онъ успѣха не имѣлъ, такъ какъ король приказалъ ему немедленно выѣхать изъ Швеціи. При возбужденіи финляндцевъ къ возстанію, графу Залуцкому долженъ былъ помогать нѣкто Бахманъ. Поляки особенно рассчитывали на содѣйствіе профессора Авцеліуса, высланнаго изъ Финляндіи въ Россію. Припутывался къ дѣлу еще гр. Тышкевичъ.

Начальникъ Морского Штаба сдѣлалъ съ своей стороны распоряженіе, дабы командиръ Свеаборгскаго порта воспрепятствовалъ провозу «ожидаемаго изъ Англіи» оружія (апр. 1831 г.). Контръ-адмиралъ Лазаревъ получилъ секретную инструкцію про-

Панорама г. Гельсингфорса.

вѣрить слухи и въ то-же время, плавая у береговъ Финляндіи, «показать военную силу», оказать нужную помощь тѣмъ мѣстнымъ начальникамъ, которые будутъ просить ее, и, наконецъ, изслѣдовать порты Ботническаго залива съ военной точки зрѣнія. Онъ крейсировалъ до исхода августа. Абоскій губернаторъ, видимо, также былъ посвященъ въ дѣло.—

Слухи не прекращались. Говорили, что англійскія суда ожидаются въ порты Эстерботніи. Гр. Сухтеленъ изъ Стокгольма сообщалъ гр. Закревскому, что какое-то американское судно показалось, но къ берегамъ Финляндіи оно не пристало ⁸⁶⁸).

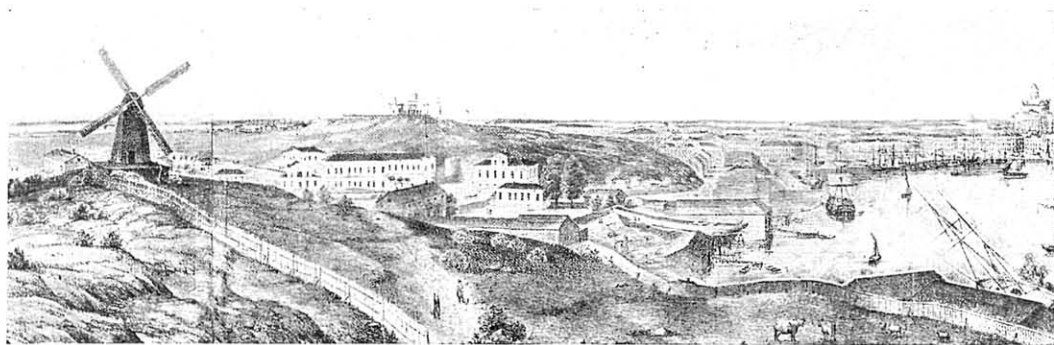
Слухи о доставкѣ оружія не подтвердились ⁸⁶⁹).

Въ теченіе лѣта одна мѣра принималась за другой. Между прочимъ, воспрещено было присылать въ Свеаборгскую крѣпость польскихъ помѣщиковъ и шляхтичей, взятыхъ во время возстанія

и осужденныхъ въ арестантскія отдѣленія. Польскихъ арестантовъ не пожелали приблизить къ шведамъ, газеты коихъ пополнялись «досадными для насъ статьями». Кромѣ того, было извѣстно, что иностранные революціонеры искали способовъ поколебать вѣрность финляндскихъ обитателей.—По этому вопросу сошлись мнѣнія гр. Нессельроде и гр.—Закревскаго ⁸⁷⁰). Возникшіе во Франціи безпорядки побудили наше правительство прежде всего усилить надзоръ за французскими подданными на границѣ ⁸⁷¹).

Въ 1832 г. гр. Ребиндеръ, объѣхавъ край, удостовѣрилъ, что «образъ мыслей народа удовлетворителенъ» и преданность его «нелицемѣрна».

Въ 1833 г. жандармскій полковникъ Вульфѣртъ донесъ (въ сентябрѣ), что на ярмаркѣ въ Або—порядокъ и тишина, что земская

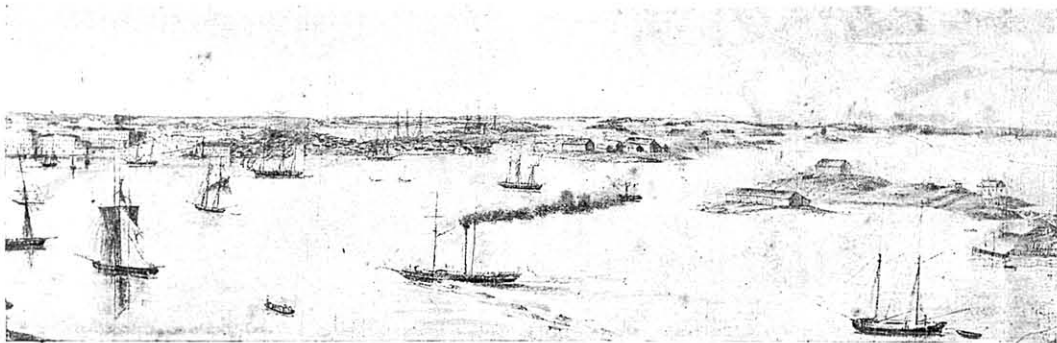
Панорама г. Гельсингфорса.

полиція—дѣятельна и усердна, что городская полиція—опрятна, дороги—исправны, мосты—въ порядкѣ, государственныя подати вносятся аккуратно, даже потерпѣвшими отъ неурожая. Азартныхъ карточныхъ игръ—не наблюдалось. Послѣ пожара—г. Або еще болѣе процвѣлъ. «Расположеніе между жителями и Россійскими войсками—вообще хорошее». Губернаторъ доставляетъ нужныя удобства войскамъ. «Жители одушевлены самымъ лучшимъ расположеніемъ къ правительству, гнушаются вѣроломными поляками». Два посѣщенія Государя въ теченіе трехъ лѣтъ—произвело прекрасное впечатлѣніе. Назначеніе А. Теслева помощникомъ генералъ-губернатора встрѣчено хорошо. Хорошее впечатлѣніе произвело также возведеніе кн. Меншикова въ финляндское дворянство и довѣріе, оказанное гр. Ребиндеру. Только издержки на Аландскую крѣпость и неурожай, посѣтившіе край,

пять лѣтъ кряду,—произвели уныніе, но оно облегчалось довѣріемъ къ Монарху ⁸⁷²).

Въ 1837 г. гр. Ребиндеръ вновь объѣхалъ край и въ рапортѣ его читаемъ: «Въ качествѣ вѣрноподданнаго и по занимаемой мною у Престола должности, и съ прямымъ чистосердечіемъ, осмѣливаюсь удостовѣрить Ваше Величество, что финляндская нація питаетъ живѣйшую признательность за всѣ благодѣянія, коими Вы изволили ее осыпать, и что преданность финляндцевъ своему Монарху искренна и чиста. Подданные Вашего Величества всѣхъ сословій паче всего поручили мнѣ повергнуть дань сихъ чувствъ предъ стопами Вашего Величества.

«Никакихъ слѣдовъ тѣхъ политическихъ заблужденій, кои нарушаютъ благоденствіе многихъ другихъ странъ, никакого духа

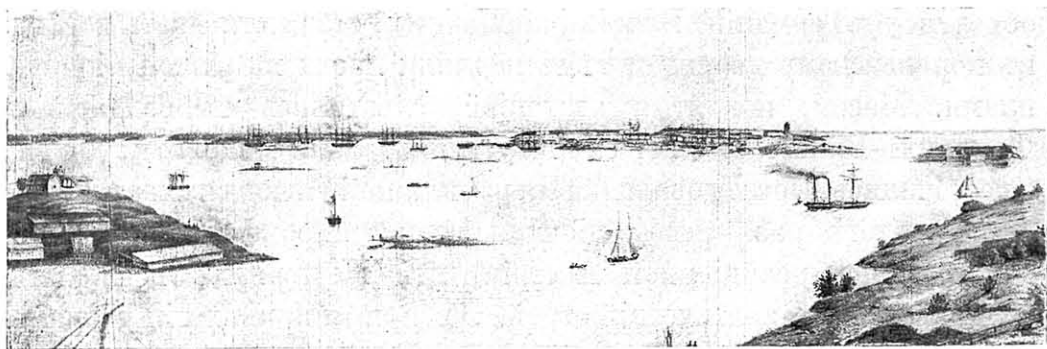
Панорама г. Гельсингфорса.

сопротивленія правительству или расположенія осуждать его дѣйствія я не могъ замѣтить. Спокойствіе и согласіе въ краѣ нигдѣ не были тревожимы, а въ этомъ отношеніи не остается желать ничего болѣе».—«Читалъ съ особымъ удовольствіемъ»,—отмѣтилъ собственноручно Государь.

1844 годъ выдался совершенно исключительнымъ. Его отмѣтилъ даже корпуса жандармовъ подполковникъ Регекампфъ въ своемъ донесеніи (декабрь) шефу жандармовъ, графу Орлову. Утвержденіе плана Сайменскаго канала, основаніе двухъ гимназій—въ Вазѣ и Куопіо—двухъ заведеній для образованія благородныхъ дѣвицъ—въ Гельсингфорсѣ и Або,—назначеніе суммы для пріобрѣтенія русскихъ книгъ для университета—«суть выгоды, которыхъ польза была признана въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, но при ограниченныхъ средствахъ шведскаго правительства не

могли быть выполнены. За то и трудно выразить благодарный энтузіазмъ всѣхъ жителей за сіи неоцѣненныя милости правительства, пекущагося непрерывно о благосостояніи сего края». Л. Г. Гартманъ привелъ финансы въ блестящее состояніе. «Законы исполняются съ тѣмъ-же неприкосновеннымъ повиновеніемъ, которымъ всегда отличались финляндцы и которое служить лучшимъ доказательствомъ любви и привязанности ихъ къ Престолу, и какъ они умѣютъ цѣнить ту щедрую милость, которая имъ даровала столь великія преимущества и сдѣлала сію бѣднѣйшую страну самою счастливою» ⁸⁷³).

Въ 1844 г. у польскихъ выходцевъ было намѣреніе пробраться въ Россію черезъ Финляндію. Другихъ указаній на подозрительныя дѣйствія въ Финляндіи не встрѣчается. Завѣренія-же властей о лойяльномъ поведеніи финляндцевъ не прекращались.

Панорама г. Гельсингфорса и Свеаборга.

«Вамъ доставить удовольствіе узнать, что въ странѣ все спокойно», писалъ, на примѣръ, Л. Гартманъ 8—20 ноября 1846 г. кн. А. Меншикову.

Весной 1847 г. получены были новыя свѣдѣнія о томъ, что польскій комитетъ въ Парижѣ выслалъ большое число эmissаровъ, которые направились въ Венгрію, Бонать и Молдавію. На палкахъ, платкахъ и кожаныхъ дорожныхъ вещахъ у нихъ выжигались или нашивались розы и лиліи.—Строжайшее приказаніе отдано было поэтому по Финляндіи, дабы эmissары не дерзнули проникнуть въ ея предѣлы ⁸⁷⁴).

Въ февралѣ 1848 г. во Франціи разразилась революціонная буря, стоившая Луи-Филиппу царства. Онъ долженъ былъ подписать отреченіе и спастись бѣгствомъ. Толпа ворвалась во дворецъ: разломала и сожгла тронъ. Долой палату! долой депутатовъ! да здравствуютъ реформы! пронеслось по улицамъ. Провозгласивъ республику, «народъ» потребовалъ осуществленія соціальныхъ преобразованій. Объявили созывъ учредительнаго собранія для выработки новой конституціи. . . Несчастному городу пришлось вновь пережить осадное положеніе и диктатуру (Кавеньяка); послѣдняя положила конецъ беспорядкамъ ожесточеннымъ четырехдневнымъ боемъ между національной гвардіей и рабочими.

Эхо парижскихъ событій быстро пронеслось по Европѣ. При возбуждающихъ извѣстіяхъ, въ Берлинѣ и другихъ прусскихъ городахъ начались шумные митинги, потребовали конституціи и объединенія Германіи. Власти растерялись, стали стягивать войска къ королевскому дворцу и тѣмъ подлили масла въ революціонное пламя. Массы, поднятыя агитаціей, схватились съ солдатами; Фридрихъ-Вильгельмъ пошелъ на уступки. Одни ликовали, другіе ожесточились. Послѣдовали новыя прокламаціи и новыя схватки. . . .

На этотъ разъ революціонная волна широко разлилась въ консервативно-реакціонной Австріи, гдѣ Меттернихъ водворилъ полицейско-бюрократическій строй. Обширныя привилегіи дворянъ и католичества, полиція и цензура вспахали здѣсь почву для революціоннаго посѣва. Петиціи, подъ которыми подписывались даже чиновники, требовали свободъ и конституціи. «Долой Меттерниха! Да здравствуетъ конституція!» Меттернихъ бѣжалъ. Фердинандъ I обѣщалъ все, чего требовали. . . .

Узнавъ о происшедшемъ на берегахъ Сены, Николай I, войдя на балъ къ Цесаревичу съ полученными депешами, громко сказалъ, «сѣдлайте коней, господа, во Франціи объявлена республика». . . «Подѣломъ ему (узурпатору Людовику Филиппу). . . . прекрасно, безподобно . . .» повторялъ Государь окружающимъ, обнаруживая тѣмъ то сильное впечатлѣніе, которое произвела на него новая революція. Манифестъ 14 марта 1848 г. былъ полонъ угрозъ по отношенію къ западнымъ крамольникамъ и инсургентамъ.

Настроеніе Государя надо полагать передалось робкому и подозрительному кн. Меншикову и уже 19/31 марта 1848 г. онъ диктуетъ обширное письмо къ своему помощнику, П. И. Рокасовскому, отчасти желая узнать истинное настроеніе въ краѣ, а еще болѣе

дѣлая рядъ почти боевыхъ распоряженій, точно онъ уже имѣлъ свѣдѣнія, что населеніе готовилось къ движенію.

«Всеобщія либеральныя возстанія и смуты въ Европѣ должны побудить насъ, любезный Платонъ Ивановичъ, къ нѣкоторымъ мѣрамъ осторожности въ Гельсингфорсѣ, тѣмъ паче, что учащееся юношество наибольшее принимало участіе въ совершившихся переворотахъ во Франціи, Австріи и Пруссіи, а нынѣ въ Упсальскихъ студентахъ уже начались радикальныя изъявленія, находившія всегда отголосокъ въ Александровскомъ университетѣ. Наклонность сія въ финскихъ студентахъ, впрочемъ общая всѣхъ студентовъ въ Европѣ, вынудила въ царствованіе Императора Александра Павловича имѣть у карауловъ заряженные ружья.

«Всякое приказаніе, которое могло быть изъ предосторожности отдано, сдѣлалось бы изъ переписокъ гласнымъ и произвело бы неумѣстную тревогу, и такъ какъ еще нѣтъ явныхъ причинъ дѣйствовать противу безпорядковъ, то я прошу васъ, взвѣсивъ на мѣстѣ всѣ обстоятельства, внушить, какъ будто отъ себя, генераль-лейтенанту Ширману и коменданту о тѣхъ мѣрахъ, которыя бы принять должно въ случаѣ тревоги, какъ то: назначеніе сборныхъ мѣстъ войскамъ; назначеніе пѣхотнаго караула въ Теле, дабы орудія полевого горнизоннаго дивизіона не могли быть схвачены; занятіе такого берегового пункта, съ котораго безпрепятственно можно бы было сообщаться съ Свеаборгомъ, для полученія оттуда подкрѣпленія; ночные пикеты въ казармахъ; имѣть карауламъ боевые патроны, часовыхъ съ заряженными ружьями и вообще мѣры осторожности.

«Переговорите также съ генераль-лейтенантомъ Рамзаемъ и генераль-майоромъ Норденстамомъ, въ совѣщательномъ духѣ, о предупредительныхъ мѣрахъ.

«Диктуя сіе письмо, я получилъ извѣстіе о Стокгольмскихъ событіяхъ до 21 марта н. с., которыя гласятъ, что правительство одержало верхъ надъ мятежниками и что Упсальскіе студенты унимаются; но до какой степени удержится это положеніе правительства, предвидѣть нельзя, а потому нельзя и намъ ослабить мѣръ предосторожности.

«Со вскрытіемъ водъ, находящіяся въ Свеаборгѣ суда вооружатся, и въ теченіе лѣта одинъ или два корабля линейныхъ стоятъ будутъ на рейдѣ въ военной готовности, на всякій случай.

«Извѣстите меня о духѣ войскъ, расположенныхъ въ Гельсингфорсѣ; я не полагаю, чтобы должно было сомнѣваться въ расположеніи гвардейскаго стрѣлковаго баталіона, хотя въ немъ есть нѣсколько офицеровъ не въ русскомъ духѣ; на Финскій экипажъ, кажется, можно вполне положиться; линейные баталіоны составлены изъ русскихъ нижнихъ чиновъ, но въ нихъ много финскихъ офицеровъ; что извѣстно вамъ о баталіонѣ № 4, квартирующемъ въ Гельсингфорсѣ».

«Гартманъ при всѣхъ его достоинствахъ интригуетъ, какъ по привычкѣ, такъ и по искательству популярности, къ сему присовокупляется нынѣ и оскорбленное самолюбіе—вамъ нужно имѣть это въ виду, въ особенности уловку его внушать, что онъ для блага края предлагалъ мѣры, которыя всегда въ Петербургѣ отвергались».

П. И. Рокасовскій не замедлилъ мужественнымъ и обстоятельнымъ отвѣтомъ, изъ котораго можно вывести, что князь руководился болѣе своей необъяснимой подозрительностью, чѣмъ наличными фактами.

«Спѣшу донести, что въ здѣшнемъ краѣ все спокойно и съ самаго моего пріѣзда доходили до меня только одни отголоски о совершенной преданности Государю Императору и благодарности жителей за всѣ тѣ права и преимущества, коими пользуются со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи. Собственно въ Гельсингфорсѣ число служащихъ, получающихъ отъ правительства жалованье, довольно значительно; собственный интересъ ихъ связанъ съ существующимъ нынѣ порядкомъ, и, кажется, они очень далеки отъ радикальныхъ мыслей. Студенты, хотя повременамъ, а болѣе въ нетрезвомъ состояніи, изъявляютъ нѣкоторое сочувствіе къ настоящимъ происшествіямъ въ Европѣ, но какъ они, такъ и рабочій классъ, который здѣсь въ небольшомъ числѣ, не подають до сихъ поръ никакихъ особыхъ опасеній относительно нарушенія порядка».

Далѣе слѣдуетъ перечень принятыхъ мѣръ предосторожности, соответствующихъ намѣченной программѣ кн. Меншикова.

«Въ этомъ заключаются всѣ распоряженія, которыя по настоящимъ обстоятельствамъ я бы признавалъ нужными; всѣ же мѣры осторожности, которыхъ нельзя скрыть отъ жителей, были бы, мнѣ кажется, преждевременными, показывали бы съ нашей стороны явное подозрѣніе и были поводомъ къ разнымъ толкамъ. Если ваша свѣтлость находили бы полезнымъ теперь же усугубить

мѣры осторожности, то не угодно ли будетъ сообщить мнѣ нѣсколько словъ.

« О духѣ войскъ, здѣсь расположенныхъ, трудно мнѣ сказать что-либо-положительное; по сіе время я избѣгалъ все то, что могло показаться неумѣстнымъ вмѣшательствомъ. На Финскій экипажъ, какъ и вапа свѣтлость изволили находить, можно положиться, но, мнѣ кажется, не должно также сомнѣваться, что и л.-гв. стрѣлковый баталіонъ, въ случаѣ безпорядковъ, дѣйствовать будетъ съ усердіемъ, по крайней мѣрѣ на первое время можно на это разсчитывать положительно. Въ линейныхъ баталіонахъ нижніе чины вообще не имѣютъ того бодрого и воинственнаго вида, какой требуется отъ русскаго солдата. Баталіонные командиры, а также офицеры—малоопытны и не имѣютъ должной энергіи» ⁸⁷⁵).

Движеніе 1848 г. вновь побудило правительство обратить вниманіе на тайныя общества, причемъ было указано, что существующія въ Имперіи правила, коими воспрещается принадлежать къ тайнымъ обществамъ, относится и до Финляндіи. Появленіе въ Финляндіи матроса изъ Марсея съ масонскими знаками заставило начальство вспомнить о прежнихъ своихъ запрещеніяхъ, хотя тревожилось оно совершенно напрасно. Въ Финляндіи никакихъ слѣдовъ тайныхъ обществъ не оказалось. Выяснилось также, что по буквѣ закона воспрещено было только чиновникамъ входить въ составъ тайныхъ заграничныхъ обществъ, почему матроса нельзя было преслѣдовать въ судебномъ порядкѣ. Законъ былъ немедленно дополненъ указаніемъ, что всѣмъ финляндцамъ безъ изыятія воспрещается принадлежать къ какимъ-бы то ни было тайнымъ обществамъ ⁸⁷⁶). На слѣдующій годъ состоялось повелѣніе Государя, что образованіе частныхъ, ученыхъ, литературныхъ, торговыхъ и другихъ обществъ впредь будетъ разрѣшаться не иначе, какъ съ Высочайшаго соизволенія. Собираніе пожертвованій, производство общихъ по краю подписокъ и т. п. поставлено было въ зависимость отъ усмотрѣнія генераль-губернатора. Существовавшія общества, не представившія въ теченіе 1849 г. своихъ уставовъ, подлежали закрытію. Оба эти постановленія сообщены были министру статсъ-секретарю кн. А. С. Меншиковымъ, что показываетъ, кѣмъ они доложены были Верховной Власти ⁸⁷⁷).

По прошествіи со времени революціи 1848 г. полстолѣтія, финляндцы стали писать и говорить: «Какое было тогда время! Крикъ свободы облетѣлъ Европу, прозвучавъ особенно громко

въ Парижѣ, Римѣ, Вѣнѣ, и Берлинѣ. Мы, финны, не остались совершенно глухими къ этому крику. Мы пылали за Польшу, мы предавались мечтаніямъ за Венгрію⁸⁷⁸). По словамъ другого финляндца, революція 1848 г. сняла тотъ гнетъ, который давилъ духъ народа. Буря революціи достигла Финляндіи едва замѣтными дуновеніями. «Тотъ, кому довелось своей молодой душой пережить 1848 г., пусть возблагодаритъ Господа», писалъ Августъ Шауманъ. Все это представляется теперь въ извѣстной мѣрѣ пришитымъ къ прошлому заднимъ числомъ. . . .

Вообще финляндцы вели себя тогда смирно, и по отношенію къ нимъ никакихъ особыхъ мѣръ правительство не приняло. Даже со стороны студентовъ не замѣчалось никакихъ выступленій. «Дай Богъ,—писалъ гр. А. Армфельтъ (13—25 марта 1848 г.) проф. Я. К. Гроту,—чтобы въ данное время наша молодежь вела себя спокойно и разсудительно и была бы достойна милостей, оказанныхъ Государемъ и Великимъ Княземъ университету и всей нашей маленькой странѣ. Наше будущее во многомъ зависитъ отъ поведенія нашей молодежи»⁸⁷⁹).

Одинъ изъ финляндцевъ,—какъ онъ самъ впоследствии признавался,—совершилъ «великую глупость» 20 марта 1848 г. Онъ думалъ перейти Рубиконъ, но переправился только черезъ Рейнъ, чтобы въ Парижѣ принять участіе въ общемъ движеніи. Это былъ Августъ-Фредрихъ Сольдъанъ († 1885 г.). Онъ, по окончаніи курса въ Фридрихсгамскомъ кадетскомъ корпусѣ, попасть куда въ 1830 годахъ считалось за честь, служилъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи инженернымъ офицеромъ. «Твои эполеты,—писалъ ему въ это время братъ,—своего рода индульгенція, предохранительная карточка». Для подготовки къ званію профессора химіи въ инженерной академіи, ему дали стипендію и отправили для специальныхъ занятій въ Германію. Здѣсь онъ «всей душой» проникся радостью за великую революцію; онъ сочувствовалъ борьбѣ народовъ за ихъ свободу. Въ то же время сознавалъ, что воспитывался на казенный счетъ, самъ попросилъ стипендію, и начальство, довѣряя ему, дало серьезное порученіе. Какъ же быть? На что рѣшиться? Сольдъанъ утѣшилъ себя такими размышленіями. Субсидію онъ въ сущности получилъ отъ Самодержца Всероссийскаго—«противника всякой свободы». Онъ зналъ, что, въ виду подготовленія къ войнѣ съ Германіей, его скоро потребуютъ обратно въ Россію, и что въ подобные періоды отставка никому

не дается.—Вернуться въ Россію, «къ рабству», въ эту «огромную тюрьму»... Никогда! И, присвоивъ казенныя деньги, онъ бѣжалъ во Францію, отославъ, при вѣжливомъ письмѣ, свой мундиръ къ бывшему начальству. «Я ѣздилъ на казенный счетъ. Это обстоятельство меня въ началѣ тяготило, но теперь болѣе не смущаетъ», писалъ Сольдѣнъ. Я очень хорошо знаю, откуда берутся эти милліоны, которые раздаетъ Государь». . . . Кромѣ того, «не трудно утѣшиться» и по другимъ соображеніямъ. «Благодарность отлагается въ политикѣ. Но народъ, который въ потѣ лица добываетъ золото, употребляемое Монархомъ для его притѣсненія,—этотъ народъ мнѣ дорогъ—и, служа ему, желаю жить и умереть» ⁸⁸⁰). Оправданіе найдено и онъ плавалъ въ морѣ революціи.

Въ Парижѣ Сольдѣнъ «своими глазами видѣлъ бушующую бурю. Онъ слышалъ вблизи трескъ трехъ дюжинъ царскихъ престоловъ, онъ слышалъ собственными ушами побѣдныя восклицанія милліона счастливыхъ людей».—Въ будущемъ онъ найдетъ себѣ спокойное мѣсто и положеніе, на которыя никогда не промѣняетъ «блестящую скудость въ Петербургѣ» ⁸⁸¹).

А. Ф. Сольдѣнъ.

Изгнанникомъ онъ скрывался затѣмъ въ Швеціи и Норвегіи и долгое время пробылъ въ Америкѣ. Въ 1859 г. ему дозволено было вернуться въ Финляндію.

Сольдѣнъ оставилъ много писемъ и замѣтокъ. Благодаря имъ передъ нами—раскрытая душа «идеалиста-патріота», какъ называетъ его финляндскій біографъ, а въ сущности—дезертира и измѣнника. Полезно прочесть нѣкоторыя страницы его думъ, его исповѣди, чтобы узнать, чѣмъ дышали тогда нѣкоторые финляндцы, во что они вѣрили и какъ разсуждали. «Меня почти не раздражало то, что нашъ финскій баталіонъ выступилъ (въ 1831 г. въ Польшу) сражаться противъ свободы и справедливости: на то они гвардейцы и гвардейцы». Въ своемъ дневникѣ Сольдѣнъ отмѣтилъ: «Когда я теперь думаю о томъ, что въ наше время, въ теченіе пяти лѣтъ, сдѣлано въ области цивилизаціи столько, сколько въ прежнія времена достигалось въ теченіе полустолѣтія, то не могу сдержать своего сердца, которое бьется надеждою, что и будущность Финляндіи не есть лишь пустое привидѣніе. Мы, вѣрующіе въ Божій

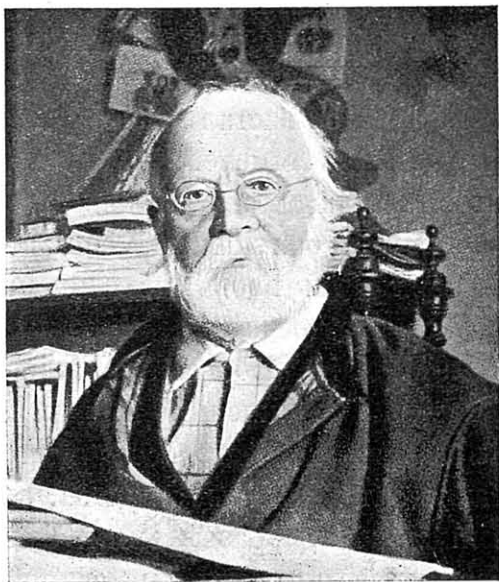
промыслъ въ мировой исторіи, не можемъ бояться тѣхъ шаговъ назадъ, которые сію минуту вызываются птыками. Надѣяться на хорошее всегда возможно. Какую же добродѣтель Финляндія пожелаетъ преимущественно представить? Подумала ли молодая Финляндія о Божественномъ сокровищѣ, которое заключается въ томъ, что съ одной стороны имѣется незапятнанное основаніе, на которомъ можно строить, имѣются неиспорченные и красивые нравы, строгое послушаніе и почитаніе законовъ, имѣется надежда на справедливость, безкорыстіе, насколько оно возможно на низкой ступени, упрямство, изъ котораго можно создать самостоятельность, устойчивость и честность и много хорошаго, а съ другой стороны современное высшее просвѣщеніе? Не смѣйтесь надъ этими мечтами. Нѣтъ другого исхода—или надежда, или отчаяніе. Конечно, разумнѣе избрать первое. Сначала Финляндія должна поступать совершенно консервативно. Въ молодомъ поколѣніи края есть характерная черта, совершенно своеобразная для этого поколѣнія, не знаю, сумѣю-ли выразить ее словами; хочу сказать—откровенность, простота и честность, доходящія до глубины. . . .

. . . . Нельзя себѣ представить большаго контраста, чѣмъ наблюдается между парижаниномъ и финномъ. Первый—это осина со своими подвижными листьями, которые порой кувыркаются въ воздухѣ, летаютъ вокругъ и падаютъ, а послѣ остается только некрасивый стволъ съ своими хрупкими вѣтвями. Финнъ—это сосна, которая скромно добываетъ себѣ пищу изъ тощей скалы, ея наружность невзрачна, однако, въ то же время тверда и спокойна и всегда зеленѣющая. Уже теперь національная самостоятельность финскаго народа достаточно велика, если не для того, чтобы сбросить иго, то все-таки настолько, чтобъ не погибнуть». Какое иго? чья гибель? Никакихъ основаній для подобныхъ заявленій, конечно, не существовало, но такъ уже, вѣроятно, гласили, усвоенные Сольданоу, трафареты либерализма.

Исподволь въ Стокгольмѣ образовалась небольшая группа финляндскихъ эмигрантовъ, вольныхъ и невольныхъ переселенцевъ изъ Великаго Княжества. Туда былъ высланъ Арвидсонъ, туда добровольно выѣхалъ профессоръ Нордстремъ, тамъ укрылся поэтъ Э. ф. Квантень, тамъ обосновался нѣсколько позже студентъ Веттергофъ и др. Стокгольмъ давно уже сдѣлался гнѣздомъ финляндцевъ, недовольныхъ русскимъ режимомъ.—Въ редакціяхъ Стокгольма сосредоточивались статьи и письма наиболѣе него-

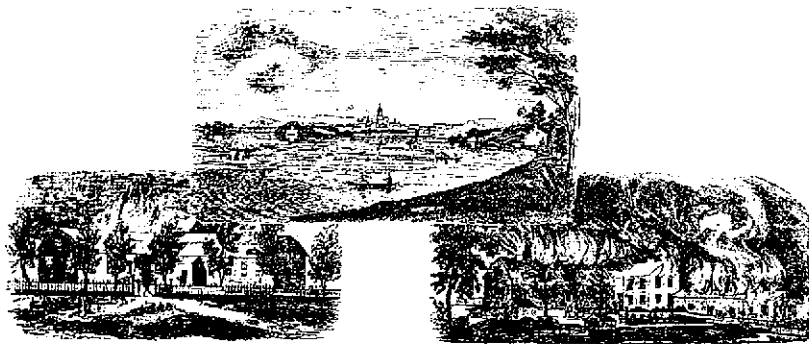
довавшей финляндской оппозиціи. И всё они вмѣстѣ совершали ту же работу,—но, конечно, въ меньшемъ масштабѣ,—которой прославилась польская эмиграція въ Парижѣ. Со дня потери Швеціей своей финляндской провинціи, въ Стокгольмѣ не переставали звать бывшихъ соотечественниковъ то на бой за Финляндію, то напоминать свѣту о несчастныхъ и угнетенныхъ братьяхъ, то, нанонецъ, обсуждать вопросъ о единствѣ Сѣверныхъ странъ. Сперва возлагали свои надежды на Наполеона, затѣмъ на кронпринца Бернадота, впослѣдствіи на союзъ съ Англіей и Франціей, причемъ всегда тайно лелѣяли надежду на возможность вспышки среди финляндцевъ. Но годы проходили, планы рушились, и тѣнь измѣны никогда не омрачила финскаго населенія.

Недостойные сыны этого народа немногочисленны. Одинъ изъ нихъ—Эмиль ф.-Квантенъ (1827—1901). Родился въ Бьернеборгѣ, гдѣ получилъ первоначальное образованіе. Опредѣлился въ Фридрихсгамскій кадетскій корпусъ, но черезъ три года покинулъ его, желая опредѣлиться въ университетъ. Въ его время въ корпусъ «запрещенными путями пробиралась запрещенная литература»⁸⁸²). Въ Петербургъ онъ пробрался не совсѣмъ необычнымъ образомъ. Собираясь въ столицу, онъ обратился къ своему родственнику, Выборгскому губернатору ф.-Котену, съ просьбой выдать ему паспортъ. Котень не посмѣлъ снабдить его документомъ, но посовѣтовалъ передать поклонъ пограничному священнику, а далѣе дѣйствовать подкупомъ. Такимъ образомъ, довѣренное лицо правительства Николая I научило, какъ безопасно миновать границу безъ паспорта. Квантенъ послѣдовалъ совѣту. Страдая грудью, онъ, для излеченія болѣзни, совершилъ большое океанское путешествіе, прожилъ годъ въ Капштадтѣ, побывалъ въ Остѣ-Индіи, а затѣмъ черезъ Англію и Бельгію отправился въ Стокгольмъ, гдѣ и водворился на постоянное жительство.

Эмиль ф.-Квантенъ.

Его жизнь связана съ двумя непрочными политическими мечтаніями: о великой Скандинавіи и самостоятельной Финляндіи. Квантенъ рано, еще находясь въ Гельсингфорсскомъ университетѣ, увлекся политическимъ движеніемъ, которое временами вспыхивало среди студентовъ. Задача его жизни опредѣлилась дружбою съ двумя молодыми финляндцами, Асплундомъ и Ольсони, которые въ 1843 г. приняли участіе въ упсальскомъ студенческомъ съѣздѣ и за это временно были исключены изъ университета, приобрѣтая въ глазахъ товарищей ореолъ пострадавшихъ за идею. Отъ нихъ Квантенъ воспринялъ расположеніе къ скандинавизму. Когда нѣкоторыя западныя державы объявили въ 1854 г. войну Россіи, Квантену, какъ и многимъ шведскимъ недругамъ Россіи, представилось, что насталъ удобный моментъ для осуществленія давно бродившихъ мыслей. Подъ псевдонимомъ Peder Särkilah онъ въ 1855 г. издалъ двѣ брошюры о «Финноманизмѣ и скандинавизмѣ» (Fennomani och skandinavism), стараясь въ нихъ разъяснить вопросъ, возможно ли вновь объединеніе Финляндіи со Швеціей? Подобное воссоединеніе онъ признавалъ вполне достижимымъ. Изъ Швеціи, Норвегіи, Даніи и Финляндіи надлежало создать Сѣверные Соединенные Штаты, или Великій Скандинавскій Союзъ, въ составъ котораго названныя страны должны были войти, какъ самостоятельныя государства, съ однимъ общимъ королемъ, общей дипломатіей, нераздѣльнымъ бюджетомъ, окруженныя одной общей таможенной, и охраняемыя единой арміей и флотомъ. Эта политическая фантазія звучнаго отклика въ Финляндіи не встрѣтила. Болѣе сочувственно она была принята въ Швеціи, гдѣ сторонникомъ Скандинавскаго союза являлся король Оскаръ I.

Теле съ дороги.

Пожаръ.

Теле съ моря.

Гельсингфорсъ 1847.

Карелы.

ХІІІ. Русско-Финляндскія отношенія.

Если бросить общій взглядъ на русско-финляндскія отношенія первой половины ХІХ столѣтія,—какъ это сдѣлалъ Авг. Шауманъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—то получится слѣдующая картина.

Наиболѣе замѣтное русское вліяніе, послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи, наблюдалось въ Гельсингфорсѣ. Русскіе экипажи и дрожки начали вытѣснять прежнія шведскія двуколки. Наемные возницы стали называться «извозчиками», они облачились въ русскую кучерскую одежду. Русскихъ купцовъ и лавокъ было множество: торговля съѣстными припасами и мелкая торговля колоніальными товарами находилась въ рукахъ русскихъ. При постройкахъ много употреблялось русскихъ каменщиковъ. Городскія земли въ окрестностяхъ Гельсингфорса арендовались русскими огородниками. Самовары и русскіе халаты вошли въ общее употребленіе. Сильный русскій военный гарнизонъ какъ въ городѣ, такъ и въ Свеаборгѣ дѣлалъ русскій элементъ замѣтнымъ. Русскіе пѣхотные офицеры и моряки въ значительномъ числѣ посѣщали общественныя удовольствія и нерѣдко даже семейныя вечера. Въ то время каждому необходимо было понимать нѣсколько обыкновенныхъ русскихъ словъ.

«Отношенія между финнами и русскими были хороши. Рядомъ съ другими чертами характера русскихъ въ краѣ познали ихъ рѣд-

кое добродушіе, воспріимчивость и ласковое обхожденіе, а потому легко было сойтись съ ними».

То же самое испытали фінляндцы, отправлявшіеся въ Россію. Военная служба въ Имперіи была заманчива и рисовалась блестящей. Въ одно время было въ большой модѣ, чтобы студенты знатнѣйшаго происхожденія, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ развивали величайшее щегольство на улицахъ, надѣвали на себя грубую сѣрую шинель и черезъ полгода выступали въ обновленномъ блескѣ съ русскими эполетами. Наплывъ въ русскую военную службу до конца 1850 г. былъ очень значителенъ. Былъ періодъ, когда насчитывалось до 750 фінляндцевъ, служившихъ офицерами въ русскихъ полкахъ.

Соприкосновеніе между русскими и финнами, безъ сомнѣнія, раньше было гораздо оживленнѣе, чѣмъ въ послѣднія десятилѣтія XIX столѣтія. И можно сказать, что русскіе не могли жаловаться въ этомъ краѣ на положительныя антипатіи; но и о настоящихъ симпатіяхъ также не приходится говорить. Если о воссоединеніи со Швеціею болѣе никто изъ фінляндцевъ не думалъ, то и полного сліянія съ Россіей никто не желалъ. Русскій элементъ былъ и остался чѣмъ-то чужеземнымъ и никогда не могъ сдѣлаться своимъ.

Приблизимся къ этой картинѣ, набросанной Авг. Шауманомъ, и ознакомимся съ ея главными частностями и подробностями.

Русско-фінляндскія взаимныя отношенія складывались изъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ условій и многихъ едва уловимыхъ чертъ. Создавались эти отношенія исподволь, незамѣтно. Одна сторона подходила къ другой осмотрительно, постоянно нащупывая почву, избѣгая обостреній. Столкновенія интересовъ происходили въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности.

Понимались эти отношенія и интересы первоначально также весьма различно. Въ періодъ, когда они стали нѣсколько осмысливаться, Я. К. Гроту пришлось близко познакомиться съ двумя выдающимися фінляндцами. Одинъ изъ нихъ — профессоръ Нервандеръ — сказалъ, что «Фінляндія, не теряя своей личной фیزیономіи, должна быть русскимъ Тиролемъ». Рунебергъ, съ своей стороны, уподобилъ Фінляндію «маленькому брату взрослого и сильнаго челоуѣка, который для сохраненія довѣренности его и любви, долженъ обходиться съ нимъ ласково и снисходительно»⁸⁸³).

Русскому правительству нельзя сдѣлать упрека въ томъ, чтобы оно желало эксплуатировать недавно присоединенный

край, или безъ надобности стѣснить своихъ новыхъ подданныхъ; оно обходилось съ ними и ласково, и снисходительно. Финляндія была завоевана, но оставалась почти на глухо закрытой для русскихъ, мало извѣстной какъ властямъ, такъ и частнымъ лицамъ. Русская народная волна не хлынула въ этотъ Тироль, даже торговыя отношенія съ нею не отличались оживленностью.

Когда пожелали установить, насколько русскій элементъ просочился въ новый край, то изъ вѣдомостей, представленныхъ губернаторами «о лицахъ русской націи», узнали, что въ 1827 г. ихъ было въ Финляндіи всего 423 чел. ⁸⁸⁴). По свѣдѣніямъ 1849 г. въ селеніяхъ Выборгской губ. православныхъ находилось 23.102 чел. ⁸⁸⁵). Русскіе крайне слабо селились въ Финляндіи. Когда князь Одоевскій возвратился изъ Выборга, купивъ мызу на берегу залива, то П. А. Плетневъ сообщалъ объ этомъ, какъ объ особомъ событіи, «радуясь, что въ Финляндіи будетъ что-то наше» ⁸⁸⁶). За періодъ въ нѣсколько десятилѣтій, мы видимъ, что, кажется, только двое—гр. Кушелевъ-Безбородко да баронъ Фредериксъ—пожелали прочно обосноваться въ Финляндіи, прося для себя соотвѣствующихъ правъ.

«Ты, конечно, прочиталъ уже указъ объ учрежденіи въ Ригѣ самостоятельной епархіи 2-го класса съ наименованіемъ архіерея рижскимъ и митавскимъ,—спрашивалъ П. А. Плетневъ своего друга въ Финляндіи.—Полагаю, что въ непродолжительномъ времени окажется нужда въ подобномъ распоряженіи и по Финляндіи» ⁸⁸⁷). Ни о чемъ подобномъ въ сферахъ Правительствующаго Синода не думали, вплоть до царствованія Императора Александра III.

Итакъ, православныхъ было уже болѣе 20 тысячъ, но до 1827 г. они владели безправное и печальное существованіе.

Лѣтомъ 1824 г., во время объѣзда гр. Закревскимъ Саволакскъ—Карельской губерніи, Тайпальскій восточно-церковный приходъ подалъ ему просьбу о томъ, чтобы изъ его среды выбирались также немдеманы (засѣдатели) въ герадскій судъ, и чтобы производство въ немъ дѣлъ лицъ греко-россійскаго вѣроисповѣданія не было назначаемо въ ихъ праздники. Этотъ же вопросъ возбуждался въ 1821 г. когда было указано, что студенты Абоскаго университета православнаго исповѣданія, не разсчитывая получить мѣсть на своей родинѣ, опредѣлялись на русскую службу. Запрошенный по этому вопросу, герадсегвингъ Либелицкой юрисдикціи отвѣтилъ, что, согласно Формы Правленія 1772 г., въ немдеманы могутъ назна-

чатся исключительно лица, «исповѣдующія господствующую евангелическо-лютеранскую вѣру».

Только въ нѣкоторыхъ городахъ Старой Финляндіи—Выборгѣ, Вильманстрандѣ, Кексгольмѣ и Нейшлотѣ—православные избирались въ ратманы, засѣдатели кеммерскихъ судовъ, городскіе старшины и частные пристава.

Тогда же, лѣтомъ 1824 г., жители Выборга заявили А. Закревскому, что ихъ дѣти въ уѣздномъ училищѣ остаются безъ обученія Закону Божию, безъ свѣдѣній по священной и русской исторіи, между тѣмъ они, наравнѣ съ другими жителями, участвуютъ въ денежныхъ сборахъ на содержаніе этого учебнаго заведенія.

Затѣмъ передъ генераль-губернаторомъ раскрылась картина мытарствъ, возникавшихъ для православныхъ, при ихъ желаніи воздвигнуть Божій храмъ. Смѣты и планы церквей составляла финляндская интендантская контора, послѣ того ихъ направляли въ Петербургскую Духовную Консисторію. Та заявляла, что проекты церквей въ губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ Финляндіи должны представляться въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.—Видя такую неопредѣленность и путаницу, бдительный статсъ-секретарь края задерживаетъ переписку и всеподданнѣйшимъ докладомъ 4—16 апр. 1831 г. устанавливаетъ, что финляндскому Сенату надлежитъ опредѣлять, въ какихъ случаяхъ разрѣшается постройка деревянныхъ церквей, въ какихъ—каменныхъ. Заботы о смѣтахъ и планахъ православныхъ церквей попрежнему оставляются на финляндской интендантской конторѣ, а Духовной Консисторіи предоставляется высказаться лишь о внутреннемъ расположеніи храма ⁸⁸⁸).

Съ 1809 по 1826 г. никто не озаботился установленіемъ подеудности православнаго духовенства финляндскихъ приходовъ. Когда же, наконецъ, оно было установлено, то допустили рядъ ненормальностей ⁸⁸⁹).

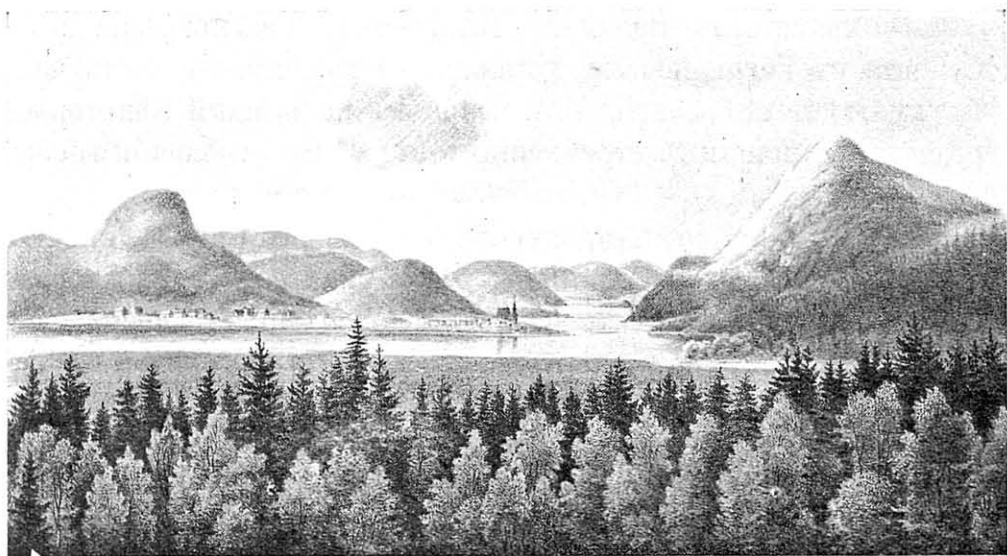
Затѣмъ обнаружилась безконечная путаница по брачнымъ и бракоразводнымъ дѣламъ супруговъ, принадлежавшихъ къ православному и лютеранскому вѣроисповѣданіямъ. Пасторы не разъ вѣнчали лютеранина съ православной, обходя всякія требованія греко-россійской церкви. Имѣлся Выборгскій епископъ, но онъ, какъ викарій Петербургскаго митрополита, занятъ былъ иными дѣлами, и въ Финляндіи являлся крайне рѣдкимъ гостемъ.

Неурядицы въ дѣлахъ православныхъ простирались такъ далеко, что вплоть до 1827 г. лицъ греко-россійской церкви заставляли

нести, наравнѣ съ лютеранами, всякія повинности и поборы въ пользу городскихъ лютеранскихъ пасторовъ. Послѣдніе такъ крѣпко держались за свои доходы, что потребовалось два указа, чтобы измѣнить этотъ старый несообразный порядокъ.

А. А. Закревскій, какъ человѣкъ русскій по своимъ государственнымъ воззрѣніямъ и православный по религіи, не могъ пройти мимо подобныхъ явленій молча и равнодушно, какъ это сдѣлали его предмѣстники Спрентпортень и Штейнгель.

Православныхъ заставляли въ Финляндіи соблюдать лютеранскіе праздники и привлекали суду за всякое отступленіе отъ мѣст-

Гора Авасака, съ которой путешественники наблюдаютъ незаходящее солнце.

ныхъ лютеранскихъ установленій. Въ то же время совершенно не считались ни съ требованіями православной церкви, ни съ существующимъ особеннымъ лѣтосчисленіемъ, которымъ слѣдовали лица греко-россійскаго исповѣданія. Православныхъ вызывали въ судъ въ двенадесятые праздники и штрафовали за неявку. Необходимо было прекратить столь «оскорбительное» положеніе православныхъ.

Когда А. Закревскій поднялъ вопросъ о подобныхъ ненормальностяхъ, Сенатъ встрѣтилъ затрудненіе уволить православныхъ отъ соблюденія лютеранскихъ праздниковъ. Этотъ эпизодъ очень характеренъ, для опредѣленія пріемовъ финляндской политики и воззрѣній Закревскаго. Видно, что высшія финляндскія власти крѣпко усвоили себѣ наставленіе отца министра статсъ-секретаря,

барона Карла Ребиндера, гласившее: «Будемъ резонировать, худо ли, хорошо-ли; наши новые господа еще не освоились съ нашими конституціонными таинствами. Безразлично, хромаесть-ли немного наше заявленіе, или нѣтъ; нужно одно, чтобы оно не разрушало основного правила, играющаго у насъ столь важную роль: *principiis obstat—противорѣчить принципамъ*» ⁸⁹⁰). При каждомъ удобномъ случаѣ, они растягивали свой законъ на свои предвзятые намѣренія, желая во что бы то ни стало отстоять свою обособленность и не считаться съ установившимся новымъ политическимъ положеніемъ. Закревскій видѣлъ это и горячо отстаивалъ то, что признавалъ правильнымъ. Его доводы сосредоточены въ отношеніи 7 іюля 1826 г. (№ 2278) къ статсъ-секретарю Великаго Княжества. Разсмотрѣніе этого документа съ наглядностью устанавливаетъ, что это былъ человѣкъ культурный, религіозный, человѣкъ не чуждый нѣкоторымъ передовымъ гуманнымъ стремленіямъ вѣка. Въ отношеніи говорилося.

Уже въ 1810 г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, кн. Александру Николаевичу Голицыну, было указано, что православныхъ обязывали отправлять церковные праздники въ одно время съ лютеранами, не взирая на разность стили, и подвергали штрафу за неисполненіе подобнаго требованія. Императоръ Александръ Павловичъ повелѣлъ, «по состоянію Финляндіи подъ всероссійскою державою», праздники православной церкви исполнять по ея уставу и не штрафовать за это послѣдователей греко-россійскаго исповѣданія. Что же сдѣлали финляндцы? Сенатъ разослалъ губернаторамъ, консисторіямъ и гофгерихтамъ распоряженіе, въ которомъ говорилось, что жителямъ Финляндіи греко-россійскаго исповѣданія позволено отправлять свои праздники по старому лѣтосчисленію, не подвергаясь за это штрафу, «но объ увольненіи ихъ отъ празднованія дней по лютеранскому календарю умолчалъ».

Это послѣднее положеніе и ранѣе не могло возбуждать сомнѣнія, ибо въ 10 ст. Ништадскаго договора (отъ 30 авг. 1721 г.) было указано, что въ уступаемыхъ земляхъ вѣра греческаго исповѣданія можетъ отправляться свободно, безъ всякаго помѣшательства. Ясно, что, побуждая православныхъ сливать свои праздники съ лютеранскими, надъ ними совершалось противозаконное притѣсненіе.

Прокуроръ Сената, ссылаясь на распоряженіе, отданное губернаторамъ, консисторіямъ и гофгерихтамъ, настаивалъ на томъ,

Рис. Повернь.

Фридрихсгамь, 1839 г.

что не имѣлось основанія освобождать православныхъ отъ лютеранскихъ праздниковъ и потому ихъ продолжали привлекать суду и штрафовать за работы или открытіе торговли въ праздничные дни лютеранъ.—«И сіи оскорбленія»,—писалъ А. Закревскій,—побудили меня предложить Сенату исполнить Высочайшее повелѣніе, состоявшееся 16 лѣтъ назадъ.

Сенатъ раздѣлилъ мнѣніе прокурора, упорствовалъ и не соглашался освободить православныхъ, опирался на отдѣленіе о преступленіяхъ въ Уложеніи Швеціи 1734 г. (§§ 6, 7 и 8, III гл.). Но оно содержитъ въ себѣ лишь правила благочинія, относящіяся исключительно къ послѣдователямъ лютеранской вѣры. Вообще шведскія постановленія о вѣротерпимости (1779—1781 г.г.) ничего не говорятъ объ участіи иновѣрцевъ въ лютеранскихъ праздникахъ. А. Закревскій къ этому основательно прибавлялъ, что подъ иностранцевъ и иноземцевъ несправедливо подводить въ Финляндіи православныхъ карелъ и русскихъ. Карелы коренные жители Финляндіи, жившіе въ ней ранѣе прибытія шведовъ; что касается русскихъ, то прошло уже цѣлое столѣтіе съ того времени, какъ они образовали приходы въ Выборгѣ, Вильманстрандѣ, Фридрихсгамѣ, Нейшлотѣ, Кексгольмѣ, Сердоболѣ, Сестрорѣцкѣ и другихъ многочисленныхъ мѣстахъ, не говоря уже о монастыряхъ Валаамѣ и Коневцѣ. Если слѣдовать сенатскому толкованію,—продолжаетъ А. Закревскій,—то монастыри надо упразднить и обязать также русскія войска, расположенныя въ краѣ, чтить лютеранскіе праздники и воспретить имъ парады даже въ Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Финляндцы, настойчивые въ своихъ одностороннихъ и узкихъ толкованіяхъ, не желаютъ считаться также съ Фридрихсгамскимъ трактатомъ, въ которомъ указано, что Императоръ Россіи по единственному побужденію великодушнаго своего соизволенія обезпечилъ жителямъ Финляндіи свободное отправленіе ихъ вѣры не для того, конечно, чтобы пожертвовать уваженіемъ и достоинствомъ собственнаго своего вѣроисповѣданія, господствующаго въ предѣлахъ его державы. Почему, наконецъ, финляндцы не требуютъ, ссылаясь на законъ 21 августа 1772 г., чтобы наши Государи исповѣдывали лютеранство?

На основаніи этихъ соображеній, А. Закревскій просилъ освободить православныхъ отъ участія въ лютеранскихъ праздникахъ. «Греко-россіяне и лютеране — писалъ онъ—суть сыны хри-

стіанства и различаются только обрядами; они обязаны взаимно хранить къ своимъ вѣроисповѣданіямъ уваженіе»... Въ праздничныя дни въ окрестностяхъ храма не дозволять неблагопристойностей торговли и т. п.

Прокуроръ Сената въ мотивахъ своего мнѣнія упоминаетъ еще, что «у жителей Финляндіи лютеранскаго исповѣданія произойдетъ непріятное впечатлѣніе отъ подобныхъ перемѣнъ, кои, колебля обычаи ихъ и предразсудки, могутъ родить безпокойство»... Какъ знакома теперь всѣмъ эта фраза, давно уже сдѣлавшаяся ходячею и шаблонною и, видимо, составляющая необходимую принадлежность финляндскихъ конституціонныхъ мистерій, въ пререканіяхъ съ русскими. А. Закревскій былъ не изъ тѣхъ, которые смущались «впечатлѣніями» и фразами. «Представленные въ такомъ мнѣніи причины кажутся мнѣ,—отвѣтитъ онъ,—весьма увеличенными; на теперешній духъ народа взирается тамъ только умственно, а не окомъ опыта». Всякій финляндецъ твердо знаетъ, что Монархъ, утверждая разныя права, конечно, не пожелалъ униженія той вѣры, которую онъ самъ исповѣдуетъ»... ⁸⁹¹⁾.

Ходаатайства А. Закревскаго имѣли полный успѣхъ, и въ Финляндіи установилось, наконецъ, болѣе нормальное отношеніе къ исповѣдуемой въ Имперіи религіи.

А. Закревскому же пришлось еще поднять вопросъ о празднованіи въ Финляндіи нѣкоторыхъ царскихъ дней. Онъ написалъ Сенату, что во всѣхъ краяхъ Россійской Имперіи дни рожденія, тезоименитства и восшествія на престолъ царствующаго Государя почитаются торжественными днями, поэтому предлагалъ ему войти въ обсужденіе сего вопроса и «сдѣлать сообразно тому распоряженія» ⁸⁹²⁾.

Одновременно съ этими вопросами, неутомимый А. А. Закревскій, начиная съ 14 мая 1826 г., повелъ борьбу за гражданскія права православныхъ. Тутъ онъ встрѣтилъ прежнюю упорную оппозицію. Финляндія перемѣнила свое прежнее политическое положеніе; она была теперь присоединена къ скипетру всероссійскихъ Монарховъ, а потому естественно было предоставить православнымъ извѣстныя служебныя права. Финляндскія власти этой естественности не признавали.

Потребовали заключеніе финляндскаго Сената. Его прокуроръ, Сюннсрбергъ, нашелъ невозможнымъ распространеніе служебныхъ

правъ на лицъ греко-россійскаго исповѣданія, безъ нарушенія основныхъ законовъ, а если угодно сдѣлать въ нихъ измѣненіе, то надлежитъ поступить по Формѣ Правленія 1772 г. (§§ 40—42). За прокуроромъ пошли и члены Сената, прося передать вопросъ на разсмотрѣніе сейма. Они утверждали, что свободное отправленіе религіи въ краѣ обезпечено рѣшеніемъ риксдага (26 янв. 1779 г.) и королевскимъ постановленіемъ (24 янв. 1789 г.), но право службы ни однимъ закономъ не дано.

Гр. А. А. Закревскій не успокоился и написалъ обширное возраженіе на мнѣніе Сената, указывая, между прочимъ, на то,

Видъ г. Бьернеборга 1840-хъ годовъ.

что «философское изслѣдованіе сего предмета до меня не принадлежитъ». Онъ находилъ также, что ему нѣтъ надобности «по напрасну входить въ разсужденія» о происшедшихъ перемѣнахъ въ политическомъ положеніи края. Онъ крѣпко зналъ, что Александръ I, дозволивъ дворянамъ Выборгской губерніи своевременно записаться въ Рыцарскій Домъ, не имѣлъ, конечно, намѣренія лишать ихъ службы края. Если,—писалъ онъ,—продолжится теперешнее устраненіе отъ занятія должностей лицъ греко-россійскаго исповѣданія, то это униженіе ихъ достоинства можетъ вызвать даже сожалѣніе, «что обязаны воспитывать дѣтей не въ лютеранской вѣрѣ», которая единственно открываетъ путь государственной службы по Финляндіи. «Посему пора уже, кажется, опредѣлить

*

правило на допущеніе грекороссійскихъ исповѣдниковъ къ должностямъ въ такой странѣ, которая присоединена къ Имперіи и которая состоитъ подъ скипетромъ Монарха, исповѣдывающаго сію православную вѣру.. Мѣра сія не причинитъ ущерба лютеранамъ....»

Гр. Ребиндеръ представилъ дѣло Монарху, который оставилъ его у себя. Произошло колебаніе: сперва Государь повелѣлъ отложить дѣло «до имѣющаго быть созыва земскихъ чиновъ», но 25 іюня 1827 г., послѣ личнаго доклада гр. Закревскаго, Высочайше повелѣно было увѣдомить статсъ-секретаря, что мнѣніе генералъ-губернатора о допущеніи грекороссійскихъ исповѣдниковъ къ должностямъ по службѣ края одобрено Его Величествомъ ⁸⁹³).

2—14 августа 1827 г. послѣдовалъ манифестъ, въ которомъ значилось: «Мы, при всегдашнемъ Нашемъ попеченіи о споспѣшествованіи общему благосостоянію и пользамъ всѣхъ Нашихъ вѣрно-подданныхъ и о водвореніи единодушія и взаимнаго довѣрія между различными подвластными Скипетру Нашему народами, обратили съ прискорбіемъ вниманіе Наше на то, что натурализованныя въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ лица той вѣры, которую Мы сами исповѣдуемъ, не имѣютъ право вступать въ службу онаго края, хотя перемѣнившіяся политическія его отношенія, равно какъ истинная и съ просвѣщеніемъ вѣка сообразная, терпимость требуетъ измѣненія въ древнихъ законоположеніяхъ, состоявшихся при обстоятельствахъ, вовсе отличныхъ отъ тѣхъ, кои нынѣ существуютъ.

Мы увѣрены, что жители Финляндіи, извѣстные по праводушію и свободному отъ предразсудковъ образу мыслей ихъ, сами усмотрятъ, что собственная ихъ и страны ихъ польза требуетъ прекращенія отношеній, кои вмѣсто соединенія и взаимнаго между собою сближенія подданныхъ, пользующихся отеческими Нашими попеченіями и состоящихъ подъ покровительствомъ и защитою одного и того-же государства, заключаютъ въ себѣ начала недо-вѣрія, несогласія и недоброжелательства.

Принявъ же въ уваженіе, что обстоятельства и попеченія Наши по прочимъ частямъ правленія не дозволяютъ Намъ нынѣ созвать Земскихъ Чиновъ Великаго Княжества и что съ другой стороны дальнѣйшее существованіе вышеизображенныхъ отношеній могло бы произвести важныя неудобства, Мы, сообразно съ обязанностями Державнаго Нашего Сана, признали за благо постановить и повелѣть:

Лица грекороссійскаго исповѣданія, пріобрѣвшія уже въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ гражданское право или впредь оное пріобрѣтающія, могутъ поступать въ гражданскую и военную службу того края»⁸⁹⁴).

Борьба А. А. Закревскаго за православіе и служебныя права русскихъ—государственная его заслуга, и потому имя его всегда будетъ занимать въ исторіи Финляндіи почетное мѣсто.

Разсматривая и оцѣнивая рядъ тѣхъ законоположеній, которыя касались русскихъ и иностранцевъ, получается такое впечатлѣніе, что Финляндія точно ограждалась и оберегалась одинаково какъ отъ тѣхъ, такъ и другихъ. Число иностранцевъ, записавшихся по Финляндіи, было сокращено разными распоряженіями мѣстныхъ начальниковъ. Наплывъ русскихъ сдерживали значительнымъ единовременнымъ взносомъ (571 р. 40 коп. сер.), который требовали съ нихъ по закону 1838 г. — Гр. А. Армфельтъ и кн. А. Меншиковъ выразили недовольство даже тѣмъ, что русскіе записывались по Финляндіи, оставаясь въ дѣйствительности на жительство преимущественно въ Петербургѣ. Желая создать для нихъ болѣе существенную преграду, названные сановники просили повысить единовременный взносъ до 1.000 р. Однако, Государь велѣлъ повременить подобной мѣрой⁸⁹⁵).

Затѣмъ кн. Меншиковъ, вѣроятно, опасаясь, чтобы русскіе не получили излишнихъ правъ въ Финляндіи, испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы на гражданскую службу принимались лишь тѣ изъ русскихъ, которые по законамъ Имперіи имѣли тамъ соотвѣтственное право⁸⁹⁶).

Нѣсколько снисходительнѣе кн. Меншиковъ отнесся къ нашимъ крестьянамъ-торговцамъ. Крестьянъ, зашедшихъ въ Финляндію съ плакатными паспортами для промысловъ и работъ, стали притѣснять, придерживаясь какого-то нераспубликованнаго распоряженія 1820 г. Купецъ и городской старшина Выборга Петръ Чусовъ подаль жалобу въ Министерство Финансовъ. Гр. Канкринъ отозвался, принявъ сторону крестьянъ. За нимъ послѣдовалъ и кн. А. Меншиковъ, который, въ маѣ 1839 г., передалъ въ статсъ-секретаріатъ, что, по мысли Государя, цѣль постановленія 1820 г. была прекратить недозволенный торгъ по деревнямъ и введеніе фальшивыхъ ассигнацій; но эта цѣль не должна быть достигаема запрещеніемъ входа крестьянъ въ Финляндію съ промышленною

цѣлью, разъ жители этого края имѣютъ право безпрепятственно промышленя въ руссійскихъ губерніяхъ ⁸⁹⁷).

Тѣ, которые такъ или иначе желали проникнуть въ Финляндію, причиняли большую заботу мѣстной и русской администраціи, вызывая обширную переписку, которая всегда направлена была къ тому, чтобы «предупредить перечисленія». О переселившихся запрашивались русскія власти. Переписка сосредоточивалась въ статсъ-секретаріатѣ ⁸⁹⁸).

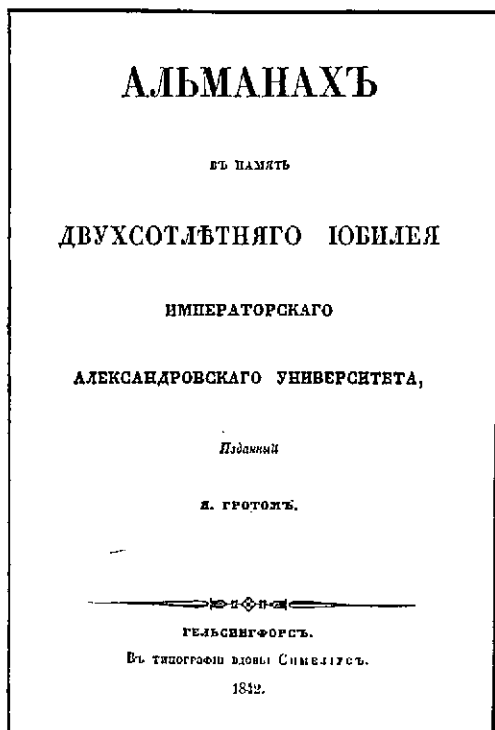
Въ 1830 г. послѣдовало запрещеніе иностранцу «присягать на подданство въ Финляндіи» безъ особаго Высочайшаго соизволенія ⁸⁹⁹).

Затѣмъ ввели ограниченіе по выпискѣ изъ-за границы подмастерьевъ и вообще работниковъ низшихъ сословій ⁹⁰⁰).

Въ Высочайшихъ докладахъ о перечисленіи въ Финляндію терминологія путалась ⁹⁰¹). Иногда говорилось о принятіи «въ Финляндское подданство», но въ большинствѣ случаевъ писали правильно ⁹⁰²). Напримѣръ, еврей, долго жившій въ Финляндіи и перешедшій въ лютеранство, желаетъ остаться въ краѣ и проситъ о поступленіи въ Россійскіе подданные и учиненіи присяги на вѣрноподданство Его Императорскому Величеству ⁹⁰³).

Иностранцы ходатайствовали о включеніи ихъ въ число гражданъ финляндскихъ городовъ и въ то-же время просили о принятіи ихъ въ Россійское подданство ⁹⁰⁴).

Иностранцы едва-ли не чаще русскихъ проникали въ Финляндію и прочно обосновывались въ ней. Они стали покупать въ предѣлахъ края имѣнія. Сенатъ настаивалъ на томъ, что приобрѣтать недвижимостъ могутъ только финляндскіе граждане. Вслѣдствіе этого, въ полномъ согласіи съ мнѣніемъ генераль-губернатора, въ февралѣ 1851 г. послѣдовало Высочайшее постановленіе,

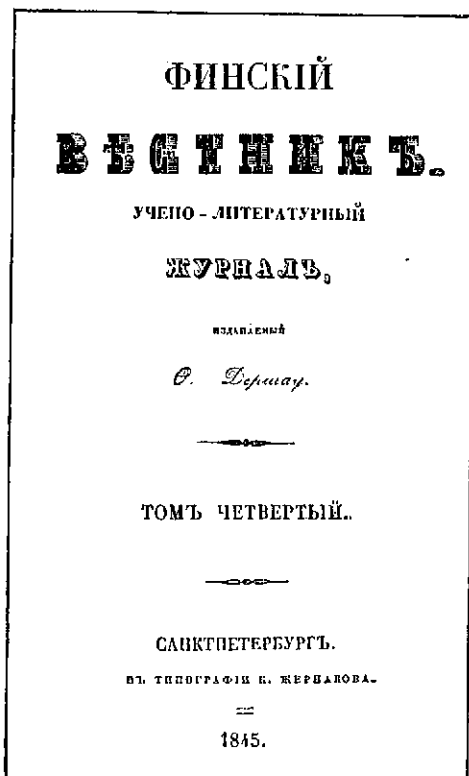
чтобы лица, не пользующіяся правомъ финляндскаго гражданства, не имѣли права пріобрѣтать въ краѣ недвижимой собственности, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Дворянъ это не касалось. Русскіе подданные и иностранцы, ранѣе владѣвшіе недвижимостями, сохранили за собой прежнее право ⁹⁰⁵).

Согласно новаго закона, начались ходатайства о закрѣпленіи за ними правъ владѣнія пріобрѣтенными недвижимостями. Генераль-губернаторъ просилъ Государя, и Его Величество соизволилъ предоставить мѣстному Сенату разрѣшать всѣмъ русскимъ подданнымъ безъ изъятія владѣніе купленными имѣніями, при условіи, чтобы купчія были утверждены подлежащими учрежденіями ⁹⁰⁶).

Но воспользовавшихся этимъ правомъ на всю Финляндію приходились единицы.

И, вообще, русскихъ въ краѣ было такое ничтожное количество, что они не могли оказывать никакого существеннаго вліянія на мѣстное населеніе.

Наиболѣе русское вліяніе замѣчалось въ Гельсингфорсѣ, вслѣдствіе пребыванія тамъ административнаго, военнаго и ученаго центра. Въ сороковыхъ годахъ стали, хотя и рѣдко и вяло, но поговаривать о пользѣ русскаго изданія и русской типографіи. Мысль объ изданіи въ Гельсингфорсѣ «Русскаго Вѣстника» принадлежала мѣстному почтъ-директору А. Е. Вульфѣрту. Александръ Евстафьевичъ Вульфѣртъ былъ родомъ финляндецъ, но учился въ Дерптскомъ университетѣ. Полюбивъ литературу, онъ писалъ театральныя пьесы и переводилъ на нѣмецкій языкъ Пушкина, духъ котораго онъ хорошо постигалъ. Въ 1831 г. онъ былъ редакторомъ «С.-Петербургскихъ Академическихъ Вѣдомостей», выходившихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Теперь ему пришла мысль издавать свой журналъ, въ который хотѣлъ ввести

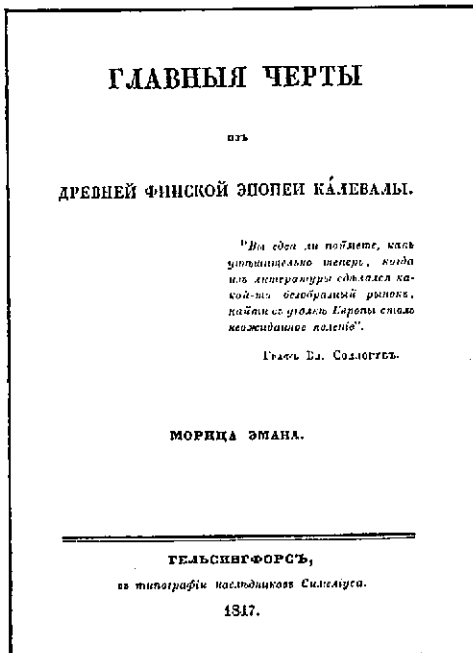
литературу, политику и объявленія. Но Я. К. Гротъ не безъ основанія возразилъ, что такая газета имѣла бы чрезвычайно ограниченный кругъ читателей, если даже предположить, что она и въ Россіи нашла-бы нѣсколько десятковъ подписчиковъ. «Изданіе русскаго журнала въ Гельсингфорсѣ не предпринимайте, совѣтовалъ П. А. Плетневъ. Кто на него подпишется? Другое дѣло—листокъ разъ въ недѣлю, гдѣ-бы слить новости книжныя съ новостями Двора и политики. Для журнала дѣльнаго еще не пришло время тамъ, гдѣ мало знаютъ русскій языкъ».

«Лучше, — продолжалъ онъ, — по-шведски обстоятельнѣе знакомить финляндцевъ со всѣмъ, что интереснаго является въ Россіи. Тогда можно будетъ возбудить желаніе учиться по-русски»⁹⁰⁷). Вульффертъ скоро раздумалъ и заявилъ, что не можетъ взять на себя изданіе, а согласенъ только быть его сотрудникомъ.

Вторая его затѣя—учрежденіе русскаго клуба — также встрѣтила возраженіе со стороны русскаго человѣка. По мысли Вульфферта, полезно было устраивать такіе вечера, на которые-бы

сходились любители русскаго языка для чтенія газетъ, и иногда и собственныхъ статей, и для бесѣды по-русски. Я. К. Гротъ возразилъ, что такія собранія были-бы чрезвычайно мертвенны, потому что никакой живой внутренній интересъ не связалъ бы посѣтителей, и они безъ картъ, безъ всякихъ общественныхъ приманокъ тщеславія и т. п. жестоко стали-бы скучать⁹⁰⁸).

Болѣе реальною была потребность пріѣзжавшихъ въ русскіе книгахъ о Финляндіи; но ихъ не было. Это заставило подумать объ учрежденіи русской типографіи. Типографія Симеліуса завела русскій прифѣтъ, но число отпечатанныхъ на немъ листовъ оказалось очень ограниченнымъ. Въ Петербургѣ Ѳ. Дершау началъ издавать «Финскій Вѣстникъ» (1845—1847 гг.).—Гр. А. Г. Армфельтъ выдалъ ему 1.500 р. с. пособія, но при этомъ весьма спра-

ведливо отозвался, что «отъ журнала Финляндіи никакой пользы нѣтъ» ⁹⁰⁹).

«Страна сія,—писалъ Е. А. Боратынскій,—имѣеть нѣкоторыя права на вниманіе нашихъ соотечественниковъ любопытною природою, совершенно отличною отъ русской. Обильная историческими воспоминаніями, страна сія была воспѣта Батюшковымъ, и камни ея звучали подъ конемъ Давыдова, пѣвца-наѣздника, именемъ котораго справедливо гордятся поэты и воины. Жители отличаются простотою нравовъ, соединенною съ нѣкоторымъ просвѣщеніемъ, подобному просвѣщенію Германскихъ провинцій. Каждый поселянинъ читаетъ Библію и выписываетъ календарикъ, нарочно издаваемый въ Або для землевладѣльцевъ».

Несомнѣнно, что Финляндія заслуживала вниманія нашихъ соотечественниковъ, и русскіе всетаки кое-что узнавали о ней изъ своей періодической печати, особенно со времени сотрудничества Я. К. Грота въ «Современникъ» П. А. Плетнева. Наоборотъ, финляндцы почти ничего не знали о Россіи. Просьба генер. Рамзая, расчувствовавашагося послѣ чтенія Я. К. Грота,—выписать для него «Современникъ», и заявленіе генерала, что «считаетъ грѣхомъ противъ русской литературы не имѣть такого журнала»—явленіе совершенно исключительное ⁹¹⁰).

Необходимость взаимнаго изученія и сближенія чувствовалась многими, но заявленія объ этомъ дѣлались робко и рѣдко. Первые теплыя слова о русско-финляндской взаимности едва ли не принадлежатъ Я. К. Гроту и П. А. Плетневу. «Больше всего радуется меня дружеское сближеніе твое съ вице-канцлеромъ (Норденстамомъ),—писалъ Плетневъ Гроту. Не могу отвыкнуть отъ мысли, что совокупно съ этимъ человѣкомъ предопредѣлено тебѣ много добраго совершить для прочнаго союза Финляндіи съ Россіею. Когда онъ пойметъ тебя, когда оцѣнитъ и отдѣлитъ въ понятіи своемъ отъ толпы прочихъ профессоровъ, тогда, безъ сомнѣнія, ему пріятно будетъ пользоваться всѣмъ, что въ силахъ ты передать ему для достиженія высокой политической цѣли, для сліянія двухъ народовъ въ идею одного отечества. Графъ А. Армфельтъ довольно постигнулъ тебя; но въ немъ самомъ нѣтъ столько самобытности и энергіи, чтобы вполне воспользоваться этимъ сознаніемъ твоихъ способовъ и дарованій» ⁹¹¹).

Надъ вопросомъ о сближеніи финляндцевъ съ русскими серьезно задумывались лишь лица, подобныя Я. К. Гроту, яви-

вшемуся въ Финляндію съ миссіей насажденія тамъ русскаго языка, или въ родѣ генерала Норденстама—финляндца по происхожденію, но по своей первоначальной службѣ проникнувшася извѣстными русскими воззрѣніями. Но что значили два-три воина на столь обширномъ полѣ!

Я. К. Гротъ навелъ своего умнаго и отзывчиваго друга П. А. Плетнева на рядъ новыхъ мыслей и заботъ. Оба они сердечно отнеслись къ дѣлу сближенія и тонко и деликатно обсуждали его. «Надо намъ много осмотрительности и такту, чтобы сказать что-нибудь и полезное для двухъ народовъ, и особенно для обоихъ пріятное. Какъ бы намъ Рунеберга втянуть въ наши интересы, т. е. чтобы онъ искалъ переводовъ или васъ заставлялъ готовить для него что нибудь о Россіи или изъ русской литературы и, такимъ образомъ, полюбивъ наше по сердечному убѣжденію, говорилъ бы потомъ иногда въ своихъ пьесахъ о нашихъ созданіяхъ съ чувствомъ благоволенія и рѣшительной склонности ставить все хорошее наше на ряду съ европейскимъ. Я вѣрю, что онъ васъ (Грота) любитъ, а по васъ, конечно, и меня, но надобно ему знать высоту Державина, неподражаемость Крылова, вкусъ и умъ Карамзина, божественность Жуковского и художественную прелесть Пушкина» ⁹¹²).

Усвоивъ мысль о необходимости сближенія и взаимнаго пониманія, Плетневъ уже не упускалъ подходящаго случая претворять слово въ дѣло ⁹¹³).

П. А. Плетневъ былъ вполне искрененъ, когда писалъ, 10—22 дек. 1841 г., гр. А. Армфельту: «могу увѣрить васъ въ моемъ постоянномъ стремленіи содѣйствовать, сколько возможно, ознакомленію и сближенію финляндцевъ съ русскими и показать имъ то мѣсто, которое Финляндія должна занимать въ отношеніи къ Россіи» ⁹¹⁴).

Еще болѣе красиво заявленіе Плетнева ректору Уреину (4 марта 1844 г.): «Я полагаю, что прежде всего мы должны уничтожить народные предразсудки, старинную недовѣрчивость между націями и соединить ихъ общимъ стремленіемъ къ обработыванію общей исторіи и литературы Сѣвера. Показывая другъ къ другу уваженіе, мы всѣмъ даемъ чувствовать, что понимаемъ другъ друга и всѣхъ равно приглашаемъ въ союзъ нашего братства. Такимъ образомъ, тѣ изъ молодыхъ ученыхъ, которые отъ васъ являются къ намъ или наоборотъ, должны находить при первомъ своемъ къ

намъ появленіи, болѣе готовности допустить ихъ къ общему дѣлу и болѣе снисхожденія, нежели туземцы».

Эти заявленія не остались пустыми словами обычной вѣжливости. Отношенія къ финскимъ студентамъ, ѣздившимъ въ Москву для изученія русскаго языка, забота объ ученомъ М. Кастренѣ, которому охотно помогала Академія Наукъ, и пр., показываютъ, что дѣлались уже первые практическіе шаги къ намѣченной цѣли.

Но случаи, когда русскіе и финляндцы вспоминали другъ о другѣ и взаимно нуждались одинъ въ другомъ, были, конечно, очень рѣдки. Въ царствованіе Николая I много чаще, чѣмъ при другихъ Монархахъ, практиковались взаимныя подписки въ годы пожаровъ, голода и другихъ бѣдствій. Финляндскіе архивы и мѣстная печать хранятъ нѣкоторые слѣды подобнаго рода взаимнаго участія. Въ Симферополѣ были озабочены постройкою Евангелической каменной церкви; далекій Петропавловскъ пострадалъ отъ огня, и оба города просили Высочайшаго разрѣшенія открыть подписку въ ихъ пользу въ Финляндіи ⁹¹⁵). Горѣли Тотьма, Кузнецкъ, Троицкосавскъ—и подписные листы были переданы также въ Финляндію ⁹¹⁶). Въ пятидесятомъ году сборъ производился въ Финляндіи даже въ пользу разрушенныхъ, въ 1848—1849 г.г., церковей сербскаго народа ⁹¹⁷). И обратно: добрые люди въ Россіи не разъ вспоминали пострадавшихъ финляндцевъ, и пожертвованія текли изъ разныхъ ея захолустій. Ребиндеръ, въ 1823 г., благодарилъ Діонисія—епископа пермскаго и др. —Говоря о деньгахъ, собранныхъ по Имперіи на погорѣльцевъ, гр. Ребиндеръ прибавляетъ: «Русская нація, отличаясь всегда щедростью и сострадательностью»,.. собрала весьма значительную сумму—до 100.000 р. Общественное мнѣніе «дѣлаетъ о семъ весьма выгодное заключеніе» ⁹¹⁸).—Даже полки, празднуя юбилей, не миновали своими воззваніями Финляндіи ⁹¹⁹). Перечисляя извѣстные намъ факты, мы отнюдь не склонны обобщать и расширять ихъ истиннаго значенія.

На почвѣ несчастій произошло, кажется, наибольшее сближеніе финляндцевъ съ русскими гарнизонами, разбросанными по городамъ ихъ края. Въ 1831 г. въ Або былъ значительный пожаръ. При тушеніи его отличились егеря, «много потрудившіеся и заслужившіе признательность отъ жителей» ⁹²⁰). Въ Або долго стояли казаки. Горожане и купцы убѣдительно просили позволенія угостить уходившихъ казаковъ за то, что они охраняли городъ своими

ночными разъѣздами и вообще за тихое квартированіе,—сообщаетъ комендантъ Павелъ Турчаниновъ кн. Меншикову (апр. 1832 г.). «Казакамъ устроили превкусный обѣдъ», и затѣмъ, сѣвъ на коней, они уѣхали съ пѣснями. «Зрѣлище было весьма трогательное и чувствительное. Все сіе было произведено не по принужденію, и потому на лицахъ всѣхъ была изъявлена радость» ⁹²¹). Лѣтомъ абоскій губернаторъ посѣтилъ Аландъ и не могъ нахвалиться мѣстностью и «тамошнею доброю связью военныхъ съ жителями». Гартманъ остался «чрезвычайно доволенъ тихимъ, спокойнымъ квартированіемъ петровцевъ въ городѣ и примѣрною ихъ чистотою и опрятностью» ⁹²²). 16-му флотскому экипажу пришлось перезимовать въ Гельсингфорсѣ; жители и мѣстное начальство отозвались «съ весьма хорошей стороны о дисциплинѣ сихъ войскъ», какъ сообщилъ А. Теслевъ въ частномъ письмѣ (26 апр.—8 мая, 1834 г.) кн. Меншикову. Подобные примѣры надо полагать встрѣчались и въ другихъ городахъ.—Но всѣ они остаются отдѣльными случаями и не даютъ возможности сдѣлать какого либо общаго вывода о русско-финскихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ какъ не видно вліянія этихъ примѣровъ на взгляды мѣстнаго общества.

Продолжая поворачивать калейдоскопъ финляндской жизни времени Николая I, наблюдается все та же пестрая картина отдѣльных случайныхъ фактовъ. Даже официальная сторона жизни не показываетъ однообразно принятаго обычая. То царскіе дни проходили ничѣмъ не отмѣченными, то общество праздновало ихъ красными балами и иллюминаціями. Въ дневникѣ казака Е. В. Иванова значится: «День восшествія на престолъ въ 1834 г. въ Або ознаменованъ былъ иллюминаціей, но лишь у нѣсколькихъ высшихъ военныхъ начальниковъ. Иллюминаціи ни у кого болѣе не было; не было и у ландсгевдинга Гартмана, хотя онъ и былъ въ городѣ» ⁹²³). «Наконецъ, и Або былъ иллюминированъ 6—18 дек., въ день тезоименитства Государя Императора нашего—можно сказать, по наряду ландсгевдинга Гартмана». Онъ посылалъ полицію просить объ освѣщеніи. «Дѣйствительно, у всѣхъ живущихъ въ городѣ Або горѣло по двѣ свѣчки на каждомъ окнѣ» ⁹²⁴). Иллюминаціи вообще въ обычаѣ въ Або не были со времени страшнаго пожара 1827 г. Въ 1837 г. въ день коронованія и въ день тезоименитства Наслѣдника городъ Або опять былъ иллюминированъ, но только одними военнослужащими. То же повторилось въ день восшествія на престолъ.

Но вотъ, наконецъ, жители Або расшевелились: тезоименитство Государя отпраздновано съ большимъ оживленіемъ. Утромъ, между 8 и 9 часами, произведенъ былъ 21 выстрѣлъ. Вечеромъ—блестящій балъ съ ужиномъ въ гостинницѣ Сосіете. Число приглашенныхъ простиралось до 500. Здѣсь было собрано все «благородное и прекрасное Або». Во время ужина, при звукахъ полного оркестра и фанфаръ, отъ города произведенъ былъ 101 выстрѣлъ. Тостъ за Государя осушался съ горячимъ энтузіазмомъ, при живѣйшихъ крикахъ ура. Танцы шли съ большимъ одушевленіемъ, при чистой и непритворной радости. Дамы проявили вкусъ и изящество въ туалетахъ, слѣдя за парижскими модами. Духъ времени сказался еще въ надписи транспаранта, украшавшаго во время иллюминаціи Сосіете. Стихи гласили:

На Аурѣ, подъ скипетромъ Своимъ,
Связь укрѣпи ты преданности нѣжной,
О, Царь! Твое мы имя свято чтимъ
У чистыхъ водъ стремнины дальнobreжной ⁹²⁵).

Царскія милости, которыя въ изобиліи изливались въ разное время на Финляндію, видимо, принимались населеніемъ съ сердечной признательностью.

Въ 1829 г. А. А. Закревскій ходатайствовалъ о сложеніи всѣхъ недоимокъ, состоявшихъ за менѣе достаточными плательщиками. Государь простилъ и сложилъ ⁹²⁷).

Финляндію не разъ посѣтилъ голодъ и спѣшно повелѣно было выдавать заимообразно хлѣбъ изъ нашего провіантскаго Депо ⁹²⁸).

Щедрая помощь, которая оказана была Государемъ голодавшимъ на сѣверѣ, въ Эстерботніи, «составила эпоху въ этой несчастной странѣ», какъ выразился гр. Ребиндеръ, (письмо 20 сент.—2 окт. 1832 г.). «Даже тамъ, гдѣ не пользуются этимъ благодѣяніемъ, даже среди завзятыхъ эгоистовъ, нѣтъ двухъ мнѣній на этотъ счетъ». Отъ обывателей Улеоборгской губерніи былъ поднесенъ Его Величеству адресъ съ выраженіемъ благодарности за Царскія щедроты во время неурожая послѣднихъ лѣтъ, которые грозили неизбѣжной гибелью. «Вдали отъ блеска трона и славныхъ именъ, его окружавшихъ,—писали улеоборгцы,—мы имѣемъ драгоцѣнныя воспоминанія, содѣлавшія насъ благодарными подданными». Они молили Провидѣніе объ устраниніи мрачныхъ

покушеній, которыя къ стыду вѣка и изумленію человѣчества, проистекають отъ смутныхъ началъ ⁹²⁹). Подобныя адреса поступили изъ Вазаской и Тавастгуской губерній.

Въ 1855 г. выгорѣлъ г. Ваза.—Въ виду того, что пострадавшему городу были оказаны щедрой Монаршей рукой большія «отеческія» милости и разрѣшено было строить новый городъ на болѣе выгодномъ мѣстѣ, горожане, «съ теплымъ движеніемъ сердца», желая, чтобы сохранилась «память благодѣянія новаго Основателя города», просили наименовать его «Николайстадъ». «Да пребудетъ въ немъ державное и драгоцѣнное имя Вашего Величества негнѣннымъ памятникомъ Монаршей милости... Горожане желали, дабы Имя Вашего Величества было начертано въ благодарныхъ сердцахъ нашихъ и потомства нашего неизгладимѣе, чѣмъ на мраморѣ и гранитѣ» ⁹³⁰).

Высокой своей царственной личностью Николай Павловичъ импонировалъ всегда и всюду. Его строгая требовательность, его справедливость, его милости бывали временами оцѣниваемы финляндцами и тогда съ разныхъ сторонъ края по разнымъ случаямъ къ подножію его трона стекались благодарственные адреса.

Когда до Финляндіи дошелъ слухъ о злодѣйскомъ покушеніи польскихъ мятежниковъ на Августѣйшую Особу Монарха, была отправлена особая депутація отъ Сената, къ которой присоединилась депутація отъ купечества и горожанъ Гельсингфорса съ адресомъ отъ имени всѣхъ финляндцевъ. Принявъ милостиво депутаціи, Государь повелѣлъ хранить адресъ вмѣстѣ съ правительственными актами ⁹³¹).

Ожидался пріѣздъ Государя на Аландъ и архіепископъ Мелартинъ, человѣкъ, извѣстный своей преданностью Россіи, ѣздилъ туда, чтобы приготовить усердную встрѣчу Монарху ⁹³²).

Въ январѣ 1836 г., когда стало извѣстно предположеніе Государя и Наслѣдника посѣтить Финляндію, власти имѣли въ виду oznаменовать это посѣщеніе выбитіемъ особой медали.

Итакъ, все, что требовала извѣстная корректность, чему обязывала офиціальность—все точно, и офиціально исполнялось. Но проходилъ опредѣленный для того день и часъ, и финляндцы вновь замыкались въ свой тѣсный кругъ, вновь отмежевывались въ своей жизни отъ всего русскаго.

Примѣры отдѣльнаго проявленія дружескаго расположенія къ русскимъ встрѣчаются, но въ видѣ единичныхъ фактовъ. Когда

Я. К. Гротъ, по должности экзаменатора русскаго языка, объѣзжалъ Финляндію, бывалъ то здѣсь, то тамъ принять весьма радушно. Въ Сердоболѣ,—отмѣтилъ онъ,—«всѣ очень ласковы», иные бесѣдовали съ нимъ по-русски. Въ Куопіо ему устроили завтракъ, осыпали ласками, носили на креслѣ, при громкихъ крикахъ. Обѣщали дѣлать все возможное для русскаго языка. «Что русскаго, пріѣхавшаго въ центръ Финляндіи экзаменовать въ русскомъ языкѣ, такъ принимаютъ,—это я считаю явленіемъ довольно замѣчательнымъ и много общающимъ»⁹³⁴). Въ этомъ своемъ ожиданіи Я. К. Гротъ ошибся: изъ подобныхъ, дружескихъ встрѣчъ ничего замѣтнаго для русскаго дѣла не получалось. Всѣ такія встрѣчи и проводы проходили мелкой рябью по холодной какъ гранитъ поверхности мѣстнаго общества и все вновь сглаживалось и затихало.

При желаніи, русской власти всегда легко было завоевать временное расположеніе финляндцевъ; для этого ей стоило только отказаться отъ своихъ законныхъ требованій и ни во что не вмѣшиваться. Съ уходомъ изъ Або коменданта П. Турчанинова, абоская знать сдѣлалась болѣе холодною къ русскимъ, писалъ Е. В. Ивановъ, 16—, 28 янв. 1835 г. Секретъ простой: Турчаниновъ «ни въ чемъ не мѣшалъ имъ». Ему поэтому поднесли адресъ, и послѣдніе девять дней прошли въ Або почти въ усердномъ угощеніи генерала Турчанинова». Ренегаты и «тупинцы», къ сожалѣнію, всегда и вездѣ находятъ сочувствіе и сторонниковъ. «Въ Або,—прибавляетъ Ивановъ,—нуженъ такой комендантъ, который былъ бы истинно преданъ русскому правительству и соединялъ бы въ себѣ знаніе своего долга». Исторія Турчанинова повторилась съ его замѣстителемъ. Вступивъ въ должность, О. Дершау внимательно отнесся къ своимъ обязанностямъ и жители встрѣтили его сухо. Но какъ только новый комендантъ пересталъ вмѣшиваться въ дѣла, финляндцы полюбили его и отношенія между ними наладились.

Честолюбіе губернатора Гартмана въ Або заставило русскихъ военныхъ сплотиться и устраивать свои «бостонные вечера». У президента Виллебранта зимой 1834 г. бывали довольно часто обѣды, «но ни одинъ русскій не былъ приглашенъ»⁹³⁵). Вотъ примѣрная причина постоянныхъ мелкихъ недоразумѣній и вотъ формула, которая, не погрѣшая истиной, можетъ быть принята за основную на всемъ пространствѣ финской земли, когда рѣчь заходитъ о русско-финляндскихъ отношеніяхъ.

Ивановъ далеко не всегда оправдываетъ русскихъ; онъ недоволенъ ими за то, что не придерживались мѣстныхъ обычаевъ: не дѣлали, на примѣръ, визитовъ, не благодарили за приглашенія («tackar för sist») т. п. Переведя свое наблюденіе отъ высшихъ сферъ къ низшимъ, Е. Ивановъ замѣтилъ, что ближе къ Гельсингфорсу крестьяне-финны нѣсколько научились по-русски, но «духомъ не русѣютъ. Господствующій духъ и здѣсь непріязненный къ русскимъ болѣе по эгоизму и въ присутствіи русскихъ. Что же причиною? Отчасти мы сами: обращеніе многихъ русскихъ съ финляндцами болѣе отталкивающее, нежели привязывающее». (окт.—ноябрь 1838 г.).

Иногда изъ общаго правила финляндской замкнутости и русско-финской разобщенности мелькало свѣтлое исключеніе и вновь скрывалось на долгіе туманные годы. Такимъ отраднымъ лучомъ была закладка православной церкви, наканунѣ тезоименитства Императрицы Александры Оеодоровны.—Закладка эта превратилась въ общее торжество жителей Або. Православное духовенство въ торжественной процессіи вышло на Александровскую площадь, гдѣ собрались высокопоставленные лица, представители офицерства, гофгерихта, губернскаго управленія, магистрата; тутъ же на эстрадѣ находились дамы, какъ православнаго, такъ и лютеранскаго исповѣданія. Площадь была полна народа. Люди виднѣлись даже на крышахъ. При пѣніи молитвъ состоялось торжество. Послѣ него два русскихъ купца дали блестящій завтракъ. Всѣ разошлись «съ взаимными пожеланіями счастья и благополучія православному приходу» ⁹³⁶). Разошлись и кажется болѣе не встрѣчались. Предстояло освященіе абоскаго лютеранскаго собора. Пригласили русскихъ военныхъ музыкантовъ, но скоро финляндцы раздумали, рѣшивъ, что иновѣрнымъ не мѣсто на религіозномъ торжествѣ.

Совмѣстная жизнь не налаживалась, обычнаго повседневнаго сближенія не было, взаимное довѣріе не устанавливалось.—Даже въ нашей столицѣ финны устроились особымъ міркомъ. Въ Петербургѣ финляндцы имѣли свой приходъ. Въ виду того, что ихъ соотечественники не понимали русскаго языка, они испросили разрѣшеніе построить свою больницу и свое подворье, для продажи продуктовъ сельскохозяйственнаго производства.

Никакой программы, никакой послѣдовательности въ отношеніяхъ къ финляндцамъ у насъ не наблюдалось. Одни представители русской власти стремились къ сближенію, другіе—

взирали на него съ холоднымъ равнодушіемъ. А. А. Закревскій, видя, что между русскими и финляндцами не было ни согласія, ни довѣрія, испросилъ повелѣніе о пересмотрѣ существующихъ постановленій, которыя препятствовали сближенію, и о замѣнѣ ихъ другими. Государь искренно желалъ сближенія русскихъ съ жителями Финляндіи и потому одобрилъ мѣры своего генералъ-губернатора. Да и политическая мудрость требовала, чтобы присоединенный край не чуждался своей метрополіи.

Для достиженія желаемого и возможнаго единенія Финляндіи съ Россіей, нерѣдко законоположенія, введенныя въ Имперіи, сейчасъ же распространялись на сѣверную ея окраину.

2 марта 1827 г. генералъ-губернаторъ Закревскій передалъ для исполненія Высочайшее требованіе, чтобы заготовленъ былъ проектъ манифеста о финляндцахъ, «которые рѣшатся переселиться въ чужіе края». Имъ воспрещалось возвращеніе на родину, «ибо таковыхъ недостойныхъ сыновъ отечества правительство не останавливаетъ», но они теряютъ всѣ права на всякое наслѣдство въ Финляндіи ⁹³⁷). Мысль объ изданіи подобнаго манифеста возникла, вслѣдствіе переселенія въ Швецію барона Густава Вреде. Разрѣшеніе оставить Финляндію ему дано было Сенатомъ, который, однако, не доложилъ объ этомъ Государю, какъ того требовалъ манифестъ 6 февраля 1812 г.

Духъ времени былъ таковъ, что на каждаго удалявшагося за границу и каждаго иностранца, пріѣзжавшаго въ край, администрація бросала косые и подозрительные взгляды. За всѣми слѣдили. Изъ Швеціи пріѣхалъ извѣстный путешественникъ Marmier и губернаторъ Л. Гартманъ сталъ внушать Меншикову, что «во всѣхъ этихъ путешествіяхъ нельзя видѣть лишь научную цѣль... Г-на Marmier сначала очень ласкали при стокгольмскомъ дворѣ... Лучше остерегаться», и онъ обѣщаетъ не упустить его изъ вида (15 іюля 1839 г.)

Изъ пограничныхъ мѣстъ Имперіи приказано было доставлять «семидневныя вѣдомости» о всѣхъ прибывавшихъ въ Россію иностранцахъ. Для единообразія не была обойдена и Финляндія, и требуемыя свѣдѣнія должны были поступать въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи ⁹³⁸). Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ интересовался также свѣдѣніями объ иностранцахъ, принявшихъ русское подданство. Это тре-

бование примѣнили и къ лицамъ, домогавшимся получить финляндское гражданство.

Въ виду того, что за прїѣзжавшими иностранцами, установленъ былъ особый надзоръ, письма абесскаго коменданта П. Турчанинова пестрять указаніями на датскаго купца, шведскаго посланника, стокгольмскаго фабриканта и т. п. Если они являлись безъ паспортовъ, предъявленныхъ Россійской Миссіи, то немедленно высылались обратно за границу. Исключеніе дѣлалось для иностранныхъ курьеровъ, посланныхъ съ порученіемъ нашему правительству⁹³⁹).

Е. В. Ивановъ держался того мнѣнія, что Финляндія «болѣе и болѣе дѣлается предметомъ любопытства», и что предполагавшееся тогда пароходное сообщеніе Або и Гельсингфорса со Швеціею откроетъ большую возможность «непріязненнымъ иностранцамъ наводнять Финляндію и еще болѣе дѣлать ненавистною власть Россіи»⁹⁴⁰). Въ теченіе 1838 г. Або посѣтили 646 иностранцевъ, изъ нихъ половина—шведы.

Было замѣчено, что нѣкоторые финляндцы, отправляясь за границу, оставались тамъ неопредѣленное время и такимъ образомъ дозволенную отлучку превращали въ переселеніе. По Имперіи подобное злоупотребленіе было парализовано особымъ указомъ 17 апрѣля 1834 г. Возникъ вопросъ, насколько такой указъ совмѣстимъ съ узаконеніями края и «для сохраненія тѣсной связи, долженствующей состоять между всѣми областями, Державѣ Его Императорскаго Величества подвластными»⁹⁴¹). Тогда же Государь Императоръ «съ прискорбіемъ усмотрѣлъ» нѣкоторые примѣры стремленія русскаго юношества получить образованіе внѣ государства и «вредныя послѣдствія для тѣхъ, кои таковое чужеземное воспитаніе получаютъ».—Указомъ 18 февраля 1831 г. въ Россіи установлены были правила, которыя должны были предупредить замѣченный вредъ на будущее время. Усмотрѣвъ, что подобныя же правила могли быть съ пользою примѣнимы къ Финляндіи, «сколько допускаютъ оное особенныя сего края узаконенія», Государь повелѣлъ Сенату составить для Финляндіи соотвѣтствующее постановленіе⁹⁴²). Правила были составлены и утверждены.—По нимъ воспрещалось юношамъ выѣзжать до 18 лѣтъ, за исключеніемъ особо уважительныхъ причинъ, такъ какъ въ краѣ имѣлись и учебныя заведенія и частные преподаватели. Для усовершенствованія въ наукахъ можно было ѣздить за границу, но соблюдая извѣстныя предписанія.

Въ цѣляхъ единообразія съ порядками Имперіи, были введены, 16—28 марта 1825 г., послужные списки. Сенатъ оставилъ сначала это требованіе безъ исполненія, почему послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ 9 іюня 1826 г., которымъ повелѣно было списки доставлять генераль-губернатору ⁹⁴³).

По представленію генераль-губернатора гр. А. А. Закревскаго, Государь Императоръ повелѣлъ, чтобы по случаю побѣдъ русскихъ войскъ въ походѣ противъ Оттоманской Имперіи, въ Финляндіи отслужены были благодарственныя молебствія одновременно въ Греко-Россійскихъ и Евангелическихъ церквахъ ⁹⁴⁴).

Корпусъ инженеровъ, состоявшій въ вѣдѣніи Дирекціи чищенія рѣкъ и прорытія каналовъ, уже въ 1822 г. получилъ чины и сравненъ былъ съ офицерами русскаго корпуса инженеровъ.

Проекты новыхъ дорогъ-шоссе и каналовъ Финляндіи велѣно было, по ходатайству гр. Закревскаго, представлять въ Главный Штабъ, для оцѣнки ихъ съ военной точки зрѣнія ⁹⁴⁵).

При планахъ повелѣно было имѣть всегда масштабъ русской мѣры ⁹⁴⁶).

Возможнаго сближенія и объединенія старались достигнуть и другими путями. Такъ, въ 1834 г. на торжество открытія монумента Императору Александру I были отъ Финляндіи командированы прокуроръ Сената Валленъ и членъ Сената Клинковстремъ. Финскій стрѣлковый батальонъ сталъ участвовать въ общихъ смотрахъ войскъ подъ Краснымъ Селомъ. Финляндскіе студенты-стипендіаты отправлялись въ Москву, для усовершенствованія въ русскомъ языкѣ и т. д.

Графъ Ребиндеръ получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и финляндцы были въ восторгѣ; они усматривали въ этомъ, что «Финляндія поставлена на такую же высокую степень чести, какъ и Польша».

Въ 1831 г., когда была окончательно установлена граница между Архангельскою и Улеоборгскою губерніями, финляндскія власти просили Государя повелѣть возобновлять межи и просѣлки каждыя десять лѣтъ. «Но какъ сіе дѣло,—писалъ гр. Ребиндеръ,—кромѣ Финляндіи касается и до другихъ частей Имперіи, то я осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить, не угодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству Высочайше повелѣть дѣлопроизводство по разграниченію... передать управляющему Министерствомъ Юстиціи, или кому Ваше Величество,

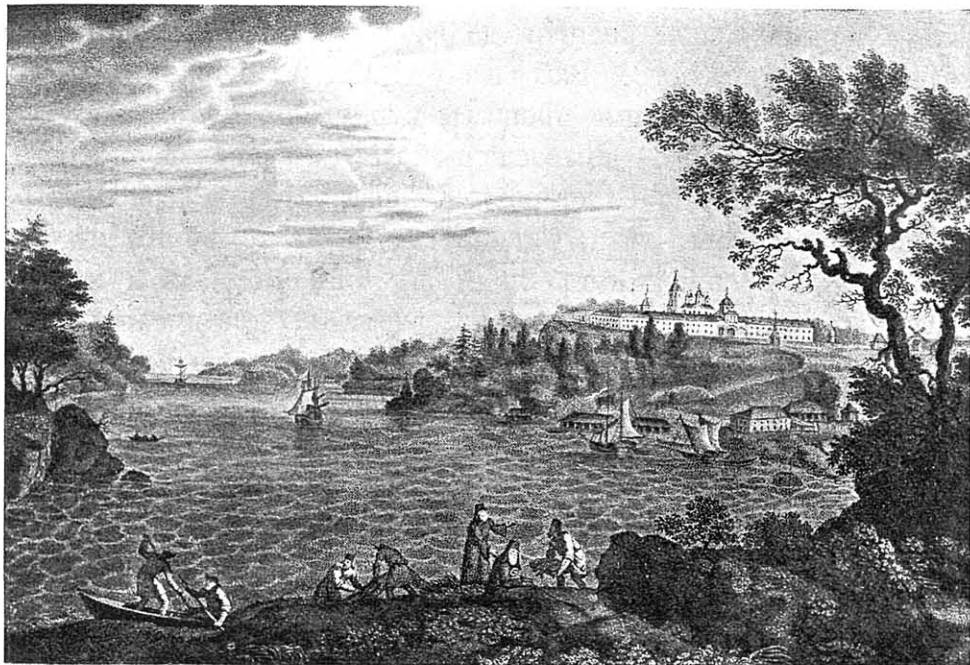
впрочемъ, за благо признаете, для окончательнаго всеподданнѣйшаго доклада Вашему Императорскому Величеству по сему предмету». Государь повелѣлъ передать дѣло въ Министерство Юстиціи. (Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. докл., 1831 г., № 44).

Избирая новаго сенатора, кн. Меншиковъ желалъ, чтобы онъ своими познаніями содѣйствовалъ скрѣпленію взаимныхъ узъ. «Выборгскій губернаторъ Рамзай желаетъ поступить въ Сенатъ,—писалъ (10—22 марта 1834 г.) кн. Меншиковъ своему помощнику Александру Петровичу Теслеву,—и, вѣроятно, присутствіе его будетъ полезно какъ по знанію русскаго языка, такъ и хода дѣлъ въ Петербургѣ, коему чужды другіе члены, такъ какъ къ сему ходу нерѣдко нужно опредѣленіе Сената сблизать формою и уваженіемъ...». Въ то же время въ Старую Финляндію князь желалъ назначить человѣка, «сближеннаго съ нашимъ языкомъ и воспитаніемъ».

Однако въ подобныхъ стремленіяхъ кн. Меншикова не наблюдается постоянства. Когда русскіе интересы сталкивались съ мѣстными, то Меншиковъ чаще оказывался на сторонѣ послѣднихъ.

Въ 1842 г. онъ обратился къ генералъ-адъютанту Геруа съ жалобой на командира выборгской инженерной команды, подполковника Кульмана, творящаго якобы всякія затрудненія жителямъ города, при возведеніи ими построекъ въ чертѣ крѣпостной эспланады. Особенно тяжелымъ для жителей признавался установленный по всѣмъ крѣпостямъ порядокъ представленія проектовъ и смѣтъ обывательскихъ построекъ на разсмотрѣніе инженернаго департамента. Меншиковъ просилъ распоряженія, чтобы всѣ частныя постройки въ Выборгѣ, возводимыя обывателями на ихъ собственной землѣ, были изъяты изъ подъ надзора со стороны Кульмана и инженернаго департамента. Геруа представилъ дѣло Великому Князю Михаилу Павловичу, высказавшись за соотвѣтствіе удовлетворенія желанія Меншикова; Великій Князь съ своей стороны просилъ военнаго министра означенное ходатайство уважить. Отвѣтъ получился такой: «Его Величество не находитъ никакой достаточной причины къ изытію Выборгской крѣпости изъ установленнаго общаго порядка... тѣмъ болѣе, что по близости Выборга отъ С.-Петербурга не можетъ быть никакого затрудненія въ скоромъ разрѣшеніи таковыхъ представленій (Тимченко-Рубанъ).

Жизнь православныхъ протекала въ краѣ тихо и незамѣтно. Объ ихъ существованіи говорили лишь рѣдкія часовни да скромныя маленькія церкви, которыя временами возникали въ разныхъ городахъ. Въ 1838 г. рѣшено было построить каменную церковь въ Або ⁹⁴⁷). Въ 1852 г. въ г. Вазѣ купецъ Лисицынъ пожертвовалъ 10 тыс. р. асс. на сооруженіе церкви; но этихъ денегъ не хватило и, по добавленіи изъ казны 6 тыс. р., церковь была сооружена ⁹⁴⁸). Въ 1832 г. православные города Або впервые

Валаамскій монастырь въ 1836.

получили своего постоянного священника, за что гарнизонъ «съ колѣнопреклоненіемъ» благодарилъ князя.

Въ 1847 г. Академія Наукъ, составляя племенную карту Россіи, вспомнила о православныхъ въ Финляндіи. Академія обратилась къ содѣйствию статсъ-секретаріата, и нужныя свѣдѣнія были собраны; число православныхъ опредѣлили въ 32 тыс. чел. ⁹⁴⁹). Между тѣмъ, по свѣдѣніямъ православнаго духовенства, ихъ оказалось болѣе 43 тыс. чел. ⁹⁵⁰).

Изъ донесенія старшаго священника Кексгольмскаго Рождественскаго Собора, Алексѣя Владыкина, отъ 16 марта 1836 г., узнали, что въ 60 верстахъ отъ Иломанскаго прихода болѣе 40 лѣтъ уже существовалъ раскольничій Паякаламбскій монастырь, устроен-

ный въ лѣсу дикой безлюдной мѣстности. Основалъ его какой-то бѣглый старикъ Маркъ. Въ 1836 г. настоятелемъ монастыря считался торпарь Кирилль Федоровъ, жившій тамъ съ женщиной и работниками. Монастырь вмѣщалъ до 100 человекъ, имѣлъ модельню. Временами въ монастырь наѣзжали изъ окрестностей люди, которые совершали тамъ таинство покаянія. Духовенство считало эту раскольничью секту вредной, не зная, однако, ея обрядовъ и ученія ⁹⁵¹).

Въ подобныхъ случаяхъ кн. Меншиковъ относился къ дѣламъ православной религіи далеко не столь горячо, какъ его предмѣстникъ, гр. Закревскій. Князь попытался было упростить бракоразводные процессы супруговъ, принадлежащихъ къ разнымъ религіямъ—православной и лютеранской, но встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны Синода, крѣпко державшагося формальной стороны дѣла. Синодъ стоялъ на томъ, что мѣстный гражданинъ, вступившій въ бракъ въ Финляндіи, при желаніи развода, обязанъ былъ слѣдовать формамъ, предписаннымъ въ Имперіи, т. е. лично подать просьбу въ Духовную консисторію, написать ее по-русски, на бумагѣ извѣстнаго достоинства и въ извѣстныхъ выраженіяхъ. Но какъ возможно было какому-нибудь бобылю Куопіоской губерніи исполнить всѣ подобныя формальности? Началась, какъ всегда, безконечная и скучная переписка.

Въ иныхъ случаяхъ интересы православныхъ сочувствія кн. Меншикова вовсе не встрѣтили. Коневскій и Валаамскій монастыри, а также Александро-Невская лавра владѣли въ краѣ разными рыбными ловлями и угодьями. Но такъ какъ онѣ являлись предметами частыхъ споровъ, тяжбъ и судебныхъ процессовъ, то кн. Меншиковъ лично просилъ у Государя разрѣшеніе передать эти ловли и угодья въ Финляндское вѣдомство, о чемъ онъ и сообщилъ Высочайшее повелѣніе министру статсъ-секретарю къ исполненію ⁹⁵²). Вѣсы справедливости хотѣли уравнивать тѣмъ, что Финляндское вѣдомство обязали уплачивать монастырямъ и лаврѣ аренду въ 5.500 р. с. ежегодно; но, помимо матеріальной стороны, въ настоящемъ дѣлѣ имѣлась другая—политическая и національная, которой князь явно пренебрегъ.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, за 1844 г., кн. Меншиковъ въ свое оправданіе писалъ: « Другой важный предметъ соображеній Финляндскаго начальства въ настоящее время есть споспѣшествованіе размежеванію земель Выборгской губерніи

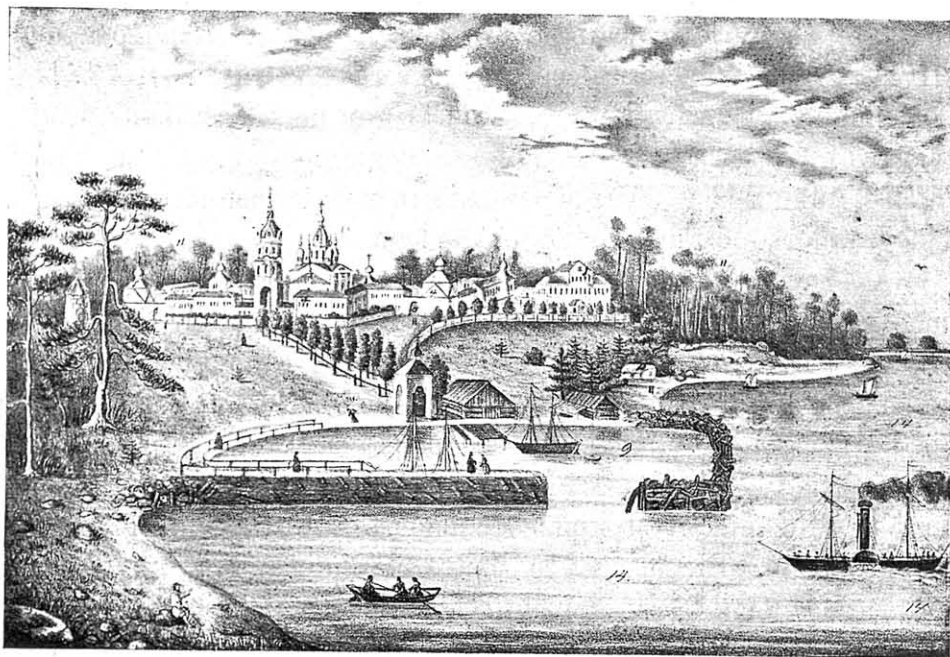
и основанное на немъ оброкоположеніе; мѣрами, уже принятыми, размежеваніе подвинулось, но здѣсь нерѣдко встрѣчаются остановки со стороны владѣній Синодальнаго вѣдомства: земли сіи отдаются обыкновенно на аренду частнымъ людямъ, которые изъ какихъ то расчетовъ неохотно видятъ дѣйствія мѣстнаго начальства къ размежеванію, возникаютъ неудовольствія, тяжбы и, наконецъ, продолжительная переписка съ Синодальнымъ начальствомъ». Чтобы прекратить эти затрудненія, земли отдали финляндскому гражданскому вѣдомству.

Въ іюлѣ 1835 г. крѣпостные валы Фридрихсгама, Кексгольма, Вильманстранда, Роченсальма, Кюмень-города и Нейшлота переданы были финляндскимъ гражданскимъ властямъ. Въ 1844 г. кн. Меншиковъ возбудилъ ходатайство о передачѣ Выборгскаго Шлосса въ гражданское вѣдомство подъ тюрьму. По настоянію военнаго министра и по соображеніямъ хозяйственнаго характера это ходатайство было однако отклонено ²³³).

Судя по заявленію кн. Меншикова, въ Финляндіи все устраивалось прекрасно: населеніе отличалось не только глубокой преданностью Монарху, но само стремилось къ единенію съ Россіей. Вотъ подлинныя слова его отчета за 1844 г.: «Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что во всѣхъ выраженіяхъ народнаго чувства видна прочная вѣрноподданническая преданность къ Престолу Монаршему и признательность къ попеченіямъ Вашего Императорскаго Величества о благосостояніи края, съ сохраненіемъ дарованныхъ ему коренныхъ законовъ.

«По врожденнымъ свойствамъ финна, онъ болѣе всего страшится прикосновенія къ привычнымъ формамъ его быта, при всякой рѣзкой перемѣнѣ его недовѣрчивое воображеніе грозитъ ему отчужденіемъ родного языка и закона, которые онъ любитъ, какъ самого себя, но тотъ же самый финнъ, успокоясь въ этомъ отношеніи, стремится доброю волею къ перенятію нравовъ и обычаевъ Имперіи, съ которою соединилъ его Престоль Вашего Императорскаго Величества, здѣсь онъ ищетъ службы и сюда старается помѣстить дѣтей своихъ на воспитаніе. Вникнувъ въ это свойство и удостовѣрясь внимательнымъ наблюденіемъ, что въ частностяхъ не трудно примирить финляндца съ новыми правилами и понятіями, если они не представляются ему, какъ разрушители формъ, отъ колыбели въ немъ вкоренившихся, Финляндское начальство, въ подносимыхъ Вашему Императорскому Величеству предположеніяхъ своихъ,

имѣть всегда въ виду постепенность, не потрясающую кореннаго зданія финляндскихъ нравовъ и законовъ; такимъ образомъ, управленія Финляндіи незамѣтно приняли уже другой видъ, русскій языкъ вводится въ преподаваніе учебныхъ предметовъ не только безъ ропота, но съ внушеніемъ признательности; такимъ образомъ Финляндское начальство полагало бы необходимымъ, совершить и предписанную Вашимъ Императорскимъ Величествомъ новую кодификацію, по его убѣжденію, на изученіи мѣстныхъ нравовъ основанному, необходимо расположить эту кодификацію въ порядкѣ,

Видъ Рождественскаго Коневскаго монастыря.

примѣняющемся къ расположенію статей Финляндскаго уложенія, и если нужно дать ей и другую форму, близящуюся къ Своду Законовъ Имперіи, то издать ее независимо отъ первой и не въ обязательное руководство, а въ видѣ частной ручной книги. Когда опытъ достаточно ознакомитъ Финляндію съ этою книгою, и мало по малу приучитъ глаза къ новому ея расположенію, тогда желаніе принять ее будетъ само собою проявляться и тѣмъ укажетъ время ввести ее постоянно, не возбудивъ ни опасеній, ни ропотовъ, которые теперь были бы неминуемы.

«Вообще, эта постепенность, принятая Вашимъ Императорскимъ Величествомъ во всѣхъ мѣрахъ, могущихъ касаться основныхъ

понятій сего края, изгладить непримѣтно финляндскую національность и тѣмъ облегчить и ускорить достиженіе эпохи полного гражданскаго и нравственнаго сліянія сей области съ Имперією, сліянія тѣмъ болѣе прочнаго и надежнаго, что, исходя, такъ сказать, изъ самаго сердца Финляндіи, оно утвердится на законахъ, уже вполне постигнутыхъ, и на обычаяхъ, уже сроднившихся съ понятіями каждаго вѣроподданнаго» ⁹⁵⁴).

Отчеты и донесенія кн. Меншикова всегда возбуждали сомнѣніе; изслѣдователи давно подмѣтили, что князь охваченъ однимъ стремленіемъ: угодить грозному Повелителю и сохранить свое высокое положеніе. Отчетъ 1844 г.—новое подтвержденіе прежнихъ выводовъ. Никакого сближенія съ Россіей финляндцы добровольно не домогались; никогда они не горѣли желаніемъ пристроить своихъ дѣтей въ русскія школы и т. п. Все это плоды услужливой фантазіи князя, его измышленія.

Поучительно сопоставить съ мнѣніемъ князя отзывы Е. В. Иванова, долгое время жившаго среди финляндцевъ.

Въ 1835 г. онъ проѣхалъ по всѣмъ прибрежнымъ приболотническимъ городамъ Финляндіи, наводя справки о привозѣ въ край ржи изъ Швеціи. Попутно онъ характеризуетъ отношенія ихъ жителей къ Россіи. Въ большинствѣ случаевъ его характеристика благопріятна для мѣстныхъ жителей. Исключеніе составилъ г. Бьернеборгъ, гдѣ жители «весьма непріязнены», кромѣ стараго бургомистра Юнсона. Въ г.г. Вазѣ, Брагестада, Улеоборгѣ и Торнео «купцы привязаны къ русскимъ», «простонародье остается весьма довольнымъ подъ русскимъ правленіемъ», особенно предупредительны къ русскимъ были въ г. Брагестада. «Правда,—продолжаетъ онъ,—финляндцы служатъ Государю Нашему безъ упрека, съ похвалою, съ энтузіазмомъ, но правда также и то, что во многихъ отношеніяхъ чувство прикрито нуждою, необходимостью существованія или привязанностью къ выгодамъ, къ почестямъ. Истиннаго, душевнаго расположенія къ русскимъ, дѣйствительно, нѣтъ въ большей части финляндцевъ». «Абовцы и всѣ финляндцы не менѣе однакожь считаютъ себя несвободными, недовольными подъ русскимъ правленіемъ» ⁹⁵⁵).

«Осторожность никогда не излишня,—разсуждаетъ нашъ наблюдатель. Смерти бояться не должно, но лучше умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели курицею подъ ножомъ». Исходя изъ этого положенія, Ивановъ указываетъ на разбросанность русскихъ войскъ

по обывательскимъ квартирамъ. Мнѣніе Иванова кн. Меншиковъ призналъ неосновательнымъ, но, однако, рѣшилъ вытребовать его къ себѣ, для дачи болѣе обстоятельныхъ указаній ⁹⁵⁶). Продолжавшіяся наблюденія Е. Иванова (октябрь 1837 г.) не вселили въ немъ довѣрія къ финляндской преданности. Онъ подмѣтилъ, что финляндцы употребляли большія старанія скрывать то, что имъ нежелательно доводить до свѣдѣнія русскихъ властей, и дѣлать неважнымъ важное, когда это имъ выгодно и нужно. Финны изувѣчили двухъ казаковъ, и даже губернаторъ Л. Г. Гартманъ не склоненъ былъ донести объ этомъ событіи. «Отчего?—спрашиваетъ Е. Ивановъ. Тутъ нѣтъ заговора, но есть ненависть къ русскимъ, и она велика и обща». «И многіе изъ лучшихъ финляндцевъ и изъ тѣхъ, кои кажутся къ намъ приверженными, повѣрьте, въ душѣ—финляндцы. Дай Богъ, чтобъ это была неправда, чтобъ я обманывался,... но кавалеристы не вѣрятъ лошади, даже смирной». Въ то же время Е. В. Ивановъ признаетъ «чрезвычайную привязанность» финляндцевъ къ Александру I.

«Странно, женщины-финляндки, какъ изъ лучшаго состоянія, такъ и изъ простыхъ, вовсе не раздѣляютъ непріязненности мужчинъ-финляндцевъ къ русскимъ и къ Россіи; напротивъ, онѣ весьма привязаны къ русскимъ; только нѣкоторыя старухи не жалуютъ русскихъ» ⁹⁵⁷). Прошло болѣе 25 лѣтъ со времени присоединенія Финляндіи, но простой народъ,—по наблюденію Е. В. Иванова,—продолжалъ думать, что Швеція несравненно сильнѣе Россіи войсками, и пожелаи только «нашъ король», то Финляндія опять будетъ его. Финны недовольны, что высокая шведская пошлина закрывала доступъ ихъ товарамъ въ Швецію. Петербурга финны Новой Финляндіи не знали, русскихъ денегъ боялись, русскимъ не вѣрили. Русскія деньги брали лишь для оплаты казенныхъ податей, да за перевозку почты (май 1837 г.). Финнамъ не нравилось, что названіе ландсгевдингъ было замѣнено словомъ губернаторъ.

Но особенно Е. В. Ивановъ насторожился, когда замѣтилъ, что у финляндцевъ стали возникать разныя общества. Надо полагать, что тутъ Е. В. Ивановъ платилъ общую дань духу времени. Въ 1837 г. Гартманъ образовалъ въ Або Финляндское ботаническое общество, для разведенія въ Або ботаническаго сада. Е. Ивановъ, зная скупость финляндцевъ, заподозрилъ въ затѣѣ политическую цѣль. «Впрочемъ,—прибавляетъ онъ—это моя соб-

ственная догадка, которая можетъ быть и не подтвердится; но—простите мнѣ—не вѣрю я финляндцамъ, не положу имъ пальца въ ротъ, хотя и пользуюсь привязанностью ихъ». Общество стрѣлковъ въ Або разстроилось, и Е. В. Ивановъ предполагалъ, что на смѣну его явилось ботаническое общество (сентябрь 1837 г.). Въ ноябрѣ 1837 г. Гартманъ задумалъ охотничье общество—общество егерей, и Е. Ивановъ опять въ тревогѣ. «Общество сіе будетъ имѣть возможность вездѣ быть, собираться и совѣщаться. Комендантъ Дершау, хотя благонамѣренный, но тихій и лѣнивый, не всегда будетъ присутствовать въ сихъ собраніяхъ. До сихъ поръ не видно, однако, ничего подозрительнаго, политическаго»,—честно заявляетъ этотъ строгій наблюдатель. Когда общество егерей выстроило для себя домъ, для обученія стрѣльбѣ, Е. Ивановъ особенно встревожился. «Здѣсь кажется скрытая, отдаленная цѣль; время покажетъ, основательно ли подозрѣніе мое». Въ Европѣ было неспокойно, Россіи финляндцы не любили. Все это беспокоило патріота. Е. В. Ивановъ неодобрительно посматривалъ даже на финляндскіе пароходы. Одинъ изъ нихъ въ 90 лошадиныхъ силъ, по его мнѣнію, слишкомъ великъ для Або, даже для всей Финляндіи» (ноябрь 1837 г.).

Е. В. Иванову нельзя отказать ни въ умѣ, ни въ наблюдательности; хотѣлось бы сказать, что онъ излишне подозрителенъ и недовѣрчивъ, но теперь, когда передъ нами развернулась Финляндія послѣднихъ лѣтъ, мы должны признать въ Е. В. Ивановѣ большую прозорливость и основательное изученіе финляндскаго характера.

Русскіе уживались въ краѣ хорошо. Тихая, дешевая жизнь, отсуствіе обременительной роскоши привязывали ихъ къ странѣ. «Я говорилъ со многими образованными офицерами, и всѣ они хвалятъ Финляндію»,—отмѣтилъ въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ Ѳаддей Булгаринъ ⁹³⁸). Привлекательной оказывалась и нравственная сторона финновъ. Нравственность стояла высоко, вслѣдствіе того, что города были малы, крестьяне жили отдѣльно а помѣщики проводили время въ своихъ мызахъ. При такихъ условіяхъ, всѣ знали другъ друга, каждый смотрѣлъ на сосѣда, и потому семейная жизнь удерживалась въ предѣлахъ, предназначенныхъ закономъ и общественными требованіями ⁹³⁹).

Хорошо уживался въ Финляндіи около этого времени извѣстный поэтъ Е. А. Боратынскій. Страна суровой мечты и пе-

чальнаго раздумья имѣла тонкую аналогію съ господствовавшимъ его настроеніемъ и его печальной судьбой. Въ своихъ поэмахъ «Эддѣ» и «Пирахъ»—онъ воспѣлъ красивый гимнъ ея природѣ. Для облегченія его положенія, онъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ, гдѣ сдружился съ адъютантами генераль-губернатора, Н. В. Путятой и А. А. Мухановымъ, и былъ принятъ въ оживленномъ домѣ гр. А. А. Загревскаго. «Не представлять впредь до повелѣнія» къ производству Боратынскаго, гласила строгого резолюція Государя. Однако, прощеніе было испрошено, и поэтъ, по выраженію партизана Давыдова, сіялъ, «какъ мѣдный грошъ». Боратынскій навсегда сохранилъ признательность къ своему благодѣтелю Закревскому и расположеніе къ Финляндіи. «Пріѣзжай, милый Путята, поговоримъ еще о Финляндіи, гдѣ я пережилъ все, что было живаго въ моемъ сердцѣ». «Какъ я живо помню Гельсингфорсскую жизнь. Повѣришь-ли, что я бы съ большимъ удовольствіемъ теперь навѣстилъ ее? Въ этой странѣ я нашелъ много добрыхъ людей, этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе поэты. «Прощай, свобода, прощай, поэзія!»—писалъ Боратынскій, покидая Финляндію. Прощай, отчизна непогоды, угрюмая страна..... гдѣ солнце пасмурно сіяетъ, гдѣ сосенъ вѣчный шумъ и моря ревъ—и все питаетъ безумье мрачныхъ думъ.....».

Поѣздка молодого Я. К. Грота лѣтомъ 1837 г. на Иматру и въ Гельсингфорсъ возбудила въ немъ живой интересъ къ своеобразному краю. На слѣдующій годъ онъ повторяетъ свою поѣздку и знакомится съ Рунебергомъ въ Борго. Въ 1839 г. онъ вновь въ Гельсингфорсѣ и занятъ уже поисками матеріала для изученія финскаго эпоса «Калевала». Поэтъ В. А. Жуковскій рекомендуетъ Грота гр. Р. И. Ребиндеру, и тотъ беретъ его, въ 1840 г., чиновникомъ особыхъ порученій. Въ дни университетскаго юбилея Гротъ принимаетъ уже дѣятельное участіе въ сближеніи финляндцевъ съ русскими, пишетъ статьи о Финляндіи въ «Современникѣ», печатаетъ часть перевода Тегнеревой поэмы «Фритіофсъ-сага».

Я. К. Гротъ переселился въ Гельсингфорсъ. Насталъ медовый мѣсяцъ его финляндской жизни. Въ 1840 г. Плетневъ проводитъ у него лѣто въ Гельсингфорсѣ. Въ его дружеской перепискѣ съ

П. А. Плетневымъ читаемъ: «Мнѣ все представляется прелестнымъ только въ одной Финляндіи». «Надобно отдать финнамъ справедливость, что они прямодушны и честны». «Я желалъ бы остаться навсегда въ Финляндіи» ⁹⁶⁰). «Къ счастью, въ нихъ есть столько прекраснаго, благороднаго, что примѣненіе (къ ихъ жизни) для меня вовсе не тягостно. Дружелюбіе, которое мнѣ вездѣ оказываютъ, не можетъ не трогать меня, и чѣмъ болѣе я узнаю финновъ и Финляндію, тѣмъ болѣе цѣню ихъ. Если я найду съ ихъ стороны взаимность, то могу быть вполне доволенъ» ⁹⁶¹). «Лѣтомъ ты проводишь счастливую жизнь,—отвѣчаетъ ему петербуржецъ.—Что можетъ быть пріятнѣе и полезнѣе переѣздовъ по странѣ, въ которой красота природы въ гармоніи съ чистотою нравовъ жителей и ихъ образованностію? Въ прежнее время Швейцарія представляла что-то подобное. Теперь и тамъ ужасы революціи затмили прелести картинъ природы. Да, я готовъ думать, что для моей или твоей души только и осталось въ Старомъ Свѣтѣ одна страна, гдѣ мы найдемъ счастье по нашему понятію,—это Финляндія. Если бы я могъ владѣть двумя господствующими въ ней языками, я не усомнился-бы усвоить ее себѣ, какъ отечество» ⁹⁶²). «Поклоновъ тысячу всѣмъ моимъ роднымъ финляндцамъ» ⁹⁶³),—значится въ концѣ письма П. А. Плетнева. «Скажите всѣмъ имъ, что никогда не перестану я гордиться ихъ дружествомъ и вездѣ буду говорить, что я понималъ прямое счастье только въ Гельсингфорсѣ, почему и старикъ Клинковстремъ иначе не зоветъ меня, какъ нашъ добрый финляндецъ» ⁹⁶⁴). «Тайный совѣтникъ Гартманъ не ошибся, что я люблю Финляндію отъ чистаго сердца» ⁹⁶⁵). «Пошли доброй Финляндіи генія-хранителя» ⁹⁶⁶). Подобными сердечными изліяніями полны письма Грота и Плетнева.

Въ 1841 г. Высочайшимъ приказомъ Я. К. Гротъ опредѣленъ ординарнымъ профессоромъ русской словесности и исторіи при Александровскомъ университетѣ, и тонъ его писемъ сразу значительно мѣняется. «Сколько я замѣчаю,—сообщалъ онъ,—старики были чрезвычайно изумлены этою новостію; ихъ возмущаетъ не только совершенное въ этомъ случаѣ отстраненіе того тяжкаго пути, какимъ они всѣ достигли той-же (профессорской) степени, но и то, что для одного и еще не очень милаго имъ предмета, учреждены двѣ кѣдры и три преподавателя». Я. К. Гротъ, назначенный профессоромъ, дѣлаетъ визиты своимъ новымъ сослуживцамъ. «Почти всѣми былъ принятъ довольно холодно и какъ-будто съ

нѣкоторою недовѣрчивостію» ⁹⁶⁷). «Принять настолько холодно и по менторски», что онъ нѣсколько разъ плакалъ. Я вижу,—отвѣчаетъ огорченный П. А. Плетневъ,—что они поступали въ отношеніи къ намъ не столь добросовѣстно, какъ мы съ тобой привыкли ожидать отъ нихъ. Какъ можно, принадлежа Россіи, пренебрегать ея исторіею. Это простительно въ Упсалѣ, а не въ Гельсингфорсѣ. Вотъ, чего я имъ не прощаю; это простительно въ Европѣ, которая не имѣетъ обязанности знать насъ, а не въ Финляндіи, которая

Яковъ Карловичъ Гротъ.

при случаѣ раболѣпствуетъ передъ нашимъ правительствомъ. Тутъ есть что-то (къ ужасу моему) безнравственное. Смѣшно толковать, что они утратятъ древнюю ученость отъ русскаго языка. Это не ружье, не барабанъ, а такой-же предметъ изученія, какъ и языки финскіе, за которыми они-же сами просятся въ Сибирь. Какъ люди полны противорѣчій! Студентамъ, готовящимся въ ученое званіе, совсѣмъ не лишнее знать русскій языкъ» ⁹⁶⁸). Размышляя о случившемся, П. А. Плетневъ не можетъ найти оправданія поведенію финляндцевъ. «Не могу понять, отчего профессорамъ (не

понимающимъ ни слова по-русски) непріятно, что русскій языкъ отданъ въ твое полное завѣдываніе? Вѣдь они были-же недовольны, что Соловьевъ—безполезный членъ университета?» ⁹⁶⁹).

Плетневъ совѣтуетъ оставить деликатность, когда дѣло касается истины, сохранить тонъ умѣренности и вниманія, но не угодливости. «Нѣтъ, ты это твердо помни, что тебя сдѣлали апостоломъ русскаго языка въ чухонской землѣ». «Армфельтъ,—продолжаетъ П. Плетневъ,—мнѣ объявилъ, что онъ знаетъ все, бывшее между профессорами, по случаю твоего назначенія. Онъ очень недоволенъ ими и разсуждалъ весьма основательно. Форма производства тебя въ доктора до профессорства не могла имѣть тутъ мѣста, какъ онъ объяснялъ основательно. Кто бы сталъ экзаменовать тебя по рус-

ской литературѣ въ ихъ университетѣ? Притомъ-же и въ Швеціи короли назначали иногда профессоровъ безъ формы. Я привелъ ему въ примѣръ Тегнера. Армфельту болѣе всего это потому досадно, что профессора должны-бы подавать хорошій примѣръ студентамъ; и они могутъ ихъ встревожить» ⁹⁷⁰).

Итакъ, друзьямъ, увлекавшимся финляндцами, друзьямъ, которые сердечно полюбили ихъ и думали только о процвѣтаніи ихъ края ⁹⁷¹), пришлось пережить нѣсколько непріятныхъ разочарованій. «Я плакалъ отъ несправедливости людей, которыхъ прежде уважалъ». Таково новое признаніе Я. К. Грота ⁹⁷²). «Онъ увидѣлъ и созналъ ихъ «односторонность» ⁹⁷³). «Странный тонъ, принятый съ тобою нѣкоторыми профессорами, разочаровываетъ меня насчетъ самой Финляндіи» ⁹⁷⁴),—признается его другъ. Вотъ каковы друзья! восклицаетъ онъ. Годъ восхищались въ тебѣ всѣмъ, а теперь нахмурились» ⁹⁷⁵).

Петръ Александровичъ Плетневъ.

Я. К. Гроту предстояло приступить къ дѣлу. Возникъ тяжелый вопросъ, на какомъ языкѣ читать лекціи? Долго друзья переписывались по этому предмету, видя какимъ камнемъ преткновенія онъ является на ихъ пути. «Отказываться отъ русскаго языка и по-шведски проходить исторію политическую и литературную нашего отечества будетъ противно видамъ и правительства»,—разсуждалъ, сидя въ Петербургѣ, П. А. Плетневъ. Я не согласенъ съ Акіандеромъ, чтобы начать тебѣ по-шведски исторію литературы. Начни, пожалуй, и по-шведски, но исторію политической Россіи» ⁹⁷⁶). Иначе разсуждалъ Я. К. Гротъ, которому въ Гельсингфорсѣ приходилось практически осуществлять дѣло. Ему казалось лучше читать по-шведски, «нежели читать по-русски и быть худо понятымъ» ⁹⁷⁷). П. А. Плетневъ стоялъ на своемъ. «Я не перестаю думать, что ты не долженъ

по-шведски читать... Ты опредѣленъ для усиленія успѣховъ русскаго языка».

На второй годъ Я. К. Гротъ (въ сентябрѣ 1842 г.) сообщалъ: «Я читалъ по-русски, но со шведскими объясненіями. Послѣ лекціи говорилъ со студентами, и они сознались, что почти ничего не понимали въ русскомъ чтеніи, почему и просили читать впередъ гораздо потише» ⁹⁷⁸).

Я. К. Гротъ началъ свои чтенія при переполненной аудиторіи. «Вышелъ я изъ университета съ триумфомъ» ⁹⁷⁹). «Опять множество слушателей, но уже поменьше ⁹⁸⁰). Въ университетѣ опять большая аудиторія, и Теслевъ уже тамъ» ⁹⁸¹). «Слушателей поменьше: очень естественно» ⁹⁸²). «На лекціи своей опять нашелъ мадамъ Котенъ и Норденшельда съ женой. Студентовъ набѣжало бездна». Такъ гласятъ его отчеты о первыхъ выступленіяхъ ⁹⁸³).

Дѣятельность Я. К. Грота не ограничилась однѣми лекціями.

Въ 1842 г. появляется его «Альманахъ въ память 200-лѣтія юбилея Императорскаго Александровскаго университета»; онъ организуетъ отдѣльную русскую библіотеку; онъ наблюдаетъ за изданіемъ шведско-русскаго словаря. Трудъ этотъ началъ въ 1841 г. чиновникъ статсъ-секретаріата Хурнборгъ (Hornborg); надъ словаремъ работалъ еще профессоръ Эрстремъ (Ehrström), но Мерманъ и Гротъ передѣляли, исправляли и окончили эту большую и полезную работу. Я. К. Гротъ вращался въ высшихъ кругахъ Гельсингфорса, онъ объѣхалъ Финляндію, побывалъ въ ея главнѣйшихъ городахъ, познакомился съ ея литературнымъ и ученымъ міромъ. Много писалъ о ней, много переводилъ для нея, составилъ учебники, примѣняясь къ требованіямъ времени. Вообще онъ велъ порученное ему дѣло широко, умно и не только старательно, но въ высшей степени добросовѣстно. Онъ искренно полюбилъ Финляндію, онъ сердечно желалъ вселить въ другихъ расположеніе къ ней и въ то же время вызвать въ финляндцахъ интересъ и расположеніе къ Россіи. Какой теплотой и искренностью дышатъ письма Я. Грота Г. Рунебергу! «Знакомство съ Рунебергомъ и Ленротомъ—дорогое и неизгладимое воспоминаніе лучшихъ лѣтъ моего пребыванія въ Финляндіи»,—читаемъ въ письмѣ Якова Карловича ⁹⁸⁴).

Друзья (Гротъ и Плетневъ) многократно обдумывали, какъ лучше изучить Финляндію, какъ существеннѣе помочь ей, какъ цѣлесообразнѣе поставить преподаваніе русскаго языка. «Перевертывайте передъ ними разныя русскія статьи, чтобы возбудить

въ нихъ любопытство къ русскому языку. Я все надѣюсь, что съ нынѣшняго лѣта произойдетъ замѣтная перемѣна въ ихъ образѣ мыслей на счетъ русскихъ. Рескриптъ Наслѣдника, отвѣтъ ихъ на русскомъ языкѣ, появленіе журнала, гдѣ столько говорится о Финляндіи, знакомство ректора съ такимъ множествомъ финляндскихъ фамилій, все это для Гельсингфорса—эпоха. По крайней мѣрѣ, со мною такъ думаетъ Ал. Армфельтъ», сообщалъ А. П. Плетневъ ⁹⁸³).

Не упуская Я. К. Гротъ также случая побесѣдовать и посоветоваться съ видными мѣстными дѣятелями. «Въ кабинетѣ Гартмана засталъ я Котена и мы втроемъ разговаривали, болѣе всего о средствахъ поднять ученіе русскаго языка въ Финляндіи. Это доставило мнѣ много новыхъ идей» ⁹⁸⁶).

П. Плетневъ и Я. Гротъ оказали большую услугу Финляндіи не только тѣмъ, что обдумали и установили планъ преподаванія русскаго языка въ краѣ, но они внесли и передали свою любовь и расположеніе къ Финляндіи во Дворецъ Русскаго Монарха и его августѣйшей семьи. Благодаря горячимъ стараніямъ друзей, увлеченныхъ финляндцами, они были аттестованы Государю съ наилучшей стороны. «Я сказалъ Наслѣднику Цесаревичу,—пишетъ П. А. Плетневъ,—какъ его рескриптъ былъ принятъ съ восхищеніемъ финляндцами и далъ ему самое выгодное понятіе объ этомъ народѣ и самой странѣ. Вел. Кн. Ольгѣ Николаевнѣ описалъ праздники. Думаю, что они оба будутъ заинтересованы нашими земляками» ⁹⁸⁷)... Изъ другого его письма узнаемъ, что Вел. Кн. Ольга Николаевна продолжала рисовать портретъ, «а я предложилъ ей чтеніе вашей статьи о финской поэзіи. Намъ часто приходилось говорить о васъ и о Финляндіи. Она очень умно замѣтила, что тамъ должно быть особенно привлекательно, потому что кто ни побываетъ въ Финляндіи, всѣ ее до безумія хвалятъ; она въ примѣръ привела Демидову (Аврору Карамзину), которая всякій разъ съ умиленіемъ вспоминаетъ о своей родинѣ. Разумѣется, я не поспешилъ на похвалы нашей матушки чухонщины» ⁹⁸⁸)... «Да я-же и по пристрастію къ финляндцамъ не захочу передъ кѣмъ-нибудь представить ихъ туполобыми или вздорными» ⁹⁸⁹)... «Когда я вообще хвалилъ финляндцевъ, Великій Князь прибавилъ, что они честны и благородны» ⁹⁹⁰). Прекрасная и доброжелательная душа Я. К. Грота еще разъ раскрывается въ слѣдующихъ его словахъ: «Записка, поданная Наслѣднику, есть дѣло, за которое вся

Финляндія должна быть благодарна вамъ (Плетневу). Дай Богъ, чтобы эта записка возбудила въ Его Величествѣ участіе къ краю» ⁹⁹¹). Лучшей рекомендаціи Финляндіи, чѣмъ дали ей русскіе друзья при Дворѣ, трудно было придумать; болѣе горячей пропаганды, чѣмъ они вели, не могли вести и сами финляндцы.

Миссія Грота заключалась въ насажденіи въ Финляндіи русскаго языка. Взаимное пониманіе—важнѣйшее средство сближенія. Для этого финляндцамъ приходилось ознакомиться съ русскимъ языкомъ. Шаги въ этомъ направленіи дѣлались, но слабые и нерѣшительные. Власти и учрежденія видѣли, что невозможно обойтись безъ общаго государственнаго языка, но всегда ограничивались полумѣрами.

Въ Комиссіи Финляндскихъ дѣлъ давно убѣдились въ необходимости излагать свою переписку на шведскомъ и русскомъ языкахъ. Что же касается Сената и канцеляріи генераль-губернатора, то они вплоть до прибытія въ край А. Закревскаго продолжали обходиться безъ русскаго языка въ своемъ дѣлопроизводствѣ. Но А. Закревскій не согласился состоять лишь по имени начальникомъ края и заявилъ, что генераль-губернаторъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не предсѣдательствуетъ въ Сенатѣ, обязанъ знать все, что тамъ происходитъ. Такимъ образомъ, возникъ вопросъ о переводчикахъ и не только въ Сенатѣ и канцеляріи генераль-губернатора, но и въ губернскихъ управленіяхъ. Сенатъ пытался заявить, что губернаторы 14 лѣтъ обходились безъ переводчиковъ и казнѣ нѣтъ надобности расходоваться на нихъ; но съ подобными доводами не согласились ни губернаторы, ни начальникъ края и всюду учреждены были должности казенныхъ переводчиковъ.

На этомъ не могли, конечно, остановиться, такъ какъ естественно пришлось подумать о подготовленіи контингента переводчиковъ и чиновниковъ, свѣдущихъ въ русскомъ языкѣ. Какъ одну изъ мѣръ поднять значеніе государственнаго языка въ системѣ преподаванія, А. Закревскій предложилъ, въ 1827 г., учрежденіе каѳедры этого языка при университетѣ или умноженіе его преподавателей.

Гр. Ребиндеръ всегда былъ увѣренъ въ пользѣ и необходимости принятія мѣръ, клонящихся къ тому, чтобы учащееся юношество, пріобрѣтая другія общепользныя свѣдѣнія, «достигло при университетѣ познанія въ Россійскомъ языкѣ», но въ то-же время онъ усмотрѣлъ большія препятствія къ учрежденію каѳедры въ Або, такъ

какъ въ Финляндіи не было лица, подготовленнаго для ея занятія, а въ Россіи едва-ли можно было найти человѣка, владѣвшаго одновременно и шведскимъ языкомъ ⁹⁹²).

Конечно, трудно было разсуждать о каедрѣ, когда русскій языкъ въ Гельсингфорсѣ преподавался въ то время нѣсколькими учителями кантонистами, т. е. нижними чинами. Въ августѣ 1826 г. въ Гельсингфорсѣ была переведена рота военныхъ кантонистовъ и къ помощи ихъ учителей прибѣгали нѣкоторые родители, желавшіе обучить своихъ дѣтей русскому языку. Эти учителя преподавали во многихъ частныхъ домахъ, «отчего происходила значительная обоюдная польза». Но въ 1828 г. рота кантонистовъ поступила въ вѣдѣніе бригаднаго командира и тотъ воспретилъ эти частные уроки и «такимъ образомъ прекратилось успѣшное распространѣніе русскаго языка» между жителями города. Генераль-губернаторъ обратился къ начальнику штаба военныхъ поселеній, генераль-адъютанту Клейнмихелю, прося отмѣнить распоряженіе бригаднаго командира. Право учителей было возстановлено, но подоспѣла другая бѣда: роту кантонистовъ вскорѣ вывели въ Россію. Тогда прибѣгли къ новой мѣрѣ. А. Закревскій сталъ хлопотать о томъ, чтобы два учителя кантонистовъ (Шитиковъ и Саламатинъ) для пользы юношества были оставлены въ Гельсингфорсѣ. Ихъ оставили и въ награду за распространѣніе русскаго языка этихъ нижнихъ чиновъ пожаловали въ чиновники 14 класса. Ихъ уволили съ военной службы и стали давать вспомошествованіе изъ суммы, предназначенной для переводчиковъ канцеляріи генераль-губернатора ⁹⁹³).

Никогда въ Финляндіи не было столько сдѣлано для распространѣнія знанія русскаго языка, какъ въ сороковыхъ годахъ:

Министръ Статсъ-Секретарь
Гр. Александръ Армфельтъ.

при Дворѣ хлопоталъ П. А. Плетневъ; во время всеподданнѣйшихъ докладовъ сочувственно къ дѣлу высказывался гр. А. Армфельтъ; въ Финляндіи работалъ и развѣзжалъ Я. К. Гротъ. Письма, которыми обмѣнивались дѣятели того времени, полны указаній, что инициаторами дѣла являлись П. А. Плетневъ и Я. К. Гротъ, а опорой ихъ былъ гр. А. Армфельтъ. Графъ часто сообщалъ Я. К. Гроту: «Его Высочество,—т. е. Августѣйшій Канцлеръ университета,—интересовался вашимъ проектомъ» (11—23 іюня 1841 г.); «составленный вами зимой проектъ, сообщенный мною кн. Меншикову, намъ возвращенъ и получилъ его одобреніе» (8 мая 1844 г.). «Благодарю за все, что вы мнѣ пишете. Я говорилъ съ княземъ (Меншиковымъ) о необходимости принять окончательное рѣшеніе касательно изученія русскаго языка въ школахъ и гимназіяхъ» (10 іюня 1851 г.). «Не говорю вамъ,—читаемъ въ неопубликованномъ письмѣ гр. А. Армфельта къ Я. К. Гроту,—объ изученіи русскаго языка... вы этотъ вопросъ изучили лучше кого-бы то ни было и знаете, какъ мы должны быть осторожны въ нашихъ поступкахъ, чтобы не скомпрометировать правительства или университета. Ваши взгляды на этотъ предметъ совершенно вѣрны и я убѣжденъ, что цѣль будетъ достигнута, если дѣйствовать осторожно и настойчиво. У насъ все возможно, лишь-бы были соблюдены формы» ⁹⁹⁴). Подобныя указанія гр. Армфельтъ не разъ давалъ Я. К. Гроту и самъ совѣтовался съ нимъ въ откровенныхъ бесѣдахъ, какъ благополучно миновать разныя гельсингфорскія Сциллы и петербургскія Харибды.

Результатомъ этого обмѣна мыслей были многочисленные мѣропріятія правительства по усиленію изученія русскаго языка, по увеличенію содержанія его преподавателямъ, по льготамъ на чинопроизводство учителямъ изъ русскихъ уроженцевъ, по улучшенію вопроса объ ихъ пенсіяхъ и т. п. Высочайшимъ объявленіемъ 4 мая 1841 г. «для вящаго поощренія къ изученію русскаго языка» предоставлены особыя служебныя преимущества тѣмъ финляндцамъ, которые, при равенствѣ всѣхъ прочихъ условій, окажутъ при вступленіи на службу ⁹⁹⁵) наибольшіе успѣхи въ русскомъ языкѣ» ⁹⁹⁶). Въ тотъ-же періодъ времени постановлено было, чтобы впредь провѣрка преподаванія русскаго языка производилась не членами мѣстныхъ духовныхъ консисторій, а особыми экзаменаторами изъ русскихъ уроженцевъ, имѣющими основательныя познанія въ этомъ языкѣ. Всѣми этими мѣрами былъ подгото-

вленъ настолько значительный контингентъ финляндцевъ со свѣдѣтельствами о знаніи ими русскаго языка, что абоская духовная консисторія, 10 іюля 1845 г., выразила желаніе впредь сими финляндцами замѣщать открывающіяся должности преподавателей. Еще ранѣе консисторіи, въ февралѣ 1844 г., въ томъ-же смыслѣ высказался Я. К. Гротъ. Обоюдныя ихъ пожеланія были очень скоро исполнены. 10 сентября 1844 г. гр. Армфельтъ сообщилъ генераль-губернатору, что право на полученіе должностей учителей русскаго языка въ училищахъ, «гдѣ доселѣ требовались исключительно русскіе уроженцы, присваивается окончившимъ курсъ въ Выборгской гимназіи и доказавшимъ на испытаніи, въ присутствіи губернатора и русскаго экзаменатора, сверхъ теоретическихъ, достаточныя практическія познанія въ русскомъ языкѣ; то же право предоставляется и представившимъ аттестаты отъ Россійскихъ университетовъ, что они выказали въ русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, такія познанія, какія требуются въ Имперіи отъ окончившихъ курсъ наукъ въ губернскихъ гимназіяхъ; въ случаѣ же невозможности пріискать учителей, удовлетворяющихъ этимъ условіямъ, допускать и другихъ въ исправляющіе должность съ утвержденія генераль-губернатора...⁹⁹⁷⁾.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ по Финляндіи, представленномъ Императору Николаю I, по случаю 25-лѣтія Его царствованія, т. е. въ 1850 г., сказано, что элементарныя учебныя заведенія края «подверглись преобразованію, соотвѣтственному потребностямъ настоящаго времени, при чемъ было обращено особенное вниманіе на усиленіе средствъ къ изученію русскаго языка»⁹⁹⁸⁾.

Неоспоримо, что всѣми указанными распоряженіями былъ возбужденъ извѣстный интересъ къ русскому государственному языку. Въ Або 1845 г. образовалось общество для практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ; членовъ этого общества насчитывалось до 50 человекъ, по большей части купческаго сословія, и отчасти чиновниковъ. Руководили упражненіями старшій переводчикъ, штабсъ-капитанъ Бехтеевъ и поручикъ Максимолень. Небольшая плата, по три копейки серебромъ въ часъ, дала возможность «неимѣющимъ состоянія прикащикамъ воспользоваться этимъ полезнымъ предпріятіемъ». Инициатива дѣла принадлежала болѣе извѣстнымъ купцамъ города, которые сами приняли участіе въ этихъ практическихъ и разговорныхъ упраж-

пеніяхъ. «Торговья отношенія Финляндіи съ Россіей, которыя съ каждымъ днемъ становились все значительнѣе, требовали знанія русскаго языка отъ каждаго пріѣзжаго и дѣловаго чело-вѣка» ⁹⁹⁹.

Въ сороковыхъ годахъ среди нѣкоторыхъ финляндцевъ держалось сознаніе необходимости изученія языка той великой Имперіи, къ которой Финляндія была присоединена. Это сознаніе наблюдается у гр. А. Армфельта, сенатора Л. Г. Гартмана, губернатора Котена, генерала Мандерштерна, полковника Вендта и др. Но особенно ясно и правильно высказался о значеніи русскаго языка Фабіанъ Колланъ, «Русское образованіе для насъ, финновъ,—заявилъ онъ,—имѣетъ теперь большое значеніе и мы должны съ нимъ освоиться, ибо, благодаря русскому національному языку, его литературѣ и всей русской духовной жизни, мы въ состояніи будемъ вполне вѣрно понять нашихъ восточныхъ сосѣдей и ознакомить ихъ съ нами, такъ какъ это познаніе и во внѣшнихъ проявленіяхъ жизни представляется для насъ крайне необходимымъ» ¹⁰⁰⁰).

Государь Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ интересовались судьбой русскаго языка въ Финляндіи. Въ апрѣлѣ 1841 г. Государь призвалъ къ себѣ графа Ал. Армфельта. При докладѣ Государь спросилъ: «Хорошо ли у тебя учатся по-русски?» Армфельтъ воспользовался случаемъ и объявилъ, что у Наслѣдника есть бумага о преобразованіи этой части. Принесли—и Его Величество подписалъ ¹⁰⁰¹). Уже въ октябрѣ Государь повторилъ свой вопросъ. Объ этомъ гр. А. Армфельтъ сообщилъ Я. К. Гроту: «При послѣднемъ докладѣ моемъ Государю Императору, Его Величество изволилъ съ большимъ участіемъ освѣдомляться о ходѣ обученія Россійскаго языка въ Финляндіи и при этомъ случаѣ благоволилъ Всемилостивѣйше назначить вамъ по тысячѣ рублей въ годъ.» Во время представленія Я. К. Грота канцлеру университета, «Его Высочество спрашивалъ объ успѣхахъ въ русскомъ языкѣ и сказалъ, между прочимъ: «пусть они всегда останутся добрыми финнами, но это не мѣшаетъ имъ учиться по-русски» ¹⁰⁰²).

Съ появленіемъ Я. К. Грота въ университетѣ, русскій языкъ сдѣлался замѣтнымъ предметомъ въ ряду другихъ предметовъ академическаго курса. Съ Гротомъ пришлось считаться. Прежняго профессора—Соловьева—до такой степени игнорировали и третировали, что одинъ студентъ схватилъ его даже за носъ.

Правительство предъявило извѣстныя требованія по русскому языку, но въ то же время дало прекрасныя средства къ ихъ осуществленію. Были отпущены деньги на приобрѣтеніе русскихъ книгъ, учреждены были стипендіи для желающихъ усовершенствоваться въ языкѣ, озаботились участію стипендіатовъ, ѣхавшихъ въ Москву, и т. д.

Въ учебныхъ заведеніяхъ Петербурга для финляндцевъ имѣлось очень значительное число вакансій. Во Второй С.-Петербургской гимназій обучалось 4 пансіонера, въ Третьей гимназій—три, въ Лѣсномъ институтѣ—10, Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ—10, въ Александровскомъ корпусѣ—6 и т. д. Во Второй гимназій они содержались первоначально на счетъ Кабинета Его Величества, а затѣмъ приказано было всѣхъ перевести на статныя суммы финляндской казны. ¹⁰⁰³⁾ Москва, видимо, посѣщалась довольно охотно. Въ 1841 г. отправились туда Урсинъ, Гартманъ, Валленъ и Моландеръ. ¹⁰⁰⁴⁾ Но поѣздка студентовъ въ Москву для изученія русскаго языка въ глазахъ другихъ означала погоню за блестящей карьерой, почему товарищи стали скоро коситься на нихъ и за веселой пирушкой сочинили сатирическіе стишки «Мы ѣдемъ въ Москву» ¹⁰⁰⁵⁾. Какъ только товарищи стали высмѣивать отправлявшихся въ Москву, этому, едва налаженному и вполнѣ естественному, средству сближенія было воздвигнуто не малое препятствіе. Товарищескія остроты и общественное презрѣніе дали новый толчекъ къ проявленію патріотизма. Одинъ изъ способныхъ студентовъ, ѣздившихъ въ Москву, Германъ Моландеръ, писалъ: «Было чудное утро... Мы уѣли на тройку, направляясь по необъятнымъ степямъ Россіи, къ мѣсту дорогому намъ, потому что это наша родина, къ мѣсту дорогому мнѣ, потому что я ближе къ Финляндіи». «Къ стыду моему,—продолжаетъ Моландеръ,—я долженъ сознаться, что одно время я колебался въ своемъ рѣшеніи и самъ намѣревался порвать тѣ узы, которые на вѣки связываютъ меня съ Финляндіей.. Чинъ, круглый окладъ сами по себѣ хороши, но чтобы изъ-за нихъ покинуть свое отечество, было-бы поступить такъ, какъ недостойно здравомыслящаго финна, особенно, когда наше поприще на родинѣ достаточно хорошо, чтобъ сообразно своимъ знаніямъ работать на общее благо. А потому, матушка, въ началѣ будущаго года къ вамъ вернется все тотъ-же и тѣломъ и душой, какимъ уѣхалъ, если Богу это будетъ угодно». Моландеръ сдержалъ свое слово. Онъ вернулся на ро-

дину въ 1842 г., довольный тѣмъ, что позналъ самого себя и получилъ новое доказательство правдивости поговорки: «тотъ не знаетъ своей собственной страны, кто ближе не изучилъ чужой». ¹⁰⁰⁶).

Поправляя однажды сочиненіе одного студента о пользѣ русскаго языка, Гротъ узналъ, что, по мнѣнію студента, недостаточные успѣхи въ языкѣ происходятъ отъ предразсудка, что русскіе вообще грубы и безнравственны, а этотъ предразсудокъ—плодъ вѣковой вражды и прежнихъ частыхъ войнъ ¹⁰⁰⁷).

Я. К. Гроту и Плетневу казалось, что финляндцамъ, «стыдно не знать Россіи, когда ее изучаютъ нѣмцы» ¹⁰⁰⁸). Гротъ, видя, что его труды приносятъ малые результаты, сдѣлался требовательнѣе къ своимъ ученикамъ; онъ понялъ, что только зыскательностью можно добиться успѣховъ ¹⁰⁰⁹). Во время осенняго семестра 1845 г. онъ сталъ спрашивать слушателей на своихъ лекціяхъ. Превращеніе лекцій въ экзаменаціонныя коллегіи не понравилось студентамъ. Они усмотрѣли въ этомъ униженіе своего званія и потому рѣшили протестовать. Придя однажды на очередную лекцію, Я. К. Гротъ засталъ аудиторію переполненной. Онъ догадался, что они рѣшили устроить демонстрацію. Онъ началъ обычную лекцію о поэтическомъ творчествѣ Пушкина, не прерывая чтенія вопросами. Все было спокойно. Часы пробили, но лекторъ продолжалъ свое изложеніе. Студенты стали настолько шумно выражать свое нетерпѣніе скорѣе уйти, что пришлось оборвать чтеніе на полусловѣ. Вскорѣ произошла другая демонстрація на экзаменѣ профессора С. Барановскаго, на который, въ видѣ наблюдателя, явился Я. К. Гротъ.

Возвращаясь къ себѣ (30 янв. 1846 г.), онъ нашелъ насквозь разбитыми два стекла въ оконныхъ рамахъ. Эта грубая выходка затѣмъ была повторена еще два раза (5 и 28 февр.), Я. К. Гротъ не давалъ дѣлу огласки. О ней знали сперва лишь очень немногіе. Онъ «съ благороднымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ отнесся къ этому мщенію. «Реванша онъ никогда не искалъ» ¹⁰¹⁰). «Могли ли мы думать,—писалъ онъ кротко своему другу,—что я, при моемъ мирномъ характерѣ, доживу здѣсь до такихъ непріятностей?» ¹⁰¹¹).

Нѣтъ худа безъ добра. Когда исторія сдѣлалась общеизвѣстной, многіе выразили ему сочувствіе, и благодаря этому произошло нѣкоторое сближеніе съ сослуживцами. Самъ-же онъ готовился «къ новымъ нападеніямъ», онъ замкнулся, ушелъ въ себя. Исто-

рія наводила его на грустныя размышленія. «Ужели всегда русскій профессоръ долженъ быть дрянью, чтобы студенты были довольны имъ?...» ¹⁰¹²⁾. Правъ былъ и Гартманъ, находя, что такое ничтожество, какъ Теслевъ, на важномъ посту вице-канцлера, «очень невыгодное для университета обстоятельство» ¹⁰¹³⁾.

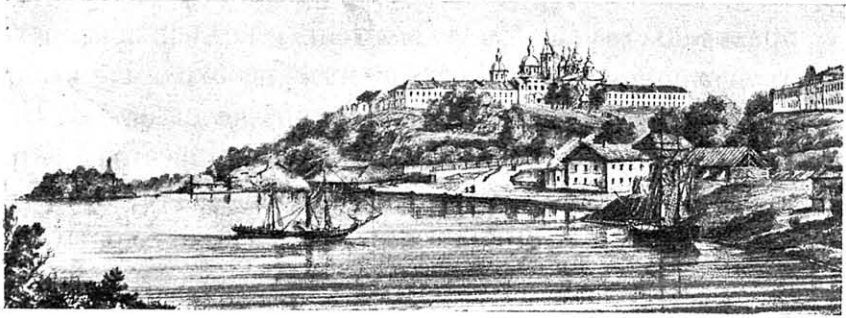
Я. К. Гротъ занималъ кафедру, но кромѣ того на него возложена была инспекція преподаванія русскаго языка въ краѣ. «Профессорская моя должность, конечно, почетнѣе другой,—писалъ онъ Плетневу,—но та важнѣе для края. Какъ профессоръ, я ничего не могу сдѣлать, если не будетъ положено хорошаго основанія знанію русскаго языка и уваженія къ русской литературѣ». Изъ ряда приведенныхъ фактовъ и соображеній Гротъ пришелъ къ заключенію, что распространеніе и утвержденіе русскаго языка въ иноплеменномъ краѣ не можетъ быть дѣломъ одного человѣка. «Прочныя успѣхи русскаго языка могутъ быть достигнуты только послѣдовательными и терпѣливо направленными къ тому мѣрами самаго правительства и его учреждений, поддерживаемыхъ собственнымъ сознаніемъ страны въ ихъ необходимости».

То, что въ состояніи былъ сдѣлать одинъ человѣкъ, Я. К. Гротъ исполнилъ съ рѣдкою добросовѣстностью и красотой. Его положеніе и окружавшія обстоятельства подсказывали, что слѣдуетъ стараться о сближеніи Финляндіи и вообще иноземнаго сѣвера съ Россіей. И онъ далъ въ многочисленныхъ статьяхъ и отдѣльных книгахъ обстоятельные обзоры Финляндіи, ея природы, жизни, скандинавской и финской поэзіи и пр., чѣмъ несомнѣнно содѣйствовалъ возбужденію къ нимъ интереса въ русскихъ. Но онъ затосковалъ... Финская среда оказалась ему чуждой, онъ почувствовалъ себя одинокимъ, перенесъ тяжелое нравственное ощущеніе. Финляндская жизнь имѣла и оборотную сторону, свои острые для русскаго чувства «шипы». Я. К. Грота неудержимо потянуло домой и въ январѣ 1853 г. онъ вернулся въ Петербургъ, пробывъ въ Финляндіи 12 лѣтъ.

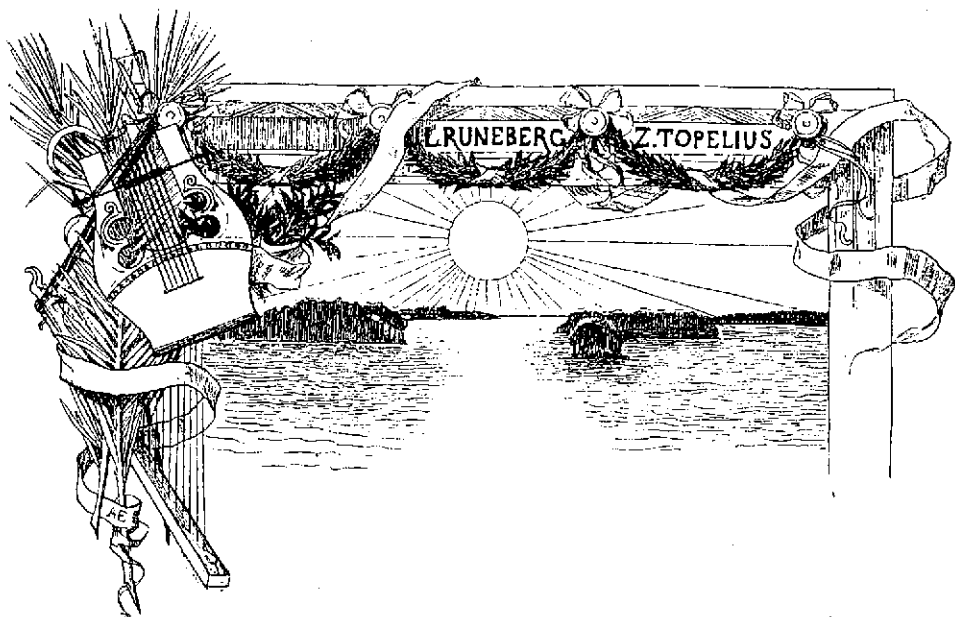
На кафедрѣ русскаго языка остался С. И. Барановскій. Онъ легко и охотно высказался за то, чтобы изученіе языка было сдѣлано непринудительнымъ. Финляндцы признали такое рѣшеніе наиболѣе мудрымъ и цѣлесообразнымъ. Но на вопросъ: улучшило-ли оно дѣло? охотнѣе ли финляндцы стали на свободѣ изучать русскій языкъ? Исторія дала отрицательный отвѣтъ. Повторилось то-же, что происходило въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ сперва указывали что они не знаютъ русскаго языка потому, что изученіе его было

принудительное, а впослѣдствіи стали говорить, что не знаютъ но потому что изученія его вовсе не требовали.

23-го августа 1855 г. гр. А. Армфельтъ отъ себя представилъ докладъ: «Для доставленія студентамъ Александровскаго университета возможности объясняться на русскомъ языкѣ и практически изучать его въ Финляндіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы ближе ознакомить ихъ съ статистикою и исторіею Россіи, я полагаю-бы полезнымъ назначить при университетѣ особаго преподавателя сихъ предметовъ, который читалъ-бы лекціи на русскомъ языкѣ». Кандидатомъ на экстраординарнаго профессора онъ представилъ Іосифа Шилля. Планъ гр. А. Армфельта оказался, конечно, мертворожденнымъ, а Шилль вскорѣ умеръ.

Валаамскій монастырь 1853 г.

XIV. Печать и цензура. Борьба за финскій языкъ.

Газетъ было немного, и по своимъ размѣрамъ онѣ едва превышали листъ писчей бумаги. Печатались грубымъ шрифтомъ на толстой, но прочной бумагѣ. Содержаніе ихъ статей отличалось большой скудостью. Число подписчиковъ было не велико; тиражъ въ тысячу экземпляровъ считался выдающимся успѣхомъ.

«Финляндская officialная газета» (Finlands Allmänna Tidning) печаталась ежедневно, «Гельсингфорская Газета» и «Гельсингфорскій Утренній Листокъ» выходили по два раза въ недѣлю. Значительный спросъ существовалъ на «Абоскую Газету» и особенно на «Абоскія Извѣстія», пока ихъ редактировалъ своеобразный изгнанникъ, бывшій шведскій статсъ-секретарь Ларсъ Арнель, дававшій хорошенекіе переводы маленькихъ иностранныхъ разсказовъ и «парижскія моды». «Боргоская Газета» начала выходить въ 1838 г., и на слѣдующій годъ народилось еще одно тощее изданіе «Вазаская Газета». «Боргоская Газета» (Эмана) давала статьи историко-патріотическаго содержанія, но о ней истые финляндцы вспоминаютъ «съ кислой миной», потому что она угощала своихъ подписчиковъ также и «русско-читательными фруктами»¹⁰¹⁴). Этимъ перечнемъ исчерпывается періодическая печать Финляндіи.

«Официальная Газета» издавалась первоначально въ Або и даже называлась «Åbo Allmänna Tidning». Съ переходомъ Сената въ Гельсингфорсъ, туда же перешла и «Официальная Газета». Гельсингфорсъ, занявъ мѣсто перваго города Финляндіи, десять лѣтъ обходился однимъ официальнымъ изданіемъ. Въ виду того, что «Официальная Газета» чуждалась домашнихъ новостей, учреждена была «Гельсингфорсская Газета». Она поставила своей главной задачей сообщеніе новостей и свѣдѣній изъ внутреннихъ мѣстностей Финляндіи. Она желала поддержать «гражданскій интересъ» и возбудить вниманіе къ родинѣ. Ее украшалъ гербъ города Гельсингфорса. Она имѣла значительный успѣхъ: въ 1833 г. у нея было 427 подписчиковъ, а въ 1838 г.—980.

Кругъ газетныхъ свѣдѣній оказывался очень ограниченнымъ. Имъ приходилось печатать объ аспидныхъ доскахъ, приготовленіи юфты, о неопрокидывающихся парусахъ на шлюпкахъ и т. п. практическихъ вопросахъ. Если же попадалось «Воспоминаніе изъ Помпеи», путешествовавшаго земляка, то статья читалась съ захватывающимъ интересомъ. Въ бюрократическое время считалось нескромнымъ и даже дерзкимъ публично обсуждать то, что подготовлялось властями въ административныхъ или законодательныхъ учрежденіяхъ. О политическихъ дѣлахъ можно было узнать кое-что изъ «Официальной Газеты», но ея оповѣщенія настолько опаздывали, что терялся интересъ къ дѣлу. Телеграфа не было, а почта изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ (до 1848 г.) прибывала лишь два раза въ недѣлю, и она только могла доставлять какія-либо политическія новости. Въ частную жизнь газеты совершенно не вмѣшивались и даже не печатали некрологовъ выдающихся дѣятелей. Всѣхъ занимали производства и перемѣщенія, но о нихъ нельзя было печатать безъ разрѣшенія властей; пока-же выхлопывалось разрѣшеніе, новость дѣлалась общеизвѣстной. Полемика почти не возникала. Объявленій было мало. Въ такомъ видѣ представляется характеристика газетъ начала тридцатыхъ годовъ.

Но долго оставаться въ такой разряженной атмосферѣ газеты, конечно, не могли. И уже въ 1847 г. попадаетея статья, обсуждающая политическіе перевороты въ Европѣ. Она, правда, заимствована изъ иностранной печати, но «Åbo Underrättelser» дерзнула ее помѣстить, съ замѣчаніемъ по адресу «Официальной Газеты». 1848 годъ привлекъ всеобщее вниманіе своимъ политическимъ шумомъ, и

въ «Абоскихъ Извѣстіяхъ» появилась новая постоянная рубрика—заграницей,—полная политическихъ новостей съ Запада. Газета держала своихъ читателей аи соугант главнѣйшихъ событій. Нѣсколько ея номеровъ заняты были также статьей «О значеніи социализма и коммунизма». Ясно, что политическое движеніе Европы стало уже отражаться на финляндскихъ столбцахъ.

Даже объ «Официальной Газетѣ» Я. К. Гротъ отзывался, что она гораздо удовлетворительнѣе русскихъ, неимоверно сухихъ и скучныхъ ¹⁰¹³).

Наиболѣе читалась «Гельсингфорская Газета»,—или сплетница (sqvallertidningen) съ того времени, когда ее сталъ редактировать извѣстный Зах. Топеліусъ.

Зах. Топеліусъ взялъ перо публициста, не достигнувъ 24 лѣтъ. Въ декабрѣ 1841 г. онъ первый разъ выступилъ въ «Helsingfors Tidningar», а черезъ два мѣсяца уже принялъ на себя руководство газетой, которая подъ его 19-лѣтнимъ редакторствомъ обезсмертила его имя.

Зах. Топеліусъ.

Въ его статьяхъ часто воспроизводились чарующія картины общей финской родины и постоянно поддерживалась связь главнаго города края съ остальной Финляндіей. Лѣсъ онъ рубилъ въ Гельсингфорсѣ, а щепки разлетались по краю. Его многочисленные рассказы были полны свѣжихъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ родной ему Эстерботніи, съ родныхъ полей, озеръ, утесовъ....

Читая его хронику, писалъ одинъ финляндецъ, казалось, что нашъ другъ въ сумеркахъ, подойдя къ роялю, то мечтательно, то съ блестящимъ искусствомъ, воспроизводитъ излюбленные мотивы дня. Зах. Топеліусъ оказался все́мъ близкимъ и роднымъ; все́ наслаждались плодами его примиряющаго таланта, плодами его сердечнаго патріотизма; все́мъ онъ напоминалъ ихъ дѣтскую весну въ знакомыхъ имъ мѣстахъ.—Въ его рассказахъ, какъ въ сказкѣ, проходили передъ читателями ихъ любимые историче-

скіе герои и наиболѣе интересные эпизоды изъ прошлаго ихъ отечества. Все, что онъ писалъ, обвѣяно было прелестью поэзіи и согрѣто чувствомъ любви и пріязни.

Топеліусъ, какъ редакторъ газеты, едва ли не болѣе другихъ способствовалъ популяризациі чувства къ родинѣ, и любви ко всему благородному и прекрасному въ краѣ ¹⁰¹⁶).

Въ «Гельсингфорсской Газетѣ» въ обиліи помѣщались стихотворенія и историческія новеллы. Оправданіе этого надо искать въ цензурѣ, которая была тогда особенно чувствительна, обидчива, подозрительна и ретива. При подобныхъ «давящихъ» обстоятельствахъ, Топеліусъ прибѣгнулъ къ иносказаніямъ и эзоповскому языку. Аллегорія примѣнялась поэтомъ-публицистомъ весьма широко; онъ прибѣгалъ къ ней не только въ разсужденіяхъ по вопросамъ дня, имѣвшимъ непосредственное отношеніе къ Финляндіи, но и въ тѣхъ случаяхъ, когда писалъ на общія темы, высказывая избитыя истины.

Лучшія литературныя силы края сосредоточились, съ 1832 по 1837 г., вокругъ І. Л. Рунеберга въ редакціи «Утренній Листокъ». Въ этой газетѣ все тогда нравилось, начиная съ виньетки— раскрытой книги между глобусомъ и лавровымъ вѣнкомъ—и кончая прославленнымъ именемъ Рунеберга и его сотрудниковъ—Нервандера, Нордстрема, Сигнеуса и др.

«Гельсингфорская Газета» и «Утренній Листокъ» приобрѣли наибольшее число подписчиковъ, благодаря тому, что завели у себя литературныя отдѣлы, какихъ не имѣли финскія газеты. Рунебергъ, кромѣ того, ѣдко высмѣивалъ ошибки современной шведской литературы и ея односторонность.

Имя Рунеберга было недавно еще обрѣтено, но оно для финляндцевъ звучало особенно пріятно. Лишь въ апрѣлѣ 1830 г. появился первый выпускъ его сочиненій, но онъ успѣлъ уже сказать: «мы финны»—и всѣ это поняли.

Во всей финляндской литературѣ того времени можно отмѣтить главнымъ образомъ лишь Рунеберга да Калевалу (1835 г.), но ихъ было достаточно, чтобы изъ этого десятилѣтія создалась эпоха для финской народности ¹⁰¹⁷).

Одновременно съ названными газетами существовало нѣсколько финскихъ.—«Благочестивыя Извѣстія» (Hengellisiä Sanomia) 1836—1838 г.г.) являлись переводомъ шведской газеты того-же названія; «Улеоборгскія еженедѣльные Извѣстія» (Oulun Viik-

kosanomat 1829—1841, 1852—1871), «Пчела» (Mehiläinen—1836—1837, 1839—1840), «Вѣстникъ Выборга» (Sanan Saattaja Viipurista 1833—1842. г.).

Въ 1834 г. поручикъ Грипенбергъ началъ издавать «Еженедѣльный Журналъ», предназначенный для учителей; но на второй годъ онъ уже прекратился. Въ Выборгѣ, имѣвшемъ значительное нѣмецкое населеніе, выходилъ (1821 г.) въ теченіе года нѣмецкій журналъ «Выборгское кое-что». Затѣмъ въ теченіе десяти лѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ выходили «Семидневныя Вѣдомости». Число подписчиковъ ихъ было крайне ограничено: «Улеоборгскія Извѣстія» имѣли 147, а Пчела—только 119. Условія изданія ихъ представляли иногда очень большія затрудненія. Редакторъ «Пчелы» жилъ въ Кааянѣ, а газета печаталась въ Улеоборгѣ, причемъ почта между этими городами ходила разъ въ недѣлю.

И. Л. Рунебергъ.

Въ 1844 г. въ финляндской періодической печати наблюдается нѣкоторое оживленіе: въ семью газетъ шумно вошелъ I. В. Снельманъ со своей еженедѣльной «Саймой», которую сталъ печатать въ Куопіо. Онъ заявилъ, что его изданіе будетъ заключать въ себѣ

«всякую всячину и еще кое-что или «почти ничего», т. е. «все то же, что можно встрѣтить въ другихъ газетахъ». Онъ завѣрялъ, что его газета будетъ полезной, она будетъ забавлять, давать просвѣтительное и занимательное чтеніе, но особенно станетъ придерживаться родного. На знамени «Саймы» Снельманъ написалъ: одинъ языкъ—одна нація.

Снельманъ заговорилъ громко и властно. Трубные звуки Куопіоскаго оракула разбудили многихъ. Особенно глубоко запалъ голосъ «Саймы» въ юныя сердца академической молодежи. Студенты стали стыдиться незнанія финскаго языка.

Снельманъ, будучи уменъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и самонадѣянъ, ожесточенно напалъ на своихъ собратьевъ по публицистикѣ, трактую

ихъ, какъ добренькихъ, но глупенькихъ. «Вѣроятно онъ думалъ, писалъ Я. К. Гротъ, что всё они.... въ прахъ повергнутся передъ нимъ, но они преисправно огрызаются какъ между собою, такъ и противъ него. Впрочемъ, «Сайма» въ самомъ дѣлѣ самый лучшій, изъ здѣшнихъ листковъ, часто содержитъ въ себѣ общезанимательныя статейки, особливо по предметамъ, касающимся прямо Финляндіи и національнаго языка. Съ нѣкотораго времени это сдѣлалось пѣснею всѣхъ здѣшнихъ газетчиковъ» ¹⁰¹⁸).

Снелъманъ боролся и будилъ. Его органъ «Сайма» умно и смѣло разъяснялъ общественные вопросы, поддерживая всякое живое дѣло. Его задорный тонъ и критика правительственныхъ распоряженій создали ему много враговъ, и въ концѣ 1846 г. «Сайму» закрыли.

Снелъманъ не желалъ положить оружія. Его другъ Ленротъ испросилъ разрѣшеніе издавать въ томъ-же Куопіо «Литературный Листокъ». Власти знали, что за спиною скромнаго Ленрота стоялъ Снелъманъ, но разрѣшеніе было дано. «Листокъ» началъ скромно, но исподволь тенденціи «Саймы» были возобновлены и въ 1849 г. «Листокъ» прекратился.

Въ 1848 г. произошла маленькая литературная перестрѣлка между «Официальной Газетой» и «Абоскими Извѣстіями», давшая возможность послѣдней произвести бѣглый обзоръ и оцѣнку мѣстной періодической печати. Изъ этой полемики узнаемъ, что обозрѣватель, путешествуя по газетному міру Финляндіи, не могъ открыть въ ней за истекшій годъ разсужденій по важнѣйшимъ и интереснѣйшимъ вопросамъ общественной жизни. «Что скажетъ чужеземецъ о нашей «Официальной Газетѣ», не найдя въ ней ни одного событія изъ жизни собственнаго нашего края! Такова политика этой газеты и ея дѣятельность, которая не свидѣтельствуетъ ни о ея знаніи дѣла, ни о ея рвеніи». Тотъ же упрекъ въ равнодушіи къ общественнымъ вопросамъ дѣлается и «Утреннему Листку» (Morgonbladet). Что касается «Гельсингфорсской Газеты», то она болѣе беспокоится за чужія государства, чѣмъ за свое. «Боргоская Газета» съ перваго номера была признана худшею въ краѣ. «Ильмариненъ» живетъ точно у него нѣтъ редакціи и все еще довольствуется статьями о моккскихъ кофейныхъ бобахъ да исландскихъ источникахъ. «Училищная Газета» (Skoltidningen) старалась выводить на сцену «вопросы времени и обстоятельствъ». Такимъ образомъ оказалось, что большинство газетъ ничего не дали по «общественнымъ вопросамъ» ¹⁰¹⁹).

Даже среди мѣстныхъ профессоровъ находились еще такіе (напримѣръ, Лагузь), которые усматривали, что «книгопечатаніе величайшее зло, равно какъ и множество газетъ, которыхъ изданіе

FINLANDS

ALLMÄNNA TIDNING.

N:o 13. Onsdagen den 17 Januari 1855.

METEOROLOGISKA OBSERVATIONER, ANSTÄLLDA VID MAGNETISKA OCH METEOROLOGISKA OBSERVATORIUM I HELSINGFORS.

	M	T	S	A	F	L	S	O	N	E	M.
Januari: 16	11	7	12	11	10	11	10	11	10	11	10
Barnö, Finska d. t.	15,80	15,50	15,61								
Thorn, Göttn skola	9,80	—	9,50	—	9,00						

Vindens riktning --	U	SO	NÖ	Temperaturerna högsta stånd
" " styrka	0	40	0	— 6,75 kl i 12 m o. u.
Hundsläpfrens uia.	%	Rus 4	4	lågsta " " — 10,75 kl 12. o. m. u.
				(Nederbord, Engiska tem ... 0,975.

af K. Svanen afgjorda mål.

Pd Finans-Rättens föredragning.

Den 13 Nbr.: utslag på lundströmström R. Ritt.
Yar och lundens som i Göttn Skolan upplad. Be-
stär sig bestjo al balra kr bl n o c i Kontis by

John Lindström med släktemper namn och vär-
dighet.

for förordandet af ett lagar al första arméer på
fältet vid Tulio, i närheten af Wira, der denna
armé, enligt Augsb. Allg. Ztg, kan i fält af
behof sammandragsas inom fjorton dagar.

UTRIKES.

Финляндская официальная газета 1855 г.

Книжная торговля относительно процвѣтала. Въ небольшомъ Гельсингфорсѣ имѣлось три книжныхъ магазина (Френкеля, Васеніуса и Эмана-Тикканена). Всѣ они были недурно снабжены солидной и научной литературой, даже богатыми изданіями съ гравюрами. Тогда интересовались книгой и находили время для ея чтенія. Волна періодическихъ изданій и брошюръ не докатилась еще до финскихъ скалъ, и образованный классъ удовлетворялъ себя хорошей духовной пищей. У многихъ замѣчалась манія къ собиранію книгъ. Теперь въ домахъ можно встрѣтить книжные шкапы, но—писалъ А. Рамзай,—едва-ли найдете цѣлыя комнаты, наполненныя отъ пола до потолка однѣми книжными полками. Цѣнныя частныя бібліотеки имѣли ф.-Котень, І. А. Эренстремъ,

с. с. П. Винтеръ, профессора Линсенъ и Лагусъ, Фалькманъ, К. Шауманъ, К. Валленъ и мн. др. ¹⁰²¹).

Полученіе газеты сопряжено было съ большими неудобствами. Она не разсылалась по домамъ, а за ней приходилось ходить или посылать въ книжные магазины, гдѣ она подавалась подписчику въ форточку. Когда-же цензура задерживала номеръ, у магазина образовывалась длинная вереница женщинъ, лакеевъ, сторожей, которые иногда мерзли или донимались дождемъ на открытомъ тротуарѣ.

Объявлялись въ газетахъ мало. Даже театръ не помѣщалъ своихъ объявленій въ газетѣ, а разсылалъ афиши на домъ. Постановленія же магистрата и полиціи, объявленія аукціона и т. п. оглашались городовымъ, который ходилъ по городу, въ сопровожденіи барабанщика. Здоровой дробью онъ созывалъ толпу ротозѣевъ и праздношатаевъ и имъ прочитывались публикаціи.

Почтальонъ того времени имѣлъ мундиръ, заряженные пистолеты и трубу. Въ такомъ видѣ онъ ѣхалъ на таратайкѣ, запряженной двумя лошадьми и наполненной мѣшками. Требовалось двое сутокъ, чтобы изъ Петербурга доскакать до Гельсингфорса.

Письма не доставлялись на домъ. За ними нужно было приходить въ почтовую контору. За справкой подходили къ форточкѣ. Что вамъ угодно? спрашивалъ едва поднявшійся съ мѣста чиновникъ. И узнавъ просьбу, раздраженно отвѣчалъ: «списокъ на столѣ, просмотрите его». Приходилось прочитывать три-четыре страницы именъ, вновь подойти къ форточкѣ и тревожить важнаго и не-всегда доброжелательнаго господина.

Не существовало тогда ни почтовыхъ марокъ, ни готовыхъ конвертовъ, ни почтовыхъ ящиковъ. Нужно было опять явиться къ форточкѣ. Господинъ взвѣшивалъ письмо и требовалъ ровную оплату, заявляя, что мѣнять онъ не обязанъ. Много циркулировало тогда слуховъ о странныхъ почтовыхъ мистеріяхъ, свидѣтельствовавшихъ о маломъ довѣріи къ сохраненію почтой письменныхъ тайнъ. Истиннымъ благодѣяніемъ для почты явились пароходы: письма и газеты стали пересылаться быстрѣй, не смотря на то, что пароходы съ пассажирами первоначально останавливались и въ Або и въ Гельсингфорсѣ на двое сутокъ ¹⁰²²).

Тормозила дѣло цензура, которая неусыпнымъ и суровымъ аргусомъ встрѣчала каждую почту.

«Дабы имѣть сугубую осторожность отъ распространенія по Финляндіи чужестранныхъ соблазнительныхъ и вредныхъ книгъ и сочиненій», Государь повелѣлъ, въ сентябрѣ 1826 г., взять отъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія полный списокъ книгъ, воспрещенныхъ въ Имперіи, и передать его прокурору Сената, вмѣнивъ ему въ обязанность «твердое наблюденіе» за тѣмъ, чтобъ недозволенные, соблазнительныя и вредныя книги, выходящія въ чужихъ государствахъ, не распространялись по Финляндіи. У финляндцевъ подобныхъ книгъ не стали отбирать, но прокурору надлежало надзирать, дабы онѣ не передавались изъ рукъ въ руки.

Въ руки гр. Закревскаго попалъ каталогъ французскихъ книгъ, предназначенныхъ къ публичной продажѣ изъ библіотеки прокурора Сената Валлена. Въ числѣ ихъ оказалось шесть запрещенныхъ названій. Государь повелѣлъ потребовать отъ прокурора объясненіе. Дальнѣйшее разслѣдованіе обнаружило у него 37 запрещенныхъ книгъ.

По этому поводу возникла переписка. Валленъ указывалъ, что былъ въ отпуску и что на списокъ недозволенныхъ книгъ смотрѣлъ какъ на руководство, которое долженъ былъ имѣть въ виду «въ изысканіяхъ» по содержаніи книгъ, и отнюдь не усматривалъ въ списокѣ «единственного правила для Финляндіи, въ которое не введены русскія учрежденія о цензурѣ». Онъ же примѣнялся къ духу шведскихъ законовъ, особенно Королевскаго постановленія о свободѣ книгопечатанія отъ 26 августа 1774 г. ¹⁰²³). «Его Величество, прочитавъ объясненіе прокурора Валлена, повелѣлъ ему объявить, что Государь такъ бы не поступилъ, какъ онъ, бывши на его мѣстѣ, и въ точности исполнилъ бы манифестъ, по которому прокуроръ обязанъ былъ дѣйствовать. Мыслить же прокурору Валлену предоставляется какъ угодно, и потому Его Величество оставляетъ сіе какъ дѣйствіе, бывшее до вступленія Его на престолъ».

Какъ только въ Россіи изданъ былъ Уставъ о цензурѣ 1826 г., Государь потребовалъ, чтобы онъ былъ соображенъ съ соотвѣствующими въ Финляндіи постановленіями ¹⁰²⁴).

На этой почвѣ произошло столкновеніе противоположныхъ интересовъ. Нашему правительству желательно было согласовать постановленія края съ Уставомъ Имперіи, мѣстный же Сенатъ болѣе былъ озабоченъ ненарушимымъ сохраненіемъ общихъ законо-

языка», а посему надлежало предупредить перепечатку вредных русских сочиненій ¹⁰²⁵).

Въ дѣло, по Высочайшей волѣ, вошелъ еще гр. Ребиндеръ. Всѣ трудились теперь надъ новыми цензурными положеніями.

2—14 октября 1829 г. послѣдовало Высочайшее постановленіе «О цензурѣ и книжной торговлѣ» ¹⁰²⁶). Во введеніи говорилось о необходимости надлежащей согласованности постановленій Великаго Княжества съ законами, изданными для прочихъ частей Имперіи, «дабы чрезъ то отвратить неудобства, могущія произойти... по предмету, въ существѣ своемъ одинаковому для всѣхъ частей государства». Цензура была учреждена для всѣхъ литературныхъ произведеній. Главнымъ органомъ по дѣламъ печати былъ Цензурный Комитетъ. Ему первоначально подчинены были отдѣльные цензоры въ городахъ Або, Выборгѣ, Вазѣ и Улеоборгѣ.

Въ такомъ трудномъ и капризномъ дѣлѣ, какъ наблюденіе за развитіемъ мысли и печатаніемъ самыхъ разнообразныхъ сочиненій, законъ не могъ, конечно, предусмотрѣть всѣхъ сложныхъ жизненныхъ комбинацій, и потому часто приходилось издавать дополненія и разъясненія къ нему, которыя еще болѣе запутывали и осложняли дѣло.

Русскіе авторы представляли свои сочиненія въ мѣстный финляндскій цензурный комитетъ, который пересылалъ ихъ въ Петербургъ (1842 г.).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ цензурныя постановленія усматривали необходимость преданія виновныхъ суду, но въ то же время извѣстныя обстоятельства, обнаруженіе которыхъ считалось нежелательнымъ, могли дать «поводъ ко всеобщему о нихъ сужденію». Чтобы избѣжать послѣдняго, рѣшено было просто въ административномъ порядкѣ отрѣшать цензоровъ навсегда отъ ихъ должностей ¹⁰²⁷). Также постановлено было поступать съ усердными и благонамѣренными цензорами, у которыхъ не оказывалось требуемаго вѣрнаго взгляда, почему они, безъ достаточныхъ основаній, запрещали одни сочиненія и разрѣшали такія, которыя слѣдовало воспретить ¹⁰²⁸). Для достиженія лучшихъ результатовъ, цензоровъ подчиняли то одному, то другому начальству ¹⁰²⁹).

Кн. Меншиковъ часто оставался недоволенъ цензурой. «Цензурный Комитетъ прилагаетъ мало энергіи къ обузданію газетчиковъ»,—жаловался онъ Клинковстрему, въ письмѣ отъ 11—23 января 1846 г. Въ слѣдующемъ письмѣ князь предложилъ барону

Клинковстрему стать во главѣ цензурнаго дѣла края. «Предсѣдательство въ цензурѣ есть предсѣдательство такта и знаніе свѣта, и навѣрное никто болѣе васъ въ этомъ отношеніи не способенъ отправлять эту должность. Я также рассчитываю на васъ для редактированія извѣстныхъ статей журналовъ, которые незначительны въ Петербургѣ, также не будутъ и въ Финляндіи, гдѣ общественное мнѣніе и манера наблюдать еще не тождественны съ правами столицы Имперіи» ¹⁰³⁰).

Въ 1831 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на высылку въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по одному экземпляру всѣхъ печатаемыхъ въ типографіяхъ Финляндіи газетъ, журналовъ и альманаховъ ¹⁰³¹). Надо полагать, что и это распоряженіе имѣло цѣлью извѣстный контроль за финляндской печатью.

Кн. Меншиковъ, видимо, недовольный нарожденіемъ нѣкоторыхъ новыхъ газетъ, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе, которымъ право разрѣшать ихъ, принадлежавшее Хозяйственному Департаменту Сената, было передано генераль-губернатору ¹⁰³²).

Нѣчто подобное существовало уже въ Россіи около десяти лѣтъ. Тамъ Государь строжайше запретилъ разрѣшеніе новыхъ журналовъ, но они тѣмъ не менѣе возникали разными обходными путями ¹⁰³³).

Въ 1849 г., по инициативѣ князя Меншикова, состоялся законъ, поставившій учрежденіе новыхъ типографій въ непосредственную зависимость отъ Высочайшаго на то соизволенія ¹⁰³⁴).

Кн. Меншиковъ, проявившій много рвенія къ обузданію русской и финляндской печати, устроилъ такъ, что «Официальная Газета,—подъ предлогомъ «предоставленія ей большей полноты къ удовлетворенію читателей»—была передана въ 1849 г. въ завѣдываніе Канцеляріи генераль-губернатора, причемъ какъ редакторъ, такъ и цензоръ ея опредѣлялись и увольнялись исключительно властью начальника края ¹⁰³⁵).

Подобныя распоряженія производились въ изобиліи. Но особенно рѣзкимъ и неожиданнымъ дополненіемъ цензурнаго устава явилось положеніе 7—19 марта 1850 г., запрещающее печатать на финскомъ языкѣ что-либо, кромѣ вопросовъ, связанныхъ съ религіей и хозяйствомъ.

Видя, что требованіями этого закона,—который иногда финляндцы называли «постановленіемъ Аттилы»,—защли слишкомъ

далеко, стали сейчас-же ставить на немъ заплата. Говорили, что благодаря министру статсъ-секретарю первоначальный текстъ закона, при сообщеніи его изъ Петербурга въ Гельсингфорсъ, самовольно дополнили исключеніемъ изъ-подъ запрета исторіи, сказокъ и поэмъ. А въ концѣ марта, вслѣдствіе хлопотъ помощника генералъ-губернатора, генерала Рокасовскаго, пояснили, что законъ не распространяется на перепечатки словарей и учебниковъ.

Опекуновъ и дядекъ у печати было много. Съ разныхъ сторонъ стекались жалобы на ея поведеніе. Жаловался почтъ-директоръ, предостерегалъ и строго относился къ печати гр. Ребиндеръ. Гр. Сухтеленъ изъ Стокгольма доложилъ объ оскорбительныхъ для нашего правительства статьяхъ печати Швеціи ¹⁰³⁶). Гр. Бенкендорфъ изъ Петербурга обуздывалъ «Гельсингфорскій Литературный Журналъ», замѣтивъ въ немъ неблагопристойную статью (въ № 5—1831 г.). Жаловались и другіе, а гр. А. А. Закревскій и кн. А. С. Меншиковъ были не изъ тѣхъ, которые мирволили газетамъ.

Почтъ-директоръ Астафій Ладое усмотрѣлъ, что изъ Гамбургской газеты усердно заимствуютъ и переводятъ; Закревскій сейчасъ предписалъ подвергать ее и другія иностранныя газеты, получавшіяся въ Финляндіи, «строжайшей цензурѣ», а вмѣстѣ съ тѣмъ обратить особое вниманіе на шведскія газеты, въ которыхъ также были непозволительныя статьи ¹⁰³⁷).

Отъ почтъ-директора поступали длинные перечни злонамѣренныхъ статей, появившихся въ разныхъ изданіяхъ. Онъ доносилъ, что въ Варшавѣ гр. Паскевича не любятъ; что въ Россіи преслѣдуются польскіе революціонные клубы; что шведская газета стыдила поведеніе Франціи и Англіи; другая шведская газета обвиняла европейскіе кабинеты въ насиліи противъ слабѣйшихъ, третья—защищала революцію, четвертая—разсуждала о перевѣсѣ народнаго мнѣнія надъ высшимъ правительствомъ; «Times» не ожидала отъ русскихъ проявленія кротости. И т. д. и т. д. Всѣ подобныя статьи, по мнѣнію почтъ-директора, подлежали конфискаціи. Нѣкоторыя газеты Швеціи—«Dagligt Allehanda», «Stockholms Posten» и др.—вовсе недопускались въ предѣлы Финляндіи ¹⁰³⁸).

Въ октябрѣ 1836 г., гр. Ребиндеръ, убѣдясь въ предосудительной цѣли, которую преслѣдуетъ «Вѣдомости для шведскихъ крестьянъ» (Svensk Bondes Tidning), просилъ отъ себя Государя воспретить ея допускъ въ Финляндію ¹⁰³⁹).

Университетъ просилъ, чтобы ему въ концѣ года выдавались всѣ задержанные цензурой нумера иностранныхъ газетъ. Ребиндеръ доложилъ, что разъ цензура изъяла ихъ изъ употребленія, онъ не видитъ «особыхъ причинъ» выдавать ихъ университету, посему просилъ Государя не одобрить представленія и. д. вице-канцлера ¹⁰⁴⁰).

Помимо русской власти сторонниковъ строгихъ цензурныхъ каръ оказалось не мало: финляндскіе сановники также не упускали случая наложить на печать свою тяжелую руку. Чтобы обрисовать послѣднихъ, достаточно одного извлеченія изъ журнала Сената.

Вопросъ о закрытіи «Саймы» разсматривался въ Сенатѣ 3—15 декабря 1846 г.; мнѣнія раздѣлились. Пиппингъ отозвался, что каждая, отдѣльно взятая, статья не подлежитъ цензурной карѣ, но всѣ въ своей совокупности обнаруживаютъ, подмѣченное его сіятельствомъ (ген.-губ.), стремленіе односторонне и легкомысленно порицать распоряженія правительства и пріобрѣсти популярность. Въ виду даровитости ректора и его вліянія на юношество, а также для избѣжанія непредвидѣнныхъ опасныхъ послѣдствій, Пиппингъ предложилъ прекратить изданіе. Шультенъ и ген. Теслевъ присоединились къ Пиппингу. Бьеркстенъ усмотрѣлъ, что газету читаютъ въ большинствѣ случаевъ образованные лица, что по ученымъ предметамъ статьи ея достойны вниманія, и потому затруднился высказаться о запрещеніи. Мнѣніе Бьеркстена раздѣлили Йегергорнъ, Кронстедтъ и Сакленъ. Клинковстремъ указалъ, что предосудительность статей состоитъ болѣе въ коварномъ и скрытомъ образѣ ихъ изложенія, а общее направленіе «Саймы» ведетъ къ неудовольствію существующимъ порядкомъ вещей и къ ребяческому порицанію почти всѣхъ мѣръ правительства. Вслѣдствіе сего онъ согласился съ воззрѣніемъ Пиппинга.

Л. Г. Гартманъ выступилъ съ обширнымъ мотивированнымъ заключеніемъ. Этотъ властный администраторъ не могъ примириться съ тѣмъ, что газета желала возвыситься до единственнаго судьи всѣхъ общественныхъ дѣлъ и безапелляціонно стала выводить къ трибунѣ публичности всѣ распоряженія, а потому, вмѣстѣ съ Пиппингомъ, онъ вотировалъ за прекращеніе газеты. Но такъ какъ кн. Меншиковъ, кажется, желалъ вовсе воспретить Снельману всякое изданіе газеты въ будущемъ, то Гартманъ заявилъ, что это противорѣчило бы духу существующихъ въ краѣ постановленій о свободѣ печати. Не усматривалъ онъ также

повода предать его суду, въ виду того, что «Сайма» издавалась подъ надзоромъ цензуры. Далѣе, Гартманъ остановился на томъ, что публицистическая дѣятельность въ краѣ получила «большій объемъ и значеніе», чѣмъ она имѣла при изданіи дѣйствующаго цензурнаго устава, и наличный контроль, по мнѣнію сенатора, оказывался уже несоотвѣтствующимъ своей цѣли, а потому онъ предложилъ рядъ новыхъ мѣропріятій. «Сайма» была закрыта.

Въ нѣкоторыхъ городахъ края,—напримѣръ, въ Або и Вазѣ,—издатели газетъ состояли одновременно и ихъ цензорами. Въ такихъ случаяхъ, надо полагать, что между печатью и цензурой устанавливался полный *entente cordiale*.

Не имѣя возможности высказаться о цензурѣ или «душевной инквизиціи» у себя дома, финляндцы направили свои критическія статьи, «облитыя желчью и злостью», въ Швецію, гдѣ въ полной мѣрѣ «отводили душу». «Финляндская цензура,—писали они¹⁰⁴¹),—не только ненавистна, какъ и всякая цензура, но притомъ еще смѣшна своей крайней мелочностью. Существующіе въ Финляндіи коренные законы,—или, лучше сказать,—долженствовавшіе существовать,—не знаютъ никакой цензуры, но тѣмъ не менѣе эта душевная инквизиція введена (1829 г.). Въ § 40 Формы Правленія сказано, что король не можетъ издавать новаго закона, также измѣнять стараго, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ. А что могло быть пріятнѣе для правителей, которые по произволу управляютъ этимъ краемъ, какъ не строгая и мелочная цензура... Ею подавляютъ они каждое справедливое порицаніе, каждую болѣе свободную идею... Избѣжавъ всякаго порицанія, стануть пожинать однѣ похвалы...

Сколь этотъ уставъ ни строгъ, но эта строгость ничто въ сравненіи съ той придирчивостью, съ которою онъ исполняется... Цензурѣ предоставлена почти совершенно произвольная власть.

Цензурный Уставъ Имперіи установилъ особый порядокъ заимствованія политическихъ и официальныхъ статей (Полн. Собр. Зак., № 403). Было предписано относительно Царства Польскаго брать статьи исключительно изъ «Варшавской Газеты», относительно Великаго Княжества Финляндскаго—изъ «*Finlands Allmänna Tidning*». Но личное усердіе разныхъ лицъ всегда шло далѣе требованія закона. Государь говорилъ, что уставъ достаточенъ, но слабость человѣческая искала дополнить его своими измѣненіями.

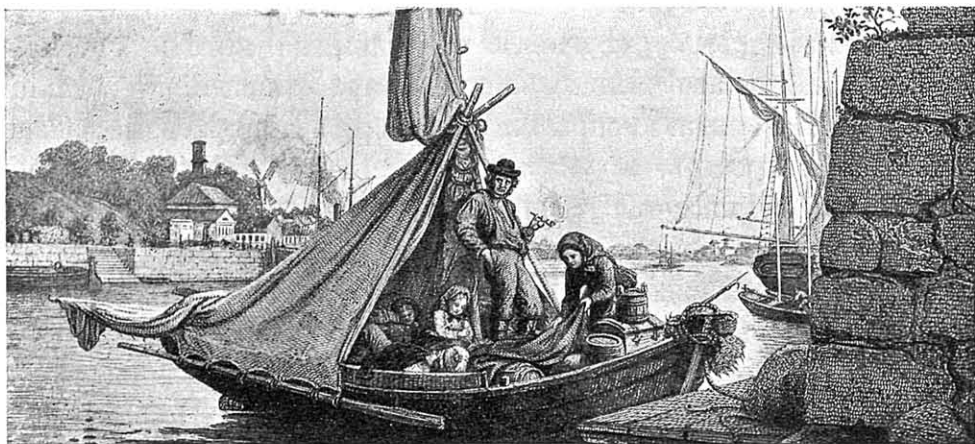
Заслуживаетъ вниманія, что «Русскій Инвалидъ» препровождалъ на разсмотрѣніе статсъ-секретаріата статьи, извлеченныя изъ финляндскихъ газетъ. И канцелярія статсъ-секретаріата отвѣчала, что для помѣщенія такой-то статьи «не имѣется въ виду препятствій», но,—поучала редакцію при этомъ канцелярія,—неудобно печатать о смерти профессора «въ виду тяжкихъ общественныхъ бѣдствій». Даже о такихъ статьяхъ, какъ «О дѣтскихъ пріютахъ въ Гельсингфорсѣ», о «Взглядѣ на взаимныя выгоды Россіи и В. К. Финляндскаго въ хозяйственномъ отношеніи»—редакція «Русскаго Инвалида» испрашивала разрѣшеніе. Первый экспедиціонный секретарь и указалъ почтенной редакціи, что послѣдняя статья касается «вопросовъ, относящихся до высшаго управленія Финляндіи», почему статсъ-секретаріатъ не можетъ войти въ его обсужденіе и надлежитъ просить разрѣшенія у генераль-губернатора ¹⁰⁴²).

Вообще съ печатаніемъ статей о Финляндіи всегда происходила большая церемонія. Доставили, напримѣръ, въ «Петербургскія Вѣдомости» статью изъ Ботническаго поморья. Ее побоялись напечатать вслѣдствіе того, что въ ней упоминалось также о поселенныхъ войскахъ. Само Военное Министерство пишетъ гр. Армфельту, а послѣдній запрашиваетъ ген. Рокасовскаго ¹⁰⁴³).

Кажется серьезныя дипломатическіе вопросы не всегда вызывали столь сложную переписку?

Официальная Финляндская газета, изъ которой преимущественно заимствовались свѣдѣнія о краѣ, была поставлена, начиная съ 1849 г., весьма своеобразно. Она издавалась при Канцеляріи Финляндскаго генераль-губернатора и имѣла цѣлью, посредствомъ свѣжихъ, но благоразумно выбранныхъ, политическихъ извѣстій, равно какъ посредствомъ обзоровъ новѣйшихъ постановленій и статистическихъ свѣдѣній «отвлечь публику отъ чтенія частныхъ журналовъ, внутреннихъ или иностранныхъ». Для этого при Канцеляріи было учреждено Газетное Отдѣленіе, которому выдавалось ежегодно по 4 тыс. р. Цѣль газеты, судя по докладу кн. Меншикова (1852 г.), была вполне достигнута. Число подписчиковъ дошло до 1.300; ни въ Финляндіи, ни въ Швеціи ни одно изданіе не имѣло такого числа абонементовъ. Всѣ шведскія изданія въ Финляндіи въ 1849 г., вмѣстѣ взятые, имѣли 3.700 подписчиковъ, а въ 1852 г. число ихъ сократилось до 2.977 чел. Всего официальная газета вытѣснила 1.146 чел. изъ числа читателей частныхъ изданій,

а такъ какъ въ Финляндіи обыкновенно два и три семейства складывались для подписки на газету, то можно считать, что официальное изданіе вытѣснило до 2.000 чел. ¹⁰⁴⁴). Подобными своеобразными соображеніями оправдывали существованіе газеты.

Лодка рыбака на р. Аурѣ.

Шведскій языкъ продолжалъ господствовать въ образованныхъ классахъ, почему всѣ сочиненія, какъ беллетристическія, такъ и историческія и научныя, печатались на этомъ языкѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастало, пробудившееся уже въ 1820-хъ годахъ, рвеніе къ обработкѣ финскаго языка и къ собиранію произведеній народнаго творчества.

Въ университетѣ финскій языкъ водворился постановленіемъ 1828 г., которое въ число преподавателей ввело лекторскую должность этого языка. Первымъ его лекторомъ состоялъ съ 1829 г. Карлъ Никласъ Чекманъ. Его замѣстилъ К. А. Готлундъ, но только послѣ назначенія Матіаса Александра Кастрена профессоромъ «финскаго и древне-сѣверныхъ языковъ» изученіе финско-угрскаго языка заняло болѣе видное мѣсто въ университетскомъ преподаваніи.

Горячіе споры о языкѣ велись уже давно, и съ финской стороны выставлялись весьма радикальныя требованія; партія шведовъ стремилась отстоять то положеніе, которое занимала ранѣе ¹⁰⁴⁵). Кто-то подписавшійся «Suomalainen», въ 1846 г. напечаталъ, что немногочисленное финское племя какъ въ научномъ, такъ и въ

официальномъ отношеніи, для того, чтобы не погубить собственнаго своего образованія, всегда вынуждено будетъ употреблять «общій языкъ какого нибудь богато населеннаго и образованнаго государства». Но его болѣе не слушали. Въ передовыхъ финнахъ бродили уже другія мысли, пробуждались иныя надежды ¹⁸⁴⁶).

Большимъ сочувствіемъ пользовались мысли газеты «Suometar» (1851, іюня 10, № 23), выраженные въ слѣдующихъ тезисахъ. «Богъ пробудилъ финновъ къ глубочайшему сознанію народности, такъ что едва ли найдется кто-нибудь, который стыдился бы сообщаться природнымъ языкомъ, какъ бывало нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ».

«Языкъ есть дорогой даръ Бога. Этимъ можемъ славить дарователя всѣхъ благъ, сообщить другъ другу всѣ наши мысли и понимать самыя сокровенныя думы, стремленія и желанія ближнихъ и учить дѣтей истинной набожности. Нашъ долгъ держать языкъ въ великой чести и значеніи. Мы должны беречь его такъ рачительно, какъ зѣницу ока. Книгопечатаніе возвысило языкъ въ науку въ болѣе обширномъ значеніи, чѣмъ прежде».

«Финская библія больше, чѣмъ прежде, имѣетъ надобность въ исправленіи и новомъ финскомъ переводѣ. Въ ней находится множество сердцерастерзывающихъ ошибокъ противъ языка. Лучшая наша книга должна бы быть лучшею и по языку. Это есть требованіе времени».

Правда, предсѣдатель центральнаго комитета по дѣламъ печати, д. с. с. Тернквистъ, строго подтвердилъ подлежащему цензору впредь не допускать подобныхъ статей въ финскихъ газетахъ, но эти мѣры оказывались уже запоздалыми.

Въ 1832 г. Карлъ Готлундъ издалъ первую книгу на финскомъ языкѣ «Отаву», предназначенную для образованныхъ людей, со статьями научнаго и беллетристическаго содержанія. Въ 1840 г. появилась первая финская исторія. Въ 1847 г.—первая финская комедія и первая финская газета «Suometar».

Возникшее въ пользу финскаго языка движеніе успѣло захватить нѣкоторыхъ вліятельныхъ администраторовъ, которые стали официально содѣйствовать укрѣпленію финноманіи. Товарищъ министра статсъ-секретаря Стевень, президентъ Выборгскаго гофгерихта гр. Маннергеймъ, архіепископъ Финляндіи, ректоръ университета и другіе прониклись убѣжденіемъ въ необходимости

распространенія финскаго языка среди извѣстныхъ должностныхъ лицъ края.

Стивенъ въ 1845 г. очень разумно отмѣтилъ, въ отчетѣ о своей поѣздкѣ по губерніямъ, что обнаруживается желаніе видѣть финскій языкъ въ большемъ употребленіи среди образованныхъ классовъ, и что надо воспользоваться этимъ настроеніемъ, такъ какъ дѣйствительно странно, что пасторы, не зная языка народа, могутъ занимать должности ихъ наставниковъ въ вѣроученіи или быть судьями, которые должны отобрать первыя показанія подсудимыхъ.

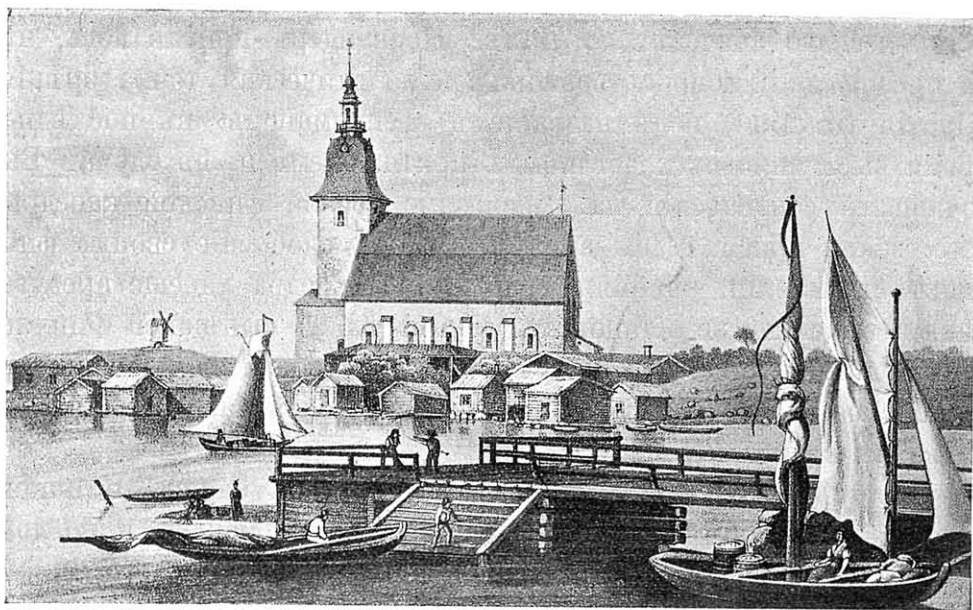
Вѣроятно, послѣдствіемъ заявленія Стивена явилось отношеніе министра статсъ-секретаря отъ 14—26 февраля 1846 г. къ генералъ-губернатору, въ которомъ говорилось, что Государь Императоръ, имѣя въ виду необходимость назначенія въ уѣзды Финляндіи пасторовъ, знающихъ финскій языкъ и потому способныхъ преподавать духовное назиданіе обывателямъ, не понимающимъ другого языка, соизволилъ повелѣть Сенату выработать соотвѣтствующія мѣры ¹⁸⁴⁷).

По этому поводу кн. Меншиковъ писалъ 2—14 февраля 1846 г. барону Клинковстрему: «Государь даетъ намъ свое согласіе на учрежденіе стипендій для изученія финскаго языка тѣми студентами, которые пожелаютъ посвятить себя духовному званію; онъ желаетъ, чтобы приходскіе священники умѣли преподавать народу правила религіи, и чтобы въ Финляндіи не случилось то-же, что въ Ливоніи, гдѣ пасторы знаютъ лишь нѣмецкій языкъ... и прихожане ищутъ религіознаго утѣшенія въ другихъ приходахъ. Вы видите, что мы не такъ ультра-ортодоксальны, какъ это утверждаютъ» ¹⁸⁴⁸).

Въ сороковыхъ годахъ національное движеніе, стремившееся поднять финскій языкъ, на которомъ говорило большинство населенія края, за счетъ культурнаго языка, сдѣлало настолько большіе успѣхи, что на юбилейномъ торжествѣ университета въ 1840 г. архіепископъ края и ректоръ университета просили и. д. канцлера гр. Ребиндера объ учрежденіи профессорской каѣдры, ссылаясь на выдающіяся заслуги Лёнрота. Проектъ этотъ былъ отвергнутъ за израсходованіемъ соотвѣтствующихъ средствъ. Въ 1846 г. консисторія университета снова подняла вопросъ объ учрежденіи каѣдры. Проектъ передали въ Сенатъ. Вице-канцлеръ, генералъ Теслевъ, поддержалъ его. Но противники не дремали. Завязалась новая борьба. Они сумѣли внушить гене-

раль-губернатору кн. Меншикову, что финское національное стремление скрываетъ въ себѣ нежелательныя домогательства. По вопросу высказались профессоръ Бломквистъ, проф. Нервандеръ и сенаторъ Клинковстремъ ¹⁰⁴⁹).

Бломквистъ склонился къ учрежденію экстраординарной профессуры, но попутно заявилъ, что для гуманистической науки, къ области которой надо отнести и финскій языкъ, открылось широкое поле по введеніи въ университетъ русской исторіи и русской литературы, «въ особенности въ уваженіе положенія нашего

Видъ г. Нодендала 1840-хъ годовъ.

времени». «Но существуетъ-ли финская литература, которую относительно объема и значенія можно сравнить, хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ, съ Россійскою? Успѣла ли она въ развитіи и опредѣленности настолько, чтобы изъ ея исторіи можно было образовать особую науку? Существуетъ-ли отдѣльная финская исторія, которую можно столь же справедливо, какъ русскую, почесть частью всемірной исторіи? Я не представляю себѣ, чтобы на эти вопросы можно было отвѣтить иначе, какъ рѣшительнымъ «нѣтъ».

Профессоръ Нервандеръ возвратился къ сопоставленію положенія финскаго и русскаго языка, чтобы изъ этого сопоставленія сдѣлать болѣе широкій выводъ. Устранивъ чувство энтузіазма и ставъ на точку спокойнаго мыслителя, онъ заявляетъ, что между

этими языками нельзя проводить никакого сравненія, такъ какъ Россія имѣетъ тысячелѣтнюю исторію и тщательно разработанную литературу. Финляндія же ничего этого не имѣетъ. При такомъ условіи каѳедра финскаго языка «не нужна въ ученomъ отношеніи». Точно также, по его мнѣнію, въ ней нѣтъ надобности и для общаго образованія края, такъ какъ на финскомъ языкѣ говоритъ только простой народъ; образованное финляндское общество пользуется шведскимъ, нѣмецкимъ и русскимъ языкомъ. «Финское самолюбіе и существующій въ юношествѣ духъ эмансипаціи, конечно, усмотрѣлъ бы въ подобной новой каѳедрѣ разсвѣтъ будущаго всемирно-историческаго значенія...». Далѣе Нервандеръ прибавляетъ, что на подлежащій вопросъ возможна и политическая точка зрѣнія. «Партія (fraction) подъ названіемъ «фенномановъ» въ послѣднее время выступила съ хвастливымъ притязаніемъ и, въ случаѣ Высочайшаго соизволенія на учрежденіе особой финской каѳедры, естественно признала бы въ этомъ фактѣ одобреніе своихъ финскихъ стремленій, крайняя цѣль которыхъ едва ли еще предугадана и вѣроятно не остановится въ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи, а посему чувство и долгъ побуждаютъ меня не испрашивать Высочайшаго соизволенія на учрежденіе особой каѳедры для финскаго языка и литературы».

Въ томъ же смыслѣ высказался сенаторъ баронъ Клинковстремъ.—«По моимъ видамъ,—писалъ онъ,—не можетъ и не долженъ имѣть особую каѳедру какой либо другой предметъ, кромѣ науки, уже достигшей развитія и распространенія, или такой языкъ, который имѣетъ собственную исторію и вполне развитую словесность». ¹⁰⁵⁰⁾

Правительство медлило рѣшеніемъ вопроса о финской каѳедрѣ, сдерживаемое также неумѣстными выходками студентовъ.

Но 10—22 марта 1850 г. министръ статсъ-секретарь гр. А. Армфельтъ сообщилъ генераль-губернатору, что «согласно съ видами Его Императорскаго Высочества Канцлера Александровскаго университета, Государю Императору благоугодно было повелѣть имѣть при семъ университетѣ профессора финскаго языка» ¹⁰⁵¹⁾.

Въ началѣ 1851 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтилъ Гельсингфорсъ и, присутствуя на засѣданіи университетскаго совѣта, собственноручно передалъ первый патентъ на званіе профессора финскаго языка Матвѣю Александру Кастрену, только что возвратившемуся изъ своего многолѣтняго научнаго путешествія.

10—22 марта 1850 г. гр. Армфельтъ сообщилъ генераль-губернатору, что Государь Императоръ, по докладу Его Величеству предположеній президента графа Маннергейма, повелѣлъ Сенату сообразить, въ какой ближайшій срокъ возможно допустить пріемъ просьбъ и жалобъ, писанныхъ на финскомъ языкѣ, и выдачу народу судебныхъ и полицейскихъ рѣшеній въ переводѣ на тотъ же финскій языкъ. ¹⁰⁵²).

Гр. Маннергеймъ вспомнилъ въ сущности старый вопросъ, поднятый еще графомъ Закревскимъ въ 1824 г. Во время объѣзда края онъ узналъ, что всѣ судебныя бумаги и рѣшенія судовъ пишутся на одномъ только шведскомъ языкѣ. Крестьяне этого языка не понимали, а по врожденному недовѣрію, бумаги никому не показывали, почему пропускали апелляціонные сроки, теряли процессы и разорялись. Съ другой стороны многіе коронные служителя, не зная финскаго языка, не въ состояніи были объясняться съ крестьянами и давать имъ нужные совѣты. А. Закревскій довелъ объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія.

Разсмотрѣвъ теперь дѣло, Сенатъ нашелъ желаніе народа неудобоисполнимымъ, и въ ноябрѣ 1851 г. отвѣтилъ, что финскій языкъ только недавно сдѣлался предметомъ филологическихъ изысканій и обработки и что онъ далеко еще не достигъ той степени точности и развитія, на которой могъ бы съ пользою замѣнить шведскій языкъ въ судебныхъ мѣстахъ и полицейскихъ учрежденіяхъ, а посему Сенатъ просилъ Государя разрѣшить населенію на свой счетъ завести въ уѣздахъ и приходахъ переводчиковъ, обязанныхъ за умѣренную плату выдавать ему нужныя выписки. Разрѣшеніе послѣдовало. ¹⁰⁵³).

Но этимъ крестьяне Финляндіи не были удовлетворены и въ апрѣлѣ 1854 г. Андрей Манниненъ и нѣсколько другихъ обывателей С. Михельской губ. подали на Высочайшее имя прошеніе, въ которомъ просили Высокомонаршей милости, «дабы любимый языкъ нашъ финскій, который мы, получивъ въ наслѣдство отъ праотцевъ, понимаемъ и знаемъ», пріобрѣлъ тѣ же права и преимущества, которымъ пользуется языкъ шведскій въ общенародныхъ училищахъ, въ коихъ дѣти наши пріучаются вѣрноподданнѣйше служить Вашему Императорскому Величеству».

Оказанныя Вашимъ Императорскимъ Величествомъ отчизнѣ нашей милости «неисчерпаемы» ободрили насъ просить о введеніи финскаго языка «учебнымъ языкомъ въ элементарныхъ училищахъ».

Далѣ крестьяне, съ Андреемъ Манниненомъ во главѣ, указывали, что ни чиновники, ни пасторы вполнѣ не понимаютъ народа, а дѣти наши... должны пожертвовать лишніе годы драгоценной своей юности на изученіе шведскаго языка, «чѣмъ они приучаются презирать насъ и нашъ родной языкъ». Надо полагать, что эти крестьяне были совершенно исключительно подготовленные и самоуверенные,—если не просто инсценированные,—такъ какъ они не преминули удостовѣрить, что финскій языкъ «довольно удобенъ для законодательства, судопроизводства и преподаванія»; они знали также объ учрежденіи каѳедры финскаго языка при университетѣ и пр. Въ заключеніе они молили объ опредѣленіи срока, по истеченіи котораго финскій языкъ «сдѣлался бы главнѣйшимъ и въ училищахъ и въ присутственныхъ мѣстахъ, взаимнѣ шведскаго» въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ финское населеніе ¹⁸³⁴). Вообще крестьянъ въ Финляндіи не разъ выдвигали на авансцену, когда на очереди стояли большіе вопросы.

Генераль П. И. Рокасовскій, препровождая это ходатайство въ статсъ-секретаріатъ, конфиденціально прибавляетъ, что оно никогда бы не состоялось, если бы «финской публикѣ было вполнѣ извѣстно» распоряженіе правительства, отъ 7—19 ноября 1851 г., объ обязательности для лицъ, поступающихъ на службу, представлять свидѣтельства о знаніи ими финскаго языка». Генераль Рокасовскій кончаетъ тѣмъ, что предлагаетъ обратиться къ содѣйствію Финскаго Литературнаго Общества, дабы оно исподволь приготовило введеніе финскаго языка въ officialное употребленіе и составило нужныя руководства для преподаванія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ ¹⁸³⁵).

Отношеніе нашего правительства къ ходу развитія финскаго языка представляется неопредѣленнымъ, колеблющимся. То оно разрѣшаетъ Финское Литературное Общество, то смотритъ на него съ недоувѣріемъ, то оно учреждаетъ финскую каѳедру, то опасается распространенія французскихъ романовъ въ финскомъ переводѣ, и т. п.

Походъ противъ Финскаго Литературнаго Общества велся, видимо, давно; это устанавливается слѣдующимъ документомъ. 13 декабря 1849 г. была подана, вѣроятно, князю Меншикову записка изъ канцеляріи генераль-губернатора. Записка безъ подписи, но очень опредѣленнаго направленія по своему содержанію.

Она испрашиваетъ разрѣшенія выпустить «въ публику» статью какой то газеты, въ которой говорилось: объ исторіи финномановъ, съ указаніемъ ихъ именъ; объ ихъ возгласахъ, о которыхъ не было никакихъ донесеній, о финскомъ масонствѣ—подъ именемъ Литературнаго Общества, и, наконецъ, о шведской газетѣ «Voge». Авторъ этой краткой записки спрашиваетъ своего начальника: «Не позволите ли признать: 1) Справиться о должностяхъ этихъ матадоровъ и внести ли ихъ въ черную книгу, которую не худо бы завести здѣсь. 2) Справиться, въ какихъ газетахъ пропущены ихъ пѣсни. 3) Статью не уничтожать, а весь номеръ удержать. Вырѣзка сердитъ морально, а удержаніе газеты дѣйствуетъ на расчетъ. Расчетливый субскрибентъ посердится, да и кончитъ тѣмъ, что «не стоитъ абонироваться, деньги даромъ пропадаютъ». Это бы и надо.

«Что касается до Литературнаго Общества, оно такъ давно раскрыло свой планъ, что было бы, кажется, неосторожнымъ терпѣть его, особенно когда планъ извѣстенъ уже и за границу. Не долго будетъ это общество свѣтить съ другими.

«Если бы вмѣсто утвержденія устава Общества разрѣшены были представленія о каедрѣ финскаго языка и о финскихъ стипендіяхъ, то можно бы было довольно благовидно сказать, что за сими мѣрами Общество уже не нужно, благодарить его и сказать, что ежели у него приготовлены какія либо полезныя сочиненія, то правительство готово дать пособіе на ихъ печатаніе».

Авторъ записки подготавливалъ подкопъ подъ Финское Литературное Общество, имѣя въ виду взорвать его. Для членовъ ея предлагалось завести «черную книгу». Нѣсколько игривый тонъ записки позволяетъ предполагать, что она принадлежала перу или Витте, или К. Фипера, которые ранѣе позволяли себѣ нѣсколько развязно бесѣдовать съ генералъ-губернаторомъ Меншиковымъ. Ясно, что въ 1849 г. было много разговоровъ объ Обществѣ, заповѣрчивномъ даже въ масонствѣ. Начальникъ оказался спокойнѣе и разсудительнѣе своего подчиненнаго и не склонился на уничтоженіе Общества, а ограничился по отношенію къ нему изданіемъ новаго устава и усиленіемъ цензурнаго надзора. ¹⁰⁵⁶⁾

Въ началѣ 1850 г. (25 февр.—9 марта) кн. Меншиковъ сообщилъ министру статсъ-секретарю, что Его Высочество соизволилъ на продленіе Общества, но съ тѣмъ, чтобы оно занималось исключительно усовершенствованіемъ «отечественной» литературы, обработкой финскаго языка и изданіемъ полезныхъ книгъ. Чле-

нами общества могли состоять лица, «достойныя уваженія». Обществу разрѣшалось собираться одинъ разъ въ мѣсяцъ. Цензурѣ надлежало слѣдить, чтобы въ его изданіяхъ не обнаруживалось предосудительнаго направленія «ни въ буквальныймъ смыслѣ, ни въ общемъ духѣ». ¹⁰⁵⁷⁾

Маленькую интересную подробность вносить при этомъ историкъ Общества, профессоръ Е. Г. Пальмѣнь. Общество обязано было наблюдать, чтобы въ его изданіяхъ не заключалось вреднаго направленія, иначе оно будетъ отвѣчать за него. Общество принялось измѣнять свои уставы, согласно новымъ требованіямъ. Но, замѣтивъ, что нѣкоторые требованія, въ родѣ приведенныхъ о книгахъ, могутъ причинить ущербъ его дѣятельности, оно просто пропустило ихъ, не желая взять на себя обязанности цензора. ¹⁰⁵⁸⁾

Общество уцѣлѣло и продолжало свою работу. Успѣхъ Финляндіи выросъ между прочимъ изъ счастливой мысли, которую, не откладывая, стали осуществлять. Дѣло въ томъ, что образованный классъ усвоилъ себѣ, какъ аксіому, необходимость приобщенія народа къ грамотности, необходимость поднятія умственного его уровня. А главное, усвоивъ это положеніе, передовые люди отъ словъ перешли къ дѣлу, и все національное поступательное движеніе крѣпко сплелось съ народнымъ образованіемъ. Первые сѣмена этого благодатнаго посѣва въ добрый часъ были широко разбросаны Финскимъ Литературнымъ Обществомъ: оно ранѣе другихъ подумало объ учебникахъ, народныхъ хрестоматіяхъ и пр.

Въ то время, когда Финское Литературное Общество переживало страхъ за свое существованіе, на сторонниковъ финской культуры обрушился новый сильный ударъ.

Въ Финляндіи предприимчивый человѣкъ задумалъ издать, въ переводѣ на финскій языкъ, французскіе романы Евгенія Сю, проникнутые тенденціознымъ демократизмомъ и социалистическими теоріями, и распространить ихъ по дешевой цѣнѣ. Меншиковъ встрепенулся, торопясь создать преграду этой затѣѣ.

7—19 марта 1850 г. Государь Императоръ,—какъ сообщалъ кн. Меншиковъ статсъ-секретариату,—«узнавъ о намѣреніи издать въ Финляндіи новое сочиненіе на финскомъ языкѣ, и принявъ во вниманіе, что понимающія только по-фински, принадлежатъ исключительно къ рабочему или сельскому классу, извоилитъ найти, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ книга безвредная образован-

ному человѣку можетъ быть превратно понимаема необразованными читателями простого народа, и что вообще бесполезное чтеніе отвлекало бы рабочій и сельскій классъ отъ дѣльныхъ занятій, и потому Высочайше повелѣтъ соизвоилъ: новыя книги, брошюры, періодическія и другія сочиненія, въ какой бы формѣ и въ какомъ бы объемѣ ни были, дозволяется издавать на финскомъ языкѣ только тѣ, которыя... имѣютъ какъ по духу своему, такъ и по изложенію исключительную цѣль назиданія религіознаго или хозяйственнаго; изданіе же на финскомъ языкѣ извѣстій политическихъ или о преступленіяхъ, за границу совершенныхъ, равно какъ изданія на семъ языкѣ романовъ, въ подлинникѣ или переводѣ, безъ исключенія и тѣхъ, которые на другомъ языкѣ пропущены цензурою, рѣшительно воспрещаются» ¹⁰⁵⁹).

Вѣроятно, опасаясь, что новое требованіе будетъ неправильно понято, князь въ тотъ же день дополнительно увѣдомилъ гр. Александра Густавовича, что ограниченія и запрещенія относятся къ новымъ сочиненіямъ, а не къ тѣмъ, которыя прежде были уже изданы на финскомъ языкѣ, а потому можно печатать финскія хроники, саги, старинныя народныя пѣсни и поэмы. Мало того. Въ тотъ же день кн. Меншиковъ поспѣшилъ послать въ Гельсингфорсъ, своему помощнику генералу П. И. Рокасовскому, нѣкоторыя указанія о примѣненіи новаго закона.

То рвеніе, съ которымъ кн. Меншиковъ сталъ требовать осуществленія новыхъ ограниченій по отношенію къ финскому языку, показываетъ, что онъ являлся ихъ убѣжденнымъ инициаторомъ. К. Фишеръ подтверждаетъ нашу догадку ¹⁰⁶⁰). Другое подтвержденіе находится въ Архивѣ Финляндскаго Статсъ-Секретаріата ¹⁰⁶¹).

Кто изъ финляндцевъ сообщилъ кн. Меншикову о задуманномъ переводѣ французскихъ романовъ—неизвѣстно, но остается несомнѣннымъ, что толчекъ новому цензурному стѣсненію данъ былъ изъ Гельсингфорса ¹⁰⁶²).

Проф. Даніельсонъ-Кальмари держится того мнѣнія, что Л. Гартманъ своими внушеніями также не мало содѣйствовалъ подготовленію правительственныхъ сферъ къ изданію закона 1850 г. Л. Гартманъ не могъ не замѣтить статей Снелъмана даже въ началѣ его публицистической дѣятельности. При первой личной ихъ встрѣчѣ сразу обозначалось, что либераль и консерваторъ стояли другъ противъ друга, не будучи въ состояніи убѣдить одинъ другого. Л. Гартманъ высказался въ письмѣ къ кн. Меншикову, но

находилъ, что закрыть изданіе нецѣлесообразно. Не могъ онъ удовлетвориться и мало свѣдущимъ цензоромъ, понимая, что онъ способенъ былъ лишь подрывать достоинство правительства. Въ то же время Л. Гартманъ видѣлъ подъемъ финской національности и удостовѣрился, что умы были сильно охвачены новымъ движеніемъ. Между тѣмъ правительство стояло въ сторонѣ, проявляя почти полное безучастіе. Въ глазахъ Л. Гартмана это представлялось менѣе всего желательнымъ, такъ какъ то движеніе, которое овладѣвало молодежью и стало захватывать населеніе, являлось, по его мнѣнію, въ значительной степени родственнымъ тѣмъ грознымъ выпышкамъ, отъ которыхъ страдала Старая Европа. Л. Гартманъ, въ перепискѣ съ начальникомъ края, старался поэтому открыть ему глаза на новое опасное положеніе. Народное движеніе сдѣлалось замѣтнымъ факторомъ въ жизни края и Л. Гартманъ озаботился тѣмъ, чтобы правительство выразило свое отрицательное отношеніе къ нему, такъ какъ знаменитый сенаторъ не могъ одобрить этого движенія ни съ государственной, ни съ точки зрѣнія внутренняго общественнаго развитія ¹⁰⁶³).

Скороспѣлое и крайне неясно сформулированное мартовское постановленіе 1850 г. на первыхъ же порахъ потребовало дополненія и разъясненія. Нужно было указать, что на финскомъ языкѣ не воспрещается печатаніе элементарныхъ учебниковъ и словарей, столь необходимыхъ для преподавателей и священниковъ въ новыхъ школахъ.

Кромѣ книгъ религіознаго содержанія, имѣлись и другія, весьма полезныя и поучительныя для народа. Цензура выразила склонность пропускать ихъ. Однако, попытка ея не удалась, въ виду того, что на стражѣ закона грозно сталъ на этотъ разъ К. Финнеръ. Онъ былъ неумолимъ, и подлежащія цензурныя власти призваны были вновь проявить «тщательное вниманіе» ¹⁰⁶⁴).

Къ сожалѣнію, мѣропріятіе, столь ретиво взятое подъ свое покровительство кн. Мелпиковымъ и его помощникомъ Финнеромъ, не могло послужить ко славѣ и восхваленію нашего правительства. Въ одномъ изъ своихъ заключеній бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головинъ писалъ: «Я находился въ Финляндіи въ то самое время, когда приняты были строгія цензурныя мѣры противъ книгъ, которыя печатались для народа на финскомъ языкѣ и разныхъ нарѣчійхъ онаго, при чемъ было дозволено издавать на этомъ языкѣ только книги духовнаго или агрономи-

ческаго содержанія. Я былъ тогда свидѣтелемъ негодованія, которое возбудила эта мѣра въ лицахъ самыхъ преданныхъ правительству, которыя оплакивали оную, какъ политическую ошибку. Враги правительства радовались этому распоряженію, ибо оно приносило большой вредъ самому правительству» ¹⁰⁶⁵).

Вопросъ о печатаніи финскихъ книгъ, видимо, возбудилъ нѣкоторое общественное волненіе и негодованіе, если кн. Меншиковъ счелъ необходимымъ почти оправдываться передъ барономъ Котеномъ. 1—13 апрѣля 1850 г. онъ писалъ барону: «Что касается финномановъ, занятыхъ цензурой финскихъ книгъ, о которыхъ вы мнѣ говорите, вотъ что я объ этомъ думаю. Какой классъ жителей Финляндіи не говоритъ на другомъ языкѣ, кромѣ финскаго? Это—народъ и низшіе классы, и они нуждаются въ образованіи религіозномъ, земледѣльческомъ и промышленномъ. Правительство противится ли этому образованію? Нѣтъ, разъ оно дозволило печатать всѣ финскія книги, создало каѳедру по финскому языку, дабы сблизить народъ съ болѣе просвѣщенными классами. Что-же вызываетъ неудовольствіе нѣкоторыхъ людей? Это—запрещеніе печатать по-фински книги, которыя деморализируютъ народъ, какъ деморализировали они рабочихъ во Франціи и пролетаріевъ всѣхъ странъ. Этимъ людямъ мѣшаютъ, съ помощью печати, проповѣдывать всякія преступленія. Жду проклятій этихъ крикуновъ пропаганды»...

Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ, наиболѣе образованные и внимательные наблюдатели всего происходившаго въ Финляндіи, также пришли въ нѣкоторое замѣшательство, видя непослѣдовательность въ распоряженіяхъ правительства. Въ то же время у нихъ мелькнула слабая надежда на оживленіе вниманія къ русскому языку. «Судя по тому, что въ университетѣ своемъ Финляндія пожелала видѣть

Ректоръ Габріэль Рейнтъ.

каеэдру отечественнаго языка, я полагалъ,—отозвался П. А. Плетневъ,—что ей хочется, наконецъ, замѣнить иностранный и ино-
племенный (шведскій) языкъ, чтобы, убавивъ это бесполезное и
унижающее націю бремя, вѣрнѣе и усерднѣе приняться за языкъ
націи, съ которою слита Финляндія. Не такъ-ли, судя логически
и дипломатически? Зачѣмъ-же ограничивать ей литературу оте-
чественнаго языка только предметами религіи и сельскаго хозяй-
ства? А прочія науки, а поэзія: ужъ если рано еще излагать ихъ
по-фински, то всего ближе по-русски, нежели по иностранному,
т. е. по-шведски. Вѣдь пасторовъ и дворянъ во сто разъ менѣе
въ Финляндіи, нежели прочихъ сословій, которыя не хуже тѣхъ
двухъ, и читать и писать умѣютъ» ¹⁰⁶⁶).

Въ благородномъ увлеченіи напѣ патріотъ упустилъ изъ вида,
что фактически русскій языкъ отстоялъ дальше отъ финна, чѣмъ
шведскій. Въ администраціи, судѣ и школѣ напѣ правительство добро-
душно оставило чужой для себя и для финна шведскій языкъ. Со
шведскимъ языкомъ финну приходилось считаться, но не съ русскимъ.

Я. К. Гротъ и Плетневъ поняли, что нарождалось новое націо-
нальное движеніе. Его заподозрили въ революціонно-демагогиче-
скихъ стремленіяхъ. Это былъ ловкій пріемъ шведомановъ, которые
успѣли этимъ путемъ повліять на кн. Меншикова и внушить ему,
что финноманы стремятся къ объединенію всѣхъ финскихъ племенъ
и къ созданію изъ нихъ самостоятельнаго государства. Когда
князю замѣтили, что такая мысль можетъ придти въ голову только
сумашеднаго, онъ сказалъ: «*Ma foi, le monde est plein de fous*» ¹⁰⁶⁷).

«Я согласенъ, что финноманія, покамѣстъ чистый вздоръ,—
писалъ П. А. Плетневъ. Современемъ она будетъ что нибудь зна-
чить, если въ высшемъ слоѣ ослабнетъ шведоманія. Только, мнѣ
кажется, и тогда это мѣсто должно занять руссоманія, какъ теперь
въ Малороссіи. Въ государствѣ, образовавшемся изъ разноплемен-
ныхъ народовъ, всегда одинъ господствуетъ съ языкомъ своимъ:
это законъ природы и ея дочери—исторіи» ¹⁰⁶⁸).

Всюду было такъ, только не въ Россіи.

Установленный въ мартѣ 1850 г. порядокъ просуществовалъ
до 1854 г., когда у правительства явилось желаніе облегчить фин-
ское книгопечатаніе.

А. С. Меншиковъ находился далеко, на югѣ. Стали говорить,
что онъ покидаетъ постъ генераль-губернатора. Слухи объ его
уходѣ «пробудили интриги финномановъ», которые не могли

примириться съ запрещеніемъ печатать нѣкоторыя книги на финскомъ языкѣ. «Эти крики дошли довольно высоко» и надо полагать, что они оглушали гр. А. Армфельта, такъ какъ онъ сталъ во главѣ движенія, направленнаго къ отмѣнѣ закона 1850 г., и повелъ эту кампанію по обдуманному плану.

Надо полагать, что по его мысли привлеченъ былъ, въ качествѣ эксперта, профессоръ С. И. Барановскій, который своевременно вручилъ докладчику слѣдующую записку: «Скоро по вступленіи моемъ въ должность профессора въ Гельсингфорсѣ, сдѣлался я членомъ Финскаго Литературнаго Общества, видя въ его дѣятельности одно изъ средствъ, отдаляющихъ Финляндію отъ Швеціи и приближающихъ ее къ Россіи. Слѣдя въ теченіе одиннадцати лѣтъ за дѣятельностью этого Общества, я вполнѣ убѣдился, что мое понятіе о немъ совершенно вѣрно. Поэтому я считаю, что было бы для русскихъ интересовъ въ Финляндіи весьма полезно, если бы правительство, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, отмѣнило чрезмѣрную строгость къ сочиненіямъ на финскомъ языкѣ и позволило бы печатать на этомъ языкѣ все то, что позволено печатать на языкахъ русскомъ и шведскомъ: отъ такого позволенія нѣтъ для насъ никакой опасности, а можетъ быть только польза, тогда какъ чрезмѣрная строгость только вредитъ намъ» ¹⁰⁶⁹).

Затѣмъ гр. Армфельтъ побывалъ въ Гельсингфорсѣ и, видимо, далъ указанія, въ какомъ направленіи надлежало дѣйствовать. Началась интересная переписка между генераломъ Рокасовскимъ и гр. Армфельтомъ. 20 сентября—2 октября 1854 г. генераль Рокасовскій конфиденціально написалъ гр. Александру Густавовичу Армфельту: «Въ бытность вашего сіятельства въ Гельсингфорсѣ, вы изволили между прочимъ мнѣ сообщить о видахъ Государя Императора на счетъ финскаго книгопечатанія, ограниченнаго въ настоящее время почти исключительно сочиненіями религіозными и хозяйственными».

Разсмотрѣвъ дѣло, генераль Рокасовскій пришелъ къ заключенію, что «великодушная цѣль Его Императорскаго Величества могла бы быть достигнута, если Финляндекому генераль-губернатору предоставлено будетъ расширять мало по малу существующія нынѣ временныя ограниченія, относительно финскихъ сочиненій и листовъ, но съ тѣмъ, чтобы при этомъ ни въ какомъ случаѣ не переходить предѣловъ общихъ цензурныхъ правилъ, а, напротивъ,

руководствоваться сдѣланными доселѣ распоряженіями къ устраненію отъ народа всякаго бесполезнаго чтенія, могущаго вообще отнимать любовь къ труду и въ особенности отвлекать рабочій и сельскій классъ отъ дѣльныхъ занятій».

Гр. Армфельтъ не замедлилъ докладомъ и уже 30 сентября 1854 г. увѣдомилъ Рокасовскаго, что «Его Императорскому Величеству благоугодно было имѣть свѣдѣнія о поводѣ, по которому ген.-адъют. кн. Меншиковъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на счетъ ограниченія финскаго книгопечатанія».

Продолжая свое сообщеніе (отъ 30 сентября 1854 г.) Рокасовскому, гр. Армфельтъ поясняетъ: «Повелѣніе это состоялось въ то время, когда Европа была взволнована домогательствами социализма и національностей; сверхъ того, до генераль-губернатора доходили партикулярные слухи, что въ Финляндіи готовилось особое общество, намѣревавшееся издавать въ финскомъ переводѣ новѣйшіе французскіе романы».

При общей грамотности въ Финляндіи къ этому вопросу нужно было отнестись серьезнѣе, чѣмъ обще-цензурнымъ порядкомъ.

«Означенное Высочайшее повелѣніе не воспрещало печатать на финскомъ языкѣ: а) историческія свѣдѣнія, старинныя поэмы, саги, пѣсни и все то, что до толѣ было печатано; б) труды Финскаго Литературнаго Общества; в) учебныя книги; г) сочиненія религіозныя или хозяйственныя.

«Слѣдовательно, хотя слово закона казалось строгимъ, но по смыслу его у народа ничего не отнималось изъ прежняго его чтенія, да изъ новыхъ сочиненій запрещались только романы и религіозная полемика».

Въ дѣлахъ статсъ-секретаріата сохранилась справка, которая, вѣроятно, была представлена Государю. Въ ней говорится: «Финское Литературное Общество, въ восторгѣ отъ пріобрѣтеннаго вѣса, возвысило голосъ; число его корреспондентовъ и сотрудниковъ стало усиливаться, въ особенности людьми изъ мелкихъ ученыхъ, учителей, юристовъ и проч., и мало-помалу столкновеніе шведскаго и финскаго началъ стало показывать нѣкоторый антагонизмъ между аристократіей (шведами) и плебеями (финнами).

Къ этому времени подоспѣли смуты Запада. Авторы—соціалисты Франціи, обогатившіеся своими романами; Германскіе профессоры, получившіе Европейскую извѣстность разсужденіями

во Франкфуртскомъ парламентѣ; война за національность въ Венгріи,—все это подѣйствовало, какъ бы эпидемически, на умы Финляндіи, возбудивъ честолюбіе и любостязаніе журналистовъ, авторовъ и профессоровъ. Но убѣжденные въ строгомъ надзорѣ и твердости правительства, эти спекуляторы разумѣется не дозволяли себѣ открытыхъ дѣйствій и скрывали свои мысли съ тою осторожностью, что только внимательнымъ прислушиваніемъ можно было слѣдить за ними и дойти до лучшихъ мѣръ противо-дѣйствія. Финское Литературное Общество, поручивъ своимъ сотрудникамъ собираніе древнихъ сагъ, предоставило имъ сообщать и другія путевыя впечатлѣнія, которыя должны были печататься ея издѣивеніемъ; появились объявленія о брошюрахъ, которыя обѣщали продавать за весьма ничтожную цѣну (нѣсколько копѣекъ); начали было учреждать разныя общества, гдѣ члену предоставлялось платить отъ 5 до 10 копѣекъ въ годъ, и, наконецъ, составилось было товарищество для печатанія малыми выпусками переводовъ на финскій языкъ новѣйшихъ романовъ; по партикулярнымъ же свѣдѣніямъ извѣстно было, что приготовленные переводы заключались въ романахъ Евгенія Сю.

Эти же свѣдѣнія обнадеживали, однако, что изданіе сихъ романовъ, по крайней мѣрѣ со стороны тѣхъ, кто хотѣлъ приводить это въ исполненіе, имѣло цѣлью спекуляцію, а не какіе-либо политическіе происки.

Все это понудило правительство запретить народныя изданія на финскомъ языкѣ, исключая книгъ религіозныхъ и хозяйственныхъ. Ропота противъ этого со стороны народа не было и быть не могло: народъ никогда не имѣлъ другихъ книгъ, кромѣ такихъ, въ пользу которыхъ сдѣлано изъятіе; слѣдовательно, онъ ничего не лишился изъ своего прежняго достоянія, а только не былъ допущенъ къ чтенію иного рода, котораго еще не зналъ, а потому жалѣть о немъ не имѣлъ повода. Говорили противъ сей мѣры только тѣ, кто уже напередъ рассчитывалъ на барыши отъ такихъ изданій, но чтобы имѣть видъ справедливаго негодованія, обманутые въ надеждахъ народные писатели выставляли эту мѣру въ видѣ подавленія финской національности, мирной и безлицемѣрной.

Эта невинная національность не только не была подавляема, но въ пользу ея сдѣлано многое. При этомъ указывается на учрежденіе финской кааедры, на требованіе отъ пасторовъ и судей знанія финскаго языка и проч.

Кромѣ того, начальство имѣло въ виду, коль скоро умы въ Западной Европѣ успокоятся, расширять мало-по-малу тѣ ограниченія, относительно брошюръ вообще и финскихъ листовъ въ особенности, которыя становились съ 1848 г. необходимы для охраненія нравственнаго спокойствія края ¹⁰⁷⁰).

Доложивъ указаннымъ образомъ Государю дѣло, министръ статсъ-секретарь приготовилъ слѣдующую резолюцію, которая удостоилась утвержденія Его Величествомъ: «Финское книгопечатаніе дозволяется съ тѣмъ, чтобы оно подчинялось цензурѣ, которая устраняла-бы отъ народа не только вредное чтеніе, но и бесполезное, могущее утратить въ немъ любовь къ труду» ¹⁰⁷¹).

Финское движеніе, начавшееся въ Великомъ Княжествѣ, скоро отозвалось за его предѣлами. Въ 1836 г. собраніе финскихъ пасторовъ подняло вопросъ объ основаніи въ Петербургской губерніи финскихъ народныхъ училищъ. Послѣдствіемъ ихъ заботъ явились воскресныя школы. Этимъ они не ограничились. Въ 1845 г. сталъ по этому-же вопросу работать особый Комитетъ. Не довольствуясь достигнутыми результатами, финское духовенство, по предложенію главнаго пастора финской церкви въ Петербургѣ Сирѣна, стало опредѣлять въ финское церковное училище молодыхъ людей изъ «ингерманландскихъ» крестьянъ, для подготовленія ихъ къ педагогической дѣятельности.хлопоты пасторовъ кончились тѣмъ, что рѣшено было учредить семинарію въ Колпинѣ (сентябрь 1863 г.), которая внесла рѣзкій переворотъ въ духовную жизнь ингерманландцевъ. Финляндцы продолжаютъ до нашихъ дней называть Петербургскую губернію Ингерманландіей, или Инкери, и ученики Колпинской семинаріи, подъ самымъ Петербургомъ, распѣваютъ «національную пѣсню инкерцевъ».

Видъ финской деревни.

Бомарзундскіе солдаты.

ХУ. Итоги.

Послѣдніе годы царствованія Николая I были омрачены тяжелой для Россіи Восточной войной 1853—1856 г.г. «Ни одна война не возникала отъ причинъ болѣ запутанныхъ и неопредѣленныхъ». Тутъ сыграли роль и суровая сдержанность письма Государя Наполеону III, и ошибки дипломатовъ, и заносчивая самоувѣренность кн. Меншикова, проявленная въ Константинополѣ, а главное—недовѣріе англичанъ къ политикѣ Николая Павловича. Чрезмѣрно возросшее вліяніе Россіи—вотъ чего не прощали ей. Николай I казался властителемъ Европы. Западнымъ державамъ нужно было унижить Россію, нанести ударъ ея «морскому могуществу и земельнымъ размѣрамъ». Мелкая-же ссора греческаго и латинскаго духовенства въ Іерусалимѣ явилась лишь поводомъ къ столкновенію, такъ какъ всѣмъ было ясно, что вопросъ о «ключахъ» не въ состояніи былъ нарушить добрыхъ отношеній между государствами

Западныя державы безъ предварительнаго объявленія войны ввели свои флоты въ Черное море. Пришлось отозвать русскія посольства изъ Лондона и Парижа, и манифестомъ 9—21 февраля 1854 г. объявить о разрывѣ. Въ Балтійское море вошла армада англійскихъ и французскихъ кораблей, подъ начальствомъ адмираловъ Немира и Парсеваль-Дешена, всего 80 судовъ, 3.652 орудія и 43.100 чел. морского экипажа и десанта. Всѣ эти люди и орудія,

по словамъ западныхъ нотъ и циркуляровъ, назначались противъ великаго виновника общихъ бѣдъ—русскаго правительства, его крѣпостей и арсеналовъ. Оказалось, однако, что на англійскихъ судахъ было болѣе пиратовъ, чѣмъ воиновъ. Міровые мореплаватели начали съ грабежей и поджоговъ частнаго имущества и захватовъ торговыхъ судовъ.

Въ Балтикѣ Россія имѣла до 360 вымпеловъ; но такъ какъ мы не успѣли ввести въ надлежащемъ количествѣ паровыхъ двигателей на своихъ судахъ, то нашъ флотъ оказался слабѣе непріятельскаго и особое совѣщаніе адмираловъ рѣшило, что превосходная сила

Адмиралъ Непирь 1786—1860.

союзнаго флота не дозволить намъ вступить съ нимъ въ открытый бой съ какою либо надеждою на успѣхъ, а потому по необходимости должны были остаться въ оборонительномъ положеніи, подъ защитою нашихъ крѣпостей, не будучи въ совершенной готовности пользоваться каждою благопріятною минутою для перехода въ наступленіе ¹⁰⁷²).

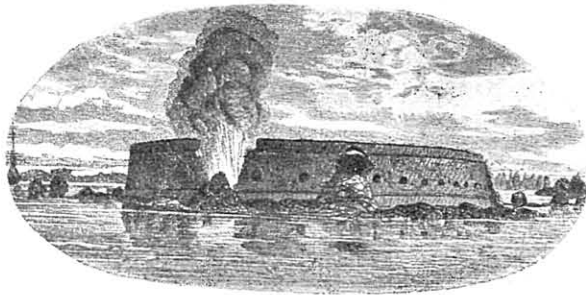
Во всѣхъ нашихъ крѣпостяхъ наблюдались существенныя измѣненія. Каменные стѣны Свеаборгскихъ укрѣпленій требовали большихъ исправленій. Кромѣ того, нужно было возвести новыя батареи. Чувствовался недостатокъ въ орудіяхъ, снарядахъ и людяхъ. Кипучею дѣятельностью пытались восполнить недочеты; но крѣпости въ боевой порядокъ привести не успѣли. Интересно прибавить, что съ той поры, какъ русскіе изучили эту крѣпость, восторженные отзывы о ней прекратились. Командиръ новофинляндскаго инженернаго округа ген.-м. Трузсонъ донесъ Николаю Павловичу: «Внимательному наблюдателю свеаборгскія крѣпости представляютъ много странностей. Онъ узрѣть груду укрѣпленій, какъ бы случаемо на скалы выдвинутыхъ, болѣе другъ другу оборонами своими вредящихъ, нежели защищающихъ. Ужасныя громады каменныхъ стѣнъ безъ всякихъ земляныхъ насыпей и безъ рвовъ... Все доказываетъ, что при сооруженіи

сихъ укрѣпленій не слѣдовали твердому плану». Внутреннія несогласія, царившія среди шведскаго правительства, отразились на укрѣпленіяхъ ¹⁰⁷³). Въ 1829 г. генераль Опшерманъ находилъ, что Свеаборгскія укрѣпленія запущены болѣе всѣхъ другихъ на Финскомъ заливѣ.

Свартгольмскую крѣпость сохранили, хотя на ней было только 12 орудій, при чемъ къ каждому изъ нихъ приставлено было лишь по три человѣка и тѣ были пѣхотинцы.

Роченсальмскія укрѣпленія на Коткѣ были упразднены. Фортъ Слава оставался. Его охрана состояла изъ 8 офицеровъ и 254 нижнихъ чиновъ, при 42 орудіяхъ. Въ октябрѣ 1854 г. постѣпили разоружить ея верки.

Выборгъ? Не смотря на то, что ген.-адъют. Н. А. Огаревъ донесъ, что эта крѣпость «приведена въ полное оборонительное состояніе, снабжена гарнизономъ, вооруженіемъ и всѣми военными и продовольственными запасами», Выборгъ оказался совершенно неподготовленнымъ къ встрѣчѣ непріятеля. На брустверахъ скосили траву, въ разныхъ мѣстахъ поставили ненужные полисады и блиндажи, но пороха не было, ибо тотъ порохъ, который лежалъ въ погребахъ, выбрасывалъ ядра не далѣе 100 сажень отъ дула орудія. Созвали тысячу рабочихъ; они ежедневно исправляли укрѣпленія, заграждали Транзундскій проходъ, возводили новыя батареи. Ген.-лейт. Мерхелевичъ, распорядившійся въ послѣднюю минуту работами, оказался лицомъ безъ всякихъ военныхъ дарованій и нужной сообразительности.

Взрывъ форта Роченсальмъ.

Гангеуддъ состоялъ изъ нѣсколькихъ старинныхъ и слабыхъ гранитныхъ фортвъ, съ запущеннымъ вооруженіемъ. При вступленіи Николая Павловича на престолъ, полковникъ артиллеріи Бакунинъ донесъ, что «нашелъ въ сей крѣпости не укрѣпленія, а однѣ только развалины оныхъ».

Бомарзундъ былъ недостроенъ. Въ 1830 г. финляндская казна, по займу произведенному въ Россіи, израсходовала на него незначительную сумму—менѣе 600 тыс. р. Къ началу кампаніи

крѣпость имѣла оборонительную казарму и три ничѣмъ не связанныхъ форта. Въ нихъ было размѣщено 112 орудій. Весь гарнизонъ его не превышалъ 1.600 чел.

Въ 1820 г. Николаю Павловичу лично пришлось осмотрѣть укрѣпленія на Аландѣ и онъ пришелъ къ заключенію, что они весьма основательно оставлены инженернымъ вѣдомствомъ.

Федоръ Васильевичъ Павловъ.
Комендантъ Бомарзунда до войны.

Позднѣе, когда кн. Волконскій предложилъ возобновить ихъ, Николай Павловичъ отвѣтилъ ему, что возстановлять ихъ «совершенно излишне, тѣмъ болѣе, что оныя никакой препоны произвести не могутъ, если-бы удалось непріятелю подойти къ мѣсту, гдѣ они начинаютъ ему вредить». Къ сожалѣнію, отъ этой вполне вѣрной мысли Великаго Князя въ послѣдствіе отступили. (Изъ архивныхъ матеріаловъ ген.-м. Г. И. Тимченко-Рубана).

По всему Балтійскому побережью Россія въ состояніи была выставить въ 1854 г. только 165 тыс. чел., причемъ на долю Финляндіи пришлось не болѣе 30 тыс., между тѣмъ ея береговая линія тянулась на 1.500 верстъ.

Государь, желая лично убѣдиться въ настроеніи финновъ, прибылъ въ Гельсингфорсъ ¹⁸⁷⁴).

Газета «Helsingfors Tidningar» отъ 18 марта 1854 г. слѣдующимъ образомъ описала это Высочайшее посѣщеніе.

Онъ пришелъ—и всѣ сказали другъ другу: Императоръ все тотъ-же. Пусть бремя лѣтъ, не щадящее и сильнѣйшихъ, наложило свою печать на чело возлюбленнаго Монарха,—высокій, могучій, какъ раньше, стоялъ онъ среди насъ; все, что могли сдѣлать годы и испытанія, сводилось къ тому, что Его ликъ сталъ еще болѣе властнымъ и вселяющимъ преклоненіе; точно новое трогательное сіяніе разливалось вокругъ Его благороднаго чела.

Вечеръ понедѣльника сіялъ роскошнымъ свѣтомъ полной луны. Гельсингфорсъ прекрасенъ въ лунномъ освѣщеніи; было такъ свѣтло, что на улицѣ можно было читать. Цѣлый день царило повсюду небывалое по оживленности движеніе, на всѣхъ лицахъ можно было замѣтить ожиданіе.

Его Императорское Величество, Наслѣдникъ и Великіе Князья прибыли въ 4 часа утра съ многочисленной свитой.

Въ тотъ день вечеромъ весь Гельсингфорсъ былъ ослѣпительно иллюминированъ. Легкій туманъ ступеньками болѣе отдаленные предметы, но сквозь эту дымку Николаевскій соборъ, горѣвшій площадками по всѣмъ линіямъ и куполамъ, разливалъ упоительный свѣтъ. На городской ратушѣ былъ выставленъ большой транспарантъ съ вензелемъ Его Императорскаго Величества, окруженнымъ лаврами. На лицевой сторонѣ Александровскаго университета красовался другой транспарантъ, изображавшій Абоскую академію въ пламени, изъ котораго подымается фениксъ, съ латинскою надписью: «E cinere renatea refugium paravit Caesar». (Императоръ уготовалъ пристанище возрожденной изъ пепла). Студенты иллюминировали свои аудиторіи всѣхъ факультетовъ. Вдали переливали огнемъ казармы флотскаго экипажа.

Императоръ Николай I.
Рис. съ натуры П. А. Каратыгинъ.

Когда Государь Императоръ, въ сопровожденіи Наслѣдника и Великихъ Князей, осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ университетъ, преподаватели и студенты въ полномъ составѣ встрѣтили его въ актовомъ залѣ пѣніемъ «Боже, Царя храни». Его Величество соизволилъ выразить университету свое Всемилоостивѣйшее благоволеніе, благодарилъ студентовъ за ихъ похвальное поведеніе въ послѣдніе три года и выразилъ увѣренность, что и они, когда потребуется защищать возлюбленное отечество, отдадутъ на слу-

женіе ему свои сердца и свои силы. Это обращеніе къ завѣтнымъ чувствамъ молодежи встрѣтило пламенный откликъ въ груди всѣхъ.

Въ 10 часовъ утра Его Величество произвелъ на Сенатской площади смотръ лейбъ-гвардіи стрѣлковому финскому баталіону и въ милостивыхъ словахъ выразилъ Свое удовольствіе. Картина смотра была изъ числа наиболѣе грандіозныхъ. Всѣ окна, всѣ двери и вся площадь были переполнены зрителями; считаютъ, что тамъ присутствовало не меньше 8 или 9 тысячъ человѣкъ. Особенно внушительный видъ представляла колоссально высокая лѣстница передъ соборомъ, плотно усеѣнная головами зрителей. И среди этого многочисленнаго народа, подъ солнечнымъ сіяніемъ мягкаго весенняго дня, стоялъ Императоръ, окруженный своими сыновьями, средоточіе всѣхъ взоровъ, предметъ всеобщаго обожанія, возлюбленный и для всѣхъ незабвенный. Слезы блистали во многихъ глазахъ; видно было, какъ отцы и матери поднимали на рукахъ своихъ дѣтей, точно желая сказать имъ: Когда ты вырастешь большой, помни, что видѣлъ Государя, обожяемаго твоей страной и всѣмъ міромъ, великодушнѣйшую Главу изъ всѣхъ, носящихъ въ наши дни корону.

Такая-же безграничная преданность сопровождала Императора повсюду; при его отъѣздѣ непритворныя слезы снова видѣлись во многихъ глазахъ. И Его Величество чувствовалъ эту преданность. Когда народныя массы по временамъ до того тѣснились на его пути, что мѣшали проѣзду, ихъ пытались удалять съ дороги, но Государь дѣлалъ знакъ не нарушать проявленій народнаго восторга.

Очевидецъ, проф. Эстландеръ, недавно издавшій свои воспоминанія, къ этому добавляетъ: «Осанка Николая I была дѣйствительно императорская; привычка озирать и повелѣвать массами не можетъ быть лучше воплощена, какъ въ этомъ высокомъ, съ широкой грудью и плечами воинѣ. На мужественномъ лицѣ нависли съ просѣдью брови, усы и бакенбарды; часть крѣпкихъ мускуловъ висѣли ослабленными, но изъ постарѣвшаго лица выступали два взора, глубокихъ, пронизательныхъ и далекихъ. Такіе взгляды можно встрѣтить у орла въ Jardin des Plantes, но миганія его вѣкъ здѣсь не было. Государь смотрѣлъ на волнующуюся массу народа, которая по площади подвигалась къ нему. Народъ далъ волю своимъ непосредственнымъ чувствамъ уваженія и преданности

маханіемъ шляпъ и шапокъ, и бурей восклицаній, безъ словъ, но содержаніе котораго нельзя было не понять.

Весьма вѣроятно, что Императору Николаю не часто приходилось испытать такое непритворное привѣтствіе отъ народной массы; но въ его лицѣ не замѣтно было ни волненія, ни улыбки, ни малѣйшаго удовольствія.

Великій Императоръ и охранитель автономіи, настолько, однако, заслужилъ уваженія студентовъ, что и они съ факелами въ рукахъ приняли участіе въ шествіи, направлявшемся для привѣтствія ко дворцу. Когда Императоръ Николай, окруженный своими четырьмя сыновьями, вышелъ на балконъ, въ мундирѣ финской гвардіи, безъ верхняго пальто, не смотря на свѣжестъ мартовскаго вечера, чтобъ принять привѣтствіе и послушать пѣніе, раздалось громогласное ура, и восторгу, казалось, не было границъ». ¹⁰⁷⁵).

Финскій гвардейскій баталіонъ въ мартѣ 1854 г. выступилъ въ Петербургъ. Баталіону Гельсингфорсъ устроилъ сердечные проводы, во время которыхъ говорили лучшіе ораторы: Ф. Сигнеусъ и Э. Топелиусъ. Финляндіи предстояло «уплатить долгъ чести ея мечами». На прощанье гремѣли «Воръ ландъ» и «Бьернеборгскій маршъ». Одна рота гвардейскаго баталіона отправлена была къ Сестрорѣцку, остальные три находились нѣкоторое время въ Петербургѣ, неся гарнизонную службу. Въ маѣ 1854 г. эти роты переведены были въ Петергофъ, для личной охраны Государя. Здѣсь-же баталіонъ отпраздновалъ двадцатипятилѣтіе своего состоянія въ рядахъ гвардіи, удостоясь посѣщенія Царскихъ Особъ. Въ сентябрѣ баталіонъ выступилъ въ Красное Село, гдѣ ему въ послѣдній разъ пришлось видѣть Николая Павловича.

Счастливые дни баталіона окончились. Черезъ Лугу, Псковъ, Динабургъ баталіонъ отправился въ г. Ракишки; затѣмъ ему пришлось квартировать въ Вилькомирѣ и Скопишкахъ. Здѣсь финскимъ воинамъ не довелось видѣть непріятеля, ни произвести ни единого выстрѣла. Но дурныя стоянки въ маленькихъ литовскихъ городишкахъ развили ужасающую смертность въ рядахъ баталіона. Въ октябрѣ 1855 г. баталіонъ вернулся въ Финляндію,

но до сентября 1856 г. простоялъ въ Новой-Киркѣ. Только черезъ 2½ года онъ вновь увидѣлъ Гельсингфорсъ.

Когда въ 1854 г. вдали послышались раскаты боевой грозы, Финляндія имѣла подъ ружьемъ лишь 3 тыс. чел. Они распределены были между гвардейскимъ баталіономъ въ Гельсингфорсѣ, гренадерскимъ стрѣлковымъ баталіономъ въ Або и флотскимъ экипажемъ.

Необходимость побудила увеличить численность финскихъ войскъ, по такъ-называемой поселенной системѣ. Сформировали въ два приема 8 баталіоновъ.

Обстоятельства требовали установленія военнаго положенія. Представленіе объ этомъ исходило отъ ген. П. И. Рокасовскаго.

Союзники на Балтійскомъ побережьи.

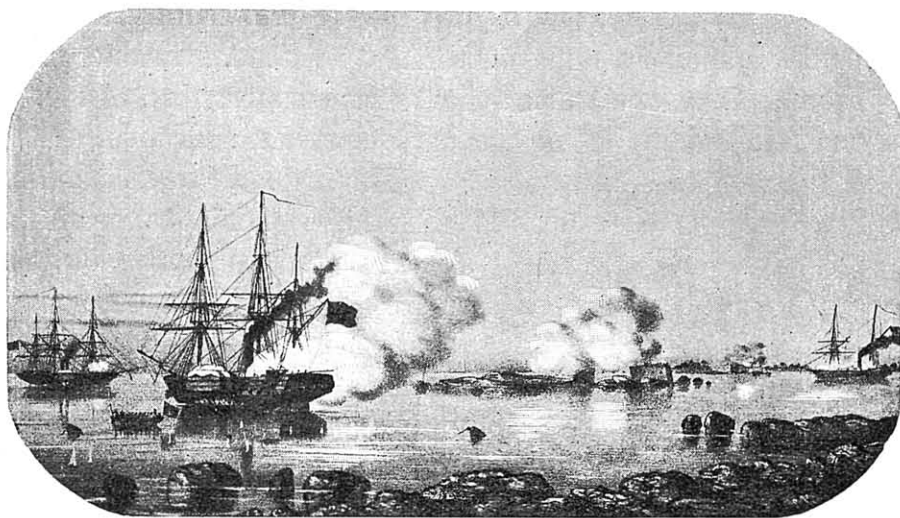
Но гр. А. Армфельтъ подалъ свой голосъ противъ подобнаго проекта, подъ предлогомъ опасенія разныхъ недоразумѣній въ краѣ, незнакомомъ съ терминомъ «военное положеніе». Особенно заботливо графъ старался оградить Сенатъ отъ всякаго соприкосновенія съ русскимъ главнокомандующимъ. И вообще

ему желательно было оставить край подъ начальствомъ прежняго генераль-губернатора, устранивъ всякое вліяніе и значеніе могущей прибыть въ Финляндію военной власти. Государь не усмотрѣлъ въ этомъ «никакого затрудненія» и генераль-губернатору преподана была особая инструкція. Гр. Армфельтъ достигъ того, что всѣ проекты по военнымъ мѣропріятіямъ надлежало направлять къ генералу Рокасовскому, который повергалъ ихъ на благовоззрѣніе Государя Императора, а затѣмъ статсъ-секретаріатъ, обязанный по закону вѣдать лишь доклады гражданскихъ дѣлъ, объявлялъ «по дѣламъ стратегическимъ» послѣдовавшія Высочайшія повелѣнія.

7—19 мая 1854 г. на финляндскомъ берегу пролита была «первая капля крови». Въ этотъ день небольшой непріятельскій отрядъ на двухъ судахъ приблизился къ г. Экенесу. Произошла перестрѣлка. Судамъ пришлось вернуться.

Вторая перестрѣлка послѣдовала у Гангеуддскихъ укрѣпленій, гдѣ отличились старый воинъ Е. И. Моллеръ и капитанъ артиллеріи Семеновъ. Государь, довольный дѣйствіями Моллера, пожаловалъ его прямо изъ подполковниковъ въ генералъ-маіоры.

18—30 мая англичане проявили себя у г. Брагестада. «Есть-ли тутъ войска»? спросилъ ихъ офицеръ. Нѣтъ, отвѣтили жители.

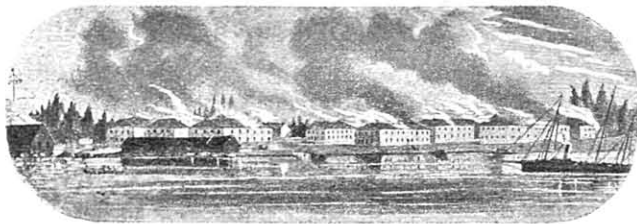
Сраженіе при Гангеуддѣ.

«Жаль. Будемъ жечь».—Жертвою пламени сдѣлались 13 судовъ, склады корабельнаго лѣса, нѣсколько домовъ и пр. Огонь погасъ лишь черезъ сутки. Городъ опустѣлъ. На донесеніи ген. Рокасовскаго Государь собственноручно надписалъ: «Разбойники».

Въ такомъ же родѣ англичане вели себя въ Улеоборгѣ 20 мая—1 іюня. И здѣсь пламенемъ они истребляли имущество мирныхъ гражданъ.

Незначительная стычка послѣдовала 26 мая у Гамла-Карлебю. Англичане на девяти баркасахъ подплывали къ берегу. Нашъ немногочисленный отрядъ былъ скрытъ за амбарами. Когда непріятель приблизился на ружейный выстрѣлъ, грянулъ залпъ.

Завязавшаяся перестрѣлка кончилась полнымъ пораженіемъ англичанъ. Среди горожанъ выдѣлился коммерціи совѣтникъ Доннеръ, много содѣйствовавшій приведенію города въ оборонительное положеніе.

Сожженіе Котки.

Къ Аланду союзники подошли 9—21 іюня 1854 г., желая произвести «пробу своему флоту». Первый ихъ визитъ былъ неудаченъ: нашей артиллеріи удалось поджечь одинъ пароходъ и подбить ему руль. Англичане прекратили огонь. Государь пожаловалъ коменданта Як. Андр. Бодиско въ ген.-маіоры и на докладѣ отмѣтилъ: «Хорошее дѣло».

Н. В. Шеншинъ.

Для освидѣтельствванія послѣдствій бомбардированія, на Аландъ командированъ былъ ротмистръ Н. В. Шеншинъ.

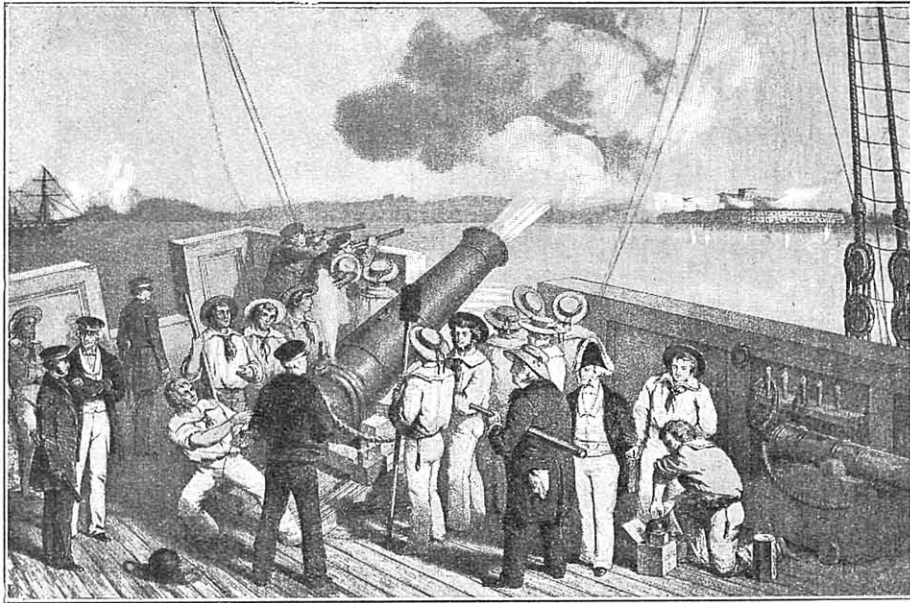
20 іюля Н. В. Шеншину вторично пришлось отправиться на Аландъ съ новымъ, болѣе серьезнымъ порученіемъ. Спасаясь отъ англичанъ, онъ укрылся въ сѣнномъ сараѣ и, переодевшись простымъ крестьяниномъ, благополучно добрался къ мѣсту назначенія. Подать помощь гарнизону было уже поздно: острова охвачены были непріятельскими судами. Нашъ маленькій, но доблестный отрядъ, состоявшій изъ пяти пароходовъ, подъ начальствомъ Вл. Павл. Романова,

храбро дошелъ до Або, но далѣе прослѣдовать не могъ.

Подъ Бомарзундомъ союзники сосредоточили до 30 тыс. войска. 28 іюля съ адмиральскаго судна Немира была брошена первая бомба, и бой загорѣлся. Первый натискъ непріятельскій десантъ произвелъ на башню С. Храбро стояли наши войска, но всѣ пре-

имущества были на сторонѣ союзниковъ, и 31 іюля на башнѣ подняли бѣлый флагъ. Непріатели принялись теперь за Нотвикскую башню. Безчисленными снарядами скоро были разрушены ея каменные стѣны и почти снесенъ верхній ярусъ. Очередь дошла до главнаго форта.

Снаряды союзниковъ сыпались на него и съ фронта, и съ тыла. Непріательскія суда стояли вѣд досягаемости нашихъ снарядовъ и производили стрѣльбу спокойно, какъ на ученіи. До 800 орудій непрерывно метали свои ядра въ стѣны маленькой укрѣпленной

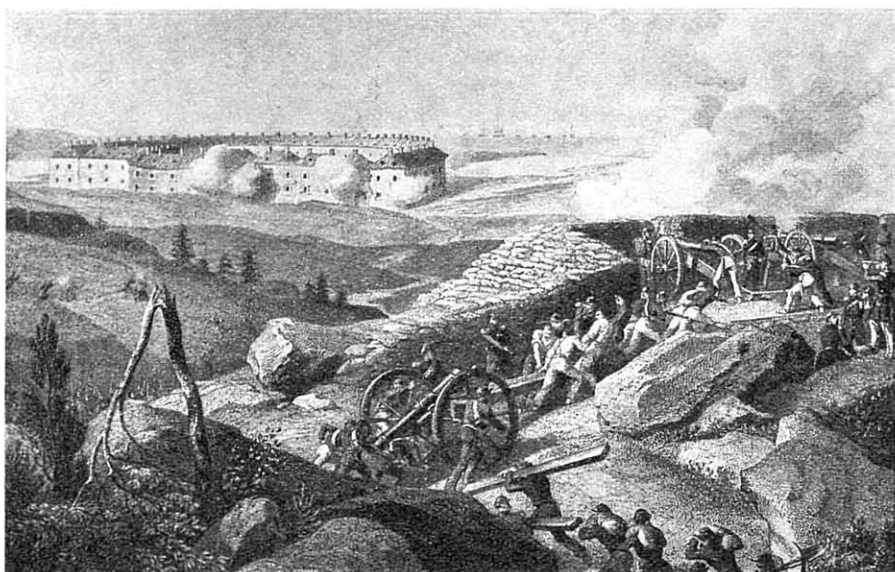
Пароходъ «Бульдогъ» у Бомарзунда.

казармы. Огненное кольцо французскихъ батарей все приближалось и сжималось. Ядра стали проникать уже въ окна казематовъ. Загорѣлась крыша форта. Амбразуры и двери обрушивались подъ натискомъ ожесточенныхъ снарядовъ. Дессантъ въ девять разъ превосходившій запертый, какъ въ мышеловкѣ, гарнизонъ наступалъ и насѣдалъ. Казематы наполнились дымомъ. Стѣны одной половины казармы-форта были уже повреждены. Пять дней продолжался адскій огонь. Физически утомленный гарнизонъ не могъ болѣе вредить непріятелю. Выкинули парламентерскій флагъ. «Генералъ—сказалъ Барагэ д'Илле коменданту,—вы вели себя, какъ храбрый воинъ; при васъ, г.г. офицеры,

останутся ваши шпаги».—«Я все ожидалъ случая помѣриться на штыкахъ»,—заявилъ Бодиско. «Напрасно,—отвѣтилъ Барагэ д'Иллье,—къ утру у меня была бы готова еще новая батарея, и я не оставилъ бы камня на камнѣ». Государь ожидалъ сдачи крѣпости и писалъ гр. Паскевичу: «Вѣроятно придется зимой намъ брать обратно».

Гарнизонъ на судахъ отправленъ частію въ Англію, частію во Францію. Минами и ядрами Бомарзундъ разрушили до основанія.

Непиръ предложилъ Аландъ Швеціи, но получилъ отказъ.

Французская батарея у Бомарзунда.

Впослѣдствіи въ Гельсингфорсѣ учреждена была особая комиссія для разслѣдованія Бомарзундской сдачи. Участъ укрѣпленія была неизбѣжна, и «гарнизонъ исполнилъ свои обязанности по долгу чести и присяги»—таково ея заключеніе, почему ген. Бодиско и остальные участники сдачи были освобождены отъ всякой отвѣтственности.

Икона св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, взятая англичанами въ Бомарзундѣ, недавно возвращена въ Россію, благодаря стараніямъ члена первой Г. Думы Аладьина.¹⁰⁷⁶⁾

Послѣ Аланда, союзники подходили къ Або; ничтожная перестрѣлка 10—22 августа никакого результата не дала.

Лѣто клонилось къ концу. Союзники ушли, оставивъ главные крѣпости Финскаго залива—Кронштадтъ и Свеаборгъ—нетронутыми.

Гроза войны разразилась около береговъ Швеціи и ей надлежало опредѣлить свое отношеніе къ воюющимъ сторонамъ. Она объявила, что сохранить строгій нейтралитетъ, «основанный на безпристрастномъ уваженіи къ правамъ всѣхъ державъ». Николай I выразилъ свое полное

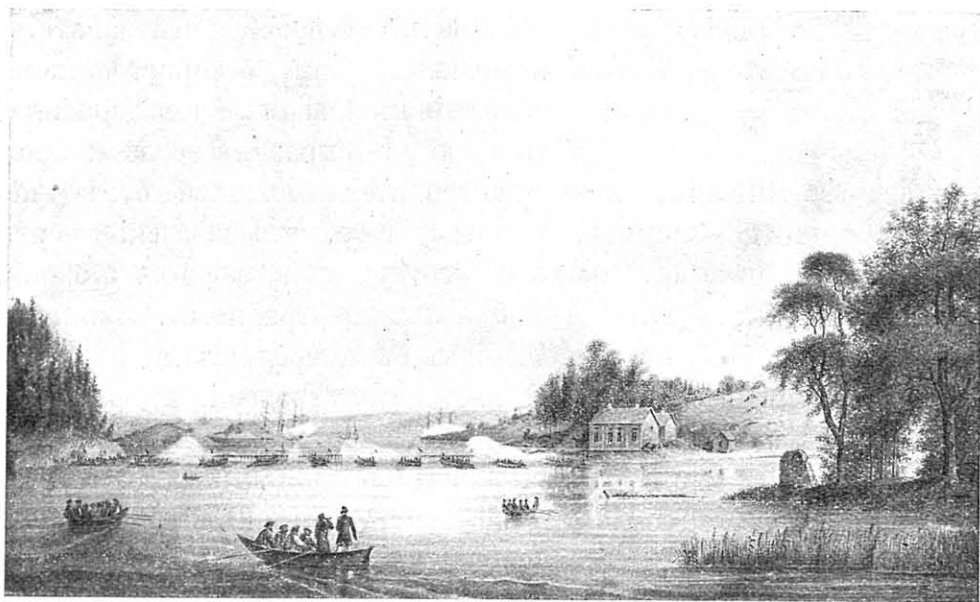
довѣріе къ Швеціи, хотя нейтралитетъ являлся болѣе полезнымъ для союзниковъ, въ виду того, что шведскіе порты оставались открытыми для военныхъ судовъ воюющихъ сторонъ. Король Швеціи, Оскаръ I, объявивъ нейтралитетъ, кажется, желалъ быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ петербургскимъ дворомъ, но въ то же время боялся стать въ дурныя отношенія къ Лондону. Твердымъ характеромъ король не отличался, почему нашъ посланникъ, т. е. Яковъ Андр. Дашковъ, изъ Стокгольма писалъ: «Швеція и Норвегія будутъ соблюдать нейтралитетъ, или же послѣдуетъ неизбежный союзъ съ Англіей противъ Россіи».

Произошло послѣднее.

Въ Лондонѣ и Парижѣ очень рано заговорили о желательности участія Швеціи въ коалиціи. Уже въ апрѣлѣ 1854 г. лордъ Кларендонъ расспрашивалъ шведскаго представителя при дворѣ Великобританіи, адмирала Виргина, о настроеніи финляндцевъ, объ ихъ симпатіяхъ къ Швеціи и о томъ, примутъ-ли они шведскую армію съ разпростертыми объятіями. Въ Парижѣ осаждали датскаго министра, гр. Мольтке, угрозами и обѣщаніями. Тамъ скоро договорились до присоединенія Норвегіи къ Даніи, а Финляндіи къ Швеціи.

Король Оскаръ I очень опредѣленно носился съ планомъ о территоріальномъ уменьшеніи Россіи, дабы она впредь не представлялась столь грозной своимъ сосѣдямъ. Свои задушевные мысли онъ довѣрительно, —уже въ маѣ 1854 г.,—раскрылъ Австріи, усмотрѣвъ, что она въ то время находилась въ такомъ же

положеніи по отношенію къ союзникамъ, какъ и Швеція. Онъ стремился къ союзу, лишь бы его наградили Финляндіей. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ желалъ, чтобы Швецію пригласили войти въ союзъ. Рядъ подобныхъ обстоятельствъ давно уже убѣдилъ нѣкоторыхъ шведовъ, что идея трактата исходила отъ самого короля Оскара I¹⁰⁷⁷). Его осторожность объяснялась тѣмъ, что союзные флоты, объединившись въ Балтикѣ и имѣя 28 большихъ линейныхъ кораблей и около 50 судовъ меньшихъ размѣровъ. ничего существеннаго не совершили.

Нападеніе англичанъ на г. Або при Рунсалѣ 10/22 авг. 1854 г.

Когда Франція отправляла въ Балтику ген. Барагэ д'Иллѣ, то рѣшено было, что онъ заѣдетъ въ Стокгольмъ для переговоровъ съ королемъ. Но ранѣе Барагэ,—уже въ апрѣлѣ 1854 г.,—въ Стокгольмѣ побывалъ адмиралъ Непиръ, который очень опредѣленно звалъ Швецію къ выступленію, вмѣстѣ съ союзниками. Король колебался и говорилъ уклончиво; онъ ожидалъ отъ Англіи гарантій, которыхъ та не давала. Въ серединѣ іюля явился Барагэ д'Иллѣ. Онъ предлагалъ королю Аландскій архипелагъ, но такъ какъ Франція гарантій также не давала, король уклонился и отъ французскаго предложенія.

Адмиралу Виргину предстояло покинуть Лондонъ. Лордъ Кларендонъ вновь охотно заговорилъ о выступленіи Швеціи. Вир-

гинь отвѣтилъ: если флотъ уничтожить Кронштадтъ и союзники продиктуютъ миръ въ Петербургѣ, а затѣмъ предоставятъ финнамъ свободно избрать присоединеніе къ Швеціи, то, пожалуй, это присоединеніе состоится.

Замѣнившій адмирала Виргина въ Лондонѣ—Хофшильдъ получилъ отъ Оскара опредѣленную инструкцію, хлопотать о созданіи противовѣса Россіи.

Въ то же время усиленные переговоры о союзномъ трактатѣ съ Англіей и Франціей поведены были Оскаромъ черезъ частныхъ неотвѣтственныхъ лицъ (гр. Нильса Барка—друга юности Наполеона III—и Лилъхека till Юлеберга), чтобы, въ случаѣ надобности, можно было отъ всего отречься.

Либеральная печать Швеціи усердно раздувала пламя войны ¹⁰⁷⁸).

Весной 1855 г. флоты союзниковъ опять показались въ Балтикѣ. Военственный духъ шведовъ вновь воспламенился.

Тайные переговоры продолжались. Видимымъ препятствіемъ къ заключенію формальнаго союзнаго трактата являлось то, что Англія и Франція не могли предложить Швеціи никакой прочной гарантіи того, что, захваченная во время войны, Финляндія останется потомъ въ обладаніи шведовъ. Пункты трактата были выработаны. Въ октябрѣ 1855 г. послѣдовалъ обмѣнъ визитовъ. Адмиралъ Виргинъ отправился во Францію, съ письмомъ короля и орденомъ Серафима. Въ Стокгольмѣ прибылъ маршалъ Канроберъ съ Почетнымъ Легіономъ для Оскара I. Договаривающіяся стороны подсчитывали свои силы, показывали другъ другу арсеналы, обдумывали планы совмѣстнаго дѣйствія.

21 ноября н. ст. 1855 г. Швеція подписала трактатъ съ Англіей и Франціей, сущность котораго сводилась къ тому, чтобы ни подъ какимъ видомъ не уступать Россіи никакой части земли, принадлежащей Швеціи или Норвегіи. Одни шведскіе историки (напримѣръ, Хильдебрандъ) утверждаютъ, что трактатъ не сопровождался никакимъ секретнымъ договоромъ, другіе писали,

Генераль Бодиско.

что по секретной статьѣ Финляндія возвращалась шведской коронѣ ¹⁰⁷⁹).

Министръ Швеціи, оправдывая необходимость трактата, въ разговорѣ съ Я. А. Дашковымъ, напомнилъ о претензіи Россіи на часть Варангеръ-фіорда.

Русское правительство не могло, конечно, одобрить шага, сдѣланнаго Оскаромъ I. Гр. Нессельроде, бесѣдуя съ его представителемъ, Нординомъ, сказалъ, что заключеннымъ трактатомъ Швеція стала уже одной ногой во враждебный Россіи лагерь.

Государь Александръ II и здѣсь, какъ всегда, проявилъ свое рѣдкое высокое благородство. Онъ, выразивъ Нордину свое огорченіе, прибавилъ: «Это незаслуженное оскорбленіе глубоко меня ранило. Но не смотря на все случившееся, прошу васъ передать королю, что хочу забыть это прошлое и всегда буду сохранять мое прежнее чувство личной къ нему дружбы» ¹⁰⁸⁰).

Эмануэль Ильмони.

Тѣмъ не менѣе, при взвѣшиваніи условій дальнѣйшаго веденія войны, пришлось считаться съ этимъ новымъ факторомъ. На совѣщаніи у Государя, гр. Воронцовъ и Киселевъ указали на отношеніе Финляндіи къ Швеціи.

Новый трактатъ обсуждался, конечно, въ печати и недоговоренное дипломатами досказали шведскіе публицисты. Особое значеніе придавали тогда книгѣ государственнаго секретаря Густава Лаллерстедта «*La Scandinavie, ses craintes et ses espérances*» (Скандинавія, ея опасенія и надежды). Это изданіе называли даже «официальнымъ» и смотрѣли на него какъ на «комментарій къ ноябрьскому трактату». Книга была напечатана въ Парижѣ. Авторъ признаетъ, что Финляндія избрана была лишь предлогомъ (*prétexte*) для вступленія Швеціи въ союзъ съ Англіей и Франціей, шведскій же циркуляръ, послѣдовавшій за трактатомъ, названъ обвинительнымъ актомъ, направленнымъ противъ Россіи, и первымъ словомъ новой политики стокгольмскаго кабинета. Швеція, примкнувъ къ союзу, рассчитывала на финляндскій корпусъ, который долженъ былъ вырасти у стѣнъ Петербурга. Когда же Лаллерстедтъ узналъ о состоявшемся Парижскомъ мирѣ, онъ, разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ, присоединилъ къ книжкѣ обширную приписку (*Post-*

scriptum), наполненную вздохами и сожалѣніями, что Турція не достаточно наказала Россію, что Швеція не получила Аландскихъ острововъ и не передвинула своей границы къ югу отъ Улеоборга. Эта граница образовала бы надежный барьеръ противъ Россіи и прекратила бы всякія пререканія о Варангеръ-фіордѣ.

Общественное мнѣніе Швеціи въ періодъ войны раздѣлилось: одни шведы желали вмѣшательства, другіе — стояли за нейтралитетъ. Періодическая печать была полна политическихъ воззрѣній. Вопросъ о возвращеніи Финляндіи обсуждался на всевозможные лады. Большинство склонялось къ цѣлесообразности уніи съ ней, хотя раздавались также голоса противъ поддержанія «финскаго государства». Особенно недоброжелательно къ Россіи относилась либеральная партія, доказывавшая, что Финляндія, попавъ подъ крыло русскаго орла, очутилась въ темнотѣ.

Подполк. Фуругельмъ.

Въ виду этого газетнаго похода на Россію, возникла мысль о томъ, чтобы кто либо изъ финляндцевъ, имѣвшихъ значеніе и друзей въ Стокгольмѣ, вмѣшался въ дѣло и убѣдилъ шведовъ, что Финляндія вовсе не склонна къ перемѣнѣ своего политическаго положенія. Гр. А. Армфельтъ указалъ на проф. Эмануеля Ильмони (Ilmoni), который выполнилъ эту миссію весьма добросовѣстно.

Въ письмѣ къ медицинскому инспектору Эжелунду въ Стокгольмѣ Ильмони говоритъ: «Мы, финны, испытали величайшую досаду и боль отъ лживыхъ сообщеній, которыя шведскіе публицисты, доставляя себѣ удовольствіе, распространяютъ въ своихъ газетахъ о финляндскихъ дѣлахъ. Наши газеты не выступали съ опроверженіями, не имѣя авторитета въ Швеціи, ибо тамъ полагаютъ, что онѣ принуждены писать въ духѣ правительства. И такъ какъ частныя письма, напротивъ, пользуются большимъ довѣріемъ, то считаю своимъ долгомъ, во имя правды, насколько

возможно, объяснить, по крайней мѣрѣ нашимъ друзьямъ въ Швеціи, современное положеніе и охотнѣе всего тебѣ, какъ живущему въ столицѣ, среди моихъ друзей. Прошу о сочувствіи къ нижеслѣдующему. Подобныя правдивыя объясненія отсюда тѣмъ болѣе необходимы, что сильная партія въ Швеціи стремится къ войнѣ съ Россіей, имѣя въ виду отвоеваніе Финляндіи.

«Въ Швеціи распространены самыя разнообразныя выдумки. Въ нѣкоторыхъ ея газетахъ можно прочитатъ, напримѣръ, что величайшія насилія производятся въ Финляндіи русскимъ правительствомъ; или: чтобы уничтожить всякія шведскія симпатіи, рѣшили переселить въ Россію населеніе цѣлыхъ округовъ (Эстрелотни и Аланда) и вмѣсто него водворить русскія солдатскія семейства;—что производится жестокой насильственный наборъ по всему краю, по 10 и 15 человѣкъ съ тысячи;—что финляндскій банкъ перевезенъ въ Петербургъ;—что солдаты и казаки грабятъ всюду крестьянъ, отнимая отъ нихъ всякіе припасы;—что преслѣдуютъ частныхъ лицъ, между прочимъ, Рунеберга, о которомъ одна шведская газета зимой сообщала, что «великій поэтъ, другъ родины, внезапно исчезъ, какъ полагаютъ, по Высочайшему повелѣнію сосланъ въ Сибирь». Во всемъ этомъ и многомъ подобномъ нѣтъ ни іоты правды; все гнусная ложь. Цѣль ясна: набросить тѣнь на Россійскаго Императора. Желаютъ достигнуть этого посредствомъ самыхъ постыдныхъ клеветъ на Него. Желаютъ войны противъ Него всѣхъ державъ. Въ насъ они возбуждаютъ чувства глубокой досады и презрѣнія къ нимъ, и еще болѣе усиливаютъ нашу любовь къ Монарху, ибо мы убѣждены, что онъ—одинъ изъ благороднѣйшихъ и великодушнѣйшихъ Монарховъ, которые когда либо носили корону.

«Въ близкой связи съ приведенными клеветами находится другая, что Финляндія задыхается подъ страшной тираніей, и, чтобъ воссоединиться со Швеціей, готова къ общему возстанію. Это самое радикальное заблужденіе, какое только можно себя представить. Я свято могу завѣрить, что Финляндія считаетъ себя счастливой подъ русской властью, искренно вѣрна и предана Государю и ни подъ какимъ видомъ больше не желаетъ превратиться въ шведскую провинцію. Это довольство имѣетъ свое естественное основаніе въ послѣдовательномъ ростѣ благосостоянія края въ теченіе десятилѣтій, въ спокойномъ и свободномъ отправленіи религіи, культа и законодательства по старому способу, въ

благодати продолжительнаго мира и твердой вѣрѣ въ благосклонность къ краю Государя. Конечно, шведы на это возразятъ: 1) Въ Финляндіи были сдѣланы отступленія отъ постановленій при изданіи законовъ; но если бы и было такъ, то въ какой же странѣ исполнѣ правильно все это исполняется?—и такія отступленія дѣлались не по волѣ Царя, а чрезъ собственныхъ сыновъ края. 2) Вѣдь сеймы не существовали въ Финляндіи съ самаго 1809 г.—Прекрасно, но вѣдь, никто и не желалъ ихъ здѣсь съ ихъ воркотней и возней;—но у насъ возможно дѣлать правительству полезныя предложенія; даже простой крестьянинъ можетъ прибѣгнуть къ нимъ

Бомарзундъ.

и въ правительствѣ всегда находятъ сочувствіе, чему имѣлось много примѣровъ. Ядовитый вѣтерокъ охватываетъ повсюду нравственную сферу цивилизованнаго человѣчества; но ограбленіе почты, обкрадываніе банковъ и т. п. еще здѣсь неизвѣстно; водочный элементъ также бушуетъ въ нашемъ обществѣ гораздо меньшими потоками, чѣмъ въ Швеціи, а обузданная наша пресса дѣлаетъ неприкосновенными, какъ достоинство правительства, такъ и честь и доброе имя людей, тогда какъ въ Швеціи, свободная печать, самымъ безсовѣстнымъ и дерзкимъ образомъ часто мараетъ достойное уваженія, какъ, напримѣръ, благородный королевскій домъ.

«Приведенное здѣсь мнѣніе является общимъ у насъ въ высшихъ общественныхъ слояхъ, среди чиновниковъ, духовенства и университета.

«Хотя финны такимъ образомъ теперь больше и не чувствуютъ никакой симпатіи къ Швеціи, то и особенной любви къ русскимъ не питаютъ.—Какія же болѣе интимныя связи могли произойти между двумя народами, столь разными, какъ по характеру, нравамъ, языку, такъ и по религіи, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ нихъ въ прежнія времена жестоко обращался съ другимъ? Однако, мы научились и между ними уважать много благородныхъ и хорошихъ характеровъ, какъ напримѣръ, и. д. генераль-губернатора Рокасовскаго, честнаго человѣка, любящаго край и очень образованнаго.—Основаніемъ же политическихъ воззрѣній финновъ служить горячая любовь къ родинѣ, соединенная съ истинной вѣрностью и преданностью къ Государю и всему царствующему дому, вслѣдствіе многочисленныхъ благодѣяній, оказанныхъ Финляндіи Его Величествомъ. Онъ многими распоряженіями способствовалъ національному финскому элементу въ литературѣ, а для финской исторіи учредилъ спеціальную профессуру.—Онъ не оттянулъ въ Россію ничего изъ сбереженій финской казны, почему составились достаточныя средства на большія и полезныя предпріятія, какъ, напримѣръ, на сооруженіе Сайменскаго канала. Все это рождаетъ взаимное довѣріе и любовь. Поэтому то пріемъ, оказанный здѣсь Государю,—не смотря на то, что въ теченіе 20 лѣтъ Финляндія не удостоена была Высочайшаго посѣщенія,—былъ искренно радостенъ—настоящій народный праздникъ.

«Поэтому, обычное представленіе (въ Швеціи) о шведскихъ симпатіяхъ Финляндіи и склонности ея къ возстанію противъ правительства есть совершеннѣйшая иллюзія; и иллюзія притомъ чрезвычайно опасная для будущаго благополучія всего Сѣвера. Потому что, если вслѣдствіе этой иллюзіи легкомысленная партія войны получить перевѣсъ и заставить въ союзѣ съ западными державами начать войну съ Россіей, то какія могутъ получиться послѣдствія?—Кромѣ того, самая самостоятельность Швеціи можетъ очутиться въ опасности. Если бы даже,—что очень сомнительно,—шведамъ посчастливилось бы посредствомъ этой помощи снова завоевать Финляндію, то Россія, для которой она расположена очень выгодно и которая уже успѣла вкорениться здѣсь, рано или поздно, а можетъ быть и очень скоро, навѣрное опять отняла бы ее. Швеція въ долготу не можетъ, даже въ соединеніи со всѣми силами Финляндіи, защитить ее противъ возрастающаго колосса. Да сохранить Господь наше отечество отъ всего этого.

«Финскій народъ, разъ очнувшійся до нѣкотораго самосознанія, но безсильный составить самостоятельное государство, желаетъ сохранить свое настоящее положеніе» ¹⁰⁸¹).

Весною 1854 г. Ильмони въ письмѣ къ Рунебергу уговариваетъ и его написать опроверженіе въ шведской печати. «Мы здѣсь надумали просить тебя написать опроверженіе глупыхъ слуховъ, конечно, также частнымъ путемъ...»

Рунебергъ отвѣтилъ Ильмони 28 мая 1854 г.: «— Сердечно благодарю тебя за дружескую просьбу. Уже до твоего письма я слыхалъ о безсовѣстной лжи относительно моего исчезновенія. Я случайно исполнилъ уже твою просьбу прежде, чѣмъ ты успѣлъ высказать ее» ¹⁰⁸²).

14 іюня 1854 г. Вассеръ ¹⁰⁸³) сообщилъ Ильмони, что письмо къ Экелунду произвело большой эффектъ и что онъ усердно показывалъ его всѣмъ и содержаніе его стало извѣстно «весьма высоко» ¹⁰⁸⁴).

Князя Меншикова назначили главнокомандующимъ въ Крыму, но не освободили отъ обязанностей финляндскаго генераль-губернатора. Полагали, что отлучка его будетъ временной. По отъѣздѣ князя на югъ, началась усиленная корреспонденція. Въ Севастополь посылались финляндскія дѣла; князь разсматривалъ ихъ и такимъ образомъ продолжалъ править краемъ.

«Финляндія надѣется,—сообщалъ К. И. Фишеръ,—что ваша свѣтлость не покинетъ ни въ какомъ случаѣ ея управленія, тѣмъ болѣе, что эта почти единственная провинція, которою Государь совершенно доволенъ, и которая довольна своимъ генераль-губернаторомъ; прочія или считаютъ себя подъ гнетомъ генераль-губернаторовъ, или довольны ими потому, что въ генераль-губернаторѣ преобладаютъ мѣстные элементы. Только Финляндія чувствуетъ себя какъ бы свободною и всетаки идетъ со рвеніемъ по пути, Высочайше указанному. Кто знаетъ характеръ финскій, тотъ пойметъ, какъ трудно вести ее такимъ образомъ» ¹⁰⁸⁵).

Извѣстія изъ Крыма были крайне скудны. «Правду говоря, писалъ К. И. Фишеръ къ Меншикову, 10 ноября 1853 г.,—отсутствіе извѣстій съ театра войны и безотрадность того, что мы здѣсь читаемъ, дѣйствуютъ удручающе, и я впервые замѣчаю у своихъ со-

отечественниковъ страхъ передъ грядущей войной». Подобныя указанія дѣлу не помогли и князь отъ своей системы молчанія не отказался.

Въ письмахъ К. И. Фишера перетислялась длинная вереница открывающихся въ Финляндіи вакансій съ предположеніями и комбинаціями ихъ замѣщенія. По всѣмъ докладамъ отъ князя ожидали соотвѣтствующихъ указаній. Ему сообщали даже о перемѣщеніи писарей и другихъ мелочахъ. Кн. Евгенийъ Голицынъ нашелъ возможнымъ просить князя объ увеличеніи своего содержанія. Послѣ Клинковстрема осталось свободное мѣсто въ комиссіи

И. Л. Рупбергъ.

путей сообщенія и князя досаждали запросомъ. И т. д., и т. д. «Дѣлъ финляндскихъ накопилось такая масса, что страшно было смотрѣть на нихъ», увѣрялъ К. И. Фишеръ ¹⁰⁸⁶). Въ то же время Финляндія продолжала опасаться, что онъ откажется отъ управленія ею ¹⁰⁸⁷).

Судя по отвѣту кн. Меншикова, онъ тонулъ въ бумагахъ. «Вчера (1 дек. 1853 г.) писалъ самъ и продиктовалъ 23 отношенія» «Онъ жаловался на слабое здоровье и

молилъ Бога, чтобы скорѣе заключили миръ».

Но заявленія князя о грудяхъ бумагъ никого не вразумили и потокъ финляндскихъ дѣлъ и писемъ съ дразгами и мелочами,—въ родѣ того, что «нѣтъ сомнѣній, что Л. Гартманъ ловить рыбу въ мутной водѣ», что надо гимназистамъ измѣнить форму и т. п.—не прекращался. Удивлялъ съ другой стороны и князь. Имѣя на рукахъ огромную армію, онъ пишетъ (въ дек. 1853) цѣлый трактатъ о воротникахъ на гимназическихъ мундирахъ, отвѣчаетъ на надоедливые запросы и т. п.

29 мая—10 іюня 1853 г. гр. А. Армфельтъ сообщилъ кн. А. С. Меншикову, что Государь,—говоря въ салонѣ Императрицы о Восточномъ вопросѣ,—сказалъ, что еслибы онъ поступилъ, какъ хотѣлъ, дѣло было бы окончено давно, но что, къ сожалѣнію, онъ далъ уговорить себя графу Нессельроде».

Что же касалось Финляндіи, то гр. А. Армфельтъ, хотя и находилъ (3—15 ноября 1855 г.), что въ ней «все идетъ по-маленьку»; тѣмъ не менѣе предостерегалъ, «что тамъ начинаютъ беспокоиться. Шведскія газеты стараются распространять слухи, болѣе или менѣе волнующіе умы. Ваше отсутствіе теперь для насъ большое несчастье и можетъ плохо повліять на дѣла».

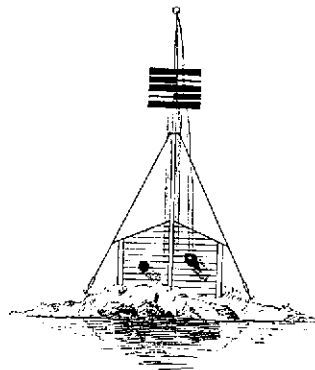
Въ слѣдующемъ письмѣ гр. Армфельтъ, заявивъ, что народный духъ въ Финляндіи прекрасенъ, поучалъ: но надо знать, будутъ ли приняты мѣры соотвѣтствовать характеру націи. «Съ нами все возможно, но надо умѣть взяться» ¹⁰⁸⁸).

Едва князь уѣхалъ въ Севастополь, какъ въ Петербургѣ языки развязались и въ обществѣ заговорили, что морское министерство при немъ поручено было людямъ недобросовѣстнымъ, кругосвѣтныя путешествія были рѣдки, фрегаты гнилые, дерево для морскихъ построекъ сырое, резервные магазины пусты». ¹⁰⁸⁹).

Управленіе Финляндіей также ожидали. До гр. А. Армфельта дошли слухи, что «у вашей свѣтлости не только были беспорядки» въ Морскомъ министерствѣ, но что Государь былъ обманутъ какъ въ дѣлахъ этого министерства, такъ и въ финляндскихъ дѣлахъ. «Государя это очень разсердило, такъ какъ онъ этого отъ васъ не ожидалъ». «Пишу объ этомъ съ сокрушеннымъ сердцемъ,—прибавляетъ К. И. Фиперъ. На счетъ министерства меня успокаиваютъ ваши принципы; что касается Финляндіи, знаю только, что всѣ дѣла проходили черезъ мои руки и все, что говорятъ, клевета»...

Былъ уже февраль 1854 г., война была объявлена, а гр. А. Армфельтъ находилъ умѣстнымъ просить кн. Меншикова вспомнить ф.-Котена. Почему? Да Котень, изволите ли видѣть, очень честолюбивъ и маленькое вниманіе князя ободрило бы его!

Когда Меншиковъ уѣхалъ въ Крымъ, естественно возникъ вопросъ о замѣстителѣ. Всѣ, кромѣ Л. Гартмана, считали Пл. Ив. Рокасовскаго наилучшимъ кандидатомъ, «такъ какъ онъ, напичкавшись вашими идеями, дѣйствуетъ по направленію вашему». Фиперъ просилъ кн. Меншикова, въ случаѣ оставленія Финляндіи, открыть, что Рокасовскій вполнѣ способенъ вести Финляндію по его видамъ» ¹⁰⁹⁰).

Сигнальный телеграфъ.

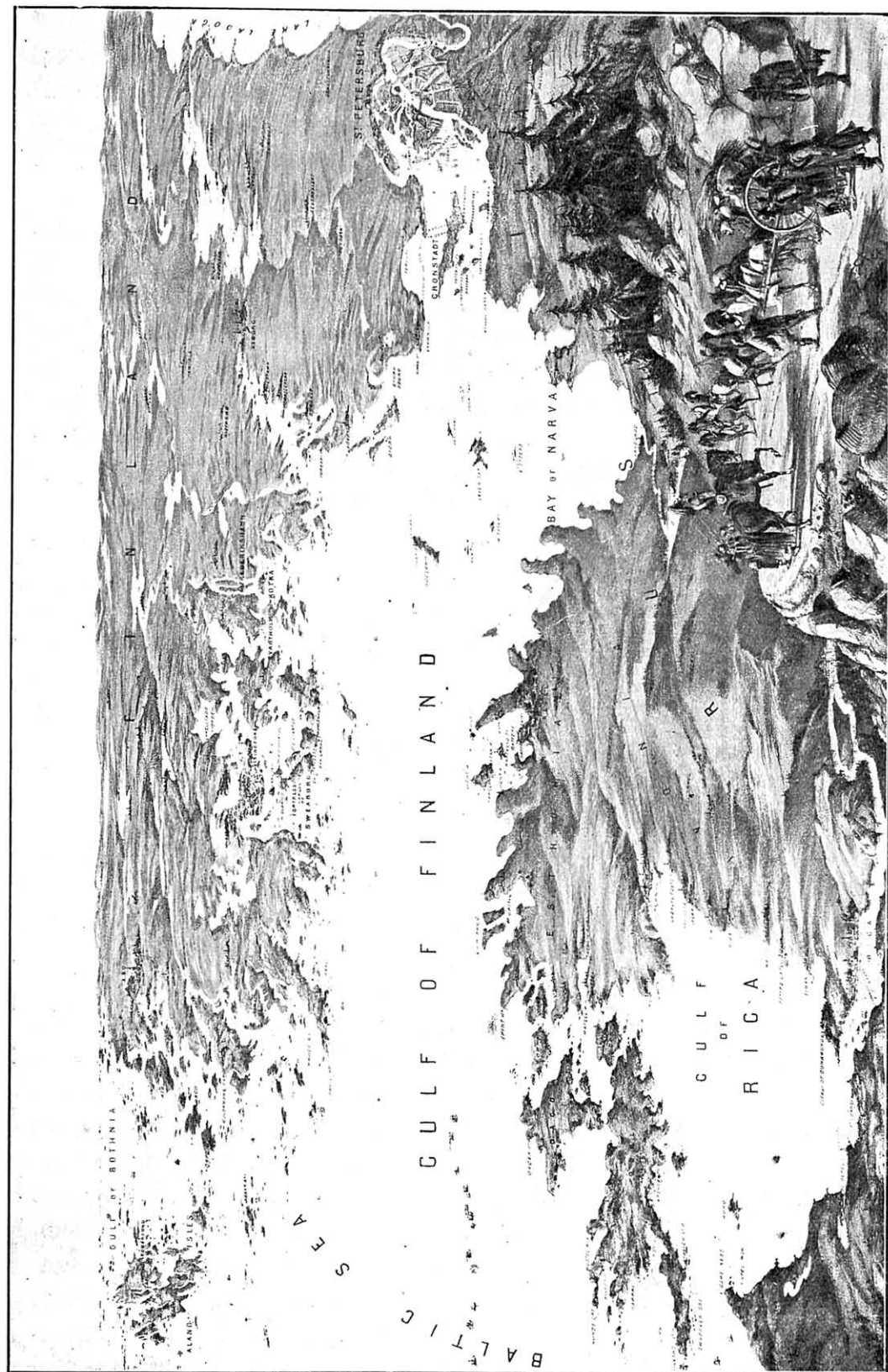
Но Рокасовскаго переманивалъ къ себѣ А. В. Перовскій. Въ то же время Гартману и Котену давались порученія помимо Рокасовскаго, что онъ принималъ «за ничтожество собственное». Толковали о кандидатурѣ Н. Н. Муравьева. Уже въ 1848 г. возникла мысль объ отдѣленіи гражданскаго управленія Финляндіей отъ военнаго. Во главѣ перваго имѣлось въ виду поставить П. И. Рокасовскаго, во главѣ втораго—Н. Н. Муравьева. Но послѣдняго перемѣстили на Кавказъ.—К. И. Фишеръ все время усердно стоялъ на сторонѣ Рокасовскаго, хотя ранѣе характеризовалъ его ничтожнымъ, состоявшимъ подъ вліяніемъ своей жены (дочери ген. Кузьминскаго), женщины мало образованной, но желавшей играть роль, и находилъ даже, что Рокасовскій выступилъ покровителемъ либерализма, изъ котораго возникъ неофинизмъ.

Генер. И. М. Норденстамъ.
Начальникъ штаба войскъ
расположенныхъ въ Финляндіи.

10—22 февраля 1854 г. резолюція Государя гласила: «По случаю неопредѣленной командировки Г.—А. К. Меншикова въ Черное море, Г.—Л. Рокасовскому вступить во всѣ права Ген.-Губернатора Финляндіи до возвращенія кн. Меншикова».

Кн. А. С. Меншиковъ въ Крыму—явленіе совершенно исключительное, какъ по полному своему несоотвѣтствію роли главнокомандующаго, такъ и по преступной небрежности къ величайшимъ государственнымъ интересамъ, ввѣренные ему въ столь важное время, какое переживала тогда Россія. Въ Севастополѣ онъ занялъ маленькій домишко съ грязнымъ дворомъ. Конура, въ которой онъ ютился, имѣла аршина три въ длину и столько же въ ширину. Здѣсь онъ сгорбившись, въ засаленномъ архалукѣ, принималъ подчиненныхъ. Для чего потребовалось это притворное спартанство?—спрашивалъ Н. И. Пироговъ.—Главная квартира была безмолвна, какъ могила. Кн. Меншиковъ жилъ, какъ будто онъ не существовалъ. Онъ прикрывался мистическимъ молчаніемъ.—Этотъ саркастъ и отъявленный «эгоистъ», конечно, не годился въ полководцы. Этотъ цезарь не зналъ солдата и не умѣлъ воодушевлять его. Онъ запустилъ всю администрацію, всѣ сообщенія, всю медицинскую часть и взамѣнъ не далъ ничего. «Меншиковъ не человѣкъ, а просто

Панорама Финского залива (съ английского издания).

мумія»,—писалъ Н. И. Пироговъ, и когда распространился слухъ, что князь умеръ въ Перекопѣ, этотъ высокообразованный, культурный и передовой человѣкъ въ Россіи воскликнулъ: и слава Богу,—до такой степени князь былъ всѣмъ ненавистенъ въ Севастополѣ ¹⁰⁹¹).

Да и въ другихъ областяхъ у него не было никакихъ заслугъ и никакой существенной пользы государству онъ не принесъ. Онъ занималъ крупные административные посты, ему давались большія дипломатическія порученія, и нигдѣ онъ не оставилъ послѣ себя достойнаго слѣда. 24 года имя его было связано съ морскимъ министерствомъ. Онъ произвелъ его реформу, но крайне неудачно (В. Чубинскій и С. О. Огородниковъ). Моряки его не любили. «Я имъ не угодилъ», говаривалъ князь. Да, не угодилъ потому, что заботился только о наружности флота, да объ угожденіи прихотямъ Царя ¹⁰⁹²). Онъ усвоилъ пассивный взглядъ на западныя нововведенія и даже не устранилъ розни между «греками»—черноморцами и «лужеплавателями»—балтійскими моряками.

Князя Меншикова посылали съ важными миссіями въ Персію и Константинополь, и никакихъ благихъ результатовъ для Россіи онъ не добился.

Его привлекали къ упорядоченію цензурнаго дѣла и его участіе привело къ усиліямъ стѣсненій печати, при чемъ самъ онъ относился къ писателямъ сурово и непривѣтливо.

Его привлекали къ участію по великому крестьянскому дѣлу. Задавшись вопросомъ, «полезно ли уничтожить рабство въ Россіи?», онъ отвѣтилъ: «рано».

Въ Финляндіи, за время его долгаго управленія, все было спокойно, и край сдѣлалъ замѣтные успѣхи въ матеріальной и духовной области. Но что именно въ этихъ успѣхахъ приходилось на долю лично кн. А. С. Меншикова, трудно опредѣлить. Между тѣмъ условія, окружавшія князя, благопріятствовали здѣсь проявленію его дѣятельности. Онъ получилъ важное право сопровождать мнѣнія Сената своими замѣчаніями и, кромѣ того, имѣлъ у Государя частые личные доклады. Но фактически онъ управлялъ краемъ à vol d'oiseau. Когда баронъ Котенъ въ разговорѣ осудилъ управленіе кн. Меншикова, прибавивъ, что «было бы неудивительно, если-бы страна начала роптать, разъ она такъ заброшена», К. И. Фишеръ возразилъ, «что люди благоразумные не забудутъ всего, что для нихъ сдѣлано въ послѣднія 20 лѣтъ: канализація, бережливое обращеніе съ общественными деньгами, отмѣна непотизма при

раздачѣ мѣсть, улучшеніе условій займовъ изъ общественныхъ кассъ, законъ для бѣдныхъ и много другихъ, доказывающихъ личную заботливость генералъ-губернатора»¹⁰⁹³). Въ 1855 г. Финляндскій Сенатъ поднесъ адресъ князю, но имѣлъ-ли онъ въ виду перечисленные его заслуги или его постоянное заступничество за край въ Петербургѣ остается неизвѣстнымъ, такъ какъ содержаніе адреса намъ не удалось установить. Извѣстенъ лишь отвѣтъ князя: «Я виноватъ передъ Финляндіей моимъ долгимъ молчаніемъ¹⁰⁹⁴). И, только вернувшись въ Петербургъ, могу отвѣтить на адресъ Сената... По совѣсти могу сказать, что въ моемъ молчаніи не было презрѣнія; я тронутъ и польщенъ выраженными мнѣ чувствами»...

Кн. Меншиковъ обладалъ отрицательнымъ умомъ и потому прошелъ свое жизненное поприще безъ пользы для потомства. Какъ человѣкъ уклончивый, онъ отдѣлывался шуточкой и гримасой. Но весьма ловко прилаживалъ свой умъ ко всему и «поступи онъ завтра въ монахи,—сказалъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ,—онъ черезъ шесть мѣсяцевъ будетъ митрополитомъ». На заявленіе одного подчиненнаго: «служить

Гр. О. О. Бергъ.

готовъ, прислуживаться тошно», кн. Меншиковъ, наклонивъ голову, шепнулъ: «всѣ мы, братецъ, прислуживаемся». Этимъ признаніемъ онъ выдалъ себя головой. Прислуживаясь, онъ своевременно не доложилъ Государю о недостаточности нашихъ средствъ защиты, прислуживаясь, онъ не желалъ ссориться съ разными вѣдомствами и не хотѣлъ огорчить Царя неутѣшительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Крыму. Всѣ его чувства и мысли направлены были къ сохраненію «фавора»¹⁰⁹⁵).

Князь Меншиковъ зарылся въ бумагахъ, устроивъ себѣ добровольную «письменную каторгу», и, не обладая дальновидностью, всегда много занимался мелочами.

Главный его панигиристъ К. И. Фишеръ, когда пожелалъ подвести итоги его государственной дѣятельности, то убѣдился, что князю Россія ничѣмъ не обязана.

Послѣ ухода союзниковъ изъ Балтики, воюющія стороны стали усиленно готовиться къ новой кампаніи.

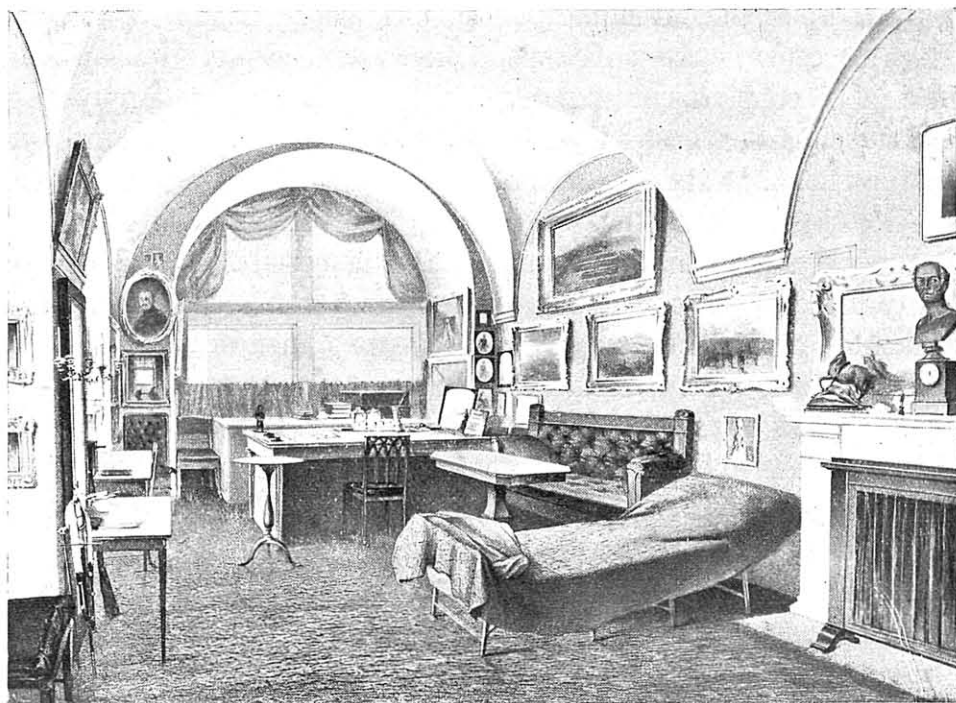
Командующимъ войсками и генераль-губернаторомъ Финляндіи былъ назначенъ гр. О. О. Бергъ. К. И. Фишеръ рѣзко осуждаетъ новаго начальника края, находя, что онъ обратился къ своей системѣ—*systeme du double jeu*,—завелъ шпионство, дѣлалъ изъ своихъ секретарей сенаторовъ, искалъ популярности и награждалъ тѣхъ землевладѣльцевъ, которые сообщали ему тайныя свѣдѣнія¹⁰⁹⁰). Все это, можетъ быть, и справедливо, но, съ другой стороны, извѣстно, что, вступивъ въ должность, онъ проявилъ рѣдкую энергію по приведенію края въ боевую готовность. Намъ представляется, что выборъ гр. Берга оказался въ общемъ удачнымъ для Финляндіи.

Среди военныхъ приготовленій неожиданно скончался могучій повелитель Россіи—Николай Павловичъ. Ходъ событій легъ на него непосильнымъ бременемъ. «Послѣ Альмы онъ долго не спалъ, а только два часа подрядъ проводилъ въ сонномъ забытіи. Онъ ходилъ, вздыхалъ и молился даже громко среди молчанія ночи». Изъ Крыма получались однѣ огорчавшія Царя вѣсти. Пришлось уволить «старого друга» кн. Меншикова, оказавшагося совершенно непригоднымъ для поста главнокомандующаго. Среди ряда этихъ неудачъ Государь простудился, и нервно потрясенный организмъ не справился съ болѣзнію. Раздался по Петербургу ночной унылый колокольный звонъ; народъ въ смятеніи устремился къ церкви, сановники наполнили коридоры Зимняго Дворца. Государь пріобщился Св. Таинствъ. Духовникъ рыдалъ. Мандтъ у постели больного слѣдилъ за пульсомъ, за угасаніемъ могучей жизни. Глава огромной Имперіи лежалъ на простой походной кровати, поставленной въ его кабинетѣ, небольшой, слабо освѣщенной комнатѣ. «Я умираю съ пламенной любовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему своему разумѣнію вѣрой и правдой...» «Служи Россіи»,—наставлялъ онъ Наслѣдника. Умирающій трогательно простился со всѣми. Всѣхъ простилъ и у всѣхъ просилъ прощенія. Все смолкло... Не стало замѣчательнаго Государя, пламенно любившаго Россію.

«Царь Николай скончался!»—пронеслось во всѣ углы земного шара. «Царь Николай скончался»—отдалось и въ Финляндіи. «Скончался тотъ, которымъ всѣ гордились. Все въ немъ правилось,—читаемъ въ воспоминаніяхъ Дарагана. Даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и держаніе плечъ впередъ,

мѣрный и твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку,—все это шло къ нему, всё этимъ любовались» ¹⁰⁹⁷).

Маркизь де-Кюстинъ, удостоенный приѣма Императора, записалъ, что Николай Павловичъ бесѣдовалъ съ разными лицами «то по-русски, то по-французски, то по-нѣмецки, то по-англійски, и все одинаково свободно. Ему все было извѣстно... Замѣчанія его о разныхъ странахъ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ были такъ

Кабинетъ Императора Николая I, гдѣ въ Бозѣ опочилъ Государь 18 февр. 1855 г.

тонки и обличали такое глубокое знаніе, что, забывъ Монарха, я дивился въ немъ только мыслителю. Откуда находится у него время, чтобы имѣть обо всемъ такія вѣрныя и положительныя свѣдѣнія и о каждой вещи производить такое справедливое основательное сужденіе? Въ немъ сосредоточилась цѣлая администрація колоссальной Имперіи...

Выдающеюся чертой характера Николая Павловича всё современники признавали любовь къ правдѣ и нерасположеніе ко всему напускному и поддѣльному. Другая черта—строгость, но она не была его врожденнымъ чувствомъ, она вызывалась не-

обходимостью. — Но прежде всего Николай Павловичъ былъ воинъ.

Служить Россіи онъ считалъ своей священной обязанностью и служилъ ей до самоотверженія. Доклады и бумаги, которые представлялись Государю, разрѣшались обычно въ тотъ же день. Спать онъ ложился не ранѣе 3 часовъ утра. Онъ постоянно бывалъ то начальникомъ, то судьей, то генераломъ, то адмираломъ и при всемъ томъ ни на одно мгновеніе не забывалъ, что онъ Императоръ. Онъ проявлялъ лихорадочную дѣятельность. Осматривая войска и учрежденія и провѣряя администрацію, онъ много ѣздилъ по Россіи, подвергая себя нерѣдко большой опасности. Въ г. Чембарѣ онъ переломилъ себѣ лѣвую ключицу, въ Ковнѣ едва не утонулъ во время переправы черезъ Нѣманъ. Въ походѣ подъ Браиловымъ занемогъ горячкою. Возвращаясь изъ Варны въ Одессу, перенесъ ужаснѣйшую бурю, грозившую гибелью. Побудить кипучую натуру Государя при обычныхъ недомоганіяхъ подчиниться докторскому режиму было нелегко. Кн. Меншиковъ писалъ 17—29 дек. 1847 г. Клинковстрему: «Императоръ уже нѣсколько дней нездоровъ (лихорадка); онъ долженъ не выходить, и докторамъ много хлопотъ удерживать Государя дома».

Николай I—олицетвореніе могущества націи; онъ—прекрасное выраженіе монархіи Петра Великаго въ XIX ст. (De-Beaumont-Vassy); онъ, по выраженію Ламартина, «Le type du prince, le rêve du tzar». О его времени можно сказать: Имперія—это Императоръ.

«Все русское, во всѣхъ проявленіяхъ государственной и общественной жизни было мило и дорого его отеческому сердцу. Онъ вѣрно постигъ и точно опредѣлилъ тріединое начало нашего историческаго бытія: «православіе, самодержавіе и народность» (С. С. Татищевъ). До Николая I у насъ не было изслѣдованія основныхъ началъ нашего политическаго склада и внутренняго смысла нашей государственной жизни. Разными мѣрами онъ направлялъ русскихъ на потерянный нами своенародный путь, не смотря на то, что разные Нессельроде доказывали, что лойальность и безкорыстіе менѣе всего должны обременять Россію ея національными интересами.

Въ политикѣ Царь руководился прямодушіемъ и честностью и въ этомъ не безъ гордости видѣлъ главный источникъ «не только личной своей славы, но и величія и могущества Россіи» ¹⁰⁹⁸).

За суровыми чертами грознаго властителя «таилось ясное пониманіе высшей правды и христіанскаго идеала, поднимавшее его надъ уровнемъ не только тогдашняго, но и теперешняго общественнаго сознанія»,—писалъ Вл. С. Соловьевъ въ 1896 г. «Не передъ одною виѣшнею силою преклонялся геній Пушкина,—продолжаетъ философъ,—и не одна грандіозность привязывала къ Государю сердце поэта». Этой духовной стороны, въ которой слились и свѣтять добро и правда, и намъ нельзя забыть за подавляющимъ обликомъ державнаго великана.

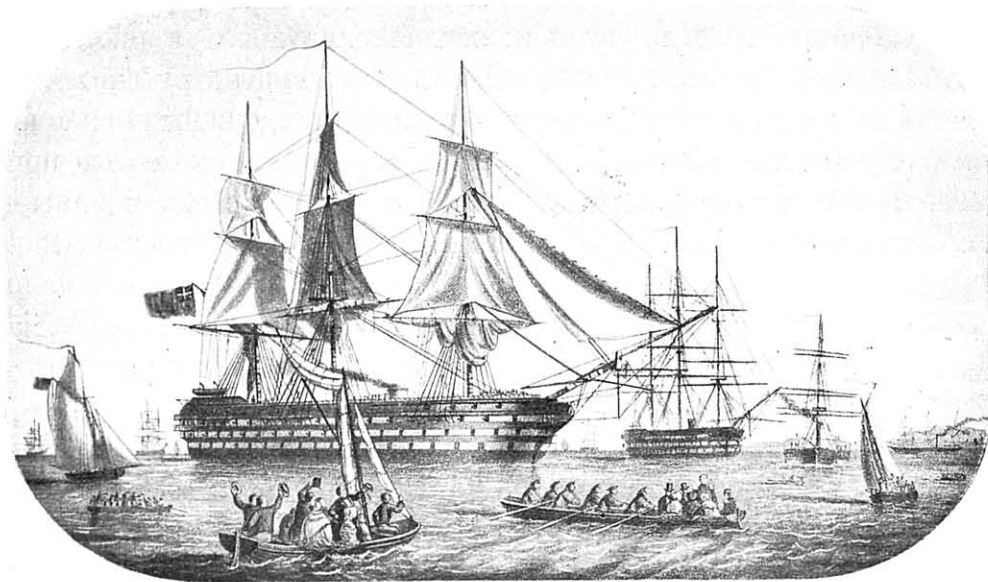
Государь лично бесѣдовалъ съ Самаринымъ, указывая на то, что онъ возбуждаетъ вражду между нѣмцевъ противъ русскихъ. «Вы укоряете цѣлыя сословія, которыя служили вѣрно... Вы хотите принужденіемъ, силою сдѣлать изъ нѣмцевъ русскихъ, съ мечемъ въ рукѣ, какъ Магометъ; но мы этого не должны именно потому, что мы христіане... Мы должны любовью и кротостію привлечь къ себѣ нѣмцевъ...». Вл. Соловьевъ подчеркиваетъ въ описанномъ эпизодѣ, помимо великодушнаго характера и человѣческаго сердца, ясное и твердое пониманіе принциповъ христіанской политики. «Мы этого не должны дѣлать именно потому, что мы—христіане. Этими простыми словами Императоръ Николай I опередилъ и свою, и нашу эпоху»¹⁰⁹⁹).

Человѣческое сердце говорило въ Николаѣ Павловичѣ властно и часто. Вызвавъ изъ Харькова Лепарскаго, Государь обратился къ нему со словами: «Станиславъ Романовичъ, я знаю, что ты меня любишь, и потому хочу потребовать отъ тебя большой жертвы... Мнѣ нуженъ человѣкъ, у котораго было бы такое сердце, какъ у тебя. Поѣзжай комендантомъ въ Нерчинскъ и облегчи тамъ участь несчастныхъ. Я тебя уполномачиваю на это. Я знаю, что ты сумѣешь согласовать долгъ службы съ христіанскимъ состраданіемъ». Такъ выражалъ Николай Павловичъ свою заботу о тѣхъ, которые хотѣли лишить его трона и жизни.

Общеизвѣстно также заявленіе Государя о тягости, происходящей отъ «невозможности прощать».

Совершенствомъ онъ себя не считалъ. Онъ зналъ свои недостатки. «Я былъ человѣкъ со всѣми недостатками, которымъ подвержены люди,—читаемъ въ завѣщаніи Николая Павловича.—Я старался исправиться въ томъ, что зналъ за собою дурнаго; въ одномъ я успѣлъ, а въ другомъ нѣтъ. Отъ всего сердца прошу меня простить».

Онъ признаетъ судъ потомства и на устахъ его мольба... Кто всесторонне изслѣдовалъ его дѣла и считаетъ себя возвысившимся до права изреченія надъ нимъ полной оцѣнки? Осторожнѣе съ приговорами. О Бонапартѣ было сказано: судить его—значило бы хотѣть судить міръ! Осудить Николая Павловича не значило бы осудить одного изъ лучшихъ представителей русскаго племени. Тридцать лѣтъ онъ съ честью простоялъ на стражѣ достоинства и спокойствія Россіи. Ее онъ сердечно любилъ, ею гордился, о ея благѣ радѣлъ по мѣрѣ своихъ силъ и своего разумѣнія, желая насадить въ ней добро и правду.

Адмиральскій корабль «Веллингтонъ».

Не забудемъ еще, что судьба Николая Павловича полна трагизма. Онъ долженъ былъ занять одинъ изъ славнѣйшихъ престоловъ міра и ему не дали надлежащаго образованія. Ему предстояло править великой Имперіей и его держали вдали отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ, нравственно безупречный, принимаетъ власть съ лучшими намѣреніями и его встрѣчаютъ озлобленными криками, угрозами, смыслъ которыхъ былъ ясенъ: мы не хотимъ имѣть тебя своимъ повелителемъ! Если бы декабристы не примѣшали къ своей программѣ олигархическихъ стремленій, они могли по многимъ вопросамъ имѣть въ Николаѣ Павловичѣ могучаго союзника. Роковая ошибка повела къ торжеству крѣпостнической партіи и надолго затормозила дѣло освобожденія. А сколько испытаній

выпало на долю Николая Павловича! Россію посѣтили ужасныя голодовки и холера, крестьянскіе бунты и, наконецъ, разразился громъ Севастополя! У сосѣдей разгорались одинъ за другимъ революціонные пожары, отъ которыхъ нужно было оберечь свое царство. Николай Павловичъ весь былъ желаніе справедливости и порядка, но все фатально расширяло опеку, рождало стѣсненія, способствовало укорененію взяточничества и обмановъ. Въ своемъ завѣщаніи Государь сожалѣлъ, что «не могъ произвести того добра, котораго искренно желалъ». Онъ создаетъ III Отдѣленіе, побуждаемый святымъ стремленіемъ стереть слезы сирыхъ и несчастныхъ, но получается учрежденіе, вызывавшее новыя горькія слезы и поселявшее ужасъ передъ произволомъ. Государь, вѣрный польской конституціи, коронуется въ Варшавѣ и открываетъ сеймъ, а поляки отвѣтили ему кровавымъ возстаніемъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ онъ думалъ и работалъ надъ облегченіемъ участи закрѣпощенныхъ, но украсить свою корону алмазомъ «освободителя» пришлось его преемнику...

Царь Николай скончался! и финляндцы стали подводить итоги его царствованію. «Въ основѣ своей Императоръ Николай всетаки былъ благороднымъ и справедливымъ Монархомъ». Сенаторъ Фалькъ называлъ Николая I великимъ повелителемъ и благодѣтелемъ Финляндіи (13—25 ноября 1832 г.). Въ томъ же смыслѣ высказались ф.-Котень и Л. Гартманъ. Обзоръ царствованія вполнѣ подтверждаетъ такое заключеніе.

При вступленіи на престолъ Николая I число жителей Финляндіи доходило до 1.259.151 чел. Черезъ 25 лѣтъ ихъ было 1.522.928 чел., т. е. населеніе возросло болѣе нежели на одну пятую часть. Причины тому: спокойствіе, которымъ наслаждался край, и мудрое управленіе имъ.

Развитію земледѣлія способствовали: продолжавшееся размежеваніе земель, работы по очисткѣ рѣкъ и пороговъ. Въ теченіе 25 лѣтъ возникло 2.740 новыхъ гейматовъ. Учрежденъ былъ земледѣльческій Институтъ въ Мустіала и двѣ образцовыя фермы—въ Вазаской и Выборгской губерніяхъ.

Горная промышленность была представлена 19 плавильными заводами съ доменными печами и 19 заводами съ сыродутными печами и 20 заводами полосового желѣза.

Фабричную и мануфактурную промышленность подняли, благодаря учрежденію въ Гельсингфорсѣ Мануфактурной дирекціи и повсюду воскресныхъ школъ. При Николаѣ же Павловичѣ состоялось учрежденіе Технологическаго Института.

Сооружено 5 православныхъ церквей и 64 лютеранскихъ; 17 хлѣбныхъ магазиновъ и 11 маяковъ.

Возникло вольное пожарное общество, нѣсколько ученыхъ обществъ; приступили къ астрономическимъ наблюденіямъ для составленія географическихъ картъ; заводили племенной скотъ и агрономовъ, улучшили лоцманскую часть, особенно въ Ботническомъ заливѣ.

Число воспитанниковъ въ Фридрихсгамскомъ корпусѣ увеличено съ 60 до 120.

Съ цѣлью ускоренія хода дѣлъ и улучшенія надзора за низшей администраціей, въ 1837 г. состоялось новое распредѣленіе губерній, причѣмъ вмѣсто прежнихъ семи губерній, учреждено было восемь.

Въ Финляндіи не наблюдалось рѣзкихъ переходовъ отъ богатства къ нищетѣ. Состоянія были распредѣлены довольно равномерно между жителями. Недостатки большихъ капиталовъ у частныхъ лицъ возмѣщались товариществами.

Въ 1826 г. заграничное плаваніе совершало 250 судовъ, а черезъ 25 лѣтъ—470 судовъ; число мореходцевъ удвоилось. Финляндскія суда ходили въ Бразилію, Востъ-Индію, Яву и другія отдаленныя мѣста.

Таможня, дававшая въ 1826 г. дохода только 160.630 р., черезъ 25 лѣтъ приносила уже 1.087.038 р.

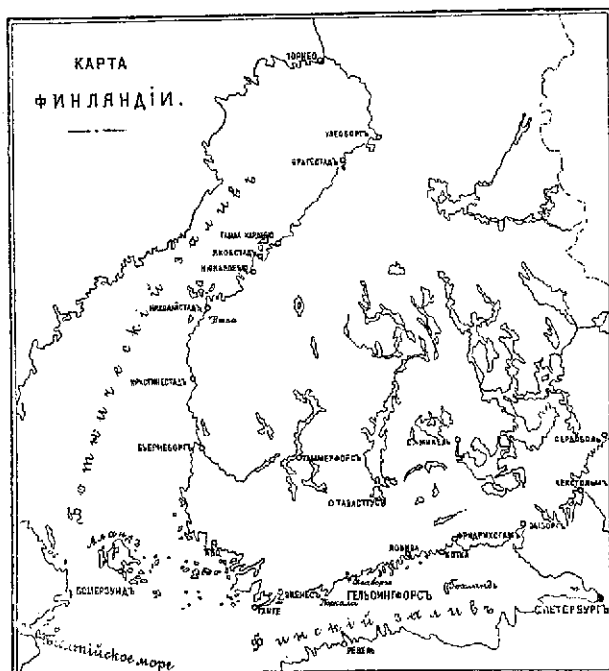
Поднятію торговли содѣйствовали: навигаціонныя школы въ Гельсингфорсѣ, Або и Вазѣ, ссуды изъ банка, открытіе новыхъ каналовъ, торговые стражчіе, два финляндскихъ склада въ Петербургѣ.

Новыхъ дорогъ проложено было 3.440 верстъ. Число почтовыхъ учрежденій мало увеличилось, но зато произошло большое улучшеніе въ системѣ пересылки корреспонденцій. До начала 40-хъ годовъ внутри Финляндіи дѣйствовало 10 различныхъ почтовыхъ тарифовъ, отъ 4 до 16 коп. сер. Въ 1834 г. была введена однаобразная такса. Въ 1847 г. введены были въ употребленіе штемпельныя конверты. Рисунокъ штемпеля былъ таковъ: внутри овала помѣщался гербъ Финляндіи, подъ нимъ два почтовыхъ рожка; по бокамъ обозначалась цѣнность конверта. Прежде почту возили,

такъ-называемые, почтовые крестьяне; ихъ замѣнили почталіоны на станціонныхъ лошадяхъ. По почтѣ стали доставлять тяжелыя посылки. Между главными городами края почта ходила два раза въ недѣлю, а затѣмъ стала ходить—три. Съ 1838 г. началась перевозка почты въ Швецію и Ревель на пароходахъ.

Къ финляндскимъ дѣламъ Государь относился съ большимъ вниманіемъ, удѣляя имъ не мало времени. Объ этомъ говорятъ его собственноручныя надписи на докладахъ губернаторовъ. Представляется проектъ объ улучшеніи породы скота и Государь подписываетъ: «весьма полезно» (30 мая—11 іюня 1845 г.). Читая отчетъ Нюландскаго губернатора за 1840 г., Государь повелѣлъ: «Обратить особое вниманіе на непомѣрное приращеніе арестантовъ, на предпринятныя мѣры исправленія нравственности». Крестьянинъ А. Саелинъ проситъ позволенія открыть у себя школу для бѣдныхъ дѣтей. Государь приписываетъ: «Медаль за усердіе». Просматривая рапортъ Куопіоскаго губернатора, Государь отмѣтилъ: «Очень много ошибокъ». Губернаторы пробовали сперва подавать свои отчеты на шведскомъ языкѣ, но скоро должны были перейти на государственный языкъ Имперіи и при этомъ неизбежны были промахи. Одинъ написалъ: нижеподписавшіеся «духовники», у другого значилось: «роговой скоть» и т. п. Но такое отношеніе къ русскому языку продолжалось недолго; большинство отчетовъ и рапортовъ изложены вполне правильно.

Въ апрѣлѣ 1855 г. при университетѣ состоялись торжественныя собранія, посвященныя памяти незабвеннаго Императора. Произнесены были скорбныя рѣчи на шведскомъ, латинскомъ и финскомъ языкахъ, причемъ лекторы оцѣнивали минувшее царствованіе.—

Г. Рейнъ, перечисляя заслуги Государя, сказалъ: Потомство и исторія сумѣютъ записать и рассказать, какъ народъ Финляндіи, подъ скипетромъ Императора Николая I, въ покоѣ мира и подъ защитой собственныхъ, примѣненныхъ къ его нраву и степени образованія, законовъ и общественнаго строя, непрестанно подвигался впередъ по пути своего индивидуальнаго развитія, спокойно могъ воздѣлывать унаслѣдованную отъ отцовъ землю и посвятить себя остальнымъ мирнымъ занятіямъ, такъ какъ доходы края употреблены были исключительно на собственные нужды. Земледѣліе, промышленность, торговля и, благодаря имъ, общее благосостояніе процвѣтало и возросло до невиданныхъ еще въ этомъ краѣ размѣровъ. Исторія засвидѣтельствуетъ, что денежныя дѣла края приведены были въ порядокъ, были учреждены ссудныя магазины, сберегательныя банки, пенсіонныя вдовы и сиротскія кассы, которыя, вмѣстѣ съ богатѣйшими вспомошествованіями во времена неурожая и пожаровъ, посѣтившихъ край, и субсидіями, назначенными для земледѣлія, кустарныхъ издѣлій и мануфактуры, устранили прежнюю нужду. Открыты были новые водные пути сообщеній, основаны новые города, заведены пароходы. Улучшилось санитарное дѣло, благодаря увеличенію больницъ; состоялось увеличеніе числа судебныхъ учреждений и учрежденіе новаго гофгерихта. Такъ какъ въ царствованіе Императора Николая никакого государственнаго преступленія не было совершено, то и смертной казни за его время не примѣнили. Основана новая епископская епархія; увеличены и преобразованы высшія учебныя заведенія, интересы религіи, нравственности, интеллигенціи и науки обезпечены ¹¹⁰⁰).

Русское правительство, видя себя спокойнымъ обладателемъ края, полагало цѣлью своей дѣятельности благо финновъ. Шведы, видя въ Финляндіи лишь колонію, которой владѣютъ временно, стремились извлечь изъ нея возможно большую пользу. Таково было мнѣніе проф. С. И. Барановскаго, вынесенное имъ изъ обмѣна мнѣній съ финляндцами. «Сравните,—говорили они,—Швецію съ Финляндіей съ тѣхъ поръ, какъ эти двѣ страны разстались. Каждая изъ нихъ измѣнилась; но гдѣ болѣе перемѣнъ къ лучшему, гдѣ замѣтнѣе успѣхи народнаго благосостоянія? гдѣ богатство глубже проникло въ массу народа? гдѣ бѣдность болѣе обезпечена? найдете-ли вы въ Швеціи такіе запасные магазины? замѣтите-ли тамъ такіе успѣхи промышленности? На всѣ подобные вопросы фин-

ляндецъ отвѣчаетъ рѣшительно, что народное благосостояніе въ Финляндіи теперь выше, нежели въ Швеціи ¹¹⁰¹).

Подобные-же отзывы появились въ печати. Вотъ одинъ изъ нихъ.

Миръ внѣшній, братская любовь и одинаковость желаній въ общихъ стремленіяхъ гражданскаго быта, истинно христіанское блаженство въ семейной жизни процвѣтали почти повѣка въ Финляндіи. Такое общее благосостояніе, подъ крыломъ мудраго правительства, выразилось самыми благопріятными результатами. Города годъ отъ году расширялись въ объемѣ, увеличивались по народонаселенію и украшались предметами утонченнаго вкуса и роскоши. Дороги Финляндіи пріобрѣли извѣстность въ Европѣ; а каналъ, соединяющій сѣверную Финляндію съ южными берегами, есть гигантское предпріятіе. Этотъ трудъ служить лучшимъ представителемъ оживленной матеріальной дѣятельности Финляндіи. Лѣса выжигались, и неблагодарная почва, очищенная отъ камня, превращалась терпѣніемъ финляндца въ веселые поля и луга. Одновременно увеличились пастбища. Заведены разные фабрики и заводы: суконные, бумагопрядильные, фаянсовые, зеркальные, желѣзковательные и стальныхъ издѣлій. Рядомъ съ успѣхами матеріальной жизни, развивалась умственная дѣятельность. Множество учебныхъ заведеній внѣдряли твердыя начала науки во всѣ классы народонаселенія. Гельсингфорскій университетъ доставляетъ Финляндіи ежегодно значительное количество нравственно и классически образованныхъ людей. Въ этомъ храмѣ наукъ взлѣляны таланты, въ немъ оперились знаменитые люди, наконецъ изъ него разлился свѣтъ образованія по всей Финляндіи. Итакъ, благословеніемъ свыше и мудрымъ чисто отцовскимъ правленіемъ нашего Августѣйшаго Монарха, мы, финляндцы, наслаждались этимъ блаженствомъ почти повѣка и свыклись съ нимъ такъ, что стали смотрѣть на это идиллическое благосостояніе, какъ на необходимое свойство нашего живописнаго отечества ¹¹⁰²).

Спеціально по отношенію къ университету имѣется документъ, подписанный всѣми профессорами. Онъ относится къ 1850 г. и заключаетъ въ себѣ просьбу разрѣшить отпраздновать 25-ти-лѣтіе канцлерства Наслѣдника Цесаревича. Просьба сопровождается мотивами, въ которыхъ кроются итоги отношенія Государя къ университету. «Въ сей день жители Финляндіи, озираясь на протекавшее время, будутъ благословлять съ чувствомъ признательныхъ сердецъ возлюбленнаго Отца-Монарха, даровавшаго имъ столько

счастья и благоденствія». Припоминая событія истекшаго двадцатипятилѣтія, профессора удостовѣряють, что каждый листъ отечественной исторіи «хранить драгоцѣнное воспоминаніе о щедротахъ и благоволеніи милостиваго Монарха».

Николай Павловичъ вообще былъ очень расположенъ къ инородцамъ ¹¹⁰³). Корень же возростающаго его расположенія къ финляндцамъ надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что въ юности онъ долгое время состоялъ канцлеромъ университета. И если память объ этомъ, подобно прекрасному нѣжному цвѣтку, не увяла въ солнечномъ блескѣ власти и въ минуты жгучихъ государственныхъ заботъ, то этимъ Финляндія обязана своимъ сынамъ, поставленнымъ у трона для охраненія ея интересовъ ¹¹⁰⁴).

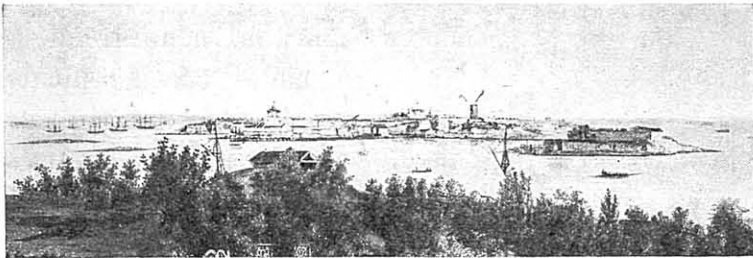
Въ адресѣ университета (1832 г.) и въ отчетѣ за 25-ти-лѣтіе царствованія финляндцы увѣряли, что исторія и потомство должны воздвигнуть Николаю I памятникъ, достойный безсмертныхъ и неисчислимыхъ его благодѣяній, и что признательныя сердца финляндцевъ свято сохранять и передадутъ своимъ потомкамъ драгоцѣнное воспоминаніе о счастливыхъ годахъ его царствованія...

Съ открытіемъ навигаціи 1855 г. англійскія и французскія суда вновь показались въ Балтикѣ. Ими командовали теперь адмиралъ Ричардъ Дондасъ и Пено. Опять объявлена была блокада всѣхъ русскихъ портовъ. Какъ прежде, такъ и теперь, союзники ходили тамъ, гдѣ не рассчитывали встрѣтить нашей военной силы. Дѣлались ничтожныя высадки, происходили слабыя схватки у Гангэ (24 мая), Нюстада (24 іюня), Фридрихсгама (9 іюля), Раумо (13 іюля), Котки (14 іюля). Болѣе серьезная стычка послѣдовала у Тронгзунда, близъ Выборга (1 іюля) и Гамла-Карлебю (21 августа).

Наконцѣ, вся армада союзниковъ, въ 73 вымпела, была сосредоточена около Свеаборга. Старая крѣпость, съ гранитными стѣнами, въ теченіе зимы успѣла нѣсколько оправиться и приготовиться. Союзный флотъ, занявъ позицію внѣ нашихъ слабыхъ выстрѣловъ, расположился въ боевомъ порядкѣ. Свеаборгъ спокойно ожидалъ грядущихъ событій. 28 іюля съ непріятельскихъ судовъ донеслось сперва до гельсингфорской обсерваторіи пѣніе псалма, а затѣмъ съ адмиральскаго корабля «Велингтонъ» раздался первый боевой выстрѣлъ. Началась бомбардировка. На Свеаборгъ посыпался чугунный градъ. Сто орудійныхъ жерлъ ежеминутно

извергали смертоносныя ядра въ одну и ту-же неподвижную цѣль. Свистъ ядеръ и пуль, трескъ лопавшихся бомбъ и грохотъ орудій продолжался непрерывно 45 часовъ! Крѣпость отвѣчала выстрѣлами. И флотъ, и крѣпость дышали огнемъ и гремѣли орудіями. Свеаборгъ окутался дымомъ, изъ котораго сверкалъ огонь пушекъ и вырывались длинные огненные языки пожаровъ. Изрѣдка непріятель дѣлалъ слабыя попытки приблизиться къ крѣпости, но сейчасъ же спѣшилъ отойти, не выдерживая ея огня.

Ночью картина боя дѣлалась еще ужаснѣе. Хвостатыя конгревовыя ракеты шипя разсѣкали воздухъ. Зеркальная поверхность моря увеличивала впечатлѣніе. Смерть грозила со всѣхъ сторонъ. Стоя въ дыму и огнѣ, русскіе храбро отстрѣливались. Ничто не смущало храбрецовъ: ни ураганъ чугуна и свинца, ни ужасный взрывъ пирамиды ядеръ, ни многочисленные пожары.

Свеаборгъ.

Наиболѣе тяжелая участь выпала на долю защитниковъ корабля «Россія», поставленнаго около крѣпости. Ядра непріятеля проби-вали ея борты и палубу, ломали снасти, разили людей. Крюйтъ-камера едва не загорѣлась, но моряки не дрогнули.

Настало утро 30 іюля. Ласковое теплое солнце освѣтило мѣсто боя, тихая поверхность моря раздѣляла враговъ. Союзники ликовали; въ Свеаборгѣ раздался церковный благовѣстъ. Перваго августа флотъ неожиданно ушелъ.

Непріятель почему-то радовался и рассчитывалъ, что ударъ, нанесенный имъ, былъ «жестокій» и что «Sveaborg n'existe plus». Все это самообольщеніе и ложь, распространенная имъ по Европѣ.— Враги устроили «адскій огненный дождь» надъ крѣпостью, бросили въ нее до 60 тыс. пуд. чугуна, но она осталась неповрежденной. Средствъ сокрушить Свеаборгъ у союзниковъ не хватило и они отплыли отъ ея стѣнъ, не достигнувъ никакого успѣха. Убытки наши были самые ничтожныя, несмотря на то, что Свеаборгъ вы-

держалъ самое большое изъ всѣхъ бывшихъ до того времени бомбардированій съ моря (адм. Коломбъ).

Этой попыткой кончилась кампанія 1855 г. Никакого существеннаго ущерба намъ на сѣверѣ, въ Балтійскомъ морѣ, не было причинено. Союзникамъ пришлось довольствоваться лаврами юга.

Тяжелое наслѣдство получилъ кн. М. Д. Горчаковъ въ Севастополѣ послѣ своего крайне нерадиваго и неспособнаго предшественника кн. Меншикова. Между тѣмъ, союзники, подкрѣпленные новыми присылками войскъ и снарядовъ, энергично наступали.

Вице-адмиралъ Дондасъ.

Одна лишь могучая грудь николаевского солдата сдерживала ихъ. Но враги технически были лучше обставлены и въ долготу солдатская грудь да знаменитые контръ-апроши не могли, конечно, отразить стремительныхъ натисковъ непріятеля, превосходившаго насъ своей численностью, вооруженіемъ, богатствомъ. Пала, наконецъ, послѣдняя опора Севастополя. Русскіе отодвинулись за бухту, оставивъ союзникамъ однѣ дымившіяся развалины. Остановился и врагъ. Малаховъ курганъ онъ взялъ, но у подножія его самъ истекъ кровью и далѣе двинуться не могъ. Да и въ Парижѣ, и Лондонѣ сознали, что бое-

вые средства союзниковъ истощены. Въ интимномъ письмѣ Наполеона III къ королевѣ Викторіи читаемъ: « . . . для всего міра ясно, что не можемъ побороть Россіи собственными нашими средствами. Итакъ, что намъ дѣлать?»

Оставалось положить конецъ войнѣ договоромъ. Такъ и было поступлено: 18 марта 1856 г. въ Парижѣ воевавшія стороны подписали трактатъ, послѣ того, какъ союзники потеряли 159.200 чел. и 4.157 милл. франковъ чрезвычайныхъ расходовъ, а Россія—110.000 чел. и 4.000 милл. франковъ.

По этому трактату Аландскіе острова остались за Россіей, но условились на нихъ не возводить укрѣпленій, что было особенно легко исполнить, такъ какъ наше правительство вовсе не полагало возобновлять бесполезнаго Бомарзунда.

Въ итогѣ—паденіе Севастополя; но Севастополь не позоръ и не «погромъ», Севастополь—полонъ подвиговъ и героизма. Севастополь вписалъ чудныя страницы въ нашу боевую лѣтопись, начиная съ славныхъ моряковъ Нахимова и Корнилова и кончая ополченцами, арестантами и простыми женщинами, во множествѣ отличившимися на бастіонахъ. Ихъ мужество напоминаетъ героическій эпосъ, ихъ отвага дышетъ великимъ патріотизмомъ, ихъ подвиги создали намъ новую славную эпопею. По собственному выраженію Николая Павловича, Севастопольская война оказалась, «быть можетъ, трауромъ по русскомъ флотѣ, но никогда—по русской чести».

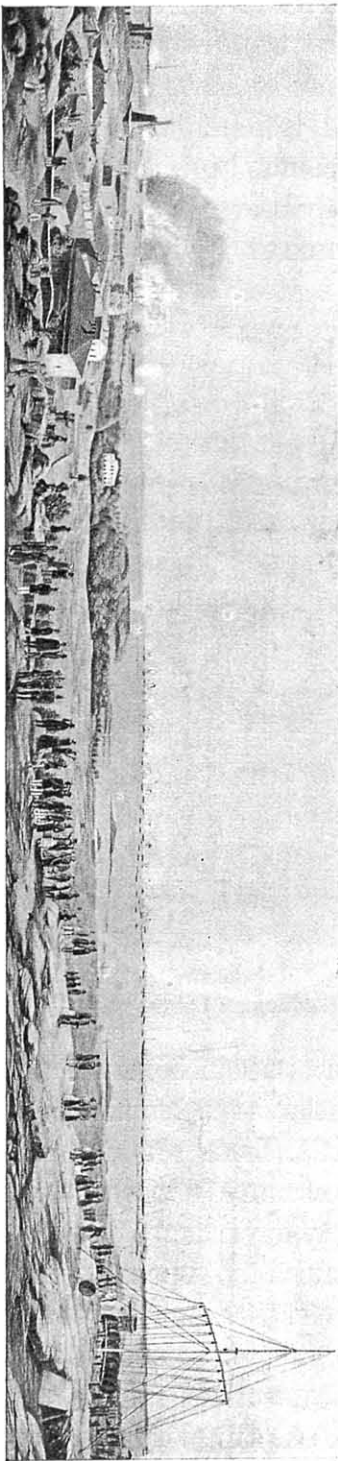
Севастополь палъ потому, что часть Россіи коснѣла въ крѣпостной зависимости, а часть—забыла, что у нея имѣются обязательства по отношенію къ родинѣ. Севастополь палъ потому, что наукѣ, искусству, таланту и большимъ матеріальнымъ средствамъ Запада Россія могла противопоставить лишь отвагу николаевского солдата. Наконецъ, кн. Меншиковъ оказался преступно нерадивымъ и до изумленія неспособнымъ.

Исходомъ Севастопольской кампаніи было-бы несправедливо мѣрять и оцѣнивать все царствованіе Николая I. Тяжестью Севастополя нельзя уничтожать значенія тридцатилѣтняго царствованія. Идя по этому пути, не придется ли осудить лучшую пору царствованія Александра II за недочеты, открывшіеся во время войны 1877—1878 г.г.? Въ кампанію 1877—1878 г.г. восторжествовали Грегеры, Коганы и Горвицы, госпитали были плохи, вооруженіе недостаточное... несмотря на то, что ей предшествовали 22 года реформъ Александра II и министерства Д. А. Милютина ¹¹⁰⁵). Ближайшимъ послѣдствіемъ Севастополя явились реформы. Въ теченіе 8 лѣтъ (1858—1866) были преобразованы суды, введены земскія учрежденія, а главное—отмѣнено крѣпостное право. Не

Сорокинъ.
Комендантъ Свеаборга.

Бомбардирование Свеаборга. Видъ съ горы обсерваторіи Гельсингфорса.

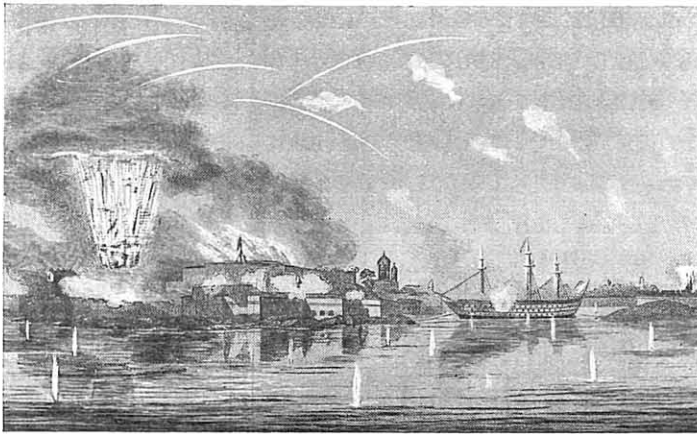
свидѣтельствуемъ ли это, что реформы были подготовлены царствованіемъ Николая I? Будь Россія разгромлена подъ Севастополемъ, она не могла-бы столь быстро осуществить коренныя преобразованія, такъ широко захватившія основы ея народной жизни.

За время Восточной войны Финляндія израсходовала 3.931.938 р. Кромѣ того, она потеряла 72 торговыхъ судна, не считая мелкихъ судовъ, ботовъ и лодокъ ¹¹⁰⁶).

Въ общей массѣ финляндцы во время войны вели себя вполне удовлетворительно и корректно и сдѣлали, что могли, для защиты своихъ границъ. Они жертвовали на госпитали, флотъ и войско. Ихъ молодежь воспользовалась особыми курсами при университетѣ — или, такъ-называемымъ, военнымъ факультетомъ — для скорѣйшаго полученія офицерскаго чина. Безъ протеста населеніе исполняло тяжелую постоянную и подводную повинности. Между крестьянами и солдатами наблюдались хорошія отношенія. Русскія воинскія части встрѣчались и провожались съ должнымъ вниманіемъ и радушіемъ. Въ дни общаго бѣдствія офицеры легче сближались съ образованными классами. Русскимъ успѣхамъ выражалось обычное сочувствіе. Поджоги, произведенные въ Улеоборгѣ и Брагестадѣ, содѣйствовали большему довѣрію населенія русскому

правительству, а постоя войска оставилъ «въ утѣшеніе населенію» значительныя суммы денегъ.

Болѣе другихъ подверглись искушенію аландцы; ихъ острова были со всѣхъ сторонъ окружены непріятельскими судами и часто посѣщались англичанами и французами, распространявшими среди нихъ разные нелѣпные слухи. Хорошіе моряки—аландцы оказались слабыми воинскимъ духомъ. вмѣстѣ съ непріятелями, на островахъ показывались иногда и шведы, исполнявшіе едва ли вполнѣ благовидныя порученія первыхъ. Не всѣ аландцы устояли противъ искушеній. Среди нихъ нашлись такіе, которые, измѣнивъ долгу и присягѣ, предложили врагамъ свои услуги по проведенію ихъ кораблей въ шхерномъ лабиринтѣ, по указанію мѣстъ высадки и т. п. Измѣнники обыкновенно были извѣстны сельской поли-

Бомбардированіе Свеаборга.

ціи, но у нея не было средствъ предать ихъ въ руки правосудія. Что еще печальнѣе, часть аландскаго духовенства не оказалась на высотѣ своего призванія и въ своихъ проповѣдяхъ восхваляла и благодарила англичанъ за ихъ рвеніе въ дѣлѣ распространенія книгъ Св. Писанія. Тѣ же пасторы прекратили чтеніе молитвъ за Русскій Царствующій Домъ. Но все это лишь печальныя исключенія. Большинство же аландцевъ вело себя добросовѣстно по отношенію къ Монарху и отечеству.

Среди лоцмановъ континента также оказались недобросовѣстныя личности. Особенно извѣстенъ среди нихъ Михельсонъ, приведшій англійскіе пароходы къ Улеоборгу. Около Тронгзунда нашелся корыстный крестьянинъ, указавшій путь непріятельскимъ судамъ. Его разыскали. При немъ оказалось еще золото, полученное за услугу отъ англичанъ. Онъ тутъ же былъ разстрѣлянъ.

Въ Гельсингфорсѣ у одной части университетской молодежи сказалось «фрондирующее направленіе». Оно явилось, вѣроятно, послѣдствіемъ революціонныхъ вспышекъ 1848 г. на Западѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, стали громче говорить о конституціонныхъ идеяхъ, о Николаѣ I, какъ главномъ врагѣ всего либеральнаго и прогрессивнаго. Молодые фрондирующіе студенты, особенно тѣ, которые принадлежали къ группѣ такъ-называемыхъ «безкровныхъ», поднявъ головы, предались политическимъ мечтаніямъ. Кто не сочувствовалъ ихъ направленію, подвергался бойкотированію. Особенно черство они обрушились на нѣжнаго по своей нравственной организаціи Зах. Топелиуса. Въ газетной статьѣ онъ осудилъ тѣ западныя христіанскія державы, которыя протянули руку помощи мусульманской Турціи. Кромѣ того, въ стихотвореніи онъ укорилъ непріятеля, оросившаго въ чудный майскій день берега Финляндіи человѣческой кровью. На бѣднаго Топелиуса стали клеветать; его обвиняли въ искательствѣ у власти; осмѣивали его лакейство и т. п. Фрондирующіе пріобрѣли столь значительное вліяніе, что въ Гельсингфорсѣ знакомые перестали здороваться съ Топелиусомъ на улицѣ. Одного студента, принявшаго участіе въ схваткѣ при Гамла-Карлебю, злобно преслѣдовали насмѣшками.

Воспоминанія профессора К. Г. Эстландера дополняютъ наши свѣдѣнія по этому вопросу. «Очень понятно,—пишетъ этотъ русскій подданный,—что симпатіи молодежи были на сторонѣ западныхъ державъ». Въ старости Эстландеръ замѣтилъ лишь одну оплошность своей молодости: онъ преувеличивалъ силы союзниковъ; въ своихъ же симпатіяхъ онъ не раскаялся, онѣ казались ему вполне естественными. Стихотвореніе Топелиуса «Первая капля крови», по мнѣнію Эстландера, выразила казенный русскій патріотизмъ, господствовавшій въ сферахъ академическихъ отцовъ, мѣщанства и кофейницъ и это «казалось намъ, прямо говоря, низкимъ». Студенты устроили за это импровизированный кошачій концертъ подъ окнами Топелиуса ¹¹⁰⁷). Пищу для критики и пересуда дала еще рѣчь Ф. Сигнеуса. Провожали чиновъ финскаго морскаго экипажа. Толмачемъ чувствъ горожанъ былъ Сигнеусъ. Его вина заключалась въ томъ, что онъ дерзнулъ склониться къ казенному патріотизму. Въ этомъ въ свое время провинился особенно его отецъ—пасторъ. Въ домѣ отца молодой Ф. Сигнеусъ сдѣлался большимъ поклонникомъ великой Имперіи. Профессоръ Эстландеръ припоминаетъ его рѣчь въ Кадетскомъ Кор-

пусѣ, «въ которой весьма явно Русская Имперія признавалась великимъ отечествомъ, совершенно также, какъ была Швеція для бывшихъ поколѣній» Финляндіи ¹¹⁰⁸). Съ точки зрѣнія современныхъ намъ финляндцевъ это непростительно, это—большое заблужденіе.

Генераль-Губернаторъ, генераль-адъютантъ Гр. О. О. Бергъ.

Профессоръ Эстландеръ удостовѣряетъ еще, что финляндская молодежь «не симпатизировала Николаю I». Она сочувствовала его противникамъ въ этой гигантской борьбѣ. Онъ представлялся ей міровымъ тираномъ, который подавлялъ движенія свободы въ Европѣ и напалъ съ тыла на венгерцевъ, сокрушивъ ихъ послѣднія надежды. «Между тѣмъ чувствовали, что Финляндія обязана была Императору Николаю многимъ, вѣроятно, за сохраненіе

автономіи. Императоръ Николай твердой рукой поддерживалъ въ своихъ земляхъ административное самодержавіе, при содѣйствіи нѣмецкихъ прибалтійцевъ, и было понятно, что эта такъ называемая государственная партія служила для Финляндіи защитой противъ начавшагося русскаго націонализма.—Левъ Перовскій въ Государственномъ Совѣтѣ настаивалъ на томъ, что Финляндія должна быть поставлена въ такое же отношеніе къ Имперіи, въ какомъ находятся прибалтійскія губерніи» ¹¹⁰⁹).

«Противнымъ памфлетомъ» представлялось Эстландеру изданное во время войны пасторами сочиненіе «Своевременное слово» («Ett ord i sinom tid»), которымъ, со ссылками на Откровеніе Іоанна, старались внушить населенію понятіе о Западныхъ державахъ и особенно Англіи, какъ о представителяхъ нравственнаго паденія. «Отвратительнѣ всего было то, что пасторы,—даже какъ полагали два высшихъ служителя церкви,—злоупотребляли священнымъ писаніемъ для этого гнуснаго balernfängerei. ¹⁰¹⁰).

Далѣе Эстландеръ признается: «Я не зналъ, какъ защитить поступки адмирала Плюмриджа, уничтожавшаго лѣсные склады и гавани, и какъ заставить купцовъ согласиться съ моимъ высокимъ мнѣніемъ объ англичанахъ, какъ главныхъ носителей цивилизаціи. Развѣ ихъ флотъ вошелъ въ Балтійское море только для блокады финскихъ береговъ и для нападенія на незащищенные города? Не безъ того было, что я стыдился за нихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ раздѣлить блаженныхъ чувствъ дамъ и купцовъ по поводу подвига Доннера, Канконена, короннаго фохта Хольма и др. въ Гамла-Карлебю, когда Плюмриджъ поспѣлъ туда по своему поджигательному пути» ¹¹¹¹).

Сорокъ лѣтъ спустя послѣ войны, Августъ Шауманъ возвращается въ своихъ воспоминаніяхъ къ эпизоду съ Топеліусомъ, чтобы доказать основательность своихъ взглядовъ и раскрыть заблужденія поэта. Онъ пишетъ: «Конечно, Финляндія обязана была принять съ оружіемъ въ рукахъ участіе въ войнѣ. Этого требовалъ долгъ, тяжелый долгъ. Но сознаніе сего долга нельзя было поднять во всѣхъ на степень энтузіазма. Если капля крови двухъ-трехъ раненыхъ воиновъ и пролилась на финскомъ берегу, то тѣмъ самымъ честь нашей страны не была еще запятнана, и если непріятелемъ похищенъ какой-то корабль, то этимъ еще право страны не было нарушено... Оставалось только терпѣливо покориться и утѣшиться тѣмъ, что тягость вины за все это падала

не на насъ. Причины войны лежали далеко отъ насъ; Финляндія не имѣла никакого въ нихъ участія»...

Оппозиціонная фронта находила сильную поддержку въ нѣкоторыхъ органахъ печати Швеціи, которые усмотрѣли, что настала часть поднять вопросъ о возвращеніи Финляндіи. Въ Стокгольмѣ пріютились наиболѣе непримиримые финляндцы, разводя тамъ пары нерасположенія къ Россіи.

Генераль-губернаторъ гр. О. О. Бергъ внимательно слѣдилъ за «фрондой» и ея отношеніемъ къ скандинавизму, такъ какъ дѣло касалось возбужденія общественнаго мнѣнія противъ правительства. Извѣстно было также, что скандинавизмомъ старался

Представители Финляндіи на похоронахъ Императора Николая I.

воспользоваться для интересовъ Англіи лордъ Пальмерстонъ. Поэтому естественно, что гр. Бергъ немогъ видѣть въ выходкахъ «безкровныхъ» одну лишь политическую наивность, или юношескія шутки.

Поѣздка Канробера въ Стокгольмъ особенно подняла настроеніе среди гельсингфорской студенческой молодежи.

Но и эти факты въ нашихъ глазахъ не болѣе, какъ исключеніе изъ общаго правила. А это правило гласило, что поведеніе финляндцевъ было спокойное и разсудительное, и они не отказывались отъ жертвъ, требуемыхъ войной. Большинство высказало вполне трезвое воззрѣніе; администрація края содѣйствовала своими силами защитѣ финскихъ береговъ; большинство духовенства исполнило свой долгъ, благотворно повліявъ на населеніе. Всѣ вмѣстѣ терпѣливо перенесли выпавшее на ихъ долю испытаніе.

Въ изложенномъ видѣ, по имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи матеріаламъ, представилось намъ общественное настроеніе

Финляндіи въ дни политической грозы 1854—1855 г.г. Недавно въ Финляндіи появилось новое изданіе, посвященное тому же вопросу: брошюра Вайно Валлина «Восточная война въ Финляндіи 1854—1856 г.г. (Itämainen sota Suomessa: 1854—1856. Väinö Vallin. Porvo. 1904)». Въ видахъ полнаго, безпристрастнаго и всесторонняго отношенія къ разсматриваемому историческому вопросу, даемъ мѣсто главнымъ положеніямъ, высказаннымъ В. Валлиномъ. Съ 1854 г. начался новый періодъ въ исторіи Финляндіи. Финскій народъ впервые, за время его нахожденія подъ русскимъ владычествомъ, принялъ участіе въ войнѣ противъ враговъ Имперіи. Намъ, поэтому, важнѣе всего узнать истинное отношеніе финскаго народа и финскихъ руководящихъ сферъ къ Россіи, и всякое новое данное, могущее пролить свѣтъ на него, представляется особенно цѣннымъ, всякій новый голосъ долженъ быть выслушанъ въ этомъ жгучемъ вопросѣ. Что же говорить В. Валлинъ?

Въ началѣ войны финскія войска состояли: изъ гвардейскихъ стрѣлковъ, гренадерскаго стрѣлковаго баталіона и флотскаго экипажа—всего 3 тыс. человекъ. Главными силами, защищавшими страну, явились, такимъ образомъ, русскія войска. Въ виду того, что защита лежала «на чужезычной военной силѣ,—заявляетъ В. Валлинъ,—надвигавшаяся война въ туземномъ населеніи края не вызвала никакого особаго воодушевленія. Страна сознавала себя игрушечнымъ мячикомъ въ болѣе сильныхъ рукахъ. Какая же могла быть нужда участвовать въ защитѣ ея? Спокойно и безучастно готовились поэтому встрѣтить грядущія событія. «Грядущія событія» изложены Валлиномъ въ тонѣ насмѣшки надъ русскимъ правительствомъ и кн. Меншиковымъ, посланнымъ «усмирить» Турцію. Молодые люди изъ общества,—утверждаетъ Валлинъ,—во многихъ мѣстахъ ѣздили даже повеселиться на корабли враговъ. Газеты, издаваемые лицами изъ этого общества, не упускали случая указать на незначительность происшедшихъ сраженій и на постоянно выказываемую врагомъ гуманность и мягкость.

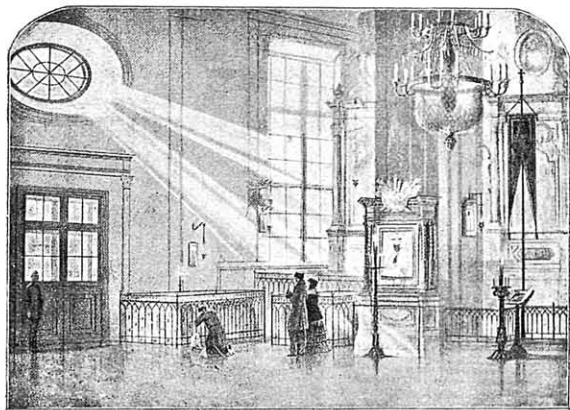
Глядя на бомбардировку Свеаборга, искренно пожимали другъ другу руки, восторженно смотрѣли другъ другу въ глаза, какъ будто видѣли передъ собой большой очистительный огонь, изъ котораго должна была народиться новая жизнь и новое время.

Однако, пожертвованія изъ нѣкоторыхъ частей Финляндіи поступали. Да, соглашается авторъ, но сейчасъ же поясняетъ, что пожертвованія Сердоболя были значительны вслѣдствіе того,

что онъ былъ русскимъ городомъ, а жертвователи Таммерфорса получили золотыя медали, особыя права и дворянское достоинство. Что же касается прибрежныхъ жителей Эстерботнии, то они жертвовали потому, что болѣе другихъ пострадали отъ союзниковъ и т. д.

Сельскому населенію предстояло выставить 3.600 чел. Изъ Гельсингфорса посланы были генералъ гр. Армфельтъ и баронъ Котенъ разъяснять народу ихъ обязанности. Ген. Котенъ говорилъ о томъ благѣ и тѣхъ выгодахъ, которыми край долго пользовался подъ мирнымъ русскимъ правленіемъ. Количество населенія возросло въ два раза. Государь желаетъ получить съ сѣверныхъ областей лишь половину

того, что они должны были бы выставять, причемъ издержки по вооруженію онъ бралъ на себя. На пылкую рѣчь генерала мужики отвѣтили полнымъ молчаніемъ. Наконецъ, изъ толпы вышелъ одинъ и заявилъ, что они не согласны отдавать своихъ сыновъ на побои и колоушки офицеровъ, какъ это имъ приходится еже-

Могилы Императора Николая I
въ Петропавловскомъ соборѣ.

дневно видѣть въ деревняхъ, гдѣ квартировали войска. Другой крестьянинъ заявилъ генералу, что у нихъ нѣтъ избъ для помѣщенія новыхъ солдатъ. Выручилъ коронный фохтъ: онъ громко и грубо отвѣтилъ за народъ, что съ этого уѣзда будутъ выставлены люди на войну».

Баталіоны были сформированы,—рассказываетъ далѣе В. Валлинь,—но изъ батраковъ, изъ гуляющихъ людей (*renkija jontomiehet*).

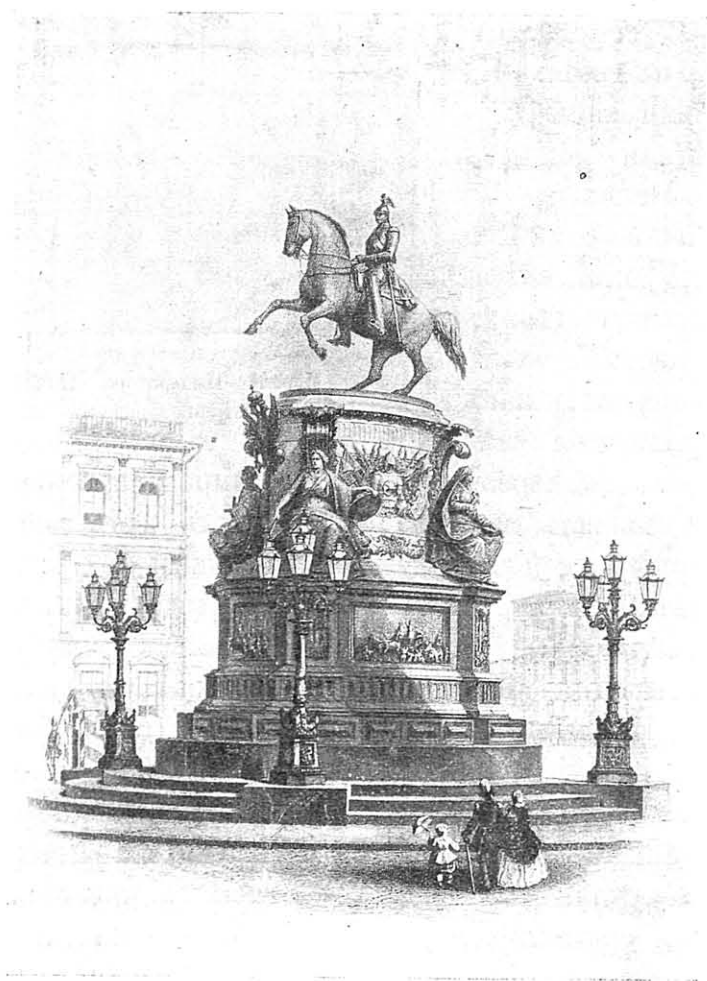
Цѣна на рабочія руки поднялась, и въ этомъ авторъ видитъ «важный поворотный пунктъ въ исторіи рабочаго класса Финляндіи».

Пострадали судохозяева. «Въ утѣшеніе за потерю судовъ крестьяне получили горсточку георгіевскихъ крестовъ».

Во время сраженій, по описанію В. Валлина, героями вели себя только финны. Дѣйствія русскихъ начальниковъ вызывали смѣхъ и презрѣніе. Финскій гвардейскій баталіонъ провелъ зиму

въ мелкихъ городахъ западной Россіи, гдѣ отъ «военной болѣзни» (тифа) умерло до 220 чел. Надъ ихъ могилой поставленъ памятникъ съ латинской и финской надписями: «Здѣсь покоится 220 жертвъ убійственной болѣзни 1854—1855 годовъ финскаго гвардейскаго стрѣлковаго баталіона». Случалось ли кому изъ финновъ,—спрашиваетъ В. Валлинъ,—видѣть памятникъ этой Восточной войны?

Въ перечнѣ послѣдствій войны авторъ указываетъ на телеграфъ, которымъ разрѣшено было вскорѣ пользоваться мѣстнымъ купцамъ, на развитіе земледѣлія, вслѣдствіе затрудненія, возникшаго по вывозу лѣса, на пробужденіе интереса населенія къ газетѣ. Восточная война не произвела идей свободомыслія, но она выдвинула ихъ на первый планъ. Въ этомъ,—по мнѣнію В. Валлина,—главное значеніе войны ¹¹¹²).

Памятникъ Императору Николаю I въ Петроградѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Вѣнчанный рыцарь—повелитель Имперіи.

1. Очень интересныя данныя о Дворянской ротѣ сосредоточены въ трудѣ полк. В. К. Шенка. Импер. Гл. Квартира. Царствование Николая I, СПБ. 1908, стр. 55 и слѣд.

Матеріалы и черты къ біографіи Импер. Николая I. Рожденіе и первыя двадцать лѣтъ жизни (1796—1817 г.), Статсъ-Секретарь баронъ М. Корфъ. С. б. Имп. Ист. Общ., т. № 98.

2. Odert Henrik Gripenberg, en Pestalozzis lärjunge, af K. G. Leinberg.—Труды Я. К. Грота, т. I, 712—715.

3. «Рус. Стар.», 1903, октябрь, 92.

4. «Рус. Стар.», 1886, июль, 28. Гагернъ о Россіи.

5. «Рус. Стар.», 1903 г., октябрь, стр. 95.

6. Мемуары Гетца въ книгѣ «Fürst A. N. Golitzin».

7. Поль Лакруа, II, 146, Исторія жизни и царствованія Николая I Императора Всероссийскаго. М. 1877—1878 г.г.

8. Н. Барсуковъ, кн. первая, стр. 322. Жизнь и труды М. П. Погодина.

9. Письмо къ А. И. Тургеневу отъ 16 декабря 1825 г.

10. «Рус. Стар.», 1903, ноябрь, стр. 295.

11. «Рус. Стар.», 1903, ноябрь, 300.

12. Тамъ же, стр. 301.

13. Изъ галлерей героевъ 12 года онъ изгналъ портреты всѣхъ, участвовавшихъ въ декабрьскомъ возстаніи. «Старые Годы», 1913, июль—сент., 56 стр.

14. La Scandinavie, ses craintes et ses espérances par G. Lallerstedt. Paris, 1856; 167—168.—Scandinavien, dess farhågor och förhoppningar. G. Lallerstedt. Stockholm, 1856, s. 146.

15. Статсъ-арх. Подлин. дѣла Ген.-Губ. 1825 г., кн. 14, д. 464, № 2957.

16. Дубровинъ. Письма главн. дѣятелей царств. Александра I, стр. 475—476.

17. Finsk Tidskrift, ноябрь, 1897 г.

18. Nya Pressen 1890, № 64 отъ 7 марта.

19. M. G. Schybergson. Finl. Konst. hist. 1809—1863, s.s. 30—33; а также: «Моск. Вѣдом.» 1890, № 78, отъ 20 марта.

20. Статсъ-архивъ. Подл. дѣла Ген.-Губ. 1825 г., кн. 14, стр. 464.

21. Ст.-Арх. Подл. дѣла Ген.-Губ. 1825 г., кн. 14, д. 464.

22. Арх. Канц. Воен. Министерства. Дѣло № 42—116.

23. П. Шиловскій. Акты, относящіяся къ политическому положенію Финляндіи. СПб. 1903 г., стр. 11.

24. Ст.-Арх. Подл. дѣла Ген.-Губ. 1825 г., кн. 14, д. 477.

25. Ст.-Арх. Подл. дѣла Ген.-Губ. 1825 г., кн. 14, д. 477.

26. Сборн. Имп. Р. Истор. Общ., т. 73.

27. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

Во исполненіе Высоч. повелѣнія (21 дек. 1825 г.—январь 2 1826 г.) въ финл. официальной газетѣ былъ помѣщенъ манифестъ о печальныхъ событіяхъ, бывшихъ 14 дек. въ Петербургѣ, и особое прибавленіе къ «С.-Петербург. Вѣдомостямъ» (№ 100).

28. «Истор. Вѣстн.» 1891, дек., 790. Изъ записокъ генерала Леопольда Герлаха.

29. «Рус. Стар.» 1888, февр., 422, 443.

30. Декабристы. 86 портретовъ. Поясненіе П. М. Головачева. М. 1906, стр. 148.

31. В. Богучарскій. Изъ прошлаго рус. Общ. СПб. 1904, стр. 72. См. также «Рус. Вѣстн.» 1861, III, 295.

32. В. И. Семевскій. Полит. и общест. идеи декабристовъ, стр. 82.

33. До іюня 1827 г. Шукинскій Сборникъ IV, 173.

34. Общ. движеніе въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Декабристы. СПб. 1905 г., стр. 308.

35. Записки В. И. Штейнгеля.

36. Въ первый-же день своего вынужденнаго царствованія онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ буйнымъ скопищемъ, готовымъ разстрѣлять его. Въ этомъ столкновеніи на Сенатской площади лежитъ также начало огульнаго и широкаго осужденія Государя и его царствованія. Ставка была декабристами проиграна, но у нихъ не хватало мужества сознаться въ своихъ ошибкахъ и увлеченіяхъ. Напротивъ, они напрягли всѣ силы, чтобы оправдаться, показать, что они нужны были родинѣ и несли ей полную чашу величайшихъ благъ, они силились представить себя мучениками за идею и правое прогрессивное дѣло, а Николая I деспотомъ и тираномъ, сокрушившимъ ихъ благотѣльные планы. Ихъ многолѣтняя устная и печатная пропаганда не осталась безплодной. Къ политическимъ и инымъ осужденнымъ у русскаго всегда избытокъ состраданія, неспособнаго различить правды отъ жалости.

Между тѣмъ, взгляните только на Николая I и декабристовъ въ часы ихъ пребыванія на Сенатской площади и для вашихъ симпатій не останется выбора. Государь открыто и неустрашимо показывается всюду, желая отечески образумить заблудшихся. Диктаторъ декабристовъ, кн. Н. Трубецкой, предпочелъ просидѣть въ опасное время въ курьерской комнатѣ Главнаго Штаба. Къ Государю подходитъ извѣстный своею храбростію Якубовичъ. «Я былъ съ ними,—сказалъ онъ,—но, узнавъ, что они за Константина, я бросилъ (ихъ) и явился къ вамъ».

— «Спасибо, вы вашъ долгъ знаете»,—похвалилъ его Государь и сейчасъ-же послалъ Якубовича уговорить мятежниковъ разойтись.—Прийдя къ заговорщикамъ, онъ, напротивъ, ободрилъ ихъ, заявивъ:

— «Держитесь! васъ крѣпко боятся». Что же осталось отъ прославленнаго геройства декабристовъ? Предательскій выстрѣлъ одного изъ нихъ въ безоружнаго и славнаго героя 12 года—Милорадовича, да ударъ

другого изъ нихъ, нанесенный штыкомъ въ спину генерала.

Государь—рыцарь въ душѣ и воплощенное стремленіе къ справедливости,—надѣялся, что провинившіеся обнаружатъ должное мужество и раскроютъ всю правду. Но онъ ошибся. Они путали, изворачивались, искали искусственныхъ оправданій, а въ послѣдствіи, въ своихъ запискахъ и воспоминаніяхъ, распространили не мало явной лжи. Пестель говорилъ, что не былъ членомъ тайнаго общества, не слыхалъ о Союзѣ Благоденствія и никогда не писалъ «Русской Правды». Князь Н. Трубецкой ползалъ у ногъ Монарха, моля о пощадѣ, а, довѣрившись его запискамъ, надо допустить, что онъ едва-ли не повышалъ голосъ въ разговорѣ съ нимъ.

Всмотритесь затѣмъ въ нравственный обликъ передовика декабристовъ—П. Пестеля. Этотъ лютеранинъ по вѣрѣ и саксонецъ по происхожденію мечталъ стать главой Россіи. Едва ему пришлось предстать передъ слѣдственной властью, какъ сразу выдалъ 49 товарищей. Онъ находилъ, что солдатъ всегда долженъ быть совершенно безгласнымъ. Офицерамъ онъ не позволялъ спрашивать о причинахъ какихъ-либо своихъ распоряженій. Баталіонныхъ командировъ частенько высылалъ за фронтъ. Въ армію ожидали Императора. Пестель неистовствовалъ, подвергая своихъ солдатъ незаслуженнымъ наказаніямъ. «Пусть думаютъ,—говорилъ онъ,—что не мы, а высшее начальство и самъ Государь причиною излишней строгости». Его увлекала извѣстность Вашингтона и слава Наполеона. Онъ желалъ сдѣлаться руководителемъ Временнаго Правительства, но не менте, чѣмъ на десять лѣтъ. Товарищъ Пестеля по заговору кн. Н. Трубецкой, вѣроятно хорошо изучившій его, сказалъ ему, что онъ желалъ замѣнить самодержавное правленіе революціоннымъ деспотизмомъ. Не забудемъ, что въ «Русской Правдѣ» удѣлено не мало мѣста «тайному розыску».

Вотъ кого выдвигалъ заговоръ декабристовъ. Дойди декабристы до власти, они несомнѣнно оказались бы настоящими подозрительными бюрократами, въ родѣ членовъ революціонныхъ комитетовъ въ Парижѣ, прибѣгавшихъ къ сыску. (Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій. Спб. 1913).

Послѣ 14 декабря «приходится по необходимости признать, что бывший еще такъ недавно бригадный генералъ оказался во многихъ отношеніяхъ величиною болѣе крупною, нежели его политическіе противники: они поникли передъ нимъ и стушевались»... (Б. Глинскій. «Борьба за конституцію», стр. 280; Гр. С. Д. Толь, Массонское дѣйство, стр. 151).

Декабристы до сихъ поръ окружены незаслуженнымъ ореоломъ и пользуются незаслуженнымъ довѣріемъ. Съ этимъ пора кончить.

Кто были въ сущности декабристы? Заговорщики и массоны. Съ чѣмъ они выступили? Съ обрывками чужихъ идей, съ нахватаемыми верхами изъ иностранныхъ книгъ. Ни одного продуманнаго плана, ни одного дѣльнаго проекта по важнѣйшимъ очереднымъ вопросамъ они не представили. Чѣмъ-же, въ такомъ случаѣ, они рассчитывали осчастливить оплаканную ими Россію? Сумбурной «Русской Правдой» Пестеля... Гдѣ ихъ опытность въ государственныхъ, политическихъ и экономическихъ вопросахъ, гдѣ гарантія того, что они въ состояніи были насадить въ родной почвѣ сѣмена зрѣлыхъ и разумныхъ начинаній? Такой гарантіи не было.

На своихъ сходкахъ и бесѣдахъ они касались самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, но ничего не выработали. Они толковали о преобразованіи высшаго строя, желали сокращенія срока военной службы, смягченія тѣлеснаго наказанія; у нихъ мелькала мысль о введеніи всеобщей воинской повинности и мысль о народномъ войскѣ; они осуждали военные поселенія, они желали свободы печати, спорили по крестьянскому вопросу. Но все это были пріятные разговоры и хорошее времяпрепровожденіе—и только. То, что рѣшали и принимали сегодня, завтра опровергали и отмѣняли. Своимъ несообразнымъ выступленіемъ 14 декабря отодвинули возможность исполненія своихъ намѣреній на полстолѣтія.

Пятерыхъ казнили, а остальныхъ виновныхъ сослали. Сколько исписано бумаги объ ихъ страданіяхъ въ Сибири. И сколько въ этихъ списаніяхъ преувеличеній и замалчиваній.

Въ Сибири многіе были обставлены весьма недурно и правительство Николая I

относилось къ нимъ далеко не столь сурово, какъ принято утверждать. Первые годы ихъ, правда, продержали въ кандалахъ, помѣщенія ихъ были плохи, но остальные строгости не пошли, кажется, дальше бумажныхъ предписаній. Въмѣстѣ съ каторжниками они не работали. Когда-же выходили изъ казематовъ на работы, то къ мѣсту слѣдованія выносились книги, газеты, шахматы, завтраки, самоваръ, чай, складные стулья. Казенные рабочіе везли носилки, тачки, лопаты. Мѣсто работы превращалось въ клубъ. Одни читали, другіе играли въ шахматы. Тутъ и тамъ для забавы насыпали тачку, которую съ хохотомъ затѣмъ опрокидывали въ оврагъ. Туда-же летѣли носилки съ землей. Солдаты съ ружьями вокругъ спали. Родные и родственники высылали имъ деньги, книги, провизію, платье, цѣнныя посылки, даже московскіе калачи и сайки. Къ мѣстамъ ихъ заключенія тянулись цѣлые обозы, охраняемые казаками. Изъ разсказовъ Д. И. Завалишина видно, что одинъ изъ казематъ получилъ въ годъ 400 рублей. Въ казематахъ образовались прекрасныя бібліотеки (до тысячи томовъ) изъ книгъ и журналовъ на разныхъ языкахъ. Дошло до того, что нѣкоторые запрещенныя сочиненія получались ссыльными черезъ собственную канцелярію Государя. При обиліи книгъ, въ Читѣ существовало 12 хорошихъ лавокъ. У Трубецкого и Волконскаго было по 25 человѣкъ прислуги. У нѣкоторыхъ имѣлись свои повара, хлѣбники, квасники, баньщики, огородники. У Трубецкого имѣлись акушерка и экономка, у Муравьева—гувернантка, у многихъ швеи и пр. Изъ казематовъ уходили свободно.

37. Рус. Стар. 1899 г., мартъ.

38. А. Кротковъ. Повседневная записка замѣч. событій въ рус. флотѣ. Спб. 1894, стр. 428—429.

39. Финансовая реформа Канкринъ. Н. А. Рожкова, стр. 235.

40. Три вѣка, VI, стр. 40.

41. Дорогъ шоссейныхъ было проложено за 25 лѣтъ—4842 версты, да въ работѣ находилось 1518 верстъ.

Въ 1825 году по всѣмъ воднымъ путямъ Имперіи прошло 24 тысячи судовъ съ грузомъ на сумму 55 мил. р.; а въ 1850 году—57 тысячъ на сумму 138 мил. руб. Въ 1842 г. на Днѣпрѣ появились первые два парохода.

Число промышленныхъ компаній увеличилось съ трехъ до ста десяти, а общая сумма акціонерныхъ капиталовъ возросла съ 5-ти до 240 мил. руб. Число фабрикъ и заводовъ достигло 10.000. Надо прибавить, что Канкринъ—былъ того мнѣнія, что фабричное производство порождаетъ въ низшемъ классѣ безнравственность, униженіе, тупость, бунты, домогательства высшей платы».

При Николаѣ I-мъ возникло сахарозаводство. Правительство, улучшая земельный кредитъ, стало давать ссуды помѣщикамъ подъ залогъ ихъ имѣній. Улучшены запасные магазины. Обращено было вниманіе на переселенческое дѣло. Окончено было размежеваніе земель. Добыча золота, достигавшая въ 1828 году до 290 пудовъ, возросла къ 1858 году до 1700 пудовъ. Удешевленіе пересылки корреспонденцій сдѣлало почту общедоступной.

Въ Николаѣ Павловичѣ Россія имѣла опытного и умнаго организатора государственнаго хозяйства, труды котораго привели къ тому, что социальное строеніе Россіи въ концѣ царствованія Николая I значительно отличается отъ строенія ея въ началѣ царствованія: замѣтно выросла роль товарно-фабричнаго производства, въ хозяйственномъ строѣ страны сильно увеличился ввозъ и вывозъ. (Исторія русской литературы. Редакція Овсяннико-Куликовскаго. Статья Б. А. Марковича). Такое мнѣніе поддерживаетъ и Кокоревъ. («Рус. Арх.» 1887, VII), по словамъ котораго Николай Павловичъ представлялся наиболѣе замѣчательнымъ хозяиномъ русской земли, послѣ Петра Великаго.

Въ православіе за 25-лѣтіе сего царствованія было обращено болѣе 2-хъ милліоновъ. Въ 1825 году вся паства Россійской церкви состояла изъ 34 мил. дунъ обоего пола, а въ 1849 году—изъ 47 мил. (кромя войскъ).

Число церквей возросло съ 28 т. до 36 тыс.

Архитектура оживилась. Многочисленныя капитальныя постройки служатъ прекрасными памятниками царствованія Николая I-го.

42. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 98, стр. 182.

43. Историч. Вѣстн. 1882, мартъ, 667.

44. Проф. В. М. Довнаръ-Запольскій. На зарѣ крестьянской свободы. Кіевъ, 1911 г. стр. 105—106.

45. Статсъ Арх. въ Гельсингфорсѣ. Министерство Внутрен. Дѣлъ сообщило губернаторамъ въ ноябрѣ 1842 г.

46. П. В. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892 г., стр. 555.

47. Проф. Довнаръ-Запольскій, стр. 110.

48. В. П. Анненковъ и его друзья. Спб. 1892, стр. 599.

49. «Дѣло» 1882 г., № 1, стр. 73.

50. Историч. Вѣстн. 1882, мартъ, 667.

51. Книга для чтенія по исторіи нов. времени, т. IV, стр. 178.

52. Ч. Вѣтринскій, стр. 322.

53. Рус. Арх. 1887, VI, 260.

54. Въ царствованіе Александра II, когда усиленно заговорили объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, прославленный Чаадаевъ неоднократно говорилъ мнѣ,—читаемъ въ воспоминаніяхъ барона А. И. Дельвига,—что «намѣренъ запереться дома, такъ что только изрѣдка будетъ видѣться со мною и съ самыми близкими ему людьми съ тѣмъ, чтобы заняться сочиненіемъ, въ которомъ онъ докажетъ необходимость сохраненія въ Россіи крѣпостного права. Смерть помѣшала ему написать это сочиненіе»... (А. И. Дельвигъ. Мои воспоминанія, I, стр. 178).

55. М. В. Юзефовичъ. Нѣсколько словъ объ историческихъ задачахъ Россіи. Изд. 2-е, Кіевъ, 1895, стр. 31—32.

56. Рус. Вѣстн. 1889, IV, 145.

57. М. В. Юзефовичъ, стр. 32.

58. Историч. Вѣстн. 1892, май, 598.

59. Въ 1830 г. послѣдовала отмѣна клейменія, которое сопровождало прежде наказаніе кнутомъ.

Съ 1833 г. избавлены отъ тѣлеснаго наказанія, имѣвшіе отличіе военнаго ордена. Серебряный темлякъ избавлялъ унтеръ-офицера, отказавшагося отъ производства въ офицерскій чинъ.

Правда, тѣлесныя наказанія оставались неслыханно жестокими.

Арестанты болѣе боялись розогъ, чѣмъ шпицрутенговъ. Розги садче, говорили они, муки больше. (Ф. М. Достоевскій. Записки Мертваго дома).

См. Стол. Воен. Мин. Воен.-Тюр. Учрежденія, т. XII, ч. III, стр. 254—261. А. В. Тавастерна.

60. Столѣтіе Воен. Министерст. Гл. Воен.-Медицин. управ. т. VIII, ч. 2, стр. 157.

61. Скринъ, Фр. Г. Ростъ Россіи. Спб. 1904, стр. 231.

62. Дубровинъ, Н. О.—Исторія Крымской войны. Спб. 1900 г., III, 19.

63. О народномъ гимнѣ. Н. И. Черняевъ. Необходимость самодержавія для Россіи. Харьковъ. 1901 г., стр. 363 и слѣд.

Французскій посланникъ бар. де-Барантъ «Истор. Вѣстн. 1900 г., № 9, стр. 1016—1023.—Д. М. Левшинъ, стр. 92.

64. Проф. Эд. Н. Берендтъ.

Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. И. Н. Бороздинъ.

65. В. С. Иконниковъ.

66. Университеты въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка. И. Н. Бороздинъ.

67. «Мирный Трудъ», 1904 г., № 7, стр. 97. Н. Н. Родзевичъ.

68. Тамъ-же, стр. 98.

69. О. И. Буслаевъ. Мои воспоминанія.

70. Ч. Вѣтринскій.

Въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія были основаны въ Петербургѣ—технологическій институтъ (1828 г.), Императорское училище правовѣднія (1835 г.), институтъ гражданскихъ инженеровъ Императора Николая I (1842 г.) и главный педагогическій институтъ; въ Москвѣ—школа технического рисованія (1826 г.), Императорское техническое училище и Константиновскій межевой институтъ (1844 г.). Въ Кіевѣ возникъ (1834 г.) новый университетъ; близъ Дерпта—практическое учебное заведеніе сельскаго хозяйства (1834 г.), ветеринарный институтъ въ Дерптѣ (1848 г.), Горыгорецкій земледѣльческій институтъ въ Могилевской губерніи (1840 г.) и Пулковская астрономическая обсерваторія. Учреждено Лисинское учебное лѣсничество, лѣсные классы при Митавской гимназіи. Вновь были учреждены учебные округа—Кіевскій, Варшавскій (1839 г.), Кавказскій (1850 г.) и возстановленъ Виленскій (1850 г.). Кромѣ вышнихъ, были въ разныхъ мѣстахъ основываемы садовыя училища, образцовыя фермы и т. п. Сѣть военно-учебныхъ заведеній увеличилась созданіемъ военной академіи (1832 г.).

71. В. Е. Якушинъ. Изъ исторіи русской цензуры.

72. Маленькое сочиненіе К. Аксакова «О глаголахъ» проходило цензуры полтора года. Три печатныхъ листа.

73. Истор. Вѣстн. 1908, апр., 224.

74. «Голосъ Минувшаго» 1913, мартъ, 224.

75. «Рус. Библіофиль», февр., 1911, стр. 19.

76. Н. Энгельгардтъ. Филос. рус. самосознанія. Книжки Недѣли, 1897 г., мартъ, стр. 234.

77. Великій Князь Николай Михайловичъ.—«Истор. Вѣстн.», 1908, февр., 399.

78. Барсуковъ, Н. VIII, стр. 74.

79. Вѣстн. Евр. 1887, авг., 881.

80. Пушкинъ, А. С.

81. Перечень мастеровъ: Штакеншнейдеръ, Ефимовъ, Боссе, Н. Бенуа, Садовниковъ, А. Резановъ, А. Кракау, Стасовъ, Росси, А. Брюловъ, К. А. Шонъ, А. Жиллярди, Петцольдъ, I. Шарлеманъ, Горностаевъ, Быковский и др.

82. Середонинъ, С. М.

83. Никитенко, А. В. Записки и дневникъ Спб. 1893 г., I, 212.

84. Вѣстн. Всемирн. Ист. 1901, сент. 16

85. Кн. П. А. Вяземскій. Остафьевскій арх., V, стр. 160.

86. Гос. Канц. 1810—1910 г. стр. 97.

87. Янковскій, Д. П. Личность Николая I, Варшава, 1900 г. стр. 9—10.

88. Г. Тимченко-Рубанъ. Очеркъ дѣятельности Вел. Кн. и Импер. Николая Павловича, какъ руководителя военно-инженерною частью. Спб. 1912 г., т. I, 197.—Тутъ приведены примѣры перерѣшенія подъ вліяніемъ хорошихъ докладовъ.

Н. Л. Бенуа представилъ свой проектъ конюшенъ въ Петергофѣ. Николай Павловичъ сдѣлалъ исправленіе. Бенуа нашелъ его неудачнымъ и потому представилъ два новыхъ чертежа: одинъ, согласованный съ указаніемъ Государя, другой—свой. Чертежи ясно показывали, что предположеніе Государя являлось менѣе удачнымъ. Кн. Волконскій затруднился представить чертежи, видя неисполненіе желанія Государя. Бенуа упросилъ. Волконскій, выйдя изъ кабинета Государя, сказалъ: «Государь много смѣялся твоей дерзости, но согласился сдѣлать по твоему». (Старые Годы. 1913 г., Іюль—Сент. стр. 194).

89. С. С. Татищевъ, 1889, стр. XII и XIV. Предисловіе. К. И. Фишеръ. Истор. Вѣст., 1908 г.

90. М. Стасюлевичъ и его современники т. II, 186.

91. Юзефовичъ. М. В. Нѣсколько словъ объ историч. задач. Россіи, изд. 2-ое, стр. 37.

92. Воспоминанія В. С. Аксаковой, стр. 16, 27—28.

93. М. Гершензонъ. Декабристъ Кривцовъ и его братья.

94. М. Гершензонъ. Его сочиненіе. Печеринъ.

95. Три Вѣка, VI, 5.

96. Проф. Ив. Ивановъ.—См. его Тургеневъ, стр. 266.

97. Проф. Овсяннико-Куликовскій.

98. Книга для чтенія по исторіи новаго времени, VI, 267.

II. Гр. А. Закревскій. Финскія войска.

99. «Рус. Стар.» 1909, авг., 285.

Говорили еще: «Гр. Ар. Андр. Закревскій—крѣпостникъ, оставившій по себѣ мрачную память. Будучи московскимъ ген.-губернаторомъ, онъ запрещалъ говорить объ освобожденіи крестьянъ». (Примѣч. къ стр. 191, т. VI. Полн. собр. соч. А. И. Герцена).

100. Полк. Николаевъ. Исторія 17 пѣх. Архангелогородскаго полка. СПб. 1900 г., стр. 255.

101. Арх. Кн. Воронцова, т. 37.

102. Воспом. кн. А. В. Мецераго. М. 1901, стр. 133.

103. Рус. Арх. 1912, V, 117.

104. Рус. Стар. 1903, апр., 85.

Мы видѣли еще коротенькое письмо Великаго Князя Николая Павловича къ Закревскому; оно дышетъ радушіемъ и простотою отношенія къ нему. Закревскій желалъ взять къ себѣ въ адъютанты поручика Л.-гв. Измайловскаго полка Дюклу. Великій Князь на это соглашается и прибавляетъ: «у Г. Дюклу дѣйствительно весьма хорошія способности, но по молодости лѣтъ еще не довольно оспелъ и немного вѣтрененъ; порокъ, отъ котораго онъ, однако, лѣтами и особенно подъ руководствомъ вашимъ скорѣе можетъ исправиться. Вамъ искренно доброжелательный Николай». (Ученый Арх. Ген. Шт. 24 марта 1824 г.).

105. Рус. Арх. 1912, авг., 91.

106. Заблоцкій-Десятовскій. Гр. И. Д. Киселевъ и его время. Спб. 1881, I, 37.

107. Въ числѣ немногихъ современниковъ Александра I, Закревскій вѣрно подмѣтилъ сложную черту его характера. «Многое ты (Киселевъ) говорилъ Государю въ Варшавѣ... все слушано, а сдѣлано

ничего, слѣдовательно, лучше бы о семъ ничего не говорить. Извѣстенъ тебѣ скорый ходъ дѣлъ и обѣщанія; исполненіе-же всегда тяжело и нескоро»... (Заблоцкій-Десятовскій, I, 172).

108. Сб. Старин. бумагъ, хранящ. въ музеѣ П. И. Щукина, ч. VII, 331.

109. Шильдеръ, Н. К.—Имп. Николай I, т. I, 426.

110. Тамъ-же, т. II, 39—40.

111. Заблоцкій-Десятовскій, I, 191.

112. Закревскій получалъ по чину генерала отъ инфантеріи изъ Россійскаго Коммисаріата 4.558 р. По званію Финляндскаго ген.-губернатора 30.000 р. (изъ финл. суммъ). По званію Командира Отдѣльн. Финляндскаго Корпуса 10.000 р. (изъ Рос. Коммисаріата).

113. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.—Наши ссылки на бумаги гр. А. А. Закревскаго приходится ограничить общимъ указаніемъ, въ виду того, что общей регистраціи имъ не произведено.

114. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

115. Тамъ-же.

116. Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, полковникъ, адъютантъ гр. А. Закревскаго. Род. 1802 г., ум. 1834 г. Былъ женихомъ Авроры Шернваль-Валленъ, вышедшей потомъ за Демидова и—во второй разъ за Карамзина.

Въ виду того, что Аврора Шернваль—Демидова—Карамзина—играла нѣкоторую роль въ исторіи своего края, отмѣтимъ о ней слѣдующее.—Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, полковникъ, въ званіи камергера и кавалера просилъ разрѣшеніе вступить въ первый законный бракъ съ дѣвицею фрейлиною Двора Его Имп. Вел. Авророю Карловною Шернваль, состоявшей въ лютеранскомъ законѣ.... При этомъ онъ «обязуется во всѣ Воскресные и Богородичныя и праздничныя дни ходить къ вечернямъ и утреннямъ, а особливо къ святымъ литургіямъ въ православныя Греко-россійскія церкви, образа святые въ домѣ своемъ ставить.... въ установленныя посты запрещенныхъ брашенъ отнюдь не ясть; женѣ своей за содержаніе ею Лютеранскаго закона никакихъ поношеній и укоризнъ не чинить и въ Лютеранскій законъ не подъ какимъ видомъ не склоняться».... (Изъ черноваго прошенія. Щукинскій Сborn., IV, 159).

Отецъ Муханова, Московскій почетный опекунъ, сначала не позволялъ ему жениться на Аврорѣ Карловнѣ, потомъ согласился, свадьба была уже назначена, но Мухановъ скончался. (Рус. Арх. 1905 г., № 3, стр. 527).

Извѣстный поэтъ Боратынскій посвятилъ Аврорѣ Шернваль слѣдующіе стихи:

«Выдь, дохни намъ упоеньемъ,
Соименница зари;
Всѣхъ румянымъ появленіемъ
Оживи и озари.
Пылкій юноша не сводить
Взоровъ съ милой и порой
Мыслить съ тихою тоской:
«Для кого она выводитъ
Солнце счастья за собой?»

О ней-же Соболевскій писалъ:

«Сіяетъ Аврора, свѣжа и румяна.
Въ ней много для взора и шишъ для кармана».

(Рус. Арх., 1905 г. № 3, стр. 526).

117. Рус. Арх. 1905, III, 527—530.

118. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

119. Finsk Tidskrift, 1897, II.

120. Ота таа, вып. 15, стр. 129. «Финл. Газ.» 1907, № 127.

121. Отчеты А. Закревскаго 1824—1831.

122. Статсъ-Арх. Всепод. доклады.

123. Арх. Финл. Ст.-Секрет.—Книга не зарегистрирована. Намъ удалось изъ переписки кн. Меншикова узнать, что книгу эту составилъ ф. Витте.

124. Подл. дѣла Ген. Губ. 1826 г., кн. № 10, д. № 247, Статсъ-Арх.

125. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

126. То-же.

127. Щукинскій Сборн. IV, 269.

128. Въ 1826 г. распространился слухъ о назначеніи ген.-адъют. А. Закревскаго военнымъ министромъ. Баронъ Карлъ Толъ выразилъ желаніе—въ частномъ письмѣ—получить мѣсто финляндскаго генералъ-губернатора (Ученый Арх. Гл. Штаба Отд. I., д. № 614, л. 1).

129. Ученый Арх. Гл. Штаба, въ СП-бургѣ, д. № 122—307, л.л. 85—87.

130. Тамъ-же, л. 122.

Описанный случай не единственный. Впослѣдствіи (въ 1878 г.) они вновь стали въ своихъ газетахъ и календаряхъ писать и повторять о паличности финской арміи (finsk armee) и начальника финской арміи.

См. К. Игнациусъ Statistisk handbok för Finland. H-fors, ss. 188, 193.

На этотъ же ладъ они возвели русскую провинцію въ особое Финляндское государство.

131. Арх. Финл. Статсъ-Секретариата 1829, № 14.

132. Въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й Абоскій и 2-й Бьернеборгскій—должны были войти въ составъ 1-й бригады, 3-й Тавастгускій и 4-й Гейнольскій—2 бригады, 5-й Куопіоскій и 6-й Выборгскій—3 бригады.

133. Ученый Арх. Гл. Штаб., д. № 29-134—98.

134. Арх. Финл. Ст. Секр. 1835 г. № 12,

135. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. Дѣло 1852 г., № 28.

136. Отчетъ Мин. Ст. Секр. за 1825 г., стр. 4.

137. Ученый Арх. Гл. Штаба, въ СП-бургѣ, д. № 29 134—98 л. 128.

138. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1852 г. № 38, стр. 4.

139. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

140. Тамъ-же.

141. 17 Марта 1829 г. № 75. Изъ бумагъ А. Закревскаго.

142. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1829 г. А. № 14, стр. 18.

143. Арх. Финл. Ст. Секр. 1831 г. Дѣло А. № 21, стр. 3.

144. Арх. Ст. Секрет. 1835 г. № 20.

145. G. A. Gripenberg. Finska Gardet, I, s. 114.

146. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1849 г. № 33, стр. 10.

147. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1840 г. А. № 80.

148. П. С. Зак. 1831 г., № 4429.

149. П. С. Зак. 4, 677, 4726, 4733.

150. Канц. Ген. Губ. Къ руков., кн. № 15, д. 133, № 1235 Апр. 1831 г.

151. Арх. III Отд. Собст. Е. И. Вел. Канц. 1831 г. № 715.

152. Канц. Ген. Губ. Къ руков., кн. 15, д. 138 Янв. 1833 г. № 3528.

153. Арх. Финл. Ст. Секр. 1840 г. Дѣло № 63, стр. 2 и 55.

Положеніе это было узаконено. Bref, IV, 186.

154. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1856 г. № 41, стр. 1.

155. Финл. Газета 1912, № 68.

156. Eliel Vest.-Joh. Vilh. Snellman.

228. «Истор. Вѣстн.» 1908 г., июнь, стр. 831.

Финскій сборникъ «Ота таа» (вып. 13, стр. 41) передаетъ слѣдующій анекдотъ, не указывая источника.

«Въ одномъ изъ совѣщаній министровъ обсуждался проектъ о новомъ *рекрутскомъ законѣ*, который долженъ былъ распространиться и на Финляндію. Присутствовалъ тутъ и финляндскій генераль-губернаторъ Меншиковъ, не проронившій здѣсь ни одного слова. Послѣ совѣщанія онъ отправился во дворецъ, доступъ въ который былъ для него вообще открытъ для серьезныхъ и даже шутливыхъ бесѣдъ. «Ну что новаго», спрашиваетъ Царь. «Страшные слухи: сказываютъ, что обѣщанія Вашего Величества не имѣютъ никакой цѣны!»—«Что за чудеса?»—«Ваше Величество обѣщали не брать рекрутъ изъ Финляндіи, а совѣтъ министровъ теперь все-таки готовитъ проектъ закона о наборѣ рекрутъ изъ Финляндіи. Я ничего не могъ сказать, не зная, твердо-ли обѣщаніе Вашего Величества!»—«Вычеркнуть сейчасъ-же Финляндію изъ проекта закона», гнѣвно крикнулъ Царь».

(Финл. Газета, 1907 г., № 121).

157. Изъ бумагъ кн. А. С. Меншикова. Арх. Морск. Мин. въ Петербургѣ.—Наши ссылки на бумаги князя ограничиваются общими указаніями, въ виду того, что въ то время, когда мы пользовались ими, эти бумаги были только-что приобретены и ихъ не успѣли еще зарегистрировать. Впрочемъ, финляндскія бумаги князя А. С. М. не особенно многочисленны и проверка нашихъ ссылки не представитъ затрудненія.

158. Арх. Ст. Секр. 1828 г., № 44, стр. 31.

159. Статсъ-Арх. Всеод. доклады финл. ген.-губ. 1845—1846 гг., № 411.

160. Rob. Castren, 324. Skildringar ur Finl. pyare historia.

161. Арх. Финл. Ст. Секр. Всеподдан. докл. Дѣло 1846 г., 24—139, № 61, 1847 г. Дѣло № 2, стр. 2 (№ 208). П. С. З. 1846 г. № 19856 и 1848 г. № 22.038.

162. Въ Январѣ 1847 г. въ Финляндіи были расположены: 22 пѣх. дивизія—(около 10 тыс. чел.), инвалидныя команды (1327 чел.) и Донской казачій полкъ (819 ч.). Изъ Финскихъ частей въ краѣ находились: Л. Гв. финскій стрѣлковый баталіонъ (1049), 5-ый стрѣлковый баталіонъ (554), 6 стрѣлковый баталіонъ (406 ч.) и 27 флотскій

финскій экипажъ (1045 ч.). Засимъ или три арестантскія роты инженернаго вѣдомства, морского и финскаго (около 1.200 ч.) Изъ бумагъ кн. Меншикова.

Въ 1849 г. Финляндія имѣла: одинъ Гвардейскій стрѣлковый баталіонъ (1.000 ч.), одинъ гренадерскій стрѣлковый баталіонъ (1.000 чел.) и морской экипажъ (1000 чел.).

Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1849 г. № 409, стр. 5.

Когда началась Восточная война, Финляндія имѣла два стрѣлковыхъ баталіона (Л. Гв. финскій и гренадерскій) и два морскихъ экипажа. Въ періодъ войны (1854—1856 г.г.) образовали 9 поселенныхъ баталіоновъ и увеличили вербованные стрѣлковые баталіоны: двумя новыми стрѣлковыми баталіонами, двумя резервными и двумя запасными ротами; всего получилось 6057 чел. поселенныхъ и 4654 вербованныхъ войскъ, итого—10711 чел.

Собственноручная помѣтка Николая I. «Въ Финляндіи».

20 б. гренад. по 700	14000
1 б. » 500	1000
1 б. » 500	500
1 б. » 500	500
	15500
20 мѣст. б. по 600	12000
6 б. по 500	3000
Итого	15000
а всего	30500

и сверхъ того 4—6 въ Выборгѣ (карандашемъ очень неразборчиво и сокращенно. Годъ не поставленъ).

163. Тимченко-Рубанъ, стр. 222; а также Арх. Финл. Ст. Секр. 1836 г. № 284, стр. 1.

164. Кажется, минами Нобеля заграждены были въ 1854 г. фарватеры у Або.

165. Арх. Финл. Ст. Секр. 1834 г. д. № 20, стр. 3.

166. Сборн. старин. бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ, ч. VII, 315—316.

167. Изъ бумагъ А. А. Закревскаго Сент. и Окт. 1829 г.

168. G. A. Gripenberg. Finska Gardet, I, s. 32. Helsingfors Tidningar 28 Окт. 1829.

169. Изъ отличій, оказанныхъ въ тѣ времена баталіону, можно указать на назначеніе Великихъ Князей Михаила Павло-

вича, а поздне—Александра Александровича почетными его шефами, которые внимательно слѣдили за успѣхами баталіона.

Въ 1848 г. въ списки баталіона зачисленъ бывшій генераль-губернаторъ гр. А. А. Закревскій.

170. Воен. Энциклопедія, т. X, стр. 538.

171. Гр. Маріелль. Истор. Вѣст. 1909, Сент., 840.

172. Тамъ-же, авг., стр. 473.

173. Письмо 1—13 янв. 1831 г.

174. К. Военскій. Импер. Николай и Польша въ 1830 г. СПб. 1905 г., стр. 46 и др.

175. Баронъ Дельвигъ. «Мои воспоминанія», I, 114.

176. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 25.

177. Всепод. доклады финл.-ген.-губерн. 1830—1831 г.г. Финл. Статсъ-Арх.

178. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. докладъ 1830 г. № 202.

179. A. Gripenberg, I, s. 46.

180. Н. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый, II, 338 и особенно примѣчаніе 412.

181. Въ воспоминаніяхъ К. Жерве описанъ слѣдующій эпизодъ: «Во время польской кампаніи великій князь Михаилъ Павловичъ однажды выѣхалъ на пригорокъ около рѣчки, чтобы осмотрѣть мѣстность и сдѣлать дислокацію войскамъ. При немъ былъ весь его штабъ. На другой сторонѣ рѣчки, съ высокаго берега ея, какой-то польскій офицеръ, сидя на бѣлой лошади, нѣсколько разъ стрѣлялъ въ то мѣсто, гдѣ былъ великій князь, въ толпу окружавшихъ его. Наконецъ, это надобно великому князю. Онъ оглянулся и недалеко отъ себя увидѣлъ Финскаго стрѣлковаго баталіона капитана Вендта, отличнаго стрѣлка. Михаилъ Павловичъ обратился къ нему и сказалъ:

— Вендтъ, нельзя ли уговорить этого нахальнаго поляка?

Вендтъ взялъ ружье и, когда всадникъ подѣхалъ, такъ что былъ виденъ, прицѣлился, выстрѣлилъ, и всѣ видѣли, какъ въ тотъ же моментъ полякъ свалился съ лошади. Великій князь кивнулъ Вендту и сказалъ: Молодецъ! . . . ».

(Истор. Вѣстн. Июнь, 1898 г. 770. Воспоминанія Жерве).

182. Подлинный рескриптъ 3—15 Января 1834 г. Статсъ-Архивъ. А также Арх. Финл. Ст. Секр. 1833, № 39.

183. Рус. Стар. 1904, Мартъ, 548—549.

184. Столѣтіе Воен. Мин. Гл. Упр. Военно-учебными завед. Статья П. В. Петрова.

185. Тамъ-же.

186. Gripenberg, Finsk Tidskrift 1912, III, s. 228.

187. Канц. Финл. Ген. Губ. Опись къ руков., кн. № 5, д. 55.

188. 1824 г. Замѣтка А. А. Закревскаго. Щукина сборн. стар. бумагъ, ч. I, М. 1902 г. стр. 107.

189. Канц. Ген. Губ. Подл. дѣла 1836 г., кн. I, д. 2.

190. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

191. Подлин. дѣла Ген. Губ. 1853 г., кн. I д. 2.

192. Переписка Грота, II, 220.

193. Г. I. Мехелинъ, отецъ Лео Мехелина—извѣстнаго политическаго дѣятеля Финляндіи.

194. G. A. Gripenberg. Finska Kadet., 431.

195. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. докл. 1844, за № 263; П. С. З. № 19335, 1845 г.

196. П. О. Бобровскій. Юнкерскія училища, СПб. 1872, I, 30—32.

197. Истор. Вѣстн., Августъ, 1884 г. 290—291. Университетскія воспоминанія. О. Н. Устряловъ.

III. Годы испытаній.

198. Извлеченія изъ книги «Åbo Underr». 1824—1850. H-fors, I, 120—122. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло А. № 163, 1827 г.

199. Арх. Финл. Ст. Секр. 1827, Дѣло А. № 163, стр. 42 и др.

200. Åbo Underr. 1824—1850. H-fors I, s. 123.

201. Арх. Финл. Ст. Секр. 1827 г., Дѣло А. № 163, стр. 71.

202. Арх. Фин. Ст. Секр. Дѣло А. № 163, 1827 г., стр. 68. Статсъ Арх. Всепод. доклады.

203. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго. Русский Царь, призвавъ Бога на помощь изрекъ: да будетъ Або и созданъ вновь чистый и красивый, хотя и нѣсколько однообразный, городъ. Постройкою Або. гр. А. Закревскій воздвигъ «вѣчный памятникъ великодушію и отеческой любви Русскаго Царя къ подданнымъ». Або много обязанъ своимъ возрожденіемъ усердію и

неутомимой ревности А. Закревскаго. «Это сказали мнѣ сами туземцы», въ то время уже не зависѣвшіе отъ него (Фаддей Булгаринъ. Лѣтняя поездка 1838 г., т. I, стр. 175).

204. Изъ бумагъ кн. А. С. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

205. Статсъ-Арх. Всепод. доклады ген-губерн. съ 1823—1830.

206. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло № 16, стр. 1.

207. Въ 1839 г. учредили вольную пожарную команду.

Въ 1850 г.—общество призрѣнія бѣдныхъ.

208. Проф. Э. Н. Берендтсъ. Импер. Александр. Университетъ стр. 33.

209. Арх. Финл. Ст.-Секр., 1827 г. Дѣло А. № 163.

210. Статсъ-Арх. Всепод. доклады съ 1823 по 1830 г.

211. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

212. Тамъ-же.

213. Письмо А. Закревскаго барону Клиновстрему 25 окт. 1827 г.

214. Въ мартъ 1838 г. Е. Ивановъ писалъ: «Въ Або завелись извозчики: четверо отъ купца Киселева и одинъ отъ здѣшняго почтмейстера Лангеля».

215. Изъ Гельсингфор. Вѣдомостей 1828 г., № 117.

216. Изъ бумагъ «гр. А. А. Закревскаго. Гельсингфор. Вѣдомости» 1828 г., № 117.

217. Carpelan.—Hist. Upps. 1911, s. 78.

218. Въ 1836 г. Государь отсрочилъ уплату по университету займа (съ 1828 г.) въ 500.000 р. ассигнац. и освободилъ отъ уплаты процентовъ по сему займу. Консistorія поднесла всеподданнѣйшій адресъ благодарности.

219. Отношенія ст.-секр. отъ 1—13 февр. 1828 г. къ ген.-губернатору. Бумаги гр. А. А. Закревскаго.

220. Изъ бумагъ А. Закревскаго. Дѣло 1824 г., № 207.

221. Какъ исчислялись оклады учителей того времени, видно изъ слѣдующ. документа.

Подл. дѣла Ген.-Губ-ра 1828 г., кн. № 4, дѣло № 60.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано «Быть по сему».

Въ лагерѣ при Карасу 22 Юня (4 Юля) 1828 г.

Штатъ Абоской гимназіи:

1 Докторъ Богословія, жалованья 111 бочекъ $3\frac{1}{2}$ капы хлѣбомъ въ натурѣ ржи и ячменя пополамъ, хлѣбомъ и оброчными припасами по казенной оцѣнкѣ 120 р. сср.

1 лекторъ историческихъ наукъ 111 $3\frac{1}{2}$ капы тоже самое.

1 учитель духовнаго пѣнія 44—13 $\frac{1}{2}$ капы тоже самое.

1 учитель русскаго языка, ему жалованья наличными деньгами 266 р. 66 к. и т. д.

222. Гельсингфорсъ. Письмо отъ 26 ноября (3 декабря) 1827 г.

223. Carpelan.—Hist. Upps. 1911, s. 84.

224. Журн. Мин. Народн. Просв. 1839, окт. Проф. Александров. унив. Соловьевъ.

225. Арх. Финл. Ст. Секр. 1836 г. Всепод. докладъ, № 54.

226. Carpelan.—Hist. Upps. 1911, s. 99, 100—101.

227. Program till sorgef. den 27 april 1876, s. 43—44.

228. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Морск. Мин. См. также у проф. Э. Н. Берендтса. Импер. Александровскій университетъ въ Финляндіи. СПб. 1902, Прилож., стр. 63—65.

229. Журн. Мин. Народн. Просв. 1839 г., окт., стр. 15. Статья проф. Александров. унив. Соловьева.

230. Членами въ комиссію входили ст.-секр. Ребиндеръ, ст.-секр. Блудовъ, академикъ Шторхъ, проф. Абоскаго университета Фаттенборгъ и дѣлопроизводителемъ былъ Сербиновичъ. См. Проф. Э. Н. Берендтсъ. Александровскій университетъ.

231. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ. Издана подъ редакціей К. Ф. Грота, т. III, 194.

232. Проф. Э. Берендтсъ. Императ. Александровскій университетъ, СПб. 1902 г. стр. 110.

233. Переписка Я. К. Грота, III, 261.

234. Тамъ-же, III, 33.

Въ 1848 г. въ одной лишь его русской библиотекѣ считалось болѣе 10 тыс. томовъ.

Агентъ Императорскаго Александровскаго университета въ Финляндіи, г. Левенштимъ, имѣлъ русскій бланкъ (въ 1851 г.) для своей переписки.

235. «Сборникъ старыхъ бумагъ» П. И. Щукина, VII, 335—340.

236. Finsk Tidskrift 1895, XXXIX; статья Torsten Hartman.

237. Förh. och uppsats. 24, 1910 г., s.s. 97 и слѣд.

238. Письмо гр. Закревскаго отъ 28 февраля 1831 г. къ гр. А. Х. Бенкендорфу—Арх. III Отд. Собств. Е. И. В. Канц. 1830 г., № 143.

239. Арх. III Отд. Собств. Е. И. Вел. Канцел. Дѣло 1830 г., № 143.

240. Финляндія XIX ст., стр. 190.

241. Aug. Schauman. Från sex årt. I, s. 41—43.

242. Aug. Schauman. Från sex årt., I s. 40—41.

243. Письмо Ив. Вульфберта изъ Або 18—30 мая 1827 г. Изъ бумагъ А. А. Закревскаго.

244. Письмо Ив. Вульфберта отъ 18—30 іюля 1827 г. Изъ бумагъ А. Закревскаго.

245. Арх. Финл. Ст.-Секретаріата.

246. Арх. III Отд. Соб. Е. И. В. Канц.; Дѣло 1830 г. № 143.

247. Докладная записка поступила отъ дежурнаго штабъ-офицера Отдѣльнаго Финляндскаго корпуса полковника Чепурнова. Къ разслѣдованію дѣла привлечены были губернаторъ и прокуроръ Сената. Всѣ требовали законной строгости. А согласно Высоч. повелѣнію, переданному черезъ вице-канцлера, требовалось скорое окончаніе разслѣдованія. Дѣло по жалобѣ передали Абоскому гофгерихту. Предварительно-же оно прошло черезъ Кемнерскій судъ и Ратгаузскій судъ. Выяснилось, что студентъ Бергманъ тащилъ за ворота и за плечо пономаря Образцова, поваленнаго ранѣ толпой на ступени церковной лѣстницы. Его присудили къ уплатѣ разныхъ денежныхъ штрафовъ: за нарушеніе спокойствія (19 р. 20 к.), за крикъ (2 р. 40 к.), за насиліе надъ Образцовымъ (72 к.). Абоскій гофгерихтъ приговоръ этотъ утвердилъ, но тѣмъ не менѣе передалъ его Консistorіи университета, дабы Комиссія Благочинія высказалась съ своей стороны по дѣлу. Въ церковь было брошено два камня: одинъ ударился въ раму окна, а другой—раздробилъ стекло. Богослуженіе было прервано на нѣсколько минутъ.—«Ни малѣйшей тѣни какой-либо политической цѣли» не было. Изъ бумагъ А. Закревскаго. Въ Статсъ-Архивѣ имѣется особое дѣло (№ 518) о произведенномъ нѣкоторыми финляндцами

буйствѣ за недопущеніе ихъ въ Гельсингфорскую Греко-Россійскую церковь на время производимаго въ оной Богослуженія. Начато 27 апр. 9 мая 1831 г. и окончено 12—24 авг. 1833 г.

248. Арх. Общей Канцеляріи Министрства Финансовъ. Собственноручныя бумаги гр. Канкринна.

249. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

250. Арх. Финл. Ст.-Секретаріата.

251. Взглядъ на Финляндію 1832 г. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Министерства.

Для сравненія характеристики финляндскихъ студентовъ съ русскими, приводимъ нѣсколько строкъ русскаго современника.

Вообще русскіе студенты вели себя хорошо.

«Отличительною чертою, господствовавшею между русскими студентами въ сферѣ университетскихъ отношеній,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Ѳ. Н. Устряловъ,—была честность, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. (И. Вѣстн.), іюль, 1884 г., стр. 131. Университетскія воспоминанія. Ѳ. Н. Устряловъ). «Развлеченій оказалось очень мало. Опера, театры Александринскій и Михайловскій,—вотъ и все. Студенты весьма рѣдко посѣщали публичные балы въ клубахъ и еще рѣже бывали въ маскарадахъ, тѣмъ болѣе, что Государь Николай Павловичъ удостоивалъ своимъ присутствіемъ маскарады въ Большомъ театрѣ и встрѣча со студентами могла-бы произвести на него непріятное впечатлѣніе. О товарищескихъ пирушкахъ или собраніяхъ не могло быть и рѣчи: они строго воспрещались, и намъ не было охоты, ради пустого развлеченія, подвергаться непріятностямъ. Вообще студенты старались поддерживать въ публикѣ выгодное мнѣніе объ ихъ нравственности. Весьма рѣдко происходилъ какой-либо скандалъ на улицѣ, учиненный студентомъ; полиція не вмѣшивалась ни во что, касавшееся студентовъ: у послѣднихъ была своя полиція, состоявшая изъ инспектора, и судъ инспекторовъ, наблюдавшихъ за нравами исключительно тѣхъ, которые жили не въ семействѣ или не у родителей; семейныхъ же они оставляли въ покоѣ.

«Недостатокъ порядочныхъ развлеченій заставлялъ многихъ студентовъ поневолѣ

довольствоваться кабинетною жизнью и ограничиваться почти исключительно умственной дѣятельностью.

Сочувствія возбуждаютъ въ насъ Герцень; но имя его въ университетѣ не произносилось, да и вообще говорилось о немъ только въ кругу самыхъ вѣрныхъ и испытанныхъ товарищей. Мы сознавали, что свѣдѣнія о Россіи и о русскомъ правительствѣ, помѣщаемыя въ его журналѣ, не отличались во многихъ случаяхъ правдивостью и безпристрастіемъ, но способовъ проверки ихъ у насъ не имѣлось и мы читали и перечитывали ихъ съ жадностью.

«Слова: свобода, равенство, судъ присяжныхъ, права человека,—всѣ эти слова, заключающія въ себѣ міровое значеніе, какъ-то глухо раздавались въ нашихъ ушахъ и имѣли для насъ лишь теоретически-абстрактный смыслъ».

Соблюденіе формы было предметомъ особеннаго вниманія со стороны университетскаго начальства. Въ 1837 году издано было министромъ распоряженіе о ношеніи форменной одежды. Отъ студентовъ требовалось кромѣ того отданіе чести не только особамъ Императорской фамиліи, но также всѣмъ генераламъ. Нарушеніе формы и неотданіе чести строго преслѣдовались. («Мирный Трудъ», 1904 г., № 10-й, стр. 47 48). Студенческій мундиръ—это не пустое дѣло. Мундиръ заключаетъ въ себѣ дисциплинирующее начало, поддерживаетъ духъ корпоративнаго достоинства. Въ то время, когда университеты не были переполнены, это являлось вполне возможнымъ. «Для насъ въ университетѣ,—писалъ О. Н. Устряловъ,—не было незнакомаго лица. Оттого происходила извѣстнаго рода солидарность и общность интересовъ во всѣхъ главныхъ случаяхъ нашей университетской жизни». «Среди всей формальной суровости, которымъ отмѣчено Николаевское время, проглядывало и отеческое попеченіе, такъ какъ почти запрещалось исключать изъ заведеній, дабы въ концѣ не губить молодыхъ людей».

252. Сборн. старин. бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. И. Щукина, ч. VII.
253. Статсъ-Арх. 1833, № 146.

Закревскій ѣдетъ 25 іюля 1830 г. завтра въ Финляндію. Аграфена Ѳедоровна хотѣла съ нимъ ѣхать, да это, я полагаю, и прилично: вѣдь надобно же будетъ финляндкамъ

представляться Государю, такъ гдѣ же имъ собраться, если не у генераль-губернаторши. («Русск. Арх.», 1903 г., № 11, стр. 417).

254. О городѣ Борго. См. Переписка Я. К. Грога. II, 762. Записки Бенкендорфа. Рус. Стар. 1896, окт., 74—96. О Закревскомъ: Подл. дѣла ген. губ. 1830 г., кн. № 10, дѣло № 326. Статсъ-Архивъ.

255. (Письмо Закревскаго отъ 22-го окт. 1830 г.). Сборн. Имп. Рус. Историч. Общ. 1890 г., т. 78, стр. 323.

256. Рус. Стар. 1896, окт., 74.

257. Åbo Und. 1824—1850. H-fors, I, s. 84.

258. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. 1832, № 86.

259. Från pojkkåren och Gymnasiet, af W. S., s. 118.

260. Från pojkkåren och Gymnas., af W. S. s. 119—120.

261. Статсъ-Арх. Всепод. доклады ген.-губерн. 1830—1831 г.г.

262. Письмо А. А. Закревскаго къ Н. А. Муханову 25 іюля 1831 г. изъ Гельсингфорса. Щукинскій Сборникъ, ч. IV.

263. Тамъ-же, ч. IV.

264. Письмо А. А. Закревскаго изъ Гельсингфорса отъ 23 авг. 1831 г.

265. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл., 1832 г., № 168. Отчеты финл. генер.-губ. Закревскаго по гражданскому управленію. См. еще Дѣло о буйствѣ крестьянъ Сальминскаго кирхшпиля, № 365—1831 г.—Statsarkiv. О холерѣ въ Петербургѣ см. «Истор. Вѣстн.» 1908, мартъ, 812—815.

266. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1834 г., № 260.

267. Åbo Und. 1824—1850. H-fors, s. 313.

268. Д-ръ А. А. Генрици. Холерныя эпидеміи въ Финляндіи. Военно-Санитарное Дѣло въ 1885 и 1886 гг.—Tankar om Cholera, af C. v. Hartman. St. Petersburg. 1832. Еще соч. E. E. Rosenbäck, F. O. Strömborg, Pipping, C. Kvist и др..

269. Арх. Морск. Министерст. Бумаги кн. А. С. Меншикова. Въ тетради писемъ гр. Ребиндера одно—безъ подписи и даты.

270. Письмо кн. Меншикова 19 іюля 1832 г. гр. Ребиндеру.

271. Письмо гр. Ребиндера 9—21 іюля 1832 г. къ кн. Меншикову.

272. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1832 г. № 116 и 1833 г., № 190.

273. Извѣстный собиратель финской народной поэзіи, Ленротъ, сообщилъ профессору Я. К. Гроту стихотвореніе народнаго поэта Исака Пьедиккейна изъ Саволакса.— Благодарственная ода, написана около 1829 года; она прославляетъ Императора Николая I за щедроты, оказанныя Имъ финскому народу въ тогдашній тяжелый, неурожайный годъ. Я. К. Гротъ дословно приводитъ эту оду.

«Хочу моею пѣсней возблагодарить Государя за подарокъ Его, хочу пѣть о Его дарѣ. Я слышалъ собственными ушами, что наши дома испытали великую милость, великія щедроты Царскія. Потому-то я и хочу восхвалить славнаго, великаго Монарха, который по Своей милости, по Своей великой благодати послалъ столь драгоценный даръ Финляндіи. Николай Добрый такъ возлюбилъ насъ, что по Своей чистой любви, по Своему кроткому сердцу, послалъ намъ много, много денегъ; намъ, грѣшнымъ сынамъ Финляндіи, для раздачи бѣднымъ; Онъ хочетъ, чтобы люди здѣсь, на сѣверѣ, и впродѣ могли жить въ своихъ домахъ; чтобы казна и господа не брали у нихъ имущества подъ секвестръ; чтобы край нашъ никогда не опустѣлъ и дома наши не были распроданы канцеляріей. Еще хочу я спѣть одно слово, хочу помолиться отъ всего сердца, чтобы по милости Своей великій Богъ, чтобы по благодати своей Господь нашъ всегда награждалъ счастьемъ, осѣнялъ своимъ милосердіемъ Добраго Николая въ знаменитомъ городѣ, тамъ, въ петербургскихъ палатахъ; чтобы всегда помогалъ Ему, вѣчно хранилъ, защищалъ Его Своею мощною десницею; чтобы злой супостатъ никогда не могъ, по своему желанію, нанести Ему вреда. Да осѣняетъ Его Господь благодатно Духомъ своей крѣпости, да охраняютъ Его ангелы непрестанно, да сопутствуютъ Ему и въ войнѣ, чтобы онъ побѣждалъ непріятеля. Недавно Онъ рѣшимостью Своей побѣдилъ свирѣпаго турка; даже турка преодолѣлъ съ своимъ могучимъ войскомъ; Онъ вѣрою восторжествовалъ надъ народомъ языческимъ, и мы въ своихъ храмахъ, здѣсь въ Финляндскомъ краю, отъ сердца восхваляли Предвѣчнаго. Горе вамъ, дикіе турки, вы—нечестивос, лютые племя, окаянное сборище язычниковъ! За вѣру вы часто ведете жестокія войны съ христіа-

нами, свирѣпствуете въ битвахъ неслыханныхъ, страшныхъ, отвратительныхъ! Заблудшіе, вы преграждаете путь къ вѣрѣ Господней, истинному ученію.

«Пѣсня эта сочинена мальчикомъ на сѣверѣ, пропѣта Исакомъ Пьедиккейномъ въ Піелавеси». (Финл. Газ. 1900 г., № 114).

IV. Смѣна генераль-губернаторовъ и міръ чиновниковъ.

274. «Рус. Арх.» 1874, стр. 683.

275. Шильдеръ. Николай I, т. II, стр. 392.

276. «Рус. Арх.» 1865 г., стр. 1123, Н. В. Путята.

277. Изъ письма А. А. Закревскаго отъ 9 марта 1831 г. къ Н. А. Муханову. Щукинскій Сборн., ч. IV.

278. Изъ записокъ барона М. А. Корфа. Рус. Стар. 1900 г. мартъ.

279. Записки гр. Оттона де-Бре.

280. «Рус. Стар.» 1907 г., авг., стр. 236.

281. Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 78, стр. 534-542.

282. Арх. III Отд. Собст. Е. И. Вел. Канцеляріи 1830 г., № 407.

283. Арх. III Отд. Соб. Е. И. Вел. Канцеляріи 1831 г., № 717.

284. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

285. Щукинскій Сборн. стар. бумагъ, ч. X, М. 1902 г., стр. 100.

286. «Взглядъ на Финляндію 1832 г.»—Авторъ записки несомнѣнно финляндецъ. Изъ бумагъ кн. А. С. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

287. Michael Tjeder. In caput IX De jure matrimonii. Aboae MDCCCXXIV.

288. Danielson-Kalmari. Historiatlinen Aikakauskirja, 1913, № 4.

289. «Рус. Стар.» 1887 г., апр. стр. 268.

290. Сб. Им. Р. Ист. Об. т. 73, IX.

291. Рус. Арх. 1910 г., VII, стр. 455.

292. Записки Сергія Григорьевича Волконскаго; стр. 33.

293. Всеподдан. донесеніе отъ 20 дек. 1825 г., № 57.

294. Всепод. донесеніе ген.-губ. отъ 20 окт. 1825 г. за № 57.

295. «Истор. Вѣстн.» 1885 г., июнь, 666.

296. «Возьми на себя трудъ разобрать мою бібліотеку и отбери книги, какія предполагаемъ взять съ собою въ Финляндію.

1 ноября 1823 г. писалъ А. Закревскій къ А. А. Муханову.

297. Истор. Вѣстн. 1908 г., февр. 398.

298. 299, 300. Эти примѣчанія зачеркнуты.

301. *Minnen af händelser och förhållanden under en lång lifstid—af Wingård.* Орывки изъ нихъ появились въ «Svenska Tidningen». И. Д. авъ-Вингордъ (1778—1854) артиллерійскій офицеръ затѣмъ губернаторъ и начальникъ финансоваго департамента и, наконецъ, членъ государственнаго совѣта Швеціи.

302. Историч. Вѣстн. 1908 г., апр., 69.

Густавъ М. Армфельтъ въ Ахенѣ познакомился съ русскимъ княземъ Меншиковымъ—(отцомъ ген.-губернатора Финляндіи). Тогда-же онъ свелъ знакомство съ дамами его семьи: 1) съ его женой Екатериной, рожденной Голицыной, о которой впоследствии отзывался, что она (27 лѣтъ) прекрасна, очень любезна, ласкова и поетъ, какъ соловей; 2) его племянницей, княжной Еленой Меншиковой—дѣвицей очень веселой, но не могущей вызвать Троянской войны; 3)—графиней Щербиной. Они всѣ вмѣстѣ очень пріятно проводили время и по своимъ характерамъ, манерамъ и воззрѣніямъ вполне подходили къ французскому обществу. Сохранилась переписка княгини Меншиковой съ гр. М. Армфельтомъ съ 1793 г. Между ними установились очень близкія отношенія. Въ Неаполѣ, гдѣ всѣ вновь встрѣтились и гдѣ гр. Г. М. Армфельтъ находился въ крайне стѣсненныхъ условіяхъ, Екатерина Меншикова заложила свои драгоценности, Елена Меншикова—свои серьги, старый князь Меншиковъ вынулъ всѣ свои кошельки, чтобы выручить изъ бѣды представителя Швеціи.

(E. Tegner).

Со времени пребыванія барона Густава Армфельта въ Стральзундѣ сохранилось нѣсколько его писемъ къ кн. А. С. Меншикову, въ которыхъ называется его любезнымъ, скромнымъ и одареннымъ блестящими способностями (11 апр. 1805 г.). «По вашему происхожденію, уму и сердцу, пророчилъ баронъ Г. Армфельтъ, вы созданы сыграть видную роль въ вашей странѣ и оказать ей важныя услуги». (30 апр. 1807 г.). Въ этихъ письмахъ Армфельтъ встрѣчаются и штрихи общаго интереса. Такъ, онъ указы-

ваетъ на критическій моментъ 1 марта и 30 апр.) для русскихъ войскъ: («Французы служатъ Те Деум и кричатъ о побѣдахъ»), онъ описывалъ успѣхи шведскаго оружія (1 марта 1807 г.) и пр. Далѣе имѣется указаніе барона на его желаніе сдѣлать своихъ сыновей русскими (30 апр. 1807 г.) и стремленіе покинуть шведскую службу, чтобы «находиться при васъ, но не для пользованія благами мира, а чтобы доказать мое глубокое убѣжденіе, что французовъ побѣдить можно»...

Переписка гр. Ал. Армфельта съ кн. Меншиковымъ также началась давно.—Уже въ 1819 г. онъ писалъ изъ имѣнія Оминне. Въ 1822 г. (26 марта изъ Гельсингфорса) Ал. Армфельтъ выражаетъ страстное желаніе вернуться въ Петербургъ и просить князя взять его къ себѣ на службу (на мѣсто Jägerskjöld'a).

303. Военно-ученый архивъ Отд. I, № 1071, стр. 114.

304. Рус. Стар. 1904 г., апр., 66.

305. Историч. обзорніе устройства управл. Морск. Вѣдом. В. Чубинскій, СПб. 1869 г., 141—142.

306. Арх. кн. Воронцова, кн. 37, стр. 342.

307. Э. И. Строговъ. Рус. Стар., 1903 г., апр., стр. 133. Историч. Вѣстн. 1908 г., февр., 438.

308. «Рус. Стар.» 1903 г., апр., 138.

309. Щукинскій Сборн. IV, 253.

310. (Голосъ Минувшаго, 1914 г., янв., стр. 139, изъ записокъ декабриста М. И. Муравьева-Апостола).

311. Рус. Арх. VII, 399.

312. Рус. Стар. 1891, I, стр. 11.

313. Истор. Вѣстн. 1908 г., май 429.

314. Военно-ученый архивъ, № 896—1826 г.

315. 31 янв. 1832 г. въ Москов. Вѣдом.

316. Арх. Финл. Ст. Секр. 1833 г., Дѣло № 26, стр. 2.

317. «Ота пиа», вып. 15, стр. 128.

318. Статсъ Арх. Подл. дѣла Ген. Губ. 1833, кн. 9, д. № 190.

319. Напримѣръ, письмо гр. Ребиндера, іюль 1832 г.

320. Истор. Вѣстн. 1908, апр., 62—65, 68 и 69; Дѣло кн. Меншикова № 180 Арх. Морск. Мин.—Åbo Underrät. 1834, № 82.

321. Письмо Е. В. Иванова 13—25 окт. 1834 г.

322. Письма отъ 30 мая—11 іюня, 13—25 іюня, 22 іюня 1847 г. Статсъ-Арх. Бумаги историка Р. Кастрена.

323. Въ газетѣ *Päivälehti* 1894 г., № 73.

324. Статсъ-Арх. Всепод. доклады. Фин. ген.-губ. съ 1825 по 1830 г.

325. Бумаги гр. А. А. Закревскаго.

326. Въ официальной перепискѣ не всегда придерживались русскаго языка. Съ Клиновстремомъ, напр., кн. Меншиковъ велъ официальную переписку на французскомъ языкѣ. Журн. Петерб. Канц. ген.-губ. 1841 г., № 569.

327. Рус. биограф. словарь. СПб. 1908 г.

328. Переписка К. Я. Грота, III, 550.

329. Статсъ-Арх. Всепод. доклады ген.-губ.

330. Ст. Архивъ, Выс. пов. 1852—1854, 1852, стр. 56.

331. Сенатскій Указъ 29 марта 1826 г., № 292.

332. Въ 1821 г. для статсъ-секретаріата былъ купленъ домъ; двѣ-трети его были достроены, а для остальной части былъ только заложенъ фундаментъ. Въ такомъ видѣ онъ оставался до 1845 г.—Смѣту составилъ, кажется, архитекторъ Боссе и зданіе было достроено. (Арх. Финл. Ст. Секр. 1845 г., № 72).

333. Арх. Финл. Ст. Секр. 1830 г., № 43, стр. 21.

334. Арх. Финл. Ст. Секр. 1849 г., № 44, стр. 35.

335. Арх. Ст. Секр. 1841 г., № 1.

336. Арх. Финл. Ст. Секр. 1845 г., № 72.

337. Всепод. докл. 4—16 февр. 1848 г.

338. Арх. Финл. Ст. Секр. 1849 г., № 57, стр. 76.

339. Рус. Арх. 1878, № 1, стр. 125—127. Его статья о сеймѣ въ Борго—въ Рус. Вѣстн. 1857 г. См. еще переписку Грота съ Плетневымъ, I, 16 и 69.

340. Взглядъ на Финляндію 1832 г.—Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

341. Изъ бумагъ кн. А. С. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

342. M. G. Schybergson.—Finl. Konst. hist. 1809—1863, s. 37.

343. M. G. Schybergson, Finl. Konst. hist. 1809—1863, s. 38.

344. Aug. Schauman.—Från sex årt., I, s. 82—85.

345. 16—28 марта 1837 г. Письмо кн. Меншикову.

346. Къ кн. Меншикову 3—15 февр. 1834 г.

347. Остафьевскій Арх., т. V, вып. 2, стр. 84.

348. 4—19 авг. 1849 г. Статсъ-Арх. Изъ бумагъ историка Р. Кастрена.

349. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 85. Бриллиантовый сень-силь баронессы Клиновстремъ былъ купленъ за 942 р. для Кабинета Его Величества. (Арх. Ст. Секр. 1851 г., № 531).

350. Статсъ-Арх. Всепод. доклады финл. ген.-губернат. 1831—1845 гг.

351. Aug. Schauman.—Från sex årt., I, s. 86—87.

352. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 86—88.

353. Полк. Вульфертъ. Арх. III Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи 1833, № 78.

354. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 90.

355. Aug. Schauman.—Från sex årt., I, s. 91.

356. Elis Furuhielm. Finl. Kulturhistoria 1840—1870 talen. I, s. 11—13.

357. Арх. Финл. Ст. Секр. 1842 г., Дѣло № 21, стр. 8.

358. Ramsay. Från barnaår till silfverhår, III, s. 64.

359. *Päivälehti* 1894 г., № 73.

360. Письмо А. Вульферта отъ 19 апр.—1 мая и 23 апр.—5 мая 1842 г.; «Aftonbladet 1842 г., № 94, 20 April», Письмо кн. Меншикова изъ Петербурга 6—18 мая 1842 г.

361. Program till sorgef. den 27 april 1876, s. 46.

362. G. A. Gripenberg. Finska Gardet, I, 110.

363. «Hufvudstadsbladet» 1912, № 126.—«Finlands Allmänna Tidning», 1833, № 230, 254 1835, № 296. Дѣло 1833 г. Канц. Ген.-губ. о монументѣ, № 234.

V. ф. Гартманъ и экономическій ростъ края.

364. Hist. Arkisto, 1901, XVII, 1, s. 179—180.

365. Письмо Е. В. Иванова 13—25 окт. 1834 г.

366. Ома маа. Январская Комиссія 1862 г.

367. Переписка Я. Грота, III, 10—13. «Не конституція, а просвѣщеніе англичанъ

есть истинный ихъ палладіумъ»,—сказалъ Н. М. Карамзинъ.

368. Истор. Вѣстн. 1908, іюл. 62—63.

369. См. напр. «Wiirugi» 12 марта 1910 г., № 59.

370. Всѣ извѣстныя намъ письма Е. В. Иванова адресованы Князю Меншикову. Временами авторъ ихъ титуруетъ Меншикова «свѣтлѣйшимъ княземъ», но обычно «дрожающимъ» и «неоцѣненнымъ» родителемъ. Въ текстѣ говорится: «Теперь я могу умереть спокойно, я видѣлъ виновника моего существованія, видѣлъ того, кто извлекъ меня живого изъ ужаснѣйшей могилы, кто далъ мнѣ новую жизнь»... Подписывается Егоръ Ивановъ въ большинствѣ случаевъ такъ: «По гробъ преданнѣйшій сынъ вашъ». Изъ письма отъ 9—21 дек. 1836 г. узнаемъ печальное прошлое Е. Иванова; онъ пишетъ: «До сихъ поръ еще заклеимъ я на родинѣ ссыльнымъ», до сихъ поръ считаютъ меня тамъ отверженнымъ отъ общества людей... Вы не боялись ходатайствовать о рядовомъ казакѣ, о лишенномъ чиновъ и дворянства разжалованномъ въ рядовые безъ выслуги... А свое (донское) войско боится ходатайствовать объ офицерѣ, боится представить меня къ производству на вакансію»... Вспоминая ужасное прошлое, Ивановъ говоритъ, что «тѣло мое защищено было только отъ холода, но не отъ привѣтствій... палочныхъ... Кровь стынетъ въ жилахъ»...

Всѣ указанная обстоятельства побудили насъ съ точностью установить личность автора. Послѣ ряда усиленныхъ поисковъ намъ это вполне удалось. Егоръ Васильевичъ Ивановъ происходитъ изъ дворянъ Астраханскаго казачьяго войска; воспитывался въ Астраханской губернской гимназій, изъ которой выпущенъ съ похвальнымъ листомъ 3 класса, не окончивъ курса; родился въ 1792 г.; службу началъ въ 1808 г., а въ 1829 г., будучи уже сотникомъ, по суду лишенъ чиновъ и дворянства «съ написаніемъ въ казаки безъ выслуги». Провинился онъ въ томъ, что бралъ съ казаковъ деньги, удерживалъ у нихъ провіантъ, жестоко наказывалъ и ихъ, и калмыковъ. Въ 1833 г. штрафъ былъ прощенъ,—очевидно по ходатайству кн. Меншикова,—и его вновь произвели въ офицеры. Въ Або онъ оставался по крайней мѣрѣ до 1856 года. Во время войны онъ посылалъ

корреспонденціи въ «Сѣверную Пчелу». Онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, что происходило вокругъ него. «Мои глаза и уши на безпрестанной стражѣ». Но въ то же время онъ опасался, чтобы его «инкогнито», его роль тайнаго корреспондента кн. Меншикова, не была обнаружена.—Чтобы не быть заподозреннымъ, онъ писалъ урывками и отправлялъ свои сообщенія очень расчетливо. «Скромность ваша предохраняетъ меня.... Отъ меня не скрываютъ ни (адмиралъ) Лазаревъ, ни ландсгевдингъ (Гартманъ), ни сами директора верфи»...

Благодаря Иванову, кн. Меншиковъ сдерживалъ барышническіе аппетиты директоровъ Абоской купеческой верфи, гдѣ строились и чинились наши суда, и заставлялъ контръ-адмирала Лазарева ограничиваться при работахъ самымъ необходимымъ. По сообщеніямъ Иванова, кн. Меншиковъ дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія. На поляхъ его писемъ можно прочесть: «Объ этомъ писано Сверчкову»... «О преданіи сихъ крестьянъ суду распоряженіе сдѣлано»...

371. Письмо Е. Иванова 14—26 ноября 1834 г.

372. Тамъ-же; 13—25 февр. 1835 г.

373. Тамъ-же; апр. 1836 г.

На поляхъ карандашомъ большая замѣтка о томъ (К. И. Фишера?), что подобное сужденіе порождено ненавистью отставнаго майора Моллера къ ландсгевдингу. Моллеръ считалъ добрымъ дѣломъ ненависть къ финляндцамъ. Замѣтка кончается совѣтомъ «потребовать Иванова» въ Петербургъ, «если вапна свѣтлость на сіе соизволитъ».

374. Письмо Е. Иванова 23 мая—іюня 4 1836 г.

375. Тамъ-же.

376. Изъ письма К. И. Фишера 6 окт. 1853 г. Въ собраніи бумагъ кн. А. Меншикова Арх. Морск. Мин.

377. 3 марта 1854 г. возникъ проектъ о канонерскихъ лодкахъ. Требовалось 43 тыс. руб. Гартманъ пишетъ très humble rapport. Великій Князь Константинъ Николаевичъ докладываетъ его и резолюція гласитъ: «Высочайше разрѣшено».

378. Финансовое право Вел. Кн. Финляндскаго въ XIX столѣтіи, стр. 38. Э. Н. Берендтсъ.

379. Статсъ-Арх. Подлин. дѣла Ген.-губ. 1826 г., кн. 7, д. № 133.

380. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. 1826 г., № 57.

381. Отнош. Ст. Секр. 10—22 янв. 1830 г., № 22.

382. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докладъ 1837 г., № 76.

383. Главное измѣненіе финл. тарифа (14 іюня 1835 г.) заключалось въ томъ, что иностранные товары могли ввозиться изъ Финляндіи въ Имперію только моремъ, внесенныя за нихъ въ Финляндіи пошлины не возвращались, равнымъ образомъ не допускался возвратъ пошлинъ за иностранные товары, поступившіе моремъ изъ Имперіи въ Финляндію, но такіе товары при ввозѣ въ Финляндію по Ладожскому озеру или сухимъ путемъ пропускались безпошлинно; отмѣнялись пошлины съ русскихъ товаровъ въ финляндскихъ таможенныхъ (Министр. Финансовъ 1802—1902 г. СПб. 1912 г., стр. 337).

384. Фрит. Новіусъ. Торговля сношенія Финляндіи съ Россіей. Гельсингфорсъ 1890 г., стр. 7 и слѣд.

385. Финансовое право Вел. Княж. Финляндскаго въ XIX стол. стр. 36, Э. Берендсъ.

386. Соч. Спельмана на шведскомъ языкѣ Postuma 454 стр.

387. Finlands hist. II, 413.

388. Въ 1841 г. таможенный тарифъ въ Имперіи подвергся коренному пересмотру, который былъ произведенъ «для соблюденія секрета» единолично гр. Канкринъ. Нужно было повысить таможенный доходъ на 2.9 мил. рублей, гр. Канкринъ приступилъ къ этому дѣлу весьма неохотно, предвидя большія неудовольствія. Тарифъ, согласно мнѣнію Г. Совѣта, утвердили 28 ноября 1841 г. Слѣдов., въ Россіи, хотя тарифъ секретно выработалъ министръ единолично, но онъ (тарифъ) прошелъ чрезъ Г. Совѣтъ.

389. I. Р. Даніельсонъ въ UusiSuometar'ъ отъ 15 января 1899 г.

390. Ота Маа, вып. 57—VI в. V тома.

391. «Историч. Вѣстн.» 1908 г., июль, стр. 57. Я. К. Гротъ тоже просилъ за Авеллана.—гр. А. Армфельтъ отвѣтилъ, что Авеллану «покровительствуетъ князь», который и доставитъ ему всякія выгоды. «Вотъ почему я не вмѣшиваюсь въ это дѣло». (Изъ бумагъ проф. Конст. Як. Грота).

392. Статсъ-Арх. Секретный журн. исходящихъ бумагъ Канц. ген.-губ. съ 1847 г., № 850.

393. Представляя въ 1849 г. Государю о таможенныхъ сборахъ (за 1848 г.), гр. Армфельтъ прибавляетъ, что это донесеніе составлено въ статсъ-секретариатѣ (Всепод. докл. 30 апр. 1849 г., № 136).

394. Изъ бумагъ А. С. Меншикова. Арх. Морск. Минист.

395. «Истор. Вѣстн.» 1908 г., сент., стр. 793—795. Резолюція Государя отмѣнена не была. Литература: Wilhelm Lavo-nius. Om tull-lagstiftningen i Finland. H-fors, 1873—И. Морозовъ. Финляндія въ торгово-промышленномъ отношеніи. 1895 г. А также: «Сводъ трактатовъ и другихъ актовъ, заключенныхъ между Россійскою Имперіею и иностранными державами. Изданіе Финляндскаго Сената. Гельсингфорсъ 1850 г. На русскомъ, французскомъ и шведскомъ языкахъ.

396. Статсъ-Арх. Изъ секретнаго журнала исходящихъ бумагъ Канц. Ген.-Губернатора съ 1847 г.—№ 857.

397. Статсъ-Арх. Секретный журн. исход. бумагъ Канц. Ген.-Губ. съ 1847 г., № 883.

398. Статсъ-Арх. Подлин. дѣла Ген. Губ. 1826 г., кн. 9, дѣло № 230.

399. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

400. 7 сент. 1827 г. Гельсингфорсъ. Изъ бумагъ кн. Меншикова Арх. Морск. Мин.

401. 5—17 дек. 1828 г.—Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

402. Собр. пост. Финл., т. I, стр. 207.

403. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

404. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1830 г., № 38, 1828 г. № 131, стр. 12.

405. Министерство Финансовъ 1802—1902 г. СПб. 1902, т. I, стр. 237.

406. Министерство Финансовъ, СПб. 1902, т. I, стр. 251.

407. Арх. Ст. Секр. 1837 г., дѣло № 48, стр. 1.

408. Арх. Ст. Секрет. 1839 г., Дѣло № 1, стр. 1, 3, 4 и др.

409. Въ составъ комитета вошли: губернаторъ Сакленъ, д. с. с. Хисингъ, с. с. Винтеръ, камеральный совѣтн. ф.-Бонсдорфъ и адвокатъ-фискаль Траппъ. Секретарь—Гаделли.

410. Собран. постан. Финляндскихъ, т. II, стр. II.

411. Второй періодъ 1840 г.—1863 гг., стр. 25. Финансовое право Вел. Княж. Фин. въ XIX стол. Э. Берендтсъ.

412. Финансовое право Вел. Кн. Фин. стр. 24; Aug. Schauman, Från sex årt. I, s.s. 161, 164—165; A. Ramsay, II, 30—32.

413. Арх. Финл. Ст. Секрет. Всепод. докладъ 1840 г., А. № 104.

414. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

415. Emil Schybergson. Fin. Tidskr. 1895, I, s. 11.

416. Изъ французскихъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

417. 10 сент. 1840 г. Изъ француз. бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

418. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

419. Emil Schybergson. Fin. Tidskr. 1895, I, s. 11.

420. I. V. Tallqvist. Bidrag till belysande af det svenska myntets historia i Finland sedan år 1808; Finska Vetenskaps-societetens Bidrag till k. af Finl. n. o. f. h. 60.

421. Emil Schybergson. Fin. Tidskr. 1895, I, s. 12. Эти мѣры на долгое время установили прочность въ денежныхъ дѣлахъ, но въ одномъ пунктѣ реформа фонъ-Гартмана всетаки была слаба. Финляндскій банкъ обязанъ былъ, согласно доходамъ, выкупить всѣ въ Имперіи выданныя деньги и ассигнаціи. Это не причиняло никакихъ неудобствъ, пока выкупъ производился въ Россіи по металлической валютѣ. Но во время восточной войны введенъ былъ въ Россіи принудительный курсъ, почему выкупъ въ Имперіи прекратился. Теперь и Финляндскій банкъ принужденъ былъ отказаться отъ пріема русскихъ ассигнацій, которыя стали бы наплывать безчисленными массами. Свои собственныя ассигнаціи банкъ продолжалъ выкупать и ф.-Гартманъ усильно противился давленію, которое стремилось разстроить утвержденную въ 1840 г. пропорцію между ассигнаціями и металлической валютой. v. Hartmans dik-tamen i senaten af den 27 dec. 1856; Edv. Bergh. Vår styrelse och våra landtdagar, I, s. 22; jfr. E. Berendts: Финансовое право вел. княжест. Финляндскаго въ XIX стол., bi bil. II, s. 230 ff. St. Petersburg, 1900. Но такъ какъ ассигнаціи финляндскаго

банка шли подъ тѣмъ-же наименованіемъ, какъ и русскія, и въ дѣловомъ мірѣ не могли подчиняться инымъ цѣлямъ, то и выкупъ ихъ долженъ былъ прекратиться. Такимъ образомъ опять наступилъ періодъ бумажныхъ рублей, цѣнность которыхъ мѣнялась по курсу, но реализація 1840 г., дѣйствія которой простирались едва ли долѣе человеческой жизни, всетаки имѣла захватывающее значеніе въ промышленной жизни.

422. Статсъ-Арх. Всепод. доклады финл. ген.-губерн. 1831—1845 г.г.

423. 18—30 окт. 1841 г. Изъ француз. бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

424. Статсъ-Арх. Бумаги Кастрена.

425. Отчетъ кн. Меншикова за 1844 г.—Арх. Мор. Мин. Большая реформа не могла не вызвать недовольныхъ.—Ген. Дернау, зайдя къ Я. К. Гроту, жаловался, что финансовая система Гартмана производитъ всеобщій ропотъ въ Финляндіи. Онъ увеличиваетъ налоги, стѣсняетъ торговлю пошлинами, единственно для увеличенія общественной кассы, не заботясь, что ея увеличеніемъ онъ всѣхъ разоряетъ. Гротъ называлъ все это бреднями.—(Переписка, II, 47).

426. Финансовое право Вел. Княж. Финляндіи въ XIX столѣтіи. стр. 35. Э. Берендтсъ

427. Финляндія въ XIX стол., стр. 151.

428. Стенротъ. «Финл. Газета» 1906 г., № 173.

429. A. Ramsay, II, s. 28—29.

430. Финансовое право Вел. Кн. Финл. въ XIX ст., стр. 26. Э. Берендтсъ. Felix Heikel. Finlands Bank—och Penningväsen. Åren 1809—1887. H-fors 1888.

431. § 18—Инструкціи банка отъ 18 ноября 1840 г.—Собр. Постановл. Финл. II, 26.

432. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

433. Изъ бумагъ кн. А. С. Меншикова. Арх. Мор. Мин. Контрактъ, заключенный съ крестьяниномъ имѣнія Анъяла.

434. Изъ одного военно-суднаго дѣла, рассмотрѣннаго при Гельсингфорскомъ ордонансъ-гаузѣ, оказалось, что причисленный къ финляндскому гражданству, житель Гельсингфорса, бывшій крестьянинъ помѣщика Ангельгардта, Николай Коростылевъ, имѣлъ у себя крѣпостнаго человѣка Парфена Дмитріева, котораго, отставленный отъ

службы Капитанъ-Лейтенантъ Иванъ Бабушкинъ, далъ Коростылеву по заемному письму въ залогъ за 600 руб. на 15 мѣс., съ условіемъ, что ежели Дмитріевъ бѣжитъ отъ Коростылева, сей послѣдній за то не отвѣчаетъ, а что ежели онъ, Бабушкинъ, въ назначенный срокъ не уплатитъ денегъ, Дмитріевъ остается въ вѣчномъ владѣніи и распоряженіи Коростылева. Таковое заемное письмо тогда-же было записано въ книгу Свеаборгскихъ дѣлъ и засвидѣтельствовано плацъ-маіоромъ, а крестьянинъ Дмитріевъ, сдѣлавшись собственностью Коростылева съ 1 мая 1825 г. по неуплатѣ Бабушкинымъ въ срокъ долга, бѣжалъ отъ него, Коростылева, 20 августа 1826 г. и не отысканъ. Узнавъ объ этомъ случаѣ, генераль-губернаторъ, — подтвердивъ комендантамъ и плацъ-маіорамъ Финляндскихъ крѣпостей, чтобъ отнюдь не принимали къ свидѣтельству подобныхъ законопротивныхъ сдѣлокъ, — испросилъ Высочайшее повелѣніе, гласившее: если у кого-либо изъ гражданъ находятся или впредь окажутся въ услуженіи по залогамъ, но вѣрующимъ письмамъ и по инымъ актамъ отъ помѣщиковъ русскихъ или отъ офицеровъ войскъ въ Финляндіи расположенныхъ крѣпостнаго состоянія люди, то акты о нихъ яко беззаконные уничтожать, а самимъ крестьянамъ, по силѣ російскихъ постановленій, даровать свободу, предоставляя имъ избрать себѣ родъ жизни, или въ Финляндіи, либо въ предѣлахъ Россіи.

Высочайшій рескриптъ 3-го апрѣля 1827 г. о воспрещеніи передачи русскихъ крѣпостныхъ людей во владѣніе финляндскихъ гражданъ былъ помѣщенъ въ указѣ Правительствующаго Сената. Въсѣмъ съ тѣмъ по Высочайшему повелѣнію сообщено Министру Юстиціи о преданіи капитан-лейтенанта Бабушкина суду за противозаконный поступокъ его. (Изъ бумагъ Закревскаго).

435. Арх. Финл. Ст. Секр. 1835 г., Дѣло № 182, стр. 54.

436. Переписка Я. К. Грота, I, 2.

437. Изъ Финл. Газетъ Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1852 г., № 58, стр. 112.

438. Арх. Ст. Секр. Всепод. докл. 1835 и 1836 гг., а также 1838 г., № 7.

439. Въ Finlands Allmänna Tidning (№ 3, янв. 1843 г.) и Helsingfors Morgonblad 1843, №№ 1, 2, 3, 5 и 6.

440. Письмо Гартмана отъ 29 авг.—10 сент. 1841 г. кн. Меншикову.

441. Арх. Ст. Секр. 1843 г., дѣло. № 46, стр. 4, 6, 13 и др.

442. Статсъ-Арх. Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1830, № 317.

443. Изъ отчета кн. Меншикова за 1844 г. Арх. Морск. Мин.

444. Изъ отчета кн. Меншикова за 1844 г. Арх. Морск. Мин.

445. Изъ бумагъ гр. А. Закревскаго.—Бумаги кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.; Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. 1842 г., № 71; 1845 г., № 112; 1849 г., № 19 и № 165.

446. А. Е. Arppe. Minn.-tal öfver N. G. Nordenskiöld, s. 16—20.

447. Въ 1846 г. Ле-Дюкъ получилъ порученіе добыть въ Финляндіи мраморъ для гробницы Наполеона I, Истор. Вѣстн. 1914 г., июль, 284.

448. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

449. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1828 г., № 77.

450. Арх. Финл. Ст. Секр. 1841 г., Дѣло № 8, стр. 2.

451. «Saima»—1844 г., №№ 12, 13, 14 и др.

452. Ст. Арх. Рескр. и. д. ген.-губ. 1844 г., стр. 273. А также Плс. X, 485. См. еще бумаги кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

453. La Finlande. Par le prince Emmanuel Galitzin. Paris, 1852. I, 418, 421, 423, а также Финл. Газета 1901 г., № 66.

454. Статсъ-Арх. Изъ бумагъ историка Р. Кастрена.

455. Извѣстія собранія инженеровъ путей сообщенія», 1887 г., № 2, стр. 23, А. Х. Бучацкій.—См. еще «Вѣстн. Имп. Географич. Общ.» 1852 г., ч. I, кн. I.—В. Воитъ. «Морск. Сборн.» 1862 г., июль. Кн. Л. Ухтомскій.

456. Статсъ-Арх. Дѣло Канц. Ген.-Губ. 1830 г. № 229.

457. Арх. Финл. Ст. Секр. 1835 г. Дѣло А., № 135, стр. 7, 17—18.

458. Aug. Schauman. Från sex årt., ss. 116—118.

459. Aug. Schauman. Från sex årt. I, s. 119, 120—122. A. Ramsay, I, s. 3; II, 26.—Från barn. till silfverhår.—Nya Pressen, 1896.—Åbo Underr. 1824—1850. H-fors, I, s. 118, 129, 151. Финляндія въ XIX ст., стр. 175—176. Второй пароходъ

обозрѣніе Финляндіи.

Г У Б Е Р Н І Й	Число народа къ 1886 г.	Число рождавшихся въ 1885 г.	Число умершихъ въ 1885 г.	Число браковъ въ 1885 г.	Приращеніе въ 5 лѣтъ.
Абоско-Бьернеборгской Ландск. Гартвикъ.	252,238	8,263	6,389	1,762	
Вазской Вид.-Ландск. Кроунгтенъ.	199,437	3,676	4,458	1,586	
Улеаборгской Ландск. Лекерборгъ.	125,114	4,944	2,611	1,036	
Куноской Ландск. Рахей.	156,706 въ т. ч. рус. 5,068	5,480	2,662	1,257	
О-Михальской Вид.-Ландск. Кроунгтенъ.	135,231 въ т. ч. рус. 156	4,294	2,721	790	
Тавастуской Ландск. Сигеусъ.	192,586	8,805	3,806	824	
Нюландской Ландск. Гр. Арифаэльъ.	149,714 въ т. ч. рус. 288	4,513	3,881	977	
Выборгской Ландск. Гр. Маннергеймъ.	244,701 въ т. ч. рус. 29,929	7,516	8,017	1,412	
И Т О Г О	1,393,727 въ т. ч. рус. 353,996	47,525 въ т. ч. по законамъ 2,873	34,245	9,656	21,650

3 Е М Л Я.			ДОХОДЫ И РАСХОДЫ.			ВОЙСКА.	
Простран-ство.	Состояние.	Привведе-ния.	Таможенные доходы м. 1885 г.	Доходы вообще м. 1887 г.	Расходы вообще на 1887 г.	Расположе-ние войск.	Число войск.
2,600 кв. миль, т. е. 260,000 кв. рос. верст, или 60,171,800 гунцев.	Обработано пашни 841,527 гунцев, или 888,160 дес. Паша гунца 1,051,900 гунцев, или 1,048,000 дес.	Посев: ржи 260,870; ячм. 148,750; овса 180,660; пшен. 8,700; греч. 2,150 боч. Удья: ржи 1,610,700; ячм. 741,270; овса 708,530; пшен. 22,390; греч. 15,400.	80,920	С е р е б р о м ъ	Статного фонда 1,166,669 р. 33 к. Миллионного фонда 1,788,170 » 37 »	Батальон 9, 10, 11 и 2 Р. 12 стр. каз.	21 дивиз. 9,512 Инв. команд. 209
			40,750	1,168,634 р. 46 к. 1,786,237 » 45 »		2 рот. 13 и стр. каз.	Кавказск. 561
			28,680	1,168,634 р. 46 к. 1,786,237 » 45 »		Отр. каз.	Фин. войск 1,784 14,814
			—	—		Отр. каз.	Некомплет.
280,560	—	—	90,000	—	Отр. каз.	Отр. каз.	21 дивиз. 2,833
			52,240	—	Отр. каз.	Фин. войск 100	
280,000 кв. рос. верст.	—	—	—	2,904,871 91	2,902,829 92	1, 2 и 3.	—
—	—	—	—	—	—	—	14,814

✻

былъ законченъ, послѣ того, какъ рабочіе снова приступили къ работѣ послѣ забастовки. (Åbo Und. 1824—1850. H—frs. I, s. 119).

460. Шведскій пароходъ «Solide» продолжалъ ходить въ Финляндію. Л. Г. Гартманъ считаетъ это предпріятіе непродолжительнымъ, пока онъ является новостью. Онъ даже того мнѣнія, что его плаваніе нелегальное и не препятствуетъ ему лишь потому, что таможня его разрѣшаетъ (17—29 іюня 1836 г.).

461. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. 1838 г. А. № 27.—Книжка «Åbo Und.» 1824—1850. H-fors, I, s. 151.

462. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. Доклады Отн. Ф. Ген.-Губ. 1849 г., за № 62.

463. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1846 г. № 260.

464. A. Ramsay, II, ss. 26—28.

465. Канц. Ген.-Губ. № 3701, 3—15 дек. 1849 г. Подл. дѣла Ген.-Губ., кн. 10, дѣло 83.

466. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. 1852 г. за № 218.

467. Финляндія въ XIX ст., стр. 176—177.

468. П. С. Зак. 1830, № 3601.

469. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1830, № 63, стр. 1, 30, 100, 122, 124 и др.; Дѣло 1838, № 10, стр. 23.

470. G. A. Gripenberg. Finska Gardet. I, s. 110.

471. «Море и его жизнь», 1903 г., янв. стр. 32—36; «Финл. Газ.», 1903 г., № 31.

472. Статсъ-Арх. Журн. докладовъ ген.-губ. съ 1851 г.

473. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1849 г., № 46, стр. 2—21, 27—29, 31, 38—40—41.

474. Изъ письма К. И. Фишера отъ 2 ноября 1853 г. къ кн. Меншикову.

475. Къ 27 Флотскому экипажу (бывшему финскому) были прикомандированы чины корпуса Морской артиллеріи (Дмитріевъ, Сергѣевъ, Ивановъ, Коршуновъ, Грудинъ, Хрущевъ, Жилихинъ). Довольствіе имъ производилось изъ финляндскихъ статныхъ суммъ.

Финскому, 27 флотскому экипажу въ 1844 г. было отпущено 1.000 ружей по цѣнѣ казеннаго изготовленія (Всепод. доклады 1844 г.).

Финляндское правительство доставило 5001 пудъ разнаго разбора пороха для

Морского вѣдомства. (Арх. Финл. Ст. Секр. 1839 г., № 13).

Въ уставѣ судоходства 1851 г. (4 іюля, № 278) значилось: «Офицеры военного флота имѣютъ право водить финл. купеческія суда, какъ во внутреннія, такъ и въ заграничныя мѣста.

Въ 1856 г. матросъ Іоганъ Лундстремъ въ нетрезвомъ видѣ сорвалъ съ своего ротнаго командира, лейтенанта Бера, эполетъ и бросилъ его на полъ.—Лундстрема присудили къ смертной казни, но замѣнили ее шпицрутенами.—8 разъ онъ пробѣжалъ сквозь строй въ 300 человекъ и упалъ: его легкое было поражено параличемъ.

VI. Выборгская губернія.

476. Рус. Старина 1900 г., февр., 304—305. Статья Н. К. Шильдера. Рус. Арх. 1882 г., кн. I, стр. 159.

477. «Рус. Стар.» 1900 г., февр., стр. 285, 290 и 331.

478. Проектъ этотъ составленъ былъ Робертомъ Лагусомъ, при помощи доктора Павла Тикканена.

479. Изд. Robert'a Lagus'a.—Juridiskt Album, напечатанный въ 1862 г. въ Гельсингфорсѣ, ч. II, 143—161; а также: брошюру «Проекты территориальнаго уменьшенія В. К. Финляндскаго.—Труды Rob. Castren'a, Skildringar ur Finlands nyaste historia, ss. 314—325.

480. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. Докл. 1829 г., № 199.

481. Подлин. дѣла Г. Г-ра 1833 г. кн. 13, д. 400.

Konія.

Его Превосходит.-ву П. Г. Буткову.

Статсъ-Архивъ. Милостивый Государь

27 февраля
(11 марта) 1834 г. Петръ Григорьевичъ.

Извините съ свойственною Вашему Превосходительству добротою души, когда я въ хлопотахъ моихъ на минуту отрываю Васъ М. Г. отъ важнѣйшихъ занятій. Дѣло № 134, 1821 г. о предположенномъ присоединеніи состоящихъ въ Выборгской губерніи Кивинескаго и Новокирхскаго приходовъ къ С.-Петербургской губерніи затеряно, и не взирая на всевозможныя

старанія, поднесъ не могло быть отыскано. А какъ въ семь дѣлѣ имѣются любопытныя о Карелін свѣдѣнія, собранныя трудами Вашего Превосходительства, то не передано ли оно Василіемъ Аврамовичемъ Нордденгеймомъ Вамъ М. Г. для употребленія, при составленіи статистики Финляндіи? Буде такъ, то покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, о томъ извѣстить какъ меня, такъ и Николая Ивановича Бахтина, ибо въ случаѣ не отысканія сего дѣла, по приказанію Его Свѣтлости Князя Александра Сергѣевича, немедленно приступлено будетъ къ возобновленію того дѣла, выпискою отпусковъ изъ журналовъ и вытребованіемъ копій съ входящихъ бумагъ, изъ тѣхъ мѣстъ, откуда оныя получались.

Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть и проч.

Подписалъ: Арнотъ фонъ-Витте.

482. «Историч. Вѣстн.» 1908 г., июль, 52

483. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1826 г., № 179. Протоколъ и заключеніе комиссіи опубликованы Е. G. Palmén, о мѣ въ *Lisia lahjoitusmaakysymyksen historian*, Hist. ark. XIV, sid. 1—160.

Konія.

Займствована изъ всеподданиѣйшихъ докладовъ Финляндскаго Генераль-Губернатора Закревскаго въ 1823—1830 г.г., хранящихся въ Финляндскомъ Статсъ-Архивѣ.

Изъясненіе о фрельзе-сетереяхъ и обыкновенныхъ фрельзахъ.

Фрельзе-сетерея значить дворянскую мызу, въ коей самъ владѣлецъ имѣетъ жилище.—Она не вноситъ въ казну никакихъ повинностей, свободна отъ почтовой гоньбы, отъ выставки подводъ, отъ платежа содержанія судьямъ и отъ прочихъ поборовъ, и не помогаетъ къ содержанію Ратниковъ.—Даетъ токмо $\frac{1}{3}$ казенной десятины, обращаемую въ пользу духовенства, и участвуетъ въ строеніи церкви своего прихода и въ исправленіи дорогъ.

Обыкновенная фрельза значить Дворянское же имѣніе.—Оно въ шведское правленіе участвовало въ доставленіи рекрута для пѣхоты и въ содержаніи солдатъ, а нынѣ

въ Финляндіи даетъ такъ называемую ваканціонную подать; вноситъ казенную десятину натурою и акцизъ за винокуреніе; платитъ въ половину меньше противъ коронныхъ и шкатовыхъ гейматовъ, по сбору за скотину и за выставку подводъ, и половинною же мѣрою выполняетъ почтовую повинность. Но обязана наравнѣ съ другими имѣніями исправлять церковь и дороги. На содержаніе же судей и суда *Фрельземанъ* не даетъ ничего токмо въ такомъ случаѣ, когда самъ занимается хозяйствомъ на своей фрельзѣ.

484. Арх. Финл. Ст. Секр. 1831 г. Дѣло А., № 215, стр. 6 и слѣд.

485. Арх. Финл. Ст. Секр. 1830 г. Дѣло А., № 215, стр. 55 и слѣд.

486. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1830 г. А. № 215, стр. 81 и слѣд.

487. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1830 г. А. № 215 стр. 95.

488. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1830 г., А. № 215, стр. 102 и слѣд.

489. Изъ отчета генер. А. Теслева за 1835 г.

490. В. Estlander. Donations böndernas hist.

491. Арх. Ст. Секр. 1836 г., Дѣло № 24, стр. 7.

492. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1836 г., Дѣло 49, стр. 1 и посл.

493. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1836 г., № 24, стр. 27, 81 и 134.

494. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1836 г., № 24, стр. 142.

495. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 51.

496. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 91.

497. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 11.

498. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 19.

499. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 15.

500. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 110.

501. «Истор. Вѣстн.» 1908 г., июль, 53—54.

По другой версіи. Дѣло о ленсманѣ Стрембергѣ восходило въ сенатъ, который понизилъ ему нѣсколько наказаніе, а генераль-губернаторъ представилъ свой докладъ и Императоръ освободилъ Стремберна отъ

всякой ответственности. (В. Estlander. Bilder ur donationsbondernas historia i Östra Finland).

502. Изъ отчета гр. Ребиндера.

503. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1837 г.

504. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 100.

505. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1837 г., № 33, стр. 192.

506. Арх. Финл. Ст. Секр. 1838 г., Дѣло № 53, стр. 10.

507. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1838 г., № 53, стр. 33.

508. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1838 г., № 53, стр. 32.

509. «Истор. Вѣстн.» 1908 г., июль, 54.

510. С. I. Wallen, hos Danielson, s. 163). Oker-Blom, sedermera guvernör i Wiborgs län, vid Adelsn plenum d. 20 mars 1867.

511. Зачеркнуто.

VII. Швеція.

512. «Рус. Стар.» 1908 г., авг., 353, 357 358.

513. «Рус. Старина» 1904 г., янв., 83.

514. «Рус. Стар.» 1908 г., Августъ, стр. 359 361. «Поездка въ Стокгольмъ въ 1838 г.».

515. Письмо кн. Меншикова къ М. П. Лазареву, 4 июня 1838 г. «Рус. Арх.» 1881 г., т. III, стр. 355.

516. «Рус. Стар. 1904 г., янв., стр. 83.

517. Письма Е. Иванова, май 1836 г. и 14—26 ноября 1834 г.

518. Тамъ-же.

519. Изъ письма Бориса Нордмана 13—25 июня 1838 г. Арх. Морск. Мин. Бумаги кн. Меншикова.

520. Nyaste Freja, 1840 г., № 30.

521. «Aftonbladet» 31 июля 1852 г., № 173.

522. Бумаги кн. Меншикова въ Арх. Мор. Мин.

523. «Рус. Арх.», 1910 г., IV, стр. 496.

524. Svenskt biografiskt handlexikon af Herrn. Hofberg. Förra delen. Дѣятельность и вліяніе Пальмшерна выясняется еще слѣд. документами Арх. Статсъ-секр. 1831 г., А. № 28. Переписка Я. К. Грота I, 56 и 104. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1829 г., № 7, стр. 1 и 8.

525. «Историч. Вѣстн.» 1914 г., январь.

526. Печенгскій монастырь былъ разрушенъ въ 1589 г. финскими вольными дружинами, среди которыхъ отличался Юхо Весаинеа (См. у Фрииса, стр. 153).

527. Втор. полн. Собрание Закон., т. I, 1826 г., № 302.

528. Helsingfors Dagblad—18 Augusti 1884—въ большой претензіи, что регулировалась въ сущности финляндская граница безъ представителя со стороны Финляндіи. Иначе обстояло дѣло въ 1871 и 1888 гг., когда исправлялась та-же граница по рѣкѣ Торнео.

Ярый финноманъ Эрваста (Ervasti) утверждалъ, что полоса земли, о которой пререкалась Норвегія съ Россіей, принадлежала ни первой, ни второй, а составляла достояніе Финляндіи. Гельсингфорская газета назвала его мнѣніе гипотезой. (Helsingfors Dagblad, 1884, № 229).

529. Интересныя и своеобразныя данныя объ этомъ Галяминъ сообщаетъ К. И. Фишеръ въ своихъ запискахъ. Былъ банковый сторожъ, отставной солдатъ. Отецъ Фишера вывелъ его сына въ квартальные надзиратели. У квартальнаго родился сынъ, бойкій мальчикъ; отецъ Фишера опредѣлилъ его въ институтъ путей сообщенія. Оттуда онъ перешелъ въ колонновожатые, а въ 1822 г. сдѣлался блестящимъ полковникомъ генеральнаго штаба, любимцемъ князя Волконскаго, великосвѣтскимъ чело-вѣкомъ. Но онъ замѣшался въ исторіи 14 декабря и звѣзда его померкла. Галяминъ остался въ подозрѣніи и его перевели въ Нейшлотскій полкъ, стоявшій на Аландѣ. Прошли годы; о Галяминѣ стали напоминать Государю, но онъ слышать не хотѣлъ о немъ. Гр. Нессельроде поручилъ ему разграниченіе Финляндіи съ Норвегіей и истинная цѣна Галямина открылась.

Прошли годы; о Галяминѣ стали напоминать Государю, но онъ слышать не хотѣлъ о немъ. Въ то же время Галяминъ былъ замѣчательнымъ пейзажистомъ. Его рисунки удостоились особаго вниманія Государя и онъ былъ назначенъ директоромъ фарфороваго завода, но въ генеральный штабъ Его Величество не согласился его перевести.

300. Н. и Н. Чулковъ. Къ исторіи разграниченія Россіи съ Норвегіей за 1825—1826 г.г. По архивному дѣлу Архангельскаго Губерн-

скаго Правленія 1826 г., № 25 по 46 описи.— Это изслѣдованіе въ 1901 г. напечатано въ Арх. Губ. Вѣдомостяхъ и въ томъ-же году издано отдѣльной брошюрой въ Архангельскѣ, 47 стр. См. также Рус. Арх. за 1901 г.

531. Г. Ф. Гебель. Наша сѣверозападная окраина—Лапландія. См. также журналъ «Русское Судоходство» 1905 г.

532. См. «Сѣверъ Россіи», М. Сидоровъ, стр. 42 и «Рус. Вѣстн.» 1862 г., май, 90—91.

533. Бумаги кн. А. С. Меншикова. Французскій текстъ. Морск. Арх.

534. Тамъ-же.

535. Тамъ-же.

536. Hels. Dagblad, 18 Augusti 1884. Передовая статья.

537. Albin Cullberg. La politique du roi Oscar I pendant la guerre de Crimée. Stockholm, 1912 г., т. I.

538. Бумаги кн. А. С. Меншикова. Мор. Арх. Подлинникъ на французскомъ языкѣ.

539. Отн. Финл. Ген.-Губернат. отъ 9—21 іюля 1851 г. за № 1393 министру статсъ-секретарю.

540. Изъ французскихъ бумагъ кн. А. С. Меншикова. Мор. Арх.

541. Тамъ-же.

542. Al. Cullberg. La politique du roi Oscar I.

543. Арх. Финл. Ст.-Секрет. Всеподд. докладъ. Дѣло 1852 г., за № 234.

544. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всеподд. докладъ 1853 г., № 62.

545. Al. Cullberg. La politique du roi Oscar I, гл. I.

546. Арх. Финл. Ст.-Секрет. Всеподд. докладъ 1854 г., № 143.

547. Helsingfors Dagblad, 1884 г., № 226.

548. Helsingfors Dagblad 1884, 26 Augusti. № 231...

549. Мы пользовались слѣдующими документами Архива Финл. Статсъ-секретаріата:

1840 г. № 26 Всеподд. доклады.

1840 г. № 82 Тоже.

1840 г. Дѣло № 94, стр. 3.

1841 г. Дѣло № 27, стр. 3, 12, 18, 22, 70, 75, 98, 100, 105, 203, 243, 254, 283.

1841 г. Дѣло № 28, стр. 24, 27, 29.

1841 г. № 345 Всеподд. доклады.

1843 г. № 332. Тоже.

1852 г. № 234. Всеподд. доклады.

1853 г. № 62. Всеподд. доклады.

1854 г. № 143. Всеподд. доклады.

Бумагами кн. А. С. Меншикова, находящимися въ Архивѣ Морского Министрства въ С.-Петербургѣ. См. еще Helsingfors Dagblad 1884; 16, 17, 21 och 22 Augusti. Lappska frågan. Finnarne vid Ishafvet.

550, 551, 552, 553. Sverg. hist. 1844—1859. E. Hildebrand, 50, 52, 57, 58—59.

554. Nyaste Dagligt Allehanda 1843 г., № 131. См. приложение № 24 къ письмамъ А. Вульфберта къ кн. Меншикову и «Aftonbladet» den 8 juni. Арх. Мор. Министрства.

555. Svenska Minerva 1843, №№ 79, 81, 82; Aftonbladet, 7 okt. 1843, № 233.

556. Изъ соч. Strandberg'a «Vaticinium», въ Лундѣ.

557. Изъ г. Лунда 9 мая 1843 г.

558. «Vore» 1849, №№ 48—49, 2 дек.

559. Письмо А. Вульфберта отъ 20 іюня 2 іюля 1843 г. къ кн. Меншикову. Арх. Морск. Мин.

560. Sverg. hist. 1844—1859, af E. Hildebrand, s. 71.

VIII. Область законовъ.

561. Гр. С. Д. Толь. Массонское дѣйство, СПб. 1914.

562. Семевскій, В. И. Политич. общ. идеи декабристовъ. СПб. 1909 г., стр. 471, 483.

563. «Рус. Стар.» 1903, окт., 207.

564. Генераль Герлахъ ужиналъ (въ 1832) за однимъ столомъ съ императоромъ и императрицей, при этомъ было указано, что одинъ столъ былъ поставленъ повыше другого и добавлено: «C'est la chambre haute et la chambre basse», а Николай Павловичъ возразилъ: Ne me parlez pas ci de constitution» («Ист. Вѣст.» 1891 г., дек., 787).

565. П. де-Бургоэню «Souvenirs» d'histoire contemporaine. 1864.

566. Изъ письма къ Константину Павловичу отъ 23 іюня—5 іюля 1826 г.

567. «Рус. Стар.» 1902, іюнь, 556.

568. Рус. Арх. 1872 г., №№ 7 и 8. Записки гр. А. Д. Блудовой.

569. Маркизь де-Кюстинъ. Его книга La Russie en 1839. Напечатана въ 1842 г.

570. M. G. Schybergson. Finl. Konst. hist. 1809—1863, s. 39.

571. Проф. Э. Н. Берендтсъ. Финансовое право В. К. Финл. въ XIX ст., стр. 22.

572. Взглядъ на Финляндію 1832 г.—Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

573. См. бумаги кн. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

574 E. G. Palmen. L'oeuvre demiseculaire de la Société de Litterature finnoise—1831—1881. H-fors, 4 и 45 стр.

575. Письмо Е. Иванова 3—15 апр. 1838.

576. Арх. Финл. Ст. Секр. 1846 г., Дѣло № 70; а также Всепод. докл. 1846 г., № 201. См. еще бумаги кн. А. С. Меншикова Арх. Морск. Мин.

577. Возведены въ графское достоинство Великаго Княжества Финляндскаго:

1) Баронъ де-Геръ въ 1809 г. въ г. Борго когда былъ ландмаршаломъ сейма.

2) Баронъ Армфельтъ въ сентябрѣ 1812 года.

3) Генераль-Лейтенантъ Штейнгель тогда же.

4) Членъ Комисіи Финляндскихъ Дѣлъ Тайн. Сов. Баронъ Аминовъ въ 1819 г.

5) Членъ Финляндскаго Сената Тайн. Совѣтн. Баронъ Машергеймъ въ 1823 г.

6) Инженеръ-Генераль Баронъ Сухтеленъ въ 1823 г.

7) Бывшій Гельсингфорскій Комендантъ ген. м. Штевенъ по усыновленіи тестемъ получилъ титулъ Графа Штевена-Штейнгеля въ 1825 г.

8) Баронъ Ребиндеръ пожалованъ въ Графы при коронаціи 22 августа 1826 г. Москва.

578. Дѣла Ст. Секр. В. Кн. Финл. 1851 г., № 424.

579. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1851 г., № 424.

580. Арх. Финл. Ст. Секр. 1850 г., № 290.

Иногда трудно опредѣлить, за что давалось финляндское дворянство. Беремъ, для примѣра, формулярный списокъ б. начальника 21 пѣх. дивизіи ген.-лейт. Павла Васильевича Эггера (Арх. Фин. Ст. Секр. 1843 г., № 109). Его происхождение не обозначено. Началь онъ службу канцеляристомъ въ 1807 г. Католикъ. Женатъ на дочери Выборгскаго купца Теиса. Служилъ въ Петербургскомъ почтамтѣ. Въ Финляндіи—въ полевомъ почтамтѣ. Потомъ

переведенъ въ Финляндскій почтамтъ. Въ 1813 г. назначается въ 1-й Финляндскій Егерскій полкъ и состоялъ для порученій при гр. Штейнгелѣ. Гдѣ окончилъ курсъ неизвѣстно. Сказано лишь, что знаетъ русскую грамоту—читать и писать, французскій, нѣмецкій и шведскій языки, исторію, географію и математику знаетъ. «Въ 1843 г. просилъ съ потомствомъ причислить его къ Финляндскому дворянству. Его причислили.

581. Арх. Финл. Ст. Секр. 1831 г. Дѣло А. № 58, стр. 1.

582. «Историч. Вѣстн.» 1908, июль, 68.

583. (M. G. Schybergson. Finl. Konst. hist. 1809—1863; s. 41).

584. Арх. Финл. Ст. Секр. 1839 г., № 30.

585. Elis Furuhjelm. Finl. kulturh. 1840—1870. I, s. 31—32.

586. Арх. Финл. Ст. Секр. 1833 г., № 6, стр. 35.

587. Арх. Финл. Ст. Секр. 1834, № 31.

588. Кн. Меншиковъ, 18—30 окт. 1841 г. Л. Гартману.

589. Переписка Я. К. Грота, III, стр. 14.

590. Арх. Финл. Ст. Секр. 1831 г. Дѣло А. № 58; 1843 г. Дѣло № 139; 1854 г. Дѣло № 89. См. бумаги гр. А. А. Закревскаго и бумаги кн. А. С. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

591. Сборн. Имп. Р. Ист. Общ., т. 98.

592. О Сводѣ Законовъ В. К. Фин. 20 марта 1854 г. (№ 124, Всепод. доклады. Арх. Ст.-Сек.).—О томъ, какимъ ревизіямъ подвергнуть Сводъ.

Det nya Lagverkets historia. I. Ph. Palmen. juridiskt Album. 1862, III, s. 94.

L. Mechelin. Om lagkodifikationen i Finland.—Finsk Tidskrift 1892, November, m. XXXIII.

Издание мѣстныхъ законовъ Н. Н. Корево. Библіотска Окраинъ Россіи, № 4. Изд. Н. Д. Сергѣевского. Спб. 1907 г. См. еще предисловіе къ Общему Уложенію Финляндіи 1734 г. Н. Корево СПб. 1912 г., т. I. А также. П. М. Майкова—Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канц. 1826—1882, стр. 1906).

593. Историч. Вѣстн. 1908, июль, 69.

594. Его воспоминанія, СПб. 1887, стр. 215.

595. Арх. Финл. Ст. Секр. 1863 г. № 100.

596. Статсъ-Арх. Секретн. журн. Канц. Ген. Губ. съ 1847 г., № 849.

597. Арх. Финл. Ст. Секр. Всеподд. докладъ 1852 г., за № 235.

598. Нѣсколько словъ объ уголовномъ правѣ Финляндіи. И. Я. Фойницкаго. Т. I. 1898 г. стр. 79.

599. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

600. Нѣсколько словъ объ уголов. правѣ Финляндіи. И. Я. Фойницкій. Т. I, 1898 г., стр. 79.

601. Всеподд. докл. 30 марта—11 апрѣля 1848 г., № 1352 Статсъ-Арх. Всепод. доклады ген.-губ. Апрѣль 1847 г.

602. Изъ письма Е. В. Иванова за 1837 г.

603. Письмо 27 сент.-9 окт. 1841 г. Гартмана кн. А. С. Меншикову.

604. Статсъ-Арх. въ Гельсингфорсѣ. Всепод. доклады ген.-губернат. 1831—1845 г.г.

605. Взглядъ на Финляндію 1832 г.—Бумаги кн. А. С. Меншикова.

606. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1839 г., № 142.

607. Канц. Ген. Губ. Опись къ рук. кн. № 10, дѣло 83.

608. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докладъ. 1840 г., № 48.

IX. Пробужденіе національнаго самознанія.

609. M. G. Schybergson. Finl. konst hist. 1809—1863, s. 8—9.

610. Aug. Schauman.

611. A. Ramsay, II, 32 Från barnaår till silfverhår.—H-fors, 1906.

612. Eliel Aspelin.—Lars Stenbäck, s. 74.

Aug. Schauman. Från sex årt, I, s. 19—20.

613. Aug. Schauman. Från sex årt., s. s. 5—23.

614. A. Schauman. Nu och Förr, 1886, I, s. 2.

615. З. Топелиусъ. Сборн. его статей.

616. M. G. Schybergson. Ett minnesblad. Den 9 april 1882.

617. W. Lagus. Inb. t. Min. f. ö. E. Lönnrot, 1884, s. 2.

618. K. B. Wiklund: Om Kalevala finnarnes nationalepos och forskningarna rörande detsamma. Stockholm, 1901; dens: I kalevalafrågan: Stockholm, 1902; Kaarle Krohn: Zur Kalevalafrage, Finnischugrische

Forschungen, Anzeiger, I, 3, s. 185—210; dens.: Är Kalevala ett folkepos? Finsk Tidskrift LII, s. 231, ff.—Finsk Tidskrift 1886, XXI, s. 100. Kalevalan runojen historia—Карла Крона.

619. Книга отпечатана въ Гельсингфорсѣ и разрѣшена цензоромъ А. Мехелиномъ.

620. Журн. Мин. Народн. Просв. 1846, мартъ.

621. Переписка Я. К. Грота съ Плетневымъ, т. I, 4—6; II, 785 и 792; III, 263.

622. S. G. Elmgren. Minn.-tal ö. E. Lönnrot, s. 16.

623. S. G. Elmgren. Min.-tal ö. E. Lönnrot, s. 11.

624. Inbjudningsskrift till Kejs. Alex. Univ. i Finl.—Minnesfest öfver Elias Lönnrot, 1884, s. 1—2.—Lagus.

625. Rafael Herzberg. Ett minnesblad. 1882.

626. Альбертъ Эренштейнъ. Vossische Zeitung 1914.

Rafael Herzberg. Ett minnesblad. Den 9 april 1882.

627. Финляндія XIX ст., стр. 342.

628. S. G. Elmgren. Elias Lönnrots minne, s. 3.

См. у Ал. С. Фаминцына о томъ, что Кантеле русскій музыкальный инструментъ, а не финскій. «Гусли»—русскій народный музыкальный инструментъ. СПб. 1891, стр. 63.

629. E. G. Palmen, стр. 51.

630. О Шергенѣ см. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1855, № 4.

631. Арх. Ст.-Секрет. 1850, № 129 Переписка Я. К. Грота, I, 722.

632. Переписка Я. К. Грота I, 49.

633. Тамъ же, II, 146.

634. Тамъ же, I, 115.

635. Финляндія XIX ст., 261.

636. I. В. Снельманъ. Историко-біографич. очеркъ, составл. проф. Т. Рейномъ. Этимъ очеркомъ мы и пользовались преимущественно въ вопросахъ, касающихся Снельмана.

637. Это, несомнѣнно, мысль Снельмана, ибо впоследствии онъ путемъ прямого обращенія къ Монарху въ Тавастгусѣ осуществилъ свой давнишній планъ. См. Истор. Финляндіи. Время Александра II.

638. Должность, равнозначущая должности станового пристава.

639. Губернатора.
640. M. G. Schybergson. Fin-tidskr. 1889, s. 333—334.
641. Снельманъ, какъ и его пріятель Фр. Сигнеусъ и Л. Гартманъ, держался того воззрѣнія, что финская исторія должна быть непременно «исторіей культуры, чтобы финны могли рассчитывать на лучшее будущее. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ опасаться, какъ бы она не превратилась просто въ естественную исторію».
642. Переписка Я. К. Грота, II, 611.
643. Isänmaa—Арв. Эрнефельта.
644. См. Исторія Финляндіи. Время Александра II. М. Бородинка.
645. Z. Topelius.—Fr. Cygnaeus, 336—337.
646. Тамъ же, стр. 338.
647. E. Nervander. Finl. Kult. hist. s. 214—215.
648. S. G. Elmgren Fr. Cygnaeus minne, s. 11. Въ янв. 1866 г., Фуругельмъ сообщил Фр. Сигнеусу слова одного высокопоставленнаго лица... «чѣмъ больше даютъ финнамъ, тѣмъ они болѣе требуютъ».
649. Z. Topelius.—Fr. Cygnaeus, 332.
650. Тамъ же; стр. 335.
651. Переписка Я. К. Грота, I, 79, 476, 479; III, 481, 584.
652. Finsk Tidskrift h. VI, 1912, s. 424.
653. Эстерботническое отдѣленіе студентовъ, давшее мысль о чествованіи Портана, проявило наибольшую энергію и имѣло въ своей средѣ нѣсколько талантливыхъ представителей.—Когда кураторомъ отдѣленія состоялъ смѣлый и предприимчивый Снельманъ, онъ сдѣлалъ попытку ввести очень строгій дисциплинарный уставъ для студентовъ. Начинался уставъ оригинальнымъ параграфомъ, гласившимъ: Чтобы хорошимъ примѣромъ способствовать поднятію нравственности той корпорации, отъ членовъ которой отечество ждетъ своего будущаго благополучія, нижеподписавшіеся обязуются... Между прочимъ студенты должны были обѣщать въ теченіе академическаго курса не посѣщать трактировъ, не употреблять спиртныхъ напитковъ; въ собраніи студентовъ не допускалась картежная игра, брань и пр. Однако общими дебатами эти строгія правила были отвергнуты и молодежь не обрѣла въ себѣ мужества на подвигъ, требовавшійся уставомъ. (Eliel Aspelin.—L. Stenbäck, s. 79).

654. «Bore» 1849 г., № 48—49, 2 дек.
655. См. сборникъ эстерботнскихъ студентовъ Jaukkhainen, III.
656. Эбергартъ. Исторія шведскаго дворянства, стр. 49. На шведскомъ яз.
657. Chron. Episcop. стр. 499.
658. Åbo Tibningar 1792, № 30.
659. «Bore» 1849, 2 дек., № 48—49. «Necken» на 1849 г.

Х. Молодая Финляндія.

660. Существуетъ мнѣніе, что желаніе шведовъ вернуть Финляндію побудило ихъ главнымъ образомъ избрать въ короли Карла-Юанна, бывшаго наполеоновскаго маршала. Но онъ, обезпечивъ себя и свой родъ на шведскомъ тронѣ абоскимъ фамилінымъ договоромъ, отказался отъ притязаній на Финляндію.
661. Helsingfors Dagblad 1874 г., № 151, а также за 1879 годъ 18—26 февраля.
662. G. Heinrichus, 274.
663. Тамъ же, стр. 275.
664. Helsingfors Dagblad 1879, 18, 19, 20 och 21 Februari.
665. На нѣмецкомъ языкѣ вышли сочиненія Вассера «Союзный трактатъ между Швеціей и Россіей» и «О Боргоскомъ сеймѣ и положеніи Финляндіи 1812 г.» въ книгѣ: «Finlands Gegenwart und Zukunft. Eine Sammlung politischen Streitschriften von J. Hwasser, Pekka Kuoharinen, E. G. Geijer und Olli Kekäläinen». Aus den Schwedischen von R. съ эпиграфомъ: Die Frage ist nicht nur Schwedisch, sondern Europäisch. Stockholm, A. Bonnier 1842.—Второе изданіе 1854 г.,—Брошюры Вассера и Арвидсона были на англійскомъ языкѣ напечатаны въ Relevation of Russia of the Emperor Nicolas and his Empire. Henningsen. London 1844. (Срав. «Helsingfors Dagblad» 1879, № 50).
666. G. Heinrichus, стр. 270.
667. Das enthüllte Russland oder Kaiser Nicolaus und sein Reich. стр. 208—236. Nach dem englischen Originalwerk Revelations of Russia, bearbeitet von Adolph Heller. Zweiter Theil. 1845.
668. Въ наше время сами финляндцы не разъ заявляли, что ихъ участь будетъ рѣшена въ связи съ событіями другихъ частей Европы или Азіи.
669. Om Finlands verldsställning och framtid.

670. G. Heinrichius, 287.
 671. G. Heinrichius. Fin. Tidskr. 1906, I, s. 39—40.
 672. G. Heinrichius. Fin. Tidskr. 1906, I, s. 46—47.
 673. G. Heinrichius. Fin. Tidskr. 1906, I, s. 47—50.
 674. Исторія Вебера, перев. Корня, III, 257.
 675. П. Нечаевъ. Піэтизмъ и его историческое значеніе. М. 1873 г.
 676. Några blad ur den finska pietismens historia af J. A. Cederberg. H—fors. 1891, Взглядъ на Финляндію 1832 г.
 677. Переписка Я. К. Грота, II, 780.
 678. Письмо Е. В. Иванова къ Меншикову отъ 14—26 ноября 1834 г.
 679. Eliel Aspelin. Lars Stenbäck, s. 164—165.
 680. Finska Kyrkans historia i dess grunddrag af Elis Bergroth.
 681. J. W. Snellmans samlade arbeten, IV, 256 и слѣд.
 682. Статсъ-Арх. Всепод. доклады ген.-губерн. 1842—1845 гг.
 683. E. Aspelin. L. Stenbäck, s. 177.
 684. Eliel Aspelin. Lars Stenbäck, s. 229—230.
 685. Eliel Aspelin. Lars Stenbäck, s. 366—367.
 686. M. Akiander: Historiska upplysningar om religiösa rörelserna i Finland, del 6, 7.
 M. G. Schybergson. Finlands historia. Andra uppl. Senare delen. H—fors. 1903.
 687. Финл. XIX ст., стр. 251.
 688. Статсъ-Архивъ. Журналъ докладныхъ записокъ. А также секретный журналъ исходящихъ бумагъ Канц. Ген.-Губ. съ 1847 г., № 858.

XI. Умственная и общественная жизнь края. Гельсингфорсъ.

689. Бумаги А. А. Закревскаго. Дѣло подъ № 612.
 690. Бумаги А. А. Закревскаго 1828 г., № 60.
 691. Изъ бумагъ кн. А. С. Меншикова въ Морск. Арх.
 692. Valfrid Vasenius. — Zacharias Topelius. s. 196.
 693. Тамъ-же, стр. 312.
 694. Тамъ-же, стр. 300—306.

695. A. Ramsay. Barn.-silfverh. I, s. 87—88.
 696. Кн. Эм. Голицынъ, I, 314 (франц. изданіе).
 697. Финляндія XIX ст., стр. 194.
 698. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 166—167.
 699. Статсъ-Арх. Журн. всепод. доклады ген.-губ. 1845—1846 гг., № 441.
 700. Финляндія XIX ст., стр. 195.
 701. Тамъ-же, стр. 195.
 702. Арх. Финл. ст.-секрет. 1843 г., Дѣло № 30, стр. 3.
 703. Арх. Финл. ст.-секрет. Всепод. докладъ 1853 г., № 407.
 704. Арх. Финл. ст.-секрет. Дѣло 1850 г., № 406, стр. 5.
 705. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 133—135.
 706. «Вѣстн. Евр.», мартъ, 1899 г., стр. 104.
 707. Я. К. Гротъ. Изъ Скандинавскаго и финскаго міра, I, стр. 233.
 Депутатомъ отъ Петербургскаго университета прибылъ ректоръ Плетневъ, отъ академіи наукъ—Фуссъ и финнъ Шегренъ, отъ дерптскаго университета—профессора Эрдманъ и Преллеръ. Гостями прибыли академикъ Ленцъ, русскій публицистъ Фаддей Булгаринъ, ст. сов. Максимовичъ, фонтъ-Тисъ, оріенталистъ проф. Ант. Ос. Мухлинскій,—и еще нѣкоторые молодые русскіе литераторы, какъ, напримѣръ, кн. Одоевскій, камеръ-юнкеръ графъ Соллогубъ, надворный совѣтникъ Я. Гротъ и др. Изъ финляндскихъ гостей прежде всего надо отмѣтить и. д. канцлера университета графа Ребиндера. Украшеніемъ праздника явились еще лекторъ Юганъ Людвигъ Рунебергъ изъ Борго и провинціальный врачъ Эліасъ Ленротъ изъ Каяны.

На торжество отправился еще Ал. Дан. Шумахеръ. На одномъ пароходѣ съ нимъ изъ Выборга ѣхалъ извѣстный профессоръ московскаго университета Николай Ивановичъ Крыловъ, пожелавшій также присутствовать на юбилей. Изъ русскихъ университетовъ только петербургскій и дерптскій послали депутатовъ, каждый двухъ профессоровъ и двухъ студентовъ; московскій университетъ никакой депутаціи не отправилъ, почему Крыловъ и Шумахеръ пріѣхали частными лицами. Крыловъ, переночевавъ на пароходѣ и не найдя для себя помѣщенія въ городѣ,

выѣхаль обратно (Вѣстн. Евр. 1899, мартъ, стр. 102.)

708. Письмо кн. Меншикова отъ 29 мая—10 июня 1840.

709. J. Aho. En ideernas man. s. 27.

710. Aug. Schauman. Från sex årt. s. 415—148.

711. См. отчеты о состояніи Имп. С.-Петербургскаго университета, составленные ректоромъ его П. Плетневымъ. СПб. 1845 г., I, 306.

712. Åbo Under. 1824—1850. H—fors, I-s., I, ss. 233, 234, 241, 244—245.

713. Труды Грота, I, 168—177.

714. Какъ на отголосокъ юбилейныхъ торжествъ можно указать еще на латинскіе стихи Х. Фр. Вальтера. Онъ былъ гостемъ на юбилей и почтилъ его своимъ вдохновеніемъ. Въ своихъ стихахъ онъ говоритъ о разныхъ предметахъ, но менѣе всего объ университетѣ. Стихи выпрѣенія и переполнены мифологіей. Тутъ и сіяніе Феба, и дуновение зефировъ, и дождь Юпитера... По словамъ поэта, вся Финляндія по своимъ милымъ деревнямъ блестяла убранствомъ. Онъ привѣтствуетъ дорогую ему землю, трудолюбивый народъ, «не знающій обмана». Онъ вспоминаетъ божественную душу Христины, основательницы университета. Онъ восхваляетъ, какъ покровителей, высокихъ правителей: кн. Меншикова, гр. Ребиндера, генерала Теслева. Ученыхъ мужей академіи онъ воспѣть не дерзнулъ. Вспоминаетъ «вѣчной похвалою» Браге, Ротовіуса, Портана, Якова Тенгстрема, Калоніуса и Францена. «Они заслужили быть воспѣтыми на золотой киеарѣ». И, наконецъ, онъ восклицаетъ: Да здравствуетъ Николай I, его супруга, его дорогая дочь—«наша блестящая юная звѣзда», и предлагаетъ русскимъ воскурить «богамъ благовонія». Таково главное содержаніе произведенія Вальтера по переводу Дм. Ник. Сергѣевского, коимъ мы пользовались.

Въ 1844 г. Кенигсбергскій университетъ пригласилъ университетъ Финляндіи принять участіе въ своемъ трехсотлѣтнемъ юбилей. Въ 1835 г. на Московскомъ университетскомъ юбилей представителемъ Финляндіи былъ Сигнеусъ.

715. Переписка Я. К. Грота, I, 64.

716. Aug. Schauman. Från sed årt. I, s. 203. G. Heinrichius. Finsk Tidskrift 1912, h. I—II, s. 72 и 77, 78.

717. Переписка по университету 28 янв. 1844 года, № 11. А также Переписка Я. К. Грота, II, стр. 879.

G. Heinrichius. Finsk Tidskr. 1912, h. I—II, s. 76—77.

718. Письма Армфельта отъ 31 янв. 1846 г.

G. Heinrichius. Fin. Tidskr. 1912, s. 91.

719. Письмо Маннергейма къ Бломквисту отъ 19 марта 1845 г. G. Heinrichius.

720. G. Heinrichius. Finsk. Tidskr. 1912, I—II, ss. 71, 73, 74, 90, 91, 93.

721. Переписка Я. К. Грота, I, 244.

722. 2 мая 1841 г. Арх. Финл. Ст.-Секрет. Дѣла университета. Литинская программа. Мы пользовались переводомъ Д. Н. Сергѣевского.

723. Дѣло кн. Меншикова, № 218, л. 2—Арх. Морск. Мин.

724. Передъ уходомъ онъ сказалъ гг. профессорамъ: «J'ai attendu avec impatience et depuis longtemps ce plaisir que j'ai eu aujourd'hui. Je regarde comme un honneur particulier d'avoir pris part à votre session. J'entends de tous côtés combien votre Université est digne d'égards et elle m'est d'autant plus chère, que Mon Père en a été le Chancelier. J'espère de trouver en vous aussi à l'avenir des personnes, qui rempliront leurs devoirs aussi consciencieusement et avec le même zèle que jusqu'à présent. J'espère que je ne suis pas pour la dernière fois parmi vous».

725. Переписка Я. К. Грота; I, 545.

726. Aug. Schauman.

727. Норденстамъ, переходя на службу въ Финляндію, поставилъ условіемъ, чтобы онъ получалъ не менѣе 20 т. р. ассигн., и чтобы ему уплатили расходы по устройству. Поэтому его одновременно устроили губернаторомъ и вице-канцлеромъ. (Письмо кн. Меншикова къ А. Армфельту 20 марта 1847 г.).

728. Маннергеймъ. Письмо его отъ 5 ноября 1847 г.

729. Писалъ Бломквистъ академику Шегрену 25 дек. 1847 г.

730. 27 дек. 1847 г. G. Heinrichius.—Im. Hmon, s. 240.

731. Переписка Грота и Плетнева, III, 429.

732. Aug. Schauman. Från sex årt. I, 366—367.

Рѣчь Норденстама:—Исполнивъ столь пріятное порученіе, я долженъ познакомить васъ сколько-нибудь съ моимъ образомъ

мыслей и моими правилами. Около 25 лѣтъ я провелъ внѣ Финляндіи; во все это время бывалъ здѣсь рѣдко и то только на самое короткое время. Поэтому не удивительно было-бы, еслибѣ нѣкоторые изъ васъ смотрѣли на меня, какъ на чужого. Со времени моей молодости положеніе дѣла въ Финляндіи такъ перемѣнилось, что я самъ многого не узнаю въ ней; воспоминаній и связей у меня здѣсь мало. Но во мнѣ есть одно, что еще тѣсно связываетъ меня съ Финляндіей: это господствующая черта финскаго характера—любовь къ родной землѣ.

(Переписка Я. Грота, III, 164).

733. См. арх. Ст.-Секрет.—Канцелярскія дѣла.

734. Переписка Я. К. Грота, III, 404—410.

735. Тамъ-же; III, 414.

736. Aug. Schauman. Från sex årt., s. 367—369.

737. За гельсингфорскій періодъ студенты справляли маевку въ 1832 г. въ Серенсѣ и въ 1834 и 1836 гг. въ Гумтектѣ.

738. Finlands kulturhistoria, s. 386—387.

739. Z. Topelius.—Fr. Cygnaeus, s. 340.

740. Переписка Я. Грота; III, 233—234.

741. Тамъ-же, III, 239.

742. Тамъ-же, III, 247.

743. Z. Topelius. — Fr. Cygnaeus, 341.

744. Z. Topelius, Fr. Cygnaeus, 341—342.

745. Z. Topelius.—Fr. Cygnaeus, s. 342.

746. Z. Topelius. Fr. Cygnaeus, 342—343

747. E. Nervander. Finl. kult. hist., s. 391.

748. Осенью 1843 года они производили денежный сборъ на сооруженіе музея античныхъ искусствъ при университетѣ.

749. Aug. Schauman. Från sex århund., I, 378. Дѣла кн. Меншикова, № 269 въ Морскомъ архивѣ.

750. Статсъ-Арх. Журн. исходящихъ бумагъ Канц. ген.-губ. съ 1847 г., № 723.

751. Дѣло кн. Меншикова, № 269. Морской арх. въ Петербургѣ.

752. G. Heinrichius. Im. Imoni, s. 242—243.

753. Письмо отъ 18—30 марта 1850 г. Арх. Финл. Ст.-Секр.

754. Доклады по университету. Арх. Ст.-Секр.

755. G. Heinrichius. Im. Imoni, s. 243.

756. Тамъ-же, стр. 245—246.

757. E. Nervander. Finl. Kult. his., s. 145.

758. Класа Норденгейма отъ 12 февр. 1851 г.

759. G. Heinrichius. Im. Imoni, s. 248—249

760. Переписка Я. К. Грота; III, 531.

761. E. Nervander. Finl. Kult. hist., s. 156.

762. Просьба Норденстама о прощеніи студентовъ 24 февр. 1851 г. была написана по-шведски. Eders Kejsersliga Höghet vårdes för denna gång och med Nådigt afseende å desse omständigheter af Gunst och Nåd tillgifva dem detta deras förfälande, dock sålunda.

763. Переписка Я. К. Грота, т. III, стр. 538; а также E. Nervander, Finl. kult. hist., s. 158—159.

764. E. Nervander, Finl. kult. hist., s. 156—157.

765. G. Heinrichius. Imoni, s. 251.

766. Переписка Я. Грота; III, 538.

767. G. Heinrichius. Im. Imoni, s. 252—253.

768. «Рус. Старина», 1908 г., августъ, стр. 349. Поѣздка въ Стокгольмъ въ 1838 г.,

769. Aug. Schauman. Fögg och Nu, 1886, I, s. 44.

770. Графу А. Закревскому подавались подробные отчеты и записки о ходѣ работъ по устройству Гельсингфорса.

771. Кн. П. А. Вяземскій.

772. Арх. Финл., Ст.-Секр. Дѣло 1829 г., А. № 6, стр. 1 и др.

773. Письмо къ Фальку 19 ноября 1827 г. Бумаги А. А. Закревскаго.

774. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго. Дѣло № 128, 1825 г.

775. Статсъ-Арх. Журналъ докладовъ ген.-губ. съ 1851 г.

776. Арх. Финл. Ст. Секр. 1851 г. 6 июня № 247.

777, 778. Пропускаются.

779. Арх. гр. А. М. Закревскаго, № 665. 1827 г.

780. Канц. Ген.-Губерн. Дѣла къ руководству кн. № 20, дѣло № 192, № 516, 3—15 марта 1839 г.

781. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. 1837 г., № 107.

782. Арх. Финл. Ст. Секр. 1841 г., Дѣло № 4, стр. 4.

783. A. Ramsay, II, 7.

784. Арх. Финл. Ст. Секр. 1837, Дѣло № 36, стр. 12.

785. «Helsingfors Morgonblad», 16 okt. 1843.

786. Общую картину можно дополнить слѣдующимъ штрихомъ: Я пошелъ гулять,—

лишетъ Гротъ,—и видѣлъ ужасные слѣды волковъ, которые въ предыдущую ночь поѣтили Гельсингфорсъ. Въ одномъ переулкѣ близъ Mariégatan они съѣли огромную собаку, отъ которой остались два куска переднихъ ногъ, лежавшихъ въ снѣгу. (Т. II, стр. 206).

787. Писатели и ученые составили особую группу съ близкими взаимными сношеніями. Они собирались преимущественно около проф. I. I. Тенгстрема. (M. G. Schybergson. Finl. Konst. hist., s. 31).

788. A. Ramsay. Barnaår-silfvh., I, 156—157.

789. Aug. Schauman. Förr och Nu; II, 135.

790. A. Ramsay; II, 57 и 60.

791. Переписка Я. К. Грота. II, 236.

792. Входъ въ прихожую частныхъ квартиръ во время баловъ освѣщали иногда большимъ количествомъ плашекъ. На пещкѣ, по карнизу, горѣло масло въ разноцвѣтныхъ стаканчикахъ.

793. Слава Николаю слава.

Великому, счастливому, благополучному,
Отцу подданныхъ, слава!

Куда-бы власть твоя не простерлась,
Ты встрѣтишь благосклонность народовъ
Для тебя сердце каждаго бьется
Во дворцахъ и хижинахъ.

Ты наша надежда, наше утѣшеніе,
Для тебя въ наши вѣрныя сердца
Затаили любовь;

Ты станешь нашимъ щитомъ, нашей
силой,

Ты стражъ нашихъ хижинъ,

Ты—память нашего забытаго края.

Надежда и радость разсвѣтаютъ,

Нужда и темнота исчезаютъ

При одномъ твоёмъ взорѣ.

Подъ защитой твоего скипетра

Стоять миръ и общественное благонравіе

На стражѣ нашей страны,

Закона и порядка.

Весь твой народъ видящій,

Въ тебѣ свое блаженство,

Молитъ за тебя теперь:

Слава Тебѣ, Монарху, слава!

До поздней зари Твоей жизни

Будь счастливъ, будь благополученъ!

794. Aug. Schauman. Förr Nu, III, s. 252—255.

795. О нихъ рассказываетъ Я. К. Гротъ (I, 166, 325). Изъ его описанія видно, что всѣ они устраивались по одной общепринятой программѣ.

796. Ramsay, Fr. barnaår t. silfvår s. 29.

797. Комендантъ Гельсингфорса Николай Сутгофъ писалъ 25 дек. 1827 г. А. А. Закревскому: «Театръ зданія открытъ быдъ вчера за первый разъ, дежурный плацъ-адъютантъ доложилъ мнѣ, что все тамъ было въ порядкѣ, офицеры были одѣты всѣ по формѣ. Болѣе трехсотъ любопытныхъ восхищены отъ театра» (Изъ бумагъ гр. А. Закревскаго).

Въ мартѣ того же года Сутгофъ писалъ: «за поведеніемъ сволочныхъ нашихъ актеровъ нахожу я очень нужнымъ имѣть особенный надзоръ, о чемъ и просилъ г. полиціймейстера».

798. Арх. Финл. Ст. Секр. 1828, № 127, стр. 8. Статсъ-Арх. Всепод. доклады Финл. Ген.-Губ. 1823—1830 г.г.

799. Aug. Schauman. Från sea årtiond., s. 306—307.

800. Aug. Schauman. Förr och Nu, s. 306—307.

800. Aug. Schauman. Förr och Nu, III, s. 268—269.

801. Финляндія XIX ст., стр. 399.

802. Письма Е. Иванова 13—25 окт. 1834 г.

803. Изъ писемъ Т. Турчанинова князю Меншикову отъ 23 апр. 1832 г.

804. Подл. дѣла Ген.-губ. 1832 г., кн. № 11, дѣло № 311. Статсъ-Архивъ, Bref III, 377.

805. Aug. Schauman. Från sex årt.—1850—1860, s. 36.

806. Aug. Schauman. Från sex årt., s. 287.

807. Aug. Schauman. Förr och Nu, III, s. 287.

808. Aug. Schauman. Förr och Nu. III, s. 290—291.

809. Объ оперѣ Пандіуса въ № 77 Съверной Пчелы помѣщена подробная статья. Редакція называетъ сочинителя статьи своимъ корреспондентомъ.

810. K. Flodin. Fin. Mus. revy. 1900, s. 176—177.

811. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 315.

812. Н. Путята. Июнь 1825 г. Сборникъ Щукина, стар. бумагъ, ч. V, М. 1902, стр. 418.

813. Aug. Schauman. Förr och Nu. 1886, I, s. 65—66.

814. Aug. Schauman. Från sex årt. I, 279—280.

815. Переписка Я. К. Грота; III, 282.

816. Отеч. Зап. 1849, LXVII, 228.

817. Я. К. Гротъ.

818. Отеч. Зап. 1849, LXVII, А. Миллюкова стр. 226, 229 и др.

819. Эскизы Финляндии—гр. Данилевскаго. СПб. 1848 г.

820. Aug. Ramsay, II, 63.

821. Основанный масономъ Гранатенъильмомъ, безыменная могила котораго известна всѣмъ посѣтителемъ парка; но названіе свое паркъ получилъ отъ первой владѣтельницы ресторана Кайса Валлундъ.

ХII. Галлерей дѣятелей.—политическое настроеніе финляндцевъ.—1848 годъ.

822. Письма Л. Г. Гартмана И. П. Винтеру 16 янв. 1826 г.

823. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

824. Тамъ-же.

825. Rob. Castren. Skildringar. s. 320.

826. Взглядъ на Финляндію 1832. Изъ бумагъ кн. Меншикова Арх. Морск. мин.

827. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. докл. 1852 г., №27.

828. См. бумаги кн. А. Меншикова. Арх. Морск. мин.

829. Тамъ-же; письма безъ даты.

830. Письма гр. Ребиндера 17—29 апр. 1832 г., 14 дек. 1841 г.

831. Записка къ кн. Меншикову 25 мая 1835 г.

832. Къ кн. Меншикову 6 дек. 1832 г.

833. Письмо отъ 10—22 марта 1835 г.

834. Историч. Вѣстн. 1908, ноябрь, 437.

835. Арх. Финл. Ст. Секр. 1832 г., А. № 43а.

836. Арх. Финл. Ст. Секр. 1837 г., № 5.

837. Переписка Я. К. Грота; I, 80 и 164.

838. Тамъ-же; I, 196.

839. Гр. Ребиндеръ часто пріѣзжалъ въ Або, около котораго находилось его имѣніе. Жители города устроивали ему обѣды и вечера. Въ октябрѣ 1837 г. отнеслись особенно подобострастно къ нему и

графинѣ. «При прощаніи съ нею, пристѣдали почти до земли, цѣловали руки, плечи, даже полы платья ея. Генер. Сверчковъ, давно живущій въ Финляндіи, говоритъ: въ первый еще разъ видѣлъ такое подобострастіе въ финляндцахъ». (Е. Ивановъ).

840. Арх. Финл. Ст. Секр. 1841 г. Всепод. доклады.

841. Переписка Я. К. Грота; I, 266.

842. Тамъ-же; I, 286.

843. Въ память Ребиндера выбита медаль: 5 золотыхъ и 1360 серебряныхъ и бронзовыхъ. Медальеръ проф. Уткисъ. (Арх. Финл. Ст. Секр. 1844 г., № 63).

Библиотеку гр. Ребиндера пріобрѣли для университета за 10.000 р. сер., а деньги пошли на стипендіи его имени.

844. Переписка Я. К. Грота; I, 259.

845. Тамъ-же; III, 192.

846. См. всепод. доклады 1841 г. Арх. Финл. Ст. Секр.

847. Изъ письма К. И. Фишера отъ 28 янв. 1854 г.

848. Всепод. докл. 1841 г.

849. 21 февраля 1855 г. на долю гр. А. Армфельта выпало донести государю, что служащіе въ статсъ-секретаріатѣ В. К. Финляндскаго принесли присягу на вѣрно-подданство «Вашему Императорскому Величеству и Наслѣднику Престола Вашего Императорскаго Величества».

850. См. Рус. біографич. словарь; записки К. И. Фишера въ Историч. Вѣстникѣ 1908 г.—Finsk biografisk handbok. I. Carpelan. H. fors, 1903.

851. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1855 г. № 2, стр. 5.

Историч. Вѣстн. 1908, июль 70.

852. Aug. Schauman. Från sex årtionden, II, 53.—Th. Rein—I. I. Snellman, II, 11.—Strodda skrifter af J. V. Snellman, 417; Georg Schauman. Kulturhist. upps. Stockholm, 1912; 207.

853. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 190—191.

854. Z. Topelius. Porthansfesten 1839.

855. Переписка Я. К. Грота; I, 29.

856. Z. Topelius. Porthansfesten 1839.

857. Тамъ-же.

858. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 192.

859. Переписка Я. К. Грота; III, 157.

860. Тамъ-же; III, 163.

861. Я. К. Гротъ. Переписка, III, 198, 202, 207, 249 и 326.

Aug. Schauman, ss. 30—31.

862. Арх. III Отд. Собст. Е. И. В. Канц. 1830 г., № 407.

863. Полк. Вульффертъ 1-й. Арх. III Отд. Соб. Е. И. В. Канц. 1830 г., № 418.

864. Арх. III Отд. 1831 г., № 460.

865. Статъ-Арх. Всепод. доклады Ген.-Губ. 1830—1831 г.г.

866. См. Секр. журналъ за 1831 г., № 1 Канц. Ген.-Губ. Журналъ секретныхъ дѣлъ указываетъ на существованіе подобнаго дѣла, но секретныя дѣла за извѣстный періодъ были временно гр. Ф. Ф. Бергомъ пересланы къ К. И. Фишеру въ Петербургъ и болѣе въ Гельсингфорсъ не возвращались.

867. Доносилъ 1 сент. 1831 г. Вульффертъ гр. Бенкендорфу.—Арх. III отд. Собст. Е. И. Канц. 1830 г., № 407.

868. Арх. III Отд. Собст. Е. И. В. Канц. 1830 г., № 407.

869. Арх. Мор. Мин. Дѣло кн. Меншикова 1831 г., № 152, лл. 3 и 8.

870. Статъ-Арх. Всепод. доклады финл. ген.-губерн. 1830—1831 г.г.

871. Когда Фр. Сигнеусъ въ 1831 г. проѣздомъ въ Англію нѣсколько времени оставался въ Упсалѣ, то онъ получилъ предупрежденіе долѣе не оставаться въ Швеции, гдѣ симпатіи къ Польшѣ были слишкомъ горячи. (См. Е. Nervander, Minne af Fr. Cygnaeus, s. 85, а также: Eliel Aspelin. Lars Stenbäck, s. 68 Примѣч.).

872. Арх. III Отд. Собст. Е. И. В. Канц., 1833 г., № 110. Арх. Ст. Секрет. 1833, Дѣло № 116, стр. 7.

873. Регекампфъ. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Минист. 8 дек. 1844 г. Гельсингфорсъ.

874. Статъ-Арх. Журналъ Секретныхъ Исход. бумагъ Канц. Финл. Ген.-Губерн. за 1847 г.

875. Къ событіямъ 1848 г. приурочена мало распространенная легенда, которую фантазія поэта облекла въ слѣдующую форму. Государь въ Петербургѣ совѣщался съ своими министрами.—Николай Павловичъ былъ гнѣвенъ. Обращаясь къ гр. А. Армфельту, онъ спросилъ; полагаетъ ли также Финляндія произвести возстаніе? Взоръ его металъ молніи, но графъ стоялъ спокоенъ, какъ сосна. «Если-бы даже Ваше Величество повелѣли произвести возстаніе, и въ такомъ случаѣ ея провоздѣй-

ствовалъ-бы законъ Финляндіи. Молча поднялся Монархъ, грудь его высоко дышала; онъ положилъ свою царственную руку на плечо графа. Молнія погасла въ его взорѣ: ее смѣнила слеза.

(«Finsk Tidskrift, 1878, april, s. 293).

876. Статъ-Арх. Всепод. доклады ген.-губерн. 1847—1851 г.г.

877. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1848 г., № 499; 1849 г., № 182, Дѣло 1849 г., № 16, стр. 1.

878. Слова профессора Эстландера.

879. Изъ бумагъ проф. Конст. Як. Грота.

880. J. Aho. En ideernas man, s. 108.

881. Тамъ-же; стр. 99—100.

882. C. Bååth-Holmbberg, s. 25.

XIII. Русско-финляндскія отношенія.

883. Переписка Я. К. Грота; I, 486 III, 435.

884. Въ Абоской и Вазаской губ. по 15 ч., Улеаборгской—4, въ Гельсингфорсъ—108.... Выборгской—217.

885. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1849 г., № 412, стр. 9.

886. Переписка Я. К. Грота; III, 811.

887. Тамъ-же; III, 511.

888. Правосл. Церковь въ Финляндіи, СПб. 1893 г., стр. 38.

889. См. §§ 5—7 закона 25 ноября 1826 г.

890. К. Ф. Ординъ, II, стр. 175; Castren, s. 35.

891. Изъ бумагъ А. А. Закревскаго.

892. Статъ-Арх. Подлин. дѣла Ген.-Губ. 1825 г., кн. 9, д. № 174.

893. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

894. Собраніе постановленій Финл., I, стр. 149, № 668.

895. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1842 г., № 69; Канц. Ген.-Губ. къ руков., кн. № 14, д. № 130.

896. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1852 г., № 27.

897. Арх. Финл. Секр. 1839 г., Дѣло № 46, стр. 5.

898. Арх. Финл. Ст. Секр. Всепод. доклады 1838 г., № 116.

899. Канц. Финл. Ген.-Губ. Опись къ руководству. Кн. 2, дѣло № 20.—Арх. Финл. Ст. Секр. А. № 39, 1831 г.

900. Канц. Ген.-Губ. № 1249. Подл. дѣла 1835 г., кн. 13, дѣло № 126, ч. III.

901. Военные крайне рѣдко просили о припискѣ по Финляндіи. Въ 1840 г. просилъ ген.-м. М. Соловьевъ.

902. До какой степени даже гг. дипломаты бывали иногда небрежны въ терминологіи видно изъ того, что баронъ Пальмшерн писалъ о «лапландскихъ подданныхъ».

Дѣло Ст.-Секр. 1841, № 27, письмо барона отъ 15—27 дек. 1833 года.

903. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. доклады. 1832 г., № 134.

904. Такихъ докладовъ много. Арх. Ст.-Секр. Всепод. доклады 1833 г., № 122 (по архиву).

905. Собраніе постан. Финл., III, стр. 18, № 447.

906. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. доклады 1851 г., № 38; Ст. Арх. Выс. пов. 1852—1854 г.г., стр. 36.

907. Переписка Я. К. Грота; I, 88; III, 378.

Эманъ (I. E. Öhman), лекторъ исторіи въ гимназій въ Борго и издатель газеты «Борго», въ которой ревностно служилъ сближенію финляндцевъ съ русскими на почвѣ литературы и культурной жизни. (Переписка I; 668).

908. Переписка Я. К. Грота; III, 376.

909. Тамъ-же; II, 630.

910. Тамъ-же; III, 227.

911. Тамъ-же; III, 227.

912. Тамъ-же; I, 106.

913. Тамъ-же; III, 227.

914. Тамъ-же; I, 693.

915. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. доклады 1839 г. А. № 239.

916. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1843 г., № 36; 1845 г., № 45а.

917. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1849 г., № 39.

918. Письмо къ Закревскому отъ 25 марта 1824 г.

919. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1851 г., № 526.

920. Комендантъ г. Або П. Турчаниновъ. Письмо 14 мая 1831 г.

921. Изъ бумагъ кн. А. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

922. Письмо Е. В. Иванова 28 ноября—10 дек. 1834 г.

923. Тамъ-же;

924. Тамъ-же; письмо 12—24 дек. 1834 г.

925. Abo Underr. 1824—1850. H—fors, I, s. 168—170. Стихи въ переводѣ кн. Д. П. Голицына-Муравлина.

926. Зачеркнуть.

927. Изъ бумагъ гр. А. Закревскаго.

928. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1832 г., А. № 43а.

929. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1833 г., Дѣло № 116, стр. 8.

930. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1855 г., № 2, стр. 6.

931. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1833 г., Дѣло № 79, стр. 1.

932. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1833 г., Дѣло № 105, стр. 1.

933. Письмо Е. Иванова, май 1836 г.

934. Переписка Я. К. Грота; II, 486 и 489.

935. Письмо Е. В. Иванова, 12—24 дек. 1834 г.

936. (Åbo Und. 1824—1850. H—fors, I, s. 168—169.)

937. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго. Дѣло № 74—1827 г. Статсъ-Арх. Всепод. доклады ген.-губ. 1823—1830 г.г.

938. Письмо А. Бенкендорфа, 12 апр. 1827 г., № 651.

939. Е. Ивановъ, мартъ 1835.

940. Е. Ивановъ, 13—25 февр. 1835 г.

941. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1834 г., Дѣло № 17, стр. 11.

942. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1834 г., дѣло № 30, стр. 1.

943. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

944. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго. 30 дек. 1828 г.,—11 янв. 1829 г.

945. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1830 г., А. № 52, стр. 1.

946. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1831 г., А. № 47.

947. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1837, Дѣло № 35.

948. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1852 г., № 20.

949. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1850 г., № 448.

950. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1846, № 406, стр. 24.

951. Статсъ-Арх. Подлин. дѣла Ген.-Губ. 1824 г., кн. 20, д. № 812.

952. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1848 г., № 487;—1847 г., № 72;—1831 г., № 33; Ст.-Арх. Рескриптъ Ген.-Губ.—1847 г.

953. Такъ поясняетъ ген.-м. Тимченко-Рубанъ. По другимъ документамъ Шлоссъ былъ переданъ въ вѣдѣніе Финляндскаго

управленія. См. Журн. Петербург. Канцелярія Финляндскаго Генер.-Губернатора—10 марта, № 1344 и № 839.

954. Кн. Меншиковъ. Отчетъ 19—13 декабря 1844 г.

955. Е. Ивановъ, 18—30 дек. 1835 г.

956. Тамъ-же, 8—20 апр. 1836 г.

957. Тамъ-же, апр. 1836 г.

958. О. Булгаринъ. Лѣтняя поѣздка по Швеции и Финляндіи 1838 г.

959. Боратынскій ожилъ, благодаря жизни въ Гельсингфорсѣ, увлеченію А. О. Закревской и надеждѣ на выходъ изъ подневольнаго состоянія. Рус. Стар. 1914 г., май, 382.

960. Переписка Я. К. Грота; II, 97, 762 и 815.

961. Тамъ-же; II, 794.

962. Тамъ-же; III, 253.

963. Тамъ-же; I, 62.

964. Тамъ-же; I, 212.

965. Тамъ-же; I, 591.

966. Тамъ-же; III, 536.

967. Тамъ-же; I, 319.

968. Тамъ-же; I, 322—323.

969. Тамъ-же; I, 342.

970. Тамъ-же; I, 342.

971. Тамъ-же; I, 327.

972. Тамъ-же; I, 334.

973. Тамъ-же; I, 334.

974. Тамъ-же; I, 327.

975. Тамъ-же; I, 328.

976. Тамъ-же; I, 329.

977. Тамъ-же; I, 334.

978. Тамъ-же; I, 588.

979. Тамъ-же; I, 389.

980. Тамъ-же; I, 392.

981. Тамъ-же; I, 392.

982. Тамъ-же; I, 397.

983. Тамъ-же; I, 440.

984. Förrh. och Uppsatser, 25, 1911 г., s. 157—167.

985. Переписка Я. К. Грота; I, 37.

986. Тамъ-же; II, 642.

987. Тамъ-же; I, 30.

988. Тамъ-же; I, 61.

989. Тамъ-же; II, 647.

990. Тамъ-же; II, 696.

991. Тамъ-же; I, 213.

992. Статсъ-Арх. Подл. дѣла Ген.-Губ. 1827, кн. 5, д. № 52.

993. Изъ бумагъ гр. А. Закревскаго.

994. Копія письма безъ даты. Изъ бумагъ профессора Конст. Яков. Грота.

995. Тамъ-же.

996. Сборн. постан. Финлянд. II, 212.

997. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1844 г., дѣло № 41, стр. 5; дѣло № 42, стр. 1—3, № 103, стр. 9.

998. «Русскій языкъ въ Финляндіи». Историческій очеркъ. М. М. Бородинка. СПб. 1899 г., стр. 7.

999. Åbo Underrätt. 1824—1850. H. I—s. I, s. 265. См. еще: Вопросы дня 1870 г. СПб. 1914, стр. 11, примѣч.

1000. Воспом. Авг. Шаумана; ч. IV, стр. 357.

1001. Переписка Я. К. Грота; I, 309.

1002. Тамъ-же; I, 694.

1003. Ст.-Арх.—Пов. 1847 г.—1849, стр. 16 Подл. д. Канц. Ген.-Губ. 1848 г., кн. 5, д. 28. Ст.-Арх. Выс. пов. 1843—46 г.г.; 1846 г., стр. 26.—Ст.-Арх. Подл. рескрипты. № 45—5. В. Д.

1004. Переписка Я. К. Грота; I, 77.

1005. Въ 1847 г. попечитель Московскаго учебнаго округа, гр. Строгановъ, просилъ, чтобы финскимъ студентамъ, прибѣжающимъ въ Москву для изученія русскаго языка, вмѣнили въ обязанность извѣстные правила.

1006. E. Nervander. Strödda uppsatser. s.s. 86—87.

1007. Переписка Я. К. Грота; II, 620.

1008. Тамъ-же; I, 125.

1009. Тамъ-же; II, 460.

1010. Aug. Schauman. Från sex årt., I, 360—361.

1011. Переписка Я. К. Грота; II, 705.

1012. Тамъ-же; II, 928.

1013. Тамъ-же; II, 936.—Перечень статей Я. К. Грота см.: «Финляндія въ рус. печати». Матеріалы для библиографіи. М. Бородинка. СПб. 1912 г., стр. 72 и слѣд. Товарищъ министра Ст.-Секр. Каз. Пальмротъ въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ. Въ 40-хъ годахъ рус. яз. считался обязательнымъ и ему не обучались. Благодаря Барановскому, онъ пересталъ быть обязательнымъ и его все-таки не изучали.

XIV Печать и цензура. Борьба за финскій языкъ.

1014. Förrh och Nu, s. 383, Aug. Schauman.

1015. Переписка Я. К. Грота; II, 206.

1016. Topellius. 1818—1888, s. 38—42.

1017. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 58. Журн. Мин. Нар. Просв. 1836 г.

сент.; статья помощника бібліотекаря Александровскаго университета І. Э. Эмана.

1018. Переписка Я. К. Грота; II, 205.

1019. Åbo Underrättelser, 4 марта 1848 г., № 18.

1020. Переписка Я. К. Грота; III, 59.

1021. A. Ramsay, II, 23—25.

1022. Aug. Schauman. Från sex årt. I, s.s. 48—49, 51—59 и 226—245; Его-же: Förr och Nu, 1886, h. V—A. Ramsay.—Från barn. till silfv. II, 23—25, 126—129.

1023. Изъ бумагъ гр. А. Закревскаго. Въ освѣщеніи К. Фишера, дѣло происходило такъ: Закревскій занимался выкрадываніемъ изъ бібліотеки Валлена запрещенныхъ книгъ и масонскихъ знаковъ. Истор. Вѣстн. 1908, июль, стр. 53.

1024. Отношен. Финл. Генер.-Губ. отъ 24 сен. 1826 г. № 3173.

1025. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго. Отнош. 4 апр. 1829 г. за № 1048.

1026. Plac. V, p. 508; Собр. Постановл. Финл. т. I, стр. 207, № 82.

1027. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. докл. 1846 г., № 104.

1028. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1845. Дѣло № 77, стр. 9.

1029. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1847 г., Всепод. доклады, № 35; 1847 г., № 12, стр. 1—4.

1030. 2—14 июня 1846 г. Статсъ-Арх. Изъ бумагъ историка Кастрена.

1031. Арх. Ст.-Секр. 1831 г., А. № 31.

1032. Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. докл. 1847 г., № 84.

1033. Записки А. В. Никитенки, I, 417.

1034. Всепод. Докл. 4—16 янв. 1849 г., Арх. Финл. Ст.-Секр.

1035. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1852 г. № 28, стр. 1.

1036. Въ прибавленіи къ Стокгольмской «Dagligt Allehanda» февр. 1833 г.

1037. Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго. Февр. 1831 г.

1038. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1832 г., № 20; 1833 г., № 43.

1039. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1836 г. Дѣло № 24, стр. 2.

1040. Всепод. Докл. 22 мая 1834 г., № 67. Арх. Финл. Ст.-Секр., по университету.

1041. Въ Nyjaste Dagligt Allehanda 1842 г., № 255.

1042. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1853 г. № 49, стр. 62—63. Дѣло 1852 г., № 58, стр. 111 и 114.

1043. Арх. Ст.-Секр. 1854 г. № 392.

1044. Статсъ-Арх. Журн. докладовъ Ген.-Губ. съ 1851.

1045. Åbo Underrät 1824—1850. H. I—s., I, 231.

1046. Åbo Underrät. 1824—1850. H. I—s., I, s. 269.

1047. Статсъ-Арх. Высоч. повел. 1843—1846 г.г.; 1846, стр. 21.

1048. Статсъ-Арх. Изъ бумагъ историка Р. Кастрена.

1049. Aug. Schauman. Från sex årt., I, s. 349—350.

1050. Изъ бумагъ кн. А. С. Меншикова. Арх. Морск. Мин.

1051. Статсъ-Архивъ. Изъ дѣлъ Канц. Ген.-Губ. Выс. пост., стр. 23.

1052. Статсъ-Архивъ. Изъ дѣлъ Канц. Ген.-Губ. Высоч. Пост. 1850 г., стр. 23; Арх. Финл. Ст.-Секр. Всепод. доклады.

1053. Арх. Фин. Ст.-Сек. Всепод. докл. 1851 г., № 435.

1054. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1854 г., № 70, стр. 7.

1055. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1854 г. № 70, стр. 3.

1056. Изъ бумагъ кн. Меншикова. Арх. Мор. Мин.

1057. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1850 г., № 148, стр. 1.

1058. E. G. Palmén, стр. 50.

1059. Статсъ-Арх. Изъ подлин. д. Канц. Ген. Губ. 1850 г., кн. 10, № 81.

1060. Истор. Вѣст. 1908 г., июль., 70.

1061. Всепод. доклады 23 февр. 7 марта 1850 г., № 2785.

1062. Другіе предполагаютъ, что духовнымъ отцомъ закона былъ Выборгскій губернаторъ баронъ фон-Котень.—Проф. Э. Н. Берсндтсъ. Лекц. Админ. права, II, 217.

1063. Historiallinen Aikakauskirja 1911.—Danielson-Kalmari I. V. Snellman ja L. G. von Haartman, 113.

1064. Tidskrift, 1903, I, s.s. 302—303. M. G. Schybergson.

1065. Николай Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 20, стр. 325.

1066. Переписка Я. К. Грота; III, 527.

1067. E. G. Palmén. L'oeuvre demi-seculaire de la Société de littérature finnoise.

1068. Переписка Я. К. Грота; II, 759.

1069. Гельсингфорсъ, 15—27 сентября 1854 г. Б. Барановскій. Арх. Финл. Ст. Секр. Дѣло 1854 г., № 70, стр. 20.

1070. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1854 г. № 70, стр. 15.

1071. 30 сент.—12 окт. 1854 г. Арх. Финл. Ст.-Секр. Дѣло 1854 г., № 70.

XV. Итоги.

1072. Мор. арх. Дѣла Канц. Генер. Адмир. д. 1853 г. № 24.

1073. Изъ архивныхъ матеріаловъ, представленныхъ намъ ген.-м. Г. И. Тимченко-Рубаномъ.

1074. «Императоръ Николай I въ Гельсингфорсѣ. Пятидесятилѣтняя памятка», напечатанная въ № 11 гельсингфорскаго еженедѣльнаго журнала «Lördagen», отъ 12 марта 1904 г.

1075. C. G. Estlander, Finsk Tidskrift, 1912, h. VI, s. 431—432.

1076. «Вечернее Время» 12—25 сент. 1913 г. № 557.

1077. Vårt Land—стокгольмское изданіе 1906 г., №№ 279 и 280.

1078. Sveriges historia. Utgifven af Emil Hildebrand, IX, 85.

1079. Revue des deux Mondes, fevr. 1870 г.

1080. Sveriges historia. Utgifven af Emil Hildebrand, IX, 90.

1081. G. Heinrichius. Im. Ilmoni. s. 258—264.

1082. Тамъ-же; s. 267—268.

1083. Тамъ-же, s. 268.

1084. G. Heinrichius. Im. Ilmoni. S. L. S. : s i Finland Förhandl. och Upps. 20, 1906.—H—fors 1907, s.s. 262—276 och 278—301, samt «Israel Hwasser» åsikter om Nikolaj I och den orientaliska frågan; Finsk Tidskrift 1906, I, s. 31—51.

1085. Изъ письма К. И. Фишера отъ 4 окт. 1853 г.

..... Я ильче узнать: «Финляндія всегда считала васъ смотрящимъ на званіе генераль-губернатора и на этотъ край, какъ на мелочь, неудовлетворительную для самолюбія вашего». (Изъ писемъ К. И. Фишера отъ 20 іюня 1855 г.).

1086. Изъ письма К. И. Фишера отъ 6 окт. 1853 г.

1087. Тамъ-же; 10 ноября 1853 г.

1088. Тамъ-же; 28 янв. 1854 г.

1089. Тамъ-же; 2 ноябрю 1853 г.

1090. Тамъ-же; 6 окт. 1853.

1091. Севастопольскія письма Н. И. Пирогова, СПб. 1899 г.

1092. Щукинскій Сборникъ, IV, 252.

1093. Изъ письма К. И. Фишера отъ 3 янв. 1854 г. кн. Меншикову.

1094. 31 іюля 1855 г. кн. Меншиковъ Фишеру.

1095. Вѣстн. Всемирн. исторіи 1901, сент. Воспоминанія М. Цебриковой.

1096. Истор. Вѣстн. 1908, апр., 77.

1097. «Рус. Стар.» 1903 г., октябрь. Императоръ Николай I, стр. 90.

1098. Въ эпоху Севастопольской войны. С. С. Татищева, 1887 г.

1099. Собр. соч. Вл. С. Соловьева, изд. 2-е, VII, 377—380.

1100. G. Rein. Univers. sorgfest den 27—28 april 1855, s. 45—46.

1101. Журн. Мин. Народн. Просв. 1852 г., сент., 508 стр.

1102. Изъ Финляндскихъ газетъ. Арх. Финл. Ст.-Секр. 1852 г., № 58, стр. 112.

1103. «Я никогда не перестану считать въ числѣ первыхъ моихъ обязанностей,—писалъ Государь въ 1839 г. папѣ Григорію XVI,—защищать благосостояніе моихъ католическихъ подданныхъ, уважать ихъ убѣжденія, обеспечивать ихъ покой». «Былое», 1906, сент. стр. 24.

Отпуская графа Гурьева въ Кіевъ на генераль-губернаторство, Николай Павловичъ сказалъ слѣдующія достопамятныя слова: «Ты знаешь, что я, послѣ польскаго возмущенія, до поляковъ не большой охотникъ; но если, по предубѣжденіямъ и по страсти, я увлеченъ буду на принятіе какихъ нибудь мѣръ несправедливыхъ противъ нихъ, то обязанность твоя немедленно предостерегать меня». (Кн. А. Вяземскій. Т. VII, 358).

Аттестовались офицеры послѣ 14 декабря 1825 г. Штапельберга не одобрили ни военное начальство, ни полиція. Но Николай I, по своему расположенію къ инородцамъ, приписалъ сбоку: «Я лично знаю этого офицера. Онъ эстонецъ, этимъ все сказано».

Еще примѣръ, заимствованный нами изъ письма фельдмаршала гр. Дибичъ-Забалканскаго ген.-адъютанту графу Карлу Толь отъ 6-го августа 1830 г. ...» Самое главное, позволяетъ-ли Вамъ здоровье оказать Государю и Отечеству эти новыя важ-

ныя услуги, для которыхъ порукой готовности Вашей Его Величеству служить блестяще выдержанныя испытанія прошлаго, «образъ мыслей истаго дворянина и испытанная преданность» («настоящаго эстляндца») — изволили приказать добавить Его Величество, прочитавъ эти строки), столь цѣлимые нашимъ обожаемымъ Государемъ.

1104. Program till sorgefesten den 27 april 1876, s. 48.

1105. Проф. Э. Н. Берендтсъ.

1106. Докладъ гр. А. Армфельта 6—18 ноября 1858 г.—Арх. Финл. Ст.-Секр.

1107. С. G. Estlander. Finsk Tidskrift 1912, h. VI, 428.

1108. Finsk Tidskrift 1912, h. VI, s. 430.

1109. Тамъ-же; стр. 430.

1110. Тамъ-же; стр. 432.

1111. Тамъ-же; стр. 433.

1112. См. Vaino Vallin; стр. 5, 31—35, 48, 52 и 64.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМЪ.

Портреты и рисунки, находящіеся на стр. 1, 2, 11, 24, 30, 31, 43, 82, 135, 136, 137, 188, 336, 353 и 630 заимствованы изъ книги В. К. Шенка «Исторія Государевой свиты».

Изъ коллекціи проф. К. Я. Грота получены портреты, помѣщенные на стр. 4, 124, 201, 371, 388, 476.

Изъ коллекціи Т. В. Степановой — на стр.—177.

Изъ коллекціи А. И. Лебедева — на стр. 161.

Изъ коллекціи П. И. Иванова мы получили портретъ на стр. 485.

Изъ коллекціи гр. В. А. Армфельта — портретъ — 513 и 579.

Изъ книги В. Назаревского — 51, 224.

Изъ книги Финляндскій Кадетскій Корпусъ, Гриненберга на стр. 99, 117 и 103.

Рѣдкіе и хорошіе виды Гельсингфорса взяты изъ особаго изданія Vuer af Helsingfors. År 1838.

Подобное же изданіе Vuer af Ulrikasborgs Brunnns och Badhus park vid Helsingfors 1841 года дало возможность возстановить виды прежняго Брунспарка на стр. 497 и 501.

Много портретовъ финл. дѣятелей находится въ «Финляндіи XIX ст.», въ книгахъ Генриціуса, Е. Нервандера.

Рѣдкими являются виды Финляндіи 1839 г. французскаго художника Lanvergne.

Портреты К. Фишера и Стевена стр. 516 и 517 — получены изъ Финл. Статсъ-Секретаріата.

Рисунки на стр. 193 и 235 — изъ Арх. Мор. Министерства.

Съ набросковъ художника Мунстергельма заимствованы рисунки на стр. 248, 255, 274.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

- Авеланъ, Христіанъ, 214, 215.
 Авцеліусъ, проф., 127, 128, 129, 130, 510, 526.
 Адамсонъ, 347.
 Адлербергъ, Владиміръ, 154, 155, 297, 479, 518.
 Акіандеръ, 575.
 Александра Ѳеодоровна, Императрица, 5, 194, 560.
 Александръ I, Императоръ, 2, 4, 5, 6, 15, 21, 55, 57, 58, 59, 61, 66, 83, 89, 116, 120, 123, 124, 135, 153, 159, 160, 163, 165, 268, 273, 277, 282, 308, 320, 328, 329, 332, 338, 345, 372, 403, 404, 427, 448, 462, 531, 544, 547, 563, 570.
 Александръ Николаевичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, 29, 475, 477, 512.
 Александръ II, Императоръ, 31, 33, 50, 124, 125, 160, 202, 661.
 Александръ III, Императоръ, 541.
 Алопеусъ, 428.
 Алыквистъ, проф., 515.
 Альротъ, Густавъ, 289.
 Аминовъ, І. Ф., гр., 20, 67, 118, 128, 131, 154, 332, 471, 475.
 Арвидсонъ, А. І., 184, 333, 379, 393, 402, 403, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 416, 417, 453, 536, 549, 552.
 Аргеландеръ, 127.
 Армфельтъ, Ал., гр., 176, 190, 202, 210, 219, 264, 332, 336, 420, 460, 461, 462, 463, 464, 473, 474, 508, 510, 512, 514, 515, 517, 518, 519, 534, 553, 554, 574, 575, 577, 580, 581, 582, 586, 603, 608, 609, 617, 618, 628, 637, 642, 643, 669.
 Армфельтъ, Г. М., гр., 3, 4, 62, 160, 162, 175, 176, 196, 197.
 Армфельтъ, Магнусъ, 253, 266, 390.
 Армфельтъ, Магнусъ, гр., 493.
 Арнель, Ларсъ, 389 и 587.
 Арпе, Н. Л., 257.
 Асплундъ, 538.
 Аттербомъ, проф., 322, 457.
 Афанасьевъ, Авдей, 142.
 Ахо, І., 426.
 Ахреніусъ, Авраамъ, 428.
 Барагэ д'Иллье, 631, 632, 634.
 Барановскій, С. И., проф., 584, 585, 617, 656.
 Барклай-де-Толли, 54, 58.
 Баркъ, Нильсъ, гр., 635.
 Бахерахтъ, 525.
 Бахманъ, 526.
 Бахтинъ, Ник. Ив., 170, 516.
 Беккеръ фонъ, Р., 393.
 Бенкендорфъ, А. Х., гр., 86, 134, 136, 150, 525, 561, 600.
 Бенпингъ, Г. Ф., 121.
 Бергенгеймъ, Эдвардъ, 443, 447, 448.
 Бергъ, Фридрихъ, 436.
 Бергъ, Ѳ. Ѳ. гр., 106, 171, 473, 648, 667.
 Бергъ, Юл. Им., 440.
 Берендтсъ, Э. Н., проф., 226, 227.
 Бернадотъ, 163.
 Берндтсонъ, Фр., 383, 391.
 Биргеръ-Ярлъ, 398.
 Бландовъ, 290.
 Бломквистъ, Александръ, 408, 461, 607.
 Блудовъ, Д. Н., гр., 44, 339, 341, 342, 343, 344, 345, 516.
 Bowring, 361.
 Богдановъ, проф., 320.
 Бодиско, Як. Андр., 630, 632.
 Бонсдорфъ, 339.
 Боратынскій, Е. А., 55, 159, 553, 571, 572.
 Боргстрёмъ, Генрихъ, вице-консулъ, 259, 392, 496, 497, 499.
 Борнъ фонъ, С. Ф., 14, 67.
 Бракель, Карлъ Федоровичъ, 20.
 Бруни, 42.

- Булгаринъ, Ѳ., 39, 40, 453, 482, 483, 499, 501, 571.
- Бутковъ, Петръ Григор., 172, 173, 290, 517, 518.
- Бьеркстенъ, 191, 601.
- Валленъ, К. I., 14, 64, 115, 184, 185, 196, 272, 273, 287, 337, 339, 341, 343, 344, 345, 512, 513, 516, 563, 583, 595.
- Валлинъ, Вайно, 668, 669, 670.
- Вальронтъ, 491.
- Васениусъ, В., 446, 462, 593.
- Вассеръ, Израэль, 127, 128, 129, 333, 401, 402, 405, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 417, 418, 420, 421, 422, 423, 424, 426, 472, 476, 479, 510, 641.
- Веберъ, 287, 288.
- Вегелиусъ, Іоаннъ, 428.
- Вендтъ, 94.
- Вервингъ, 253.
- Вестлингъ, 253.
- Веттергофъ, 536.
- Виклундъ, К. Б., 361.
- Виктеевъ, 448.
- Викторія, королева, 660.
- Виллебрантъ, 169, 559.
- Вингордъ—авъ, 160, 161, 162.
- Винтеръ, П., 594.
- Виргинъ, 633, 634, 635.
- Витте, Е. В., 66, 172, 187, 611.
- Владыкинъ, Алексѣй, 565.
- Вреде, Густавъ, баронъ, 561.
- Вульфертъ, Ив., 131, 132, 524, 525, 527.
- Вульфертъ, А. Е., 170, 185, 192, 193, 551, 552.
- Вяземскій, П. А., кн., 41, 183, 305, 480, 482, 487.
- Гагарина, княгиня, 163, 498.
- Гагаринъ, Андрей Павловичъ, кн., 515.
- Галяминъ, Валеріанъ, 311.
- Гарволи, Лаврен. Ив., 176.
- Гартманъ, Анна Шарлотта, 187, 188.
- Гартманъ фонъ, Ларсъ Габріэль, т. с., 78, 81, 111, 138, 170, 186, 187, 189, 191, 192, 193, 194, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 222, 225, 226, 228, 229, 230, 231, 234, 244, 254, 263, 264, 267, 277, 285, 290, 330, 333, 343, 346, 349, 350, 406, 407, 453, 473, 489, 491, 507, 510, 514, 529, 532, 556, 559, 561, 570, 571, 573, 577, 582, 583, 585, 601, 613, 614, 642, 643, 644, 653.
- Гартманъ, жена т. сов., 493.
- Гартманъ, книгопродавецъ, 121.
- Гаффнеръ, В. В., 305—306.
- Гейденштраухъ, 485.
- Гейеръ, Эрикъ-Густавъ, 179, 402.
- Гельманъ, 108.
- Гельстремъ, 122.
- Генерици, А. А., 138.
- Генрициусъ, 461.
- Герингъ, Іос., 495.
- Гисингеръ, 67.
- Глазуновъ, 176.
- Годолинъ, 428.
- Голенищевъ-Кутузовъ, Логинъ Ивановичъ, 266, 326.
- Голицынъ, Александръ Павловичъ, князь, 544.
- Голицынъ, Евгений, кн., 642.
- Голицына, Наталья Петровна, княгиня, 287.
- Голицынъ, Эм., 254.
- Головинъ, А. В., 614.
- Готлундъ, К. А., 370, 371, 604, 605.
- Грабовскій, гр., 13.
- Гречъ, Н. М., 5, 19, 40, 305.
- Гриммъ, Я., 361.
- Грипенбергъ, Г. А., 102, 103, 104.
- Грипенбергъ, Одертъ, 3, 4, 69, 448, 449.
- Грипенбергъ, Себастьянъ, 153, 154, 155, 289, 591.
- Гростенъ, 141.
- Гротъ, Яковъ Карл., 4, 39, 94, 100, 124, 125, 126, 127, 143, 168, 173, 184, 201, 344, 362, 363, 370, 371, 381, 383, 395, 431, 442, 455, 456, 457, 459, 464, 466, 468, 470, 476, 487, 488, 490, 491, 499, 512, 513, 517, 518, 521, 522, 534, 540, 552, 553, 554, 558, 572, 573, 575, 576, 577, 578, 580, 581, 582, 584, 585, 589, 592, 615, 616.
- Густавъ, Адольфъ, 321, 355, 415.
- Густавъ Ваза, 355.
- Густавъ I, 398.
- Густавъ III, 227, 266, 355.
- Гюльденстолпе, 67, 184, 273.
- Давыдовъ, Денисъ Вас., 56, 553, 572, 647.
- Данилевскій, Г. П., 501.
- Даніельсонъ-Кальмари, проф., 213, 214, 613.
- Дашковъ, Яковъ Андр., т. с., 633, 636.
- Дёбельнъ, 394, 399.
- Демидова Аврора, (впослѣдствіи Карамзина), 498, 577.
- Дершау, Ѳ., 552, 559, 571.
- Дибичъ, И. И. гр., 58, 86, 87, 149.
- Дивовъ, П. Д., т. с., 21, 309, 311.

- Дитмаръ, Э. Ф., 100, 104.
 Дондасъ, Ричардъ, 658.
 Дондукъ-Корсаковъ, Мих., кн., 176.
 Доннеръ, 630, 666.
 Друцкой-Соколинскій, Д. В., 17, 158.
 Дункеръ, Іоакимъ, 394.
 Дьякинъ, 289.
 Европеусъ, Д. Е., 371.
 Егершельдъ, 69.
 Екатерина II., I, 266, 301, 336, 339 427.
 Енохинъ, 479.
 Еланчинъ, И. П., 263.
 Ермоловъ, Алексѣй Петр., 56, 150.
 Жуковскій, В. А., 5, 10, 40, 41, 43, 454, 554, 572.
 Закревскій, А. А., 13, 14, 15, 17, 18, 19, 29, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 81, 82, 85, 86, 98, 109, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 118, 120, 127, 128, 129, 131, 132, 134, 136, 137, 139, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 163, 164, 166, 168, 170, 172, 173, 174, 177, 178, 185, 187, 203, 214, 222, 241, 246, 249, 260, 268, 275, 277, 285, 290, 335, 346, 429, 433, 481, 483, 484, 497, 504, 505, 506, 507, 508, 519, 524, 526, 527, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 549, 557, 561, 563, 566, 572, 578, 579, 595, 596, 600, 609.
 Закревская, Лидія Арсеньевна, 55.
 Залуцкій, гр. (онъ-же Вольмаръ), 525, 526.
 Ивановъ, Е. В., казакъ, 169, 170, 199, 199, 208, 209, 256, 290, 299, 333, 334, 347, 430, 490, 493, 522, 556, 559, 560, 562, 569, 570, 571.
 Ильмони, Эмануель, проф., 407, 413, 419, 420, 422, 441, 472, 474, 476, 479, 637, 641.
 Ингманъ, Андерсъ-Вильгельмъ, 435.
 Іегергорнъ, 191, 601.
 Іоаннъ III, король, 398.
 Інге, бар., 314.
 Калоніусъ, 458.
 Каменскій, Ник. Мих., гр., 53, 54, 61, 162.
 Канконенъ, 666.
 Канкринъ, Егоръ Франц., 23, 25, 29, 38, 44, 133, 150, 209, 211, 212, 213, 214, 215, 217, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 256, 549.
 Канроберъ, 635, 667.
 Карлъ Іоаннъ, король, 401, 426.
 Карлъ IX, 248, 311.
 Карлъ XI, 260, 270.
 Карлъ XII, 227, 355, 371.
 Карлъ XIV, Бернадотъ, 169, 228, 297, 304, 305, 537.
 Кастрень, М. А., 359, 369, 370, 384, 385, 386, 387, 389, 455, 477, 521, 522, 555, 604, 608.
 Кастрень, Робертъ, 15, 509.
 Квантенъ, фонъ-Эмиль, 448, 536, 537, 538.
 Кекелсейненъ, Олли, 402, 405, 407, 411, 412, 413.
 Кіелевяненъ, Василій, 358.
 Клейнмихель, 579.
 Клерфельтъ, Мориць, 162.
 Кликъ, 153.
 Клинковстремъ, В., баронъ, 14, 67, 105, 116, 151, 162, 168, 169, 170, 179, 180, 181, 182, 183, 189, 190, 191, 194, 196, 209, 212, 231, 254, 304, 333, 485, 518, 563, 573, 598, 599, 601, 606, 607, 608, 642, 650.
 Клокачевъ, Алексѣй Ѳедотовичъ, 308.
 Колланъ, 399.
 Комовскій, 517, 518.
 Константинъ Павловичъ Вел. Кн., 5, 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15, 16, 17, 26, 29, 45, 84, 86, 87, 95, 96, 266, 267, 328.
 Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн., 162.
 Корфъ, М. А., бар., 25, 43, 146, 157.
 Котень фонъ, Казиміръ, бар., 94, 170, 187, 188, 189, 191, 194, 335, 389, 461, 472, 478, 517, 518, 537, 577, 582, 593, 615, 643, 644, 646, 653, 669.
 Кочубей, В. П., гр., 21, 44, 66, 150, 308, 327.
 Кронстедтъ, 72, 519, 601.
 Кронъ., 361.
 Кругъ, 273.
 Крюденеръ, 314, 315, 316, 317, 318, 320.
 Кузнецовъ, Д. И., 262, 263.
 Кульбергъ, А., 319, 320.
 Кульманъ, 564.
 Куохариненъ, Пекка, 402, 403, 404, 405, 407, 408, 409, 410, 411, 412.
 Кушелевъ-Безбородко, А., гр., 335, 336, 541.
 Кюстинъ, де, маркизь, 327, 329, 649.
 Лагерборгъ, 87.
 Лагусъ В. Г., 125, 133, 340, 441, 459, 522, 594.
 Лагусъ, Іонасъ, 436, 593.
 Ладъ, Астафій, 170, 185, 187, 277, 600.
 Лаллерстедтъ, Густавъ, гос. секрет., 636.

- Лангель, 133.
 Лангеншельдъ, 67, 316, 317.
 Лаурель, А. А., 444.
 Лейно, Э., 426.
 Ленротъ, Эліасъ, 358, 359, 360, 361.
 362, 363, 364, 365, 366, 368, 369, 371, 372, 392, 437, 443, 455, 576, 592, 606.
 Leouzon Le Duc., 361.
 Ливенъ, К., свѣтл. князь, 124, 525.
 Лилле, Б. О., проф., 441, 444.
 Лильехекъ till Юлебергъ, 635.
 Линдбергъ, 259.
 Линдфорсъ, Мартинъ Іоганъ, 367.
 Лисенъ, Іоаннъ Габріель, проф., 122, 133, 419, 454, 492, 594.
 Липпертъ, 121.
 Лисицинъ, 565.
 Литовіусъ, 428.
 Лойдъ, 161, 162.
 Любекеръ, 78.
 Люра (Луга), 87.
 Максимовичъ, проф., 48, 455.
 Максимоленъ, 581.
 Малинъ, Андрей, 358.
 Малоземовъ, Александръ Оедоров., 484.
 Мальбергъ, Нильсъ Густавъ, 436.
 Маналайнень, 387.
 Мандерштернъ, 78, 106, 491.
 Маннергеймъ, К. Эр., гр., 13, 14, 129, 145, 184, 246, 277, 285, 291, 506, 605, 609.
 Маннергеймъ, Карлъ Густавъ, графъ, 351, 352, 353, 461, 472, 492, 510.
 Манниненъ, Андрей, 609, 610.
 Марія Александровна, принцесса Гесенъ-Дармштадтская, 463.
 Марія Оеодоровна, Императрица, 2, 56.
 Марія Николаевна, Вел. Кн., 121.
 Маркъ, 566.
 Martier, 561.
 Матеусъ, Р., 162.
 Матусевичъ, гр., 229, 313, 453.
 Мейендорфъ фонъ, бар., 193.
 Меландеръ, Іоаннъ, 20, 59.
 Мелартинъ, Эрикъ Габріэль, 153, 440, 443, 558.
 Меллингъ, Л. Г., т. с. бар., 80, 350.
 Меницкій, Степанъ Васильевичъ, 308, 309, 311.
 Меншикова, Екатерина Никол., урожден. княгиня Голицына, 160.
 Меншиковъ, Александръ Сергѣевичъ, князь, 23, 26, 29, 33, 43, 44, 45, 66, 78, 80, 81, 98, 99, 100, 101, 105, 111, 129, 134, 136, 142, 143, 144, 145, 146, 152, 157, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 200, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 212, 213, 214, 215, 216, 218, 219, 220, 222, 227, 228, 229, 231, 234, 241, 243, 246, 251, 252, 253, 254, 257, 258, 263, 264, 290, 291, 293, 297, 301, 303, 317, 330, 331, 332, 335, 337, 339, 342, 343, 344, 345, 347, 350, 368, 389, 390, 406, 430, 431, 445, 451, 453, 460, 461, 472, 475, 504, 507, 508, 509, 510, 515, 516, 517, 519, 520, 522, 527, 529, 530, 532, 533, 549, 556, 561, 564, 566, 567, 569, 570, 580, 598, 599, 600, 601, 603, 606, 607, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 618, 621, 641, 642, 643, 644, 646, 647, 650, 660, 661, 668.
 Мерманъ, 576.
 Мерхелевичъ, 623.
 Мессениусъ, 363.
 Мехелинъ, Адольфъ Ивановичъ, 39.
 Мехелинъ, Густавъ Іоганнъ, 100, 101.
 Минквицъ, Юлій, 253.
 Михайлъ Павловичъ, Вел. Кн., 2, 8, 29, 56, 95, 96, 564.
 Моландеръ, 428.
 Моландеръ, Германъ, студентъ, 583.
 Моллеръ, Е. И., 629.
 Мункъ, И. Р., 100.
 Мусинъ-Пушкина, графиня, 498.
 Мухановъ, А. А., 60, 572.
 Мухановъ, Пет. Алск., 18.
 Мюрень, 115.
 Нагель, 494.
 Наполсонъ, 54, 89, 256, 520, 537, 621, 635, 660.
 Нарышкина, Марія Антоновна, 165.
 Нейгликъ, 140, 141.
 Непиръ, 621, 630, 634.
 Нервандеръ, Э., проф., 41, 353, 373, 390, 467, 540, 590, 593, 607, 608.
 Нессельроде, гр., 55, 150, 228, 308, 309, 313, 314, 317, 318, 406, 527, 636, 642, 650.
 Нессельроде, Лидія (Закревская), графиня, 158.
 Неффъ, 483.
 Никаноръ, 484.
 Николай Павловичъ, Императоръ, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 49, 56, 68, 73, 80, 81, 84, 91, 92, 93, 94, 96, 97, 116, 121, 133, 146, 148, 149, 160, 164, 175, 177, 178, 179,

- 185, 194, 206, 216, 222, 225, 241, 247, 248, 249, 267, 268, 273, 278, 297, 299, 304, 305, 320, 326, 327, 328, 329, 331, 332, 333, 336, 339, 342, 345, 349, 351, 356, 357, 366, 415, 421, 422, 423, 444, 449, 460, 461, 463, 491, 498, 514, 524, 530, 537, 555, 556, 558, 581, 621, 622, 623, 624, 626, 627, 633, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 656, 658, 661, 664, 665, 666.
- Николай Михайловичъ, Вел. Кн., 41, 159.
- Нобель, 80.
- Норденстамъ, Юганъ, Мауритцъ, 143, 336, 465, 466, 467, 468, 469, 471, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 523, 531.
- Нордешпельдъ, Нильсъ, 80, 246, 247, 576.
- Нординъ, 636.
- Нордманъ, 263.
- Нордстремъ, I. I., проф., 340, 341, 458, 459, 460, 461, 521, 590.
- Нумелинъ, 347.
- Огаревъ, Н. А., 29, 47, 623.
- Оксеншерна, Аксель, 321.
- Ольга Николаевна, Вел. Кн., 577.
- Ольсони, 538.
- Оперманъ, графиня, 498.
- Опперманъ, генер., 623.
- Опочининъ, Ф. П., 267.
- Ординъ, К. Ф., 177.
- Орловъ, гр., 29, 56, 297, 528.
- Оскаръ I, король, 304, 305, 371, 538, 633, 634, 635, 636.
- Пальменъ, I. Ф., сен., 292, 346.
- Пальменъ, Е. Г., проф., 612.
- Пальмшерна, Нильсъ Фридрихъ, баронъ, 305, 313.
- Парсеваль-Дешень, 621.
- Парфеновъ, Александръ Яковл., 176, 177.
- Паскевичъ, Е. О., гр., 27, 45, 87, 600, 632.
- Паткуль, Марія, 482, 487, 490.
- Паціусъ, 454, 476, 495.
- Пено, 658.
- Перкуненъ, Архинъ, 358, 359.
- Перовскій, Левъ, гр., 28, 94, 174, 644, 666.
- Петръ Великій, 25, 227, 275, 339, 650.
- Пейтъ, 286.
- Пинелло, 493.
- Пиперъ, 162.
- Пиппингъ, 191, 335, 601.
- Пироговъ, Н. И., 36, 644, 646.
- Плетневъ, П. А., 39, 41, 183, 201, 363, 383, 454, 455, 456, 466, 469, 470, 476, 511, 541, 552, 553, 554, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 580, 584, 615, 616.
- Плюмриджъ, 666.
- Полевичъ, Пав. Гаврил., 176.
- Поповъ, Николай, 484.
- Поппиусъ, Авраамъ, 356.
- Портанъ, X. Г., 372, 393, 394, 396, 398, 399, 521, 522.
- Поссе, 288.
- Путята, Н. В., 60, 176, 177, 462, 517, 518, 554, 572.
- Пушкинъ, Александръ Серг., 40, 41, 51, 518, 551, 584, 651.
- Рамзай, А., полк., 73, 78, 81, 84, 87, 88, 182.
- Рамзай, Авг. губернк., сенатор., 141, 250, 285, 510, 531, 553, 564.
- Рамзай, Андерсъ, авторъ воспомина- ній—191, 227, 259, 491, 498, 499, 502, 593.
- Ранкенъ, Э. 410, 444, 472.
- Раскъ, 369, 371.
- Ребиндеръ, Карлъ, бар. 544.
- Ребиндеръ, Р. Г., баронъ, 12, 13, 15, 16, 17, 58, 62, 63, 64, 66, 76, 77, 79, 85, 104, 105, 109, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 126, 127, 128, 129, 131, 132, 137, 139, 142, 143, 144, 145, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 167, 168, 170, 173, 175, 182, 184, 185, 194, 198, 199, 208, 215, 221, 225, 249, 268, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 278, 282, 284, 287, 290, 292, 293, 313, 333, 336, 339, 354, 369, 372, 373, 406, 430, 443, 453, 454, 462, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 518, 522, 526, 527, 528, 563, 638.
- Ребиндеръ, графиня, 511, 522.
- Регекампфъ, 528.
- Рейнъ, 368, 471, 476, 479, 656.
- Ренквистъ, Генрихъ, 433, 434, 437.
- Репо, Андерсъ, 289.
- v. Rehman. J., 121.
- Риннелинъ, Е., 525.
- Рихтеръ, К. Ф., 140, 186, 273.
- Розенкампфъ, Густавъ, 253.
- Розенкампфъ, Карлъ, бар., 249, 250, 253.
- Рокасовскій, Платонъ Ивановичъ, 468, 523, 524, 530, 531, 532, 600, 603, 610, 613, 617, 618, 628, 629, 640, 643, 644.
- Романовъ, Вл. Павл., 630.
- Россъ, А. В., 324, 397, 399.
- Ростовцовъ, Я. И. гр., 95, 96, 98, 479.
- Ротчиркъ, 14.
- Румянцевъ, Н. гр., 120, 176, 246, 338, 369.
- Рунебергъ, I. Л., 41, 133, 235, 237, 239, 256, 373, 392, 399, 437, 454, 455, 468,

476,
 590, 5.
 Руотс.
 433, 434, 4.
 Саелинъ, А.
 Сакленъ, 191.
 Саламатинъ, 579.
 Сальбергъ, 121.
 Седеркрейцъ, 493.
 Семеновъ, 629.
 Семизоровъ, Алексѣй Федор.
 Серафимъ, 2, 484.
 Сиверсъ, Эдуардъ Карловичъ, гр.,
 Сиверсъ, гр., губерн., 129.
 Сигизмундъ, 398.
 Сигнеусъ, Фр., проф., 41, 104, 363,
 373, 375, 390, 392, 393, 394, 395, 396, 460,
 469, 470, 471, 476, 521, 590, 627, 664.
 Симелиусъ, 552.
 Синебрюховъ, 259.
 Сирень, 620.
 Сколковъ, 304.
 Снельманъ, I. В., 133, 213, 252, 366,
 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380,
 381, 382, 383, 384, 387, 388, 389, 390, 392,
 399, 431, 454, 471, 510, 518, 521, 591, 592,
 613.
 Солданъ, Августъ-Фридрихъ, 534, 535,
 536.
 Соловьевъ, проф., 121, 122, 454, 574,
 582.
 Сологубъ, Влад. Алекс., графъ, 345,
 455, 511.
 Сперанскій, М. М. гр., 25, 29, 197,
 253, 266, 327, 339.
 Спрентпортенъ, Г. М., 394, 543.
 Стевень, 430, 517, 605, 606.
 Стенбекъ, Л. И., 41, 435, 439, 440, 441,
 442, 521.
 Степановъ, В. П., 176, 177, 260.
 Стихеусъ, Иоганъ Фридрихъ, 67, 68.
 Стрембергъ, А. Ф., 288.
 Строгановъ, гр. 94, 159.
 Строговъ, Э. И., 165.
 Строльманъ, Иоганъ, 289.
 Сундманъ, 259.
 Суомалайнентъ, Пааво, 408, 409.
 Сухтеленъ, гр., 142, 297, 308, 526, 600.
 Сю, Евгений, 612, 619.
 Сюннербергъ, 546.
 Тавастшерна, 69.
 Тамеландеръ, 299, 300.
 Тандефельтъ, бар., 337.
 Татищевъ, С. С., 13, 45, 650.

360,
 446, 46.
 666,
 Торкель.
 Траверсе, Ал.
 Траппъ, 335.
 Трифонъ, Св., 307.
 Троилъ, бар., 493.
 Трубецкая, княгиня, 4.
 Трузсонъ, 622.
 Турчаниновъ, Павелъ, 111, 55.
 Уваровъ, С. С. кн., 29, 35, 5.
 Ульстадиусъ, Лаврентій, 428.
 Ульхеліусъ, 428.
 Урсинъ, 453, 454, 554, 583.
 Урусова, княгиня, 498.
 Фалькманъ, 594.
 Фалькъ, Андерсъ-Генрихъ, сен., д. с. с.,
 14, 80, 82, 109, 115, 139, 142, 145, 146, 151,
 153, 155, 158, 170, 185, 186, 200, 221, 273,
 277, 285, 481, 505, 506, 507.
 Фаттенборгъ, проф., 118.
 Федерлей, Г., 204.
 Федоровъ, Кириллъ, 566.
 Финкенбергъ, 273.
 Фишеръ, К. И., 44, 162, 166, 170, 171,
 184, 188, 194, 197, 201, 202, 214, 215, 219,
 264, 277, 288, 290, 291, 294, 343, 345, 475,
 510, 511, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 522,
 611, 614, 641, 642, 643, 644, 646, 647, 648, 653.
 Флеммингъ, Класъ, баронъ, 398.
 Фокъ, Екатерина, жена ген.-лейт., 284.
 Фокъ, Янко, ген.-лейт., 293.
 Форсманъ, 336.
 Франценъ, Францъ Михаилъ, 371, 453,
 454, 455.
 Фредериксъ, Андрей, бар., 293, 336, 541.
 Фредериксъ, Иванъ, 336.

ь, ...ль Яковъ, 427, 428.
 ь-Шейнгель, А. К., 74, 82, 85,
 87.
 Ангель, гр., декабристъ, 155, 167.
 ейнгель, В. И., графъ, 19, 20, 62, 69,
 87, 246, 335, 543.
 Шторхъ, 3, 94.
 Шультенъ, 462, 601.
 Шульцъ, 494.
 Шумахеръ, Ал. Дан., 452.
 Шюбергсонъ, М., 213, 329.
 Шюбергсонъ, Эмиль, 202, 213.
 Эдельгеймъ, Анна, 14.
 Эдельгеймъ, I., 67.
 Эдельгеймъ, Фридр. Вильг., 14, 15.
 Экегольмъ, кол. совѣтн., 337.
 Экелундъ, проф., 339.
 Экелундъ, шведъ, 637, 641.
 Эльмгренъ, 391.
 Эманъ, Морицъ, 361, 587.
 Эманъ-Тикканенъ, 593.
 Энгельбергъ, Р., 77.
 Энгель, К. Л., архит., 63, 114, 116, 120,
 196, 480, 482, 483, 485, 492.
 Эрвасти, 321.
 Эренстоле, 151.
 Эренстремъ, Е., 104, 105, 480.
 Эргенстремъ, I. А., 154, 593.
 Эриксонъ, Нильсъ, 253, 254.
 Эрикъ Святой, 398.
 Эрикъ XIV, король, 398.
 Эрнротъ, 69, 72, 104.
 Эрнъ, Густавъ, 119.
 Эрстремъ, 576.
 Эссенъ фонъ, Карлъ, Густавъ, 435, 438,
 440.
 Эстландеръ, В., 292.
 Эстландеръ, К. Г., проф., 397, 626, 664,
 665, 666.
 Эттеръ фонъ, П., 141, 289, 491.
 Юсупова, княгиня, 498, 499.

наторъ, 60.
 манъ, 273.
 . фохтъ, 666.
 635.
 , королева, 108.
 ргъ, 576.
 анъ, Карлъ Никласъ, 604.
 пурновъ, 78, 85, 344.
 анцъ, 263, 264.
 пель де-ла, 191, 336, 340.
 юманъ, К., 594.
 ауманъ, Августъ, 123, 227, 355, 407,
 483, 491, 494, 498, 524, 534, 539, 540, 666.
 Шауманъ, Ф. Л., 444.
 Шварцъ, 58.
 Шегренъ, А. I., 130, 156, 369, 371, 408,
 461.
 Шелашниковъ, Ник. Петр., 176.
 Шеле, 264.
 Шеншинъ, Н. В., ротмистръ, 630.
 Шериваль-Валленъ, 460, 461, 499.
 Шериваль, Карлъ—Выборгскій губерна-
 торъ, 72, 184.
 Шериваль, Класъ, Альфредъ, 254.
 Шефферъ, Петръ, 428.
 Шилъ, Юсифъ, 586.
 Шильдеръ, Н. К., 89.
 Шиманъ, О., 299.
 Ширманъ, 531.
 Шифнеръ, А., 361.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
175	2 снизу	отдѣленнаго	отдѣленною
389	11 сверху	сняли	сѣяли